Годъ тридцать пятый.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1897

5.

Приложена книга „Архива Князя Воронцова“.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1897.

См. на 3-й стр. сей обертки.

РУССКІЙ АРХИВЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

1897.

2.

„РУССКІЙ АРХИВЪ“ выходитъ двѣнадцатью выпусками въ годъ. Каждые четыре выпуска составляютъ особую книгу, съ отдѣльнымъ счетомъ страницъ. Азбучный указатель личныхъ именъ въ концѣ третьей книги (общій для всего годоваго изданія).

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеневымъ.

Не найдешь въ себѣ—не ищи въ селѣ.

Старинная пословица.

1897.

КНИГА ВТОРАЯ.

МОСКВА.
Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1897.

ЗАПИСКИ ГРАФА М. Д. БУТУРЛИНА *).

1824—1827.

Въ утро моего выѣзда изъ родительскаго дома, мать моя повезла меня въ церковь «Аннунціаты» (Благовѣщенія), а тамъ передъ чудотворною иконою Пресвятыя Богородицы, обливаясь слезами, передала меня подъ святую Ея охрану. Эта сцена не изгладилась никогда изъ моей памяти: даже во дни разгульной моей жизни я неоднократно ощущалъ, что меня бережетъ Небесная моя Покровительница, и увѣренность эта особенно ободряла меня въ Кулевчинскомъ сраженіи, 12 Мая 1829 года.

Мои родители нашли удобнымъ воспользоваться отъѣздомъ изъ Флоренціи въ Галицію графа Льва Севериновича Потоцкаго, чтобы мнѣ и г. Слоану совершить путь вмѣстѣ съ нимъ и съ его семействомъ на томъ, быть можетъ, основаніи, что ни я, ни мой наставникъ вовсе не знали по-нѣмецки. Такъ какъ впослѣдствіи мы не будемъ болѣе встрѣчаться съ графомъ Львомъ Потоцкимъ, то скажу здѣсь, что онъ былъ позднѣе нашимъ представителемъ при Шведскомъ дворѣ, и что ему принадлежала Ливадія въ Крыму, купленная нашимъ императорскимъ дворомъ.

Графиня Елисавета Николаевна Потоцкая должна была провести предстоявшее лѣто съ двумя малолѣтними дочерьми на дачѣ въ окрестностяхъ Львова. Въ Венеціи, гдѣ мы пробыли пять или шесть дней, мы опять свидѣлись съ Флорентинскимъ нашимъ знакомымъ, графомъ Чиконіяра, который очень обрадовался увидѣть и принять насъ въ родномъ своемъ городѣ и показать намъ тамошнюю Академію Художествъ, основанію которой онъ содѣйствовалъ. Въ Венеціи же я въ первый разъ слышалъ грандіозную Россиніеву оперу «Семирамида», только что поставленную на сцену.

*) См. въ I-й книгѣ „Русскаго Архива“ сего года, выпуски 2, 3-й и 4-й.

Въ Вѣнѣ мы прожили съ недѣлю и обѣдали раза два у нашего посла, Дмитрія Павловича Татищева, («le bailli de Tatischeff», какъ обозначалось на его визитныхъ карточкахъ: а бальи потому, что онъ былъ командоромъ Мальтійскаго ордена). Онъ считался въ родствѣ съ моимъ отцемъ и былъ чрезвычайно любезенъ и внимателенъ къ намъ. Секретарями посольства были графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ (нынѣшній оберъ-гофмаршалъ), женившійся вскорѣ на вдовѣ князя Зубова, г. Родофиникинъ, молодой князь Чарторижскій ипохондрическаго темперамента и Полякъ Бжостовскій, веселый, общительный человѣкъ и отличный теноровый пѣвецъ. Черезъ годъ я узналъ, что онъ застрѣлился; но по какой причинѣ, не знаю. Состоялъ также при посольствѣ г. Обрѣзковъ казавшійся одно время (вѣроятнымъ) женихомъ графини Екатерины Ѳедоровны Тизенгаузенъ. Позднѣе, онъ былъ нашимъ резидентомъ въ Туринѣ, гдѣ его супруга (кто она была, не помню) ссорилась съ Туринскимъ дворомъ по дѣлу о кружевахъ (barbes), носить которыя она не имѣла права, по мѣстному этикету. Д. П. Татищевъ держалъ себя съ рѣдкимъ достоинствомъ въ сношеніяхъ съ дворомъ, при которомъ онъ былъ акредитованъ. Разсказывали напримѣръ, что, получивъ однажды официальнымъ путемъ табакерку для передачи князю Метерниху отъ имени императора Николая Павловича, онъ не счелъ нужнымъ поѣхать нарочно для этого къ Австрійскому первенствующему министру, но, пригласивъ его обѣдать, обратился къ нему во время стола, какъ будто невзначай, со словами: «кстати, князь, извольте получить табакерку, которую императоръ мой государь поручилъ мнѣ передать вамъ отъ его имени».

Чрезвычайно радушно встрѣтила меня Елисавета Михайловна Хитровò, знавшая меня десятилѣтнимъ мальчикомъ: она временно проживала въ Вѣнѣ съ дочерью графинею Екатериною Ѳедоровною Тизенгаузенъ у замужней своей дочери графини Даріи Ѳедоровны Фикельмонъ. Склонная къ экзальтаціи, Елисавета Михайловна махнула мнѣ, что она такъ пламенно любитъ всѣхъ Бутурлиныхъ, что желала бы, чтобы кто нибудь изъ нашего семейства заболѣлъ при ней, дабы доставить ей утѣшеніе ухаживать за нимъ. Не желалъ я конечно испытывать на себѣ доказательство столь нѣжной преданности ко всѣмъ носящимъ наше фамильное имя. Разъ на обѣдѣ у Татищева она высказывала при мнѣ свое удивленіе, что всѣ знакомые ей въ Вѣнѣ дипломаты придаютъ себѣ таинственную и замкнутую осанку, чуждую совершенно князю Метерниху, который въ бесѣдахъ съ нею всегда удовлетворительно отвѣчаетъ на всѣ ея вопросы по части политики. Наивная Елисавета Михайловна не подозрѣвала, что Австро-европейскій ми-

нистръ, свѣтскою своею любезностію и изворотливостью, обходилъ и обманывалъ женское любопытство. Оригинальное также мнѣніе она высказала однажды, въ бытность ея еще во Флоренціи, на вечерѣ, гдѣ пѣла дочь Французскаго посланника графа Диллона, у которой былъ очень низкій контральто. «Comme c'est touchant», сказала она, «d'entendre une si jeune fille chanter avec une voie de basse» [1]).

Въ обществѣ стали поговаривать тогда о Ротшильдахъ, начинавшихъ быть извѣстными въ финансовомъ мірѣ. Одинъ изъ надменныхъ представителей этой фирмы, по случаю переговоровъ съ нимъ о займѣ Австрійскимъ правительствомъ, выразился будто такъ: «la maison d'Autriche peut compter sur *celle* de Rotchild» [2]); но одному изъ его братьевъ Французскій посолъ при Римскомъ дворѣ, герцогъ де-Лавалль-Монморанси, сказалъ: «Знаете ли, какая разница между нами? Я происхожу отъ перваго Христіанскаго барона, а вы—первый Еврейскій баронъ».

Я забылъ сказать, что мнѣ и моему наставнику сопутствовалъ нашъ Дмитрій Ломовъ, не только не устрашавшійся мысли сдѣлаться снова крѣпостнымъ, но съ восторгомъ, какъ и я, возвращавшійся на родину.

Дорогою изъ Вѣны до Львова мы съ гр. Потоцкимъ заѣзжали дня на три къ графу Альфреду Потоцкому, въ вельможное его Галицкое помѣстье Ланцутъ, гдѣ онъ съ семействомъ жилъ въ средневѣковомъ феодальномъ замкѣ посреди парка и вѣковыхъ деревьевъ. Самъ хозяинъ былъ тогда въ отсутствіи, и насъ приняла съ Славянскимъ настоящимъ гостепріимствомъ хозяйка, рожденная княжна Сангушко. Мѣстное полу-русское доселѣ народонаселеніе, ватага дворовыхъ людей (тогда еще крѣпостныхъ), пыльное при закатѣ солнца возвращеніе крестьянскаго стада съ поля, все это такъ живо перенесло меня къ Русскому деревенскому быту, къ моему дѣтству въ Бѣлкинѣ, что я лишился сна, и наканунѣ отъѣзда, когда всѣ разошлись на ночь, я вышелъ въ садъ и во всю Майскую безсумрачную ночь (отъ которыхъ я отвыкъ въ Италіи) бродилъ по парку, а на разсвѣтѣ набросалъ карандашемъ два эскиза усадьбы и сада. Только ко времени утренняго общаго чая воротился я въ домъ, когда спутники мои уже готовились уѣзжать. По возвращеніи моемъ во Флоренцію, осенью

---

[1]) Какъ это трогательно слышать такую молоденькую дѣвушку съ басовымъ голосомъ.

[2]) Австрійскій домъ можетъ расчитывать на домъ Ротшильдовъ.

слѣдующаго 1825 года, мать моя, слушая восторженный мой разсказъ о кратковременномъ пребываніи въ Ланцутѣ, сказала мнѣ, что имѣетъ какъ бы предчувствіе, что я по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ женюсь на одной изъ дочерей графа Альфреда Потоцкаго, тогда еще малолѣтнихъ, но уже прехорошенькихъ. Не всегда сбывается, видно, материнское предчувствіе; впрочемъ, мать моя была изъ охотно вѣрующихъ въ возможность осуществленія того, чего мы пламенно желаемъ.

Во Львовѣ мы остановились на нѣсколько дней. Въ одно Воскресенье я пошелъ слушать обѣдню въ тамошнюю каѳедральную католическую церковь (какъ привычно было мнѣ въ Италіи по праздникамъ, когда не было православной церкви), и меня тамъ удивилъ одинъ мѣстный обычай. По окончаніи пѣтой миссы (обѣдни) весь народъ запѣлъ «трисвятое», выходившее на Польскомъ языкѣ: «Свентый Боже, свентый моцнп, свентый несмертельны, змилуйся надъ нами». Этой молитвы не существуетъ въ Итальянскомъ переводѣ (какъ нѣтъ также въ Италіи дополнительнаго богослуженія на народномъ нарѣчіи), а самое «трисвятое», насколько помнится мнѣ, поется въ Латинскихъ церквахъ одинъ только разъ въ году на Страстной недѣлѣ. Въ описываемое время я не могъ давать себѣ отчета объ этомъ Львовскомъ обычаѣ; но теперь вижу, что онъ есть остатокъ отъ прежней православной церковной службы, до введенія уніи въ Галицкой Чермной Руси *).

Во Львовѣ мой охранитель и я разстались съ семействомъ Потоцкихъ и, въѣхавъ въ Россію, черезъ Радзивиловъ, мы направились въ имѣніе тестя моего брата Осипа Игнатьевича Понятовскаго, мѣстечко Таганчу, Кіевской губерніи Богуславскаго (а нынѣ Каневскаго) уѣзда. У него мы прогостили не менѣе мѣсяца, и тамъ я впервыя взялъ ружье въ руки и пристрастился къ охотѣ, хотя и тогда, и позднѣе, не отличался никогда, какъ стрѣлокъ, и только могъ убивать дичь въ сидячку, да и то рѣдко. О. И. Понятовскій былъ маленькій, сухощавый и живой старичекъ; онъ считался дальнимъ родственникомъ послѣдняго Польскаго короля Станислава-Августа, былъ при немъ пажемъ или находился въ составѣ его охранной гвардіи, ходилъ въ охотникахъ на Очаковскій штурмъ въ 1786 году при князѣ Потемкинѣ и дослужился до полковничьяго чина въ старо-Польскомъ войскѣ. Когда князь Стани-

*) Довольно странно, что по Римскому ритуалу (требнику), единственный разъ въ году, когда совершается преждеосвященная литургія, приходится въ единственный день Страстной седмицы, когда въ православной церкви не бываетъ никакой литургіи, а именно, въ Великую Пятницу.

славъ, братъ послѣдняго Польскаго короля, рѣшился, въ первыхъ годахъ текущаго вѣка, переселиться въ Италію, то онъ запродалъ на дальніе платежные сроки значительную часть своихъ помѣстій Кіевской губерніи О. И. Понятовскому, который неусыпною дѣятельностію и смѣтливостію выплатилъ весь долгъ, устроилъ суконныя фабрики, обширное овцеводство и довелъ сельскохозяйственную часть до рѣдкаго совершенства. Въ 1824 г. у него уже была молотильная машина, едва извѣстная еще тогда. Позднѣе онъ вошелъ въ винноотkупныя дѣла и съ выгодою держалъ самый Кіевъ *). Когда я познакомился съ нимъ, онъ былъ свѣжій и бодрый старикъ и не измѣнился еще въ 1835 году, когда мать моя и я съ женою мы гостили у него всю осень. Лѣтомъ и зимою онъ вставалъ въ 4 или 5 часовъ и до 11 часовъ занимался въ кабинетѣ съ своими управляющими и прикащиками или диктовалъ секретарю, расхаживая по комнатѣ, личную и дѣловую корреспонденцію. Въ 12 часовъ въ домѣ собирались къ завтраку, состоявшему изъ нѣсколькихъ блюдъ, которыя старичекъ нашъ на славу уписывалъ. Въ часъ пополудни онъ садился на лошадь съ сыновьями и тѣми изъ гостей, которые умѣли ѣздить верхомъ, и объѣзжалъ свои хутора, пахатныя земли и отдаленныя овчарни, при чемъ всегда находился при немъ доѣзжачій со сворою борзыхъ, на случай что выскочитъ русакъ, и къ пяти часамъ возвращался обѣдать. Нерѣдко вся мужская компанія отправлялась съ нимъ на охоту со стаею гончихъ и съ борзыми. Самъ Полякъ, онъ былъ весьма приверженъ къ нашему правительству, жилъ въ большихъ ладахъ съ Кіевскими генералъ-губернаторами и митрополитами и имѣлъ одно время собственный домъ въ Кіевѣ, гдѣ задавалъ иногда обѣды высшимъ властямъ. Два старшіе его сына, Евгеній и Маврикій (котораго звали всегда Ламбертомъ) Осиповичи, уже въ отставкѣ въ 1824 году, служили—первый въ кавалергардскомъ полку, а второй первоначально въ гвардейскомъ конно-егерскомъ полку, а оттуда перешелъ въ Варшаву въ гвардейскій Подольскій кирасирскій полкъ. Третій сынъ, Кесарь Осиповичъ (прозванный «le beau César», по своей красотѣ Испанскаго типа) былъ двумя или тремя годами старше меня, и служилъ тогда въ Одессѣ при графѣ М. С. Воронцовѣ, выхлопотавшемъ ему камеръюнкерство. Четвертый, Августъ Осиповичъ, годомъ старше меня, нигдѣ еще не служилъ, но мѣсяцевъ шесть позднѣе отецъ упекъ его въ Камчатскій пѣхотный полкъ въ наказаніе за сдѣланные имъ довольно значительные карточ-

*) Онъ умеръ въ 1844 году, въ глубокой старости, оставивъ большое состояніе. Изъ пяти его сыновей, трое которыхъ были женаты, ни у кого не осталось дѣтей, и наслѣдниками ихъ имѣній теперь, племянникъ мой гр. Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ и г. Шимановскій, мать котораго была дочерью старика Понятовскаго.

ные долги въ бытность его въ Кременецкомъ лицеѣ. Онъ тянулъ юнкерскую лямку четыре года безъ малаго, потому что старикъ Понятовскій просилъ корпуснаго командира Сабанѣева не производить его въ офицеры. Пятый сынъ, Даріушъ Осиповичъ, немного моложе меня, только что вышелъ тогда изъ Кременецкаго лицея и былъ болѣзненной комплекціи. У графа Понятовскаго было три дочери: старшая, Матильда, вышла замужъ нѣсколько лѣтъ до описываемаго мною времени, противъ воли родителей, за г. Шимановскаго; вторая была моею невѣсткою; третья Олимпія, молодая дѣвушка, много обѣщавшая, преждевременно умерла въ концѣ 20-хъ годовъ. Г. Шимановскій участвовалъ въ Польскомъ возстаніи 1831 года и эмигрировалъ съ семействомъ въ Швейцарію, гдѣ его сынъ Освальдъ (нынѣ сонаслѣдникъ моего племянника) пошелъ по медицинской части, такъ какъ средства этого семейства были крайне ограничены. Сама Понятовская, рожденная Грохольская, достойная вполнѣ женщина, умерла отъ рака въ груди между 1827 и 1830 годами. Чета Понятовскихъ провела жизнь какъ Филемонъ и Бавкида; но это не препятствовало старику Понятовскому разсказывать своимъ друзьямъ, что онъ никогда бы не женился, еслибы не предвидѣлъ возможности развестись со своею Юліей (какъ звали его жену). Не мѣшаетъ разъяснить одно обстоятельство въ связи съ намекомъ г. Понятовскаго, не всѣмъ, быть можетъ, извѣстное. Польскіе супруги часто расходятся вопреки каноническихъ правилъ ихъ церкви, и жены даже вступаютъ во второй бракъ при жизни мужей. Для этого надо доказать несостоятельность или не полную законность перваго брака, и для достиженія этой цѣли намѣренно оставляется какая нибудь лазейка, въ родѣ отступленія отъ формъ или обрядовъ, при самомъ вѣнчаніи, и дѣло въ шляпѣ. Подобныя хитрости не существуютъ, рѣшительно, въ прочихъ Римско-католическихъ странахъ и хорошо обрисовываютъ нравственное растлѣніе старой Польши.

У старика Понятовскаго былъ также оригинальный пріемъ въ его сельско-хозяйственной администраціи. Онъ старался, чтобы всѣ его прикащики (по тамошнему, экономы) отдѣльныхъ фольварковъ (т. е. хуторовъ) жили межъ собою, какъ кошка и собака, и такимъ образомъ онъ узнавалъ о дѣйствіяхъ каждаго отъ нихъ. Противъ этой теоріи нашъ Иванъ Антоновичъ Кавецкій, человѣкъ смышленный, справедливо возразилъ: «Ну, а какъ весь этотъ людъ догадается, паче чаянія, что хозяинъ намѣренно поддерживаетъ эту междоусобицу? Вѣдь они сговорятся, пожалуй, и уже тогда оберутъ его совсѣмъ.»

Понятовскій повезъ меня и г. Слоана къ сосѣдкѣ своей (верстахъ въ шестидесяти) богачкѣ графинѣ Браницкой, въ извѣстное ея имѣніе

Бѣлую Церковь (самая усадьба звалась Александрія). Тамъ мы прогостили два-три дня и успѣли разсмотрѣть славный графининъ садъ. Онъ дѣйствительно оправдывалъ молву о немъ, сколько по планировкѣ, столь же и по царскому почти его содержанію, и въ частности по уходу за нѣкоторыми большими дубами и иными деревьями, любимцами хозяйки, стволы которыхъ скоблились во всю вышину и обмывались мыломъ. Особенно поразилъ меня павильонъ, въ видѣ древняго языческаго храма, въ память князя Таврическаго, съ слѣдующею, дерзкою по моему, надписью на фронтонѣ:

Profane, avant d'entrer, consulte ton coeur:
Peux-tu de l'amitié apprécier la valeur?

Графининъ столъ, судя по тому что̀ подавали при мнѣ, далеко не соотвѣтствовалъ роскоши сада; помню между прочимъ какія-то харчевническія котлеты, приготовленныя на несвѣжемъ жирномъ веществѣ, а въ занимаемыхъ нами комнатахъ въ отдѣльномъ корпусѣ подали вечеромъ сальныя свѣчи, хотя, можно полагать, что Понятовскій былъ изъ наипочитаемыхъ гостей. Впрочемъ, графиня такъ и слыла скопидомкою. Съ сыномъ ея графомъ Владиславомъ Ксаверьевичемъ она была не въ ладахъ за женитьбу его противъ ея воли, и потому рѣдко видалась съ нимъ. Старуха графиня Браницкая говорила по французски съ замѣтнымъ Русскимъ акцентомъ и произносила «**l'arbre de l'empéreur**», вмѣсто «**l'empreur**». Это выраженіе относилось къ одному изъ деревьевъ сада, посаженному самимъ императоромъ Александромъ 1-мъ. При ней находились тогда дѣти графа М. С. Воронцова, всего помнится мнѣ, двѣ дочери, изъ которыхъ одна умерла въ малолѣтствѣ, а графъ Семенъ Михайловичъ только что тогда родился. Во весь годъ моего нахожденія въ Одессѣ дѣти графа Воронцова оставались у своей бабушки въ Бѣлой Церкви. Кесарь Осиповичъ Понятовскій (служившій тогда при графѣ Воронцовѣ) разсказывалъ, что когда, на обратномъ пути изъ Таганчи въ Одессу, онъ заѣзжалъ въ Бѣлую Церковь освѣдомиться, не имѣеть-ли графиня Браницкая какихъ нибудь порученій для своей дочери, то она вычерпнула разъ изъ мѣшка по цѣлой пригоршнѣ драгоцѣнныхъ каменьевъ и, не считая, высыпала ихъ въ руки Кесарю Осиповичу для передачи своей «Лизѣ на парюръ». Разсказывали также, что въ бытность графа М. С. Воронцова въ Бѣлой Церкви, гдѣ застигли его ранніе холода, а онъ пріѣхалъ по-лѣтнему, теща его, вспомнивъ, что гдѣ-то въ кладовыхъ завалялась у нея мужская шуба, приказала принести ее и подарила графу. Оказалось, что эта шуба была чернобурыхъ лисицъ, стоившая нѣсколько тысячъ рублей.

Наѣзжалъ въ Таганчу домашній копелланъ старика Понятовскаго, Грекоуніатскій бритый священникъ: но такъ какъ мѣстная Латинская каменная церковь не была еще достроена, то уніатъ-священникъ служилъ по воскресеніямъ читаемую, а не пѣтую обѣдню (*messe-basse*), въ столовой господскаго дома (тамъ же былъ и биліардъ), для чего стоялъ тамъ большой шкафъ (ни дать ни взять, настоящій буфетъ), который раскидывался, и изъ него дѣлался временный престолъ. А что до антиминса (который у Латинянъ не переносный, какъ у насъ, а вставленный наглухо въ верхнюю доску престола), не знаю, какъ это было устроено тамъ; а также не помню, служилась-ли обѣдня по Римскому «миссалу», или по славянски, по чину Златоуста *): но меня удивляло, почему звали Греко-уніатскимъ этого іерея бритаго, стриженнаго и одѣтаго, какъ прочіе Латинскіе аббаты. Домашняя прислуга свободно говорила по польски: въ томъ числѣ гигантъ-казакъ, сопровождавшій всегда г. Понятовскаго, тогда какъ всѣ эти люди были православнаго исповѣданія, и почти всѣ мѣстные уроженцы. Все это странно весьма казалось мнѣ, полу-Флорентинцу, которому ничего еще не было тогда извѣстно «о вѣрѣ хлопской и вѣрѣ панской».

Братъ мой разсказывалъ мнѣ, что на его свадьбѣ, въ Таганчѣ, распита была бутылка старѣйшаго Венгерскаго вина, изъ числа поднесенныхъ королю Яну Собіесскому Вѣнскимъ муниципалитетомъ за спасеніе его города отъ Турокъ въ 1683 году; значитъ, что вино это было и тогда уже отборнымъ. Въ 1824 г. оставалась еще въ погребахъ Таганчи одна такая же бутылка, которую хранили для свадьбы Олимпіи Осиповны; но смерть похитила эту прелестную дѣвушку.

Наконецъ, добрались мы до Одессы въ самую знойную пору года, сопровождаемую мѣсячнымъ, иногда, болѣе бездождіемъ и удушающею пылью отъ шоссейныхъ улицъ, отъ чего нѣтъ возможности раскрыть окно. Вся трава желтѣетъ и сгораетъ, даже листва пирамидальныхъ тополей засыхаетъ (говорю о тополяхъ, потому что они были единственственной почти растительностію въ Одесскихъ городскихъ садахъ, и тополя окаймляли многія улицы). Природа снова оживляется, и зелень показывается въ степяхъ не прежде Сентября.

Ни графа, ни графини Воронцовыхъ не было тогда въ городѣ, но мы все-таки познакомились съ окружавшими графа лицами. Это были

*) У Латинянъ антиминса нѣтъ вовсе. Его замѣняетъ камень, всегда переносный. (*Примѣчаніе графа Дмитрія Николаевича Толстаго*). Спорить не смѣю противъ авторитетнаго моего цензора и корректора, но утверждаю, что на иныхъ Латинскихъ престолахъ я видѣлъ вставленный камень съ мощами.

Александръ Ивановичъ Казначеевъ, правитель графской канцеляріи [1]), баронъ Филиппъ Ивановичъ Бруновъ [2]), Алексѣй Ираклієвичъ Левшинъ и Никаноръ Михайловичъ Лонгиновъ. Всѣ они приняли насъ очень любезно. Съ полковникомъ Франкомъ, также состоявшимъ при графѣ, мы познакомились еще въ Таганчѣ, куда онъ пріѣзжалъ навѣстить Понятовскаго. Мы нашли также поселившихся въ Одессѣ старыхъ нашихъ знакомыхъ, графа и графиню Эдлингъ, и Петра Ивановича Жилле профессоромъ въ Ришельевскомъ лицеѣ и уже женатымъ съ 1818 года на Вѣрѣ Андреевнѣ Гольцъ, сестрѣ Н. А. Кавецкой, долго жившей при княгинѣ Софіи Григорьевнѣ Волконской. Однажды, когда мы возвращались въ каретѣ втроемъ съ барономъ Бруновымъ отъ Эдлинговъ, жившихъ на хуторѣ, онъ поздравилъ меня съ счастливымъ обстоятельствомъ, что я начинаю свою каріеру подъ эгидою такого начальника какъ графъ Воронцовъ, и что это предвѣщаетъ мнѣ блистательную будущность. Не угадалъ на этотъ разъ баронъ Бруновъ, хотя онъ и считался хорошимъ дипломатомъ.

П. И. Жиллê попалъ въ профессора Французской словесности по личному знакомству съ первымъ директоромъ Ришельевскаго лицея, Французскимъ аббатомъ Николемъ. Лицей этотъ былъ открытъ въ 1817 году, и Петру Ивановичу Жиллê и его женѣ поручено было въ 1818 или 1819 году отвезти молодыхъ князей Дмитрія и Григорія Петровичей Волконскихъ изъ Петербурга въ Одессу, для опредѣленія ихъ въ тамошній новый лицей. Послѣ сего не прошло болѣе двухъ-трехъ лѣтъ, какъ аббатъ Николь добровольно отказался отъ мѣста директора лицея и сдалъ его сполна г-ну Жиллê. Но тутъ хозяйственная часть заведенія была немаловажная вещь, и въ ней-то именно не былъ свѣдущъ Жиллê: къ тому же онъ былъ крайне довѣрчивъ и запутался или, точнѣе, его запутали, и на немъ оказалась крупная недоимка, что-то въ родѣ 40 тыс. рублей (ассиг.). Дѣло кончилось-бы весьма плохо для него, если бы не вступились мой братъ и добрѣйшая его теща Понятовская (очень любившая своего зятя), которые внесли за него деньги.

Характерично было это препорученіе воспитанія Русскаго юношества Римско-католическому священнику Николю.

Въ Одессѣ видался я часто съ родственникомъ моимъ Александромъ Антоновичемъ Стакеромъ, годами двумя старше меня. Онъ и

---

[1]) Нынѣ сенаторомъ въ Москвѣ. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Маріи Дмитріевнѣ Волконской, сестрѣ помѣщика Зарайскаго уѣзда князя Алексѣя Дмитріевича Волконскаго.

[2]) Нынѣ нашимъ посломъ въ Лондонѣ. Въ Одессѣ онъ, будучи немолодымъ уже человѣкомъ, женился на вдовѣ генерала барона Лехнера, одной изъ первыхъ красавицъ.

братъ его Дмитрій, были изъ первыхъ выпусковъ Ришельевскаго лицея гдѣ они кончили, такъ же какъ и начали, свое воспитаніе на счетъ моей матери. Даровитый малый и изрядный весьма поэтъ былъ этотъ Александръ Станкеръ. Онъ отправился въ Москву, къ своему отцу, женившемуся вторично на княжнѣ Козловской; и эта моя съ нимъ встрѣча въ Одессѣ была послѣднею.

У графини Эдлингъ я видѣлъ раза два ея брата, Александра Скарлатовича Стурдзу, извѣстнаго въ дипломатическомъ мірѣ автора замысловатаго документа «Священнаго Союза», и бывшаго одно время правою рукою мистическаго министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицына. Г. Стурдза показался мнѣ молокососу довольно скучнымъ господиномъ, да и при мнѣ онъ очень мало говорилъ.

Въ Одессѣ я въ первый разъ началъ наслаждаться полною свободою. Я бродилъ одинъ по улицамъ по цѣлымъ ночамъ безъ цѣли, распѣвая во все горло Итальянскія аріи. Я забылъ сказать, что на 15-мъ году прежній мой звонкій сопрано исчезъ; затѣмъ, въ послѣдующіе два года, не было у меня вовсе никакого голоса, а когда мнѣ минуло 17 лѣтъ, то явился у меня, къ величайшей моей досадѣ, протодіаконскій басъ съ глубокою нижнею октавою. Я очень желалъ имѣть теноровый голосъ, и вотъ я началъ насильственно напирать на высокія ноты и мало по малу дошелъ до настоящаго баритона, бравшаго грудью «*фа-дієзъ*», а иногда (въ Италіи, гдѣ камертонъ ниже, чѣмъ въ Россіи) даже «соль». Эта искусственная выработка не могла однакоже быть достигнута безъ ущерба натуральному моему голосу, режистръ котораго простирался до двухъ октавъ и трехъ нотъ.

Мы пользовались ложею графа Воронцова въ Итальянской оперѣ и тамъ бывали каждый день. Я жадно слѣдилъ за этими спектаклями, познакомился лично съ нѣкоторыми изъ Итальянскихъ милыхъ мнѣ артистовъ и артистокъ и, благодаря чисто Тосканскому моему нарѣчію, сдѣлался какъ бы ихъ землякомъ.

Воронцовы все еще не возвращались, и первый балъ, на который мы получили приглашеніе (онъ же былъ и первымъ моимъ по вступленіи въ общество взрослыхъ) былъ данъ на палубѣ какого-то судна у графа Витте, начальника южныхъ военныхъ поселеній, проживавшаго постоянно въ Одессѣ. Возвращаясь ночью въ шлюбкѣ, я въ первый разъ видѣлъ фосфорическія или электрическія искры, выскакивающія изъ подъ вёселъ гребцовъ, чего не видалъ въ Средиземномъ морѣ. На этомъ

балѣ я былъ представленъ красавицѣ г-жѣ Каролинѣ Собаньской (урожденной графинѣ Ржевуцкой), всегда впослѣдствіи оказывавшей мнѣ сердечное участіе. Если она споткнулась (какъ о томъ была молва) въ женскую предосудительную слабость, то много выкупила она душевными качествами и много перестрадала отъ фальшиваго своего свѣтскаго положенія. Тутъ же я познакомился съ ея братомъ, графомъ Адамомъ Ржевуцкимъ (нынѣ генералъ-адъютантомъ), только что произведеннымъ тогда въ корнеты, въ армейскій уланскій полкъ.

Проживалъ тогда въ Одессѣ подъ надзоромъ графа М. С. Воронцова, числившійся на службѣ при немъ (хотя безъ всякихъ опредѣленныхъ занятій) А. С. Пушкинъ, дальній нашъ по женскому колѣну родственникъ; по доброму, старому Русскому обычаю, мы съ перваго дня знакомства стали звать другъ друга «mon cousin». Нерѣдко встрѣчаясь съ нимъ въ обществѣ и въ театрѣ (общій нашъ «rendez-vous»), я желалъ сблизиться съ нимъ: но такъ какъ я не вышелъ еще окончательно изъ подъ контроля моего воспитателя, то и не могъ удовлетворить вполнѣ этому желанію. Александръ Сергѣевичъ слылъ вольнодумцемъ и чуть-ли почти не атеистомъ, и мнѣ дано было заранѣе предостереженіе о немъ изъ Флоренціи, какъ объ опасномъ человѣкѣ. Онъ, видно, это зналъ или угадалъ, и разъ, подходя съ улицы къ моему отпертому окну (а жили мы въ одноэтажномъ домѣ на Тираспольской, кажется, улицѣ), сказалъ: «Не правда-ли», cousin, что твои родители запретили тебѣ подружиться со мною?» Я ему признался въ этомъ, и съ тѣхъ поръ онъ перестал навѣщать меня. Въ другой разъ онъ, при встрѣчѣ со мною, сказалъ: «Мой Онѣгинъ» (онъ только что началъ его тогда писать), «это ты, cousin». Впослѣдствіи, подружившись въ Варшавѣ въ 1832 году со Львомъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ, я узналъ отъ него, что я заинтересовалъ его брата поэта моими несдержанными, Югомъ отзывавшимися пріемами, манерами въ обществѣ и пылкостію наивной моей натуры. Дѣйствительно, наивнымъ я былъ отъ строгаго и замкнутаго воспитанія и совершеннаго незнанія свѣта.

Говорили, что графиня Е. К. Воронцова очень любезно обращалась съ Александромъ Сергѣевичемъ, но что ея супругъ отворачивался отъ него. Самъ этого я не видалъ. Неразлучнымъ компаніономъ великаго поэта былъ колоссальный полу-Мавръ и полу-Негръ по имени Али, но его звали *Морали* *). Этотъ человѣкъ былъ повидимому не

*) Вѣроятно, отъ Французскаго „Maure-Ali".

безъ средствъ существованія, хотя не имѣлъ никакихъ занятій и, сколько помнится мнѣ, подозрѣвали, что онъ нажилъ состояніе будто бы ремесломъ пирата. Ходилъ онъ въ Африканскомъ своемъ костюмѣ съ толстой желѣзной палкой въ рукѣ въ родѣ лома, и помнится мнѣ, что онъ изрядно говоритъ по итальянски. Александръ Сергѣевичъ и особенно короткіе его знакомые собирались почти каждый вечеръ ужинать въ Греческомъ второстепенномъ ресторанѣ Димитраки, гдѣ и засиживались за полночь. Кружокъ этотъ состоялъ изъ поэта Василія Ивановича Туманскаго (чиновника особыхъ порученій при графѣ Воронцовѣ), г. Шварца (также состоявшаго при графѣ), Кесаря Осиповича Понятовскаго и, кажется, графскаго адъютанта Варламова. Мнѣ ужасно хотѣлось участвовать въ этихъ ужинахъ: но, какъ я уже говорилъ, я не былъ настолько воленъ въ своихъ дѣйствіяхъ, чтобы посѣщать кружокъ, гдѣ могла быть попойка. Всѣ эти господа обѣдывали обыкновенно во Французскомъ (очень хорошемъ) ресторанѣ Отона (Autonne), въ домѣ клуба на Херсонской улицѣ, куда хаживали обѣдать г. Слоанъ и я, до пріѣзда графа Воронцова.

Когда графъ М. С. Воронцовъ возвратился въ Одессу, онъ принялъ меня очень ласково и расточался въ любезностяхъ передъ моимъ наставникомъ; не могу однакоже сказать, чтобы впослѣдствіи его обращеніе со мною было особенно родственно. Увидавъ, что у меня красивый почеркъ (позднѣе онъ испортился), графъ давалъ мнѣ переписывать набѣло кое какія-то Французскія бумаги, въ томъ числѣ проэкты сенатора гр. Северина Потоцкаго (по государственной, кажется, экономіи). Всѣ мы приближенные къ нему (а также г. Слоанъ) ежедневно у него обѣдали, даже когда онъ отлучался изъ города, а поваромъ у него былъ Французскій кулинарный артистъ. Графиня Елисавета Ксаверіевна возвратилась въ Одессу послѣ мужа и поселилась на лѣто на своемъ подгородномъ хуторѣ на морскомъ берегу, вмѣстѣ съ Ольгою Станиславовною Нарышкиной (рожденною графинею Потоцкою). Она приняла меня также хорошо, какъ и ея мужъ. Кромѣ вышепомянутыхъ лицъ, служившихъ при графѣ, были еще слѣдующія: г. Марини, незаконнорожденный сынъ графа В. П. Кочубея, родившійся во время его посольства въ Константинополѣ [1]), полковники Фроловъ-Багреевъ (женатый на родственницѣ Кочубеевыхъ) и Франкъ, г. Завалевскій (чиновникъ особыхъ порученій), Михаило Ивановичъ Лексъ, начальникъ, одного изъ отдѣленій графской канцеляріи [2]), драгун-

[1]) Послѣ моего отъѣзда изъ Одессы, г. Марини женился на тамошней дѣвицѣ Фраполи, смѣшанной національности, какъ были многія фамиліи въ Одессѣ.

[2]) Онъ сдѣлался впослѣдствіи извѣстнымъ человѣкомъ, сколько въ служебномъ

скій капитанъ Золотаревъ, г. Кази (кажется Грекъ), переводчикъ восточныхъ языковъ, молодой баронъ Ренò, сынъ Одесскаго Французскаго старожила и богача, г. Сафоновъ, бывшій впослѣдствіи значительнымъ лицемъ при графѣ, полковникъ Тимковскій, трудолюбивый археологъ по части древностей Новороссійскаго края; а по вѣдомству путей сообщеній прикомандированы были къ графу Французскій генералъ Пуатьѐ, полковникъ Гави и капитанъ главнаго штаба Флорентинецъ графъ Серристори. Адьютантами при графѣ были князь Валентинъ Шаховской (женившійся немного позднѣе на Мухановой), управляющій однимъ отдѣленіемъ графской канцеляріи князь Херхеулидзевъ и г. Варламъ (братъ жены Константина Яковлевича Булгакова), талантливый рисовальщикъ, убитый впослѣдствіи на дуэли Николаемъ Васильевичемъ Сушковымъ. Въ число штатскихъ чиновниковъ я забылъ помѣстить г. Артемьева, также начальника отдѣленія въ графской канцеляріи; кромѣ высокимъ ростомъ, онъ ничѣмъ болѣе, кажется, не былъ замѣчательнымъ. М. П. Щербинина не было еще тогда при графѣ Воронцовѣ. Инженерный полковникъ Гави былъ женатъ на одной молоденькой и пригожей Француженкѣ мамзель Жозефинъ, не то воспитанницѣ, не то компаніонкѣ княгини Софіи Григорьевны Волконской; она обладала замѣчательнымъ талантомъ портретной живописи масляными красками. Теперь два слова о графѣ Людвигѣ Серристори. Онъ принадлежалъ къ древнему Тосканскому роду, и объ одномъ его предкѣ, какъ о Ливорнскомъ воеводѣ, упоминается въ статейномъ спискѣ пословъ Чемоданова и Постникова въ 1655 году, отправленныхъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ Венецію и къ Тосканскому великому герцогу Фердинанду II-му Медичи. Графъ Людвигъ Серристори кончилъ свое воспитаніе въ Парижскомъ политехническомъ училищѣ и поступилъ къ намъ на службу въ 1818 или 1819 году, бывъ принятъ офицерскимъ чиномъ, и прослужилъ нѣсколько лѣтъ на Кавказѣ при А. П. Ермоловѣ. Будучи прикомандированъ къ графу М. С. Воронцову, онъ построилъ въ Одессѣ спускъ къ Карантинной гавани и считался свѣдущимъ по своей части. Немного позднѣе онъ женился въ Одессѣ на одной изъ дочерей г. Франкини, нашего драгомана при Константинопольскомъ посольствѣ, и вышелъ въ отставку полковникомъ въ 1831 году.

Упомянувъ выше о полковникѣ Тимковскомъ, какъ объ археологѣ, добавлю кстати, что починъ разслѣдованія Херсонскихъ древностей принадлежитъ, насколько помню, Итальянцу г. Скасси, поселившемуся въ Керчи по комерческимъ дѣламъ, или находившемуся тамъ консу-

отношеніи, столько же и по поговоркѣ о немъ А. С. Пушкина: „Михаилъ Ивановичъ Лексъ хорошій человѣкъ-съ".

ломъ отъ одного изъ Итальянскихъ правительствъ. Во всякомъ случаѣ онъ уже состоялъ въ 1824 году на Россійской службѣ и былъ значительнымъ весьма лицемъ въ Керчи. Я его видѣлъ всего одинъ разъ въ Одессѣ, и помнится мнѣ, что графъ Воронцовъ особенно его отличалъ.

Одесскимъ градоначальникомъ былъ тогда графъ Александръ Дмитріевичъ Гурьевъ, особа тяжелая въ обществѣ изысканными и протяжно натянутыми своими фразами: собесѣднику приходилось долго дожидаться, чтобы уловить мгновенное его молчаніе и вставить свое слово. При немъ (кажется) состоялъ какой-то его родственникъ г. Савеловъ, прикомандированный изъ Министерства Финансовъ. Вскорѣ послѣ моего пріѣзда прибылъ на службу въ Одессу Флорентинскій нашъ знакомый, Дмитрій Евлампович Башмаковъ, кавалергардскій полковникъ, только что женившійся на княжнѣ Варварѣ Аркадьевнѣ Суворовой, родственницѣ графа М. С. Воронцова. Капитаномъ Одесскаго порта былъ полковникъ Зонтагъ, Американецъ, служившій въ нашемъ флотѣ, а жена его была Русская и родня Жуковскому.

Я уже говорилъ, что изъ оказавшихъ мнѣ благосклонный пріемъ съ перваго времени моего пріѣзда былъ Алексѣй Ираклієвичъ Левшинъ; добавлю, что съ того времени, въ теченіе безъ малаго полувѣка, онъ при всякой съ нимъ встрѣчѣ, въ Россіи и за границею, продолжаетъ быть тѣмъ же самымъ для меня, и когда случается мнѣ бывать въ Петербургѣ, то я принятъ, какъ близкій родственникъ, имъ и всѣмъ патріархальнымъ его семействомъ.

Не знаю, какіе дальнѣйшіе виды имѣлъ на меня графъ Михаилъ Семеновичъ; но, не записавъ меня на дѣйствительную службу, онъ назначилъ мнѣ ходить въ его канцелярію и тамъ заниматься подъ руководствомъ одного изъ столоначальниковъ, по фамиліи Горяинова, человѣка, къ удивленію моему, весьма свѣдущаго въ Латинскомъ языкѣ, но котораго, кромѣ какъ въ канцеляріи, я нигдѣ не встрѣчалъ. Тамъ давали мнѣ переписывать кое-какія бумаги, и я былъ настолько еще малодушенъ, что и это занятіе тѣшило меня, какъ бы придававшее мнѣ осанку настоящаго чиновника, и я гордо шествовалъ по утрамъ въ канцелярію, съ портфелемъ подъ мышкою. Не мудрено, впрочемъ, что подобное занятіе было назначено мнѣ, какъ подготовительное къ усовершенствованію въ знаніи Русскаго языка.

Хотя по воскреснымъ днямъ я ходилъ къ обѣднѣ въ соборъ, но по Итальянской привычкѣ, или изъ желанія выказать себя полуиностранцемъ, хаживалъ я также въ Римско-Католическую церковь, молясь

тамъ на колѣняхъ, совершенно какъ бы Латинянинъ, такъ что иные изъ прихожанъ заключили, что я принадлежу ихъ вѣроисповѣданію. О моемъ хожденіи туда было передано графу Воронцову, который сильно разгнѣвался за это на меня, а постороннимъ высказался, что это-де плоды прозелитизма его кузины (т. е. моей матери); въ теченіе многихъ послѣдовавшихъ лѣтъ онъ не могъ разувѣриться, что я не католикъ. Это обстоятельство было прелюдіею дальнѣйшихъ моихъ Одесскихъ невзгодъ.

Графъ Воронцовъ и графъ Витъ были на церемонной ногѣ между собою, хотя у нихъ ссоры не было (да и дѣлить-то имъ нечего было), и графа Вита я видѣлъ въ домѣ графа Михаила Семеновича на большихъ лишь балахъ. Но отношенія послѣдняго съ своимъ предшественникомъ графомъ Ланжерономъ были совсѣмъ не тѣ. Всегда веселый и открытаго нрава Французъ, генералъ-адъютантъ, говоря о своемъ преемникѣ, называлъ его фамиліарно «Мишель». Онъ и по смѣнѣ своей остался на жительствѣ въ Одессѣ. Онъ незадолго передъ тѣмъ женился на дѣвицѣ - красавицѣ Бриммеръ, годившейся ему въ дочери. Сестра ея, вдова Аркудинская, также передъ тѣмъ вышла замужъ за генерала Пущина. Мы наняли квартиру въ домѣ этихъ Пущиныхъ на Тираспольской (кажется) улицѣ, неподалеку отъ дома Фундуклея, занятаго Воронцовыми, такъ какъ графъ только что началъ тогда строить свой собственный домъ въ концѣ набережнаго бульвара. Графъ Ланжеронъ къ свойственной Французамъ высшаго круга любезности присоединялъ забавную разсѣянность, дававшую пищу къ безчисленнымъ о немъ анекдотамъ. Такъ, напримѣръ, въ бытность свою генералъ-губернаторомъ, онъ заперъ однажды на ключъ въ своемъ кабинетѣ императора Александра Павловича, остановившагося въ домѣ генералъ-губернатора и, положивъ ключъ въ карманъ, вышелъ на улицу; къ счастію, вспомнивъ скоро, что̀ онъ сдѣлалъ, онъ поспѣшилъ домой, чтобы освободить вѣнценоснаго своего гостя. Въ другой разъ, держа въ рукѣ прошеніе, поданное ему какой-то просительницею и выслушивая внимательно дополнительныя словесныя ея объясненія, онъ кашлянулъ, и когда просительница перестала говорить, вмѣсто того чтобы отдать ей обратно, какъ намѣревался, прошеніе, и плюнуть на полъ, онъ плюнулъ въ протянутую ею для взятія своего прошенія ладонь, а бумагу бросилъ на полъ. Также на вечерѣ у кого-то изъ городскихъ жителей, не узнавая при входѣ въ гостиную нѣкоторыхъ изъ гостей и обратясь для спроса объ ихъ фамиліи къ хозяину дома, онъ указалъ между прочимъ на одну даму. «Эту даму», отвѣчалъ улыбаясь хозяинъ, «зовутъ графинею Ланжеронъ».—«То-то», замѣтилъ графъ, я

вижу, что лице ея знакомо мнѣ». Прелесть этой разсѣянности состоитъ въ томъ, что, забывъ на время, что она ему жена, графъ признавалъ въ ней лишь даму изъ круга своего знакомства. Онъ былъ также находчивъ и оригиналенъ въ отвѣтахъ. Разсказывали, что одному изъ своихъ соотечественниковъ, Одесскихъ старожиловъ сомнительной немного репутаціи, онъ будто-бы махнулъ: «Вы конечно знаете, что у насъ во Франціи вѣшаютъ людей честнѣе васъ». Въ кампаніяхъ 1813 и 1814 годовъ, недовольный какимъ-то невыполненіемъ его приказаній, онъ сдѣлалъ выговоръ своему адъютанту: «Вы, князь, конечно пороху не боитесь, но вы его не выдумали и никогда не выдумаете». Комизмъ подобныхъ выходокъ увеличивался его ломаніемъ Русскаго языка и произношеніемъ. Во время одной его поѣздки, по пріѣздѣ на станцію, человѣкъ его доложилъ ему, что не могъ дать записать подорожную, по случаю отсутствія смотрителя. Графъ Ланжеронъ выскочилъ изъ экипажа, вбѣжалъ въ комнату станціоннаго смотрителя и, увидавъ человѣка спавшаго ничкомъ на диванѣ, схватилъ свою нагайку (обычай оставшійся съ военнаго времени, когда всѣ кавалеристы носили нагайку черезъ плечо) и началъ жарить спину спящему, принятому имъ за смотрителя. Тотъ вскочилъ на ноги, и каково было изумленіе графа, когда онъ увидалъ предъ собою Русскаго штабъ-офицера, ожидавшаго, какъ и онъ, лошадей. Не сконфузившись, однакоже, нимало, графъ всовываетъ насильно въ руку жертвы своей ошибки этотъ «instrumentum doloris» (т. е. нагайку) и, самъ повернувшись къ нему нагнутою спиной и указывая рукою на невыразимое мягкое мѣсто ниже поясницы, начинаетъ приговаривать: «Полковникъ, покорнѣйше прошу; безъ церемоній, безъ церемоній!» Мать моя сообщила мнѣ также, что графъ Ланжеронъ однажды, на утреннемъ визитѣ у двоюродной ея сестры графини Е. П. Чернышовой (это было еще до 1812 года), всталъ со стула и особенно вѣжливо поклонился входившей въ комнату молодой женщинѣ, принятой имъ за кого-то изъ графининаго общества. Когда же удивленная графиня сказала ему, что это была горничная дѣвушка, графъ пояснилъ свою ошибку: «Ah pardon; c'est que, voyez vous, j'arrive de province, où je suis habitué à voir ces demoiselles nus-pieds [1])». А то пускался онъ даже и въ Русскіе каламбуры. По случаю женитьбы маркиза Паулуччи, Піемонтца, долго служившаго въ Россіи, на Одесской красавицѣ Коблè (дочери генерала и Одесскаго коменданта или плацъ-маіора, изъ Англичанъ), графъ Ланжеронъ сказалъ, что она доголѣ отказывала прежнимъ женихамъ, потому-де, что искала все *по лучше*. Этимъ ка-

---

[1]) Извините меня, но я заѣзжій провинціалъ, и тамъ привыкъ видѣть этого рода барышень босоногими.

ламбуромъ не побрезгалъ бы, пожалуй, и великій князь Михаилъ Павловичъ, сказавшій по случаю женитьбы въ 1841 году царствующаго нынѣ Государя, что великая княгиня Марія Александровна, «даромъ что статская» (Дармштадтская), а вышла за военнаго».

Графиня Ланжеронъ была стройная и свѣжая молодая женщина, но не отличалась умѣніемъ поддерживать разговоръ и не была, кажется, утонченнаго воспитанія; однако, не взирая на неравенство годовъ между нею и мужемъ, никакихъ непохвальныхъ слуховъ о ней не ходило. У графа Ланжерона былъ незаконнорожденный сынъ, узаконенный императоромъ Александромъ Павловичемъ и носившій фамилію Андро́. Въ описываемое здѣсь время онъ только что былъ произведенъ въ корнеты въ поселенной Украинской или Бугской уланской дивизіи*).

Въ Одессѣ жилъ тогда Левъ Александровичъ Нарышкинъ (братъ княгини Елены Александровны Суворовой), женатый на красавицѣ графинѣ Ольгѣ Станиславовнѣ Потоцкой, сестрѣ графини Киселевой. Левъ Александровичъ былъ двоюродный братъ графа М. С. Воронцова. Графиня Воронцова и О. С. Нарышкина были неразлучны.

Графъ В. П. Кочубей провелъ зиму 1824 на 1825 годъ въ Одессѣ съ семействомъ, по случаю болѣзни меньшой своей дочери. Немного позднѣе она умерла, но не въ Одессѣ. Знакомство мое съ оставшимися его сыновьями (говорю, оставшимися, потому что дѣтскій мой товарищъ Андрей давно передъ тѣмъ умеръ), Львомъ и Васильемъ Викторовичами (оба моложе меня), возобновилось; меньшому изъ всѣхъ, графу Сергѣю Викторовичу, было тогда не болѣе шести лѣтъ. Гувернеромъ при нихъ былъ Французъ г. Жуаіё (Joyeux), долго жившій у Чернышевыхъ и окончившій воспитаніе графа Захара Григорьевича Чернышева, служившаго тогда въ кавалергардскомъ полку. При первой со мною встрѣчѣ, добрый г. Жуаіё бросился мнѣ на шею, отъ радости видѣть сына глубокочтимой имъ моей матери, бывшей задушевнымъ другомъ гр. Елисаветы Петровны Чернышевой. По причинѣ-ли разстроеннаго здоровья или по другой, но г. Жуаіё вскорѣ оставилъ Кочубеевъ и поручилъ окончаніе воспитанія молодыхъ графовъ старому своему знакомому Петру Ивановичу Жилле́, вышедшему уже изъ Ришельевскаго лицея. Я началъ участвовать въ танцовальныхъ урокахъ прежнихъ моихъ дѣтскихъ товарищей, искусство, въ которомъ я никогда, даже послѣ, не отличался. Графиня Марія Васильевна Кочубей,

*) Г. Андро былъ позднѣе адъютантомъ при генералѣ графѣ Дибичѣ въ Турецкой войнѣ 1829 года и женился въ 1843 году на дочери Алексѣя Николаевича Оленина.

какъ тогда въ Одессѣ, такъ и позднѣе въ Петербургѣ, всегда обходилась со мною, какъ съ сыномъ: звала меня Мишелемъ и требовала, чтобы я звалъ ее не иначе какъ «ma tante». Она принимала живѣйшее во мнѣ участіе и не вполнѣ вѣрила слухамъ объ Одесскихъ моихъ шалостяхъ. Хотя я далеко не былъ наблюдателемъ, но меня поразило въ графѣ Викторѣ Павловичѣ вниманіе, съ которымъ онъ выслушивалъ всякія мнѣнія, дѣльныя или недѣльныя, всѣхъ собесѣдниковъ обо всякомъ предметѣ, не исключая даже моей семнадцатилѣтней чепухи, когда я совался вставлять свое слово въ эти, не подъ стать мнѣ, разговоры.

Пріѣзжалъ также въ Одессу, но на короткое время, Дмитрій Васильевичъ Нарышкинъ (родной братъ Ивана Васильевича, иначе Жанó), тогда Симферопольскій гражданскій губернаторъ, уже женатый на гр. Н. Ѳ. Ростопчиной; онъ обошелся со мною очень родственно, но съ тѣхъ поръ я болѣе съ нимъ не встрѣчался *).

Красою Одесскихъ баловъ были двѣ сестры баронессы Юппъ или Иппъ. Мать ихъ, рожденная Фонтонъ, была по второму браку за г. Фродингомъ, человѣкомъ сохранившимъ въ сѣдинахъ слѣды красоты. Третья, меньшая, по имени Уранія, еще не выѣзжала въ свѣтъ; впослѣдствіи она вышла замужъ за Михаила Аполлоновича Волкова. Это семейство, какъ и родственники ихъ Франкини, были Пероты, т. е. не принадлежали ни къ какой опредѣленной національности. Фонтоны, Франкини и Пизани (изъ нихъ послѣднія два семейства, видимо, Италіанскаго происхожденія) были наслѣдственные драгоманы Русской или другой какой-нибудь Европейской миссіи при Оттоманской Портѣ. На этотъ разъ всѣ три семейства считались на Русской службѣ и жили въ Одессѣ по причинѣ, помнится мнѣ, прекращенія дипломатическихъ нашихъ сношеній съ Константинополемъ. Всѣ они (за исключеніемъ, быть можетъ, г. Фродинга) были Римско-католическаго исповѣданія, а промежъ себя говорили по-гречески; но въ семействѣ Франкини употреблялся также и Итальянскій языкъ, чтó было для меня пріятною находкою. Одинъ изъ двухъ братьевъ Пизани, пожилой человѣкъ съ сѣдой бородой, одѣвался по восточному, ходилъ въ чалмѣ, и незнакомые легко могли принять его за Турка. Вскорѣ послѣ моего

---

*) Позднѣе онъ началъ страдать падучею болѣзнію и умеръ скоропостижно въ Крымскомъ своемъ помѣстьѣ въ 1830 или 1831 году. Изъ двоихъ его сыновей Ѳедоръ женился на княжнѣ Татьянѣ Васильевнѣ Долгоруковой, мать которой, княгиня Екатерина Дмитріевна, дочь князя Дмитрія Владимировича Голицына; а второй, Анатолій, на княжнѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ Куракиной.

отъѣзда изъ Одессы одна изъ дѣвицъ Франкини вышла замужъ за графа Людвига Серристори.

Управляющимъ Одесскою таможнею былъ князь Петръ Петровичъ Трубецкой (очень моложаваго вида), женатый на Бахметевой. Это былъ братъ декабриста князя Сергѣя Петровича, тогда адъютантъ (или дежурный штабъ-офицеръ) при князѣ Алексѣѣ Григорьевичѣ Щербатовѣ, командовавшемъ корпусомъ въ Кіевѣ, и графини Елисаветы Петровны Потемкиной, которая, въ полномъ блескѣ красоты, проводила зиму въ Одессѣ. Я сблизился съ графомъ Александромъ Станиславовичемъ Потоцкимъ (братомъ г-жи Нарышкиной и графини Киселевой), владѣльцемъ извѣстныхъ помѣстій Умани и Софіевки, взятыхъ въ казну послѣ участія графа Потоцкаго въ Польскомъ возстаніи 1831 года. Онъ игралъ на віолончели какъ профессіональный артистъ, а во всемъ прочемъ былъ бирюкъ и избѣгалъ общества, и невозможно было предвидѣть, чтобъ онъ сдѣлался революціонеромъ или даже Польскимъ патріотомъ. Въ 1824 году онъ былъ адъютантомъ при графѣ Витгенштейнѣ, числясь въ конной гвардіи, а жилъ въ отпуску въ Одессѣ. Часто показывался также въ Одессѣ графъ Адамъ Адамовичъ Ржевуцкій, братъ г-жъ Собаньской и Ханской, новопроизведенный корнетъ въ одномъ изъ армейскихъ уланскихъ полковъ.

На балахъ всегда можно было встрѣчать трехъ (или четырехъ) сестеръ дѣвицъ Бларанбергъ, отецъ которыхъ служилъ въ Одессѣ и былъ извѣстный археологъ. Одна изъ нихъ, Зинаида, пикантная брюнетка, внушила оду поэту Василію Ивановичу Туманскому, напечатанную въ одномъ изъ тогдашнихъ альманаховъ. Пріѣзжала также въ Одессу, не на долгое время, купаться въ морѣ княгиня Вѣра Ѳедоровна Вяземская (рожденная княжна Гагарина), но безъ мужа. Узнавъ отъ нея, что князь Петръ Андреевичъ собираетъ все, чтó писалось въ то время о недавней кончинѣ лорда Байрона, сунулся и я съ своею лептою въ видѣ Англійской оды, такъ какъ я мараковалъ Англійскіе вирши. Копіи съ нея я у себя не оставилъ: потеря неважная.

Долго жилъ въ семействѣ Кочубеевъ нѣкто г. Спада, бывшій когда-то цензоромъ въ Петербургѣ, а въ 1825 году получившій такое же мѣсто въ Одессѣ. Въ обществѣ онъ былъ скучный господинъ и педантъ. Одесскій каламбуристъ, престарѣлый Австрійскій консулъ г. Томъ, при встрѣчѣ съ нимъ, спросилъ о его здоровьи, и на отвѣтъ Спада—«très bien», Томъ замѣтилъ: «donc, vous êtes *spadassin* (Spadassain). Перевести эту игру словъ по-русски невозможно. Я слыхалъ въ

нашемъ семействѣ, что г. Спада искони питалъ платоническую страсть къ графинѣ Марьѣ Васильевнѣ Кочубей и приходилъ въ блаженнѣйшее состояніе, когда графиня благоволила изречь ему: «Spada, donnez moi une prise de tabac». Вышепомянутый консулъ Томъ имѣлъ сына уже весьма не первой молодости (un ci-devant jeune homme), Англомана. Въ обществѣ дано было имъ прозвище «Tome premier», «Tome second».

Рядомъ съ Одесскимъ высшимъ обществомъ было второе отдѣльное совершенно общество Англійскихъ негоціантовъ, весьма немногіе изъ которыхъ бывали на вечерахъ у генералъ-губернатора. Главные изъ нихъ были три брата Жемсъ (James), мать которыхъ была дочь придворнаго въ началѣ нынѣшняго вѣка Петербургскаго банкира барона Раля, также г. Ландерсъ, женатый на сестрѣ этихъ Жемсъ; г. Моберлей, братья Кортацци, съ примѣсью въ нихъ чего-то Греческаго Іоническихъ острововъ *), и гг. Коррудерсъ, Піерсонъ и Гиффердъ. Было также и Польское общество, собиравшееся часто у Каролины Собаньской. Изъ этого общества жили довольно открыто г. Залевскій (или Залѣскій) съ женою; позднѣе онъ разорился, и въ 1836 году жена его содержала женскій пансіонъ въ Кіевѣ. Бывали мужскіе обѣды у Александра Собаньскаго, брата Исидора, женатаго на хорошенькой графинѣ Северинѣ Потоцкой, проживавшей, какъ я уже говорилъ, во Флоренціи. Этотъ Александръ Собаньскій записался тогда, не въ примѣръ другимъ Польскимъ помѣщикамъ юго-западнаго края, по 1-й гильдіи, чтобы свободнѣе вести заграничную торговлю пшеницею, и участвовалъ позднѣе въ Польскомъ возстаніи 1831 года. Изъ знакомыхъ мнѣ Поляковъ (кромѣ гг. Залевскаго и Собаньскаго) были полковникъ Блондовскій, графъ Олизаръ, г. Грущецкій (или Грушевскій); послѣдній изъ нихъ былъ не изъ крупнаго Польскаго дворянства. Заслуженный полковникъ Блондовскій, женатый на графинѣ Ильинской, былъ сосѣдъ старика Понятовскаго и на короткой ногѣ съ нимъ; и онъ также бросился опрометью въ Польское возстаніе.

Былъ также и второстепенный Русскій кружокъ чиновничьяго и неаристократическаго состава, собиравшійся у жившаго открытымъ домомъ Грека г. Попандопуло, съ которымъ я не былъ знакомъ, но слыхалъ, что тамъ весело проводили время.

---

*) Отецъ гг. Кортацци былъ Грекъ, а мать Англичанка, и семейство это обританилось. Одинъ изъ братьевъ былъ извѣстенъ прозвищемъ „le beau Cortazzi“ и оправдывалъ вполнѣ это прозвище.

Въ числѣ главныхъ негоціантовъ были Тріестскіе Славянскіе домà гг. Ризничъ и Марпиничъ. Старшій изъ двухъ братьевъ Ризничъ, вдовецъ, женился по отъѣздѣ моемъ изъ Одессы на меньшой изъ графинь Ржевуцкихъ, сестрѣ графа Адама и г-жъ Собаньской и Ханской. Изъ крупныхъ также торговыхъ домовъ пшеницею и шерстью были Французскіе, гг. Сикаръ, Вассалъ и Верани, и Итальянскій Сарторіо.

Кончаю этотъ перечень графомъ Разумовскимъ. Онъ жилъ бирюкомъ-отшельникомъ въ загородномъ своемъ домѣ, никого не принималъ и самъ ни у кого не бывалъ, даже у генералъ-губернатора. Разсказывали, что онъ содержалъ на своемъ хуторѣ цѣлую колонію разныхъ ремесленниковъ и мастеровыхъ для своей потребности.

Публичные балы въ залѣ клуба (такъ-называемаго *казино*), давались по оффиціально-торжественнымъ днямъ и неминуемо открывались полонезомъ, т. е. хожденіемъ по-парно подъ припѣвъ хора съ акомпаніементомъ оркестра: «Александръ, Елисавета, восхищаете вы насъ». Это было для меня совершенно ново. Гимнъ этотъ былъ сочиненъ, вѣроятно, по случаю коронаціи Александра I-го въ 1801 году. Какъ хореграфическое свѣдѣніе, добавлю, что хотя нескончаемые «экосезы» были еще въ общемъ ходу, но о фигурѣ «*Даніилъ-Куперъ*», нѣчто въ родѣ пробнаго танцорскаго камня въ концѣ прошлаго и началѣ текущаго вѣка, уже помину не было, а существовала за то «матрадура», вульгарная довольно пляска, похожая не то на казачка, не то на трепака.

Говорятъ, что Одесса теперь имѣетъ видъ какъ бы столицы; но въ мое время городъ только-что обстраивался, и въ немъ было множество пустырей и лачужекъ. Каменные дома были разбросаны по Ришельевской, Херсонской и Тираспольской улицамъ, на соборной площади и на театральной; но всѣ эти дома стояли по большей части отдѣльно съ промежутками между ними деревянныхъ одноэтажныхъ домиковъ и заборовъ. Бульваръ на морской набережной только-что разводился, и домà вдоль его только начинались строиться, въ томъ числѣ домъ графа Воронцова. Ни Ришельевскаго монумента, ни лѣстницы, спускающейся къ морю, еще не было, и при самомъ началѣ бульвара стояли какія-то низкія мазанки, гдѣ жили неприхотливые, повидимому, артисты Итальянской оперной труппы. Въ болѣе отдаленныхъ отъ центра частяхъ города улицы имѣли физіономію нашихъ уѣздныхъ городовъ, съ тою разницею, что съ обѣихъ сторонъ были обсажены высокими Итальянскими пирамидальными тополями, какъ и соборная площадь. Камень, изъ котораго строились домà, былъ извест-

ковый съ раковинами и ноздреватый; его тесали топоромъ, и онъ былъ до того мягокъ, что въ домѣ Фундуклея (гдѣ жилъ тогда графъ Воронцовъ) стѣна въ биліардной комнатѣ была просверлена насквозь, помнится мнѣ, кіями, концами которыхъ вертѣли въ стѣнѣ, чтобъ они не скользили по шарамъ. Немного было мощеныхъ улицъ, отчего, при частой лѣтней засухѣ, проѣзжіе и пѣшеходы буквально исчезали въ пыльныхъ облакахъ, а выѣзжая за городъ въ гости на хуторъ, хотя мы наглухо обвертывали головы концами плаща, но все-таки пріѣзжали съ лицами покрытыми чернымъ земляньмъ слоемъ, какъ трубочисты, и прежде нежели показаться въ гостиной, нужно было обмываться. Экипажи застрѣвали въ осенней уличной грязи и даже останавливались *). Для сѣверныхъ жителей, не бывшихъ на Европейскомъ Югѣ, Одесса можетъ казаться полураемъ; но мнѣ климатъ ея и однообразныя степныя ея окрестности показались отвратительными. Хуторки, т. е. лѣтнія дачи, тянутся нитью одинъ за другимъ у самого морскаго прибрежья, и только въ нихъ встрѣчается растительность; но они скрываются подъ перпендикулярнымъ отвѣсомъ берега или, точнѣе сказать, за отрывистымъ окончаніемъ степной плоскости, и къ нимъ спускаешься крутымъ скатомъ. За исключеніемъ этихъ оазисовъ, тянувшихся узкою лентой вдоль самаго морскаго берега, все почти остальное было въ мое время одна необозримая голая степь безъ жилищъ и растительности. Былъ, правда, верстахъ въ двухъ отъ города довольно пространный ботаническій садъ подъ управленіемъ г. Десмета, имъ, кажется, и разведенный; но деревà въ немъ показались мнѣ въ страдальческомъ видѣ. Даже въ хорошей водѣ нуждались въ городѣ, и были тамъ одни колодцы и цистерны; а для питья привозили воду изъ ключа, называемаго Фонтаномъ, за двѣ или чуть ли не за три версты отъ заставы. Вотъ каковъ былъ этотъ столь прославленный край!

Два обычая общественной жизни придавали Одессѣ оттѣнокъ иностраннаго города: въ театрѣ во время антрактовъ мужская партерная публика надѣвала на голову шляпу, и на улицахъ дозволялось куренье сигаръ, тогда какъ эта послѣдняя вольность составляла до весьма недавняго времени почти уголовное преступленіе во всѣхъ прочихъ городахъ Россійской имперіи.

Съ самаго перваго времени нашего пріѣзда въ Одессу, возобновились для меня (вслѣдствіе, впрочемъ Флорентинскихъ родительскихъ

*) О позднѣйшемъ мощеніи Одесскихъ улицъ я слышалъ, что суда, привозившія пшеницу въ Ливорно, должны были обязательно нагружаться тамъ вмѣсто баласта плитами изъ каменоломней съ рѣки Арно.

инструкціи) уроки Русской грамматики и словесности и вмѣстѣ съ тѣмъ математики. Скоро завязались между мною и молодымъ моимъ преподавателемъ этихъ предметовъ дружескія отношенія, тѣмъ болѣе, что онъ былъ однокашникомъ и пріятелемъ по Ришельевскому лицею съ моими родственниками Станкерами; но такъ какъ мой Англійскій охранитель не считалъ (вѣроятно) умѣстнымъ или приличнымъ наблюдать за ходомъ этихъ уроковъ, то время проходило у насъ по большей части въ болтовнѣ, и я никакихъ успѣховъ не сдѣлалъ ни въ Русской грамотности, ни въ геометріи. Мѣсяцевъ черезъ шесть, мой г. Флукъ (кажется, что звали его такъ) отправился изъ Одессы куда-то на службу и къ величайшему моему удовольствію не былъ никѣмъ замѣненъ.

Въ обществѣ я уже составилъ себѣ нѣкоторую репутацію, какъ пѣвецъ, а пѣвалъ съ Варварою Аркадьевною Башмаковою (учившеюся пѣть въ Италіи), и также съ одной изъ дѣвицъ Франкини, съ женою полковника Фролова-Багреева и съ женою инженернаго генерала Пуатье, изъ Французской фамиліи, но родившеюся въ Россіи. Г-жа Пуатье, не умѣвшая вовсе управлять своимъ голосомъ и не знавшая даже никакой методы пѣнія, сдѣлалась моею ученицею и, добавлю, весьма послушною.

Лѣтомъ 1824 года прибылъ въ Одессу молодой Швейцарскій пасторъ, краснорѣчивый, какъ слышно было, проповѣдникъ, ради чего стекалась въ реформатскую кирку по воскреснымъ днямъ отборная публика даже иновѣрческихъ исповѣданій. Не менѣе дара проповѣди молодой пасторъ отличался танцами до поту лица на публичныхъ балахъ, въ изящномъ того времени костюмѣ, въ короткихъ натянутыхъ брюкахъ (pantallon collant), въ шелковыхъ черныхъ чулкахъ и башмакахъ. Узнавъ, вѣроятно, что иные люди мыслили, что не подобаетъ служителю алтаря упражняться въ «антраша» и «шассе-батю,» онъ нашелся и на слѣдующее Воскресеніе избралъ темою проповѣди Евангельскій текстъ, указывающій плакать съ плачущими и веселиться съ веселящимися. Конечно, можно было бы возразить ему, что въ боговдохновенной книгѣ не было указанія апостоламъ и ихъ преемникамъ добровольно посѣщать публичныя увеселительныя мѣста.

Къ зимѣ мы перемѣнили квартиру и наняли верхній этажъ каменнаго дома Неаполитанскаго консула де-Рибаса, вблизи къ Лицею. Внизу жилъ почтенный старый Французскій аббатъ Буавенъ, бывшій воспитателемъ графовъ Разумовскихъ и проживавшій на покоѣ на пенсіи, получаемой имъ отъ этого семейства. Онъ былъ не фанатикъ, не склоненъ прозелитировать кого бы то ни было, и любилъ говорить

о дореволюціонной Франціи (онъ былъ изъ эмигрантовъ), о допожарной Москвѣ и о моихъ родителяхъ, которыхъ онъ коротко знавалъ. И вотъ почему я, при всей своей вѣтренности, заходилъ поболтать съ этимъ живымъ и всегда веселымъ старичкомъ. Отецъ мой, узнавъ изъ писемъ г. Слоана, что аббатъ Буавенъ проживаетъ въ Одессѣ, предложилъ ему переѣхать къ намъ въ домъ во Флоренцію для компаніи моему отцу съ назначеніемъ жалованья; но аббатъ не принялъ этого предложенія, извиняясь неудобствомъ мѣнять свое мѣстопребываніе и сложившійся образъ жизни въ преклонныхъ его лѣтахъ.

По переѣздѣ нашемъ на новую квартиру, г. Слоанъ счелъ, вѣроятно, соотвѣтствующимъ свѣтскому нашему положенію (онъ былъ во всемъ олицетвореніе порядочности и настоящимъ джентельмэномъ) или болѣе экономичнымъ, обзавестись намъ своимъ экипажемъ и купилъ пару сѣрыхъ здоровыхъ лошадей, одна изъ которыхъ служила мнѣ даже для верховой ѣзды, и нанялъ кучера Англичанина, но обрусѣвшаго до того, что онъ все вставлялъ Русскія слова въ свой природный простолюдный говоръ. Коляска же была у насъ, хотя дорожная.

Пропустилъ я разсказать объ одномъ моемъ приключеніи, относящемся къ лѣту 1824 года. Прибыла тогда Французская водевильная труппа подъ дирекціею г-жи Данжвилль, артистки, посягавшей на притязаніе слыть также оперною пѣвицею и для того вставлявшей Итальянскія аріи въ водевильныя роли. Мнѣ, какъ пѣвцу, штука эта не понравилась, на томъ, между прочимъ, основаніи, что опернаго міра люди говорили, будто бы если артисты иной (не Итальянской) труппы будутъ пѣть что нибудь изъ неигранныхъ еще Итальянцами оперъ, то таковыя оперы не могутъ-де даваться на сценѣ цѣликомъ до истеченія извѣстнаго срока, а Итальянская труппа намѣревалась поставить въ непродолжительное время Россиніеву оперу Сороку-воровку. И вотъ почему я составилъ партію, чтобы освистать дерзкую Француженку, и самъ изъ большой генералъ-губернаторской ложи подалъ сигналъ. У нея были поклонники (да и, дѣйствительно, она была не безъ таланта), и изъ сего вышелъ «гроссе-скандалъ»: одинъ Французскій негоціантъ закричалъ на мой счетъ «à bas, le cochon» (молчать, свинья). Послѣ этой исторіи началось, кажется, неблаговоленіе ко мнѣ графа Воронцова, а зимою случилось другое со мною приключеніе, которое подкрѣпило, быть можетъ, его нерасположеніе. Я былъ членомъ по подпискѣ тамошняго Англійскаго общества охоты съ гончими безъ борзыхъ (la chasse forcée), и мимоходомъ скажу, что нашъ членскій костюмъ состоялъ изъ ярко-зеленаго сюртука съ мѣдными пуговицами и изображеніемъ на нихъ охотничьихъ атрибутовъ, а доѣзжачій и охотникъ были въ крас-

ныхъ сюртукахъ и въ сапогахъ съ отворотами. Все это было точь въ точь какъ изображаются на Англійскихъ гравюрахъ охоты, и все это меня, какъ англомана, сильно потѣшало. Графъ Воронцовъ дозволялъ мнѣ пользоваться иногда верховыми своими лошадьми, а я въ одну бѣшеную скачку на этой охотѣ, противъ свирѣпаго вѣтра, продолжавшуюся нѣсколько часовъ, надорвалъ его Французскую кобылу Лимузинской породы, которая пала вскорѣ послѣ того, какъ я слѣзъ съ нея у конюшни. А довершилъ я свою бѣду передачею какихъ-то сплетень, касавшихся двухъ дамъ, г-жъ Фроловой-Багреевой и Башмаковой. Всѣ подробности этой исторіи я уже позабылъ; помню лишь, что она началась съ преимущества, которое я отдавалъ пѣнію г-жи Башмаковой противъ пѣнія г-жи Фроловой-Багреевой. Служившій при графѣ г. Шварцъ отозвался какъ-то нелестно на счетъ первой изъ этихъ дамъ (по поводу, кажется, ея пѣнія), и на мое ему замѣчаніе, что онъ не посмѣлъ бы высказаться такъ при ней, отвѣчалъ, что онъ уполномочиваетъ меня передать его слова ея мужу. Кто повѣритъ, что я былъ такимъ новичкомъ въ свѣтѣ и дѣтски-наивнымъ, что счелъ обязанностію буквально исполнить порученіе г. Шварца! Дмитрій Евлампіевичъ Башмаковъ, выслушавъ мою передачу словъ г. Шварца, естественно вспылилъ и повезъ меня съ собою для личныхъ объясненій съ нимъ. Г. Шварцъ отрекся отъ своихъ словъ и даже, кажется, назвалъ меня «vilain polisson», и этой моею выходкой я возстановилъ противъ себя обѣ стороны. Дѣло разыгралось не на шутку, когда оно дошло до ушей графа Воронцова. Вырвался у него потокъ упрековъ, и, сколько помнится мнѣ, онъ сталъ говорить, что ему надоѣла роль воспитателя юношей, а за тѣмъ онъ велѣлъ мнѣ отправиться домой и тамъ сидѣть подъ арестомъ впредь до его разрѣшенія. Можетъ быть, послѣ этой сцены, онъ объявилъ г. Слоану, что желаетъ моего отъѣзда изъ Одессы, но утвердительно сказать это не могу. Знаю только, что весною 1825 года степенный и флегматическій графъ Эдлингъ, по праву стараго знакомства, посовѣтовалъ г. Слоану уѣзжать со мною изъ Одессы, и что послѣдовала переписка обо мнѣ между графомъ Воронцовымъ и моими родителями; но въ чемъ именно она заключалась, мнѣ неизвѣстно.

Былъ еще случай, пропущенный мною и предшествовавшій исторіи съ г. Шварцомъ. Г. Савеловъ, родственникъ графа А. Д. Гурьева, однажды послѣ обѣда у Башмаковыхъ заложилъ мнѣ банкъ, можетъ быть, шуткою; но я принялъ игру за правду, хотя не имѣлъ никакого понятія о банкѣ. Безъ гроша въ карманѣ (денегъ мнѣ давали весьма мало на мои мелкіе расходы), я проигралъ двое часовъ, одни изъ ко-

торыхъ завѣщала мнѣ моя Англійская няня Мага (Маргарита Саутъ), умершая въ 1812 году, а другіе были подарены мнѣ моимъ отцемъ. Нѣсколько дней спустя, графиня Воронцова устроила у себя послѣ обѣда, при немногихъ постороннихъ лицахъ, мнимую лотерею, и на мой билетъ выпалъ будто бы выигрышъ: двое моихъ часовъ, возвращенные мнѣ при нравоучительной и дюжинной рѣчи словоохотнаго и тяжелаго графа А. Д. Гурьева. Вся эта комедія разыграна была крайне оскорбительнымъ образомъ для моего самолюбія.

При подобной обстановкѣ невозможно было долѣе оставаться въ Одессѣ; да и самъ мой охранитель наврядъ ли пользовался особеннымъ къ нему расположеніемъ графа Воронцова, хотя и принадлежалъ къ любимой графомъ націи. Не оправдываю легкомысленнаго моего поведенія въ Одессѣ; но мнѣ все таки кажется, что графъ Воронцовъ былъ черезъ чуръ строгъ къ ребяческимъ моимъ шалостямъ: вопіющихъ пороковъ или безнравственныхъ привычекъ я въ то время не выказывалъ. Весною этого 1825 года, графъ, если не ошибаюсь, былъ пожалованъ въ генералъ-адъютанты; мы всѣ ходили поздравлять его съ этимъ отличіемъ, а послѣднее мое свиданіе съ нимъ было, когда, немного позднѣе, онъ куда-то уѣзжалъ, и мы всѣ ходили прощаться съ нимъ. Графъ слылъ, какъ извѣстно, либераломъ и Англоманомъ, и его репутація въ первомъ отношеніи навлекла на него, какъ говорили, нерасположеніе подозрительнаго императора Александра Павловича. Не взирая на это, его все-таки употребляли по административной части, но съ возвращеніемъ его корпуса изъ Франціи, въ 1819 году, онъ не получалъ уже болѣе никакого военнаго назначенія, тогда какъ въ кампаніяхъ 1812—1814 годовъ онъ выказалъ блестящія стратегическія способности. Императоръ Александръ остался-де недовольнымъ распущенностію въ его корпусѣ, во время стоянки въ Мобёжѣ, въ подражаніе Французскимъ болѣе, чѣмъ у насъ, вольнымъ пріемамъ нижнихъ чиновъ. На счетъ его либерализма скажу, что, въ непродолжительное мое нахожденіе при немъ, я ничего особеннаго не подмѣтилъ, равно и предпочтенія Англичанамъ. Было, правда, при немъ трое Англичанъ, врачъ г. Ли (doctor Lee), молодой чиновникъ Джаксонъ, управлявшій небольшимъ, но живописнымъ и любимымъ имѣніемъ графини Елисаветы Ксаверьевны, с. Мошнею на Днѣпровскомъ берегу, неподалеку отъ Таганчи, и главный его конюхъ; но это ничего еще не доказываетъ.

Иные называли графа двуличнымъ. Убѣдиться въ этомъ я не имѣлъ случая, но охотно сознаюсь, что онъ былъ скрытенъ, что́ однакоже не значитъ, что онъ умѣлъ притворяться. Предосудительнаго ничего не вижу придерживаться Французской поговорки, что «on peut

dissimuler, mais non pas simuler» *). А что до его обвиненія въ либерализмѣ, то замѣчу, что въ Александровское время приписывали этому слову такое-же эластичное значеніе, какъ у насъ эпитетъ «краснаго», послѣ обнародованія манифеста 19 Февраля 1861 года.

И такъ, съ наступленіемъ лѣта, положено было намъ выѣхать изъ Одессы. О ней я нисколько не сожалѣлъ и даже желалъ скорѣе изъ нея выѣхать, такъ какъ г. Слоанъ рѣшилъ, что мы поѣдемъ въ любимое наше Бѣлкино. При насъ былъ нашъ вѣрный Дмитрій Ломовъ, снова сдѣлавшійся крѣпостнымъ; но кромѣ его при мнѣ находился въ Одессѣ камердинеромъ, по желанію моего отца, Нѣмецъ Францъ для моей практики въ Нѣмецкомъ языкѣ; его мы разсчитали при отъѣздѣ изъ Одессы. Онъ былъ хорошій стрѣлокъ и охотился со мною по городскимъ окрестностямъ: но хотя я его очень полюбилъ, тѣмъ не менѣе я не сдѣлалъ никакихъ успѣховъ въ Нѣмецкомъ языкѣ, такъ какъ онъ большею частію говорилъ со мною на Польскомъ, мнѣ понятномъ.

Отецъ мой тоже пожелалъ, чтобы я поучился играть на гитарѣ, чтобы аккомпанировать себѣ въ пѣніи, такъ какъ я не могъ дѣлать этого на фортепіано, и ко мнѣ хаживалъ въ Одессѣ одинъ Нѣмецъ-гитаристъ, а послѣ его Итальянскій полу-маэстро Томмазини, бывавшій у моего отца въ Москвѣ до 1812 года и разсказывавшій мнѣ, какъ хорошо пѣвалъ тогда мой отецъ буффовыя аріи и какъ онъ глумился надъ тогдашнимъ Московскимъ учителемъ пѣнія, кастратомъ Лелліо Москетти. Все это, конечно, очень меня интересовало, но большихъ успѣховъ я все-таки не сдѣлалъ на гитарѣ и въ 1830 году бросилъ окончательно этотъ инструментъ. Диллетантскіе мои успѣхи въ Одесскомъ обществѣ были довольно удовлетворительными, и я, между прочимъ, пѣвалъ Пушкинскую «Черную шаль», но сначала ее пѣвали на монотонный мазурочный напѣвъ, не свойственный словамъ. Въ 1825 году появилась драмматическая, какъ слѣдуетъ, мелодія на тѣже слова, графа Михаила Юрьевича Віельгорскаго, только что начинавшаго свое поприще какъ композиторъ, и бывшаго когда-то ученикомъ Парижскаго маэстра Керубини. Мелодію эту графъ Віельгорскій написалъ, если не ошибаюсь, нарочно для даровитаго баса Московской Русской оперы, Лаврова.

И такъ мы въ Іюнѣ 1825 г. потянулись изъ Одессы въ Калужскую губернію. Это было утомительное путешествіе чрезъ голыя Новороссійскія степи, безъ шоссейныхъ дорогъ, безъ гостинницъ, въ самую жаркую пору года. На козлахъ нашей Петербургской Іохимовской коля-

*) Можно скрывать свои чувства, но притворяться не слѣдуетъ.

ски, вѣрно служившей съ 1817 года, возсѣдалъ Дмитрій, чувствовавшій себя какъ дома на родимой почвѣ. Мало горевалъ онъ, что промѣнялъ хорошій и дешевый Тосканскій лафитъ на Русскую сивуху и, забывъ о сдержанныхъ пріемахъ въ обращеніи съ иностранными почтарями, не дозволяющихъ принуждать къ болѣе быстрой ѣздѣ, чѣмъ установлено, началъ давать волю рукамъ, когда пришлось имѣть дѣло съ своими ямщиками. Костромичъ нашъ не щадилъ національной реторической, но не совсѣмъ приличной, ругани, сопровождавшей его часто повторяемое «пошелъ!» Охранитель мой не былъ посвященъ въ эту филологическую тайну, да и для меня эти выраженія были почти новинкою: спѣшу однакоже добавить въ честь Дмитрія, что не отъ него впервые я ихъ слыхалъ. Былъ онъ и съ нѣкоторымъ юморомъ. Однажды, проѣзжая ночью черезъ длинный мостъ на плашкоутахъ, гдѣ платили за проѣздъ, когда солдатъ-сторожъ спросилъ, «кто ѣдетъ изъ статскихъ или военныхъ»? (вѣроятно военные не платили), Дмитрій бросилъ ему отвѣтъ: «Нѣтъ, не военный: а только дѣдъ моего барина былъ фельдмаршалъ, отецъ генералъ, а онъ самъ полковникъ», вслѣдствіе чего насъ не остановили.

Въ Николаевѣ мы пробыли день у капитана Зонтага, Одесскаго нашего знакомца, который чѣмъ-то былъ тамъ по морской службѣ, или находился при тамошнемъ адмиралтействѣ. Его жена, литераторша Анна Петровна, просила насъ заѣхать по дорогѣ въ небольшое ея имѣніе подъ самымъ г. Бѣлевымъ, гдѣ недавно сталъ управлять Англичанинъ-агрономъ г. Сонъ, съ которымъ я встрѣчался въ Одессѣ на нашей Англійской охотѣ *). Проѣзжая черезъ Курскъ, мы полюбопытствовали посмотрѣть на знаменитую тамошнюю ярмарку, называемую Коренною, гдѣ мы случайно познакомились съ артиллерійскимъ полковникомъ Яптальцовымъ. Онъ говорилъ крайне несдержанно о правительствѣ (вещь почти неслыханная въ то время), и впослѣдствіи мы узнали, что онъ участвовалъ въ Декабрьскомъ событіи и былъ сосланъ. По просьбѣ Анны Петровны Зонтагъ, мы заѣхали на нѣсколько часовъ въ Бѣлевское ея имѣніе, не болѣе версты въ сторону по дорогѣ изъ Орла въ Калугу. Посѣщеніе это послужило къ тому, что мой компаніонъ-охранитель познакомился съ своимъ землякомъ г. Сономъ, и позднѣе рекомендовалъ его моей матери въ управляющіе въ Бѣлкино.

Съ бьющимся сердцемъ подъѣзжалъ я къ мѣсту ранняго моего дѣтства. Видимо повеселѣлъ и нашъ Дмитрій. Какъ только коляска

*) Послѣ этого я одинъ только разъ повстрѣчался въ 50-хъ годахъ съ А. П. Зонтагъ, у старой тетки моей жены, Авдотьи Ивановны Нарышкиной, проживавшей въ своемъ Тарусскомъ имѣніи, с. Лопатинѣ.

наша подкатила къ крыльцу каменнаго лѣтняго дома, я выскочилъ и бросился на шею вышедшему намъ навстрѣчу тёзкѣ моему Михаилу Клееву (управлявшему Бѣлкиномъ) и затѣмъ, обѣжавъ всѣ знакомые мнѣ углы дома, сталъ отыскивать свои дѣтскія игрушки, но увы! дерзкая рука какого-то неизвѣстнаго Аттилы посягнула на эти сокровища, хотя онѣ были тщательно уложены въ маленькомъ моемъ бюро, къ которому компаніонъ Эдуардъ и я, мы приложили печать, когда осенью 1816 года уѣзжали на зиму въ Петербургъ. Печать съ бюро была сорвана, и кое-гдѣ по комнатѣ разбросаны были одни обломки моихъ игрушекъ. Хотя мнѣ уже минуло 18 лѣтъ, но это сильно меня кольнуло. Отправился я оттуда пошарить въ сестриныхъ комнатахъ и въ дѣтскомъ комодикѣ сестры Елисаветы Дмитріевны (она была моя любимая и особенно любящая меня сестра) наткнулся на гардеробъ ея куколъ: тутъ я не выдержалъ: прослезился какъ ребенокъ и побѣжалъ показать г. Слоану одно кукольное платьице. Ни ей и никому изъ женщинъ нашего семейства не суждено было болѣе увидѣть любимое всѣми нами Бѣлкино! Повторяю Латинскій прозелитизмъ исказилъ всю нашу семейную жизнь......

Изъ дому побѣжалъ я въ стриженный садъ, гдѣ когда-то висѣли наши качели, къ Годуновскому вязу, сборному пункту дѣтскихъ нашихъ игръ; пострадалъ онъ сердечный въ эти девять лѣтъ моего отсутствія: молнія сорвала съ него макушку. Помчался я отъ него какъ угорѣлый на померанцевую выставку, на *«côteau»*: амфилада вся стояла стройно и зелено въ два ряда, какъ при моемъ отцѣ. Отыскалъ я и расцѣловался съ старыми садовниками, изъ которыхъ трое еще были въ живыхъ. Оттуда на птичій и скотный дворъ. Старую птичницу Афросинью, особенную фаворитку моей матери и которая трагически, бывало, относилась къ павшей скоропостижно курицѣ, я не могъ уже обнять: она умерла безъ насъ; но скотница была еще въ живыхъ, и я ее облобызалъ. Но вотъ открылась передъ моими глазами и Марьина роща! Теперь, когда пишу эти строки, прошло уже тому 45 лѣтъ; но утвердительно могу сказать, что ощущеніе мое при тогдашнемъ возвращеніи въ Бѣлкино было изъ наисильнѣйшихъ въ моей жизни. Оно стоитъ на ряду съ тремя другими блаженнѣйшими минутами: когда я надѣлъ въ первый разъ гусарскій мундиръ въ 1827 году; въ день моей женитьбы 12 Ноября 1834 года, и когда, лѣтомъ 1835 года, я опять свидѣлся съ моею матерью въ Тепловкѣ, послѣ девятилѣтней съ нею разлуки....

Въ Бѣлкинѣ прожили мы два полные мѣсяца, и влеченіе мое къ этой возобновившейся деревенско-Русской и привольной жизни, послѣ

чопорности Флорентинской, дошло до того, что я ходилъ въ Русской цвѣтной рубашкѣ съ косымъ воротомъ, или во Французской синей рабочей блузкѣ («de charretier»), отысканной въ числѣ вещей, привезенныхъ братомъ изъ Парижа въ 1814 году, и всѣ дни проводилъ, работая съ садовниками и барщиною, для расчистки запущеннаго сада, или рыская по лѣсамъ до поздней ночи съ отборными двумя парнями изъ деревни, распѣвая съ ними во все горло пѣсни, и къ хору моему примкнулъ молодой дьячокъ, отличный басъ. А то заберусь я ночевать съ ними на сѣнныя копны, во время покоса, или съ ружьями на отаву, куда деревенскіе мальчишки выѣзжали на ночное, въ надеждѣ подстрѣлить волка, но въ этомъ удовольствіи онъ намъ отказалъ. Иной разъ, по окончаніи дневныхъ работъ, соберу барщину обоего пола и дворовыхъ людей, пою ихъ виномъ и пивомъ, и тутъ пойдутъ у насъ пѣсни да пляски до разсвѣта. Это былъ нѣкотораго рода протестъ противъ продолжительнаго и не по сердцу мнѣ склада недавней еще иностранной жизни. Предавшись подобному буколическому настроенію, я тяготился наряжаться въ обыкновенное платье для визитовъ съ г. Слоаномъ къ сосѣдямъ, къ которымъ мы однакоже ѣздили по Воскресеніямъ. Тезка мой Клеевъ приходилъ въ отчаяніе, какъ мѣстный администраторъ, отъ произведенной мною неурядицы, глядя на которую даже староста Емельянъ пожималъ плечами: дворовые люди чуть не спились. барщина дошла до распущеннаго состоянія. Да и каково было бѣдному сопутнику и охранителю моему сидѣть съ утра до ночи одному дома безъ всякаго другаго общества кромѣ книгъ, за исключеніемъ приходившаго иногда къ вечернему его чаю нашего отца Ѳедора; но бесѣда ихъ была трудненька, такъ какъ приходилось имъ объясняться не иначе какъ по-латыни. И я между тѣмъ, какъ вертопрахъ, не возвращался иногда домой даже отобѣдать съ г. Слоаномъ, а закусывалъ кое-чѣмъ то у Клеева, а то на деревнѣ у кумовьевъ, такъ какъ крестниковъ у меня было довольно, со времени моего дѣтства. Нехотя подчинялся я выѣздамъ по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ къ сосѣднимъ помѣщикамъ, которые всѣ сохраняли живую привязанность къ нашему семейству. Это были во-первыхъ Екатерина Григорьевна Болтина. У нея я познакомился съ ея братомъ, княземъ Николаемъ Григорьевичемъ Вяземскимъ, долго бывшимъ Калужскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства *). У Болтиной гостили тогда (или быть можетъ, совсѣмъ проживали) двѣ дочери адмирала Сенявина, одна изъ которыхъ была

*) Князь Н. Г. Вяземскій умеръ въ концѣ 1845 или въ началѣ 1846 года. Не сказалъ я, гдѣ слѣдовало, что въ Одессѣ проживалъ одинъ его братъ, человѣкъ странныхъ довольно обычаевъ и, сколько помнится, находившійся въ нуждѣ.

очень хороша собою, съ типомъ Итальянской Юноны [1]). Другая сосѣдка была старушка Прасковья Семеновна Ефимовичъ. Меньшая ея дочь Софія Ивановна уже давно была замужемъ за генераломъ Александромъ Ивановичемъ Мамоновымъ [2]), а другая за Руничемъ, извѣстнымъ мистикомъ, ретроградомъ, піетистомъ и кураторомъ Петербургскаго учебнаго округа. Съ Прасковьею Семеновною жилъ ея сынъ Александръ Ивановичъ, человѣкъ уже лѣтъ пятидесяти, если не болѣе, дочь котораго убѣжала лѣтъ пять позднѣе изъ родительскаго дома и обвѣнчалась съ однимъ армейскимъ пѣхотнымъ офицеромъ. Въ числѣ гостей П. С. Ефимовичъ я разъ видѣлъ Степана Алексѣевича Маслова, уже тогда секретаря Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства. У него было тогда небольшое имѣніе въ близкомъ сосѣдствѣ съ Ефимовичевыми [3]). Всѣ три малолѣтнія дочери Софіи Ивановны Мамоновой, были три граціи и таковыми осталися въ зрѣломъ ихъ возрастѣ. Воспитывала и образовала своихъ дочерей, сама достойная ихъ мать, безъ посторонней помощи. Имѣніе Ефимовичевыхъ, село Спасъ или Спаское, на р. Протвѣ, было въ семи верстахъ отъ Бѣлкина и въ двѣнадцати отъ Малоярославца. Въ немъ была въ 1812 году главная квартира князя М. И. Кутузова послѣ знаменитаго его фланговаго движенія отъ Боровской переправы черезъ Москву-рѣку, по старой Калужской дорогѣ мимо с. Воронова, и отступленія къ Тарутину, откуда армія наша быстро повернула на Малоярославецъ и стала поперегъ Наполеону, пытавшемуся пробиться на Калугу и оттуда въ неопустошенныя еще войною мѣстности.

---

[1]) Имѣніе Е. Г. Болтиной (Боровскаго уѣзда) село Тимашево принадлежитъ нынѣ Маріи Михайловнѣ Волковой, мать которой, княгиня Анна Николаевна Голицына, дочь князя Н. Г. Вяземскаго.

[2]) Генералъ Мамоновъ талантливо рисовалъ. Я повстрѣчался съ нимъ въ Варшавѣ въ 1832 году.

[3]) Нигдѣ болѣе не придется мнѣ говорить о С. А. Масловѣ, и потому посвящу ему нѣсколько словъ. Маститый нынѣ этотъ старикъ почіетъ на лаврахъ полувѣковой служебной дѣятельности, исключительно посвященной благу человѣчества. Маленькое свое имѣніе, о которомъ я упомянулъ, давно имъ продано, весь свой небольшой капиталъ, пріобрѣтенный строгою экономіею, онъ, по евангельской заповѣди, раздалъ нуждающемуся люду, и нынѣ живетъ на одной своей пенсіи, составляющей около 2000 р. въ годъ. Оставалось у него билетами 800 рублей, и тѣ онъ недавно отдалъ сыну своего стараго камердинера для покупки рекрутской квитанціи. Онъ съ 30-ти лѣтняго возраста перестал употреблять мясную пищу, что̀ не мѣшаетъ ему быть совершенно здоровымъ и бодрымъ. Я слышалъ, что онъ дѣвственникъ, и подобная же нравственная непорочность преобладаетъ въ его взглядахъ и мнѣніяхъ. Будучи друженъ съ намѣстникомъ Троице-Сергіевой лавры, архимандр. Антоніемъ, онъ уже тридцать лѣтъ какъ постоянно ѣздитъ туда на Рождественскіе праздники и Пасху. Изъ главныхъ его заслугъ основаніе и разведеніе въ Россіи шелководства. Теперь (въ 1872 году) ему идетъ 80-й годъ. Ему обязанъ окончаніемъ воспитанія и первоначальнымъ направленіемъ на службѣ графъ Дмитрій Николаевичъ Толстой, мой духовный, такъ сказать, преобразователь, о которомъ много буду говорить впослѣдствіи.

Съѣздили мы также на недѣлю къ Жеребцовымъ, въ ихъ имѣніе с. Ламишино, Звенигородскаго уѣзда. Находясь тамъ не болѣе какъ въ 40 верстахъ отъ Москвы, очень хотѣлъ взглянуть на первоначальное наше гнѣздо, но г. Слоанъ не разсудилъ поѣхать туда. Проѣздомъ черезъ Воскресенскъ (Новый Іерусалимъ) я нечаянно наткнулся на пожилую даму совершенно мнѣ незнакомую; но она, узнавъ, кто я таковъ, бросилась мнѣ на шею и объявила себя моею теткою. Эта была г-жа Малиновская, кузина моей матери по третьему или четвертому колѣну; радушная ея выходка сконфузила меня, потому что дома я никогда о ней не слыхивалъ [1]). Явно было, что всѣ прежніе знакомые моего семейства рады были видѣть меня возвратившимся въ отечество, и иные не стѣсняясь скорбѣли о нашемъ переселеніи. Хорошенькое въ живописномъ отношеніи имѣньице было это Ламишино Жеребцовыхъ, а на счетъ его названія я сильно подозрѣвалъ, что «Ламишино» было ничто другое, какъ Русская передѣлка Французскихъ словъ «L'ami chez nous», т. е. «другъ нашъ гоститъ у насъ», на подобіе одной деревни княгини Е. Р. Дашковой въ Тарусскомъ ея имѣніи, Гамильтоново, данное этой деревнѣ въ честь англійской миледи Гамильтонъ, гостившій тогда у княгини и въ присутствіи которой была закладка дома въ этомъ селеніи. У Жеребцовыхъ гостили тогда Дорреръ, родители Софіи Филипповны Жеребцовой, и восьмидесяти-лѣтній безъ малаго г. Дорреръ, все силился передать мнѣ дребезжащимъ голосомъ особенно хваленый имъ напѣвъ прошлаго вѣка, Латинскаго церковнаго гимна «Dies irae, dies illa». Заѣзжали мы также въ с. Брыково, Звенигородскаго же уѣзда, къ теткѣ моей матери Настасьѣ Петровнѣ Квашниной-Самариной, гдѣ я опозналъ тотъ величественный сибирскій кедръ, орѣшки котораго оставались у меня въ памяти съ шестилѣтняго возраста. Говорилъ ли я, не помню, что Настасья Петровна была дочь графа Петра Семеновича Салтыкова, побѣдителя Фридриха Великаго [2]). Намъ сопутствовалъ во всю эту поѣздку нашъ Бѣлкинскій священникъ отецъ Ѳедоръ Васильевичъ, и меня забавляло, какъ онъ тщательно укладывалъ въ дорожный ящичекъ нежалованную ему скуфью, и надѣвалъ ее только въ гостяхъ. Имѣть скуфью было весьма рѣдкимъ въ то время исключеніемъ для сельскаго священника, а камилавокъ рѣшительно тогда не давали кромѣ какъ городскимъ священникамъ. Какъ ни старался

---

[1]) Домъ Малиновскихъ былъ на Мясницкой, у Красныхъ воротъ, тотъ самый, что нынѣ братьевъ Бутеноппъ. Дочь г-жи Малиновской вышла замужъ за князя Долгорукова.

[2]) Портреты Н. П. Самариной, ея мужа Петра Ѳедоровича и ихъ дочери графини Чернышевой, находятся въ семейной портретной галлереѣ, Тамбовской губ. и уѣзда въ с. Воронцовѣ, нынѣ имѣніе Елисаветы Александровны Болдыревой, урожденной Тимофеевой.

въ 40-хъ годахъ доставить эту награду протопопу моего села Порзней, но Костромской архіерей, не смотря на то, что я былъ коротко ему знакомъ, отказалъ мнѣ въ этой просьбѣ на томъ основаніи, что сельскимъ священникамъ камилавокъ не дается. Теперь, не то что протопопъ, а священникъ глухаго села получаетъ этотъ знакъ отличія.

Возвратившись въ Бѣлкино, мы поѣхали на нѣсколько дней въ с. Знаменское (Игнатовское тожъ), къ моей теткѣ (по ея мужу) Елисаветѣ Ивановнѣ Нарышкиной. Могъ-ли я думать тогда, что женюсь на ея дочери, и что въ этомъ самомъ Знаменскомъ я начну писать настоящія мои записки? Тогдашней моей кузинѣ, Катенькѣ, шелъ десятый годъ (она род. 20 Іюня 1816 г.), и она была очень миловиднымъ ребенкомъ, но особенно хороши были у нея и тогда, и впослѣдствіи глаза, лобъ и брови. Въ эти немногіе дни моего тамъ пребыванія она полюбила меня до того, что, когда бывала уже въ постели, посылала за мною свою няньку, чтобы я сидѣлъ возлѣ нея, покуда заснетъ. Выше не договорилъ я, что Е. И. Нарышкина, узнавъ о нашемъ пріѣздѣ въ Бѣлкино, прислала къ намъ десятилѣтняго своего сына Алексѣя Ивановича съ его гувернеромъ, Французомъ Осипомъ Августиновичемъ Тридономъ, сдѣлавшимся впослѣдствіи искреннимъ моимъ другомъ, и вотъ почему нужнымъ считаю сообщить краткія о немъ свѣдѣнія.

Онъ былъ уроженецъ города Лангра въ Шампаніи, кончилъ аптекарскій курсъ въ Парижѣ и находился при тамошнемъ госпиталѣ «Hôtel-Dieu», потомъ пріѣхалъ въ Россію въ 1818 или 1819 году вмѣстѣ съ двумя своими товарищами г. г. Барбье и Жобаромъ. Первоначально онъ прожилъ около двухъ лѣтъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ и оттуда переселился къ Таруському помѣщику генералу Гурко (женатому на Полторацкой), у него содержалъ вольную (въ родѣ уѣздной) аптеку и, по приглашенію того же уѣзда помѣщицы Елисаветы Ивановны Нарышкиной, поступилъ къ ней въ домъ воспитателемъ ея сына. Быть наставникомъ онъ могъ по классическимъ своимъ познаніямъ. Г. Барбье поступилъ тѣмъ же въ домъ Дьяковыхъ, а г. Жобаръ пошелъ по педагогической публичной части и получилъ всеобщую извѣстность во время своего нахожденія профессоромъ въ Казанскомъ университетѣ, оффиціальною своею борьбою съ тогдашнимъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа, обскурантомъ М. Л. Магницкимъ, а позднѣе, съ самимъ министромъ народнаго просвѣщенія графомъ С. С. Уваровымъ, за что̀ былъ уволенъ изъ службы и высланъ за границу. Онъ былъ человѣкъ весьма способный и свѣдущій, но безпокойнаго нрава и раздражительнаго темперамента.

Въ г. Тарусѣ, отстоящемъ въ двухъ верстахъ отъ Знаменскаго, квартировалъ тогда съ своею артиллерійскою ротою (нынѣ батареею) полковникъ Николай Ивановичъ Колесовъ; жена его была Полька, и оба сдѣлались домашними у Е. И. Нарышкиной, а сынъ ихъ, Иванъ Николаевичъ, почти ровесникъ молодому Нарышкину, началъ раздѣлять уроки и игры съ дѣтьми г-жи Нарышкиной, подъ надзоромъ О. А. Тридона [1]). Елисавета Ивановна воспитывала въ то время у себя бѣднаго Французскаго мальчика-сироту Александра Дероше [2]). Е. И. Нарышкина, находясь однажды въ Калугѣ, взяла къ себѣ этого мальчика изъ жалости, по просьбѣ бывшаго тогда Калужскимъ полицеймейстеромъ Антона Антоновича Кавецкаго.

Разстояніе отъ Бѣлкина до Знаменскаго 60 верстъ, и дорога идетъ черезъ с. Троицкое, гдѣ меня поразило разрушительное состояніе, до котораго дошелъ тамошній громадный господскій домъ знаменитой княгини Е. Р. Дашковой. Всякій, кто хотѣлъ, таскалъ что́ было угодно изъ библіотеки этого дома, и слѣдовъ уже не было отъ нея въ концѣ 20-хъ годовъ.

Возвратившись въ Бѣлкино, мы тамъ прожили еще недѣли двѣ, и въ концѣ Августа пришлось мнѣ опять распроститься съ тёзкою Клесвымъ и направиться къ Югу.

Чтобы дать нѣкоторое понятіе о тогдашнихъ почтовыхъ сношеніяхъ, отмѣчу, что наши письма изъ Флоренціи адресовались въ Москву, на имя почтъ-директора Ивана Александровича Рушковскаго, давнишняго друга моего отца, а отъ него они пересылались къ намъ черезъ Боровскую почтовую контору. Къ нему заходилъ за этими письмами сторожъ сгорѣвшаго нашего дома въ Нѣмецкой слободѣ, Петръ Прохоровъ Пономаревъ, который, препровождая къ г. Слоану счетъ издержекъ за отправку этихъ писемъ, поставилъ также въ расходъ его разъѣзды на извощика. Не понравилось бывшему моему гувернеру, какъ иностранцу, что Русскіе коммиссіонеры не исполняютъ данныхъ имъ порученій пѣшкомъ, какъ это водится за границею, а ѣздятъ въ экипажахъ. Хотя онъ конечно не могъ знать о большомъ разстояніи между Госпитальнымъ мостомъ на Яузѣ и Мясницкими воротами, гдѣ находится почтамтъ, но тѣмъ не менѣе, замѣчаніе г. Слоана не лишено нѣкотораго основанія, и дѣйствительно наши *личарды*, и въ преж-

---

[1]) Нынѣ, И. Н. Колесовъ дѣйствительный статскій совѣтникъ и вице-директоръ департамента внѣшней торговли.

[2]) Молодой Дероше́ поступилъ въ военную службу вольноопредѣляющимся въ 1835 или 1836 году, и умеръ отъ болѣзни на Кавказѣ въ 1839 г.

нія времена крѣпостнаго права, и нынѣшніе вольно-наемные, избѣгаютъ, елико возможно, всякаго пѣшаго хожденія при исполненіи коммиссій, тогда какъ иностранному слугѣ и въ голову не придетъ самовольно взять «фіакръ» на счетъ своего господина. Писали и мы также во Флоренцію не иначе, какъ черезъ Москву.

Проѣздомъ черезъ Орелъ я увидалъ тамъ проходившій по улицѣ драгунскій полкъ въ полномъ составѣ со взводомъ трубачей впереди на пѣгихъ лошадяхъ (что́, скажу мимоходомъ, было очень эффектно), и возникло во мнѣ вдругъ неощущенное дотолѣ желаніе поступить въ военную службу, и съ этой минуты оно не покидало меня до тѣхъ поръ, пока я не получилъ на то согласія моего отца, не сочувствовавшаго этому роду службы, которую онъ называлъ, «le harnais militaire» (военный хомутъ). Въ Орлѣ стояла тогда драгунская дивизія, недавно передъ тѣмъ смѣнившая кирасирскую дивизію генерала Дуки.

Изъ Орла мы свернули съ большой дороги, чтобы навѣстить графа Григорья Ивановича и графиню Елисавету Петровну Чернышевыхъ, проводившихъ лѣто въ ихъ имѣніи с. Тагинѣ, въ Орловскомъ же уѣздѣ. Семейство это, любимое и уважаемое въ обѣихъ столицахъ и въ провинціи, отживало тогда безсознательно послѣдніе свои мирные дни. Громовой ударъ 14 Декабря того же года былъ за порогомъ и неожиданно поразилъ, четыре мѣсяца послѣ нашего отъѣзда изъ Тагина, трехъ членовъ этого семейства. Всѣхъ молодыхъ графинь было шесть; самой младшей графинѣ, Надеждѣ Григорьевнѣ, было 12 лѣтъ; матери ея было подъ пятьдесятъ лѣтъ, когда она родила эту дочь, и она стыдилась даже своей беременности, называя себя новою Саррою. Изъ всѣхъ сестеръ отсутствовавшею была только Александра Григорьевна, недавно передъ тѣмъ вышедшая замужъ за Никиту Михайловича Муравьева. Не было также на лице и молодого даже графа Захара Григорьевича, служившаго въ кавалергардскомъ полку. Имена молодыхъ графинь были: Софія Григорьевна (впослѣдствіи Чернышева-Кругликова), Елисавета Григорьевна (Черткова), Наталья Григорьевна (Муравьева), Вѣра Григорьевна (графиня Паленъ) и Надежда Григорьевна (княгиня Долгорукова). Всѣ онѣ были веселы, привѣтливы, любезны, и всѣ вышли примѣрными женами. Необыкновенно хороши собою были изъ нихъ графини Елисавета и Вѣра Григорьевны, но всякая въ своемъ родѣ. Не отстала отъ нихъ позднѣе и гр. Надежда Григорьевна; но типъ ея былъ чисто-цыганскій при величавомъ ростѣ. Гр. Елисавета Григорьевна напоминала собою чисто восточный типъ, какъ я видалъ въ гравюрахъ Аравитянокъ и Израильтянокъ въ библейскихъ сюжетахъ Гораса Вернѐ. У нея были большіе кофейнаго цвѣта глаза (по англійски, «hazel eyes»),

правильныя и тонкія античныя черты лица на матово-смугловатомъ фонѣ, темные, но не совсѣмъ вороного крыла цвѣта, волоса, роста средняго, но превосходно сложена, пріемы живые и отрывистые, но граціозна во всѣхъ движеніяхъ и даже въ походкѣ. Съ раннихъ лѣтъ она была неимовѣрно худа и осталася таковою до смерти. Эксцентрическихъ выходокъ было у нея немало; никакой впрочемъ аффектаціи въ нихъ не было, и онѣ очень потѣшали ея друзей, и даже болѣе и болѣе привязывали ихъ къ этой оригинальной женщинѣ. Натура была пылкая и любящая, горячій другъ своимъ друзьямъ, стояла за нихъ горою передъ кѣмъ бы то ни было, и таковою осталась до конца. Не замолчитъ она никогда, если кто нибудь въ ея присутствіи изъ знакомыхъ или незнакомыхъ проронитъ какой нибудь неодобрительный или ироническій намекъ на счетъ кого нибудь изъ ея друзей. И какъ ни разны были ея характеръ, вкусы и привычки съ мужниными, она цѣнила мужа вполнѣ и силилась, при всякомъ случаѣ, возвысить его въ мнѣніи общества. Чудное было созданіе, но многими непонятое!

Красота и привлекательность графини Вѣры Григорьевны разнились во всемъ съ ея сестрою. Разъ только въ жизни я встрѣтилъ ея двойню въ лицѣ Болгарской дѣвушки, на почлегѣ въ Балканахъ, когда я возвращался съ полкомъ изъ Турціи въ 1829 году. Много позднѣе, въ 40-хъ годахъ, въ Петербургѣ находили большое сходство между графинею Вѣрою Григорьевною Паленъ и графинею Росси (бывшею пѣвицею Зонтагъ, мужъ которой былъ тогда Сардинскимъ посланникомъ при нашемъ дворѣ), съ тою разницею, что послѣдняя была свѣтлою блондинкою; но я не раздѣлялъ этого мнѣнія и находилъ, что въ Вѣрѣ Григорьевнѣ было несомнѣнно болѣе поэзіи и привлекательности. Брюнеткою можно было назвать графиню Вѣру Григорьевну лишь по глазамъ и оттѣнку волосъ, но бѣлизна кожи и постоянный румянецъ щекъ принадлежали блондинкѣ. Глаза были небольшіе и кругловатые, но взглядъ былъ томно-задумчивый и нѣжный (*un regard voilé*) и не изобличающій силы характера и воли, которыми, однакоже, она была одарена *). Ротъ былъ маленькій съ припухлыми ярко малиновыми губами (то, что по-французски тривіально зовется «comme deux cerises»): болѣе совершеннаго ротика не могъ бы придумать любой живописецъ. Движенія были плавны, сдержанны и проникнуты нѣгою. Если не было въ ней классическаго совершенства красоты и ничего напоминавшаго Рафаелевыхъ мадоннъ, за то тутъ была женственность; это было такое созданіе, отъ котораго трудно было отводить глаза.

*) Взглядъ этотъ графиня В. Г. Паленъ сохранила даже до сѣдинъ.

Графиня Надежда Григорьевна не подходила ни къ той, ни къ другой изъ сестеръ: роста была мужескаго, смуглая, какъ Цыганка, и съ сильнымъ, киноварнымъ румянцемъ во всю щеку до самыхъ ушей, съ выразительными темными глазами, съ той особенностію, что у нея не видать было вовсе верхнихъ рѣсницъ, и глаза казались какъ бы выходившими прямо изъ подъ бровей; брови были густы и горизонтальны, а волоса темные. Вся ея фигура была величава и эффектна, но не было той плѣнительной женственности, какъ въ графинѣ Вѣрѣ. Изо всѣхъ сестеръ стройностію таліи наиболѣе отличалась гр. Наталія Григорьевна, и странно сказать, еще восемнадцатилѣтнею, похожа была на свою бабушку Н. П. Самарину *).

О нравственныхъ достоинствахъ всѣхъ шести сестеръ нѣчего и говорить: всѣ онѣ выказали себя безупречными женами и образцовыми матерями. Таковы были плоды въ нихъ и въ родныхъ моихъ сестрахъ воспитательной школы графини Елисаветы Петровны и ея друга, нашей матери. Не описалъ я Александру Григорьевну, одну изъ Сибирскихъ героинь. Она была выше средняго роста, блондинка, кровь съ молокомъ и широковатаго тѣлосложенія. Тогдашніе Петербургскіе Англичане находили поразительнымъ сходство ея съ умершею въ 1817 году принцессою Шарлоттою, дочерью тогдашняго принца-регента, впослѣдствіи короля Георга IV.

Тагинскій домъ былъ крайне оригиналенъ. Къ первоначальному одноэтажному и небольшому деревянному дому пристроивались постепенно, по мѣрѣ надобности, анфилады комнатъ и коридоровъ съ обоихъ боковъ, безъ всякой симетріи и единства наружной архитектуры. Помнится мнѣ, что каждая изъ этихъ построекъ имѣла свою отдѣльную крышу, и въ одной изъ нихъ помѣщалась домовая церковь (устроенная вѣроятно потому, что сельская церковь находилась въ большомъ отдаленіи отъ господскаго дома), и въ ней служба отправлялась по воскресным днямъ съ весьма стройнымъ пѣніемъ дворовыхъ людей. Но такъ какъ мѣстность, гдѣ стоялъ господскій домъ, была покатою, то иныя постройки были нѣсколькими ступеньками выше одна другой; но всѣ онѣ были въ одномъ этажѣ. Снаружи все это имѣло видъ какой-то фабрики, а внутри было лабиринтомъ для новопріѣзжаго, но лабиринтомъ уютнымъ для жильцевъ. По экономическимъ, вѣроятно, причинамъ (такъ какъ дѣла графа Григорья Ивановича были разстроены), Чернышевы намѣревались провести зиму въ Тагинѣ, и потому при нихъ на-

*) Теперь, когда Наталья Григорьевна (почти ровесница мнѣ) украшена, какъ говорится, сѣдинами, сходство это съ ея бабушкою еще разительнѣе.

ходились учителя: музыки—г. Гардорфъ, рисованія—Александръ Ивановичъ Погонкинъ (кажется, такъ его звали), и свой домашній медикъ, молодой Нѣмецъ, фамиліи котораго не упомню. У нихъ же доживалъ свой вѣкъ старый учитель рисованія Итальянецъ Маніяни, разбитый параличемъ въ ноги; онъ находился въ Россіи съ самаго начала нынѣшняго вѣка.

Въ Тагинѣ былъ оркестръ изъ крѣпостныхъ музыкантовъ, сформированный иностранцемъ г. Евсташемъ (Eustache); самаго капельмейстера я уже не засталъ, но оркестръ могъ бы съ честію занять мѣсто въ любомъ столичномъ театрѣ. Много позднѣе, въ 40-хъ годахъ, я часто видалъ дочь упомянутаго капельмейстера, проживавшую у Елисаветы Григорьевны Чертковой.

Весело проходило время въ Тагинѣ, не смотря на то, что постороннихъ никого не было кромѣ Якова Ѳедоровича Скарятина и его жены Натальи Григорьевны, рожденной княжны Щербатовой. Н. Г. Скарятина была еще очень хороша собою, хотя оба старшіе ея сына, Григорій и Ѳедоръ поступили въ томъ же году юнкерами въ армейскій драгунскій полкъ [1]). У Скарятиныхъ было еще четыре сына, Владиміръ и Александръ Яковлевичи, которымъ въ описываемое мною время было отъ 12 до 14 отъ роду лѣтъ [2]), и два совершенно малолѣтніе; дочерей у нихъ не было.

Молодыя графини приняли меня, какъ бы родного брата и почти сразу мы стали на «ты», ѣзжали вмѣстѣ каждый день большою кавалькадою (такъ какъ у нихъ былъ свой заводъ Англійскихъ полукровныхъ верховыхъ лошадей), а по вечерамъ слушали концерты ихъ оркестра. Графиня Елисавета Петровна обходилась со мною, какъ съ сыномъ, но строгая въ своихъ правилахъ, прохода не давала мнѣ за мою привычку курить, хотя не иначе, какъ на открытомъ воздухѣ.

Кузина моя Лиза одарена была замѣчательно обширнымъ сопрано, тщательно обработаннымъ уроками Петербургскаго маэстро Са-

---

[1]) Григорій Яковлевичъ Скарятинъ убитъ въ чинѣ генерала въ Венгерской кампаніи въ 1849 г. Яковъ Ѳедоровичъ былъ въ началѣ 30-хъ годовъ адъютантомъ у Московск. генералъ-губернатора князя Д. В. Голицына, женился на дочери сенатора Озерова и вскорѣ умеръ чахоткою. Онъ былъ способный молодой человѣкъ и мастерски писалъ масляными красками.

[2]) Владиміръ Яковлевичъ женился въ 1843 году на княжнѣ Маріи Павловнѣ Голицыной и пошелъ въ гору. Братъ его Александръ, человѣкъ болѣзненный, женился на своей родственницѣ, племянницѣ, графинѣ Шуваловой (дочери графа Григорія Петровича Шувалова) и долго былъ генеральнымъ консуломъ въ Неаполѣ.

піенца; значитъ, въ этомъ отношеніи, мнѣ была съ ней, какъ говорится, лафа, и мы пѣвали вмѣстѣ по цѣлымъ почти днямъ.

Графъ Григорій Ивановичъ олицетворялъ собою офранцуженныхъ Екатерининскихъ вельможъ; онъ былъ очень любезенъ въ обществѣ, свободно писывалъ Французскія вирши и довольно плохо зналъ Русскій языкъ. Памятникомъ Французскаго его авторства сохранился у меня экземпляръ изданныхъ имъ въ 1821 году нѣсколькихъ Французскихъ комедій и «провербовъ», написанныхъ имъ для Гатчинскаго придворнаго театра, подъ заглавіемъ «Théâtre de l'arsénal de Gatchina». Находясь въ молодости при князѣ Потемкинѣ, онъ вотъ что разсказывалъ о его смерти, чему былъ очевидцемъ. Свѣтлѣйшій Таврическій князь, заболѣвъ дорогою въ Молдавіи, долго не хотѣлъ прибѣгать ни къ какимъ медицинскимъ пособіямъ, наконецъ, согласился принять сильнѣйшаго слабительнаго, и тотчасъ же послѣ пріема обкушался ветчиною и другими пищеварительными яствами, отъ которыхъ послѣдовало желудочное воспаленіе, причинившее ему смерть.

Графъ Чернышовъ разсказывалъ также, что когда онъ, будучи очень молодымъ человѣкомъ, возвратился изъ путешествія по Европѣ, то графъ Иванъ Григорьевичъ, его отецъ, представилъ его императрицѣ Екатеринѣ, которая приняла его весьма милостиво и повела показать ему свой кабинетъ, гдѣ на стѣнахъ и въ меблировкѣ исключительно преобладалъ ярко-огненный цвѣтъ. Неопытный юноша-царедворецъ ничего не придумалъ лучшаго сказать, какъ, что кабинетъ ея величества представлялъ жилище Прозерпины, напоминая, такимъ образомъ, державной хозяйкѣ объ адѣ, хотя и миѳологическомъ. Не знаю навѣрно, имѣлъ ли когда-нибудь графъ Григорій Ивановичъ собственный домъ въ Москвѣ; но Петербургскій его домъ былъ на Мойкѣ у Синяго моста, проданный имъ въ началѣ 20-хъ годовъ въ казну: тамъ первоначально находилась Школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ, а позднѣе дворецъ великой княгини Маріи Николаевны. Графъ Чернышовъ былъ когда-то масономъ, какъ большинство тогдашнихъ вельможъ, и незадолго до своей смерти (въ 1830 году) устроилъ у себя въ Тагинѣ (по разсказу одного очевидца) разные сюрпризы во вкусѣ этого мистическаго общества, и въ томъ числѣ проваливающійся полъ (конечно не глубоко) и появлявшихся невѣсть откуда скелетовъ съ надписями. Съ 1817 года онъ состоялъ при дворѣ оберъ-шенкомъ. У него были всего двѣ сестры, г-жи Вадковская (мать Ивана Ѳедоровича, пострадавшая за Семеновскую исторію 1820 года) и Плещеева. Послѣдняя была жена Алексѣя Александровича, состоявшаго одно время чтецомъ при вдовствующей императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. У г-жи Вадков-

ской были, кромѣ сына Ивана Ѳедоровича, двѣ дочери, одна за г. Тимирязевымъ, а въ первомъ бракѣ за г. Безобразовымъ (женскій, какъ есть, гигантъ), а вторая за Николаемъ Ивановичемъ Кривцовымъ. У г-жи Плещеевой были двѣ дочери; старшая вышла замужъ уже зрѣлою весталкою за какого-то медика, а меньшая, очень недурная собою, за извѣстнаго Московскаго сорви-голову и дуэлиста Дорохова, но не могла ужиться съ нимъ и позднѣе была начальницею одного изъ женскихъ учебныхъ заведеній гдѣ-то въ дальней Сибири*).

Наступила осень, и мы выѣхали изъ Тагина черезъ южныя губерніи и Кіевъ прямо въ Таганчу къ г. Понятовскому; а между тѣмъ получены были инструкціи отъ моихъ родителей поспѣшить обратно во Флоренцію, такъ какъ цѣль Одесской поѣздки была не достигнута. Въ Кіевѣ мы пробыли два-три дня и обѣдали у князя Алексѣя Григорьевича Щербатова, командовавшаго тогда 4-мъ пѣхотнымъ корпусомъ. Въ составъ этого корпуса входила драгунская дивизія (переименованная въ 1827 году въ 4-ю гусарскую), въ которую опредѣлились недавно передъ тѣмъ два старшихъ Скарятина, и вотъ я, во снѣ и на яву, только и видѣлъ, какъ бы поступить и мнѣ въ эту дивизію. Въ числѣ адъютантовъ при князѣ Щербатовѣ былъ тогда Никита Егоровичъ Панинъ, а дежурнымъ при корпусѣ полковникомъ извѣстный декабристъ князь Сергѣй Петровичъ Трубецкой, только-что возвратившійся тогда изъ Петербурга. Въ доказательство, какъ мало Русскаго элемента было еще во мнѣ въ то время, я долженъ сказать, что въ эти нѣсколько дней, проведенныхъ нами въ Кіевѣ, я и не помыслилъ побывать въ Кіево-печерской лаврѣ. Прогостивъ немного въ Таганчѣ, мы было отправились въ обратный путь въ Италію, какъ неожиданно встрѣтились въ Радзивиловѣ (на самой границѣ) съ моимъ братомъ графомъ Петромъ Дмитріевичемъ, возвращавшимся съ семействомъ съ Карлсбадскихъ водъ (куда онъ часто сталъ уже ѣздить отъ разстройства печени), и на пути къ своему тестю. Братъ объявилъ намъ, что нашъ отецъ, снисходя моимъ усиленнымъ просьбамъ поступить въ военную службу (о чемъ я уже писалъ ему со времени проявившагося у меня внезапно желанія о томъ въ Орлѣ), поручалъ ему устроить это дѣло и одобрилъ выборъ мой драгунской дивизіи, гдѣ служили Скарятины, такъ какъ она находилась подъ начальствомъ знакомаго моимъ родителямъ князя Щербатова. Вслѣдствіе этого новаго распоряженія, мы повернули оглобли и вмѣстѣ съ братомъ возвратились въ Таганчу, но не прямымъ путемъ, а заѣзжали къ дядѣ моей невѣстки,

*) Сестра этого Дорохова была замужемъ за г. Мухинымъ, сыномъ отъ перваго брака извѣстнаго Московскаго медика и профессора.

Яну Игнатьевичу Понятовскому въ Новоконстатиновскій (кажется) уѣздъ, гдѣ встрѣтили брата его Осипа Игнатьевича (тестя моего брата). Не знаю, на какомъ основаніи всегда титуловали этого г. Яна Понятовскаго «пане грабе» (и даже по-французски «le comte Jean»), тогда какъ братъ его никогда не претендовалъ на подобный титулъ. Онъ былъ немного моложе Осипа Игнатьевича и моложавѣе въ осанкѣ и въ манерахъ, весьма привѣтливый со всѣми и съ болѣе свѣтскимъ и салоннымъ лоскомъ чѣмъ его братъ. Въ противоположность послѣднему, Янъ Понятовскій былъ ярымъ Польскимъ патріотомъ и, будучи сильно скомпрометированъ въ Польскомъ возстаніи 1831 года, сосланъ въ Сибирь, а имѣніе его было или конфисковано, или передано (чего опредѣлительно не знаю) единственной его дочери красавицѣ Отильдѣ, вышедшей замужъ за г. Грохольскаго *). Какъ слѣдуетъ Польскому Украинскому богатому пану, прислуга у него была изъ казаковъ высокаго роста и мальчиковъ-казачковъ изъ Малороссіянъ, и меня, какъ полуиностранца, удивило, когда вечеромъ, ради занятія насъ гостей, вбѣжали въ залу два казачка и начали плясать въ присядку подъ балалайку. Отъ Яна Понятовскаго мы заѣзжали также на богомолье въ Почаевскій монастырь, тогда еще принадлежавшій Базиліанамъ - уніатамъ; но иконостаса у нихъ въ церкви, помнится мнѣ, не было. Въ Таганчѣ мы пробыли съ мѣсяцъ, а въ Ноябрѣ получено было новое приказаніе отъ нашего отца ѣхать мнѣ во Флоренцію, потому что онъ желалъ видѣть меня до моего поступленія на службу. На обратномъ пути черезъ Львовъ мы посѣтили проживавшихъ тамъ Флорентинскихъ бывшихъ нашихъ знакомыхъ, графа и графиню Фредро; гувернеромъ при малолѣтнемъ ихъ сынѣ Максѣ находился тогда мой бывшій компаніонъ Джемсъ Кларкъ.

Въ Вѣнѣ мы нашли нашего повѣреннаго при Тосканскомъ дворѣ, Алексѣя Сверчкова, лѣчившагося у знаменитаго Вѣнскаго врача Мальфатти; но никакое медицинское искусство не помогло больному, и онъ умеръ года полтора позднѣе. Хорошій онъ былъ человѣкъ и успѣлъ собрать въ Флоренціи изрядную картинную галлерею.

Родители мои приняли блуднаго своего сына съ распростертыми объятіями, и объ Одесскихъ моихъ похожденіяхъ ни гу-гу; должно-быть, смягчилъ мои поступки бывшій мой наставникъ, человѣкъ, хотя строгій, но всегда правдивый. Въ этотъ мой пріѣздъ я пробылъ

*) Г-жа Отильда Грохольская жила во Флоренціи въ 1840 и 1841 году и тамъ подружилась съ Зинаидою Сергѣвною Дивовой и съ моею женой, которая оставалась одна во Флоренціи, такъ какъ я уѣзжалъ безъ нея въ Россію по моимъ дѣламъ, осенью 1839 года.

во Флоренціи почти годъ; оно же было и послѣднее мое при жизни отца. Я нашелъ своихъ уже переѣхавшими въ новокупленный безъ меня палаццо Николини, и въ этотъ же промежутокъ времени старшая наша сестра, графиня Марія Дмитріевна, вышла замужъ за Флорентинца Джіованп (Ивана) Дини-Кастелли, и успѣла уже неблагополучно родить. Отличный былъ человѣкъ мой новый зять Дини и дружно прожилъ свой вѣкъ съ женою, но сдѣлалъ ошибку принять запутанное свое отцовское наслѣдство и, въ надеждѣ вывернуться, истратилъ женино приданое (съ ея, конечно, согласія), состоявшее въ 200 тысячахъ рублей ассигнаціями, соотвѣтствовавшихъ такой же цифрѣ франками да и чуть ли не нынѣшнимъ рублямъ на серебро.

Я являлся впервые взрослымъ молодымъ человѣкомъ въ большое Флорентинское общество и не пропускалъ ни одного бала, что весьма радовало мою мать, какъ доказательство, «que j'avais pris *le goût de la bonne société*» (т. е. что я полюбилъ бывать въ хорошемъ обществѣ). Въ обширномъ тогдашнемъ Флорентинскомъ «бо-мондѣ» туземцы составляли, какъ и прежде, значительное меньшинство. Были еженедѣльные балы у богача принца Боргезе, о тучности котораго говорили, что уже нѣсколько лѣтъ какъ онъ не видалъ своихъ носковъ, и недѣльные такъ же балы у Николая Никитича Демидова. Изъ красавицъ-нимфъ, которыя царили на балахъ и съ которыми я, конечно, предпочиталъ танцовать, была Паолина Ненчини *), Карлотта Поеріо, дочь Неаполитанскаго политическаго изгнанника, и дѣвица Валперга, сестра одного изъ секретарей Сардинскаго посольства, съ которымъ я скоро подружился. Но особенно хороша была Англійская миссъ Генріетта Диллонъ (семейство которой поселилось во Флоренціи почти одновременно съ нашимъ) и двѣ сестры Гарди. Туземнаго элемента во всемъ этомъ обществѣ было только трое-четверо изъ холостой молодежи и танцоры, и столько же изъ степенныхъ Флорентинцевъ, вистовыхъ игроковъ, но безъ ихъ женъ и дочерей.

Безногій, со времени отечественной войны, Григорій Ѳедоровичъ Орловъ, долго жившій въ Парижѣ и женившійся тамъ на хорошенькой актрисѣ Виргиніи Вентзель, переселился около этого самого времени во Флоренцію. Умная, привѣтливая и добрѣйшаго сердца его жена сумѣла въ этой новой для нея сферѣ держать себя всегда прилично; она заискивала свѣтское покровительство моей матери, въ чемъ, конечно, не встрѣтила отказа. Сестра моя граф. Елисавета Дмитріевна,

---

*) Она вскорѣ вышла замужъ за маркиза Джіузеппе (Іосифа) Пуччи, того самаго, что посѣщалъ Россію въ 1818 или 1819 году.

съ которою я теперь ближе сошелся чѣмъ прежде, когда я все сидѣлъ за книгами въ своей классной комнатѣ, была смѣлою наѣздницею, и мы вдвоемъ, почти каждый день, скакали по густо-тѣнистымъ аллеямъ Кашинъ, всегдашняго и нынѣ «rendez-vous» фешіонабельнаго общества. Къ намъ присоединялся обыкновенно другой кавалеръ, знаменитый поэтъ Ламартинъ, бывшій тогда секретаремъ Французскаго посольства при Тосканскомъ дворѣ. Ему было отъ роду тридцать съ небольшимъ лѣтъ, высокаго роста, худощавый и съ правильными, но неподвижными чертами, рѣдко улыбался и былъ весь проникнутъ дипломатіей. Кто бы повѣрилъ, что онъ въ это время былъ ревностнымъ бурбонистомъ? Когда онъ снисходилъ пускаться въ разговоръ, то дѣлался пріятнымъ собесѣдникомъ. Жена его, родомъ Англичанка, достойная во всѣхъ отношеніяхъ женщина, была далеко не привлекательна и вдобавокъ украшена отъ природы краснымъ носомъ. У нихъ была единственная дочь, прелестный ребенокъ 5 или 6 лѣтъ, умершая много позднѣе, во время отцовскаго путешествія съ нею на Востокъ.

Были балы и Французскіе аматёрскіе спектакли у Швейцарскаго негоціанта Эйнарда, горячаго филелена, не жалѣвшаго широкихъ своихъ средствъ въ дѣлѣ освобожденія Греціи. Двѣ сестры его жены, г-жи Бомонъ и Бюдѐ и мужья ихъ составляли какъ бы одно семейство съ Эйнардами, и отрадно было смотрѣть на это патріархальное единство.

Постоянно жилъ тогда во Флоренціи съ своимъ семействомъ лордъ Нормапби, впослѣдствіи лордъ Мюльгревъ и Ирландскій намѣстникъ. Онъ занималъ великолѣпный палаццо съ садомъ дука Санъ-Клементе въ глухой и пустынной улицѣ позади церкви «делла Аннунціата», и почти подходившій къ городскимъ стѣнамъ. Лордъ Норманби устроилъ у себя театръ, на которомъ самъ и граціознѣйшая его леди, оба драматическіе таланты, при пособіи другихъ соотечественниковъ, часто давали представленія по входнымъ билетамъ, Шекспировскихъ и другихъ піесъ. Приглашенія туда жадно принимались, но число избранныхъ счастливцевъ было ограничено по тѣсности театральнаго зала, и потому составъ зрителей мѣнялся каждый разъ. Я, какъ полубританецъ по воспитанію, съ увлеченіемъ слѣдилъ за этими спектаклями, когда на долю нашего семейства выпадалъ билетъ. Одна изъ актрисъ, г-жа Брадшо (Bradshau) была до своего замужества артисткою по профессіи, и хотя она не всегда выполняла главныя роли, но тѣмъ не менѣе рѣзко отличалась отъ прочихъ аматёровъ *).

---

*) Этимъ подтверждается мое наблюденіе, что профессіональный артистъ, даже изъ посредственныхъ, рѣзко выдается впередъ въ аматёрской труппѣ, и наоборотъ аматёръ,

Николай Никитичъ Демидовъ продолжалъ по прежнему держать открытый домъ съ пестрымъ своимъ составомъ и первенствовалъ во Флоренціи. Тогда гостили у него сестра его Марія Никитична Дурново́ съ мужемъ и сыномъ Павломъ Дмитріевичемъ *). Старикъ Дурново́, отъ нечего дѣлать, измѣрялъ шагами разстоянія отъ дома Серристори (гдѣ жилъ Н. Н. Демидовъ) до главныхъ пунктовъ города и жилищъ его знакомыхъ, и подъ его, кажется, вѣдѣніемъ состояли выставка малахитныхъ издѣлій и коллекція попугаевъ.

Помѣщу кстати два анекдота о четѣ Дурновыхъ, ходившіе по Петербургу. Во время дворянскихъ выборовъ, послѣ того какъ г. Дурново́ прослужилъ трехлѣтній срокъ Петербургскимъ дворянскимъ предводителемъ, кто-то изъ избирателей высказалъ собранію мнѣніе, что «намъ-молъ нужно избрать предводителя надежнаго, а не *«дурнаго»* (Дурново́). А о Маріи Никитичнѣ разсказывали, что, встрѣтивъ однажды Государя (Александра Павловича) на обычной его прогулкѣ по набережной Фонтанки, она спросила, почему не имѣла счастія встрѣчаться съ нимъ въ продолженіе послѣднихъ передъ этимъ дней (я уже говорилъ въ другомъ мѣстѣ, что въ этихъ случаяхъ Государь былъ всегда доступенъ дамамъ высшаго круга), и узнавъ, что онъ немного позахворалъ, она воскликнула: «Vous avez été malade! Oh, pauvre Sire!» Не пропускало безъ ироніи тогдашнее общество подобнаго маха на Французскомъ нарѣчіи: иное дѣло, случись это по-русски.

Я часто бывалъ и иногда обѣдалъ у Англичанина, отставнаго капитана Медвина, получившаго нѣкоторую извѣстность своимъ сочиненіемъ, «Разговоры лорда Байрона». Сочиненіе это (въ двухъ томахъ) относилось ко времени жительства въ Пизѣ вельможнаго барда, и хотя авторъ ея не былъ, насколько мнѣ помнится, изъ самыхъ близкихъ его друзей, но имѣлъ доступъ къ мизантропическому лорду, и потому сочиненіе его, теперь забытое, имѣло въ свое время успѣхъ. Г. Медвинъ началъ широко жить, давалъ пышные обѣды, держалъ верховыхъ лошадей (роскошь недешевая за границей), но впослѣдствіи, послѣ моего вторичнаго отъѣзда на службу въ Россію, весь этотъ блескъ рушился сразу и даже довольно скандально. Проигравшись до тла, онъ внезапно исчезъ и оставилъ во Флоренціи неоплатные долги, жену и двухъ малолѣтнихъ дочерей, безъ всякихъ средствъ къ существованію. Дѣвочки были взяты на попеченіе царствовавшимъ вели-

---

кажущійся весьма талантливымъ, проваливается, когда дерзаетъ поступить на публичную сцену.

*) Позднѣе Павелъ Дмитріевичъ Дурново́ женился на княжнѣ Александрѣ Петровнѣ Волконской, дочери министра императорскаго двора.

кимъ герцогомъ (Леопольдомъ II, также любимымъ въ народѣ, какъ его отецъ Фердинандъ III) и принцессами того двора, всегда готовыми на всякое благодѣяніе, и были помѣщены въ мѣстный институтъ благородныхъ дѣвицъ *). Во время широкой жизни г. Медвина, у него былъ мэтръ-д'отелемъ Флорентинецъ Александръ Танини, тотъ самый, что позднѣе былъ этимъ же въ домѣ Дивовыхъ, въ теченіе болѣе двадцати лѣтъ, а въ настоящее время содержитъ въ Москвѣ гостиницу «Франція», на углу Петровки и Кузнечнаго переулка.

Были также въ то время танцовальные вечера разъ въ недѣлю у Сардинскаго посланника, старика графа Кастель-Альфери, прозваннаго въ обществѣ *безсмертнымъ*, на томъ-де основаніи, что конецъ его носа загибался почти вплоть ко рту, такъ что послѣдній его вздохъ долженъ былъ опять, по законамъ физики, возвратиться черезъ ноздри въ дыхательный органъ, и потому процессъ жизни могъ быть нескончаемымъ. При немъ жили нѣкоторое время двѣ сестры, замужнія его племянницы, графини Казанова и Филиппи. Первая изъ нихъ была видная и красивая молодая женщина: а послѣдняя, исписанная оспою, вышла замужъ, вторымъ бракомъ, въ 30-хъ годахъ за графа Сергѣя Ѳедоровича Ростопчина.

Когда пришла во Флоренцію вѣсть о кончинѣ императора Александра Павловича и одновременно о Декабрьскихъ событіяхъ, всѣ наши и особенно наша мать были поражены постигшимъ семейство Чернышевыхъ несчастіемъ. Девятилѣтняя почти разлука съ графинею Елисаветою Петровной не измѣнила чувствъ къ ней ея кузины, графини Анны Артемьевны. Но, что̀ нынѣ, по прошествіи болѣе сорока лѣтъ, кажется мнѣ страннымъ, это то, что сочувствіе мое, и чуть ли не старшихъ моихъ сестеръ, къ лицамъ, участвовавшимъ въ этомъ заговорѣ высказывалось какимъ-то негодованіемъ противъ мѣръ правительства, тогда какъ не существуетъ законодательства, гдѣ бы виновные въ заговорѣ противъ жизни державныхъ особъ и намѣревающіеся низвергнуть законное правительство, не подвергались уголовному суду и, въ первомъ случаѣ, смертной казни. Сознаюсь, что вслѣдствіе-ли Англійскаго либеральнаго моего воспитанія, или по увлеченію молодости ко всякой отвагѣ, я сталъ смотрѣть на пятерыхъ казненныхъ заговор-

*) Въ доказательство отсталости, въ которой находилась въ Тосканѣ женская учебная часть, стоитъ отмѣтить, что въ концѣ 20-ыхъ или въ началѣ 30-ыхъ годовъ, когда великій герцогъ вздумалъ основать свѣтскій женскій институтъ (монашескіе давно были), то онъ не нашелъ, повидимому, ни одной личности между всѣми своими подданными способной занять мѣсто директрисы новаго заведенія, и пригласилъ для этого Француженку, г-жу Мервельё.

щиковъ (Рылѣева, Пестеля, Каховскаго, Сергѣя Муравьева-Апостола и Бестужева-Рюмина), какъ на первыхъ добровольныхъ мучениковъ Русской гражданской свободы, и въ этомъ духѣ я начертилъ было Англійскую оду, которой, впрочемъ, не сохранилъ. Удивительно, насколько искажены были наши понятія почти во всемъ относившемся до Россіи. Это было неминуемымъ послѣдствіемъ нашей эмиграціи, космополитическаго строя семейной жизни и религіознаго отступничества женскихъ членовъ семьи. Да и странное противорѣчіе было въ нашихъ дамахъ: осуждая казнь заговорщиковъ, онѣ забывали о преступныхъ замыслахъ противъ жизни обожаемаго ими же императора Александра. Но если нельзя ни оправдать, ни извинять декабристовъ, то не надо также слишкомъ строго ихъ судить, а паче всего не забывать, что либеральная тенденція и даже подражаніе административному заграничному управленію истекали изъ раннихъ политическихъ приступовъ самого императора. Разочаровавшись или предавшись отъ страху Метернихову вліянію, онъ обратился вспять; но интеллигентная молодежь продолжала втайнѣ развивать программу прогресса и возстановленія (въ этомъ никакъ нельзя ей отказать) Русской попранной народности.

Теперь могу описать раздирающую душу сцену, происшедшую въ Тагинѣ, около 18 или 20 Декабря того 1825 года. Мужъ и жена Муравьевы и графъ Захаръ Григорьевичъ гостили тамъ, какъ вдругъ подкатилъ къ дому жандармскій офицеръ и высочайшимъ именемъ арестовалъ государственныхъ преступниковъ, капитана Никиту Муравьева и поручика (или штабсъ-ротмистра) кавалергардскаго полка графа Захара Чернышова. Тутъ сдѣлался первый паралитическій ударъ съ несчастною матерью, отъ котораго она умерла спустя два года съ небольшимъ. Н. М. Муравьевъ палъ на колѣна предъ женою, прося прощенія (а дотолѣ онъ скрывалъ отъ нея свое участіе въ тайномъ обществѣ), а она въ отвѣтъ бросилась ему на шею, заявивъ, что всё и всѣхъ оставитъ въ Россіи и послѣдуетъ за нимъ одна, въ ссылку-ли, въ каторгу-ли, ей все равно. Она сдержала свое слово, и вотъ, повторяю, каковые были плоды воспитательной системы графини Елисаветы Петровны! Въ глазахъ влюбленной жены мужъ мгновенно выросъ до размѣровъ героя; другаго подобнаго ему совершенства и быть не могло.

Мать моя заливалась слезами по поводу смерти Императора, а я тутъ же убѣждалъ ее разрѣшить выпить намъ Шампанское за здравіе новаго царя Константина Павловича. Дальнѣйшихъ извѣстій о томъ, что́ происходило въ Петербургѣ до присяги Николаю Павловичу, мы долго не имѣли: не было тогда ни желѣзныхъ дорогъ, ни телеграфовъ

нигдѣ, а въ Россіи, не было даже и шоссейныхъ сообщеній [1]), а Петербургскіе курьеры пріѣзжали во Флоренцію не ранѣе какъ на 18-й день. Въ нашей посольской церкви [2]) совершена была вышепомянутымъ іеромонахомъ Иринархомъ (нынѣ архіепископомъ) торжественная панихида, на которой собрались всѣ находившіеся во Флоренціи Русскіе, въ томъ числѣ Полякъ, графъ Михаилъ Огинскій въ красномъ сенаторскомъ своемъ мундирѣ, уже давно поселившійся во Флоренціи [3]). Нашъ министръ Сверчковъ проживалъ тогда по болѣзни въ Вѣнѣ, и миссіею правилъ старшій секретарь, князь Рафаилъ Ивановичъ Долгоруковъ. По окончаніи панихиды, неожиданно вышелъ изъ алтаря Итальянскій аббатъ, Варшавскій когда-то каноникъ и когда-то профессоръ филологіи въ Виленскомъ университетѣ, г. Севастіанъ Чіампи, въ черной сутанѣ (рясѣ) и съ Россійскимъ орденомъ Св. Анны (или Польскимъ Св. Станислава) на груди, и потому считавшій себя полу-русскимъ. Онъ началъ раздавать всѣмъ намъ печатныя Латинскія и Итальянскія элегіи своего сочиненія на смерть Императора [4]). Хоровое церковное пѣніе было исполнено, кромѣ причетниковъ посольской церкви, нашимъ камердинеромъ Дмитріемъ, двумя или тремя Русскими конторщиками Н. Н. Демидова и мною. Низко-октавныя мои ноты какъ разъ подходили къ церковному пѣнію, и по окончаніи службы старикъ графъ Огинскій, извѣстный фортепіанный композиторъ, подошелъ ко мнѣ и комплиментировалъ меня, что́ весьма, признаюсь, польстило мнѣ. Хоть мать моя уже въ то время перешла въ латинство, но присутствовала однакоже на этой службѣ: вещь довольно необыкновенная, такъ какъ подобное хожденіе запрещается Итальянскими духовными отцами прозелитамъ изъ Русскихъ, но запретъ этотъ не распространяется, какъ я слышалъ, на родившихся въ Римскомъ вѣроисповѣданіи. Оно, впрочемъ, отчасти и логично: для прозелитовъ опасны воспоминанія, которыхъ нѣтъ для рожденныхъ Латинянъ. Какъ бы то ни было, но вслѣдствіе этого

[1]) Московско-Петербургское шоссе, единственное во всемъ государствѣ, открыто было, и то не по всему протяженію, между 1821 и 1830 годомъ.

[2]) Посольская церковь помѣщалась въ палаццѣ Гуичіардини, въ узкой улицѣ того же названія, ведущей отъ моста „Понте-веккіо“ ко дворцу Питти.

[3]) Домашнимъ при немъ секретаремъ былъ г. Леонардъ Ходзько, впослѣдствіи извѣстное лицо между Польско-парижскими эмигрантами, но ничѣмъ въ описываемое время не отличавшійся, кромѣ какъ изящною калиграфіей.

[4]) Ученый каноникъ и порицатель злоупотребленій, вкравшихся въ Римскую церковь, г. Чіампи былъ членомъ-корреспондентомъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей и сочувствовалъ Восточной православной церкви и Русской народности. Онъ много трудился по части прежнихъ Польскихъ сношеній съ Римомъ; кромѣ того составилъ біографическій лексиконъ о всѣхъ Итальянцахъ, бывавшихъ въ Россіи и Польшѣ, съ XVI до XVIII вѣка, и напечаталъ брошюрку о неизданныхъ дотолѣ Итальянскихъ документахъ о Дмитріи Самозванцѣ. Брошюрку эту я перевелъ по-русски, и она была помѣщена въ 1860 г. въ „Архивѣ“ издаваемомъ Н. В. Калачовымъ.

запрета могила нашего отца, въ Ливорнской Греческой церкви, давно не навѣщается никѣмъ изъ моихъ семейныхъ, оставшихся въ Италіи.

Съ этою присягою Константину Павловичу я возвратился черезъ годъ въ Россію и поступилъ на службу; ибо, сколько помнится мнѣ, присяги императору Николаю Павловичу въ Флорентинской посольской церкви не было: обстоятельство весьма странное. Въ церковь нашу хаживалъ сухощавый человѣкъ съ просѣдью, въ изношенномъ сѣромъ сюртукѣ, доказывавшемъ его убогость; это былъ Грекъ по фамиліи Афендульевъ, извѣстный «гетеристъ,» и мало того, временный король на островѣ Критѣ [1]).

Такъ какъ личность отца Иринарха не встрѣтится болѣе въ этихъ запискахъ до событій 40-хъ годовъ, когда онъ пострадалъ по дѣлу о Латышахъ, стремившихся перейти изъ лютеранства въ православіе, то добавлю здѣсь нѣкоторыя дальнѣйшія о немъ свѣдѣнія. Онъ напутствовалъ моего отца, умершаго во Флоренціи, въ Декабрѣ 1829 года, но не хоронилъ его, потому что былъ внезапно отозванъ въ Римъ, чтобы окрестить ребенка князя Григорія Гагарина. Во Флоренціи о. Иринархъ оставался при нашей посольской церкви до 1830 года, когда былъ отозванъ въ Петербургъ, а въ 1833 году былъ снова назначенъ, уже въ санѣ архимандрита, въ нашу миссію въ Аѳины. Позднѣе онъ находился въ Ригѣ викарнымъ епископомъ Псковскаго архіерея.

Разскажу одну мою доблесть по дѣлу пѣшехожденія, удивившую всѣхъ. Я гостилъ у старшей сестры Маріи Дмитріевны Дини въ одной ея виллѣ подъ г. Ареццо, въ 60 или 70 верстахъ отъ Флоренціи. Это было въ концѣ Января, въ преддверіи, такъ сказать, ранней весны, когда стоятъ уже ясные и теплые дни, а фіалки и крокусы густо стелятся, гдѣ только соха пощадила мураву [2]). Вдругъ, вспомнивъ, что я не докончилъ дóма обѣщаннаго одной дамѣ рисунка, я сталъ приставать къ моему зятю Дини, чтобы онъ сейчасъ отпустилъ меня обратно во Флоренцію и далъ бы мнѣ немного денегъ на дорогу, такъ какъ не было у меня ни гроша въ карманѣ. Зять, желая удержать меня подольше у себя, отказалъ въ томъ и въ другомъ и смѣялся надъ моею угрозой, когда я заявилъ ему, что въ противномъ случаѣ я возвращусь пѣшкомъ. Однакоже эту угрозу я привелъ въ исполненіе. Шелъ я по большой дорогѣ до того часа, когда сумерки уже переходили въ

---

[1]) Г. Афендульевъ (Компенъ) состоялъ когда-то при нашемъ послѣ Д. П. Татищевѣ въ Мадридѣ, а во Флоренціи занимался продажею картинъ.

[2]) Вокругъ всей Флоренціи луговъ нѣтъ (за исключеніемъ въ Кашинахъ): землевладѣльцы находятъ болѣе выгоднымъ обращать все въ пашню и подъ виноградники.

ночь, ужасно проголодался, но зайти въ остерію (харчевню) невозможно было по финансовому недостатку. Прошелъ я такимъ образомъ до 20, какъ думаю, верстъ, когда, подходя къ одному городку, въ родѣ нашихъ посадовъ, «borgo San-Giovanne», поравнялся со всадникомъ, ѣхавшимъ шажкомъ по тому же направленію. Съ нимъ вступилъ я изъ шалости въ разговоръ на ломанномъ (нарочно) Итальянскомъ нарѣчіи съ Нѣмецкимъ акцентомъ (въ этомъ я былъ мастеръ), выдавая себя за бѣднаго Австрійскаго офицера, возвращавшагося на родину изъ Неаполя, занятаго съ 1821 года Австрійскими войсками. Разсказу моему придала нѣкоторую правдоподобность бѣлая моя съ краснымъ околышемъ кирасирская фуражка, взятая изъ ребяческаго малодушія въ Таганчѣ у Евгенія Осиповича Понятовскаго, недавно передъ тѣмъ вышедшаго изъ кавалергардскаго полка. Шутка удалась настолько, что незнакомецъ, оказавшійся мѣстнымъ, важнымъ довольно, муниципальнымъ лицомъ (нѣчто въ родѣ нашего градскаго головы) зазвалъ меня въ свой домъ и накормилъ сытнымъ ужиномъ. Онъ все распрашивалъ меня о предметахъ по Австрійскому внутреннему устройству, и можно представить себѣ, какую я поролъ дичь и опасался въ тоже время, какъ бы онъ, по занимаемому имъ мѣсту, не возымѣлъ любопытства спросить мой видъ: пожалуй, что тогда поступлено было бы со мною, какъ съ самозванцемъ и бродягою. Но къ счастію, дѣло сошло съ рукъ благополучно и, простившись съ нимъ, я снова пустился въ путь. Пройдя во тьмѣ ночи еще 10 или 15 верстъ, я почувствовалъ, что мои силы начали слабѣть, сонъ преодолѣвалъ меня, а невозможно было прилечь на шоссейной узкой довольно дорогѣ, окаймленной глубокими съ каждой стороны рвами, за которыми начинались «подере» (пахатныя поля съ виноградниками), отдѣленные отъ шоссе колючими живыми изгородями. Наконецъ я рѣшился взойти на одинъ почтовый дворъ (разстояніе между станціями было отъ 10 до 13 верстъ) и взялъ одноконный кабріолетъ съ тѣмъ, чтобы разсплатиться на мѣстѣ, что́, къ счастію моему, допускалось. Явился я домой въ 5 часовъ утра, когда всѣ еще спали.

Со времени покупки своего палаццо, отецъ мой снова принялся за садоводство, занятіе, недостававшее ему въ нанимаемыхъ до того времени домѣ и виллахъ. Оно же было весьма полезно ему, какъ моціонъ, при рѣдкихъ его изъ дому выѣздахъ. При палаццѣ были (и теперь существуютъ) два сада; въ меньшемъ изъ нихъ (саженей въ 15 длину и около 10 въ ширину съ фонтаномъ въ центрѣ его и съ высокими глухими стѣнами), отецъ мой началъ свои камельевыя плантаціи, культуру совершенно тогда новую во Флоренціи, и деревья эти

уже въ концѣ 30-хъ годовъ равнялись съ окнами втораго этажа палаццо, и были покрыты отъ начала Января (а иногда съ Декабря) до конца Февраля безчисленными цвѣтами. Ежедневный его образъ жизни былъ тотъ же, что въ началѣ нашего пріѣзда во Флоренцію: онъ обѣдалъ въ 2 часа, вдвоемъ съ г. Милліарини, или съ кѣмъ нибудь изъ насъ, и проводилъ остальное время въ своемъ кабинетѣ или библіотекѣ, занимавшей теперь уже нѣсколько залъ. Утромъ онъ однакоже посвящалъ по нѣскольку часовъ обоимъ своимъ садамъ, находившимся подъ вѣдѣніемъ Французскаго садовника Банкаса, выписаннаго изъ Шамбери (на границахъ Франціи и Савои), гдѣ было большое садовое заведеніе. Общій нашъ семейный обѣдъ былъ въ 4 часа или $4^1/_2$ часовъ, и мы мужчины не иначе хаживали къ столу, какъ во фракахъ и въ бѣлыхъ галстукахъ, когда и постороннихъ никого не было.

Извѣстіе о геройской защитѣ и паденіе Миссолонги, весною 1826 г., вызвало сильнѣйшее сочувствіе въ разноплеменномъ Флорентинскомъ обществѣ, гдѣ было немало филеллиновъ.

Изъ Русскихъ туристовъ были въ то время извѣстный своей оригинальностію Москвичъ Григорій Александровичъ Корсаковъ, неутомимый танцоръ на Флорентинскихъ балахъ, чего за нимъ не водилось въ Москвѣ; также молодой г. Охотниковъ, Калужскій помѣщикъ, г-жа Корсакова съ двумя дочерьми, княгиня Марія Аркадьевна Голицына, урожденная княжна Суворова, и княгиня Варвара Юрьевна Горчакова, двоюродная сестра моего отца. Она провела только нѣсколько дней во Флоренціи и все приставала къ моему отцу, чтобы онъ отпустилъ съ нею въ Россію милую его Лизочку (т. е. сестру мою Елисавету Дмитріевну) «а то, того и гляди», говорила княгиня Горчакова, «что она выйдетъ замужъ здѣсь за Итальянца, а надо бы ей быть за Русскимъ». Меня поразилъ отвѣтъ отца, что врядъ ли онъ отдастъ ее за Русскаго (или что-то въ этомъ родѣ). Много позднѣе я узналъ, что нѣкій князь Д., часто посѣщавшій нашъ домъ во Флоренціи, былъ очень заинтересованъ моею сестрою. Не знаю, сдѣлалъ ли онъ формальное предложеніе; но онъ сталъ на такой короткой ногѣ въ нашемъ семействѣ, что всѣ считали его уже женихомъ моей сестры, какъ вдругъ сестра его вмѣшалась въ дѣло и отговорила своего брата отъ этой женитьбы, по причинѣ всѣмъ извѣстной тенденціи нашихъ семейныхъ женщинъ къ Римскому католичеству. Вслѣдствіи этихъ внушеній, князь Д. внезапно оставилъ Флоренцію. Естественно, что его поступокъ глубоко оскорбилъ моего отца, и вотъ вѣроятно разгадка сказаннаго имъ своей кузинѣ.

Миссіею нашей правилъ старшій секретарь князь Рафаилъ Ивановичъ Долгоруковъ; братъ его, князь Дмитрій Ивановичъ пріѣзжалъ въ отпускъ во Флоренцію, и его очень любили у насъ: мать его звала «мой Долгоруковъ», и когда онъ приходилъ къ утреннему чаю, то она сама приготовляла для него любимый имъ Турецкій кофей. Оба братья князья Долгоруковы были замѣчательно дурны собою. Въ первыхъ мѣсяцахъ 1826 года умеръ при мнѣ во Флоренціи князь Рафаилъ Ивановичъ отъ быстраго пораженія легкихъ, причиненнаго, будто-бы, внутреннимъ употребленіемъ какихъ-то ѣдкихъ составовъ противъ угрей и прыщей, покрывавшихъ его лице. Такъ погибъ преждевременно человѣкъ, которому слѣдовало занимать видное мѣсто въ обществѣ, и по уму, и по свѣтской его любезности.

Флорентинскимъ предмѣстникомъ князя Рафаила Ивановича былъ съ 1822 года г. Погенполь, женатый на Ирландкѣ *), а братъ его былъ одновременно сдѣланъ нашимъ консуломъ въ Ливорнѣ; но въ 1826 году Ливорнскимъ консуломъ уже былъ г. Энгельбахъ, когда-то книгопродавецъ въ Москвѣ до 1812 года. Онъ же, какъ единственный Русскій оффиціальный представитель во всей Тосканѣ, дѣйствовалъ при смерти князя Р. И. Долгорукаго, погребеннаго, кажется, при Ливорнской Греческой церкви.

Французскій поэтъ Казимиръ де-ла-Винь, не менѣе извѣстный и не менѣе талантливый г. Ламартина, посѣтилъ Флоренцію весною этого года; онъ часто бывалъ у насъ и читывалъ ненапечатанныя еще свои стихотворенія. Въ одахъ своихъ онъ отстаивалъ народную свободу, попранную монархическимъ деспотизмомъ, какъ случилось въ Испаніи и Неаполѣ въ 1820 году, и въ своихъ виршахъ сильно возставалъ противъ Турецкаго тиранства въ Греціи. Надо предполагать, что Французское правительство неблагосклонно смотрѣло на этого поэта, и удивляюсь, какъ оно допустило эти оды въ печать.

Въ Кашинахъ рисовался верхомъ, съ длинными по плечамъ волосами (мода тогда еще не общепринятая), другой бардъ, но далеко не чета вышеупомянутому. Это былъ Англичанинъ г. Тафъ, авторъ плохаватаго перевода Данта: онъ одно время какъ-то втерся въ общество, но не въ интимность лорда Байрона въ Пизѣ, который за этотъ искаженный переводъ перваго изъ Итальянскихъ классиковъ прозвалъ г. Тафа «the traducer» (т. е. поноситель) вмѣсто «the translator of Dante» (переводчикъ).

*) Одинъ изъ двухъ сыновей этого г. Погенполя былъ въ 1863 году нашимъ консуломъ въ Ливорнѣ, а въ концѣ 50-хъ годовъ редакторомъ газеты „le Nord“, основанной въ Бельгіи съ цѣлію быть Русскимъ полу-оффиціальнымъ органомъ за границей.

Съ самыхъ первыхъ годовъ нашей Флорентинской жизни повадился ежедневно почти приходить обѣдать къ намъ нѣкто Русскій Нѣмецъ, докторъ Ганнертъ. Онъ былъ нашимъ домашнимъ медикомъ въ Бѣлкинѣ, когда умерла тамъ въ 1813 году маленькая моя сестра Софія. Было-ли дѣйствительно какое нибудь съ его стороны упущеніе или ошибка при леченіи этого любимаго ребенка моей матери, сказать не могу; но мать моя, столь во всемъ справедливая, не могла съ тѣхъ поръ преодолѣть непріязненнаго чувства къ доктору Ганнерту. Никогда не прибѣгали къ медицинскому его пособію: никто не обращалъ никакого на него вниманія, и даже рѣдко съ нимъ говорили; онъ вскорѣ послѣ стола уходилъ и въ другое время дня болѣе не показывался. Когда мы уѣзжали весновать въ Римъ, докторъ Ганнертъ и туда явился, и все по прежнему приходилъ къ намъ къ обѣду; словомъ, онъ сдѣлался какъ бы частію мебели столовой. Ежедневныя его посѣщенія прерывались на время, когда мы переѣзжали на лѣто въ виллу Пальміери, или на Ливорнскія морскія купанья. Чѣмъ онъ существовалъ, рѣшительно не знаю; но онъ часто торчалъ по утрамъ въ аптекѣ на площади Санъ-Феличе, что̀ была рядомъ съ нанимаемымъ нами домомъ Гуиччіардини-Паличи. Впрочемъ, не онъ одинъ изъ своихъ собратій *фланировалъ* (прошу извинить этотъ галлицизмъ, но соотвѣтствующаго Русскаго слова не могу найти), отъ нечего дѣлать, по аптекамъ: онѣ были какимъ-то сборнымъ мѣстомъ для Флорентинскихъ эскулаповъ, какъ кофейни для негоціантовъ, артистовъ и адвокатовъ. Нашъ докторъ былъ хромъ, очень близорукъ, прищуривалъ глаза и некрасивъ собою, отчего въ аптекѣ Санъ-Феличе дали ему прозвище Асмодея. Если не типомъ бѣса, то онъ могъ быть годнымъ для скульптурнаго типа сатира. Вѣроятно эта его хромота препятствовала ему таскаться обѣдать къ намъ на виллу Пальміери, стоявшую на горѣ.

Наступила шумная пора Итальянскаго карнавала, когда маски ходятъ по улицамъ и на публичныхъ гуляньяхъ интригуютъ незнакомыхъ, какъ бы на театральныхъ маскарадахъ. Я придумалъ нарядиться въ полный костюмъ коннаго почталіона (ямщика), взятый на прокатъ, въ лосинныхъ штанахъ, въ ботфортахъ, въ красной форменной курткѣ съ рожкомъ на шнуркѣ черезъ плечо и, хлопая длиннымъ бичемъ, какъ дѣлаютъ заграничные почтари, верхомъ и въ маскѣ, выѣхалъ на «*корсо*» (каретное гуляніе по городу) и началъ бросать своимъ знакомымъ изъ сумки, висѣвшей съ боку, заготовленныя заранѣе записки (безъ подписи) съ личными на каждаго намёками. Не знаю, почему мои остроты были особенно язвительно направлены на миловидную г-жу Северину Собаньскую (урожденную графиню Потоцкую), по поводу ходившей молвы

о ея будто-бы связи съ однимъ изъ секретарей Австрійскаго посольства: легкомысленность тѣмъ менѣе извиняемая, что я оскорблялъ беззащитную женщину, по себѣ добрѣйшую и въ обществѣ безвредную. Она добилась узнать имя анонимнаго автора записки (происками, быть можетъ, всесильнаго въ Тосканѣ Австрійскаго представителя графа Бомбеля) и, разливаясь слезами, пріѣхала на другой или третій день къ моей матери съ жалобою прямо на меня. Я не могъ конечно отречься отъ записки, и обѣ дамы дали мнѣ сильнѣйшую головомойку *).

Во время карнавала, обыкновенно слабаго опернаго сезона во Флоренціи, въ театрѣ Перголе давали если не первую, то изъ самыхъ первыхъ оперъ молодаго тогда Донидзетти, заставившаго, шесть или семь лѣтъ спустя, забыть музыкальнаго гиганта Россини. Но въ 1826 году своего собственнаго стиля Донидзетти еще не имѣлъ, а шелъ ощупью, и опера его, о которой идетъ здѣсь рѣчь, «L'ajo nell'imbarazzo» (Дядька въ тискахъ) была крайне плоховата.

Не сказалъ я, гдѣ слѣдовало, что, по возвращеніи моемъ изъ Одесской поѣздки во Флоренцію, осенью 1825 года, я нашелъ живущаго у насъ въ домѣ двоюроднаго моего брата Александра Адріяновича Дивова, оставившаго окончательно, годомъ передъ тѣмъ, своихъ Американскихъ Іезуитовъ и поселившагося сначала въ Римѣ. Послѣ долголѣтняго своего затворничества онъ поступалъ въ незнакомый ему свѣтъ, сорока лѣтъ отъ роду, но моральнымъ, въ полномъ смыслѣ, юношею: рыскалъ какъ выпущенный школьникъ по театрамъ; но особенно проявились въ немъ вкусъ къ щегольству въ одеждѣ и любезность въ обращеніи съ прекраснымъ поломъ, когда этому не препятствовала его застѣнчивость. Въ это время онъ не возвратился еще въ лоно православной церкви, и весною слѣдующею отправился въ Парижъ, гдѣ пробылъ нѣсколько лѣтъ сряду. Много позднѣе онъ сообщилъ мнѣ, что въ бытность свою у Іезуитовъ, когда онъ узналъ о кончинѣ своихъ родителей, то эти патеры запретили ему молиться объ упокоеніи ихъ душъ: значитъ, что у Латинянъ считается грѣхомъ молитва объ усопшихъ христіанахъ не ихъ церкви. Онъ также передалъ мнѣ, что, когда, еще до 1812 года, влекомый къ Римской церкви, онъ просилъ наставника своего, аббата Дрежеля или Барбьѐ (оба были гувернерами въ

*) По смерти мужа, г. Исидора Собаньскаго, она вышла замужъ за Австрійскаго или Венгерскаго графа Коллоредо, а въ 1865 проживала въ Римѣ. Она давно простила мое нахальство и, вспоминая моихъ родителей и что она ласкала меня, когда я былъ еще мальчикомъ, освѣдомлялась обо мнѣ у моей племянницы, графини Анны Петровны Бутурлиной, давно поступившей въ Римѣ въ монашеско-воспитательный орденъ „Святѣйшаго Іисусова сердца“ („*le sacré coeur*“).

домѣ Дивовыхъ) присоединить его къ Латинской церкви, этотъ аббатъ отказался исполнить его желаніе, по причинѣ даннаго-де имъ и прочимъ духовенствомъ того вѣроисповѣданія клятвеннаго письменнаго обѣщанія нашему правительству не совращать Русскихъ въ Римское католичество. По моему, это не болѣе какъ увертка и обхожденіе буквы закона. Латинское духовенство, допущенное въ Россіи подъ сказаннымъ условіемъ, почти не стѣснялось склонять Русское юношество и свѣтскихъ дамъ къ переходу въ латинство, хотя они избѣгали (и то не всѣ) сами присоединять къ своей церкви. Въ сущности въ этомъ было мало разницы.

Не могу съ точностію опредѣлить, въ какое время мать и старшія мои сестры окончательно перешли въ латинство; должно быть до 1825 года, за исключеніемъ однакоже моей сестры Елисаветы, которая хаживала еще въ то время съ Е. П. Леруа̀, къ обѣднѣ по воскреснымъ днямъ въ нашу посольскую церковь. Даже, помнится мнѣ, сестра Елисавета говѣла со мною во вновь устроенной нашимъ отцомъ домовой церкви въ нашемъ палаццо, при чемъ я даже сказалъ ей съ грустью, что мы въ послѣдній разъ вѣроятно говѣемъ вмѣстѣ. Она окончательно совратилась уже послѣ моего вторичнаго отъѣзда изъ Флоренціи до своего замужества (въ 1829 году) или послѣ, не знаю; но отецъ нашъ настоялъ, чтобы она была обвѣнчана въ нашей церкви. Какъ ни былъ я вѣтренъ, но не могъ не замѣтить грустнаго дѣйствія, производимаго на моего отца Латинскимъ направленіемъ семейныхъ нашихъ женщинъ, хотя онъ никогда со мною объ этомъ не разговаривалъ. Повторяю: могъ ли онъ препятствовать этому? Помню разъ, что, узнавъ о горячемъ моемъ спорѣ съ сестрою Елисаветою, онъ выговорилъ мнѣ, зачѣмъ я огорчаю ее; но когда я объяснилъ, что мы спорили по дѣлу о разности восточнаго и западнаго вѣроисповѣданій, онъ болѣе не высказалъ мнѣ ни одного упрека.

Въ нашу вновь устроенную и довольно просторную домовую церковь пріѣзжалъ для служенія въ ней все тотъ же Ливорнской Греческой церкви іеромонахъ Іоахимъ Валламонте, теперь уже служившій безъ запинки литургію на Славянскомъ языкѣ. Я по прежнему пѣвалъ на клиросѣ и читалъ иногда Апостолъ, подражая, сколько могъ, Русскому басовому причетнику: начиная густою октавою и постепенно возвышая голосъ, оканчивалъ протодіаконскимъ рёвомъ. Я уже сказывалъ, что мой голосъ похвалилъ знатокъ въ музыкѣ графъ Огинскій и еще одинъ Итальянскій маестро, услыхавъ меня въ Вѣнѣ у бѣднаго секретаря нашего посольства Бржестовскаго (который застрѣлился). Этотъ маестро такъ былъ пораженъ моимъ голосомъ, что записалъ мою

фамилію и предвѣщалъ мнѣ извѣстность. Все это, конечно, суета суетъ, также какъ и рукоплесканія и вызовы «bis», полученныя мною много позднѣе (въ 1846 году), на концертѣ Александра Егоровича Варламова, и пожаты кое-какіе лавры на другихъ концертахъ; но вѣдь всѣ мы смертные, и я въ особенности, грѣшимъ самолюбіемъ и тщеславіемъ. Помню, что когда на другой день концерта А. Е. Варламова (на которомъ меня заставили повторить его бойкій романсъ на слова Кольцова «Осѣдлаю коня») явилась въ фельетонѣ статья объ этомъ концертѣ, въ которомъ угодно было Н. И. Гречу похвалить мое пѣніе и мой голосъ, я перенесся отъ счастія въ седьмыя небеса. Чтó дѣлать? Не даромъ старинный Англійскій поэтъ Попъ сказалъ:

«These little things are great for little man» *).

Была тогда во Флоренціи и третья временная Русская церковь у Н. Н. Демидова. Она не помѣщалась въ самомъ палаццѣ Серистори, а въ отдѣльномъ маленькомъ каменномъ строеніи, въ родѣ павильона или католической каплицы, на мосту «делле Граціе», до котораго доходилъ садъ дома Серистори, стоявшій на набережной рѣки Арно. Въ ней служилъ проживавшій во Флоренціи безъ мѣста Греческій священникъ, но на своемъ-ли языкѣ или по-славянски, не помню; а на клиросѣ пѣвала Русская прислуга и конторщики Николая Никитича. Проживавшій у него въ домѣ хромой Иванъ Нарышкинъ разсказывалъ мнѣ, будто бы эти пѣвцы по большей части Сибиряки, произносили «іо-аминь», и «іо-аллилуія».

Весною, кажется, этого 1826 года отошелъ отъ насъ нашъ крѣпостной поваръ Иванъ (выписанный изъ Россіи) и вздумалъ открыть харчевню подъ названіемъ Московской. Будь это въ настоящее время, когда Флоренція наполнена нашими соотечественниками (по дешевизнѣ желѣзно-дорожныхъ сообщеній и множеству недорогихъ меблированныхъ комнатъ во Флоренціи) спекуляція нашего кухмистера могла бы, пожалуй, удасться, особенно если бы столъ былъ чисто-русскій, и потребители могли бы найти у него Русскій хлѣбъ, квасъ и кислыя щи. Въ сказанное же время, Русскихъ было всего четыре или пять семействъ и не изъ класса посѣтителей харчевень или низкихъ ресторановъ, и потому нашему Ивану не повезло. Послѣ моего отъѣзда на службу въ Россію онъ закрылъ свое заведеніе и снова, если не ошибаюсь, поступилъ къ намъ въ домъ; а по смерти моего отца, когда вся наша Русская прислуга получила приличное награжденіе и была отпу-

*) Бездѣльныя эти вещи важны для человѣка ничтожнаго.

щена на волю и почти вся возвратилась въ Россію, этотъ Иванъ, уже женившійся на Итальянкѣ (дочери кучера моего отца) остался во Флоренціи и чуть-ли не впалъ въ нужду. Когда я былъ въ послѣдній разъ тамъ въ 1863 году, его уже не было на свѣтѣ; но я видѣлъ его сына, взрослаго мужчину, ни слова не знавшаго конечно по-русски.

На лѣто мы поѣхали въ Ливорно на морскія купанья и наняли прежнюю дачу Швейцарца Гебгарта. На этотъ разъ она была взята по моей особенной просьбѣ, такъ какъ меня манили туда юношескія воспоминанія. Незадолго до переѣзда на эту виллу, мать моя, сестра Елисавета и я отправились втроемъ на иллюминацію въ Пизу, повторявшуюся каждые три года, въ день, помнится мнѣ, св. Ранiера, мѣстнаго архіепископа и патрона, жившаго въ XI или XII вѣкѣ (мощи его почиваютъ въ каѳедральномъ соборѣ, «il Duomo»). Учрежденіе самой иллюминаціи относится не къ дальнымъ временамъ, но она замѣнила прежнія «giostre», то есть военныя представленія по всей городской набережной (рѣки Арно), для которыхъ жители дѣлились на двѣ сражающіяся партіи, и хотя вооруженіе состояло изъ однихъ длинныхъ тупыхъ шестовъ, но игры эти были отмѣнены, потому вѣроятно, что не проходило безъ смертныхъ случаевъ. Прекрасная Пизанская набережная окаймлена съ обѣихъ сторонъ средневѣковыми сплошными палаццами знаменитыхъ нѣкогда и нынѣ угасшихъ фамилій Сисмонди, Уголино, Ланфранки и другихъ. Историческая эта набережная оживляется въ этотъ единственный въ году разъ, а затѣмъ все остальное время Пиза, не смотря на то, что имѣетъ университетъ, славится безлюдностію своихъ узкихъ и извилистыхъ улицъ, имѣя видъ вымершаго города. Мѣстной торговли нѣтъ никакой, и такъ какъ приливъ иностранныхъ туристовъ весьма скуденъ, то и мало магазиновъ, и нѣкоторая оживленность встрѣчается лишь въ кофейняхъ: это сборное всегда мѣсто адвокатовъ, студентовъ (большой процентъ послѣднихъ состоитъ изъ Грековъ) и праздношатающейся молодежи. Трудно повѣрить, что этотъ городъ былъ когда-то цвѣтущею республикою и что онъ соперничалъ съ Венеціею и Генуею, и не менѣе удивительно, что Пизанская республика была морскою силою. Въ наше время разстояніе отъ Пизы до морскаго берега не менѣе 14 верстъ, но лѣтъ четыреста или пятьсотъ назадъ оно было вдвое менѣе, потому что море постепенно отдалялось, и при устьѣ р. Арно остались развалины двухъ башенъ, гдѣ вѣроятно была укрѣпленная пристань для Пизанскихъ галеръ, хотя онѣ строились въ городскомъ арсеналѣ. Замѣчателенъ одинъ палаццо на набережной красивой архитектуры съ загадочною надписью на фронтонѣ «alla giornata». Перевести ее можно словами «день за день», т. е.

какъ будто-бы строитель этого палаццо жилъ со дня на день, или что палаццо выстроенъ «по вкусу дня». На площади церкви кавалеровъ ордена св. Стефана (piazza dei cavalieri), видны остатки древней стѣны, вставленной въ одинъ домъ позднѣйшей постройки, а мѣстное преданіе говоритъ, что этотъ небольшой остатокъ стѣны составлялъ когда-то часть башни, въ которой были заточены и умерли голодною смертію графъ Уголино делла Герардеска съ сыновьями.

И такъ, въ день празднованія Пизанскаго святителя Раніера, городскія набережныя превращаются въ неразрывную огненную массу, вездѣ правильной, декоративной архитектуры, отъ мостовой до кровлей высокихъ палаццовъ, отражающихся въ рѣкѣ Арно, на которой тѣснятся лодки со зрителями, а по набережной тянутся ряды экипажей, не вѣсть откуда нахлынувшіе. Въ 20-хъ годахъ и даже позднѣе, Пиза получала въ зимнее время эфемерную личину столицы отъ переѣзжавшаго искони туда на мѣсяцъ Тосканскаго великогерцогскаго двора, до изгнанія въ 1839 году этихъ принцевъ Габсбурго-лотарингской династіи. Хотя подъ однимъ градусомъ широты съ Флоренціею, Пиза, по своему климату, много теплѣе въ зимнее время, вслѣдствіе большей, вѣроятно, отдаленности отъ снѣжныхъ Апениновъ.

Такъ какъ матери нашей нужно было побывать въ Ливорно, для устройства, вѣроятно, предстоявшаго нашего лѣтняго переѣзда на вилл Гебгардта, то, вмѣсто того чтобы ѣхать 15 миль почтовой дорогой, мы предпочли, ради теплой Итальянской ночи, совершить этотъ проѣздъ водою въ большой лодкѣ по каналу, вырытому еще Медицейскими великими герцогами и соединяющему въ самой Пизѣ рѣку Арно съ моремъ въ Ливорнѣ *).

Эскурція эта съ моею матерью въ Пизу и Ливорно была первою съ тѣхъ поръ какъ я считался совершеннымъ мужчиною. и мать моя съ гордостію почти смотрѣла на меня, какъ бы на защитника въ случаѣ нужды, и это обстоятельство не могло не льстить мнѣ. Не выѣзжали мы еще изъ Ливорно, какъ прискакалъ къ намъ нарочный изъ Флоренціи съ тревожнымъ извѣстіемъ, что отецъ мой сильно заболѣлъ. Въ переполохѣ мы поспѣшили нашимъ отъѣздомъ и, благодаря Бога, нашли нашего отца уже не въ опасномъ положеніи: съ нимъ случались

---

*) Раннею весною 1863 года, по этому самому каналу повезли въ Ливорно, со всѣми возможными почестями, на баркѣ украшенной знаменами „Свободной и возсоединенной Италіи", больнаго Гарибальди, лѣчившагося въ Пизѣ отъ раны въ ногѣ, полученной въ сраженіи съ Папскимъ войскомъ при Аспромонте. Овацію эту устроили на свой счетъ Ливорнскіе „баркароли", то есть хозяева лодокъ.

пароксизмы удушья, но онъ вскорѣ настолько оправился, что мы всѣ переѣхали въ Ливорно.

Неподалеку отъ насъ нанялъ виллу поэтъ и дипломатъ Ламартинъ съ своимъ семейством, и наши кавалькады втроемъ (т. е. съ сестрою Елисаветою) снова возобновились. Британка и красноносая подруга Французскаго стихотворца была достойная вполнѣ особа, но прескучная въ обществѣ и наврядъ-ли могла вдохновлять своего супруга, который въ описываемое время уже былъ озабоченъ выборами въ своемъ департаментѣ, чтобы попасть представителемъ какого-то города въ Парижскую палату депутатовъ.

Оставляю на время всѣхъ насъ, въ томъ числѣ и себя, купающимися въ Средиземныхъ синихъ волнахъ, чтобы посмотрѣть, что дѣлалъ въ это время мой братъ. Во время коронаціи Николая Павловича (1826 года) и, вѣроятно, по торжественному этому случаю, Петербургскія вліятельныя пріятельницы моего брата (онъ былъ общимъ фаворитомъ въ тамошнемъ обществѣ) выхлопотали ему, и даже чуть-ли безъ его вѣдома, камергерскій ключъ, хотя онъ былъ только надворнымъ совѣтникомъ и не былъ никогда камеръ-юнкеромъ. Если память моя вѣрна, придворное это званіе исходатайствовала ему графиня Нессельроде, сестра Елены Дмитріевны Сверчковой. Братъ мой все еще считался при Римской нашей миссіи, хотя, быть можетъ, сверхкомплектнымъ, и пользовался продолжительнымъ отпускомъ. Лѣтомъ этого года родилась въ Татанчѣ вторая его дочь графиня Маріанна Петровна, окрещенная, какъ и ея старшая сестра, Римско-католическимъ священникомъ.

На коронаціи государя Николая Павловича находился въ свитѣ Сардинскаго посла маркизъ Клавдій Соммарива д'Эксъ. Быть можетъ, многое изъ видѣннаго имъ въ Россіи пришлось ему по нраву и по сердцу и, возвратившись въ Италію, онъ вспомнилъ о моей сестрѣ, поразившей его пять лѣтъ передъ тѣми своею красотою. Не помню въ точности времени, когда онъ сдѣлалъ ей предложеніе; но это было послѣ моего вступленія въ военную службу, а свадьба сестры была уже въ началѣ 1829 года. Позднѣе мнѣ разсказывали, что маркизъ Клавдій обратилъ на себя всеобщее вниманіе на маневрахъ во время коронаціи Государя по слѣдующему случаю. Какой-то офицеръ или генералъ упалъ съ лошади, которая ускакала, при видѣ чего маркизъ пустился въ догонку за ней, поймалъ ее на всемъ скаку и привелъ къ сѣдоку. Подобный маневръ не пришелъ бы въ голову никому изъ нашей братіи кавалеристовъ; впрочемъ, едва-ли былъ онъ возможнымъ при педантскомъ милитаризмѣ 30-хъ годовъ, не существовавшемъ во Французскихъ и Сардинскихъ войскахъ: у нихъ люди были не куклы, а развязные солдаты.

Говоря о коронаціи Государя, сообщу кстати анекдотъ о лордѣ Девонширѣ, Великобританскомъ чрезвычайномъ послѣ и чуть-ли не первомъ богачѣ во всей Англіи. Насупротивъ нанимаемаго имъ въ Москвѣ громаднаго дома Шепелева (Баташевыхъ), на Вшивой Горкѣ, была кузница, сильно раздражавшая нервы Британскому вельможѣ безпрерывною стукотнею и, дабы избавиться отъ этого, онъ послалъ спросить у хозяина кузницы, во что̀ онъ оцѣниваетъ свое заведеніе, квартиру, переѣздъ на другое мѣсто подальше и выручку за все время пребыванія посла въ Москвѣ. Ремесленникъ не захотѣлъ, конечно, класть охулки на руку при столь неожиданной оказіи и заломилъ какую-то баснословную цѣну, которую Англійскій милліонеръ, не торгуясь, сейчасъ же выплатилъ ему, и на слѣдующее утро слѣда уже не было этой кузницы *).

Описывая тогдашнюю свѣтскую мою жизнь во Флоренціи, я забылъ упомянуть, что я часто встрѣчалъ въ театрѣ старшаго сына графа Сенъ-Лё, иначе Людовика Бонапарте. Молодаго этого человѣка звали Наполеономъ, какъ и старшаго его брата, нынѣ Французскаго императора. Судя по портретамъ послѣдняго, меньшой его братъ, мой знакомый, былъ гораздо красивѣе его. Онъ очень ухаживалъ въ то время за дебютанткою-красавицею Гризи. Хотя я часто разговаривалъ съ нимъ въ театрѣ и на улицѣ, но этимъ только и ограничилось наше знакомство. Пріятель и товарищъ мой, когда я пустился въ Флорентинскій большой свѣтъ, новый библіотекарь моего отца Французъ г. Алле (замѣнившій прежняго г. Одѐна, mr. Audain, который открылъ книжный магазинъ), такъ и вперитъ, бывало, глаза въ этого молодаго представителя поклоняемой имъ Наполеоновской династіи, за что̀ бывали не разъ пренія между нимъ и моею матерью, горячею, какъ я уже говорилъ, легитимисткою. Лѣтомъ 1826 года молодой принцъ Наполеонъ Сенъ-Лё женился на куда некрасивой и вдобавокъ горбатой своей кузинѣ принцессѣ Шарлоттѣ, дочери Іосифа Бонапарте, бывшаго сперва Неаполитанскимъ, а потомъ Испанскимъ королемъ. Послѣ паденія первой имперіи Іосифъ Бонапартъ принялъ фамилію графа Сюрвилье и поселился во Флоренціи. Однажды, во время этого лѣтняго нашего пребыванія въ Ливорно, мимо меня промчался въ коляскѣ молодой Наполеонъ Сенъ-Лё съ неказистою своею молодою супругою, и мнѣ померещилось, что когда онъ поклонился мнѣ, было какое-то грустное выраженіе на его лицѣ. Въ 1831 году онъ участвовалъ съ своимъ нынѣ царствующимъ братомъ въ революціонныхъ смутахъ въ Романіи (въ

---

*) Я слышалъ, что этотъ лордъ Девонширъ имѣлъ въ одномъ изъ своихъ помѣстій оранжерею такихъ размѣровъ, что разъѣзжалъ по ней въ экипажѣ по устроенной дорожкѣ.

средней Италіи), которыя были подавлены вмѣшавшеюся въ дѣло Австріею.

Старшая моя сестра Марія Дмитріевна Дини и ея мужъ провели также лѣто на виллѣ близъ Ливорно для морскихъ купаній. Разъ, зять мой предложилъ мнѣ и библіотекарю моего отца г. Аллѐ морскую экскурцію на островъ Горгону, верстахъ въ 25 отъ Ливорно. Мы наняли обыкновенную лодку съ холстиннымъ верхомъ и съ однимъ гребцомъ для катанія по гавани «около мола», запаслись немного провизіей и съ распущеннымъ парусомъ отплыли по попутному, но не сильному вѣтру. Утро было великолѣпное, море только слегка колыхалось, и часа черезъ три мы вышли на берегъ этого почти необитаемаго острова, представляющаго собою одну сплошную гористую каменную груду, имѣющую всего отъ 6 до 8 верстъ въ окружности. Ничего похожаго на селеніе тамъ нѣтъ, а отдѣльно разбросано нѣсколько рыбачьихъ хижинъ и небольшой военный постъ для надзора, вѣроятно, за контрабандистами. Объ островѣ Горгонѣ и о сосѣднемъ ему Капраіи (немного подальше и длиннѣе перваго), упоминаетъ уже пѣвецъ «Божественной Комедіи», у котораго кончается одна изъ главъ «Ада» заклинаніемъ обоихъ этихъ острововъ возстать и заодно съ рѣкою Арно, отброшенною вспять противъ теченія, ринуться и затопить Пизу съ ея нечестивцами за звѣрское умерщвленіе голодомъ графа Уголино съ сыновьями. Отдохнувъ тамъ нѣсколько часовъ, мы подъ вечеръ собрались въ обратный путь, въ надеждѣ достичь Ливорно много до полуночи; но случилось иначе. Вѣтеръ совершенно стихъ, и всѣмъ намъ троимъ пассажирамъ пришлось грести поочередно, потому что единственный нашъ «баркароль» утомился. Гребли мы всю ночь, выбились изъ силъ, и разсвѣтъ засталъ насъ не болѣе какъ на полупути, а тишь все продолжалась, и не было возможности прибѣгнуть къ пособію паруса. Жутко стало намъ; опять налегли на весла, и опять выбились изъ силъ. Солнце уже перешло за полдень, мы проголодались, а остатковъ провизіи отъ прошедшаго дня не оказалось. Если бы мимо насъ прошло тогда какое нибудь судно, то я непремѣнно бы, какъ новый Робинсонъ, началъ дѣлать всѣвозможные знаки, чтобы насъ приняли на бортъ; но какъ нарочно ничего спасительнаго въ этомъ родѣ не было видно на горизонтѣ. Наконецъ, только къ закату солнца мы достигли гавани, утомленные до нельзя. Еще счастіе, что наша экспедиція такъ дешево обошлась, а будь буря...

Французская молодежь принадлежала къ партіи горячихъ бонапартистовъ; это была реакція и протестъ противъ ретроградной политики и ультра-клерикальнаго направленія Карла X, и къ этой партіи принадлежалъ нашъ молодой библіотекарь. Хотя его политическія

убѣжденія расходились съ воззрѣніями нашей матери, но, тѣмъ не менѣе, онъ питалъ къ ней преданность и сдѣлался совершенно членомъ нашего семейства. Мать наша имѣла искони привычку каждодневно, послѣ утренняго чая, посвящать часъ семейному чтенію «L'Évangile médité», очень хорошаго сочиненія патера Круазè [1]). Во время чтенія она вышивала по канвѣ, а лекторами были прежде одна изъ моихъ сестеръ или я; но въ описываемое здѣсь время обязанность эту мать моя возложила на послушнаго Французскаго библіотекаря, въ надеждѣ (какъ думаю) обратить его въ вѣрующаго человѣка, такъ какъ религіозныя его воззрѣнія клонились къ скептицизму. Не знаю, насколько мать моя достигла желаемаго ею, но почва была плодотворна, а натура нашего Француза мягкая и привязчивая. Дальнѣйшая его судьба была довольно печальна. Онъ возвратился во Францію, когда я уже опредѣлился въ службу, сошелъ съ ума и умеръ въ молодыхъ годахъ. Библіотекаремъ послѣ него и одновременно секретаремъ моего отца, былъ Французъ г. Флёларъ.

По окончаніи сезона морскихъ купаній мы возвратились во Флоренцію, куда пріѣхалъ на короткое время пенсіонеръ Петербургской Академіи Художествъ, г. Бруни (нынѣ профессоръ и директоръ отдѣленія картинъ и статуй Эрмитажа), котораго мои родители пригласили переѣхать жить къ намъ. Съ его пріѣздомъ раздалась въ нашемъ саду давно замолкшая Русская пѣсня. Запѣвалою былъ онъ, а подтягивали ему я и еще не помню кто, и напѣвы эти очень заинтересовали слушавшаго насъ остряка адвоката Коллини. По моей просьбѣ, Бруни набросалъ заглазно очеркъ прелестной молодой дѣвушки, нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ изъ жалости взятой моею матерью въ услуженіе, въ подмогу къ старшей ея камерфрау синьорѣ Джіанеттѣ (такъ честили крѣпостную нашу Анну Степановну). Дѣвушку эту звали Констанца.

До времени моего отъѣзда въ Россію (на этотъ разъ уже окончательнаго) оставался одинъ мѣсяцъ, и ничего особенно замѣчательнаго не случилось въ этотъ промежутокъ кромѣ того, что отецъ мой, какъ бы предчувствуя, что никогда болѣе не увидитъ меня, сдѣлался неимовѣрно ласковъ со мною, часто оставлялъ меня обѣдать вдвоемъ съ нимъ и очень потѣшался, видя мою склонность къ садоводству и что я старался помогать, въ чемъ могъ, главному его садовнику Банкасу, выписанному изъ Шамбери [2]). Содѣйствіе мое состояло въ томъ,

[1]) Въ родѣ нашего „Толковаго Евангелія", но болѣе съ поучительнымъ и созерцательнымъ, нежели съ богословскимъ направленіемъ.

[2]) Послѣ смерти моего отца, мать моя разсталась съ Банкасомъ, какъ слишкомъ дорогимъ для ея двухъ садовъ, и онъ открылъ свое торговое заведеніе за городскими воротами „Porta al Prato".

что Банкасъ и я отправлялись иногда вдвоемъ по окрестнымъ вилламъ и тамъ покупали для нашего сада какія нибудь цвѣточныя растенія, не имѣвшіяся у насъ, и даже однажды ѣздили съ этой цѣлью изъ Ливорно въ Пизу, въ тамошній ботаническій садъ. За нѣсколько еще лѣтъ до покупки моимъ отцомъ Флорентинскаго его палаццо, онъ выписалъ изъ Генуи довольно значительную коллекцію старыхъ померанцевыхъ и лимонныхъ деревьевъ въ кадкахъ (штукъ 40), которыя онъ самъ подстригалъ и доводилъ до правильныхъ кронъ, напоминавшихъ ему любимые его Бѣлкинскіе экземпляры тѣхъ же породъ, о чемъ онъ не разъ и говаривалъ. До пріобрѣтѣнія нашего дома коллекція эта зимовала въ залахъ виллы Пальміери, остававшейся за нами и лѣтомъ, и по зимамъ. Потѣшало также моего отца и то, что я молодымъ и полутеноровымъ голосомъ вторилъ ему, когда онъ запѣвалъ старые свои Итальянскіе оперные дуэты, которые и мнѣ были знакомы по музыкальнымъ преданіямъ. Хотя у него былъ уже тогда голосъ дребезжащій, но интонація была удивительно какъ вѣрна. Новую Россиніеву школу съ ея вѣчными руладами онъ не одобрялъ, и это понятно: насчетъ вкуса и модъ мы всѣ, по мѣрѣ того что̀ старѣемъ, предпочитаемъ то, что̀ было въ общемъ употребленіи во время нашей молодости, но такъ какъ ни вкусъ, ни мода, не входятъ въ область положительной науки (потому что они вещи условныя), то предпочтеніе подобное тому, какое оказывалъ мой отецъ композиторамъ его эпохи (Чимарозѣ, Паэзіелло и Цингарелли) не заслуживаетъ вполнѣ нареканія ретрограда. Вѣдь и Россиніева школа совершенно измѣнилась въ свою очередь и въ настоящее время сдѣлалась довольно затруднительною для нынѣшнихъ пѣвцовъ *). Привожу еще одинъ послѣдній примѣръ многостороннихъ способностей моего отца, даже въ бездѣлицахъ. Однажды я ему расхвалилъ фокусника-Нѣмца, дававшаго представленія въ маленькомъ театрѣ на піацца «Веккія». Это до того заинтересовало моего отца (который съ самаго пріѣзда во Флоренцію до его кончины ни разу не былъ ни въ одномъ театрѣ), что онъ пожелалъ видѣть у себя этого мага, и я, познакомившись съ нимъ, привелъ его къ намъ. Отецъ принялъ его болѣе чѣмъ привѣтливо, и какъ своего пани-брата по ремеслу: онъ проэкзаменовалъ Нѣмца и пустился съ нимъ въ такія подробности, что нашъ магъ такъ и остолбенѣлъ отъ глубокихъ свѣдѣній сіятельнаго его собрата въ экспериментальной физикѣ и бѣлой магіи.

---

*) Венеціанецъ графъ Чиконіара, большой знатокъ во всякомъ искусствѣ, говаривалъ съ нѣкоторымъ основаніемъ о Россини, что до этого композитора старались, чтобы инструменты подражали голосу, а онъ, наоборотъ, заставляетъ голоса подражать инструментамъ.

Въ Октябрѣ этого года я вторично разстался съ моими родителями, и сопровождавшій меня г. Слоанъ былъ на этотъ разъ не наставникомъ, а уже совершенно моимъ компаніономъ. Костромичъ Дмитрій остался вторымъ камердинеромъ при моемъ отцѣ (кромѣ него при немъ былъ изъ Русской прислуги хохолъ Ѳедоръ Красный). Новое это званіе было немалымъ повышеніемъ для Дмитрія, бывшаго въ Россіи истопникомъ на дѣтской половинѣ и случайно попавшаго за границу по настоятельнымъ просьбамъ четырехлѣтней моей сестры Елены, не хотѣвшей разстаться съ нимъ. Вмѣсто него мы взяли съ собою бывшаго прежде курьеромъ, Римлянина Николая Біонди, потѣшавшаго меня своими разсказами, какъ онъ, еще мальчикомъ, находился при конюшнѣ Суворова, во время славной Итальянской кампаніи.

Почтенный и всегда любезный старикъ, графъ (и сенаторъ) Огинскій, нерѣдко бывавшій у насъ, узнавъ, что я поступаю въ военную службу, сказалъ мнѣ: «Обыкновенно случается, что «arma cedant togae» *), а у васъ, любезный графъ, выходитъ на оборотъ. (Онъ считалъ статскою службою мое временное нахожденіе при графѣ М. С. Воронцовѣ).

Не предчувствовалъ я тогда, что мнѣ не суждено было болѣе увидѣться съ моимъ отцомъ. Онъ умеръ во время моего возвращенія съ полкомъ въ Россію, по окончаніи Турецкой кампаніи 1829 года, не получая долго никакихъ извѣстій обо мнѣ. Въ числѣ многихъ моихъ пороковъ была безпечность въ перепискѣ съ родными, чѣмъ я много ихъ огорчалъ. Представляю себѣ, какое безпокойство я этимъ причинилъ отцу въ послѣдніе дни жизни его. Мать моя разсказывала мнѣ впослѣдствіи, что въ ночь передъ Кулевчинской битвою (12 Мая 1829 года), въ которой я выслужилъ свои офицерскіе эполеты, ей все снились змѣи, животныя ненавистныя ей, и что она терзалась предчувствіемъ опасности, которой я подвергался. И не даромъ говаривала она, что дѣти *не знаютъ*, насколько они любимы родителями: истина неоспоримая. Въ этомъ отношеніи дѣти бываютъ неблагодарны (хотя бы и безсознательно) и только узнаютъ цѣну и силу родительской любви, когда у нихъ самихъ будутъ дѣти. Я сказалъ, что дѣти неблагодарны; скажу болѣе, и равнодушны, какъ я былъ, когда вечеромъ того дня, въ которомъ я утромъ прощался съ родителями, проѣзжая черезъ г. Лукку, я присталъ къ г. Слоану съ просьбою остановиться тамъ на нѣсколько часовъ, чтобы побывать въ оперѣ, гдѣ пѣлъ тогда знаменитый теноръ Давидъ, и только по его настоянію и дѣльнымъ

---

*) Воинскіе доспѣхи уступаютъ мѣсто гражданскому одѣянію.

упрекамъ въ равнодушіи къ моимъ родителямъ я отказался, да и то, кажется, нехотя, отъ моего намѣренія.

Мы избрали на этотъ разъ путь на незнакомые намъ города, Геную, Миланъ, Инспрукъ, Мюнхенъ, Регенсбургъ и Прагу. Оттуда мы спустились на знакомые намъ Львовъ, Броды, Радзивиловъ, Кіевъ и Таганчу, гдѣ насъ ожидалъ братъ мой. Въ огромномъ Миланскомъ театрѣ «Ла-Скала» (второмъ по величинѣ послѣ Неаполитанскаго Санъ-Карло), давали тогда оперу Чимарозы «Il matrimonio segretto» (Тайный бракъ).

Въ Мюнхенѣ, прозванномъ Нѣмецкими Аѳинами, мы остановились на три или четыре дня. Баварскій король Людовикъ, не сбившійся еще съ панталыку отъ чаръ танцовщицы Лолла-Монтезъ, былъ щедрымъ и просвѣщеннымъ покровителемъ художествъ: онъ закупалъ статуи и картины и обстроивалъ свою столицу великолѣпными зданіями въ Итальянскомъ средневѣковомъ стилѣ, а придворную свою церковь въ Византійскомъ. Художественные музеи подъ именемъ Глиптотеки и Пинакотеки построены были архитекторомъ барономъ Кленцемъ, тѣмъ самымъ, котораго предпочли всѣмъ нашимъ отечественнымъ архитекторамъ при перестройкѣ въ 40-хъ годахъ Императорскаго Эрмитажа. Баварскій коронованный меценатъ напоминалъ немного Медицейскаго принца Лоренца, прозваннаго «il magnifico», и былъ весьма популяренъ. Замѣчательна весьма была также галлерея въ Мюнхенскомъ дворцѣ принца Евгенія Лейхтенбергскаго. При посѣщеніи, тому лѣтъ восемь, Петербургскаго Лейхтенбергскаго дворца, я не нашелъ тамъ извѣстной статуи Кановы, кающейся Магдалины*), одного изъ лучшихъ его произведеній и которое я очень хорошо помню въ Мюнхенѣ.

Въ Регенсбургѣ г. Слоанъ купилъ для меня пару щегольской отдѣлки пистолетовъ съ пистонами (устройство тогда бывшее еще новизною), въ самой мастерской Кухенрейтера, сына или внука славившагося когда-то оружейника той фамиліи; они мнѣ пригодились, но въ орнаментальномъ только отношеніи, въ Турецкой кампаніи. Въ Прагѣ онъ же купилъ для меня довольно неудачно двуствольное ружье, первое, которое я имѣлъ въ этомъ родѣ; но по пріѣздѣ въ Таганчу, его разорвало на первыхъ порахъ его употребленія, недалеко отъ камеры, не причинивъ мнѣ однако вреда. Во Львовѣ мы навѣстили девяностолѣтнюю безъ малаго старуху Понятовскую, мать тестя моего брата,

*) Не мѣшаетъ замѣтить, что Римская церковь, по какимъ-то преданіямъ, неизвѣстнымъ нашей восточной церкви, смѣшиваетъ блудницу, которая пала къ ногамъ Спасителя въ домѣ мытаря, съ Маріею, сестрою Лазаря, и даже бездоказательно называетъ послѣднюю Маріею Магдалиною.

Осипа Игнатьевича; она была живая не по лѣтамъ, звала своего сына Юзя (по нашему Ося), побранивая его, что онъ взялъ привычку держаться сгорбившимся, тогда какъ сама держалась прямо, какъ стрѣлка. При ней былъ домашнимъ человѣкомъ старый Французскій эмигрантъ аббатъ Пармантье, должность котораго состояла въ кормленіи любимаго ея попугая. Поляки звали ее «пани маршалкова». Изъ двухъ ея дочерей, г-жъ Кобелецкой и Сѣраковской, послѣдняя гостила при мнѣ у своего брата въ Таганчѣ, съ мужемъ, красивымъ въ полномъ смыслѣ старикомъ и очень пріятнымъ въ обществѣ.

Въ Таганчѣ мы застали въ медовомъ мѣсяцѣ женитьбы Евгенія Осиповича Понятовскаго. Жена его, урожденная Коссаковская, была сестра секретаря при Римской нашей миссіи. Она была очень нехороша собою, далеко не умна, не богата и имѣла много странностей; единственною отличительностію въ ней былъ прекрасный голосъ. Трудно допустить, чтобы послѣднимъ только могъ плѣниться человѣкъ, подобный Евгенію Осиповичу, изящный въ манерахъ, утонченно образованный, лингвистъ и изъ себя молодчина. Этотъ бракъ принадлежалъ къ числу многихъ, подобныхъ ему, необъяснимыхъ; онъ имѣлъ самыя жалкія послѣдствія: Евгеній Осиповичъ вскорѣ разъѣхался съ полупомѣшанною своею женою.

Въ Таганчѣ я пристрастился къ охотѣ, но ничего не убивалъ кромѣ мелкихъ птичекъ не изъ числа дичи. Отмѣчу здѣсь весьма рѣдкую вещь. У молодыхъ Понятовскихъ былъ тогда взрослый волкъ, до того ручной, что онъ проводилъ большую часть дня у насъ въ комнатѣ. Когда же я принимался пѣть, акомпанируя себѣ гитарою, то волкъ начиналъ ходить вокругъ меня и завывать; а перестану пѣть, и онъ перестанетъ выть. На слѣдующій годъ въ немъ оказались признаки бѣшенства; да и безъ того онъ тайкомъ повадился отправляться по ночамъ за домашнею птицею дворовыхъ людей и крестьянскихъ сосѣднихъ хатъ, и его тотчасъ убили.

Въ промежуткѣ времени послѣдняго моего пребыванія у родителей, князь А. Г. Щербатовъ, подъ эгидою котораго я долженъ былъ поступить на службу, переведенъ былъ командиромъ 2-го пѣхотнаго корпуса вмѣсто князя Горчакова, а корпусная его квартира была назначена сперва въ Смоленскѣ, но вслѣдъ затѣмъ переведена въ Москву. Въ составъ этого корпуса входила 2-я гусарская дивизія, и рѣшено было опредѣлиться мнѣ въ нее, что́ еще болѣе было мнѣ по вкусу, чѣмъ быть драгуномъ. Прямо въ гвардію я не попалъ, по нежеланію моему поступить во вновь учрежденное училище гвардейскихъ подпрапорщи-

ковъ, о которомъ всѣ мы, и даже, кажется, мои родители, имѣли самыя смутныя понятія, а самому мнѣ казалось вдобавокъ унизительнымъ поступить въ школу почти 20-ти лѣтъ отъ роду. Теперь вижу, что это было величайшею ошибкой, подѣйствовавшею, быть-можетъ, на всю мою будущность. Тутъ же поневолѣ вспомнишь, что, живи мое семейство въ Россіи, а не на чужбинѣ, я иначе бы повелъ себя, и служба моя иначе бы пошла.

Изъ Таганчи г. Слоанъ отправился одинъ на короткое время въ Одессу, чтобы распорядиться оставшимися тамъ нашими пожитками; но послѣ Одесскихъ моихъ невзгодъ я предпочелъ оставаться въ Таганчѣ, гдѣ меня любили и особливо старикъ Понятовскій, говорившій обо мнѣ: «Михалко—добрый хлопецъ».

По зимнему пути братъ мой отправился съ нами въ Москву. У насъ было двое Итальянскихъ камердинеровъ: нашъ Николó Біонди и братнинъ Джіованни Паоли. Оба они немало потѣшали насъ своимъ удивленіемъ всего видѣннаго ими въ Россіи; напримѣръ, не могли они понять, отчего въ ясный зимній день морозъ доходитъ до 20 градусовъ, тогда какъ солнце ярко сіяетъ во весь день. «Странное, говорилъ Паоли, здѣшнее солнце: сіяетъ во весь день, а не грѣетъ». Я разъ подарилъ своему Біонди 5-ти р. бумажку (въ то время темносинюю); онъ взялъ ее и все вертѣлъ въ рукахъ, долго не вѣря, что она могла быть тѣмъ же, что̀ звонкая монета. А до упомянутаго Паоли у моего брата былъ камердинеромъ въ Римѣ Тосканецъ Санти, весьма простодушный. Замѣтивъ, что его баринъ нерѣдко возвращался съ прогулки, неся обломки камней и мраморовъ, подобрашныхъ между древними развалинами, онъ полюбопытствовалъ узнать отъ моего брата, какую особенную важность онъ имъ придаетъ, и на объясненіе, что цѣнность ихъ состоитъ въ древности зданій, къ которымъ они принадлежали, Итальянецъ нашъ сдѣлалъ замѣчаніе, что, по его умозрѣнію, всѣ камни суть одинаковой древности: ибо, когда Богъ сотворилъ міръ, Онъ въ тоже время создалъ и камни; выводъ, конечно, логичный.

Хотя трактъ нашъ былъ большой почтовый, на Кіевъ, Нѣжинъ, Глуховъ, Батуринъ, Орелъ, Болховъ, Бѣлевъ, Козельскъ и Калугу (откуда мы свернули побывать въ Бѣлкинѣ), но гостинницы существовали въ то время только въ губернскихъ городахъ, за рѣдкими исключеніями, какъ напримѣръ, въ Нѣжинѣ, гдѣ находился чистенькій постоялый дворъ со сносною кухнею, и въ Батуринѣ, уже не знаю по какому случаю, порядочная гостинница со столомъ. Мы останавлива-

лись иногда для ночлега въ деревенскихъ избахъ, набитыхъ, какъ бываетъ въ зимнее время, кромѣ хозяевъ, овцами и телятами. Это было диковинное зрѣлище для обоихъ нашихъ Итальянцевъ. Стужа стояла особенно суровая, и мы одно время ѣхали проселками по направленію къ Тагину, думая застать тамъ Чернышовыхъ. Предвидя неудобство ночлеговъ безъ кроватей, братъ мой и г. Слоанъ запаслись *гамаками*; это парусинный мѣшокъ, въ общемъ употребленіи у моряковъ, открытый во всю длину, оба конца котораго прикрѣпляются веревками къ двумъ костылямъ вбитымъ въ стѣну. Когда мы останавливались на ночь, то процедура развѣшиванія этихъ гамаковъ была предметомъ всеобщаго любопытства. Я разъ только попробовалъ влѣзть въ эту воздушную кровать, но она мнѣ показалась крайне неловкою, да и сверхъ сего, при малѣйшемъ тѣлодвиженіи, ложе это подвергалось неприятному ощущенію качки, и я предпочиталъ спать на лавкѣ или на постланномъ на полу сѣнѣ, жертвуя своею плотію всякаго рода насѣкомымъ.

Въ полу-греческомъ Нѣжинѣ ходили мы всѣ трое къ обѣднѣ въ соборъ. Бывшій же мой Англинскій воспитатель держался правилъ вѣротерпимости; онъ часто (въ бытность его со мною въ Бѣлкинѣ) бывалъ въ нашихъ храмахъ по воскреснымъ днямъ и не изъ общаго любопытства, но углублялся въ молитвѣ и не становился на колѣняхъ по обычаю его церкви, дабы не казаться страннымъ нашему люду. Въ Нѣжинскомъ соборѣ служили по-гречески, и такъ какъ я научился порядочному числу Греческихъ молитвъ и напѣвовъ въ Ливорнской церкви и отъ служенія отца Іоахима въ нашей Флорентинской домовой церкви, то я сталъ усердно подтягивать клиросному пѣнію и привелъ тамошнихъ гражданъ въ недоумѣніе, какой молъ появился новый Греческій господинъ? Сознаюсь, что произведенное мною впечатлѣніе меня забавляло.

Въ Москву мы пріѣхали, насколько помнится, передъ 1-мъ Января 1827 года и первоначально остановились въ гостинницѣ Шора, на углу Кузнецкаго моста и Петровки, тамъ, гдѣ нынѣ гостинница «Россія»; но мы скоро оттуда переѣхали въ меблированныя комнаты, содержимыя Француженкою, въ домѣ зубного врача Жоли, на самомъ углу Рождественки и Трубной площади. Какъ второй отецъ, безцѣнный мой братъ принялся хлопотать о полученіи бумагъ, нужныхъ для поступленія моего на службу. Попеченіе его обо мнѣ продолжалось во всю его жизнь, вдали какъ вблизи, о чемъ видно будетъ въ дальнѣйшихъ моихъ разсказахъ. Онъ оставлялъ слѣды своей благотворительности вездѣ, гдѣ проживалъ, очень часто въ тайнѣ, принадлежа къ

разряду тѣхъ рѣдкихъ людей, о которыхъ говоритъ Шекспиръ въ Гамлетѣ: «and take him all in all, I shall never see the like of him again» *).

Москва, которую я едва помнилъ, обманула мои ожиданія и не показалась мнѣ заслуживающею названія столицы, такъ какъ въ то время незастроенныхъ пустырей было еще много, даже въ центрѣ города, иныя зданія стояли въ развалинахъ со времени пожара 1812 года, да и сплошныхъ строеній на главныхъ даже улицахъ почти не было: дома стояли отдѣльно другъ отъ друга и обыкновенно не выше двухъ этажей; рядомъ съ барскими хоромами тянулись по обѣимъ сторонамъ ряды одноэтажныхъ каменныхъ и деревянныхъ лачужекъ, а между ними были деревянные заборы, крашенные охрою. Кромѣ Кремлевскихъ стѣнъ и Сухаревой башни, историческихъ древностей не встрѣчалось нигдѣ моему взору. Касательно же Кремлевскихъ соборовъ, Ивановской колокольни и многихъ городскихъ пятиглавыхъ церквей, то хотя полу-мавританская ихъ архитектура и обличала въ нихъ почтенную довольно древность, но меня, какъ западнаго художника-аматёра, возмущалъ вандализмъ частаго ихъ возобновленія свѣжею штукатуркою, скрывавшею бѣлый камень ихъ постройки и уничтожавшею весь отпечатокъ старины; но паче всего казалось мнѣ отвратительнымъ до нельзя безвкусное раскрашиваніе этихъ церквей во всѣ возможные радужные колера, на что́ я и по сю пору не могу смотрѣть равнодушно. Одно лишь пріятно меня поразило: это былъ только-что выстроенный архитекторомъ Бовё новый большой театръ. Подобнаго по его громадности и внѣшней отдѣлкѣ зданія я дѣйствительно нигдѣ не видалъ, ни въ Италіи, ни въ Германіи. Изъ оконъ нашей квартиры въ домѣ Жоли посматривалъ я съ презрѣніемъ на единственный въ то время Московскій фонтанъ, очень не казистый, вытекавшій въ каменный бассейнъ изъ-подъ самой горы Рождественскаго бульвара, и билъ онъ очень несильно. Хотя съ позднѣйшимъ устройствомъ многихъ другихъ фонтановъ Мытищинской воды въ несравненно лучшемъ видѣ, этотъ водяной прототипъ потерялъ свое значеніе и недавно окончательно иссякъ, но теперь мнѣ его жаль, какъ историческій отчасти памятникъ. Я слышалъ, что онъ устроенъ былъ въ первой половинѣ XVIII вѣка инженеромъ и фельдмаршаломъ графомъ Минихомъ.

Радостна и печальна была моя встрѣча съ Чернышовыми. Мы ежедневно у нихъ обѣдали и проводили большую часть времени. Они тогда жили въ домѣ Тургенева, на Самотечной Садовой, на углу пер-

---

*) Подобнаго ему я никогда болѣе не увижу никого.

ваго Спасскаго переулка, ведущаго къ Каретному ряду. Домъ этотъ сохранилъ и понынѣ первоначальную свою послѣ-пожарную архитектуру Александровской эпохи, съ миѳологическими лѣпными фигурами и эмблемами на фасадѣ, и я никогда равнодушно мимо его не проѣзжаю. О, какъ горестно было смотрѣть на это столь недавно еще счастливое семейство Чернышовыхъ! Графиня Елисавета Петровна была разбита параличемъ въ обѣ ноги и въ правую руку. Въ первое время послѣ ареста въ Тагинскомъ ея домѣ сына и зятя, она лишилась языка; но когда мы пріѣхали въ Москву, это уже прошло, хотя и не совсѣмъ. Александра Григорьевна Муравьева жила въ Петербургѣ, въ ожиданіи рѣшенія судьбы обожаемаго мужа: когда же онъ отправленъ былъ въ Сибирь, то она при мнѣ прискакала къ матери на одну только ночь (которую, это я хорошо помню, она провела лежа на полу, рядомъ съ материнской кроватью), и поспѣшила догнать мужа на этапѣ по Ярославской или Владимірской дорогѣ. Если не ошибаюсь, Никиту Михайловича Муравьева не вели по пересылочной пѣшей командѣ, но его везъ жандармскій офицеръ. Тайкомъ отъ всѣхъ, съ Александрою Григорьевною поѣхали до Ярославля сестры ея, графини Софія, Наталья и Вѣра Григорьевны для свиданія и прощанія съ ихъ братомъ и зятемъ. Безъ мужчины неловко было имъ ѣхать, и потому въ этой печальной поѣздкѣ ихъ сопровождалъ г. Слоанъ, принятый уже въ этой семьѣ, по рекомендаціи моей матери, какъ свой человѣкъ. Одной гр. Елисаветѣ Григорьевнѣ пришлось отказаться отъ этого утѣшенія: надо-же было кому нибудь оставаться дома при убитыхъ горемъ старикахъ-родителяхъ. Отмѣчу заранѣе, что героиня Александра Григорьевна никогда болѣе не возвратилась въ Россію и умерла въ Сибири, а мужъ ея вторично женился въ ссылкѣ, на комъ, не помню.

Молодыя графини Чернышовы любили не только своего зятя Никиту Михайловича, но и раздѣлившаго его участь брата его Александра Михайловича Муравьева. Всѣ онѣ, нечего грѣха таить, за исключеніемъ 13-ти лѣтней гр. Надежды Григорьевны, занятой уроками съ ея гувернанткою миссъ Девисъ, были тогда въ экзальтированномъ настроеніи духа, не исключая и степенной графини Софіи Григорьевны, которой уже было подъ тридцать лѣтъ: онѣ смотрѣли на опозоренныхъ брата и зятя, какъ на жертвы самодержавнаго произвола, и сочувствовали, безъ трезваго анализа, идеямъ, цѣлью которыхъ было, какъ онѣ воображали, благо отечества. Когда пылъ этотъ немного охладѣлъ, то милыя мои кузинушки обратили свой энтузіазмъ на лорда Байрона, съ сочиненіями котораго ихъ познакомилъ впервыя г. Слоанъ (всѣ онѣ отлично знали по-англійски). Объ этомъ поклоненіи Британскому Барду

Александръ Дмитріевичъ Чертковъ (будучи уже мужемъ графини Елисаветы Григорьевны) говаривалъ, что у добрыхъ-де людей виситъ въ изголовьи икона, а у графинь Чернышовыхъ портретъ лорда Байрона. Экзальтированное настроеніе этихъ молодыхъ натуръ весьма извинительно; надо принять въ соображеніе, что онѣ были предоставлены самимъ себѣ: мать лежала въ параличѣ въ своей спальнѣ, а растерявшійся отъ совокупности моральныхъ потрясеній отецъ бродилъ по дому, едва замѣчая, что̀ происходило вокругъ его. Ходитъ, бывало, онъ задумчивый и молчаливый, нигдѣ долго не засиживаясь; взойдетъ на минуту къ больной женѣ, а оттуда присядетъ къ фортепіанамъ въ залѣ, возьметъ три-четыре меланхолическихъ акорда, соскочитъ со стула, поцѣлуетъ въ голову какую-нибудь изъ находившихся вблизи, плачущихъ при видѣ отца дочерей, и снова убѣжитъ на свою половину, гдѣ проводилъ большую часть дня, выходя лишь къ семейному обѣду. Вмѣстѣ съ этимъ онъ впадалъ въ дѣтское почти умосостояніе и занимался (какъ мнѣ разсказывали посторонія лица) составленіемъ коллекціи чубуковъ съ янтарными мундштуками. Нечего и говорить, что въ этомъ состояніи онъ былъ неспособенъ ни къ какимъ серіознымъ, ни даже хозяйственнымъ занятіямъ, и всѣмъ домомъ и имѣніями завѣдывалъ старый его и графининъ другъ и сосѣдъ по Орловскому имѣнію, Яковъ Ѳедоровичъ Скарятинъ. Помню, какъ однажды при мнѣ графиня Елисавета Григорьевна просила его о своей обуви! Сердце замирало, глядя на это беззащитное и какъ бы осиротѣвшее прежде времени семейство.

Кончаю мрачную картину этой эпохи тѣмъ, что Государь Николай Павловичъ, годъ спустя, препроводилъ графу Григорію Ивановичу Чернышову (бывшему давно оберъ-шенкомъ) Александро-Невскую ленту. Годичный срокъ былъ предпочтенъ, вѣроятно, Государемъ болѣе поспѣшному, изъ деликатной осторожности, дабы эта царская милость, оказываемая человѣку ничѣмъ не отличавшемуся на службѣ, не показалась бы чѣмъ либо въ родѣ того, что онъ хотѣлъ этимъ «dorer la pillule». И вотъ тотъ царь, котораго иные обвиняютъ въ черствости! Нынѣ всѣмъ извѣстно, что и самый выборъ генерала Лепарскаго комендантомъ въ той мѣстности Сибири, гдѣ назначены были каторжныя работы для осужденныхъ декабристовъ, состоялся по извѣстнымъ императору человѣколюбивымъ склонностямъ этого почтеннаго человѣка.

(*Продолженіе будетъ*).

ЕЩЕ ИЗЪ ДНЕВНЫХЪ ЗАПИСОКЪ В. А. МУХАНОВА *).

1833-й годъ.

3 Января. Воскресенье. Опять было прошелъ слухъ о смерти короля Французовъ, но къ счастію не подтвердился. Людовику-Филиппу семьдесятъ лѣтъ отъ роду и, не смотря на его бодрость, болѣе причинъ полагать, что онъ проживетъ недолго, чѣмъ думать противное. Съ кончиною его возникнетъ во Франціи бездна безпорядковъ и смутъ; ибо сіе государство держится только мудрою опытностью, глубокимъ знаніемъ характера Французовъ и примѣрною осторожностью короля. Бѣдствія, волновавшія Францію, часто имѣли отголосокъ въ другихъ земляхъ: событія 1830 года повторились, конечно въ меньшемъ размѣрѣ, на многихъ пунктахъ Европы. Прошедшее въ семъ случаѣ возбуждаетъ опасеніе на счетъ будущаго, и вотъ почему нельзя безъ страха подумать о смерти Людовика-Филиппа.—Англичанинъ Дикенсъ издалъ «Путешествіе въ Соединенные Американскіе Штаты»; книга его наполнена занимательными подробностями. Дикенсъ жалуется на неудобство и тѣсноту Американскихъ пароходовъ, описываетъ чудаковъ и оригиналовъ. которыхъ встрѣчалъ онъ во множествѣ, говоритъ о покаятельной тюрьмѣ въ Филадельфіи съ содроганіемъ; разсказываетъ, какъ ходилъ онъ къ президенту, и передаетъ разговоры Американцевъ, часто уморительныхъ своимъ лаконизмомъ. Въ томъ, что̀ путешественникъ говоритъ о Филадельфійской тюрьмѣ и о правилахъ, которымъ подчинены заключенные, много похожаго на добровольное заточеніе монаховъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Траппистовъ: тоже невѣдѣніе о родныхъ и друзьяхъ, о тѣхъ, кто съ ними живетъ, тоже безмолвіе могилы. Понимаю произвольное обреченіе человѣка на удаленіе отъ міра и всѣхъ его прелестей; но не знаю, до какой степени можно лишить ближняго, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, способностей, дарованныхъ ему Богомъ, и даже дара слова, не нарушивъ великаго закона любви христіанской.

---

*) Въ обогащаемый новыми пріобрѣтеніями Музей Петра Ивановича Щукина, которому „Русскій Архивъ" такъ обязанъ за возможность пользоваться дневниками В. А. Муханова, поступило еще нѣсколько книжекъ этой своего рода лѣтописи, изъ которыхъ извлекаемъ нижеслѣдующее. П. Б.

1843-й годъ.

1 Января. Пятница. Вчерашній день провелъ я въ занятіяхъ счетами, которые сводилъ, въ приготовленіи новыхъ книгъ, въ предположеніяхъ неважныхъ, но интересныхъ для меня на слѣдующій годъ. Но что̀ болѣе обращало мое вниманіе и напрягало мой умъ, это было стараніе, бросивъ взглядъ на прошедшее, сдѣлать изъ него выводъ въ пользу настоящаго и будущаго и, призвавъ благословеніе Божіе на слабыя усилія и несовершенныя дѣйствія мои, сколько возможно направить ихъ къ благой цѣли. Прежде всего надлежало опредѣлить родъ занятій моихъ. Еще въ Парижѣ я почувствовалъ необходимость приступить къ изученію болѣе обстоятельному догматовъ святой вѣры; но тамъ я долженъ былъ ограничиться пособіями, несогласными съ ученіемъ церкви православной. По возвращеніи въ отечество я почелъ первою обязанностью приняться за дѣло, нетерпящее отлагательства, ибо оно имѣетъ предметомъ спасеніе. Потомъ я полагалъ, что второе мѣсто въ кругу занятій моихъ принадлежитъ любезной Россіи, безъ чего нельзя быть полезнымъ гражданиномъ. Я нашелъ также, что Русскіе занимаются мало финансами и что сія важная часть государственнаго управленія и при воспитаніи, и въ послѣдствіи оставлена въ совершенномъ небреженіи. Языки суть орудія образованія: дальнѣйшее упражненіе въ томъ изъ нихъ, который представляетъ болѣе пособій для наукъ и можетъ быть полезнѣе въ общежитіи, признаю необходимымъ. И такъ, отнынѣ постояннымъ предметомъ трудовъ моихъ будутъ:

1. Догматы православной церкви и исторія христіанства, въ особенности исторія восточной церкви. Сюда принадлежатъ также чтеніе Св. Писанія, объясненіе литургіи и другихъ службъ церковныхъ, истолкованіе праздниковъ и проч.

2. Исторія Россіи, самое основательное изученіе оной, при руководствѣ Устрялова *).

3. Теорія и исторія финансовъ преимущественно въ Англіи и Франціи.

4. Изученіе Нѣмецкаго языка, теорія и упражненіе въ чтеніи.

Сіи четыре статьи будутъ непремѣнно, при благословеніи Божіемъ, предметами ежедневныхъ трудовъ и размышленій моихъ.

---

*) Довольствовавшись сначала Устряловымъ, В. А. Мухановъ во всю дальнѣйшую жизнь свою постоянно читалъ книги историческія. Я помню, какъ въ послѣднее мое свиданіе съ нимъ, за недѣлю до его кончины, засталъ я его надъ только что появившимся первымъ томомъ Исторіи Россіи, Д. И. Иловайскаго; онъ съ живымъ сочувствіемъ относился къ этому прекрасному самостоятельному труду. П. Б.

2 Janvier. Samedi. Hier il n'y a pas eu de sortie à la cour, l'Impératrice ayant été indisposée. Deux grands fonctionnaires de l'état, le prince Volkonsky, ministre de la maison de l'Empereur, et le prince Vassiltchikoff, président du Conseil de l'Empire, ont été l'objet des grâces spéciales de la part de leur Souverain. Cinquante ans étant révolu depuis l'avancement de ces messieurs comme officiers, l'Empereur a voulu récompenser dignement leurs services à l'état et à sa personne. Il se rendit donc le jour de l'an dans l'appartement occupé par le prince Volkonsky. Sa Majesté était accompagné des Grands-Ducs et d'une suite nombreuse; l'appartement du prince suffisait à peine pour contenir tout ce monde. Après fortes félicitations et embrassements, l'Empereur déclara au prince qu'un régiment de ligne allait recevoir son nom, et qu' en outre il nommait sa petite-fille demoiselle d'honneur de l'Impératrice; l'enfant n' a que trois ans, et les exemples de pareilles grâces sont très rares. Ensuite le ministre de la cour a eu l'honneur d'être conduit par son Maître chez l'Impératrice, qui, avec sa bienveillance accoutumée, combla de bontés le vieux fonctionnaire. Une demi-heure plus tard l'Empereur se trouvait déjà à l'hôtel du prince Vassiltchikoff, où on fut témoins d' une scène analogue à ce qui s'était passé au palais. Le président en était ému au point de ne pouvoir proférer une parole; il pleura de joie et de bonheur. Le prince eut aussi un régiment, le chiffre pour sa fille âgée de huit ans et la translation d'un de ses fils d' un régiment de ligne à la garde. Cette manière délicate et gracieuse de reconnaître les services rendus au pays a quelque chose de touchant; c'est ainsi qu' on se fait aimer et qu' on fait rechercher le service.

Переводъ. 2 Января. Суббота. Вчера выхода при дворѣ не было по случаю нездоровья Императрицы. Два государственныхъ дѣятеля, князь Волконскій, министръ императорскаго двора, и князь Васильчиковъ, предсѣдатель Государственнаго Совѣта, были удостоены особаго милостиваго вниманія со стороны Государя. Пятьдесятъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ оба они служатъ въ офицерскихъ чинахъ, и Государь пожелалъ достойнымъ образомъ вознаградить ихъ за службу царю и отечеству. Поэтому въ день новаго года онъ отправился въ помѣщеніе, занимаемое княземъ Волконскимъ съ великими князьями и многочисленной свитой. Квартира князя едва вмѣстила столько народа. Послѣ сердечныхъ объятій и поздравленій, Государь объявилъ князю, что одинъ изъ армейскихъ полковъ будетъ названъ его именемъ, и кромѣ того внучку его онъ назначаетъ фрейлиной Императрицы; ребенку только три года; подобные примѣры монаршей милости очень рѣдки. Послѣ того министръ двора былъ самимъ Государемъ отведенъ къ Императрицѣ, которая, съ обычной ей добротою, приняла стараго служаку чрезвычайно милостиво. Черезъ полчаса Государь былъ уже въ домѣ князя Васильчикова,

гдѣ присутствующіе были свидѣтелями повторенія того же, что́ произошло во дворцѣ. Князь такъ былъ растроганъ, что не могъ произнести ни слова: онъ плакалъ отъ радости и счастія. Онъ также получилъ полкъ, шифръ для своей восмилѣтней дочери и переводъ одного изъ сыновей изъ арміи въ гвардію. Этотъ столь деликатный и милостивый способъ признанія заслугъ отечеству имѣетъ въ себѣ нѣчто трогательное; этимъ способомъ пріобрѣтаются любовь подданныхъ и ревность ихъ къ службѣ.

4 Janvier. Lundi. Un article intéressant sur la capitulation de Paris, par m. Orloff, vient de paraître dans un almanach russe: «Утренняя Заря». L' auteur ayant été chargé par l'empereur Alexandre de traiter avec les ducs de Raguse et de Trévise au sujet de l'évacuation de Paris par les troupes françaises, rend compte des négociations qui eurent lieu à cette occasion entre le comte de Nesselrode et lui d' une part et les deux maréchaux de l'autre. La fermeté convenante de nos délégués et les hésitations concevables de la partie adverse prolongèrent le débat; enfin on fut d'accord, ce qui nécessita le retour du comte de Nesselrode auprès de l'Empereur pour lui soumettre les points stipulés verbalement pour l' évacuation de la capitale de la France. Monsieur Orloff, resté en ôtage, se trouva naturellement alors en contact avec beaucoup de Français; au commencement, les conversations qu'il a pu avoir avec eux étaient invénimées, mais bientôt pourtant on finit par s'entendre. Des détails curieux, des aperçus heureux sur les caractères français et russes et un tacte étonnant dans une position difficile et épineuse sont les qualités qu' on est disposé surtout à admirer dans la relation de m. Orloff. On trouve que le stile de cet article est celui d' un écrivain qui avait plutôt l' habitude de s'énoncer en français qu' en russe. Le comte de Nesselrode a trouvé ce fragment (d'un homme qui n'est plus) d'une grande exactitude, au point, a-t-il dit, qu'il n'y a pas un mot à ajouter ou à retrancher. C'est après une pareille lecture surtout qu'on est porté à regretter que si peu de personnes se croyent dans l'obligation de raconter aux contemporains et par là de conserver à la postérité les curieux détails des grands événements dont le sort leur a permis d'être les témoins.

Переводъ. 4 Января. Понедѣльникъ. Любопытная записка г. Орлова о сдачѣ Парижа появилась въ Русскомъ альманахѣ „Утренняя Заря“. Авторъ ея посланъ былъ имп. Александромъ для переговоровъ съ герцогами Рагузскимъ и Тревизскимъ объ очищеніи Парижа отъ Французскихъ войскъ; онъ даетъ отчетъ о переговорахъ между графомъ Нессельроде и имъ съ одной стороны и обоими маршалами съ другой. Приличная твердость нашихъ уполномоченныхъ и понятныя колебанія противной стороны замедлили переговоры. Наконецъ соглашеніе было достигнуто, и графъ Нес-

сельроде вслѣдствіе того возвратился къ Государю, чтобы представить на его усмотрѣніе статьи словеснаго соглашенія объ очищеніи столицы Франціи. Г. Орлову, оставшемуся заложникомъ, естественно пришлось сталкиваться со многими Французами; сначала въ разговорахъ ихъ проглядывало озлобленіе, но вскорѣ дѣло уладилось. Любопытныя подробности, удачныя замѣтки о характерахъ Французскомъ и Русскомъ и удивительный тактъ въ трудномъ и щекотливомъ положеніи, вотъ качества, достойныя удивленія, въ запискѣ г. Орлова. По слогу статьи видно, что пишущій привыкъ выражаться по-французски, болѣе чѣмъ по-русски. Графъ Нессельроде нашелъ, что этотъ отрывокъ, написанный человѣкомъ уже умершимъ, отличается такою точностію, что ни одного слова нельзя ни прибавить, ни убавить. Послѣ такого чтенія какъ-то особенно сожалѣешь о томъ, что столь немногія лица считаютъ своею обязанностью разсказать современникамъ и чрезъ то повѣдать потомству любопытныя подробности великихъ событій, свидѣтелями коихъ они были по волѣ судьбы.

5 Января. Вторникъ. Многіе нападаютъ на Петра Великаго: реформы и перемѣны его конечно были въ началѣ рѣзки и круты, и народная гордость должна была оскорбляться ими. Но всѣ преобразованія требуютъ мѣръ рѣшительныхъ и быстрыхъ, иначе они трудно совершаются или даже вовсе не исполняются. Тамъ, гдѣ воля слаба, дѣйствія шатки и успѣхи сомнительны. Сильная своимъ православіемъ, единствомъ, отвагою и мужествомъ народа, сверженіемъ ига Татарскаго и владычества Поляковъ, Россія до Петра представляетъ массу грубую и нестройную. Законы недостаточны и неполны, нѣтъ арміи и флота, промышленность младенчествуетъ, отдаленность морей лишаетъ выгодъ торговли, бытіе сословій народныхъ не опредѣлено, отсутствіе суда и расправы, отчужденіе отъ Запада и неимѣніе вѣса въ дѣлахъ внѣшней политики. Конечно не гордиться можемъ мы симъ положеніемъ, и если даже исторія наша представляетъ страницы блестящія, то сколько такихъ, которыя читаемъ съ сокрушеніемъ: признаки внутренняго неустройства на каждомъ шагу. Является мужъ, посланный Богомъ на дѣло великое; онъ долженъ исторгнуть насъ изъ нашей дикой неподвижности, призвать къ жизни гражданской, устроить насъ внутри, возвысить извнѣ, даровать намъ промышленность, открыть моря, дать законы, устроить школы и прославить насъ успѣхами оружія. Славно и торжественно выполняетъ онъ свое назначеніе; благодарность подданныхъ именуетъ его «великимъ», «отцемъ отечества», а народы иноземные благоговѣютъ передъ великаномъ древнихъ и новыхъ временъ. Нужно-ли послѣ того отражать нападенія? Всякое слово въ оправданіе было бы оскорбленіемъ памяти Великаго.

6 Janvier. Mercredi. En lisant les journaux, je me rappelle avec plaisir le temps que j'ai passé à Paris, surtout cette activité, ce bruit qui animent la grande ville à l'approche du jour de l'an ou de l'ouverture de la session. Ce temps des étrennes, où chacun songe à ses connaissances et à ses amis; cette manière de commencer l'année en se donnant des marques de bienveillance mutuelle m'a toujours plu: ce pacte de sociabilité, renouvelé avec exactitude et empressement toutes les années, a quelque chose de touchant. Les députés reviennent, et leur retour annonce la séance royale. On est dans l'attente; les uns veuillent, que le ministère reste, les autres espèrent qu'il s'en ira; les ambitieux avec leurs exigences, les intérêts en souffrance sont à la recherche des places ou de l'amélioration de leur état présent. Tout est continuellement en haleine dans cette fourmilière. Eh bien, malgré le plaisir que j'éprouvais alors en voyant tout cela et que j'ai à présent en me le rappelant, je dois avouer qu'en conscience, si on me proposait de me transporter par un coup de baguette à Paris, je ne le voudrais pas. Rien ne peut se comparer à cette satisfaction douce que je sens de me retrouver dans mon pays: tout ce qui se fait me tient à coeur, le bien me réjouit et le mal me peine. Je crois qu'en restant longtemps absent de son pays on doit devenir futile et apathique; futile, parce qu'on veut savoir par pure curiosité et non parce qu'on a intérêt de savoir: apathique, parce qu'au fond il vous importe peu qu'une chose se fasse d'une manière ou d'une autre, quand elle n'appartient à votre pays.

Переводъ. 6 Января. Среда. Читая газеты, съ удовольствіемъ вспоминаю про время, проведенное мною въ Парижѣ, особенно про эту живость и шумъ, которыми одушевляется великій городъ передъ новымъ годомъ или передъ началомъ палатскихъ засѣданій. Это время праздничныхъ подарковъ, когда всякій думаетъ о своихъ знакомыхъ и друзьяхъ, это начинаніе года обмѣномъ взаимныхъ знаковъ благорасположенія, всегда мнѣ были по душѣ. Что-то есть трогательное въ такой ежегодной, точной и усердной скрѣпѣ общежитія. Депутаты пріѣзжаютъ назадъ, и возвращеніемъ ихъ возвѣщается королевское засѣданіе. Наступаетъ ожиданіе. Одни желаютъ, чтобы министерство оставалось; другіе надѣятся, что оно уйдетъ. Честолюбцы съ ихъ притязаніями, съ затронутыми выгодами ищутъ должностей или улучшенія своего настоящаго положенія. Въ этомъ муравейникѣ все непрестанно движется. И однако, не смотря на удовольствіе, которое я испытывалъ, видя все это и которое нынѣ испытываю при воспоминаніи о томъ, я долженъ признаться по совѣсти, что, если бы мнѣ предложили какимъ нибудь волшебствомъ перенести меня въ Парижъ, я бы не пожелалъ этого. Ничто не можетъ сравниться съ сладкимъ ощущеніемъ возврата въ свою страну: все происходящее затрогиваетъ мнѣ сердце, доброе радуетъ, дурное огорчаетъ. Думаю, что,

долго оставаясь въ чужихъ краяхъ, по необходимости становишься легкомысленнымъ и ко всему равнодушнымъ: легкомысленнымъ, потому что разузнаешь не изъ потребности, а только изъ любопытства; равнодушнымъ, потому что въ сущности для тебя неважно, произойдетъ ли что́, не относящееся до твоей страны, такимъ или другимъ способомъ.

9 Février. Mardi. La manière dont on se serre la main en s'abordant joue un grand rôle en Angleterre; il vaut mieux ne pas la donner que de le faire avec un air d'indifférence. Mettez votre coeur dans la main, disent les Anglais, ou bien ne la tendez pas. L'idée qu'on attache à cette manifestation varie à l'infini; aux différentes nuances qu'on met à le faire, les insulaires reconnaissent ou croyent reconnaître les sentiments dont on est animé pour eux: tantôt c'est la haine, l'envie, le soupçon ou tout autre sentiment de malveillance qu'on leur exprime; tantôt c'est la cordialité, l'affection, l'intérêt, l'admiration, qui se manifestent dans ce qui ne paraît être au fond qu'un simple procédé de politesse. On secoue avec force et effusion la main d'un ami, avec réserve et sans serrer celle d'un supérieur, quand il vous la présente; sans familiarité, mais aussi sans condescendance, celle d'un inférieur. L'étranger, n'étant pas initié dans les secrets du shake-hands, froisse souvent à son propre insu ces gentlemens, parfois si susceptibles et si fantasques, pour ne pas dire si capricieux. Pour éviter des méprises et des bévues, je crois qu'il serait sage pour serrement de main de faire exception au principe connu: on doit adopter les moeurs et les usages du pays où on se trouve, et il n'y a pas de doute que le bon sens britannique attribuerait plutôt cette conduite à l'ignorance d'un usage qu' à un manque de bienveillance.

Переводъ. 9 Февраля. Вторникъ. Способъ рукопожатія при встрѣчѣ играетъ большую роль въ Англіи: лучше вовсе не подавать руки, нежели подавать ее съ видомъ равнодушія. Вложите ваше сердце въ руку, говорятъ Англичане, или совсѣмъ ее не подавайте. Идеи, связанныя съ этимъ привѣтствіемъ, разнообразны до безконечности; по различнымъ оттѣнкамъ, съ какими это дѣлается, островитяне узнаютъ или предполагаютъ знать тѣ чувства, коими одушевлено лицо: или это ненависть, зависть, подозрительность и какое другое недоброжелательство, съ которымъ къ нимъ относятся, или это сердечность, нѣжность, расположеніе, восхищеніе, проявляющіяся въ дѣйствіи, кажущемся не болѣе какъ простымъ знакомъ вѣжливости. Дружескую руку пожимаютъ съ силой и сердечностью; осторожно и безъ пожатія руку начальника, если онъ вамъ ее протягиваетъ; безъ фамильярности, но и безъ снисхожденія—руку подчиненнаго. Иностранецъ, не посвященный въ тайны рукопожатія, часто, по своему невѣдѣнію, ставитъ въ неловкое положеніе этихъ джентельменовъ, иной разъ столь щекотливыхъ и столь чудачливыхъ,

чтобы не сказать капризныхъ. Чтобы избѣжать неловкости или ошибки, по моему мнѣнію, всего разумнѣе при рукопожатіи не соблюдать извѣстнаго правила: сообразоваться съ нравами и обычаями страны, въ которой живешь, и тогда, нѣтъ сомнѣнія, что здравый смыслъ Британцевъ припишетъ ваше поведеніе скорѣе невѣдѣнію обычая, нежели выраженію недоброжелательства.

10 Février. Mercredi. La société des femmes exerce une grande influence sur les hommes: elle contribue à adoucir les aspérités de leurs caractères, à entretenir leur gaieté, à épurer leurs sentiments. C'est un préjugé de croire qu' une conversation un peu sérieuse est impossible avec une dame. Quand les femmes voyent qu'on a toujours un air sémillant avec elles et qu'on parle de sujets futiles, cela les humilie, et elles ne le pardonnent jamais. Elles aiment, au contraire, qu'on leur suppose, ce que la plupart d'elles ont d'ailleurs, de la réflexion et du jugement. Il est à remarquer qu'autant l'homme est séduit souvent par la grâce et la beauté, autant la femme l'est par le talent et l'esprit. On retomberait dans une autre erreur, si on pensait que la conversation alors doit toujours être montée sur un ton sérieux. Si vous êtes frivole et léger, on vous prend en pitié; si vous êtes toujours grave, on vous tourne en ridicule. Aller marcher entre les deux écueils, sans jamais tomber ni dans l'un ni dans l'autre, est ce qui leur convient le mieux, comme à celui qui se trouve au milieu d'elles.

Переводъ. 10 Февраля. Среда. Общество женщинъ оказываетъ большое вліяніе на мущинъ: оно способствуетъ смягченію неровностей ихъ характера, поддерживаетъ въ нихъ веселость, очищаетъ ихъ чувства. Ничто иное какъ предразсудокъ—думать, что болѣе или менѣе серьозный разговоръ невозможенъ съ женщинами. Когда онѣ видятъ, что къ нимъ относятся съ легкостью, говорятъ съ ними только о предметахъ незначительныхъ, это ихъ оскорбляетъ, и онѣ никогда вамъ этого не простятъ. Имъ, напротивъ, нравится, чтобы въ нихъ предполагали (что̀ въ большинствѣ случаевъ и есть на самомъ дѣлѣ) способность размышлять и обсуждать. Замѣчательно, что мущина увлекается часто граціей и красотой, а женщина—талантомъ и умомъ. Но не трудно впасть и въ другое заблужденіе, думая, что разговоръ всегда долженъ быть въ серьозномъ тонѣ. Если вы ничтожны и легкомысленны, къ вамъ отнесутся съ сожалѣніемъ; если же вы всегда важны, надъ вами станутъ смѣяться. Надо находиться между двухъ крайностей, никогда не впадая ни въ ту, ни въ другую; это болѣе всего подходитъ и къ нимъ, и къ тому, кто бываетъ въ ихъ обществѣ.

Два Англійскіе джентельмена ходили по Банкбурнскому полю, гдѣ войска Эдуарда претерпѣли пораженіе отъ арміи Шотландской. Крестьянинъ, служившій имъ проводникомъ, разсказывалъ подробности

дѣла и указалъ мѣсто, на которомъ водружено было знамя Брюса. Довольный вниманіемъ поселянина и желая вознаградить его за трудъ, одинъ изъ путешественниковъ вынулъ изъ кармана серебряную монету. «Нѣтъ, отвѣчалъ проводникъ, ужъ и безъ того дорого стоитъ Англичанину обозрѣвать это поле».

Когда герцогиню **Grammont** привели передъ революціонерное судилище, **Fouquier Tinville**, публичный обвинитель, спросилъ у нея: правда-ли, что она посылала деньги своимъ дѣтямъ, бывшимъ въ эмиграціи. «Знаю, сказала благородная мать, что должна отвѣчать отрицательно, но не хочу спасти себя неправдою».

Воинъ, который долго служилъ и оказалъ отечеству немало заслугъ, ходатайствовалъ у Людовика XIV чинъ генералъ-лейтенанта. Король отвѣчалъ, что онъ о томъ подумаетъ. «Только не теряйте времени», возразилъ проситель умоляющимъ голосомъ, поднимая парикъ и указывая на сѣдые волосы. Людовику понравилась смѣлость стараго солдата, который вскорѣ потомъ получилъ желаемое.

Англичанинъ Рижбей обыкновенно въ концѣ Августа ѣзжалъ въ помѣстье свое; по пріѣздѣ тотчасъ онъ начиналъ охотиться, не ожидая 1-го Сентября: срокъ, когда охота дозволена закономъ въ Англіи. Рижбей бралъ съ собою управителя, которому вмѣнялось въ обязанность считать, сколько и какой дичи убьетъ охотникъ, и ѣхать послѣ къ ближайшему мирному судьѣ для вноса пени за господина съ просьбою, чтобъ деньги розданы были бѣднымъ.

Mars. Mardi. J'ai eu l'occasion de parcourir depuis peu un mémoire où sont consignées les observations d'un employé chargé par son ministre de réviser les tribunaux et les prisons d'un des gouvernements de la Grande-Russie. Cette lecture m'a convaincu qu' à part les faits et les chiffres recueillis sur les lieux, on pouvait très bien ne pas se déplacer et rédiger dans son cabinet le mémoire qui a nécessité l'envoi d'un employé et occasionné des frais au gouvernement. Qui est ce qui ne sait pas, sans passer le seuil de sa porte, que les juges des cours inférieurs sont peu rétribués, que pour la plupart ils ne sont pas à la hauteur de leurs places, que leur moralité n'offre aucune garantie, que leur rapacité et leurs malversations n'ont pas de bornes? Il est aussi à la connaissance de tout le monde que les prisons, où les grands coupables sont entassés pêle-mêle avec ceux qui le sont beaucoup moins, sont des écoles où des malheureux encroûtés dans le crime et riches d'une expérience déplorable, enseignent le meurtre et le vol à des jeu-

nes gens, qui sont au début d'une voie funeste, et que le travail exercé dans l'isolement et sous l'influence d'une morale bien entendue ne tarderait pas à ramener à des idées meilleures. Si personne n'ignore de pareils faits, à plus forte raison le gouvernement, surtout depuis que ses employés dégarnissent de chevaux de poste nos grands chemins, le gouvernement, dis-je, doit bien savoir à quoi s'en tenir sur l'état du pays.

Переводъ. Мартъ. Вторникъ. Недавно удалось мнѣ прочесть записку, гдѣ собраны наблюденія одного чиновника, посланнаго министромъ на ревизію судовъ и тюремъ въ Великороссійскихъ губерніяхъ. Чтеніе это убѣдило меня, что, за исключеніемъ случаевъ и цифръ, собираемыхъ на мѣстѣ, очень легко, не переѣзжая, составлять эти мемуары, а сидя у себя въ кабинетѣ и не вводя такимъ образомъ правительство въ расходы по посылкѣ чиновника. Всякій, не переступая порога своей двери, знаетъ, что члены нижнихъ судовъ мало обезпечены и въ большинствѣ случаевъ не соотвѣтствуютъ мѣстамъ, ими занимаемымъ, что нравственность ихъ не представляетъ никакого ручательства, что ихъ алчность и склонность ко взяточничеству не имѣютъ границъ. Точно также всѣмъ извѣстно, что тюрьмы, гдѣ важные преступники содержатся вмѣстѣ съ менѣе важными, представляютъ собою какъ бы школы, гдѣ эти несчастные, закоренѣлые въ преступленіяхъ и богатые плачевнымъ опытомъ, обучаютъ убійству и грабежу молодыхъ людей, только начинающихъ свое несчастное поприще, юношей, которые, при трудѣ одиночномъ и конечно подъ нравственнымъ надзоромъ, не замедлили бы вернуться къ болѣе здравымъ мыслямъ. Если всѣмъ это извѣстно, то тѣмъ болѣе правительству, особенно съ тѣхъ поръ, какъ его чиновники забираютъ на большихъ дорогахъ всѣхъ почтовыхъ лошадей; правительство, говорю я, должно же знать, чего ему держаться въ управленіи страною.

10 Августа. Среда. Извѣстно, что Екатерина II, пожаловала обширныя помѣстья въ западныхъ губерніяхъ своему любимцу князю Зубову; въ одномъ изъ нихъ случилось однажды странное происшествіе. Князь посѣщалъ рѣдко это имѣніе; онъ обыкновенно пріѣзжалъ на нѣсколько дней по дѣламъ хозяйства и, по осмотрѣ экономіи и повѣркѣ счетовъ, спѣшилъ возвратиться въ помѣстье, гдѣ жилъ постоянно. Небольшой домъ, гдѣ помѣщались контора и управляющій, довольно обширный садъ, мѣстоположеніе обыкновенное составляли скромныя принадлежности сего имѣнія. Графъ Сухтеленъ, женатый на графинѣ Зубовой, племянницѣ покойнаго помѣщика, стоялъ съ своею бригадою недалеко отъ сего помѣстья, куда долженъ былъ однажды ѣхать по дѣламъ своимъ. На второй или третій день его пріѣзда, онъ пожелалъ, чтобъ ему устроили въ близкомъ разстояніи отъ дома бесѣдку или павильонъ, гдѣ могъ бы находить онъ убѣжище отъ дневного зноя. На-

чали работать, и на другой день управляющій пришелъ сказать графу Сухтелену, что рано поутру на томъ мѣстѣ, гдѣ предполагалось воздвигнуть павильонъ, нашли скелетъ рыцаря, покрытаго боевыми доспѣхами и бронею. Снявъ со скелета всѣ принадлежности металлическія, Сухтеленъ велѣлъ положить его въ гробъ и въ присутствіи священника съ молитвою опустить въ землю на кладбищѣ. Вечеромъ графъ разсматривалъ доспѣхи, рылся въ книгахъ и желалъ опредѣлить, къ какому вѣку принадлежалъ воинъ-мертвецъ. Настало время сна. Оставя доспѣхи и книги, онъ легъ въ постель, отпустилъ человѣка и погасилъ свѣчу. При тихомъ мерцаніи мѣсяца, котораго лучи проникали въ комнату, графъ вскорѣ увидѣлъ приближающагося къ нему рыцаря. Онъ вздрогнулъ, позвонилъ; вошелъ человѣкъ со свѣчею, и рыцарь исчезъ. Черезъ нѣсколько минутъ огонь былъ опять погашенъ. Призракъ снова явился, наклонился къ Сухтелену и, прикоснувшись ледяными зубами къ устамъ его, снова исчезъ: онъ приходилъ благодарить за молитву. Графъ разсказывалъ съ трепетомъ объ этомъ событіи, присовокупляя, что никогда до того чувство страха не обладало имъ въ такой степени, какъ въ эту ужасную ночь. (Отъ графа Николая Дмитріевича Зубова, которому неоднократно самъ Сухтеленъ разсказывалъ про сей случай).

27 Ноября. «Годъ въ чужихъ краяхъ» Погодина, не смотря на бранные возгласы нашихъ журналовъ, есть книга, исполненная занимательности и которую читаешь съ удовольствіемъ. Каждая страница дышетъ неподдѣльною любовью къ Россіи. Видно, что наука имѣетъ въ авторѣ вѣрнаго жреца; сношенія его съ Шафарикомъ, Ганкою и другими Славянскими учеными имѣютъ непрестанною цѣлью изслѣдованіе Славянскихъ памятниковъ и озареніе новымъ свѣтомъ темныхъ мѣстъ нашихъ бытописаній; въ этомъ отношеніи путешествіе Погодина заключаетъ свѣдѣнія драгоцѣнныя. Любопытно также прочесть подробности, сообщаемыя путешественникомъ о другихъ знаменитостяхъ Европы, какъ напримѣръ посѣщеніе Гизо, встрѣча съ Океномъ, визитъ къ Мицкевичу и проч. Читая книгу Погодина видишь, что она плодъ собственныхъ наблюденій автора, писана не по заказу, а чтобъ высказать впечатлѣнія, родившіяся въ умѣ его при посѣщеніи Германіи, Италіи, Франціи, Англіи и Голландіи. Мысль о родинѣ не покидаетъ путешественника ни на минуту: если онъ видитъ что-нибудь особенное въ физическомъ кабинетѣ, онъ тотчасъ думаетъ, хорошо бы такъ сдѣлать и въ Московскомъ университетѣ; если чтȍ нравится въ административномъ порядкѣ, то онъ опять желаетъ, чтобы намъ заимствовать. Какъ понятны грустныя размышленія путешественника при посѣ-

щеніи Версальскаго музея или при видѣ памятниковъ, воздвигнутыхъ на каждомъ шагу въ чужихъ краяхъ знаменитымъ людямъ. Мнѣнія автора о лекціяхъ профессоровъ Сорбоны и Французскаго колегіума замѣчательны своею вѣрностью. Вдобавокъ можно сказать, что «Годъ въ чужихъ краяхъ» послужитъ хорошимъ руководителемъ небогатымъ людямъ, ѣдущимъ за границу: много указаній истинно полезныхъ. Нельзя однако не замѣтить, что Погодинъ не всегда разборчивъ на счетъ выраженій и даже употребляетъ иногда самыя пошлыя.

1844-й годъ.

19 Juin. Lundi. Les versions sont différentes au sujet de l'impression produite à Londres pas le séjour de l'Empereur dans cette ville. Les journaux anglais me paraissent plus favorables que ceux de Paris, toujours animés par un esprit de haine et d'animosité. Je crois pourtant que l'accueil qu'on a fait à Sa Majesté à été cordial de la part de la Reine et de l'aristocratie et respectueux de la part de la nation. Tous les soins, toutes les attentions, qu'on devait au plus puissant souverain du globe, ont entouré l'Empereur. Il est à regretter que la nouvelle inquiétante de la maladie de la Grande-Duchesse Alexandrine n'aye pas permis à son auguste père de prolonger son séjour dans la capitale de l'Angleterre. Son retour devait être bien triste et bien affligeant. Que de fois l'hiver dernier tout le monde a pu admirer la beauté et la grâce de cette jeune princesse que la Providence dans Sa générosité avait si richement doué. Naguère encore, parée de tant de charmes et servant d'ornement à la société où elle paraissait, cette fleur si tendre et si charmante incline aujourd'hui sa tête devant la tempête qui menace la frapper. Rien ne peut exprimer ou rendre la douleur profonde de ses infortunés parents. L'Impératrice, dit-on, fait peine à voir, et l'Empereur, si ferme et si énergique, lorsqu'il s'agit de défendre les intérêts de son empire au dehors ou de les soigner au dedans, pleure à sanglots, comme un enfant. C'est la première épreuve que le Ciel énvoye à cette famille éplorée, qui certes a eu déjà de rudes coups à supporter, mais les traits au moins ne portaient pas dans ce que le coeur a de plus sensible. La Grande-Duchesse Olga n'avait pas longtemps la permission de voir sa soeur; l'Empereur la lui accorda. On dit que leur entrevue a été bien triste, surtout de la part de la malade.

Переводъ. 19 Іюня. Понедѣльникъ. Разныя ходятъ вѣсти о впечатлѣніи, которое произвелъ Государь въ Лондонѣ, во время пребыванія своего въ этомъ городѣ. Мнѣ кажется, что Англійскія газеты благопріятнѣе Париж-

скихъ, всегда проникнутыхъ ненавистью и враждебностью. Однако я считаю, что пріемъ Его Величеству со стороны королевы и аристократіи былъ сердечный, а со стороны народа почтительный. Государь окруженъ былъ всякаго рода вниманіемъ и заботою, какія подобали могущественнѣйшему на свѣтѣ монарху. Жаль, что тревожныя извѣстія о болѣзни великой княгини Александры Николаевны не дозволили августѣйшему отцу ея продлить его пребываніе въ столицѣ Англіи. Возвращеніе его должно было быть весьма печально и огорчительно. Прошлую зиму сколько разъ всѣ могли любоваться красотою и граціею этой молодой великой княгини, которую Провидѣніе, въ щедротѣ Своей, такъ богато одарило. Недавно еще украшенная такою прелестью и служа украшеніемъ обществу, среди котораго появлялась она, теперь, какъ нѣжный и плѣнительный цвѣтокъ, клонитъ она голову передъ грозящею ей бурею. Ничто не можетъ выразить и передать глубокую скорбь ея несчастныхъ родителей. На Государыню, говорятъ, тяжело смотрѣть; а Государь, столь твердый и настойчивый, когда надо охранять свою державу извнѣ и нещись о ней внутри, рыдаетъ, какъ дитя. Это первое испытаніе, посылаемое Небомъ горестной семьѣ, которой, конечно, уже доводилось переносить тяжкіе удары, но эти бѣды не касались до чувствительнѣйшихъ струнъ сердца. Великой княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ долго не позволяли видѣть сестру, Государь разрѣшилъ ей это. Говорятъ, что свиданіе было очень печальное, особливо со стороны болящей.

24 Іюня. Суббота. Французы думаютъ, что Государь посѣтилъ инкогнито Парижъ. Въ журналѣ Siècle фельетонистъ разсказываетъ, гдѣ онъ былъ: называетъ улицы и театры и даже утверждаетъ, что на Итальянскомъ бульварѣ Его Величество встрѣтился съ Кюстиномъ*). Наглый клеветникъ перепугался и, возвратившись домой, поспѣшилъ извѣстить о случившемся префекта полиціи. Легковѣрные Парижане вѣрятъ баснѣ и принимаютъ пуфы журналистовъ за истину!

По кончинѣ императрицы Елисаветы Алексѣевны, Государь поручилъ нѣкоторымъ лицамъ, облеченнымъ его довѣренностью, заняться разсмотрѣніемъ бумагъ покойной. Переписка найдена въ большомъ порядкѣ: письма распредѣлены въ связкахъ съ надписью на каждой, отъ кого получены. Оказалось также разсужденіе, собственноручно писанное Императрицею, о вѣроисповѣданіяхъ православномъ, католическомъ и лютеранскомъ, гдѣ всѣ они подробно разсмотрѣны съ приведеніемъ доводовъ въ пользу Греческаго. Покойная Государыня также составила

---

*) Передъ тѣмъ маркизъ Кюстинъ издалъ извѣстную свою книгу о Россіи, подобную книгѣ аббата Шаппа д'Отероша въ прошломъ столѣтіи: такая же благодарность за оказанное щедрое гостепріимство. Но Шаппу блистательно возразила въ печати сама Екатерина своимъ „Антидотомъ"; а возразить маркизу Кюстину поручено было Н. И. Гречу! П. Б.

исторію болѣзни императора Александра, къ сожалѣнію неоконченную. При многихъ добродѣтеляхъ, украшавшихъ ее, она отличалась и набожностью; изъ духовныхъ писателей Государыня предпочитала Дмитрія Ростовскаго, котораго читала часто, и ежедневно произносила также молитвы, при колѣнопреклоненіи, читаемыя въ Троицынъ день. (Отъ князя Сергѣя Михайловича Голицына).

26 Ноября. Чиновникъ, служившій въ архивѣ присутственнаго мѣста, помѣшался. Однажды сторожъ вошелъ въ комнату и къ удивленію вдругъ увидѣлъ чиновника на одной изъ полокъ, на которыя клались рѣшенныя дѣла. Несчастный сидѣлъ тихо, поджавши ноги. На вопросъ сторожа, зачѣмъ онъ такъ высоко забрался? архивистъ отвѣчалъ: «я—дѣло рѣшеное».

Здѣсь долго носились слухи, что Ш.*) ведетъ игру нечестнымъ образомъ. На дняхъ вечеромъ, когда у игрока собрались несчастныя его жертвы, явился частный приставъ и объявилъ, что ему велѣно осмотрѣть домъ, гдѣ, по свѣдѣніямъ, дошедшимъ до полиціи, игра ведется азартная, да къ тому же краплеными картами. Дѣлать было нечего: Ш. сознался во всемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ думалъ о спасеніи. Онъ сдѣлалъ выгодныя предложенія полицейскому чиновнику, котораго поколебала сумма 30000 рублей; нѣсколько минутъ приставъ не рѣшался, наконецъ ударили по рукамъ, и карты скоро обратились въ пепелъ въ каминѣ, а чиновникъ повезъ домой ломбардные билеты. Спустя два или три дня частный приставъ явился въ Ломбардъ для полученія денегъ; но, по предъявленію имъ билетовъ, ему было объявлено, что Ломбардъ имѣетъ въ виду просьбу Ш., въ которой значится, что во время домоваго обыска квартиры просителя полиціей, которая ничего въ ней предосудительнаго не нашла, у него пропало билетовъ на 30000 р., почему, выписывая нумера оныхъ, проситъ, если кто съ таковыми явится, денегъ не выдавать, а предъявителя билетовъ задержать. Вотъ что называется: нашла коса на камень.

1855-й годъ.

21 Февраля. 19 Февраля 1855 года пришло въ Москву извѣстіе о кончинѣ императора Николая Павловича. Ударъ страшный и очень чувствительный, особенно въ настоящее время. Одаренный непоколебимою волею, твердымъ характеромъ, при долголѣтней опытности, покойный Государь соединялъ условія важныя и необходимыя среди грозныхъ и опасныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находится Россія.

---

*) Такъ въ подлинникѣ. П. Б.

Въ тяжкіе дни семейныхъ и общественныхъ испытаній душа его искала силы въ утѣшеніяхъ вѣры; чтеніе Евангелія, теплая молитва и постоянная мысль о Богѣ укрѣпляли его. Чувство любви къ Россіи было въ немъ живо и глубоко; онъ принималъ къ сердцу все, что̀ могло угрожать ея славѣ и величію. Какъ представитель чистой монархіи, онъ справедливо отрицалъ все, что̀ могло измѣнить ея характеръ, и такимъ образомъ въ нарушителяхъ строгаго престолонаслѣдія (légitimité) видѣлъ похитителей престоловъ, не только не внушавшихъ ему сочувствія, но достойныхъ его ненависти. Твердость его напоминала мужей древности, украшавшихся симъ качествомъ. Во всемъ блескѣ обнаружилось въ немъ это прекрасное свойство при вступленіи его на престолъ, когда, еще юный и неопытный, онъ съ мужествомъ и рѣшительностью затушилъ пламя вспыхнувшаго мятежа. Исполненный самоотверженія, при первой вѣсти о появившейся въ Москвѣ холерѣ, онъ поспѣшилъ въ древнюю столицу раздѣлить съ жителями ихъ опасность. Сколько въ этомъ сердцѣ было любви къ Россіи и желаній благонамѣренныхъ! Государь любилъ щедро награждать оказанныя услуги престолу. Еслибъ, при столь многихъ прекрасныхъ свойствахъ, которыми былъ одаренъ покойный императоръ, онъ получилъ воспитаніе соотвѣтственно его великому назначенію, безъ сомнѣнія онъ былъ бы однимъ изъ великихъ вѣнценосцевъ.

22 Февраля. Къ сожалѣнію, въ ту пору жизни, гдѣ образованіе приготавливаетъ каждаго къ прохожденію его поприща, никто не могъ предполагать, что юный Великій Князь будетъ призванъ на царство *). При воспитаніи его болѣе всего обращено было вниманіе на преподаваніе военныхъ наукъ, и точно онъ вполнѣ зналъ фортификацію, инженерное дѣло и фронтовое построеніе. Сооруженныя укрѣпленія въ его царствованіе въ Кронштадтѣ, Севастополѣ, внутри имперіи и въ Царствѣ Польскомъ, гдѣ ничто не строилось безъ предварительнаго самаго подробнаго разсмотрѣнія и утвержденія плановъ самимъ Императоромъ, свидѣтельствуютъ объ основательныхъ и обширныхъ познаніяхъ покойнаго въ фортификаціи. За симъ обученіе въ остальныхъ предметахъ, какъ напримѣръ исторіи, географіи и языкахъ, было самое поверхностное и недостаточное. На отечественномъ языкѣ Государь говорилъ и писалъ безъ затрудненія и бѣгло, но неправильно и употреблялъ слова не въ собственномъ ихъ значеніи. Что же касается до

*) В. А. Мухановъ не зналъ, что, напротивъ, уже въ 1809 году, когда Николаю Павловичу не исполнилось и 13 лѣтъ, выбита была медаль съ его изображеніемъ и надписью: „Цесаревичъ Николай“. Эта медаль не была, вѣроятно, раздаваема, такъ какъ доселѣ извѣстенъ только одинъ ея оттискъ, въ Императорскомъ Эрмитажѣ. П. Б.

наукъ политическихъ, о нихъ и не упоминалось при воспитаніи Императора. Курсъ экономіи политической Шторха, посвященный великимъ князьямъ Николаю и Михаилу Павловичамъ и писанный для нихъ, никогда не былъ ими пройденъ вполнѣ. Покойный Государь уже послѣ брака своего занялся языками Нѣмецкимъ и Англійскимъ. Съ врачами иногда употреблялъ онъ нѣсколько словъ Латинскихъ, напримѣръ: commode, vale и другія. Когда рѣшено было, что онъ будетъ царствовать, Государь самъ устрашился своего невѣдѣнія и старался по возможности образовать себя чтеніемъ и бесѣдами съ людьми учеными. Но условія жизни разсѣянной, преобладаніе военнаго дѣла и свѣтлыя радости жизни семейной отвлекали его отъ постоянныхъ кабинетныхъ занятій.

23 Февраля. По восшествіи на престолъ Государь почти ежедневно бесѣдовалъ съ графомъ Сперанскимъ о законахъ. Въ сихъ бесѣдахъ возобновилась мысль, принадлежащая Петру Великому, составить полное собраніе законовъ. Сей великій памятникъ, столь же важный для законодательства, какъ и для исторіи, требовалъ неутомимыхъ трудовъ, многочисленныхъ справокъ и самой добросовѣстной заботливости. По приведеніи сего важнаго дѣла къ окончанію приступлено было къ составленію свода, изданіе котораго принесло еще болѣе ощутительной пользы: оно ознакомило Русскихъ съ ихъ правами и отняло у ябеды возможность путать самыя ясныя дѣла въ ущербъ истинѣ и правосудію и къ преступнымъ выгодамъ лихоимства. Учрежденіе Училища Правовѣдѣнія можно также причислить къ мѣрамъ благодѣтельнымъ, гдѣ воспитывается юношество, болѣе принадлежащее къ высшему сословію, и откуда вышло много молодыхъ людей, облагородившихъ судебную часть. Безъ сомнѣнія лихоимство продолжаетъ быть одною изъ самыхъ закоренѣлыхъ и жестокихъ нашихъ язвъ; но справедливость требуетъ сказать, что теперь болѣе судей благонадежныхъ, чѣмъ было тому лѣтъ 20 назадъ. Нельзя того же сказать о другихъ частяхъ государственнаго управленія. Люди, живущіе внутри Россіи, справедливо жалуются на безнравственность нашей администраціи. Впрочемъ помѣщики, откупаясь извѣстною платою денежною или пожертвованіями натурою, ограждаютъ такимъ образомъ отъ притѣсненій мѣстной полиціи своихъ крестьянъ, которые безъ таковыхъ мѣръ обезпеченія дѣлаются добычею исправниковъ, становыхъ и засѣдателей.

24 Февраля. Настоящая война открыла тоже зло во всемъ его ужасѣ и въ военномъ вѣдомствѣ. Содрагаешься при повсемѣстныхъ и частыхъ разсказахъ о явныхъ злоупотребленіяхъ, которыя дозволяютъ себѣ полковые и ротные командиры. Въ армейскихъ полкахъ и рекрутскихъ партіяхъ оказывается часто значительная убыль отъ недостатка

пищи солдатъ, а между тѣмъ ротные командиры и офицеры, ведущіе рекрутъ, извѣстные своимъ недостаточнымъ состояніемъ, присылаютъ денежныя суммы въ семейства съ просьбою положить деньги въ Ломбардъ на билеты. Въ Петербургѣ въ Гостинномъ дворѣ продаются солдатскія рубахи съ клеймомъ Военнаго Министерства. Въ той же столицѣ открыли подписку для снаряженія офицеровъ полушубками и обратились къ предводителю одной изъ южныхъ губерній, гдѣ процвѣтаетъ тонкошерстное овцеводство, съ тѣмъ чтобы онъ взялъ на себя приготовленіе полушубковъ. Съ особенною заботливостью были они приготовлены въ количествѣ 1500 и отправлены въ Севастополь съ приложеніемъ къ каждому полушубку печати губернской и предводительской. По доставленіи на мѣсто, вмѣсто хорошихъ, вещи оказались негодными и не могли быть розданы не только офицерамъ, но и рядовымъ. Предводитель жаловался военному министру. По слѣдствію оказалось, что всѣмъ извѣстный благородствомъ правилъ предводитель виновенъ, а военное вѣдомство право. При императорѣ Александрѣ обязанности военнаго министра заключались въ заготовленіи провіанта арміи и въ снабженіи имъ войскъ; начальникъ же штаба и особенно главнокомандующій только получали провіантъ и заботились единственно о дѣйствіяхъ арміи. Такимъ образомъ обѣ части, одна отъ другой отдѣльныя, подлежали надлежащей отвѣтственности. Если провіантъ былъ недостаточенъ или нехорошаго качества,—отвѣчалъ военный министръ. Нынѣ все соединено вмѣстѣ, и когда жалуются министру, будучи судьею въ собственномъ дѣлѣ, онъ только заботится о томъ, чтобъ оправдать свои дѣйствія, а его подчиненные, не смотря на явныя обвиненія въ кражѣ, всегда остаются чисты и неприкосновенны.

10 Марта. Въ вѣдомствѣ путей сообщенія тоже зло свирѣпствуетъ въ равной силѣ. Начальство допускаетъ возможность самимъ офицерамъ снимать работы или брать подряды. Смѣты оттого всегда превышаютъ всякую мѣру, а когда кто со стороны пожелаетъ взять подрядъ на условіяхъ болѣе выгодныхъ для казны, ему грозятъ разореніемъ, и испуганный подрядчикъ спѣшитъ отказаться. Такимъ образомъ недавно мостъ, на который по смѣтѣ назначалось 18000 р. серебромъ, подрядчикъ брался построить за 9000 р. Когда торгъ еще не былъ заключенъ, полковникъ объявилъ, что, прежде чѣмъ приступить къ дѣлу, подрядчику надлежало сдѣлать ему и другимъ начальникамъ подарки. Видя, что это не дѣйствуетъ на человѣка, вѣрно разсчитавшаго свои выгоды, полковникъ сказалъ ясно: «Ты являешься на торги въ первый разъ и не знаешь здѣшнихъ обычаевъ. Если подрядъ, который я хочу взять, останется за тобою, твоя работа будетъ забракована, и ты пой-

дешь по міру съ сумой». Послѣ такого рѣшительнаго объясненія что̀ оставалось дѣлать подрядчику? Онъ поклонился, вышелъ отъ полковника и уже болѣе къ нему не возвращался. Сколько штабъ и оберъ-офицеровъ, которые, пробывъ на желѣзной дорогѣ или на шоссе 3 или 4 года, пріобрѣли богатыя имѣнья и оставили службу! Въ этомъ вѣдомствѣ служащія лица легко и скоро обогащались, особенно потому, что въ послѣднее царствованіе построено было множество зданій повсемѣстно въ Россіи и особенно въ столицахъ. Каждый министръ помышлялъ только о томъ, чтобъ ему жить во дворцѣ, мало заботясь о деньгахъ, которыя будутъ употреблены на постройку. Архитектура большей части этихъ зданій не отличается изяществомъ: она тяжела и единообразна. Огромные, длинные дома, похожіе на фабрики, напоминаютъ Мюнхенскія зданія, принадлежащія царствованію бывшаго короля Людовика. Видъ ихъ скоро утомляетъ вкусъ нѣсколько очищенный.

11 Марта. Между тѣмъ, какъ созидались дворцы царскіе и министерскіе, стоившіе несмѣтныхъ суммъ, Россія продолжала терпѣть отъ недостатка путевыхъ и водяныхъ сообщеній. Въ однѣхъ губерніяхъ неурожай, а въ другихъ избытокъ хлѣба, который гніетъ въ скирдахъ или закромахъ, потому что нѣтъ возможности доставить его туда, гдѣ въ немъ нуждаются, а дѣло могло бы справиться проложеніемъ дороги или устройствомъ канала. Самые полезные проекты не удостоивались вниманія начальства. Компанія, во главѣ которой былъ князь Кочубей, предлагала провести желѣзную дорогу отъ Москвы на Харьковъ и Ѳеодосію. Составили комитетъ, долго толковали и наконецъ рѣшили, что дороги не будетъ. Предложенія компаніи были выгодны; она требовала 4 процента для обезпеченія своего капитала на 5 лѣтъ, опредѣленныя на построеніе дороги. Банкиръ Штиглицъ, черезъ котораго правительство производитъ займы и другія дѣла за границею, опасавшійся открывшейся возможности прибѣгать къ внутреннимъ займамъ и слѣдовательно обходиться безъ его посредничества, своими домогательствами при графѣ Нессельроде и князѣ Воронцовѣ, уладилъ дѣло такъ, что компанія получила отказъ. Въ настоящее время, при военныхъ обстоятельствахъ, требующихъ непрестанно подвозовъ, существованіе дороги, соединяющей Сѣверъ съ Югомъ, было бы истиннымъ благодѣяніемъ.

18 Марта. Соблюденіе излишнихъ формальностей по тому же вѣдомству влечетъ за собой нескончаемыя проволочки и часто важныя неудобства. О каждомъ зданіи, на которомъ оказываются поврежденія, грозящія разрушеніемъ или опасностью жителямъ, слѣдующимъ

мимо въ экипажахъ или пѣшкомъ, надлежитъ относиться въ Корпусъ путей сообщенія письменно. Бумага, полученная въ С.-Петербургѣ, лежитъ долго безъ всякаго объ оной дѣйствія, наконецъ поступаетъ въ департаментъ, гдѣ ее разсматриваютъ, толкуютъ объ ней и обсуждаютъ дѣло въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, иногда цѣлаго года. Между тѣмъ зданіе приходитъ еще болѣе въ упадокъ и иногда, не дождавшись разрѣшенія о поправкѣ, совершенно разрушается. Таковый примѣръ былъ недавно въ одной губерніи, гдѣ церковь, стоявшая на склонѣ горы и подмытая быстрымъ токомъ весенней воды, обрушилась въ то время, какъ о поправкѣ ея, въ продолженіи долгихъ мѣсяцевъ, разсуждали въ департаментѣ. Владѣльцы частныхъ домовъ обязаны представлять на утвержденіе измѣненія, предполагаемыя ими въ старыхъ строеніяхъ, равно и планы о новыхъ постройкахъ. Кромѣ неудобства проволочки, таковое устройство имѣетъ другія невыгоды. Часто подобные проекты не удостоиваются одобренія. Департаментъ ихъ измѣняетъ или составляетъ свои собственные, по большей части превышающіе средства владѣльца или вовсе не согласные съ его требованіями. Оттого происходитъ большое стѣсненіе, для избѣжанія коего невольно надлежитъ оставить мысль о постройкѣ и рѣшиться жить неудобнымъ и тѣснымъ образомъ или передать собственность, иногда родовую, слѣдовательно съ стѣсненіемъ сердца, въ другія руки.

19 Марта. Въ началѣ было упомянуто о пользѣ, принесенной Училищемъ Правовѣдѣнія. Намѣреваясь сказать нѣсколько словъ о Министерствѣ Юстиціи, мы должны обратиться еще къ сему заведенію. Если правосудіе и выиграло съ одной стороны отъ назначенія въ судьи молодыхъ людей съ благородными правилами и чистою нравственностью, то съ другой потеряло отъ отсутствія чиновниковъ опытныхъ и коротко знакомыхъ съ практическимъ ходомъ дѣла. Съ измѣненіемъ лицъ и частымъ ихъ перемѣщеніемъ исчезло судебное преданіе. Въ одинакихъ случаяхъ, при однихъ и тѣхъ же условіяхъ, и сужденія должны быть единообразныя. Прежде, когда секретарь въ Сенатѣ оставался долгіе годы на своемъ мѣстѣ, при докладѣ дѣла онъ ставилъ на видъ, что подобные случаи уже бывали и рѣшеніе по нимъ слѣдовало такое-то. Этимъ произволъ судей встрѣчалъ преграду, сохранялось много времени, и въ рѣшеніяхъ соблюдалось единообразіе, нарушеніе коего очень вредно, ибо колеблетъ вѣсы правосудія, не внушая довѣрія къ служителямъ его. Воспитанники Училища Правовѣдѣнія суть пилигримы нашихъ судовъ: они странствуютъ изъ суда въ судъ, изъ инстанціи въ инстанцію, изъ одного департамента Сената въ другой, и потому никто не знаетъ и не помнитъ дѣлъ, представляющихъ аналогію въ ходѣ обстоятельствъ.

Въ послѣднее тридцатилѣтіе замѣтно было, къ сожалѣнію друзей просвѣщенія, особенное пренебреженіе къ наукѣ. Отвергая благотворное дѣйствіе ея на умы, науки опасались, какъ яда. А что́ можетъ правительство безъ людей спеціальныхъ по всѣмъ частямъ государственнаго управленія? Мысль, что вещественная сила одна важна, а всякая другая ничтожна, такъ укоренилась, къ сокрушенію людей здравыхъ, что Сенатъ и Государственный Совѣтъ наполнялись военными генералами, можетъ быть, хорошими дивизіонными и корпусными командирами, но вовсе неспособными принимать участіе въ сужденіи о дѣлахъ государственныхъ или судебныхъ. Самые министры, прямые и ближайшіе сотрудники Государя, по частямъ управленія самымъ сложнымъ, отличались невѣдѣніемъ и неспособностью. Лучшимъ примѣромъ могутъ служить настоящій министръ финансовъ и его предмѣстникъ, главноуправляющій путями сообщеній, министръ внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ и другіе. Товарищи министровъ, исключая весьма немногихъ, занимаютъ мѣста, на которыя имъ не даютъ права ни ихъ способности, ни ихъ свѣдѣнія. Дѣйствія Министерства Народнаго Просвѣщенія носятъ тотъ же отпечатокъ недовѣрчивости къ просвѣщенію. Безъ сомнѣнія философія, расширивъ предѣлы ума человѣческаго, могла пролить нѣкоторый свѣтъ на многіе вопросы, но едва ли разрѣшила она совершенно какой-либо изъ нихъ. Мало ясныхъ положеній, а споровъ много. Вредъ же, принесенный Французскими умствованіями XVIII столѣтія и Германскимъ ученіемъ нашего времени, весьма значителенъ и особенно чувствителенъ по безвѣрію, разочарованію, невнятности и гордости юношей, вдавшихся въ подобныя занятія.

ПОСЛѢ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ.

Изъ моихъ воспоминаній.

Въ первыхъ выдержкахъ изъ моихъ воспоминаній *) я упоминалъ о плохомъ вооруженіи нашихъ войскъ и о преступныхъ порядкахъ въ полевомъ хозяйствѣ нашей арміи. То и другое было до того вопіюще, что много надо было терпѣнія и самоотверженнаго выполненія святаго своего долга, чтобы съ гладкоствольными ружьями въ рукахъ и съ плохо насыщеннымъ желудкомъ подставлять вражескимъ пулямъ и ядрамъ свои груди, въ замѣнъ укрѣпленій, ретраншаментовъ и другихъ земляныхъ укрѣпленій.

Кончилась война, заключенъ Парижскій миръ 1856 года, прекратилось военное положеніе; донесенія, отчеты, повѣствованія о великихъ событіяхъ, пережитыхъ съ 1853 года, полетѣли въ наши правительственные центры, сдѣлались достояніемъ всего общества и заняли непослѣднее мѣсто въ матеріалахъ для Русской исторіи, вызвавъ то возбужденное состояніе, ту всеобщую кипучую и горячечную дѣятельность, то всенародное, за нѣкоторыми исключеніями, сочувствіе къ новымъ вѣяніямъ, которыми проявила себя вторая половина пятидесятыхъ годовъ.

Военное вѣдомство, какъ и слѣдовало ожидать, было первымъ, до котораго коснулись коренныя преобразованія, проведенныя впослѣдствіи, благодаря выдающимся дарованіямъ и просвѣщенному почину Д. А. Милютина.

На первую очередь сталъ вопросъ о водвореніи воинской дисциплины на болѣе человѣколюбивыхъ началахъ, объ организаціи войскъ на почвѣ примѣненія и развитія военнаго образованія въ возможно широкой степени, объ усиленіи состава и численности стрѣлковыхъ частей, о замѣнѣ бывшихъ до того единороговъ, гаубицъ и другихъ артилерійскихъ орудій простой конструкціи, а также гладкоствольныхъ ружей—штуцерами, винтовками и нарѣзными дальнобитными артилерійскими орудіями; и, въ заключеніе, о коренномъ преобразованіи всей нашей военно-хозяйственной системы.

Мнѣ лично довелось быть свидѣтелемъ и участникомъ преобразованія стрѣлковой части въ гвардіи, а затѣмъ поступить въ число слушателей обновленной и оживленной Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба.

---

*) См. „Русскій Архивъ“ 1895, III, 257.

До начала Восточной войны стрѣлковыя части въ Русской арміи состояли изъ стрѣлковыхъ ротъ, по одной въ каждомъ батальонѣ пѣхотнаго полка, и изъ нѣсколькихъ штуцерныхъ унтеръ-офицеровъ, не болѣе шести, въ остальныхъ ротахъ. Существовавшіе до того карабинерные полки не могли быть причислены къ стрѣлковымъ частямъ, потому что имѣли съ ними мало общаго.

Когда вспыхнула война въ 1853 году, императоръ Николай, лично сознававшій необходимость развитія стрѣлковаго дѣла въ Русской арміи, создалъ первый стрѣлковый батальонъ, съ правами молодой гвардіи. Государь приказалъ внести въ его списки всѣхъ великихъ князей и именовать „Стрѣлковымъ батальономъ Императорской фамиліи." Обмундированіе его установлено было по ратническому образцу: кафтаны, шаровары, высокіе сапоги и мерлушичьи шапки; вооруженъ онъ былъ короткими нарѣзными винтовками. Таковъ былъ первообразъ Русскихъ стрѣлковъ новаго времени.

Тотчасъ по окончаніи войны приступлено было къ формированію двухъ гвардейскихъ и затѣмъ 20-ти, кажется, армейскихъ стрѣлковыхъ батальоновъ. Въ составъ гвардейскихъ стрѣлковъ выбраны были лучшіе люди изъ полковъ первыхъ двухъ гвардейскихъ дивизій, соотвѣтственно нумераціи которыхъ и были названы оба батальона—первый Его Величества и второй Царкосельскимъ. Командирами ихъ назначены были любимцы покойнаго Государя: 1-мъ, графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, 2-мъ—князь Анатолій Ивановичъ Барятинскій. Императорскими стрѣлками командовалъ князь Борисъ Дмитріевичъ Голицынъ. Общее завѣдываніе всей стрѣлковой частью арміи, съ званіемъ генералъ-инспектора стрѣлковыхъ батальоновъ, возложено было на великаго герцога Мекленбургъ-Стрѣлицкаго, симпатичнаго, добраго и просвѣщеннаго супруга покойной великой княгини Екатерины Михаиловны, ближайшими сотрудниками котораго въ этомъ новомъ дѣлѣ, въ качествѣ начальниковъ штаба, были сначала генералъ Баумгартъ, потомъ Глинка-Мавринъ и Нотбекъ.

Горячо закипѣла работа во вновь созданныхъ частяхъ, работа на новыхъ началахъ, безъ прежней муштровки, безъ розогъ и зуботычинъ, съ отвѣтственностью каждаго офицера (старшихъ и младшихъ) за порученную ему часть батальона.

Красиво и удобно расположились по верхней дорогѣ, ведущей изъ Софіи въ Павловскъ, казармы Царскосельскихъ стрѣлковъ. Одноэтажные дома, съ просторными и свѣтлыми помѣщеніями для каждой роты, не имѣли казарменнаго вида, присущаго подобнаго рода постройкамъ прежняго времени. Кромѣ четырехъ ротныхъ зданій были отдѣльные дома для батальоннаго лазарета барачной системы, для команды музыкантовъ, для школы солдатскихъ дѣтей, для писарей, для баталіоннаго цейхгауза, для канцеляріи и, наконецъ, для офицерской столовой съ библіотекой. Затѣмъ манежъ съ приспособленіями для гимнастики, малое стрѣльбище или тиръ, и обширный дворъ, рас-

положенный между всѣми постройками; позади казармъ—баталіонные огороды, а за городомъ – главное стрѣльбище. Всѣ зданія были сооружены согласно требованіямъ гигіены, съ соблюденіемъ надлежащей пропорціи кубическаго содержанія воздуха и даже съ извѣстной щеголеватостью. Видно было, что при постройкѣ стрѣлковыхъ казармъ было приложено особое стараніе сдѣлать ихъ образцовыми и вполнѣ соотвѣтствующими тому положенію, которое желательно было придать гвардейскимъ стрѣлкамъ въ рядахъ обновляемой Русской арміи.

Когда я прибылъ въ составъ Царскосельскаго баталіона, тамъ было уже въ полномъ разгарѣ обученіе солдатъ по новой системѣ. Я получилъ въ свое завѣдываніе взводъ 4-ой роты, съ отвѣтственностью за обученіе подчиненныхъ мнѣ нижнихъ чиновъ стрѣльбѣ, гимнастикѣ, ружейнымъ пріемамъ, маршировкѣ и грамотѣ. Вся подготовительная работа, начиная съ тушенія свѣчей холостыми патронами (для навыка въ прицѣлѣ) и кончая букваремъ и объяснительнымъ чтеніемъ, лежала на субалтернъ-офицерахъ, подъ наблюденіемъ ротныхъ командировъ и высшимъ контролемъ командира баталіона. Занятія въ казармахъ, въ манежѣ, въ стрѣльбищѣ и на дворѣ чередовались согласно дневнаго приказа по баталіону. На каждый отдѣлъ полагалось отъ 1 до $1^1/_2$ часа, съ отдыхами, изъ коихъ самый долгій предназначался для обѣда. Затѣмъ были ротныя и баталіонныя ученія, строевыя и маршевыя, въ полномъ составѣ каждой части; при этомъ главное вниманіе обращалось не только на стройность движенія, но и на быстроту и ловкость. Любо было смотрѣть, когда цѣлая часть (рота или баталіонъ) шла вольнымъ или гимнастическимъ шагомъ: свобода и размашистость движеній нестѣсняемыхъ узко-пригнанными ремнями, тяжелыми ранцами, неуклюжей аммуниціей; вольный, непринужденный шагъ; веселыя, спокойныя, здоровыя лица обучавшихся производили отрадное внечатлѣніе, не смотря на то, что занятія начинались лѣтомъ въ 6-ть час. утра, а зимой въ восьмомъ и были далеко не легки. Такъ, напримѣръ, на другой-же день моей явки (въ Октябрѣ 1856 г.) я долженъ былъ пройти съ ротой, гимнастическимъ шагомъ, отъ нашихъ казармъ до городскихъ воротъ Павловска и обратно менѣе чѣмъ въ часъ (разстояніе было отъ 3—4-хъ верстъ). Нижніе чины и прежде поступившіе офицеры пріучались къ этому шагу постепенно; мнѣ-же на первый разъ пришлось плохо, такъ что, на возвратномъ пути, я вынужденъ былъ, весь запыхавшись, выйти изъ строя, оправданіемъ чего послужило то, что въ этомъ дѣлѣ я былъ новичокъ.

Справедливость требуетъ замѣтить, что правильно установленныя и распредѣленныя занятія никого не утомляли. Какъ офицеры, такъ и нижніе чины были всегда бодры, веселы и подвижны. Все это достигалось, въ отношеніи первыхъ, безъ грубыхъ выходокъ, безъ обидныхъ выкриковъ начальства; въ отношеніи-же солдатъ безъ розогъ, зуботычинъ и какихъ-бы то ни было насилій, даже почти не прибѣгая ни къ какимъ наказаніямъ: до того легко переносились, при человѣчномъ обращеніи, тогдашнія воинскія обязанности, безъ малѣйшаго ущерба для дисциплины.

Не разъ, принимая участіе въ тогдашнихъ фронтовыхъ ученіяхъ, припоминалъ я иныя картины, свидѣтелемъ которыхъ бывалъ въ раннюю пору моего дѣтства, въ началѣ сороковыхъ годовъ. Въ то время въ Угличѣ стоялъ пѣхотный полкъ, располагавшійся на лѣто лагеремъ по лѣвому берегу Волги. Часто ходилъ я съ моимъ гувернеромъ смотрѣть на солдатскія ученія, происходившія невдалекѣ отъ нашей усадьбы. Меня тѣшило зрѣлище маршировки цѣлаго строя въ три пріема, когда ряды солдатъ должны были, подъ команду „ра-а-азъ“ „ра-а-а-азъ“, то подымать, то опускать ноги и держать ихъ по очереди вытянутыми на воздухѣ, пока испытывавшее солдатскую выносливость, высшее „по іерархіи“ начальство зорко слѣдило за тѣми, у кого ноги „дрыгали“ и невольно опускались на землю. Я не понималъ тогда всей муки подобнаго стоянія, не представлялъ себѣ послѣдствій „преступной невыдержки“; но мнѣ весело было смотрѣть, какъ цѣлый баталіонъ, подобно пѣтухамъ, стоялъ на одной ногѣ, только не поджавши, а вытянувши другую. Часто баталіонный командиръ, бывавшій у насъ въ гостяхъ, видя мое удовольствіе, повторялъ и длилъ подобные эквилибрическіе эксперименты, заставляя нижнихъ чиновъ мучиться. Разъ мы съ гувернеромъ опоздали и подошли къ баталіону сзади въ то время, когда ученье было уже на исходѣ. Меня удивила длинная шеренга солдатъ, выстроенныхъ за фронтомъ, съ растегнутыми мундирами. Добродушный Нѣмецъ не могъ удовлетворить моего любопытства и объяснить мнѣ, что́ это была за шеренга. Вскорѣ, взвизгиваніе прутьевъ, раздававшіеся крики солдатъ и долетавшія до меня, когда я весь взволнованный и раскраснѣвшійся бѣжалъ домой, и наставленія командира („Похлестывай, похлестывай! Пусть пуговицы хорошенько чистятъ, пусть ногъ не опускаютъ, когда не приказано!...“) объяснили мнѣ, въ чемъ было дѣло и навсегда отбили охоту посѣщать баталіонныя ученья и любоваться „солдатами-пѣтухами“.

Десять лѣтъ съ небольшимъ прошло съ того времени, и какая была разница въ обращеніи съ солдатомъ!

Нашъ командиръ, князь Анатолій Ивановичъ Барятинскій, строгій по службѣ и ласковый до добродушія внѣ ея, преслѣдовалъ всякую вспышку, всякую грубость со стороны офицеровъ и въ особенности унтеръ-офицеровъ старой школы. Меня лично князь, однажды, нарядилъ на лишнія дежурства за то, что я не замѣтилъ, какъ старшій унтеръ-офицеръ моего взвода, на царскомъ смотру, во время церемоніальнаго марша, толкнулъ въ шею одного солдата, потерявшаго равненіе.

Въ остальныхъ двухъ гвардейскихъ стрѣлковыхъ баталіонахъ, на сколько можно было судить по общимъ ученіямъ и отзывамъ нашихъ сотоварищей по оружію, было тоже самое: какъ графъ Александръ Сергѣевичъ Строгановъ, такъ и князь Борисъ Дмитріевичъ Голицынъ (отцы которыхъ заслуженно пріобрѣли любовь и глубокое уваженіе всѣхъ просвѣщенныхъ Москвичей сороковыхъ годовъ) были, подобно нашему командиру, вѣрными

истолкователями благихъ намѣреній покойнаго Государя и убѣжденными проводниками новыхъ воззрѣній на военную дисциплину, облагороженную и упорядоченную.

Императоръ Александръ II съ любовью слѣдилъ за осуществленіемъ и примѣненіемъ на практикѣ его плановъ въ созданныхъ имъ частяхъ гвардіи. Проживая въ Царскомъ Селѣ, Государь часто невзначай приходилъ къ намъ въ казармы раннимъ утромъ, и присутствовалъ на нашихъ занятіяхъ и желалъ, чтобы мы продолжали наше дѣло, не обращая на него вниманія. Помню, какъ однажды Государь, особенно довольный успѣхами Царскосельскихъ стрѣлковъ, обратился къ намъ съ милостивыми словами благодарности и въ заключеніе прибавилъ: „Въ настоящую минуту ничѣмъ другимъ не могу отблагодарить васъ, господа, какъ пригласивъ всѣхъ ко мнѣ обѣдать, запросто, въ сюртукахъ".

Мы, понятно, съ восторгомъ явились на зовъ Царя и встрѣтили пріемъ не верховнаго вождя Русской арміи, а самаго гостепріимнаго и привѣтливаго хозяина. Обѣдъ былъ въ тѣсномъ кругу, безъ свиты и придворныхъ. Императрица Марія Александровна не присутствовала по болѣзни. Когда, послѣ пирожнаго, мы перешли въ комнату смежную съ кабинетомъ Его Величества, Государь приказалъ подать сигары и папиросы, и началась бесѣда простая, ничѣмъ нестѣсняемая. Императоръ Александръ, со свойственной ему обворожительной лаской, сразу поставилъ насъ на безцеремонную ногу, разговаривая съ каждымъ, припоминая событія незадолго передъ тѣмъ окончившейся войны. Возвращаясь неоднократно къ тому, какъ радуютъ его наши успѣхи въ развитіи въ стрѣлкахъ смышленности и ловкости, Государь на прощаніе прибавилъ: „Чтобы доказать баталіону мое расположеніе, я дамъ вамъ въ шефы перваго сына, которымъ благословитъ меня Господь".

Государь сдержалъ свое обѣщаніе. Вскорѣ затѣмъ родившійся (29 Апрѣля 1857 г.) Великій Князь Сергій Александровичъ въ колыбели еще былъ назначенъ шефомъ 2-го Царскосельскаго стрѣлковаго баталіона.

Многіе утверждали въ то время, что это благоволеніе Царя къ нашему баталіону обусловлено было лишь особыми симпатіями Его Величества ко всѣмъ братьямъ фельдмаршала князя Александра Ивановича Барятинскаго и въ особенности къ князю Анатолію Ивановичу, нашему командиру. Едва-ли это такъ. По крайней мѣрѣ, съ переходомъ князя Барятинскаго въ Преображенскій полкъ, когда его замѣнилъ Н. Н. Вельяминовъ, Государь не переставалъ выказывать Царскосельскому баталіону свои милости, наравнѣ съ прочими гвардейскими стрѣлками. Князю Барятинскому же принадлежитъ несомнѣнная заслуга упроченія тѣхъ началъ, которыя легли въ основу исторіи Царскосельскихъ стрѣлковъ, успѣвшихъ, подобно остальнымъ стрѣлкамъ Русской арміи, доказать свою беззавѣтную преданность вѣрѣ, престолу и родинѣ, за что многіе изъ нихъ положили свою жизнь.

Только близорукіе и съ предвзятыми понятіями люди могли видѣть въ новыхъ началахъ солдатскаго обученія причину какого-то упадка воинской дисциплины въ войскахъ и приписывать этимъ началамъ единичные случаи нарушенія таковой, какіе всегда существовали и будутъ существовать въ рядахъ всѣхъ армій въ мірѣ.

Современники той эпохи помнятъ, вѣроятно, какой шумъ былъ поднятъ, когда пьяный до безчувствія писарь одного гвардейскаго кавалерійскаго полка нанесъ оскорбленіе дѣйствіемъ офицеру другаго полка. Лица, мнившія себя поставленными на стражѣ государственнаго спокойствія и общественнаго порядка, ударили въ набатъ, предвѣщали ни много, ни мало, какъ окончательное распаденіе Русской арміи.... Между тѣмъ усмиреніе Польскаго мятежа, историческій по своей твердости циркуляръ князя А. М. Горчакова въ 1863 году, опиравшійся на силу нашего войска, наши завоеванія на восточной границѣ, введеніе всеобщей воинской повинности и, наконецъ, славные подвиги въ Болгаріи и на Балканахъ, дали дружный отпоръ этимъ опасеніямъ, самымъ блестящимъ образомъ доказавъ, что доблесть нашего солдата нисколько не уменьшилась отъ мягкаго съ нимъ обращенія. Все это закрѣпило въ покойномъ императорѣ Александрѣ III-мъ вѣру въ силу Русскаго народа и Русской арміи и вселило въ немъ убѣжденіе въ возможности твердо и неуклонно слѣдовать политикѣ мира, не боясь какихъ-либо вражескихъ нападеній.

Генералъ-квартирмейстерская часть, въ эпоху Восточной войны 1853—56 годовъ была у насъ не въ блестящемъ состояніи. Картографическій и съемочные ея отдѣлы не удовлетворяли требованіямъ; теоретическое изученіе военнаго искусства было слабо; практическое примѣненіе началъ стратегіи и тактическихъ пріемовъ, лишенное совершенно инженернаго элемента, сводилось къ манёврнымъ движеніямъ большихъ войсковыхъ массъ, безъ надлежащаго ознакомленія ни съ такъ-называемой „малой войной“, ни съ маневрированіемъ мелкими отдѣльными отрядами, ни съ подробностями аванпостной и развѣдочной службы. Лучшіе ученики Академіи Генеральнаго Штаба либо оставались въ гвардейскомъ штабѣ, либо подготовляли себя къ ученой и кабинетной дѣятельности, либо шли на Кавказъ, гдѣ непрекращавшаяся горная война представляла достаточное для того времени поприще ихъ честолюбію и стремленіямъ къ практическому образованію въ военномъ дѣлѣ.

Вслѣдствіе этого армейскій или полевой генеральный штабъ, въ большинствѣ, наполнялся людьми средняго пошиба, тружениками, способными корпѣть надъ заданнымъ имъ дѣломъ, но недостаточно талантливыми, чтобы вселять въ частяхъ Русской арміи надлежащее пониманіе высшихъ задачъ военнаго искусства и чтобы должнымъ образомъ подготовить все необходимое для успѣха въ бояхъ и кампаніяхъ. Когда вспыхнула война, господа эти оказались, въ дѣйствовавшихъ войскахъ, ближайшими руководителями ихъ, какъ въ движеніяхъ съ стратегическими цѣлями, такъ и въ сраженіяхъ съ непріятелемъ.

Поставленные лицомъ къ лицу съ новыми, необычными для нихъ, обязанностями, они сознали всю тяжесть лежавшей на нихъ отвѣтственности и приступили, съ замѣчательной добросовѣстностью и усидчивостью, къ разработкѣ вопроса о примѣненіи на практикѣ тѣхъ шаблоновъ, тѣхъ готовыхъ рецептовъ и рѣшеній на всѣ случаи, которые, какъ имъ говорили съ академическихъ каѳедръ того времени, будто бы давала современная тогда теорія военнаго искусства. Когда же эти рецепты, рѣшенія и шаблоны не приносили желаемыхъ результатовъ; когда техника дѣла, дѣйствительно прекрасно разработанная Нѣмецкими стратегами, оказывалась безсильной передъ массой мельчайшихъ и разнообразнѣйшихъ условій войны, составляющихъ внутреннюю, такъ сказать, психическую ея сторону: они безпомощно склоняли голову и смиренно выжидали дальнѣйшихъ ударовъ судьбы.

Въ арміи князя Горчакова полевымъ генералъ-квартирмейстеромъ былъ человѣкъ несомнѣнно умный и хорошій, обладавшій дарованіями, но, къ сожалѣнію, болѣе дипломатическаго свойства, чѣмъ военнаго, при томъ нервный и потому не долюбливавшій запаха всякаго дыма. Быть можетъ, прекрасный представитель государства на блестящей аудіенціи при любомъ первокласномъ Европейскомъ дворѣ, главный начальникъ генералъ-квартирмейстерской части Крымской арміи, въ стѣнахъ Севастополя и на поляхъ брани на Таврическомъ полуостровѣ, былъ не на своемъ мѣстѣ. Большинство чиновъ генеральнаго штаба, его окружавшихъ, принадлежало къ той золотой срединѣ, о которой я упоминалъ выше. Лишенныя личной иниціативы, не выказывавшія особыхъ талантовъ, не представлявшія ничего самостоятельнаго, лица эти, во имя воображаемыхъ принциповъ теоріи, шли робкими шагами трутней, по разъ намѣченному, хотя къ извѣстному случаю и не подходившему, пути. Завѣдываніе многими корпусными штабами находилось въ рукахъ людей блестящихъ и умныхъ, но имѣвшихъ, опять же въ большинствѣ, мало общаго съ военными науками какъ спеціальностью. Отсюда потерянныя нами сраженія, множество промаховъ и лишнихъ движеній, абсолютное незнакомство съ мѣстностью, преднамѣченною для дѣйствій нашихъ войскъ, невѣдѣніе о происходившемъ въ непріятельскихъ лагеряхъ, „Альма“, „Балаклава“, „Черная рѣчка“, имена эти говорятъ слишкомъ много въ подтвержденіе всего вышесказаннаго и доказываютъ, что доброй воли, честнаго отношенія къ дѣлу, трудолюбія, личной храбрости и стойкаго мужества было слишкомъ недостаточно для руководительства арміями въ бояхъ и военныхъ движеніяхъ.

Вопросъ о переустройствѣ питомника нашего генеральнаго штаба, въ смыслѣ распространенія военнаго образованія между наибольшимъ числомъ офицеровъ и обновленія состава академическихъ профессоровъ, сталъ насущнымъ и выступилъ на первый планъ. Уже въ 1857-мъ году пріемъ офицеровъ въ Академію Генеральнаго Штаба пересталъ быть ограниченъ опредѣленнымъ комплектомъ, а обусловливался научной подготовкой экзаменовавшихся. Всѣ выдержавшіе испытаніе въ указанномъ объемѣ были при-

няты, такъ что число поступившихъ въ томъ году офицеровъ, впервыя со времени основанія Академіи, превысило цыфру 60-ти.

Составъ класса былъ самый разнообразный. Въ немъ были, между прочими, какъ офицеры первыхъ гвардейскихъ полковъ: кавалергардскаго (Дохтуровъ, князь Шаховской), конногвардейскаго (бар. Врангель, М. Ѳ. Мирковичъ, Кладищевъ), уланскаго (Эммануель), Гродненскаго гусарскаго (Грекъ), Преображенскаго (Обручевъ), Семеновскаго (Васильевъ, Герасимовъ, Милюковъ), Измайловскаго (Москвинъ, Лебединскій, Бутенко, Жевановъ), егерскаго (Ордынскій, Самоцвѣтъ, Мятковъ), такъ и представители самой глубокой арміи: Сѣраковскій (армейскій драгунъ), Хотяинцевъ, Чеховичъ, князь Кугушевъ (армейской пѣхоты) и Станевичъ (линейнаго батальона). По роду оружія наибольшее число поступившихъ въ тотъ годъ въ Академію дала артиллерія (Величко, Столѣтовъ, Дмитревскій, Тыртовъ, Рудановскій, Новицкій, Маслаковецъ, Кипаничъ, Есауловъ, Гейнсъ).

Всѣ мы были полны самаго горячаго желанія образовать себя и со рвеніемъ принялись за занятія военными и прикладными къ нимъ науками, въ томъ обновленномъ, живомъ видѣ, въ которомъ намъ дали ихъ наши молодые профессора.

Разнохарактеренъ былъ нашъ профессорскій институтъ, съ почтеннымъ генераломъ Стефаномъ во главѣ, какъ начальникомъ Академіи. Раздѣлялся онъ на старыхъ и новыхъ. Типичнымъ представителемъ первыхъ былъ маститый профессоръ политической исторіи, составитель курса, написаннаго имъ еще въ началѣ сороковыхъ годовъ, съ которымъ онъ согласовалъ всѣ послѣдовавшія свои лекціи. Изъ года въ годъ начиналъ онъ ихъ въ Военной Академіи „ретроспективнымъ“ обзоромъ всеобщей исторіи, останавливался съ особымъ тщаніемъ на распредѣленіи ея на отдѣлы, времена, періоды и эпохи, поверхностно относился къ эпохѣ Возрожденія, ничего не говорилъ объ Америкѣ, ограничивался двумя словами о революціяхъ и заканчивалъ 1818-мъ годомъ, такъ какъ, по его мнѣнію, послѣ Ахенскаго конгресса политическое равновѣсіе Европы вплоть до нашихъ временъ существенно не нарушалось и ничего такого, что́ заслуживало бы вниманія исторіографіи, въ жизни государствъ и народовъ, за послѣдній періодъ (т. е. до 1857 г.) не произошло.

Взявъ курсъ профессора, изданный чуть ли не въ 1843 году, можно было провѣрить, что въ 1857 году, на своихъ академическихъ лекціяхъ, онъ почти дословно повторялъ то, что́ имъ написано было въ курсѣ, а подъ конецъ учебнаго года (курсъ политической исторіи былъ годичный), когда доходило до временъ Екатерины II, раздавалась его классическая фраза, хорошо знакомая всѣмъ слушавшимъ его въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ: „Екатерина не могла и не должна была (тутъ слѣдовало откашливаніе); и такъ опять и еще разъ повторяю, Екатерина не могла и не должна была приводить въ исполненіе своихъ реформаторскихъ замысловъ, навѣянныхъ ей Западно-европейскими философами“.

Между тѣмъ, по разсказамъ тогдашнихъ его современниковъ, было время, когда на лекціяхъ этого профессора (въ началѣ его преподавательской карьеры) сидѣли лица, обязанныя слѣдить за тѣмъ, чтобъ онъ съ каѳедры ничего не говорилъ вольнодумнаго...

Основныя военныя науки (стратегію, тактику и военную администрацію) читалъ профессоръ, отличавшійся краснорѣчіемъ. Безъ серьезной подготовки, безъ особенно обширныхъ познаній, онъ обладалъ чрезвычайной образностью и щеголеватостью изложенія; но, вдумываясь глубже въ его лекціи, критически разбирая ихъ содержаніе, легко было видѣть ихъ относительную пустоту. Если нужно было, для подкрѣпленія преподносимыхъ слушателямъ готовыхъ рецептовъ, ссылаться на примѣры изъ минувшихъ войнъ, профессоръ не стѣсняясь бралъ подходившіе, по его мнѣнію, шаблоны изъ перваго, приходившаго на память, сраженія или боеваго движенія, обставлялъ ихъ по своему произволу и затѣмъ высказывалъ какъ неопровержимыя и основныя положенія. Подробности сраженій, построенія и дѣйствія войскъ, распоряженія и планы полководцевъ, иногда перетасовывались имъ съ удивительной находчивостью, лишь бы въ окончательномъ выводѣ получалось желаемое указаніе, возведенное въ аксіому. Финалъ же его лекцій по стратегіи и тактикѣ приблизительно былъ таковъ: „А тамъ, господа, выносливость и стойкость Русскаго солдата, непоколебимое мужество и удивительная отвага его вождей, дѣлали свое дѣло, приводили къ желаемой цѣли. Мы или побѣждали или успѣшно уходили отъ непріятеля, болѣе сильнаго и выгоднѣе поставленнаго, чѣмъ мы".

Не таковъ былъ всѣми уважаемый профессоръ военной исторіи, М. И. Богдановичъ. Глубокій знатокъ своего предмета, кропотливый изслѣдователь всѣхъ существовавшихъ по этому предмету матеріаловъ, добросовѣстный и умѣлый, хотя не краснорѣчивый, лекторъ, онъ не допускалъ никакой неточности, не спускался ни до какого ораторскаго кундштюка, а строго-научно и послѣдовательно излагалъ передъ слушателями весь ходъ военной исторіи, не увлекаясь ложнымъ патріотизмомъ. Наука была для него святыней, искажать которую онъ считалъ грѣхомъ. Поэтому и ученики его, изъ коихъ многіе перегнали своего профессора въ чинахъ и въ служебномъ положеніи, всегда сохраняли къ нему чувства глубокаго уваженія и сердечной привязанности.

Чтò касается молодыхъ профессоровъ, то, незадолго до того окончившіе курсъ Академіи, полные знаній и самой искренней, безкорыстной любви къ наукѣ, они принадлежали къ категоріи людей во всѣхъ отношеніяхъ талантливыхъ. Всестороннее обсужденіе предмета, логичность и краснорѣчіе въ лекціяхъ, горячность въ проводкѣ съ каѳедры новыхъ началъ и свѣжихъ взглядовъ: таковы были ихъ достоинства, привлекавшія къ нимъ слушателей. Всякій изъ насъ, полагаю, помнитъ, какое сочувствіе въ средѣ нашей встрѣчали убѣжденныя, прочувствованныя и проникнутыя сознательной искренностью слова тогдашнихъ молодыхъ профессоровъ стратегіи, тактики,

военной администраціи и военной статистики. Даже такой сухой предметъ какъ геодезія и та дѣлалась занимательной въ лекціяхъ покойнаго Рехневскаго.

Нѣкоторыхъ изъ нихъ давно уже нѣтъ въ живыхъ; другіе промѣняли свое профессорское поприще на дѣятельность болѣе активную, практическую и занимаютъ болѣе или менѣе видные посты въ военно-административной іерархіи; только одинъ Генрихъ Антоновичъ Лееръ, если не ошибаюсь, не покидалъ, въ продолженіи всего истекшаго сорокалѣтняго періода, своей профессуры и состоитъ теперь начальникомъ Академіи Генеральнаго Штаба, смѣнивъ въ этой должности другого талантливаго представителя военной науки, Мих. Ив. Драгомирова. Всѣ они, безъ исключенія, по провѣркѣ своей профессорской работы, должны были придти къ тому завидному заключенію, что они честно, по мѣрѣ своихъ силъ и дарованій, выполнили лежавшій на нихъ долгъ и принятыя ими на себя обязанности, давъ сотнямъ молодыхъ офицеровъ генеральнаго штаба основательныя, зиждущіяся на серьезно-научныхъ данныхъ, познанія, вселивъ въ слушателяхъ любовь къ военному дѣлу и строгія отношенія къ своему долгу.

Много новаго, живаго и свѣжаго дали лекціи молодыхъ профессоровъ; едва ли не впервыя слышались въ стѣнахъ Академіи провозглашавшіяся ими съ каѳедры незыблемыя истины военной науки, по всѣмъ ея отраслямъ.

По военной статистикѣ, напримѣръ, ясно и убѣдительно указывалось профессоромъ (Н. Н. Обручевымъ), какъ безусловно необходимо обосновывать ее на подробномъ изученіи производительныхъ силъ государства и экономическаго быта его населенія. Вмѣсто перечня цифровыхъ данныхъ и поверхностной ссылки на разныя теоріи Западно-европейскихъ ученыхъ, получался живой, интересный разсказъ, знакомившій съ жизнью земледѣльческихъ и промышленныхъ классовъ нашего отечества. Военно-статистическія работы академистовъ, въ свою очередь, были не сухими сочиненіями, наскоро написанными, при помощи скудныхъ источниковъ, а цѣльными изслѣдованіями на заданныя темы, требовавшими болѣе или менѣе основательнаго знакомства съ трудами тогдашнихъ нашихъ политико-экономистовъ, допущенныхъ въ обращеніе (Тенгоборскаго и друг.). Многія изъ статистическихъ сочиненій слушателей Академіи того времени находили мѣсто на столбцахъ Военнаго Сборника, Журнала Коннозаводства и друг. спеціальныхъ органовъ.

Насколько пользы принесъ за собой подобный методъ преподаванія, доказывается, какъ нельзя лучше тѣми интересными и капитальными статистическими изслѣдованіями и географическими описаніями нашихъ губерній, которыя впослѣдствіи составлены были молодыми офицерами генеральнаго штаба. Къ тому-же времени относится начало научной дѣятельности бывшаго моего однокурсника Стрѣльбицкаго, составившаго себѣ, какъ извѣстно, почетное имя по картографіи.

Послѣдовательно и систематично проводилась молодыми лекторами по военной администраціи мысль о томъ, что правильная организація военнаго хозяйства возможна лишь при установленіи самаго строгаго матеріальнаго контроля, независимо отъ бумажнаго, „по отчетамъ“. О покойномъ Татариновѣ и его благодѣтельной реформѣ контрольныхъ учрежденій не было еще и рѣчи, когда покойный профессоръ В. М. Аничковъ (занимавшій одновременно должность вице-директора комиссаріатскаго д-та военнаго министерства) излагалъ намъ теорію новаго контроля и говорилъ о безусловной необходимости его введенія для упорядоченія дѣла продовольствія нашихъ войскъ и госпиталей. Жадно вслушивались мы въ интересныя по содержанію лекціи молодаго профессора-администратора, съ горячностью усвоивали преподаваемыя имъ начала новой военно-хозяйственной организаціи, и многіе изъ послѣдующихъ воспитанниковъ Академіи, перейдя на военно-административное поприще, доказывали своей безупречной дѣятельностью, что въ нихъ остались живы эти начала и честныя традиціи высшаго учебнаго заведенія, закончившаго ихъ военное образованіе. Во всѣ истекающія 40 лѣтъ не было ни одного имени офицера генеральнаго штаба, выставленнаго къ позорному столбу за взяточничество или хищничество.

Для характеристики военно-историческихъ лекцій профессора стратегіи, Г. А. Леера не нахожу ничего лучше, какъ привести выдержки изъ его юбилейной лекціи, читанной 4-го Декабря 1893 года. Сославшись на слова Наполеона 1-го о томъ, что „кто хочетъ проникнуть въ тайны войны, пусть обратится къ моральной сторонѣ дѣла“, лекторъ блестящими и яркими штрихами очертилъ основанія военной науки и указалъ, какъ нелѣпо требовать отъ теоріи шаблоновъ, готовыхъ рецептовъ и рѣшеній на всѣ случаи.

— „Теорія ничего не рѣшаетъ, но объясняетъ, говорилъ профессоръ. Изучайте духъ военной исторіи, ея психическую сторону. Безъ общаго синтезиса она мертва, она—трупъ“. Закончилъ-же онъ слѣдующими словами:

— „Трудъ безкорыстный, неустанный, честный, на пользу науки, вотъ завѣтъ нашъ молодымъ поколѣніямъ,—трудитесь! На склонѣ своихъ лѣтъ, совершая послѣдній этапъ, желаю вамъ, преемникамъ нашимъ, пусть въ вашихъ рукахъ крѣпнетъ наша наука на славу нашего отечества и на благо любимой нашей арміи“.

Таковы были принципы и идеалы, которые даровитый профессоръ внушалъ своимъ слушателямъ, начиная съ первой-же лекціи,, читанной имъ въ 1858 году, и свято хранили они его завѣтъ.

Какъ ни очевидны были, при самомъ поверхностномъ знакомствѣ съ ними, благіе результаты образовательныхъ нововведеній въ Военной Академіи, послѣднія все-же не остались свободны отъ нареканій и порицаній. Прежде всего нельзя, къ сожалѣнію, не отмѣтить, что многіе изъ служившихъ въ линейныхъ войскахъ крайне-недружелюбно встрѣчали молодыхъ „штабистовъ“, окрестивъ ихъ саркастической кличкой „моментовъ“, наме-

кавшею на то первостепенное значеніе, которое офицеры генеральнаго штаба придавали удачному избранію *момента* для аттаки или иного боеваго дѣйствія. Быть можетъ недружелюбіе это вызывалось отчасти самими штабистами, изъ коихъ нѣкоторые, чувствуя свое научное и образовательное превосходство, допускали пренебрежительныя отношенія къ офицерамъ арміи. Однако время сгладило неровность нежелательныхъ отношеній, и теперь о нихъ, какъ кажется, нѣтъ и помину.

Болѣе серьезными по своимъ, могущимъ быть, послѣдствіямъ, но совсѣмъ уже безосновательными, являлись упреки, дѣлаемые многими самозванными охранителями порядка самой системѣ преподаванія въ Академіи. Не задумываясь долго, господа эти видѣли въ ней чуть-ли не ярую пропаганду вредныхъ идей, возбужденіе молодыхъ умовъ на вулканической почвѣ революціи. Грустные, единичные (не болѣе двухъ-трехъ) факты нахожденія въ рядахъ слушателей Академіи конца 50-хъ годовъ офицеровъ Польскаго происхожденія, которые впослѣдствіи измѣняли долгу присяги и явились въ Польскихъ бандахъ 1863 года, служили для порицателей торжествомъ. Обходя субъективность и исключительность побужденій, вызвавшихъ тѣхъ на подобный образъ дѣйствій, противники обобщали самый фактъ и выставляли его какъ подтвержденіе „своихъ предугадательныхъ, будто-бы, опасеній и высказанныхъ ранѣе предупрежденій“.

— Мы указывали, мы предупреждали! самодовольно повторяли эти господа, когда получались вѣсти объ обнаружившейся измѣнѣ.

Исторія послѣдней эпохи блистательно доказала, насколько ошибочны и безпочвенны были всѣ подобныя порицанія, опасенія и предугадательныя предсказанія. Многіе изъ офицеровъ генеральнаго штаба того времени, какъ напр. баронъ Медемъ, баронъ Врангель, Д. Ф. Москвинъ и друг., увлекшись преобразовательными идеями Н. А. Милютина, перешли въ администрацію Царства Польскаго и стали въ ряду первыхъ сотрудниковъ этого замѣчательнаго государственнаго человѣка. Точно также составили себѣ безупречную репутацію тѣ изъ академистовъ, которые, подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, промѣняли военную карьеру на службу по другимъ вѣдомствамъ. Всюду являлись они искусными администраторами и организаторами ввѣренныхъ имъ отраслей управленія, ревностными и убѣжденными охранителями правосудія, справедливости и гуманности. Если у нѣкоторыхъ изъ нихъ и были промахи и ошибки, то, преимущественно, безъ преступной и своекорыстной цѣли.

Большинство, оставшееся въ рядахъ генеральнаго штаба и на дѣйствительной военной службѣ, выдѣлило изъ своей среды нѣсколько замѣчательныхъ людей науки, съ успѣхомъ и достоинствомъ подвизавшихся на ученомъ поприщѣ. Что-же касается остальныхъ, то намъ, по выраженію Генр. Ант. Леера, „совершающимъ послѣдній жизненный этапъ“, бывшимъ слушателямъ Военной Академіи, отрадно вспомнить, что они, не уступая своимъ пред-

шественникамъ по генеральному штабу въ преданности престолу и отечеству и въ любви къ Русской арміи, показали себя вполнѣ способными къ руководительству войсками въ бояхъ и боевыхъ движеніяхъ.

Лишнее будетъ называть наиболѣе отличившихся, которыхъ очень много, такъ какъ имена ихъ составляютъ уже достояніе нашей военной исторіи; но нельзя не остановиться, съ глубокимъ и теплымъ чувствомъ, на воспоминаніяхъ о блестящихъ завоеваніяхъ на нашей Восточной границѣ, совершенныхъ подъ предводительствомъ лицъ, принадлежавшихъ къ генеральному штабу, завоеваній безъ всякихъ шаблоновъ, лишь при изученіи нравственной, духовной стороны дѣла; о неустанномъ, плодотворномъ трудѣ по организаціи нашей мобилизаціонной части и по подготовкѣ войскъ, въ мирное время, къ пониманію и выполненію высшихъ задачъ военнаго искусства; о геройскомъ участіи нашего генеральнаго штаба въ послѣдней Турецкой кампаніи, начиная съ Систовской переправы (подъ главнымъ руководительствомъ генерала Драгомирова), съ осады и взятія Плевны, кончая безпримѣрнымъ переходомъ черезъ Балканы и молодецкими битвами по ту сторону этихъ горъ, вплоть до Адріанополя и предмѣстій Царьграда.

Всѣ эти подвиги, научные труды и кабинетныя работы достаточно громко говорятъ о томъ, что академисты наши не забывали завѣтовъ любимыхъ профессоровъ, неуклонно слѣдовали имъ и своими талантами, познаніями и несомнѣнными боевыми качествами успѣли сослужить родинѣ славную службу и создать воспитавшей ихъ Академіи почетныя преданія.

А. Н. Супоневъ.

Москва,
28 Января 1897 г.

ПЕРЕПИСКА МОСКОВСКАГО МИТРОПОЛИТА ПЛАТОНА СЪ ГРАФАМИ И. П. САЛТЫКОВЫМЪ И Ю. А. ГОЛОВКИНЫМЪ [1]).

1.

Высокопреосвященный владыко, милостивый государь мой!

Его Императорское Величество, въ высочайшемъ своемъ ко мнѣ повелѣніи, отъ 20-го Февраля послѣдовавшемъ, изволилъ указать, чтобы я, по поводу препровожденныхъ Его Величествомъ къ вашему высокопреосвященству пятнадцати тысячъ рублей для раздачи на вспоможеніе вступающимъ въ бракъ недостаточнымъ дѣвицамъ здѣсь, въ Москвѣ, по соображенію вашему ихъ поведенія и состоянія, о томъ съ вашимъ высокопреосвященствомъ снесся. Вслѣдствіе чего, ежели бы вашему высокопреосвященству нужно было по сему обстоятельству какое либо съ моей стороны къ лучшему выполненію толико благодѣтельныхъ высокомонаршихъ выгодъ пособіе, то я, по полученіи отъ васъ о томъ отзыва, не примину учинить всего, что̀ только будетъ надобно и что̀ отъ меня зависѣть можетъ. Съ совершеннымъ къ вамъ почтеніемъ и преданностію навсегда пребуду, высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивый государь мой, вашего высокопреосвященства покорнѣйшій слуга г. Салтыковъ. 3 Марта 1799 г. Москва.

Черновой отвѣтъ митрополита Платона.

Сіятельнѣйшій графъ Іванъ Петровичъ! Милостивый государь мой!

Получилъ я высочайшее Его Імператорскаго Величества повелѣніе [2]), чтобъ присланныя ко мнѣ пятнадцать тысячъ рублей ассигнаціями раздать на вспоможеніе вступающимъ въ бракъ недостаточнымъ дѣвицамъ, въ столичномъ городѣ Москвѣ, по соображенію ихъ поведенія и состоянія, вкупѣ съ вашимъ сіятельствомъ. И какъ я получилъ и отъ вашего сіятельства отзывъ, что вы, по силѣ таковаго же повелѣнія, къ лучшему выполненію толико благодѣтельныхъ высокомонаршихъ видовъ всякое въ томъ обѣщаете мнѣ пособіе; мнѣ же здѣсь въ пустынѣ [3]) живущему, не столь удобны и постижимы сіи обстоятельства,

---

[1]) Письма эти хранятся въ библіотекѣ Виѳанской Семинаріи (Переплетъ № 1920).

[2]) См. письмо императора Павла Петровича къ м. Платону отъ 20 Февраля 1799 г. въ Русск. Архивѣ за 1887 годъ.

[3]) Виѳанскомъ монастырѣ.

сколько вашему сіятельству по пребыванію вашему въ Москвѣ и по всѣмъ отношеніямъ: то я и прошу ваше сіятельство учинить мнѣ въ семъ случаѣ пособіе, приказавъ таковыхъ вступающихъ въ бракъ отыскать, сей монаршей милости достойныхъ. И коихъ ваше сіятельство признáете сію милость заслуживающими, и сколько кому выдать, разложа всю показанную сумму, о томъ прошу пожаловать меня увѣдомить. Почему я тогда вашему сіятельству всѣ 15000 рублей съ благодарностію доставлю. А за симъ съ истиннымъ моимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства, милостиваго государя моего» и пр.

2*).

Высокопреосвященнѣйшій архипастырь, милостивый государь!

Поставляя долгомъ сообщить къ свѣдѣнію вашего высокопреосвященства копію съ высочайше конфирмованнаго церемоніала коронованія Его Императорскаго Величества, по коему и благоволите, яко первенствующій въ происходящей при семъ духовной процессіи, учинить надлежащее распоряженіе. Пребываю съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ вашего высокопреосвященства, милостиваго государя и архипастыря, всепокорнѣйшій слуга графъ Юрій Головкинъ. С.-Петербургъ. Іюня 6 дня 1801 года.

Черновое отвѣтное письмо митрополита Платона.

Сіятельнѣйшій графъ Юрій Александровичъ, милостивый государь мой!

Копію съ церемоніала о короновaніи, конфирмованнаго Его Императорскимъ Величествомъ, я имѣлъ честь получить, и что̀ потребно будетъ съ моей стороны къ распоряженію на случай сего августѣйшаго обряда, я не оставлю учинить, со всякимъ вниманіемъ и тщаніемъ. Осмѣливаюсь при семъ донести, что древніе Россійскіе государи при вѣнчаніи своемъ облекались и въ царскую порфиру, яко свойственное царской особѣ облаченіе; каковыя порфиры и имѣются здѣсь въ Москвѣ въ царскихъ хранилищахъ. Ежелибъ Его Імператорское Величество соблаговолилъ сію важную древность возобновить и въ порфирѣ возсѣсть на престолѣ своемъ, то сіе восхитило бы сердца всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ Его Величества. Впрочемъ, предая сіе благоразсужденію вашего сіятельства и преподылая благословеніе Божіе, съ истиннымъ моимъ почтеніемъ пребываю вашего сіятельства и пр.

(*Сообщилъ С. Д. Муретовъ*).

---

*) Письма эти найдены въ бывшемъ имѣніи Капцѣвича (Полтавской губ., Переяславскаго уѣзда) и въ настоящее время составляютъ собственность инспектора Виѳанской Семинаріи іеромонаха Парѳенія, съ разрѣшенія котораго они и печатаются. С. М.

ПИСЬМО Н. М. КАРАМЗИНА КЪ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ.

Всемилостивѣйшій Государь!

Исторіографъ, счастливый нѣкоторыми лестными знаками Вашего къ нему вниманія, всеподданнѣйше проситъ Васъ оказать милость одному изъ Вашихъ добрыхъ и честныхъ подданныхъ. Приложенная записка объясняетъ дѣло. Связь моя съ симъ оскорбленнымъ человѣкомъ состоитъ въ томъ, что жены наши вмѣстѣ росли и любятъ другъ друга, какъ сестры родныя.

Исполняя долгъ для меня священный, повергаю себя къ Вашимъ стопамъ съ довѣренностію и любовію. Всемилостивѣйшій Государь, Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданный Николай Карамзинъ.

13 Генваря 1817.

Записка о дѣлѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, камергера и кавалера Рябинина, бывшаго управляющаго Московскаго Отдѣленія Банка.

Будучи опредѣленъ управляющимъ въ 1804 году, Генваря 15-го, при вступленіи моемъ въ должность, я повѣрялъ только капиталъ, состоящій въ ассигнаціяхъ, а мѣдный повѣрялся директорами Макаровымъ и Евреиновымъ, чтò и въ журналѣ того года было записано.

Въ 1806 году, Мая 7-го, начата повѣрка мѣднаго капитала вновь опредѣленнымъ кассиромъ Козловымъ на мѣсто бывшаго Кобылинскаго, которому начальство, опредѣляя его въ другую должность, предписало сдать сумму денегъ, бывшую на его отчетѣ, новому кассиру. Сія повѣрка мѣдной монеты продолжалась до 1809 года, Марта 3-го. Тогда, по совершенномъ окончаніи оной, явился недостатокъ въ 106245 рубляхъ мѣдной монеты, о чемъ мною тотчасъ и донесено было правленію, а не такъ какъ г. Валуевъ *) представилъ Государю Императору (чтò видно изъ указа, прилагаемаго къ сей запискѣ), будто бы оная пропажа сдѣлалась въ 1805 году и была скрываема мною. Когда, по высочайшему повелѣнію, для изслѣдованія сего дѣла назначена была коммиссія подъ предсѣдательствомъ г. Валуева, то я представилъ ему о всѣхъ сихъ касающихся до меня обстоятельствахъ. Какое слѣдствіе

*) Петръ Степановичъ, сенаторъ въ 8-мъ департаментѣ.

производилъ г. Валуевъ и принялъ ли въ уваженіе мои объясненія, мнѣ неизвѣстно; ибо во все время слѣдствія онъ никогда и ни о чемъ меня не спрашивалъ, а представилъ Государю то дѣло оконченнымъ, хотя и не отыскалъ, когда, какъ и кѣмъ похищены деньги, что̀ и понынѣ остается неизвѣстнымъ.

На представленіе г. Валуева послѣдовало высочайшее повелѣніе: управляющаго и директоровъ удалить отъ должностей, Кобылинскаго и бывшаго бухгалтера Бардевика отдать въ Уголовную Палату, при сообщеніи туда сдѣланнаго г. Валуѐвымъ слѣдствія, а утраченную сумму взыскать со всѣхъ бывшихъ чиновъ Московскаго Отдѣленія Банка.

Уголовная Палата, приступивъ къ исполненію указа и не нашедши въ слѣдствіи г. Валуева, когда и кѣмъ расхищена оная сумма, была въ затрудненіи, чѣмъ рѣшить судьбу отданныхъ ей подъ судъ и хотѣла представить о томъ Сенату; но во время пребыванія Государя Императора въ Москвѣ, въ 1809 году, г. Валуевъ, желая прекратить сіе дѣло, дабы оно не произвело для него какой-нибудь непріятности, подъ видомъ сострадація испросилъ у Его Императорскаго Величества снятіе взысканія съ меня и деректоровъ и прощеніе отданныхъ въ Уголовную Палату съ тѣмъ, какъ сказано въ семъ второмъ указѣ, что отрѣшеніе наше отъ должностей и неопредѣленіе впредь ни къ какимъ мѣстамъ остается въ прежней силѣ, чего однакожъ въ первомъ указѣ совсѣмъ не было сказано.

Такимъ образомъ, не принимавъ никогда онаго капитала по моему званію управляющаго, я подпалъ равному съ другими наказанію.

Истинными виновниками сего похищенія были, какъ думаю, счетчики, которые втеченіе сорока или пятидесяти лѣтъ могли красть изъ мѣшковъ копѣекъ по десяти непримѣтно, изъ чего въ продолженіе времени составилась большая сумма. Ежемѣсячная повѣрка мѣдной монеты всегда дѣлалась, хотя г. Валуевъ и представилъ, что будто бы ея не было; но оная не могла производиться иначе, какъ счетомъ мѣшковъ, большею частію разсыпанныхъ, чего нельзя было отвратить за неимѣніемъ мѣста въ кладовыхъ для большаго количества мѣдной монеты. Мѣшки были накладены въ 20 рядовъ, и нижніе отъ тягости всегда лопались. Министръ финансовъ, покойный графъ Васильевъ, находясь въ Москвѣ, собственными глазами видѣлъ невозможность привести сіе въ лучшій порядокъ. Если бы выпускъ мѣдной монеты въ мое время былъ таковъ же, какъ прежде, то-есть, если бы входъ ея въ казну банковую всегда превышалъ выпускъ (отъ чего всѣ кладовыя были полны), то открытый въ ней недостатокъ и донынѣ остался бы въ неизвѣстности; но сей недостатокъ открылся, когда отъ большаго ея выпуска кладовыя опорожнились.

Чистый въ моей совѣсти, смѣю надѣяться на милосердіе Государя! Я имѣю дѣтей, возрастающихъ для службы отечеству. Страшусь оставить для нихъ пятно на моемъ имени. Буду вѣчно благодарить Монарха, если онъ всемилостивѣйше повелитъ причислить меня къ Герольдіи. А. Рябининъ.

*

Въ приведенныхъ документахъ, подлинники которыхъ хранятся въ Государственномъ Архивѣ, рѣчь идетъ объ Андреѣ Михайловичѣ Рябининѣ, сынѣ вице-адмирала Михаила Ильича (ум. въ 1790 г.). Андрей Михайловичъ Рябининъ родился въ 1773 году и съ 1780 г. былъ записанъ въ Преображенскій полкъ. Въ 1790 г. онъ былъ произведенъ въ армейскіе капитаны и состоялъ адъютантомъ при графѣ И. Г. Чернышовѣ. Въ этомъ же году, на кораблѣ «Три Іерарха», Рябининъ участвовалъ въ сраженіи со Шведами, а въ 1792 г. переименованъ въ лейтенанты и съ этого времени по 1795 годъ включительно плавалъ въ Балтійскомъ морѣ. Въ 1797 г. онъ опредѣленъ оберъ-провіантмейстеромъ; въ 1799 г. произведенъ въ полковники и назначенъ флигель-адъютантомъ, а въ 1800 получилъ званіе дѣйствительнаго камергера и, переименованный въ дѣйствительные статскіе совѣтники, поступилъ на службу въ Московское Отдѣленіе Ассигнаціоннаго Банка совѣтникомъ, а потомъ былъ директоромъ и управляющимъ его *).

Рябининъ былъ женатъ на княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Шаховской, дочери князя Алексѣя Леонтьевича (род. въ 1755 г., ум. въ 1838 г.) и находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ Карамзинымъ и съ кн. Андреемъ Ивановичемъ Вяземскимъ, который крестилъ старшаго сына Рябинина, Алексѣя, родившагося 1-го Августа 1806 г. Умеръ А. М. Рябининъ въ 1850-хъ годахъ.

Просьба Карамзина увѣнчалась успѣхомъ, какъ видно изъ письма его къ И. И. Дмитріеву отъ 5-го Февраля 1817 г., гдѣ говорится слѣдующее: «На сихъ дняхъ и Государь оказалъ намъ большую милость. Я осмѣлился черезъ письмо просить его о А. М. Рябининѣ, котораго не велѣно было опредѣлять ни къ какому мѣсту. Вынесли справку, и Государь простилъ Рябинина, то-есть, велѣлъ именнымъ указомъ причислить его къ Герольдіи (Письма Н. М. Карамзина къ И. И. Дмитріеву. С.-Пб. 1866, стр. 205).

Вигель въ своихъ Запискахъ изображаетъ Рябинина человѣкомъ самодовольнымъ, «состряпавшимъ себѣ Русскую знатность», благодаря связямъ, матеріальному достатку и знанію Французскаго языка (Записки, ч. IV. М. 1892, стр. 67).

В. Саитовъ.

---

*) Свѣдѣнія эти сообщены намъ В. В. Руммелемъ изъ дѣлъ архива Департамента Герольдіи.

КЪ ИСТОРІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТСКАГО БЛАГОРОДНАГО ПАНСІОНА [1]).

I.

Письмо Московскаго попечителя князя А. П. Оболенскаго А. А. Прокоповичу-Антонскому.

М. г. мой Антонъ Антоновичъ!

За нужное почитаю просить васъ имѣть ближайшій надзоръ, чтобы въ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ, особенно подъ вѣдомствомъ вашимъ находящимся, въ силу университетскихъ постановленій, ни малѣйшаго тѣлеснаго наказанія пансіонерамъ дѣлаемо не было. О чемъ прошу васъ подтвердить г. инспектору и помощнику его.

Съ истиннымъ почтеніемъ имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою князь Андрей Оболенскій.

№ 148.
Марта 4 дня 1820 г.

II.

Списокъ бывшихъ воспитанниковъ Университетскаго Пансіона.

Бывшаго универс. пансіона извѣстнѣйшіе благородные воспитанники.

1. Писатели литераторы:

а) живые [2]).

Жуковскій, Бѣгичевъ, кн. Одоевскій, Вельтманъ, Алекс. Тургеневъ, Мих. Дмитріевъ, Вас. Гурьевъ, Познанскій, Вердеревскій, Морозовъ, Макаровъ, Шевыревъ, Тепляковъ, Вольфъ, Лермонтовъ, Ознобишинъ, Сушковъ, Бороздна, Калайдовичи.

в) умершіе.

Дашковъ, Воейковъ, Кайсаровъ, Милоновъ, Граматинъ, Свиньинъ, Грибоѣдовъ, Писаревъ, Степановъ, Саларевъ, Вельяшевъ-Волынцевъ, Якубовичъ, Петинъ.

Живые сенаторы:

Озеровъ, Кайсаровъ I, Свиньинъ, Жихаревъ, Бѣгичевъ, Гамалея, Небольсинъ, Прокоповичъ-Антонскій.

---

[1]) Изъ семейныхъ бумагъ А. А. Прокоповича-Антонскаго.

[2]) Писано послѣ 1839 года самимъ А. А. Прокоповичемъ-Антонскимъ.

Умершіе сенаторы:

Барановъ. Остолыпинъ.

Живые полные генералы:

Инзовъ, Ал. Ник. Бахметевъ, П. С. Кайсаровъ, Головинъ.

Умершіе генералы:

Вельяминовъ I.

Неполныхъ генераловъ, военныхъ и статскихъ тьма тьмущая: Анненковъ, Храповицкіе, Глазенапы, Лизогубы, Арсеньевы, Крюковы, Петровъ, и проч. и проч.

Воспитанники Университетскаго Благороднаго Пансіона извѣстнѣйшіе по службѣ:

Инзовъ, Барановъ, Молчановъ, Озеровъ, Бахметьевы, Магницкій, Дашковъ, Кайсаровы, Вельяминовы, Головины, Анненковы, Полуэктовы, Стрекаловъ, Небольсинъ, Арсеньевъ, князь Сергѣй Гагаринъ, Кологривовъ, Муратовъ, Тургеневы, Свиньины, Храповицкіе, Черныши, Бѣгичевъ, Остолыпины, Пряничниковы, Брозинъ, Шульгинъ, Кавелины, Пестели, Гамалеи, Степановы, Чернышевъ-Кругликовъ, князья Вадбольскіе, князья Урусовы, Димчанковъ, Сушковъ, Дмитріевъ, Титовъ, князья Долгоруковы, Татищевъ, Поповъ, Прокоповичъ-Антонскіе, Бестужевы, Быковы, Ломоносовы, Глазенапы, Старинкевичи, Бруевичи, кн. Одоевскій, князь Долгоруковъ-Аргутинскій, Данзасъ, Комаровъ, Войцеховичи, Отрѣшковы, Политковскіе, Жихаревъ, Величко, Дорогомыжскій, Гильфердингъ, Синягинъ, Тучковы, Вальховскій, Костомаровъ, Лукашевичи, Фонъ-Визины, князья Вадбольскіе, Крюковы, Поливановъ, Ладомирскіе, Апухтины, Игнатьевъ, Петровъ, Купріяновъ, Лазаревъ, Лунинъ, Языковъ, Лизогубъ, Ремизовъ, Майковъ, Петинъ, Бровцынъ, Скаржинскій.

Извѣстнѣйшіе писатели:

Барановъ, Вельяшевъ-Волынцевъ, Магницкій, Жуковскій, Воейковъ, Свиньинъ, Андр. Кайсаровъ, Ал. Тургеневъ, Дашковъ, Милоновъ, Граматинъ, Степановъ, Родзянка, Сушковъ, Дмитріевъ, Саларевъ, князь Одоевскій, Морозовъ, Писаревъ, Грибоѣдовъ, Вельтманъ, Лермонтовъ, Шевыревъ, Баратынскій, Познанскій, Василій Гурьевъ, Комаровъ, Ханенко, Нахимовъ, Макаровъ, Строевы, Калайдовичи, Тепляковъ, Норовъ Авр., Бѣгичевъ, Вердеревскій, Бороздка, Якубовичъ, Отрѣшковы, Суриковъ, Ознобишинъ, Петинъ, Майковъ.

Писатели-хозяева: Есимонтовскій, Шишковъ, Титовъ, Карновичъ, Кандиба, Глѣбовъ, Атрѣшковъ, Пузановъ.

Обучавшіе въ пансіонѣ извѣстнѣйшіе профессоры:

Страховъ, Политковскій, Прокоп.-Антонскій, Геймъ, Панкевичъ, Сохацкій, Двигубскій, Болдыревъ, Тимковскій, Цвѣтаевъ, Сандуновъ, Мерзляковъ, Снѣгиревъ, Павловъ, Шлецеръ, Щепкинъ, Перевощиковъ, Баккаревичъ, Мячковъ, Загорскій, Давыдовъ, Кошанскій, Бодуенъ, Авіатъ, Гавриловъ, Черепановъ.

Извѣстнѣйшіе учителя: Подшиваловъ, Адамовъ, Богдановъ, Гудимъ-Левковичъ, Запольскій, Кашинъ, Плавильщиковъ, Сокольскій, Глаголевъ, Степановскій.

Всѣхъ учащихъ по наукамъ, языкамъ и искусствамъ ежегодно было не менѣе тридцати человѣкъ.

Воспитанниками изданы книги:

1. Распускающійся цвѣтокъ.
2. Пріятное препровожденіе времени.
3. И отдыхъ въ пользу.
4. Утренняя заря въ 4 томахъ.
5. Калліопа въ 4 книгахъ.
6. Избранныя сочиненія въ 3-хъ книгахъ.
7. Дѣтскій театръ.
8. Физическіе и нравственные разговоры.
9. Ежегодно актъ въ стих(ахъ) и прозѣ, въ разговорахъ и судебныхъ производствахъ.

Учащими издано по разнымъ предметамъ болѣе двадцати учебныхъ книгъ собственно для пансіона.

III.

При опредѣленіи меня инспекторомъ и главнымъ смотрителемъ бывшаго Благороднаго Пансіона Университетскаго, я засталъ домъ безъ ограды и въ совершенномъ упадкѣ. Надобно замѣтить, что и самый бывшій Межевой Канцеляріи домъ, который назначили въ продажу съ аукціона за шесть тысячъ рублей, по моей заботливости, чрезъ ходатайство главнокомандующаго въ Москвѣ Еропкина, пріобрѣтенъ университетомъ. Изъ суммы, вносимой воспитанниками пансіона, отдѣланъ мною въ полтораста тысячъ рублей архитекторомъ Козаковымъ такъ, что въ немъ были не только удобные классы, спальни и залы, но и театръ былъ весьма удобный и помѣстительный для публичныхъ представленій. При домѣ находилась типографія университетская во флигелѣ. Чтобы и отъ нея избавиться пансіону, онъ на покупку дому типографіи изъ своего капитала выдалъ болѣе 25 тысячъ рублей. По завладѣніи Французами Москвы, домъ со всѣми заведеніями, кромѣ серебра, котораго было довольно значительное количество въ посудѣ, стаканахъ, ложкахъ и проч., сожженъ. Когда министръ Разумовскій предписалъ, чтобы опять возстановить мнѣ Пансіонъ, то сначала я завелъ его въ наемномъ домѣ, въ 10 тыс. на годъ, но потомъ приступилъ опять къ отдѣлкѣ пансіонскаго дома и устроилъ его гораздо лучше противъ прежняго, даже и церковь со всею утварью и причтомъ учредилъ, по указу Государя Императора Александра во имя Воздвиженія Креста. Все опять на счетъ суммы, поступившей отъ воспитанниковъ университета. По упраздненіи Пансіона, когда я отошелъ въ отставку и когда Пансіонъ названъ Дворянскимъ Институтомъ и черезъ нѣсколько лѣтъ, 1843 года, онъ переведенъ изъ Тверскаго дома на Моховую, домъ этотъ проданъ слишкомъ за триста тысячъ рублей, и за всѣ хлопоты мои не сказалъ никто мнѣ и спасибо. Sic vos non vobis

melliti cum apes. Отходя изъ Пансіона, я оставилъ суммы въ Банкѣ 60 т. р., а послѣ университетъ отъ себя давалъ 50 т. р.“ *).

IV.

По поводу основанія Царскосельскаго Лицея.

Милостивый государь мой Антонъ Антоновичъ!

Изъ прилагаемой у сего копіи съ отношенія ко мнѣ его сіятельства г. министра народнаго просвѣщенія о пріуготовленіи нѣкотораго числа воспитанниковъ ввѣреннаго вамъ Университетскаго Благороднаго Пансіона къ поступленію въ имѣющій открыться въ Царскомъ Селѣ Лицей, ваше высокородіе достаточно усмотрите, какія по сему предмету распоряженія вы сдѣлать обязаны. Я-жъ, съ моей стороны, рекомендую вамъ приступить немедленно къ исполненію сего его сіятельства предписанія и по отобраніи надлежащихъ свѣдѣній представить мнѣ какъ списокъ избранныхъ вами воспитанниковъ, такъ и самихъ ихъ на разсмотрѣніе. Ваша извѣстная ревность къ службѣ отечества, долголѣтняя опытность и отличная дальновидность удостовѣряютъ меня, что выборъ вами сдѣланный, соотвѣтствуя благодѣтельнымъ видамъ его сіятельства г. министра, принесетъ отличную честь какъ всему Университету вообще, такъ и вамъ самимъ частно и умножитъ еще число похвалъ, чрезъ многія лѣта вами достойно заслуженныхъ въ управленіи ввѣреннымъ вамъ благороднымъ училищемъ. Съ истиннымъ почтеніемъ и т. д. Павелъ Г. Кутузовъ.

Марта 6 дня 1811 г. № 205.

Къ письму приложена копія съ предписанія графа Разумовскаго.

Милостивый государь мой Павелъ Ивановичъ!

Въ первыхъ числахъ Августа предполагается для образованія благороднаго юношества открыть въ Царскомъ Селѣ Лицей. Принимаемые въ оный воспитанники должны имѣть отъ роду отъ 10 до 12 лѣтъ. Отъ нихъ требуются слѣдующія познанія: а) нѣкоторое грамматическое познаніе Россійскаго и Французскаго, либо Нѣмецкаго языка; b) знаніе ариѳметики, по крайней мѣрѣ, до тройнаго правила; с) понятіе объ общихъ свойствахъ тѣлъ d) раздѣленіе древней исторіи, по главнымъ эпохамъ и періодамъ, и нѣкоторыя свѣдѣнія о знатнѣйшихъ въ древности народахъ. Сверхъ того, должны они имѣть несомнѣнныя удостовѣренія объ отличной ихъ нравственности и чтобы были совершенно здоровы; также нужно свидѣтельство о дворянствѣ ихъ. Я покорно прошу ваше превосходительство доставить мнѣ безъ продолженія времени свѣдѣнія, сколько на семъ основаніи воспитанниковъ Московскаго Университетскаго Благороднаго Пансіона, съ согласія родственниковъ ихъ, могутъ поступить въ Лицей; при чемъ приложить списокъ, съ показаніемъ именъ таковыхъ воспитанниковъ, степени познаній ихъ въ наукахъ, и съ означеніемъ званія и состоянія ихъ родителей. Пребываю съ истиннымъ почтеніемъ и пр. графъ Алексѣй Разумовскій.

С.-Петербургъ, 26 Февраля 1811.

Сообщилъ баронъ **Н. В. Дризенъ**.

---

*) Писано собственноручно А. А. Прокоповичемъ-Антонскимъ.

НѢСКОЛЬКО СЛУЧАЕВЪ ИЗЪ ИСТОРІИ ЦЕНЗУРЫ ВРЕМЕНЪ АЛЕКСАНДРА ПАВЛОВИЧА.

I.

Лошадь въ очкахъ.

Въ № 36 „Московскихъ Вѣдомостей“ 1802 г., въ отдѣлѣ „Смѣси“, появилась довольно странная замѣтка: „Мая 1-го числа (сообщалъ хроникёръ), на гуляньѣ, между чрезвычайнымъ множествомъ разныхъ экипажей, была лошадь довольно странно убранная. Молодой поселянинъ держалъ за узду молодую, трехъ лѣтъ, чалую лошадь, на которой были очки величиною вершка четыре въ діаметрѣ и обдѣланныя въ широкой полосѣ жести. Между очками по переносью на красномъ сафьянѣ подписано крупными литерами: *а только трехъ лѣтъ*. Лошадь въ очкахъ возбудила и общій смѣхъ, и общее любопытство, и кто ни спрашивалъ у поселянина, зачѣмъ лошадь въ очкахъ, онъ всѣмъ постоянно отвѣчалъ, что въ его селѣ всѣ лошади видятъ, а молодыя непремѣнно смотрятъ въ очки. Правду, или нѣтъ сказалъ мужикъ, остается рѣшить молодымъ знатокамъ въ дѣлѣ окулярномъ“. Эта замѣтка обратила вниманіе начальства. „Милостивый государь мой Иванъ Петровичъ, писалъ Московскій военный губернаторъ гр. И. П. Салтыковъ директору Московскаго Университета И. П. Тургеневу 5 Мая 1802 г., помѣщенное въ Смѣси прошедшей Субботы Московскихъ публичныхъ вѣдомостей, извѣстіе о бывшей Мая 1-го числа на гуляньѣ лошади въ очкахъ подало мнѣ причину покорнѣйше просить ваше превосходительство, увѣдомить меня, отъ кого оное для внесенія въ Вѣдомости доставлено и какимъ правиломъ руководствуясь помѣстила типографія въ газетѣ происшествіе, въ самой почти Москвѣ случившееся, безъ вѣдома и согласія начальства сей столицы: ибо, хотя въ немъ и не означено мѣсто, но то вообще уже извѣстно, и самое изданіе въ печать упадаетъ, какъ я слышу, на счетъ даннаго отъ сего начальства позволенія. Не сомнѣваясь, что вы согласитесь въ томъ, что подобныя извѣстія, до высочайше ввѣренной мнѣ столицы и губерніи относящіяся, слѣдовало бы доводимы быть до свѣдѣнія моего прежде нежели издадутся въ печать, я присовокупляю мою просьбу, чтобы вы, милостивый государь мой, въ предупрежденіе могущихъ иногда быть каковыхъ либо на счетъ сего объясненій, приказали не оставлять впредь о таковыхъ предварительно со мною сноситься. Пребываю впрочемъ съ моимъ истиннымъ

почтеніемъ и проч.“ [1]). Отвѣчалъ ли Тургеневъ Московскому военному губернатору или отвѣчалъ только на словахъ, въ дѣлѣ не значится.

II.

Польша и великое герцогство Варшавское.

Къ концу 1809 года судьба Польши была приблизительно рѣшена. Великому герцогству Варшавскому, замѣнившему прежнее королевство, запрещалось принимать Русскихъ подданныхъ въ службу, увеличивать свою территорію областями, принадлежавшими Польшѣ, наконецъ, самое имя *Польши* и *Поляковъ* изглаживалось навсегда изъ государственныхъ бумагъ [2]). Между тѣмъ, въ Январѣ 1810 г., „Московскія Вѣдомости“ помѣстили такое извѣстіе изъ Дрездена: „Король нашъ въ Мартѣ мѣсяцѣ предприметъ путь въ Польшу“. Слово „Польша“ вмѣсто „Великаго герцогства Варшавскаго“ бросилось въ глаза Государю. Тотчасъ послѣдовалъ секретный запросъ Московскому военному губернатору гр. И. В. Гудовичу: „Милостивый государь графъ Иванъ Васильевичъ, писалъ 1 Марта 1810 изъ Петербурга О. П. Козодавлевъ [3]), въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, при „Московскомъ Университетѣ“ издаваемыхъ, въ № 15, на страницѣ 386, напечатано въ статьѣ изъ Дрездена, отъ 15 Декабря слѣд.: „*Король нашъ въ Мартѣ мѣсяцѣ предприметъ путь въ Польшу*“. Государь Императоръ, замѣтивъ сіе, высочайше указать мнѣ изволилъ отнестись къ вашему сіятельству, чтобы вы внушили редакторамъ „Московскихъ Вѣдомостей“, а равнымъ образомъ и тѣмъ, кои за исправностью издаваемыхъ газетъ смотрѣть обязаны, что неприлично ни въ какой газетѣ, а тѣмъ менѣе въ оффиціальной, издаваемой изъ Университета, допускать таковыя ошибки, кои показываютъ существованіе такихъ земель, которыхъ и наименованіе давно уже исчезло. И, буде иностранныя газеты, которымъ слѣдуя редакторы „Московскихъ Вѣдомостей“, впали въ таковую ошибку, назвавъ Польшу вмѣсто герцогства Варшавскаго, то не слѣдовало бы имъ, яко издателямъ газеты оффиціальной, присвоивать себѣ погрѣшность издателей газетъ частныхъ. Его Императорское Величество надѣется, что вы предупредите, дабы Московскія газеты не были наполняемы таковыми выраженіями, которыя могутъ дать поводъ къ непріятнымъ въ публикѣ толкамъ и разглашеніямъ“ [4]). Сообщая это предписаніе министру народнаго просвѣщенія графу Разумовскому, Московскій главнокомандующій отъ себя убѣдительно просилъ его „приказать редакторамъ „Московскихъ Вѣдомостей“, а равнымъ образомъ и тѣмъ, кои за исправностью оныхъ смотрѣть обязаны, чтобъ они въ статьяхъ, до политики относящихся, особо наблюдали всю возможнѣйшую осторожность и разборчивость въ словахъ, а особ-

---

[1]) Архивъ старыхъ дѣлъ Моск. Губ. Правленія, д. № 3771, 381, 1802 г.

[2]) См. Русскій біограф. словарь, т. I, Спб. 1896, Александръ I, 229—230.

[3]) Въ то время товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ.

[4]) Архивъ старыхъ дѣлъ Моск. Губ. Правленія, д. № 189095/13, 1810 г.

ливо до Польши, такъ какъ извѣстно, что имя ея и Поляковъ больше не существуетъ" *).

III.

Сочиненія Св. Димитрія Ростовскаго.

Въ Мартовской и Апрѣльской книжкахъ Московскаго журнала „Вѣстника Европы“ за 1822 г., былъ напечатанъ разборъ трудовъ и жизнеописаніе Св. Димитрія Туптало, сдѣланный профессоромъ Василіемъ Матвѣевичемъ Перевощиковымъ. Авторъ разбора останавливается (§ XV) на параллели между философіей, какъ продуктомъ человѣческаго мышленія, и вѣрой христіанской, какъ воплощеніемъ духовной жизни человѣка. „Безумцы возставали на христіанскую вѣру, говоритъ онъ; недальновидные люди поносили философію. Борьба и явно и тайно продолжается. Поддерживаютъ ее недоразумѣніе и страсти. Есть міръ и человѣкъ, есть философія и Вѣра Христіанская. Философія есть любовь къ мудрости, слѣдовательно къ истинѣ, слѣдовательно къ Богу: сіе есть краеугольный камень Вѣры Христіанской. Философія убѣждаетъ уважать, любитъ человѣчество: сія есть вторая заповѣдь Іисуса Христа. Философія показываетъ великія и высокія достоинства человѣка, перстъ Божій въ управленіи физическаго и нравственнаго міра; Вѣра Христіанская вѣщаетъ: мы дѣти Отца Небеснаго, и ни единъ власъ главы нашей безъ воли Его не погибаетъ. Философія открываетъ будущую жизнь, вѣчность; Христосъ благовѣствуетъ: „нѣсть Богъ Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ“. Философія, даже язычествующая, видѣла (читай сочиненія Платона) необходимость пришествія Божественнаго Посланника для блага человѣчества; Іисусъ Христосъ исполнилъ сіе ожиданіе, и ученіемъ Его спаслись безчисленныя души, и долженъ, если безусловно обратится къ оному, спастись весь міръ. Словомъ, философія есть то, что́ Апостолъ Павелъ выражаетъ слѣдующими словами: „Разумное Божіе явѣ есть въ нихъ; Богъ бо явилъ есть имъ. Невидимая бо Его отъ созданія міра твореньми помышляема видима суть, и присносущая сила Его и Божество“. Совершенство, исполненіе, вѣнецъ сей философіи есть Вѣра Христіанская. Всякій философъ, истинный христіанинъ, молитъ непрестанно: „да вси едино будутъ“.

Эта статья, написанная въ очень спокойномъ и даже примирительномъ духѣ, показалась зазорною тогдашней цензурѣ. Въ Маѣ 1822 г. ректоръ Университета А. А. Прокоповичъ-Антонскій получилъ слѣдующее письмо отъ попечителя Московскаго учебнаго округа кн. А. П. Оболенскаго: „М. г. мой Антонъ Антоновичъ! Въ „Вѣстникѣ Европы“ Марта

*) Тамъ-же. Было время, когда Наполеонъ, добиваясь тѣснаго сближенія съ Россіею и соглашаясь, чтобы великая княжна Анна Павловна, по выходѣ за него въ замужество, имѣла въ Тюльерійскомъ дворцѣ Православную церковь, устранилъ слово Польша изо всѣхъ актовъ Французской имперіи. Александру Павловичу, только что передъ тѣмъ проведшему въ Москвѣ цѣлую недѣлю, важно было мнѣніе Москвичей. П. Б.

сего 1822 года на страницахъ 22, 23 и 24, въ разсужденіи о Христіанской Вѣрѣ и философіи, помѣщены замѣчанія, клонящіяся къ показанію единства между такими предметами, кои ни малѣйшей связи между собой не имѣютъ. Сіи замѣчанія должны почесться покушеніями унизить истину и Божественность Христіанскаго ученія и возвысить на счетъ онаго произвольное умствованіе человѣческаго разума. Таковыя разсужденія не должны никакъ позволяемы быть къ напечатанію. Въ помянутой же статьѣ неосновательное замѣчаніе о единствѣ Вѣры Христіанской съ философіею подкрѣпляется даже текстами Священнаго Писанія, что̀ еще меньше должно быть терпимо въ книгахъ издаваемыхъ въ свѣтъ. Почему покорнѣйше прошу васъ, м. г. мой, поставить на видъ цензору, дозволившему напечатать помянутое разсужденіе, что помѣщенныя въ немъ замѣчанія, не имѣющія въ себѣ никакой правильной связи съ приводимыми текстами, долженствовали бы уже сами по себѣ остановить его, еслибъ онъ обратилъ на сію статью должное вниманіе, а при томъ не оставьте, ваше превосходительство, препоручить во вниманіе цензуры, чтобъ она имѣла болѣе осторожности, и такого рода разсужденій, къ униженію христіанства клонящихся, не дозволяла печатать ни подъ какимъ видомъ *).

IV.

Иностранецъ-философъ въ Россіи.

Къ 1825 году гасительство было въ полномъ разгарѣ. Властвовали: Магницкій, Руничъ, Шишковъ, архим. Фотій, Аракчеевъ. Достаточно двухъ послѣднихъ именъ.... Ни о чемъ не позволялось писать, о философіи нечего было и думать. Боялись не только своихъ собственныхъ философовъ, усердно вычеркивая всѣ встрѣчавшіяся „умствованія“, но ревниво оберегали Русскаго читателя отъ вліянія западныхъ писателей, особенно, если послѣдніе почему либо жаловали въ Россію. Съ этой стороны очень любопытно предписаніе министра народнаго просвѣщенія Московскому попечителю князю Оболенскому отъ 11 Іюля 1825 г. „секретно“.

„По случаю прибытія сюда изъ Стокгольма Прусскаго подданнаго родомъ изъ Столберга, доктора философіи Ришеля, который намѣренъ заниматься въ Россіи сочиненіями по части философіи и другихъ наукъ, и отправляется скоро въ Москву, Государю Императору благоугодно было между прочимъ высочайше повелѣть мнѣ имѣть наблюденіе за сочиненіями сего иностранца и о послѣдующемъ доложить Его Величеству. Сообщая сію высочайшую волю къ надлежащему съ вашей стороны исполненію, я покорнѣйше прошу ваше сіятельство сдѣлать безъ всякой огласки распоряженіе, чтобы въ случаѣ представленія означеннымъ докторомъ сочиненій своихъ въ цензуру, при Московскомъ университетѣ учрежденную, сочиненія сіи были немедленно представлены къ вамъ, а отъ васъ представлены на мое разсмотрѣніе. Между тѣмъ, если вы можете получить какія-либо свѣдѣнія о самомъ иностранцѣ Ришелѣ, такъ и о его сочиненіяхъ, то прошу покорнѣйше доста-

*) Изъ семейныхъ бумагъ А. А. Прокоповича-Антонскаго.

влять мнѣ таковыя въ возможной скорости“ [1]). Но тревога оказалась напрасной: Ришель вѣроятно не пріѣзжалъ въ Москву, а Прокоповичъ-Антонскій, которому въ копіи сообщили приведенное распоряженіе, гораздо послѣ приписалъ къ ней слѣдующее объясненіе: „Не было въ виду Московскаго университета. При моемъ ректорствѣ никакихъ мудрованій не было замѣчено, ни въ профессорахъ, ни въ студентахъ“ [2]).

V.

Князь Шаликовъ, издатель „Дамскаго журнала“.

Всѣмъ любителямъ Русской словесности болѣе или менѣе извѣстна литературная репутація князя Шаликова. Въ 1823 г. кн. Шаликовъ задумалъ издавать „Дамскій Журналъ“. Печать встрѣтила это нововведеніе непривѣтливо, а нѣкоторая ея часть, преимущественно сторонники Пушкинскихъ взглядовъ на литературу, отнеслась прямо враждебно къ новому предпріятію. „Вѣстникъ Европы“ Каченовскаго напечаталъ цѣлую статью, явно-полемическаго характера, посвященную этому предмету и подписанную „усерднымъ читателемъ журналовъ“. Вотъ ея начало: „Журналы, сказалъ нѣкто, суть отпечатокъ духа народнаго, степени его образованности, и друзья познаній языка отечественнаго съ восхищеніемъ замѣчали, что съ нѣкотораго времени всѣ статьи, наполняющія наши періодическія изданія, становились отъ часу дѣльнѣе; хорошія извлеченія въ „Сынѣ Отечества“, пріятныя по слогу статьи въ „Соревнователѣ“, ученыя розысканія въ „Сѣверномъ Архивѣ“, въ „Вѣстникѣ Европы“ [3]), и наконецъ въ семъ послѣднемъ статьи совершенно новыя и отмѣнно важныя по части любомудрія, давали поводъ думать, что мы уже начинаемъ отвыкать отъ пустыхъ многоглаголаній; что книга, не заключающая въ себѣ ничего болѣе, кромѣ бумаги, измаранной чернилами, не можетъ намъ нравиться, и что сочиненія правильныя, умствованія глубокія заступили мѣсто безобразной нескладицы, сужденій поверхностныхъ. Но вчера, на туалетѣ одной моей знакомой дамы, я увидѣлъ подъ румянымъ горшечкомъ книжку, половина которой уже была изорвана на завивки; любопытство заставило меня прилежно собрать всѣ сіи лоскуточки, распрямить ихъ, прочитать—и что же было наградою за мои хлопоты? Я узналъ, что *нѣкто* (такъ-то держатъ у насъ обѣщанія!), принеся, по словамъ своимъ, *послѣднюю жертву Музамъ*, заблагоразсудилъ снова взвалить къ нимъ на жертвенникъ

[1]) Изъ семейныхъ бумагъ А. А. Прокоповича-Антонскаго.

[2]) Впослѣдствіи, въ своемъ сочиненіи Vitae, тотъ же Прокоповичъ такъ характеризовалъ свою цензорскую дѣятельность: 15 лѣтъ онъ (Прокоповичъ) былъ цензоромъ печатаемыхъ книгъ, сначала университетскимъ, потомъ учрежденной въ Москвѣ цензуры, зависѣвшей отъ Сената, наконецъ опять университетскимъ. По упраздненіи Московск. цензуры онъ выпросилъ для университета всѣ книги и вещи, которыя при Моск. цензурѣ были. Во все время цензорства его, въ самое смутное время, не было слѣдствія ни объ одной книгѣ имъ пропущенной, не было ни отъ одного издателя или типографщика жалобы. (Тамъ-же).

[3]) Отзывъ, имѣющій полное право на благодарность редактора. Моихъ онъ Бардовъ похвалилъ! Примѣчаніе редактора „В. Е.“.

различный литературный мусоръ—à l'eau de rose. Въ рукахъ держалъ я „Дамскій Журналъ" въ лазорево-сизо-голубой оберткѣ, съ нѣжно-сантиментальнымъ эпиграфомъ: *все служить красотѣ!"* [1]). Такъ начинаетъ критикъ обзоръ первой книжки новаго журнала. Поэтому можно судить, къ какимъ нелестнымъ выводамъ онъ придетъ впослѣдствіи. Ни цѣль, ни средства изданія, оказывается, не служатъ основаніемъ для его появленія. Цѣлью не можетъ быть „распространеніе роскоши и суетности, поддержаніе нашей привычки *во всемъ* подражать иностранцамъ". Эта цѣль не только не соотвѣтствуетъ „званію жрецовъ изящнаго", но бываетъ даже причиной „несчастій многихъ семействъ". О средствахъ нечего и говорить. „Какъ дрогнула ваша рука, обращается къ издателю „Дамскаго Журнала", расходившійся „усердный читатель", переводить что-либо изъ Journal des dames, котораго кругъ дѣйствія ограничивается мастерскими портныхъ, модистокъ и башмачниковъ? Такіе переводы были хороши въ тѣ времена, когда мы ахали и вздыхали *подъ тѣнью кусточковъ, при нѣжномъ запахѣ фіалки и прислушивались къ унылому стуку кузнечика.* Но теперь пора уже намъ перестать давать поводъ иностранцамъ смѣяться надъ нами и всякій вздоръ, выходящій у нихъ, принимать съ восхищеніемъ, переводить съ жадностью. Переводы твореній важныхъ могутъ принести плоды добрые; но переводы такихъ статей, каковы: *Г-жа Сталь*, *Состраданіе*, *Прихоти Парижской дамы*, *Перстни*, и проч. безполезнѣе пустоцвѣта" [2]). Въ заключеніе авторъ обѣщался послѣ выхода каждаго № „Дамскаго Журнала" сообщать публикѣ свои заключенія объ ономъ. Повторяемъ, статья эта, явно-полемическаго характера, могла вызвать только „отповѣдь" съ противной стороны, но никакъ не обратить вниманія „властей предержащихъ". На дѣлѣ вышло иначе. Не прошло и мѣсяца, какъ 22 Марта того года, Прокоповичъ-Антонскій получилъ слѣдующее письмо отъ кн. Оболенскаго: „Съ крайнимъ прискорбіемъ прочелъ я пьесу подъ заглавіемъ *отъ читателей журналовъ*, помѣщенную въ послѣднемъ № „Вѣстника Европы". Въ сей пьесѣ опорочивается цѣль изданія „Дамскаго Журнала", и представляется противною нравственности, чѣмъ сочинитель не только оскорбляетъ лично издателя, но и начальство, одобрившее изданіе сего журнала. Покорнѣйше прошу ваше превосходительство призвать г. издателя „Вѣстника Европы", который всегда отличался большою разборчивостью въ выборѣ пьесъ, составляющихъ его журналъ, и замѣтивъ, что помѣщеніе вышеупомянутой пьесы совсѣмъ неприлично, подтвердить какъ ему издателю, такъ и цензору сего журнала, чтобъ подобныя статьи не были включаемы въ журналъ „Вѣстникъ Европы" [3]).

Не знаемъ, что̀ объявилъ Прокоповичъ Каченовскому, но полемика между „Вѣстникомъ Европы" и „Дамскимъ Журналомъ" продолжалась еще нѣкоторое время...

Сообщилъ баронъ **Н. В. Дризенъ.**

---

[1]) В. Е., № 5, 68—69, Смѣсь.

[2]) В. Е., стр. 72—73.

[3]) Изъ семейныхъ бумагъ А. А. Прокоповича-Антонскаго.

ПИСЬМО ФАЛЬКОНЕТА КЪ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ II.

Императорское Русско-Историческое Общество въ 1876 году издало цѣлый томъ (XVII), заключающій въ себѣ переписку императрицы Екатерины II съ извѣстнымъ Фальконетомъ, при чемъ, какъ сказано въ предисловіи (стр. XLV), письма Фальконета къ Императрицѣ обязательно сообщилъ бывшій въ то время директоръ государственнаго архива К. К. Злобинъ. Говорить что либо объ интересѣ, представляющемся этимъ прекрасно изданнымъ томомъ, было бы лишнее; онъ извѣстенъ каждому историку. Напомнимъ только, что въ этомъ томѣ переписка оканчивается письмомъ Фальконета отъ 1 Сентября 1778 года (стр. 247 тома), при чемъ за время 1775 года имѣются только пять писемъ Фальконета (№№ 189—193), безъ соотвѣтствующихъ отвѣтныхъ писемъ Императрицы. Въ одномъ изъ этихъ писемъ (№ 191, на стр. 237—238) отъ 7 Августа 1775 года Фальконетъ сообщаетъ Императрицѣ о смерти въ Парижѣ какого-то Коллена, бывшаго хранителемъ всего его состоянія, о томъ, что сынъ его Фальконета, выжидавшій въ Петербургѣ судьбы своихъ картинъ и принужденный теперь вслѣдствіе смерти Коллена уѣхать, чтобы выяснить положеніе денежныхъ дѣлъ своего отца, передъ отъѣздомъ сказалъ князю Голицыну, предложившему ему за картины 3000 рублей, что онъ не можетъ принять этой суммы и полагается на Ея Величество. На другой день онъ возвратился къ князю и сказалъ, что, во избѣжаніе дальнѣйшаго безпокойства, онъ проситъ *шесть тысячъ*; но до сихъ поръ мы ожидаемъ отвѣта князя Голицына и приказаній Вашего Величества“ (стр. 238).

За тѣмъ въ дальнѣйшихъ письмахъ Фальконета не упоминается болѣе ни о Колленѣ, ни о деньгахъ за картины сына*). Между тѣмъ въ Государственномъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ имѣется небольшое дѣло (XVII—№ 280) о портретахъ, писанныхъ Фальконетомъ, въ которомъ, среди трехъ докладовъ князя *Александра Голицына*, имѣется и собственноручное письмо Фальконета-отца къ императрицѣ Екатеринѣ II, отъ 3 Ноября 1775 года, почему-то не вошедшее въ изданный Историческимъ Обществомъ томъ. Это письмо Фальконета служитъ какъ бы продол-

*) Не можемъ при этомъ не указать, что въ приложенномъ къ тому азбучномъ указателѣ ***имя*** этого Коллена ***вовсе*** не встрѣчается; упомянутый же въ письмѣ ***князь Голицынъ*** по тому же указателю (ст. 424 во 2-мъ столбцѣ) принимается за Дмитрія Алексѣевича, посланника нашего въ Гагѣ, который предлагаетъ сыну Фальконета 3000 руб. за его портреты, стр. 338 (должно быть стр. 238), а между тѣмъ это ***князь Александръ Михайловичъ Голицынъ***, тогдашній вице-канцлеръ.

женіемъ его же письма отъ 3 Августа 1775 года, выше нами упомянутаго. Дѣло архива № 280 начинается всеподданнѣйшимъ докладомъ князя *Александра Голицына* отъ 26 Мая 1775 года о томъ, что онъ призывалъ Фальконета (котораго, не сказано; быть можетъ, сына), чтобы отдать три тысячи рублей за написанные портреты, но онъ не принялъ, настоя, что они за труды не достаточны и что онъ желаетъ лучше остаться безъ платы. „Я сколько ни старался убѣдить его къ принятію оной, добавляетъ князь Голицынъ, только никакъ предуспѣть не могъ".

Какая на это послѣдовала резолюція Императрицы, не видно; но 8 Іюня того же года князь Голицынъ снова докладываетъ Императрицѣ, что Фальконетъ желаетъ *шести тысячъ* и проситъ, чтобы онъ, князь Голицынъ доложилъ о семъ Вашему Императорскому Величеству. Резолюціи Императрицы опять не видно; но при семъ докладѣ помѣщено подлинное письмо Фальконета-*отца* къ Императрицѣ отъ 9 Ноября 1775 года на почтовой бумагѣ въ большую четвертку. Сообщаемъ его въ переводѣ:

Ваше Императорское Величество!

Г. Колленъ, этотъ добрый истинный другъ, который умеръ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, хранилъ всѣ мои деньги, и его осторожность, не желавшая что либо подвергать произволу воровъ, внушила ему наилучшую мѣру предосторожности: онъ самъ все расточилъ. Освобожденный такимъ образомъ отъ всѣхъ тлѣнныхъ благъ сего міра, я могу по своему усмотрѣнію распѣвать, не думать ни о какихъ дѣлахъ, и пользоваться сладкимъ сномъ. Впрочемъ, быть можетъ еще окажется, нельзя ли мнѣ что либо возвратить изъ остатковъ его состоянія; но мнѣ сообщаютъ изъ Парижа, что ранѣе года нельзя ничего съ точностію опредѣлить, потому что заявленныя уже претензіи кредиторовъ заставляютъ опасаться ежеминутнаго появленія другихъ, болѣе значительныхъ.

Ваше Величество позволите мнѣ еще замолвить слово. Это не для меня. Я полагалъ, что мой *сынъ* найдетъ по пріѣздѣ своемъ въ Парижѣ деньги на свое обзаведеніе. Г. Колленъ распорядился совсѣмъ иначе, а потому умоляю Ваше Величество соблаговолите приказать *уплатить мнѣ* за три портрета съ тѣмъ, чтобы я могъ переслать эти деньги.

Г. Рослэнъ, находящійся здѣсь и котораго я часто вижу, такъ цѣнитъ свои труды; большой портретъ во весь ростъ, по его манерѣ, какъ напримѣръ короля Шведскаго, который онъ пишетъ въ настоящее время, а также подобные ему, которые онъ, быть можетъ, будетъ дѣлать Вашему Величеству, онъ цѣнитъ въ 4000 рублей. Не будетъ поэтому, кажется, безразсуднымъ, принявъ во вниманіе относительныя достоинства произведеній Рослэна и моего сына, оцѣнить каждый изъ сдѣланныхъ моимъ сыномъ портретовъ въ 2000 рублей? Если Ваше Величество изволите находить эту цѣну слишкомъ высокою, то мы подождемъ возвращенія Вашего Величества *); мой сынъ какъ нибудь пробьется въ это время и, быть можетъ, его произведенія, нисколько не вовлекая его въ соревнованіе съ Рослэномъ, по осмотрѣ ихъ заслу-

*) Изъ Москвы. П. Б.

жать нѣкоторое вниманіе. Не смѣю упоминать о какомъ либо вниманіи къ отцу, ни о дороговизнѣ путешествія, которое мой сынъ принужденъ былъ сдѣлать изъ Лондона, чтобы пріѣхать сюда и болѣе свободно заняться портретами. Имѣю честь быть съ наиглубочайшимъ уваженіемъ Вашего Императорскаго Валичества покорнѣйшій и послушнѣйшій слуга Фальконетъ.

С.-Петербургъ, 3-го Ноября 1775 года.

На письмѣ этомъ рукою ст.-секретаря Козьмина сдѣлана отмѣтка: *о заплатѣ Фальконету за картины писано князю Голицыну 3 Декабря 1775 года.*

Казалось бы, что послѣ этого ничего не оставалось, какъ получить деньги, назначенныя Императрицею; но изъ лежащаго въ томъ же дѣлѣ доклада князя Голицына видно, что Фальконетъ и этимъ не довольствовался. Вотъ что докладывалъ Императрицѣ князь Голицынъ 10 Декабря 1775 года, т. е. чрезъ недѣлю послѣ состоявшейся резолюціи.

„Высочайшее Вашего Императорскаго Величества именное повелѣніе отъ 3 числа сего мѣсяца я имѣлъ счастье получить и во исполненіе по оному призывалъ я къ себѣ Фальконета *для заплаты ему*, за написанные сыномъ его портреты, опредѣленной отъ Вашего Императорскаго Величества суммы. Но онъ отозвался на сіе, что, повинуясь высочайшей Вашего Величества *волѣ* (это слово пропущено, но очевидно должно быть), хотя и желалъ бы принять оную сумму, только за отъѣздомъ отсюда сына его, въ работу котораго какъ человѣка уже совершеннолѣтняго онъ отнюдь не мѣшается и слѣдственно не вѣдаетъ цѣны оной, *не можетъ* онъ принять предлагаемыя ему платы, не снесясь прежде съ своимъ сыномъ, почему и намѣряется онъ теперь къ нему о томъ писать.

Впрочемъ, пребываю съ всеглубочайшимъ респектомъ, Всемилостивѣйшая Государыня, Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій рабъ князь Александръ Голицынъ.

Въ С.-Петербургѣ, Декабря 10 числа 1775 года.

Этимъ все дѣло оканчивается, и дальнѣйшихъ какихъ либо бумагъ или указаній о дѣйствительномъ полученіи денегъ за картины Фальконета-сына въ семъ дѣлѣ не имѣется. Но это послѣднее довольно безразлично и никакой важности не представляетъ, между тѣмъ какъ и вышеизложеннаго вполнѣ достаточно, чтобы вывести нѣкоторыя предположенія, которыми и подѣлимся съ нашими читателями, предварительно возобновивъ въ памяти ихъ нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о лицахъ, упоминаемыхъ въ этихъ бумагахъ.

Прежде всего напомнимъ, что императрица Екатерина II почти весь 1775 годъ провела въ отсутствіи изъ С.-Петербурга. Она еще 16-го Января отправилась въ Москву для празднованія окончательно утвержденнаго мира съ Турками въ Кучукъ-Кайнарджи и пробыла въ Москвѣ почти до конца Декабря мѣсяца (см. Каммеръ - Фур. Журналъ за 1775 годъ). Этимъ объясняется, почему на письмо Фальконета изъ С.-Петербурга отъ 3 Ноября послѣдовала резолюція Императрицы только 3 Декабря. Кромѣ того это же доказываетъ, что Императрица дала приказаніе уплатить деньги, не видавъ пор-

третовъ, которые Фальконетъ въ письмѣ своемъ выражаетъ готовность оцѣнить *по возвращеніи* Императрицы.

Упоминаемый въ письмѣ Рослэнъ былъ знаменитый въ свое время портретистъ. Александръ Рослэнъ (Roslin, а не Rosslin, какъ писалъ Фальконетъ), родившійся въ 1718 году въ Мальмэ въ Швеціи и умершій въ Парижѣ въ 1793 году. Онъ пользовался въ свое время большою извѣстностью, кромѣ того имѣлъ случай писать множество портретовъ, что̀ дало ему возможность, какъ говорятъ, заработать въ сорокъ лѣтъ до 800000 франковъ. Онъ былъ членомъ Парижской Академіи живописи съ 1753 года. Онъ пріѣзжалъ и въ Петербургъ писать портреты. Съ этими-то произведеніями извѣстнаго художника и соразмѣряетъ Фальконетъ произведенія своего сына, о которомъ конечно никто бы и не зналъ, что онъ живописецъ, если бы онъ не былъ сыномъ знаменитаго скульптора Этьэнна Фальконета. Сей послѣдній, родившись въ Парижѣ въ 1716 году и скоро пріобрѣтя громкую извѣстность своими Милономъ Кротонскимъ, Пигмаліономъ и другими произведеніями, былъ приглашенъ въ Петербургъ для созданія памятника Петру Великому. Обогативъ нашу столицу всѣмъ извѣстнымъ дивнымъ своимъ произведеніемъ, Фальконетъ вернулся въ отечество въ 1778 году, гдѣ былъ пораженъ въ 1783 году ударомъ паралича, который 8 лѣтъ держалъ его прикованнымъ въ постели, до самой его смерти въ 1791 году.

Въ числѣ двухъ сопровождавшихъ его въ Россію скульпторовъ, Фальконетъ взялъ также талантливую художницу Марію-Анну-Колло (род. въ Парижѣ 1748 г. и умерла въ 1821 году), которая изваяла голову Петра Великаго на памятникѣ. За этою художницею сталъ ухаживать пріѣхавшій тоже въ Петербургъ изъ Англіи къ Фальконету сынъ его, Петръ; это кончилось бракомъ ихъ въ 1777 году, за годъ до отъѣзда ихъ изъ Петербурга. Бракъ этотъ счастливъ не былъ; молодой Фальконетъ былъ очень легкомысленъ, часто ссорился съ женою и ухаживалъ за другими женщинами, что̀ и заставило жену его покинуть и переселиться къ свекру, старому Фальконету, котораго она не покидала до самой его смерти. Этотъ Петръ Фальконетъ учился живописи у Англійскаго художника ***Рейнольдса*** и принадлежитъ къ второклассымъ живописцамъ, о которыхъ даже въ обширныхъ и обстоятельныхъ справочныхъ книгахъ почти что вовсе не упоминается.

Можно смѣло заключить, что, не будь отца Фальконета въ Россіи, Императрица никогда бы не поручила писать портреты его сыну, имѣя у себя въ столицѣ въ тоже время Рослэна. Конечно при заказѣ портретовъ о цѣнѣ ихъ не договорились, а потому впослѣдствіи и возникла переписка, выше нами приведенная. Даютъ три тысячи рублей. Мало; лучше ничего не возьмемъ. Желаютъ получить шесть тысячъ. Самъ художникъ уѣзжаетъ, и отецъ его, упомянувъ въ началѣ письма, что онъ совершенно разоренъ (что̀ впрочемъ ни малѣйшаго отношенія къ оцѣнкѣ картинъ его сына не имѣетъ), проситъ за каждый портретъ по 2.000 рубл. (т. е. всего шесть тысячъ), потому только, что ***Рослэнъ*** получаетъ вдвое болѣе, забывая или конечно, замалчивая, что Рослэнъ одинъ изъ первыхъ портретистовъ своего

времени, а Фальконетъ-сынъ очень посредственный живописецъ. Но даютъ и шесть тысячъ. Тогда Фальконетъ-отецъ не находитъ возможнымъ принять ихъ, хотя и желалъ бы, такъ какъ въ работу сына своего, какъ человѣка уже совершеннолѣтняго, отнюдь не мѣшается и слѣдственно, не вѣдая цѣны оной, не можетъ принять предлагаемой платы, не снесясь прежде съ сыномъ. Но какимъ же образомъ тотъ же Фальконетъ-отецъ немного ранѣе находилъ возможнымъ просить Императрицу *приказать уплатить ему* за три портрета, намѣреваясь переслать деньги сыну? Если онъ Фальконетъ-отецъ отнюдь не мѣшается въ работу своего сына какъ совершеннолѣтняго, то ему не слѣдовало бы утруждать Императрицу просьбою о выдачѣ сыну денегъ. Если же онъ разъ проситъ о выдачѣ денегъ, то необходимо ихъ брать, коли даютъ, такъ какъ отказъ при подобныхъ условіяхъ можетъ дать поводъ предполагать, что не берутъ просимыхъ денегъ, потому что недовольствуются ими, находя, что мало просили. Иначе нельзя объяснить себѣ причину отказа Фальконета-отца отъ принятія денегъ, о выдачѣ которыхъ самъ же Фальконетъ просилъ. А это, въ свою очередь, даетъ основаніе предполагать, что Фальконетъ-отецъ далеко не былъ такъ безкорыстенъ, какъ нѣкоторые стараются его изобразить. Но это очевидно нисколько не можетъ умалить его замѣчательный талантъ и дивное творчество. Талантъ талантомъ, а деньги деньгами и, говоря о талантѣ лица, не слѣдуетъ толковать о его безкорыстіи.

О подножіи монумента Петра Великаго.

Коснувшись Фальконета, съ именемъ котораго неразрывно представленіе о созданномъ имъ памятникѣ нашему великому Преобразователю и изданной Императорскимъ Историческимъ Обществомъ переписки его съ императрицею Екатериною, кстати будетъ сообщить нѣсколько свѣдѣній о подножіи прекраснаго памятника, украшающаго нашу столицу, добытыхъ изъ нѣкоторыхъ дѣлъ Архива Министерства Императорскаго Двора. Первоначально предполагалось сдѣлать подножіе *изъ нѣсколькихъ камней* и съ этою цѣлію, „для отысканія и описанія потребныхъ къ монументу Петра Великаго великихъ *шести камней,* посланы въ 1768 году въ здѣшнюю (Петербургскую), Выборгскую и Новгородскую губерніи поручикъ Егоръ Бузовъ и каменотесный мастеръ Андрей Пилюгинъ", при чемъ имъ дано подробное наставленіе для исполненія возложеннаго на нихъ порученія. Они рапортами донесли, что нашли много каменьевъ, приложили описаніе размѣровъ ихъ, а также точно указали, далеко ли эти камни находятся отъ дороги и воды. Эти найденные камни оказались дровяными, самой крупной сыпи и, по своей слабости, къ подножію тяжелаго памятника негодными. Между тѣмъ, въ тоже время, въ Августѣ мѣсяцѣ 1768 года какой-то титулярный совѣтникъ Осипъ Боттъ сообщилъ, что нашелъ въ верстѣ отъ Кронштадта за земля нымъ валомъ у самого моря камень, который имѣетъ уродливую, кругловатую форму, длиною около пяти саженъ, шириною около трехъ саженъ, а вышину, поверхъ земли, слишкомъ четыре аршина; сколько же въ землю

идетъ, неизвѣстно. Поѣхали осматривать этотъ камень, обрѣли его и точно смѣрили; въ тоже время осмотрѣли мѣстность за Кронштадтомъ до Толбухина носа, по берегамъ, но ничего не нашли и ограничились составленіемъ точной модели камня, указаннаго Боттомъ. Немного позднѣе 27 Августа доноситъ Пилюгинъ, что онъ вновь ѣздилъ отъ С.-Петербурга до Красной горы, Ямбурга, Нарвы, по берегамъ моря и отъ нихъ въ гору и нашелъ еще до 27 штукъ камней, значительныхъ размѣровъ, представилъ имъ точныя описанія, а также указанія подробныя ихъ мѣстонахожденія, и того, на что найденные камни могутъ быть годны. Затѣмъ 10 Сентября того же 1768 года Ласкари донесъ, что на Выборгской сторонѣ, въ дачѣ его сіятельства графа Якова Александровича Брюса, близъ деревни Конной, отысканъ большой камень, съ котораго онъ приложилъ рисунокъ. Ему дано было предложеніе осмотрѣть камень подробно. Еще позднѣе 7 Октября 1768 полковникъ Звѣревъ, посланный искать камней подъ фундаментъ памятника въ Выборгскую губернію, доносилъ, что на берегахъ Ладожскаго озера, за Сердобольскимъ погостомъ, найдено имъ болѣе 50 камней разной величины. По разсмотрѣнію всѣхъ этихъ донесеній остановились на камнѣ, найденномъ Ласкари *) (см. дѣло № 101 разрядъ I по описи № 73 (187) Архива Мин. Имп. Двора). Тогда же данъ былъ высочайшій указъ Адмиралтействъ-коллегіи объ оказаніи дѣйствительному тайному совѣтнику Бецкому всякаго вспоможенія для доставки отъ деревни Каменнаго Носу до Исакіевскаго берега камня, предназначеннаго для сооруженія монумента Петру Великому, Сентября 15 дня 1768 года (см. описаніе Архива Морского Министерства, томъ III, стр. 570). Вслѣдствіе этого указа Адмиралтействъ-коллегія сообщала Бецкому, что *для горы подъ монументъ камень въ Лахтинской дачѣ* будетъ довезенъ до деревни Каменнаго Носа сухимъ путемъ, а оттуда для перевозки водою будетъ чинить адмиралтейство всякое вспомоществованіе, какъ инструментами и прочимъ на подъемъ и возку его на землѣ, такъ и большимъ судномъ съ надлежащимъ управленіемъ для такого тягостнаго камня, людьми и другими судами, дабы перевезти его водою до Исакіевскаго берега. Адмиралу Мордвинову приложить стараніе, дабы оный камень немедленно былъ сюда доставленъ. (Архивъ М. Имп. Двора, дѣло № 101, разрядъ I). Самый камень описывается въ томъ же дѣлѣ слѣдующимъ образомъ. Камень, такъ-называемый Громъ, потому что громомъ, какъ сказываютъ жители Лахты, отбитъ у онаго одинъ уголъ и сіе приключеніе подало удобность, по предъявленной отъ господина Фальконета модели, сдѣлать изъ онаго пьедесталъ къ статуѣ Петра Великаго. Сей камень найденъ въ Кареліи и былъ въ землѣ 18 футовъ глубиною, везенъ былъ сухимъ путемъ 9 верстъ до самого залива, а 12 верстъ водою къ берегу Невы рѣки, а отъ того къ назначенному мѣсту въ разстояніи тринадцати саженъ, гдѣ онъ и

*) Этотъ Ласкари, родомъ Грекъ, служилъ подъ начальствомъ Бецкаго при канцеляріи строенія и садовъ Ея Величества и былъ откомандированъ съ командою для работъ при сооруженіи памятника Петру Великому. Потомъ онъ служилъ въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ.

поставленъ. Въ то время, когда найденъ, имѣлъ 21 футовъ вышиною, а 44 длины; при обдѣлываніи онаго сходственно съ моделью, сбавлена нарочито величина онаго и теперь составляетъ въ себѣ 38 футовъ величины и 21 вышины и столько же ширины, а вѣсомъ онъ около 3.000.000 фунтовъ.

11 Октября камень везенъ съ пристани въ амбаръ въ присутствіи его высочества принца Генриха (Прусскаго).

Что же касается расходовъ по этому, то они усматриваются изъ ниже помѣщаемаго всеподданѣйшаго доклада сенатскаго вслѣдствіе представленія Бецкаго. Докладъ служитъ также разъясненіемъ цифры 48.521 рубл., указанной въ докладѣ Сената, помѣщенномъ въ XVII томѣ «Сборника Импер. Историч. Общества». Вотъ этотъ докладъ. «Дѣйствительный тайный совѣтникъ и кавалеръ Бецкой Сенату представляетъ, что въ сходствіе требованнаго Сенатомъ исчисленія на совершеніе производимаго профессоромъ Фальконетомъ, въ славу блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Государя Императора Петра Великаго, монумента, по представленному отъ него 1768 года Маія 5 дня рапорту, назначена сумма, вмѣсто требованныхъ по смѣтѣ отъ бывшей канцеляріи строенія 480.000 рублей, состоящая въ 320.000 рубляхъ, и того менѣе сто шестьюдесятью тысячами рублями, въ число которой изполучено уже сего 1773 года Сентября по 1-е число 289.333 рублей 32¼ коп. Означенный монументъ приходя къ окончанію, такъ что уже будущаго 1774 года весною и къ выливкѣ пріуготовленъ быть имѣетъ, а совсѣмъ окончаніемъ совершиться долженъ, ежели какія въ литьѣ препятствія не воспослѣдуютъ, конечно въ 1775 году. Но какъ въ прежде поданной отъ него смѣтѣ не требовано ни на имѣющую быть чеканку съ постановленіемъ того монумента на свое мѣсто, ни на случившуюся отдѣлку по вновь назначенному показанію одинаково и камня, съ слѣдуемою разломкою литейнаго каменнаго амбара и потребною распланировкою самого того назначеннаго подъ монументъ мѣста, да къ тому жъ и по собственному Вашего Императорскаго Величества повелѣнію производится Фальконету въ прибавокъ, сверхъ получаемаго имъ жалованья на столъ по причинѣ дороговизны въ припасахъ, по 25 рублей на мѣсяцъ, что̀ все совокупно составляя излишество противъ представленнаго имъ исчисленія, необходимо потому и требуетъ особой на все оное въ прибавокъ суммы до 18.000 рублей. А при томъ какъ въ прежде полагаемой смѣтѣ подъ означенный монументъ назначено быть горѣ, составной изъ пяти камней, но чрезъ многое стараніе когда отыскапъ одинакой удобной величины камень, который по изволенію Вашего Императорскаго Величества къ тому и употребленъ, то по содержащейся въ немъ огромности и тяжести, по каковой прежде и помышлять о провозѣ онаго за неудобное поставлялось, превозмогая противу всякаго чая-

нія воображаемыя трудности чрезъ разныя приготовляемыя и вновь дѣланныя съ изобрѣтаемымъ искусствомъ махины и инструменты совсѣмъ другаго рода, нежелибъ для составной прежде полагаемой горы могло что понадобится; а потому какъ на производимое для разчищиванія и дѣланія дороги, въ предъохранительное укрѣпленіе твердости самыхъ прорывчатыхъ и слабыхъ мѣстъ, такъ и на употребительные для того многіе вознадобившіеся матеріалы и на наемъ работныхъ людей, хотя не съ малымъ иждивеніемъ исправляемо было, особливо по вздорожаемой платѣ, какъ то при такихъ чрезвычайныхъ работахъ, когда по извѣстности что неминуемо употребить было должно, случается; но совсѣмъ тѣмъ на означенной одинаковой, употребленной вмѣсто пяти огромной величины, камень противъ прежде поданнаго отъ него исчисленія издержано только 30.521 рубль 53 копѣйки съ половиной, а за тѣмъ остаться еще имѣютъ тѣже самыя употребляемые къ тому монументу особымъ искусствомъ дѣланные винты и прочіе инструменты на другія случайныя въ подобныхъ тяжеловѣсныхъ подъемахъ дѣлà, которыя стоили немалаго иждивенія, въ разсужденіи чего онъ дѣйствительный тайный совѣтникъ Бецкой и проситъ, чтобъ вышеозначенныя въ прибавокъ потребныя 48.521 рубль и 53½ коп., по раздѣленіи ихъ на три года, а именно въ нынѣшнемъ 1773 году 17.588 руб. 53 коп. съ половиною, въ 1774 г. 16.333 руб., въ 1775 г. — 14.600 рублей, по требованіямъ конторы строенія Вашего Величества домовъ и садовъ обще съ недопятою противъ перваго его исчисленія суммою не по третямъ года, а сколько когда понадобится, отпускаемы были. А безъ того означеннаго монумента къ показанному времени совершить и къ выливкѣ онаго приступить не можно будетъ. А какъ прежде назначенная дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Бецкимъ на сей монументъ сумма отпускается пополамъ изъ Статсъ-конторы и изъ Коллегіи Экономіи по имянному Вашего Императорскаго Величества указу, то объ отпускѣ изъ тѣхъ мѣстъ и нынѣ требуемыхъ имъ 48.521 рубля 53 копѣекъ съ половиною Сенатъ предаетъ въ высочайше Вашего Величества соизволеніе».

На подлинномъ докладѣ рукою Императрицы написано „отпускать по сему“ 9 Сентября 1773 года С.-Петербургъ (см. Архив. М. И. Двора, дѣло № 101, разр. I).

Сообщилъ **П. М. Майковъ.**

ИЗЪ НИЖЕГОРОДСКОЙ СТАРИНЫ.

I.

Вольность передъ волей.

Хотя очень мало, но всетаки въ нашихъ повременныхъ изданіяхъ описывались нѣкоторые случаи неповиновенія крестьянъ ихъ помѣщикамъ передъ обнародованіемъ манифеста 19-го Февраля 1861 года. Магическое слово „*воля*“ еще задолго до этого времени производило среди нихъ волненіе умовъ, заставляя даже благоразумныхъ хвататься за различныя противозаконныя предпріятія, чтобы только выйти изъ подъ тяжелаго гнета невольничества, облегчить свою участь, добиться свободы.

Какъ и всегда, во главѣ подобныхъ движеній становились такіе люди, которые или уже слишкомъ сильно были озлоблены, или же исключительно занимались кляузничествомъ, пьяницы, „голытьба“, которымъ, такъ или иначе, при томъ или другомъ оборотѣ дѣла, все равно нечего было терять. Въ большинствѣ случаевъ, зачинщиками и подстрекателями являлись тѣже крестьяне и рѣдко постороннія лица, совсѣмъ не причастныя къ интересамъ крестьянскаго общества или къ интересамъ помѣщиковъ. Но никогда, кажется, не было примѣра, чтобы подстрекателями такихъ волненій были представители власти, должностныя лица правительственныхъ учрежденій. И на самомъ дѣлѣ, было бы очень странно видѣть правительственнаго чиновника не въ роли усмирителя, а въ роли распространителя ложныхъ слуховъ, въ роли пособника къ возбужденію крестьянъ противъ ихъ барина. Между тѣмъ подобный случай былъ, и гдѣ же? Не думайте, чтобы въ какой нибудь глухой, отдаленной провинціи, но близъ центра просвѣщенія и Русской государственной жизни, на узлѣ удобныхъ путей сообщенія и подъ надзоромъ строгаго и дѣятельнаго начальства, и при томъ подобнымъ зачинщикомъ явился представитель полицейской власти, становой приставъ, на обязанности котораго всецѣло лежали устраненіе всякихъ недоразумѣній и волненій и обязательное наблюденіе за поступками и поведеніемъ крестьянъ.

Въ концѣ Декабря 1860 года, состоящій при Нижегородскомъ военномъ губернаторѣ маіоръ Діонисій Алексѣевичъ Демидовъ конфиденціальнымъ письмомъ *) сообщилъ генералъ-маіору Муравьеву, что исправляющій должность пристава 2-го стана Макарьевскаго уѣзда Янушевскій, въ ночь на

---

*) Дѣло канцеляріи Нижегородскаго военнаго губернатора за 1860 г., № 656, л. 1—2. Тоже самое (отношеніемъ отъ 3 Января 1861 г.) подтвердилъ и губернскій предводитель дворянства.

24 Декабря, вызывалъ бурмистра и старшинъ вотчины Демидова, селъ Варгана, Оселка, Бѣлозерихи и деревни Ольгиной „для объявленія имъ вольностей" и когда послѣдніе, 25-го числа, явились къ нему въ станъ (с. Варганъ), то Янушевскій, не предъявляя никакого предписанія, сказалъ имъ: „я вызвалъ васъ къ подпискамъ, чтобъ не платили оброка помѣщику, а что вы должны платить въ Опекунскій Совѣтъ; поэтому не должны исполнять работъ помѣщику, ни давать подводъ и караула къ господскому дому". При этомъ потребовалъ онъ отъ нихъ подписку въ слышаніи объявленнаго. Но старшины, сказавъ ему, что „безъ согласія міра" сдѣлать этого не могутъ, отъ дачи подписокъ отказались и просили пристава показать имъ ту бумагу, гдѣ „о семъ пишется". Тогда приставъ отвѣчалъ, что этой бумаги у него нѣтъ: она находится въ Земскомъ Судѣ.

Такъ какъ „подобные самовольные поступки чиновниковъ земской полиціи могутъ, въ особенности въ настоящее время, повести за собою весьма дурныя послѣдствія", то губернаторъ Александръ Николаевичъ Муравьевъ немедленно распорядился послать для точнаго разслѣдованія на мѣсто происшествія своего старшаго чиновника особыхъ порученій Назырова *) вмѣня ему при этомъ въ обязанность „избѣгать сколько можно письменнаго производства, дабы оно не помѣшало формальному слѣдствію, если надобность въ немъ потребуется".

На предварительномъ производствѣ дознанія виновность Янушевскаго вполнѣ подтвердилась. Причина, вызвавшая его на разглашеніе „подобныхъ нелѣпыхъ слуховъ", заключалась въ слѣдующемъ.

За маіоромъ Демидовымъ, благодаря невзносу въ дворянскій Опекунскій Совѣтъ слѣдуемыхъ съ его имѣній податей, накопилось столько недоимокъ, что дворянская опека принуждена была назначить надъ его имѣніемъ опекуна, коимъ и былъ избранъ отставной гвардіи штабсъ-ротмистръ Александръ Васильевичъ Нертовскій, о чемъ Опекунскимъ Совѣтомъ для надлежащихъ распоряженій и было донесено Нижегородскому Губернскому Правленію. Послѣднее „о наложеніи ареста на доходъ", получаемый Демидовымъ съ его имѣній, послало указъ Макарьевскому земскому суду. А тамъ, въ свою очередь, „по заслушаніи онаго указа", состоялось постановленіе „поручить старшему засѣдателю земскаго суда Зеленцову объявить вотчинно-начальникамъ помѣщика Демидова сёлъ Варганъ, Бѣлозерихи и Оселка подписками, чтобы они слѣдующій съ крестьянъ оброкъ доставляли уполномоченному полною довѣренностью штабсъ-ротмистру Нертовскому". Объ этомъ какимъ-то образомъ провѣдалъ становой приставъ Янушевскій и, не долго думая, безъ всякаго со стороны Земскаго Суда извѣщенія, поспѣшилъ объявить крестьянамъ, но объявилъ такъ, какъ невозможно было объявлять.

Воротившіеся отъ него бурмистръ и старшины, конечно, передали его „объявленіе" міру. Между крестьянами начались „разные толки и волненіе". Хотя слова Янушевскаго не вывели ихъ изъ повиновенія помѣщику, но

*) Тамъ же. Предписаніе № 1, отъ 1 Января 1861 г., листъ 3.

имѣли послѣдствіемъ уклоненіе крестьянъ отъ взноса оброка къ сроку, назначенному опекуномъ Пертовскимъ“ [1]).

Это на первый взглядъ незначительное обстоятельство сильно встревожило ближайшія мѣстныя власти, и на мѣсто происшествія „для разъясненія нелѣпыхъ слуховъ“, 1-го Января выѣхалъ Макарьевскій уѣздный предводитель дворянства Бѣлавинъ. Онъ сдѣлалъ крестьянамъ „нѣкоторыя внушенія“, и они, казалось, успокоились и обѣщали начать взносъ оброка.

Однако по пріѣздѣ 2-го числа въ с. Варганъ чиновника особыхъ порученій Назырова, на другой день помѣщикъ Демидовъ заявилъ ему, что крестьяне самовольно собирали сходку и отъ взноса оброка продолжаютъ отказываться. Вслѣдствіе этого, собравъ немедленно старшинъ всѣхъ селеній Демидовской вотчины, Назыровъ предложилъ имъ, „для примѣра прочимъ“, внести каждому свой оброкъ, что́ и было ими тотчасъ же исполнено. Затѣмъ онъ распорядился вызвать изъ каждаго селенія отъ 5 до 7 „самыхъ крикливыхъ“ крестьянъ и при тѣхъ же старшинахъ старался убѣдить ихъ „въ необходимости взноса оброка“, но при всемъ своемъ стараніи не достигъ успѣха. Вызванные крестьяне наотрѣзъ отказались исполнить требованіе Назырова, ссылаясь на то, „что оброкъ слишкомъ тяжелъ, что они разорились и что съ нихъ берутъ больше, чѣмъ назначилъ губернаторъ“. Въ виду этого, Назыровъ приказалъ арестовать ихъ и оставилъ при вотчинной конторѣ до слѣдующаго дня.

На другой день, 4-го Января, вновь крестьянъ этихъ убѣждалъ Назыровъ, на этотъ разъ вмѣстѣ съ Макарьевскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства Бѣлавинымъ, и они, „послѣ нѣкотораго упорства“, наконецъ, согласились на взносъ оброка, почему и были распущены по домамъ.

Благодаря этимъ своевременно принятымъ мѣрамъ, для самихъ крестьянъ дѣло это кончилось благополучно. Но далеко неблагополучно окончилось оно для Янушевскаго. Губернаторъ приказалъ арестовать его и „отправить въ Макарьевскій Земскій Судъ для сдачи дѣлъ“. Впослѣдствіи (рапортомъ 14-го Января, № 11) какъ ни оправдывался Янушевскій, что онъ сдѣлалъ подстрекательство въ интересахъ (?) владѣльца, въ удостовѣреніе чего даже представилъ копію съ письма Демидова (отъ 12 Августа), въ которомъ послѣдній просилъ его защитить отъ описи имущества, хотя бы до Октября; ему, конечно не повѣрили, и Муравьевъ, на основаніи 1239 ст. III т. Св. зак. граж. о службѣ по опред. отъ правительства, распорядился уволить его въ отставку, находя, „при современномъ расположеніи умовъ владѣльческихъ крестьянъ“, „излишнимъ и неудобнымъ производить формальное изслѣдованіе о поступкахъ“ Янушевскаго [2]).

---

[1]) Сборъ оброка за 1-ю четверть 1861 г. Пертовскій назначилъ съ 1 Января по 10-е число того же мѣсяца.

[2]) Тамъ-же. Донесеніе Нижегород. военн. губернатора министру внутрен. дѣлъ отъ 17 Января 1861 г., № 659, листы 21—24.

Другой подобный же случай возмущенія крестьянъ имѣлъ мѣсто въ той же Нижегородской губерніи, въ сосѣднемъ Княгининскомъ уѣздѣ. По всему было видно, что волненіе Демидовскихъ крестьянъ нашло себѣ откликъ и въ ближайшихъ селеніяхъ другихъ помѣщиковъ. По крайней мѣрѣ, вскорѣ, послѣ перваго случая управляющій имѣніемъ т. с. Митусова жаловался приставу 1-го стана Княгининскаго уѣзда, что въ первыхъ числахъ Января крестьяне деревни Маріенталь стали отказываться возить господскій хлѣбъ въ село Лысково (Макарьевскаго уѣзда), требуя отпуска имъ сѣна и овса. Приставъ, удостовѣрившись, что повинность эта постоянно исполнялась въ имѣніяхъ Митусова и даже въ туже зиму крестьяне помѣщика этого села Бокалды и дер. Богохранимой (въ коихъ около 800 душъ), безъ всякаго отпуска овса, возили господскій хлѣбъ въ Лысково, нашелъ отзывъ крестьянъ д. Маріенталь (100 съ небольшимъ ревизскихъ душъ) „неуважительнымъ и требованіе отпуска овса неправильнымъ". Въ виду этого, по указанію управляющаго, онъ вызвалъ въ станъ главныхъ ослушниковъ и „сдѣлалъ имъ надлежащее увѣщаніе". Но это, должно быть, мало помогло дѣлу, такъ что надъ двоими изъ ослушниковъ пришлось „употребить мѣру наказанія", и тогда только крестьяне смирились, обѣщали немедленно приступить къ возкѣ хлѣба и были отпущены во свояси.

Между тѣмъ, 13-го числа того-же Января, управляющій сообщилъ Княгининскому земскому исправнику князю Голицыну, что, не смотря на данное становому приставу обѣщаніе, Маріентальскіе крестьяне попрежнему отказываются возить господскій хлѣбъ. Въ это время исправникъ находился на производствѣ слѣдствія въ с. Мурашкинѣ и поэтому въ тотъ же день послалъ въ Маріенталь становаго побудить крестьянъ къ исполненію своихъ обязанностей, въ случаѣ же ослушанія собрать ихъ на слѣдующее утро въ вотчинное правленіе села Бокалды, куда намѣревался пріѣхать и самъ кн. Голицынъ. Но крестьяне не только не послушались увѣщаній пристава, они даже не захотѣли собраться въ вотчинное правленіе, а самовольно ушли въ сосѣднее имѣніе къ уѣздному предводителю дворянства, должно быть, съ жалобой *).

Исправникъ, дождавшись, когда, эти крестьяне воротились обратно въ д. Маріенталь, 16-го числа, вызвавъ изъ селъ Рожествена и Вельдеманова понятыхъ, вмѣстѣ съ ними поѣхалъ въ Маріенталь, такъ какъ „крестьяне этой деревни вторично отказались сами явиться по его требованію въ вотчинную контору", т. е. въ с. Бокалду.

По пріѣздѣ туда кн. Голицынъ велѣлъ созвать сходъ и, когда крестьяне собрались, „сдѣлалъ всему міру строгій выговоръ за ихъ отказъ исполнить" его приказаніе и потомъ „старался убѣдить ихъ, что требованіе объ отпу-

---

*) Изъ рапорта кн. Голицына Нижегород. воен. губернатору отъ 14 Января 1861 г., № 8. (См. въ томъ же дѣлѣ).

скѣ имъ овса, помимо желанія помѣщика, незаконно и противно циркуляру губернатора отъ 24 Апрѣля 1860 г., за № 4339" [1]).

Крестьяне, наконецъ, согласились съ его доводами, но при этомъ заявили, что, не зная грамотѣ, они не могутъ сами прочитать циркуляръ этотъ и имъ хотѣлось бы лично слышать его содержаніе изъ устъ самого губернатора. Исправникъ охотно дозволилъ „міру" выбрать изъ своей среды двухъ „ходоковъ", которые бы могли для этой цѣли, съ письмомъ отъ кн. Голицына отправиться въ Нижній къ начальнику губерніи, но при томъ непремѣнномъ условіи, если крестьяне съ слѣдующаго дня начнутъ возить въ Лысково хлѣбъ. Мужички изъявили полное согласіе [2]).

Главными зачинщиками этого волненія, какъ потомъ оказалось, были крестьяне той-же деревни Гузнищевъ и Ѳоминъ. Они уговаривали также отказаться отъ возки хлѣба и другихъ крѣпостныхъ Митусова; деревни Богохранимой. Примѣру послѣднихъ потомъ послѣдовали и крестьяне села Бокалды и хотя не заявляли требованія объ отпускѣ имъ овса, но также пріостановили возку хлѣба.

Само собою разумѣется, кн. Голицынъ арестовалъ этихъ двухъ зачинщиковъ и препроводилъ подъ стражу въ Земскій Судъ. Но чѣмъ рѣшилась участь этихъ виновныхъ, изъ дальнѣйшей переписки не видно, какъ не видно и того, чѣмъ вообще кончилось это дѣло. Лишь въ предписаніи губернатора Княгининскому исправнику (18 Января за № 651) упоминается, что избранные деревней Маріенталь ходоки не являлись къ Муравьеву; при этомъ онъ писалъ кн. Голицыну: „не теряя времени, заставить крестьянъ г. Митусова тотчасъ же вести господскій хлѣбъ по назначенію, безъ всякихъ отговорокъ; при чемъ строго внушить имъ, что за неисполненіе сего они будутъ подвергнуты взысканію по всей строгости закона безъ малѣйшаго послабленія, „что̀ и поручаю вашему сіятельству надъ непослушными исполнить, если-бы кто изъ нихъ сталъ противиться, не дожидаясь отъ меня новаго предписанія".

Надо думать, что послѣ этого крестьяне уже не отваживались ослушаться приказаній исправника, ибо знали хорошо, что Александръ Николаевичъ Муравьевъ [3]) шутить не любилъ...

---

[1]) Что это за циркуляръ и въ чемъ онъ состоялъ, неизвѣстно, такъ какъ самаго циркуляра въ дѣлѣ не имѣется.

[2]) Изъ рапорта кн. Голицына губернатору 16 Января, № 16.

[3]) Управлялъ Нижегородской губерніей съ 17 Сентября 1856 г. по 4 Октября 1861 г. Въ архивѣ Нижегородской ученой архивной комиссіи есть стихи на него.

II.

Сумасшествіе отъ женитьбы.

Въ началѣ текущаго столѣтія въ своемъ имѣніи д. Осиновкѣ, Ардатовскаго уѣзда, жилъ помѣщикъ коллежскій ассесоръ князь Сергѣй Николаевичъ Шахаевъ. Велъ онъ жизнь тихую, и никто не замѣчалъ за нимъ „никакихъ художествъ". Но вдругъ, Богъ знаетъ отъ чего, съ нимъ приключилась „оказія", и онъ сталъ проявлять буйный характеръ, со всѣми признаками *„соотвѣтственно помѣшательству ума"* [1]).

Случилось это съ нимъ на другой годъ послѣ женитьбы. Стали носиться слухи про его „жестокое обращеніе съ людьми". Поэтому Ардатовскій уѣздный предводитель дворянства И. П. Мосоловъ, желая узнать о томъ, въ Іюлѣ 1827 года отправился къ нему въ имѣніе. Но князь „изъяснилъ" предводителю „собственный наединѣ отзывъ, что онъ нимало не дѣлаетъ никакихъ жестокостей людямъ своимъ и что слухи сіи произошли отъ людей, къ нему нерасположенныхъ". Между тѣмъ самъ предводитель изъ дальнѣйшихъ разговоровъ „нашелъ его въ помѣшательствѣ ума на пунктѣ токмо женитьбы". Князь говорилъ съ предводителемъ и другими, „бывшими тутъ благородными особами порядочно", „съ примѣтною только задумчивостію".

Хотя такимъ образомъ обвиненіе кн. Шахаева въ жестокомъ обращеніи съ крѣпостными ничѣмъ не подтвердилось, тѣмъ не менѣе замѣченное въ немъ „помѣшательство", „и особенно на пунктѣ самомъ *нѣжномъ*", наводило на мысль, что „въ минуты сіи онъ можетъ произвесть дѣйствіе жестокости, не отъ характера или сердца происходящія, но единственно по послѣдствію потемненнаго разсудка и отчужденія на время сіе здраваго смысла, которое легко можетъ возобновляться каждодневно, и въ послѣдствіи времени произвесть гибельное дѣйствіе какъ для него самого, такъ и въ особенности для подвластныхъ ему".

Въ виду этого губернскій предводитель дворянства, знаменитый царь Волги (le roi de Volga, какъ его звали), князь Георгій Александровичъ Грузинскій обо всемъ случившемся, 12-го Іюля 1827 года, сообщилъ Нижегородскому гражданскому губернатору Ивану Семеновичу Храповицкому [2]), прося послѣдняго, „подъ какимъ либо благовиднымъ предлогомъ" вызвать князя Шахаева *„въ Нижній Новгородъ"* и, „вникнувъ въ состояніе его, увидѣть, дѣйствительно-ль онъ подверженъ сему несчастію".

---

[1]) Дѣло канцеляріи Нижегород. гражд. губернатора 1827 г., № 160/178.

[2]) Пользуюсь случаемъ замѣтить допущенную г. Мельниковымъ въ „Памятной Книжкѣ Нижегор. губ." на 1895 г. ошибку на стр. 68, гдѣ онъ пишетъ, что „съ 1827 по 1828 г. (включительно)" Нижегородскимъ губернаторомъ былъ д. с. с. Кривцовъ. Это не вѣрно.

Губернаторъ, однако, не тотчасъ же согласился на предложенную мѣру и потребовалъ отъ князя Грузинскаго точнѣе выяснить обстоятельства дѣла. Новыя собранныя свѣдѣнія подтвердили вполнѣ первое извѣстіе съ нѣкоторыми еще новыми подробностями: князь „неоднократно“ говорилъ въ присутствіи нѣкоторыхъ дворянъ о своей женитьбѣ и при томъ „утверждалъ, что онъ не женатъ на Языковой, и что оная—не Языкова, а неизвѣстная ему воспитанница матери Языковой“, онъ „обманомъ только съ нею въ церкви обрученъ“, а „обвѣнчанъ былъ въ сіе жъ время на двухъ неизвѣстныхъ ему“, „каковую матерію повторялъ онъ нѣсколько разъ съ разными дополненіями“.

Не было уже никакого сомнѣнія, что Шахаевъ „обрѣтается“ не въ своемъ умѣ. И Храповицкій, получивъ эти свѣдѣнія, 8 Января 1828 г., донесъ „генералу отъ инфантеріи, Нижегородскому, Казанскому, Симбирскому, Саратовскому и Пензенскому генералъ-губернатору“ Алексѣю Николаевичу Бахметеву *), „всепокорнѣйше“ прося „въ разрѣшеніи онаго предписанія“; а въ тоже время, на основаніи высочайшаго манифеста 12 Мая и рескрипта, даннаго управляющему Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ въ 19 д. Іюня 1826 г., предложилъ губернскому предводителю дворянства „обще“ съ нѣкоторыми дворянами и уѣзднымъ стряпчимъ произвести надлежащее изслѣдованіе „положенію“ князя Шахаева и уговорить его прибыть въ Нижній-Новгородъ для медицинскаго освидѣтельствованія.

Все это въ точности было исполнено. Отъ генералъ-губернатора было получено разрѣшеніе на освидѣтельствованіе, самъ князь Шахаевъ далъ подписку непремѣнно пріѣхать въ Нижній: но вдругъ, не говоря никому онъ спокойно, 10 Марта, уѣхалъ въ Москву, оставивъ мѣстное начальство въ полномъ недоумѣніи.

Поѣздка эта, какъ потомъ сообщила жена его князю Грузинскому, была предпринята съ твердымъ намѣреніемъ лишить ее и „рожденнаго отъ него сына всякаго состоянія“ и „передать имѣніе посторониимъ лицамъ“.

Обстоятельства осложнялись. Чтобы не дать возможности князю Шахаеву привести въ исполненіе задуманное, Нижегородскій губернаторъ поспѣшилъ (24 Марта) адресоваться по этому поводу къ Московскому гражданскому губернатору съ требованіемъ, „по прибытіи князя Шахаева въ Москву, пригласить его въ Губернское Правленіе и учинить законное освидѣтельствованіе, или же выслать его въ Нижній-Новгородъ, а во время пребыванія въ Москвѣ имѣть за нимъ подъ рукою наблюденіе, дабы воспрепятствовать ему въ передачѣ имѣнія“ другимъ и тѣмъ отклонить „бѣдственную участь его семейству“.

---

*) На стр. 67 той-же „Памятн. Книжки“ г. Мельниковъ считаетъ его только *Нижегородскимъ* ген.-губернаторомъ. Но какъ видно изъ дѣла, онъ былъ генер.-губернаторомъ *пяти* Поволжскихъ губерній почти до устья р. Волги, такъ какъ въ то время Астраханская губернія частію входила въ составъ Саратовской, а Самарская въ составъ послѣдней и Симбирской губерній, затѣмъ Оренбургской.

Благодаря этимъ мѣрамъ, попытка князя Шахаева не удалась. Только что онъ прибылъ въ Москву, какъ уже 5-го Апрѣля былъ задержанъ и „съ квартальнымъ поручикомъ Московской полиціи Борзовскимъ“ препровожденъ въ Нижній, гдѣ и было „учинено ему законное освидѣтельствованіе“. Князь былъ признанъ окончательно помѣшаннымъ. Его отправили въ с. Осиновку, гдѣ Ардатовскому Нижнему Земскому Суду было предписано „взять его подъ надзоръ“ и „отстранить отъ владѣнія и распоряженія имѣніемъ“. Но князь всѣми мѣрами отстаивалъ свои права. Пріѣхавъ туда 13-го Августа, онъ не только сталъ предъявлять требованіе къ управленію имѣніемъ, но еще „намѣревался чинить крестьянамъ безвинно побои“.

Земскій Судъ (22 Августа) рапортовалъ о томъ губернатору, и послѣдній для лучшей удобности полицейскаго надзора распорядился перевести его въ Ардатовъ.

Князь Шахаевъ былъ помѣщенъ въ „Призрѣніе“, а надъ имуществомъ его назначена опека.

III.

Женино соизволеніе.

Случайно въ дѣлахъ Семеновскаго Уѣзднаго Суда за 1850 г. (№ 592—145) попался мнѣ документъ, въ которомъ ярко выразились взгляды не только простолюдиновъ нашихъ, но и нѣкоторой части сельскаго духовенства.

Съ уничтоженіемъ въ 30 и 40-хъ годахъ по Поволжью раскольническихъ скитовъ уменьшилось до нѣкоторой степени бродяжничество, предписанное старообрядческими уставами, но далеко не прекратилось совсѣмъ. Большинство старовѣровъ приняло благословенное священство лишь потому, чтобы такъ или иначе избавиться съ одной стороны отъ крѣпостнаго ига, а съ другой не обременять себя семейными узами, быть вольнымъ казакомъ и ни о чемъ не заботиться. Между тѣмъ, природа брала свое, и уходившіе въ обители потрудиться *„во вѣки вѣкомъ“*, особенно молодые постники, не разъ, съ благословенія строгаго монастырскаго владыки, уходили въ сосѣднія села и деревни „на бесѣды“, „попутить съ дѣвками“ и имѣли на сторонѣ своихъ любовницъ. Житье было привольное, какъ не позавидовать ему! Жены бросали мужей, мужья женъ и уходили въ обители не столько спасать душу, сколько ради легкаго житья. Муромскому мѣщанину Гаврилѣ Иванову Дѣеву, видимо, тоже понравилась жизнь монастырская; въ началѣ 1848 года онъ покинулъ свою жену и ушелъ сначала въ Высоковскую единовѣрческую обитель (Костромской губ.), но пробывъ тамъ только годъ, надумалъ почему-то перейти въ Семеновскій уѣздъ Нижегородской губерніи, въ только что устроенную въ 1849 году на р. Керженцѣ единовѣрческую общину, такъ называемую Новоблаговѣщенскую. И трудно сказать, чтобы человѣка 38 лѣтъ, полнаго силы и здоровья, понудило искреннее желаніе идти въ монастырь „спасать душу“. Тѣмъ не менѣе, отправляясь на богомолье, онъ заключилъ съ своей женой курьезный договоръ, написанный на гербовой бумагѣ пятнадцатикопеечнаго достоинства.

„1848 года, Февраля 6-го дня Владимирской губерніи города Мурома, мѣщанинъ Гаврила Ивановъ Дѣевъ и жена его Анна Иванова сдѣлали между собою добровольное условіе въ томъ, что я, жена, Анна Иванова отпустила мужа своего означеннаго мѣщанина Дѣева во всѣ губерніи и города Россіи для богомолья, и въ случаѣ ежели онъ возымѣетъ намѣреніе поступить въ монастырь и даже принять монашескій санъ, то я не только ему воспрещаю, но даже соизволяю всей своей душею и радуюсь такому благому намѣренію; пропитываться же буду сама собою и отъ него спрашивать ничего не буду, такъ какъ я его отпускаю по доброй своей волѣ“.

Замѣчательно, что условіе это подписано и засвидѣтельствовано всѣмъ причтомъ Муромской Николо-набережеской церкви. Однако Семеновскій Уѣздный Судъ, которому потомъ попался этотъ документъ, не призналъ его дѣйствительнымъ и даже противнымъ ст. 242, IX тома Свода Законовъ и привлекъ Дѣева къ уголовной отвѣтственности; но чѣмъ кончилось дѣло, изъ дальнѣйшей переписки не видно.

IV.

Достопамятный осетръ.

Въ Архивѣ Нижегородской ученой Архивной коммиссіи хранится дѣло канцеляріи Нижегородскаго губернатора, озаглавленное такъ: „*Объ осетрѣ*, пущенномъ въ р. Волгу въ 1863 году по волѣ блаженной памяти Государя Наслѣдника Цесаревича, великаго князя Николая Александровича, и пойманномъ 12 Октября 1865 г. около села Безводнаго крестьяниномъ Пѣтуховымъ“.

Какъ извѣстно, лѣтомъ 1863 года, путешествуя по Россіи, покойный Цесаревичъ Николай Александровичъ, между прочимъ, посѣтилъ и Нижній-Новгородъ. Мѣстное городское общество, желая почтить Его Высочество и ознаменовать чѣмъ нибудь время его пребыванія здѣсь, преподнесло ему *живого* осетра, которому Великій Князь собственноручно продѣлъ въ жабры двѣ серьги и приказалъ опять пустить въ Волгу.

Въ Апрѣлѣ 1865 года Цесаревичъ скончался, и какъ нарочно, по какому-то невѣдомому сочетанію, въ полугодовщину его кончины, случайно осетръ этотъ былъ пойманъ и представленъ Нижегородскому городскому головѣ Мичурину, а послѣдній, считая этотъ случай изъ ряда выходящимъ, поспѣшилъ донести (19-го Октября) Нижегородскому губернатору генералъ-лейтенанту Одинцову въ такихъ интересныхъ выраженіяхъ:

„При посѣщеніи въ 1863 году Нижняго-Новгорода блаженныя памяти Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича, городское общество поднесло Его Высочеству живого осетра болѣе двухъ пудовъ, и когда Государь Наслѣдникъ подходилъ къ этому осетру, онъ, какъ будто, обрадовавшись ему, встрепенулся, и Цесаревичъ, по свойственной своей добротѣ, не желая предавать его закаланію, изволилъ приказать сдѣлать двѣ серебряныя сережки съ означеніемъ на нихъ имени сво-

его и, лично самъ продѣвъ ихъ въ жабры осетра, пустилъ его въ Волгу съ тѣмъ, чтобы онъ всегда принадлежалъ Его Высочеству.

„Нынѣ явившись Нижегородской губерніи и уѣзда, села Безводнаго, временно-обязанный крестьянинъ князю Юсупову, Өедоръ Ивановъ Пѣтуховъ заявилъ, что онъ, занимаясь ловлею рыбы, утромъ 12 числа сего Октября, поймалъ осетра съ серебряною серьгою въ лѣвой жабрѣ, какъ полагаетъ, того самаго, который пущенъ былъ въ Волгу въ 1863 году Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ, почему представивъ осетра того, просилъ выдать вознагражденіе и довести до свѣдѣнія вашего превосходительства.

„Я, удовлетворивъ крестьянина Пѣтухова приличнымъ денежнымъ вознагражденіемъ изъ собственныхъ своихъ денегъ, вообще съ членами думы удостовѣрившись серьгою, имѣющеюся въ жабрѣ того осетра, на коей оказалась вырѣзана надпись: „Выпущенъ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ“, которую имѣю честь представить вашему превосходительству и присовокупить, что поимка помянутаго осетра 12 числа весьма знаменательна тѣмъ, что день былъ этотъ полугодіемъ со времени кончины Цесаревича Николая Александровича, даровавшаго свободу этому осетру, которому также съ надлежащими знаками полагали бы, по назначенію покойнаго Цесаревича, дать свободу и пустить въ Волгу, а для памяти настоящаго событія подвѣсить, вмѣсто потерянной серьги, новую, изобразивъ такъ: *„вновь пойманъ въ полугодіе кончины Его Императорскаго Высочества Цесаревича Николая Александровича 12 Октября 1865 года“*. На что имѣю честь испрашивать вашего превосходительства разрѣшенія. При чемъ не угодно ли будетъ вашему превосходительству заявить рыбопромышленникамъ чрезъ „Губернскія Вѣдомости“, что если этотъ осетръ вновь будетъ пойманъ, то, чтобы дать ему свободу, они представили бы его въ Городскую Думу, за что и будетъ также выдано приличное вознагражденіе. Городской голова Василій Мичуринъ“.

Губернаторъ далъ просимое разрѣшеніе на вырѣзку вышеозначенной надписи и также сдѣлалъ распоряженіе объ опубликованіи въ „Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ думскаго объявленія, донеся объ этомъ въ свою очередь министру внутреннихъ дѣлъ. Но ловился ли потомъ когда либо и кѣмъ нибудь этотъ осетръ вновь, изъ дальнѣйшей переписки не видно.

П. Юдинъ.

ВОСПОМИНАНІЕ О КНЯЗѢ А. А. СУВОРОВѢ-РЫМНИКСКОМЪ.

(Изъ письма къ издателю „Русскаго Архива“).

Вы просили меня записать то, что̀ я помню о князѣ Александрѣ Аркадьевичѣ Суворовѣ. Охотно исполняю ваше желаніе, хотя и могу разсказать о немъ лишь очень немного. Я зналъ его въ послѣдніе годы жизни и видалъ во время его короткихъ пріѣздовъ въ Москву, гдѣ онъ всегда останавливался на Лубянкѣ въ квартирѣ моихъ дядей Варгиныхъ, съ семействомъ которыхъ былъ связанъ полувѣковою дружбою.

Жилъ князь совсѣмъ не по городски, хотя бо̀льшую часть своей жизни провелъ въ Петербургѣ. Онъ вставалъ въ пять часовъ утра и начиналъ день тѣмъ, что писалъ воспоминанія или дневникъ, навѣрно сказать не умѣю. Эта рукопись, которую онъ всюду возилъ съ собою, разрослась въ полвѣка до огромныхъ размѣровъ. Не знаю въ точности, сохранилась ли она послѣ его смерти.

Достигнутая княземъ глубокая старость (онъ умеръ, если не ошибаюсь, 77 лѣтъ) оставила ему мало сверстниковъ. Въ Москвѣ, сколько мнѣ помнится, ровесникомъ и другомъ его былъ князь В. А. Долгоруковъ; а незадолго до кончины онъ встрѣтился со своимъ товарищемъ по воспитанію и соучастникомъ въ дѣлѣ декабристовъ, П. Н. Свистуновымъ. Свиданіе это происходило при мнѣ. Старики, не видавшись 55 лѣтъ, встрѣтились такъ, какъ будто разстались наканунѣ. Тутъ же разсказали они мнѣ и обстоятельства того послѣдняго ихъ свиданія. Суворова призвалъ къ себѣ Государь Николай Павловичъ и, не слушая того, что̀ молодой князь хотѣлъ говорить ему, сказалъ: «Внукъ Суворова не можетъ быть измѣнникомъ. Я не хочу тебя слушать—ступай!» Въ коридорѣ Суворовъ встрѣтился со Свистуновымъ и шепнулъ ему: «меня простилъ—авось проститъ и тебя».

Я былъ для князя съ одной стороны членомъ семьи его друзей—мальчикомъ, а подъ конецъ юношей, котораго онъ любилъ и ласкалъ, съ другой—юнымъ славянофиломъ, съ которымъ старикъ расходился въ большинствѣ основныхъ убѣжденій. Въ такихъ двойныхъ отношеніяхъ мы и находились съ нимъ всегда; и теперь, черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ его смерти, я не могу отдѣлаться отъ этой двойственности.

Наслушавшись разсказовъ о нерусскомъ направленіи его былой административной дѣятельности, я считалъ его орудіемъ враждебной Россіи партіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ его доброта и благородный, рыцарскій характеръ привлекали къ нему мое сердце. Я уже и тогда былъ убѣжденъ, что этотъ «гуманный внукъ воинственнаго дѣда», какъ назвалъ его Тютчевъ, платилъ дань вѣку и тому пагубному направленію, которое сбивало съ толку и несравненно болѣе сильныхъ умомъ Русскихъ людей. И мнѣ больно было смотрѣть на этого почтеннаго старика, который снисходительно улыбался на мои горячія молодыя рѣчи. Одинъ разъ однако голосъ сердца, природное Русское чутье и *Суворовская кровь* заговорили въ немъ и утвердили меня въ убѣжденіи, что онъ, подобно большинству своихъ сверстниковъ, былъ жертвою слѣпоты и заблужденія.

Вернувшись съ войны 1877—1878 гг., во время которой онъ по обыкновенію сопровождалъ Государя Александра Николаевича, Суворовъ въ началѣ осени пріѣхалъ въ Москву. Незадолго передъ тѣмъ И. С. Аксаковъ за свою рѣчь о Берлинскомъ конгрессѣ былъ высланъ въ деревню. Придя къ князю и узнавъ, что онъ не читалъ этой рѣчи, я тотчасъ сталъ читать ему ее. Съ первыхъ словъ обычное добродушно-насмѣшливое выраженіе лица его измѣнилось: лицо это становилось все болѣе и болѣе вдумчивымъ и грустнымъ. Подъ конецъ чтенія, слезы закапали изъ глазъ его; а когда я кончилъ, онъ взялъ меня за руку и упавшимъ голосомъ сказалъ: «Вы понимаете, какъ тяжело мнѣ слушать все это; но *скажите Аксакову, что я своею кровью готовъ подписать каждое слово, которое онъ здѣсь сказалъ*».

Я помню, что Иванъ Сергѣевичъ былъ глубоко тронутъ, когда я передалъ ему это. Черезъ три года князя не стало.

Почти двадцать лѣтъ прошло со времени этого разговора, и я рѣшаюсь разсказать о немъ печатно, надѣясь, что эти немногія слова прибавятъ лишнюю свѣтлую черту къ образу хотя и слабаго, но добраго и прямодушнаго человѣка.

Валерій Лясковскій.

Мартъ 1897.

СТИХОТВОРЕНІЕ К. С. АКСАКОВА.

„1-ое Мая.

А. С. Хомякову.

Мы всѣ живемъ, всѣмъ жизнь дана судьбою,
И дни бѣгутъ обычной чередою,
И молодость привѣтно настаетъ:
Коварная насъ манитъ и влечетъ
Всѣмъ временнымъ блаженствомъ наслажденій,
Всей яркостью пестрѣющихъ цвѣтовъ,
Всѣмъ трепетомъ минутныхъ упоеній.
Бѣгутъ за ней, прося ея даровъ,
И счастливы, кому она ихъ броситъ;
Минута—ихъ; конца не видно имъ!
Но все пройти должно путемъ своимъ.
Чтò временно, то время и уноситъ.
Опомнимся, а молодость прошла,
И сколько жизни вмѣстѣ унесла!

—

Но вы, свершая путь, не таковы.
Не временныхъ искали упоеній;
Другихъ надеждъ, высокихъ наслажденій,
Не гибнущихъ, исполнилися вы.
Роскошенъ свѣтъ, прелестный и лукавый,
Могущественъ соблазна древній гласъ;
Но молодость не обольстила васъ,
И передъ жизнію вы правы.
Благое дѣло вами свершено.
Не даромъ юныхъ дней была утрата,
И чтò у молодости взято,
То жизни самой отдано.
Отъ настоящаго, хоть мчится быстротечно,
Васъ время не умчитъ въ стремленіи своемъ,
И голосъ современный вѣчно
Вамъ будетъ внятенъ и знакóмъ.

И потому не страшно вамъ теченье,
Не страшенъ бѣгъ часовъ, и дней, и лѣтъ;
Пусть онъ другимъ приноситъ разрушенье,
Но жизни въ немъ вамъ слышится привѣтъ.
Понятно вамъ, что молодое племя
Волнуется, съ надеждой вдаль глядитъ;
Понятно вамъ, что̀ нынѣшнее время
Въ груди своей невидимо таитъ;
И ласково вы руку подаете,
Не снисходя, не уступая намъ:
Вы сами той же жизнію живете,
И наше время также близко вамъ.

—

И потому всегда съ улыбкой ясной
(Богъ дастъ!) встрѣчайте вашъ рожденья день;
Пусть долго, долго всходитъ онъ прекрасно,
И никогда невольной грусти тѣнь,
Рожденья день, на васъ онъ не наброситъ;
По всѣмъ правамъ, да вѣчно день такой
Вамъ чувство жизни новое приноситъ
И силы новыя съ собой!

Москва. 1842 года".

Это стихотвореніе 24-лѣтняго Константина Сергѣевича Аксакова печатается здѣсь съ своеручнаго подлинника, сохранившагося въ бумагахъ А. С. Хомякова и любезно сообщеннаго намъ его сыномъ Дмитріемъ Алексѣевичемъ. Вспомнимъ другія два посланія къ Алексѣю Степановичу на этотъ же день, уже извѣстныя въ печати (Н. М. Языкова и Н. Ф. Павлова): въ нихъ подлинныя черты его нравственнаго образа, который, чѣмъ дальше идетъ время, тѣмъ ярче свѣтлѣетъ и выше становится въ благодарной памяти потомства. П. Б.

УСАДЬБА XVII ВѢКА.

Въ Архивѣ Петербургскаго Артиллерійскаго Музея, въ числѣ старыхъ, забытыхъ дѣлъ находится опись Ченцовскаго чугунно-плавильнаго завода, произведенная въ 1690 году подъячимъ Пушкарскаго Приказа Сѣвергинымъ. Въ этой описи просто и наглядно рисуется обстановка поселившагося въ Тульской глуши иноземца. Приводимъ изъ нея нижеслѣдующее.

«Ченцовскій заводъ построенъ на той же рѣчкѣ Скнигѣ [1]), и на томъ заводѣ дворъ иноземца Хрестьяна Петрова сына Марселиса [2]), длиною 48, поперекъ 40 саженъ, огороженъ заборомъ, ворота створчатые о трехъ щитахъ, покрыты тесомъ. Взошедъ на дворъ на правой сторонѣ воротная изба 4 саженъ съ сѣньми, въ ней живетъ дворникъ Соломенской волости крестьянинъ Кузенка Остафьевъ, изъ найму; ему даютъ по 10 рублевъ въ годъ; у него сынъ Авакумко 4 лѣтъ.

Подлѣ той избы два сарая, длиною оба анбара 7 саженъ, поперекъ 4-хъ саженъ, въ нихъ ставятъ кареты и сани. Подлѣ сараевъ конюшня длиною 10, поперекъ 6 саженъ, въ ней 22 стойла; на конюшнѣ сушило, передъ сушиломъ всходъ съ перилами, на всходѣ 2 чулана, противъ конюшни лошадиной станъ, гдѣ лошадей подковываютъ. Подлѣ конюшни скотской дворъ, на немъ 2 анбара, одинъ длиною 15, поперекъ 6 саженъ, другой длиною 6-ти саженъ, поперекъ тожъ; вышиною анбары по 17 вѣнцовъ.

Подлѣ тѣхъ анбаровъ поварня, длиною 12, поперекъ 6 саженъ, въ ней очагъ кирпишной, въ очагѣ котелъ желѣзной дощатой, 2 чана.

Подлѣ поварни изба 3-хъ саженъ съ сѣньми, въ ней живетъ вдова иноземка Яковлевская жена, Анна Антонова дочь, у нея сынъ Родька 18 лѣтъ въ работникахъ на Тульскомъ заводѣ. Подлѣ той избы изба жъ съ сѣньми пустая 4 саженъ.

По лѣвую сторону воротъ двѣ избы, межъ ими сѣни 6 саженъ, въ нихъ живетъ иноземецъ Гансъ Ивановъ сынъ Ѳрислъ, пишетъ

---

[1]) Рѣчка Скнига составляетъ притокъ рѣки Оки въ Каширскомъ уѣздѣ.

[2]) Христіанъ Петровичъ Марселисъ, потомокъ одного изъ первыхъ желѣзныхъ заводчиковъ въ Россіи. По смерти его въ 1690 Ченцовскій заводъ, въ числѣ прочихъ, лежавшихъ по близости, былъ пожалованъ бояриту Льву Кириловичу Нарышкину.

пріемъ уголью и руды и бываетъ въ досмотрѣ за угольными мастерами и за работниками; жалованья ему 30 рублевъ на годъ да хлѣба 5 чети ржи и овса, да лошади его сѣна и овса.

Подлѣ тѣхъ избъ ледникъ дубовой съ напогребницею 4-хъ сажень.

Подлѣ тѣхъ же избъ и ледника двѣ свѣтлицы безъ сѣней, въ нихъ живетъ иноземецъ замочного дѣла мастеръ Тимоѳей Даниловъ сынъ Михельсъ, жалованья ему 35 рублевъ.

Противъ тѣхъ свѣтлицъ кузница, да угольникъ, длинною 5, поперекъ 3 сажени; въ кузницѣ горнъ кирпишной съ трубою; стулъ дубовой, полу 2 аршина, ширпною въ 3 чети аршина, въ немъ наковальня.

Подлѣ тѣхъ свѣтлицъ ледникъ длиною 5, поперекъ 4-хъ сажень; надъ ними анбаръ длиною 12, поперекъ 4-хъ сажень, рубленъ въ 4-хъ-саженномъ лѣсу вверхъ на 11 вѣнцахъ и перегороженъ на трое, и сдѣланы для запасу закромы.

А въ тѣхъ вышеписанныхъ избахъ и анбарахъ и въ конюшнѣ лѣсъ сосновый въ отрубѣ въ 5 и 6 вершковъ, покрыты дранью.

*

Посередъ двора хоромы. Взошедъ на крыльцо и въ сѣни на лѣвой сторонѣ 3 свѣтлицы поземныя. Одна длиною 6, поперекъ 4-хъ сажень, въ ней 7 оконъ, да столъ дубовый. Другая свѣтлица 4-хъ сажень, въ ней 4 окна, на лѣвой сторонѣ у дверей дощатой чуланъ.

Третья свѣтлица длиною одни стѣны 3-хъ, другія 4-хъ сажень; въ ней 5 оконъ, кровать дощатая. Подлѣ той свѣтлицы съ правой стороны свѣтлица-жъ 3-хъ сажень, въ ней 3 окна. Противъ ся сѣни дву сажень.

По сторонъ большой и средней свѣтлицъ двѣ свѣтлицы жъ 3-хъ сажень, сдѣланъ водной очагъ съ трубою кирпичной; въ другой свѣтлицѣ печь кирпичная жъ, а въ тѣхъ двухъ свѣтлицахъ шкафы и полки да кроватъ дощатые.

По правую сторону сѣней двѣ свѣтлицы поземныя жъ, 4-хъ саженныя; въ первой 5 оконъ да столъ сосновой, въ другой свѣтлицѣ 5-же оконъ.

Межъ свѣтлицами сѣни длиною 6, поперекъ 5-ти сажень, въ сѣняхъ кровать да столъ дубовой, въ чемъ платье лощать.

Позадь сѣней изба 3-хъ сажень съ сѣнми, сѣни двухъ сажень; въ избѣ очагъ кирпишной съ трубою.

Изъ нижнихъ сѣней всходъ въ среднія сѣни круглой съ перилами рѣшетчатыми, росписанъ красками. Взошедъ въ середнія сѣни на правой сторонѣ надъ крыльцомъ гульбищо [1]), длиною 6, поперекъ 2 сажени. Сѣни длиною и поперекъ противъ нижнихъ сѣней; по лѣвую сторону надъ свѣтлицами чердакъ дощатый, забранъ въ косякъ и перегороженъ на двое.

По праву сторону сѣней надъ двумя свѣтлицами двѣжъ свѣтлицы, одна длиною 5-ти, поперекъ 4-хъ саженъ; въ ней 6 оконъ, столъ дубовой да кроватъ столярнаго дѣла; другая свѣтлица длиною одни стѣны 4-хъ, другія 3-хъ саженъ, въ ней 5 оконъ, столъ сосновой, обитъ кожею.

Изъ середнихъ сѣней и изъ чердака ходятъ по томужъ всходу въ верхній чердакъ и въ сѣни верхнія таковыжъ что̀ и нижнія. Изъ сѣней на правой сторонѣ двѣ свѣтлицы, одна 4-хъ саженная, другая— одни стѣны трехъ, другія 4-хъ саженъ, въ нихъ 11 оконъ.

Изъ сѣней же на лѣвой сторонѣ надъ чердакомъ въ слухахъ намощено досками и сдѣлано гульбищо. Въ тѣхъ вышеписанныхъ свѣтлицахъ печи ценинныя.

Всего свѣтлицъ нижнихъ и среднихъ и верхнихъ 12 житей, да поваренная изба; покрыты всѣ тесомъ, шатромъ.

Лѣсъ въ тѣхъ свѣтлицахъ и въ сѣняхъ красной сосновой въ отрубѣ въ 7 и 8 вершковъ; подволоки въ нихъ и полу дощатые, лавки съ опушками. Въ тѣхъ же свѣтлицахъ окончины въ окнахъ стекляныя Нѣмецкой работы и рѣшетки желѣзныя съ кольцами.

Позади тѣхъ хоромъ на лѣвой сторонѣ баня съ передбанникомъ бѣлая, длиною 3-хъ саженные; въ банѣ печь кирпишная, 2 полка дощатые, на стѣнѣ окно красное; въ передбанникѣ кроватъ дощатая; въ передбанникѣ-жъ очагъ кирпишной съ трубою, въ банѣ и въ передбанникѣ полы и потолки и лавки дощатые.

Подъ тѣми вышеписанными хоромами два погреба 3-хъ саженные, одинъ погребъ съ выходомъ, а въ другой ходятъ изъ большой свѣтлицы; около хоромъ балясы.

*

Противъ хоромъ на правой сторонѣ у стороннихъ воротъ подлѣ саду поставлена Нѣмецкая кирха о шти [2]) стѣнахъ, лѣсъ сосновой, длиною стѣны 4-хъ саженъ, съ нихъ подрублено 5 вѣнцовъ дубовыхъ. Вышиною та кирха отъ земли до кровли на 24-хъ вѣнцахъ, лѣсъ въ

---

[1]) Голубятня.

[2]) О шести.

отрубѣ въ 5 и въ 6 вершковъ, на ней 8 оконъ, въ нихъ окончины стеклянныя. Въ кирхѣ сдѣлано мѣсто пастору вмѣсто амвона, на правой сторонѣ въ углу сдѣланъ кансыль столярнаго дѣла и обитъ сукномъ темнозеленымъ съ бахрамою, всходъ къ нему съ амвона, на немъ служитъ пасторъ. Надъ тѣмъ кансылемъ вверху кругъ столярнаго жъ дѣла, посреди его яблоко прорѣзное и утверждено въ него желѣзное веретено; кругомъ того круга подзоръ рѣзной, на подзорѣ 8 яблокъ точеныхъ деревянныхъ. Надъ дверями хоры съ перилами жъ и лѣсница на хоры съ перилами жъ; печь круглая ценинная; у дверей замокъ нутряной Нѣмецкой работы большой, петли на чѣмъ дверь ходитъ Нѣмецкаго-жъ дѣла прорѣзныя. Передъ кирхою сѣни длиною одни стѣны 4, другія 3-хъ сажень, забраны досками въ косякъ, у сѣней крыльцо, на крыльцѣ 4 столба дубовые рѣзные лощатые. И та кирха покрыта тесомъ шатромъ шестероугольнымъ, и на шатрѣ 6 слуховъ; сѣни покрыты тесомъ шатромъ же, крыльцо покрыто тесомъ же въ шатеръ о четырехъ углахъ; а что́ какой въ той кирхѣ утвари и сосудовъ, и то строеніе иноземческое мірское, а не Хрестьяна Марселиса, и бываетъ та утварь у пасторовъ, а когда пасторовъ нѣтъ, и та-де утварь бываетъ у выборныхъ церковныхъ ихъ старостъ.

*

По сторонь хоромъ и позади ледника и мастерскихъ избъ, огорожено саду заборомъ длиною 34, поперекъ 28 сажень, кругомъ саду въ заборѣ 45 пряселъ; въ томъ саду 120 яблоней, на которыхъ въ прошломъ году плодъ былъ, да межъ тѣми яблонями 1000 прививковъ и лѣсныхъ яблоней года по 2, по 3 и больше.

*

Позади хоромъ отъ того саду огорожена роща; въ одномъ концѣ поперечнику 110 сажень, на тѣхъ саженяхъ 45 пряселъ забору длиною по 3 и по полъ 3 сажени звѣно, длиною черезъ врагъ *) 191 сажень, на тѣхъ саженяхъ 71 прясло забору, въ другомъ концѣ поперечнику 112 сажень, на тѣхъ саженяхъ 47 пряселъ забору. Всего огорожено рощи длиною и поперекъ 413 сажени, 163 звѣна забору. Посередъ той рощи врагъ глубиною полу 3 сажени, шириною 6 и 7 сажень. Влѣвую сторону въ тотъ же врагъ впалъ отвершокъ, а въ рощѣ деревья большія, дубъ, вязъ, березникъ, осинникъ. На томъ врагѣ сдѣлано 3 пруда съ плотинами; верхняя плотина черезъ врагъ длиною 17, шириною 4 сажени, вверхъ двѣ сажени, другая плотина черезъ врагъ

*) Оврагъ.

же длиною 14, шириною 3, вверхъ полъ 3 сажени; третья плотина черезъ врагъ длиною 15, шириною 4, вверхъ 3 сажени; а тѣ плотины окладены дерномъ и насыпано землею и для вешней воды сдѣланы водоспускныя трубы.

Отъ рощи подлѣ врагу и прудовъ, по лѣвую сторону къ мастерскимъ дворамъ, огорожено саду длиною 103, поперекъ 37 сажень, въ немъ 500 яблоней почешныхъ, лѣтъ по 5 и по 10 и по 15-ти, и въ прошломъ году были съ плодомъ. Подлѣ того саду на врагѣ житница 3-хъ саженная, покрыта драныо, въ ней 4 сусѣка.

Въ той же рощѣ по правую сторону прудовъ противъ хоромъ построенъ садъ и огороженъ балясами, длиною 77, поперекъ 60 сажень, балясъ 115 пряселъ, и перегороженъ тотъ садъ въ 9 четвертей, и кругъ ихъ столбы и къ столбамъ прибиты тѣсницы и тѣ столбы и тѣсницы выкрашены красками, и межъ столбовъ и тѣсницъ насажено смородины красной и бѣлой и черной и барбарису, а во всякой четверти по 40 и по 45 и по 50 яблоней; всего по счету въ 9 четвертяхъ 465 яблоней. Посередъ того саду сдѣлана палатка на 6 столбахъ каменныхъ, и на столбахъ сведенъ сводъ, а сверхъ своду сдѣланы 4 каменныя стѣнки, вышиною по полъ 2 аршина, и на стѣнкахъ по угламъ 4 столба каменные жъ, вышиною по полъ 2 аршина, и на тѣхъ столбахъ врублено 4 вѣнца сосновыхъ бревенъ и накаченъ потолокъ брусяной; въ тоѣ палатку двои двери, 16 оконъ; окна и двери косяцатыя, брусяныя, къ нимъ 16 окончинъ стеклянныхъ, стѣны и колоды выписаны аспидомъ; покрыта та палатка въ два теса съ скалою шатромъ, на шатрѣ 4 слуха; около палатки ходъ съ перилами отъ стѣнъ по полъ 2 аршина, съ земли на всходъ двѣ лѣсницы, одна о шести, другая о восьми ступеняхъ.

*

По сторонѣ двора на правой сторонѣ огороженъ гуменникъ плетнемъ длиною 29, поперекъ 13 сажень, да мякинница полу три сажени.

По лѣвую сторону двора подлѣ саду и прудовъ построены мастеровыхъ людей дворы.

Сообщилъ **Д. Н. Сеславинъ**.

ИЗЪ СЕМЕЙНАГО АРХИВА Н. Ѳ. ИВАНОВА *).

1740—1741.

Инструкція секретная, данная по Ея Императорскаго Величества указу изъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ полковнику господину Луцевину.

Понеже обрѣтающійся здѣсь при дворѣ Ея Императорскаго Величества Персидскій посолъ мирза Кафи-Хулеѳа (съ которымъ вы отсюды до Астрахани посылаетеся дорожнымъ приставомъ) подалъ здѣсь прошеніе

1. Чтобъ въ покупкѣ ему и свитѣ его лошадей трехъ сотъ, верблюдовъ ста шестидесяти ни отъ кого никакого запрещенія не было, и по требованію того Персидскаго посла о покупкѣ ему въ Астрахани и въ другихъ мѣстахъ лошадей до трехъ сотъ и верблюдовъ до ста шестидесяти и о пропускѣ оныхъ въ Персію позволеніе дать велѣно, и о томъ изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ въ Астрахани данъ ему послу на руки указъ, а вамъ съ того при семъ сообщается копія.

2. Онъ же посолъ просилъ о покупкѣ въ Астрахани Калмыкъ малолѣтныхъ мужеска и женска полу. По семъ ему послу объявлено на словахъ, что покупка изъ Калмыцкой націи, такожъ и другихъ подданныхъ Россійскихъ людей всякимъ иноземцамъ и пропускъ оньмъ за границу, по указамъ Ея Императорскаго Величества, на-крѣпко запрещены, и для того ему послу на сіе позволеніе и указовъ дать весьма невозможно; но при томъ ему послу разговоромъ дано знать, что ежели онъ посолъ найдетъ въ Астрахани подъ рукою продажныхъ у кого изъ Калмыцкой націи людей некрещеныхъ добровольно, то онъ можетъ оныхъ купить безъ разглашенія, однако не болѣе пятнадцати человѣкъ, въ чемъ ему послу, когда онъ въ томъ добровольнымъ и скрытнымъ образомъ и безъ обиды продавцамъ поступитъ, препятствія учинено не будетъ; а вамъ полковнику дается знать о семъ во извѣ-

*) Генералъ-лейтенантъ Николай Ѳеодоровичъ Ивановъ любезно сообщилъ намъ нижеслѣдующія бумаги, сохранившіяся у него отъ его предка полковника (позднѣе генералъ-маіора и Перновскаго коменданта) **Ѳеодора Артемьевича Луцевина. П. Б.**

стіе, что́ содержать вамъ въ секретѣ и никому постороннимъ не объявлять. А послу, ежели онъ когда спроситъ, сказать, чтобы онъ изволилъ въ томъ поступить, какъ ему на словахъ объявлено. И когда онъ посолъ будетъ вышеписаннымъ способомъ некрещеныхъ Калмыкъ покупать и никакихъ въ томъ отъ продавцовъ жалобъ происходить не будетъ, и вамъ на то скрытно межъ перстовъ смотрѣть, яко бы вы о томъ не знали; однако крѣпкое предостереженіе тайно имѣть и прилежно престерегать, дабы онъ посолъ Калмыковъ болѣе пятнадцати человѣкъ не купилъ, а паче у кого насильно или крещеныхъ не побралъ и чрезъ людей своихъ не скрадывалъ. И которыхъ онъ посолъ добровольно и безъ разглашенія купитъ, о тѣхъ вамъ Астраханскому командиру секретно объявить, чтобы оныхъ при немъ послѣ въ Персію пропустить. И сію секретную инструкцію оному Астраханскому командиру для исполненія сего отдать.

3. Онъ же посолъ Хулеѳа представлялъ, что ему съ ѣдущимъ къ высокому Ея Императорскаго Величества двору отъ его шахова величества вновь посломъ сердаремъ ханомъ, въ пути, гдѣ увидится, и когда о томъ ѣдучемъ сюда новомъ послѣ извѣстіе вамъ будетъ и гдѣ съ нимъ посолъ Хулеѳа видѣться пожелаетъ, и вамъ отписаться о семъ къ генералъ-маіору и маіору гвардіи Степану Апраксину, который съ тѣмъ новымъ посломъ отъ Астрахани ѣдетъ и, получа отъ него отвѣтъ, съ нимъ Хулеѳою туда ѣхать и остановиться въ какомъ городѣ или въ знатномъ мѣстѣ, гдѣ можно имъ обоимъ посламъ удобныя и нетѣсныя квартиры имѣть. Протчее полагается на ваше извѣстное искусство и чинить вамъ все какъ доброму офицеру, усматривая, что́ къ высокой чести Ея Императорскаго Величества и къ пользѣ интересу надлежи́тъ. Данъ въ Санктъ-Петербургѣ Августа 20 дня 1740 года.

Подлинный подписанъ тако: Г. Х. В. фонъ-Минихъ. Петръ Курбатовъ. Регистраторъ Иванъ Юрьевъ.

*

Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской, изъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ генералу кригсъ-комиссару и Астраханской губерніи губернатору господину князю Голицыну.

Бывшій здѣсь при дворѣ Ея Императорскаго Величества Персицкой посолъ Хулеѳа-Мирза-Каѳи, при отъѣздѣ своемъ отсюда, письменнымъ представленіемъ просилъ, дабы ему послу въ пути, пріѣзжая къ Астрахани и отъ Астрахани до Кизлярской крѣпости, покупать лошадей до трехъ сотъ, да верблюдовъ до ста до шестидесяти, и въ той покупкѣ лошадей и верблюдовъ никому нигдѣ запрещенія не чинить и

о семъ, что ѣдучи до Астрахани, гдѣ онъ посолъ купитъ, приказано дорожному его приставу, чтобъ ему въ томъ запрещенія не было.

А вы имѣете, по прибытіи онаго Персидскаго посла въ Астрахань, такожде по желанію его посла въ Астрахани и въ пути отъ Астрахани до Кизляру, въ другихъ мѣстахъ въ покупкѣ толикаго числа лошадей и верблюдовъ позволеніе дать и запрещенія отнюдь не чинить и оныхъ лошадей и верблюдовъ въ Персію съ нимъ посломъ пропустить. Данъ въ Санктъ-Петербургѣ Августа 20 дня 1740 году.

Подлинной указъ подписанъ тако: Х. В. фонъ-Минихъ. Петръ Курбатовъ. Регистраторъ Иванъ Юрьевъ.

*

Г. Луцевину.

Высокоблагородный и высокопочтенный господинъ полковникъ.

Какъ уповательно, что вашему высокоблагородію небезъизвѣстно, что обрѣтающійся при послѣ Хулеөѣ мирза - Калбъ-Али нѣкоторую особливую къ высокой сторонѣ Россійской склонность имѣетъ, какъ и нынѣ въ прибытіе его въ Танбовъ нѣкоторыя знатныя извѣстія сообщилъ, да и впредь по обѣщанію его уповаемо, что чрезъ него нѣкоторые полезные успѣхи къ высочайшимъ Его Императорскаго Величества интересамъ произойти могутъ, къ чему обѣщалъ склонять обрѣтающагося при слѣдующемъ нынѣ ко двору Его Императорскаго Величества послѣ Мугаметъ-Усеинъ-Хана одного чиновнаго изъ свиты его человѣка Усеинъ-Хана, да и самъ намѣренъ по слученіи съ помянутымъ посломъ стараться, чтобъ обратно ѣхать при немъ въ Россію того ради имѣете вы, будучи въ пути, поступать съ нимъ съ отмѣнною ласкою, также какъ въ квартирахъ, такъ въ подводахъ и въ прочемъ потребномъ къ его удовольствію предъ другими съ отмѣною; токмо бы оное происходило весьма секретно. При семъ же сообщается вамъ письмо къ тайному совѣтнику и Астраханскому губернатору князю Михаилу Михаиловичу Голицыну, да ордеръ къ полковнику и Царицинскому коменданту Кольцову для того, ежели встрѣтится съ вами посолъ Мугаметъ-Усеинъ-Ханъ въ Царицынѣ и помянутый мирза Калбъ-Али будетъ съ нимъ Мугаметъ-Усеинъ-ханомъ въ Россію возвращаться, и то уже дѣйствительно утвердится: то приложенный при семъ ордеръ коменданту Кольцову надлежитъ отдать, по которому имѣете отъ него принять денегъ пять сотъ рублевъ и тѣ деньги оному мирзѣ Калбъ-Али при возвращеніи назадъ въ Россію въ презентъ секретно отдать и просить у него объ роспискѣ. Буде же онъ мирза Калбъ-Али назадъ въ Россію возвращаться не будетъ, а будетъ отъ васъ требо-

вать денегъ для презенту упоминаемому въ свитѣ новаго посла чиновнику человѣку Усень-хану, то вамъ требовать у него, чтобъ вы сами къ тому Усень-хану представлены были, при чемъ можете, взявъ отъ коменданта Кольцова по силѣ того же ордера, подарить ему Усень-хану двѣстѣ рублевъ. Буде же онаго посла застанете вы въ Астрахани, то какъ въ поданіи письма губернатору, такъ и въ протчемъ во всемъ поступать противъ вышеписаннаго жъ, токмо коменданту Кольцову ордера уже отдавать не надлежитъ, и что́ по тому учинится, о томъ меня чрезъ нарочнаго курьера немедленно и обстоятельно репортовать, также и господамъ полковникамъ Тевкелеву и Фролову - Багрееву дать знать. Буде же онъ мирза Калбъ-Алій пожелаетъ отъ себя ко обрѣтающемуся при здѣшнемъ посольствѣ господину полковнику Тевкелеву писать, то давать курьеровъ, выбирая изъ обрѣтающихся при васъ унтеръ-офицеровъ или требуя отъ стоящихъ въ Царицынѣ полковъ самыхъ надежныхъ и добраго состоянія людей, которые бы могли только великой важности письма съ надлежащимъ секретомъ въ цѣлости довезть, и прогоны онымъ курьеромъ давать изъ имѣющихся у васъ казенныхъ денегъ и сей ордеръ содержать вамъ въ вышнемъ секретѣ.

Вашего высокоблагородія охотный слуга Степанъ Апраксинъ.

Генваря 24-го дня, 1741 году.
Танбовъ.

*

Г. Луцевину.

Высокоблагородный и высокопочтенный господинъ полковникъ.

Въ поданномъ мнѣ доношеніи отъ обрѣтающагося при Персицкомъ послѣ Хулсеѣ толмача Батырша-Мурзы-Ибраима написано: въ бытность-де его при томъ посольствѣ отъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ получалъ онъ на мѣсяцъ по.... *) рубли, которыхъ ему при отъѣздѣ онаго посла изъ Санктъ-Питербурха и выдано было Декабря по 1 прошлаго 1740 года. За неполученіемъ тѣхъ кормовыхъ денегъ на прошедшій Декабрь и на сей Генварь мѣсяцы въ пропитаніи и протчемъ претерпѣваетъ онъ немалую нужду и про(*ситъ*), чтобъ на показанные мѣсяцы кормовыя деньги ему выдать. А понеже означенный толмачъ при томъ посольствѣ(*для*) переводу иногда употребляемъ бываетъ и въ важнѣйшихъ секретныхъ дѣлахъ, и потому не безъ опасности, чтобы за непроизвожденіемъ ему кормовыхъ денегъ отъ недостатка въ пропитаніи и въ протчемъ иногда либо не отважился чрезъ извѣстное

---

*) Весь правый край листа оборванъ.

ему о чемъ учинить въ противность высочайшаго Его Императорскаго Величества интереса; того ради изволите, ваше высокоблагородіе, оному толмачу какъ на прошедшій Декабрь и на сей Генварь выдать и впредъ на будущіе мѣсяцы до прибытія того посольства въ Астрахань по означенному числу на каждый мѣсяцъ по три рубли въ дачу производить изъ имѣющейся у васъ суммы, записывая въ расходъ съ росписками по указу.

Вашего высокоблагородія охотный слуга Степанъ Апраксинъ.

Генваря 24 дня 1741 года.
Танбовъ.

*

Г. Луцевину.

Высокоблагородный и высокопочтенный господинъ полковникъ.

Понеже по имянному Его Императорскаго Величества указу изъ высочайшаго кабинета за подписаніемъ господъ кабинетъ-министровъ повелѣно обрѣтающемуся при бывшемъ Персицкомъ послѣ Хулеѳѣ одному знатному свиты его человѣку мирзѣ Калбъ-Алію за оказанныя въ бытность его при ономъ посольствѣ къ высочайшей Россійской сторонѣ нѣкоторыя знатныя услуги и доброжелательства, какъ и нынѣ онъ тѣхъ оказывать не оставилъ, да и впредъ, будучи въ Персіи, къ пользѣ высочайшихъ Его Императорскаго Величества интересовъ усердныя услуги оказывать обѣщался, дать пристойное награжденіе (которому мною здѣсь въ число онаго всемилостивѣйшаго награжденія двѣстѣ рублевъ и выдано). А какъ ваше высокоблагородіе съ посломъ Хулеѳою имѣете прибыть въ Астрахань, то изволите взять отъ Астраханской Губернской Канцеляріи двѣстѣ жъ рублевъ и отдать оные помянутому жъ мирзѣ Калбъ-Алію. А о выдачѣ вамъ тѣхъ денегъ къ Астраханскому губернатору князю Голицыну при семъ отъ меня прилагается письмо. Будучи жъ въ пути, изволите поступать съ нимъ мирзою Калбъ-Аліемъ съ отмѣнною лаской, такъ же какъ въ квартирахъ и въ подводахъ, такъ и въ протчемъ потребномъ къ его удовольствію предъ другими съ отмѣною. Токмо бы оное происходило весьма скрытно, дабы онъ по какимъ отъ свиты посольской признаніямъ не могъ въ томъ пострадать. Чего ради и обрѣтающимся при васъ, ежели кому отъ васъ оное открыто, о наикрѣпчайшемъ того храненіи жесточайше подтвердить. Какія же отъ него мирзы Калбъ-Алія будутъ вамъ отдаваны письма для отправленія ко мнѣ, оныя изволите, ваше высокоблагородіе, съ нарочными курьеры, избирая къ тому достойныхъ людей, отправлять ко мнѣ въ самой крайней скорости. А означенныя деньги отдать ему мирзѣ Калбъ-Алію въ то время, какъ онъ будетъ

требовать, и для записи въ расходъ взять отъ него росписку. Которое же сего числа подано вами письмо послу Хулеѳѣ отъ его высокографскаго сіятельства генерала-адмирала и разныхъ орденовъ кавалера Андрея Ивановича Остермана, на оное пристойнымъ образомъ стараться, чтобъ онъ Хулеѳа отвѣтствовалъ, и тотъ отвѣтъ прислать ко мнѣ съ нарочнымъ курьеромъ. Также ежели что́ въ бытность вашу при немъ Хулеѳѣ достойное къ примѣчанію отъ него происходить будетъ, о томъ репортовать меня немедленно.

Вашего высокоблагородія охотный слуга Степанъ Апраксинъ.

Апрѣля 28 дня 1741 года.
Танбовъ.

*

Г Луцевину.

Высокоблагородный и высокопочтенный господинъ полковникъ.

Вашего высокоблагородія письмо отъ 6-го Маія съ приложеніемъ при томъ письма же, посланнаго отъ извѣстнаго мирзы Калбъ-Алія чрезъ нарочно присланнаго отъ васъ, я сего же мѣсяца 7-го числа исправно получилъ, почему и впредь изволите посылаемыя ко мнѣ отъ него мирзы Калбъ-Алія письма таковымъ же образомъ отправлять съ нарочными безъ удержанія. Такожъ по силѣ даннаго отъ меня вашему высокоблагородію ордера изволите имѣть стараніе, чтобъ послу Хулеѳѣ, усмотря къ тому пристойное время и со учтивостію, представить объ отвѣтномъ отъ него Хулеѳы письмѣ на присланное къ нему письмо отъ его высокографскаго сіятельства высокоповелительнаго господина генерала-адмирала и разныхъ орденовъ кавалера графа Андрея Ивановича Остермана, хотя подъ такимъ образомъ, яко бы вы увѣдомились, что отъ меня отправляется въ Санктъ-Питербурхъ къ высочайшему Его Императорскаго Величества двору нарочный оберъ-офицеръ въ скорости. И для того не изволитъ ли онъ Хулеѳа на оное его высокографскаго сіятельства письмо отвѣтствовать, который отвѣтъ можете вы ко мнѣ для отправленія въ Санктъ-Питербурхъ съ нарочнымъ прислать; а ему Калбъ-Алію за то учинить благодареніе и при томъ объявить, что и впредь за такія его доброжелательныя услуги безъ высочайшаго награжденія оставленъ не будетъ.

Вашего высокоблагородія охотный слуга Степанъ Апраксинъ.

Маія 8 дня 1741 году.
Танбовъ.

Г. Луцевину.

Высокоблагородный и высокопочтенный господинъ полковникъ.

Вашего высокоблагородія письмо и при томъ сообщеніе, присланное отъ извѣстнаго мирзы Калбъ-Алія, такожъ и приложенныя письма отъ посла Хулеѳы: первое къ его высокографскому сіятельству высоковелительному господину генералу - адмиралу Андрею Ивановичу Остерману, второе ко обрѣтающемуся здѣсь Персицкому послу Мугмедъ-Хусеинъ-Хану, третье на имя мое чрезъ нарочно присланнаго отъ васъ Сибирскаго драгунскаго полку драгуна Макара Выдринскаго, я исправно получилъ, изъ которыхъ къ его высокографскому сіятельству отъ меня съ нарочнымъ отправлено, такожъ и послу Мугмедъ-Хусеинъ-Хану вручено. А при семъ къ вашему высокоблагородію прилагаю посланное отъ меня отвѣтное къ нему Хулеѳѣ письмо, которое изволите ему вручить. Отъ посла же Мугмедъ-Хусеинъ-Хана на присланное къ нему письмо въ отвѣтъ не посылано. Такожъ изволите и мирзѣ Калбъ-Алію за его увѣдомленіе пристойнымъ образомъ отъ меня поблагодарить и при томъ попросить, чтобы онъ и впредь о всякихъ происходящихъ къ пользѣ Его Императорскаго Величества высочайшихъ интересовъ по его истинному доброжелательству увѣдомлять насъ не оставилъ. При семъ же прилагается письмо отъ мирзы Абдресула, которое изволите послу Хулеѳѣ вручить.

Вашего высокоблагородія охотный слуга Степанъ Апраксинъ.

Маія 12 дня 1741 году.
Танбовъ.

ПИСЬМА Ѳ. П. ЛИТКЕ КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ [1]).

1.

Александрія, 14 Августа 1841.

Давно, почтеннѣйшій Василій Андреевичъ, ничего мы объ васъ не слышали, да признаться и о себѣ мало давали вѣстей. Вы знаете, что̀ такое у насъ лѣто, и можно ли въ продолженіе его собраться съ мыслями. Наша же морская половина сверхъ того два мѣсяца плавала, какъ вамъ извѣстно, что̀ также не очень благопріятно для корреспонденціи. Генералъ-адмиралъ [2]) писалъ къ вамъ, впрочемъ, съ вояжа разъ, или даже, какъ онъ увѣряетъ, два, и съ нетерпѣніемъ ждетъ отъ васъ отвѣта.

Путешествіе наше шло и прошло благополучно. На этотъ разъ занимала насъ не одна морская практика: мы должны были показаться между иностранцами и у иностранныхъ дворовъ, и этотъ первый опытъ или лучше сказать, первый дебютъ, удался довольно хорошо. Великій Князь понравился не только тѣмъ, которые видѣли его только вскользь (его натуральность, любознательность, живость и умъ не могутъ имѣть инаго результата), но умѣлъ снискать и расположеніе тетушки [3]) своей и всего ея семейства. Словомъ, il a eu du succès [4]). Здѣсь также нами

---

[1]) Съ подлинниковъ, хранящихся у Павла Васильевича Жуковскаго. Печатается съ соизволенія Его Императорскаго Высочества Великаго князя Константина Константиновича. Ѳедоръ Петровичъ Литке, славный мореплаватель и многосторонне образованный человѣкъ, былъ воспитателемъ Великаго Князя Константина Николаевича. Письма къ нему В. А. Жуковскаго см. въ „Русскомъ Архивѣ“ 1887 г. II, 327; а письма В. А. Жуковскаго къ Великому Князю Константину Николаевичу въ „Русскомъ Архивѣ“ 1867 года (стр. 1385). Незабвенный своими благодѣяніями Русскому просвѣщенію, покойный Великій Князь изволилъ осчастливить ими нашъ историческій сборникъ. П. Б.

[2]) Константинъ Николаевичъ родился 9 Сентября 1827 года, слѣд. въ Августѣ 1841 г. ему шелъ 14-й годъ.

[3]) Королевы Нидерландской Анны Павловны.

[4]) Онъ имѣлъ успѣхъ.

довольны, довольны вѣстями, довольны письмами, довольны и наружнымъ видомъ. К. Н. находятъ выросшимъ и поздоровѣвшимъ; стало, слава Богу! Дорого далъ бы я, чтобъ быть столько же довольнымъ, какъ другіе; но я подвергаюсь неизбѣжной участи тѣхъ, которые должны вѣдать всю подноготную вещей и пережевывать всѣ дрязги. Недостатки, несовершенства видишь яснѣе, чѣмъ противную сторону; можетъ-быть, и больше принимаешь къ сердцу чѣмъ надо! Но кто тебя увѣритъ, что плевелы не заглушатъ, наконецъ, зерна? И каково видѣть, что, чѣмъ больше ихъ вырываешь, тѣмъ сильнѣе они выростаютъ? Проѣзжій любуется только наружнымъ, много-обѣщающимъ видомъ поля. Только-что мы воротились съ моря, насъ посадили на коня, съ котораго мы почти двѣ недѣли не слѣзали. Вы легко повѣрите, что это не убавило нисколько изъ того запаса разсѣянности, который мы съ собой привезли. Теперь только начинаемъ мы порядкомъ приниматься за работы, которымъ однакожъ не войти въ прежнюю колею, покуда мы не угомонимся въ нашемъ мирномъ Царскомъ Селѣ. Необыкновенное лѣто необыкновенно долго и держитъ насъ у морскаго берега. Вотъ, можно сказать, что сидимъ у берега и ждемъ (дурной) погоды. Переѣздъ назначенъ однакожъ 17-го décidément, peut-être [1]).

Я еще не поздравилъ васъ, почтенный другъ, со вступленіемъ въ бракъ. Но вы не сомнѣваетесь въ искреннемъ сердечномъ участіи моемъ въ вашемъ счастіи, какъ и въ желаніи моемъ, чтобъ оно было столь совершенно и unvermischt [2]), сколько это для смертнаго возможно и чтобы вы насладились имъ многіе годы. Назовите при случаѣ супругѣ вашей, а между тѣмъ и сами не забывайте сердечно уважающаго и преданнаго Ѳ. Литке.

2.

Царское Село, 17 (29) Октября 1841.

Около четырехъ недѣль тому назадъ получили мы письмо ваше отъ 5 (17) Сентября, дорогой и почтенный нашъ Василій Андреевичъ. Отвѣтъ мой замедлился отъ того, что мнѣ не хотѣлось отвѣчать прежде моего В. Князя; не хотѣлось и понукать его слишкомъ, чтобъ это не казалось работой по казенной надобности; а онъ, мой голубчикъ, въ этомъ случаѣ, какъ вамъ извѣстно, тяжеловатъ на подъемъ. Такимъ образомъ проходила недѣля за недѣлей. Но за то получаете вы ужъ цѣлый пукъ писемъ, по Нѣмецкой пословицѣ: Was lange währt, wird gut [3]).

---

[1]) Рѣшительно, можетъ быть.

[2]) Ни съ чѣмъ не смѣшано.

[3]) Что̀ долго длится, то выходитъ хорошо.

У насъ все здорово и все идетъ своимъ чередомъ хорошо, т. е. въ самомъ дѣлѣ *хорошо*. Въ послѣднее время я былъ очень доволенъ моимъ Телемакомъ. Дай Богъ, чтобъ я не ошибался; но мнѣ, кажется, что разсудокъ начинаетъ въ немъ помаленьку оперяться; кажется, что легкомысліе и étourderie*), до сихъ поръ бывшіе *безмѣрными*, немного стали полегче. Со стороны нрава также будто замѣтенъ нѣкоторый счастливый переломъ; онъ какъ будто сталъ доступнѣе убѣжденіямъ разсудка и чувства. Замѣтя это, я и самъ сообразно тому перемѣнился, и гдѣ прежде не могъ обойтись безъ строгости, сталъ дѣйствовать лаской, и покамѣсть съ полнымъ успѣхомъ. Объ одномъ молю Бога, чтобъ это такъ продолжалось. Тогда исчезнутъ, можетъ-быть, и жесткость и холодность, приводившія меня до сихъ поръ въ отчаяніе, удастся возбудить въ немъ теплоту души, Gemüth. Объ этомъ я болѣе всего думаю и забочусь.

Вы не поскучаете этими подробностями, добрый Василій Андреевичъ; ваше участіе во всемъ до насъ касающемся меня въ томъ убѣждаетъ. А моя озабоченная душа чувствуетъ потребность сообщать участвующему другу свои опасенія и надежды.

Объ ученіи не говорю вамъ на этотъ разъ; мы идемъ впередъ, какъ всегда, не торопясь, но изрядно успѣвая. Зимой приступимъ къ военнымъ наукамъ; вы повѣрите, что не *я* тороплюсь начать ихъ.

Опасеній вашихъ, почтенный другъ, чтобы спеціальное образованіе *моряка* не помѣшало общему образованію *принца*, я не раздѣляю. Во-первыхъ, не понимаю я, какимъ бы образомъ можно было, стремясь къ общему образованію, избѣжать спеціальностей. Если принцъ не долженъ быть спеціально морякомъ, то не долженъ быть спеціально и воиномъ, столь же мало, какъ и камералистомъ, дипломатомъ, судьею, ученымъ, художникомъ. Чѣмъ же онъ будетъ? Неужто всѣмъ понемножку и въ одинаковой степени? Но это значило бы не быть ничѣмъ. Вы, можетъ-быть, скажете: «онъ долженъ быть принцемъ». Но что́ значитъ быть принцемъ? Неужто заниматься всѣмъ и ничѣмъ?— «Государственнымъ человѣкомъ?» Онъ имъ долженъ быть; но какой спеціальный рецептъ для составленія государственнаго человѣка? Всякій государственный человѣкъ былъ сначала чѣмъ-нибудь спеціально. Прежде всего должно ему быть *человѣкомъ*: это главное, и объ этомъ стараемся мы всѣми средствами. Потомъ обогатить умъ познаніями; это, какъ вы знаете, также не пренебрежено. Наконецъ, нельзя въ

---

*) Шаловливость.

наше время избѣгнуть того, чтобы не занять какое-нибудь мѣсто въ государственной іерархіи. Спеціальное приготовленіе, конечно, можетъ увлечь въ мелочи и тѣмъ отвлечь отъ главнаго, общаго; но на это можно сдѣлать два замѣчанія: первое, что этому подвергается только умъ мелочной, который, и не имѣя спеціальнаго назначенія, создастъ себѣ міръ мелочей; и второе, что генералъ-адмиральство *у насъ* менѣе всѣхъ другихъ назначеній влечетъ за собою этого рода опасность. Сама природа позаботилась о томъ, чтобы Русскій генералъ-адмиралъ не болѣе одной трети года могъ быть въ своей стихіи, а въ остальныя двѣ трети или покоился на лаврахъ или занимался чѣмъ-нибудь другимъ. Наконецъ, что-жъ составляетъ наше спеціальное образованіе? Науки морскія? Навигація, астрономія и т. п.; это никому не мѣшаетъ. Наши морскіе вояжи, право, здоровы и для души, и для тѣла: молодой человѣкъ привыкаетъ и къ порядку, и къ лишеніямъ, и къ подчиненію себя долгу. Немножко морскаго духу, морской прямоты и для принца не лишнее. Видѣть свѣтъ со всѣхъ сторонъ—тоже недурно. А между тѣмъ, плавая, мы не перестаемъ работать головой. И такъ, любезнѣйшій Василій Андреевичъ, не нападайте и вѣрьте въ тоже время, что я говорю по убѣжденію, а не потому только que chacun plaide pour sa paroisse *). Не менѣе того вѣрьте и неизмѣнной преданности вашего покорнаго слуги Ѳ. Литке.

3.

С.-Петербургъ, 6 (18) Марта 1842.

Давненько ужъ лежитъ въ моей папкѣ послѣднее письмо ваше, сердечно любимый и уважаемый Василій Андреевичъ. Прочтя его вновь и увидя, что въ немъ говорится о новомъ годѣ, тогда какъ мы ужъ и блины отъѣли и первую недѣлю почти отпостились, мнѣ какъ будто захотѣлось покраснѣть, но подумалъ: развѣ я не къ Жуковскому пишу? И Жуковскій ли не знаетъ нашей *такъ называемой* жизни? И эта мысль меня успокоила. Паровая машина, подъ вывѣскою гувернёрской должности, продолжаетъ по старому работать съ утра до ночи, сегодня, какъ вчера, и какъ будетъ завтра: то тотъ приводъ понатянуть, то другой поослабить, смотря по надобности; въ этомъ вся разница, а между тѣмъ *все* время поглощено. А спросишь себя: что́ сработалъ, и не знаешь, что́ отвѣчать; надо подождать лѣтъ десять, чтобъ получить отвѣтъ. Между тѣмъ дѣлаемъ, что́ можемъ и какъ умѣемъ. Много останавливала общіе успѣхи наши вѣчная однообразность всей нашей жизни, съ которою нельзя не сдѣлаться наконецъ совершенно одностороннимъ. Чтобы

---

*) Всякій хлопочетъ о своемъ приходѣ.

сколько нибудь помочь этой бѣдѣ, дозволено мнѣ было приглашать моего Телемака по временамъ къ себѣ. Я завелъ маленькіе музыкальные вечера, недѣли въ двѣ разъ, на которыхъ Вел. Кн. встрѣчался со многими, которыхъ бесѣда могла ему быть полезна, но съ которыми не было бы другаго случая встрѣтиться. Онъ видѣлъ при этихъ случаяхъ быть для него новый; и въ тоже время though last not least [1]), какъ говорятъ Англичане; слышалъ хорошую классическую музыку, что̀ также было не безъ пользы, развивая его музыкальныя способности и образовывая вкусъ. Этимъ я очень дорожу. Такимъ образомъ зима наша нѣсколько уразнообразилась, между тѣмъ какъ обычныя работы продолжали идти своимъ чередомъ и съ обыкновеннымъ успѣхомъ. Въ Исторіи общей и Русской подходимъ къ концу XVII вѣка, въ Математикѣ подвинулись очень порядочно. Радъ былъ бы я прибавить, что и нравственное развитіе держалось съ умственнымъ на одинакой высотѣ, что мы сдѣлались примѣтно мягче, солиднѣе, теплѣе; но это покамѣстъ еще in spe [2]). Впрочемъ, не должно забыть, что мы только что входимъ въ тотъ періодъ, который у васъ на Рейнѣ называютъ die Pflegejahre [3]). За то физическое развитіе прекрасно: здоровье нельзя лучше; въ послѣдніе полгода выросъ на цѣлый вершокъ; tout l'extérieur prend quelque chose de très distingué [4]).

Вотъ вамъ, почтенный другъ, подробный отчетъ о томъ, что̀ дѣлается у насъ; но вы желаете еще знать, что̀ дѣется и *около* насъ? Этотъ вопросъ гораздо сложнѣе. Мало-ли что̀ тутъ совершается! Но не все знаешь, а что̀ и знаешь, не всегда скажешь, а еще менѣе напишешь. Довольно, что все благополучно и все болѣе или менѣе по старому. Надежда на умноженіе Императорской фамиліи болѣе и болѣе утверждается, чему, какъ вы повѣрите, всѣ очень рады. Здоровье Императрицы въ эту зиму было весьма удовлетворительно, какъ и всѣхъ прочихъ. Особеннаго шуму было мало при дворѣ, за то въ обществѣ тѣмъ болѣе, и особенно на масляницѣ. Педагогическая наша челядь здорова; къ ней прибавились: Ласковскій (прежній) для Фортификаціи и капитанъ Рѣзвой для Артиллеріи, занимающіе по часу въ недѣлю каждый. Гриммъ велъ себя довольно непохвально, нѣсколько разъ былъ боленъ; я думаю, ему не обойтись безъ того, чтобы лѣтомъ серіозно

[1]) Хотя послѣдній, но не самый меньшій.

[2]) Въ ожиданіи.

[3]) Годы попеченія.

[4]) Во всей внѣшности замѣчается что то весьма отмѣнное.

не полѣчиться. Лѣта ожидаемъ мы довольно суматошнаго: будетъ много гостей; серебряная свадьба помѣшаетъ нѣсколько и морской нашей кампаніи; не будетъ времени забраться куда нибудь подалѣе. Неужто вы не явитесь на этотъ праздникъ? Вѣдь стоитъ только сѣсть на пароходъ въ Дюссельдорфѣ и выйти на берегъ въ Петергофѣ.

Мое собственное мирное гнѣздышко живетъ благословеніемъ Божіимъ. Мальчишки мои растутъ и утѣшаютъ насъ; добрая жена моя чувствуетъ себя нынѣ лучше прошлогодняго. Какъ понятно для меня все то, что̀ вы говорите о вашемъ домашнемъ счастіи; какъ понятно это *одно* желаніе, чтобы оно только не перемѣнялось! И я другаго желанія въ жизни не имѣю. Здоровьемъ своимъ я также доволенъ. Поклоны ваши я, разумѣется, по принадлежности роздалъ. Всѣ рады были о васъ слышать. Бѣдный Кавелинъ лишился младшаго сына; за то у Юрьевича родился тоже младшій. Александръ Адлербергъ женится на Полтавцевой, фрейлинѣ Е. В., а батюшка его будетъ на мѣстѣ князя А. Н. Голицына генералъ-почтъ-директоромъ, а Ал. Ник. наконецъ ѣдетъ въ Крымъ. M-elle Alex. Fréderícks вышла за Алопеуса гусарскаго. Этимъ кусочкомъ нувелистики заключаю мою эпистолу, поручая себя дружбѣ и памяти вашей. Сердечно преданный Ө. Литке.

P. S. Пожалуста пишите почаще къ К. Н. Не повѣрите, какъ это ему будетъ полезно.

4.

Царское Село, 7 (19) Октября 1842.

Очень давно уже, почтеннѣйшій Василій Андреевичъ, не писалъ я къ вамъ. Извиненія, объясненія въ этомъ, какъ и во всякомъ другомъ, случаѣ между нами были бы лишнія. Зная всю подноготную моей жизни, вы, конечно, не потребовали бы ихъ отъ меня, даже еслибъ я былъ въ этомъ случаѣ у васъ въ долгу. Но тутъ еще другое затрудненіе: и изрѣдка писавши, не знаешь какъ обернуться, чтобы вамъ не наскучить. Въ самомъ дѣлѣ, чего ожидаете вы отъ меня или, лучше сказать отъ моихъ писемъ? Вы не ожидаете ни отвлеченностей о вопросахъ общихъ, ни новостей, ни легкой болтовни: все это не мое дѣло. Вы ожидаете свѣдѣнія о томъ, что̀ дѣется въ нашемъ маленькомъ уголкѣ; а тутъ, какъ ни вертись, все pour changer la même chose *). Педагогическая фабрика все продолжаетъ работать по старому, не имѣя даже преимущества всѣхъ другихъ фабрикъ—представлять цифирью результатъ сво-

*) Мѣнять одно и тоже.

ихъ работъ. Кажется, что съ Божіею помощію все идетъ не худо; съ намѣреніемъ говорю только *не худо*, чтобы не ошибиться, потому что, право, иногда совсѣмъ становишься въ тупикъ и не знаешь самъ, что̀ думать. Съ одной стороны кажется, какъ будто и развиваемся, будто и является что-то похожее на успѣхъ; но какъ подумаешь съ другой стороны, что вѣдь 16-й годъ, и какъ взглянешь на тысячу вещей, противъ которыхъ и съ вами еще вмѣстѣ мы боролись и продолжаемъ ежеминутно бороться, не успѣвъ искоренить ни одной, то хоть въ отчаяніе придти. Видишь сердце доброе, наклонности лучшія и тутъ же какую-то сухость, холодность, Gemüthlosigkeit[1],—словомъ, умъ за разумъ заходитъ. Такіе дискордаты обнаруживаются во всемъ, и ни въ чемъ такъ сильно, какъ въ письмахъ. Повѣрка не далеко—письмо къ вамъ, которое, я долженъ замѣтить, еще противу обыкновенія хорошо выдалось. Гриммъ въ отчаяніи отъ писемъ къ нему К. Н. Любопытенъ я, какъ онъ найдетъ насъ по возвращеніи своемъ? Смотря вѣчно на одну и туже вещь, наконецъ ничего въ ней не видишь. Свѣжій взглядъ бываетъ вѣрнѣе, справедливѣе.

О работахъ нашихъ почти нечего вамъ говорить. Лѣтніе шесть мѣсяцевъ и всегда замедляютъ ходъ ихъ. Отсутствіе Гримма почти совсѣмъ остановило историческую часть. Шульгинъ[2]) взялъ на себя земли сопредѣльныя съ Россіею, стало и по Исторіи съ нею связанныя. По математическому *факультету* въ послѣднее время мы преимущественно занимались повтореніями. Съ возвращеніемъ въ городъ начнемъ Физику и Астрономію. Французскій языкъ идетъ хорошо. Гриммъ, котораго вы видѣли (должно бы сказать: котораго тѣнь вы видѣли), по послѣднимъ письмамъ намѣренъ непремѣнно возвратиться: мы его ожидаемъ съ послѣднимъ Французскимъ пароходомъ дней черезъ пять. Какъ-то онъ перенесетъ зиму?

Совсѣмъ другое дѣло—физическое развитіе: тутъ все прекрасно. Вел. Князь здоровъ, силенъ, растетъ вдвое скорѣе прежняго, слагается молодцомъ, и всѣ опасенія на счетъ горбатости и т. п. давно исчезли. Впрочемъ, еще дитя, какъ 10 лѣтъ тому назадъ, и это хорошо. Поплавали мы и по морю прошедшаго лѣта, прошли черезъ Большой Бельтъ и черезъ Зундъ, останавливались въ Эльсенерѣ и въ Копенгагенѣ и т. д. Что̀ ни говорите, почтеннѣйшій Василій Андреевичъ, а морскіе наши вояжи—прездоровая для души и тѣла вещь. Въ послѣднемъ отно-

[1]) Отсутствіе сердечной мягкости.

[2]) Покойный Великій Князь, въ бесѣдахъ, которыми онъ удостоивалъ пишущаго эти строки, отзывался съ признательнымъ чувствомъ объ урокахъ Шульгина по Русской Исторіи. П. Б.

шенія и спора быть не можетъ; при всякомъ нашемъ возвращеніи съ моря встрѣчаютъ насъ аханьемъ, какъ мы потолстѣли, comme il a bonne mine [1]). Да какъ и быть иначе? День и ночь на воздухѣ, да еще барыша, на морскомъ воздухѣ. Но и съ другой стороны ожидаю я отъ нихъ большой пользы: постоянное занятіе серіознымъ предметомъ, подчиненность, исполненіе должности и though last not least [2]), какъ говорятъ Англичане, удаленіе отъ разсѣянностей. *Вы* ли не поймете пользы отъ всего этого?

Вообще по нашей *половинѣ* все обстоитъ благополучно; новаго не имѣется, всѣ здоровы, старые и малые. Въ моемъ собственномъ уголочкѣ также все, благодаря Бога, здорово; старшаго моего мальчишку начинаю я уже учить и грамотѣ. Ainsi roule le monde [3])!

Вмѣстѣ съ симъ слѣдуютъ къ вамъ портреты Ихъ Высочествъ. Дѣлалъ Гау и, кажется, недурны; а могли бы быть похожѣе.

Прощайте, почтеннѣйшій другъ; пишите, Бога ради, особенно къ Великому Князю; вы знаете, какъ это для него полезно, да вы же и обѣщали. Ужь о себѣ не говорю, хотя и нашему брату нужна поддержка и ободреніе изъ устъ дружескихъ. Вѣрьте всегдашней преданности душевно уважающаго васъ Ѳ. Литке.

5.

С.-Петербургъ, 3 (15) Декабря 1842.

Примите искреннее сердечное мое поздравленіе, почтеннѣйшій Василій Андреевичъ, съ посланною вамъ отъ Бога радостію [4]). Счастіе отцовское ни съ какимъ другимъ въ мірѣ сравниться не можетъ; по общему нравственному закону человѣчества неразлучны съ нимъ и заботы, столь же великія; но какъ сладки и заботы эти, и самыя страданія, и пожертвованія, которыхъ эти маленькія существа намъ стоятъ, дѣлаютъ ихъ намъ дороже. Душевно желаю, чтобы при возможно большей массѣ наслажденія досталось на вашу долю возможно меньшая страданій и чтобы Богъ далъ вамъ долго этимъ счастіемъ наслаждаться. Всѣ ваши здѣшніе друзья возрадовались и возликовали при этой вѣсти, и она показала, какъ вы здѣсь всѣми любимы. Между возликовавшими

---

[1]) Какой у него хорошій видъ!

[2]) Хотя послѣдній, но не самый меньшій.

[3]) Такъ вертится свѣтъ.

[4]) Рожденіе дочери, Александры Васильевны, нынѣ баронессы Вёрманъ. П. Б.

больше всѣхъ и ужъ навѣрное громче всѣхъ былъ мой Великій Князь, который самъ васъ поздравляетъ.

Письмо, предшествовавшее послѣднему радостному, получено мною въ свое время. Благодарю васъ за него сердечно. Вы весьма хорошо поняли то, что̀ я желалъ вамъ передать о настоящей степени развитія К. Н.; въ вашихъ словахъ нашелъ я мои мысли, но несравненно лучше выраженныя, нежели бы я въ состояніи былъ это сдѣлать. Вы согласитесь, что есть отъ чего призадуматься. Съ наступленіемъ зимы (т. е. календарной, потому что настоящая еще не приходила) начались прежнія наши постоянныя занятія и появились всѣ старые недостатки. Гриммъ, послѣ пяти мѣсяцевъ, не нашелъ съ этой стороны никакого почти улучшенія. Остается только сказать вмѣстѣ съ вами: *Надѣемся, что это скоро перемѣнится.* А между тѣмъ ужасъ подумать, что года черезъ три, много четыре, скажутъ: баста, готовы, полно учиться, пора жить! И полупоспѣлое навсегда имъ останется. Однакожъ и тутъ у меня надежда, на что̀ бы вы думали? На море. Въ морѣ мы и вояжируемъ, и служимъ, да въ то же время продолжаемъ учиться. Подводнаго камня, односторонней дисциплинарности, мы, надѣюсь, съ Божіею помощію, избѣгнемъ; и эту надежду основываю я не на моемъ искусномъ лоцманствѣ, какъ снисходительная ваша дружба намекаетъ, а вотъ на чемъ: не взирая на строгость дисциплины морской, отличительная черта моряковъ есть нѣкоторая независимость характера и мысли, и праводушіе. Не знаю, отъ чего это происходитъ; но это фактъ; а съ нимъ и съ умомъ просвѣщеннымъ можно пролавировать между Сциллою и Харибдой и, не затыкая себѣ ушей, какъ вы, можетъ статься, въ эту самую минуту, заставляете дѣлать Улисса.

Вы желаете слышать нѣкоторыя подробности о нашемъ житьѣ-бытьѣ; при всемъ желаніи угодить вамъ, я дѣйствительно не нахожу другаго отвѣта, какъ угаданное вами напередъ: *старое по старому.* Вообразите себѣ какъ можно живѣе и со всѣми подробностями все бывшее и происходившее въ ваше время, и вы получите живую картину того, что̀ вы знать желаете: и театръ, и лица тѣже, и дѣйствіе старое. О нѣкоторыхъ неважныхъ измѣненіяхъ на заднемъ планѣ упоминать не стоитъ. И наша учебная (въ Царск. С.) не трогалась еще съ мѣста, гдѣ процвѣтаетъ 10 лѣтъ. На бывшей половинѣ Государя Наслѣдника помѣстились меньшіе Великіе Князья. И въ городѣ мы тѣснимся по старому. На дняхъ совершилось однакожъ назначеніе, которое васъ, конечно, и удивитъ, и обрадуетъ: А. А. Кавелинъ военный генералъ-губернаторъ вмѣсто графа Эссена. Дай Богъ только, чтобы

здоровье его и тѣлесныя силы были соразмѣрны трудамъ этого важнаго поста. На дняхъ же слышали мы и новую Русскую оперу Глинки, Русланъ и Людмила. Графъ Мих. Юрьевичъ вѣрно вамъ будетъ писать о неподражаемой учености этой музыки; но публика, и мы грѣшные въ томъ числѣ, не читавшіе ея, а слушавшіе, нашли ее неподражаемо скучною. «Жизнь за Царя» въ сравненіи съ нею—«Севильскій Цирюльникъ». Гриммъ работаетъ по прежнему, но, разумѣется, не надсѣдаясь и вообще, кажется, бережется и чувствуетъ себя покамѣстъ хорошо, хоть и нельзя сказать, чтобъ слишкомъ растолстѣлъ. Всѣ въ нашемъ кругу здоровы и все обращается въ прежнемъ кружкѣ; надѣюсь, что это не cercle vicieux.

Прощайте, любезный и почтенный Василій Андреевичъ; въ уединеніи вашемъ и наслаждаясь семейнымъ счастіемъ, не забывайте соотчичей и друзей 60-го градуса. Письма ваши намъ всегда пріятны и дороги, вы знаете почему; не урѣжайте насъ ими радовать. Вѣрьте неизмѣнной преданности вашего Ө. Литке.

Жена и мальчишки мои здоровы. Старшаго начинаю я уже учить читать; это меня забавляетъ.

О РУССКОЙ КАВАЛЕРІИ.

Письмо генералъ-адъютанта графа Григорія Ивановича Востица къ барону Жомини *).

12 Іюня 1831 года.

Годъ тому назадъ ваше превосходительство въ Петергофѣ бесѣдовали со мной о кавалеріи. Вамъ хорошо извѣстно все, что̀ касается этого рода оружія, и вы любите о немъ говорить съ ясностью, проистекающею изъ глубокой учености и дѣлающею предметъ доступнымъ каждому.

Съ тѣхъ поръ я, по встрѣтившимся обстоятельствамъ, хотя и болѣе внимательно присматривался къ предмету нашего тогдашняго разговора, но пользы изъ этого вынесъ немного: потому что, по моему разумѣнію, кавалерійскому офицеру практика и сила воли нужнѣе науки.

Въ кавалеріи научная сторона сводится къ нѣкоторымъ основнымъ принципамъ столь несложнымъ, столь удобопонятнымъ, что слѣдуетъ удивляться, что ихъ такъ часто забываютъ.

«Заботиться прежде всего о конскомъ составѣ» — вотъ главный принципъ и, если вы проникнись этой истиной, то должны согласиться, что:

1) Кавалерія подвержена быстрому разстройству.

2) Что надо беречь ея силы, потому что два мѣсяца отдыха не исправляютъ семидневнаго переутомленія.

---

*) Письмо это писано въ самый разгаръ подавленія Польскаго мятежа 1831 года. Имена обоихъ лицъ и писавшаго, и тому къ кому письмо обращено, слишкомъ извѣстны, чтобы распространяться объ историографическомъ значеніи этихъ соображеній, высказанныхъ съ полнымъ знаніемъ дѣла человѣкомъ († 1838), который съ такою славою прослужилъ въ кавалеріи, безпрерывно во всѣхъ тогдашнихъ бояхъ съ 1806 года. Читатели „Русскаго Архива“ благодарны вмѣстѣ съ нами генералъ-лейтенанту графу Ивану Григорьевичу Постицу за обнародованіе этого письма. П. Б.

3) Что плохая лошадь превращаетъ своего всадника въ труса.

4) Что изнуренная конница можетъ быть употреблена только въ массѣ, при чемъ соображенія главнокомандующаго, глазомѣръ и отвага прямаго начальника могутъ иногда замѣнять неудовлетворительность ея состоянія.

Никто, конечно, не будетъ оспаривать истины этихъ принциповъ, отъ которыхъ, увы, постоянно отклоняются: во-первыхъ изъ-за неизбѣжныхъ послѣдствій недостаточно-хорошо составленнаго плана кампаніи, затѣмъ вслѣдствіе нерѣшительныхъ и случайныхъ дѣйствій, зависящихъ отъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ или вызванныхъ дѣйствіями противника. Послѣдствіемъ этихъ порывистыхъ движеній является то, что они своимъ неопредѣленнымъ характеромъ и противорѣчіями быстро изнуряютъ кавалерію.

Первой жертвой становится легкая кавалерія, обязанность которой все охранять и все развѣдывать, но по изнуренности ни того, ни другого она не въ силахъ исполнить. Аванпосты, расположенные въ 10 верстахъ впереди войскъ и разъѣзды, высланные на 20 верстъ далѣе, являются тогда необходимыми; но эти разъѣзды можно уподобить ткани паутины, и начальники успокоиваютъ себя кажущейся безопасностью, потому что такіе дальные разъѣзды собираютъ только неясныя свѣдѣнія, зачастую невѣрныя, основанныя на слухахъ сообщенныхъ жителями. Къ тому же часть кавалеріи выдвинутая слишкомъ впередъ, не имѣетъ силы развѣдать непріятеля, когда онъ стоитъ на мѣстѣ, или атаковать его на походѣ; а по сему, вслѣдствіе чрезмѣрныхъ требованій или переутомленія, наша легкая кавалерія не въ состояніи удовлетворять своему самому главному назначенію: во-первыхъ вцѣпиться въ противника съ тѣмъ, чтобы заставить его раскрыть свои силы и, затѣмъ быстро отступить, развѣдавъ все что̀ было нужно.

Всѣ эти дѣйствія требуютъ свѣжихъ лошадей, освобожденныхъ отъ всякой безполезной тяжести, и отважныхъ людей, а безъ этихъ условій самый лучшій и распорядительный офицеръ ничего не сдѣлаетъ. Я не отрицаю, что начальнику никогда не представится необходимость узнать что̀ происходитъ на разстояніи 10 или болѣе верстъ впереди его линіи но въ такомъ случаѣ высылаютъ развѣдчиковъ или отдѣльныя партіи; но желаніе имѣть постоянныя свѣдѣнія о всемъ, что̀ происходитъ въ такомъ отдаленномъ районѣ, приводитъ только къ утомленію и разсѣеванію легкой кавалеріи которую слѣдовало бы беречь, чтобы

дать вздохнуть казакамъ, коими еще болѣе злоупотребляютъ забывая, что эти молодцы вѣдь не изъ желѣза скованы.

Къ этимъ общимъ соображеніямъ я прибавлю, что часто жалуются на недостатокъ въ кавалерійскихъ генералахъ, и дѣйствительно гдѣ ихъ взять?

По достиженіи генералъ-лейтенантскаго чина кавалеристы обыкновенно причисляются къ разряду пѣхотныхъ генераловъ. Ихъ назначаютъ отрядными начальниками или даже командирами пѣхотныхъ корпусовъ, а къ этой чести кавалерійскіе генералы, конечно, не остаются равнодушными, потому что за исключеніемъ совершенно особеннаго призванія къ своему роду оружія и запаса молодости и здоровья выше обыкновеннаго уровня, гораздо пріятнѣе командовать отрядомъ изъ трехъ родовъ оружія или пѣхотнымъ корпусомъ, чѣмъ оставаться во главѣ кавалеріи, которая вслѣдствіе нашей системы разбрасывать конницу, обыкновенно обращается въ бригаду. Я не желаю, конечно, лишить кавалерійскихъ генераловъ чести достигать высшихъ назначеній въ арміи, но тѣмъ не менѣе я полагаю: что слѣдовало бы удержать въ конницѣ тѣхъ изъ ея начальниковъ, которые любятъ ее и проникнуты ея духомъ.

Обязанности кавалерійскаго генерала слишкомъ отличаются отъ обязанностей пѣхотнаго начальника для того, чтобы онѣ произвольно были соединяемы въ одномъ и томъ же лицѣ. Пѣхотный начальникъ заранѣе располагаетъ свои войска, выбираетъ пунктъ атаки, строитъ боевой порядокъ и ведетъ бой подвигаясь шагъ за шагомъ. Онъ издали распоряжается и наступаетъ методически, за исключеніемъ непредвидѣннаго сопротивленія или внезапнаго нападенія. Въ кавалеріи наоборотъ, все дѣлается подъ впечатлѣніемъ минуты и во всемъ господствуетъ личность начальника, а чтобы командовать этимъ родомъ оружія и вести его въ огонь, надо все видѣть, быстро рѣшаться и въ одно и тоже время сумѣть уловить минуту для атаки, выбрать предметъ дѣйствія и увлечь подчиненныхъ.

Какимъ же образомъ соединить въ одномъ лицѣ такія различныя требованія?

Кавалерійскіе и пѣхотные генералы поэтому не могутъ и не должны походить другъ на друга.

У насъ имѣются и тѣ, и другіе, но начальники, доказавшіе свои способности въ кавалеріи, должны бы въ ней и оставаться, и не слѣдуетъ

умалять дѣйствительныя спеціальныя познанія и способности, желая сдѣлать ихъ общими. Мы нуждаемся въ генералахъ исключительно кавалерійскихъ, способныхъ поддержать честь своего оружія передъ непріятелемъ, отстаивать интересы кавалеріи передъ высшимъ начальствомъ, и слѣдуетъ ихъ выбирать изъ числа тѣхъ генераловъ которые имѣютъ призваніе къ своему дѣлу и многолѣтнюю практику, доказавшіе эти качества съ саблею на голо.

Отстранивъ мелочное самолюбіе они должны добровольно отказаться отъ выдающихся назначеній довольствуясь кажущейся пассивностью, чтобы появиться въ рѣшительную минуту сраженія, когда одинъ блестящій подвигъ выкупаетъ неблагодарные труды цѣлой кампаніи.

Кавалерійскій генералъ передъ тѣмъ, чтобы вступить въ бой, долженъ дать командирамъ бригадъ и полковъ общее понятіе о планѣ, согласно которому онъ располагаетъ свои силы такъ, чтобы они могли быстро повторять удары и поддерживать другъ друга. Если онъ намѣревается броситься въ атаку, то долженъ имѣть подъ рукой всѣ свои силы, чтобы внезапно привести въ исполненіе свое рѣшеніе въ колоннахъ или въ развернутомъ строѣ, но во всякомъ случаѣ это движеніе должно быть исполнено быстро, чтобы не дать противнику времени опомниться. Я ничего подобнаго не видѣлъ въ Польской кавалеріи и думаю, что въ массѣ она выказываетъ больше метода, чѣмъ инціативы.

Въ письмѣ вашего превосходительства, которое я только что получилъ, нахожу нѣсколько строкъ, гдѣ вы хвалите Польскую армію. Я не противорѣчу, но позволю себѣ замѣтить, что военныя заслуги нашихъ противниковъ слишкомъ преувеличиваются. Энергія, выказываемая Поляками въ их оборонѣ, сначала поражаетъ тѣхъ, которые не вѣрили ихъ долгому сопротивленію, но мы очень часто дѣйствовали въ ихъ интересахъ, а они умѣли этимъ пользоваться. Затѣмъ только чрезъ извѣстное время можно справиться съ людьми, въ которыхъ надо передѣлать ихъ образъ мыслей, ихъ привязанности, ихъ ненависть и все ихъ существованіе.

Я не могу говорить о всей войнѣ, потому что съ моей гвардейской дивизіей я не принималъ участія во всей кампаніи, но то, что я видѣлъ въ ихъ кавалеріи меня не удивило. Правда, Поляки не лишены пыла въ маленькихъ стычкахъ, но въ массѣ у нихъ нѣтъ ни порыва, ни глазомѣра. Я видѣлъ какъ они нѣсколько разъ пропускали удобную минуту, и тамъ гдѣ они должны были атаковать въ колоннахъ,

они внезапно останавливались, чтобы развернуться и даже послѣ этого оставались въ нерѣшительности, а посему наблюденія сдѣланныя мною утверждаютъ меня въ мысли, что у Поляковъ только хорошіе полковники, но нѣтъ ни одного кавалерійскаго генерала.

Хотя ихъ главныя движенія обыкновенно разсчитаны на особенной заботѣ о флангахъ и на наступательномъ движеніи линій, хотя они никогда не грѣшатъ противъ основныхъ принциповъ маневровъ и высказываютъ иногда много хитрости, но я все же утверждаю, что у нихъ нѣтъ ни энергіи, ни быстроты, ни вдохновенія.

Въ письмѣ вашемъ вы изъявили также удивленіе по поводу медленнаго веденія нашихъ военныхъ дѣйствій, это тоже поражаетъ меня, потому что мы стоимъ сложа руки въ какомъ-то томительномъ выжиданіи, а посему необходимо наконецъ попытаться сдѣлать рѣшительное движеніе, такъ какъ храбрость, даже граничащая съ безуміемъ, лучше чѣмъ состояніе застоя въ которомъ мы прозябаемъ. Непріятель пользуется этимъ, какъ послѣднимъ пальятивомъ, чтобы избѣжать своего истребленія, замедленію котораго мы удивляемся.

Центръ оппозиціи Поляковъ находится въ массѣ офицеровъ, высшее начальство арміи и нижніе чины начинаютъ колебаться, а потому слѣдуетъ идти впередъ, переправиться черезъ Вислу, разбить непріятельскіе отряды одинъ за другимъ, дать сраженіе, даже дать второе если надо, и сложить оружіе только въ Варшавѣ. я убѣжденъ, что тогда всѣ попытки возмущенія превратятся сами собой и партизанская борьба въ Польшѣ будетъ непродолжительная, а посему не слѣдуетъ обращать вниманіе на разглагольствованія демагоговъ и фанатиковъ, которые за неимѣніемъ убѣжища хотѣли бы продолжить войну.

«Carthago delenda!» *)

Вотъ мой лозунгъ въ настоящее время.

*) Да погибнетъ Карѳагенъ!

РАИЧО НИКОЛОВЪ.

(Эпизодъ изъ Крымской войны).

Послѣ неудачнаго посольства князя Меншикова въ Константинополь въ 1853 году, вслѣдствіе враждебныхъ возбужденій Франціи и Англіи послѣдовалъ разрывъ нашъ съ Турецкимъ правительствомъ. Князь Меншиковъ выѣхалъ изъ Константинополя, и я, состоявшій въ должности повѣреннаго въ дѣлахъ при Портѣ Оттоманской, вмѣстѣ съ нимъ.

Въ продолженіе нѣкотораго времени я находился при князѣ въ Севастополѣ для составленія подробнаго отчета о дѣйствіяхъ его въ Константинополѣ.

Когда началось непріятельское вторженіе союзныхъ флотовъ Французскаго, Англійскаго и Турецкаго въ Черное море, я былъ откомандированъ къ командовавшему въ Одессѣ графу Остенъ-Сакену и находился при немъ при бомбардированіи Одессы и взятіи Англійскаго парохода.

Затѣмъ, по высочайшему повелѣнію, я былъ назначенъ состоять при фельдмаршалѣ князѣ Паскевичѣ. Пѣхотные корпуса 3, 4 и 5 подъ его командою вступили въ княжества. Вскорѣ князь Меншиковъ получилъ контузію при стычкѣ съ Турками и сдалъ командованіе войсками князю Горчакову, при которомъ мнѣ приказано было оставаться.

Обязанности мои состояли въ наблюденіи за Болгарами, Греками и Сербами, которые, звѣрски преслѣдуемые башибузуками, переправлялись при содѣйствіи нашихъ войскъ, цѣлыми тысячами, черезъ Дунай. Мнѣ поручено было съ помощью сильнаго конвоя собирать ихъ на островахъ и прибрежьѣ Дуная. Подъ моимъ предводительствомъ произошло переселеніе 3,000 человѣкъ, мущинъ, женщинъ и дѣтей за Прутъ со всѣмъ ихъ имуществомъ, мелкимъ и крупнымъ скотомъ; они были поселены среди Болгарскихъ колоній около Болграда *).

Возвратившись въ главную квартиру, я опять занялся вѣдѣніемъ остававшихся и употребляемыхъ на службу при арміи христіанъ, бывшихъ Турецкихъ подданныхъ. Въ то время многіе изъ нихъ оказали замѣчательные подвиги храбрости, а также значительныя услуги нашимъ войскамъ. По моимъ представленіямъ они были награждены медалями и денежными пособіями.

---

*) Подробное описаніе этого замѣчательнаго переселенія которое продолжалось цѣлое лѣто, появится въ „Русскомъ Архивѣ“.

Въ это время стараніями генерала Липранди устроилась Болгаро-Греческая дружина изъ добровольцевъ, и я доставилъ въ дружину 40 человѣкъ, уже оказавшихъ услуги нашимъ отрядамъ и получившимъ награды.

Между ними особенно отличились самоотверженностью находившійся при 12 пѣхотной дивизіи лодочникъ Тома Буртычъ: для предположенной переправы черезъ рѣку Тимокъ онъ собралъ нѣсколько лодокъ, проведя ихъ подъ Турецкими выстрѣлами до пристани Адакина. Другой - Валахъ Англи, Вло, съ опасностью жизни привелъ въ Краево около 20 новобранцевъ для дружины: Болгаръ, Сербовъ и Грековъ. Они были украшены, по моему представленію, медалями на Анниньской лентѣ, и каждому было пожаловано по 10 полуимперіаловъ.

Почти въ тоже время тринадцатилѣтній мальчикъ Райчо (Иродіонъ) Николовъ, родомъ изъ с. Травны, сынъ сапожнаго мастера, совершилъ истинно геройскій подвигъ.

Онъ замѣтилъ, что Турецкія войска быстро сосредоточиваются большими массами узналъ объ ихъ намѣреніи переправиться на лѣвый берегъ рѣки и, находясь тогда по порученію отца, передъ Рущукомъ, пробрался въ сумеркахъ къ берегу Дуная, пробился черезъ Турецкую сторожевую цѣпь, при чемъ, показывая свое ведро, заявлялъ, что ему надо идти за водой. Здѣсь онъ оглядывается кругомъ и видитъ невдалекѣ отъ себя Турецкихъ солдатъ, которые при первой попыткѣ его пуститься по Дунаю могли бы поразить его ружейными выстрѣлами; точно также какъ грозили ему и лежащія тутъ же на берегу Турецкія батареи. Гибель была очевидна и почти неизбѣжна; но твердое упованіе на помощь Божію, споможествующую добрымъ дѣламъ, поддерживаетъ бодрость отрока, святое чувство беретъ верхъ; снявъ съ себя почти всю одежду и перекрестившись, онъ смѣло пустился вплавь по Дунаю, стремясь къ противоположному лѣвому берегу рѣки, съ намѣреніемъ дать свѣдѣнія Русскимъ о силахъ и приготовленіяхъ Турокъ къ переправѣ. Едва онъ отплылъ отъ берега на нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ раздались по немъ ружейные и пушечные выстрѣлы. Райчо видитъ, что жизнь его держится на волоскѣ, но не теряетъ присутствія духа. Собирая всѣ свои силы, то ныряя, то плывя, онъ быстро подвигается впередъ и впередъ. Еще минутъ пять, и Райчо уже не боится этихъ смертоносныхъ выстрѣловъ. Вотъ онъ несется все смѣлѣе. Скоро выстрѣловъ онъ уже не слышитъ или, лучше сказать, не обращаетъ на нихъ вниманія. Онъ видитъ, что пространство, которое ему предстояло переплыть, около 500 саженей, благополучно миновалъ, и неописанная радость наполняетъ его сердце.

Но эта минутная восторженность вдругъ исчезла, и опасность не совсѣмъ еще миновала для Райча. Русскіе казаки и солдаты, стоявшіе на лѣвомъ берегу рѣки, замѣчая приближеніе смѣлаго пловца, что-то живо и проворно берутся за свои ружья, около пушекъ также суетятся, и бѣдному мальчику приходитъ въ голову ужасная мысль: Русскіе солдаты, не зная кто я такой, и полагая, что я Турокъ, вдругъ выстрѣлятъ по мнѣ!

Но, конечно, этого не было: Русскіе воины въ подобныхъ случаяхъ не дѣйствуютъ безъ оглядки. Увидѣвъ почти голаго мальчика, съ котораго

лилася струями вода, они, напротивъ того, съ сожалѣніемъ и ласкою обратились къ нему. Подходя къ нимъ, онъ продолжаетъ осѣнять себя крестомъ, чтобъ доказать имъ, что онъ христіанинъ и вмѣсто привѣтствія читаетъ имъ вслухъ: *„Отче нашъ“*...

Солдаты, принарядивъ его кое-чѣмъ, угощаютъ чѣмъ Богъ послалъ по-пѣхотному и своимъ радушіемъ, заботливостью заставляютъ мальчика совсѣмъ ободриться и забыть только что миновавшую опасность; онъ предавался на нѣсколько минутъ совершенно дѣтской радости, какъ бы у себя, въ кругу родныхъ.

Отдохнувъ нѣсколько, Райчо начинаетъ разсказывать на Болгарскомъ языкѣ о цѣли своего прибытія. Солдаты кое чего не поняли, но сдѣлали съ своей стороны для несчастнаго мальчика все, что могли и что требовало человѣколюбіе. Настолько, однако же, было у нихъ смышлености, чтобы разобрать въ словахъ мальчика, что они заслуживаютъ вниманія. Они не замедлили донести объ этомъ своимъ ближайшимъ начальникамъ. Послѣдніе требуютъ мальчика къ себѣ и посылаютъ его, въ свою очередь отъ начальника къ начальнику.

Тутъ по дорогѣ встрѣтилъ я его подъ конвоемъ и, такъ какъ порядочно понималъ и даже говорилъ по-болгарски, то выслушалъ его. Прошедши такимъ образомъ какъ по этапу, Райчо, наконецъ былъ приведенъ къ князю Горчакову. На предложенные имъ вопросы Райчо, нисколько не смущаясь, смѣло и удовлетворительно отвѣчалъ посредствомъ находившихся при главномъ штабѣ служащихъ Болгаръ и подробно разсказалъ все, что зналъ, о приготовленіяхъ и планахъ Турокъ. Въ концѣ разсказа онъ, павъ на колѣни, просилъ только, чтобы его отцу было дано знать, что онъ живъ и здоровъ. По доставленнымъ имъ свѣдѣніямъ немедленно были отданы приказы по арміи. Дѣйствительно, два дня спустя показанія Райчо оказались вѣрными и неоцѣненными для принятыхъ мѣръ къ отраженію Турокъ. Князь обласкалъ мальчика и поручилъ его мнѣ, приказавъ подать ему рапортъ о маленькомъ героѣ для надлежащаго по мѣрѣ заслуги награжденія за подвигъ, имъ совершенный.

Вслѣдствіе донесенія моего назначена серебряная медаль на Анненской лентѣ съ надписью „за усердіе“ и 10 полуимперіаловъ тринадцатилѣтнему мальчику Райчо Николову, который въ концѣ Іюня 1854 года переплылъ черезъ Дунай противъ Журжева и принесъ извѣстіе о движеніи Турокъ на островѣ Родамасъ.

По желанію главнокомандующаго я призрѣлъ у себя сказаннаго Райчо, на котораго въ Бухарестѣ напали было съ остервенѣніемъ уличные мальчишки, побивъ его и сорвавъ съ него медаль. Съ помощью сопровождавшихъ меня двухъ казаковъ я освободилъ его и возвратилъ ему медаль (деньги оставались у меня).

Райчо тогда же объявилъ, что онъ желаетъ выучиться грамотѣ, образовать себя въ Россіи и поступить въ военную службу. Скоро онъ началъ порядочно писать и читать по-русски. Но мнѣ, при безпрестанномъ пере-

движеніи и частыхъ командировахъ, невозможно было держать у себя Райчо, и я рѣшилъ его отправить въ мое семейство, проживающее въ Кишиневѣ, прося генералъ-адъютанта Будберга *) дать ему проводника сначала до Кишинева, а потомъ до Москвы, куда онъ долженъ былъ проследовать для помѣщенія, по высочайшему повелѣнію, въ Московское ремесленное училище.

Въ семьѣ моей онъ провелъ девять мѣсяцевъ, стараніями моей жены и съ помощью даннаго ему проводника, который оказался нѣсколько образованнымъ урядникомъ пограничной стражи, былъ достаточно подготовленъ, чтобы поступить въ любое учебное заведеніе. Въ Москву онъ долженъ былъ отправиться, чтобы не подвергнуться сразу перемѣнѣ климата.

На девятнадцатомъ году жизни онъ окончилъ свое образованіе. Я находился въ постоянныхъ сношеніяхъ и съ Райчо, и съ директоромъ училища, который отзывался о немъ съ большею похвалою и говорилъ, что, кромѣ отличнаго исполненія работъ по мастерству, онъ постоянно занимается чтеніемъ и уроками въ свободное время у учителя, котораго, по просьбѣ моей, доставилъ ему директоръ.

Получивъ о немъ подробно всѣ свѣдѣнія и аттестацію, въ донесеніи моемъ Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, я изложилъ все вышеописанное, присовокупивъ, что Райчо Николовъ сдѣлался вполнѣ образованнымъ молодымъ человѣкомъ и почтительно проситъ объ опредѣленіи его въ Русскую военную службу и Русское подданство вмѣстѣ съ его отцомъ, который въ это время уже переселился въ Молдавію.

Государь Императоръ соблаговолилъ возвести Иродіона Николова въ званіе Россійскаго дворянина съ назначеніемъ его въ офицеры пограничной стражи на Молдовалахской границѣ, близъ которой проживалъ отецъ его, получившій въ пособіе сто червонцевъ.

Въ послѣднюю Турецкую войну Райчо Николовъ командовалъ отрядомъ Болгарской дружины, отличился примѣрною храбростью, получилъ орденъ св. Владимира съ бантомъ и отъ тяжелой раны скончался на Шипкѣ, гдѣ и похороненъ.

Хаджи Искендеръ.

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.

I.

1) Въ „Русскомъ Архивѣ“ 1896 г. III, 59—77, напечатана статья „Иннокентій Таврическій.“ Въ примѣчаніи сказано, что она сообщена изъ Одессы лицомъ, не означавшимъ своего имени. Статья эта помѣщена въ „Вѣнкѣ на могилу Иннокентія“, изданномъ М. П. Погодинымъ въ Москвѣ въ 1867 г.; она принадлежитъ протоіерею Андрею Логиновскому,

2) Въ Февральской книжкѣ „Русскаго Архива“ за 1897 г. напечатано письмо архимандрита Гавріила. Въ предисловіи къ нему говорится (стр. 320), что „небрежное отношеніе Гавріила къ порученному ему дѣлу духовнаго просвѣщенія юношества не понравилось строгому и бдительному архіепископу Григорію“ и вслѣдствіе будто бы этого обстоятельства Гавріилъ долженъ былъ переселиться съ береговъ Волги въ холодный Киренскій монастырь Иркутской епархіи. За плохое преподаваніе богословія въ университетѣ надъ Гавріиломъ не стряслось бы такой бѣды, какъ высылка въ Киренскъ. Во всякомъ случаѣ архіепископъ Григорій, землякъ Гавріила и сослуживецъ его въ С.-Петербургской Духов. Академіи (первый былъ ректоромъ, а второй инспекторомъ), не безъ основанія выхлопоталъ удаленіе Гавріила изъ Казани. Фамилія Григорія—Постниковъ, а фамилія Городковъ (а не Говорковъ) принадлежитъ его товарищу по Академіи Гавріилу, архіепископу Рязанскому.

Въ предисловіи еще говорится, что архиман. Гавріилъ изъ Киренскаго м-ря переведенъ во Владимирскую епархію по ходатайству В. И. Овчинникова. Едва-ли это такъ. Гавріилъ получилъ облегченіе своей участи благодаря сердолюбію митрополита Исидора, который былъ студентомъ Академіи, когда въ ней профессорствовалъ и инспекторствовалъ Гавріилъ.

Самаркандъ. Марта 4, 1897.

Василій Виддиновъ.

II.

Къ родословію Бенкендорфовъ.

(Р. Арх. 1895, вып 4-й).

№ 56. Александръ Бенкендорфъ женатъ не на Маргаритѣ *Бреверн*, но на Маргаритѣ *Бременъ*.

Къ № 39 Марія Бенкендорфъ замужемъ не за барономъ *Вр дель*, но за барономъ *Врьде*.

У № 49 не дочь *Александра Александровна*, но сынъ *Ал ксандръ Александровичъ*.

У № 56, кромѣ двухъ показанныхъ подъ №№ 64 и 65 дѣтей, еще трое, а именно: Гергардъ (Богданъ) р. 1885, Павелъ р. 1886, Александръ р. 1888 г.

Я. Лудмеръ.

Секретарь Курляндскаго Губернскаго Статистическаго Комит та.

III. Записки Французскаго короля **Людовика XVIII-го** объ его жизни въ Россіи.

Записки декабриста **П. И. Фаленберга.**

Депеши князя Алексѣя Борисовича Куракина изъ Парижа въ 1810 году.

Записки **М. А. Дмитріева-Мамонова.**

Записки о Турецкой войнѣ 1828 и 1829 г. **В. М. Еропкина и И. Г. Поливанова.**

1878 годъ.

I. Воспоминанія принца **Евгенія Виртембергскаго** о послѣднихъ дняхъ Павловскаго царствованія и о событіяхъ четырнадцатаго Декабря 1825 г.

Политическія записки и письма **графа Ѳ. В. Ростопчина.**

Записки **Марьи Сергѣевны Мухановой** о временахъ Екатерины Второй, Павла, Александра и Николая Павловичей.

Записки **Н. В. Баталина,** доктора **К. К. Зейдлица** и **В. М. Еропкина.**

Приключеніе **Лифляндца** въ Петербургѣ.

Письма императрицъ **Елисаветы Петровны, Екатерины второй,** имп. **Александра Перваго,** князя **Суворова** и проч.

II. Хивинскій и Акъ-Мечетскій походы графа **В. А. Перовскаго,** по его письмамъ.

Бумаги **С. П. Шевырева.**

Воспоминанія генералъ-адъютанта **С. П. Шипова.**

Приключенія **Лифляндца** въ Петербургѣ.

Воспоминанія о князѣ В. А. Черкаскомъ.

Письма **А. С. Хомякова** къ Гильфердингу.

Похожденія монаха **Палладія Лаврова.**

III. Письма **Екатерины Великой** къ барону Гримму. 1774—1796

Исторія пріобрѣтенія Амура и дипломатическія сношенія съ Китаемъ. Статья **II. В. Шумахера** (по новымъ документамъ).

Письма **А. С. Пушкина** къ С. А. Соболевскому.

Графъ Моцениго. Разсказъ **графа С. Р. Воронцова.**

Бумаги **графа П. И. Панина.**

Записки **Саввы Текели.**

1879 годъ.

I. Петръ Первый, соч. **М. П. Погодина.**

Разсказъ **графа Н. И. Панина** объ Екатерининскомъ восшествіи.

Біографія гр. С. Р. Воронцова съ его портретомъ.

Письма **Хомякова** къ графинѣ Блудовой.

II. Наши сношенія съ Китаемъ. — Біографія Зорича съ его портретомъ.—Исторія Яицкаго войска.

Письма князя **Вяземскаго** къ Пушкину и Булгакову.

III. Памятныя Записки Ильинскаго, Андреева и Кольчугина.—Бумаги графа Румянцева-Задунайскаго, князя Потемкина и графа Петровскаго.—Уединенный Пошехонецъ.

Воспоминанія графини Блудовой.—Письма **Хомякова** къ Кошелеву и Самарину, съ портретомъ Хомякова.

1880 годъ.

I. Путевыя Записки Стрюйса.—Павелъ Полуботокъ.—Переписка Екатерины съ Іосифомъ.—Кавказскія воспоминанія Венюкова.—Воспоминанія Московскаго кадета.

II. Петръ Алексѣевъ.—Записки Эйлера.—Записки и бумаги Пушкина.

III. Дидеротъ и Екатерина.—Исторія крестьянства, статья князя Черкаскаго.—Княгиня Дашкова и ея подлинныя Записки.

Каждая книга имѣетъ особый азбучный указатель.

ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1897 года.

«Русскій Архивъ» въ 1897 г. издается **двѣнадцатью тетрадями**, съ приложеніями (въ числѣ ихъ книга «Архива Князя Воронцова»).

Годовая цѣна «Русскому Архиву» въ 1897 году съ пересылкой и доставкой **девять** рублей. Для чужихъ краевъ—**двѣнадцать** рублей.

Подписка принимается въ **Москвѣ**, въ Конторѣ «Русскаго Архива», на Ермолаевской Садовой, въ домѣ 175-мъ. Въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени», въ Петербургѣ, Харьковѣ и Одессѣ.

☞ Въ пріемѣ подлинныхъ документовъ и бумагъ, доставляемыхъ „Русскому Архиву", для разработки и печатанія, выдаются росписки, по которымъ владѣльцы получаютъ ихъ обратно. За сохраненіе же статей и современныхъ рукописей, оказавшихся неудобными къ печати, „Русскій Архивъ" отвѣтственности на себя не принимаетъ.

Годовыя изданія «Русскаго Архива» **1884, 1887, 1888** и **1889** получаются со всѣми приложеніями, по 6 р. за каждый годъ съ пересылкою по 7 р. Годы **1890, 1891, 1892, 1893, 1894, 1895** и **1896-й** по 7 р. съ пересылкою по 8 р. Остальныя годовыя изданія «Русскаго Архива» вышли изъ продажи.

ВЫШЛА ОТДѢЛЬНЫМЪ ИЗДАНІЕМЪ

РУСАЛКА

А. С. ПУШКИНА

съ окончаніемъ по современной записи **Д. П. Зуева**. Цѣна **30** копѣекъ съ пересылкою.

Составитель и издатель „Русскаго Архива" **Петръ Бартеневъ**.

Годъ тридцать пятый.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1897

6.

Стр.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи
на Страстномъ бульварѣ.
1897.

Книга бытія моего. Дневники и автобіографическія записки епископа Порфирія Успенскаго. Часть IV. Съ 18 Марта 1850 по 3 Апрѣля 1853. Изданіе Императорской Академіи Наукъ на иждивеніи Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, подъ редакціею *П. А. Сырку.* СПБ. 1896, большая 8-ка, 4 нен. и 470 стр. съ азбучнымъ указателемъ.

Четвертая часть этой удивительной книги не уступаетъ въ значеніи тремъ первымъ. Называемъ *Книгу бытія моего* „удивительною", ибо въ Русской печати никогда еще не появлялось ничего подобнаго. Книга содержитъ въ себѣ множество церковно-археологическихъ открытій, относящихся и къ глубокой древности, и къ нашему времени. Императоръ Николай Павловичъ высится и тутъ, какъ и на другихъ поприщахъ своей дѣятельности: онъ далъ возможность даровитому иноку раскрыть настоящее положеніе Православія въ Турецкой имперіи. Тутъ главная политическая заслуга Порфирія Успенскаго: до него никто не осмѣливался говорить о томъ полную правду; а въ печати у насъ не появлялось ничего подобнаго, напримѣръ, его разговору съ митрополитомъ Московскимъ Филаретомъ.

Сужденія и отзывы преосвящ. Порфирія всегда самобытны и, такъ сказать, свѣжи. У него вовсе нѣтъ фразъ и той расплывчивости въ изложеніи, которою страдаетъ большинство нашего духовенства. Онъ рѣзокъ и простъ, и есть что-то ядреное въ самомъ слогѣ его повѣствованія. Онъ не только искренній богословъ и многоначитанный археологъ, но и вполнѣ художникъ. Нѣкоторыя описанія природы у него увлекательно-прекрасны. Языкъ его твердый и въ тоже время гибкій; онъ напоминаетъ собою языкъ Филарета по мѣткой изобразительности предметовъ, и даже предпочтительнѣе его по отсутствію вычурности. Вотъ напр. что̀ замѣчаетъ онъ въ дневникѣ своемъ о Евреяхъ.

„Не люблю я Евреевъ или, точнѣе сказать, всякій разъ какъ увижу ихъ, чувствую въ себѣ столкновеніе противоположныхъ помысловъ и ощущеній: то презираю этихъ все-свѣтныхъ торгашей за ихъ корысть, обманы, нахальство, вѣроломство; то смотрю на нихъ окомъ Филона, какъ на народъ, посредствомъ котораго распространилось познаніе единаго, истиннаго Бога. Ихъ изумительное терпѣніе, примѣрное единодушіе, упорное вѣрованіе въ величественный призракъ, неослабная привязанность къ отеческимъ преданіямъ, вѣковая, почти одинаковая, численность, неизмѣнившееся племенное обличіе, наконецъ таинственная судьба, которой развязка послѣдуетъ предъ концемъ міра, невольно внушаютъ благоговѣйное вниманіе къ

ЗАПИСКИ ГРАФА М. Д. БУТУРЛИНА [1]).

IV.

(1824—1827).

Въ Москвѣ мы застали пріѣхавшаго туда на время двоюроднаго брата нашего, Петра Адріяновича Дивова, продолжавшаго числиться при Парижскомъ посольствѣ. Онъ стоялъ во Французскомъ отелѣ Оберъ-Шальмè, въ домѣ Эйнбродта, въ Глинищенскомъ переулкѣ. Парижская жизнь разстроила его состояніе; тамъ онъ, одно время, купилъ домъ или чуть-ли не два дома на Отёльскомъ шоссе (Chaussée d'Auteil), переданные имъ своей женѣ-Француженкѣ, съ которою онъ разъѣхался въ 30-ыхъ годахъ и до смерти своей (случившейся въ Декабрѣ 1856 года) болѣе не видался. Дѣтей никогда у нихъ не было.

Княгиня Зинаида Александровна Волконская перенесла тогда артистической престолъ свой изъ столицы древнихъ кесарей въ бывшій столичный градъ Русскихъ царей. Подъ сѣнью ея, въ занимаемомъ ею Бѣлосельскомъ огромномъ домѣ на Тверской, насупротивъ церкви Св. Димитрія-Солунскаго, осуществились давнишнія мои грезы, и я впервыя поступилъ на сцену въ роли Орбассана въ оперѣ «Танкредъ», съ нею, съ родственницею ея графинею Риччи (урожденной Луниной) примадонною [2]), и съ теноромъ г. Барбьери. Хоры были также изъ аматёровъ; въ нихъ участвовали братья князья Платонъ и Александръ Мещерскіе, братья Берсъ (оба впослѣдствіи медики), Англичанинъ Фей (впослѣдствіи нотаріусъ въ Москвѣ, застрѣлившійся въ 40-ыхъ годахъ). Въ подмогу имъ взяты были немногіе изъ хористовъ Московскаго театра. Директоромъ оркестра былъ талантливый Московскій музыкальный учитель и композиторъ Чехъ, г. Еништа. Не ограничиваясь опернымъ пѣніемъ, княгиня Волконская являлась и во Фран-

---

[1]) См. выше стр. 5.

[2]) Передано было мнѣ, что еще дѣвицею Луниною она, за отличіе въ пѣніи, коронована была въ Римскомъ Капитоліи, между 1814 и 1817 годами. Тамъ же вышла она замужъ за графа Риччи, красиваго мужчину безъ всякаго состоянія.

цузскихъ піесахъ: при мнѣ поставлены были на ея сценѣ Моліерова комедія le Bourgeois gentilhomme и еще другая какая-то піеса; въ нихъ играли изъ мужчинъ Французъ живописецъ г. Лагрене, профес. Московскаго университета г. Алларъ [1]) и г. Веневитиновъ (женившійся впослѣдствіи на дочери графа Михаила Юрьевича Віельгорскаго).

Салонъ княгини Волконской былъ сборнымъ мѣстомъ художниковъ и литературныхъ знаменитостей. Изъ послѣднихъ у ней бывали Польскій поэтъ Мицкевичъ, князь Петръ Андр. Вяземскій и преждевременно похищенный смертію, много обѣщавшій поэтъ Веневитиновъ. Тамъ же я познакомился съ Андреемъ Николаевичемъ Муравьевымъ, тогда армейскимъ драгунскимъ молодымъ офицеромъ, относительно коего скажу кстати, что я виноватъ въ томъ, что долго питалъ предубѣжденіе къ искренности его благочестія. Впослѣдствіи, сблизившись съ нимъ, я убѣдился, что онъ былъ изъ числа глубоко вѣрующихъ, и что обвинять его въ лицемѣріи и честолюбіи совершенно неосновательно. Въ 1827 году онъ пописывалъ стишки и разъ, отломивъ *нечаянно* (упираю на это слово) руку у гипсоваго Аполлона на парадной лѣстницѣ Бѣлосельскаго дома, онъ тутъ же начертилъ какой-то акростихъ. Могу сказать, почти утвердительно, что А. С. Пушкина при томъ не было. Странно, что, бывши часто у княгини Волконской, я ни разу не встрѣчалъ тамъ Пушкина.

Слышно было, что графиня Риччи славилась когда-то пѣвицею перваго изъ аматёрокъ разряда; но въ мое время она была уже далеко не молода, и артистическая ея звѣзда померкла: голосъ, хотя еще обширный, высказывался визгливостію и былъ не всегда вѣрной интонаціи. Графъ Риччи, десятью, если не болѣе, годами моложе жены, былъ Флорентинецъ безъ всякаго состоянія. Пѣвалъ и онъ съ большимъ вкусомъ и методомъ, но басовый голосъ его былъ не ясенъ (voix voilée) и не силенъ, отъ чего нельзя было ему пускаться на сцену и на публичные концерты. Былъ онъ превосходный комнатный пѣвецъ, и особенно хорошо пѣвалъ Французскіе своего сочиненія романсы, тогда бывшіе въ ходу въ Москвѣ. Совѣтамъ и указаніямъ его обязана успѣхами на поприщѣ диллетантизма родственница его жены, Елисавета Алексѣевна Окулова, долго раздѣлявшая впослѣдствіи съ Прасковьею Арсеньевной Бартеневою первенство между Московскими пѣвицами [2]). Супруги Риччи жили до-

[1]) Сынъ г. Аллара сопровождалъ, въ качествѣ медика, князя Дмитрія Владиміровича Голицына въ Парижъ въ 1843 году.

[2]) Окулова вышла за вдовца Алексѣя Николаевича Дьякова; она пѣвала съ большимъ еще успѣхомъ въ 1841 году.

вольно открыто въ своемъ домѣ у верхней части Тверскаго бульвара, на углу Ситниковскаго переулка и Бронной. Въ серединѣ 1827 г. они разъѣхались; графъ возвратился въ Италію, и о немъ болѣе я ничего не слыхалъ ни въ Россіи, ни въ Италіи, гдѣ я жилъ позднѣе. У нихъ я разъ встрѣтилъ Московскаго [1]) давнишняго обитателя, Итальянца г. Тончи, живописца и поэта, сохранившаго въ старости слѣды своей красоты и воодушевленныя рѣчи. Это была замѣчательная личность. Въ началѣ столѣтія онъ пріѣхалъ въ Юго-Западный край Россіи съ княземъ Станиславомъ Понятовскимъ (братомъ послѣдняго Польскаго короля) въ имѣніе князя, а оттуда перебрался въ Москву, гдѣ женился на княжнѣ Гагариной. Поэзія его носила отпечатокъ экзальтированнаго пietизма, въ каковомъ духѣ онъ написалъ поэму о св. Іоаннѣ Богословѣ. Во время занятія Москвы Французами, онъ бѣжалъ во Владиміръ въ полу-помѣшанномъ, какъ говорятъ, состояніи. Въ память-ли своего укрывательства въ этомъ городѣ, или по другой причинѣ, онъ написалъ для тамошняго каѳедральнаго собора огромнаго размѣра картину (съ фигурами въ настоящій ростъ), представляющую крещеніе Россіи при Св. Владимірѣ. Я тщательно разсматривалъ эту картину въ 1847 году, и хотя она была отчасти повреждена и покрыта слоемъ пыли десятковъ, можетъ быть, лѣтъ, я нашелъ артистическое ея достоинство весьма посредственнымъ. Не говоря уже о томъ, что г. Тончи, по примѣру другихъ иностранцевъ, нимало не заботился о сохраненіи національнаго костюма той эпохи въ фигурахъ, но группировка ихъ и позы полны аффектаціи и въ томъ дурномъ стилѣ что̀ преобладалъ въ живописи въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія; оригинальнаго въ ней весьма немного, и по большей части заимствовано все было изъ Итальянскаго художества [2]). Изъ произведеній его кисти я видѣлъ также въ бывшемъ Кикинскомъ домѣ на Арбатской улицѣ портретъ Алексѣя Андреевича Кикина и запрестольное большое Распятіе въ церкви с. Воронцова.

Съ княгинею жила тогда сестра ея Магдалина Александровна Власова, мужъ которой разорилъ богатое состояніе свое покупками артистическихъ рѣдкостей, особенно эстамповъ. Въ обществѣ ее прозвали Madelon, за ея вульгарность; она уже была въ то время вдовою и впослѣдствіи перешла въ латинство по примѣру сестры.

---

[1]) Графиня Риччи проживала въ 1854 и 1855 г. въ оставшемся у ней незначительномъ имѣніи Коломенскаго уѣзда и вела какую-то тяжбу по Рязанской губерніи, гдѣ я въ то время служилъ при губернаторѣ П. П. Новосильцовѣ. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о ней не имѣю.

[2]) Въ 1836 году Тончи жилъ на казенной квартирѣ въ Запасномъ дворцѣ, что̀ у Красныхъ воротъ, за что̀ или по чьей протекціи, неизвѣстно мнѣ.

Московскимъ оберъ-полицмейстеромъ былъ Шульгинъ 1-й, образцовая дѣятельность котораго сохранилась въ мѣстныхъ преданіяхъ и который умеръ совершенно, говорятъ, въ нищетѣ. Полицмейстерами были г.г. Обрѣзковъ и Ровинскій. Послѣдній изъ нихъ былъ человѣкъ недалекій; о немъ ходили анекдоты между прочими, что однажды при составленіи описи движимаго имущества онъ назвалъ нѣкій туалетный аппаратъ скрипичнымъ ящикомъ на четырехъ ножкахъ.

Московскіе меломаны восхищались Итальянскою своею труппою, содержавшеюся на частной подпискѣ. Директоромъ ея былъ престарѣлый князь Юсуповъ. О ней можно было сказать, что въ общемъ составѣ она была изрядною; но для меня, новопріѣзжаго изъ Италіи, слышавшаго недавно предъ тѣмъ первыхъ того времени артистовъ въ Вѣнѣ, Флоренціи и Миланѣ, смѣшно было смотрѣть на постановку грандіозной Семирамиды на крошечной сценѣ домашняго театра въ домѣ Степана Степановича Апраксина на углу Знаменки и Арбатской площади. Шесть или семь актеровъ не могло почти стоять въ рядъ, не толкая другъ друга. Оркестромъ дирижировалъ одно время, если не ошибаюсь, графъ Михаилъ Юрьевичъ Віельгорскій, написавшій двѣ аріи, одну для г. Перуцци, а другую для г. Този, и обѣ вставленныя въ оперу Керубини «Les deux journées». Въ концѣ 1826 года оба братья графы Віельгорскіе уже переѣхали въ Петербургъ *).

Тотчасъ по пріѣздѣ нашемъ въ Москву, братъ мой повезъ меня къ дѣду нашему (дядѣ отца нашего) князю Юрію Владимировичу Долгорукому. Старикъ крѣпко обнялъ меня, а я, столь сильно, по неосторожности, стукнулся объ его голову, что у меня даже вскочила шишка. Меня это крайне сконфузило; но воображаю, какъ больно было старику. Мы однажды были у обѣдни въ его домовой церкви, гдѣ на клиросѣ пѣвалъ, помнится мнѣ, съ дворовыми людьми князь Александръ Ивановичъ Долгоруковъ. Онъ подошелъ ко мнѣ послѣ службы и любезно сказалъ, что ему извѣстно было о короткомъ моемъ знакомствѣ съ его братомъ княземъ Рафаиломъ Ивановичемъ и что онъ потому проситъ меня обращаться и съ нимъ какъ со старымъ знакомымъ. Сдѣлавъ ему послѣ сего утренній визитъ, я пораженъ былъ его коллекціею стариннаго оружія.

Братъ мой разсказывалъ, что, во время занятія войсками нашими Парижа въ 1814 году, кн. Юрій Владимировичъ выслалъ ему въ по-

*) Въ послѣднихъ годахъ царствованія императора Александра 1-го, графъ Михаилъ Юрьевичъ проживалъ въ Москвѣ, въ опалѣ за женитьбу свою на родной сестрѣ покойной первой своей жены.

дарокъ нѣчто въ родѣ суммы отъ 5 до 6 тысячъ рублей тогдашними ассигнаціями; подобную или чуть ли еще не болѣе значительную сумму получилъ онъ же въ подарокъ отъ другаго нашего дѣда, графа С. Р. Воронцова, коего онъ навѣстилъ въ Лондонѣ. Вотъ каковыми изліяніями вельможной щедрости поддерживались въ старину родственныя связи; но на мою долю подобной щедрости не выпадало за исключеніемъ подареннаго мнѣ графомъ Григорьемъ Ивановичемъ Чернышевымъ, изъ Тагинскаго завода, коня.

Когда прохожу вдоль Большой Никитской, грустно мнѣ и понынѣ видѣть, какъ мало осталось отъ вельможнаго дома дѣда нашего князя Юрія Владимировича, на углу Никитской и Брюсова переулка, по правой рукѣ (идя отъ Кремля). Передняя часть дома, въ уровень съ улицей, давно не существуетъ, а остался лишь корпусъ въ углубленіи двора; одинъ бокъ его тянется по Брюсовскому переулку *).

Какая у насъ въ Россіи разница съ тѣмъ, что́ видимъ за границею, и въ особенности въ Италіи, гдѣ столь многіе изъ родовыхъ аристократическихъ домовъ сохраняются какъ семейная святыня, переходя въ неповрежденномъ видѣ отъ одного поколѣнія къ другому. Въ Москвѣ остались, кажется, изъ таковыхъ только дома кн. Сергѣя Михаиловича Голицына на Волконкѣ, Мятлева на Большой Дмитровкѣ (Купеческій Клубъ), графа Шереметева на Вздвиженкѣ, князей Бѣлосельскихъ на Тверской, князя Михаила Ѳедоровича Голицына на Покровкѣ, князя Сергѣя Ивановича Гагарина на Знаменкѣ, князя Николая Ивановича Трубецкаго въ Знаменскомъ переулкѣ, графовъ Паниныхъ на Большой Никитской, принадлежащій нынѣ княгинѣ Мещерской. Долго держался, почти что до 1860 года, домъ князей Трубецкихъ на Покровкѣ, и долго сохранялась доска съ надписью княгини Прозоровской (родъ, нынѣ пресѣкшійся) на Полянской улицѣ, у малаго каменнаго моста на водоотводномъ каналѣ.

На меня, привыкшаго къ постройкамъ Европейскихъ городовъ съ сплошными и высокими ихъ домами, Москва сдѣлала первоначально странное впечатлѣніе съ ея отдѣльными и двухэтажными, обыкновенно, домами, и одноэтажными домиками съ палисадникомъ предъ нимъ, какъ бы въ деревнѣ, и съ деревянными заборами между домами. Были тогда недостроенные пустыри и обгорѣвшія съ 1812 года руины, какъ на

*) Корпусъ этотъ принадлежалъ въ 40-ыхъ годахъ какому-то богачу-скупцу Махову, о которомъ разсказывали, будто бы онъ говорилъ, что не считаетъ-де обязаннымъ благодарить Бога за пріобрѣтенное состояніе, а самого себя, и что когда удавалось ему выгодное дѣло, то онъ подходилъ къ зеркалу, кланялся самому себѣ и благодарилъ себя.

прим. Гагаринскій большой домъ на концѣ Страстнаго бульвара (нынѣ Екатерининская больница), графа Остермана за Каретнымъ рядомъ (нынѣ Духовная Семинарія), домъ нынѣ г-жи Ефремовой на углу Большой Никитской и Верхняго Кисловскаго переулка [1]), и домъ господъ Савиныхъ гдѣ-то за Москворѣчьемъ къ Калужской заставѣ, да и нашъ домъ въ Нѣмецкой слободѣ. Самая архитектура большихъ домовъ, съ неизбѣжными штукатурными колоннами и треугольнымъ надъ ними фронтономъ, удивляла меня непріятно. Было повидимому немало древнихъ церквей, но изуродованныхъ испещреніемъ часто возобновленныхъ слоевъ красокъ всѣхъ возможныхъ радужныхъ цвѣтовъ, тогда какъ за границей всѣ древнія зданія носятъ отпечатокъ старины [2]).

Вывѣски магазиновъ были еще всѣ Русскія, остатокъ, какъ говорили мнѣ, Ростопчинскаго запрета Французскаго нарѣчія; въ этомъ не было ничего удивительнаго, хотя читалось напримѣръ на Кузнецкомъ мосту «Урсуль Буасель, моды»; но смѣшно было мнѣ читать на кондитерской вывѣскѣ Педотти (гдѣ она и теперь, на Тверской, близъ Охотнаго ряда) «*Фидель берже*».

Братъ мой возилъ меня ко многимъ изъ старыхъ знакомыхъ нашего семейства, въ томъ числѣ къ Московскому почтъ-директору Ивану Александровичу Рушковскому, старому холостяку и начитанному человѣку. По безукоризненности долговременной своей службы на этомъ мѣстѣ и по прямотѣ его характера Москвичи смотрѣли на него какъ на новаго Аристида или Катона. Былъ я съ братомъ и у тогдашней авторитетной барыни, Авдотьи Селиверстовны Небольсиной, прозванной «la tante de la larme à l'oeil», потому ли что она была *оченно*-молъ чувствительна, или отъ физической влажности очей, рѣшить не могу. Слово *tante* относилось къ ея племяннику Николаю Андреевичу Небольсину, жившему въ одномъ съ нею домѣ. Но одинъ изъ первыхъ нашихъ визитовъ былъ къ графу Александру Никитичу Панину, женатому уже нѣсколько лѣтъ на Александрѣ (въ обществѣ Алинѣ) Сергѣевнѣ Толстой, дочери Елены Петровны, интимнаго друга матери нашей. Панины жили тогда въ Кузнецкомъ переулкѣ между Дмитровкой и Кузнецкимъ мостомъ, въ домѣ что на дворѣ, гдѣ нынѣ извѣстная фотогра-

---

[1]) Домъ этотъ стоялъ въ развалинахъ еще въ 1835 году.

[2]) Въ позднѣйшее мое пребываніе въ Москвѣ, меня занимали подобныя малярныя гнусныя превращенія надъ несчастной церковью Св. Фрола и Лавра противъ Почтамта, которую я видѣлъ переходящею хамелеобразно изъ нѣжно-розовой въ ярко-пурпуровую, или изъ блѣдно-лазуревой въ темно-синюю. Подобное безвкусіе встрѣчается только въ Русскихъ городахъ.

фія Бергнера. Графъ Александръ Никитичъ указалъ мнѣ на Павлоградскій гусарскій полкъ, какъ изъ лучшихъ армейскихъ.

Описывая передъ симъ салонъ и общество княгини Волконской, забылъ я упомянуть, что въ числѣ горячихъ ея поклонниковъ былъ старикъ и меломанъ (скрипичный) Иванъ Александровичъ Нарышкинъ, женатый на баронессѣ Строгановой *). При встрѣчѣ со мною однажды на лѣстницѣ Бѣлосельскаго дома, онъ сказалъ мнѣ: «Vous allez adorer notre Corinne; moi, j'en reviens. И дѣйствительно трудно описать тотъ энтузіазмъ, который производила тогда въ Московскомъ обществѣ незабвенная для своихъ друзей, геніальная княгиня Зинаида. Ивана Александровича Нарышкина, въ послѣднихъ еще годахъ жизни, можно было видѣть въ Петровскомъ паркѣ и въ Сокольникахъ гарцующимъ на англизированномъ куцемъ конѣ съ свѣжею розою въ петлицѣ фрака; а на аматёрскихъ концертахъ можно также было видѣть его съ скрипичнымъ футляромъ, готоваго состязаться въ квартетѣ, въ которомъ участвовалъ также скрипкою Николай Алексѣевичъ Тепловъ, между тѣмъ какъ злонамѣренные языки утверждали, что изъ пропущенныхъ обоими виртуозами нотъ можно было бы составить сонату.

Кончаю отчетъ о Бѣлокаменной за 1826 годъ тѣмъ, что много изъ свѣтской молодежи числилось, если не служило, въ Кремлевской Экспедиціи, подъ вѣдѣніемъ стараго князя Юсупова, и что винный погребъ умершаго нынѣ Филиппа Ивановича Депрѐ, галантерейный магазинъ Розенштрауха (основанный, кажется, въ 1814 или 1815 году подъ названіемъ косметическаго) и колбасный магазинъ Монигетти были всѣ три на томъ же мѣстѣ, гдѣ нынѣ: первый на Петровкѣ (и уже славился большою практикою), второй на Кузнецкомъ мосту, а третій въ Газетномъ переулкѣ между Кузнецкимъ мостомъ и Дмитровкой. Лучшій изъ кондитеровъ былъ Гуа на Кузнецкомъ мосту, вскорѣ передавшій свое заведеніе г. Дублѐ, а напротивъ Гуа (гдѣ нынѣ Англійскій магазинъ Шанксъ и Боленъ) уже существовалъ знаменитый ресторанъ Яра.

Пробывъ съ мѣсяцъ въ Москвѣ и снабдивъ меня нужными къ поступленію на службу документами, братъ мой уѣхалъ въ Петербургъ, а оттуда въ Бутурлиновку. Хотя имѣнія и всѣ отца нашего дѣлà въ Россіи продолжали находиться подъ вѣдѣніемъ ст.-секр. Өедора Александровича Голубцова; но какъ онъ не отлучался никуда изъ Петербурга, то братъ мой имѣлъ мѣстный надзоръ надъ управленіемъ отцовскихъ имѣній.

---

*) Домъ его былъ на Пречистенкѣ; онъ проданъ впослѣдствіи сыномъ его Алексѣемъ Ивановичемъ, женатымъ на Хрущовой (нынѣ Рудакова).

Между 15 и 20, кажется, числами Марта я отправился один (въ первый разъ жизни) въ Орелъ, въ квартировавшій тамъ Павлоградскій гусарской полкъ. Прошеніе мое было давно туда отправлено. Было мнѣ тогда отроду 20 лѣтъ безъ нѣсколькихъ дней. Я рвался на службу, но сознаться долженъ, что говорилъ по-русски со многими ошибками. Молодыя графини Чернышевы, смѣясь, поправляли меня часто, что̀ самое дѣлали и полковые мои товарищи. Кстати о молодыхъ графиняхъ, передаю какъ слухъ, что когда онѣ еще жили въ Петербургѣ, то за граф. Софью Григорьевну сватался будто бы Евгеній Александровичъ Понятовскій, тогда товарищъ графа Захара Григорьевича по кавалергардскому полку, и что за граф. Елисавету Григорьевну сватался будто бы троюродный ея братъ (по бабушкѣ Настасьѣ Петровнѣ Самариной, ур. графини Салтыковой) Иванъ Петровичъ Мятлевъ, извѣстный впослѣдствіи юмористическою своею поэмою «Сенсаціи Курдюковой».

Я уже описалъ, на сколько сумѣлъ, плѣнительную красоту графини Вѣры Григорьевны, и потому удивительнаго ничего нѣтъ, что мои съ нею ежедневныя отношенія не могли пройти безпослѣдственно для меня. Я сдѣлался неравнодушнымъ къ ней; но признаться долженъ, что увлеченіе къ гусарскому мундиру смягчало горесть разставанья съ нею, чѣмъ я не оправдывалъ на себѣ старую пѣсню:

Гусаръ на саблю опираясь,
Въ глубокой горести стоялъ;
На вѣки съ милой разлучаясь и пр.

Правда, что я нимало не мнилъ разлучаться съ нею на вѣки и откладывалъ отъѣздъ мой въ полкъ.

Придерживаясь хронологическаго порядка семейныхъ событій, я долженъ упомянуть здѣсь о случившемся у Дивовыхъ въ этотъ десятилѣтній періодъ, со времени нашего отъѣзда за границу. Николай Адріяновичъ былъ ничѣмъ, кажется, болѣе, какъ штабсъ-капитаномъ въ гвардейской пѣшей артилеріи, гдѣ началъ службу свою. Въ 1822 г. онъ былъ уже полковникомъ и вышелъ было въ отставку, но на слѣдующій 1823 годъ поступилъ опять на службу съ переименованіемъ въ статскіе совѣтники и съ назначеніемъ Петербургскимъ вице-губернаторомъ. Въ 1824 г., по случаю женитьбы великаго князя Михаила Павловича, назначенъ онъ былъ въ должность шталмейстера его двора, въ 1826 г. произведенъ былъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а въ 1827 году женился на Зинаидѣ Сергѣевнѣ, младшей сестрѣ княгини Варвары Сергѣевны Голицыной, принесшей ему въ приданое значи-

тельное весьма состояніе. Далѣе мы не разъ встрѣтимся съ нимъ; теперь лишь добавлю, что относительно Петербургскихъ Декабрьскихъ событій онъ много любопытнаго разсказываетъ, какъ очевидецъ всего случившагося тогда при дворѣ великаго князя Михаила Павловича. Интересно заявленное недоумѣніе князя Ивана Александровича Лобанова-Ростовскаго, сенатскаго оберъ-прокурора, какъ ему дѣйствовать и чьимъ изъ двухъ великихъ князей (Константина и Николая) портретомъ замѣнить находившійся въ сенатской присутственной каморѣ портретъ умершаго императора Александра Павловича.

О теткѣ моей графинѣ Маріи Артемьевнѣ Воронцовой скажу, она зимою съ 1825 на 1826 годъ просватала во Флоренціи воспитанницу свою Анну Антоновну Станкеръ за Ирландца г. Баррона, родственника г-жи Погенполь, жены секретаря нашей Флорентинской миссіи. Весною 1826 г. тетка моя переѣхала въ южную Францію, гдѣ и состоялся бракъ ея воспитанницы.

V.

1827—1830 г.

Первое время моей юнкерской службы. – Жизнь въ Орлѣ и поѣздка въ Москву.—Турецкая война 1828 и 1829 годовъ.—Мое производство въ офицеры.—Кончина моего отца.—Мое прикомандированіе къ л.-г. гусарскому полку.

Сбылись наконецъ мои мечты: въ послѣднихъ числахъ Марта 1827 года я облекся въ юнкерскій мундиръ искони прославившагося Павлоградскаго гусарскаго полка. Мундиръ былъ весьма нарядень: доломанъ темнозеленый, а ментикъ, киверъ и ташка ярко-бирюзоваго цвѣта; шнурки и шейтажъ были у офицеровъ золотые, а у нижнихъ чиновъ краснаго гаруса; впрочемъ, эта была донашиваемая старая форма, и чрезъ два мѣсяца по поступленіи моемъ въ полкъ даны были желтые вмѣсто красныхъ шнурковъ. Полкъ состоялъ изъ шести дѣйствующихъ эскадроновъ (т. е. три дивизіона) и седьмаго запаснаго, не входившаго никогда въ строй. Лейбъ-эскадронъ (т. е. первый) былъ на гнѣдыхъ лошадяхъ; второй эскадронъ на рыжихъ и бурыхъ, третій и четвертый на сѣрыхъ и бѣлыхъ; пятый на караковыхъ, а шестой на вороныхъ; взводъ трубачей былъ на сѣрыхъ *). Полки нашей 2-ой гусарской дивизіи были слѣдующіе: эрцъ-герцога Фердинанда (бывшій Изюмскій), нашъ Павлоградскій, Елисаветградскій и Иркутскій (вербованный въ 1812 году княземъ Салтыковымъ). Дивизіоннымъ генераломъ былъ ген.-лейтенантъ баронъ Будбергъ; командиромъ первой (нашей)

---

*) Тоже самое было и въ трехъ остальныхъ полкахъ дивизіи до смотра подъ Вязьмою.

бригады генер.-маіоръ Христофоръ Өедоровичъ Солдейнъ (или Солданъ), Голландецъ [1]), а командиромъ второй бригады ген.-маіоръ Деляновъ, настоящій Армянинъ физіономіею. Полкомъ нашимъ командовалъ баронъ Өедоръ Петровичъ Оффенбергъ [2]). Я поступилъ въ 6-ой эскадронъ, коимъ командовалъ тогда подполковникъ Егоръ Ивановичъ Пашковъ, женатый на прекрасной собою Ольгѣ Алексѣевнѣ Панчулидзевой. (Егоръ Ивановичъ, такъ же, какъ старшій братъ его Андрей и младшіе Егоръ и Николай Ивановичи, началъ службу въ л.-гусарскомъ полку; онъ прежде былъ адъютантомъ у графа Петра Александровича Толстаго). Въ эрцъ-герцога Фердинанда полку, коимъ командовалъ полковн. Купферъ, доломанъ, киверъ и ташка были красные, а ментикъ темносиній съ золотомъ, а у нижнихъ чиновъ шнурки были бѣлые. Въ Елисаветградскомъ полку, подъ командою полковника Рашевскаго, ментикъ, доломанъ, киверъ и ташка сѣро-сермяжнаго цвѣта (какъ тогдашній мундиръ внутренняго гарнизона), шнурки офицерскіе были золотые, а у нижнихъ чиновъ желтаго гаруса; той же весною, на высочайшемъ смотру подъ Вязьмою, мундиръ былъ перемѣненъ на темносѣро-синеватаго цвѣта, таковаго же оттѣнка, какъ общія кавалерійскія рейтузы. Въ Иркутскомъ полку, который только что былъ принятъ полковникомъ Тютчевымъ отъ полк. Мих. Павл. Ланскаго, ментикъ и доломанъ были темнозеленые съ золотыми же шнурками, а киверъ и ташка малиновые; у нижнихъ чиновъ шнурки желтаго гаруса [3]).

Незадолго передъ тѣмъ отмѣнены были чихчиры и Венгерскіе сапожки сверхъ чихчиръ, и дана была общая для всей кавалеріи форма сѣрыхъ рейтузъ съ узкимъ кантикомъ (по цвѣту полковъ) вмѣсто прежнихъ широкихъ лампасовъ. Эскадронными командирами Павлоградскаго полка, были: лейбъ-эскадрона ротмистръ Игнатій Дмитріевичъ Масловъ; втораго ротмистръ Болдыревъ, третьяго ротмистръ Мих. Ив. Вандзенъ, четвертаго ротмистръ Гавришевъ, пятаго ротмистръ Николай Александровичъ Тухачевскій, нашего шестаго подполковникъ Егоръ Иванов.

---

[1]) Изъ секретарей Голландскаго посольства при нашемъ дворѣ, онъ, покровительствуемый вел. кн. Константиномъ Павловичемъ, вступилъ въ нашу военную службу до 1810 г., и въ войнѣ 1812 г. былъ въ конногвардейскомъ полку. Хорошій музыкантъ, съ изящными манерами въ обществѣ и до конца жизни плохо говорившій по-русски.

[2]) Братъ его, баронъ Иванъ (Генрихъ) Петровичъ Оффенбергъ командовалъ въ то время Ямбургскимъ уланскимъ полкомъ.

[3]) Разница въ мундирѣ Фердинандова (Изюмскаго) полка и 3-й гусарской дивизіи принца Оранскаго (бывшаго Бѣлорусскаго) полка, состояла въ томъ, что въ послѣднемъ полку доломанъ былъ синій, а ментикъ, киверъ и ташка красные съ серебромъ; шнурки у нижнихъ чиновъ бѣлаго гаруса. Иркутскій полкъ давно не существуетъ: онъ былъ разведенъ по другимъ полкамъ вскорѣ послѣ Польской войны 1831 года.

Пашковъ, а седьмаго (запаснаго) ротмистръ Газетскій. Изъ штабъ-офицеровъ, не командовавшихъ эскадронами, были маіоры Деменко и Рогачевскій; послѣдній изъ нихъ постоянно почти находился въ отлучкѣ, какъ ремонтёръ.

Я считалъ себя наисчастливѣйшимъ изъ смертныхъ и не промѣнялъ бы, кажется, полной гусарской формы, хотя юнкерской, на фельдмаршальскую. Самая даже дисциплина ребячески занимала меня на столько, что я сначала не пропускалъ снимать фуражку и вытягиваться во фронтъ передъ всякимъ офицеромъ несчастнаго гарнизоннаго инвалиднаго баталіона. Тутъ была не только для меня новизна, но сознаніе, что я значу что нибудь (le sentiment d'être une quelque chose) послѣ продолжительнаго моего нахожденія подъ опекою. Могло быть, что меня забавляло также то, что я, принадлежа къ знаменитому и богатому роду, при моемъ Европейскомъ образованіи, сталъ теперь добровольно на ряду съ простыми солдатами крестьянскаго сословія, сознавая, между тѣмъ, общественное и интеллектуальное свое надъ ними превосходство. Нѣчто въ этомъ смыслѣ видимъ иногда въ лицахъ изъ царственнаго рода, склонныхъ, разнообразія ради, вступать въ частное общество и требующихъ, чтобы обходились съ ними, какъ съ равными. Не это ли самое и есть «l'humilité de l'orgueil», чѣмъ я по сіе время стражду?

Странно, что меня, воспитаннаго за границей и въ либеральныхъ идеяхъ, не черезчуръ возмущала свирѣпость тѣлесныхъ наказаній, совершавшихся передъ моими глазами, за проступки, весьма по моему, неважные. Можетъ быть, впрочемъ, что я началъ убѣждаться, что подобная строгость необходима для поддержки дисциплины. У грамотныхъ нижнихъ чиновъ ходило по рукамъ, помню, куріозное длинное стихотвореніе, начинавшееся

Лишь бы были только палки:
Офицеры такъ, какъ галки,
Командиры, генералы,
Нынѣ тѣже обдиралы

И кончавшееся

Вашъ покорнѣйшій слуга
Передъ вами, какъ дуга,
И всегдашній вашъ служитель
Сей поэмы сочинитель».

Индифферентизмъ мой не устоялъ однакоже, когда я однажды узналъ отъ своего товарища, что полковой командиръ приказалъ передать

одному гусару (т. е. нижнему чину), намѣревавшемуся жаловаться на него (полковника) на предстоявшемъ инспекторскомъ смотру (основательна-ли была та жалоба или нѣтъ, не помню), что если солдатъ осмѣлится принести жалобу, то онъ, какъ ближайшій начальникъ, съ нимъ расплатится, и бѣдный солдатъ промолчалъ. А вѣдь, кажись, на бумагѣ инспекторскіе смотры и учреждены только для этой цѣли. Случай этотъ меня взорвалъ. Но при всемъ этомъ пылѣ къ гусарству была какая-то ненормальность въ новомъ моемъ положеніи, и это чувствовалось мною. По воспитанію я былъ космополитъ (скорѣе однакоже Англичанинъ, чѣмъ что̀ другое), свободно писалъ вирши по-англійски и по-итальянски и плоховато говорилъ на родномъ своемъ языкѣ, и хотя читывалъ не безъ удовольствія Пушкина и Козлова, но Русская литература вовсе почти не интересовала меня, доказательствомъ чему служитъ, что братъ мой подарилъ мнѣ только-что вышедшее собраніе стихотвореній крестьянина-самоучки Слѣпушкина, которое такъ и осталось у меня нечитаннымъ, и мнѣ не сдѣлалось даже извѣстнымъ, что, когда я рисовался въ Орлѣ въ моемъ Павлоградскомъ бирюзовомъ ментикѣ, Россія оплакивала кончину великаго своего исторіографа Карамзина; а проживая два раза въ Москвѣ (въ началѣ 1827 и въ началѣ 1828 года), я и понятія не имѣлъ о существованіи журналиста и критика Н. А. Полеваго: «Телеграфа» его никто не читывалъ въ моемъ кружкѣ.

Орловскимъ губернаторомъ былъ тогда Петръ Александровичъ Сонцевъ, женатый на Екатеринѣ Дмитріевнѣ Чертковой. Какова была административная его дѣятельность, судить не могу. Человѣкъ онъ былъ добрѣйшій и моргалъ постоянно однимъ глазомъ, изъ чего случилось, какъ разсказывали, слѣдующее. Вытребовавши къ себѣ для разбирательства двѣ партіи тяжущихся купцевъ (или крестьянъ), покуда онъ выслушивалъ одну сторону, представители другой партіи вышли, не дождавшись конца аудіенціи и когда губернаторъ послалъ воротить ихъ, то они отвѣчали будто бы, что имъ нѣчего тамъ дѣлать, потому молъ, что они видѣли, какъ его превосходительство перемаргивался съ противниками. Орловскимъ вице-губернаторомъ былъ г. Бурнашевъ, хорошій музыкантъ; съ нимъ игрывалъ на фортепіанахъ въ четыре руки бригадный нашъ генералъ Солдейнъ.

Проживалъ временно въ Орлѣ старикъ Дмитрій Васильевичъ Чертковъ, весьма богатый Воронежскій помѣщикъ, отецъ губернаторши Екатерины Дмитріевны Сонцевой, Маріи Дмитріевны Шеппингъ (проведшей также нѣкоторое время въ Орлѣ), Александра Дмитріевича (женившагося въ слѣдующемъ году на гр. Елисаветѣ Григорьевнѣ Черны-

шевой), Ивана Дмитріевича (жена его была баронесса Строганова) и Николая Дмитр. оставшагося холостымъ и основавшаго Воронежскій Кадетскій корпусъ. Дмитрій Васильевичъ давалъ иногда обѣды, на которыхъ бывалъ и я. Какъ теперь вижу почтеннаго этого старичка въ рыжеватомъ парикѣ, свѣтло сѣренькомъ, въ родѣ пиджака, сюртукѣ и съ добродушною его улыбкою. Когда онъ зимовалъ въ Москвѣ, его осыпали театральные артисты просьбами быть то посаженнымъ, то крестнымъ отцомъ, отъ чего онъ рѣдко отказывался.

Сынъ его, Александръ Дмитріевичъ, служившій въ 1812 г. въ конной гвардіи, но давно въ отставкѣ, также постоянно почти проживалъ въ Орлѣ и, не взирая на свои тогда почти сорокъ лѣтъ, принялся усердно за латынь подъ руководствомъ учителя мѣстной гимназіи. Кстати упомяну, что, во время моей поѣздки въ Одессу, онъ посѣтилъ Италію и часто бывалъ у родителей моихъ во Флоренціи, которые весьма полюбили его и звали «le Voronégien». Въ началѣ слѣдующаго года (въ 1828 г.) онъ снова опредѣлился на службу, въ эрцъ-герцога Фердинанда гусарскій полкъ нашей дивизіи, подполковникомъ.

Сонцевы и Чертковы приняли меня какъ роднаго. Жива была еще старушка Сонцева, мать губернатора, помнившая отца моего, и какъ онъ, еще молодымъ и, по словамъ ея, красивымъ человѣкомъ (о послѣднемъ я спорилъ съ нею) пріѣзжалъ къ нимъ въ Воронежъ и привозилъ ей въ гостинецъ изъ Петербурга запасъ Французскаго нюхательнаго табаку (котораго вѣроятно достать нельзя было тогда кромѣ какъ въ столицахъ) и по фунту какого-то особеннаго цвѣточнаго чая [1]).

Жилъ также тогда въ Орлѣ, не знаю по какому случаю, старый уже тогда холостякъ Викторъ Александровичъ Чичеринъ (братъ ген.-адьют. Петра Александровича), сердечкинъ и вздыхатель при видѣ всякаго хорошенькаго личика, не къ лицу и не по лѣтамъ, но добрѣйшая особа [2]).

Крайне любопытны были въ Орлѣ домъ и публичный театръ графа Сергѣя Михайловича Каменскаго (сына фельдмаршала) изъ кре-

[1]) У Петра Александровича Сонцева былъ сынъ, женившійся около 1840 г. на красавицѣ княжнѣ Варварѣ Павловнѣ Гагариной, и двѣ дочери; изъ нихъ, старшая (Евдокія Петровна) вышла за барона Сакена, а вторая за г. Вишулова.

[2]) Такъ на примѣръ, онъ въ 40-ыхъ или 50-ыхъ годахъ восхищался (и было дѣйствительно чѣмъ) княгинею Розаліею Ипполитовною Максютовой (нынѣ женою адмирала Посьетта), дочерью Московскаго медика г. Ланга. Слышалъ я недавно, что В. А. Чичеринъ еще въ живыхъ; ему, я полагаю, много за 80 лѣтъ. Третій братъ, Антонъ Александровичъ Чичеринъ, былъ въ одно съ нами время въ Римѣ въ 1822 г.

постныхъ его людей, съ платою за входъ, съ печатными афишками, оркестромъ, машинистами и живописцами, также изъ крѣпостныхъ. Давались тутъ комедіи, водевили, драмы, оперы и балеты; на трагедію только не посягали. Это были доморощеные, бездарные и безголосые артисты.

Домъ, театръ и прочія принадлежности и службы занимали собою огромный четыреугольникъ на соборной площади. Всѣ эти строенія, деревянныя и одноэтажныя съ колоннами, при мнѣ начинали уже гнить. Внутренняя отдѣлка театра была изрядною, съ бенуарами, надъ ними бэль-этажъ и раекъ (втораго этажа, кажется, не было); кресла въ партерѣ подъ нумерами, передніе ряды дороже заднихъ, и во всемъ вообще театральномъ залѣ могло помѣститься столь же многочисленная публика, какъ въ Московскомъ Апраксинскомъ театрѣ. При однообразіи губернской городской жизни, это было немалымъ развлеченіемъ для насъ, военной молодежи. Въ числѣ оперъ имѣли дерзость давать «Двудневныя приключенія», композитора Керубини, «Жанъ-де-Пари» и «Красную шапочку», обѣ знаменитаго тогда Буальдьё, «Жоконду» Николо д'Изуарда и, помнится мнѣ, «Сандрилліону» (но Штейбелдта, или Буальдьё, не помню); не отваживались только на Моцарта и Россини, за то чаще всего подчивали насъ «Русалкою»: съ тѣхъ поръ не могу представить себѣ напѣвъ «приди въ чертогъ ко мнѣ златой» иначе какъ женскимъ пискливѣйшимъ и носовымъ голосомъ. Первый теноръ-холопъ, Кравченко, пѣвалъ столь же носомъ, сколько горломъ, съ шикомъ, не разставаясь съ носовымъ платкомъ скомканнымъ въ рукѣ клубкомъ, и плевалъ въ него. Вторый-первый (remplaçant), будто бы теноръ, по имени Миняевъ, болѣе шевелилъ губами, чѣмъ выпускалъ звуки, и потому трудно было опредѣлить категорію. къ которой принадлежалъ его голосъ. Чего нибудь подходившаго къ басу (голосъ повсемѣстно встрѣчаемый въ Россіи) въ труппѣ рѣшительно не было, хотя актеръ, предназначенный для басовыхъ партицій, усиливался ревѣть брюхомъ. Дворовая дѣвка-примадонна обладала пронзительнымъ пискливымъ голосомъ, была высокаго росту, но не казиста, и имѣла свой также шикъ, состоявшій изъ безпрерывнаго почти отбрасыванія головы къ одному плечу. Но въ балетахъ особенно хорошъ былъ первый танцоръ Васильевъ, ростомъ съ покойнаго Каратыгина, въ тѣлесно-цвѣтномъ трико, съ давно небритою бородою, пускавшійся въ граціозныя позы. Когда онъ совершалъ прыжки, называемые «антраша», то голова его уходила почти въ облака сцены. Сіятельный хозяинъ всегда сидѣлъ въ первомъ ряду креселъ, а семейство его въ средней ложѣ, въ родѣ царской. Для продажи

билетовъ былъ уже въ мое время кассиръ; но въ прежнее сидѣлъ для того, какъ говорили, самъ графъ съ своимъ Георгіевскимъ 2-ой степени крестомъ за взятіе, кажется, Базарджика, и принималъ деньги, по поводу чего разсказывали, что юнкеръ графъ Мантейфель (прославившійся повѣсничествомъ во время квартированія въ Орлѣ кирасирской дивизіи ген. Дуки), привезъ однажды въ кассу огромный мѣшокъ мѣдныхъ денегъ на уплату бэль-этажной ложи, пересчитываніе каковыхъ требовало немало времени и останавливало раздачу прочихъ билетовъ.

Менѣе прочихъ актеровъ смѣшными были двѣ сестры Кобазины, «premières amoureuses», не потому чтобы таилась въ нихъ искра природнаго таланта, а потому только что онѣ были дѣвки безъ притязательства на барство, а какъ слѣдуетъ быть скромнымъ горничнымъ и прачкамъ. О туалетахъ всѣхъ этихъ артистовъ нечего и говорить; впрочемъ, иные костюмы были порядочны, и не даромъ хозяинъ театра разорился, не взирая, что театръ рѣдко былъ пустымъ. Изъ драмъ тамошняго репертуара помню лишь названіе одной плаксиво-усыпительной «Фальшивая Сидонія»; часто давали комедію «Полубарскія затѣи» (примѣнить которую можно было къ самому хозяину театра), и водевиль Хмѣльницкаго «Суженаго конемъ не объѣдешь». Справедливость требуетъ добавить, что оркестръ (изъ крѣпостныхъ) былъ весьма изрядный. Балетмейстеромъ былъ старый полу-нѣмецъ, по фамиліи (кажется) г. Дебель; онъ охотно дружился съ нами, молодежью и увѣрялъ, что самъ нѣкогда служилъ въ нашемъ полку при генералѣ (командирѣ полка) Бауерѣ; онъ же сказывалъ, что знаменитый нашъ комикъ Щепкинъ началъ поприще свое на сценѣ графскаго театра.

Многолюдная домашняя графская прислуга и театральные капельдинеры были въ ливрейныхъ фракахъ съ бѣлыми, красными, голубыми воротниками, означавшими разрядъ и степень ихъ должностей, и по мѣрѣ заслуги переводились изъ одного цвѣта въ другой, о чемъ возвѣщалось въ ежедневномъ, какъ въ полкахъ, приказѣ по дому. Въ вечернемъ приказѣ напоминалось о безпорядкахъ, усмотрѣнныхъ самимъ графомъ въ теченіе того дня; наприм. дѣлалось *замѣчаніе* графинѣ за допущеніе ею, что, при входѣ ея въ лакейскую, люди не оказали надлежащаго ей почтенія. Все это я передаю, какъ слышанное; самъ же съ графомъ не искалъ я чести знакомства, да и никто, кажется, изъ нашихъ начальниковъ и офицеровъ не бывалъ у него, кромѣ нашего полка князя Александра Сергѣевича Вяземскаго. Нашъ офицеръ Тѣлесницкій и я завели, было, интрижку письмами съ обѣими сестрами Кобазиными, чрезъ радужныхъ лакеевъ, но лакеи брали деньги и насъ

надували; когда извѣстіе о томъ дошло до графа, разлилась у него желчь, и онъ, кажется, по патріархальному распорядился одну изъ сестеръ высѣчь и грозилъ жаловаться на меня отцу моему во Флоренцію. Разноцвѣтному воротнику, какъ агенту, порядочно также досталось.

Графъ женатъ былъ на вдовѣ, имѣвшей отъ перваго брака двухъ, болѣе чѣмъ зрѣлыхъ, дочерей; но дѣтей отъ второй жены, кажется, у него не было. Была отъ первой жены дочь, но она съ отцомъ въ Орлѣ не жила и вскорѣ послѣ умерла дѣвицею, завѣщавъ ему свое (материнское) имѣніе. Актрисы содержались строго въ четырехъ стѣнахъ флигеля, словно въ гаремѣ, и никуда, кромѣ какъ на сцену, не выпускались; да и житье самихъ падчерицъ графскихъ едва-ли было отраднѣе: онѣ никуда въ гости не выѣзжали, даже на губернаторскіе балы. Графиня была достойная весьма женщина.

Доживала также свой вѣкъ въ Орлѣ другая оригинальная личность, князь Трубецкой. Имя и отчество его я забылъ, но его прозвищемъ было «le prince ta-ra-rà». Его я никогда не видалъ; разсказывали, что онъ ни въ какомъ экипажѣ не ѣзжалъ, даже лѣтомъ, какъ на саняхъ.

Изъ всей дивизіи лучшій жребій палъ на нашъ полкъ: стоять въ губернскомъ городѣ. Эрцъ-герцога Фердинанда полкъ стоялъ въ Ливнахъ, Елисаветградскій въ Сѣвскѣ, а Иркутскій въ Кромахъ.

Къ коммерческомъ отношеніи Орелъ скудно удовлетворялъ потребностямъ людей привыкшихъ къ нѣкоторому комфорту. Вся городская промышленность сосредоточивалась въ традиціонномъ гостинномъ дворѣ, а единственная гостинница съ нумерами для пріѣзжихъ (Трусова) находилась на Кромской улицѣ, всегда пустынной и отдаленной отъ надгорной части города, которую можно было считать общимъ центромъ дѣятельности, гдѣ жило все городское общество и находились присутственныя мѣста, губернаторскій домъ, квартиры полковаго командира, бригаднаго и дивизіоннаго генераловъ, манежъ, бульваръ, домъ дворянскаго собранія, городской садъ, а за бульваромъ полковыя конюшни и казармы. Кромѣ какъ въ Трусовой гостиницѣ негдѣ было порядочному человѣку пообѣдать, развѣ что подчасъ и подъ веселую руку завернемъ, бывало, мы грѣшные, въ грязный Русскій трактиришка за рѣчкою Орликомъ, подъ фирмою «городъ Одеста» или «Кеевъ», съ еще болѣе грязными половыми, и гдѣ *меню* не выходилъ изъ селянки, окрошки и битковъ. Въ нижнихъ двухъ частяхъ города, за Орликомъ и за Окою, жило почти исключительно купечество. На

главной улицѣ (Московской), ведущей внизъ къ мосту на Орликѣ, не было никакихъ магазиновъ, и незадолго до моего туда пріѣзда открытъ былъ на этой улицѣ винный погребъ Москвича Эдуарда Ивановича Дюлу̀. Книжныхъ магазиновъ не было ни одного во всемъ городѣ, и лишь въ каменной башенкѣ у воротъ женскаго монастыря (на той же Московской улицѣ) была лавченка съ однѣми церковными книгами.

По близости расположенія къ Москвѣ нашей 2-ой гусарской дивизіи и по заманчивому ея мундиру начала стекаться въ нее молодежь хорошихъ фамилій и батюшкины сынки съ состояніемъ. Наплывъ этотъ начался съ 1826 года, когда дивизія переведена была изъ Саратовской въ Орловскую губернію. Составъ нашего Павлоградскаго полка былъ слѣдующій. Юнкерами: князь Александръ Сергѣевичъ Вяземскій, Андрей и Александръ Семеновичи Раевскіе, Дмитрій Ивановичъ Шепелевъ, князь Трубецкой 2-ой (мать коего вышла замужъ за архитектора Бовѐ), Матвей Александровичъ Долговъ [1]), Аркадій Ивановичъ Терскій, Николай (по отчеству забылъ) Евсюковъ (Тверской помѣщикъ), Александръ Петровичъ Сунгуровъ, Николай (по отчеству забылъ) Нелюбовъ (Орловскій), Петръ Парменовичъ Шеншинъ, Угличинъ и Татаринъ Уфимской помѣщикъ, Александръ Петровичъ (хотя и магометанинъ) Тевтелевъ. Между 1827 и 1828 годами поступили къ намъ юнкерами изъ гвардейской школы подпрапорщиковъ богатые Москвичи Петръ и Николай Александровичи Хрущовы [2]), и еще откуда-то Воецкій 2-ой, Кошкаровъ, Арбузовъ, Лавровъ, и опредѣлились изъ Остзейскихъ провинцій Лауницъ и Штемпель. Изъ знакомыхъ съ нами юнкеровъ въ остальныхъ трехъ полкахъ дивизіи были: въ эрцъ-герц. Фердинандовомъ Александръ Ивановичъ Мясоѣдовъ (Тарусскаго уѣзда помѣщикъ), другіе двое братьевъ Хрущовыхъ, Александръ и Павелъ Александровичи, Лихаревъ [3]), двое братьевъ Рахмановыхъ, Ѳед. Дмитр. Бологовской, Костромитиновъ, князь Вяземскій (Владимирской губерніи) и Кологривовъ. Въ Елисаветградскомъ полку: Лисаневичъ (Воронежскій), Панинъ (меньшой братъ княгини Софіи Егоровны Вяземской, бывшей по первому браку за Берингомъ), Краевскій (Смоленскій), Смагинъ, Демидовъ (Московскій; домъ родителей его былъ на Страстной-сѣнной

---

[1]) Родительскій домъ Долгова былъ на большой Ордынкѣ (въ Москвѣ) насупротивъ церкви Всѣхъ Скорбящихъ.

[2]) Домъ ихъ отца-богача Александра Петровича Хрущова былъ на Пречистенкѣ. У него взрослыхъ дѣтей было 14 человѣкъ, восемь дочерей и шесть сыновей. Дочери вышли за Рѣдкина, Нарышкина, Козлова, графа Девьера, князя Долгорукова, Замятина, Перхурова и Черткова.

[3]) Сестра его вышла замужъ за вдовца Петра Львовича Давыдова, отца нынѣшняго графа В. П. Орлова-Давыдова.

площади), Ильинъ и Купріяновъ (Костромской). Въ Иркутскомъ полку не имѣли мы ни одного знакомаго, и вообще офицеры того полка не братались съ остальными тремя полками.

Офицерами были у насъ въ полку: Александръ и Михайло Григорьевичи Ломоносовы, Алексѣй Іоновичъ Ртищевъ, Бестужевъ, Бажановъ, князь Иванъ Трубецкой 1-ой (братъ упомянутаго юнкера), Воецкой, Михаилъ Дмит. Кротковъ (Симбирскій), Ник. Ив. Бахметевъ [1]), двое братьевъ Ивановыхъ, Тѣлесницкій, Савинъ (полковой адъютантъ), баронъ Корфъ [2]), Павелъ Наумовъ [3]), Ганъ [4]), бар. Раденъ [5]), Войничъ-Кейнажатскій, Романовичъ (Александръ Ивановичъ, женившійся въ слѣдующемъ году въ Орлѣ на Лавровой), Бутковскій (кажется, такъ), полковой квартирмейстеръ Рябининъ и Ламакинъ. Въ эрцъ-герцога Фердинанда полку офицерами были, сколько упомнить могу: молодой подполковникъ и весьма видный изъ себя графъ Эдуардъ Шуазёль-Гуффье (женатый на красавицѣ княжнѣ Варварѣ Григорьевнѣ Голицыной), маіоръ Александръ Васильевъ Жихаревъ (Тамбовскій) и его два брата; оберъ-офицерами: Левъ и Василій Васильевичи, Арцыбашевъ, маіоръ Куценко, бароны Леонардъ и Аркадій Унгернъ-Штернберги (оба красавца и высокаго роста), Ляпуновъ (Владимирскій), Агреневъ, Бѣляковъ, Потуловъ, два брата Головины, два брата Кузнецовы (одинъ изъ нихъ былъ полковымъ адъютантомъ), Григорій Григорьев. Ломоносовъ и Быковскій. Немного позднѣе опредѣлились изъ отставки въ тотъ полкъ ротмистрами: Фигнеръ, (братъ знаменитаго партизана 1812 года) и Морозовъ. Въ Елисаветградскомъ полку (изъ офицеровъ): ротмистръ баронъ Раденъ, двое братьевъ Баранчеевыхъ, двое братьевъ Лисаневичей. ротм. Симолинъ (или Симулинъ), Кожинъ, Семичевъ, Флейшманъ, Витбергъ и Суходольскій. Въ Иркутскомъ полку: подполковникъ Никита Левашевъ (отличный музыкантъ, женатый на вдовѣ княгинѣ Александрѣ Николаевнѣ Голицыной), маіоръ Линденеръ, двое братья Мосоловыхъ (извѣстные своимъ заводомъ скаковыхъ лошадей), ротм. Мишо̀ (Французъ, поступившій въ

---

[1]) Нынѣ директоромъ Придворной Капеллы.

[2]) Той же весною перешедшій въ адъютанты къ графу Крейцу.

[3]) Недавно предъ тѣмъ женившійся на сестрѣ Ник. Ив. Бахметева.

[4]) Корнетъ баронъ Ганъ находился тогда подъ судомъ за убіеніе на дуэли нашего же полка Вельяминова; онъ въ 1829 г. былъ разжалованъ въ рядовые въ эрцъ-герцога Фердинанда полкъ.

[5]) Онъ женился около этого времени на какой-то княжнѣ Волконской, Тульской губерніи.

Русскую службу во время занятія нашими войсками Франціи въ 1814 году), Спичинскій, Орловъ, Скобельцынъ.

Въ началѣ Апрѣля мы выступили изъ Орла на царскій смотръ подъ Вязьмою. Весна казалась установившеюся, какъ на 17 число того мѣсяца насъ постигла на походѣ такая неожиданная мятель, что лошади въ бричкѣ подполк. Пашкова (въ которой я сидѣлъ по причинѣ болѣзни) остановились, и сугробы стали возвышаться кругомъ насъ. Мы рисковали замерзнуть; къ счастію, промчался мимо насъ крестьянскій мальчикъ верхомъ, и онъ довелъ насъ до деревни, на околицѣ которой мы не чаяли находиться, и съ тѣхъ поръ я далъ себѣ слово, въ случаѣ мятели, постигающей меня на дорогѣ, укрываться въ ближайшую избу. На слѣдующій или на третій день послѣ сего происшествія, на пути съ эскадрономъ мимо с. Жукова, имѣнія князя Николая Григорьевича Вяземскаго (въ Калужской губ.), жена его, княгиня Софія Егоровна (бывшая вдова Берингъ), вышла съ дочерьми (отъ перваго брака) посмотрѣть на насъ. Хотя не учтиво упоминать о годахъ великосвѣтскихъ знакомыхъ намъ дамъ, приходится мнѣ, яко бытописателю, обозначить, что Меропа Александровна (нынѣ Новосильцова), была уже взрослая совершенно барышня. Къ нимъ отправился знакомиться, по праву однофамильства, товарищъ мой по эскадрону князь А. С. Вяземскій.

Во время стоянки моей съ полкомъ въ деревнѣ подъ Вязьмою, братъ мой съ г. Слоаномъ пріѣхали навѣстить меня и въ первый тогда разъ видѣли меня въ мундирѣ. Во время смотра и маневровъ приходилось мнѣ напяливать на себя всю казенную толстую форму и аммуницію; несноснѣе всего въ ней были суконный и черный галстукъ, который шерстилъ и теръ шею, также гусарскій кушакъ, туго натянутый сверхъ широкой кожанной съ мѣдною пряжкою портупеи: пряжка эта и кольцы, на которыхъ висѣла сабля, вдавливались въ ребры до того, что, дабы возбудить снова заглушенную чувствительность лѣваго бока и ляжки, я вынужденъ бывалъ отправляться въ баню и усердно сѣчь крапивою онѣмѣлую часть. Подо мною шла казенная изъ бракованныхъ лошадь, прозвищемъ «корабль,» заслуживавшая вполнѣ это имя по спокойнымъ ея аллюрамъ. Безъ поводьевъ она сама указывала мое унтеръ-офицерское мѣсто во время построеній *).

---

*) Я часто удивлялся способности кавалерійскихъ лошадей понимать слова команды; напримѣръ, при одной командѣ „сабли въ ножны“ (означавшей, что ученіе кончилось) слышалось по фронту веселое ржаніе коней, прежде чѣмъ сабли опускались: или при командѣ „укороти поводья, съ мѣста, маршъ-маршъ“, при первыхъ только словахъ команды, удержу не было лошадямъ.

Къ нашему второму корпусу прикомандирована была по случаю маневровъ уланская дивизія князя Степана Александровича Хилкова, состоявшая изъ полковъ: его высочества вел. князя Михаила Павловича (бывшаго Владимирскаго), Оренбургскаго, Сибирскаго и Ямбургскаго. Въ городѣ Вязьмѣ (гдѣ остановились брать мой и г. Слоанъ) открылъ временное гастрономическое отдѣленіе Московскій знаменитый ресторатор Французъ Яръ.

На маневрахъ, длившихся дня два, мы побѣдили, помнится мнѣ, мнимыхъ нашихъ враговъ; но, возвращаясь съ поля нашихъ подвиговъ на квартиры, съѣхались къ узкому мосту, въ одно время съ Фердинандовымъ полкомъ; никто изъ двухъ не хотѣлъ уступить другъ другу первенство переѣзда чрезъ него, и завязалась было вовсе уже не мнимая схватка. Помнится мнѣ, что чуть ли не сабли явились самовольно на-голо; одно вмѣшательство обоихъ полковыхъ командировъ предупредило общую рукопашную. Государь въ то время еще не носилъ усовъ (онъ отпустилъ ихъ, помню, не ранѣе осени 1830 г.) и даже не любилъ, чтобы ихъ носили; и потому, каково было общее наше удивленіе, когда однажды, въ самомъ пылу смотра или ученія, дивизіонный нашъ генералъ бар. Будбергъ, старый кавалеристъ, вдругъ, не покидая поля, предсталъ предъ нами съ выбритою верхнею губой: его нельзя было почти узнать. По окончаніи перваго дня маневровъ, мы стали бивуакомъ въ полѣ. Тогда это кочевье весьма меня забавляло, но когда позднѣе, въ Турецкую войну приходилось часто бивуакировать, да еще и при ненастной погодѣ или на морозѣ, то оно потеряло для меня прежнюю прелесть.

Сначала вся служба казалась мнѣ игрушкою. Я былъ ревностнымъ штандартоносцемъ, пунктуаленъ на моемъ унтеръ-офицерскомъ дежурствѣ по эскадрону (тутъ особливо тѣшило меня хожденіе съ рапортомъ, что «все состоитъ благополучно» къ нашему старшему вахмистру, Корнелію Васильевичу), выскакивалъ впередъ, при командѣ на походѣ, «пѣсенники впередъ», и оралъ съ ними во всю глотку (безъ боязни вреда оперному моему голосу), протяжную «не бѣлы снѣги», а за ней плясовую «солнце на закатѣ»; словомъ я, блаженствовалъ. И напрасно говоритъ Англійскій поэтъ Попъ

Man never is, but always hope to be blest.

(Человѣкъ никогда не считаетъ себя счастливымъ вполнѣ въ настоящей минутѣ, а все надѣется сдѣлаться таковымъ въ будущности).

Я ничего, помнится мнѣ, болѣе въ то время не желалъ, какъ того, чѣмъ былъ: гусарскимъ юнкеромъ въ нарядномъ бирюзовомъ ментикѣ, съ гремячей саблею и ташкой на боку. Правда, что не прошло шести мѣсяцевъ, какъ цѣлью желаній были уже эполеты.

Подъ Вязьмою состоялось распоряженіе, чтобы полки были по шерстямъ, вмѣсто какъ прежде, по-эскадронно; вслѣдствіе чего первый полкъ (Фердинандовъ) тутъ же, въ полѣ, сѣлъ на всѣхъ сѣрыхъ лошадей (безразборчиво), имѣвшихся въ четырехъ полкахъ; нашъ Павлоградскій на гнѣдыхъ; Елисаветградскій на рыжихъ и бурыхъ, а Иркутскій на карихъ и вороныхъ (трубачи остались по прежнему на сѣрыхъ). «Слѣзай, садись, слѣзай, садись», и въ одно утро вся реформа состоялась безъ допущенія браковки; въ первые послѣдующіе дни была конечно сначала неурядица во всѣхъ полкахъ, отъ того что ѣздоки не знали свойствъ своихъ коней, но недѣли чрезъ двѣ люди свыклись съ животными.

Возвращаясь въ Орелъ чрезъ южную часть Калужской губерніи, я отпросился на нѣсколько дней въ сторону, въ Бѣлкино: надо же было показаться въ гусарской формѣ тезкѣ Клееву. Старикъ прослезился, обнимая меня. Даже ѣзда на перекладной тѣшила 20 лѣтняго дитятю. Братъ опредѣлилъ мнѣ въ услуженіе молодцоватаго и талантливаго берейтора и рисовальщика изъ дворовыхъ нашихъ людей Ивана Бурлуцкаго (Итальянецъ Біонди остался при г. Слоанѣ). Догоняя полкъ, Бурлуцкой мой напился до положенія ризъ въ Малоярославцѣ и, выѣзжая оттуда, выскочилъ изъ телѣги и улегся какъ мертвый на большой дорогѣ. Дѣло это было для меня новое и казусное; ничего подобнаго никогда не случалось съ нашимъ Дмитріемъ Ломовымъ. Я не зналъ какъ мнѣ быть, бросить своего человѣка на дорогѣ было невозможно; я началъ плакать какъ ребенокъ, чувствуя свою немощность. Проѣзжала какая-то помѣщица, остановила свою карету и выслала горничную узнать о моей бѣдѣ. Нечего было дѣлать, плачь, не плачь, а пришлось простоять около своего личарды, пока онъ сдѣлался способнымъ продолжать путь. Я догналъ свой эскадронъ между Бѣлевымъ и Болховымъ.

Въ Орлѣ купилъ я у своего полковаго командира Оффенберга верховаго коня за 800 рублей ассигнаціями по имени Орбазана, напоминавшаго мнѣ мое оперное имя въ «Танкредѣ». Мнилъ я быть искуснымъ ѣздокомъ на англизированныхъ Флорентинскихъ лошадяхъ (забылъ я сказать, что мать моя подарила мнѣ верховую лошадь во время послѣдняго моего пребыванія въ родительскомъ домѣ); но въ полку

оказался я немного лучше простаго рекрута. Требовалась тогда утонченная манежная ѣзда, съ перемѣною по командѣ ноги, ранверсомъ, траверсомъ и прочими берейторскими таинствами, и потому опредѣлили меня, какъ неуча, въ берейторскую команду къ Нѣмцу Бреннеру. Изучая съ любовью эти премудрости, я, мѣсяца чрезъ полтора, весьма удовлетворительно постигъ ихъ.

По отцовскому назначенію, я сталъ получать 5.000 р. ассигн. въ годъ изъ главной Петербургской нашей конторы, сумма, весьма по тому времени значительная, а особливо для армейскаго юнкера, сверхъ чего добрый братъ мой обзавелъ меня дрожками (прямо отъ Арбатскаго, тогда въ славѣ) и отличною парою упряжныхъ, его Бутурлиновскаго завода лошадей. Объяснить слѣдуетъ, что начальство наше смотрѣло сквозь пальцы на юнкерскую ѣзду въ экипажахъ; въ Питерѣ это было бы преступленіе, равняющееся или, можетъ статься, превышающее растегнутый мундирный воротникъ. Но генералы наши Будбергъ и Солдейнъ были отцы, а не командиры: миръ праху ихъ!

Въ семействѣ Е. И. Пашкова я былъ, какъ дитя дома (извиняюсь за вольной переводъ «l'enfant de la maison», но точнѣе сего не умѣю выразиться); у Сонцевыхъ принимали меня родственно, слѣдовательно могъ я держаться хорошаго общества, не чуждаясь военнаго своего кружка. Къ несчастію, дурной примѣръ, остатки прежней гусарской удали, гнѣздившіеся у иныхъ въ полку, пагубно подѣйствовали на меня. Хвастаясь своею свѣжею натурою, допускавшею много выпить безъ охмѣленія, я охотно сталъ участвовать въ кутежахъ и постепенно привыкъ употреблять спиритуозные напитки: это-то самое повредило впослѣдствіи моей службѣ. Лѣтомъ того 1827 года я впутался въ исторію, которая могла дурно для меня разыграться. Однажды въ поздній вечеръ недавно переведенный въ нашъ полкъ молодой полковникъ Горленко (не полковой командиръ), всѣми нами любимый, повздорилъ на улицѣ съ кѣмъ-то изъ обывателей, нагрубившимъ (какъ онъ сказывалъ) ему. Я и кто-то еще изъ нашихъ, ужинавшихъ въ трактирѣ, выскочили выручать товарища. Неизвѣстный человѣкъ скрылся въ домъ, занимаемый градскою думою (или полиціею), а мы за нимъ, и, помнится мнѣ, дали ему изрядную потасовку. Дѣло было ночное, постороннихъ никого не было, и потому истецъ въ поданномъ своемъ на полковника Горленка прошеніи о личной обидѣ не могъ обозначить имени обвиняемаго въ соучастничествѣ юнкера въ кителѣ. Дѣло кончилось дурно для полковника Горленка: онъ былъ отставленъ, да и чуть ли не съ запрещеніемъ вновь поступать на службу; но онъ былъ

столь благороденъ, что не назвалъ никого изъ насъ. А у насъ былъ такой обычай: бѣда тронуть кого - нибудь. Однажды въ театрѣ, одинъ кирасирскій офицеръ Кологривовъ (мѣстный дворянинъ въ отпуску) вздумалъ было распекать меня за что-то (по офицерскому праву надъ юнкеромъ); я побѣжалъ заявить о томъ находящимся въ театрѣ нашимъ офицерамъ; они налетѣли на кирасира, какъ коршуны, и ему порядочно отъ нихъ досталось.

Въ карты я тогда не игралъ, а зналъ только заграничную игру экарте; пришлось мнѣ и въ этомъ отношеніи заплатить дань неопытности. Во время моего дежурства по лазарету выучилъ я въ эту игру одного изъ нашихъ офицеровъ и проигралъ ему на слово 800 рубл. ассигн., а какъ расплатиться съ нимъ не могъ и не хотѣлъ увѣдомить о томъ моихъ родителей, ни просить экстренныхъ денегъ, то по совѣту г. Слоана (пріѣхавшаго на нѣсколько дней изъ Москвы) я расплатился Арбатскаго дрожками и парою моихъ бурыхъ. Кстати скажу, что г. Слоанъ продолжалъ издали наблюдать за мною до слѣдующаго лѣта, когда полкъ нашъ выступилъ въ Турецкій походъ.

Лѣтомъ того 1827 года генералъ Солдейнъ повезъ, какъ бы на показъ, нѣсколькихъ изъ нашихъ офицеровъ и юнкеровъ, въ томъ числѣ и меня, на праздникъ къ графу Е. Ѳ. Комаровскому, тогда начальнику всей внутренней стражи, проживавшему въ Орловскомъ своемъ имѣніи. Передъ баломъ былъ аматёрскій спектакль изъ піесъ тогда въ ходу «Нелюбо не слушай, а лгать не мѣшай», и «Воздушные замки». Сюжетъ послѣдней слѣдующій: герой піесы—мечтатель въ родѣ Гоголевскаго Манилова переносится мысленно въ Азію, гдѣ покоряетъ и цивилизуетъ дикихъ народовъ; монологъ его прерываетъ лакей, котораго онъ принимаетъ за просителя его царскихъ милостей и говоритъ ему: «Надѣйся и вѣщай!» а лакей отвѣчаетъ: «Великій государь....., васъ просятъ.... кушать чай».

Тутъ мечтатель приходитъ въ отчаяніе, а лакей говоритъ ему:

«Утѣшьтесь, Индія останется за вами»,—

чѣмъ кончается піеса, и занавѣсъ опускается предъ невзыскательною публикою.

Адъютантами у графа Е. Ѳ. Комаровскаго были тогда Сергѣй Ивановичъ Пашковъ (женившійся впослѣдствіи на княжнѣ Надеждѣ Сергѣевнѣ Долгоруковой) и одинъ изъ братьевъ Абаза. Изъ двухъ дочерей графа ни одна не была еще замужемъ, но обѣ были уже взрослыми.

Составъ нашего полка, мало уступавшій гвардейскому, произвелъ, должно быть, ожидаемый эффектъ. Генералъ Х. Ѳ. Солдейнъ, въ полномъ смыслѣ *джентельменъ*, былъ, однакоже, подверженъ разсѣянностямъ: о немъ разсказывали, что когда дивизіонный штабъ былъ въ Саратовѣ, то онъ, прогуливаясь по городу съ своимъ адъютантомъ, взошелъ въ магазинъ купить пару перчатокъ и, сконфузившись, когда спохватился, что денегъ при немъ не было, просилъ адъютанта дождаться его въ магазинѣ, пока онъ сходитъ домой и вернется; но вышедши на улицу, забылъ о своемъ намѣреніи, и адъютантъ долго весьма просидѣлъ въ магазинѣ въ видѣ залога; легко представить себѣ, какъ онъ былъ разсерженъ.

Е. И. Пашкову едва ли было тогда болѣе тридцати лѣтъ отъ роду, но былъ онъ уже подполковникомъ, тогда какъ наши армейскіе маіоры и даже ротмистры были ветераны войнъ 1807—1814 годовъ, жертвы неправосудной спекуляціи гвардейскихъ молодыхъ ротмистровъ, переходящихъ постоянно на голову имъ въ армейскіе подполковники. Въ мирное время армейскій ротмистръ могъ просидѣть въ своемъ чинѣ до 15 лѣтъ, а маіорскій чинъ былъ почти что безвыходнымъ. Нашъ тогдашній маіоръ Рогачевъ былъ, помнится мнѣ, офицеромъ въ Аустерлицкомъ сраженіи 1805 года. Е. И. Пашковъ, какъ всѣ почти выскочки изъ адъютантовъ, былъ новичкомъ по фронтовой части; были у него хорошія стороны, но вредили ему мелочность, педантство, а болѣе всего, упрямство въ характерѣ. Онъ имѣлъ бѣльмо на одномъ глазу, случившееся, по словамъ иныхъ, отъ неосторожности старшаго брата его Андрея, задѣвшаго его концемъ арапника при выѣздкѣ молодыхъ лошадей въ манежѣ, когда еще оба брата были въ лейбъ-гусарскомъ полку. По поводу физическаго сего недостатка одинъ изъ офицеровъ нашихъ Рябининъ *), извѣстный *люстихъ*, увѣрялъ, будто имѣлъ съ однимъ изъ таковыхъ слѣдующій разговоръ: «Полковникъ, какимъ *образомъ* у васъ глазъ подбитъ?» Полковникъ отвѣчалъ будто-бы: «не образомъ, а *подсвѣчникомъ*, во время карточной игры». Спѣшу однакоже заявить, что Пашковъ не былъ никогда игрокомъ.

Ради хронологической точности оставляю ненадолго въ сторонѣ свой Павлоградскій полкъ, чтобы упомянуть о сдѣланной братомъ моимъ попыткѣ въ теченіе того лѣта привести во Флоренцію партію лошадей своего Бутурлиновскаго завода для сбыта ихъ тамъ. Онъ выбралъ болѣе 20 лошадей изъ кровныхъ (но не рысистыхъ) верховыхъ

*) Отецъ этого Рябинина былъ Воронежскимъ полицеймейстеромъ, и онъ ничего не имѣетъ общаго съ Рябиниными *Андреевичами*, Жиздринскаго уѣзда.

и упряжныхъ. Для выѣздки послѣднихъ въ Англійскую упряжь на мундштукахъ жилъ въ Бутурлиновкѣ давнишній Англійскій грумъ Джонъ Гринъ. Достало же брату терпѣнія вести свое семейство медленною ѣздою на этихъ лошадяхъ изъ Таганчи чрезъ всю Германію и Тироль до Флоренціи. Утомленіе и скуку отъ маленькихъ для этого ежедневныхъ переѣздовъ, съ отдыхами и дневками, не забудетъ невѣстка моя графиня Аврора Осиповна. Случилось, сказывала она мнѣ, что ради удобства ночнаго помѣщенія для лошадей, или выгодныхъ цѣнъ на овесъ и сѣно, приходилось останавливаться на ночь въ какой-нибудь глуши, въ виду иногда большаго города. Спекуляція вполнѣ удалась брату: лошадей расхватали по большой цѣнѣ, и дорожныя издержки не только покрылись, но въ чистомъ барышѣ оказалось шесть, кажется, упряжныхъ лошадей, изъ коихъ онъ подарилъ три матери нашей, а три оставилъ для своей ѣзды [1]). Я назвалъ выше Бутурлиновскій заводъ братнинымъ, а не общимъ нашимъ. Это потому, что заводъ былъ чисто его созданіемъ, на собственныя его деньги. Онъ съ любовію занимался имъ, и въ концѣ 20-хъ годовъ, заводъ пользовался большою славою у полковыхъ ремонтёровъ [2]). Впослѣдствіи, когда сложились неожиданно обстоятельства, побудившія брата покинуть навсегда Россію, и этотъ лелѣянный имъ заводъ пошелъ за ничто.

Но прежде чѣмъ снова приняться за прерванный разсказъ о самомъ себѣ, замѣтить не мѣшаетъ, что первымъ въ Орлѣ штабъ-офицеромъ только что учрежденнаго тогда корпуса жандармовъ былъ полковникъ Жемчужниковъ, хорошій весьма человѣкъ и впослѣдствіи Петербургскій гражданскій губернаторъ.

Осенью того 1827 г. эскадронъ нашъ, отбывъ караульное при штабѣ время, расположился на зимнія квартиры въ подгородномъ с. Сабуровѣ, гр. С. М. Каменскаго, въ коемъ убитъ былъ нѣкогда фельдмаршалъ, его отецъ, своими людьми. Усадьба состояла изъ огромнаго двухъ этажнаго каменнаго дома со службами, обнесеннаго высокою каменною стѣною, какъ-бы монастырскою. Въ домѣ никто не жилъ, даже лѣтомъ; тѣмъ не менѣе, не предоставлено было намъ, не знаю почему, занять нѣсколько въ немъ комнатъ, и мы помѣстились въ деревенскихъ черныхъ, безъ трубъ, избахъ. Сколько ни просилъ я своего полковника Оффенберга дозволить мнѣ оставаться при штабѣ, гдѣ была годовая у меня квартира, онъ не согласился ради служебнаго порядка.

---

[1]) Пара лошадей матери моей бодро еще рисовалась въ Кашинахъ, въ 1840 году.

[2]) Особенно славились лошади наши мускулозною силой, сортъ былъ Англійскихъ гунтеровъ съ примѣсью Арабской крови. Лошадей выдерживали и не пускали въ продажу ранѣе 4-хъ лѣтъ.

Во время топки избы, гдѣ я стоялъ, надо было, чтобы не задохнуться отъ дыма, ложиться на сырой полъ, или выходить на морозъ до окончанія топки. Отъ этого, съ добавленіемъ скуки отъ лишенія всякаго общества кромѣ трехъ офицеровъ нашего эскадрона (потому что эскадронный нашъ командиръ Е. И. Пашковъ оставался съ семействомъ въ городѣ) охладѣлъ нѣсколько прежній мой восторгъ къ военной жизни.

Отъ нечего дѣлать я пустился было въ религіозную полемику съ дочерью своего хозяина, грамотною раскольницею, но вскорѣ убѣдился въ тщетности подобныхъ преній. Менѣе однакоже чѣмъ чрезъ мѣсяцъ, меня снова прикомандировали (подъ какимъ предлогомъ, не помню) къ штабу, и я возвратился на свою квартиру.

Зимою довольно часто бывали балы въ дворянскомъ собраніи, гдѣ въ военныхъ кавалерахъ недостатка не было; но Французскія кадрили (contredanses) были такъ мало еще въ ходу, что съ трудомъ набиралось четыре пары знающихъ фигуры и умѣющихъ выдѣлывать *па* (т. е. шассе-круазе, глиссе, пируэты и проч.), а не просто ходить по паркету, какъ ввелось позднѣе. Отличался особенно между нами юнкеръ нашъ Аркадій Ивановичъ Терскій, Іогелевскій ученикъ; онъ выдѣлывалъ такія штуки ногами, что годился, пожалуй, въ балетные солисты.

Помню впечатлѣніе, произведенное на присутствующихъ, когда на одномъ изъ этихъ баловъ появилась величественная фигура А. П. Ермолова въ черномъ фракѣ, пріѣхавшаго въ Орелъ навѣстить престарѣлаго своего отца.

Извѣстіе полученное тогда о Наваринской битвѣ незамѣтно почти прошло между нашею военною молодежью, мало занимавшеюся политическими событіями. Когда вспоминаю нынѣ о томъ дѣлѣ, оно не кажется мнѣ особенно честнымъ со стороны союзныхъ флотовъ, напавшихъ на Турецкій, не ожидавшій вовсе непріязненныхъ дѣйствій.

Передъ зимою, бывшій мой по юнкерству товарищъ князь А. С. Вяземскій, уже офицеръ со времени Вяземскаго смотра, переведенъ былъ въ лейбъ-гусарскій полкъ. Той же осенью полковн. Ѳ. П. Оффенбергъ произведенъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ командиромъ въ другую кавалерійскую бригаду и сдалъ полкъ нашъ назначенному на его мѣсто Пашкову. На первыхъ дняхъ новаго своего назначенія и когда Оффенбергъ не успѣлъ отправиться къ новому своему мѣсту служенія, Пашковъ имѣлъ слѣдующую непріятную исторію. Михаилъ Григор. Ломоносовъ, числившійся въ нашемъ полку, былъ передъ тѣмъ адъютан-

томъ у А. П. Ермолова, по увольненіи коего отъ службы онъ возвратился въ полкъ и, являясь къ полковнику Пашкову, высказалъ ему о своемъ желаніи поступить снова во фронтъ. Полковникъ, бывъ предупрежденъ противъ него (потому что Ломоносовъ былъ острякъ и свободно высказывалъ всѣ свои мнѣнія), сказалъ наотрѣзъ, что не желаетъ имѣть Ломоносова въ своемъ полку и намекнулъ ему о переводѣ въ другой. Разсерженный подобною выходкою, офицеръ этотъ отвѣчалъ, что онъ оказалъ вѣжливость, прося полковничьяго согласія на поступленіе во фронтъ, тогда какъ, по служебно-принятому порядку, онъ могъ надѣть Павлоградскій мундиръ и въ немъ явиться къ полковнику, какъ къ командиру полка, къ которому онъ принадлежалъ по службѣ, и что тотъ, кто платитъ невѣжливостію за вѣжливость, тотъ невѣжа. Насъ было нѣсколько человѣкъ въ сосѣдней комнатѣ, и мы всѣ онѣмѣли. Пашковъ арестовалъ и предалъ Ломоносова суду, не взирая на ходатайство о немъ А. П. Ермолова чрезъ третье лицо. Офицеръ этотъ разжалованъ былъ въ рядовые въ Фердинандовъ полкъ, но выслужился въ офицеры и въ недавнемъ времени былъ дворянскимъ предводителемъ одного изъ уѣздовъ Смоленской губерніи. Вскорѣ по принятіи Е. И. Пашковымъ нашего полка, онъ отправилъ меня въ Ливны къ командиру Фердинандова полка полковнику А. И. Купферу для врученія ему на короткое время значительной довольно суммы денегъ (10 или 12 тыс. рубл. асигн.), нужныхъ ему для какого-то оборота. Для этой поѣздки полков. Пашковъ прикомандировалъ ко мнѣ одного изъ болѣе надежныхъ рядовыхъ лейбъ-эскадрона, по фамиліи Связина. По явкѣ моей къ полковнику Купферу, онъ поручилъ мнѣ поблагодарить Е. И. Пашкова за готовность оказать ему просимую имъ услугу, но не принялъ денегъ, сказавъ, что болѣе въ нихъ не нуждается. Отъ него я отправился навѣстить (хотя дѣло было ночное) стоявшаго въ караулѣ на главной гаубвахтѣ знакомаго мнѣ офицера нѣкоего Бѣлякова, гдѣ собралась порядочная компанія его однополчанъ, съ коими я намѣревался позасидѣться, а, можетъ быть, и кутнуть, какъ вдругъ вызвали Бѣлякова въ общую караульню, откуда воротясь въ офицерскую комнату весь впопыхахъ, онъ сказалъ намъ, что полковникъ идетъ осматривать его караулъ, вслѣдствіе чего мы всѣ разбѣжались по своимъ домамъ. На слѣдующее же утро, мой гусаръ Связинъ сознался мнѣ, что вся эта тревога была ничто другое какъ его штука, и что, опасаясь неравно пропадутъ казенныя деньги, находившіяся при мнѣ, онъ отправился позднею ночью на гаубвахту и, вызвавъ Бѣлякова, просилъ его сыграть эту комедію, чтобы заставить меня скорѣе возвратиться на квартиру. Помѣщаю неважный этотъ анекдотъ въ доказательство служебной вѣрности и находчивости Русскаго солдата.

Зимою въ началѣ 1828 г. А. Д. Чертковъ поступилъ на службу изъ отставки въ эрцгерцога Фердинанда полкъ, а передъ масляницею, взявъ отпускъ въ Москву, пригласилъ меня ѣхать съ нимъ туда. Тамъ мы первоначально стояли въ гостинницѣ Шора на Кузнецкомъ мосту, а изъ нея онъ переѣхалъ къ отцу своему Дмитрію Васильевичу, жившему въ домѣ на углу Столешниковскаго переулка и Петровки, на дворѣ противъ самой церкви Рождества Богородицы въ Столешникахъ, а я къ Чернышевымъ, нанимавшимъ тогда большой домъ князя Гагарина (и нынѣ той же фамиліи) на Знаменкѣ. Тамъ уже жилъ г. Слоанъ. Вскорѣ по пріѣздѣ своемъ въ Москву Чертковъ сдѣлалъ предложеніе графинѣ Елисаветѣ Григорьевнѣ Чернышевой и получилъ согласіе. Самымъ близкимъ къ сердцу ея послѣ роднаго ея брата и послѣ зятя Муравьева былъ, беру смѣлость сказать, я; чувства мои къ сестрѣ ея были не тайною для нея, и она принимала живѣйшее въ нихъ участіе. Извѣстивъ меня о неожиданномъ предложеніи Александра Дмитріевича, она добавила, что одна изъ причинъ даннаго ею согласія было дружеское имъ оказанное мнѣ вниманіе.

Графиня Софія Григорьевна была недавно предъ тѣмъ также помолвлена за Ивана Гавриловича Кругликова, и обѣ свадьбы состоялись слѣдующимъ лѣтомъ. Удрученная недугами и душевными потрясеніями, графиня Елисавета Петровна въ началѣ Великаго поста погасла какъ бы лампада. Каково было ея благочестіе, можно судить изъ того, что нѣсколько уже лѣтъ передъ тѣмъ было у ней правиломъ не цѣловать дочерей, и, кажется, не дозволять имъ цѣловать ее въ продолженіе дня принятія ею св. таинъ, дабы, вѣроятно, не отвлекать умъ свой житейскими чувствованіями въ день, когда она была освящена вещественнымъ присутствіемъ въ ней плоти и крови Искупителя. Чадолюбіе не покидало однакоже ея въ предсмертныхъ часахъ, и она завѣщала не откладывать отнюдь свадьбы обѣихъ дочерей по причинѣ ея смерти. Она была женщина съ сильнымъ характеромъ, граничившимъ даже съ строгостію въ дѣлѣ семейнаго управленія; не взирая на то, или, лучше сказать, именно потому и по аксіомѣ, что распущенность и слабохарактерность не внушають никакого уваженія, она сумѣла вкоренить въ дочеряхъ безпредѣльную къ ней любовь, всецѣло пламенѣвшую въ ихъ сердцахъ, когда уже онѣ давно сами были матерями семействъ. Она покоится въ Ново-Спасскомъ монастырѣ. Когда похоронное шествіе слѣдовало передъ окнами Апраксинскаго дома, гдѣ жила 90 лѣтняя мать ея Настасія Петровна Квашнина-Самарина, старуха тихо, но сознательно благословила умершую дочь и, повернувшись ко второй, оставшейся, Аннѣ Петровнѣ Самариной промолвила: «не ей, а

намъ съ тобою слѣдовало бы прежде умереть»[1]). Она пережила дочь нѣсколькими только, помнится мнѣ, мѣсяцами.

Я прошелъ за гробомъ съ открытою головою и въ одномъ юнкерскомъ ментикѣ безъ шинели отъ Знаменки черезъ Солянку и Яузскій мостъ до Новоспасскаго монастыря, и въ морозный день: вещь удивительная въ полу-Итальянцѣ по воспитанію. Графиня Елисавета Петровна была кавалерственною дамою, и потому передъ ея гробомъ шелъ полицейскій офицеръ, несшій на подушкѣ орденъ великомученицы Екатерины. Молодыя графини читывали отрывками псалтырь по матери своей, и я иногда имъ въ этомъ помогалъ.

Изъ постороннихъ посѣтителей Чернышевыхъ до кончины еще графини при мнѣ бывали (не говоря о Скарятиныхъ, которыхъ нельзя было звать чужими) только графъ Александръ Никитичъ Панинъ и князь Петръ Андреевичъ Вяземскій. Послѣдній былъ особенно любимъ всѣми Чернышевыми [2]).

Въ продолженіе болѣзни графини Елисаветы Петровны, призванъ былъ на консиліумъ тогдашній Московскій медицинскій тріумвиратъ: Маркусъ, Рихтеръ и Высоцкій, замѣнившіе сошедшихъ со сцены гг. Мудрова и Мухина [3]). Поселившійся въ Москвѣ въ началѣ столѣтія Французъ Скюдери (современникъ соотечественникамъ своимъ господамъ Метивьё и Помѐ, аристократическимъ врачамъ до 1812 г.) сохранялъ, тѣмъ не менѣе, старую свою кліентеллу въ описываемое мною время [4]).

Жизнь подъ одною кровлею съ гр. Вѣрою Григорьевною еще болѣе, конечно, развивала мои къ ней чувства, но не мѣшала мнѣ выѣз-

---

[1]) Извиняюсь, что, говоря о Чернышевыхъ, я совершенно забылъ о существованіи невышедшей никогда замужъ Анны Петровны Самариной. Какъ опекунша престарѣлой матери, она, говорятъ, запутала ея дѣла. Графиня Елисавета Петровна приходила не разъ на помощь сварливой сестрѣ, не платившей ей особенною взаимностію чувствъ. Она всегда жила отдѣльно отъ матери. Упомянувъ о бывшемъ Апраксинскомъ домѣ, замѣчу, что въ описываемое мною время, этотъ домъ соединялся съ стоящею рядомъ съ нимъ церковью посредствомъ арки, переходившей чрезъ Знаменскій переулокъ.

[2]) Этимъ объясняется, что графъ Григорій Ивановичъ передалъ князю П. А. Вяземскому семейныя свои бумаги. Кому болѣе близкому могъ онъ ихъ передать? Единственный сынъ былъ въ Сибири ссылочнымъ.

[3]) Впрочемъ, престарѣлый профессоръ Мухинъ умеръ не ранѣе 1852 года въ своемъ имѣніи Тарусскаго уѣзда.

[4]) Докторъ Скюдери пользовался еще маститою старостію въ 1851 году и переѣхалъ на жительство въ Саратовское свое имѣніе, гдѣ началъ заниматься сыровареніемъ.

жать понемногу въ Московскій большой свѣтъ, гдѣ, благодаря бирюзовому моему ментику, прозвали меня «le comte bleu». На одномъ балу у г. Мертваго, гдѣ я взялся не за свое дѣло дирижировать мазуркой или котиліономъ, я перепуталъ, по непривычкѣ, всѣ фигуры, и самъ сильно отъ того сконфузился. Часто довольно навѣщалъ я стариковъ Пашковыхъ, въ патріархальномъ ихъ домѣ у Чистыхъ Прудовъ. Изъ четырехъ сыновей Ивана Александровича одинъ только пѣвецъ Николай Ивановичъ жилъ въ Москвѣ. Старшій, Андрей Ивановичъ, давно женатый на графинѣ Моденъ, служилъ въ Петербургѣ при дворѣ егермейстеромъ; сестра ихъ, фрейлина Александра Ивановна, осталась весталкою. Въ домѣ Пашковыхъ воспитывалась и жила прелестная ихъ племянница Авдотья Петровна Сушкова (впослѣдствіи графиня Ростопчина); въ семействѣ звали ее Додо. Княгини Волконской уже не было въ Москвѣ: она снова переселилась на берега Тибра. Графиню Риччи я разъ только встрѣтилъ гдѣ-то на вечерѣ; мужъ ея также возвратился восвояси. Въ Москвѣ жила тогда полу-Русская и полу-Итальянка, графиня Свѣчина-Галіани, съ двумя высокими, но не красавицами дочерями. Она была Итальянка; но кто былъ ея мужъ живъ ли онъ былъ, гдѣ обрѣтался, и откуда взялось сочетаніе двухъ этихъ фамилій, неизвѣстно мнѣ. Знаю только, что жили они гдѣ-то въ Московскомъ лабиринтѣ между Сивцевымъ Вражкомъ и Собачьей площадкой. Я у нихъ былъ всего одинъ разъ на танцовальномъ вечерѣ, и незадолго послѣ сего эти бѣдныя три женщины обкушались поврежденной рыбы и умерли.

На тогдашнихъ балахъ нельзя было не замѣтить двухъ граціознѣйшихъ сестеръ княженъ Щербатовыхъ [1]); но царица Московскихъ красавицъ, княжна Софія Александровна Урусова, уже поступила фрейлиною ко двору въ предыдущемъ 1827 году. Въ эту зиму стали только выѣзжать въ свѣтъ Екатерина и Ольга Александровны Булгаковы; изъ нихъ очень хороша была собою, нѣчто въ родѣ Греческаго типа, съ блестящимъ цвѣтомъ лица, первая изъ нихъ [2]).

Былъ я также на балу у Скарятиныхъ, въ домѣ опекаемыхъ ими сиротъ Соловыхъ, на Лубянкѣ, гдѣ нынѣ гостиница Лабади. Мать Соловыхъ убита паденіемъ съ дрожекъ на Петербургскихъ островахъ, въ глазахъ гр. Е. П. Чернышевой, съ которою находилась въ дружескихъ отно-

---

[1]) Одна изъ нихъ вышла замужъ за г. Александрова, воспитанника великаго князя Константина Павловича.

[2]) Екатерина Александровна вышла замужъ за Павла Дмитр. Соломирскаго, а Ольга Александровна за князя Александра Сергѣевича Долгорукова, въ 1830 г., ранѣе старшей сестры.

шеніяхъ. Все семейство Петрово-Солововыхъ жило при теткѣ своей Скарятиной. Двѣ старшія изъ трехъ сестеръ, Анастасія и Наталія Өедоровны, начинали выѣзжать въ общество; меньшая, Ольга Өедоровна, была малолѣтнею [1]). Старшій изъ Скарятиныхъ, Григорій Яковлевичъ, переведенный уже изъ армейскихъ драгунъ въ конно-гвардейскій полкъ, былъ тогда въ Петербургѣ; я познакомился со вторымъ его братомъ, Өедоромъ Яковлевичемъ, находившимся тогда въ отпуску въ Москвѣ и переведеннымъ изъ драгунъ не въ гвардію, а кажется, въ Чугуевскій уланскій полкъ. Помню, что онъ тогда писалъ масляными красками копію съ портрета дяди своего князя Алексѣя Григорьевича Щербатова, кисти знаменитаго Англичанина До [2]) и копировалъ удивительно талантливо и вѣрно.

Единственнымъ развлеченіемъ молодыхъ графинь Чернышевыхъ было катанье по городу въ саняхъ, а на запяткахъ становился иногда я, переодѣтый въ лакейскую ихъ ливрею, въ огромной треугольной съ галунами шляпѣ, не безъ страху быть узнаннымъ кѣмъ-нибудь, что̀ составляло нешуточное обстоятельство при тогдашней милитарной дисциплинѣ. Помню, что мы разъ заѣхали къ Скарятинымъ и приказали вызвать къ крыльцу Якова Өедоровича, которому одна изъ графинь имѣла что-то передать; хотя онъ не узналъ меня въ этомъ костюмѣ (а хоть бы узналъ, нечего было отъ него опасаться), но замѣтилъ имъ о неосторожности разъѣзжать ночью, *съ чортъ знаетъ кѣмъ на запяткахъ*. Ѣзжали онѣ навѣщать одну лишь бабку свою Н. П. Самарину и нѣкоего князя Овесова, своего, какъ говорится человѣка, женатаго на сестрѣ дѣвицы Надежды Николаевны Богдановой, жившей съ дѣтства и присматривавшей за меньшими изъ графинь. Этотъ князь Овесовъ былъ изъ Калмыковъ или Татаръ, безъ всякаго состоянія, когда-то знакомый съ нашимъ семействомъ до 1812 года, чрезъ что̀ попалъ въ карикатурный альбомъ нашего буфетчика Ивана Бѣшенцова; онъ дослужился до полковничьяго чина и впослѣдствіи получилъ мѣсто эконома при домѣ князя Д. В. Голицына.

Всего чаще бывали молодыя графини у Екатерины Өедоровны Муравьевой, матери Никиты и Александра Михайловичей, жившей тогда въ домѣ графа Гудовича (нынѣ Миклашевскаго, на углу Тверской и Брюсова переулка). У нея онѣ навѣдывались о случаяхъ отправки

[1]) Старшая, Анастасія Өедоровна, вышла за князя Вреде, Наталья Өедоровна за Ланского, а Ольга Өедоровна за богача Кошелева, въ концѣ 1834 или въ началѣ 1835 года.

[2]) Портретъ этотъ былъ повтореніемъ находящагося въ числѣ портретовъ всѣхъ генераловъ 1812 года того же художника До въ галлереѣ Зимняго дворца.

венцей общимъ имъ семейнымъ ссыльнымъ въ Сибирь. Случаи эти часто повторялись, и всякое возможное утѣшеніе и жизненныя удобства несчастнымъ допускались сердобольнымъ комендантомъ той мѣстности, полковникомъ Лепарскимъ. Разъ только при мнѣ онѣ были съ утреннимъ визитомъ у княгини Татьяны Васильевны Голицыной.

Говоря про кончину гр. Е. П. Чернышевой, я упустилъ сказать, что дочери ея тотчасъ послали меня къ Англичанкѣ, бывшей ихъ гувернанткою (по имени, кажется, миссисъ Эвенсъ или Ивинсъ), класной дамѣ въ одномъ женскомъ пансіонѣ у Красныхъ воротъ, въ домѣ нынѣ братьевъ Бутеноповъ. Ее я извѣстилъ о кончинѣ графини и передалъ просьбу молодыхъ графинь не отказаться прибыть немедленно къ нимъ и оставаться при нихъ первые дни скорбнаго времени, такъ какъ ни одной пожилой женщины въ домѣ не было. Переданное мною извѣстіе сильно взволновало добрую Британку, и она неотлагательно исполнила желаніе прежнихъ своихъ воспитанницъ. Пока я разговаривалъ съ нею, выскакивали къ дверямъ изъ сосѣдней комнаты нѣсколько учениць заведенія полюбоваться, вѣроятно, гусарскимъ моимъ нарядомъ, а внутренній голосъ самолюбія нашептывалъ мнѣ, что я былъ предметомъ юнаго ихъ восхищенія и будущаго, пожалуй, впечатлѣнія, какъ говорится въ Онѣгинѣ о появленіи гвардейскихъ офицеровъ въ Москвѣ:

Блеснуть, плѣнить и улетѣть.

Около Масленицы или въ началѣ поста того 1828 года умеръ мощный еще по лѣтамъ Московскій старожилъ Степанъ Степановичъ Апраксинъ при странномъ слѣдующемъ обстоятельствѣ. Онъ самъ предсказалъ свою кончину за нѣсколько дней впередъ, потому что явился ему давно умершій пріятель его, обѣщавшій (какъ увѣрялъ Степанъ Степановичъ) при жизни исполнить таковое предувѣдомленіе въ надлежащее время. Это разсказывали тогда по Москвѣ, и помнится мнѣ, что тогда говорилъ о томъ въ домѣ Чернышевыхъ Яковъ Ѳедоровичъ Скарятинъ, когда С. С. Апраксинъ былъ труденъ, но еще живъ. Объ ожиданіи С. С. Апраксинымъ явленія того лица передъ кончиною я зналъ съ дѣтства моего изъ разсказовъ о томъ Мальцовыхъ. Понимайте, какъ хотите, но это такъ.

Бывалъ я иногда у княгини Елисаветы Ростиславны Вяземской, матери Павлоградскаго моего товарища, князя Александра Сергѣевича. Домъ Вяземскихъ былъ на Петровскомъ бульварѣ, а нынѣ принадлежитъ оптовому торговцу винами Катуару. Княжнѣ Варварѣ Сергѣевнѣ

нынѣ Ершовой [1]) было тогда 13 или 14 лѣтъ, и я однажды попалъ на ея танцовальный урокъ, даваемый знаменитою тогда балериною Ворониною. Князь Николай Сергѣевичъ былъ немного старше сестры своей и, глядя на мой и старшаго своего брата гусарскій нарядъ, уже рвался на службу. Княгиня Елисавета Ростиславна, урожденная Татищева, внучка извѣстнаго историка этой фамиліи, разсказывала слѣдующее о смерти ея дѣда. Жилъ онъ въ своей подмосковной, и хотя преклонныхъ уже лѣтъ, пользовался хорошимъ здоровьемъ. Вставъ однажды утромъ, въ одно Воскресенье, онъ пошелъ въ церковь и передъ обѣднею сказалъ священнику, что желаетъ немедленно исповѣдаться и причаститься св. таинъ, потому что видѣлъ во снѣ, что онъ долженъ умереть въ этотъ самый день, хотя вовсе не чувствовалъ себя больнымъ. Исполнивъ этотъ христіанскій долгъ, онъ послѣ обѣдни возвратился домой, напился чаю, по обыкновенію, послѣ чего, сдѣлавъ послѣднія предсмертныя свои распоряженія, созвалъ всѣхъ своихъ семейныхъ и прислугу, простился съ ними, прилегъ и послалъ за священникомъ, чтобы собороваться, или читать отходную надъ нимъ молитву, и вскорѣ потомъ испустилъ духъ [2]).

Въ Москвѣ я экипировался заново у славившагося тогда военнаго портнаго Плещеева (въ Газетномъ переулкѣ, рядомъ съ нынѣшнею гостиницею Шевалье-Шевріё) и въ магазинѣ офицерскихъ вещей Живаго на Тверской, существующемъ тамъ и понынѣ. Для брюкъ спеціалистомъ слылъ Гусевъ на Кисловкѣ; но я не прибѣгнулъ къ этому генію.

Нашъ корпусный командиръ князь А. Г. Щербатовъ, штабъ котораго былъ въ Москвѣ, принялъ меня весьма ласково, когда я по долгу службы явился къ нему въ полной формѣ и сталъ во фрунтъ, и черезъ А. Д. Черткова передалъ мнѣ, что желаетъ видѣть меня у себя, не какъ Павлоградскаго юнкера, а какъ сына Флорентинскихъ его друзей. Да, всѣ первые мои шаги въ службѣ, были успѣшны; впослѣдствіи я самъ все испортилъ, и даже въ это краткое мое въ Москвѣ пребываніе я чуть-чуть не попался въ прегадкую исторію. Сошелся я еще въ Орлѣ съ юнкеромъ Елисаветградскаго гусарскаго полка (нашей же дивизіи) Демидовымъ. Онъ былъ славный и неглупый малый, но его погубила хмѣлина, какъ увидимъ далѣе. Отправились

---

[1]) Вдова лейбъ-гусара Ивана Ивановича Ершова, сына кирасирскаго дивизіоннаго генерала.

[2]) Сообщено мнѣ старицею Натальею Өедоровною Крыловой, слышавшей этотъ разсказъ отъ самой княгини Елисаветы Ростиславны.

мы однажды вдвоемъ позавтракать у Яра и немного кутнули; я могъ, какъ уже говорилъ, много выдержать шампанскаго, но Демидовъ былъ гораздо слабѣе меня, и его порядочно разобрало. Поѣхали мы оттуда кататься по городу, и на углу Срѣтенскихъ воротъ у бульвара, Демидовъ мой, выскочивъ изъ саней, началъ ни съ того, ни съ сего колотить (кажется, даже фуктелять обнаженною саблею) какого-то господина, проѣзжавшаго мимо насъ или загородившаго намъ дорогу. Я выскочилъ, въ свою очередь, остановить его, и при этомъ движеніи раскрылась штатская моя шинель, наброшенная изъ предосторожности на мундиръ *). Тоже самое случилось и съ нимъ, и проходящіе могли удостовѣриться, что драку эту завели на улицѣ два переодѣтые и пьяные юнкера. Ужъ какимъ образомъ мы улизнули и скрылись отъ преслѣдованія, самъ не понимаю; должно быть, что господинъ этотъ былъ изъ робкаго десятка и самъ удралъ поскорѣе, или у насъ былъ лихачъ-извощикъ, и онъ насъ спасъ. Дѣло могло пахнуть для насъ солдатчиною.

Навѣщалъ я, хотя изрѣдка, дѣдушку князя Ю. В. Долгорукова, и разъ на обѣдѣ у этого радушнаго старика онъ приказалъ подать бутылку Флорентинскаго *аліатико*, прибавивъ, что этимъ слѣдуетъ потчивать меня, Итальянца. Я никогда болѣе не видалъ его; онъ умеръ въ исходѣ 1830 года.

Выѣзжая изъ Москвы въ полкъ, я задержанъ былъ у Серпуховской заставы по причинѣ недостававшей какой-то формальности въ моемъ билетѣ, и мнѣ пришлось отправить на извощикѣ въ комендантскую (въ Кремль) нанятаго мною въ Москвѣ Итальянца Франческа Фустера (оставшагося въ Россіи въ числѣ плѣнныхъ 1812 года) для пополненія недостающаго, а самому ждать почти до ночи его возвращенія въ душной караулкѣ. Впослѣдствіи сослуживецъ мой, Матѳей Иван. Долговъ научилъ меня безпрепятственно проѣзжать чрезъ заставы въ партикулярномъ платьѣ подъ псевдонимомъ студента Ложкина съ дачи, чему способствовалъ одинаковый почти голубой околышекъ студентской форменной фуражки и нашей Павлоградской.

Возвращаясь въ Орелъ одинъ (А. Д. Чертковъ, какъ женихъ, остался въ Москвѣ), я заѣхалъ немного въ сторону обнять Бѣлкинскаго моего тёзку Клеева (и это было послѣднее мое свиданіе съ этимъ вѣрнымъ слугою стараго закала, умершимъ въ 1830 г.), а оттуда на пару дней въ Игнатовское (Знаменское) къ теткѣ Е. И. Нарышкиной.

---

*) Въ то время юнкерамъ запрещено было ѣздить въ экипажахъ, и потому, кромѣ шинели, мы были въ партикулярныхъ фуражкахъ.

Съ возвращеніемъ въ полкъ начались служебныя мои невзгоды. Передъ поѣздкою моею въ Москву, учреждена была у насъ полковая юнкерская школа для изученія нами гусиной шагистики, по пѣхотному образцу, и сабельныхъ пріемовъ и рубки. Я былъ назначенъ вахмистромъ команды. Выходя отъ заутрени изъ полковой церкви подъ Свѣтлый праздникъ, полковой адъютантъ Н. И. Бахметевъ напалъ за что̀-то на нашего юнкера Шепелева и сбилъ съ него фуражку. Находившійся при этомъ другой нашъ юнкеръ Андрей Сем. Раевскій закричалъ мнѣ: «Бутурлинъ, Бахметевъ оскорбляетъ Шепелева». Чтобы понять всю силу подобнаго афронта, надо знать, что, въ противность того, что̀ существовало въ пѣхотныхъ полкахъ, у насъ, внѣ фронта, никакой субординаціи не было: юнкера были на *ты* съ офицерами и никогда при встрѣчѣ на улицѣ передъ офицерами (т. е. нашего полка) не становились во фронтъ. Кровь хлынула мнѣ въ голову при этомъ извѣстіи; я выбѣжалъ изъ церкви и вмѣстѣ съ Раевскимъ (лихой и благородный былъ онъ малый и другъ мнѣ) принялись мы за Бахметева, и я, между прочимъ, прокричалъ ему, что онъ не смѣетъ-де трогать *моего* (т. е. моей команды) юнкера, и если Шепелевъ провинился въ чемъ либо передъ нимъ, ему слѣдовало отнестись ко мнѣ, какъ вахмистру, и ужъ мое будетъ дѣло поступить съ моимъ подчиненнымъ, какъ я знаю. На это Бахметевъ приказалъ, помнится мнѣ, обоимъ молчать, при угрозѣ за наше неподчиненіе ему, офицеру. На это мы ему отвѣчали, что, по неравенству съ нимъ нашихъ чиновъ, мы прекращаемъ на время дѣло это, но что когда надѣнемъ эполеты, тогда возобновимъ съ нимъ разговоръ. Не знаю навѣрно, самъ-ли Бахметевъ пожаловался на насъ полковнику, или донесъ ему о томъ по обязанности полковой гевальдигеръ *), г. Кохановъ, но вскорѣ полковникъ Пашковъ призвалъ Раевскаго и меня и объявилъ, что за нашъ поступокъ съ Н. И. Бахметевымъ онъ приговариваетъ насъ, какъ нарушителей военной дисциплины, къ службѣ рядовыми, съ назначеніемъ впредь до новаго его распоряженія на одинъ день въ караулъ, а на слѣдующій день дневальными по конюшнѣ, сирѣчь очищать стойла отъ навоза. Я въ досадѣ сорвалъ съ себя унтеръ-офицерскіе галуны, и мы оба отправились въ свои эскадроны. Раевскій былъ въ 5-мъ, гдѣ командовалъ всѣми любимый ротмистръ Чихачевскій, а я въ 6-мъ эскадронѣ, которымъ командовалъ Полякъ, ротмистръ Турскій. Вотъ какъ весело мы встрѣтили и провели первый день Свѣтлаго праздника, въ лѣто отъ воплощенія 1828-ое! На слѣдующій день мы оба, какъ рядовые, поступили въ составъ караула на главную

*) Должность въ родѣ полковаго (или штабнаго) полицмейстера.

гауптвахту, въ очередные часовые по два часа у будки три раза въ сутки.

Настала дождливая погода и весенняя распутица; отъ столь несоразмѣрнаго съ воспитаніемъ нашимъ наказанія оба мы заболѣли и отправились въ больницу: это ужъ такъ водилось у насъ [1]). Почтенный дивизіонный нашъ генералъ бар. Будбергъ, узнавъ о происшествіи съ нами, послалъ сказать Пашкову, что подобнаго рода наказаніе черезчуръ строго относительно юнкеровъ, вслѣдствіе чего, по выходѣ нашемъ изъ больницы, полковникъ потребовалъ обоихъ къ себѣ и спросилъ: чувствуемъ-ли мы всю нашу виновность, и на отрицательный нашъ отвѣтъ приказалъ было идти намъ обратно въ свои эскадроны и продолжать рядовую службу по прежнему своему приговору. Нелюбо было намъ пойти тянуть опять солдатскую лямку; мы переглянулись, сдѣлали снова *налѣво кругомъ* (такъ какъ послѣ словъ полковника мы пошли было къ дверямъ) и на этотъ разъ заявили ему, что, стало быть, мы виноваты, если онъ счелъ нужнымъ наказать насъ. Полу-уступка удалась, онъ смягчился и простилъ насъ, взявъ слово не возобновлять никогда этой исторіи съ Н. И. Бахметевымъ.

Этою весною я познакомился съ семействомъ Сергѣя Васильевича Цурикова, имѣвшаго свой домъ на соборной площади. И на умъ не приходило мнѣ тогда, что мы будемъ находиться въ свойствѣ съ нимъ по женитьбѣ шурина моего, Алексѣя Ивановича Нарышкина на Маріи Сергѣевнѣ. С. В. Цуриковъ былъ двоюроднымъ братомъ графини Елисаветы Егоровны Комаровской, рожденной Цуриковой. Изъ четырехъ его дочерей старшая только Варвара Сергѣевна (впослѣдствіи Абаза) была тогда взрослою барышнею; вторая, Марія Сергѣевна, хорошенькая, но худощавая блондинка, только что начинала выѣзжать въ общество. Надежда и Анна Сергѣевны были маленькими дѣвочками [2]). Цуриковъ слылъ образцовымъ хозяиномъ-агрономомъ; этимъ однимъ способомъ, безъ всякихъ комерческихъ спекуляцій, онъ изъ незначительнаго родоваго состоянія пріобрѣлъ до 1000 душъ.

Наѣзжалъ въ то время въ Орелъ Константинъ Алексѣевичъ Ржевскій, женатый на Колокольцовой, женщинѣ поразительной кра-

---

[1]) Полковая больница, казармы и конюшни были у Болховской заставы, а Пашковъ квартировалъ вблизи отъ нихъ въ домѣ Казакова, насупротивъ каменнаго манежа на площади.

[2]) Надежда Сергѣевна вышла въ концѣ 40-ыхъ годовъ за артиллерійскаго офицера-мота; онъ обобралъ ее, отправился на службу на Кавказъ и тамъ безъ вѣсти пропалъ. Анна Сергѣевна (препикантная брюнетка) вышла за знаменитаго А. И. Овера, по смерти коего вышла за врача же, Александра Петровича Попова.

соты. Онъ давалъ обѣды, былъ весельчакъ и бонмотистъ и забавно весьма разсказывалъ анекдоты о занятіи войсками нашими Парижа. Изъ мѣстныхъ красавицъ первою была Жедринская; но у себя она не принимала, и любоваться ею можно было только на балахъ въ собраніи. Я намекалъ на закваску гусарскаго удальства, проявлявшуюся кое-когда и въ мое время. Вотъ что̀ случилось въ этомъ родѣ у насъ въ дивизіи. Полусумасшедшій (трудно иначе назвать) командиръ Елисаветградскаго гусарскаго полка, полковникъ Рашевскій, стоявшій въ Сѣвскѣ, послѣ сильной пирушки отправился ночью съ нѣсколькими своими офицерами, всѣ верхомъ, будто бы на приступъ тамошняго дѣвичьяго монастыря. Можно себѣ представить, какую они подняли тамъ тревогу. За этотъ подвигъ полковн. Рашевскій поплатился однакоже отдачею подъ судъ, отобраніемъ отъ него полка и чуть-ли не былъ разжалованъ. Преемникомъ его былъ полковникъ Владимировъ, славный въ полномъ смыслѣ слова человѣкъ. Около того же времени нѣсколько юнкеровъ того же Елисаветградскаго полка, разъѣзжавшіе верхомъ по большой дорогѣ, вздумали остановить почту и открыть тюки, чтобы удостовѣриться, не было-ли на имя ихъ писемъ. Всѣхъ болѣе изъ-за этого пострадалъ хорошій мой знакомый Демидовъ (причинившій мнѣ столь много страха въ Москвѣ): онъ былъ разжалованъ, по военно-судной сентенціи, въ рядовые въ Иркутскій гусарскій полкъ. Льщу себя надеждою, что въ чопорномъ обществѣ нынѣшнихъ гусарскихъ полковъ ничего подобнаго не можетъ случиться. Это еще что̀! А надо было послушать разсказы старыхъ драбантовъ о томъ, что̀ творили гусары до двѣнадцатаго года и даже позднѣе: какъ одинъ полковой адъютантъ или квартирмейстеръ тащилъ на походѣ цѣлый переходъ привязаннаго къ хвосту своей верховой лошади одного исправника, дѣйствіями котораго онъ былъ недоволенъ, или какъ, стоя въ Польшѣ, окружили всѣмъ эскадрономъ бальный залъ и пересѣкли всѣхъ панёнокъ за отказъ танцовать съ однимъ изъ ихъ офицеровъ (пощадили, кажется, одну панёнку, протанцовавшую съ тѣмъ офицеромъ). А служба тогда была *вольготная*, какъ говорятъ крестьяне. Офицерской манежной ѣзды не существовало; лошади были всѣхъ возможныхъ шерстей, не исключая пѣгихъ, саврасыхъ, буланыхъ и соловыхъ. Послѣ весенняго кампамента (т. е. сбора всего полка) лошадей пускали въ табуны на подножный кормъ, вплоть до зимы, когда ставились по деревнямъ, а офицеры уѣзжали себѣ куда глаза глядятъ, и слѣдъ ихъ остывалъ до слѣдующей весны. «Вотъ какъ жили не при Аскольдѣ а въ Павлоградскомъ полку при его командирахъ Бауерѣ и Кохановѣ «наши дѣды и отцы!»

Суровость наказаній нижнихъ чиновъ была при мнѣ поразительна: кто не служилъ тогда, тотъ не можетъ оцѣнить благодѣтельныхъ въ этомъ отношеніи мѣръ нынѣ царствующаго Императора. Нельзя себѣ представить, какъ господа полковые и эскадронные командиры лупили фухтелями за маловажные проступки. Это было, по моему, злѣйшее изъ всѣхъ тѣлесныхъ наказаній въ гигіеническомъ отношеніи. Розги и палки разсѣкали только кожу и мясистыя части тѣла, а сплошной ударъ широкой солдатской саблей во всю ея длину, нанесенный вдоль по спинному хребту, потрясалъ всю внутренность несчастнаго, и не одинъ, вѣроятно, изъ нихъ умеръ отъ того въ больницѣ. Помнится мнѣ, что 30 или 40 ударовъ фухтелями было привычнымъ дѣломъ у иныхъ эскадронныхъ командировъ.

Упомянувъ и больницахъ, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о полковыхъ нашихъ эскулапахъ. Старшимъ лѣкаремъ былъ у насъ г. Заруцкій, младшимъ г. Григорьевъ. Случилось, что г. Григорьевъ донесъ по долгу службы своему старшему, что такой-то гусаръ, т. е. нижній чинъ *), померъ въ больницѣ. «Этого не можетъ быть», возопилъ старшій, «потому что Ипократъ (или какой-то другой медицинскій авторитетъ) положительно говоритъ, что отъ этой болѣзни умираютъ черезъ болѣе продолжительное время, чѣмъ прошло отъ начала болѣзни того гусара».—«Это такъ», отвѣчалъ младшій, «но Ипократъ говоритъ, что это бываетъ въ случаѣ, если больной не получаетъ вовсе медицинскаго пособія; а вѣдь этого субъекта *вы изволили лѣчить*». Анекдотъ этотъ былъ у насъ въ ходу, но за достовѣрность его не ручаюсь.

Упряжныхъ лошадей у меня болѣе не было: я ихъ отдалъ, какъ уже говорилъ, за карточный долгъ и, къ счастію, не пытался отыгрываться. Онѣ впрочемъ почти не были мнѣ нужны; но за то купилъ я у отъѣзжавшаго ген.-маіора Ѳ. П. Оффенберга великолѣпную кровную гнѣдую кобылу «Нелли», высшей манежной ѣзды, кажется, за 2500 р. асс. (деньги выданы были мнѣ на эту покупку изъ главной нашей конторы сверхъ моего оклада). И такъ былъ у меня подъѣздокъ «Орбассанъ» и парадиръ «Нелли», а во фронтѣ я продолжалъ ѣздить на казенной лошади.

Въ началѣ лѣта разнесся слухъ о войнѣ съ Турціею, и затѣмъ получено было повелѣніе всему нашему 2-му корпусу выступать къ

*) Кавалеристовъ нижнихъ чиновъ не зовутъ никогда солдатами, а гусарами, уланами, кирасирами и т. д.

Юго-западной границѣ. Извѣстіе принято было нашею молодёжью громкимъ ура. Всѣ мы новички мечтали отличиться; но помнится, что иные изъ храбрыхъ ветерановъ полка, каковыхъ я еще засталъ, не раздѣляли, къ удивленію моему, нашего восторга. Старшій эскадронный вахмистръ нашъ, Корнелій Васильевичъ, выразился въ разговорѣ со мною, что «лучше дурная стоянка, чѣмъ хорошій походъ», что даже весьма меня скандализировало. Позднѣе я имѣлъ случай подмѣтить характеристическую особенность нашего солдата, что тотъ самый, который при видѣ непріятельской колонны говорилъ: «гляди-ка, какъ насъ расчешутъ», лѣзъ впередъ, когда начиналось дѣло.

Былъ и я въ числѣ охваченныхъ энтузіазмомъ: мерещился мнѣ фантастическій калейдоскопъ, въ которомъ я видѣлъ себя совершившимъ какой-то подвигъ, ворвавшимся въ сѣчу, схватившимъ Турецкое знамя, пожалуй и пушку, получившимъ рану (само собою разумѣется, легкую), возвратившимся во-свояси штабсъ-ротмистромъ съ крестомъ на груди, предметомъ общаго въ Москвѣ или Питерѣ интереса, и пр. и пр. Суета суетъ; но, какъ выразился незабвенный мой отецъ въ письмѣ къ А. Н. Оленину, «il faut de cela pour la jeunesse».

Г. Слоанъ пріѣхалъ изъ Москвы проводить меня, послѣ чего онъ поѣхалъ въ Петербургъ и въ скоромъ времени возвратился во Флоренцію. Прерваны были послѣднія нити его надо мною надзора.

Въ то самое время, какъ мы собирались выступать, графъ Гр. И. Чернышевъ, проѣзжая чрезъ Орелъ въ свое Тагино, съ тремя меньшими дочерьми (недавно предъ тѣмъ состоялись свадьбы графинь Софіи и Елисаветы Григорьевнъ), просилъ полковника Пашкова отпустить меня на нѣсколько дней къ нему. Выступивъ съ полкомъ церемоніальнымъ образомъ, при звукахъ трубачей и при неравнодушіи, можетъ быть, прощавшихся съ нами зимнихъ бальныхъ подругъ нашихъ, я съ перваго перехода поспѣшилъ въ Тагино.

Это ли было то самое Тагино, столь оживленное, въ которомъ я гостилъ съ г. Слоаномъ три года передъ тѣмъ! Графъ Григорій Ивановичъ, видимо, слабѣлъ и бродилъ какъ тѣнь; молодыя графини Наталія и Вѣра предоставлены были совершенно самимъ себѣ. При меньшой (Надеждѣ) находилась пожилыхъ лѣтъ гувернантка Француженка m-me Gagnebain, женщина отличная и съ прекрасными манерами. Если она не могла быть опорою, то, во всякомъ случаѣ, была приличною компаніонкою старшимъ двумъ молодымъ дѣвушкамъ. Всѣ онѣ были, разумѣется, въ глубокомъ траурѣ по матери. Графини Наталья и Вѣра

были хорошія амазонки, но не было съ кѣмъ имъ ѣздить, и потому въ немногіе дни моего пребыванія съ ними я сталъ учить упомянутую Француженку верховой ѣздѣ. Я было сторговалъ себѣ огромнаго гнѣдаго коня изъ завода графа Григорья Ивановича; но онъ, узнавъ о томъ, подарилъ мнѣ эту лошадь на прощанье. Съ тѣхъ поръ я его болѣе не видалъ: онъ умеръ въ началѣ 1830 года.

Чувства мои къ прелестной графинѣ Вѣрѣ Григорьевнѣ не охладѣвали; давно однакоже подозрѣвалъ я неосновательность надеждъ на ея взаимность, казавшихся возможными передъ вступленіемъ моимъ въ полкъ, когда Чернышевы жили въ Тургеневскомъ домѣ на Садовой; но не время было при печальномъ Московскомъ недавнемъ событіи домогаться объясненія; казалось мнѣ, что она съ нѣкотораго времени какъ бы избѣгала оставаться на-единѣ со мною. Теперь предстояла мнѣ разлука на неопредѣленный срокъ, сопряженная съ неизвѣстностію того, чтó могло случиться со мною на войнѣ, и я порѣшилъ не уѣзжать, не узнавъ положительно отъ нея самой, долженъ ли я отречься отъ всякой надежды, хотя бы и въ отдаленной будущности. Простившись, помнится мнѣ, съ вечера со всѣмъ семействомъ, когда утромъ дорожная телѣга стояла уже у крыльца, а графъ Григорій Ивановичъ не выходилъ еще изъ своей половины, я направился въ гостиную; тамъ уже были обѣ старшія сестры однѣ. Излишнимъ было-бы излагать, чтò происходило во мнѣ, когда я въ послѣдній разъ подошелъ къ графинѣ Вѣрѣ и умолялъ ее быть со мною откровенною. Взволнованная и въ слезахъ, она подала мнѣ руки и сказала, что цѣнитъ вполнѣ мою привязанность къ ней, но что иначе, какъ на брата, и на любимаго брата, она не можетъ и *никогда* не будетъ смотрѣть на меня. Отчетливо не помню, чтò затѣмъ произошло; но, кажется, что графиня Наталья, чтобы сократить эту тяжелую сцену, чуть ли ни выпихнула меня изъ комнаты......

Когда по прошествіи десяти лѣтъ послѣ роковаго этого утра, я встрѣтился съ графинею Вѣрою во Флоренціи, она давно уже была матерью, а я отцемъ семейства!

Не досказано мною, что съ перваго времени проявленія моихъ чувствъ къ графинѣ Вѣрѣ, они подмѣчены были матерью ея, которая не отказалась бы, вѣроятно, назвать зятемъ сына лучшаго своего друга. Имѣю поводъ такъ думать потому, что она, замѣтивъ однажды грустное мое настроеніе, по выходѣ изъ комнаты своей дочери (съ которою я передъ тѣмъ разговаривалъ), выразилась такъ: «Чтó съ тобою? Я не виновата, *если тебя принимаютъ»* (или *на тебя смотрятъ*)

не такъ, какъ ты бы желалъ». Это былъ, впрочемъ, единственный, слышанный мною отъ нея намекъ; но я почти увѣренъ, что, не будь она въ томъ немощномъ физическомъ и моральномъ состояніи, въ которомъ находилась тогда и не умри такъ скоро, я былъ бы мужемъ графини Вѣры, и правдоподобно, что жизнь моя иначе бы сложилась. Но была-ли бы она счастлива со мною—это вопросъ. Нѣжная и впечатлительная натура ея была склонна въ то время къ безграничному энтузіазму, была готова на всякое самопожертвованіе и вмѣстѣ съ тѣмъ недовѣрчива къ самой себѣ. Съумѣлъ ли бы я сдерживать и направлять организацію, не искавшую въ добавокъ быть повелительницею въ супружескомъ ярмѣ (не скрывала она того), а напротивъ, требовавшую точки опоры для самой себя? Думаю, что не сумѣлъ-бы.

Я догналъ свой полкъ подъ Рыльскомъ.

Не близко отъ Орла до Придунайскихъ княжествъ. Кавалерія, для сбереженія лошадей, идетъ, бывало, малыми переходами, не болѣе 20 или 25 верстъ въ день; идетъ два дня, а на третій дневка, затѣмъ три дня, и опять дневка, и такъ до конца похода. Въ Бердичевѣ стояли мы съ недѣлю, и чрезъ два съ чѣмъ-то мѣсяца по выступленіи изъ Орла достигли въ Сентябрѣ Дунайскихъ береговъ.

Сначала назначено было нашему корпусу расположиться не далѣе Кіевской губерніи, нашему полку стоять въ г. Сквирѣ; но тамъ получено приказаніе немедленно слѣдовать чрезъ Каменецъ-Подольскъ, Молдавію и Валахію. Иныя полковыя дамы сопутствовали мужьямъ до Турецкой границы, въ томъ числѣ милѣйшая полковница наша Ольга Алексѣевна съ своими дѣтьми. Она была ангеломъ-хранителемъ нашей братьи, юнкеровъ; ходатайство ея не разъ смягчало милитарный педантизмъ ея супруга. Во время похода мы, юнкера, устроили по случаю ея именинъ или дня рожденія театральное представленіе (pièce de circonstance) въ стихахъ, моего сочиненія (на Французскомъ, конечно, языкѣ по слабости моей въ родномъ), съ живой картиною въ заключеніе піесы, представлявшею группу насъ, актеровъ, около ея портрета. (Надо сказать, что портретъ этотъ масляными красками, поясной, но въ натуральный ростъ, неразлучно сопутствовалъ Егору Ивановичу во всѣхъ походахъ и висѣлъ въ его палаткѣ или на квартирѣ. Пріятно отдать ему справедливость, что онъ былъ влюбленнымъ мужемъ, вещь, впрочемъ естественная въ отношеніи подобнаго ангела, и добавлю, что онъ былъ всегда отличнымъ семьяниномъ). Возвращаюсь къ импровизованному спектаклю. Актерами были Петръ Александровичъ Хрущовъ (незабвенный мой другъ и пріятель), А. С. Раевскій, Д. И. Шепелевъ,

Николай Евсюковъ и азъ пiита. Костюмы и сцены готовились на дневкахъ, также и репетиции. Представленіе состоялось въ Бѣлой-Церкви, въ обширной Жидовской корчмѣ; вмѣсто кулисъ были съ боковъ настоящія березки; ими любезно насъ снабдилъ папъ-экономъ графини Браницкой, съ которою я не искалъ возобновить знакомство. Не помню, что́ было у насъ въ фонѣ, но чуть ли не намалеванный и вправду занавѣсъ. Спектакль удался, но не избѣгнулъ критики офицерской партіи, несторонниковъ полковника Пашкова: смѣшнымъ показалась въ живой картинѣ фигура Аркадскаго пастушка въ граціозной балетной позѣ, съ преклоненнымъ колѣномъ, указывавшаго рукою на портретъ виновницы торжества. Оно было точно аффектировано, но внушено мнѣ классицизмомъ моего юношества и духомъ Итальянской жеманной поэзіи.

Во время стоянки въ Бердичевѣ, товарищъ и пріятель мой Хрущовъ [1]) побился о закладъ на бутылку шампанскаго, что во время представленія въ тамошнемъ театрѣ, гдѣ сидѣли въ ложѣ Пашковъ съ женою, онъ пройдетъ чрезъ всю сцену въ полной формѣ съ киверомъ на головѣ. Парѝ было выиграно, но вслѣдъ за тѣмъ побѣдитель посаженъ былъ подъ арестъ на конюшню, или поставленъ часовымъ у полковаго ящика (всегда, какъ извѣстно, находящагося передъ полковничьей квартирой), гдѣ онъ такъ усердно во всю ночь кричалъ «слушай», что́ не давалъ спать бѣдной Ольгѣ Алексѣевнѣ. Этими мѣрами, или спѣшившемуся пройти на маршѣ цѣлый переходъ съ двумя, а иногда, тремя саблями, прицѣпленными къ боку, ограничивалось наказаніе юнкеровъ въ нашемъ полку, тогда какъ слышно было, что въ иныхъ кавалерійскихъ полкахъ закапывали юнкеровъ въ навозъ, чему я плохо вѣрю; въ пѣхотныхъ полкахъ становили ихъ на часы съ двумя и тремя солдатскими ружьями на плечахъ.

Не договорилъ я, что въ Орлѣ прислугу мою составляли кучеръ и двое людей. Ивана Бурлуцкаго, хотя онъ былъ и рисовальщикъ и литераторъ, я отпустилъ по паспорту за приверженность къ зелену́ вину. Франческо Фустеръ былъ поваръ [2]). Хорошій былъ онъ человѣкъ

---

[1]) Хрущовыхъ было въ живыхъ шесть братьевъ, Николай, Петръ, Александръ, Павелъ, Валеріанъ и Григорій и восемь сестеръ, г-жи Нарышкина, Рѣткина, Козловская, графиня Дивьеръ, княг. Долгорукова, Перхурова, Замятнина и Любовь Александровна Черткова; между послѣдней и Елис. Алекс. Нарышкиной было около 30 лѣтъ разницы.

[2]) Въ 1833 г. онъ снова поступилъ ко мнѣ и умеръ въ моемъ Костромскомъ имѣніи православнымъ. Предъ смертію онъ просилъ выписать свою жену (она была Русская) и дѣтей. Желаніе его было исполнено, но вскорѣ послѣ его смерти скончалась и жена его. Я призрѣлъ троихъ дѣтей и старую ихъ бабку. Мальчиковъ я опредѣлилъ въ надежныя ремесла, но путнаго изъ нихъ ничего не вышло. Дочь, выросшая у меня въ де-

и усерденъ, но страшно вспыльчивъ. На одномъ переходѣ въ Волынской или Подольской губерніи, слѣдуя за полкомъ въ моей повозкѣ и сбившись съ дороги, онъ разспрашивалъ у всякаго встрѣчнаго крестьянина о разстояніи до мѣста ночлега полка; выходило изъ справокъ, что разстояніе все болѣе и болѣе увеличивалось по естественной причинѣ, что онъ, вѣроятно, все болѣе и болѣе удалялся, а не приближался къ цѣли. Но онъ этого не смекалъ, потерялъ терпѣніе, выскочилъ изъ повозки и ну колотить послѣдняго допрошеннаго мужика. «Какъ, каналья, ты говоришь, что остается еще столько, тогда какъ тѣ, которыхъ я прежде встрѣчалъ, показывали меньше». Анекдотъ переданъ мнѣ другимъ моимъ человѣкомъ Ильею Бабиченкомъ, свидѣтелемъ происшествія. На Молдавской границѣ я расчелъ этого Итальянца, поручивъ ему сдать мою повозку и упряжную тройку (купленную въ Орлѣ передъ походомъ) въ Тагинѣ. Юнкерамъ разрѣшено было имѣть на правахъ офицерскихъ своего человѣка и вьючную лошадь, и я оставилъ при себѣ этого Илью, изъ нашихъ хохловъ-крестьянъ слободы Бутурлиновки.

Я не упомянулъ, что Ольга Алексѣевна Пашкова прибыла къ намъ въ полкъ въ г. Переяславль въ то самое время, когда мужъ ея былъ со мною въ тамошней соборной церкви и служилъ молебенъ при ракѣ почіющихъ тамъ мощей св. Макарія. Въ этой церкви хранятся цѣнные вклады, пожертвованные Мазепою и, кажется, между прочимъ Евангеліе съ его подписью. Неловко, чай, провозглашать въ день православія анаѳему Мазепѣ въ этомъ храмѣ.

Такъ какъ полки нашей 2-й гусарской дивизіи слѣдовали не въ дальномъ разстояніи одинъ отъ другаго, то мы часто сходились и дружились съ офицерами и юнкерами эрцгерцога Фердинанда и Елисаветградскаго полковъ. Я уже говорилъ, что Иркутскій полкъ какъ-то отстранялся отъ насъ. Сборнымъ нашимъ пунктомъ были въ городахъ трактиры и кофейныя; такъ, проходя чрезъ Прилуки, гдѣ у насъ была дневка, а послѣ насъ дневка Фердинандову полку, содержатели тамошняго трактира и виннаго погреба, братья Новогы (какъ теперь помню) сказывали, что въ эти немногіе дни выпитъ былъ офицерами и юнкерами четырехъ полковъ весь годовой запасъ, купленный ими на Роменской ярмаркѣ. Какъ тутъ устоять мальчикамъ, пропитаннымъ гусарскими традиціями и Денисъ-Давыдовскою Бахусовою литературою *)?

ревнѣ и очень собою хорошенькая, отдана была бабкою въ магазинъ въ Москву; узнавъ, что она начинаетъ сбиваться съ должнаго пути, я ее взялъ и привезъ въ Знаменское въ горничныя къ моей женѣ, но она оттуда ушла пѣшкомъ и безъ денегъ...

*) Въ числѣ этихъ традицій былъ немало удивительный подвигъ влить въ глотку

Тамъ же, въ Прилукахъ, П. А. Хрущовъ и я остались нѣсколько дней по выходѣ полка, но съ разрѣшенія и даже по порученію полковника, похлопотать уладить какія-то несогласія или недоумѣнія между нимъ и мѣстными полицейскими властями на счетъ квартирныхъ квитанцій или справочныхъ мѣстныхъ цѣнъ продовольствія. Оба мы тѣмъ охотнѣе отозвались на это предложеніе, что затѣяли тогда же сюрпризъ обожаемой нашей полковницѣ Ольгѣ Алексѣевнѣ, и надо было запастись разноцвѣтнымъ коленкоромъ и галунами для костюмовъ. По заблаговременно полученнымъ нами свѣдѣніямъ, операціонный планъ для успѣшнаго довершенія предпринятаго на себя дѣла оказался немудренымъ: не требовалось личнаго нашего хожденія по мытарствамъ городническаго правленія или земскаго суда; на это былъ оффиціально прикомандированный къ намъ унтеръ-офицеръ изъ вольноопредѣлившихся, Судбинскій; наше же дѣло было созвать и угостить градоначальника и уѣздныхъ властей въ упомянутой гостиницѣ братьевъ Новыхъ,—вещь сподручная Хрущову и мнѣ. Не стоитъ говорить, сколько раскупорено было, во время этихъ дипломатическихъ переговоровъ, шипучаго чисто-Донскаго и Донскаго подъ фирмою Моэта и Клико; но личность городничаго напрашивается на бѣглый очеркъ. Это былъ совершенно типъ Гоголевскій, исчезнувшій при прогрессивной чопорности нынѣшнихъ полицейскихъ учрежденій. Право, хотѣлось бы мнѣ встрѣтить опять двойника этого добродушнаго, безцеремоннаго, толстаго весельчака-хохла, съ колыхающимся при хохотѣ пузомъ. Съ перваго же дня нашего съ нимъ знакомства или, точнѣе сказать, съ первой съ нимъ попойки, городничій нашъ ревѣлъ съ прослезившимися отъ избытка чувствъ глазами. «О це хлопцы! Бутурлынъ, Хрущовъ!»

Въ Прилукахъ же я поручилъ для фарса эскадронному нашему артельщику сочинить, какъ умѣлъ, письмо отъ моего имени къ гр. Натальѣ Григорьевнѣ Чернышевой, коей я обѣщалъ писать съ похода, а самъ молъ не пишу, потому что нѣтъ времени. Артельщикъ этотъ смахивалъ на грамотнаго старовѣра съ примѣсью семинарской и гражданской эрудиціи. Редакція письма до того понравилась Хрущову, что онъ тутъ же просилъ краснорѣчиваго артельщика сочинить другое въ томъ же родѣ отъ его имени къ своимъ сестрамъ въ Москву.

Во время одной дневки въ Подольской губерніи, я пошелъ къ обѣднѣ, такъ какъ день былъ воскресный, въ сельскую православную церковь; сталъ я на клиросѣ съ причетниками и довольно удовлетво-

сразу, не переводя духа, бутылку рому. До подобнаго совершенства не удавалось однакоже мнѣ дойти.

рительно, какъ мнѣ показалось, проревѣлъ апостолъ моимъ октавнымъ басомъ. Чтеніе мое и пѣніе понравились, быть можетъ, священнику (сѣдовласому, по свѣжему лицемъ), и онъ позвалъ меня къ себѣ на чай. Случай этотъ я помѣщаю здѣсь только потому, что меня поразило, что этотъ священникъ велъ бесѣду съ своими гостями, также повидимому православными, на Польскомъ языкѣ (со мною, конечно, онъ объяснялся по-русски съ примѣсью хохлацкаго). Вотъ до какой степени край этотъ былъ полонизованъ въ 20-хъ годахъ.

На границѣ Придунайскихъ княжествъ полки наши были переформированы въ четыре вмѣсто прежнихъ шести эскадроновъ, съ усиленнымъ числомъ рядовъ во взводахъ, при чемъ передней шеренгѣ даны пики, а безвредные и мягкоствольные карабины, висѣвшіе на крюкѣ съ боку ѣздока, сданы были въ ближній цейхгаузъ. Добавлю, что нерѣдко парадное это оружіе было съ загнутыми стволами, потому что при перекидкѣ кавалеристомъ правой ноги черезъ сѣдло, во время садки на коня, карабинъ попадалъ подъ правую ляжку. Не мѣшаетъ замѣтить, что операція сдачи карабиновъ въ цейхгаузы повторилась передъ Польскою войною и дала поводъ сказать Н. Н. Муравьеву (Карскому), что въ мирное время спѣшившійся кавалеристъ, когда стоитъ на часахъ и дѣлаетъ на караулъ карабиномъ передъ проходящимъ своимъ начальникомъ, какъ будто бы издѣвается надъ нимъ, отдавая ему честь оружіемъ, не употребляемымъ въ военное время.

Пѣхотные полки переформированы были также въ два баталіона, а третій оставался въ Россіи, въ кадрахъ.

Эскадронными командирами остались наши ветераны-ротмистры: Игнатій Дмитр. Масловъ, Михайло Ив. Ванзенъ, Николай Александровичъ Чихачевскій и Гавришевъ. Г. Г. Болдыревъ и Турскій возвратились въ кадры. Мы перешли Прутъ подъ Хотиномъ, вспоминая солдатскую пѣсню Суворовскихъ временъ:

„Ахъ ты, батюшка Хотинъ,
Мы въ тебѣ стоять хотимъ".

Не доходя до Дуная, я и А. С. Раевскій заболѣли упорною мѣстною лихорадкой и принуждены были оставаться при лазаретѣ въ селеніи Слободзеѣ. Весь нашъ корпусъ перешелъ Дунай и расположился вокругъ Силистріи на смѣну 3-го пѣхотнаго корпуса (ген. Рота), осаждавшаго эту крѣпость *). Оправившись, мы потянулись за Дунай

*) Ген. Ротъ началъ, говорятъ, свою службу рядовымъ въ арміи принца де-Конде. Подчиненные отзывались о немъ, какъ о придирчивомъ начальникѣ. Однажды, инспекти-

съ выписанною изъ лазарета командою, въ Молдаванской каруцѣ на волахъ, по 10 верстъ въ день. Подъ Силистріею мы первоначально жили въ палаткахъ; но когда наступила осенняя холодная съ дождемъ погода, пѣхотные солдаты копали для насъ, за ничтожную плату, землянки съ вырытою трубою для внутренней топки и съ крышею изъ хвороста.

Въ Фердинандовомъ полку случилась вещь трудно объясняемая, тѣмъ не менѣе бывалая не въ одномъ этомъ полку: цѣлый эскадронъ шарахнулся однажды ночью. Лошади, объятыя какимъ-то паническимъ страхомъ, сорвались съ коновязей и ускакали далеко за лагерь; къ утру ихъ переловили.

По сей (лѣвой) еще сторонѣ Дуная примкнула къ нашей 1-й бригадѣ конная артиллерійская рота храбраго капитана Порошина [1]), съ офицерами которой мы съ того времени до конца войны сжились, какъ бы съ родными братьями. Славные были всѣ они товарищи и люди образованные; болѣе прочихъ съ нами сблизились гг. Турнеръ, Багговутъ и Александръ Алексѣевичъ Мироновъ, умнѣйшій и безукоризненный человѣкъ, оказавшій мнѣ впослѣдствіи много искренней дружбы.

Осада Силистріи блокадою производилась строго: пальба осадными орудіями почти что не прекращалась денно и нощно; межъ тѣмъ кавалерія дѣлала постоянные разъѣзды, а пѣхота ходила патрулями. Въ мою тамъ бытность Турки сдѣлали лишь одну или двѣ вылазки. Въ первое время ночная пальба мѣшала намъ спать, потомъ свыклись. По поводу этого вотъ чтó случилось съ М. Г. Ржевскимъ, тогда офицеромъ 3-й гусарской дивизіи, корпуса Рота, на смѣну котораго мы пришли. Окончивъ однажды свою дистанцію, съ разъѣздомъ своего полка, онъ остановился у одной изъ батарей и, не разбирая мѣста, гдѣ бы отдохнуть до утра, завернулся въ плащъ, прилегъ у самой заревой пушки (не подозрѣвая того) и заснулъ богатырскимъ сномъ. Можно вообразить себѣ, какъ былъ онъ ошеломленъ, когда на разсвѣтѣ возлѣ него гаркнула (какъ водится въ лагерѣ) эта пушка. «Помилуй, братецъ», обратился онъ къ бомбардиру, «гдѣ у тебя совѣсть? Неужели ты не могъ заблаговременно разбудить меня?» — «Виноватъ, ваше благородіе», былъ отвѣтъ, «*я боялся васъ побезпокоить*» [2]).

руя офицерскую манежную ѣзду въ 3-й гусарской дивизіи, онъ гналъ кого-то изъ сихъ офицеровъ, повторяя, что мундштукъ у лошади не пригнатъ. Тотъ, потерявъ терпѣніе, отвѣчалъ: „Нѣтъ, ваше высокопревосходительство, мундштукъ хорошъ, а ротъ скверенъ“.

[1]) Онъ убитъ на Варшавскомъ штурмѣ.

[2]) Нынѣ умершій Рязанскій помѣщикъ М. Г. Ржевскій былъ женатъ на Екатеринѣ

Въ лагерѣ былъ рядъ маркитантскихъ палатокъ, преимущественно изъ Бѣлевцевъ, но были и Молдаванскіе и Жидовскіе маркитанты; у иныхъ, съ обѣденнымъ столомъ à prix fixe, со всѣми возможными припасами и даже прихотями. Тутъ шелъ кутежъ на деньги и въ кредитъ до будущей трети; въ послѣднемъ случаѣ выдавался иногда кредитору-хозяину заведенія ордеръ или переводъ въ должной суммѣ полковому казначею. Злополучная звѣзда моя, какъ говорится по-французки, свела меня тамъ съ Евреемъ-маркитантомъ «en grand», у котораго были военно-офицерскія вещи, подзорныя трубки, косметическія принадлежности и пр., Леономъ Капенштейномъ, Австрійскимъ будто-бы подданнымъ, сдѣлавшимся, какъ усмотрится впослѣдствіи, виновникомъ моего разоренія.

Однажды, когда мы съ А. А. Мироновымъ сидѣли за бутылкою шампанскаго, въ маркитантскую палатку вошелъ инженерный офицеръ, получившій уже крестъ въ начатой кампаніи. Электризованный воинскимъ духомъ и парами Клико, я рвался цѣловать этотъ крестъ, чѣмъ носитель кавалерскаго ордена не на шутку обидѣлся, приписывая мой порывъ неумѣстной насмѣшкѣ; я все упорствовалъ въ своемъ намѣреніи, но, къ счастію, задержалъ меня мой умный собесѣдникъ.

Послѣ почти мѣсячнаго пребыванія въ совершенномъ бездѣйствіи подъ Силистріею ко мнѣ снова пристала лихорадка, и я отпросился въ селеніе Каларашъ въ 8 или 10 верстахъ по сю сторону Дуная. Былъ уже конецъ Октября, погода стояла холодная, не по климату, съ перемежающимся дождемъ и снѣгомъ. Заболѣлъ и корпусный командиръ нашъ, князь А. Г. Щербатовъ. Онъ уѣхалъ въ Россію и болѣе въ армію не показывался. Его замѣстилъ временно генералъ Доврѐ. Къ неописаемой радости я нашелъ въ Каларашѣ А. Д. Черткова, только что прибывшаго къ мѣсту назначенія. Я въ первый разъ видѣлъ его женатымъ. Елисавета Григорьевна, беременная уже старшею дочерью (нынѣ княгинею Елисаветою Александровною Голицыной), оставалась въ кадрахъ Фердинандова полка, въ г. Умани, или въ другомъ полу-Еврейскомъ мѣстечкѣ южной нашей границы. Александръ Дмитріевичъ пріютилъ меня въ своей Молдаванской мазанкѣ, открытой доступу всѣмъ зефирамъ, гдѣ я то и дѣло затыкалъ о́кна пузырными клочками вмѣсто отсутствующихъ стеколъ отъ валившаго хлопьями снѣга. Чертковъ часто впослѣдствіи любилъ напоминать мнѣ объ этомъ.

Соломоновнѣ Мартыновой, ходилъ въ ополченіе въ Крымскую войну 1855 г. начальникомъ Спасской (кажется) дружины и умеръ на обратномъ оттуда пути.

Чрезъ нѣсколько дней я отправился въ нашъ вагенбургъ (полковой нашъ священникъ называлъ его Оренбургомъ; тамъ былъ и подвижной нашъ лазаретъ), въ Валашское селеніе, гдѣ слышна была по теченію Дуная пальба подъ Силистріею, за 50, если не болѣе, верстъ. Примкнули ко мнѣ иные юнкера нашего полка, и недѣли чрезъ полторы мы дотащились кое-какъ до Бухареста. Измученный лихорадкою, я забрался было первоначально на какую-то Жидовскую квартиришку, гдѣ отыскалъ меня и перевелъ къ себѣ родственникъ мой Дмитрій Антоновичъ Станкеръ, все еще въ своемъ Екатеринославскомъ пѣхотномъ полку, но уже прикомандированный къ штабу графа Киселева, генералъ-губернатора Валашскаго княжества.

Дивизія наша между тѣмъ тронулась изъ подъ Силистріи на зимнія квартиры по сю сторону Дуная, совершивъ для сего значительный обходъ, чтобы не выказывать, вѣроятно, Туркамъ отступательнаго этого движенія. Настали слякоть, глубокая грязь, затѣмъ морозы, дороги сдѣлались непроходимыми, и войска наши подвигались, какъ разсказываютъ, безъ всякаго порядка, шли какъ попало. Объ отстающихъ не заботились; счастіе ихъ, что погони не было отъ олуховъ-Турокъ. Перемѣны въ начальствующихъ лицахъ у насъ не произошло, за исключеніемъ того, что командиръ 2-й бригады нашей дивизіи, Деляновъ, былъ смѣненъ молодыхъ лѣтъ генераломъ Глазенапомъ.

Первая эта Турецкая кампанія 1828 г., не привела, какъ извѣстно, ни къ какимъ результатамъ. Одна часть гвардейскаго корпуса подъ личнымъ предводительствомъ Государя Императора съ трудомъ овладѣла Варною; для содѣйствія покоренію ея призванъ былъ графъ М. С. Воронцовъ. Другая часть гвардіи подъ начальствомъ великаго князя Михаила Павловича штурмомъ взяла Браиловъ съ непредвидѣннымъ будто бы урономъ, какъ разсказывалось впослѣдствіи, нашихъ людей, взлетѣвшихъ отъ взрыва мины, предназначенной Туркамъ; достовѣрность этого обстоятельства утвердить не могу. Князь А. С. Меншиковъ взялъ Анапу съ моря; но нашему 2-му корпусу, также и 3-му, не удалось сдѣлать ничего значительнаго.

Опредѣлились тогда въ дѣйствующую армію два Француза противоположныхъ партій. Одинъ былъ маркизъ Де-ла-Рошъ-Жакеленъ. сынъ или родственникъ извѣстнаго во время первой республики Вандейскаго народнаго вождя; онъ, помнится мнѣ, состоялъ волонтеромъ при императорскомъ штабѣ. Другое лицо былъ полковникъ Дрювиль, старый Наполеоновскій воинъ; по паденіи Французскаго императора онъ посвятилъ дѣятельность свою какой-то странѣ въ южной Азіи, а

оттуда перешелъ въ Россію, принятъ былъ на службѣ полковничьимъ чиномъ и состоялъ при нашемъ корпусномъ штабѣ. Разсказываютъ, что, представляясь государю Николаю Павловичу, онъ отнесся къ нему слѣдующими словами: «Ношу я на тѣлѣ своемъ слѣды двадцати четырехъ ранъ, но на немъ есть еще мѣсто получить столько же для службы вашего величества». И славная воинственная наружность была у этого высокаго сѣдого усача: настоящій рубака! Подъ Силистріею онъ вздумалъ было сдѣлать какую-то сумасбродную демонстрацію или атаку на передовые Турецкіе посты или шанцы съ цѣлымъ Фердинандовымъ полкомъ; но командиръ онаго полковникъ Купферъ заявилъ ему наотрѣзъ, что не дастъ своего полка для этой экспедиціи, и имѣлъ вѣроятно право на то, потому что не слышно было. чтобы Купферъ подпалъ подъ отвѣтъ за непослушаніе. Отмѣчу кстати. что жена Купфера, переодѣтая мужчиною (такъ какъ женщинѣ не допускалось въ дѣйствующей арміи), гостила у мужа своего въ палаткѣ и новою Амазонкою участвовала верхомъ въ преслѣдованіи Фердинандовымъ полкомъ Турокъ, сдѣлавшихъ вылазку изъ крѣпости.

Кромѣ нашего 2-го пѣхотнаго корпуса и 3-го корпуса былъ еще въ составѣ арміи резервный кавалерійскій корпусъ изъ конно-егерей, командуемый, кажется, ген. Бороздинымъ. Корпусъ этотъ, или часть онаго, дѣйствовалъ въ глубинѣ Болгаріи, охраняя, вѣроятно, дорогу отъ Шумлы къ Силистріи, въ случаѣ замысла непріятеля попытаться освободить обложенную нами крѣпость. Пока мы стояли подъ Силистріею, проходили мимо насъ и обратно по сю сторону Дуная эти конно-егерскіе полки въ ужасно изнуренномъ состояніи и въ лѣтней формѣ, въ кителяхъ, когда уже наступила холодная погода.

Какія войска оставались продолжать зимнюю блокаду Силистріи, не помню; полагаю, что часть нашего 2-го корпуса, между тѣмъ какъ другая часть (изъ пѣхоты) отряжена была обложить другую Дунайскую крѣпость Журжу и стать вокругъ нея на зимнія квартиры. Полкъ нашъ пошелъ было на зиму въ сѣверную Валахію, къ мѣст. Питешты, на Венгерской границѣ, куда и я отправился изъ Бухареста; но, явившись къ эскадронному моему командиру Чихачевскому и узнавъ отъ него, что полкъ выступаетъ снова и идетъ на зиму подъ Журжу, я опять, отчасти по болѣзни своей, а отчасти и по нерадѣнію къ службѣ, отдѣлился отъ полка и возвратился въ Бухарестъ. Сначала я стоялъ на наемной квартирѣ на улицѣ Фунжеръ-де-Фукъ съ А. С. Раевскимъ и Д. И. Шепелевымъ (мы составляли тріумвиратъ); но, видя, что насъ настойчиво требовали въ полкъ по командѣ, мы всѣ трое, сгорбившись и намалевавши акварельною краскою синяки подъ глазами, яви-

лись къ дежурному штабъ-офицеру полковнику Мясоѣдову высказать ему, въ какомъ состояніи мы находились, и просить его ходатайства объ отсрочкѣ отправленія. Штука удалась; добродушный штабъ-офицеръ испугался почти, глядя на насъ и, должно быть, увѣдомилъ наше начальство о невозможности отъѣзда нашего изъ Бухареста, между тѣмъ какъ мы проводили вечера въ кофейняхъ и ресторанахъ, гдѣ

Гнули (Богъ намъ прости)
Отъ пятидесяти
На сто.

Мелу не водилось на открытыхъ Молдавскихъ банкахъ. Столъ былъ покрытъ скатертью, а на немъ возвышались заманчивыя кучки золота и серебра. Записи не допускалось ни для банкомета, ни для понтирующихъ.

Разъѣзжая днемъ въ открытой извощичьей коляскѣ по длинной улицѣ Тиргада-Фаръ, я наткнулся однажды на полк. Пашкова, также въ коляскѣ. Чувствуя, что за мною послѣдуетъ неминуемая погоня, я принялся толкать кучера въ спину, чтобы онъ прибавилъ шагу; но, убѣдившись, что не ускользну отъ преслѣдованія, выскочилъ изъ коляски, шмыгнулъ на дворъ ближняго дома и тамъ спрятался въ подвалъ по колѣна въ водѣ. Не ошибся я: Пашковъ вбѣжалъ въ тотъ домъ, на квартиру конно-егерскаго штабъ-офицера. Чтó произошло межъ ними и былъ ли обыскъ въ томъ домѣ, не знаю; но спустя около четверти часа незабвенный мнѣ этотъ конно-егерскій офицеръ подошелъ къ мѣсту заключенія моего, закричавъ «графъ выходите»; значило, что онъ успѣлъ уже обо всемъ развѣдать и зналъ, гдѣ я спрятался. Пригласивъ меня къ себѣ высушиться, онъ указалъ на меня находившимся тутъ своимъ юнкерамъ, сказавъ: «Вотъ, господа, смотрите, чтó дѣлается въ прочихъ полкахъ», и можно было дѣйствительно подивиться, до чего доходилъ мелочный милитаризмъ нашего полковника, вовсе не дурнаго въ прочихъ отношеніяхъ человѣка.

Послѣ сего приключенія невозможно было мнѣ долѣе оставаться на своей квартирѣ, и я отправился въ офицерское отдѣленіе военнаго госпиталя. Уже до этой исторіи полковникъ оказывалъ мнѣ при разныхъ случаяхъ свое неудовольствіе; но послѣ настоящаго, отношенія мои съ нимъ сдѣлались крайне натянутыми.

Госпиталь занималъ квадратное зданіе одинаковой архитектуры съ внутреннимъ дворомъ, въ центрѣ коего была церковь; все это имѣло видъ обширнаго монастыря. Въ этой церкви нѣкоторые изъ юнкеровъ

нашего и Фердинандова полка, въ томъ числѣ я, стали однажды на клиросъ и пропѣли кое-какъ обѣдню, между тѣмъ какъ священникъ служилъ на Молдавскомъ (по ихъ Романешти) нарѣчіи, а діаконъ на Греческомъ. Наврядъ ли кому придется присутствовать при подобнаго рода совершеніи литургіи [1]). Въ мое время въ сельскихъ храмахъ Молдавіи звонили чуть-чуть не въ единственный пискливый колоколъ, а затѣмъ били, большею частію, въ желѣзную доску, какъ у насъ стучать ночные при амбарахъ сторожа, а то въ перемежку и того и другаго. Обычай этотъ остался, вѣроятно, со времени Турецкаго владычества въ княжествахъ, когда христіанамъ возбранялся колокольный звонъ. Притѣсненіе это существовало еще, по моему замѣчанію, въ 1829 г. въ Адріанополѣ и прочихъ мѣстностяхъ Румеліи. Странная, замѣчу мимоходомъ, филологическая противоположность является между Молдавскимъ и Польскимъ языками. Тогда какъ первый, корень коего Латинскій (и на столько сходенъ съ Итальянскимъ, что я свободно почти объяснялся съ Молдаванами), пишется Славянскими буквами [2]); второй, напротивъ, чисто Славянскій, пишется Латинскими буквами. Молдавское сельское духовенство показалось мнѣ въ одинаково жалкомъ положеніи, какъ наше сельское.

Въ первое время госпитальнаго пребыванія со мною были тѣже товарищи, Раевскій и Шепелевъ. Приходилъ иногда къ намъ Фердинандова полка юнкеръ Алексѣй Ивановичъ Мясоѣдовъ (нынѣ умершій) сосѣдъ по Калужскому уѣзду Раевскимъ.

Зима приближалась къ концу; почти всѣ мои товарищи выписались и возвратились къ своимъ мѣстамъ; я одинъ хворалъ прежнею своею лихорадкою. Но зорко слѣдилъ за мною полковникъ Пашковъ, и въ одинъ прекрасный вечеръ явился въ госпиталь посланный имъ нашъ унтеръ-офицеръ Смородиновъ со всѣми нужными разрѣшеніями взять меня во что бы ни стало, и хотя въ тотъ самый часъ меня трепалъ пароксизмъ, вывели меня, подсадили въ телѣгу и привезли въ деревню Стоянешти, верстахъ въ 10-ти отъ Бухареста. Дѣло было ночное, и явка моя къ полковнику состоялась на слѣдующее утро. Встрѣтилъ меня, разумѣется, пріемъ самый бурный. Пашковъ предложилъ мнѣ оста-

[1]) Русское пѣніе при Греческихъ эктеніяхъ и Молдавскихъ возгласахъ было весьма кстати; оно выражало весь характеръ Румынскаго языка, составившагося изъ этихъ трехъ элементовъ. Приведу, какъ характеристику этого нарѣчія, слова, поющіяся по прочтеніи Евангелія „Слава тебѣ Господи, слава тебѣ“. По молдавски: „Слава си (Греч. σοι)-домне (Лат. domine), слава“... *Прим. одного изъ читателей Записокъ.*

[2]) Теперь Кирилицу (по недоглядкѣ П. Д. Киселева) замѣнила Латинка. Первая осталась только въ книгахъ богослужебныхъ.

вить *его* полкъ (какъ будто бы Государь подарилъ ему Павлоградскій полкъ) и хлопотать о переводѣ въ другой. На это я ему отвѣчалъ, что полкомъ и товарищами я доволенъ, и что, пусть будетъ, что̀ будетъ, я не перейду въ другой полкъ. Тогда онъ, кажется, объявилъ мнѣ (или можетъ быть, слова его относятся къ позднѣйшей сценѣ, при начатіи Польской войны 1831 года), чтобы я не ожидалъ никакихъ наградъ во время предстоявшихъ военныхъ дѣйствій.

Въ этомъ селеніи мы встрѣтили и провели Пасху 1829 г., при невеселыхъ для меня условіяхъ. Утѣшенъ былъ я только полученнымъ изъ дому увѣдомленіемъ, что любимая сестра моя графиня Елисавета вышла замужъ за маркиза Клавдія Соммарива д'Ексъ.

Изъ Стоянешти мы выступили 1 или 2 Мая, направляясь къ Дунаю, во время проливнаго дождя, упорно преслѣдовавшаго насъ во весь переходъ того дня, не взирая на что̀ произведенъ былъ намъ на походѣ смотръ новымъ нашимъ корпуснымъ командиромъ, доблестнымъ гр. Петромъ Петровичемъ Паленомъ I-мъ, или чуть-ли не самимъ новымъ главнокомандующимъ Дибичемъ. Промокнувшіе буквально до костей, мы добрались до покинутой своими жителями деревушки, гдѣ я съ нѣкоторыми товарищами съ неимовѣрнымъ трудомъ могъ развести очень въ отведенной намъ мазанкѣ. Переправа чрезъ Дунай всего корпуса по единственному мосту, наведенному наискось противъ Силистріи, потребовала три-четыре дня. Тутъ, по случаю экстреннаго письменнаго дѣла въ полковой канцеляріи, Пашковъ, страдавшій между прочимъ маніею бюрократіи, упекъ въ помощь полковыхъ писарей нѣсколько человѣкъ изъ нашихъ юнкеровъ. Не знаю, почему избѣгнулъ я этой участи. Принятъ былъ для предстоящей кампаніи маркитантомъ при нашемъ полку вышепомянутый мнимый Австріецъ изъ Евреевъ, Леонъ Капенштейнъ. Такъ какъ безъ билета чрезъ Дунайскій мостъ не пропускали, то онъ неотлагательно приставалъ къ полковымъ писарямъ, чтобы ему выправили полковой видъ. Одинъ изъ импровизованныхъ писарей, унтеръ-офицеръ изъ вольноопредѣляющихся, Яковъ Судбинской *) къ коему болѣе прочихъ приставалъ Леонъ, шуткою скорѣе чѣмъ ошибкою, назвалъ его въ билетѣ Капустинымъ вмѣсто Капенштейна. Какъ тотъ ни протестовалъ противъ подобнаго измѣненія, ничего не помогло: Капустинымъ онъ въ офиціальныхъ бумагахъ остался до злополучнаго, какъ увидимъ далѣе, конца своей дѣятельности въ 1846 году.

*) Онъ былъ незаконнымъ сыномъ Саратовскаго помѣщика Б. и, такъ какъ происхожденіе его было намъ извѣстно, принятъ былъ товарищемъ въ юнкерскомъ нашемъ обществѣ.

Передъ Силистріею мы стояли всего дня два. Осада этой крѣпости продолжалась частію (кажется) 3-го корпуса подъ начальствомъ генерала Красовскаго, взявшаго ее на капитуляцію въ слѣдующемъ Іюнѣ; мы же пошли напрямикъ къ Югу, по направленію къ крѣпости Шумлѣ чрезъ лѣса, гдѣ шедшая впереди саперная колонна топорами расчищала намъ дорогу. Попадались намъ рѣдкія селенія, и тѣ покинутыя жителями. Помню, что подъ околицею таковаго я поднялъ съ земли недавно, повидимому, срѣзанный съ корня пучекъ цвѣтущаго шиповника (тамошній шиповникъ сбивается почти на розу). Того достаточно было, чтобы поэтическая фантазія моя разыгралась: гдѣ могъ рости эти цвѣты, кѣмъ сорваны, зачѣмъ брошены подъ наши стопы? Ужъ ни черноглазая-ли Булгарка, убѣгая въ горы съ подругами, намѣренно бросила пучекъ этотъ подъ ноги приближающихся братій во Христѣ, какъ символическое знаменованіе побѣды надъ невѣрными?

Шли мы форсированными маршами навстрѣчу сильнаго, какъ носился слухъ, Турецкаго корпуса или арміи подъ начальствомъ визиря Гусейнъ-паши (помнится мнѣ). Послѣ трехдневнаго марша выступили мы изъ лѣсныхъ дефилеевъ въ пространную равнину, кончающуюся справа (съ Запада) отдаленною, но видною Шумлою, а слѣва (съ Востока) подошвою Балканскихъ горъ. На послѣднемъ переходѣ оставлены были военный обозъ, палатки, фуры, офицерскія и юнкерскія вьючныя лошади и маркитантскія повозки.

На слѣдующій знаменитый для насъ и безъ сомнѣнія для всякаго Русскаго день 12 Мая, во время утренняго водопоя нашего эскадрона, я подошелъ къ находившемуся вблизи полковн. Пашкову, который самъ поилъ свою лошадь, и спросилъ его по-французски: «Pouvons nous espérer de jouer un peu du sabre aujourd'hui? *) Хотя былъ я съ нимъ не въ ладахъ, но не настолько же, чтобы не обмѣниваться при встрѣчѣ парою словъ. Едва успѣлъ онъ сказать, что ничего еще о томъ неизвѣстно, какъ послышалась сильная аванпостная пальба по направленію спуска съ Балканскихъ горъ, при деревнѣ Кулевчи. Въ лагерѣ нашемъ начали бить тревогу; мы побѣжали, держа лошадей въ поводу, къ своимъ коновязямъ, торопливо осѣдлали ихъ и съ командою: «садись-маршъ» помчались на полныхъ рысяхъ съ примкнувшей къ намъ конно-батареею капитана Порошина: трехверстное (приблизительно) разстояніе до мѣста начатой битвы, гдѣ имѣли мы стать на крайній лѣвый флангъ. За нами слѣдовала пѣхота бѣглымъ шагомъ. До прибытія

---

*) Можемъ-ли мы надѣяться поиграть немного саблями сегодня?

къ мѣсту нашихъ войскъ, дѣло завязалось между дежурнымъ аванпостнымъ отрядомъ, состоявшимъ изъ Иркутскаго гусарскаго полка, батальона Муромскаго пѣхотнаго полка, и, кажется, части 11-го и 12-го егерскаго полка (относительно послѣднихъ утвердительно сказать не могу) и всею арміею визиря, спускавшеюся съ Балканскихъ высотъ. Не взирая на свою малочисленность, отрядъ этотъ молодецки выдержалъ неравный бой до прибытія остальныхъ войскъ; за то и былъ весь почти уничтоженъ. Иркутскій полкъ ходилъ по нѣскольку разъ въ атаку; того полка храбрый маіоръ Линденеръ во главѣ своего лейбъ-эскадрона удерживалъ переходъ черезъ мостъ и тамъ палъ со всѣмъ почти своимъ эскадрономъ. Все это такъ быстро совершилось, что, когда мы подоспѣли, изъ Линденерова эскадрона оставалось, какъ говорили, 12 или 15 человѣкъ и около половины людей изъ прочихъ трехъ Иркутскаго полка эскадроновъ, а батальонъ Муромскаго полка легъ на мѣстѣ съ своими офицерами, сохраняя карè, за исключеніемъ какихъ-нибудь 10 человѣкъ, прибѣжавшихъ въ лагерь съ этимъ извѣстіемъ. Правдоподобно, что новые эти Спартанцы были окружены со всѣхъ сторонъ Турками. Въ этой схваткѣ изрубленъ былъ упомянутый знакомый мой Демидовъ (разжалованный, какъ уже сказано, изъ юнкеровъ Елисаветградскаго полка въ рядовые въ Иркутскій полкъ), гнавшійся, какъ утверждаютъ, за Турецкимъ штандартомъ и объявившій при началѣ дѣла, что онъ въ тотъ день либо выслужится въ офицеры, либо погибнетъ *).

Елисаветградскій гусарскій полкъ находился въ центрѣ (думаю, что при пѣхотѣ) или на правомъ флангѣ и, вѣроятно, ходилъ также въ атаку (но въ какой моментъ сраженія, не знаю), потому что юнкеръ того полка Панинъ (младшій братъ Никиты Егоровича и княгини Софіи Егоровны Вяземской), подъ которымъ убита была лошадь, бросился въ ряды вблизи находившагося пѣхотнаго полка и сталъ подъ ружьемъ, даже чуть-ли ни ходилъ въ штыки съ тѣмъ полкомъ, за чтô получилъ солдатскій Георгіевскій крестъ и офицерскій чинъ.

Возвращаюсь къ Павлоградцамъ нашимъ, скакавшимъ занять позицію на лѣвомъ флангѣ.

Сильно забилось у меня сердце по приближеніи къ мѣсту, гдѣ суждено было мнѣ впервыя познакомиться вблизи съ запахомъ пороха.

---

*) Рязанская помѣщица, княгиня Софія Аркадьевна Волконская, рожденная Рахманова, говорила мнѣ впослѣдствіи, что этотъ бѣдный мой товарищъ былъ двоюроднымъ братомъ ей.

Прошло тому слишкомъ 38 лѣтъ, но тогдашнихъ ощущеній я не забылъ. Сознаюсь, что оробѣлъ; но, сотворивъ крестное знаменіе и приложившись къ маленькой, висѣвшей на груди, иконѣ пресвятой Богородицы (кажется, Казанской), благословенію матери въ моемъ дѣтствѣ, я получилъ какую-то сильную увѣренность, что родительское благословеніе и молитвы вынесутъ меня невредимымъ изъ предстоявшаго дѣла. Долженъ я также сознаться, что въ послѣдующихъ случаяхъ я болѣе чувствовалъ боязни (хотя, конечно, того я не выказывалъ), чѣмъ въ первомъ сраженіи, отчасти, можетъ быть, потому, что иллюзіи о возможности совершить какой нибудь подвигъ исчезли при ближайшемъ знакомствѣ на практикѣ съ ограниченной сферою дѣятельности взводнаго офицера. Въ оправданіе этого чувства боязни въ сраженіяхъ ссылаюсь на знакомаго мнѣ впослѣдствіи Австрійскаго бригаднаго генерала, барона д'Аспера, раненаго ветерана Наполеоновскихъ войнъ и не изъ робкаго десятка человѣка: онъ утверждалъ, что отличнымъ войскомъ можно считать, когда въ немъ на-половину только трусовъ.

Доскакавъ до назначеннаго намъ мѣста на лѣвомъ флангѣ, мы развернулись сомкнутою колонною по-эскадронно, за нами сталъ Фердинандовъ полкъ такою же колонною, а въ тѣсномъ промежуткѣ между обоими полками стала наша конная батарея. Передъ нами возвышался пригорокъ, на который Турецкіе наѣздники выѣзжали врассыпную изъ-за противуположеннаго ската, и каждый изъ нихъ, сдѣлавъ по выстрѣлу въ насъ изъ своихъ винтовокъ, въ довольно близкомъ уже разстояніи, скрывался снова за пригорокъ, вслѣдствіе чего надо было, чтобы совершить нашу атаку, выжидать, когда они соберутся на пригоркѣ въ болѣе значительныхъ массахъ. Прошло такъ, полагаю, около четверти часа самой непріятной неподвижности. Мы представляли изъ себя мишень; пули начали все чаще и чаще свистать надъ нашими головами и сначала перелетали черезъ насъ до того безвредно, что я счелъ было этотъ свистъ за полетъ невидимыхъ мнѣ птицъ и о томъ спросилъ неподалеку находившагося упомянутаго выше унтеръ-офицера Судбинскаго, который, засмѣявшись, объяснилъ мнѣ, въ чемъ дѣло. Забылъ я сказать, что на скоку къ позиціи я поспорилъ съ нимъ за то, что онъ не хотѣлъ уступить мнѣ своего мѣста штандартъ-носителя, на что́ я имѣлъ болѣе его права, такъ какъ съ предыдущей осени получилъ званіе фанъ-юнкера, иначе штандартъ-юнкера *).

Вдругъ раздалось восклицаніе юнкера нашего эскадрона Андрея Семеновича Раевскаго, бывшаго ассистентомъ у штандартнаго Судбин-

---

*) Званіе это давало право носить офицерскій серебряный темлякъ на саблѣ, вмѣсто кожанаго, какъ у нижнихъ чиновъ.

скаго, раненаго пулею въ лѣвую руку выше локтя. Полковникъ Пашковъ, подъѣхавъ, велѣлъ ему осадить лошадь и отправиться на перевязочный пунктъ. За рану получилъ онъ солдатскаго Георгія, за сраженіе произведенъ былъ въ корнеты, вскорѣ отправился для излѣченія раны въ Россію и болѣе не участвовалъ въ кампаніи [1]).

Столпилась, наконецъ, на бугоркѣ значительная довольно толпа иррегулярной Турецкой конницы; тогда орудія наши, поднявъ дулы, дали по нѣскольку залповъ картечью черезъ наши головы. Это насъ (или, по крайней мѣрѣ, меня) немного огорошило. Вслѣдъ за тѣмъ послышалась ожидаемая давно команда «укороти поводья, съ мѣста, маршъ, *маршъ*», и мы вихремъ понеслись съ пистолетами въ рукахъ и съ висѣвшими на кисти той же руки саблями.

Мое унтеръ-офицерское мѣсто было на лѣвомъ флангѣ эскадрона въ 4-мъ взводѣ (во 2-ой шеренгѣ), и такъ какъ пришлось мнѣ скакать чрезъ кустарникъ, то шнурокъ, на которомъ висѣлъ кухенрейтеровскій пистолетъ (задѣвая, вѣроятно, за концы сучьевъ), какъ-то перепутался съ сабельнымъ темлякомъ и не давалъ мнѣ свободно дѣйствовать, ни тѣмъ, ни другимъ. Если бы наскочилъ тогда на меня Турокъ, онъ искрошилъ бы меня безъ всякаго сопротивленія. Однакоже удалось мнѣ, кажется, выстрѣлить наобумъ; ибо Турецкіе наѣздники, не дождавшись натиска нашего, поскакали назадъ, хотя на немногихъ пунктахъ завязалась рукопашная схватка. Гусары наши преслѣдовали Турокъ, но не на большое разстояніе, коля ихъ пиками. Ефрейторъ нашего эскадрона Пироговъ ловко приноровился сбрасывать съ сѣдла настигнутыхъ имъ Турокъ тупымъ концемъ своей пики, и на спросъ ротмистра Чихачевскаго, зачѣмъ онъ этимъ только довольствуется, а не прикалываетъ ихъ, отвѣчалъ: «Ваше высокоблагородіе, на такую работу найдутся охотники и безъ меня».

Поле передъ нами (то есть всего лѣваго фланга) было очищено.

Между тѣмъ пѣхота, составлявшая центръ, ходила нѣсколько разъ въ штыки на регулярную Турецкую пѣхоту, вчетверо сильнѣйшую нашей и оказавшую довольно упорное сопротивленіе [2]), такъ что уронъ въ 11 и 12 егерскихъ полкахъ (покрывшихъ себя славою, какъ въ

[1]) Прибывъ на родину свою, въ Калугу, А. С. Раевскій далъ извѣстіе обо мнѣ теткѣ моей Е. И. Нарышкиной. Какъ раненый и очевидецъ блистательной Кулевчинской побѣды, онъ сдѣлался въ Калугѣ предметомъ общаго интереса.

[2]) Носился слухъ, что Турецкую пѣхоту преобразовалъ на Европейскій ладъ какой-то Французскій военный выходецъ, по фамиліи, кажется, Сѣвре.

этой, такъ и въ послѣдующей Польской кампаніи), болѣе прочихъ сражавшихся, былъ весьма значительнымъ. Не менѣе успѣшно дѣйствовала остальная часть пѣхоты, но съ мѐньшимъ урономъ. Что̀ дѣлалось между тѣмъ на нашемъ правомъ флангѣ, совершенно ускользнуло изъ памяти моей; но смутно припоминаю, чтъ 3-я гусарская дивизія, ген. князя Мадатова, участвовала также въ Кулевчинской битвѣ [1]), отдѣльно должно быть отъ прочихъ войскъ 3-го пѣхотнаго корпуса. Заключаю изъ того, что гусарская эта дивизія дѣйствовала въ составѣ прочихъ войскъ на правомъ флангѣ.

Визирскія войска видимо начали подаваться назадъ по всей линіи. Протрубили у насъ отступленіе, и бой прекратился на время. Было около полудня. Скомандовано было «охотники впередъ», подбирать убитыхъ и раненыхъ. Выскочилъ и я въ числѣ прочихъ, и не прошло много времени, какъ я возвратился, таща съ трудомъ на себѣ большаго роста солдата; раненъ-ли онъ только былъ, или убитъ, не помню, но кровью своею онъ обрызгалъ унтеръ-офицерскій мой панталѐръ [2]) изъ чего товарищи мои заключили было, что я раненъ.

Послѣ почти двухчасоваго отдыха, дѣло возобновилось, но уже не такъ упорно. Вся Турецкая армія, численность коей доходила, будто бы, до 60 тысячъ, пыталась пробить себѣ дорогу къ Шумлѣ, но отраженная окончательно со всѣхъ сторонъ, принуждена была отступить въ горы, откуда спустилась утромъ по узкой дорогѣ къ лѣсу. Отступленію ея содѣйствовалъ взрывъ одного Турецкаго пороховаго ящика отъ мѣткости нашихъ орудій, причинившій значительный уронъ въ Турецкихъ рядахъ. Они бросили на полѣ битвы нѣсколько орудій, коими мы овладѣли, также и всѣмъ ихъ обозомъ, и начали было преслѣдованіе по первымъ скатамъ горъ; но солнце садилось, и у насъ протрубили отступленіе и сборъ. Наши войска, по разсчету моему, не превышали никакъ цыфры отъ 18 до 20 тысячъ человѣкъ. Изъ трехъ пѣхотныхъ дивизій нашего 2-го корпуса, генераловъ Сулимы, Отрощенка и Потемкина, участвовали, если не ошибаюсь, только двѣ первыя [3]). Особенно значителенъ былъ, какъ я уже говорилъ, уронъ лю-

---

[1]) Дивизія состояла изъ полковъ принца Оранскаго (бывшаго Бѣлорусскаго), князя Витгенштейна (бывшаго Маріупольскаго), Ахтырскаго и Александрійскаго.

[2]) Широкій набѣленный мѣломъ съ клеемъ ремень нижнихъ чиновъ, на которомъ виситъ сумка.

[3]) Говорено уже сначала, что дѣйствующіе полки состояли только изъ двухъ батальоновъ, вмѣсто трехъ въ мирное время; батальоны же не могли быть въ комплектѣ отъ больныхъ, оставшихся во временныхъ госпиталяхъ, а изъ кадровъ подоспѣли команды не прежде, помнится мнѣ, какъ въ Іюлѣ.

дей въ 11 и 12 егерскихъ полкахъ и въ Иркутскомъ гусарскомъ; объ уничтоженномъ цѣломъ Муромскомъ батальонѣ также сказано. Въ нашемъ полку убитыми было двое или трое людей, ранеными пять. Фердинандовъ полкъ не ходилъ вовсе въ атаку, и объ Елисаветградскомъ не осталось у меня въ памяти точныхъ свѣдѣній.

Предупреждаю, что въ настоящемъ описаніи славной этой битвы недостаетъ многаго въ стратегическомъ отношеніи: фазисы ея выказаны въ сокращенномъ, неудовлетворительномъ видѣ, не обозначены даже фамиліи генераловъ во главѣ отрядовъ и фланговыхъ колоннъ; но, не говоря уже, что за давно истекшимъ временемъ я забылъ множество подробностей, я излагаю только то, что̀ происходило передъ моими глазами, въ кругу ограниченной дѣятельности унтеръ-офицера, каковымъ я былъ тогда.

Въ желудкѣ ничего не было у насъ съ ранняго утра. Голодны особенно были наши нижніе чины, взявшіе изъ-подъ Силистріи провіанту на 5 дней, а уже болѣе было недѣли, что̀ мы выступили оттуда. (Это былъ впрочемъ экстренный случай по поводу форсированныхъ маршей, но въ прочее время, благодаря распорядительности генералъ-интенданта сенатора Абакумова, дѣйствующая армія была всегда обезпечена продовольствіемъ). Мы бросились обыскивать Турецкій обозъ, заграждавшій узкую дорогу по первымъ Балканскимъ склонамъ, ведущую въ Янибазаръ или въ Праводы. Поживы въ обозѣ оказалось немного: съѣстнаго мы ничего не нашли кромѣ какой-то изюмной прѣсной пастилы и ячменныхъ лепешекъ, отвратительныхъ во всякое другое время. Но случилось вотъ что̀. Нашего эскадрона унтеръ-офицеръ Степановъ, шаря со мною въ обозѣ, наткнулся на какой-то бѣлый значекъ, въ родѣ жалонерскаго, но бо̀льшаго размѣра, съ зеленымъ полуluніемъ на немъ. Не зная, что̀ дѣлать съ своею находкою, Степановъ предложилъ ее мнѣ вмѣсто носоваго платка. «Постой, братецъ», сказалъ я, «какой это носовой платокъ? Ты не брезгай имъ: что-то онъ больно сбивается на Турецкое знамя. Совѣтую тебѣ показать эту штуку полковнику».—«Къ чему показывать ему?» возразилъ Степановъ; да хоть бы оно и было знамя, что же изъ этого? Не отбито же оно въ бою, а найдено въ обозѣ. Впрочемъ, пожалуй, отнесу я его полковнику; увидимъ, что̀ скажетъ». Отправился мой Степановъ къ полковнику Пашкову и какъ только представилъ ему свой лоскутъ, полковникъ потащилъ того унтеръ-офицера къ дивизіонному или корпусному командиру, и Степановъ, нежданно-негадано, награжденъ былъ за нетрудный свой подвигъ солдатскимъ Георгіемъ. И вотъ какъ у меня по усамъ текло,

а въ ротъ не попало! Впрочемъ, мнѣ такъ вообще не везло въ жизни, что въ моихъ рукахъ лоскутъ этотъ лоскутомъ бы и остался.

Пѣхотинцы, гнавшись за Турками въ горахъ, сбрасывали въ овраги на краю дороги всѣ тяжести, преграждавшія путь, въ томъ числѣ визирскую Вѣнскую съ иголочки карету, шумно покатившуюся въ бездну.

Разсказывали также, что задорный нѣкій полковой командиръ, подсмотрѣвъ покинутую и незамѣченную, вѣроятно, до него Турецкую пушку въ сторонѣ отъ поля битвы, ухитрился какъ-то протащить ее до корпуснаго нашего командира, разсчитывая на Георгіевскій офицерскій по статуту крестъ за отбитое орудіе; но доблестный бывшій вождь Сумскаго гусарскаго полка, герой 15 Іюля 1812 г., удержавшій подъ Витебскомъ съ авангарднымъ отрядомъ натискъ Наполеоновской арміи графъ Петръ Петровичъ Паленъ не ловился на подобныя удочки и только пожалъ, вѣроятно, плечами.

Главнокомандующій отправилъ съ донесеніемъ объ одержанной побѣдѣ къ Государю Императору адъютанта своего, ротмистра князя Петра Ивановича Трубецкаго, женатаго на княжнѣ Витгенштейнъ [1]); онъ получилъ за это флигель-адъютантство и (кажется) полковничій чинъ [2]).

Часть 3-й гусарской дивизіи была въ дѣлѣ, хотя не знаю, въ какомъ моментѣ дня и на какомъ пунктѣ (развѣ на правомъ флангѣ?); но что она была въ дѣлѣ, знаю потому, что разсказывали, какъ Александрійскій полкъ, спѣшившись, приступомъ взялъ Турецкую съ валомъ батарею [3]), на которую первыми взобрались полковой командиръ и священникъ съ крестомъ, и что пуля пробила насквозь обѣ щеки священнику, за что̀ онъ получилъ офицерскій Георгій 3-ей степени, съ которымъ товарищи мои видѣли его въ Адріанополѣ.

Совокупно съ Кулевчинскою битвою или, можетъ быть, на слѣдующій день, ген. Купріяновъ съ отдѣльнымъ отрядомъ, совершивъ флан-

---

[1]) Впослѣдствіи Орловскій губернаторъ.

[2]) Адъютантами главнокомандующаго были также графъ Васильчиковъ (впослѣдствіи князь и Кіевскій генер.-губернаторъ) и вновь произведенный въ офицеры Левъ Кириловичъ Нарышкинъ. Состояли также при немъ л.-г. уланскаго полка князь Урусовъ, впослѣдствіи Нижегородскій губернаторъ. Въ свитѣ его находился армейскій прапорщикъ нѣкій Ліонъ, воспитанникъ Одесскаго лицея; по какой протекціи попалъ онъ въ свиту, неизвѣстно мнѣ.

[3]) Не могу дать себѣ яснаго отчета, гдѣ и какъ могла быть столь поспѣшно построена батарея съ валомъ въ Кулевчинской, такъ сказать, импровизованной битвѣ; но пишу по современнымъ разсказамъ.

говое движеніе чрезъ первыя Балканскія горы, напалъ боковымъ обходомъ у дер. Праводы на отступавшаго въ безпорядкѣ визиря и окончательно разсѣялъ всю его армію, часть которой, переправясь чрезъ р. Камчикъ, успѣла было укрѣпиться тамъ за палисаднпки съ окопами; но ген. Фроловъ бросился вплавь съ однимъ изъ полковъ своей бригады и выбилъ Турокъ изъ этихъ укрѣпленій.

Послѣ этого пораженія, они разбѣжались врозь, оставя всѣ горныя ущелья незанятыми. Числа взятыхъ нами въ плѣнъ не знаю.

Когда начало смеркаться, мы отступили къ болѣе открытой мѣстности по направленію къ Шумлѣ и стали на бивакахъ безъ разведенія огней, чему препятствовалъ проливной дождь, шедшій всю ночь, и безъ палатокъ, оставшихся при обозѣ. Пришлось мнѣ по-очереди объѣзжать аванпосты наши, съ патрулемъ изъ 3 или 4 гусаръ, при чемъ имѣлось приказаніе стрѣлять на неоткликавшихся: допускалась, вѣроятно, возможность вылазки Шумлянскимъ гарнизономъ. Шелъ я съ своимъ разъѣздомъ почти что зря отъ глубокой темноты и наткнулся было на нѣчто въ родѣ ведета на курганѣ, неудовлетворительно отозвавшагося на мой окликъ; но опасаясь, при малочисленности команды своей, имѣть дѣло съ партіею Некрасовцевъ, не настаивалъ я на полученіи отъ ведета лозунга и пароля, а заблагоразсудилъ прекратить всякій съ нимъ разговоръ и отступить. На разсвѣтѣ прибылъ я съ командою въ свой эскадронъ, промокнувъ до послѣдней нитки. Къ тому же прошли сутки что̀ мы ничего не ѣли, и голодъ не на шутку сталъ одолѣвать всѣхъ насъ, но ни единаго сухаря во всемъ эскадронѣ не было. Вспомнивъ, что въ Италіи лакомятся улитками, коихъ кстати было здѣсь множество, я предложилъ этотъ способъ утолять желудокъ, и первый далъ примѣръ, бросивъ нѣсколько таковыхъ въ костеръ, съ трудомъ разведенный и, поджаривъ, сталъ глотать, пересыпая ихъ порохомъ вмѣсто соли; но не нашелъ я много подражателей. Блюдо было, конечно, не вкусное; самъ я имъ не объѣлся, но всетаки немного было лучше, чѣмъ приняться за траву. О моемъ неизслѣдованіи ночнаго загадочнаго ведета я, разумѣется, умолчалъ.

Около полудня солнце обогрѣло насъ; мы возвратились къ прежнему биваку и стали тамъ настоящимъ лагеремъ. Къ вечеру подоспѣли фуры съ провіантомъ, весь обозъ, маркитантскія повозки и прислуга наша съ вьючными лошадьми. Нѣчего было опасаться новаго нападенія Турокъ; разставлена была цѣпь вокругъ всего лагеря, и войска расположились въ палаткахъ съ такимъ же почти комфортомъ, какъ бы на Петербургскихъ Красносельскихъ маневрахъ.

За Кулевчинское дѣло произведены въ корнеты изъ нашего полка: я, двое Раевскихъ, Долговъ, Шеншинъ, Шепелевъ, Арбузовъ, Козловской, Лауницъ [1]), Штемпель, Нелюбовъ, Сунгуровъ, Кашкаровъ, Евсюковъ, двое братьевъ Максимовыхъ, Терскій и князь Трубецкой меньшой [2]). Не произведенъ былъ тогда въ офицеры Петръ Александровичъ Хрущовъ, возвратившійся въ кадры по окончаніи первой кампаніи 1828 г. и прибывшій снова въ полкъ вмѣстѣ съ резервами въ Румелію въ концѣ лѣта 1829 года. Эскадронные командиры ротмистры Масловъ, Вандзенъ, Чихачевскій и Гавришевъ произведены въ маіоры; полковникъ Е. И. Пашковъ получилъ, если не ошибаюсь, Анну на шею, и иные наши офицеры, но кто именно, не помню, получили также кажется, кресты.

Для меня эполеты не были особенною наградою. Я тянулъ юнкерскую лямку слишкомъ уже два года и ожидалъ производства обыкновеннымъ порядкомъ, по старшинству, и согласился бы, конечно, оставаться съ унтеръ-офицерскими галунами еще нѣсколько мѣсяцевъ, лишь бы получить солдатскій Георгій; но таковыхъ поступило всего 5 или 6 въ полкъ; они были розданы унтеръ-офицерамъ изъ сдаточныхъ и рядовыхъ. Старшій вахмистръ нашего 3-го эскадрона, Сорокинъ, произведенъ былъ также въ корнеты, и хотя изъ сдаточныхъ, вышелъ славнымъ офицеромъ и хорошимъ товарищемъ. Изъ прочихъ трехъ полковъ нашей дивизіи произведены были въ корнеты всѣ почти юнкера выше мною поименованные, какъ и поступившіе на службу, когда дивизія квартировала въ Орловской губерніи. Въ Фердинандовомъ полку былъ произведенъ, въ числѣ прочихъ юнкеровъ, князь Мещерскій, тотъ самый, что̀ пѣвалъ въ оперныхъ хорахъ въ Москвѣ у княгини Волконской.

Подъ Шумлою мы простояли въ совершенномъ бездѣйствіи цѣлые два мѣсяца. При главной квартирѣ учредился базаръ съ Русскимъ и Греческимъ ресторанами, съ продажею военно-офицерскихъ принадлежностей, сукна и проч., и мы ни въ чемъ не нуждались.

Пока главная армія дѣйствовала за Дунаемъ и внутри Болгаріи, отважный генералъ Гейсмаръ съ кавалерійскимъ отрядомъ продолжалъ начатое имъ осенью 1828 г. очищеніе Турецкихъ укрѣпленій по лѣвую сторону Дуная, въ томъ числѣ, кажется, Рущука [3]).

---

[1]) Младшій братъ недавняго начальника всей внутренней стражи.

[2]) Сынъ княгини Трубецкой, вышедшей вторымъ бракомъ за архитектора Бове, строителя большаго Московскаго театра.

[3]) Счастіе измѣнило ему въ Польской войнѣ 1831 г.: почти вся конно-егерская его дивизія уничтожена была Поляками, впрочемъ, по его, какъ утверждали, оплошности.

Въ перечень офицеровъ нашего полка въ 1827 г. не вошли двое перешедшихъ къ намъ въ 1828 г. изъ другихъ полковъ: Давыдовъ, молодой человѣкъ съ хорошимъ весьма состояніемъ, умершій въ Валахіи, зимою 1828 на 1829 г., и поручикъ л.-г. егерскаго полка Макавеевъ, перешедшій въ нашъ полкъ ротмистромъ [1]). Въ началѣ настоящей кампаніи переведенъ къ намъ подпоручикомъ чинъ небывалый въ кавалеріи, изъ Прусскихъ гусаръ, Фюрстенбергъ-фонъ-Пакешъ, славный господинъ, откровенный и общительный, и лихой въ добавокъ офицеръ и товарищъ, *ейнъ прехтлихеръ камрадъ*, какъ онъ себя звалъ, бѣлый и румяный, какъ Нѣмецкая *медхенъ*, и ни слова не знавшій по-русски, отчего случались съ нимъ впослѣдствіи забавныя приключенія. Стóя однажды въ караулѣ и увидавъ подходившаго къ гауптвахтѣ дежурнаго по карауламъ, онъ выскочилъ на платформу и, махая саблею, началъ кричать «хераусъ, гусаренъ, хераусъ», (т. е. «вонъ»). Въ другой разъ на ученьѣ, не знавши, чтò скомандовать своему взводу при какомъ-то построеніи, онъ обратился къ ѣхавшему во главѣ сосѣдняго взвода Петру Парменовичу Шеншину съ вопросомъ по-нѣмецки, чтò ему командовать. «Шивороть на выворотъ», былъ отвѣтъ склоннаго къ фарсерству Шеншина, и Нѣмецъ нашъ передалъ въ точности эту команду своему взводу, съ прибавленіемъ, какъ слѣдовало, слова «маршъ». Гомерическій хохотъ разнесся по взводу. Казавшись столь молодымъ на лицо, Пакешъ, какъ мы его сокращенно звали, участвовалъ въ Прусскихъ Наполеоновскихъ войнахъ до 1812 года и хранилъ въ ташкѣ завѣтную съ тѣхъ временъ коротенькую трубочку, прозванную имъ «мамзель Роза». Потерялъ было онъ ее на одномъ переходѣ, когда шелъ съ нашимъ полкомъ изъ Орловской губерніи въ Польшу при открытіи кампаніи 1831 г., но поскакалъ обратно по дорогѣ къ Слониму и, помнится мнѣ, нашелъ неразлучную свою спутницу.

Во время лагерной стоянки подъ Шумлою умеръ начальникъ 3 гусарской дивизіи, князь Мадатовъ. Тогда же умеръ горячкою Иркутскаго гусарскаго полка поручикъ Николай Богдановичъ Хвощинской [2]), правившій должность бригаднаго адъютанта при генералѣ нашемъ Солдейнѣ, предложившемъ мнѣ вакантную эту должность. Я съ готовностію принялъ его предложеніе въ виду непріятныхъ моихъ отношеній съ

---

[1]) Въ 40-хъ годахъ онъ служилъ въ Военномъ Министерствѣ и давно умеръ. Братъ его Василій Ѳедоровичъ, Костромской помѣщикъ, былъ во время этой кампаніи и Польской 1831 г. старшимъ корпуснымъ адъютантомъ нашего 2-го пѣхотн. корпуса. Фамилій остальныхъ адъютантовъ графа П. П. Палена 1-го не помню, кромѣ Никиты Егоровича Панина.

[2]) Изъ Тульскихъ Хвощинскихъ.

полковн. Пашковымъ и удобства ежедневнаго стола у генерала. Хотя производство дѣлъ въ бригадной канцелярiи было самое ничтожное (оно ограничивалось передачею бумагъ изъ дивизiонной канцелярiи въ два полка, подвѣдомственные бригадѣ), но при неопытности моей и граматическомъ незнанiи Русскаго языка не сумѣлъ бы я совладать съ дѣломъ, если бы не нашелъ надежнаго вполнѣ руководителя въ лицѣ писаря, по фамилiи весьма умѣстной, Красноперова, за котораго я слѣпо держался.

Соображаясь съ дальнѣйшимъ ходомъ этой кампанiи, не могу я объяснить себѣ цѣли двухмѣсячной стоянки нашей подъ Шумлою. Если главнокомандующiй ожидалъ прибытiя людей изъ кадровъ, то большой нужды въ нихъ еще не было. Армiя выступила изъ зимнихъ квартиръ въ концѣ Апрѣля, а въ первой половинѣ Мая сильная, и чуть-ли не единственная, Турецкая армiя разбита была наголову, и вся разсѣялась, а убыль въ нашихъ двухъ корпусахъ была незначительна. Если въ Августѣ мы могли совершить безпрепятственно переходъ черезъ Балканы и безъ выстрѣла овладѣть Адрiанополемъ, то мнѣ кажется, что можно было сдѣлать тоже самое двумя мѣсяцами раньше. Если угрожалъ недостатокъ провiанта (чего не думаю), то по занятiи перваго приморскаго города по ту сторону Балканъ, Мессемврiи или Бургаса (не говоря уже о Варнѣ, бывшей въ нашихъ рукахъ съ перваго года кампанiи) провiантъ могъ быть доставленъ съ моря. Предположенiе, что подъ Шумлою ожидали кадровыхъ резервовъ, опровергается тѣмъ, что ихъ не дождались, и резервы подошли къ намъ въ Румелiи уже за Балканами. Не думаю также, чтобы главнокомандующiй ожидалъ паденiя Силистрiи, чтобы предпринять Балканскiй переходъ: имѣть въ тылу эту крѣпость ничего бы не значило, такъ какъ она была блокирована. Зачѣмъ было намъ мѣшкать два мѣсяца, не понимаю. Ну, а если бы Турки воспользовались бездѣйствiемъ нашимъ, укрѣпили бы ущелья въ горахъ (а почему они того не сдѣлали, необъяснимо) и сформировали бы свѣжую армiю, на что доставало время, то замѣшканiе наше подъ Шумлою могло бы имѣть такiе же горестные результаты, какъ невторженiе въ Прагу и оттуда въ Варшаву, послѣ Гроховскаго сраженiя 13 Февраля 1831 года [1]).

Итакъ, я временно сдѣлался бригаднымъ адъютантомъ. При ген. Солдейнѣ находился дворовый его жены [2]), человѣкъ среднихъ лѣтъ,

---

[1]) По словамъ историка Смита, на этомъ движенiи настаивалъ графъ Толь.

[2]) Х. Ѳ. Солдейнъ женился во время своего нахожденiя съ бригадою въ Саратовской губернiи на вдовѣ Мерлиной, урожден. Есиповой, помѣщицѣ съ значительнымъ со-

Евсей, пользовавшійся, повидимому, довѣренностію своихъ господъ и присвоившій себѣ право говорить, чтó хотѣлъ. Онъ былъ какъ нянька барину-генералу, звалъ его просто Христофоромъ Ѳедоровичемъ, а не ваше превосходительство, и потѣшно было слышать, какъ они спорили между собою, при чемъ Евсей не уступалъ никогда. Однажды ночью ген. Солдейнъ съ постели закричалъ: «Евсей, Евсей; мнѣ не спится».— «Ну что же», отвѣчалъ тотъ, не подымаясь съ ложа въ передней части палатки, «ночь лунная; подите, побѣгайте». Услышавъ этотъ разговоръ изъ сосѣдней моей палатки, я на другой день сталъ выговаривать Евсею, какъ могъ онъ такъ отвѣчать генералу: «Помилуйте, ваше сіятельство», сказалъ онъ: «вѣдь онъ мнѣ надоѣлъ, не я же виноватъ, что у него безсонница».

Къ ген. Солдейну хаживалъ иногда обѣдать старикъ генер. Сулима, командиръ одной изъ пѣхотныхъ дивизій нашего 2-го корпуса. Передавая намъ то, чтó дѣлалось въ главномъ штабѣ, онъ говорилъ, что личность графа П. П. Палена 1-го выступала впередъ надъ прочими, на подобіе появленія въ бальномъ залѣ красавицы, единогласно признаваемой «la reine du bal», и парила рыцарскими и въ тоже время вельможными пріемами и увлекательностію рѣчи.

Только въ концѣ Іюля мы предприняли знаменитый переходъ за Балканы. Шли мы единственною и узкою дорогою, по который шелъ въ Маѣ визирь на Яни-Базаръ и Праводы, и на второй день по выступленіи изъ лагеря дошли до рѣчки Камчика, за которой виднѣлись покинутыя Турками (при натискѣ на нихъ вплавь бригады генерала Фролова) туры и земляныя плетневыя ихъ укрѣпленія. Рѣчка эта буквально текла подъ зеленымъ сводомъ вѣковой дубравы, непроницаемымъ для солнечныхъ лучей. По мѣрѣ того, какъ мы взбирались по хребту возвышавшихся постепенно горъ, проглядывала иногда между двумя вершинами, какъ бы въ тѣсной рамкѣ, отдаленная темносиняя полоса Чернаго моря. Дѣвственная дикость этой природы, отсутствіе въ ней всякихъ культурныхъ признаковъ много возвышали ее въ глазахъ моихъ передъ однообразіемъ шоссейныхъ Альпійскихъ знакомыхъ мнѣ переѣздовъ. Встрѣчались ущелья, чрезъ которыя не иначе можно было пройдти какъ по три лошади въ рядъ, и подъемы, столь крутые, что однажды нижніе чины и офицеры наши должны были помогать руками

стояніемъ. Женитьбу ему устроила, кажется, княгиня Елисавета Ростиславовна Вяземская. Отъ этого брака была одна только дочь, вышедшая замужъ въ 30-хъ годахъ за Мясоѣдова, талантливаго аматёра-живописца. Въ бытность свою въ Италіи въ 1838—1839 г., г. Мясоѣдовъ написалъ для великаго князя наслѣдника (нынѣ Государя Императора) картину Римскаго карнавала.

артилерійскимъ лошадямъ выносить орудія на гору. Селенія были рѣдки и безъ жителей.

Во время одного перехода, пѣхотинцы изъ фланкерской цѣпи или саперы наткнулись въ лѣсной чащѣ на двухъ дѣвочекъ Болгарокъ 14 или 15 лѣтъ, отставшихъ, вѣроятно, отъ ихъ семействъ. Ихъ тотчасъ же передали подъ охрану въ корпусный штабъ; но когда въ первую минуту онѣ представлены были нашему полковнику солдатами, то онѣ сдѣлались предметомъ общаго любопытства, наиболѣе, какъ мнѣ казалось, потому, что мы, какъ новые Робинсоны, не видали женскаго пола болѣе двухъ мѣсяцевъ.

На каждомъ почти шагу представлялись Ѳермопилы. Надо было быть такими олухами, какъ Турки, чтобы пропустить насъ безпрепятственно, тогда какъ они могли почти что уничтожить насъ, не подвергаясь сами опасности. Весь переходъ совершился въ три-четыре дня со дневкою въ горахъ. Спустившись въ южныя равнины Румеліи, мы круто повернули къ Востоку и вечеромъ того же дня овладѣли безъ боя приморскимъ городкомъ Месемвріею, гдѣ начальствовалъ какой-то паша. У него я купилъ на слѣдующій день во время дневки за городомъ полу-арабскаго гнѣдаго жеребца за 30 червонцевъ, сумма значительная въ военное время, тогда какъ казаки продавали отбитыхъ у Турокъ лошадей по одному рублю серебромъ съ Турецкимъ сѣдломъ съ высокою спинкою и мундштукомъ, впрочемъ, малаго весьма роста и дрянненькихъ. Покупка моя оказалась незавидною; конь былъ мало что безъ Азіатскаго огня, а просто лѣнивый и не особенно силенъ; подъ конецъ кампаніи онъ палъ по моей винѣ: замѣтивъ, что онъ невеселъ и плохо ѣстъ, я рѣшился было пустить ему кровь; но какъ не было подъ рукою никакого коновала, я же съ моимъ слугою отсталъ отъ полка, то я вздумалъ самъ пустить ему кровь изъ ноздрей заостренною палочкой и не могъ унять кровотеченіе, отчего бѣдный жеребецъ палъ.

Не договорилъ я, что во время Балканскаго перехода образовалось у насъ на ходу музыкальное тріо подъ дирижёрствомъ князя Сергѣя Григорьевича Голицына, извѣстнаго подъ прозваніемъ Ѳирса, брата графини Шуазель, переведеннаго въ конную артиллерію изъ камеръ-юнкеровъ. У него былъ великолѣпный басъ, и кромѣ того онъ былъ пріятный въ обществѣ человѣкъ и забавный разсказчикъ. Н. И. Бахметевъ, хотя неодаренный изящнымъ голосомъ, пѣлъ перваго тенора, а я втораго. Эхо Балканскихъ скалъ и ущелій съ удивленіемъ, чай, повторяло неслыханные имъ дотолѣ звуки. На одномъ привалѣ я по-

знакомился съ посѣтившимъ полковника Пашкова родственникомъ его Иваномъ Васильевичемъ Путятою, весьма собою виднымъ; онъ былъ адъютантомъ у кого-то.

Часть арміи повернула вдоль морскаго берега и овладѣла Бургасомъ и Сизополемъ, а полкъ нашъ въ составѣ особеннаго отряда пошелъ было первоначально къ Югу чрезъ Карабунаръ и Сливну, откуда къ Западу, и затѣмъ внезапно опять къ Сѣверу въ экспедицію противъ городка Казанъ или Козахъ, среди Балканскихъ горъ, и я отпросился у генерала Солдейна участвовать съ нашимъ полкомъ въ этой экспедиціи. Летучій нашъ отрядъ состоялъ изъ нашего полка, одной или двухъ сотенъ казаковъ, одного пѣхотнаго баталіона и четырехъ горныхъ орудій о двухъ колесахъ и въ одну лошадь; кромѣ этого раза я никогда таковыхъ не видывалъ. Весь день и часть ночи мы подымались на горы съ приваломъ въ сумеркахъ, подвигаясь въ глубочайшей тишинѣ съ Болгарскимъ проводникомъ впереди; каждый всадникъ ѣхалъ отдѣльно, чтобы сабли не звучали отъ прикосновенія, и запрещено было курить. Дойдя около полуночи до одного селенія, мы на рысяхъ окружили его, и завязалась перестрѣлка, при которой былъ раненъ одинъ нашъ рядовой; но весь постъ, составлявшій Турецкій авангардъ, былъ, помнится мнѣ, захваченъ. Тѣмъ же порядкомъ, но съ прибавкою аллюра, мы продолжали идти и на разсвѣтѣ стали спускаться въ долину, на противуположномъ скатѣ которой стоялъ городокъ Казанъ. Въ этотъ ночной походъ я впервыя видѣлъ, какъ утомленный пѣхотный солдатъ можетъ уснуть на ходу, продолжая передвигивать ноги, хотя шатаясь и отставая немного отъ своей команды.

Какъ только открылся объективный нашъ пунктъ, два эскадрона были отряжены обойти городъ съ обѣихъ сторонъ; а нашъ эскадронъ, оставаясь въ центрѣ при горныхъ орудіяхъ, подвигался впередъ. Но какъ ни быстро и неожиданно совершилось нападеніе, Турки успѣли ускользнуть и, взобравшись на противулежащее возвышеніе за городомъ, начали было насъ обстрѣливать. Между нами было разстояніе всего городка, и потому не только они не наносили никакого намъ вреда, но и орудія наши столь же безполезно дѣйствовали, по причинѣ, вѣроятно малаго своего калибера. Занявши городъ, мы пробыли въ немъ только до вечера, а къ ночи стали бивакомъ внѣ его. На слѣдующее утро мы пошли обратно къ Югу тѣмъ же путемъ и, спустившись съ горъ, шли обыкновенными неутомительными переходами; но вскорѣ получено было приказаніе всей дѣйствующей арміи сосредоточиться къ назначенному дню передъ Адріанополемъ, вслѣдствіе чего мы пошли форсированными маршами день и ночь, съ краткими привалами для варки каши людямъ

и раздачи овса лошадямъ. Не вступилъ я снова въ должность бригаднаго адъютанта и примкнулъ къ полку. Добраго нашего Солдейна я съ тѣхъ поръ болѣе никогда не видалъ. Четвертый нашъ эскадронъ, маіора Гавришева, отсталъ отъ изнуренія лошадей и, спѣшившись, прибылъ къ сборному пункту позднѣе остальныхъ трехъ эскадроновъ.

Въ назначенный день вся армія при восходѣ солнца начала стягиваться, по роскошнымъ равнинамъ и безконечнымъ виноградникамъ, къ Андріанополю, второй столицѣ Оттоманской имперіи. Предполагалось быть здѣсь генеральному сраженію, и полки, дефилируя, начали занимать указанныя имъ позиціи. Мимо насъ прошелъ одинъ изъ гусарскихъ полковъ съ своимъ священникомъ верхомъ во главѣ и со святыми дарами на груди. Обозъ и всѣ тяжести, также наши вьючныя лошади и прислуга, отступили на далекое довольно разстояніе. Минута была торжественнѣе чѣмъ подъ Кулевчею, гдѣ битва завязалась внезапно, здѣсь же было безмолвное ожиданіе чего-то неизвѣстнаго. Сознаюсь, что, при видѣ этихъ приготовленій, овладѣло мною чувство крайняго безпокойствія, чтобы не сказать трусости.

Сосредоточенная здѣсь вся армія не превышала, по соображенію моему, 14 тысячъ людей, хотя къ ней подошли давно передъ тѣмъ подкрѣпленія изъ резервовъ. Это относится, впрочемъ, къ одной кавалеріи; прибыли ли кадровыя подкрѣпленія къ пѣхотѣ, не знаю *). Малочисленность таковая произошла отъ отряженныхъ командъ для занятія покорившихся приморскихъ городовъ, отъ больныхъ въ госпиталяхъ и отставшихъ позднѣе отъ своихъ полковъ людей, по болѣзни. При неудачѣ не было намъ инаго пути отступленія, какъ къ морскому берегу, т. е. около ста верстъ отъ Адріанополя, гдѣ крейсировалъ флотъ нашъ.

---

*) Я слышалъ позднѣе мнѣніе, что числительность арміи подъ Адріанополемъ была будто бы около 12 тысячъ только; замѣтить надо, что подошла часть еще какого-то корпуса, чуть-ли не генерала Ридигера. Въ противность означенному исчисленію, по мнѣнію князя Алексѣя Өедоровича Орлова (переданному мнѣ двоюроднымъ братомъ моимъ Н. А. Дивовымъ, коротко съ нимъ знакомымъ), было у насъ подъ Адріанополемъ будто бы до 20 тысячъ, въ чемъ весьма сомнѣваюсь. Предполагаю, что князь Орловъ забылъ, за давно прошедшимъ временемъ, настоящую силу тогдашней арміи или, можетъ быть, родственникъ мой ошибочно передалъ мнѣ эту цифру.

До полудня выѣхалъ изъ города начальствующій въ немъ паша къ нашему главнокомандующему, и по окончаніи съ нимъ переговоровъ Дибичъ отправился въ Адріанополь съ нашею и своею свитою, въ томъ числѣ съ директоромъ дипломатической своей канцеляріи г. Фонтономъ. Часа черезъ два насъ извѣстили, что Адріанополь сдался безъ боя, а на слѣдующій день былъ церемоніальный входъ въ городъ Русскаго войска, съ благодарственнымъ молебномъ въ тамошней Греческой церкви [1]). Къ величайшему моему сожалѣнію, я не могъ находиться при своемъ эскадронѣ во время столь знаменательнаго вшествія за неимѣніемъ на то полной парадной формы, т. е. ментика и доломана, какъ недавно произведенный въ офицеры [2]).

Нѣсколько дней мы оставались на бивакахъ внѣ города, послѣ чего полкъ нашъ пошелъ на Юго-Востокъ въ городъ Кирглесси (сорокъ церквей), а оттуда въ мѣстечко Визу (древняя, какъ говорятъ, будто бы Византія, гдѣ содержался, по преданію, Велизарій). Когда получено было извѣстіе о заключеніи мира, мы снова подошли къ Адріанополю [3]). Главнокомандующій былъ сдѣланъ фельдмаршаломъ и получилъ графскій титулъ съ прибавленіемъ къ его фамиліи «Забалканскій.»

Я убѣжденъ, что, не взирая на малочисленность арміи, мы могли бы безъ боя овладѣть Константинополемъ: до него было всего тричетыре перехода. Политическія вѣроятно, а не стратегическія причины остановили насъ. Мнѣ кажется, что слѣдовало взять Царьградъ, и тогда мы могли бы вести разговоръ, какъ хотѣли, съ дипломатическою и протестующею Европой, не готовой еще къ войнѣ съ нами.

При вторичномъ нашемъ движеніи къ Адріанополю былъ странный случай въ медицинскомъ отношеніи. Служившій по найму у нашего офицера А. Г. Ломоносова человѣкъ былъ въ упорной мѣстной лихорадкѣ. Во время сильнаго пароксизма подъ Визой, ему неудержимо

---

[1]) По мусульманской вѣронетерпимости храмъ этотъ не отличался наружною архитектурою отъ прочихъ домовъ улицы; не было при немъ и колоколовъ.

[2]) Ежедневная офицерская форма состояла изъ сюртука двубортнаго съ эполетами, а на полковыхъ ученіяхъ и дежурствѣ изъ вицъ-мундира также съ эполетами.

[3]) Для заключенія мира прибылъ, какъ извѣстно, графъ Алексѣй Ѳедоровичъ Орловъ. Онъ отправился въ Константинополь съ своимъ адъютантомъ и чиновниками изъ дипломатической канцеляріи главнокомандующаго; кромѣ нихъ никого болѣе не было въ Константинополѣ; даже не былъ, кажется, самъ Дибичъ.

захотѣлось кислаго молока (признаваемаго какъ бы ядомъ въ такихъ болѣзняхъ медицинскими авторитетами), и какъ Русскій человѣкъ, недовѣрчивый ко врачебному запрету, онъ доползъ на четвереинькахъ (ходить отъ слабости не могъ) въ сосѣднюю Болгарскую деревню и, знаками выпросивъ крынку кислаго молока, осушилъ ее до дна; и съ того дня, по его словамъ, какъ рукою сняло лихорадку. Пусть медицина рѣшитъ, какъ могло это случиться.

Слѣдуя за полкомъ издалека съ своимъ Хохломъ Ильею Бабиченкомъ и съ вьючными лошадьми, я завернулъ одинъ закусить и запить *подкрѣпительнымъ* въ маркитантскую палатку близъ дороги, предполагая скоро нагнать своего человѣка, но засидѣлся болѣе, чѣмъ слѣдовало. Когда я снова пустился въ путь, была уже ночь, теплая, какъ бываетъ на Югѣ, Сентябрьская, но уже долгая. Человѣкъ мой сбился, вѣроятно съ пути, и потому я его не нагналъ. Не зная самъ дороги, я мчался впередъ голопомъ почти все время. Овса на одну задачу было, помнится, у меня въ саквахъ*) за сѣдломъ; но я побоялся остановиться покормить лошадь, тѣмъ болѣе, что изъ прилегавшаго къ дорогѣ селенія слышна была какъ бы драка. Когда я замѣчалъ, что лошадь уставала, то слѣзалъ и велъ ее въ поводу. Такимъ образомъ прибылъ я на слѣдующій день къ полудню въ свой эскадронъ уже на мѣстѣ подъ Адріанополемъ, проскакавъ, какъ полагаю, около 60 верстъ безъ отдыха, и не прошло часа, какъ конь мой повалился и околѣлъ. Лошадь была казенная, и хотя старая, но эскадронный мой начальникъ маіоръ Чихачевскій спасибо мнѣ не сказалъ. Это былъ второй случай загнанія лошади (первый въ Одессѣ съ лошадью графа Воронцова).

Видъ окружавшей меня южной растительности съ рядами виноградныхъ шпалеровъ въ поляхъ, а иногда съ вытянутыми ихъ лозами, орнаментально покрывающими стѣны каменныхъ, но убогихъ по наружности хижинъ, пространные огороды, въ центрѣ каждаго изъ коихъ виднѣлся колодезь механическаго и весьма удобнаго устройства съ ящиками для вычерпыванія воды и съ огромнымъ маховымъ колесомъ, дѣйствующимъ одноконнымъ приводомъ, точь въ точь какъ въ Тосканѣ,— все это живо перенесло меня мысленно къ далекому западному Югу, къ моему семейству. Природа такъ потворствовала игривому воображенію, что казалось мнѣ почти удивительнымъ, почему не слышалось у жителей Итальянскаго говора, и что родные мои гдѣ-то тутъ неподалеку отъ меня.

---

*) Саквами зовутся у кавалеристовъ два мѣшечка съ овсомъ, привязанные къ задней лукѣ сѣдла.

Въ этихъ кажущихся Гесперидскихъ равнинахъ солдаты начали, тѣмъ не менѣе, сильно заболѣвать и умирать горячкою и кровавымъ поносомъ, частію отъ неумѣреннаго употребленія плодовъ и незрѣлаго винограда при скудости мясной пищи, частію отъ трудовъ кампаніи и частыхъ ночныхъ биваковъ. Въ непродолжительномъ времени умерли подъ Адріанополемъ изъ ветерановъ нашихъ дивизіонный нашъ генералъ бар. Будбергъ, добрѣйшій нашъ бригадный генералъ Солдейнъ [1]), командиръ Фердинандова полка полковн. Купферъ и братъ его, маіоръ того же полка, также казначей нашего полка ротмистръ Бинеманъ, женатый на Матюниной [2]). Въ теченіе всей кампаніи (съ включеніемъ бѣдственнаго нашего зимняго возвращенія въ Россію, какъ далѣе увидимъ), сравнительная смертность между убитыми и умершими отъ болѣзней и въ лагерѣ и въ госпиталяхъ, относилась почти какъ 1 къ 80.

Въ Адріанополѣ пріютилъ меня на свою квартиру шуринъ брата моего, Августъ Осиповичъ Понятовскій, офицеръ Смоленскаго уланскаго полка (дивизіи ген. Хомутова), недавно передъ тѣмъ поступившій въ должность адъютанта къ начальнику кавалерійскаго корпуса барону (впослѣдствіи графу) Крейцу, которому я былъ представленъ Августомъ Осиповичемъ и получилъ приглашеніе приходить, когда захочу, обѣдать у него. Другимъ при немъ адъютантомъ былъ бар. Корфъ, переведенный изъ нашего полка въ началѣ 1827 г. [3]). Хорошо и уютно было мнѣ тамъ. Полковникъ Пашковъ не требовалъ меня, не знаю почему, въ полкъ, и я оставался жить въ Адріанополѣ около мѣсяца, до выступленія нашей дивизіи обратно въ Россію, въ концѣ почти Октября. Между тѣмъ полкъ нашъ отряженъ былъ въ мѣстечко Демотику къ Югу, почти что на полупути до Константинополя. Гардеробъ мой былъ въ наиплачевнѣйшемъ состояніи. Во вьюкахъ было у меня всего четыре ситцевыхъ сорочки, купленныхъ и кос-какъ сшитыхъ во время лагернаго состоянія подъ Шумлою. Отъ начала Балканскаго перехода до переѣзда моего на квартиру Понятовскаго въ Ад-

---

[1]) Причиною смерти достойнаго Солдейна было, какъ я слышалъ, то, что во время жаровъ подъ Шумлою онъ неосторожно снялъ съ себя фланель, которую постоянно носилъ на тѣлѣ.

[2]) Не упомянуто было въ своемъ мѣстѣ, что подполковникъ Фердинандова полка, графъ Эдуардъ Шуазель-Гуффье, умеръ во время зимняго квартированія 1828 — 1829 г. въ Придунайскихъ княжествахъ.

[3]) Жена генер. бар. Крейца была сестра генераловъ бароновъ Ѳедора и Ивана (Генриха) Петровичей Оффенберговъ.

ріанополѣ, то есть отъ начала Іюля до половины Сентября, некогда и негдѣ было мыть бѣлья отъ бивачныхъ безпрестанныхъ перемѣщеній. Носишь, бывало, сорочку недѣли по двѣ, и когда черезчуръ загрязнится, уложишь ее для обвѣтриванія или просушки во вьюкъ, а оттуда вытащишь таковую же отдохнувшую тамъ недѣли двѣ и кажущуюся будто бы свѣжею. Легко вообразить себѣ, до какой степени объѣдали насъ насѣкомыя. Вдобавокъ къ нимъ, появились у меня на обѣихъ ногахъ до колѣнъ цынготныя раны отъ бивачной сырости и неправильной пищи.

Издалека Адріанополь кажется грандіознымъ Азіатскимъ городомъ, но призракъ исчезаетъ, когда вступаешь въ его грязные кривые переулки вмѣсто улицъ, окаймленные деревянными низкими балаганами съ лавками. Одни только мечети съ минаретами, съ притворами передъ входомъ, въ серединѣ коихъ бьетъ фонтанъ, представляютъ дѣйствительно что-то театральное, особенно когда вечеромъ по Четвергамъ (на канунѣ мусульманскаго дня, Пятницы) внутренность мечетей освѣщается тысячами шкаликовъ разноцвѣтныхъ огней. Переносишься къ восточнымъ сказкамъ Тысячи и одной Ночи или воображаешь себя въ Мавританской Альгамбрѣ. Двѣ главныя мечети носятъ имена султана Селима и султана Махмуда; въ первой сохранилось архитектурное расположеніе первобытнаго значенія, христіанскаго храма, какъ описываютъ св. Софію въ Царьградѣ, съ куполомъ котораго Адріанопольская мечеть имѣетъ сходство. Поэтичное настроеніе возрастаетъ при вечернемъ гулѣ со всѣхъ сторонъ унылыхъ голосовъ, несущихся въ воздухѣ невѣдомо откуда, голосовъ муеззиновъ, которые сзываютъ съ минаретныхъ высотъ правовѣрныхъ къ молитвѣ. Но за исключеніемъ мечетей, публичныхъ мраморныхъ бань (паровыхъ, гдѣ банщикъ выпрямляетъ и вытягиваетъ кости съ весьма чувствительною для васъ болью) и Римско-Византійской стѣны, опоясывающей весь городъ, все остальное грязно и гадко. Кривыя и узкія улицы доступны только пѣшеходу или всаднику; едва ли была улица, по которой могла бы карета свободно проѣхать; впрочемъ этого и не требовалось: о подобной роскоши неизвѣстно было тогда скромнымъ Адріанопольскимъ жителямъ. Улицы были унизаны съ обѣихъ сторонъ лавочками со всякимъ мелочнымъ товаромъ, кофейнями и рѣдкими двухъэтажными домами, изъ коихъ выходили на улицу висячіе крытые балконы въ видѣ огромныхъ фонарей. Изрядной постройки домовъ я не видалъ, кромѣ дома паши - губернатора. Въ центрѣ однакоже города былъ каменный, крытый гостинный дворъ, напоминавшій внутренніе проходы и галереи Московскаго гостиннаго двора; тамъ были краснорядцы съ шелковыми

и суконными товарами. Жители, всѣ почти мелкіе промышленники, показались намъ людомъ смирнымъ и миролюбивымъ и неимовѣрно умѣреннымъ въ пищи. Ими наполнены были кофейни. Заберутся они туда съ ранняго утра, всякій съ своимъ чубукомъ и кисетомъ, и сидятъ, и сидятъ себѣ съ поджатыми подъ собою ногами и молча до заката солнца, выходя только не на долго на базаръ купить немного *бриндзы* (овечьяго сыра) и кисть винограда съ прибавленіемъ *плацындовъ* (тоненькихъ лепешекъ, въ родѣ сдобныхъ блиновъ), или кусочка овечьей колбасы, довольно впрочемъ вкусной. Расходъ ихъ въ кофейныхъ состоялъ изъ повторяемыхъ миніатюрныхъ чашекъ кофе съ гущею. Турковъ можно было отличить отъ христіанъ по разноцвѣтнымъ чалмамъ, тогда какъ Болгары и Греки не имѣли права носить другихъ какъ чернаго цвѣта; или такой уже былъ у послѣднихъ обычай. У иныхъ Турковъ были одноцвѣтныя зеленыя чалмы; намъ сказывали, что таковые считались потомками Магомета. Вообще жители принимали насъ ласково, не выказывали и тѣни ненависти. О сигарахъ они понятія не имѣли, и я дѣлался предметомъ любопытства и удивленія, когда ходилъ по улицѣ съ сигарою въ зубахъ. При входѣ въ мечети стоялъ всегда нашъ караулъ, и былъ приказъ по арміи входить намъ въ мечеть не иначе какъ разутыми; распоряженіе это до того тронуло, повидимому, мусульманъ, что они настойчиво просили насъ не скидавать сапогъ. Во время двухмѣсячнаго пребыванія нашихъ войскъ въ Адріанополѣ не слыхалъ я ни объ одномъ столкновеніи солдатъ нашихъ съ жителями.

Новый фельдмаршалъ нашъ квартировалъ въ загородномъ домѣ паши, Эски-Сараѣ. Туда ходилъ я навѣщать А. Н. Муравьева, находившагося при дипломатической канцеляріи главнокомандующаго, и къ моему удивленію встрѣтилъ тамъ однажды Одесскаго моего знакомца барона Филиппа Ивановича Брунова, причисленнаго также къ той канцеляріи. Странно сказать, но ни въ этой кампаніи, ни въ послѣдующей, ни разу не удалось мнѣ видѣть самого графа Дибича.

Къ Адріанопольскому пашѣ прикомандированъ былъ переводчикомъ нашего полка корнетъ Тевтелевъ (Уфимскій Татарскій помѣщикъ). Онъ квартировалъ у паши*). Онъ сказывалъ, что, по сходству Татар-

*) Тевтелевъ (называвшійся не знаю на какомъ основаніи Александромъ Петровичемъ, ибо онъ былъ и есть по сіе время мусульманиномъ) произведенъ въ офицеры весною 1827 г. послѣ Вяземскаго смотра. Крѣпостные его люди звали его княземъ, но въ служебныхъ спискахъ онъ тѣмъ не считался. Нынѣ онъ занимаетъ какую-то высшую духовную мусульманскую должность въ Оренбургскомъ краѣ, въротѣ имамской.

скаго съ Турецкимъ нарѣчіемъ, незатруднительно нисколько было ему объясняться съ пашею. Не помѣстилъ я въ описанія лагерной стоянки подъ Шумлою анекдотъ про его крѣпостного человѣка Абдула. Нѣсколько изъ нашихъ офицерскихъ людей отправились верхомъ за какими-то покупками на базаръ при главной квартирѣ, въ числѣ каковыхъ былъ Тевтелевскій Абдула. Подгуляли, можетъ быть, они тамъ у маркитантовъ и на возвратномъ пути ѣхали врозь. Абдула наткнулся какъ-то на лагерную цѣпь, гдѣ стоявшій часовой принялъ его по его красной ермолкѣ за Турка. Татаринъ нашъ сильно обидѣлся и возразилъ часовому на ломанномъ своемъ Русскомъ нарѣчіи: «Какой я Турка? Развѣ Турка можетъ такъ шиста» (вмѣсто «чисто») гаворить по русска, какъ я.» Тевтелевъ былъ хорошій офицеръ и хорошій товарищъ; отъ свинины онъ воздерживался, но отъ шампанскаго не отказывался. Онъ вышелъ изъ полка въ 1835 году.

Съ плоской крыши занимаемаго генераломъ Крейцемъ и его адъютантами дома, я срисовалъ по просьбѣ А. О. Понятовскаго панорамическій видъ всего города; но кто-то изъ его знакомыхъ, какъ онъ впослѣдствіи передалъ мнѣ, усвоилъ себѣ трудъ мой и, кажется, отгравировалъ его подъ своею фирмою.

Вино Адріанопольское, бѣлое и красное, нехорошо и кисловато; но въ городкѣ Кирклесси мы нашли такого достоинства бѣлое и крѣпкое вино, что почти можно было его принять за хересъ*). Табакъ тамъ ароматиченъ, но до того крѣпокъ, что не выкуришь сразу всей трубки; впрочемъ, оно могло мнѣ такъ казаться отъ исключительнаго тогда употребленія нами вакштафа (фабрикъ Линденлауба и Фалера), запасъ коего всегда былъ у маркитантовъ. Между городскими жителями было столько же Грековъ и Болгаръ, сколько Турокъ. Объ Адріанопольскихъ Евреяхъ ничего не помню, но встрѣтилъ я въ Кирклесси или въ другомъ какомъ-то городкѣ Евреевъ-торговцевъ, съ которыми, къ крайнему моему удивленію, я могъ объясняться, потому что они говорили на полу-испанскомъ нарѣчіи, имѣвшемъ нѣкоторое сходство съ Итальянскимъ. Предполагаю, что предки ихъ были Испанскими выходцами по случаю религіознаго ихъ преслѣдованія; одѣвались они по-азіатски.

По замиреніи, чтобы всѣмъ войскамъ нашимъ не оставаться зимовать въ томъ краю, часть 2-го корпуса, въ томъ числѣ наша дивизія, получила приказаніе выступить въ Россію, въ концѣ Октября, по той же почти дорогѣ, по которой мы пришли. Пашковъ заболѣлъ и отпра-

*) Позднѣе я узналъ, что вино это проникло въ торговлю въ Одессѣ.

вился въ Россію моремъ изъ одной приморской гавани, сдавъ командованіе полкомъ старшему по чину маіору Маслову. Въ мѣстныхъ временныхъ госпиталяхъ оставалось больныхъ нашего полка не менѣе, полагаю, третьей части; тоже самое было, вѣроятно, и въ прочихъ полкахъ. Впослѣдствіи мы узнали, что въ теченіе зимы съ 1829 по 1830 годъ большая смертность открылась въ этихъ заграничныхъ госпиталяхъ.

Когда мы выходили изъ Адріанополя, тамъ готовился фейерверкъ въ огромныхъ размѣрахъ по случаю заключенія мира, для чего ставили при насъ лѣса. Дивизія наша тронулась въ обыкновенной походной формѣ, въ шинеляхъ, хотя приближался уже конецъ Октября; этаго было достаточно, пока шли Румелійскими равнинами; но едва взобрались мы на Балканскій хребетъ, какъ настигла насъ настоящая Русская зима, упорно и неожидано преслѣдовавшая насъ въ горахъ и въ степныхъ равнинахъ, въ срединѣ коихъ стоитъ городъ Базарджикъ. Сказывали, что морозы доходили до 22 и 24-хъ градусовъ; говорю, сказывали, ибо не думаю, чтобы у кого-нибудь тогда былъ для повѣрки стужи термометръ. Разбросанныя врозь селенія были безъ жителей, опустошенныя частію еще во время предыдущей кампаніи. Пока войска шли чрезъ горы, недостатка въ дровахъ и хворостѣ для костровъ не было; но по сю сторону Балкановъ приходилось жечь сѣдла павшихъ лошадей, коихъ было такое множество, что по ихъ трупамъ можно было слѣдить за движеніемъ войска. Послѣ сѣделъ принялись, съ разрѣшенія новаго нашего дивизіоннаго командира генерала Сиверса, за пики; но этихъ матеріаловъ для топлива было недостаточно, и войска провели чуть ли не три ночи (одну таковую я хорошо помню) на снѣжномъ бивакѣ безъ огней при сильнѣйшей стужѣ. Такова была ночь съ 6-го на 7-е Ноября, на канунѣ дня, когда я догналъ свой полкъ подъ Базарджикомъ. Въ послѣдніе эти три или четыре перехода замерзло, страшно сказать, изъ всѣхъ четырехъ полковъ (какъ тогда сказывали) до 200 человѣкъ; иные изъ нихъ, сидя на коняхъ. Къ счастію моему, многихъ изъ этихъ бѣдствій я избѣгнулъ.

Получивъ въ Адріанополѣ деньги изъ нашей Петербургской конторы, я купилъ тамъ Турецкую шубу на лисьемъ мѣху съ разрѣзными, какъ въ Польскомъ контушѣ, рукавами, Русскую маркитантскую повозку съ верхомъ и третью упряжную лошадь, составлявшую съ моею вьючною и съ тою, чтò была подъ моимъ человѣкомъ Ильею, хорошую тройку. Хомуты и сбрую ловкій этотъ Малороссіянинъ какъ-то собралъ, и я весьма комфортабельно слѣдовалъ въ повозкѣ за полкомъ, подса-

дивъ съ собою новопроизведеннаго въ офицеры, бывшаго старшаго вахмистра нашего эскадрона Сорокина. На одномъ изъ первыхъ ночлеговъ моихъ въ Балканахъ, гдѣ я съ человѣкомъ своимъ укрылся въ землянкѣ, ко мнѣ примкнулъ Петръ Павловичъ Свиньинъ, тогда поручикъ въ Смоленскомъ уланскомъ полку. Не подозрѣвалъ я, вѣроятно, въ то время, что его ожидало богатое наслѣдство, и упражнялся онъ тогда игрою на флейтѣ, звуками каковой услаждалъ проведенную мною съ нимъ дневку въ землянкѣ. Полки шли, какъ попало, безъ соблюденія порядка; лошадей, оставшихся отъ замерзшихъ и заболѣвшихъ всадниковъ, связывали за хвосты, и гусары гнали бичемъ этотъ табунъ. Спѣшившіеся отъ падшихъ лошадей отставали отъ своихъ полковъ на нѣсколько переходовъ, и никто о нихъ не заботился: у всякаго было свое горе. Въ горахъ удалось мнѣ съ своею свитой пріютиться двѣ три ночи въ Болгарскихъ мазанкахъ случайно уцѣлѣвшихъ, гдѣ поэтому мы могли разложить огонь и кое-что состряпать изъ провизіи, коею заблаговременно запаслись у маркитантовъ подъ Адріанополемъ; но по спускѣ съ горъ начались бѣдствія наши, особливо по недостатку корма лошадямъ. Натыкаясь иногда на стога сѣна, приготовленные заранѣе въ степяхъ военнымъ интендантствомъ, мы ночевали около нихъ, и лошади наѣдались.

Нагналъ я однажды повозку полковаго нашего священника, стоявшаго возлѣ нея въ горестномъ недоумѣніи по случаю смерти своего деньщика-дьячка изъ фурлейтовъ. Подошедъ къ нему, я взялъ на себя должность причетника, и мы совершили вдвоемъ похоронный обрядъ, предавъ тѣло не землѣ (что́ было невозможно по причинѣ зимы и замерзшей земли), а зарыли, какъ могли, въ снѣгъ. Въ другой разъ, по сю сторону Балкановъ, набрелъ я въ сумеркахъ съ своимъ Ильею на землянку, гдѣ мы остановились ночевать. Вся она была набита лежавшими на полу отсталыми нижними чинами разныхъ полковъ, и не было мѣста, гдѣ бы мнѣ прилечь; офицерскіе же эполеты тутъ ничего не значили. Наконецъ отыскалъ я себѣ съ большимъ трудомъ мѣстечко между двумя солдатами и заснулъ; но каково было утромъ мое удивленіе, когда Илья мой указалъ мнѣ, что я пролежалъ ночь бокъ о бокъ съ трупомъ. Походъ этотъ много напоминалъ отступленіе Французовъ въ 1812 г., съ тою только разницею, что не было за нами преслѣдованія. Одну ночь мы провели подъ Варною въ землянкахъ расположеннаго тутъ на зиму пѣхотнаго полка фельдмаршала герцога Веллингтона; мнилось намъ быть въ раю: не токмо было тамъ тепло, какъ въ Русской избѣ, но подчивали насъ свѣжимъ ржанымъ хлѣбомъ, лакомствомъ давно нами забытымъ. Въ другую ночь, проведенную мною на

бивакѣ, я укрылся въ фурѣ гостепріимнаго фурштадтскаго маіора, имя коего я, къ сожалѣнію, забылъ; въ его паркѣ, къ которому я примкнулъ, пылали костры, и онъ накормилъ меня вдобавокъ горячимъ ужиномъ и согрѣлъ пуншемъ. Я со свитою своею нагналъ остатки нашихъ Павлоградцевъ въ Базарджикѣ, подъ самые, помнится мнѣ, мои именины, и съ того дня не отставалъ съ повозкою своею отъ товарищей. Шли мы на приморскіе городки Кюстенджи и Мангалію, и положеніе наше улучшалось какъ насчетъ квартиръ въ непокинутыхъ Болгарами селеніяхъ, такъ и насчетъ съѣстныхъ средствъ отъ маркитантовъ, коихъ мы нагоняли. Въ Болгарской одной хатѣ (напоминавшей Малорусскую), гдѣ пришлось мнѣ разъ ночевать, я пораженъ былъ сходствомъ дочери хозяина, красавицы, съ графинею Вѣрою Чернышевою; не помню, однакоже, чтобы это воспоминаніе особенно тогда меня взволновало. Ночевалъ я разъ въ Некрасовскомъ селеніи, гдѣ домохозяева приняли насъ весьма даже радушно. Хата, все ея убранство, одѣянія и жизненныя привычки сохранили первобытный свой Русскій типъ. Хотя Турокъ по подданству, хозяинъ-казакъ весьма почтительно отзывался о нашемъ Государѣ; много ихъ, Некрасовцевъ, по заключеніи мира возвратилось, какъ извѣстно, въ Россію.

Какъ и гдѣ мы обратно перешли Дунай, не помню; должно быть, по льду подъ Исакчею. Добрались мы до г. Рени, гдѣ на дневкѣ отогрѣлись и отдохнули. Тутъ была ресторація, сдѣлавшаяся первымъ сборнымъ пунктомъ офицеровъ и юнкеровъ всей дивизіи. Сколько разсказовъ о недавно минувшихъ бѣдствіяхъ, въ которыхъ всякій былъ дѣйствующимъ лицемъ, передавалось другъ другу! Вступивъ въ Бессарабію, мы подъ Дубоссарами на р. Днѣстрѣ взошли въ карантинъ, въ теплыя и просторныя землянки, а лошадей поставили къ коновязямъ *). Полкъ нашъ вступилъ въ Россію въ составѣ около 200 людей, а мы переходили Прутъ въ концѣ лѣта 1828 г. въ составѣ 800 и были укомплектованы впослѣдствіе резервами изъ кадровъ. Почти въ таковой же, полагаю, пропорціи былъ недочетъ въ пѣхотныхъ полкахъ, даже чуть ли не болѣе. Говорили тогда, что бригада, состоящая изъ храбрыхъ 11 и 12 егерскихъ полковъ, взошла въ карантинъ будто бы въ

*) Карантинъ былъ отъ чумы: предосторожность лишняя, такъ какъ въ полкахъ не было чумы, хотя въ больницахъ появлялась. Въ одномъ изъ задунайскихъ госпиталей умеръ чумою эрцъ-герцога Фердинандова полка Ѳедоръ Дмитріевичъ Бологовской, крѣпостной человѣкъ коего, придерживаясь, вѣроятно, простонародной поговорки, что „двумъ смертямъ не бывать, а одной не миновать,“ неотступно ходилъ за своимъ бариномъ и, къ общему удивленію, остался невредимъ. Разсказывали, что примѣрный этотъ слуга все сокрушался о томъ, „какими глазами покажусь я теперь старой барынѣ.“

числѣ 150 людей въ каждомъ полку. Много позднѣе, графъ Ѳедоръ Петровичъ Паленъ передалъ мнѣ слышанное имъ отъ роднаго брата графа Петра Петровича (нашего корпуснаго командира), что въ обѣ кампаніи 1828 и 1829 г. изо всей дѣйствующей арміи убыль людей простиралась до 100.000, изъ коихъ убитыми отъ 5 до 7 тысячъ не болѣе.

За кордономъ, обозначеннымъ натянутою веревкою, находились маркитанты и, кажется, даже трактиры; они числились на здоровой сторонѣ, а мы на сомнительной, и потому платимыя нами за съѣстное деньги (звонкою монетою, о бумажныхъ деньгахъ во всей кампаніи и помину не было) принимались отъ насъ не иначе, какъ опущенными въ сосудъ съ уксусомъ: предосторожность совершенно лишняя, такъ какъ, благодаря Бога, въ изнеможенномъ отъ голода и холода нашемъ станѣ ни одного чумнаго случая не было. Пріѣхалъ инспектировать насъ графъ М. С. Воронцовъ, но пораженный, вѣроятно, общимъ состояніемъ этой побѣдоносной арміи, удержался отъ всякихъ подробныхъ смотровъ, не вызывалъ насъ, офицеровъ, изъ землянокъ и къ намъ туда самъ не приходилъ. Тѣмъ не менѣе я счелъ долгомъ письменно увѣдомить его о нахожденіи своемъ въ числѣ Забалканскихъ оборванныхъ героевъ и впослѣдствіи получилъ отвѣтъ, дышащій любезностями (хотя весьма трудно было разобрать, какъ обыкновенно, его гіероглифическій автографъ) съ изъявленіемъ сожалѣнія, что ему не было извѣстно о моемъ нахожденіи, когда онъ производилъ осмотръ. Это было послѣдній случай моихъ съ нимъ сношеній личныхъ и письменныхъ. Полагать надо, что въ своемъ донесеніи Государю Императору онъ вѣрнымъ колоритомъ описалъ все видѣнное имъ; ибо вслѣдъ за тѣмъ не замедлилъ пріѣхать свиты его величества (если не ошибаюсь) генералъ Бологовскій для изслѣдованія причинъ столь бѣдственнаго возвращенія арміи; но какъ нечего было изслѣдовать, ибо положеніе войскъ и пора года достаточно объясняли причины бѣдствія, то Петербургскій эмиссаръ, какъ и Одесскій его предшественникъ, повертѣлся, повертѣлся, да съ тѣмъ и уѣхалъ обратно, не безпокоя насъ.

Находясь въ карантинѣ, я получилъ извѣстіе о кончинѣ моего отца. Поплакалъ, я конечно; но потеря эта не столь сильно на меня подѣйствовала, какъ другія (позднѣйшія) семейныя *). Молодость жи-

*) Отецъ нашъ благочестиво и въ полномъ сознаніи встрѣтилъ свою кончину 7 (19) Ноября 1829 г., шестидесяти шести безъ одного мѣсяца лѣтъ, держа крестъ съ мощами въ рукахъ, каковая драгоцѣнная святыня находится у меня. Причина, ускорившая его смерть, была водяная въ груди, вслѣдствіе застарѣлой астмы. Въ послѣдніе дни его жизни

ветъ дѣйствительностію настоящей минуты. прошлаго у ней нѣтъ; о томъ, что̀ будетъ завтра, ей дѣла нѣтъ, и увлекаемая всѣмъ ее окружающимъ, способна переходить къ безсознательному эгоизму въ родственныхъ своихъ связяхъ. Сила родительскаго чувства къ дѣтямъ остается непостижимою понятіямъ молодости, пока она не услышитъ лепетанія своего перворожденнаго; и почти справедливо говоритъ какой-то Французской писатель, что «les enfants sont des ingrats». Упрекать молодость въ томъ нельзя; видно, таковъ уже законъ природы. Но, впрочемъ, бываютъ радостныя изъятія изъ этой аксіомы [1]).

По выдержаніи шестинедѣльнаго почти карантина въ Дубоссарахъ, мы направились чрезъ Балту въ Бердичевъ. На пути къ этому мѣстечку (нынѣ уѣздному городу) нагналъ насъ гдѣ-то, въ Январѣ 1830 года, полковникъ Пашковъ и снова вступилъ въ командованіе полкомъ. Здоровье мое было отчасти разстроено; кромѣ старой лихорадки, возвращавшейся по временамъ, я страдалъ отъ цынготныхъ ранъ на ногахъ, послѣдствія продолжительныхъ биваковъ и дурной пищи, а потому я хлопоталъ объ отпускѣ, намѣреваясь полѣчиться и отдохнуть отъ трудовъ кампаніи въ Москвѣ, но встрѣтилъ въ томъ неожиданное и упорное препятствіе военныхъ нашихъ врачей, отказавшихся дать мнѣ форменное свидѣтельство о болѣзни. Они не вѣрили или дѣлали видъ, что не вѣрили въ дѣйствительность разстройства моего здоровья; но отказъ ихъ не былъ изъ корыстныхъ побужденій,

---

находившійся при немъ г. Слоанъ выразилъ было надежду на его выздоровленіи. „Нѣтъ," отвѣчалъ мой отецъ; „я довольно пожилъ: надобности нѣтъ жить мнѣ долѣе."

[1]) Умирающаго моего отца напутствовалъ его духовникъ часто упоминаемый въ сихъ запискахъ Греческій священникъ отецъ Іоахимъ Валламонте, передавшій мнѣ, что одна близкая нашему семейству особа Латинскаго исповѣданія, сильно озабоченная мыслію, что столь праведный человѣкъ, каковъ былъ отецъ мой, долженъ, по ученію ея церкви, лишиться вѣчнаго блаженства, просила этого священника употребить его вліяніе, чтобы *уговорить своего духовнаго сына перейти на смертномъ одрѣ въ Римскую церковь.* Сердобольная эта особа основывала свое разсужденіе на томъ соображеніи, что восточная-де церковь допускаетъ возможность спасенія въ Латинской, чего не допускаетъ послѣдняя, слѣдовательно для души умирающаго не предстояло никакого риска въ этомъ переходѣ. Вотъ до какой степени извращены у Латинянъ понятія о нашихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ, что рѣшаются предложить православному священнику уговорить своего духовнаго сына сдѣлаться отступникомъ отъ своей церкви! „Le vrai est quelque fois invraisemblable". Это напоминаетъ мнѣ, что во время моего пребыванія въ Ниццѣ въ 1863 г. одна дама крайне удивилась, узнавъ отъ меня, что въ тамошней нашей Русской церкви бываетъ обѣдни въ будни; она думала, что у насъ богослуженіе совершается, какъ у протестантовъ, по воскреснымъ лишь днямъ.

а, сколько могу припомнить, они повиновались наставленіямъ моего начальства, сомнѣвавшагося въ болѣзненномъ моемъ состояніи. Совершенно неожиданный случай выручилъ меня. Полученъ былъ высочайшій приказъ о прикомандированіи меня къ лейбъ-гвардіи гусарскому полку, состоявшійся по милости въ Бозѣ почившаго великаго князя Михаила Павловича вслѣдствіе даннаго имъ слова родителямъ моимъ не оставлять меня своимъ покровительствомъ. Полковникъ Пашковъ остолбенѣлъ было при этомъ извѣстіи, тѣмъ болѣе, что по недавно полученному распоряженію одинъ офицеръ изъ нашего полка имѣлъ быть переведеннымъ въ гвардію въ родѣ награжденія всего полка за труды кампаніи, и Пашковъ уже представилъ къ переводу въ лейбъ-гусарскій же полкъ поручика А. Г. Ломоносова. Когда я явился прощаться съ Егоромъ Ивановичемъ, онъ принялъ меня съ немного кислою физіономіею и спросилъ, какими путями я добился до этого почета. Я отвѣчалъ, что я самъ не при чемъ въ этомъ дѣлѣ и ничего не знаю, что́ дѣйствительно была правда; ибо, хотя предыдущею зимою въ Бухарестѣ я вытребованъ былъ гвардейской артиллеріи полковникомъ Сергѣемъ Павловичемъ Сумароковымъ, но онъ, принявъ меня весьма ласково, ничего не говорилъ объ участіи, принимаемомъ во мнѣ великимъ княземъ Михайломъ Павловичемъ, и разговоръ мой съ нимъ, насколько припомнить могу, касался только моихъ семейныхъ и тогдашней моей службы.

За неимѣніемъ денегъ я позамѣшкался еще около двухъ или болѣе недѣль при полку въ Махновкѣ (это городокъ верстахъ въ 30 отъ Бердичева). Братъ мой, который былъ для меня какъ Провидѣніе, писалъ мнѣ ѣхать первоначально въ Кіевъ, гдѣ проживалъ тесть его Осипъ Игнатьевичъ Понятовскій, имѣвшій дать мнѣ средства доѣхать до Петербурга. Но денегъ рѣшительно не могъ я занять ни у кого изъ своихъ; въ утѣшеніе свое, должно быть, я проигралъ тамъ въ банкъ около 3 тыс. р. ассигн., въ коихъ выдалъ вексель. Не знаю, когда бы могъ я выбраться оттуда, если бы не вновь опредѣлившійся въ Фердинандовъ полкъ офицеръ Дмитрій (по отечеству забылъ) Черновъ, снабдившій меня, по возможности своей, деньгами, въ память того, какъ онъ сказывалъ мнѣ, что отецъ его, бывшій когда-то виноторговцемъ въ Москвѣ, до 1812 г., много пользовался отъ забора изъ его погреба винъ моими родителями*). И вотъ я опять ощущалъ надъ собою слѣды уваженія, которымъ они повсемѣстно пользовались.

---

*) Московскій домъ Черновыхъ былъ на Поварской, по лѣвой рукѣ отъ Арбатскихъ воротъ, на дворѣ за рѣшеткою. Въ немъ я навѣстилъ въ началѣ 1833 г. одол-

Распродавъ упряжныхъ своихъ лошадей, я пустился въ Кіевъ съ вѣрнымъ своимъ Ильею въ первыхъ числахъ Марта 1830 года.

Когда дивизія наша вошла въ предѣлы Россіи, прибылъ къ намъ новый нашъ бригадный генералъ князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Гагаринъ (въ обществѣ Ѳединька), командовавшій предъ тѣмъ Клястицкимъ гусарскимъ полкомъ. Нашимъ бригаднымъ онъ оставался до постигшей его чрезчуръ строгой невзгоды: отставки безъ прошенія отъ службы въ Варшавѣ въ концѣ 1832 года. Въ свѣтѣ онъ слылъ за игрока и дуэлиста; но мы, Павлоградцы и Изюмцы (настоящее названіе Фердинандова полка), составлявшіе его бригаду, были всѣмъ сердцемъ ему преданы.

(*Продолженіе будетъ.*)

живш аго меня столь своевременно г. Чернова, женатаго, кажется на Чирковой и уже въ отставкѣ. Помнится мнѣ, будто бы братъ мой заплатилъ по предъявленной ему распискѣ нашего отца по забору вина у старика Чернова, несмотря на истекшую болѣе десятилѣтней давность документа. Если это такъ, то немудрено, что молодой Черновъ не хотѣлъ оставаться въ долгу и воспользовался случаемъ помочь мнѣ въ Махновкѣ.

НАКАНУНѢ НАШЕЙ ПОСЛѢДНЕЙ ВОЙНЫ.

Письмо предсѣдателя Московскаго Славянскаго комитета къ уполномоченному отъ комитетовъ Московскаго и Петербургскаго. 4 Декабря 1876 г. [1]), изъ Москвы въ Бѣлградъ.

Пишу съ оказіей. П. С. Т. везетъ вамъ 25000 рублей денегъ отъ Московскаго Славянскаго Комитета и 4000 отъ Нижняго-Новгорода для врученія Котлубицкому на Нижегородскую роту. Посылаю деньги съ П. С. Т. потому, что это выгоднѣе; да кстати нужно переслать вамъ письмо, котораго не хочу довѣрять почтѣ, и Дандевилю также, который жалуется на васъ и проситъ разграничить полномочія. Къ тому-же юный Т. такъ охотливъ ѣхать, такъ горячится, что я не нашелъ лучшаго средства охладить его, какъ давъ ему поводъ съѣздить въ Бѣлградъ; но не въ этомъ дѣло. Прежде всего примите мою искреннюю признательность. Вы совершенно поняли, какъ нужно себя держать и относиться къ дѣлу; за то всѣ возвращающіеся превозносятъ васъ похвалами и благодарятъ за васъ; на Дандевиля же сыплются укоры, какъ шишки на Макара, укоры отчасти несправедливые. Его главная вина въ генеральствѣ, въ самолюбіи, въ желаніи быть «начальствомъ». Его бланки «начальникъ Русскихъ добровольцевъ», привезенные Карцовымъ въ Петербургъ, смутили даже тамошній Комитетъ, который впрочемъ послѣ вашего отъѣзда потерпѣлъ значительное преобразованіе, именно: отдѣльное существованіе Коммисіи уничтожено, и дѣло взялъ въ свои руки предсѣдатель отдѣла князь Васильчиковъ [2]), мой хорошій пріятель и согласный со мною во всѣхъ существенныхъ точкахъ зрѣнія. Онъ же писалъ отъ себя внушительное наставленіе Дандевилю.

---

[1]) Т. е. вскорѣ послѣ Кремлевской рѣчи императора Александра Николаевича. П. Б.

[2]) Нынѣ покойный князь Александръ Ларіоновичъ, старшій братъ князя Виктора Ларіоновича, который вовсе не сочувствовалъ этой его дѣятельности и въ 1878 году горько жаловался на принесенные нами жертвы людьми и деньгами, прибавляя однако, что страшныя раны затянутся, если наступятъ два-три года урожая при полномъ невмѣшательствѣ чиновничества во внутреннія Русскія дѣла (его выраженіе). П. Б.

Теперь вотъ въ чемъ дѣло. Это письмо придетъ вѣроятно послѣ уже пріѣзда генерала Никитина, которому я обѣщалъ отъ васъ самое полное и радушное содѣйствіе. Онъ ѣдетъ принять на Русскую службу и перечислить въ дѣйствующую армію Русскихъ добровольцевъ. Слѣдовательно теперь не можетъ быть и рѣчи объ организаціи выдачи жалованья. Главная наша задача теперь: ликвидація дѣлъ Славянскаго Комитета. Рѣчь можетъ быть лишь о томъ, чтобы додержать на нашемъ иждивеніи, вмѣстѣ съ Петербургомъ, добровольцевъ до сдачи ихъ въ казну, или до разрыва съ Турціею. Если дѣло затянется, мы ни въ какомъ случаѣ не будемъ продолжать содержаніе далѣе Декабря, о чемъ мною и княземъ Васильчиковымъ объявлено Никитину. Въ противномъ случаѣ мы распускаемъ добровольцевъ; если же они не хотятъ, чтобы мы ихъ распустили, пусть берутъ ихъ на счетъ казны. Но если разрыва не будетъ или казна не согласится брать добровольцевъ на свое содержаніе, возвращеніе ихъ въ Россію должно происходить на нашъ счетъ.

Не знаю, сколько именно Петербургскій Комитетъ посылаетъ Дандевилю; можетъ быть онъ снабжаетъ его деньгами въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ мы васъ; но за то здѣсь въ Москвѣ мы оказываемъ пособіе возвращающимся въ щедромъ размѣрѣ, такъ что недовольныхъ нѣтъ; въ Петербургѣ же почти никакого пособія не выдаютъ.

Когда я писалъ вамъ это письмо, явился Гиръ [1]) и привезъ мнѣ ваше письмо. Оно очень важно, и я велю снять съ него копію. Надѣюсь, что проявленіе Русскаго правительственнаго авторитета въ лицѣ Никитина смиритъ и Сербовъ, и Русскихъ добровольцевъ; ибо за неповиновеніе имъ придется отвѣчать или въ Сербіи, или въ Россіи. Генералъ Никитинъ будетъ вѣроятно дѣлать пересортировку. Всѣмъ, которыхъ онъ забракуетъ, объявите, чтобы немедленно возвращались въ Россію; въ противномъ случаѣ имъ будетъ прекращено всякое жалованье, содержаніе или пособіе отъ Комитета, чтò вы и исполните.

Если не будетъ разрыва до Декабря, объявить добровольцамъ, что выдача всякаго денежнаго содержанія прекращается и что они обязаны возвратиться, на что получать пособіе отъ Комитета. Невозвращающимся—ни копѣйки. Если отсрочка перемирія [2])—съ 1 Января прекратить всякое денежное довольствіе волонтерамъ: пусть беретъ ихъ на свой счетъ Русское правительство. Вообще ведите дѣло о ликви-

---

[1]) Дмитрій Константиновичъ, корреспондентъ, а въ 1878 г. издатель газеты „Русская Правда". П. Б.

[2]) Т. е. между Турками и Сербами послѣ пораженія сихъ послѣднихъ подъ Джюнишемъ. П. Б.

даціи. Санитарную часть мы уже ликвидировали. Остаются пѣвчіе, съ которыми заключены контракты; долѣе срока контрактовъ ихъ не держать.

Тоже объявить и всѣмъ сестрамъ милосердія, получающимъ или чающимъ пособія отъ Комитета (сёстры общины княгини Шаховской перейдутъ на содержаніе Краснаго Креста): или пусть поступятъ въ Красный Крестъ, или пусть возвращаются. Мы прекращаемъ всякую санитарную дѣятельность, и въ Русской арміи будетъ дѣйствовать одинъ Красный Крестъ, получающій широкое развитіе и имѣющій абсорбировать собою всѣ частные вольные отряды. Остаются раненные и больные. Если Общество попеченія о раненыхъ и больныхъ не приметъ ихъ въ свое завѣдываніе и на свою отвѣтственность, то придется ихъ оставить на отвѣтственности Комитета. Ради Бога, добейтесь грузовъ изъ Кладова. Послѣ Аѳанасьева тамъ еще прибыли грузы. Попросите его съѣздить туда и привезти ихъ оттуда. Тамъ множество и бѣлья, и шинелей, и всякой всячины. Все это пригодится для раздачи нуждающимся.

Разложеніе, о которомъ вы пишете, есть немедленное слѣдствіе *передержаннаго* лирическаго порыва. Народныя движенія, какъ-бы ни были высоки, не могутъ быть правильною нормою текущей жизни. Если ручей не найдетъ себѣ исхода въ рѣчку или прудъ, онъ образуетъ трясину. Лиризмъ не Коммиссаріатъ, писалъ я Черняеву.

То, что́ происходило въ Россіи нынѣшнимъ лѣтомъ—неслыханное явленіе въ чьей бы то ни было исторіи: общество вело войну, помимо своего правительства и безъ всякой государственной организаціи, въ чужомъ государствѣ. Явленіе величественное, но и уродливое въ высшей степени, ненормальное до безобразія; ибо дѣло *свойства* государственнаго можетъ вестись только государствомъ. Историческія же явленія могутъ быть *поняты* только процессомъ идеализаціи: историческую правду вы не уловите, если глазъ вашъ будетъ разбѣгаться между подробностями и деталями текущей современности. Тѣмъ не менѣе въ этой современности жить скверно и тошно, и я вполнѣ сочувствую вашему желанію вырваться изъ этой смрадной духоты. Но я не согласился на вашъ отъѣздъ, признавая полезнымъ именно ваше пребываніе, и не ошибся.

Присутствіе такихъ людей какъ вы и Н. очищало нѣсколько атмосферу и подавало утѣшеніе порядочнымъ людямъ изъ добровольцевъ. Теперь N. въ Кишиневѣ, и я страшно боюсь, чтобы онъ не надѣлалъ новыхъ безтактностей. Я совершеннно недоволенъ его письмомъ къ

Государю: это нѣчто въ родѣ манифеста или адреса отъ Сербскаго народа, отъ лица Сербіи, а не отъ его лица. Государь сказалъ Дохтурову: «N. хорошій человѣкъ, хорошій товарищъ; все это я готовъ признать, но онъ плохой подчиненный; надѣюсь однако, что брату моему онъ согласится, наконецъ, подчиниться». Умственный кругозоръ N. не стоитъ на высотѣ предположенной имъ себѣ задачи. Въ письмѣ своемъ къ нему я рѣзко опровергъ его разныя размышленія и мечтанія, напр. о томъ, что онъ можетъ и безъ вмѣшательства Русскаго правительства, съ одною Сербіею и Русскимъ обществомъ, порѣшить весь Восточный вопросъ, если бы у него было бы 10,000 добровольцевъ *) болѣе. Я объяснилъ ему, что Сербія не доросла до рѣшенія Восточнаго вопроса; что такія притязанія не по ея плечу, что историческая логика не могла допустить и не допустила бы такой фальши и что участіе Русскаго общества, внѣ государственной организаціи, годилось и годится только для побужденія къ дѣятельности Русскаго правительства; что весь грѣхъ Сербской войны въ томъ и состоялъ, что она началась якобы за освобожденіе южныхъ Славянъ, а не просто на просто за сверженіе Турецкаго сюзеренства, за пріобрѣтеніе Старой Сербіи и Босніи, однимъ словомъ, началась ложью и фразой.

Совершенно согласенъ съ вами, что въ N. громадное, безпокойное самолюбіе и въ тоже время немало мелочной щекотливости; но въ его духѣ есть нѣкая сила, а въ его нравственномъ обликѣ есть и крупныя черты. Онъ въ тоже время сострадателенъ и добръ. Изъ Вѣны онъ прислалъ мнѣ 500 рублей при маленькомъ письмецѣ къ Покровскому (раненому въ грудь навылетъ), и конечно это вниманіе благодѣтельнѣе для Покровскаго всякихъ лѣкарствъ. Очень можетъ быть, что у Новоселова люди содержались лучше и безпорядковъ было меньше, и нѣтъ сомнѣнія также, что Австрійскія войска въ 1799 году содержались лучше чѣмъ Суворовскіе солдаты; но изъ этого выводъ только одинъ: жаль, что Нѣмецкая аккуратность и дешевая мудрость такъ рѣдко уживаются въ одномъ человѣкѣ съ сильнымъ духомъ и дарованіями.

Т—ву, сознавшемуся мнѣ письменно, что все, чтó онъ писалъ мнѣ объ Ибарской арміи, не болѣе какъ *ложь*, къ которой онъ былъ вы-

---

*) По письму N., напечатанному въ Отечественныхъ Запискахъ 1878 г. Январь, въ Сербіи было 646 офицеровъ и 1806 рядовыхъ Русскихъ добровольцевъ въ арміяхъ Тимокско-Моравской, не считая Ибарской и Дринской, гдѣ ихъ было очень мало. Не знаю почему, N. не упомянулъ при этомъ Русско-Болгарскую бригаду съ одними Русскими офицерами и унтеръ-офицерами. Н. Б.

нужденъ настояніями Сытенко и Новоселова, я отвѣчалъ, что признаю неудобнымъ имѣть такого корреспондента и всякія отношенія Славянскаго Комитета съ нимъ прерываю. Я впрочемъ не былъ введенъ въ обманъ его письмами и выслѣдилъ весь ходъ интриги, сквозившей сквозь его письма.

Дальнѣйшей дѣятельности Комитета въ Сербіи будетъ данъ иной характеръ. Мы оставимъ тамъ одного агента и будемъ содѣйствовать распространенію въ Сербіи Русской грамотности и знакомства съ Россіею и ея литературой; будемъ слѣдить за ходомъ политическихъ и военныхъ дѣлъ и сожительства Русской правительственной власти съ Сербскою. Если бы позволили средства, мы бы организовали тамъ благотворительную помощь; но средства наши оскудѣваютъ, и мы покуда должны перенести главный центръ нашей дѣятельности въ Болгарію. Она важнѣе для насъ и для Славянской будущности, чѣмъ Сербія. Впрочемъ Сербскому княжеству, какъ я писалъ еще въ 1860 году, спасеніе одно: увеличиться, присоединить Старую Сербію и Боснію, быть поглощеннымъ въ Сербіи болѣе цѣльной и настоящей.

Охлаждайте пожалуйста П. С. Т. Онъ очень молодъ, горячъ; пусть столкнется съ дѣйствительностью лицомъ къ лицу и умудряется. Если признаете его присутствіе полезнымъ для себя, задержите его сколько нужно, не то отпустите дней черезъ 10. Если не хватитъ у него денегъ, дайте ему на проѣздъ, сколько ему будетъ надобно. Можетъ быть, въ обратный путь ему лучше ѣхать черезъ Кишиневъ, если полезно будетъ что либо передать въ главную квартиру князю Черкасскому. Т. дана записка о нѣкоторыхъ необходимыхъ для насъ справокъ. Напишите мнѣ съ нимъ подробно о томъ новомъ фазисѣ, въ который имѣетъ вступать Сербско-Славянское или Русское дѣло и о новомъ положеніи Ч. и Русскихъ внѣ помощи Славянскаго Комитета. Также объ отношеніяхъ къ нему Карцова и Никитина. Чтó сдѣлалъ Карцовъ съ 300,000 р. которые даны ему Русскимъ правительствомъ?

Говорятъ, преосвященный Михаилъ припрятываетъ получаемыя имъ изъ Россіи деньги на черный день для Сербіи, когда изсякнутъ источники благотворенія. Это разумно, но это надо имѣть въ виду. Я бы очень желалъ, чтобы посылаемою суммою (25 т.) прекратилась дальнѣйшая высылка денегъ въ Сербію. Постарайтесь объ этомъ. На что нибудь да должны быть употреблены 300,000 р., отпущенныя съ Карцовымъ. Нельзя ли какъ нибудь комбинировать его и наши расходы?

Прощайте. Крѣпко жму вашу руку. Довершайте вашу многотрудную, но и многополезную дѣятельность.

Примѣчанія къ предъидущему письму.

1. Въ письмѣ упоминается о Котлубицкомъ. Кажется, лучшаго выбора въ избраніи штабсъ-ротмистра Котлубицкаго Нижегородцы и не могли сдѣлать. Іосифъ Павловичъ, воспитанникъ 2-го Московскаго кадетскаго корпуса, въ 1859 г. былъ зачисленъ въ Ямбургскій уланскій полкъ старшимъ корнетомъ. По выходѣ въ отставку занималъ должности мирового посредника и мирового судьи, почетнаго мирового судьи и непремѣннаго члена Арзамасскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Не могу не упомянуть объ Іосифѣ Павловичѣ потому, что имя его могло окончиться для меня трагическою развязкою. Штабъ А. П. Межениннова не изобиловалъ людьми работящими, за исключеніемъ высокопочтеннаго начальника штаба полковника Былинскаго. (Въ Гроднѣ полковникъ былъ замѣчательнымъ полицеймейстеромъ во время губернаторства князя Крапоткина; былъ ли онъ затѣмъ полицеймейстеромъ въ Харьковѣ во время убійства князя, не припомню. Въ послѣдній разъ я видѣлъ Былинскаго въ 1878 г. въ Смоленскѣ командиромъ одного резервнаго полка, изъ Румыніи. Но я отклонился отъ разсказа). Не припомню съ А. П. Межениновымъ или Былинскимъ въ штабѣ я разговаривалъ о зачисленіи въ штабъ Котлубицкаго, тосковавшаго отъ бездѣйствія. При этомъ присутствовалъ какой-то высокій блондинъ, котораго я не зналъ. Велико же было удивленіе мое, когда на другой день въ гостинницу Сербска-Крона явился ко мнѣ поручикъ Кехли, также совершенно мнѣ неизвѣстный, съ вызовомъ на дуэль отъ лица графа Маркова за нанесенное ему оскорбленіе. Такъ какъ въ штабѣ во время моего разговора о Котлубицкомъ находился не одинъ, оказавшійся Марковымъ, то я съ трудомъ добился отъ секунданта Маркова, Кехли, что видѣнный мною высокій блондинъ и есть самый графъ Марковъ. Въ чемъ я оскорбилъ графа, г. Кехли объяснить мнѣ не могъ, и когда окончанію разговора нашего помѣшалъ пришедшій ко мнѣ Австрійскій Сербъ Демиличъ-фонъ-Панчева (впослѣдствіи офицеръ Сѣверскаго драгунскаго полка на Кавказѣ съ 1878 года) то я отвѣчалъ Кехли, что завтра въ 9 ч. утра пріѣду къ нему на квартиру для переговоровъ объ условіяхъ дуэли. Слѣдовало мнѣ предупредить объ этомъ Н. А. В., но самолюбіе не позволило. Виновнымъ предъ Марковымъ я себя рѣшительно не признавалъ.

На другой день, безъ 10 минутъ въ 9 часовъ утра, я явился въ домъ, гдѣ жили графъ Марковъ и г. Кехли, чтобы видѣть послѣдняго; отъ прислуги я узналъ, что и графъ, и г. Кехли въ 8 часовъ утра благополучно отбыли изъ Бѣлграда на пароходѣ въ Землинъ, т. е. на Австрійскую территорію.

Много минуло съ того времени, и я совершенно позабылъ о дуэли, какъ вдругъ въ С. Стефано въ Апрѣлѣ я увидалъ идущаго противъ меня Кехли, въ какой формѣ армейскаго пѣхотнаго полка, не припомню. Мы какъ-

то столкнулись лицомъ къ лицу и, узнавъ его, я невольно сказалъ: А что же дуэль? Кехли скромно сконфузился, и, пожавъ другъ другу руки, мы разошлись. Если не измѣняетъ мнѣ память, то я шелъ тогда съ вольноопредѣляющимся л.-г. уланскаго полка Юріемъ Николаевичемъ Милютинымъ, сыномъ извѣстнаго дѣятеля, Николая Алексѣевича Милютина.

2. Въ письмѣ упоминается о бланкахъ генералъ-маіора Дандевиля „начальника Русскихъ добровольцевъ, въ Бѣлградѣ" (но не въ арміи), которыя ставились ему какъ бы укоромъ. Но въ такомъ случаѣ, что̀ представлялъ собою въ Бѣлградѣ глубокопочтеннѣйшій Викторъ Дезидеріевичъ?

Чтобы понять его дѣятельность, нужно было войти въ положеніе добровольца, котораго въ Бѣлградѣ мыкали изо дня въ день, *безъ всякихъ* средствъ къ жизни, изъ военнаго министерства въ крѣпость за обмундировкою и вооруженіемъ, и обратно, что̀ въ Августѣ мѣсяцѣ уже вовсе прекратилось *). И счастливы были тѣ, которые узнавали о существованіи добрѣйшаго генерала Дандевиля, встрѣчавшаго всѣхъ одинаково вѣжливо, но безъ генеральства. Въ доказательство же того, что и князь Миланъ, и военный министръ Груичъ признавали его въ Бѣлградѣ за начальника добровольцевъ, можно сослаться на приказъ Груича въ Октябрѣ мѣсяцѣ, къ сожалѣнію, безъ числа. Перемиріе было заключено послѣ 17 Октября. Но видимо, что приказъ этотъ былъ изданъ до стягиванія Русскихъ добровольцевъ въ Бѣлградъ послѣ Джюнишскаго пораженія, т. е. ранѣе 17-го числа. Нахожденіе начальника добровольцевъ въ Бѣлградѣ „изъ военныхъ" было, по моему мнѣнію, крайне необходимо. Въ этой миніатюрной столицѣ очень многіе добровольцы позволяли себѣ всякаго рода скандалы и безчинства; они не признавали ни Сербскихъ полиціи, ни жандармовъ, которые были истинными мучениками. Обращаться къ консулу Карцову они не рѣшались, и очень нерѣдко угроза представить буйныхъ къ Русскому генералу Дандевилю успокоивала и добровольцевъ, и полицейскія власти. При этомъ не могу не сказать о состоявшемъ при генералѣ офицерѣ Дримпельманѣ. Этотъ молодой человѣкъ былъ истинный труженикъ въ работѣ, длившейся съ утра и до вечера, а по нравственнымъ качествамъ своимъ онъ высоко выдвигался среди той многочисленной толпы добровольцевъ, въ особенности при возвращеніи ихъ, съ которыми ему приходилось разбираться. Н. Б.

Приказъ Сербскаго военнаго министра въ Октябрѣ 1876 г.

Нѣкоторые изъ Русскихъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, поступающіе въ Сербскую армію, пріѣзжая въ Бѣлградъ, проживаютъ здѣсь долѣе чѣмъ нужно, безъ опредѣленныхъ занятій.

Въ избѣжаніе этого на будущее время предписываю къ исполненію слѣдующее:

*) Никакой обмундировки, ни оружія не было; а гонять все-таки гоняли, не давая средствъ на отъѣздъ въ армію. Н. Б.

1. Каждый Русскій офицеръ, пріѣзжающій изъ арміи по дѣламъ службы въ краткій отпускъ или по болѣзни, обязывается немедленно явиться къ начальнику Русскихъ добровольцевъ въ Бѣлградѣ и представить его превосходительству данную изъ арміи объяву. Поступающіе прямо въ городскія больницы раненые или больные обязаны донести начальнику Русскихъ добровольцевъ въ Бѣлградѣ о своемъ прибытіи сами или черезъ начальство больницы.

2. По истеченіи срока отпуска въ Бѣлградъ, по исполненіи здѣсь служебныхъ порученій или по выпискѣ изъ больницы, офицеры, возвращающіеся въ армію или въ Россію, передъ отъѣздомъ обязаны снова явиться къ начальнику Русскихъ добровольцевъ въ Бѣлградѣ, представляя свои объявы или медицинскія свидѣтельства.

3. Всѣ Русскіе офицеры, прибывающіе въ Бѣлградъ для поступленія въ армію, получаютъ отъ начальника добровольцевъ въ Бѣлградѣ приказанія относительно порядка зачисленія въ армію, экипировки и отправленія по назначенію. Получившіе объяву съ назначеніемъ въ армію должны отправиться къ мѣсту назначенія безъ замедленія, а въ случаѣ встрѣчи затрудненій въ отправкѣ должны донести о томъ начальнику добровольцевъ въ Бѣлградѣ.

4. Для помѣщенія нижнихъ чиновъ назначена казарма, въ которую они отводятся тотчасъ по прибытіи въ Бѣлградъ и поступаютъ въ вѣдѣніе начальника проходящей команды добровольцевъ, капитана Экскузовича. Тамъ нижніе чины экипируются, и оттуда по сформированіи партіи направляются въ армію подъ начальство Русскихъ офицеровъ.

5. Поэтому изъ числа нижнихъ чиновъ дозволяется жить въ гостиницахъ только тѣмъ изъ портупей-юнкеровъ, юнкеровъ и вольно-опредѣляющихся изъ дворянъ, которые имѣютъ на то средства и будутъ взяты офицерами на свое попеченіе и отвѣтственность, о чемъ эти офицеры обязаны заявлять начальнику Русскихъ добровольцевъ въ Бѣлградѣ. Эти нижніе чины, помѣщающіеся въ гостиницахъ, обязаны каждый день въ назначенный часъ являться въ казарму для полученія приказаній отъ начальника проходящей команды относительно экипировки, времени отправленія въ армію и проч.

6. По всякому требованію начальника Русскихъ добровольцевъ въ Бѣлградѣ каждый Русскій офицеръ и нижній чинъ обязанъ являться немедленно.

Подписалъ военный министръ полковникъ **Николичъ.**

Вѣрно: **Николай Браилко.**

Письмо одного изъ уполномоченныхъ Московскаго Славянскаго Комитета въ Сербіи въ Московскій Славянскій комитетъ, 16-го Января 1877 года.

Оставшись здѣсь послѣ отъѣзда В., я предвидѣлъ, что наши обязанности по отношенію къ добровольцамъ потребуютъ (не смотря на передачу ихъ въ вѣдомство вновь организованнаго начальства) довольно продолжительнаго пребыванія агента Комитета въ Бѣлградѣ. Не говоря о многихъ офицерахъ, которые до сихъ поръ честно оставались на своихъ позиціяхъ, претерпѣвая всякую нужду, и не получили жалованья за Ноябрь мѣсяцъ, здѣсь завязались другія дѣла, которыя нельзя бросить, не нарушивъ вашихъ указаній. Офицеры, о которыхъ я говорю, принадлежатъ преимущественно къ Ибарской арміи. Стояли они въ такихъ мѣстахъ, откуда теперь надо ѣхать до Бѣлграда недѣлю и двѣ верхомъ: иного способа нѣтъ. Такъ два раза обернулся сюда и назадъ самъ Сытенко (теперь уѣхавшій нѣсколько таинственно черезъ Вѣну не то въ Черногорію, не то куда-то). Скудное жалованье, за которымъ они ко мнѣ приходятъ, представляется имъ манной небесной, между тѣмъ какъ изъ *протухавшей*, какъ вы выразились, здѣсь массы Моравскихъ добровольцевъ, ежедневно являются господа, давно все и даже лишнее получившіе, вымогать у меня *пособія*, подъ всевозможными предлогами. Я имъ отказываю непреклонно; но есть однако нѣкоторые совершенно исключительные случаи, въ которыхъ невозможно не дать 2—3-хъ дукатовъ. Въ чрезмѣрной тароватости, я увѣренъ, вы меня не упрекнете, когда я вамъ представлю отчетъ за этотъ послѣдній мѣсяцъ, особенно если примите во вниманіе что́ прежде телеграфировали В-ву: «помогайте не скаредно и не однимъ Русскимъ, а и Черногорцамъ, Старосербамъ, Боснякамъ». Мнѣ же съ его отъѣздомъ пришлось крайне сократиться и соразмѣрять со средствами. Не ссуди меня Дандевиль, уѣзжая, 5800 флориновъ, я бы пропалъ. Вы конечно согласитесь, что грѣшно было бы обидѣть добрыхъ людей за то только, что, оставаясь вѣрными своимъ обязанностямъ, они поздно явились получить *должное* имъ вознагражденіе, между тѣмъ какъ другіе, благодушествовавшіе здѣсь, получали иногда значительно больше. Раненые и больные тоже прибываютъ изъ отдаленныхъ мѣстъ; но теперь, кажется, уже никого не осталось, или очень мало.

На телеграмму мою, извѣщавшую о движеніи между добровольцами къ отъѣзду, вы отвѣчали: «печальны ваши извѣстія». Меня са-

мого глубоко смутило это движеніе. N. N. [1]) съ перваго шага оказался бездушнымъ, тупымъ и неловкимъ человѣкомъ. Это военный бюрократъ. При настоящихъ условіяхъ выборъ его можетъ быть объясненъ только незнаніемъ людей, которое мнѣ кажется есть одинъ изъ часто проявляющихся недостатковъ Милютина. Въ пользу N. N. надо сказать, что онъ человѣкъ простой, а попалъ здѣсь въ сѣть интригъ, которая давно сплелась сама собою. Безтактности, которыми онъ началъ свои сношенія съ добровольцами, въ другихъ условіяхъ не подняли бы такой бури; но они были послѣдней каплей въ переполненномъ сосудѣ. Добровольцы томились въ бездѣйствіи. Они были недовольны и Сербскими порядками, и собственнымъ Русскимъ начальствомъ, мало о нихъ заботившимся. Дисциплина въ смыслѣ повиновенія между ними сохранялась, но въ смыслѣ порядка ея не было вовсе. Солдатиковъ нашихъ подъ-часъ мнѣ было жалко. Размѣщены они были въ крѣпостныхъ казармахъ отвратительно, между тѣмъ какъ Сербскіе солдаты въ тѣхъ-же самыхъ казармахъ живутъ съ нѣкоторымъ даже комфортомъ. Вслѣдствіе нашихъ настояній, особенно Дандевиля, военный министръ [2]) поѣхалъ (это было въ концѣ Ноября) въ эти казармы и тамъ извинился передъ людьми, что имъ такъ плохо: я молъ не зналъ этого, ребята. Онъ все-таки ничего не сдѣлалъ, но пріобрѣлъ тѣмъ не менѣе между нашими большую популярность, конечно незаслуженную. Трудно ли было управлять такими людьми, которые, столько перетерпѣвши, будучи даже обижены, искренно мирятся за доброе слово, хотя оно и не сопровождается дѣломъ?

Между тѣмъ на нѣкоторыхъ изъ своихъ начальниковъ они начали коситься; прорывались и рѣзкія жалобы, иногда такія, которыхъ нельзя повторять, пока они не доказаны по суду, а суда-то по нимъ никогда не будетъ, къ сожалѣнію.

Особенно нелюбимъ былъ А. [3]), начальникъ кавалеріи, какъ называлъ эту должность Черняевъ. Говорятъ, что онъ очень хорошо себя велъ во время войны [4]); но онъ такъ дурно велъ себя теперь, особенно при развязкѣ, что я считаю себя обязаннымъ предупредить васъ

---

[1]) N. N. передъ тѣмъ командовалъ войсками Виленскаго военнаго округа. Ему поручены были отъ нашего Военнаго Министерства добровольцы. Это былъ „тишайшій“ командующій, какого не было и не будетъ. Теперь, въ 1896 г., я разспрашивалъ о немъ въ Вильнѣ лицъ вполнѣ расположенныхъ къ нему; въ отвѣтахъ ихъ слишкомъ было ясно, что о немъ отзывались какъ объ очень *простомъ* человѣкѣ. Н. Б.

[2]) Полковникъ Савва Груичъ, воспитанникъ нашего Артиллерійскаго Училища. Н. Б.

[3]) Штабсъ-ротмистръ Гродненскаго гусарскаго полка, преданный, какъ говорили въ Сербіи, полковому суду за побои и истязанія надъ вольноопредѣляющимися. Н. Б.

[4]) Онъ находился при взрывѣ какого-то Турецкаго моста. Н. Б.

объ этомъ. На меня, замѣчу мимоходомъ, онъ злится за то, что я вскорѣ послѣ своего пріѣзда исходатайствовалъ у Князя [1]) помилованіе одного казака, отличнаго человѣка, невинно приговореннаго къ разстрѣлянію какимъ-то сбродомъ, который былъ созванъ самимъ А—мъ подъ фирмою полеваго суда. Черняевъ, садясь уже на пароходъ (это былъ послѣдній его актъ), *смягчилъ* наказаніе на 200 розогъ, а человѣку этому было болѣе 60 лѣтъ! Всю эту исторію вамъ можетъ разсказать Т. [2]); она весьма характеристична, но была бы длинна для этого письма.

Какое главное побужденіе было у людей, выживавшихъ отсюда нашихъ добровольцевъ, я до сихъ поръ не могу хорошо понять; но они такъ увлеклись этимъ предпріятіемъ, что не останавливались въ выборѣ средствъ. Люди эти: К. [3]), Д. [4]) и въ качествѣ низшаго пособника А—ъ. Неловкостямъ N. N. они такъ обрадовались, что не скрывали этого чувства даже при мнѣ, не смотря на холодность отношеній и рѣшительное разномысліе.

Одинъ Депрерадовичъ [5]), давшій столь рѣшительный толчекъ дви-

---

[1]) Милана.

[2]) Этотъ Т. былъ милый, образованный и безусловно благовоспитанный человѣкъ, но по лѣтамъ очень молодой, что ужъ никакъ не составляло его вины. Ему такъ хотѣлось быть представленнымъ князю и княгинѣ Сербскимъ (и м. б. получить Таковскій крестъ, очень легко тогда раздававшійся), что консулъ нашъ, чрезъ котораго онъ хотѣлъ это устроить, не зналъ куда дѣваться отъ него. Не припомню, исполнилось-ли его желаніе; но въ Бѣлградѣ онъ пробылъ менѣе 10 дней и, кажется, уѣхалъ послѣ извѣщенія о болѣзни своего родственника. Н. Б

[3]) Который и сейчасъ представляется мнѣ нечесаннымъ, въ грязномъ халатѣ, съ грязными ногтями. Онъ считалъ своею обязанностью каждому являвшемуся къ нему по дѣлу добровольцу сказать какую либо невѣжливость или колкость, или подсмѣяться надъ „участіемъ“ въ Сербской войнѣ. Н. Б.

[4]) Д—ъ, начальникъ штаба Моравской арміи при Черняевѣ, замѣнившій Висаріона Висаріоновича Комарова.

[5]) Полковникъ Прерадовичъ, какъ онъ подписывался (умеръ, если не ошибаюсь, начальникомъ Владивостоцкаго гарнизона), командиръ 1-й Русской бригады, 4 Декабря 1876 г. за № 201, доносилъ командиру дивизіи „постоянныхъ войскъ“ Меженинову: „Только что получилъ донесеніе командира 3-го Русско-Арнаутскаго баталіона маіора Рачинскаго, которымъ поставлялось въ извѣстность, что не далѣе какъ сего же числа утромъ явился въ казарменное расположеніе баталіона ровно никому неизвѣстный подполковникъ Влайковичъ (на одной ногѣ), приказалъ выстроить баталіонъ и заявилъ передъ фронтомъ, что молъ онъ, Влайковичъ, назначенъ командиромъ бригады. На заявленіе командира баталіона маіора Рачинскаго, что онъ знаетъ командира бригады полковника Депрерадовича, подполковникъ Влайковичъ объявилъ передъ фронтомъ, что дѣйствительно полковникъ Депрерадовичъ былъ начальникомъ бригады, а теперь назначенъ командиромъ полка. Приказомъ главнокомандующаго я былъ назначенъ командиромъ 1-й бригады ввѣренной командованію вашему дивизіи; не имѣя приказаній вашего высокоблагородія о

женію, былъ простъ и искрененъ. Разсердившись на N. N. и возбужденный этой кликой, онъ сказалъ, что уходитъ, и я увѣренъ безъ всякой задней мысли простился съ своею бригадой передъ фронтомъ. Въ отвѣтъ ему въ одинъ голосъ гаркнули: и мы всѣ уйдемъ, съ другимъ командиромъ служить не желаемъ. Его дѣйствительно любили, и не даромъ. Тогда посыпались заявленія изо всѣхъ другихъ частей, которыя стояли всѣ вмѣстѣ въ Бѣлградской крѣпости. Не совсѣмъ такъ было дѣло съ кавалеріей, расположенной въ трехъ верстахъ отъ города въ

сдачѣ бригады, прошу инструкцій, какъ поступить въ томъ случаѣ, если и еще кому нибудь въ родѣ г-на Влайковича угодно будетъ назваться бригаднымъ командиромъ вопреки всѣмъ обще-европейскимъ правиламъ военной дисциплины. Что касается маіора Рачинскаго, то онъ долженъ и будетъ подвергнутъ строгому взысканію за незнаніе и нарушеніе самыхъ основныхъ правилъ военной службы".

Того-же числа, за № 202, Депрерадовичъ доносилъ: „Въ дополненіе къ рапорту за № 201, покорно прошу ваше высокоблагородіе дать мнѣ отставку, такъ какъ поступкомъ Сербскаго подполковника Влайковича считаю себя незаслуженно оскорбленнымъ".

Оба подлинника этихъ донесеній хранятся у меня. Что касается Влайковича, то мнѣ было извѣстно, что ногу онъ потерялъ подъ Севастополемъ.

Въ тотъ же день Депрерадовичъ писалъ Меженинову: „Многоуважаемый Александръ Павловичъ! Самъ не ѣду, потому что болитъ нога и платье отдано въ чистку, пишу же тебѣ въ волненіи души моей. Развѣ можно такъ поступать!?"

„Удивительно-ли послѣ этого, что Сербы вездѣ и во всемъ терпятъ неудачу? Подъѣхать къ баталіону и сбивать этимъ совершенно и безъ того съ толку (глупыми распоряженіями Сербскихъ властей) сбитый баталіонъ просто безсовѣстно. Всего не перепишешь; но я убѣжденъ, что ты мнѣ сочувствуешь, а потому уволишь меня отъ незаслуженныхъ оскорбленій. Затѣмъ сообщаю, что Руссіе заявляютъ негодованіе противъ безцеремоннаго съ ними обращенія. Преданный тебѣ Депрерадовичъ. 4 Декабря 1876. P. S. Не мѣшало бы сообщить обо всемъ происшедшемъ г-ну консулу." На другой день 5 Декабря я поѣхалъ въ Военное Министерство, гдѣ съ большимъ трудомъ, и то по знакомству, добылъ напечатанный на 6 листахъ приказъ военнаго министра Груича 1 Декабря за № 15423. Въ приказѣ этомъ, включая медицинскую, почтовую часть и телеграфную, значилось назначеніе 830 человѣкъ! Изъ нихъ Русскихъ: 1) командиромъ 1 пѣхотнаго полковникъ Депрерадовичъ. 2) командиромъ 1 баталіона подполковникъ Суздиловскій; 3) командиромъ 2 баталіона маіоръ Медвѣдовскій, 3 баталіона маіоръ Кузминскій, 4) командиромъ 2 полка подполковникъ Милорадовичъ, 5) командиромъ 5 баталіона маіоръ Флейшеръ; 6) командиромъ 7 бат. маіоръ Челяевъ и администраторомъ поручикъ Сима Соколовъ. Эти два полка составляли бригаду полковника Влайковича (какъ значилось въ приказѣ), назначеннаго командиромъ 1 бригады. Затѣмъ Русскіе-же: командиромъ кавалерійскаго полка полковникъ Андреевъ и командующимъ 4 эскадрона маіоръ Кузминскій. Далѣе въ концѣ приказа предъ чиновниками Военнаго Министерства значилось назначеніе:

„На расположену врх. коменданта:

Генералъ—Михаилъ Григорьевичъ Черняевъ.

Контрактуальные генералы: Новоселовъ и Дандевиль.

Полковники: М. Ситенко и Тепловъ"

Почему и какъ не припомню, этотъ знаменитый приказъ обнародованъ не былъ; но почтеннѣйшій Депрерадовичъ съ грустью могъ видѣть, что если военный министръ распорядился главнокомандующимъ и генералами Новоселовымъ и Дандевилемъ, несомнѣнно безъ ихъ согласія, то почему нельзя было дать назначеніе и Влайковичу? Н. Б.

Топчидере. А—ъ сначала подбивалъ къ выходу въ отставку большинство офицеровъ, съ которыми, надо правду сказать, жилъ дружно; потомъ они стали подговаривать казаковъ, которыхъ впрочемъ подвинуть къ отъѣзду было нетрудно. Встрѣтившись съ Никитинымъ у К., я опредѣленно и, можетъ быть, даже рѣзко представилъ ему печальную сторону такого оборота дѣлъ. Затѣмъ я былъ у него, и въ долгой бесѣдѣ онъ мнѣ объяснилъ, что удерживать никого не хочетъ, потому что волонтёрскую армію нельзя вообще принуждать, а съ другой стороны не слѣдуетъ показывать солдатамъ, что будто бы безъ нихъ обойтись нельзя; но онъ надѣется, что большинство останется, сладитъ это дѣло съ старшими офицерами, т. е. Межениновымъ, Депрерадовичемъ, Милорадовичемъ и Андреевымъ. Распоряженія его относительно отмѣны полученныхъ здѣсь чиновъ [1]) или, собственно говоря ихъ непризнанія по отношенію къ праву на командованіе и на полученіе соотвѣтствующаго жалованья, были будто бы перетолкованы: онъ только предположилъ нѣкоторыя мѣры въ этомъ смыслѣ на будущее время. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ былъ не правъ; онъ далъ промахъ непростительный. Но остаться, дѣйствительно-бы осталось большинство нижнихъ чиновъ [2]) и еще большій процентъ офицеровъ. Всѣхъ козней, которыми его опутывали, онъ по крайней тогда не подозрѣвалъ. Сношеніями своими съ военнымъ министромъ Груичемъ онъ, какъ я слышалъ, былъ недоволенъ. На одномъ изъ совѣщаній, какъ мнѣ разсказывали, онъ не выдержалъ и сказалъ ему: я у васъ прошу общаго плана организаціи арміи и общей смѣты, которыя я могъ-бы разсмотрѣть и обсудить, а вы мнѣ все приносите какіе-то отрывки и «съ карандаша читаете» [3]). Составилъ Груичъ общую смѣту, въ которую вошли и всѣ предметы, уже заказанные правительствомъ въ Вѣнѣ, въ Парижѣ, или еще гдѣ; противъ однихъ суммы выставлены въ дукатахъ, противъ другихъ въ флоринахъ; кажется, и рубли были. Никитинъ опять разсердился и просилъ привести всѣ суммы въ рубли. Переда-

---

[1]) Личною храбростью, а не рѣдко и тяжкими ранами заслуживалъ здѣсь доброволецъ чинъ подпоручика, такъ какъ прапорщиковъ въ Сербіи нѣтъ; а Никитинъ низводилъ ихъ на положеніе рядоваго, съ присвоеннымъ рядовому жалованьемъ, т. е. разжалованіемъ его безъ всякой вины. Н. Б.

[2]) Нельзя не удивляться этому желанію Русскаго солдата остаться добровольцемъ послѣ Джунишскаго пораженія, когда Турки навалились на однихъ Русскихъ, на Меженинова, когда вся Сербская армія бѣжала, а Хортовичъ одинъ изъ первый отступилъ черезъ Великій-Шлиговацъ, несомнѣнно потому только, что дальнѣйшее сопротивленіе находилъ невозможнымъ. Оно и было конечно невозможно. Н. Б.

[3]) Что это Никитинымъ было сказано и что дѣйствительно Груичъ велъ дѣла небрежно, это я слышалъ отъ надежныхъ Сербовъ, не оправдывавшихъ Груича, и въ особенности отъ министра народнаго просвѣщенія Василевича, воспитанника Кіевской Духовной Семинаріи, горячо относившагося ко всему Русскому. Н. Б.

вая о томъ вечеромъ своимъ товарищамъ въ «сѣдницѣ», гдѣ они теперь каждый день засѣдаютъ, Груичъ сказалъ, что смѣту уже передѣлали и что онъ сейчасъ пошлетъ ее Никитину; но ему другіе министры посовѣтовали самому лично отнести ее и изустно пояснить все, что̀ вызоветъ возраженія, чтобы окончательно прійти къ соглашенію и затѣмъ скорѣе приступить къ приведенію въ исполненіе. Въ тотъ-же день (это было между Рождествомъ и Новымъ годомъ) Никитинъ смотрѣлъ въ Топчидере кавалерію Андреева. Послѣ смотра было *угощеніе* [1]), вернулись поздно. Ночью бѣднаго старика разбудили телеграммою, требующей немедленнаго возвращенія въ Петербургъ, для личныхъ объясненій, а въ 8 часовъ утра онъ отплылъ, очевидно съ тѣмъ, чтобы не возвращаться. Сербы смутились. Ристичъ [2]) спрашивалъ у К., уѣхалъ-ли мильонъ вмѣстѣ съ Никитинымъ? [3]). К., по принятой имъ системѣ, не отвѣчалъ, говорилъ ему колкости и принялся вмѣстѣ съ Д. выгонять добровольцевъ. Послѣ отъѣзда Никитина, всѣмъ кто заявилъ сгоряча, что выходитъ въ отставку и сожалѣлъ объ этомъ, представлялся достойный выходъ изъ ложнаго положенія.

Мы встрѣчали новый годъ въ небольшомъ кружкѣ у Милорадовича [4]). Вы знаете, что онъ одинъ твердилъ все время, что уйдетъ только тогда, когда ему прикажутъ, или отымутъ бригаду. Здѣсь я воспользовался случаемъ привести къ положительному рѣшенію. Межениновъ не могъ скрыть, что онъ очень желаетъ остаться самъ и удержать свою дивизію [5]). Свѣдующіе люди утверждали, что это сдѣлается

---

[1]) Угощеніе это мнѣ памятно потому, что Никитинъ поручилъ мнѣ узнать про какіе-то разсчеты съ К. Это было часовъ въ 9 вечера. Не заставъ К. дома и узнавъ, что онъ у князя Милана, я отправился въ конакъ (дворецъ) князя, но тутъ-же узналъ отъ дежурнаго адъютанта, что К. лежитъ пьяный въ княжеской залѣ на диванѣ. Все это было высказано прекраснымъ Французскимъ языкомъ, но съ ироніею и насмѣшкою. Когда я выразилъ адъютанту нѣкоторое сомнѣніе, то онъ, пригласивъ меня, отворилъ дверь зала, гдѣ я воочію убѣдился въ истинѣ его словъ. Н. Б.

[2]) Министръ иностранныхъ дѣлъ. Онъ воспитаніе получилъ Парижское, впослѣдствіи былъ воспитателемъ князя Милана, проживая въ Парижѣ. Н. Б.

[3]) Въ Петербургѣ предоставили Никитину мильонъ на организацію Сербской арміи. Н. Б.

[4]) Командиръ Русско-Болгарской бригады, Александръ Михайловичъ, принявшій ее отъ полковника (ротмистра Его Величества кавалергардскаго полка) Николая Юліановича Медвѣдовскаго. Милорадовичъ умеръ въ Кишиневѣ въ 1877 году до объявленія войны. Встрѣча новаго 1877 года была въ моей квартирѣ, въ гостинницѣ Србска-Крона. Присутствовали: А. Н. Межениновъ съ адъютантомъ Пѣтуховымъ и казначеемъ Ярцевымъ, Святловская, сестра милосердія (умершая въ госпиталѣ въ Кишиневѣ въ 1877 году), Валентина Немоевская, Милорадовичъ и я. Деперадовичъ прислалъ извинительное письмо, что по болѣзни быть не можетъ. Н. Б.

[5]) Тутъ, мнѣ кажется, писавшій это письмо ошибался: Межениновъ былъ возмущаемъ безтактностями Никитина, изъ которыхъ большинство обрушивалось на него, какъ на

очень легко, лишь бы Межениновъ, не дѣйствуя самъ, сказалъ намъ, что онъ согласенъ. Какъ это ни странно, но этотъ несомнѣнно храбрый человѣкъ не рѣшился на такое дѣло и признался, что боится этимъ раздразнить начальство [1]) и такимъ образомъ лишить себя плодовъ своей дѣятельности въ Сербіи. Это значило, что съ помощью Д. онъ разсчитывалъ окончательно поправить свое служебное положеніе въ Россіи [2]), а если онъ будетъ ему и К-ву перечить, то они повредятъ достиженію этой цѣли. Высказано это было хотя и ясно, но онъ всетаки колебался [3]); и мы думали, что онъ склонится на наши убѣжденія. Но чрезъ три дня послѣ того, этотъ человѣкъ при первомъ движеніи добровольцевъ къ отъѣзду умолявшій ихъ остаться ради его [4]), самъ поѣхалъ въ казармы объявлять, что надо поскорѣе ѣхать, потому что кто не уѣдетъ теперь, тотъ не получитъ ни жалованья за Январь, ни пособія на отъѣздъ въ Россію, такъ какъ комитеты больше денегъ не даютъ и не могутъ давать, а К-ъ заявилъ ему, что съ 1-го Февраля онъ прекращаетъ всякія выдачи [5]). Остаться здѣсь въ безпомощномъ состояніи по окончаніи войны, какъ несчастные волонтеры изъ Болгаръ или Австрійскихъ Сербовъ, которыхъ наши видятъ-же, конечно никто не могъ рѣшиться. Но люди одной изъ отправляемыхъ партій, въ пристани, передъ отходомъ парохода, просили оставить ихъ здѣсь; имъ велѣно садиться на пароходъ. Еще безобразнѣе тѣ дѣйствія, къ которымъ прибѣгли, чтобы побудить къ отъѣзду колебавшихся казаковъ. Это вамъ разскажетъ Николай Ивановичъ Браилко, который передастъ вамъ настоящее письмо, а я сообщу вамъ подробно, когда дѣло болѣе выяснится.

Все это, какъ видите, до того возмутительно, достоинство Россіи въ глазахъ Сербовъ такъ роняется, что безъ преувеличиванія мнѣ тя-

---

старшинаго начальника, и уѣхать онъ рѣшилъ гораздо ранѣе новаго года. Уѣхалъ онъ изъ Бѣлграда 17 Января 1877. Н. Б.

[1]) Надо вѣроятно понимать нашего консула. Н. Б.

[2]) А. П. Межениновъ былъ командиромъ Перновскаго гренадерскаго полка, но вслѣдствіи неудовольствія съ командующимъ войсками Московскаго военнаго округа Гильденштубе, или, какъ говорили въ Москвѣ, «за недостающіе козырьки", потерялъ эту должность. Помню, что въ Петербургъ, въ Мартѣ 1877 г., офицеры лейбъ-егерскаго полка, гдѣ началъ службу Межениновъ, хотѣли почтить его обѣдомъ, въ обыкновенный Четвергъ, когда всѣ офицеры собираются. Ему была послана въ Москву пригласительная телеграмма, но обѣдъ не состоялся за воспрещеніемъ. Здѣсь не мѣсто говорить, какъ въ то время въ Петербургѣ преслѣдовали добровольцевъ. А тѣло покойнаго Новоселова, по приказанію градоначальника, было вывезено на кладбище въ 3 ч. утра! Н. Б.

[3]) Это только казалось такъ писавшему эти строки. Н. Б.

[4]) Я близко былъ знакомъ и смотрѣлъ за дѣломъ, но ни отъ кого не слышалъ, чтобы Межениновъ упрашивалъ или настаивалъ.

[5]) Держался упорный слухъ, что К., имѣвшій въ своемъ распоряженіи 300,000, но не сочувствовавшій дѣлу, умышленно не расходовалъ ихъ. Н. Б.

жело бывало и говорить съ ними; я даже избѣгалъ ихъ. Что́ я могъ отвѣчать на ихъ отчаянные вопросы, бросила-ли ихъ Россія, и что́ теперь дѣлать? Видно, правду говорятъ Мадьярскія газеты, что Россія и думать не смѣетъ о войнѣ. Я говорю здѣсь о лучшихъ людяхъ; а другіе, между прочимъ, знаменитый Мариновичъ, хватается за этотъ фактъ, чтобы запугивать всѣхъ еще требующихъ продолженія войны, потому что и они не признаютъ войны возможною, если Россія не только не поможетъ имъ, но и сама не двинетъ своихъ войскъ. Какъ только Русскіе переступятъ Прутъ, вы не узнаете нашего народа, говорятъ они мнѣ [1]).

Вамъ, можетъ быть, извѣстно, какія были Никитину и К—ву приказанія изъ Петербурга; но мы здѣсь недоумѣваемъ. Весь этотъ эпизодъ съ Никитинымъ и его мильономъ является какимъ-то шутовствомъ, но при такихъ условіяхъ шутовствомъ преступнымъ. Представьте себѣ, что К. дразнилъ министровъ этимъ мильономъ, которымъ ихъ помазали по губамъ. Къ дѣлу объ отправленіи добровольцевъ я еще вернусь въ другой разъ, а теперь прошу васъ не терять изъ виду, что серьезнаго вліянія на его поворотъ въ другую сторону я имѣть не могъ, развѣ что мы сами передали всю эту часть въ руки правительства и ничего не можемъ болѣе тратить по ней. А будь у насъ деньги, мы конечно такого сраму не допустили-бы.

Теперь остается съ своею бригадою Русско-Болгарскою Милорадовичъ; у него много Русскихъ офицеровъ, но солдатъ мало. Чѣмъ они будутъ жить, Богъ вѣсть. Этотъ достойный человѣкъ, не поддававшійся никакимъ интригамъ и вѣрный своимъ принципамъ, на всякія разсужденія о необходимости уѣхать изъ Сербіи отвѣчаетъ: что хотя онъ одинъ и немного можетъ сдѣлать, но бросить ее теперь, въ такомъ положеніи не честно. Онъ заслуживалъ-бы поддержки, но можемъ-ли мы содержать его офицеровъ? Лично-же для себя онъ никогда ничего не потребуетъ.

Въ письмѣ вашемъ къ В. вы писали: «Дальнѣйшей дѣятельности Комитета въ Сербіи будетъ данъ другой характеръ [2]). Мы оставимъ

---

[1]) Грустное и ошибочное самообольщеніе, на которое можно отвѣчать Русскою пословицею: „На рогожкѣ сидитъ, а будто съ ковра говоритъ". Хорошо помнятъ Русскіе поведеніе Сербскихъ войскъ, кромѣ артиллеріи, при первой разорвавшейся гранатѣ. Минуло 20 лѣтъ, но несомнѣнно, что и теперь еще можно найти много Сербскихъ воиновъ съ отстрѣленными указательными пальцами правой руки. Не лучше показали себя Сербы и въ войнѣ съ Болгаріей! Н. Б.

[2]) Такой именно характеръ и должна бы имѣть дѣятельность Славянскаго Комитета съ самаго основанія его въ Москвѣ. [Это было предметомъ горячихъ моихъ споровъ съ

тамъ агента и будемъ содѣйствовать къ распространенію въ Сербіи Русской грамотности и знакомства съ Русскою литературой; будемъ слѣдить за ходомъ политическихъ и военныхъ дѣлъ и сожительства Русской правительственной власти съ Сербіею и т. д.» Я выписываю это затѣмъ, чтобы яснѣе представить вамъ сущность программы, выработанной съ четырьмя другими лицами, съ которыми мы рѣшили образовать здѣсь центръ Славянской пропаганды, съ преобладающимъ Русскимъ направленіемъ. Я дѣйствовалъ въ виду приведенныхъ вашихъ словъ и надѣюсь, что вы одобрите это начинаніе, отъ котораго я ожидаю благихъ плодовъ. Раньше я даже не хотѣлъ писать вамъ объ этомъ, потому что мнѣ казалось, что предпріятіе не состоится.

Въ составъ Комитета на первый разъ входятъ учредители, а именно. 1) Стоянъ Бошковичъ, профессоръ всеобщей исторіи въ Великой Школѣ, бывшій министръ просвѣщенія. Это человѣкъ, пользующійся всеобщимъ уваженіемъ, совершенно чистый, съ обширнымъ умственнымъ кругозоромъ и горячій патріотъ. 2) Архимандритъ Дучичъ, о дѣятельности котораго вы конечно знаете. На него, что̀ касается дѣла, я больше всѣхъ разсчитываю: болѣе сильной натуры я, кажется, не встрѣчалъ. Родомъ онъ Герцоговинецъ, но въ послѣднее время онъ болѣе занимался Босніей и Старой Сербіей и можетъ тамъ имѣть большое вліяніе. Извѣстный вамъ тоже Каравеловъ, единственный Болгаринъ, живущій въ ладахъ съ Сербами*); если-бы вы были противъ него, чего впрочемъ не думаю, то надо замѣтить, что безъ него нашъ «одборъ» едва-ли состоялся-бы. Онъ отъ этого дѣла въ восторгѣ и будетъ ему полезенъ, тѣмъ болѣе, что оно можетъ дать ему и средства къ жизни, которыхъ онъ вовсе теперь не имѣетъ. 3) Настасъ Петровичъ, молодой человѣкъ, учившійся въ Парижѣ, мало даровитый, но работящій; онъ профессоръ государственнаго права въ Великой Школѣ. Я же вхожу въ составъ «одбора», пока нахожусь здѣсь; а затѣмъ мое мѣсто заступитъ тотъ, котораго вы пришлете. Всѣ они желаютъ этого непремѣнно, потому что безъ Русскаго, очевидно, задача «одбора» неисполнима; да и дѣло не пойдетъ. Никто не можетъ такъ хорошо, какъ Русскій, говоритъ Каравеловъ, устранить вѣчныя недоразумѣнія и пререканія между ними. А съ другой стороны Русскій одинъ не будетъ

покойнымъ И. С. Аксаковымъ. Я перевелъ тогда исторію Сербіи, соч. Ранке, а К. И. Жинзифовъ составлялъ большой Болгарорусскій словарь. П. Б.

*) Каравеловъ женатъ на Сербкѣ. Подозрѣвали, что онъ участвовалъ въ гибели князя Михаила; онъ около двухъ лѣтъ содержался въ тюрьмѣ, но былъ оправданъ. Сербская интеллигенція говорила мнѣ въ Бѣлградѣ, что если примутъ Каравелова, то ни одинъ Сербъ не подпишется на журналъ или газету, о чемъ я вообще предупреждалъ писавшаго эти строки. П. Б.

имѣть большаго вліянія и немногое сдѣлаетъ. Правительственныя лица [1]) привѣтствуютъ это учрежденіе, о которомъ, впрочемъ, пока уставъ не утвержденъ, мы почти никому не говорили. Ристичъ [2]) сказалъ мнѣ, что лучшихъ людей онъ не могъ-бы мнѣ рекомендовать. Мы хотѣли ввести еще однаго Босняка, а Черногорца едва-ли найдемъ; но въ этомъ конечно нѣтъ и крайности. На дняхъ я вамъ пришлю уставъ въ окончательной его формѣ, а теперь прошу васъ поскорѣе сообщить мнѣ, одобряете-ли вы вообще это предпріятіе. Разумѣется въ оффиціальной программѣ идетъ лишь рѣчь объ изданіи книгъ, сближеніи Славянскихъ народовъ посредствомъ переводовъ замѣчательныхъ литературныхъ и научныхъ трудовъ и т. д.; въ дѣйствительности-же, точно также, какъ мы формировали здѣсь цѣлыя дивизіи, главная цѣль «одбора» въ настоящее время поддерживать движеніе во всѣхъ поднявшихся мѣстахъ и служить проводниками для Русскихъ комитетовъ во всѣхъ предпринимаемыхъ имъ дѣлахъ. Средствъ *личныхъ* у насъ на это много, денежныхъ совсѣмъ нѣтъ.

Чтó касается до положенія возстанія въ Босніи, Старой Сербіи и Герцоговинѣ, отъ вѣрныхъ людей, которые сюда приходятъ, я слышу все одно и тоже: «Держимся, хотя и изнемогаемъ во всякомъ оскудѣніи; надѣемся на одну Россію. Если она войны теперь не начнетъ, покоримся Туркамъ, видно, надолго; но лучше перетерпѣть Турецкое владычество, чѣмъ подпасть подъ господство Австріи.» Думаете-ли вы, что хорошо ихъ обнадѣживать? Или и намъ покориться сознанію, что ничего мы не достигли? Ваши указанія мнѣ необходимы, и чѣмъ чаще вы-бы ими меня снабжали, тѣмъ легче мнѣ было-бы дѣйствовать. А то все опасаюсь, что поступлю въ томъ или другомъ случаѣ несогласно съ вашими намѣреніями.

Н. И. Браилко можетъ многое сообщить вамъ, о чемъ я съ другими не говорилъ. Это почтенный человѣкъ, который и мнѣ и В-ву очень былъ полезенъ; онъ съ нимъ работалъ совершенно безкорыстно, потому только, что видѣлъ, что помощь нужна при массѣ дѣла, какая тогда была. Къ сожалѣнію очень замедлился его отъѣздъ, такъ что это письмо значительно запоздало.

*

---

[1]) Собственно, министръ иностранныхъ дѣлъ Ристичъ и министръ народнаго просвѣщенія (просвѣты) Василевичъ. Н. Б.

[2]) Ристичъ особенно покровительствовалъ Каравелову. Но въ Бѣлградѣ не любили Каравелова за сотрудничество въ газетѣ, издаваемой, кажется, въ Австріи (Газетѣ Сербской) лицомъ, занявшимъ въ Декабрѣ 1876 года мѣсто министра финансовъ. Послѣдній былъ врагомъ убитаго князя Михаила и чернилъ его въ своемъ изданіи.

Насколько было дѣла, объ этомъ могутъ судить только очевидцы. Трудъ ихъ не тяготилъ; но какъ они выдерживали всю эту другую массу непріятностей, всевозможныхъ столкновеній—это понять невозможно. Въ доказательство, какъ была велика работа и забота, привожу письмо одного изъ дѣятелей къ командиру дивизіи стоячихъ войскъ А. П. Меженинову, отъ 10 Декабря 1876 года. Н. Б.

Вчерашнимъ письмомъ, переданнымъ вамъ Н. И. Браилко, я покорнѣйше просилъ васъ приказать доставить мнѣ свѣдѣнія о всѣхъ безъ исключенія Русскихъ добровольцахъ, находящихся подъ начальствомъ вашимъ, въ виду тѣхъ ежедневныхъ вопросовъ о состояніи ихъ здоровья, мѣстонахожденія и прочее, которыми буквально осаждаются С.-Петерб. и Московскій Славянскіе Комитеты. Послѣдніе въ свою очередь затрудняются требуемыми свѣдѣніями и обращаются ко мнѣ. Кромѣ того здѣсь находится множество неразосланныхъ добровольцамъ писемъ, денегъ и посылокъ, такъ какъ не только мѣстопребываніе ихъ, но и та часть войскъ, въ которыхъ они состоятъ, уполномоченнымъ Славянскихъ Комитетовъ неизвѣстны. При этомъ я совершенно былъ увѣренъ, что вы примите въ этомъ дѣлѣ ваше *доброе* участіе. Въ заключеніе-же долженъ сказать, что цѣль моей просьбы къ вамъ заключалась именно въ томъ, чтобы неполученныя вещи, деньги и письма разослать начальникамъ отдѣльныхъ частей, а для впредь разсылаемыхъ установить какой либо порядокъ. Но, принимая во вниманіе, что при могущихъ быть военныхъ дѣйствіяхъ:

1) Вы можете признать необходимымъ дѣлать перемѣщенія нашихъ добровольцевъ изъ одной части войскъ въ другую, независимо ихъ просьбъ, которыя могутъ быть вами уважены, о чемъ не будете имѣть возможности извѣщать меня и что̀ крайне бы затруднило васъ перепиской,

2) Что такая-же переписка, т. е. свѣдѣнія мнѣ объ этихъ перемѣнахъ, также точно обременитъ васъ и вашихъ подчиненныхъ,

3) Что многіе изъ раненыхъ, минуя нерѣдко перевязочные пункты, отправляются прямо въ госпитали, и ихъ ближайшіе начальники поставлены въ необходимость показывать ихъ «безъ вѣсти пропавшими» и,

4) Что нерѣдко г.г. доктора на перевозочныхъ пунктахъ не записываютъ фамиліи лицъ, которымъ ими была подана первоначальная помощь,—я полагалъ-бы возможнымъ:

а) Всѣ письма, которыя будутъ получаемы *съ точными адресами*, отсылать при описи г.г. бригаднымъ командирамъ 1 и 2 бригады стоя-

щихъ войскъ, начальнику кавалеріи А-ву и начальнику военныхъ телеграфовъ Александровскому, для врученія ихъ по принадлежности и *если возможно* съ отмѣткою объ этомъ, и б) всѣ-же остальныя отправлять въ штабъ вашъ, также при описи, черезъ каждые 8—10 дней, смотря по мѣрѣ ихъ накопленія, и каждый разъ, при отсылкѣ ихъ вамъ, въ тоже самое время копіи съ этихъ списковъ отправлять г.г. Депрерадовичу, Милорадовичу, Андрееву и Александровскому. При этомъ копіи списковъ могутъ быть вывѣшены въ ихъ штабахъ, а всѣ батальонные и ротные командиры должны быть поставлены объ этомъ въ извѣстность.

Мнѣ кажется, что этимъ путемъ, т. е. принимая на себя весь трудъ этихъ переписокъ, мы бы могли достигнуть того, что наши добровольцы знали бы, гдѣ они могутъ навести интересующія ихъ справки. Полагаю также, что о доставленіи всѣхъ писемъ (poste-restante) *ко мнѣ* возможно будетъ сообщить нашему генеральному консулу и мѣстному почтовому начальству.

Тѣ же письма, которыя находятся теперь, а также посылки и деньги, могутъ быть мною препровождены къ вамъ теперь же, при описяхъ, о чемъ я, одновременно съ отправкою ихъ къ вамъ, такія же копіи съ описями препровожу Депрерадовичу, Милорадовичу, Андрееву и Александровскому.

Письмо отъ 22 Января 1877 года изъ Бѣлграда отъ командира добровольческой бригады, покойнаго подполковника Александра Михайловича Милорадовича въ Московскій Славянскій Комитетъ.

Пользуясь случаемъ отправить вамъ настоящее письмо не по почтѣ и не отъ себя, а отъ имени всѣхъ Русскихъ ввѣренной мнѣ добровольческой бригады, считаю долгомъ своимъ выразить вамъ глубочайшую нашу благодарность и признательность за все то, что̀ подъ руководствомъ вашимъ было сдѣлано для насъ Московскимъ и Петербургскимъ Славянскими Комитетами.

Настоящее письмо доставитъ вамъ Николай Ивановичъ Браилко. Мы убѣдили его возвратиться обратно въ Сербію, принявъ теперь же званіе начальника штаба моей бригады.... Сербы народъ добрый и ждетъ всего хорошаго отъ Россіи; грѣшно обмануть ихъ ожиданія и бросить, такъ сказать, въ объятія нашихъ враговъ.

Не далѣе какъ сегодня я имѣлъ разговоръ съ военнымъ министромъ, который подробно передалъ Николаю Ивановичу. Многимъ на-

шимъ соотечественникамъ внушено мнѣніе, что Груичъ недоброжелательствуетъ Русскимъ; зная лично военнаго министра, я по крайней мѣрѣ могу свидѣтельствовать за полную его готовность служить Русскимъ интересамъ, и со мною не было случая, чтобы онъ отказалъ въ какой либо просьбѣ, съ которою я къ нему обращался по дѣламъ бригады. Полковникъ Груичъ высказалъ мнѣ то тяжелое и крайне неловкое положеніе, въ которомъ находится военное министерство. Ген. Никитинымъ было объявлено ему, что изъ привезеннаго съ нимъ мильона онъ удовлетворитъ военныя нужды Сербіи; на основаніи этихъ словъ были сдѣланы значительные заказы и выданы задатки, а четыре дня тому назадъ я присутствовалъ при разговорѣ консула съ Груичемъ, при чемъ консулъ высказалъ, что впредъ никакихъ денегъ военное министерство отъ Русскаго правительства не получитъ. Отказъ этотъ не можетъ долго оставаться въ секретѣ отъ подрядчиковъ и, къ сожалѣнію, отъ иностранныхъ консуловъ, что̀ весьма неблагопріятно отзовется для нашихъ Русскихъ интересовъ. Военный министръ откровенно высказалъ мнѣ, что единственное спасеніе для Сербіи заключается въ займѣ 150 т. дукатовъ *). Отъ себя смѣю прибавить, что это не одно личное мнѣніе военнаго министра; оно раздѣляется значительною частью Сербовъ, которые видятъ въ матеріальной и нравственной помощи Россіи исходъ изъ того положенія, въ которое силою обстоятельствъ Сербія поставлена.

Какъ Русскій, какъ Славянинъ, я съ наболѣвшимъ сердцемъ прошу васъ принять участіе въ нашемъ положеніи: мы остаемся безъ средствъ, безъ содержанія и всецѣло отдаемъ себя въ ваши руки въ составѣ всей добровольческой бригады.

Добавленіе.

Прилагаю сохранившійся у меня списокъ о содержаніи добровольческой бригады. Содержаніе бригады до 1 Марта было обезпечено Славянскимъ Петербургскимъ и Московскимъ Комитетами. Затѣмъ послѣ кратковременнаго пребыванія въ Бѣлградѣ бригада находилась въ Кладовѣ и послѣ перешла въ Бессарабію. Въ Румыніи, въ Плоештахъ она представлялась Государю Императору Александру II, при чемъ было освящено присланное городомъ Самарою знамя. Начальникомъ бригады, положившей тогда начало настоящей Болгарской арміи, были назначены генералъ-маіоръ Столѣтовъ, а начальникомъ штаба генералъ-маіоръ Дзерожинскій, погибшій славною смертью на Шипкѣ. Съ такими начальниками какъ Столѣтовъ, Дзерожинскій, баталіоннымъ командиромъ Константиномъ Борисовичемъ Челяевымъ (офицеромъ лейбъ-гвар-

*) Трехрублевая золотая монета.

діи конно-гренадерскаго полка) и другими, бригада увѣнчала себя вѣчною славою въ битвахъ при Казанлыкѣ, Эски-Загрѣ, Тунджѣ, Долинѣ Розъ и при достославной защитѣ Шипки. Братоубійственная Сербско-Болгарская кратковременная война показала Европѣ, какъ умѣютъ молодые Болгарскіе солдаты защищать свое отечество. Н. Б.

СПИСОКЪ.

Гг. штабъ и оберъ-офицерамъ и нижнимъ чинамъ добровольческой бригады и жалованье ихъ.

	Дукаты.	Динары.
Командиръ бригады.		
1. Подполковникъ Милорадовичъ	76	5
Помощникъ его.		
2. Полковникъ Гребенкинъ	43	5
Начальникъ Штаба.		
3. Маіоръ Браилко	38	11
Старшій адъютантъ бригады.		
4. Капитанъ Гостиновъ	23	6
5. Казначей поручикъ Марковичъ	14	4
6. Инженеръ-поручикъ Дримпельманъ	14	4
7. Младшій адъютантъ поручикъ Милевскій	14	4
8. Младшій адъютантъ подпоручикъ Клейстъ	13	10
9. Ординарецъ подпоручикъ Найдингъ	13	10
10. Квартирмейстеръ подпоручикъ Цвейфель	13	10
11. Докторъ при бригадѣ Атанасевичъ	15	—

*

	Дукаты.	Динары.
1-й баталіонъ Княгини Наталіи.		
12. Командиръ маіоръ Минихъ	38	11
13. Баталіонный адъютантъ, поручикъ князь Оболенскій	14	4
Ротные командиры:		
14. 1-й роты поручикъ Тимофѣевъ	23	6
15. 2-й роты поручикъ Рейтеръ	23	6
16. 3-й роты поручикъ Кобыльскій	23	6
17. 4-й роты капитанъ Сандаки	23	6
2-й баталіонъ Арнаутскій.		
18. Командиръ капитанъ Шинковскій	23	6
19. Адъютантъ, подпоручикъ Бенедиктовскій	13	10

Ротные командиры:

20.	1-й роты поручикъ Фульда	23	6
21.	2-й „ „ Майхровскій	23	6
22.	3-й „ „ Орловскій	23	6
23.	4-й „ подпоруч. Коневскій	23	6

3-й баталіонъ Русско-Болгарскій.

24.	Командиръ маіоръ Челяевъ	38	11
25.	Адъютантъ подпоручикъ Юркевичъ	13	10

Командиры ротъ:

26.	1-й роты поручикъ Луцкій	23	6
27.	2-й „ подпоруч. Орлинскій	23	6
28.	3-й „ поручикъ Мавринъ	23	6
29.	4-й „ капитанъ Николо-Ясинскій	23	6

4-й баталіонъ.

30.	Командиръ маіоръ Сонгайло	38	11

Ротные командиры:

31.	1-й роты капитанъ Семеновъ	23	6
32.	2-й „ „ Божидаровъ	23	6
33.	3-й „ поручикъ Машкинъ	23	6
34.	4-й „ „ Дьяковичъ	23	6
35.	Баталіонный адъютантъ поручикъ Руничъ	14	4

Субальтернъ-офицеры въ 1-мъ баталіонѣ Княгини Наталіи:

36.	Капитанъ Рыковъ	15	10
37.	Подпоручикъ Рейнеръ	13	10
38.	„ Гогенгауеръ	13	10
39.	„ Глазенапъ	13	10
40.	Поручикъ Марьеровскій	14	4
41.	„ Вальяшко	14	4
42.	Подпоручикъ Лукьяновъ	13	10
43.	Поручикъ Калмыковъ	14	4
44.	„ Максимовъ	14	4

2-й баталіонъ Арнаутскій:

45.	Капитанъ маркизъ Корелли	15	10
46.	Капитанъ Кейхель	15	10
47.	„ Лысенко	15	10
48.	„ Совастьяновъ	15	10
49.	„ Фонъ-Бессель	15	10
50.	„ Фитцау	15	10
51.	„ Махъ	15	10
52.	„ Ганъ	15	10
53.	Поручикъ Миричъ	14	4
54.	„ Марко-Васильевичъ	14	4
55.	„ Полянскій	14	4
56.	„ Соловьевичъ	14	4

3-го баталіона Русско-Болгарскаго.

57. Поручикъ Соколовъ	14	4
58. „ Добржанскій	14	4
59. „ Волженскій	14	4
60. Младшій штабъ-офицеръ маіоръ Рашевскій	24	11

4-й баталіонъ Русско-Болгарскій:

61. Подпоручикъ Жечевъ	13	10
62. Поручикъ Майтеръ	13	10
63. „ Кулаковъ	13	10

Портупей-юнкера, 2-го Арнаутскаго баталіона:

64. Зноско	3	—
65. Колубовъ	3	—
66. Залусскій	3	—
67. Бальзони	3	—

3-й Русско-Болгарскій батальонъ.

68. Николаевъ	3	—
69. Глаголевъ	3	—

4-й баталіонъ.

70. Тенисъ	3	—
71. Гедройцъ	3	—
72. Соболевъ	3	—

Въ 1 баталіонѣ.

Фельдфебелей 8 по 2 дуката	16	—

изъ нихъ Русскихъ 1.

Унтеръ-офицеровъ 31 по 1 д.	31	—

изъ нихъ Русскихъ 3.

Рядовыхъ 210 по 1/2 д.	105	—

Во 2 Арнаутскомъ:

Фельдфебелей 4 по 2 д.	8	—
Унтеръ-оф. 16 по 1 д.	16	—
Рядовыхъ 452 по 1/2 д.	226	—

Въ 3 Русско-Болгарскомъ баталіонѣ:

изъ нихъ 12 Русскихъ.	фельдфебел. 4 по 2 д.	8	—
	унтеръ-оф. 12 по 1 д.	12	—
	рядовыхъ 314 по 1/2 д.	157	—

4-й баталіонъ.

3 Русскихъ.	фельдфебелей 4 по 2 д.	8	—
	унтеръ-оф. 10 по 1 д.	10	—
20 Русскихъ.	Рядовыхъ 306 по ½ д.	153	—
		2033	3

Къ настоящимъ замѣткамъ есть очень много добавленій, но они болѣе касаются участія Русско-Болгарской бригады въ войну 1876 года и исторіи Сербско-Турецкой войны этого года. Н. Б.

(*Сообщилъ Н. И. Браилко*).

*

Читатели, которымъ дороги достовѣрныя и подлинныя черты недавно прошедшаго, поблагодарятъ вмѣстѣ съ нами Н. И. Браилка за сообщеніе вышенапечатанныхъ бумагъ. Въ нихъ наглядно изобразилось удивительное время, пережитое Россіею передъ объявленіемъ послѣдней нашей войны съ Турками. Съ весны и до послѣднихъ чиселъ Ноября 1876 года со всѣхъ концовъ Россіи прибывали въ Москву такъ называемые добровольцы. Въ Москвѣ, въ Славянскомъ Базарѣ на Никольской, устроилось настоящее рекрутское присутствіе бывшимъ офицеромъ Семеновскаго полка, А. А. Пороховщиковымъ. Приходившихъ записываться въ добровольцы раздѣвали, свидѣтельствовали врачами, снабжали деньгами не только на дорогу, но и на содержаніе остававшихся дома неимущихъ родныхъ; денегъ же въ конторы газетъ и въ Славянскій Комитетъ приходило такъ много, что недоставало времени считать ихъ, и нераспечатанные, а только записанные конверты переносились въ корзинахъ изъ Московскаго Общества Взаимнаго Кредита, гдѣ предсѣдательствовалъ И. С. Аксаковъ, съ Ильинки на Никольскую. Собраны и розданы милліоны рублей и множество пожертвованій вещами. На Московскихъ улицахъ замѣчалось какое-то особенное оживленіе, съ которымъ едва справлялся князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ. „Московскія Вѣдомости" и Гиляровскія „Современныя Извѣстія" расходились въ небываломъ числѣ. Станціи желѣзныхъ дорогъ на пути добровольцевъ оглашались пѣніемъ церковныхъ пѣсенъ и восторженными кликами. Я ѣздилъ тогда въ Одессу (за рукописями для „Архива Князя Воронцова") и въ Кіевѣ былъ свидѣтелемъ необычайныхъ проявленій народнаго воодушевленія. Словомъ, это было что-то въ родѣ крестоваго похода.

Мнѣ памятно также, что въ Августѣ мѣсяцѣ пріѣхавшій въ Славянскій Базаръ изъ Ливадіи министръ народнаго просвѣщенія и оберъ-прокуроръ св. Синода графъ Д. А. Толстой, на завтракѣ, которымъ угощалъ его А. А. Пороховщиковъ (арендовавшій у Синода зданіе устроеннаго имъ Славянскаго Базара) осуждалъ своего амфитріона за эту его дѣятельность и прямо за-

явилъ, что по его мнѣнію, которое, по его словамъ, раздѣлялъ и Государь, добровольцы и вся эта „кутерьма“ вызваны на свѣтъ подспудными, противообщественными силами. Находившійся тутъ жъ ректоръ Московскаго Университета С. М. Соловьевъ твердо и рѣшительно возразилъ министру, что онъ, какъ Московскій сторожилъ, какъ историкъ и профессоръ, отрицаетъ всякую связь между нигилистами и добровольцами. Сергѣй Михайловичъ приготовлялъ въ это время ту часть своей Исторіи, гдѣ описано начало первой Екатерининской войны съ Турками. Совсѣмъ другая паралель представлялась ему: Бисмаркъ и ѣздившій къ Герцеговину Австрійскій императоръ повторили собою Фридриха II-го и Кауница. Имъ, какъ и тогдашней Франціи, въ лицѣ Шаузёля, необходимо было поубавить силъ у Россіи. Позднѣе С. М. Соловьевъ передавалъ намъ, что канцлеръ князь Горчаковъ выразился ему такъ про 27-й томъ его Исторіи: „Если бы эта книга появилась раньше двумя-тремя годами, я бы, прочитавъ ее, дѣйствовалъ иначе“. Въ Вѣнѣ и Берлинѣ зорко слѣдили за обоими нашими Славянскими Комитетами; а въ Петербургѣ имъ явно мирволили. Въ это время вышло сочиненіе профессора Богдановича о Крымской войнѣ, написанное по документамъ и снабженное планомъ возможнаго взятія Царяграда Русскими войсками; планъ былъ начертанъ по приказанію Николая Павловича. Осенью 1876 года Англійскій посолъ бесѣдовалъ о Турецкихъ дѣлахъ съ императоромъ Александромъ Николаевичемъ въ Ливадіи и выслушалъ отъ него наисильнѣйшія заявленія Русскаго миролюбія.

Царское пребываніе въ Крыму затянулось до послѣднихъ чиселъ Ноября мѣсяца, и на другой день своего пріѣзда въ Москву Государь произнесъ свою знаменитую рѣчь, которая разсѣяла наши недоумѣнія и колебанія, особенно усилившіяся послѣ того, какъ Турки разбили Сербовъ подъ Джюнишемъ (Октябрь). Наплывъ добровольцевъ убавился, а денегъ на содержаніе ихъ уже не доставало. Вслѣдъ за тѣмъ, для предотвращенія войны, начались поѣздки къ Европейскимъ дворамъ графовъ Игнатьева и Шувалова; но наши тайные недоброжелатели достигли своей цѣли, и 12 Апрѣля 1877 года роковая война объявлена.

Такъ точно Византія оберегала себя отъ варваровъ, ссоря ихъ между собою.

Послѣ Кремлевской царской рѣчи правительственныя лица, благопріятствовавшія добровольцамъ, могли уже дѣйствовать открыто, и политическая сторона въ дѣятельности Славянскихъ Комитетовъ сама собою упразднилась.

П. Б.

ИЗЪ БУМАГЪ КНЯЗЯ В. Ѳ. ОДОЕВСКАГО.

Въ Петербургъ пріѣхалъ баринъ, воспитывавшійся за границей вплоть до зрѣлаго возраста. Глупый, невѣжественный, но очень богатый и съ большими связями, онъ игралъ нѣкоторую роль въ свѣтѣ. Пріѣхавъ въ Россію, онъ въ конецъ одурѣлъ. Все, что́ его окружало казалось ему странно: онъ къ величайшему своему удивленію узналъ, какъ-то мимоходомъ, что въ Россіи также есть поэты и литераторы, и почелъ долгомъ собрать кое-какія свѣдѣнія объ этой неслыханной диковинкѣ. Между прочимъ въ одной гостиной онъ адресовался къ самому Пушкину съ слѣдующимъ вопросомъ: J'entends toujours parler de la littérature russe, et je voudrais bien savoir quel est actuellement le poête russe qui jouit de la réputation la moins contestée?— C'est le comte Chwostow, sans contredit, отвѣчалъ Пушкинъ сᴐника. Ah, le comte Chwostow! J'en prendrai note; je vous suis très reconnaissant *).

Вообще промежутокъ между 30 и 40 годами былъ совершенно особаго характера и ожидаетъ историка, который даже безъ указаній современниковъ найдетъ богатые источники въ однихъ періодическихъ изданіяхъ этого времени и легко разгадаетъ многія необъяснимыя явленія въ тогдашней нашей литературѣ. Чѣмъ дальше мы будемъ откладывать, тѣмъ эти явленія будутъ непонятнѣе. Теперь самая пора; воспоминанія еще свѣжи, а большаго числа участниковъ трагикомедіи уже нѣтъ на свѣтѣ, и страсти улеглись. Безпристрастная, полная фактовъ исторія этого свинцоваго десятилѣтія нашей журналистики, особливо въ уровень съ другими эпохами, какъ, напримѣръ, Магницкаго и Рунича, была бы любопытна и поучительна въ высшей степени.

---

*) Я все слышу, говорятъ о Русской литературѣ, и мнѣ бы очень хотѣлось узнать, кто теперь изъ Русскихъ поэтовъ пользуется наиболѣе непререкаемой извѣстностью?— Это, конечно, графъ Хвостовъ.—Ахъ, графъ Хвостовъ! Буду знать; очень вамъ благодаренъ.

Съ лѣтами я замѣчаю, что сдѣлалъ въ жизни большую глупость: я старался на семъ свѣтѣ кое-что дѣлать и учился искусству кое-что дѣлать, но забылъ искусство разсказывать о томъ, чтò я дѣлаю. Обращаясь на жизнь прошедшую, вижу, что довольно таки дѣлъ пошло съ моей легкой руки, не считая неудавшихся. Я первый наложилъ руку на схоластицизмъ и классицизмъ; выговорилъ значеніе Россіи въ мірѣ, чѣмъ теперь пробавляются многіе; много изданій пошло съ моей подпоркой; не одно мое сочиненіе бродитъ подъ именемъ другихъ, и смѣшнѣе всего то, что ими иногда мнѣ же глаза колятъ, какъ бы говоря: «вотъ бы-де тебѣ что сдѣлать». Въ мірѣ чиновническомъ замѣчаю мой цензурный уставъ 1828 года и права авторской собственности, о которой до меня никто и не думалъ, положеніе о дворянскихъ выборахъ, общее положеніе о компаніяхъ на акціяхъ, общество застрахованія жизни, надъ которымъ всѣ смѣялись; пріюты, которыхъ возможности никто никогда не хотѣлъ вѣрить; наконецъ, я намѣтилъ разныя вещи, которыя пошли въ ходъ, какъ, напримѣръ, общество посѣщенія бѣдныхъ, Маріинскій институтъ, педагогическія сухія работы, книги народа, о чемъ никто и не думалъ и проч. и проч., чтó и самъ забылъ. Право-таки 20 лѣтъ жизни прошли не даромъ; прежней дѣятельности не считаю. Однакоже, гдѣ тотъ добрый человѣкъ, который сказалъ бы мнѣ спасибо? Не изъ того я хлопоталъ, чтобъ заморить червяка, который сидитъ у меня въ груди; но все-таки глупо, и тѣмъ болѣе глупо, что многіе развѣ нитку въ иголку вдѣли въ продолженіи жизни. É sempre bene, benêt! *). Все чтò выстрадано было тобою, все чтó взято съ бою, съ другими и самимъ собой, все это не пролило ни капли внѣшней утѣхи въ твою труженическую жизнь. Жить бы тебѣ на фуфу! Не приходилось бы тебѣ зачастую слышать толки о томъ, что ты сотворилъ, передъ тобою же, какъ о дѣлѣ, въ которомъ ты нисколько не грѣшенъ. Неужели ни искры самолюбія мнѣ не позволено въ этомъ мірѣ? Вѣдь есть нѣкоторая связь между матерью и ребенкомъ, и связь на всю жизнь.

(*Изъ Отчета Императорской Публичной Библіотеки за 1884 годъ*).

---

*) И всегда хорошо, дуралей!

ПОСЛАНІЕ ГРАФА П. А. ВАЛУЕВА КЪ ГРАФУ Д. Н. ТОЛСТОМУ.

Въ бумагахъ графа Д. Н. Толстого, которыя нынѣ разбираются для составленія его біографіи, попадаются стихи покойнаго графа П. А. Валуева. Съ нимъ графъ Толстой былъ въ отношеніяхъ близкихъ. Они переписывались между собою въ теченіе 36 лѣтъ. И какая переписка! Это цѣлый диспутъ. Встрѣчаются, напримѣръ, письма въ 5—7 большихъ листахъ убористаго почерка. Сближеніе ихъ началось въ Ригѣ, гдѣ они оба служили одному дѣлу, имѣя различные на него взгляды, а потому ихъ споры были безконечны. Это однако не мѣшало ихъ дружескимъ отношеніямъ. Графъ Валуевъ, когда былъ уже министромъ, продолжалъ дорожить замѣчаніями и совѣтами всегда искренняго графа Толстого. Живя въ Ригѣ, однажды онъ пригласилъ къ себѣ графа Толстого слѣдующими стихами:

Днесь, сбросивъ ярмо канцелярскихъ заботъ,
Забывъ, что чернила и перья есть въ мірѣ,
Я вечеромъ дома, безъ дѣлъ, безъ хлопотъ,
Съ собою и съ Нѣмцами въ мирѣ.
Трескучее пламя въ каминѣ играетъ,
Китайскій настой на столѣ закипаетъ;
И былъ бы вполнѣ я доволенъ судьбой,
Когда-бъ посѣтилъ меня комитъ Толстой.

Выраженіе «комитъ», т. е. товарищъ, повторяется и въ перепискѣ.

Ему же, когда онъ вышелъ въ отставку, Валуевъ прислалъ въ Знаменское стихотвореніе, гдѣ-то появившееся въ печати, въ которомъ онъ воспѣлъ прелести свободной отъ службы деревенской жизни; а въ 1867 году, будучи министромъ внутреннихъ дѣлъ, обратился къ нему изъ чужихъ краевъ съ такими стихами:

„И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ".

„И дымъ отечества намъ сладокъ и пріятенъ".
Вездѣ, вдали чужой, его намъ голосъ внятенъ.
Ни чуждой жизни гулъ, ни блескъ чужихъ небесъ,
Ни море, ни скалы, съ которыхъ чудный лѣсъ
Къ намъ въ новыхъ очеркахъ склонилъ свои вершины,
Ни горъ хребетъ, ни глубь излучистой долины,
Ни городовъ и селъ разнообразный строй,
Ни праздныхъ странниковъ вездѣ шумящій рой,
Не могутъ заглушить въ насъ голоса родного
И дать на мигъ забыть свое среди чужого.

*

Гдѣ бы ни мчался дней измѣнчивый потокъ,
На Югѣ ль, Западѣ ль,—нашъ Сѣверъ и Востокъ
Вездѣ сопутники. Тамъ небо намъ родное,
Тамъ свѣтитъ съ раннихъ лѣтъ созвѣздіе живое
Всего что́ любимъ, и чего не любимъ мы,
Что́ грѣетъ въ насъ сердца, или царитъ порою,
Какъ лунной ночи блескъ, надъ дремлющей мечтою;
Тамъ шумъ родныхъ дубравъ, тамъ ширь родимыхъ нивъ,
И нашихъ Русскихъ рѣкъ серебряный разливъ,
И Русской рѣчи звукъ, и Русскихъ храмовъ вѣстникъ,
Нашъ тихій благовѣстъ, молитвы провозвѣстникъ.

*

Отчизна въ насъ живетъ; и тѣмъ живѣй подчасъ
Встрѣчаетъ насъ вдали и провожаетъ насъ
Сравненій длинный рядъ. Отстали мы во многомъ,
Не знаемъ многого; но знанія залогомъ
Та грусть, съ которою намъ вспоминать дано,
Что́ можетъ лучше быть, что́ лучше быть должно
У насъ, въ краю родномъ, омытомъ предковъ кровью.
Онъ ими былъ любимъ правдивою любовью;
Теперь за нами долгъ блюсти его судьбы.
Но нѣтъ любви безъ жертвъ, побѣды безъ борьбы!

Карловары.
4 (16) Августа 1867.

(*Сообщено Иваномъ Степановичемъ Листовскимъ*).

ПО ПОВОДУ ДНЕВНИКА В. А. МУХАНОВА.

Въ 10 книжкѣ „Русскаго Архива“ за 1896 годъ помѣщено извлеченіе изъ дневныхъ записокъ В. А. Муханова за 1858 годъ. Въ этихъ запискахъ поражаютъ нѣкоторые невѣрные толки и слухи, въ справедливости которыхъ были убѣждены такія лица, какъ В. А. Мухановъ, передававшій въ своихъ запискахъ то, чтó узнавалъ онъ въ высшихъ сферахъ, въ которыхъ постоянно вращался. Между тѣмъ, изъ изданныхъ только въ послѣднее время матеріаловъ оказывается, что свѣдѣнія и сужденія, высказывавшіяся даже въ этихъ, повидимому ознакомленныхъ, сферахъ, совершенно невѣрны. Происходившія отсюда ошибки и вредъ суть плоды таинственности, въ которую облекалась въ прежнее время наша государственная политика даже въ ея лучшихъ предначертаніяхъ. Такимъ образомъ всегда и вездѣ подтверждается истина, что одна своевременная гласность можетъ предупредить возникновеніе какъ злословія, такъ и нареканій по невольному убѣжденію.

В. А. Мухановъ пишетъ подъ 18 Февраля: „Графъ (Киселевъ) составилъ проектъ освобожденія (крестьянъ), по которому усадьбы отдавались безденежно крестьянамъ и имъ также предоставлялись двѣ трети помѣщичьихъ земель; о лѣсѣ сказано, что за каждое поваленное дерево помѣщикъ обязывался дать крестьянину такихъ два дерева... Покойный Государь (Николай Павловичъ) хотѣлъ тотчасъ подписать проектъ. Министръ самъ испугался такой поспѣшности и предложилъ составить комитетъ для разсмотрѣнія проекта. Въ немъ дѣятельнѣйшимъ членомъ былъ князь А. С. Меншиковъ, которому принадлежитъ честь отверженія мѣры, бывшей явнымъ посягательствомъ на право собственности, лишавшей одно сословіе его достоянія въ пользу другого и долженствовавшей разстроить и совершенно уронить хлѣбопашество въ Россіи“.

Это писалъ В. А. Мухановъ всего черезъ 18 лѣтъ послѣ событія, не предполагая, что невольно взводитъ небылицу на одного изъ славныхъ дѣятелей предшествовавшаго царствованія. Изъ 98 тома „Сборника Историческаго Общества“, изданнаго въ истекшемъ году и посвященнаго памяти императора Николая I, видно, что проектъ графа Павла Дмитріевича Киселева былъ основанъ на слѣдующихъ началахъ.

Помѣщики, сохраняя право вотчинной собственности на земли, предоставляли крестьянамъ личную свободу и, отдѣливъ имъ опредѣленную пропорцію земли, пользовались, взамѣнъ того, соразмѣрными отъ нихъ повинностями или оброкомъ, по особому для каждаго имѣнія инвентарю. Мѣра сія предполагалась общею по всему государству и независящею отъ воли помѣщиковъ. Они могли только, когда оброки или повинности составили бы значительно менѣе нынѣшнихъ доходовъ, опредѣлить себѣ, по добровольному соглашенію съ крестьянами, единовременное денежное вознагражденіе, процентами съ котораго, соединенно съ инвентарными повинностями, возмѣщался бы прежній доходъ. Исполненіе повинностей обезпечивалось круговою отвѣтственностію крестьянъ, при содѣйствіи правительственныхъ властей и посредствомъ власти самихъ помѣщиковъ, которымъ, въ качествѣ вотчинныхъ начальниковъ, присвоялись полицейская и судебная расправы. На земляхъ собственно-помѣщичьихъ удерживалось, соразмѣрно съ надобностію ихъ обработыванія, число крестьянъ, которые не могли оставлять тѣхъ земель, пока населеніе не превзойдетъ опредѣленной нормы. Лѣса, оброчныя статьи и богатства въ нѣдрахъ земли оставались собственностію помѣщика. Надѣленные землями крестьяне могли переходить въ другое состояніе не иначе, какъ съ его согласія, кромѣ извѣстныхъ случаевъ, когда, по исполненіи своихъ обязанностей къ помѣщику, они были властны и безъ его согласія, какъ люди свободные, распоряжаться собою. Обязанность помѣщика вспомоществовать крестьянамъ въ продовольствіи и въ пожарныхъ случаяхъ замѣнялась, по дарованіи имъ свободы, взаимнымъ страхованіемъ. Крестьяне не могли быть ссылаемы съ полученныхъ ими, за опредѣленныя повинности, участковъ. Жалобы на притѣсненія со стороны помѣщика разбирались въ общихъ судебныхъ мѣстахъ.

Таковъ былъ проектъ графа Киселева 1840 года въ его главныхъ чертахъ. Распространенныя о немъ въ обществѣ свѣдѣнія, переданныя въ дневникѣ В. А. Муханова, были, какъ оказывается, совершенно несогласны съ его дѣйствительнымъ содержаніемъ.

Н. Галкинъ-Враской.

Казань, 15 Января 1897 г.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ И РАЗСКАЗОВЪ.

Во время чумы въ Севастополѣ, графъ Михаилъ Семеновичъ Воронцовъ, снабженный обширными полномочіями и властью отъ Государя, прибылъ на Сѣверную сторону Севастополя, гдѣ и оставался все время чумной эпидеміи и во время тогдашняго бунта. Въ числѣ прочихъ состояли при Воронцовѣ чиновникъ особыхъ порученій А. Я. Фабръ и мой отецъ отъ Таврическаго губернатора. Для ограниченія дѣйствій заразы, графъ Воронцовъ предписалъ Грейгу, чтобы ни одно изъ судовъ флота, впредь до его распоряженія, не покидало Севастопольскаго рейда. Боясь въ свою очередь заразы, адмиралъ Грейгъ поднялъ всѣ паруса и ушелъ въ море. Это страшно взволновало графа Михаила Семеновича, и онъ написалъ письмо Государю, прося чуть ли не о преданіи суду Грейга. Призвавъ Фабра, онъ обратился къ нему съ словами: „Прочтите и немедленно отправьте съ курьеромъ“. Фабръ сталъ читать письмо и, окончивъ, изорвалъ его въ мелкіе куски. Графъ, пораженный подобною дерзостью и дрожа отъ гнѣва, спросилъ Фабра, какъ онъ смѣлъ рѣшиться на подобный поступокъ? „Эта жалоба недостойна великой души вашей противу человѣка, котораго ваше сіятельство такъ уважаете“, спокойно отвѣчалъ Фабръ. Нѣсколько минутъ графъ оставался безмолвнымъ; затѣмъ, протянувъ руку Фабру, сказалъ: „Благодарю васъ, я погорячился“. Другого письма конечно написано не было, а поступокъ Фабра еще болѣе усилилъ то довѣріе, которымъ онъ у графа пользовался.—Покойный Андрей Яковлевичъ Фабръ отличался поразительною скупостью. Когда, уже въ отставкѣ послѣ Екатеринославскаго губернаторства, онъ жилъ въ Симферополѣ (съ 1856 по 1863 годъ), я часто посѣщалъ его и знаю, что цыпленокъ служилъ ему пищею на три дня, а нерѣдко въ теченіе дня онъ ограничивался двумя стаканами чая съ хлѣбомъ. Такую же жизнь велъ онъ, будучи губернаторомъ въ Екатеринославѣ. Умеръ онъ холостякомъ, оставивъ весьма значительный капиталъ и два имѣнія на устройство пріюта для сиротъ-мальчиковъ мѣщанскаго и крестьянскаго сословій, до 14 лѣтняго возраста, въ Симферополѣ. Этотъ пріютъ и донынѣ существуетъ. Андрей Яковлевичъ былъ человѣкъ высокой честности и истинно-твердыхъ правилъ. Самоучкой онъ изучилъ Французскій и Нѣмецкій языки. Онъ глубоко почиталъ свою мать, зная, что онъ незаконнорожденный.

*

Павелъ Ивановичъ Сафоновъ, полковникъ, состоявшій при Таврическомъ губернаторѣ Владимирѣ Ивановичѣ Пестелѣ, родномъ братѣ извѣстнаго декабриста, на вопросъ графа Воронцова, куда бы безопаснѣе помѣстить значительное число пороха, привезеннаго для взрыва камней при постройкѣ Алупкинскаго дворца, сказалъ графу, что самое лучшее на кухню Фабра, такъ какъ она изъ экономіи никогда не топится.

Выше я упомянулъ о Пестелѣ и хочу добавить о немъ нѣсколько словъ. Не помню, въ которомъ именно году онъ былъ назначенъ Таврическимъ гражданскимъ губернаторомъ; но уже въ 1846 году я, пяти лѣтнимъ ребенкомъ, помню его красивое лицо, парикъ съ висками впереди и генеральскіе эполеты. Губернаторомъ онъ служилъ до осени 1854 года, послѣ чего былъ назначенъ въ Москву во 2-е отдѣленіе 6-го департамента Сената. Къ этому отдѣленію, между прочими, принадлежала по дѣламъ и Таврическая губернія.

Высоко образованный по тому времени, добрый, честный, гуманный, этотъ человѣкъ опередилъ свой вѣкъ. Глубоко врѣзался мнѣ въ памяти слѣдующій разсказъ его моему отцу. Пестель былъ командиромъ одного изъ эскадроновъ Кавалергардскаго полка, когда Государь Николай Павловичъ, недовольный ученіемъ полка, прогналъ его въ казармы, сказавъ, что черезъ недѣлю будетъ вновь смотрѣть полкъ по-эскадронно. Въ продолженіе этой недѣли пять эскадронныхъ командировъ по три раза въ день производили ученія, страшно наказывая солдатъ за малѣйшую ошибку. Одинъ Пестель не производилъ ученій вовсе, объявивъ людямъ, чтобы они отдохнули, одумались и приготовились какъ слѣдуетъ къ предстоящему царскому смотру; что онъ надѣется, что солдаты его не осрамятъ своего командира. Только наканунѣ смотра онъ сдѣлалъ небольшую репетицію для проѣздки лошадей. Государь, пропустивъ мимо себя три раза эскадроны безъ привѣтствій, только одному проходившему эскадрону Пестеля говорилъ: „Спасибо, ребята!“ Словомъ, на смотру лучшій эскадронъ вышелъ Пестеля, котораго Государь лично благодарилъ; а въ результатѣ вышло семидневное, безъ объясненія причинъ, сидѣніе Пестеля на гауптвахтѣ: кто-то доложилъ Государю, что Пестелъ людей къ смотру *не приготовлялъ.*

Къ сожалѣнію не могу припомнить, гдѣ я читалъ въ 60-хъ годахъ „о бѣгствѣ“ Пестеля изъ Симферополя 8 Сентября 1854 года, во время Алминскаго сраженія (т. е. вѣрнѣе при рѣчкѣ Бурлюкѣ. Многіе пишутъ Альминскаго, это неправильно: рѣчка Алма, по-татарски яблоко, но не Альма).

4-го Сентября 1854 года непріятель высадился въ г. Евпаторіи или Козловѣ, по-татарски или турецки Гезлеве, замѣчательной своимъ артезіанскимъ колодцемъ. 5-го числа онъ сжегъ зданіе для больныхъ, пользующихся грязями въ 19 верстахъ отъ Евпаторіи къ Симферополю въ деревнѣ Саки, слѣдовательно только въ 43 верстахъ отъ Симферополя. Изъ Сакъ успѣла

бѣжать почтовая станція, т. е. одна или двѣ тройки, остальное досталось Туркамъ; эти же бѣжавшіе со станціи принесли вѣсть о приближеніи непріятеля къ Симферополю.

6-го Сентября непріятельскіе конные разъѣзды, не встрѣчая на пути своемъ ни одного солдата, были въ 27 верстахъ отъ Симферополя, въ д. Тулатъ, помѣщика Маценко. Все это узнавалъ губернаторъ только отъ бѣжавшихъ, при приближеніи непріятеля жителей. По занятіи Евпаторіи Пестель могъ предполагать, что и Перекопскій перешеекъ занятъ непріятелями (почему они этого не сдѣлали, непонятно), а слѣдовательно отступленіе изъ полуострова отрѣзано. Оно было возможно только по проложенному покойнымъ отцемъ моимъ на всякій случай Чонгарскому тракту, между почтовою дорогою отъ Симферополя до Перекопа и Арабатскою стрѣлкою.

Всѣ курьеры, посылаемые Пестелемъ къ главнокомандующему князю Меншикову, не возвращались. Посланные къ князю же чиновники особыхъ порученій при губернаторѣ, оба покойники, Пулакасъ и Аѳанасій Алексѣевичъ Рожнецкій, не возвращались также. Чтó оставалось дѣлать губернатору?

8-го Сентября ясно слышанные въ Симферополѣ пушечные выстрѣлы на полѣ битвы, происходившей на Алмѣ-Бурлюкѣ, принесли къ вечеру извѣстіе, что мы разбиты, что мы отступили въ полномъ безпорядкѣ, что полки разбросались и разыскиваютъ другъ друга, что отступленіе полное, куда—неизвѣстно, только не къ беззащитному губернскому городу.

Не получая никакихъ извѣстій отъ главнокомандующаго объ исходѣ сраженія, генералъ-лейтенантъ Пестель имѣлъ въ виду, что Турецкія войска отъ Евпаторіи могутъ подойти или занять Симферополь со стороны Тулата, или же онъ можетъ быть занятъ войсками союзниковъ, выигравшихъ сраженіе на Алмѣ (прямое разстояніе отъ мѣста битвы до Симферополя 50 верстъ), и наконецъ, что въ Симферопольскомъ казначействѣ хранится по случаю военнаго времени значительная сумма денегъ. Поэтому онъ рѣшилъ: взявъ на подводахъ бумаги и даже часть архивовъ *всѣхъ* присутственныхъ мѣстъ, а равно всѣ хранящіяся въ казначействѣ суммы, выѣхать изъ города по Чонгарскому тракту и слѣдовать по немъ впредь до полученія приказанія отъ главнокомандующаго; охрану же денегъ казначейства, слѣдующихъ на подводахъ, онъ возложилъ на Симферопольскую, тогда конную, жандармскую команду.

Не могу теперь припомнить, какое было сдѣлано распоряженіе для охраны жителей относительно острога, арестантской роты. Въ городѣ оставался гарнизонный баталіонъ, командиръ котораго невольно дѣлался и губернаторомъ, и комендантомъ, и даже командующимъ войсками. Въ то время Симферополь заключалъ въ себѣ не болѣе 15 тысячъ жителей, большая часть которыхъ и бросилась вслѣдъ за отъѣзжающимъ губернаторомъ съ присутственными мѣстами, кто на лошадяхъ, а большинство пѣшкомъ, оста-

вивъ все свое имущество на волю Божію. Въ правѣ-ли былъ губернаторъ остановить это движеніе; въ правѣ-ли онъ былъ успокоивать, т. е. уговаривать населеніе оставаться на мѣстѣ, не получая никакихъ извѣстій отъ князя Меншикова на всѣ свои вопросы?

Можно себѣ представить, что̀ происходило въ городѣ по этому случаю! Оставлять свое все, годами и трудами нажитое, на произволъ тяжело, безъ надежды увидать его когда либо!

Забылъ я сказать, что полиціи городская и уѣздная были оставлены въ городѣ. Такимъ образомъ поѣздъ этотъ въ нѣсколько тысячъ жителей и, вѣроятно, болѣе тысячи подводъ, экипажей всякаго калибра, направился вслѣдъ за губернаторомъ. Но надо помнить, что въ тѣ времена губернаторы были во мнѣніи народа не теперешніе. Тогда для народа губернаторъ представлялся намѣстникомъ царскимъ. Тутъ-же ѣхали и казначейскія деньги, окруженныя конными жандармами, съ начальникомъ команды штабсъ-капитаномъ Николаемъ Михайловичемъ Вечесловымъ. На первомъ мостикѣ, въ полуверстѣ отъ города, опрокинулись телѣги съ дѣлами Врачебной Управы, которыхъ, конечно, никто не собиралъ.

Весь грѣхъ В. И. Пестеля заключался въ томъ, что онъ не гарцовалъ на конѣ по городу, что̀ и слѣдовало, не показался никому въ улицахъ, ни слова не сказалъ жителямъ, а сѣлъ въ коляску вмѣстѣ съ своею фавориткою (женою одного изъ чиновниковъ), и направился во главѣ поѣзда. Это было доведено до свѣдѣнія главнокомандующаго.

На мѣсто Пестеля прибылъ Таганрогскій градоначальникъ графъ Николай Владимировичъ Адлербергъ (впослѣдствіи Финляндскій генералъ-губернаторъ) и занялъ постъ только военнаго губернатора Симферополя, а вся тяжесть гражданскаго управленія по губерніи легла на моего покойнаго отца. Графъ Адлербергъ оставилъ себѣ память добродушнаго человѣка, но жена его Амалія Максимиліановна, вышедшая за него замужъ вдовою барона Криднера, навсегда оставила по себѣ неизгладимую память. Дѣтскій пріютъ подъ вывѣскою „Пріютъ графини Адлербергъ“ и теперь существуетъ въ Симферополѣ. Керченскій градоначальникъ генералъ-маіоръ Антоновичъ (впослѣдствіи попечитель Кіевскаго учебнаго округа) еще до занятія города непріятелемъ вывезъ всѣ присутственныя мѣста въ г. Мелитополь, гдѣ они и находились до окончанія военныхъ дѣйствій.

*

Упомянувъ о князѣ М. С. Воронцовѣ, считаю нужнымъ сказать объ одномъ изъ его главныхъ помощниковъ, покойномъ Павлѣ Ивановичѣ Ѳедоровѣ. Жестоко отнеслась судьба къ этому человѣку. Простой армейскій офицеръ, онъ былъ полицмейстеромъ въ Николаевѣ во времена Грейга. Дальнѣйшія его повышенія по службѣ послѣдовали послѣ пріѣзда въ Николаевъ князя Александра Сергѣевича Меншикова.

Командиръ извѣстнаго въ 1829 году брига „Меркурій“ Казарскій, въ званіи флигель-адъютанта, былъ посланъ Николаемъ Павловичемъ въ Николаевъ для производства слѣдствія о какихъ-то злоупотребленіяхъ, кажется, по коммиссаріатской части. Въ Николаевѣ Казарскій скоропостижно скончался; смерть его приписали отправленію, и для разслѣдованія Государемъ былъ командированъ князь Меншиковъ. Вопреки общественному мнѣнію, Өедоровъ утверждалъ передъ княземъ Меншиковымъ, что Казарскій умеръ естественною смертію.

„Ну, смотри-же!“ сказалъ ему Меншиковъ. Было рѣшено вынуть изъ могилы тѣло Казарскаго. Послѣ химическихъ изслѣдованій никакихъ ядовъ найдено не было. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого мы уже видимъ Өедорова почти безсмѣнно исправляющимъ должность Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора, такъ какъ князь Воронцовъ жилъ въ Тифлисѣ и одинъ или два раза въ годъ посѣщалъ Одессу и Крымъ. Передъ Крымскою войною былъ воспрещенъ вывозъ хлѣба изъ Одессы за границу, и не знаю какимъ образомъ значительное число судовъ съ этимъ грузомъ оставило Одесскій портъ. Өедоровъ, заподозрѣнный въ умышленномъ отпускѣ судовъ съ корыстною цѣлью, былъ удаленъ отъ должности и преданъ суду. Его замѣнилъ Анненковъ. Въ 1856 году Өедоровъ былъ вызванъ на судъ въ Москву, но, не доѣзжая нѣсколькихъ станцій, несчастный старикъ отравился. Не могъ заступиться за него и князь Михаилъ Семеновичъ, служебная звѣзда котораго постепенно закатывалась. На Кавказѣ уже дѣйствовалъ замѣнившій его Муравьевъ. Между тѣмъ общая молва упорно держалась одного мнѣнія, что неправильный отпускъ хлѣба былъ дозволенъ градоначальникомъ Местмахеромъ.

*

Сказавъ о „Меркуріи“, вспомнилъ я о тяжкой судьбѣ, постигшей въ томъ-же 1829 году всѣхъ офицеровъ и матросовъ „Рафаила“, командиромъ котораго былъ С. Н. Стройниковъ. „Рафаилъ“ сдался безъ выстрѣла Турецкому военному судну и съ торжествомъ отведенъ въ Стамбулъ. По заключеніи мира плѣнники были доставлены въ Россію, и Государь Николай конфирмовалъ: командира и всѣхъ офицеровъ „Рафаила“ разжаловать въ матросы, безъ выслуги. Во время Синопской битвы адмиралъ Нахимовъ узналъ корпусъ „Рафаила“ и непремѣнно хотѣлъ вывести его изъ огня; но это оказалось невозможнымъ, и „Рафаилъ“ сгорѣлъ вмѣстѣ съ другими Турецкими судами.

*

Умершій въ 1886 году бывшій Ялтинскій уѣздный исправникъ Илья Ивановичъ Зефиропуло долго служилъ при князѣ Воронцовѣ на Кавказѣ завѣдывалъ до конца 50-хъ годовъ Воронцовскими имѣніями въ Крыму и жилъ въ Алупкѣ. Оставилъ онъ эту должность съ семью рублями въ карманѣ, съ которыми пріѣхалъ въ Ялту, имѣя возможность нажить десятки тысячъ, подобно своимъ предмѣстникамъ. Такъ, напр., былъ приказъ князя роскошно

угощать въ Алупкѣ всѣхъ посѣтителей и непремѣнно съ Айданильскимъ шампанскимъ. Одинъ только расходъ на пріѣзжихъ, посѣщавшихъ и не посѣщавшихъ Алупку, показывался въ громадной цифрѣ. Въ Алупкѣ и Ялтѣ въ теченіе 40 лѣтъ Зефиропуло до послѣдняго Татарина былъ извѣстенъ своею честностію, гостепріимствомъ и радушіемъ. Владѣя, такъ сказать, Воронцовскими виноградниками, онъ, какъ извѣстно, не выпилъ рюмки вина въ своей жизни. Государь Александръ II всегда подавалъ ему руку, чего не видалъ ни одинъ исправникъ Россійской Имперіи.

Онъ близко зналъ на Кавказѣ генерала Клюге-фонъ-Клюгенау. Это былъ дѣйствительно боевой офицеръ; назначеніе намѣстникомъ Воронцова ему не понравилось. Клюгенау подсмѣивался надъ графомъ Воронцовымъ и называлъ его паркетнымъ шаркуномъ, который и командовать-то съумѣетъ развѣ только на разводахъ. Нашлись услужливые люди, которые передали это графу Михаилу Семеновичу. По высочайшему повелѣнію Клугенау былъ вызванъ въ столицу. Государь принялъ его очень милостиво и на первомъ-же разводѣ приказалъ командовать имъ. Забывъ послѣ долгаго пребыванія на Кавказѣ команду парадовъ, Клугенау ошибался на каждомъ шагу. По окончаніи развода Государь сказалъ ему: „Вотъ видишь, иногда нужно знать, какъ и разводомъ командовать и какъ умѣть на паркетѣ танцовать. А теперь можешь себѣ отправляться обратно на Кавказъ“. Понялъ генералъ, что нужно осторожнѣе говорить о намѣстникѣ. По этому можно судить, какъ Воронцовъ былъ силенъ у Государя.

*

Разсказъ моего покойнаго отца. Крымскіе Цыгане, которые всегда жили въ Крыму осѣдло, не брались до 1837 года въ солдаты. Въ этомъ году Государь Николай Павловичъ посѣтилъ Крымъ и, подъѣзжая къ Бахчисараю, былъ встрѣченъ и толпами Цыганъ. Особый типъ, оборванныя одежды, дѣти нерѣдко 10—15 лѣтняго возраста обоего пола, совершенно нагія, все это удивило Государя, и онъ спросилъ, что̀ за народъ? Отвѣчали, что Цыгане. Какой вѣры? спросилъ Государь.—Никакой, послѣдовалъ отвѣтъ.—Такъ всѣхъ ихъ взять въ солдаты, приказалъ Государь. И теперь еще есть въ Бахчисараѣ и Симферополѣ старики Цыгане въ Крыму, которые съ ужасомъ вспоминаютъ царское слово.

*

Разсказъ капитана 1-го ранга Ивана Николаевича Кандагури, бывшаго въ 1868 году смотрителемъ морскаго госпиталя въ Николаевѣ на рр. Бугѣ и Ингулѣ.

Въ одинъ изъ дней усиленной бомбардировки непріятелемъ оборонительной Севастопольской линіи И. Н. Кандагури находился на Малаховомъ курганѣ въ ту минуту, когда въ открытый зарядный ящикъ невдалекѣ отъ пороховаго погреба упала непріятельская бомба. (Отъ 5—7 пудъ вѣса, начиненная порохомъ, съ горящимъ фитилемъ). Увидавъ это, Кандагури за-

кричалъ: „Охотники, за мной!“, и, схватившись за оглобли ящика, побѣжалъ съ нимъ, при чемъ человѣкъ 20 матросовъ подталкивали его сзади, хватаясь за оглобли же. Бывшій не вдалекѣ и видившій этотъ геройскій подвигъ незабвенный адмиралъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ, котораго матросы называли, какъ я самъ слышалъ, не иначе, какъ адмиралъ „Нахименко“ (много было во флотѣ Малороссіянъ), съ грустью произнесъ: „Ахъ, несчастные!“ Отбѣжавъ съ ящикомъ приблизительно сто шаговъ, Кандагури инстинктивно закричалъ: „Стой! Ложись!“ Едва была исполнена эта команда, какъ произошелъ страшный взрывъ. Но какъ только разсѣялся дымъ, Нахимовъ съ адъютантами и ординарцами поскакалъ къ мѣсту катастрофы. Какова-же была его и всѣхъ радость, когда они увидали, что всѣ эти герои стоятъ на ногахъ цѣлы и невредимы. Павелъ Степановичъ обнялъ, расцѣловалъ Кандагури и, снявъ съ себя Георгіевскій крестъ, надѣлъ его на грудь храбрецу. Ни одинъ изъ участниковъ не былъ раненъ, ни контуженъ, но конечно всѣ были сильно оглушены.

Не знаю, живъ-ли теперь совершившій этотъ подвигъ И. Н. Кандагури. Я имѣлъ счастіе знать этого человѣка высокой честности, благородства и доброты. Когда я упрекалъ его, почему онъ не напечаталъ этого случая и многихъ другихъ въ Запискахъ обороны Севастополя, вызванныхъ тогда къ печати Наслѣдникомъ, впослѣдствіи Императоромъ Александромъ III, то онъ сердился на меня, говоря: зачѣмъ выставлять себя? Скромность его въ этомъ случаѣ переходила всякія границы.

Если обвиняли бывшій, нынѣ воскресшій, Черноморскій флотъ въ излишнемъ употребленіи всякаго рода напитковъ и въ особенности „Марсалы“, то Иванъ Николаевичъ составлялъ въ этомъ рѣдкое исключеніе: онъ не пилъ ничего кромѣ воды.

Безукоризненная честность его такъ была всѣмъ извѣстна, что при назначеніи его смотрителемъ Николаевскаго Морского Госпиталя очень многіе вознегодовали на это въ Николаевѣ, такъ какъ, перебивъ имъ дорогу, Кандагури лишалъ ихъ возможности набивать карманы на счетъ больныхъ и казны.

Одиннадцатимѣсячный защитникъ многострадальнаго Севастополя, онъ чудомъ спасся отъ смерти, хотя нѣсколько разъ былъ откапываемъ изъ-подъ засыпавшей его земли вслѣдствіе дѣйствія бомбъ и однажды былъ такъ контуженъ въ голову, что почти потерялъ слухъ. Говорятъ, что всѣ глухіе раздражительны, злы и нетерпѣливы; мнѣ же немного приходилось встрѣчать людей съ такою доброю и мягкою душою и такого терпѣливаго какъ Иванъ Николаевичъ.

*

Въ Томскѣ постоянно ходятъ слухи о жизни, смерти и погребеніи въ этомъ городѣ покойнаго Государя Александра Благословеннаго. Не ошибусь, сказавъ, что усилились эти вполнѣ нелѣпые слухи, благодаря проѣзду

одного важнаго лица на обратномъ его пути изъ Сахалина въ Іюнѣ 1882 года. Въ числѣ провожавшихъ его на пароходъ нѣкоторыхъ начальствующихъ лицъ находился какой-то старикъ въ костюмѣ мѣщанина, котораго проѣзжавшій важный чиновникъ обнялъ и поцѣловалъ, а затѣмъ увелъ съ собою въ каюту. Естественно, что начались распросы, что́ это за личность, и оказалось, что это мѣстный житель купецъ Хромовъ, у котораго въ домѣ будто бы жилъ и скончался Государь Александръ I-й.

Я столько выслушалъ разнорѣчивыхъ расказовъ по этому поводу! Утверждали, будто Государь, узнанный однимъ солдатомъ, назвался Ѳедоромъ Кузьминымъ и подъ этимъ именемъ погребенъ въ оградѣ мужскаго Алексѣевскаго монастыря, будто по смерти его Хромовъ ѣздилъ въ Петербургъ открыть эту тайну, о которой ему предложили молчать, будто о пребываніи въ Томскѣ Государя, подъ именемъ Кузьмина, зналъ который-то изъ архіереевъ, но который именно, мнѣ не могли объяснить. По другимъ слухамъ архіерей самъ узналъ тайну только въ день кончины Кузьмина, исповѣдуя и причащая его, о чемъ впослѣдствіи и сообщилъ въ Петербургъ.

Какъ-то въ разговорѣ съ полицмейстеромъ Томска Александромъ Петровичемъ Дзерожинскимъ, лѣтомъ 1882 г., я узналъ отъ него, что на могильномъ крестѣ было приказано ему ночью, масляною краскою, закрасить буквы „А. Б. С. В.“, означавшія „Александръ Благословенный, Самодержецъ Всероссійскій“. На другой день я поѣхалъ въ монастырь, гдѣ нашелъ довольно большую могилу, внутри деревянной ограды: и внутри ея большой высокій крестъ съ надписью имени умершаго. Крестъ былъ свѣже выкрашенъ бѣлою краскою, при чемъ ясно были закрашены буквы А. Б. С. В., бывшія прежде на немъ и слѣдовавшія за годомъ: „Здѣсь лежитъ тѣло Ѳедора Кузьмина, скончавшагося 20 Января 1864 г.“ Ниже подписи вдѣлана на крестъ икона Спаса Нерукотвореннаго (извѣстно, что эту икону имѣлъ всегда при себѣ въ поѣздкахъ императоръ Александръ Павловичъ). Затѣмъ, на углу Спасской улицы и площади недостроеннаго собора, противъ угловой казармы мѣстнаго баталіона, за заборомъ дома Хромова, мнѣ показывали домикъ, въ которомъ жилъ покойный Кузьминъ. Это очень небольшая избушка, но интересующая публику, потому что Хромовъ сдѣлалъ надъ нею навѣсъ на столбахъ, чтобы сохранить ее отъ дождей и снѣга. Навѣсъ этотъ совершенно напоминаетъ собою навѣсъ надъ домикомъ Петра Великаго на Петербургской Сторонѣ. Крыша навѣса деревянная, выкрашена ярко-зеленою краскою, съ одною выбѣленною трубою. Видимо, что труба эта не имѣетъ никакого отношенія къ избушкѣ и, можетъ быть, сдѣлана Хромовымъ для того, чтобъ съ улицы имѣлся видъ жилаго помѣщенія съ топкою.

Объ этой избушкѣ знаютъ и губернская администрація, и мѣстная жандармерія. Когда я спросилъ Дзерожинскаго, зачѣмъ собираются эти всякаго рода ложные слухи, вовсе не могущіе имѣть историческаго значенія, онъ

отвѣчалъ мнѣ, что дѣло возбуждено не администраціею, а жандармами. Вообще публика мало интересуется всѣмъ этимъ дѣломъ. Но нашелся одинъ господинъ, который говорилъ мнѣ: „Помилуйте! Каждая человѣческая душа имѣетъ такой тайникъ, въ который не заглянешь, который недоступенъ постороннему. При этомъ примите во вниманіе, въ какомъ тяжеломъ состояніи духа провелъ свои послѣдніе годы жизни покойный Государь. Вѣдь онъ и доносу Шервуда не далъ ходу. Мистикъ былъ и только-съ!"

Въ родѣ дневника.

11 Сентября 1882 г.

Прочелъ я въ газетахъ о переформированіи Крымско-Татарскаго кавалерійскаго дивизіона въ пѣшую команду *). Какъ уроженецъ Крыма, представляю себѣ, какъ это могло подѣйствовать на нижнихъ чиновъ. Крымскій Татаринъ тотъ-же Кавказскій горецъ въ отношеніи верховой ѣзды. Съ лошадью онъ связанъ съ дѣтства и до глубокой старости. Ѣзда верхомъ при условіяхъ гористой мѣстности южнаго берега Крыма для него необходимость и наслажденіе. Ни одна свадьба, ни одинъ праздникъ не обходятся безъ скачки. Кто не знаетъ прекрасной особой породы Крымской лошади съ ея особою „ходою", въ особенности Байдарской долины, Ялтинскаго уѣзда? Къ сожалѣнію во время выхода Татаръ въ Турцію (1860—1862) всѣ лошади долины были ими увезены съ собою. Помню въ концѣ сороковыхъ годовъ скачки въ Симферополѣ съ призомъ серебряной вазы въ 150 рублей, на которыхъ Крымскіе скакуны обгоняли чистокровныхъ Англійскихъ скакуновъ. Послѣднихъ приводили изъ имѣній князя М. С. Воронцова.

Крымско-Татарскій эскадронъ былъ созданъ еще при Николаѣ Павловичѣ на счетъ Татаръ и принадлежалъ въ Петербургѣ къ конвою Его Величества. Ежегодно или черезъ 2—3 года для смѣны онъ формировался въ Симферополѣ и затѣмъ отправлялся въ Петербургъ, обыкновенно въ концѣ лѣта. Помню, что въ 50-ыхъ годахъ онъ помѣщался въ казачьихъ казармахъ на Обводномъ каналѣ. Впослѣдствіи эскадронъ былъ сокращенъ до двухъ взводовъ. Не могу сказать откуда, но сформированный эскадронъ при выступленіи въ Петербургъ получалъ деньги на руки, чуть-ли не по сту рублей на человѣка. Это подавало поводъ къ кутежамъ при прощаніи и тяжкомъ разставаніи, а также и по дорогѣ по уѣздамъ Симферопольскому, Евпаторійскому и Перекопскому, гдѣ единовѣрцы встрѣчали новобранцевъ.

По докладѣ объ этомъ Таврическому гражданскому губернатору Пестелю, сей послѣдній распорядился, чтобъ деньги на руки не раздавать въ Симферополѣ, а въ мѣстечкѣ Каровкѣ. Мѣстечко это въ 200-хъ верстахъ отъ Симферополя, на берегу Днѣпра, при переправѣ черезъ Днѣпръ въ заштатный городъ Херсонской губерніи Бериславъ.

---

*) Можетъ быть, была газетная ошибка, такъ-какъ знаю, что дивизіонъ существуетъ (1896 г.).

Эскадронъ взбунтовался и отказался присягать. Загнали его пѣшимъ во дворъ городской полиціи. Пріѣхалъ Пестель и началъ увѣщевать, хотя ни одинъ изъ новобранцевъ ни слова не понималъ по-русски. Дѣлу помогали переводчики. Долго шло безплодное увѣщаніе. Присягать отказывались! Тогда Пестель, обыкновенно сдержанный, вспылилъ, обнажилъ саблю и ударилъ перваго стоявшаго возлѣ него Татарина. Затѣмъ началось поголовное наказаніе розгами, а послѣ этого присяга. Деньги все-таки выдали въ Каровкѣ. Случай этотъ происходилъ въ 1845 или 1846 годахъ, о чемъ конечно послѣдовало донесеніе въ Петербургъ министру внутреннихъ дѣлъ графу Л. А. Перовскому. Государь Николай Павловичъ приказалъ доложить ему о времени прибытія эскадрона въ Петербургъ. Долго никто не зналъ о судьбѣ эскадрона, путь котораго составлялъ 2100 верстъ съ неизбѣжными днёвками, да еще въ осеннюю и чуть не зимнюю пору. Наконецъ пришло страшное извѣстіе: по прибытіи эскадрона въ Петербургъ Государь приказалъ всѣхъ нижнихъ чиновъ размѣстить по армейскимъ пѣхотнымъ полкамъ, сравнивъ ихъ общею службою на 25 лѣтъ! Понятно, что послѣ этого срока никто почти на родину, въ Крымъ, изъ нихъ не возвратился. Всѣ они погибли отъ суровой дисциплины, Русской пищи и незнанія Русскаго языка. Одного только изъ нихъ старика-кузнеца въ 1861 году встрѣтилъ я въ Байдарахъ, но и тотъ ушелъ въ Турцію вслѣдъ за другими. Прослужилъ онъ ровно 25 лѣтъ въ какомъ-то армейскомъ полку и уже прекрасно говорилъ по русски.

Изъ Ногайцевъ, которыхъ въ Днѣпровскомъ, Мелитопольскомъ и Бердянскомъ уѣздахъ считалось до 30 т., въ эскадронъ не брали. Графъ-де-Мезонъ, въ началѣ 20-ыхъ годовъ сжегъ въ одинъ день всѣ Ногайскія кибитки. Я слышалъ это отъ покойнаго моего отца, прослужившаго въ Крыму съ 1812 по 1859 годъ, но очень многое не удержалось въ моей памяти. Отецъ еще видѣлъ въ степяхъ Днѣпровскаго, Мелитопольскаго и Бердянскаго уѣздовъ траву, закрывавшую всадника, и табунъ дикихъ лошадей, при чемъ земля продавалась по 30 коп. серебр. за десятину.

Нагайцы не хотѣли заниматься земледѣліемъ и жить осѣдло; они перекочевывали съ своими многочисленными табунами съ мѣста на мѣсто по привольнымъ степямъ. Предполагаю, что де-Мезонъ былъ въ распоряженіи, генералъ - губернаторовъ дюка-де-Ришелье или графа Ланжерона и не безъ разрѣшенія одного изъ нихъ такъ круто поступилъ съ Нагайцами. Онъ приказалъ имъ всѣмъ собраться въ одно мѣсто, и тутъ-же въ одинъ разъ были сожжены всѣ ихъ кибитки. Волей-неволею пришлось Нагайцамъ перемѣнить образъ жизни, и тотъ, кто до поголовнаго ихъ выхода въ Турцію былъ въ Таврической губерніи, тотъ знаетъ, какимъ они пользовались довольствомъ, перенимая для себя отъ сосѣдей, Нѣмцевъ Менонитскихъ колоній, все полезное для хозяйства.

*

О выселеніи по высочайшему повелѣнію на Кавказъ Молоканъ, жившихъ въ Мелитопольскомъ и Бердянскомъ уѣздахъ, я слышалъ такъ. Въ проѣздъ черезъ одно изъ ихъ селеній покойной Великой Княгини Елены Павловны, она не могла не обратить вниманіе на ихъ богатство. Ѳедоръ Васильевичъ Эссенъ, тогда исправникъ или, можетъ быть, предводитель дворянства, представилъ Великой Княгинѣ Молоканъ, какъ людей секты вредной для правительства. Говорили, что Эссенъ не долюбливалъ Молоканъ, имѣя съ ними земельные споры. Прошло немного времени послѣ отъѣзда Великой Княгини въ Петербургъ, какъ послѣдовало высочайшее повелѣніе выселить ихъ на Кавказъ. Несомнѣнно, что въ губернскомъ архивѣ должны храниться дѣла объ этомъ несчастномъ выселеніи, впослѣдствіи впрочемъ пріостановленномъ; но уже тогда остались невыселенными и теперь существующія три селенія: Васильевка, Астраханка, третьяго не припомню. Понятно, что это переселеніе разорило ни въ чемъ неповинныхъ, богатыхъ и безусловно трезвыхъ людей, оказавшихъ впослѣдствіи столько услугъ нашему правительству доставкою подводъ - фургоновъ во время военныхъ дѣйствій на Кавказѣ въ 1853—1856 и 1877—1878 годахъ. Для сопровожденія Молоканъ на Кавказъ были командируемы чиновники отъ губернатора на всю длинную дорогу (Молокане поселялись къ Александрополю).

Съ 1859 года по 1864 я служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при Таврическомъ губернаторѣ, ген.-лейт. Григоріи Васильевичѣ Жуковскомъ, постоянно разъѣзжая по губерніи для производства слѣдствій и дознаній; тогда не было еще судебныхъ слѣдователей, а по назначеніи ихъ и до введенія правилъ 1865 года за чиновниками особыхъ порученій оставались слѣдствія по преступленіямъ должностей. Посѣщая Молоканскія селенія, я не могъ не знать, какой они приносили доходъ уѣздной полиціи. По закону Молокане не имѣютъ права держать у себя въ услуженіи православныхъ; но, при большомъ хозяйствѣ, сѣнокосахъ и въ особенности овцеводствѣ, они не могли справляться безъ помощи постороннихъ рабочихъ, нанимая ихъ большею частью съ 9 Мая по Октябрь. Для того, чтобы полиція смотрѣла на это сквозь пальцы, каждое село уплачивало ежегодно: исправнику 3000, становому приставу 1500, да кромѣ того на канцелярію полиціи и т. п. Издавая подобный законъ, законодатель не могъ не имѣть въ виду, что при такихъ условіяхъ Молоканское хозяйство должно было сократиться. Никогда никакими своими ходатайствами Молокане никакого начальства не обезпокоили. Но тяжело достался этотъ законъ Молоканамъ, когда въ 1860—1862 годахъ Нагайцы выселились поголовно, а изъ нихъ много служило у нихъ табунщиками и пастухами стадъ. Полнѣйшая трезвость, благочиніе, богатство и довольство при безусловно-скромной жизни невольно поражали каждого, посѣщавшаго ихъ селенія. Весь грѣхъ ихъ заключался въ томъ, что они будто-бы за Царя не молятся. Никогда ни въ Таврической Уголовной Палатѣ со дня ея основанія, ни въ одномъ изъ уѣздныхъ судовъ не было дѣлъ о Молоканѣ, совершившемъ какое либо преступленіе кромѣ дѣлъ съ ложными доносами объ оскорбленіи словами Его Величества.

*

1882 г. Томскъ.

Въ Августѣ 1872 года Таврическимъ губернаторомъ былъ назначенъ свиты Его Величества генералъ-маіоръ Александръ Александровичъ Кавелинъ, сынъ генерала Кавелина, бывшаго воспитателемъ Государя Александра II и впослѣдствіи Петербургскимъ генералъ-губернаторомъ. Пріѣхалъ онъ въ Симферополь за нѣсколько дней до прибытія Государя въ Ливадію и обратился къ вице-губернатору Лаппо-Данилевскому съ просьбою рекомендовать ему человѣка, знающаго край. Я былъ тогда въ отставкѣ и жилъ въ Крыму, пользуясь кумысомъ. Лаппо-Данилевскій указалъ на меня и, отказавшись отъ предложенія занять должность чиновника особыхъ порученій, я поѣхалъ въ Ялту съ Кавелинымъ въ качествѣ его личнаго секретаря. Государь прибылъ въ Ялту изъ Севастополя на пароходѣ, кажется, Эриклинкъ, 26 Августа, и отбылъ пароходомъ-же въ Одессу 21-го Ноября.

Во время этого пребыванія произошелъ слѣдующій случай. Когда Государь въ коляскѣ, днемъ, между 2 и 3 часами, проѣзжалъ черезъ Мордвиновскій садъ, то внезапно вышедшій изъ-за дерева человѣкъ схватилъ возжи и остановилъ лошадей. Это было сдѣланно такъ мгновенно, что лейбъ-кучеръ Фролъ совершенно растерялся. Неизвѣстный, одѣтый въ двубортный военный сюртукъ съ бѣлыми пуговицами, быстро подошелъ къ Государю и подалъ ему прошеніе. Государь взялъ прошеніе и спросилъ: „Кто ты такой?“ „Отставной артиллеристъ“, отвѣчалъ неизвѣстный. „Пошелъ!“ крикнулъ Государь кучеру, и экипажъ тронулся далѣе. Спустя нѣсколько часовъ послѣ этого, прислалъ за мною и исправникомъ И. И. Зефиропуло губернаторъ Кавелинъ, пріѣхавшій изъ Ливадіи. Онъ передалъ намъ о случившемся, добавивъ, что Государь разгнѣванъ дерзостью артиллериста и приказалъ разыскать его. Кавелинъ не рѣшился попросить у Государя поданное ему прошеніе, что̀ затрудняло насъ розысками „артиллериста, но съ бѣлыми пуговицами“. Подняли мы на ноги всю полицію, т. е. 10 нижнихъ чиновъ и 4-хъ полицейскихъ чиновниковъ, а я поѣхалъ просить содѣйствія начальника губернскаго жандармскаго управленія подполковника Николая Александровича Самойлова. У него кромѣ своихъ жандармскихъ нижнихъ чиновъ были еще командированные изъ Херсона и Екатеринослава. Пока шли розыски, мнѣ пришло на мысль поѣхать въ Ливадію, чтобы узнать тамъ что либо. Въ Императорской Главной Квартирѣ очень удивились моему разсказу и отозвались полнымъ невѣдѣніемъ о поданномъ прошеніи. Въ военно-походной канцеляріи тоже самое. Графъ А. В. Адлербергъ, которому Государь могъ передать прошеніе, уѣхалъ въ Оріанду. Отправился я къ начальнику охранной стражи статскому совѣтнику Ѳедору Ѳедоровичу Г. (котораго впрочемъ всѣ называли „Зайцемъ“). Сначала статскій совѣтникъ совершенно растерялся, потомъ обидѣлся, какъ ему, охранителю, не знать такой ужасной **Geschichte**, а потомъ началъ увѣрять меня, что ничего подобнаго пройзойти не могло: иначе-бы ему донесли его подчиненные. Достаточно посмѣявшись надъ Г., я повелъ его въ конюшенный дворъ къ Фролу·

Вызвали Фрола. Ну, разсказывай, какъ было дѣло, обратился я къ нему, и онъ, не безъ волненія, подтвердилъ выше сказанное мною. Тогда Г. окончательно растерялся. Онъ увѣрялъ меня, что по всему пути слѣдованія Государя у него была разставлена стража, которая обязательно донесла-бы ему о случившемся, но что онъ ничего не знаетъ.

За обѣдомъ Государь спросилъ Кавелина: „А что-жъ, нашли этого человѣка?" Къ счастью нашему, онъ случайно былъ разысканъ полицейскимъ надзирателемъ Ленгаровымъ, а прошеніе его уже находилось въ рукахъ Кавелина. Было оно написано отъ имени повѣреннаго казаковъ Полтавской станицы, Кубанскаго казачьяго войска, отставнымъ рядовымъ крѣпостной артиллеріи Дубенко и заключалось въ укоризнахъ, зачѣмъ урѣзываются земли у казаковъ и роздаются офицерамъ. Дубенко тотчасъ-же объявилъ себя; но, не смотря на всѣ улики и наши убѣжденія, безусловно отрицалъ подачу просьбы Государю. Въ это время находился въ Ялтѣ атаманъ Кубанскаго казачьяго войска ген.-лейт. Кармалинъ.. Къ нему-то я и повелъ Дубенко, и хорошо помню это свиданіе.

— Ты Дубенко?

— Такъ точно, ваше в-во.

— Ты вчера подавалъ просьбу Государю?

—Такъ точно, ваше в-во.

Послѣ такого признанія Кармалинъ совершенно покойно сталъ выговаривать Дубенкѣ всю глупость его поступка: онъ и не могъ быть довѣреннымъ отъ станичниковъ, какъ неприписанный къ ихъ обществу, и ему не могло быть неизвѣстно, что многіе уже были наказаны за подобныя прошенія. Затѣмъ Кармалинъ просилъ меня сохранить Дубенку до будущей недѣли, до отъѣзда его на Кавказъ, куда онъ возметъ его съ собою. Съ исправникомъ Зефиропуло мы порѣшили помѣстить Дубенку при тюрьмѣ, въ отдѣльной чистой комнатѣ, такъ-какъ другого помѣщенія не было. Во время его сидѣнія я доставлялъ ему пищу и обѣдъ и, навѣщая его ежедневно, однажды спросилъ, сколько онъ получилъ отъ станицы за свою рискованную поѣздку? Сто рублей, отвѣчалъ Дубенко, съ путевыми расходами изъ этой-же суммы. Какъ я ни уговаривалъ сказать мнѣ правду, онъ все-таки клялся и божился, что только сто рублей. Вообще онъ былъ очень неразговорчивъ. Спустя недѣлю, я свезъ его на пароходъ, взялъ для него билетъ (о чемъ позабылъ генералъ Кармалинъ) и сдалъ сему послѣднему. Какая судьба постигла Дубенку, не пришлось узнать, но многое узналъ я о Г. Нѣмецъ по происхожденію, но „Нѣмецъ на Русской службѣ", родственникъ извѣстнаго Шульца, заправлявшаго III Отдѣленіемъ многое число лѣтъ, Г. былъ ненавидимъ въ Ливадіи всѣми безъ исключенія, даже придворными пѣвчими, съ которыми, кажется, уже никакъ не могъ имѣть никакихъ сношеній. Въ особенности не любилъ его и просто дерзко обращался съ нимъ

комендантъ Императорской Главной Квартиры генералъ-адъютантъ Рылѣевъ. Шефъ жандармовъ Александръ Львовичъ Потаповъ также не благоволилъ къ Г.; за то онъ былъ въ почетѣ при графѣ П. А. Шуваловѣ. Всѣ знали, что онъ ровно ничего не дѣлаетъ, проводя цѣлые дни въ Ялтѣ и норовя по скупости поѣсть на чужой счетъ. Единогласное было мнѣніе, что онъ артистически выводитъ отчеты о своихъ подчиненныхъ, которыхъ въ Петербургѣ у него находилось половина противу показываемыхъ на бумагѣ и получавшихъ жалованье. Помощниковъ у него въ Ялтѣ и Ливадіи было 7—10; но лучше всего, что ихъ знали *всѣ*, кому знать не слѣдовало. Казалось-бы, въ Ялту можно было выбрать способныхъ людей, но всѣ они были непризнанные сыщики Петербургской и Московской сыскныхъ полицій. Между ними былъ извѣстенъ любимецъ Г., лакей его, прозванный имъ „Бисмаркъ", но, конечно, получавшій жалованье по спискамъ охранителей. Эти охранители или, какъ ихъ называли въ Ялтѣ, „тихошлёпы", жаловались мнѣ на крайне скудное содержаніе, говоря, что таковое зависитъ отъ непосредственнаго усмотрѣнія г-на Г. Съ Г. въ 1872 — 1875 я встрѣчался въ Ялтѣ ежедневно. Исправникъ Зефиропуло не могъ переносить его, и нерѣдко на вопросъ, куда вы такъ спѣшите, Илья Ивановичъ, онъ отвѣчалъ: „Бѣгу, чтобы не видѣть Зайца. Вотъ видите, опять сидитъ у Персіанина и эксплуатируетъ его". Дѣйствительно въ Ялтѣ въ домѣ городскаго головы В. А. Рыбицкаго былъ магазинъ съ Персидскими коврами, бирюзою и т. п. Но довольно о Г.; всякое воспоминаніе о немъ противно, да онъ уже давно сошелъ съ своего пьедестала.

*

Лѣтомъ 1882 года находился въ Томскѣ извѣстный талантливѣйшій слѣдователь корпуса жандармовъ капитанъ Ивановъ, съ товарищемъ прокурора Кіевскаго Окружнаго Суда Романовымъ. При разговорѣ съ Ивановымъ онъ высказался, что если послѣдняя ужасная катастрофа 1 Марта послѣдовала, то, можетъ быть, отчасти и потому, что К. (жандармскій офицеръ, начальникъ охранной стражи) содержалъ людей наполовину показываемыхъ въ отчетахъ, отчего по Екатерининскому каналу ихъ, за недостаткомъ, было раставлено гораздо менѣе, чѣмъ слѣдовало, и что они-же не замѣтили Рысакова съ его ношею. Въ этотъ пріѣздъ гг. Иванова и Романова въ Томскъ я жилъ въ Европейской гостинницѣ, временно завѣдуя ею, до сдачи ея. Пріѣзжаетъ ко мнѣ полицмейстеръ А. Е. Дзерожинскій и предъявляетъ фотографическую карточку съ вопросомъ, не знаю ли я такую личность? Я отвѣчалъ, что знаю и что это Русаковъ, владѣлецъ сырной лавки на Малой Садовой. При этомъ Дзерожинскій разсказалъ мнѣ, что Русаковъ до моего житья еще въ гостинницѣ въ 1881 году жилъ въ ней проѣздомъ, что̀ необходимо разслѣдовать. Позвалъ я номернаго средняго этажа (съ 10 номерами) Лаврентія и предъявилъ ему карточку. Лаврентій, какъ и другіе, отзывались незнаніемъ такой личности. Показалъ я карточку швейцару Ивану Андрееву Ботеневу, который опредѣленно расказалъ, что́ этотъ господинъ еще съ другимъ и барынею пріѣхали съ Иркутскаго тракта и останавливались въ № 9

сутокъ двое, а затѣмъ выѣхали на пароходѣ въ Тобольскъ; что это памятно Ботеневу потому, что онъ носилъ въ полицію для прописки подорожную господина, но оттуда ее возвратили ему, сказавъ, что нуженъ документъ. Начали мы съ Дзерожинскимъ разсматривать сохранившуюся книгу гостиницы 1881 года о проѣзжающихъ, и дѣйствительно въ ней оказалась запись: что такого-то числа, кажется въ Августѣ, прибылъ и остановился въ № 9, Могилевскій мѣщанинъ (не помню фамиліи) и отбылъ тогда-то; но спутникъ его и спутницы прописаны не были. Еще добавилъ Ботеневъ, что всѣхъ трехъ личностей онъ хорошо помнитъ потому, что вносилъ ихъ вещи въ номеръ по пріѣздѣ и выносилъ таковыя на извозчика при отъѣздѣ на пароходъ.

Вѣсть о пріѣздѣ капитана Иванова облетѣла Томскъ съ быстротою Жидовской почты. Вотъ теперь ихъ будутъ судить, говорили жители. Кого судить? Вотъ это-то я и хочу разъяснить. Въ ночь съ 24 на 25 Декабря 1881 года послѣ полуночи полиція и жандармы одновременно производили обыски у разныхъ лицъ, въ разныхъ мѣстахъ города. Удивительно только одно, что на другой день утромъ, не смотря на большой праздникъ, когда и лавки, и магазины, и даже питейныя заведенія заперты, всѣ въ городѣ знали объ этихъ обыскахъ, а въ особенности биржевые извозчики, до подробностей. Останавливаюсь на обыскѣ квартиры Орлова на Воскресенской горѣ, доставшейся на долю полицмейстера Дзерожинскаго.

Идя въ квартиру Орлова, съ извѣстными Сибирскими лѣстницами въ темную ночь, ни Дзерожинскій, ни спутникъ его, старшій городовой Андрей Ивановичъ Чертенковъ, хотя оба курящіе, не догадались запастись спичками. Отъ этого вышла нѣкоторая неловкость. Взойдя, наконецъ, ощупью по темной лѣстницѣ, Дзерожинскій, ощупалъ полуоткрытую дверь и.... могъ печально окончить свою жизнь въ сортирѣ. Прошла одна бѣда, а за нею всегда слѣдуетъ другая. Понявъ, что полуоткрытая дверь въ отхожее мѣсто не есть входъ въ квартиру, нашли другую дверь и робко постучали въ нее. Опять неудача. Въ отвѣтъ послышался неистовый лай собаки. Гости невольно взялись за шапки для самообороны. Наконецъ отворилась дверь, вышелъ хозяинъ въ одномъ бѣльѣ, а за нимъ громаднѣйшая собака, не перестававшая лаять и мѣшавшая разговору. Тѣмъ не менѣе, Дзерожинскій коекакъ высказалъ жильцу Орлову просьбу слѣдовать за нимъ. Орловъ отвѣчалъ, что ему необходимо одѣться и съ этими словами вышелъ въ другую комнату; за нимъ хотѣлъ прослѣдовать и полицмейстеръ, но вѣрный песъ оставался въ первой комнатѣ, слѣдя за посѣтителями и рыча при малѣйшемъ ихъ движеніи. Оба гостя не смѣли шевельнуться и изображали изъ себя двѣ статуи, но только въ полицейской формѣ, въ каковой не изображались они еще пока ни однимъ скульпторомъ. Прошло немного времени, песъ направился въ другую комнату. Полиція вздохнула покойно. Постояли еще въ ожиданіи, не появится-ли обратно проклятый песъ. Нѣтъ. Въ сосѣдней комнатѣ тишина полнѣйшая. Ободрилась полиція, ощупала эфесы ша-

шекъ, осмотрѣла револьверы. Все въ порядкѣ. Двинулись во вторую комнату съ подобающею въ военное время осторожностью. Вошли. Въ комнатѣ пустота; ни человѣка, ни пса, смятая кровать и огарокъ свѣчи, задуваемый открытымъ окномъ, выходящимъ на крутой откосъ къ Больше-Подгорной улицѣ. Вотъ такъ фрукта, какъ выражается одинъ милѣйшій чиновникъ въ Томскѣ. Афронтъ! Пока песъ сторожилъ полицію, Орловъ успѣлъ одѣться и, вмѣсто того, чтобы выйти къ Дзерожинскому по его вѣжливой просьбѣ, почелъ за болѣе удобное выйти черезъ окно, оставивъ начальника города при печальномъ интересѣ. Мѣсяца черезъ два Орловъ былъ разысканъ и отвезенъ въ сопровожденіи врача Смирнова и жандармовъ въ Казань, въ домъ умалишенныхъ. Говорили въ городѣ, что въ квартирѣ его было найдено множество оттисковъ печатей и т. п. Въ эту-же ночь были послѣ обысковъ арестованы, какъ разсказывали, какой-то Поспѣловъ, фотографъ Николай, впослѣдствіи освобожденный, Шварцъ и другіе. Арестъ Шварца интересовалъ очень многихъ Томскихъ дамъ. Лично я не зналъ его, но слышалъ, что это былъ человѣкъ съ прекраснымъ образованіемъ, принимавшій самое живое участіе въ возстаніи 1863 года. До возстанія онъ жилъ въ Парижѣ, гдѣ былъ принимаемъ императрицею Евгеніею и, осужденный въ каторжныя работы, былъ помилованъ по ходатайству Наполеона III. Сосланный сначала въ Оренбургъ, онъ затѣмъ жилъ въ Томскѣ. Относительно Александра Петровича Дзерожинскаго нельзя умолчать, что это былъ „первый“ со времени покоренія Сибири въ Томскѣ полицмейстеръ, который не бралъ взятокъ и не пользовался подарками. Онъ былъ истинный служака, именно противуположность тому, какъ у насъ еще и до сихъ поръ говорятъ: „Полякъ въ Русской службѣ“. Напротивъ, если-бъ ему приказали самолично заковать роднаго отца, то рука-бы у него не дрогнула.

*

Было мнѣ лѣтъ семь, когда я жадно слушалъ разсказы покойнаго двоюроднаго брата моего отца, отставнаго капитана Якова Ивановича Медвѣдева о походѣ 1812 года, о взятіи Парижа и т. п. Въ какомъ драгунскомъ полку служилъ дядя, не знаю; но помню, что воротникъ мундира былъ бирюзоваго цвѣта. Службу онъ началъ при императорѣ Павлѣ. Государь дѣлалъ смотръ этому полку и, оставшись недоволенъ однимъ изъ эскадронныхъ командировъ, приказалъ его изъ полка выбросить. Приказаніе это повторено было три раза. Задумался командиръ полка, какъ въ точности исполнить приказаніе. Вотъ и собралъ онъ совѣтъ изъ всѣхъ офицеровъ полка. Совѣтъ этотъ продолжался отъ 6 ч. утра и до полуночи. Закусывали, пили, опять пили, опять закусывали, отобѣдали; но дѣло не подвигалось. И всетаки придумали и порѣшили: провинившагося эскадроннаго командира положить на офицерскую шинель. Потомъ далеко, далеко отнесли за мѣсто расположенія полка, качали, раскачали и выбросили на землю. Когда императоръ Павелъ узналъ объ этомъ, то будто бы остался доволенъ.

Въ г. Николаевѣ Херсонской губерніи я зналъ отставнаго генералъ-маіора флотскихъ ластовыхъ экипажей совершенно слѣпого старика Голенищева. Дослужившись до такого чина, онъ не имѣлъ ни единаго ордена, что̀ называется Станислава въ петлицѣ. Причина была та, что управлявшій Морскимъ Министерствомъ князь Меншиковъ не любилъ Голенищева и постоянно вычеркивалъ его изъ наградныхъ списковъ. Однажды въ Ревелѣ, за обѣдомъ у одного в. адмирала, сей послѣдній, воспользовавшись хорошимъ расположеніемъ князя, сказалъ ему: вотъ, молъ, ваше сіятельство у меня въ Ревелѣ есть рѣдкость, именно Голенищевъ, дослужившійся до большаго чина и не имѣющій ни одного ордена; разрѣшите представить его къ соотвѣтствующей наградѣ. — Видишь-ли что, отвѣчалъ князь Меншиковъ. Ты говоришь, что это рѣдкость; съ этимъ я согласенъ, и рѣдкостями надо дорожить. Если-же онъ получитъ орденъ, то ужъ рѣдкостью не будетъ; значитъ, пусть лучше рѣдкостью и остается. Береги ее!

*

Въ городѣ Юхновѣ, Смоленской губерніи, болѣе двадцати лѣтъ проживалъ скончавшійся въ 1881 году Матвѣй Алексѣевичъ Богдановъ. Долгое время онъ служилъ у Кокорева, многое извѣдалъ на своемъ вѣку, много видѣлъ откупнаго зла и остался честнѣйшимъ и добрѣйшимъ человѣкомъ, готовый помочь каждому, но потихоньку, чтобъ это никому не было извѣстно. Вотъ одно изъ его воспоминаній прежней службы.

Пріѣхалъ онъ какъ-то въ Москву, вызванный Кокоревымъ по экстренному дѣлу, но не заставъ его, тамъ прослѣдовалъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ нашелъ странный переполохъ. Солдатамъ строжайше было запрещено посѣщать питейныя заведенія, служившія нерѣдко и притонами разврата. Однажды Государь Николай Павловичъ, проѣзжая по улицѣ, увидалъ солдатъ выходящихъ изъ кабака, въ которомъ, какъ впослѣдствіи оказалось, были и женщины. Въ тотъ-же день послѣдовало распоряженіе: всѣхъ безъ исключенія цѣловальниковъ изо всѣхъ кабаковъ Петербурга собрать во дворъ зданія Главнаго Штаба; затѣмъ, всѣхъ цѣловальниковъ, годныхъ къ военной службѣ, взять въ солдаты, а негодныхъ отправить въ Кронштадтскія арестантскія роты. Тутъ-же началась сортировка и общее бритье головъ. Кокоревъ бросился къ властъ имущимъ, умоляя о заступничествѣ. Едва, едва удалось упросить Государя помиловать кабацкое войско, но за то долго спустя виднѣлись въ кабакахъ бритыя головы цѣловальниковъ.

*

20 Сентября 1882.

По поводу случая съ Дубенко вспоминаю о царской охотѣ, бывшей въ 1872 году въ четырехъ верстахъ отъ почтовой станціи Таушанъ-Базаръ (Заячій Рынокъ), на почтовой дорогѣ между г. Симферополемъ и Алуштою, въ 23 верстахъ отъ послѣдней. Охота была на дикихъ козъ, и отчасти начинался и оленій ревъ, когда самцы-олени вызываютъ самокъ. Помѣщеніе

для Государя было приготовлено въ небольшомъ домикѣ лѣсной стражи. Благодаря Симферопольскому уѣздному исправнику Завадовскому и Симферопольскимъ купцамъ, давшимъ множество ковровъ, стѣны, потолки, полы все было обито коврами. Независимо того была устроена и плита. Государь легъ почивать въ 10 часовъ въ виду рано предстоявшей охоты, а также разсмѣстившаяся на почтовой станціи свита. Все затихло, замерло. Не спали только исправникъ, становой приставъ, полиція и жандармы. Вдругъ во 2-мъ часу ночи внезапно загорается крыша домика. Разбудили Государя, который такимъ образомъ всю ночь, до 6 часовъ утра, просидѣлъ на пожарѣ. Охота совершенно не удалась; не было убито ни одного оленя, ни одной козы. По окончаніи охоты Государь поѣхалъ въ Ливадію, не ставъ для приготовленной закуски въ Алуштѣ, и прибылъ въ Ливадію еще засвѣтло. У дворца, между прочими лицами находился и Таврическій губернаторъ г.-м. Рейтернъ, въ 1872 году получившій назначеніе военнаго агента въ Берлинѣ. Едва Государь вышелъ изъ экипажа, какъ обратился къ Рейтерну со словами: У тебя почтовыя лошади дрянь, у деревень нѣтъ столбовъ съ подписями, шоссе дрянь.... Я не могу отвѣчать за шоссе, перебилъ Государя Рейтернъ, пока имъ будетъ завѣдывать полковникъ Ш.

Причина бывшго въ лѣсномъ домикѣ пожара, послѣ тщательнаго разслѣдованія, конечно выяснилась. Повара, нетерпѣливые къ медленно горѣвшимъ будто бы сырымъ дровамъ, подбрасывали подъ плиту по нѣскольку фунтовъ сливочнаго масла, чего не привыкшая къ такой роскоши скромная труба не выдержала. Полковникъ Ш, то въ формѣ путей сообщенія, то военнаго инженера, остался въ Крыму послѣ Крымской кампаніи, завѣдывая южно-бережскимъ шоссе. Объ умѣніи собирать доходы съ каждаго камешка, идущаго на шоссе, ходили слухи ужъ именно баснословные. Это не стѣсняясь говорилъ ему въ глаза и при свидѣтеляхъ бывшій губернаторъ Жуковскій, а Ш. никто иначе не называлъ, какъ стотысячный инженеръ.

Меня всегда разбиралъ смѣхъ, когда бывало Ялтинскій исправникъ Зефиропуло спрашивалъ полицейскаго солдата Петрова, какъ это штабсъ-капитанъ Ш., когда начались выстрѣлы Инкерманскаго сраженія, спрятался подъ мостъ, чему Петровъ былъ очевиддемъ. И Петровъ, Севастополецъ, а въ послѣдствіи Сербскій доброволецъ, простодушно передавалъ подробности о подвигѣ Ш.

*

Въ 1855 году въ VI классѣ Училища Правовѣдѣнія находился 13—14 лѣтній воспитанникъ Прокофій Адріановичъ Устимовичъ, роста немного ниже Государя Николая. Помню, что это было осенью; распустили насъ послѣ обѣдни, и Устимовичъ черезъ Прачешный мостъ направился по дворцовой набережной. На встрѣчу ему шелъ Государь Николай Павловичъ. Остановившись противу вытянувшагося во всю свою длину Устимовича, Государь быстро спросилъ его: Правовѣдъ? — Такъ точно, протянулъ

Устимовичъ.—Хочешь въ военную службу? быстро спросилъ его Государь.—Нѣтъ, не хочу, Ваше Величество, медленно и вяло отвѣчалъ Устимовичъ. —Ну, такъ поди и скажи своему директору, что ты дуракъ, добавилъ Государь.—Слушаю, отвѣчалъ Устимовичъ и медленнымъ шагомъ направился въ Училище. Испуганный директоръ Александръ Петровичъ Языковъ полетѣлъ къ принцу Петру Георгіевичу Ольденбургскому, а послѣдній къ Государю извиняться за Устимовича. На долго послѣ этого Устимовичъ былъ лишенъ отпуска, а товарищи подтрунивали надъ нимъ, прося его сознаться, что онъ дѣйствительно таковъ, какимъ наименовалъ его Николай Павловичъ. Ужъ если самъ Государь назвалъ тебя такъ, подтрунивала молодежь, такъ и толковать нечего.

Покойный Государь очень не благоволилъ къ нашему Училищу послѣ того, какъ нѣсколько человѣкъ старшихъ классовъ были замѣшаны въ дѣлѣ Петрашевскаго. Изъ нихъ помню одну фамилію Головинскаго и затѣмъ разсказы старыхъ правовѣдовъ, что приговоренные къ казни черезъ повѣшеніе правовѣды были помилованы. Директоръ былъ немедленно устраненъ, и какъ-бы въ отместку гражданскому заведенію былъ назначенъ директоромъ полицмейстеръ г. Риги Александръ Петровичъ Языковъ, болѣе двадцати лѣтъ правившій Училищемъ. Кромѣ того всѣ гражданскіе воспитатели (иныхъ и не было) были замѣнены гвардейскими офицерами, что̀ продолжалось до восшествія на престолъ Александра II-го, когда имъ было предложено или, сбривъ усы, переименоваться въ гражданскій чинъ, или оставить Училище. И все это было исполнено безпрекословно всѣми воспитателями кромѣ капитана Прусскаго полка Роберта Робертовича Риттера, не желавшаго разстаться съ своимъ военнымъ мундиромъ.

Долго послѣ 1849 года Государь Николай Павловичъ не посѣщалъ Училища Правовѣдѣнія, а затѣмъ, изрѣдка посѣщая его, не иначе здоровался съ правовѣдами, какъ, здорово, ребята!

*

11 Іюля 1883 года.

Покойный Павелъ Александровичъ Всеволожскій, двоюродный братъ командира Кронштадтскаго порта Всеволожскаго, бывшій Балтійскій морякъ, впослѣдствіи начальникъ коммисаріатской части въ Николаевѣ и затѣмъ правитель канцеляріи г. военнаго губернатора г. Николаева (ген. адъютанта, вице-адмирала Глазенапа), разсказывалъ мнѣ, что Государь Александръ Николаевичъ, по заключеніи мира 19 Марта 1856 года, сказалъ однажды князю А. С. Меншикову: „Я хочу учредить общія медали въ память минувшей войны. На одной сторонѣ будетъ: *„Съ нами Богъ“*; а какъ ты думаешь, что̀ изобразить на другой сторонѣ?“ — Напишите, Ваше Величество *„и Богъ съ вами“*, тоскливымъ тономъ проговорилъ Меншиковъ.

*

Служившій очень долго въ Восточной Сибири, а впослѣдствіи по акцизу Василій Михайловичъ Петровъ разсказывалъ мнѣ, какъ очевидецъ,

слѣдующій случай съ графомъ Муравьевымъ генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири. Нѣкто Крюковъ былъ чиновникомъ особыхъ порученій при графѣ, не стѣснявшемся иногда сказать чиновнику и крупное слово. Недовольный какимъ-то докладомъ Крюкова, графъ сказалъ ему: „Я тебя велю повѣсить!“ На это Крюковъ спокойно отвѣчалъ, что дѣйствительно „Муравьевыхъ“ (декабристовъ) вѣшали, но Крюковыхъ никогда, и съ этими словами вышелъ изъ графскаго кабинета. Затѣмъ, оставивъ генералъ-губернаторскій домъ, близъ котораго протекалъ какой-то ручей или канавка, Крюковъ прежде всего бросилъ въ воду трехъугольную шляпу, потомъ шпагу и наконецъ снятый съ себя мундиръ, объяснивъ собравшейся толпѣ, что въ обезчещенномъ мундирѣ службы продолжать не можетъ. Объ этомъ доложили графу, послѣ чего они сдѣлались друзьями, и Муравьевъ возлагалъ на Крюкова разнообразныя порученія, въ особенности по горному дѣлу.

*

Въ 1874 году осенью покойный Государь Александръ III, будучи Наслѣдникомъ Цесаревичемъ, проживалъ въ Ливадіи. Какъ говорили, Цесаревичъ не любилъ охотиться, но тѣмъ не менѣе прибылъ въ Алушту, въ 48 верстахъ отъ Ливадіи, а оттуда въ Татарскую деревню Корбекъ (Корбекли), въ 5—6 верстахъ отъ Алушты. На утро предполагалась охота на оленей и козъ, но по преимуществу на оленей, такъ какъ по времени года наначинался ихъ ревъ.

Государь Наслѣдникъ помѣстился на ночь въ мальнькомъ двухъэтажномъ Татарскомъ домикѣ д. Корбека, а внизу малочисленная прислуга, по преимуществу егеря. Одинъ изъ нихъ, подъ вліяніемъ можетъ-быть лишне выпитаго, или къ подобающей темѣ разговора, выразился такъ: „А кого-же не надувать, не объѣдать, не опивать какъ не Царскую фамилію!?“ Потолокъ нижняго этажа и полъ верхняго въ Татарскихъ домахъ южнаго берега Крыма устроенъ такъ, что каждое слово, сказанное внизу, ясно слышно вверху. Эти-то слова, сказанныя егеремъ, слышалъ какъ я, такъ и другія лица, спавшія въ комнаткѣ рядомъ съ помѣщеніемъ Государя Наслѣдника.

А, что если это Наслѣдникъ слышалъ? сказалъ мнѣ подобравшійся ко мнѣ, лежавшему на полу, становой приставъ, честнѣйшій Лука Ивановъ Свищевъ. Не знаю, отвѣчалъ я ему шепотомъ. Вслѣдъ за тѣмъ послышался намъ голосъ Цесаревича, приказывавшаго позвать къ нему егеря. Мы всѣ притаились, замерли и прислушивались. Вскорѣ въ комнатку Цесаревича вошелъ призванный, и мы всѣ слышали, какъ на вопросъ Его Высочества о чемъ онъ проповѣдывалъ, егерь съ нахальною развязностью отвѣчалъ, что рѣчь была объ охотѣ: онъ-де доказывалъ, что если дикая коза бѣжитъ мимо охотника, то при быстротѣ ея бѣга надо цѣлить въ голову, и тогда пуля попадетъ въ плечо или спину и т. д. „Говори, только не проговаривайся“, сказалъ ему Цесаревичъ и приказалъ выйти.

—

Въ 1866 году ожидали изъ Петербурга въ Ливадію покойную Императрицу Марію Александровну. Поэтому изъ Николаева отправили въ Одессу императорскую яхту „Тигръ“ *) подъ командою капитана Владиміра Петровича Шмидта, а съ нею, какъ конвоира и лучшаго ходока въ Черноморскомъ флотѣ, яхту главнаго командира „Казбекъ“, капитанъ-лейтенантъ Чайковскій. Не доходя до Очакова, „Тигръ“ на р. Бугѣ сталъ на мель, и его съ трудомъ стащили. „Казбекъ“, чинившійся въ адмиралтействѣ, выходя оттуда по рѣкѣ Ингулу подъ бульваромъ города, черкнулъ объ что-то дномъ, на что не обратили особеннаго вниманія, и оба парохода благополучно простояли на Одесскомъ рейдѣ дней десять не менѣе въ ожиданіи Императрицы. Только впослѣдствіи предполагали, что „Казбекъ“ черкнулъ о какой нибудь лежавшій на днѣ рѣки якорь.

Отъ Одессы до Севастополя приблизительно часовъ 18—20. Императрица шла на „Тигрѣ“, на „Казбекѣ-же“ помѣщалась часть лицъ сопровождавшихъ Государыню и багажъ. Когда въ открытомъ морѣ, пройдя уже Тарханкутскій маякъ и Евпаторію, оставалось до Севастополя часовъ 8, на „Казбекѣ“ показалась сильная течь, принявшая вдругъ такіе размѣры, что откачивать воду приходилось уже паровою машиною, не останавливаясь ни на минуту, такъ какъ при малѣйшемъ перерывѣ прибывавшая вода залила-бы котелъ, и пароходъ долженъ былъ чуть ни моментально опуститься на дно. Можно себѣ представить ужасъ, который обуялъ пассажировъ. Малѣйшая порча въ машинѣ, и она перестанетъ выкачивать воду! Тутъ минута, чтобы дойти благополучно до Севастополя считалась уже не часомъ, а годомъ. Всѣ потеряли голову, всѣ молились, скорбно приготовляясь къ неминуемой смерти.. Но ни на минуту не потеряли присутствія духа ни бравый командиръ, ни старшій офицеръ, ни команда. Они болѣе всѣхъ сознавали свое критическое положеніе. Едва-ли гг. капитанамъ нашихъ и иностранныхъ судовъ пришлось на своемъ вѣку переиспытать и перечувствовать то, что̀ вынесли капитанъ и команда „Казбека“.

Чтобы выиграть время прихода въ Севастополь, Чайковскій рѣшилъ обогнать тихо ползущій „Тигръ“, но по Морскому Уставу не могъ этого сдѣлать безъ разрѣшенія, такъ какъ на „Тигрѣ“ находилось лице Императорской фамиліи, а тѣмъ болѣе сама Государыня. Вахтенный офицеръ на „Тигрѣ“, лейтенантъ Рагулъ, смотря вдаль, конечно не могъ замѣтить отчаянныхъ сигналовъ, подаваемыхъ позади идущимъ „Казбекомъ“. Наконецъ Чайковскій рѣшился на пушечный выстрѣлъ, очень встревожившій Императрицу. Тогда разрѣшили „Казбеку“ приблизиться, и онъ, не имѣя возможности остановиться ни на секунду, описавъ около „Тигра“ три круга, получилъ разрѣшеніе идти въ Севастополь. Неисповѣдимыми судьбами дойдя благополучно до Севастополя

*) Англійскій пароходъ „Тигръ“ былъ взятъ въ Крымскую кампанію на Пересыпи возлѣ Одессы. Послѣ взрыва уцѣлѣвшая машина его была поставлена на императорскую яхту „Тигръ“.

съ неперестававшими откачивать воду паровыми помпами, „Казбекъ“ выбросился на мель. Глубина бухты не позволяла ему остановить дѣйствіе помпъ.

*

Не припомню въ томъ же году или послѣдующемъ, флагманъ Черноморскаго флота вице-адмиралъ Дюгамель отправился на „Казбекъ“ для осмотра Черноморскихъ портовъ. Когда подходили къ Сухуму, на „Казбекѣ“ былъ поднятъ сигналъ подать паровой катеръ. Съ берега отвѣчаютъ: „сигнала не понимаемъ“. Повторить, приказываетъ Дюгамель. Опять съ берега отвѣтъ тотъ же, что „сигнала не понимаемъ.“ Въ третій разъ тоже самое. Тогда осмотрѣлись на „Казбекѣ“, и по ошибкѣ сигналъ оказался: „Взорваться на воздухъ!“ Понятно, что на берегу не понимали, за что такая казнь, да еще въ мирное время.

*

Вотъ копія письма моего къ покойному Михаилу Дмитріевичу Скобелеву, посланнаго ему, заказнымъ, 13 Іюля 1880 г.

„Когда покойный докторъ Владиміръ Александровичъ Студитскій рѣшился сопровождать в. п—во въ экспедицію, онъ тотчасъ-же написалъ мнѣ объ этомъ, спрашивая моего согласія, не поѣду-ли я съ нимъ съ тѣмъ, чтобы состоять ординарцемъ при вашемъ п—ѣ и вести записки объ экспедиціи для напечатанія ихъ впослѣдствіи. Не могу выразить своего горя, когда я прочелъ въ газетахъ о несчастной, безвременной кончинѣ В. А. Убѣдительнѣйше и почтительнѣйше прошу приказать вкратцѣ извѣстить меня о его смерти, поразившей всѣхъ болѣе тѣмъ, что покойный поѣхалъ съ конвоемъ въ 13 человѣкъ въ мѣстности неизвѣстной и окруженной непріятелемъ. Упоминаю объ этомъ потому, что хорошо помню, какъ возмущался В. А., слушая мой разсказъ о несчастномъ дѣлѣ подъ Навагиномъ, гдѣ, какъ извѣстно в. п—у, погибла наша батарея и изрублено Черкесами полтора эскадрона гвардейскихъ драгунъ. Прося в. п. извинить меня за смѣлость моей просьбы, въ надеждѣ, что вы не откажете приказать удовлетворить ее, покорнѣйше прошу принять увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи и томъ уваженіи, которое испытываетъ каждый Русскій, упоминая ваше имя. Надѣюсь также дожить до того времени, когда исполнятся слова, сказанныя вамъ Османомъ-Пашою— именно видѣть васъ фельдмаршаломъ“.

Впослѣдствіи я узналъ, что письмо ко мнѣ покойнаго Студитскаго было вызвано отказомъ извѣстнаго писателя Крестовскаго ѣхать въ Ахалъ-Текинскую экспедицію за поѣздкою его въ Китайскія воды съ адмираломъ Лѣсовскимъ. Отвѣта на свое письмо я отъ Скобелева не имѣлъ, и уже мѣсяцевъ шесть спустя получилъ письмо отъ одного изъ близко стоявшихъ при немъ лицъ, извѣстившее меня, что Скобелевъ страшно былъ огорченъ моимъ письмомъ, какъ-бы видя въ немъ съ моей стороны упрекъ, что докторъ Студитскій былъ командированъ съ недостаточнымъ конвоемъ.

—

Бывшій секретарь и казначей Императорской Главной Квартиры Яковъ Аѳанасьевичъ Поповъ въ краткомъ разсказѣ передалъ мнѣ, въ Ливадіи въ 1875 году, о поѣздкѣ своей съ Государемъ Александромъ II изъ Петербурга въ Ниццу, когда было получено извѣстіе о безнадежномъ положеніи угасавшаго и безвременно сошедшаго въ могилу Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича. Поѣздъ шелъ съ такою скоростью, которая только допускается на желѣзной дорогѣ. Ужасъ овладѣвалъ свитою Государя, когда она видѣла, что отъ такой ѣзды не разъ загорались оси вагоновъ. За границею почти на каждой станціи была телеграмма на имя Государя о состояніи здоровья умиравшаго. Каждый сочувствовалъ душевнымъ страданіямъ Государя и страху не застать въ живыхъ безнадежнаго.

Войдя въ покои Цесаревича, Государь поручилъ генералу Рихтеру предупредить больнаго, а самъ остался за портьерой.

— Рады бы Вы были, Ваше Высочество, видѣть Вашего Отца? спросилъ тихо Рихтеръ, подойдя къ постели Николая Александровича.—Да, отвѣчалъ Наслѣдникъ, но вѣдь это невозможно?! Государь не выдержалъ долѣе и вошелъ въ комнату. А, теперь я все понимаю! проговорилъ Цесаревичъ, какъ бы желая этимъ выразить сознаніе всей безнадежности своего положенія. Генералъ Рихтеръ вышелъ, оставивъ ихъ вдвоемъ. Черезъ 8 часовъ Наслѣдника не стало.

Въ 1863 году, покойный Цесаревичъ Николай Александровичъ изъ Симферополя проѣхалъ черезъ Перекопъ (по татарски „Оръ-Капи“, „много блохъ“), Мелитополь и до Бердянска, посѣтивъ колоніи Менонитовъ. Во всемъ обширномъ Бердянскомъ уѣздѣ находилось единственное помѣщичье имѣніе графини Толстой, село Обиточное, крестьяне котораго отказывались подписать уставную грамоту. При проѣздѣ Цесаревича они подали ему прошеніе, въ полной увѣренности, что распоряженіе по немъ послѣдуетъ отъ него-же. Прошеніе это изъ Бердянска было, по принадлежности, отослано Таврическому губернатору. На увѣренія мироваго посредника и исправника, что вотъ какое распоряженіе по прошенію сдѣлалъ Наслѣдникъ Цесаревичъ, крестьяне говорили, что этого быть не можетъ. Наконецъ пришли къ такому обоюдному соглашенію: если имъ, крестьянамъ, покажутъ ихъ прошеніе, собственноручно поданное ими Цесаревичу и, значитъ, котораго онъ съ собою не увезъ въ Петербургъ, а передалъ мѣстной власти,—то тогда они согласны будутъ подписать уставную грамоту. Объ этомъ донесено было губернатору. Съ подлиннымъ прошеніемъ этимъ, для предъявленія крестьянамъ, былъ посланъ губернаторомъ Жуковскимъ самый бездарнѣйшій изъ чиновниковъ особыхъ порученій при немъ отставной штабсъ-ротмистръ Б...Увидавъ свое прошеніе въ рукахъ пріѣхавшаго къ нимъ губернаторскаго чиновника, крестьяне поразились, потомъ удивились, потомъ смирились и безпрекословно подписали грамоту. По исполненіи порученія, Б... подалъ губернатору рапортъ, въ которомъ, ссылаясь на извѣстную статью

III тома Свода Законовъ, что-то въ родѣ объ усмиреніи возмущеній, ходатайствовалъ передъ губернаторомъ о награжденіи его орденомъ св. Владиміра 4 степени. Г. В. Жуковскій, прочитавъ поданный ему рапортъ, взглянулъ на Б... и произнесъ только одно слово: „подлецъ“ (Генералъ иногда выражался такъ). Но тѣмъ не менѣе представленіе министру было сдѣлано, и Б... былъ награжденъ,

Во время этого путешествія случился маленькій эпизодъ. Въ мѣстечкѣ Большой-Токмакъ, гдѣ въ то время была ярмарка, былъ назначенъ для Цесаревича ночлегъ. Утромъ, желая посмотрѣть ярмарку, Его Высочество отправился пѣшкомъ въ сопровожденіи Побѣдоносцева, Рихтера, адъютанта губернатора (бывшаго воспитанника Ришельевскаго Лицея) Адольфа Николаевича Изнара, исправника Θедора Николаевича Костюкова и пр. По улицѣ прямо на встрѣчу Наслѣдника бѣжалъ какой-то субъектъ въ одной рубашкѣ. Цесаревичъ подвигался впередъ, по мѣрѣ этого приближался къ нему бѣжавшій и упалъ въ ноги Наслѣднику со словами: „Мене Павло побівъ!“ „Отойди прочь“, сказалъ Его Высочество, толкнувъ его тихонько ногою, и продолжалъ путь. Присутствующіе были крайне сконфужены, а флегматичный исправникъ произнесъ даже какое-то междометіе. Оригинально то, что послѣ отъѣзда Цесаревича сотскіе и десятскіе по собственной инициативѣ учинили надъ бѣжавшимъ въ одной рубашкѣ собственный судъ и расправу. Они наградили его ста ударами розогъ, совѣтуя виноватому такъ не напиваться, и пострадавшій благодарилъ за науку, никому не жаловался, не апелировалъ и не касировалъ.

Упомянутый исправникъ Костюковъ во время высадки непріятеля 4 Сентября 1854 въ Евпаторіи былъ тамъ городничимъ. Трудно было подыскать болѣе флегматичнаго, невозмутимаго и неразговорчиваго человѣка какъ Θедоръ Николаевичъ. Если знаменитый санскритологъ Максъ-Мюллеръ сдѣлалъ любопытный сводъ исчисленія словъ у различныхъ народовъ, и Египетскіе іероглифы показываютъ, что мудрецы этой страны обходились только 900 словами, то Костюковъ едва-ли произнесъ такое количество за всю свою жизнь.

Когда всѣ жители, кромѣ Татаръ, бѣжали изъ Евпаторіи, Костюковъ невозмутимо наблюдалъ за этимъ и молчалъ. Когда-же наконецъ Турецкій десантъ на катерахъ приближался къ берегу, онъ не спѣша надѣлъ мундиръ, трехугольную шляпу, шпагу, перчатки и сталъ на пристани. Удивленные Турки спросили его, кто онъ такой. Костюковъ съ полнымъ достоинствомъ сказалъ только одно слово: „Городничій.“ Это былъ первый Русскій плѣнный. Долго маялся въ Константинополѣ, Марселѣ и Лондонѣ добровольный плѣнникъ, пока наконецъ заключенный миръ не возвратилъ его на родину. Когда любопытные разспрашивали его о перенесенныхъ имъ мытарствахъ, онъ отмалчивался. Наконецъ однажды, выведенный изъ терпѣнія вопросами, какую онъ нашелъ разницу между Россіею и другими

государствами, въ которыхъ онъ перебывалъ, онъ отвѣчалъ. „Монэта друга.“ Иного впечатлѣнія онъ не сохранилъ.

*

Разсказъ покойнаго Александра Михайловича Милорадовича, бывшаго въ Сербскую войну 1876 года начальникомъ Русско-Болгарской бригады.

Не помню, въ которомъ полку служилъ онъ, но кажется въ Вознесенскомъ уланскомъ. Въ Крымскую кампанію полкъ стоялъ подъ Евпаторіею, гдѣ фуражъ доставался съ большимъ трудомъ и лошади перепадали. Они еще больше перепали въ тѣлѣ, сдѣлавъ по заключеніи мира походъ въ 500 верстъ въ одно изъ военныхъ поселеній Херсонской губерніи. Желая дать время поправиться лошадямъ, графъ Остенъ-Сакенъ производилъ ученіе пѣше-по-конному, утомлявшее солдатъ и надоѣдавшее офицерамъ. При этомъ графъ требовалъ, чтобы команда исполнялась въ точности: Рысью—такъ бѣжать. Карьеръ—скакать, не теряя равненій. Надоѣло это одному старому маіору, всю службу просидѣвшему на конѣ и, дождавшись однажды команды въ карьеръ, онъ выскакалъ въ поле, выдѣлывая всевозможныя лансады и вообще показывая видъ, что не можетъ удержать несущую его лошадь. При видѣ такой картины смѣхъ одолѣлъ не только офицерами, но и солдатами. Графъ смотрѣлъ съ недоумѣніемъ на все удалявшагося, скакавшаго маіора и послалъ адъютанта спросить маіора, что̀ съ нимъ случилось. Не видите развѣ? Лошадь несетъ, отвѣчалъ онъ подскакавшему адъютанту, и продолжалъ прыгать. Отвѣтъ маіора былъ переданъ. Ну , такъ пусть-же бѣшенный конь и занесетъ его прямо на гаупвахту, приказалъ Сакенъ.

Однако съ тѣхъ поръ ученіе пѣше-по-конному производились очень рѣдко.

*

Не менѣе двадцати лѣтъ безсмѣнно правилъ Пензенскою губерніею губернаторъ тайный совѣтникъ Панчулидзевъ. Надоѣло ли ему за такой длинный періодъ подписывать свою фамилію, но подпись его заключалась въ первоначальной буквѣ „П“, а затѣмъ шла какая-то вольнообразная ниточка, никакъ не изображавшая „анчулидзевъ“. Министръ внутреннихъ дѣлъ Левъ Алексѣевичъ Перовскій не долюбливалъ Панчулидзева и, получивъ отъ него однажды съ такою подписью годовой на высочайшее имя отчетъ о состояніи губерніи и поднося его Государю, обратилъ его вниманіе на непочтительность подписи. Хорошо, сказалъ Государь, оставь мнѣ этотъ докладъ. Вѣроятно, что не успѣлъ еще графъ Перовскій доѣхать домой, какъ фельдъегерь скакалъ въ Пензу. По личному повелѣнію Его Императорскаго Величества извольте, ваше превосходительство, отъѣхать въ Петербургъ, прогремѣлъ фельдъегерь. Двѣсти, триста, пятьсотъ рублей давалъ перепуганный и совершенно растерявшійся губернаторъ фельдъегерю, чтобы онъ только сказалъ, зачѣмъ ѣхать. Но фельдъегерь отзывался только однимъ незнаніемъ. Часъ спустя, скакали въ Петербургъ фельдъегерь, а за нимъ губернаторъ. Трудненько было ѣхать: ни шоссе, ни желѣзныхъ дорогъ не было.

Пріѣхалъ въ Петербургъ Панчулидзевъ, отправился къ графу Перовскому представиться и съ тѣмъ же вопросомъ какъ и фельдъегерю, зачѣмъ онъ вызвалъ? Хотя министръ тогда только и догадался, въ чемъ дѣло, но отвѣчалъ незнаніемъ. Бросился Панчулидзевъ къ министру двора графу Владиміру Өедоровичу Адлербергу; но графъ, ничего не знавшій о посылкѣ фельдъегеря, отвѣчать ничего не могъ.

Пріемъ Государемъ прибывшаго губернатора былъ самый радушный. Панчулидзевъ возносился уже на седьмое небо. Николай Павловичъ ласково распрашивалъ его со всѣми подробностями о состояніи губерніи, но вдругъ произнесъ: „Да кстати! Скажи пожалуйста, это твоя подпись?“ При этомъ Государь подалъ Панчулидзеву злосчастный годовой отчетъ съ подписью „П.“ и ниточкою. „Моя-съ“, отвѣчалъ губернаторъ, едва выговаривая эти слова. Ну хорошо, сказалъ Николай Павловичъ, теперь видишь-ли, я буду знать, а то я предполагалъ, что подпись подложная. А затѣмъ можешь ѣхать въ Пензу.

Вновь отправился Панчулидзевъ къ графу Адлербергу съ вопросомъ, что̀ теперь дѣлать, объяснивъ ему свое свиданіе съ Государемъ. Знаете-ли что, немного подумавъ, отвѣчалъ Владиміръ Өедоровичъ. Откланяйтесь Перовскому и прикажите подавать себѣ лошадей. Такъ и выполнилъ этотъ совѣтъ Панчулидзевъ, пробывъ въ Петербургѣ, какъ онъ впослѣдствіи разсказывалъ, отъ 8 ч. утра до 5 вечера.

*

Когда я былъ въ приготовительномъ классѣ Училища Правовѣдѣнія въ 1853 — 1854 годахъ, мнѣ приходилось иногда ходить въ отпускъ къ графу Льву Алексѣевичу; лѣтомъ онъ жилъ на Аптекарскомъ острову. Для меня это была страшная тоска, да и графъ не находилъ темы разговора со мною. Случалось мнѣ сидѣть и въ кабинетѣ. Сидитъ графъ передъ письменнымъ столомъ, на которомъ разложено множество древнихъ монетъ, вовсе меня не интересовавшихъ. Посмотритъ онъ на монету, перевернетъ ее нѣсколько разъ и затѣмъ потретъ кончикомъ фалды вице-мундира. Докладываютъ: такой-то губернаторъ. Проситъ, говоритъ графъ. Входитъ губернаторъ. Графъ не оборачивается, не прерываетъ своего занятія и ведетъ разговоръ съ губернаторомъ, не приглашая его садиться.

*

13 Февраля 1883.

Говорили мы о томъ, какъ въ исходѣ XIX вѣка попала на висѣлицу женщина. Рѣчь шла о Софіи Львовнѣ Перовской.

Сколько я знаю, отецъ Перовской, Левъ Николаевичъ, нынѣ тайный совѣтникъ и членъ Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, началъ службу въ Преображенскомъ полку, затѣмъ служилъ вице-губернаторомъ въ Псковѣ, откуда въ концѣ 1859 г. переведенъ на туже должность въ Симферополь, Таврической губерніи. Отецъ его д. с. с. Николай Ивановичъ Перовскій слу-

жилъ Таврическимъ губернаторомъ приблизительно въ 1820—1825 годахъ. Левъ Николаевичъ, человѣкъ честнѣйшій и добрѣйшей души, по слабости своего характера, а отчасти и по обязаностямъ службы, не могъ дать направленіе своимъ дѣтямъ. Жена его, святая въ полномъ смыслѣ слова, несчастная не только теперь, но думаю со дня замужества, Варвара Степановна, была нуль въ домѣ, но не по деспотизму мужа: Л. Н. не могъ быть деспотомъ, такъ какъ совсѣмъ не могъ управлять собою. Когда я зналъ семейство Перовскихъ, оно состояло изъ отца, матери и дочери Софьи— дѣвочки лѣтъ пяти, очень хорошенькой блондинки, которую отецъ называлъ не иначе какъ „Соска". Два сына воспитывались въ Корпусѣ Путей Сообщенія, а старшая дочь, которой я не зналъ, находилась, кажется, въ Керченскомъ Институтѣ.

И по службѣ, какъ чиновникъ особыхъ порученій при Таврическомъ губернаторѣ, и вслѣдствіе старинной дружбы нашихъ отцовъ, я всегда ласково былъ принятъ въ гостепріимномъ и радушномъ домѣ Перовскихъ и часто забавлялъ и ласкалъ малютку Соску. Въ 1860 — 1861 годахъ Л. Н., не свидясь съ губернаторомъ Жуковскимъ, уѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ вскорѣ получилъ должность Петербургскаго губернатора и пробылъ въ ней до 4 Апрѣля, покушенія Каракозова. Затѣмъ, какъ я сказалъ выше, онъ былъ назначенъ членомъ Совѣта Министерства съ сохраненіемъ оклада губернаторскаго жалованья. Въ Петербургѣ, уже въ началѣ 1870 годовъ, я встрѣчался и бывалъ у Л. Н.; но онъ всегда избѣгалъ говорить со мною о своей семьѣ, зная, что мнѣ извѣстно, гдѣ она находится и въ какомъ положеніи. Самъ онъ жилъ въ меблированныхъ комнатахъ гдѣ-то на Фонтанкѣ у Египетскаго моста.

Въ то время, т. е. уже съ 1860 и по 1876 годъ, жена его проживала близъ Севастополя въ имѣніи, или вѣрнѣе хуторкѣ, „Приморскомъ", кажется, съ дочерью, бывшею Керченскою институткою, а одинъ изъ сыновей весьма солидный и почтенный молодой человѣкъ, занималъ должность чиновника особыхъ порученій при Таврическомъ губернаторѣ и секретаря губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Привычка къ широкой жизни, или вѣрнѣе сказать къ жизни не посредствамъ, вынудила Л. Н. продать два прекрасныхъ имѣнія его въ Таврической губерніи, Никольское и Кильбурунъ, надѣлавъ еще массу долговъ и оставляя семью въ плачевномъ положеніи.

Отецъ Льва Николаевича приходился единокровнымъ братомъ *) министру внутреннихъ дѣлъ графу Льву Алексѣевичу. Хоть я маленькій былъ, но твердо помню, что когда въ 1846 году графъ Левъ Алексѣевичъ, будучи министромъ, посѣтилъ Крымъ, то, имѣя въ Симферополѣ прекрасный собственный домъ, онъ не хотѣлъ пригласить къ себѣ своего брата Николая Ивановича, а поѣхалъ къ нему въ Кильбурунъ, гдѣ пробылъ

*) Николай Ивановичъ Перовскій (не графъ) былъ незаконный сынъ графа А. К. Разумовскаго, всѣ остальныя дѣти котораго рождены генералъ-маіоршею Денисьевой. П. Б.

ровно полчаса. Николай Ивановичъ визита ему не отдалъ. Василій Алексѣевичъ Перовскій, жившій въ отставкѣ на южномъ берегу Крыма въ имѣніи Льва Алексѣевича Мелазѣ, также никогда не видался съ Николаемъ Ивановичемъ. Вообще послѣдній велъ самую грустную жизнь въ своемъ Кильбурунѣ, никуда изъ него не выѣзжая, всѣми вполнѣ забытый и посѣщаемый только отцомъ моимъ, тогда Таврическимъ вице-губернаторомъ, да еще совѣтникомъ Губернскаго Правленія Николаемъ Евстафьевичемъ Славинскимъ. Послѣдняя жизнь Николая Ивановича еще болѣе было тяжкая: онъ ослѣпъ, и приглашенному профессору не удалось снять бывшій у Перовскаго катарактъ.

*

Въ 60-хъ годахъ въ Николаевѣ, въ типографіи штаба главнаго командира Черноморскаго флота, лейтенантомъ Павловскимъ печаталась лоція Чернаго моря. Это было почти новое изданіе или много дополненное послѣ лоціи, составленной въ 1829 году лейтенантомъ Манганари, впослѣдствіи вице-адмираломъ и главнымъ командиромъ Черноморскаго флота. Меня, какъ не моряка, очень удивляли нѣкоторыя совершенно непонятныя для меня описанія. Такъ напр. въ лоціи Манганари говорилось, что Балаклавская бухта вслѣдствіе бывающихъ въ ней сильныхъ волненій для стоянки судовъ негодна. Поэтому никогда ни одно наше военное судно до 1856 года, т. е. въ продолженіе 27-ми лѣтъ, въ эту бухту не заходило. Но какъ-же во все время Крымской войны тамъ стояли суда Англійскія, Французскія и Сардинскія? Правда, что ихъ порядочно потрепало въ бурю 2 Ноября 1854 года; но суда стояли слишкомъ тѣсно въ очень узкой бухтѣ, да и такія бури, какая была 2 Ноября, и въ Черномъ морѣ не особенно часты.

Николай Браилко.

ПЕРЕСЕЛЕНІЕ БОЛГАРЪ ВЪ РОССІЮ.

Современная запись.

1854.

И бяше ся вѣдѣти радость на небеси и на земли толико душъ спасаемыхъ.

Всѣмъ извѣстно, что, для сосредоточенія войскъ нашихъ въ княжествахъ, снята была осада Силистріи. Вѣсть объ обратномъ движеніи арміи нашей за Дунай поразила бѣдныхъ жителей Добруджской и Бабадагской провинцій, которые знали хорошо, что съ той минуты, какъ край ихъ оставленъ будетъ нашими, всѣ они погибнутъ жертвой мести и изувѣрства Турокъ. Къ кому же они могли прибѣгнуть, какъ не подъ кровъ единовѣрной съ ними Россіи? Кто могъ защитить женъ и дѣтей ихъ отъ звѣрства Османліевъ, какъ не тотъ, кто великодушно поднялъ оружіе на возстановленіе правъ христіанства? Надежда ихъ не обманула. Старшины многихъ Болгарскихъ селеній (при ходатайствѣ и посредствѣ д. с. с. Озерова, которому былъ порученъ надзоръ за христіанами по ту сторону Дуная во время занятія нами праваго берега), обратились къ генералъ-адъютанту князю М. Д. Горчакову и просили дозволить имъ слѣдовать за нашими войсками. Сердце наболѣло у этого рыцаря безъ страха и упрека, когда, при снятіи нами осады, на нашихъ глазахъ началась дикая охота баши-бузуковъ на беззащитныхъ поселянъ. «У Русскаго царя, говорили несчастные, земли много; пусть прикажетъ дать намъ мѣсто, гдѣ бы могли мы сѣять хлѣбъ и пасти скотъ нашъ, и мы будемъ покорными дѣтьми его и благословлять великое имя его. Турецкая земля пахнетъ еще и дымится кровью нашею, и на ней нѣтъ намъ житья». Князь Горчаковъ не только дозволилъ имъ идти за войсками, но и успокоилъ ихъ тѣмъ, что имъ будетъ оказано въ предѣлахъ нашихъ всякое покровительство и содѣйствіе къ водворенію. Вѣсть объ этомъ разнеслась съ быстротой молніи по селамъ Болгарскимъ и лѣсамъ, куда уже начали несчастные жители укрывать свои семейства и угонять скотъ.

Переходъ войскъ нашихъ черезъ Дунай назначенъ былъ на 11 Іюня. Къ этому дню собрались Болгары изъ 29 селеній Силистрійскаго и другихъ округовъ со всѣмъ своимъ имуществомъ, скотомъ и домашнею птицею. Князь Горчаковъ тотчасъ же назначилъ для пріема и сопровожденія ихъ состоявшаго при главной квартирѣ д. с. с. А. П. Озерова, полковника графа Н. В. Адлерберга, во главѣ военнаго конвоя, и при нихъ тит. сов. Н. Х. и С. Н. Палаузовыхъ. Имъ тотчасъ же пришлось на островахъ Дуная собирать разбросанныя группы бѣжавшихъ отъ баши-бузуковъ, и за этимъ дѣломъ Озеровъ и Н. Х. Палаузовъ провели два дня и двѣ ночи. Въ каждомъ дѣлѣ важно первое впечатлѣніе, и конечно у Болгаръ, все еще бывшихъ подъ вліяніемъ страха и тѣхъ ужасныхъ сценъ звѣрства, которыхъ они были такъ недавно свидѣтелями, впечатлѣніе пріема ихъ не могло не быть въ высшей степени отрадно: ласковыя, успокоительныя рѣчи, проникнутыя истинною христіанскою добротою, которыми встрѣчали каждаго приходившаго; нѣжная заботливость о дѣтяхъ и больныхъ, которую оказывали несчастнымъ, должны были успокоить ихъ, а имя одноплеменныхъ съ ними братьевъ Палаузовыхъ, неразлучное съ каждымъ добрымъ дѣломъ, которое сколько-нибудь касается блага и просвѣщенія угнетенной родины ихъ, должно было радовать Болгаръ. Довѣріе, которое внушали имъ Русскіе, тотъ же часъ оправдалось блистательнымъ образомъ. Князь Горчаковъ почти постоянно самъ находился при переправѣ Болгаръ, которая продолжалась два дня, подъ проливнымъ дождемъ и при сильномъ порывистомъ вѣтрѣ. При князѣ были начальникъ штаба генералъ-адъютантъ П. Е. Коцебу, дежурный генералъ Ушаковъ и вся главная квартира. Войска наши оставались на правомъ берегу Дуная, пока всѣ Болгарскія семейства не прошли по мосту со всѣмъ скотомъ и обозами.

Картина этого движенія была умилительна. Здѣсь мать, уложивъ ребенка на двухколесную телѣжку, спѣшила за обозомъ; тамъ двѣ молодыя дѣвушки вели подъ руки дряхлаго старика; здѣсь слабая женщина, взявъ двухъ дѣтей на плеча и двухъ въ руки, едва переступала за арбой, въ которой лежало еще двое больныхъ дѣтей; тамъ, обнимаясь и цѣлуя другъ друга, прощались два Болгарина, быть можетъ, родные братья, изъ которыхъ одинъ оставался еще до времени въ своей деревнѣ; плачъ и вопль Болгаръ, столь понятный при разлукѣ съ родимымъ пепелищемъ; уныніе тѣхъ, которые оставляли въ рукахъ свирѣпыхъ притѣснителей скромныя жилища свои, забытый въ лѣсахъ скотъ, хлѣбъ, зарытый ими въ ямахъ; грусть неразлучная при разставаніи съ мѣстами, гдѣ погребены и пострадали отцы и братья ихъ, все это, смѣшанное съ гуломъ самаго движенія при переправѣ, не могло

не трогать блестящей свиты доблестнаго военачальника, который, во имя православной Россіи принималъ, подъ свою защиту тысячи христіанъ, бѣжавшихъ отъ меча Магометова.

Но не одна свита сочувствовала благому дѣлу: наши солдаты бодро и весело бросались въ Дунай спасать обрывавшійся съ моста скотъ, и съ острыми прибаутками эти лихіе усачи помогали Болгарамъ переправляться частью по мосту, частью въ лодкахъ. Слова «спасибо, братѐ», которыми надѣляли ихъ несчастные, радовали и съ избыткомъ вознаграждали за христіанское участіе и усердіе. Наконецъ, когда вся эта масса переселенцевъ (болѣе 900 семействъ, т. е. до 6,000 душъ обоего пола, съ 1,600 подводъ и до 45,000 головъ скота) перевалила на лѣвый берегъ, мостъ нашъ, который находился въ 8 верстахъ отъ Силистріи, былъ разведенъ, и наша армія также пришла въ движеніе *).

Переселенцы сначала стали таборомъ у деревни Чироя, въ 15 верстахъ отъ Калараша; часть изъ нихъ еще оставалась на островахъ. Аріергардъ, подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта, служилъ охраной и прикрытіемъ этого громаднаго табора. Пока они размѣщались группами по селеніямъ своимъ, пока имъ дѣлалась перепись, выслушивались ихъ часто истинно-дѣтскія жалобы и притязанія, оказывалась имъ Озеровымъ съ его сотрудниками первая помощь, и они уже успокоивались тѣмъ, что между ними и притѣснителями ихъ—быстрый Дунай: въ главной квартирѣ сдѣланы были распоряженія къ слѣдованію ихъ въ Россію чрезъ Браиловъ и Галацъ. Для сопровожденія ихъ составлена была коммиссія, подъ предсѣдательствомъ Озерова, изъ полковника графа Адлерберга, братьевъ Палаузовыхъ, капитана Валашской арміи Хаджи и присланнаго генералъ-адъютантомъ барономъ Будбергомъ коммиссара. Князь Горчаковъ приказалъ отпустить на продовольствіе переселенцевъ 1,300 четвертей ржаной муки; но какъ Болгары неохотно употребляютъ этотъ хлѣбъ, то въ замѣнъ выдано деньгами, по стоймости муки, 5,681 рубл. сер. для заготовленія пшеничнаго хлѣба. Независимо отъ того отпущено было еще 2 тысячи рублей въ пособіе бѣднымъ и 1,500 для продовольствія скота. Всеобщее участіе въ этомъ христіанскомъ дѣлѣ, принятое въ арміи нашей всѣми близко къ сердцу, высказалось самымъ трогательнымъ образомъ: многіе генералы и офицеры дарили бѣднѣйшимъ переселенцамъ коровъ и буйво-

*) Уже послѣ того какъ мостъ былъ разведенъ, на правомъ берегу Дуная показалась еще толпа жертвъ Турецкаго изувѣрства, которая не поспѣла къ общей переправѣ. Раздирающій душу вопль и крикъ несчастныхъ не даромъ слышны были нашими. Тотчасъ за ними посланы были лодки, на которыхъ они благополучно переправились и присоединились къ собратьямъ своимъ.

ловъ; многіе просили убѣдительно старшинъ отдать имъ на воспитаніе тѣхъ сиротъ, которыя были ими призрѣны послѣ убитыхъ родителей; на самомъ мосту была сдѣлана складчина, собрано тутъ-же 400 полуимперіаловъ и роздано бѣднѣйшимъ. Изъ Петербурга золотое сердце графини А. Д. Блудовой сочувственно отозвалось къ судьбѣ переселенцевъ, и по ея и А. О. Смирновой почину были собраны пособія и доставлены А. П. Озерову.

Когда окончательно были сдѣланы распоряженія къ дальнѣйшему слѣдованію Болгаръ, ихъ раздѣлили на семь отрядовъ, по селеніямъ, и выступленіе назначено было на 19 Іюня. Русскій человѣкъ привыкъ каждое дѣло начинать молитвою: посреди лагеря переселенцевъ поставленъ былъ аналой, на который возложена была икона Иверской Божіей Матери, принесенная въ даръ Болгарамъ А. П. Озеровымъ. Святыню окружили густою толпою переселенцы, генералитетъ, офицеры, чины главной квартиры и множество любопытныхъ изъ окрестныхъ жителей. Молебствіе совершалъ іеромонахъ Аѳонскаго Зографскаго монастыря о. Климентій, находившійся на службѣ при батальонахъ Болгарскихъ волонтеровъ, съ которыми онъ не разъ ходилъ въ дѣла противъ Турокъ, съ крестомъ въ рукахъ предводилъ ими и воодушевлялъ своимъ самоотверженіемъ и мужествомъ. Когда подходили ко кресту и окропленію св. водой эти страдальцы за вѣру, отъ ихъ скудости посыпались гроши въ пользу священнослужителей. Нельзя было смотрѣть равнодушно на умилительную картину, которую представляло это молебствіе. Болгаре, большею частію на колѣняхъ, съ благоговѣніемъ внимали словамъ св. вѣры и, когда пѣснь «Спаси, Господи, люди Твоя!» огласила обширное пространство табора переселенцевъ, на мірянахъ выразились набожная покорность Провидѣнію и увѣренность, что въ Россіи они найдутъ добрую и нѣжную мать, которая призритъ и утѣшитъ ихъ въ ихъ горести. Нельзя было не прослезиться при возглашеніи отцомъ Климентіемъ многолѣтія «благочестивѣйшему Государю нашему». Болгаре, какъ движимые одною электрическою искрою, пали на колѣна, и бо̀льшая часть изъ нихъ громко твердила простое, но многозначущее «Аминь! Аминь!» Вотъ зрѣлище, на которое бы слѣдовало привести просвѣщенныхъ сыновъ Запада: здѣсь бы они, можетъ быть, поняли, что̀ значитъ христіанское просвѣщеніе, которое они называютъ невѣжествомъ и варварствомъ и противъ котораго такъ постыдно ратоборствуютъ.

По окончаніи молебствія о. Климентій окропилъ отряды святою водою, и первые три изъ нихъ въ тотъ же день тронулись въ путь; на другой день остальные четыре. Отряды шли подъ непосредствен-

нымъ надзоромъ полковника графа Н. В. Адлерберга, начальствовавшаго конвоемъ. Шли они эшелонами, по селеніямъ, имѣя впереди старшинъ каждаго селенія; потомъ шли обозы и скотъ каждаго селенія отдѣльно, подъ прикрытіемъ семи офицеровъ, казаковъ 5 пѣхотнаго корпуса и Валашскихъ волонтеровъ. На пути слѣдованія, въ Гурѣ-Яломицѣ, присоединилась еще одна партія Болгаръ, которые не успѣли собраться къ общей переправѣ и перешли изъ Гирсова, при дѣятельномъ участіи командующаго Гуро-Яломицкимъ отрядомъ генер.-маіора Зурова; кромѣ того, въ Браиловѣ переправилось еще нѣсколько семействъ изъ Мачина; здѣсь присоединился къ отряду и докторъ, изъ Болгаръ, Селеминскій, для наблюденія за здоровьемъ какъ людей, такъ и скота.

Переселеніе это большими массами было тяжелымъ ударомъ для Турокъ: разомъ они лишались большаго народонаселенія, и продовольствіе Силистріи становилось затруднительнымъ и недостаточнымъ. Измаилъ-паша высылалъ парламентёра къ генералъ-адъютанту Лидерсу, чтобы объяснить это обстоятельство и просилъ остановить или умѣрить это всеобщее бѣгство; но генералъ приказалъ отвѣчать ему, что коль скоро Болгаре ввѣрились покровительству Россіи, то оно будетъ полное и рѣшительное. Для этого-то, когда получены были свѣдѣнія, что Турки замышляютъ напасть на отрядъ этихъ переселенцевъ, генералъ-адъютантъ Лидерсъ выслалъ два эскадрона уланъ, для прикрытія ихъ до Гуры-Яломицы, и вообще А. Н. Лидерсъ и начальникъ штаба 5-го пѣхотнаго корпуса оказали здѣсь полное и дѣятельное участіе къ успокоенію переселенцевъ.

На пути слѣдованія отрядовъ къ Рени, всюду заготовляемо было для переселенцевъ продовольствіе; для нихъ покупали пшеничную и кукурузную муку и десятками тысячъ печеные хлѣбы, варили мамалыгу. А. П. Озеровъ не только не встрѣчалъ препятствій къ продовольствію руководимой имъ огромной семьи, но вездѣ былъ привѣтствованъ хлѣбомъ и солью. Власти и жители городовъ и мѣстечекъ, близъ которыхъ дѣлались привалы, наперерывъ спѣшили съ угощеніями.

Движеніе этой массы переселенцевъ, съ ихъ обозами, скотомъ, домашнею птицею, представляло чрезвычайно занимательную картину: это былъ, можно сказать, образецъ древняго переселенія народовъ. Движеніе продолжалось цѣлый мѣсяцъ. Уже установились правила и обычаи кочевой жизни. Третейскимъ судомъ, подъ предсѣдательствомъ А. П. Озерова и съ участіемъ старшинъ, рѣшались мелкія пререканія, недо-

молвки и притязанія кочевниковъ. Предсѣдателю пришлось бывать крестнымъ отцемъ на крестинахъ и посаженымъ на свадьбахъ. Были и случаи заупокойныхъ моленій. Болгаре, хотя и спѣшили, какъ говорили они, спасти только душу свою отъ Турецкаго ножа, однако успѣли захватить домашніе пожитки, имущество; мало того, они увозили и церковныя украшенія, сосуды и утварь, колокола; крестовъ только не сняли съ церквей своихъ. Привычка къ труду не покидала ихъ въ этомъ бѣгствѣ; Болгарки не забывали своихъ обычныхъ занятій: на пути они пряли шерсть, вязали чулки, сновали простые коврики и кое-что сбывали обывателямъ; дѣти рѣзвились на телѣгахъ, пѣсни не прекращались до поздняго вечера; казалось, эти бѣдные сыны Болгаріи никогда и не страдали подъ тяжестію Турецкаго управленія, восхваляемаго западною Европою: такъ ободряло ихъ попечительство Россіи и упованіе на милость православнаго Царя. Конечно, гдѣ есть матеріяльное добро, тамъ не обходится безъ препираній; но при благодушіи народа они скоро умирялись и кончались братскимъ цѣлованіемъ. Изъ Турціи бѣжали не одни жители Силистрійскаго округа: къ командующему войсками по низовьямъ Дуная генералъ-лейтенанту Ушакову явились толпами жители Бабадагской провинціи, умоляя его о защитѣ; всѣхъ ихъ генералъ Ушаковъ отправилъ на переправу нашу у Исакчи и колоніи Сатуново, гдѣ они также были приняты лично А. П. Озеровымъ.

Между тѣмъ, когда отряды шли къ Рени, гдѣ, также какъ и въ Сатуновѣ, переселенцы должны были предъ вступленіемъ въ наши предѣлы подвергнуться карантинному очищенію, исправляющій должность Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора, генер.-адъютантъ Н. Н. Анненковъ принялъ всѣ мѣры, чтобы обсервація эта, довольно многосложная и затруднительная при множествѣ переселенцевъ, совершилась какъ можно удобнѣе и не сопровождалась никакими стѣсненіями для Болгаръ. Для этого, по ходатайству А. П. Озерова, командированы были опытные и благонадежные карантинные чиновники, которымъ поручено было озаботиться продовольствіемъ переселенцевъ, во время карантиннаго задержанія, и избрать мѣсто для помѣщенія Болгаръ лагеремъ, по близости къ водѣ, и чтобы огромное количество скота, которое они ведутъ съ собой, имѣло хорошія пастбища. Къ тому же времени прибыли въ Рени командированные Попечительнымъ Комитетомъ объ иностранныхъ переселенцахъ: управляющій Задунайскими переселенцами и чиновники особыхъ порученій при Комитетѣ, которые должны были потомъ принять въ свое вѣдѣніе переселенцевъ для размѣщенія ихъ по Болгарскимъ колоніямъ въ Бессарабіи. Когда 30 Іюня,

960 Болгарскихъ семействъ, въ числѣ 6500 душъ обоего пола, съ 1600 подводъ и до 45000 штукъ скота, прибыли въ Рени, ихъ расположили, для выдержанія карантиннаго термина, на возвышенномъ мѣстѣ надъ Дунаемъ, каждое селеніе отдѣльно и подъ наблюденіемъ старшинъ. Вслѣдъ затѣмъ приступлено было къ составленію отдѣльныхъ списковъ переселенцамъ и ихъ имуществу, для чего назначено было до 60 писарей изъ Болгарскихъ колоній. Во время пребыванія переселенцевъ въ карантинной, продовольствіе доставляемо имъ было частію отъ гражданскаго мѣстнаго начальства, на счетъ суммы, отпущенной въ главной квартирѣ, частію изъ казеннаго провіантскаго магазина; много было и пожертвованій единовѣрцевъ изъ Болгаръ, которые доставляли имъ изъ ближайшихъ колоній хлѣбъ и топливо. Между тѣмъ командированные чиновники, а еще ближе коммиссія переселенія, обращали особенное вниманіе на доброкачественность продуктовъ, продаваемыхъ въ чертѣ обсерваціи, по умѣреннымъ цѣнамъ, дабы предохранить переселенцевъ отъ дурной пищи, которая съ перемѣной климата и особливо воды, могла имѣть дурное вліяніе на ихъ здоровье; по особой заботливости Н. Х. Палаузова они снабжены были въ изобиліи солью, перцемъ и уксусомъ.

Въ тоже время выдерживали карантинный терминъ прибывшіе изъ Мачина, Бабадага, Тульчи и Исакчи, въ числѣ до 900 душъ, между колоніею Сатуново и переправою у монастыря св. Ѳерапонта, построеннаго на томъ возвышеніи, съ котораго Государь Императоръ изволилъ смотрѣть на переправу войскъ черезъ Дунай въ 1828 году.

Въ Воскресенье, 5-го Іюля, когда для Болгаръ кончился карантинный терминъ и произведено имъ было медицинское освидѣтельствованіе, дѣйствительный статскій совѣтникъ Озеровъ распорядился, чтобы передъ передачею переселенцевъ изъ карантиннаго вѣдомства въ вѣдомство колоній совершено было благодарственное молебствіе. Радость, спокойствіе и праздничное настроеніе выражались на лицахъ всѣхъ Болгаръ, окружавшихъ съ женами и дѣтьми густою толпою поставленный противу лагеря аналой, у котораго снова священнодѣйствовалъ о. Климентій съ тремя Болгарскими и однимъ Греческимъ священниками, пришедшими къ намъ съ переселенцами. Надобно было видѣть, съ какимъ усердіемъ, съ какимъ благоговѣніемъ молились снова у той же иконы Богоматери эти бѣдные люди, уже на землѣ Русской, среди сбиравшихся къ нимъ навстрѣчу единоплеменниковъ ихъ изъ ближайшихъ колоній. Снова эти, по душѣ и сердцу, настоящія дѣти насыпали у аналоя цѣлую груду грошей. Духовенство отказалось принять ихъ себѣ

въ вознагражденіе, и съ единодушнаго согласія старшинъ Озеровъ роздалъ ихъ бѣднѣйшимъ изъ переселенцевъ. И снова о. Климентій провозгласилъ многолѣтіе обожаемому Монарху, и снова тысячи спасенныхъ и усыновленныхъ дѣтей его пали на колѣни и твердили: аминь! аминь! А теперь въ этомъ единоплеменномъ благодареніи присоединились къ нимъ и тѣ тысячи обрусѣвшихъ единоплеменниковъ ихъ, которые уже столько лѣтъ благоденствуютъ подъ христіанскимъ кровомъ Россіи.

О. Климентій, проводивъ паству свою въ Россію, рѣшился снова отправиться на правый берегъ Дуная и возвратиться въ лѣса Болгаріи къ угнетеннымъ сынамъ ея. Нельзя было не быть тронутымъ до глубины души, когда этотъ благодушный пастырь, разставаясь съ соотечественниками, назидалъ ихъ, благословлялъ св. крестомъ каждаго изъ нихъ, окропляя святою водою. Они шли отъ родныхъ пепелищъ въ край, родной имъ по мѣрѣ и по чувствамъ, гдѣ ждали ихъ покой и честный трудъ подъ защитою православнаго Царя, шли съ надеждою и увѣренностью въ лучшей будущности; а онъ добровольно возвращался въ покинутые имъ лѣса, чтобы тамъ молиться о несчастной своей родинѣ, надъ которою свирѣпствуетъ врагъ Христа и, можетъ быть, пострадать смертію мученика. Въ краткомъ словѣ, заливаясь самъ слезами, обѣщалъ онъ новопоселенцамъ, по возможности, доставлять извѣстія о покинутой родинѣ. И тутъ опять при разставаніи съ своимъ пастыремъ, свято преданнымъ долгу, завѣщанному Христомъ, цѣлуя крестъ, и старый, и малый благоговѣйно предлагалъ ему на путь свою доброхотную копѣйку. Не могъ онъ огорчить ихъ новымъ отказомъ принять эту трогательную подачу. По окончаніи молебствія старшины нашихъ Болгарскихъ колоній, съ 70 выборными и писарями, привѣтствовали хлѣбомъ-солью новыхъ своихъ собратій. Поднесено было и вино съ обильною закускою для всего собравшагося народа. Тогда А. П. Озеровъ, взявъ чарку водки, обратился къ собравшимся вокругъ него и о. Климентія переселенцамъ и сказалъ имъ: «Братья! Мы молились сейчасъ за благоденствіе нашего возлюбленнаго и великаго Государя; выпьемъ теперь за драгоцѣнное его здравіе!» Отвѣтомъ на эти слова было общее, громкое ура! нѣсколькихъ тысячъ Болгаръ, которые долго, долго не прерывали этого задушевнаго крика и весело бросали шапки, били въ ладоши, подпрыгивали, какъ дѣти. Эхо разносило это громогласіе по дальнимъ окрестностямъ, а оттуда перелетала въ сердце Россіи благодатная вѣсть о совершенномъ нашимъ благочестивымъ Государемъ великомъ христіанскомъ дѣлѣ. Добрые, несчастные эти люди, конечно, въ это время чувствовали себя уже усыновленными матерью-

Россіей; они весело болтали съ окружавшими ихъ жителями Рени и пришедшими изъ колоній земляками; многіе обнимались съ родными, которыхъ, быть можетъ, никогда и не надѣялись уже видѣть. Когда имъ объявили, что они уже свободны отъ карантина и вскорѣ должны будутъ отправиться по мѣстамъ ихъ распредѣленія, чтобы поступить въ вѣдѣніе управленія колоніями, благодарность къ попечительности о нихъ д. с. с. Озерова выразилась самымъ трогательнымъ образомъ: десятка два стариковъ-старшинъ подошли къ нему съ чаркою вина, и одинъ изъ нихъ, съ сѣдою какъ лунь бородою сказалъ, ему довольно чистымъ Русскимъ языкомъ: «Да будетъ съ тобою Господь Богъ всегда и вездѣ, куда направитъ тебя нашъ великій Государь; вотъ тебѣ спасибо наше!» И эти старики-дѣти, какъ роднаго отца, стали обнимать Александра Петровича. Женщины и дѣти подбѣгали и рвались цѣловать у него руки.

Съ окончаніемъ карантиннаго термина въ Рени и Сатуновѣ, переселенцы сданы были вѣдомству Попечительнаго Комитета, которое направило ихъ отрядами для размѣщенія временно въ трехъ округахъ Болгарскихъ колоній: Измаильскомъ, Верхнебуджакскомъ и Нижнебуджакскомъ, жители которыхъ единодушно вызвались принять съ радушіемъ угнетенныхъ земляковъ своихъ. Тѣ изъ нихъ, у которыхъ есть въ колоніяхъ родственники, размѣщены по этимъ колоніямъ; ремесленники въ Бѣлградѣ и Камратѣ, какъ болѣе населенныхъ и ремесленныхъ; для огромнаго количества приведеннаго переселенцами скота отведены пастбища на колонистской землѣ, куда скотъ и направленъ тотчасъ, подъ присмотромъ пастуховъ изъ Болгаръ-переселенцевъ и Болгаръ-колонистовъ.

Такъ совершились переселеніе къ намъ и водвореніе слишкомъ 6000 Болгаръ, которые бѣжали съ родимыхъ мѣстъ, спасаясь отъ огня и меча свирѣпыхъ притѣснителей. Вотъ дѣло во всей его простотѣ, безъ особыхъ поясненій; оно краснорѣчивѣе всего говоритъ само за себя; пусть глубокіе политики и поклонники Запада разбираютъ его и рѣшаютъ, гдѣ истинное просвѣщеніе, гдѣ дѣйствительная любовь къ человѣчеству?

Н. Лоранъ.

Сатуново, 10 Іюля 1854 года.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Командующему войсками 3, 4 и 5 пѣхотныхъ корпусовъ господину генералъ-адъютанту и кавалеру князю Горчакову.

Дѣйствительнаго статскаго совѣтника Александра Озерова

Донесеніе.

Честь имѣю довести до свѣдѣнія вашего сіятельства, что, согласно предписанію вашему отъ 17 Іюня, № 474, переселенцы изъ Турціи, принятые мною въ Калараше и вышедшіе оттуда до 19 Іюня, доведены мною благополучно, при непосредственномъ надзорѣ и охраненіи полковника графа Адлерберга, до границы нашей и перешли Прутъ 30 Іюня. Къ нимъ, въ Гуро-Яломицѣ, присоединилось только 38 семействъ: ибо, хотя и бѣжали съ лѣваго берега Дуная цѣлыя три деревни, именно, Кокерлени, Ралевата и Мырлянъ; но, состоя, большею частію изъ Молдаванъ и Валаховъ, они всѣ пожелали остаться временно въ княжествахъ.

По приказанію вашего сіятельства, я проѣхалъ по берегу Дуная до Тульчи для собранія свѣдѣній о скопившихся тамъ поселянахъ, желающихъ перейти въ Россію.

Въ исполненіи сего порученія я нашелъ самое дѣятельное и усердное содѣйствіе отъ г. военныхъ начальниковъ, командующихъ отдѣльными отрядами на лѣвомъ и правомъ берегахъ Дуная. Христіанское народонаселеніе городовъ Мачина и Исакчи все перешло на лѣвый берегъ; но, принадлежа по большей части къ торговому и ремесленному сословію, разсыпалось по городамъ и селамъ лѣваго прибрежья. Изъ Исакчи перешло до сихъ поръ въ наши предѣлы только 110 душъ, изъ Мачина 151 душа и изъ Тульчи до 100 душъ (послѣднія приняты въ вѣдомство Измаильской полиціи). Сверхъ того, уже въ бытность мою въ Рени, узналъ я, что изъ подъ Тульчи переселяется къ намъ бывшая тамъ Нѣмецкая колонія; а по удостовѣренію гг. командующихъ войсками нашими въ Тульчѣ и Исакчѣ генералъ-лейтенанта Ушакова и генералъ-маіора Толстаго, большая часть Добруджи готовится перейти въ предѣлы Россіи, при первомъ натискѣ непріятеля; жители же Тульчи уже всѣ сложили свои имущества на кирлаши, съ тѣмъ, чтобы немедленно отправиться на нашъ берегъ, если бы войска наши оставили занимаемыя ими теперь позиціи на низовьяхъ Дуная. Въ минуту общаго страха между христіанскими жителями праваго берега Дуная, послѣ снятія осады Силистріи, толпы переселенцевъ кинулись на Исакчійскую переправу. Имъ отъ войскъ нашихъ было оказано всевозможное пособіе; но при неожиданности переселенія въ семъ пунктѣ мѣстнымъ начальствомъ не были сдѣланы всѣ необходимыя распоряженія къ принятію переселенцевъ. Карантины, таможенныя и акцизныя правила, соблюдаемыя во всей строгости, а также недостатокъ должнаго сочувствія въ приставахъ, испол-

нявшихъ только буквально свои обязанности, встревожили многихъ изъ переселявшихся, и когда я прибылъ въ Сатуново, то уже до 60 семействъ переправились обратно. Я, съ своей стороны, употребилъ на мѣстѣ все стараніе, чтобы изгладить неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное на переселенцевъ рядомъ недоразумѣній, и оставилъ генералу Толстому нѣкоторую сумму денегъ для оказанія неотложныхъ пособій переселенцамъ, наиболѣе потерпѣвшимъ отъ поспѣшнаго бѣгства. Въ тоже время я довелъ о семъ до свѣдѣнія г. исправляющаго должность Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора, отъ котораго, вслѣдствіе сего, отданы были по сему предмету должныя приказанія и высланъ довѣренный и свѣдущій чиновникъ для наблюденія впредъ за принятіемъ переселенцевъ на низовьяхъ Дуная. Сверхъ того, полковникъ графъ Адлербергъ отправился въ Одессу для личнаго совѣщанія съ генералъ-адъютантомъ Анненковымъ объ облегченіи, по возможности, карантинныхъ и таможенныхъ мѣръ въ отношеніи къ переселенцамъ, прибѣгающимъ къ великодушію нашего правительства.

Въ Рени переселенцы приняты и содержаны, во время карантиннаго термина, самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Денежныхъ и продовольственныхъ средствъ, которыми, по приказанію вашего сіятельства, я такъ щедро былъ надѣленъ, достаточно было не только на время пути, но и въ продолженіи содержанія переселенцевъ въ карантинѣ. Откомандированный для состоянія при мнѣ коллежскій секретарь Палаузовъ, по рожденію Болгаринъ, постоянно находился около переселенцевъ, съ неутомимою заботливостью справлялся о малѣйшихъ нуждахъ ихъ и разбиралъ ихъ домогательства. Въ примѣръ попечительности его приведу, что онъ, по совѣту медиковъ, снабдилъ даже, на свой счетъ, переселенцевъ уксусомъ и перцемъ. Караваны представляли сначала видъ тѣсно столпившихся кучекъ разоренныхъ и несчастныхъ поселянъ, стремглавъ и въ испугѣ оставившихъ свои жилища; а теперь уже они представляли картину огромной, оживленной ярмарки съ веселыми пѣснями и плясками, подъ звуки волынки. Были случаи свадебъ и крестинъ, которые совершались Болгарскими священниками при моемъ воспріемничествѣ. Переселенцамъ не отказываемо было даже въ винѣ, и тутъ, не разъ слышались громкіе возгласы: за здравіе спасителя нашего князя Горчакова!

При этомъ я имѣлъ возможность для пособій бѣднѣйшимъ отпускать небольшія суммы чиновникамъ и Болгарскимъ старшинамъ, высланнымъ для принятія переселенцевъ; за всѣмъ тѣмъ у меня изъ отпущенныхъ мнѣ денегъ еще сохранился значительный остатокъ.

Переселенцы вышли изъ карантина съ бодрыми, довольными лицами, и съ слѣпою довѣрчивостью повиновались всѣмъ распоряженіямъ начальства.

4 Іюля, послѣ молебствія и угощенія, приготовленнаго въ полѣ Болгарскими гостепріимцами нашихъ колоній, при единодушномъ возглашеніи ура! въ честь и славу Государя Императора, караваны выступили къ мѣсту своего назначенія.

Вкратцѣ считаю долгомъ довести до свѣдѣнія вашего сіятельства о распоряженіяхъ мѣстнаго начальства для принятія и размѣщенія переселенцевъ, на время, пока не рѣшатъ они между собою, останутся ли они въ предѣлахъ нашихъ на постоянное жительство. До сихъ поръ всѣ переселенцы въ одинъ голосъ говорятъ, что, какъ бы ни желали они, а къ очагамъ своимъ не возвратятся, пока земля ихъ будетъ Турецкимъ владѣніемъ; до тѣхъ поръ, говорятъ они, будемъ жить подъ мощною христолюбивою защитою Царя православнаго и всѣми силами будемъ стараться заслужить его милость. Болгаръ и небольшое количество Молдаванъ, вмѣстѣ съ ними перешедшихъ, приняли на свое попеченіе три округа Болгарскихъ поселеній нашихъ. Руснаки направляются къ Кишеневу, а отдѣльныя семейства торговцевъ и ремесленниковъ передаются въ мѣстныя вѣдомства тѣхъ городовъ Бессарабской области, въ которыхъ они пожелаютъ водвориться. Но на постоянство и осѣдлость этихъ сословій нельзя разсчитывать, и при благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ они, конечно, всѣ пожелаютъ перейти обратно въ прежнія свои жилища.

Какъ ваше сіятельство усмотрѣть изволите изъ представляемыхъ у сего рапортовъ подполковника Арендаренко и капитана Червинскаго, а также прилагаемой карантинной вѣдомости, все число переселенцевъ приведенныхъ подъ моимъ вѣдѣніемъ въ предѣлы наши, включая въ оные нѣсколько семействъ принятыхъ въ Галацѣ и Тульчинскихъ жителей, оставленныхъ мною въ Измаилѣ, простирается до 11.000 семействъ, въ коихъ, съ дѣтьми, 6627 душъ обоего пола. При нихъ скота, крупнаго и мелкаго, 44.599 головъ; имущество свое везутъ они на 1635 подводахъ. Къ послѣднему числу надо прибавить до 80 наемныхъ обывательскихъ подводъ и до ста лодокъ, разной величины, на которыхъ равномѣрно сложены были пожитки переселенцевъ.

Мнѣ остается только присовокупить, что состояніе здоровья переселенцевъ къ намъ перешедшихъ, какъ ваше сіятельство усмотрѣть изволите изъ прилагаемой у сего вѣдомости, можно считать, по проценту заболѣвшихъ, весьма удовлетворительнымъ. По выходѣ изъ карантина у нихъ было только 56 больныхъ, изъ коихъ большая часть отъ неосторожнаго употребленія, во время жаровъ, воды. Между больными открылось нѣсколько случаевъ оспы, и семейства, въ коихъ болѣзнь эта показалась, тотчасъ же отдѣлены отъ каравановъ.

Объ исполненіи возложеннаго на меня порученія я счелъ долгомъ, безъ замедленія, донести вашему сіятельству, ибо не могу еще лично явиться въ главную квартиру, будучи задержанъ приведеніемъ въ порядокъ моей денежной отчетности.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ **А. Озеровъ**.

№ 19 г. Галацъ, 6 Іюля 1854 года.

ПРЕДАНІЯ О „ПАНАХЪ" ВЪ НОВГОРОДСКОЙ, ВОЛОГОДСКОЙ И ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНІЯХЪ.

Отголоски Смутнаго Времени до сихъ поръ сохраняются въ нашемъ народѣ подъ видомъ преданій и разсказовъ „о панахъ," пріурочиваемыхъ къ той или другой мѣстности. Такихъ преданій много сохранилось, доселѣ и въ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ. Преданіями этими разрѣшается довольно явно вопросъ, который можетъ зародиться у всякаго при чтеніи нашихъ лѣтописей, именно о томъ, куда дѣвались остатки Польско-литовскихъ разбойничьихъ шаекъ, разбиваемыхъ то здѣсь, то тамъ царскими воеводами, иногда въ самыхъ глухихъ, лѣсистыхъ мѣстностяхъ Русскаго Сѣвера. Къ несчастію, всѣ эти преданія, записанныя и записываемыя мѣстными нашими изслѣдователями, помѣщались и помѣщаются въ видѣ отрывочныхъ замѣтокъ на страницахъ мѣстныхъ изданій, вслѣдствіе чего пользоваться такими замѣтками могутъ немногіе изслѣдователи. Неудивительно, что до сихъ поръ еще не было почти попытокъ сгруппировать преданія этого рода въ одно цѣлое, чтобы превратить ихъ въ историческій матеріалъ, болѣе доступный и удобный для историка.

Польскія и Литовскія шайки, направляясь въ предѣлы Бѣлозерскія отъ сосѣдней Устюжны Желѣзнопольской, разсѣялись по мѣстностямъ нынѣшняго Череповецкаго и Бѣлозерскаго уѣздовъ, разоряя и грабя все на пути своемъ. Изъ лѣтописей извѣстно, что при этомъ пострадали между прочимъ Воскресенскій монастырь, первоначальное ядро города Череповца, и монастырь преподобнаго Филиппа Иранскаго въ Андогѣ.

При этомъ мелкія партіи Поляковъ побывали во многихъ погостахъ и селеніяхъ, на что указываютъ многочисленныя преданія Череповецкаго уѣзда. Преданія эти были записаны М. К. Герасимовымъ и помѣщены имъ въ Новгородскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1896 г. № 56.

1. Въ селѣ Ольховкѣ, Ольховской волости, на берегу рѣки Шексны жили и расбойничали „паны." Въ одномъ мѣстѣ Шексна, мѣняя русло, отмываетъ берегъ, и съ отпавшей землей выходятъ громадной толщины дубовыя деревья, приблизительно около трехъ аршинъ отъ поверхности земли. Это будто бы остатки жилища „пановъ". Изъ появившихся дубовъ крестьяне дѣлаютъ себѣ лопатки для точенія косъ. (Записано отъ крестьянина Ивана Борина). Изъ приведеннаго нами смутнаго преданія можно заключить, что „паны", разорявшіе села и деревни и представлявшіе собою остатки Польско-

литовско-казацкихъ шаекъ, во время самозванщины, вили себѣ постоянныя разбойничьи гнѣзда, изъ которыхъ и дѣлали нападенія на окрестныхъ жителей. Тоже самое подтверждается и преданіями, записанными въ Вологодской и Ярославской губерніяхъ.

2. Около села Ольхова, Ольховской волости, есть урочище „Маленькое Озерко"; близъ него растетъ старая кривая береза съ вколоченнымъ въ нее бараньимъ зубомъ. Одинъ крестьянинъ села Ольхова былъ по своимъ дѣламъ въ Нижнемъ Новгородѣ на ярмаркѣ. Въ то время поймали тамъ „пана" и присудили къ казни. Передъ смертью онъ сознался во всеуслышаніе, что знаетъ зарытый кладъ близъ села Ольхова, у кривой березы съ бараньимъ зубомъ. Крестьянинъ, услышавъ это извѣстіе, сейчасъ поѣхалъ домой, вырылъ кладъ и разбогатѣлъ. Потомки его живутъ въ настоящее время весьма состоятельно (записано отъ кр. с. Ольхова Ивана Борина).

Должно замѣтить, что значительная часть народныхъ преданій о пребываніи въ данномъ мѣстѣ Литовско-польскихъ шаекъ связана съ сокрытіемъ этими шайками кладовъ. Вполнѣ естественно предположить, что шайки эти были отягощены добычею и излишекъ ея зарывали въ землю, надѣясь на возвратномъ пути взять награбленное.

3. На урочищѣ „Подсосновикѣ", Заболотскаго прихода, Дмитріевской волости, почти у самаго Дмитріевскаго болота, подъ одною березою зарытъ кладъ, а именно сундукъ съ деньгами. Кладъ зарытъ „панами", которые грабили народъ. Были попытки вырыть кладъ. (Записано отъ крестьянина деревни Острова, Луки Старцева).

4. Близъ деревни Клопузова, Уломской волости „въ полькѣ" существовало по преданію селеніе, разоренное „панами."

5. По Мучелажскому ручью, Николо-Раменскаго прихода, Горской волости, извѣстны два урочища „Мучелага и Оселокъ". На этихъ урочищахъ, по преданію существовали селенія, раззоренныя „панами"; обломки кирпичей и кузнечные огарки находятся и теперь въ землѣ. Въ томъ же приходѣ и той же волости на урочищѣ „Оселокъ" по рѣкѣ Молопѣ, существовало селеніе разоренное панами, какъ гласитъ объ этомъ народное преданіе. Что Польско-литовскія шайки дѣйствительно были въ предѣлахъ Горской волости, это подтверждается писцовой книгой Углицкаго уѣзда, что́ подъ Устюжною Желѣзнопольскою, бывшей вотчины Ставропигіальнаго Симонова монастыря Важской и Голоховской. Изъ означенной книги видно, что въ Смутное Время были раззорены здѣсь слѣдующія селенія: деревня Сковятино (въ позднѣйшее время возстановлена), починокъ Носовъ (нынѣ не существуетъ), деревня Кузнечиха на рѣкѣ Егницѣ (Ягницѣ, нынѣ не существуетъ), деревня Заднее Болото (возстановлена въ позднѣйшее время), деревня Орлецъ на рѣчкѣ Орлецѣ (возстановлена въ позднѣйшее время).

6. Отъ деревни Воротинина, Гришкинскаго прихода, Колоденской волости въ одной верстѣ, есть курганъ, обросшій толстыми березами теперь уже посохшими. Тутъ, по преданію, похоронены „паны" (записано отъ крестьянина Ивана Старостина). Въ деревнѣ Сокольникахъ, Заболотскаго прихода,

Дмитріевской волости, похоронены „полтора пана", т. е. взрослый Полякъ и его сынъ (записано отъ крестьянина Григорія Харюкова).

7. Въ деревнѣ Давыдовѣ, Гришкинскаго прихода, Колоденской волости, разсказываютъ, что крестьяне поймали одного отставшаго „пана", притащили на гумно и давай бить цѣпами, приговаривая: „лежи, пане, лямо-то *) оторвется, такъ убѣжишь". (Записано отъ крестьянина Григорія Конкина).

8. Въ селѣ Дмитріевскомъ, Старо-Никольскаго прихода, Дмитріевской волости, Поляки проходили въ лѣтнее время, когда крестьяне были на сѣнокосѣ, а дома оставались одни дѣти и старики. Теперь лѣтомъ, когда взрослые уходятъ на работы и возвращаются только вечеромъ, маленькія ребята съ нетерпѣніемъ ожидаютъ ихъ домой и кричатъ: „тятька да мамка идите домой, были паны да повыѣхали". (Записано отъ Е. М. Давыдовой).

Въ Кадниковскомъ уѣздѣ, Вологодской губерніи сохранилось также много преданій о „панахъ". Польско-литовскіе набѣги въ Смутное Время дѣйствительно простирались и на Вологодскую губернію. Въ Вологодской губернской лѣтописи встрѣчается извѣстіе, что въ Сентябрѣ 1612 г. „Польскіе и Литовскіе люди съ Черкасами и казаками пришли на Вологду безвѣстно, изгономъ, города и посады выжгли и подъ предводительствомъ пана Голеневскаго, гетмана Шелковецкаго и атамана Баловня воевали села и деревни и многихъ людей мучили и убивали. Шайки ихъ разсыпались по всему сѣверному краю и доходили даже до Холмогоръ". (Вологодскій Статистическій Сборникъ, изд. Губ. Стат. Ком. т. 5-й. „Панскій наѣздъ" г. Мерцалова).

9. Въ Азлецкой волости, Кадниковскаго уѣзда, есть пустошь Ивониха, гдѣ прежде была деревня Иваниха. Въ этой деревкѣ встарь долго жили „паны", занимавшіеся набѣгами съ цѣлію грабежа въ сосѣднія деревни. До настоящаго времени еще сохранились слѣды этой деревни: отброски отъ желѣза, гдѣ находилась тогда кузница и множество кирпичей.

10. Паны жили и въ Троицко-Енальской волости, гдѣ, по преданію, они и окончили свою разбойническую дѣятельность: часть ихъ была взята нашими войсками, неизвѣстно откуда пришедшими, а часть разбѣжалась. Паны эти, по преданію, разграбили деревню Родіоновскую и др. деревни и награбленное имущество зарывали въ землю въ своемъ поселкѣ, который находился гдѣ-то неподалеку. Изъ этого поселка они дѣлали набѣги на сосѣднія деревни; особенно часто они производили грабежъ въ Ухтомской волости; во время гулянія тамъ 16 Іюня они производили страшный переполохъ своимъ неожиданнымъ появленіемъ. Стоило появиться на это гулянье 20—30 „панамъ", какъ народъ бросался бѣжать куда кому попало, оставляя даже и имущество свое, что конечно было „панамъ" на руку. Награбленныя деньги паны зарывали въ землю; о такихъ кладахъ много бывало и записей, по которымъ нерѣдко и находили ихъ. (А. Шустиковъ. „Живая Старина" 1892 г. вып. III, стр. 118).

---

*) Лямо —ремень. Отсюда лямка. П. Б.

Нѣкоторые изъ пановъ, видя, что безнаказанно заниматься разбоями уже нельзя, впослѣдствіи принимались за хлѣбопашество. Весьма цѣнныя указанія на это находимъ въ преданіяхъ о „панахъ", существующихъ въ Кадниковскомъ уѣздѣ, Вологодской губ., записанныхъ А. Шустиковымъ.

11. „Въ Митюковской волости, въ лѣсныхъ пустошахъ подъ названіемъ Ѳоминская, Родіониха, Слюниха, Матрениха и Лѣсная, недалеко одна отъ другой отстоящихъ, жили въ старину тоже какіе-то люди, которыхъ народъ называлъ „панами". Эти „паны" занимались мирнымъ ремесломъ, хлѣбопашествомъ и охотой. На тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жили по преданію „паны", можно видѣть обломки кирпичей отъ нѣкогда существовавшихъ печей, а также замѣтны борозды, слѣды пашни, не смотря на то, что на такихъ мѣстахъ выросъ уже строевой лѣсъ". („Живая Старина" 1892, III, стр. 118 р.).

12. „О пребываніи пановъ въ Ембской волости, Кадниковскаго уѣзда, сохранилось слѣдующее преданіе. Пріѣхавши въ Ембу, паны вознамѣрились убить Антона, крестьянина деревни Агаѳоновской, слывшаго за богатыря; но это имъ не удалось. Антонъ всюду оказывался побѣдителемъ и однажды уздечкой одному повстрѣчавшемуся пану выбилъ всѣ зубы. Беззубаго „пана" уже старикомъ послѣ того, кто-то видалъ въ Пошехоньѣ, гдѣ онъ занимался хлѣбопашествомъ.

Въ Кадниковской уѣздѣ разсказываютъ, что „паны" ходили всюду, нерѣдко и по одиночкѣ. Такъ напримѣръ одинъ крестьянинъ деревни Якуненской, Хмѣлевской волости, по прозванію Олень, разъ встрѣтилъ въ своей поскотинѣ „пана", который, впрочемъ, задолго до этого добивался встрѣчи съ Оленемъ, такъ какъ у него по слухамъ хранилось имущество и деньги всей деревни, и паны это знали. Олень, встрѣтивши пана, видитъ невозможность защититься отъ него: панъ былъ вооруженъ копьемъ, а у Оленя не было даже и палки. Онъ пустился на хитрость. Онъ началъ быстро убѣгать отъ пана по направленію ближайшей изгороди, перепрыгнулъ черезъ нее и тутъ же засѣлъ подъ елкой. Вслѣдъ за нимъ прибѣжалъ „панъ" и, чтобы скорѣе перепрыгнуть черезъ изгородь, сперва перебросилъ черезъ нее копье, что и нужно было Оленю: онъ тогда же выскочилъ съ быстротою настоящаго Оленя и, схвативши панское копье, прикололъ имъ „пана". Копье это долго хранилось въ деревнѣ, какъ трофей побѣды. Одежда „пановъ" была черная, длинная, на манеръ монашеской".

13. „Когда паны прибыли въ деревню Хмѣлевскую, Нижнеслободской волости, Кадниковскаго уѣзда, то жители этой деревни отъ страха разбѣжались; остался въ деревнѣ одинъ крестьянинъ Иванъ, которому и поручено было разбѣжавшимися жителями хранить ихъ имущество, зарытое въ землю. Иванъ залѣзъ у себя въ домѣ въ стогъ соломы, думая тѣмъ спастись отъ „пановъ"; но „паны" открыли его убѣжище и потребовали показать имущество, будучи увѣрены, что онъ знаетъ о томъ, коли не убѣжалъ самъ. Иванъ отвѣчалъ имъ, что онъ „знать не знаетъ и вѣдать не вѣдаетъ" ни о какомъ имуществѣ. „Паны" сильно озлились на него и стали его пытать,

рвать жилы, ногти, но все было безуспѣшно. Тогда они разложили у ручья, что близъ деревни, огонь, на который и положили Ивана и начали медленно жечь, не переставая спрашивать, гдѣ находится имущество. Но Иванъ былъ мужикъ непреклонный и постоянно твердилъ одно и тоже: „знать не знаю и вѣдать не вѣдаю", съ тѣмъ и умеръ. Послѣ этого и ручей сталъ называться Ивановскимъ и до сихъ поръ. Это событіе было такъ давно, что деревня Хмѣлевская тогда состояла изъ 3—4 домовъ, а теперь въ ней около 70 домовъ. (Кто знаетъ, какъ быстро разростается населеніе нашихъ поселковъ, тотъ согласится съ нами, что событіе, о которомъ передается здѣсь, могло быть немногимъ ранѣе ста лѣтъ, т. е. въ концѣ прошлаго вѣка).

Но и послѣ этого „паны" были, по преданію, еще разъ близъ вышеупомянутой деревни. Въ трехъ верстахъ отъ нея, при сліяніи рѣкъ Кубены и Ембы, происходила битва мѣстныхъ крестьянъ съ „панами". „Паны" прибыли туда на лодкахъ съ низовья Кубены и хотѣли устроить здѣсь поселокъ; но крестьяне не позволили, отчего и произошла битва, продолжавшаяся очень долго и которая была тяжела для обѣихъ сторонъ, но крестьяне въ концѣ концевъ побѣдили: главному начальнику ихъ выкололи лѣвый глазъ, а имущество ихъ отняли и раздѣлили между собою. Много было убитыхъ, особенно пановъ; но нѣкоторые изъ нихъ спаслись тѣмъ, что побросались въ лодки и поплыли внизъ по теченію Кубены, откуда и прибыли. „Наши" тогда ничего подѣлать не могли, такъ какъ не имѣли лодокъ.

14. Въ Троицко-Енальской волости, Кадниковскаго уѣзда, если ѣхать на Вотчу, на пути будетъ мѣсто называемое „Большая Оспна", гдѣ зарытъ въ землю „панами" цѣлый котелъ денегъ, исключительно золотой монеты.

15. Въ той-же Троицко-Енальской волости была прежде церковь деревянная. Отъ того мѣста, гдѣ она находилась, по преданію, слѣдуетъ взять прямую линію на гору, на которой находился панскій поселокъ, и вотъ тамъ, при скрещиваніи этой линіи съ прямою же линіею отъ ближайшей деревни Бакланово, зарытъ панами въ землю кладъ — пивной котелъ, наполненный серебромъ и золотомъ („Живая Старина" 1892, III, 119).

Попытки открывать такіе клады, по народнымъ преданіямъ, увѣнчивались иногда успѣхомъ, и клады дѣйствительно были открываемы. Разсказываютъ, что крестьянинъ деревни Засухинской, Нижнеслободской волости, по имени Панкратъ, умершій лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, разъ въ своей жизни нашелъ кладъ: корчагу золота и серебра. Кладъ этотъ найденъ Панкратомъ единственно по указанію преданія. Отыскалъ онъ этотъ кладъ съ другимъ крестьяниномъ, но деньги получилъ всѣ, обманувъ своего товарища. Объ этой находкѣ передаютъ слѣдующее. Панкратъ, дорывшись до корчаги, вдругъ бросилъ свой заступъ и, быстро выскочивъ изъ ямы, побѣжалъ и крикнулъ: „пугаетъ! (т. е. нечистый), бѣжи и ты—задавитъ!" и товарищъ его тоже побѣжалъ, отступившись отъ клада. Когда они прибѣжали домой, то Панкратъ тайно отъ товарища сходилъ назадъ и досталъ эту корчагу и съ тѣхъ поръ зажилъ богато. Потомки его и доселѣ слывутъ за богачей.

Въ Кадниковскомъ уѣздѣ за позднѣйшее время были и дѣйствительные случаи нахожденія кладовъ. Такъ напр. въ 1877 г. одинъ крестьянинъ вблизи самаго г. Кадникова, копавшій глину, отрылъ корчагу серебра вѣсомъ въ одинъ пудъ. Въ 1887 г. крестьянка Маныловской волости, деревни Докукинской, жала въ полѣ рожь и нашла глиняную кубышку, наполненною серебряною монетою копѣечнаго достоинства съ надписями на нихъ „Великій Князь Иванъ".

Въ Ярославской губерніи наиболѣе характерное преданіе о „панахъ" сохранилось въ сѣверной и глухой части ея, въ Пошехонскомъ уѣздѣ.

Неподалеку отъ города Пошехонья, между дорогами изъ Пошехонья въ Череповецъ и тою, что ведетъ изъ г. Пошехонья въ Вологду, образующими здѣсь уголъ, вершина котораго лежитъ на берегу рѣки Согожи (впадающей въ Шексну), идетъ рядъ возвышеній, извѣстныхъ подъ названіемъ „пановскихъ горъ". Холмы эти естественнаго происхожденія, но во многихъ мѣстахъ они измѣнены искусственно настолько, что ихъ можно принять за остатки старинныхъ земляныхъ укрѣпленій.

Вершину этихъ холмовъ занимаетъ „пановская гора", на которой стоитъ деревня „Паново".

На „пановскихъ горахъ", по народному преданію, жили встарину „паны", которые грабили окрестное населеніе. На тѣхъ же холмахъ, на самомъ берегу рѣки Согожи, между деревней Ямами и Шишеловымъ, стояла на видномъ мѣстѣ висѣлица. Здѣсь „паны" творили судъ и расправу надъ пойманными жителями. (Записано въ г. Пошехоньѣ отъ Ивана Григорьева). Разъ поймали они крестьянина деревни Пенькова и стали требовать, чтобы онъ сообщилъ имъ, гдѣ скрыты у него деньги, такъ какъ этотъ крестьянинъ слылъ за человѣка богатаго. Когда крестьянинъ отказался выдать имъ это, то они подвѣсили его къ жердямъ за руки и за ноги и, зажегши сухіе вѣники, стали подпаливать; но они ничего не могли добиться отъ крестьянина и бросили его на полъ полумертвымъ. Послѣ этой пытки онъ не долго и прожилъ. Преданіе это сообщено намъ правнучкой замученнаго крестьянина, Пошехонской мѣщанкой Екатериной Кондратьевой Смирновой, нынѣ около шестидесяти лѣтъ отъ роду. Событіе, разсказанное въ преданіи, должно было происходить по ея соображеніямъ около ста или ста двадцати лѣтъ тому назадъ, но никакъ не ранѣе, т. е. приблизительно въ концѣ прошлаго вѣка.

Въ селѣ Князевѣ, лежащемъ неподалеку отъ „пановскихъ горъ" указываютъ „панскую тропку", по которой ходили будто бы паны. (Сообщено священникомъ села Андреемъ Воздвиженскимъ).

На „пановскихъ горахъ" въ семидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія былъ найденъ кладъ, состоявшій изъ мелкихъ серебряныхъ монетъ.

По дошедшему до насъ письменному сказанію о чудотворномъ образѣ Казанской Божіей Матери, въ 1609 г. Польско-литовскія шайки Лисовскаго и Яна Сапѣги заходили и въ предѣлы Пошехонскаго уѣзда, такъ что только на двадцать верстъ не дошли до мѣстности, извѣстной нынѣ подъ названі-

емъ „пановскихъ горъ“. „И тогда вборзѣ Литовскіе люди ходили, собрався изъ Ярославля, и Русскіе воры на поморскихъ людей на Мологу; а къ поморскимъ людемъ въ то время изъ Великаго Новгорода бояринъ и воевода князь Михайло Васильевичъ Скопинъ-Шуйской прислалъ воеводу Никиту Васильевича Вышеславцева. И Богъ пособи Никитѣ и поморскихъ городовъ людемъ, Литву и казаковъ побили на голову въ селѣ у Пятницѣ, близъ Бѣлаго села; и съ того дѣла Литовскіе люди и Русскіе воры-остальцы въ Ярославль немногіе прибѣжали, и изъ Ярославля въ таборы выбѣжали къ большимъ людемъ въ Суботу Лазареву, Апрѣля во осмый день, въ пятый часъ дни“ („Сказаніе вкратцѣ о новомъ дѣвичьемъ монастырѣ въ Ярославлѣ, въ Острогѣ большой осыпи и о чудотворномъ образѣ Пречистыя Богородицы“ Труды Яросл. Губернск. Ученой Архивной Коммиссіи. Вып. 1, Москва 1890 г., стр. II).

Сёла Пятница и Бѣлое находятся только въ двадцати съ небольшимъ верстахъ отъ „пановскихъ горъ“. Очевидно, что разбитые близъ с. Бѣлаго на голову Поляки легко могли добраться до „пановскихъ горъ“ и основать здѣсь селеніе, живя въ которомъ они и продолжали грабить окрестныхъ жителей.

Разбойничьи гнѣзда, по всей вѣроятности, существовали до половины прошлаго вѣка, затѣмъ постепенно были уничтожены правительствомъ, а можетъ быть отчасти и самими крестьянами, которые оказывали „панамъ“, какъ мы видѣли выше, иногда вооруженное сопротивленіе.

Къ слову замѣтимъ, что, по народнымъ разсказамъ, во всѣхъ трехъ губерніяхъ, т. е. Ярославской, Новгородской и Вологодской, были и въ первой половинѣ текущаго столѣтія такіе „мирные“ поселки и деревни, жители которыхъ поголовно „пошаливали“, т. е. занимались разбоемъ какъ промысломъ. Неудивительно, что жители многихъ изъ такихъ деревень могли быть прямыми потомками „пановъ“, о которыхъ неумолчно народное преданіе.

А. Баловъ.

Членъ Ярославской Ученой Губернской Архивной Коммиссіи.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ ОХРАНИТЕЛЬ ДРЕВНОСТИ РУССКОЙ.

Въ сороковыхъ годахъ, какъ извѣстно, производилась въ Москвѣ постройка большого Кремлевскаго дворца. Императоръ Николай Павловичъ, въ каждый пріѣздъ свой въ столицу, ежедневно отправлялся, одинъ безъ свиты, на работы. Въ одинъ изъ такихъ осмотровъ Государь встрѣтилъ на работѣ дежурнаго архитекторскаго помощника Горскаго, который, сопровождая Его Величество, объяснялъ въ подробности производившіяся работы. Царь былъ въ хорошемъ расположеніи, своимъ обращеніемъ очаровалъ молодого художника и вызвалъ его на откровенность. Разговоръ коснулся и старины Московской. Горскій, будучи самъ любитель старины, осмѣливается сообщить Государю, что извѣстный изразчатый Крутицкій теремокъ назначенъ, какъ слышно, въ сломку. „Какъ въ сломку? И для чего?“ возразилъ Государь. „Спасибо тебѣ, что сказалъ мнѣ. Я сегодня же сдѣлаю распоряженіе, чтобъ этотъ рѣдкій памятникъ старины остался въ цѣлости“. И дѣйствительно, Крутицкій теремокъ и теперь существуетъ; но Горскій за свое сообщеніе подвергся отъ своего начальства семидневному аресту, со внушеніемъ, что съ царями не разговариваютъ, но ихъ только слушаютъ.

А. Мартыновъ.

ПОПРАВКИ и ДОПОЛНЕНІЯ.

Въ статьѣ: Записки гр. Бутурлина, въ № 5 Русскаго Архива 1897, на стр. 27-ой упоминается *Флукъ*. Это не точно: въ Ришельевскомъ Лицеѣ кончили курсъ три брата *Флуки*, Николай въ 1821 г. Дмитрій въ 1826 и Эпаминондъ въ 1828 г. Дмитрій Станкаръ кончилъ курсъ въ 1824 г. въ томъ же Лицеѣ.

Въ статьѣ „Изъ Нижегородской Старины“ на стр. 136-ой выноска можетъ быть пополнепа: Н. И. Кривцовъ былъ Нижегородскимъ губернаторомъ съ 21 Сентября 1826 г. до 3 Апрѣля 1827 г. а съ этого послѣдняго числа до 1829 г. преемникомъ его былъ Храповицкій.

Г. Тройницкій.

этимъ живымъ развалинамъ, кои берегутся Провидѣніемъ для окончанія величественнаго зданія церкви вселенской. Они, какъ непріятныя кометы, блуждаютъ по всей землѣ; но придетъ время, когда переиспытанныя страданія и несбывшіяся надежды обратятъ и привлекутъ ихъ къ Истинѣ".

Чего, чего не прочтешь въ „Книгѣ Бытія моего!" Вотъ показанія преосв. Порфирія о двухъ представителяхъ нашей словесности.

„Когда я былъ еще архимандритомъ (до 1865 г.), меня въ Александроневской Лаврѣ посѣтилъ князь Петръ Андреевичъ Вяземскій и между прочимъ разсказалъ мнѣ слѣдующій необычайный случай съ нимъ. „„Я въ молодости своей не вѣрилъ ни въ Бога, ни въ бытіе души во мнѣ, ни въ загробную жизнь, и даже частенько насмѣхался надъ религіей и надъ служителями ея. А теперь я вѣрю и молюсь. Такой переворотъ къ лучшему совершился во мнѣ по слѣдующему, неисповѣдимому случаю. Однажды я ночью возвращался въ свою квартиру на Невскомъ проспектѣ, у Аничкова моста, и увидѣлъ яркій свѣтъ въ окнахъ своего кабинета. Не зная, отъ чего онъ тутъ, вхожу въ домъ и спрашиваю своего слугу: кто въ моемъ кабинетѣ? Слуга сказалъ мнѣ: тамъ нѣтъ никого, и подалъ мнѣ ключъ оттуда. Я отперъ кабинетъ, вошелъ туда и увидѣлъ, что въ глубинѣ сей комнаты сидитъ задомъ ко мнѣ какой-то человѣкъ и что-то пишетъ. Я подошелъ къ нему и, изъ-за плеча его прочитавъ написанное, громко крикнулъ, схватился за грудь свою и упалъ безъ чувствъ; когда же очнулся, уже не видѣлъ писавшаго, а написанное имъ взялъ, скрылъ и до сей поры таю, а передъ смертью прикажу положить со мною въ гробъ и могилу эту тайну мою. Кажется, я видѣлъ себя самого, пишущаго. Послѣ этого видѣнія я сдѣлался вѣрующимъ"".

*

„Однажды нашъ пресловутый поэтъ Пушкинъ и г. Ланской колко и ѣдко насмѣхались надъ религіей. Вдругъ къ нимъ вошелъ молодой человѣкъ, котораго Пушкинъ принялъ за знакомого Ланскому, а этотъ за знакомаго Пушкину. Подсѣвши къ нимъ, онъ началъ разговаривать съ ними о религіи и своими доводами обезоружилъ обоихъ. Гость всталъ и, простившись съ ними, ушелъ; а Пушкинъ и Ланской долго не могли опомниться и молчали, наконецъ заговорили и сознались, что бывшій у нихъ человѣкъ неизвѣстенъ имъ. Послѣ сего они позвали слугъ, и эти, на вопросъ ихъ, кто такой приходилъ къ нимъ, отвѣтили, что никого чужаго не видали".

Порфирій Успенскій, сынъ соборнаго псаломщика въ Костромѣ, родился въ 1804-мъ, скончался въ 1885 году.

Годъ тридцать пятый.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1897

7.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи,
на Страстномъ бульварѣ.
1897.

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ М. П. ПОГОДИНА, КНИГА XI.

Спб. 1897. 8-ка, XI и 560 стр.

Трудъ этотъ продолжается почтеннымъ составителемъ съ ревностью неукоснительною и съ каждымъ томомъ пріобрѣтаетъ все болѣе значенія, между прочимъ и потому, что еще живы многія лица, первые шаги которыхъ въ наукѣ и литературѣ описываются теперь г. Н. Барсуковымъ. XI книга начинается съ 1850 года. Въ эту пору сошелъ со сцены министръ народнаго просвѣщенія графъ С. С. Уваровъ, замѣненный княземъ П. А. Ширинскимъ-Шихматовымъ, и, не смотря на внѣшнія неблагопріятныя обстоятельства, умственная жизнь въ Москвѣ продолжаетъ бить полнымъ ключемъ, а Погодинъ, какъ и всегда, принимаетъ горячее участіе въ этой жизни. Рядъ ея наиболѣе интересныхъ и поучительныхъ проявленій открывается описаніемъ происходившаго 21 Декабря 1850 года диспута П. Н. Кудрявцева. Къ этому же году относится организація литературнаго кружка, который, такъ или иначе группируясь около Погодина, состоялъ изъ: А. Н. Островскаго, Г. И. Филиппова, Е. Н. Эдельсона, Б. Н. Алмазова, А. А. Григорьева и другихъ. Главы XI-й книги г. Н. Барсукова, посвященныя исторіи этого кружка, тѣмъ занимательнѣе, что онѣ написаны на основаніи свѣдѣній, сообщенныхъ Т. И. Филипповымъ. Отмѣтимъ также диспуты И. К. Бабста, П. В. Павлова, появленіе первыхъ томовъ „Исторіи Россіи“ С. М. Соловьева.. На поприщѣ словесной дѣятельности выступаютъ люди пятидесятыхъ годовъ: А. Е. Викторовъ. П. А. Лавровскій, П. И. Бартеневъ, А. И. Георгіевскій, Н. С. Тихонравовъ, Ѳ. М. Дмитріевъ, Л. А. Мей, Н. Ѳ. Щербина, Г. П. Данилевскій и многіе другіе. Въ книгѣ г. Н. Барсукова содержится множество драгоцѣнныхъ свѣдѣній для ближайшей характеристики названныхъ лицъ.

Книга заканчивается повѣствованіемъ о послѣднихъ дняхъ жизни, кончинѣ и погребеніи Гоголя. Страницы, посвященныя этому событію, несомнѣнно займутъ мѣсто въ учебникахъ: до того они поучительны и характерны для знакомства съ геніальнымъ Русскимъ писателемъ.

Съ сожалѣніемъ разстаемся съ XI книгой „Жизни и трудовъ Погодина“. Энергія почтеннаго автора даетъ намъ, впрочемъ, полную увѣренность въ томъ, что недалеко время, когда мы вновь будемъ имѣть наслажденіе прочесть и дальнѣйшее его повѣствованіе, которое, увѣрены, по своему значенію будетъ нисколько не ниже того, что́ уже далъ для исторіи Русскаго просвѣщенія неутомимый біографъ Погодина.

Прежде чѣмъ положить перо, считаемъ нелишнимъ подѣлиться съ читателемъ однимъ впечатлѣніемъ, вынесеннымъ изъ чтенія труда г. Н. Барсукова (оно отмѣчено также въ издаваемой Д. И. Иловайскимъ газетѣ „Кремль“). Читатель составляетъ себѣ вѣрное понятіе о дѣятельности и заслугахъ приснопамятнаго С. П. Шевырева, и отнюдь не то, какое привыкли соединять съ именемъ этого беззавѣтно преданнаго своему дѣлу и своей наукѣ труженика. Г-нъ Н. Барсуковъ, на основаніи документальныхъ источниковъ, приводитъ неопровержимыя данныя для правильной оцѣнки этого выдающагося ученаго а, между прочимъ, въ этомъ лежитъ одна изъ заслугъ его монументальнаго труда.

И. Помяловскій

ЗАПИСКИ ГРАФА М. Д. БУТУРЛИНА [1]).

VI.

1830—1832.

Служба при лейбъ-гусарскомъ полку. — Мой арестъ. — Возвращеніе въ Павлоградскій полкъ.—Польская война 1831 г.—Непріятности съ Пашковымъ. — Отъѣздъ изъ полка.— Жизнь въ Варшавѣ.—Отставка.

„Минувшихъ лѣтъ минутные друзья!"

Пріѣхалъ я въ Кіевъ въ первой половинѣ Марта прямо въ домъ старика Понятовскаго, принявшаго меня какъ сына. Онъ держалъ въ то время Кіевскій откупъ и при мнѣ давалъ парадный обѣдъ тогдашнему генералъ-губернатору г. Княжнину и митрополиту Евгенію. Снабдивъ меня тысячью рублями, онъ отправилъ меня въ Петербургъ съ своимъ секретаремъ, шляхтичемъ г. Вишневскимъ, ѣхавшимъ туда по его дѣламъ. Въ Могилевѣ, гдѣ я остановился ночевать, меня навѣстилъ, къ моему удивленію, тамошній плацъ-маіоръ, человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, рекомендуя себя какъ стараго знакомаго, хотя таковымъ я по лицу его не узналъ; но когда онъ назвался фамиліею Ерличка, то я тотчасъ вспомнилъ въ немъ молодаго Чеха, бывшаго фортепіаннымъ учителемъ моихъ сестеръ и жившаго у насъ въ Бѣлкинѣ зимою съ 1815 на 1816 г. Братъ мой прибылъ въ Петербургъ чрезъ нѣсколько дней послѣ меня. Проѣздомъ чрезъ Царское Село я остановился на день повидаться съ бывшимъ моимъ Павлоградскимъ товарищемъ княземъ А. С. Вяземскимъ и съ Иваномъ Ивановичемъ Ершовымъ, съ которымъ я познакомился въ Орлѣ, гдѣ онъ былъ въ отпуску, когда нашъ полкъ тамъ квартировалъ. Лейбъ-гусарскій полкъ, въ коемъ они оба служили, стоялъ искони въ Царскомъ Селѣ; имъ командовалъ тогда ген. маіоръ баронъ Арпсъ-Гофенъ, къ коему тогда я не явился по разстройству своего гардероба. Въ Петербургѣ я квартировалъ до пріѣзда брата у завѣдывавшаго главною нашею конторою Василія Антоновича Инсарскаго [2]), послѣ недавней передъ тѣмъ смерти статсъ-секретаря Ѳедора Александровича

---

[1]) См. выше, стр. 177.

[2]) Одно имени, отчества и прозвища съ сочинителемъ извѣстныхъ Записокъ, но не родственникъ его. П. Б.

Голубцова. Г. Инсарскій служилъ тогда въ Св. Синодѣ и жилъ на Лиговкѣ, возлѣ церкви Знаменія. По пріѣздѣ брата я перешелъ къ нему въ Демутову гостиницу. Обмундировавшись и одѣвшись съ ногъ до головы у портныхъ Лихта и Нормана и въ магазинѣ военно-офицерскихъ вещей Петелина и Пономарева (оба магазина на Невскомъ проспектѣ у Полицейскаго моста въ домѣ Котомина), явился я къ генералу Арпсъ-Гофену и поступилъ въ лейбъ-эскадронъ, коимъ коммандовалъ ротмистръ свѣтлѣйшій князь Алексѣй Дмитріевичъ Салтыковъ [1]). Остальные офицеры лейбъ-эскадрона были: штабсъ-ротмистръ князь Дмитрій Алексѣевичъ Щербатовъ (онъ же былъ первымъ ѣздокомъ въ полку), поручикъ Герсдорфъ и И. И. Ершовъ. Имена командировъ остальныхъ пяти эскадроновъ были: полковникъ Александръ Матвѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ (красивѣйшій мужчина и добрѣйшій человѣкъ, какого можно было встрѣтить), полковникъ Плаутинъ, ротмистръ князь Эсперъ Александровичъ Бѣлосельскій-Бѣлозерскій, ротмистръ Слѣпцовъ [2]) и ротмистръ Василій Васильевичъ Ильинъ [3]). Не помню только, кто командовалъ седьмымъ, запаснымъ эскадрономъ.

Дивизіонные (ѣзжавшіе во время ученій и смотровъ передъ двумя эскадронами) штабъ-офицеры были: полковникъ Павелъ Петровичъ Ланской, флигель-адъютантъ князь Петръ Ивановичъ Трубецкой и полковникъ Платонъ Александровичъ Голубцовъ [4]). Ротмистрами безъ эскадроновъ были: графъ Протасовъ (впослѣдствіи оберъ-прокуроръ Св. Синода) и Колокольцовъ, братъ красавицы Ржевской, упомянутой при описаніи Орловскаго общества; а полковымъ адъютантомъ былъ часто упомянутый князь А. С. Вяземскій. Остальные офицеры, сколько помню, были: поручикъ князь Алексѣй Ивановичъ Трубецкой [5]), Ѳедоръ Васильевичъ Ильинъ (братъ названнаго выше), поручикъ Михайло Михаиловичъ Магницкій, штабъ-ротмистръ Верещагинъ, ротмистръ Булацель (рѣдко бывшій при полку, какъ ремонтёръ), поручикъ Засѣцкій [6]), поручикъ Сабуровъ [7]), штабъ-ротмистръ

---

[1]) Князь А. Д. Салтыковъ умеръ холерою во время похода л. гусарскаго полка въ Польшу въ началѣ кампаніи 1831 года. Онъ былъ чрезвычайно тихаго и кроткаго характера и замѣчательно рисовалъ военные сюжеты. Онъ не былъ женатъ; братъ его князь Иванъ Дмитріевичъ былъ женатъ на графинѣ Елисаветѣ Павловнѣ Строгоновой.

[2]) Онъ убитъ въ чинѣ полковника на Варшавскомъ штурмѣ.

[3]) Позднѣе директоръ Шереметевскаго страннопріемнаго дома въ Москвѣ. П. Б.

[4]) Женатый на графинѣ Екатеринѣ Дмитріевнѣ Толстой, нынѣ вдова и директриса Кіевскаго Института благородныхъ дѣвицъ.

[5]) Женившійся въ 1833 году на княжнѣ Надеждѣ Борисовнѣ Четвертинской.

[6]) Братъ Михаила Дмитріевича Засѣцкаго, пѣвческій хоръ коего славился въ Москвѣ въ 30-ыхъ годахъ.

[7]) Онъ не былъ въ родствѣ съ Тамбовскими Андреемъ и Александромъ Ивановичами Сабуровыми. Упомянутый здѣсь г. Сабуровъ чуть не сдѣлался жертвою любимой

Павелъ Дмитріевичъ Соломирскій, графъ Медемъ (красивый, но болѣзненный тогда мужчина), поручикъ князь Мурузи, поручикъ Шимановскій (убитый вмѣстѣ съ княземъ Мурузи подъ Варшавою), поручикъ Власовъ (офицеръ съ хорошимъ весьма состояніемъ, но избѣгавшій какъ-то фронтовой службы, что однакоже сходило ему съ рукъ, не знаю почему); корнетъ графъ Константинъ Дмитріевичъ Толстой (братъ г-жи Голубцовой, страдавшій аневризмомъ, отъ котораго нѣсколько лѣтъ спустя умеръ); трое братьевъ Шевичей, корнетъ Николай Ивановичъ Тулиновъ (извѣстный Воронежскій коннозаводчикъ), корнетъ Череповъ, корнетъ Парландъ (Англичанинъ, сынъ извѣстнаго Александровскаго гофъ-фурьера), корнетъ Фаминцынъ и поручикъ баронъ Стакельбергъ [1]). Начальникомъ нашей 1-ой гвардейской легко-кавалерійской дивизіи былъ генералъ-адъютантъ Петръ Александровичъ Чичеринъ [2]); нашею 1-ю бригадою (изъ лейбъ-гусарскаго и л.-гв. конноегерскаго полка, нынѣ л.-г. драгунскаго) командовалъ генералъ Ностицъ; второю бригадою кто командовалъ, я забылъ, но чуть ли не одинъ изъ двухъ братьевъ принцевъ Виртембергскихъ, находившихся въ составѣ гвардейскаго корпуса [3]). Командирами остальныхъ трехъ полковъ 1-й гвардейской легко - кавалерійской дивизіи были: л.-г. конноегерскаго полка ген.-маіоръ Слатвинскій; л.-г. уланскаго полка былъ, кажется, ген.-маіоръ Алферьевъ, а л. г. драгунскаго полка ген.-маіоръ Зассъ. Весною и въ началѣ лѣта переведены были прямо въ л.-г. гусарскій полкъ безъ прикомандированія къ нему поручикъ нашего Павлоградскаго полка А. Г. Ломоносовъ, изъ Смоленскаго уланскаго полка Августъ Осиповичъ Понятовскій, изъ Иркутскаго гусарскаго полка одинъ изъ двухъ братьевъ Мосоловыхъ, первые два съ ихъ армейскимъ поручичьимъ чиномъ, и адъютантъ фельдмаршала графа Дибича, Левъ Кириловичъ Нарышкинъ, поступившій во фронтъ съ сохраненіемъ адъютантскаго званія и мундира.

Какъ находившійся въ составѣ гвардейскаго корпуса офицеръ, я имѣлъ входъ во дворецъ наравнѣ съ прочими, а потому сопровождалъ брата моего (давно камергера) во дворецъ къ заутренѣ подъ

имъ медвѣжьей охоты. Мишка повалилъ его и началъ рвать платье, но онъ какъ-то добрался до кинжала, висѣвшаго у него съ боку и пропоролъ брюхо медвѣдю; послѣ сего приключенія онъ нѣкоторое время былъ какъ помѣшанный.

[1]) Вслѣдствіе жестокой раны на Варшавскомъ штурмѣ ему отпилили обѣ ноги выше колѣнъ, послѣ чего онъ было оправился и ходилъ на костыляхъ, но весною 1832 года умеръ.

[2]) Получившій свѣтскую извѣстность въ своей молодости тѣмъ, что увезъ отъ живаго мужа (Салтыкова) красавицу, бывшую княжну Куракину, и на ней женился, покровительствуемый великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ.

[3]) Вторая бригада состояла изъ л.-г. уланскаго и л.-г. драгунскаго полковъ.

Свѣтлый праздникъ. Это былъ единственный разъ, что̀ я присутствовалъ при царскомъ выходѣ и могъ вблизи разсмотрѣть величественную осанку покойнаго Императора, возвышавшагося цѣлой головой надъ всѣми царедворцами (только рота дворцовыхъ гренадеръ могла соперничать съ нимъ ростомъ). То время, ознаменованное удачнымъ исходомъ Турецкой и Персидской кампаній, было самымъ блистательнымъ въ его царствованіи: Русская слава гремѣла на всѣхъ концахъ Европы, и политическое наше значеніе отражалось во всѣхъ чужеземныхъ кабинетахъ. Пріѣзжали тогда, какъ бы на поклонъ Русскому царю, Персидскій принцъ Хозревъ-Мирза и Шведскій наслѣдный принцъ Оскаръ. Никто, надѣюсь, не станетъ отрицать, что Государь обратилъ въ то время вниманіе на улучшеніе гражданской администраціи. Въ милитаризмъ внесены были значительныя облегченія, между прочимъ отмѣненъ варварскій крещенскій парадъ на дворцовой площади, если было болѣе девяти градусовъ мороза, тогда какъ въ предшествующее царствованіе парадъ не отмѣнялся даже и при 30 градусахъ мороза. Я помню въ моемъ дѣтствѣ, какъ императоръ Александръ и всѣ военные чины ходили на Іордань безъ шинелей и съ открытою головою [1]). Отмѣнены были также мучительныя краги въ пѣхотѣ, стягивавшія икры и кость подъ самымъ колѣномъ; всей армейской пѣхотѣ и кавалеріи даны свободные рейтузы, и, кажется, запрещено рядовыхъ стягивать въ рюмку, какъ прежде водилось. Конечно, все это еще далеко до нынѣшней спокойной военной формы; но было уже значительное облегченіе противъ прежняго. Кредитъ государственный, благодаря геніальному графу Канкрину, никогда столь высоко не стоялъ; онъ же, въ память усмиренія Польскаго мятежа, соорудилъ сюрпризомъ будто бы для Государя (изъ остатковъ, вѣроятно, бюджета) чугунные тріумфальные ворота при Царскосельской заставѣ въ Петербургѣ и впослѣдствіи докончилъ великолѣпный соборъ Смольнаго монастыря, сооруженный знаменитымъ Растрелли [2]). Значитъ, хватало на все съ излишкомъ, если иниціатива этихъ работъ происходила прямо отъ скареднаго въ государственнымъ расходахъ графа Канкрина. Люблю, признаюсь, вспоминать эту блестящую сторону Николаевскаго царствованія, и болѣе, можетъ быть, потому, что, если впослѣдствіи покойный императоръ дѣлалъ множество ошибокъ, то онъ вполнѣ ихъ искупилъ мучительною

---

[1]) Мнѣ разсказывали люди того времени, что иные полки выступали изъ своихъ казармъ до 6 часовъ утра и возвращались туда почти что въ сумерки. Не можетъ быть, чтобы при сильной стужѣ не было несчастныхъ случаевъ, замерзаній носовъ и другихъ членовъ тѣла или даже смертныхъ случаевъ отъ воспаленій; но въ то блаженное время все бывало шито и крыто.

[2]) Я долженъ сказать, къ сожалѣнію, что отступлено отчасти отъ плана Итальянскаго зодчаго.

смертію отъ сознанія, что самъ былъ причиною Крымскаго разгрома. О политическомъ его вліяніи незадолго даже до того скорбнаго событія приведу одинъ извѣстный мнѣ изъ надежнаго источника примѣръ. Въ концѣ 40-ыхъ годовъ, когда дѣла запутывались между Пруссіею и Австріею и угрожали войною, Государь нашъ объявилъ обѣимъ державамъ, что не желаетъ входить въ разбирательства, кто правъ и кто виноватъ, но что въ случаѣ нападенія одной изъ двухъ сторонъ на другую, онъ выставитъ-де немедленно сто или полтораста тысячъ штыковъ на сторону, подвергшуюся нападенію, вслѣдствіе чего противники мирно разошлись.

Въ первый день праздника генералъ Арпсъ, во главѣ офицеровъ своего полка, въ числѣ коихъ былъ и я, ходилъ съ представленіемъ къ великому князю Михаилу Павловичу, командиру гвардейскаго корпуса. Я въ первый разъ представлялся ему, и когда онъ подошелъ христосоваться со мною, я, отвѣсивъ глубокій поклонъ, сказалъ: «Позвольте поблагодарить ваше императорское высочество за оказанныя мнѣ милости», на что̀ онъ ударилъ меня по плечу и сказалъ: «Я ничего еще для тебя не сдѣлалъ, но надѣюсь сдѣлать.» О, сколько предвѣщающаго было въ этихъ краткихъ его словахъ, но я не сумѣлъ ими воспользоваться! Можно представить себѣ эффектъ, произведенный ими на присутствующихъ новыхъ моихъ сослуживцевъ и какъ я выросъ въ ихъ глазахъ, каковаго эффекта я впрочемъ тогда не подозрѣвалъ; но объ этомъ впослѣдствіи передалъ мнѣ М. М. Магницкій, съ коимъ я вскорѣ подружился. Вѣрно вполнѣ, что великій князь былъ добрѣйшей души человѣкъ; всѣ его приближенные, въ томъ числѣ Н. А. Дивовъ и бывшій впослѣдствіи у него адъютантомъ Августъ Осиповичъ Понятовскій, подтверждаютъ это и отзываются о немъ съ глубокою преданностію вслѣдствіе ежедневныхъ и домашнихъ съ нимъ отношеній. Но таковымъ онъ далеко не представлялся намъ, фронтовымъ его подчиненнымъ: онъ силился казаться звѣремъ и достигъ своей цѣли. Мы его боялись какъ огня и старались (по крайней мѣрѣ я) избѣгать всякой уличной съ нимъ встрѣчи. Милитарный его педантизмъ, отражавшійся въ застежкѣ крючковъ и пуговицъ, въ прическѣ волосъ и пр., отступленіе отъ каковыхъ формъ преслѣдовалось съ неумолимою строгостію (иногда при колкихъ весьма выраженіяхъ) не могъ привести насъ къ тому, чтобы раздѣлять мнѣніе о немъ общее съ болѣе приближенными къ нему людьми. Въ немъ были двѣ личности, противурѣчущія одна другой. Мы не столько боялись Государя, какъ его; казалось, впрочемъ, что роли въ отношеніи мундирныхъ строгостей разыгрывались обоими братьями со взаимнаго уговора, если судить по слѣдующему случаю, пере-

данному мнѣ чуть-ли не очевидцемъ. Николай Алексѣевичъ Свистуновъ, тогда поручикъ и нѣчто въ родѣ льва въ кавалергардскомъ полку, уже пользовавшійся извѣстностью при дворѣ, явился однажды на одномъ изъ маленькихъ Аничкинскихъ баловъ въ неимовѣрно высокой прическѣ по послѣднему Парижскому журналу, невозможной безъ длинныхъ волосъ. Государь подошелъ къ нему и шутливо сказалъ: «Смотри, не попадайся на глаза великому князю съ твоей прической.» Рядомъ же съ этимъ преслѣдованіемъ мелочей, чего и чего не спускалъ великій князь въ сороковыхъ годахъ шалуну и остряку Константину Александровичу Булгакову (служившему въ л.-гвар. Московскомъ полку), выходками коего великій князь даже потѣшался? Одинъ гвардейскій офицеръ, растративъ казенныя деньги, безъ средствъ пополнить ихъ, рѣшился прибѣгнуть къ великодушію великаго князя чрезъ одно близкое къ послѣднему лицо, которое, не назвавъ по фамиліи просящаго, представило, вѣроятно, его положеніе въ такомъ видѣ, что ему не было другаго исхода, какъ пулю въ лобъ, и великій князь, запретивъ предварительно ходатаю сказать ему фамилію несчастнаго, пополнилъ растрату изъ своихъ средствъ [1]).

Я началъ обзаводиться лошадьми, экипажами, мебелью, посудою и прислугою въ новыхъ совершенно для меня размѣрахъ съ одобренія добрѣйшаго брата моего и при содѣйствіи В. А. Инсарскаго. Одну верховую кобылу сѣрой масти купилъ я у князя А. С. Вяземскаго за 2500 р. асигн., Арабскаго полукровнаго бѣлаго жеребца 4 вершковаго, по имени «Заиграй», у графа Степана Өедоровича Апраксина, командира кавалергардскаго полка, за туже или около той же цѣну [2]), а позднѣе жеребчика небольшаго, но всего въ яблокахъ, по имени «Монплезиръ,» за страшную цѣну 5000 р. у юнкера л.-г. конноегерскаго полка Богуславскаго: лошадь малосильная и только эффектная для парада. И такъ, верховыя три лошади стоили 10,000 р. Упряжныхъ городскихъ была пара изъ Бутурлиновскаго завода, и ухорская Вятская тройка, на которой, бывало, я скакалъ сломя голову, чтобы поспѣть къ Петербургскому параду, или обратно къ ученію въ Царскомъ Селѣ [3]). Изъ экипажей были у меня дрожки, двумѣстная колясочка-фаетонъ, отъ

---

[1]) Великій князь получалъ въ то время оклада всего 300 тысячъ рублей ассигнац.

[2]) Жеребецъ этотъ поступилъ позднѣе на Бутурлиновскій конный заводъ.

[3]) Случалось совершать мнѣ этотъ проѣздъ, помнится, въ одинъ часъ и 20 минутъ (положимъ, что даже и въ полтора часа). Разстояніе было конечно всѣ 30 верстъ, да еще крутая Пулковская гора, хотя по шоссейнымъ каменнымъ столбамъ значилось 25 верстъ, по желанію, какъ я слыхалъ, императрицы Екатерины выказать разстояніе въ уменьшенномъ видѣ. Я загналъ однакоже разъ одну изъ пристяжныхъ, околѣвшую тутъ же, на шоссе.

славившагося тогда Тацкаго, и щегольская ухарская ямская телѣга на тройку. Мебель была заказана у Штрауха, мастерская коего мало уступала знаменитому уже тогда Гамбсу. Вѣрный мой хохолъ Илья остался старшимъ камердинеромъ; въ помогу ему, а также для буфета, нанятъ былъ оффиціантъ; кромѣ того отличный кучеръ изъ Татаръ, Абдулъ, конюхъ въ военной ливреѣ для верховыхъ лошадей и поваръ изъ своихъ крѣпостныхъ, находившійся въ молодости при кухнѣ моихъ родителей. Вхожу въ эти подробности (коимъ самъ едва вѣрю, настолько измѣнилась свѣтская моя обстоновка), чтобы дать понятіе, какъ принято было обзаводиться гвардейскому офицеру.

Братъ, пробывъ въ Петербургѣ недѣли три, отправился къ своему семейству въ Таганчу. Оставшись одинъ, я съ самаго начала не повелъ себя, какъ слѣдовало. Во-первыхъ, не желая спрашивать позволенія у генерала Арпса на всякую мою поѣздку въ Петербургъ (что̀ было дѣйствительно своего рода стѣсненіе), я безпрестанно туда ѣзжалъ, часто ночевалъ и чрезъ то опаздывалъ къ Царскосельскимъ разводамъ и ученіямъ и назначался въ наказаніе въ караулъ безъ очереди. Нынѣшніе л.-гусарскіе офицеры, разъѣзжающіе безпрепятственно изъ Царскаго Села въ Петербургъ, не поймутъ, каково было намъ во дни оны проситься на одинъ день въ Петербургъ съ обязательствомъ являться къ великому князю, а если онъ не принималъ у себя во дворцѣ, то являться къ нему на разводѣ, въ чемъ проходило все утро. Навлекъ я на себя также дурное замѣчаніе Арпса тѣмъ, что курилъ сигару во время однаго вольтижернаго представленія, хотя оно было дано на открытомъ воздухѣ.

Бывали у меня на квартирѣ довольно частые обѣды и ужины. Гостями моими были нѣкоторые изъ нашихъ офицеровъ и штатскіе Петербургскіе мои знакомые, преимущественно изъ иностранцевъ; тутъ шло, разумѣется, разливное море шампанскаго и жженки. Но главная ошибка моя была въ томъ, что послѣ первыхъ визитовъ съ братомъ въ началѣ пріѣзда моего къ княгинѣ Маріи Васильевнѣ Кочубей, Натальѣ Кирилловнѣ Загряжской (весьма много тогда значившей) и къ прочимъ въ родствѣ или прежнемъ знакомствѣ съ нашимъ семействомъ, я пересталъ посѣщать это высокое общество. Помню, какъ однажды, при выходѣ изъ Французскаго Каменостровскаго театра, старая моя знакомая Елисавета Михайловна Хитрова, узнавъ меня, воскликнула: «Ахъ, Мишель!» А я, чтобы избѣгнуть встрѣчи и экспликацій съ нею, чѣмъ спуститься съ лѣстницы перестиля, гдѣ происходила эта сцена, повернулъ круто направо мимо колоннъ фасада; но такъ какъ схода

на улицу тамъ никакого не было, то я и полетѣлъ стремглавъ на землю съ порядочной весьма высоты, рискуя переломить руку или ногу. Вкоренились, къ несчастію, во мнѣ привычки разгульной и нараспашку жизни въ кругу армейскихъ товарищей съ поздними попойками по ресторанамъ, и потому выѣзды въ великосвѣтскіе салоны отягощали меня, вслѣдствіе чего немного прошло мѣсяцевъ, какъ члены того общества рѣшили (и не безъ основанія), что я малый, погрязшій въ омутѣ дурнаго общества. Одинъ разъ только навѣстилъ я двоюроднаго моего брата Н. А. Дивова, жившаго въ Петербургѣ въ отставкѣ; и его я избѣгалъ наравнѣ съ прочими, столько же отъ сознательнаго чувства непохвальнаго моего поведенія, сколько изъ опасенія слышать отъ него моральное наставленіе. Мнѣ кажется, что если бы я поддерживалъ мои связи съ Петербургскою знатью, являлся бы хоть изрѣдка въ ихъ салоны, посѣщалъ генерала Арпса и его жену (чего я ни разу не сдѣлалъ) и не опаздывалъ бы на ученія и разводы, то, пожалуй, что и кутежи сошли бы мнѣ съ рукъ: касательно верховой ѣзды и фронтовой части я не получалъ ни одного выговора. Поддерживалъ меня, насколько могъ, добрѣйшій полковникъ нашъ А. М. Мусинъ-Пушкинъ, но и это въ концѣ концовъ не помогло. Не могу жаловаться и на прочихъ старшихъ офицеровъ полка: полковникъ Ланской, ротмистры Слѣпцовъ и князь Бѣлосельскій, мой эскадронный командиръ князь Салтыковъ, оказывали мнѣ постоянно доброе расположеніе; значитъ, не смотрѣли на меня какъ на безвозвратно погибшаго блуднаго сына.

Не знаю, существуютъ ли нынѣ въ Софіи площадь и фасады конюшень первыхъ двухъ эскадроновъ л.-г. гусарскаго полка въ томъ видѣ, какъ были въ 1830 году. Зданія эти представляли тогда въ натурѣ театральную декорацію одной изъ сценъ «Севильскаго Цирульника», настолько понравившейся Екатеринѣ, что она приказала исполнить декорацію на дѣлѣ. Съ обѣихъ сторонъ площади фронтоны конюшень уменьшались въ высотѣ, постепенно идя къ фону, какъ бы боковыя кулисы и представляя собою узкіе фасады 3-хъ и 2-хъ этажныхъ домовъ въ два и въ три (кажется, фальшивыхъ) окна въ каждомъ отдѣленіи. Эти мнимыя зданія (всѣ каменныя) становились, какъ я уже говорилъ, ради оптическаго обмана, всё ниже и ниже по мѣрѣ приближенія ихъ къ задней занавѣси, изображавшей одно зданіе, занимавшее своимъ фасадомъ весь фонъ; сама же площадь (не изъ большихъ), для соблюденія того же сценическаго эффекта, суживалась постепенно въ глубину. Въ центрѣ площади возвышалась колонна или обелискъ. Оптическій обманъ этой игрушки вполнѣ достигался, и проѣзжающій

по улицѣ мимо ея переносился на одну минуту на площадь какого-нибудь заграничнаго стариннаго города, напоминающую отчасти, напримѣръ, площадь «Грабенъ» въ Вѣнѣ.

Я начиналъ постепенно понимать свою, такъ сказать, чудовищность въ окружавшей меня Русской стихіи, въ которой я былъ нѣчто въ родѣ полу-Итальянца и полу-Британца, и подъ часъ стыдился своего космополитизма и слабаго знанія отечественнаго языка и обычаевъ.

Къ выходу изъ этого ненормальнаго положенія мнѣ послужило, можетъ быть, тоже самое Англійское мое воспитаніе, въ томъ отношеніи, что я началъ преуспѣвать въ своей Русской національности, вслѣдствіе того гордаго чувства, которымъ проникнуты Англичане. Во время даже разгульной моей жизни я слѣдилъ (хотя отрывочно) за отечественными литературными новостями, изъ коихъ немало покупалъ, и если бы не добрые люди, зачитывавшіе съ моего иногда вѣдома, а иногда безъ спросу, мои книги, у меня теперь была бы весьма порядочная библіотека.

Когда я отъѣзжалъ съ женою въ Италію въ 1836 году, я отправилъ къ себѣ въ Порзню большой ящикъ книгъ, но по возвращеніи моемъ изъ чужихъ краевъ весь ящикъ изчезъ, какъ призракъ. Кое-что было у меня въ Знаменскомъ, но и изъ этого запаса иное сгнило на чердакахъ и въ подвалахъ, а иное просто изводилось на всякую потребу; другія же книги какъ-то просто улетѣли безслѣдно. Замѣчательно между прочимъ, что хранится у меня по сіе время Итальянская книжка прошлаго столѣтія, заключающая въ себѣ описаніе Венеціи, наполненное хорошими гравюрами. Мнѣ было отъ роду 12 или 13 лѣтъ, когда я ее взялъ на полкѣ, куда откладывались бракованныя книги Флорентинской библіотеки моего отца; не помню, чтобы я съ тѣхъ поръ особенно заботился о ней или даже обращалъ на нее малѣйшее вниманіе; а между тѣмъ книжка эта съ вѣрностію и преданностію лягавой собаки, неотлучно, безъ моего вѣдома, слѣдитъ за мною и дошла до Знаменскаго, тогда какъ столь многія изъ ея подругъ, за которыми я имѣлъ особое попеченіе, исчезли.

Не мѣшаетъ сказать нѣсколько словъ про Петербургскіе театры того времени. Составъ Французской труппы былъ особенно хорошъ *).

*) Михайловскій театръ не былъ еще сооруженъ, и Французская труппа играла на Аничковскомъ театрѣ, на мѣстѣ котораго сооруженъ послѣ Александринскій. Кстати о публикѣ Александринскаго театра, каковою была она позднѣе въ 40-хъ годахъ. Н. И. Гречъ однажды при мнѣ за обѣдомъ въ Петербургскомъ Англійскомъ клубѣ сказалъ, что онъ

Русская опера была въ самомъ жалкомъ состояніи. Самойловъ и Климовскій, тенора когда-то въ славѣ [1]), еще пѣвали, но были ничто иное какъ музыкальныя руины, и, повидимому, некѣмъ было ихъ замѣнить. Примадоною была какая-то Иванова, ниже посредственности; но дебютировала при мнѣ молодая Брикова (или Брикина), со сносным голосомъ. При этомъ составѣ пѣвцовъ я слышалъ однажды оперу Штейбента «Сандрильону», показавшуюся мнѣ невыносимо скучною, особливо, когда вспоминалъ, что этотъ же самый сюжетъ либретто такъ восхитительно выходилъ у Россини въ его оперѣ «Ченерентола»; да и комикъ Величкинъ (если не ошибаюсь) былъ черезчуръ плоховатъ какъ пѣвецъ и актеръ въ роли Донъ-Магнифико. Непріятно поражаетъ Итальянское ухо, что у Нѣмцевъ инструментація на первомъ планѣ въ ущербъ мелодіи и «кантилены» (сладкое и протяжное одноголосное пѣніе).

Тріумфы Каратыгина были въ драмахъ «Тридцать лѣтъ или жизнь игрока» и «Смерть Каласа», переводы съ Французскаго. Жена его, долго жившая въ Парижѣ для усовершенствованія въ драматургіи, была тогда въ апогеѣ славы. Младшій Каратыгинъ начиналъ свою извѣстность какъ театральный писатель; дебютировалъ Дюръ, преждевременно умершій [2]). Въ балетахъ все еще являлась Истомина, воспѣтая Пушкинымъ, но звѣзда ея начинала уже меркнуть.

Возвращаюсь къ разсказу о себѣ.

Извѣстіе, постигшее меня лѣтомъ того 1830 г., о бракѣ графини Вѣры Чернышевой съ графомъ Ѳедоромъ Петровичемъ Паленомъ не подѣйствовало на меня такъ, какъ бы казалось должно было, чѣмъ доказывается, что я воображалъ себя влюбленнымъ болѣе, чѣмъ былъ въ дѣйствительности. Пытливо изучая нынѣ, когда порывы страстей уже угасли, свою физіологію и психологію, я убѣждаюсь, что въ теченіе жизни я не разъ принималъ за истину то, что̀ было фантасмагоріею игриваго воображенія, и за влеченіе сердца то, что̀ было въ одной головѣ. Случалось даже, что ребяческая мысль сдѣлаться героемъ какого

долго недоумѣвалъ, изъ какого класса людей выбираютъ квартальныхъ надзирателей для Петербургской полиціи, и убѣдился окончательно, что ихъ набирали изъ партерной публики Александринскаго театра.

[1]) Для Климовскаго написана была партиція „Казака-стихотворца".

[2]) Я случайно познакомился съ г. Дюромъ, весьма пріятнымъ и скромнымъ молодымъ человѣкомъ, владѣвшимъ прекраснымъ басовымъ голосомъ, почему онъ первоначально пытался было вступить на поприще оперы, и по-моему, могъ бы со временемъ отличиться. Онъ бывалъ у меня въ Царскомъ Селѣ и обращался за совѣтами по части пѣнія.

нибудь романа или свѣтскаго приключенія до того мнѣ льстила, что я уже переносился въ область совершившагося факта и становился интереснымъ лицомъ въ собственныхъ своихъ глазахъ. Манили меня процедура и нить вымышленнаго романа, а не то, чтобы охватывала та неудержимая никакими преградами страсть, которая не имѣетъ инаго исхода кромѣ успѣха или смерти. Если бы не такъ, могъ ли бы я хладнокровно перенести извѣстіе о замужествѣ дѣвушки, разставаясь съ которою два года передъ тѣмъ, я думалъ, что вся моя жизнь связана съ нею?

Упомянуто, кажется, мною, что я съ перваго времени моей новой службы подружился съ М. М. Магницкимъ. Онъ владѣлъ въ высшей степени салонною любезностію и удачными, остроумными выходками, и хотя по-русски говорилъ безупречно, но манеры, разговоры и складъ ума подходили къ Парижанину [1]). Это обстоятельство сблизило насъ; во всемъ остальномъ мы расходились. Онъ избѣгалъ кутежей, оберегался всего, могущаго повредить его репутаціи въ высшихъ кругахъ общества, куда старался быть вхожимъ, и разсчитывалъ всякій свой шагъ. Житейскія его средства были ограничены, и потому онъ могъ казаться эгоистомъ, такъ какъ ему необходимо было составить себѣ карьеру; но эгоизмъ и честолюбіе не довели его никогда до предательства своихъ друзей и товарищей. Онъ прямо говорилъ мнѣ, что сожалѣетъ о *mauvais sujet*, каковымъ я былъ и каковымъ я стремился выказывать себя повсюду, но искреннимъ былъ мнѣ другомъ, хотя съ опасностію для своей чопорной репутаціи [2]).

Мы вмѣстѣ сочиняли Французскіе куплеты подъ водевильный напѣвъ тогда въ ходу «c'est l'amour, l'amour, l'amour» на иныхъ изъ нашихъ офицеровъ и иныхъ лицъ Петербургскаго общества. Вирши эти, конечно, не способствовали расположенію ко мнѣ лицъ, къ коимъ относились куплеты; но за то самолюбіе мое было вознаграждено извѣстіемъ, что они читаны были императрицѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ и заставили ее смѣяться. Строфа Магницкаго, относившаяся къ фрейлинѣ Ярцовой (вышедшей вскорѣ замужъ за князя Суворова), была слѣдующая:

---

[1]) Мать его была Француженка.

[2]) Магницкій передалъ мнѣ, что знаменитый его отецъ отказался отъ камергерскаго званія, каковое онъ будто бы, не стѣсняясь, называлъ придворнымъ лакействомъ. Рѣшить не берусь, насколько это отсутствіе честолюбія согласуется съ извѣстною намъ дѣятельностію мистика-попечителя Казанскаго учебнаго округа и товарища по ссылкѣ Сперанскаго; но я долженъ сознаться, что изъ всего прочтеннаго мною о немъ я ничего не встрѣчалъ противорѣчущаго переданному мнѣ его сыномъ.

Ton nom, fille charmante,
Te dit la vérité.
La grâce séduisante,
Sera toujours *aimée*.

(Извѣстно, что покойная княгиня Суворова звалась Любовью, по французски «Aimée»).

Одинъ изъ моихъ куплетовъ на одного изъ нашихъ офицеровъ неправильнаго тѣлосложенія, каковой недостатокъ онъ силился скрывать при помощи ваты въ мундирѣ, былъ таковъ:

Parmi les exigeances
Que vous demandez au tailleur,
Vous insistez, je pense,
Qu'il devienne sculpteur.

Когда распространилась вѣсть о Парижской Іюльской революціи, я досталъ отъ одного изъ своихъ знакомыхъ иностранцевъ экземпляръ словъ и музыки патріотическаго гимна «la Parisienne» Казимира-де-Лявиньа, съ изображеніемъ на оберткѣ трехцвѣтнаго новаго Французскаго знамени, и нѣсколько дней носилъ въ ташкѣ эту опасную въ то время пѣсню. Какъ бы узналъ о томъ великій князь или кто другой изъ начальствующихъ лицъ, то, конечно, присоединился бы новый поводъ къ обвиненію, когда впослѣдствіи я подвергся опалѣ *).

Во время маневровъ подъ Краснымъ Селомъ случилось мнѣ однажды буквально не прилечь въ теченіе болѣе двухъ сутокъ ни на одну минуту, чего не бывало никогда во время даже форсированныхъ маршей въ Турецкой войнѣ, гдѣ все-таки можно было вздремнуть на привалахъ и даже сидя на конѣ. Вотъ какъ это было. Наканунѣ перваго дня маневровъ былъ я въ Петербургѣ, гдѣ за ужиномъ съ однимъ пріятелемъ я просидѣлъ всю ночь напролетъ въ ресторанѣ у Луи на углу Малой Морской и Кирпичнаго переулка. Поскакалъ я на телѣгѣ въ деревню, гдѣ стоялъ л.-гусарскій полкъ (около 30 верстъ отъ Петербурга) и когда пріѣхалъ туда въ 5 часовъ

*) Іюльская революція наводитъ меня на воспоминаніе пророческихъ словъ, сказанныхъ незадолго до нея извѣстнымъ того времени писателемъ Сальванди, на балѣ у Беррійской герцогини, принцессы дома Неаполитанскихъ Бурбоновъ. Король Карлъ X, тутъ находившійся, подошелъ къ г. Сальванди и сталъ выхвалять устройство празднества. „Oui, sire", отвѣчалъ писатель, „c'est une véritable fête napolitaine; nous dansons sur un volcan". (Да, государь, это настоящее Неаполитанское празднество; мы танцуемъ надъ вулканомъ).

утра, то засталъ полкъ уже въ сборѣ къ выступленію. Мы маневрировали весь день безъ отдыха, а когда стали на ночной бивакъ, пришлось мнѣ по наряду отправиться въ главную квартиру за приказаніемъ насчетъ распоряженій слѣдующаго дня. За неимѣніемъ (вѣроятно) достаточнаго числа писарей въ главной квартирѣ или, можетъ быть, ради поспѣшности, приказы эти писались подъ диктовку посланными за ними офицерами, и когда я вернулся въ полкъ, онъ уже сбирался къ мѣсту маневровъ. Къ счастію моему, мнимою побѣдою и взятіемъ приступомъ Гатчина около полудня прекратились маневры. Всѣ гвардейскіе офицеры приглашены были къ Французскому вечернему спектаклю въ Гатчинскій дворцовый театръ; но мнѣ было не до того: я завалился спать въ деревенскомъ сараѣ и проспалъ 16 часовъ сряду до слѣдующаго дня. Во время однаго передвиженія полка на маневрахъ, гдѣ мы шли отдѣленіями, Государь, замѣтивъ лошадь подо мною, кобылу «Машку», купленную у князя Вяземскаго, сказалъ, что это былъ типъ лошадей, какихъ онъ желалъ, чтобы имѣли кавалерійскіе офицеры. Но и это обстоятельство не помогло моему переводу въ л.-гусарскій полкъ, при которомъ я все продолжалъ торчать какъ маякъ на показъ, въ моемъ бирюзовомъ ментикѣ и киверѣ, между тѣмъ какъ армейскіе мои сослуживцы, Ломоносовъ, Мосоловъ и Понятовскій, уже переведены были съ армейскими ихъ чинами въ л.-гусарскій полкъ. Около середины лѣта я былъ произведенъ за труды минувшей кампаніи въ поручики съ награжденіемъ 500 р. ассигн. не въ счетъ жалованья.

Позднѣе, во время осенняго кампамента съ малыми маневрами подъ Пулковскою горою, я находился въ теченіе цѣлаго дня ординарцемъ при Александрѣ Ивановичѣ Нейдгартѣ, тогда начальникѣ гвардейскаго штаба...

Долгомъ считаю принесть дань признательности добрѣйшему Руссо-Англичанину Василію Романовичу Девису (William Devies), служившему передъ тѣмъ въ Петербургской таможнѣ *). Этотъ человѣкъ (коему, какъ и мнѣ, счастіе въ жизни не везло), по незаслуженной мною ничѣмъ дружбѣ, увидѣвъ неурядицу холостаго моего домохозяйства, взялся безъ всякой платы быть моимъ приходо-расходчикомъ, дворецкимъ и комиссіонеромъ, для чего переселился ко мнѣ въ Царское Село

---

*) Братъ его Егоръ Романовичъ былъ весьма долго въ конторѣ торговаго дома Бутерсъ въ Кронштадтѣ и умеръ, кажется, въ концѣ 40-хъ годовъ. Одна изъ ихъ сестеръ была замужемъ за Тульскимъ помѣщикомъ Ильинскимъ, а меньшая гувернанткою въ 1827 году при молодой графинѣ Надеждѣ Григорьевнѣ Чернышевой. Отецъ ихъ (или дядя) былъ хозяиномъ Англійскаго магазина въ Москвѣ до Французскаго нашествія въ 1812 г.

и тамъ сдѣлался пріятнымъ мнѣ компаніономъ. Къ несчастію, онъ заболѣлъ отъ несвоевременнаго купанья осенью и умеръ у меня въ домѣ. Можетъ быть, душевная скорбь отъ житейскихъ его нуждъ ускорила его кончину. Его предалъ землѣ на Царскосельскомъ кладбищѣ Лютеранскій пасторъ. Въ числѣ Англичанъ, съ коими я познакомился чрезъ него и которые меня посѣщали (понятно, что по моему воспитанію я любилъ сближаться съ людьми этой націи) былъ Филиппъ Филипповичъ Путо̀*) принявшій давно Русское подданство и служившій одно время при тогдашнемъ министрѣ финансовъ графѣ Канкринѣ, по порученію коего г. Путо ѣздилъ (какъ знатокъ минералогіи) обозрѣвать Сибирскіе горные заводы, гдѣ его было отравили. За командировку онъ получилъ крестъ Св. Анны 3-й степени. Когда я познакомился съ нимъ, онъ былъ уже въ отставкѣ и содержалъ меблированныя комнаты со столомъ въ домѣ Манычарова, на углу Малой Морской и Исакіевской площади. Впослѣдствіи я сошелся коротко съ нимъ въ Петербургѣ и много позднѣе въ Москвѣ. И онъ былъ изъ тѣхъ, кому ничего не удавалось въ жизни, хотя былъ трудолюбивый и во многомъ свѣдущій человѣкъ. Онъ былъ обязательный человѣкъ и пріятный собесѣдникъ съ прекрасными полу-французскими манерами, и я могу причесть его къ числу искреннихъ моихъ друзей. Въ Россію онъ, должно быть, прибылъ въ первый разъ въ началѣ 20-хъ годовъ и весьма порядочно писалъ по-русски. Позднѣе завелъ онъ тюлевую фабрику въ компаніи съ графомъ Сергѣемъ Ѳедоровичемъ Ростопчинымъ въ имѣніи послѣдняго въ Подольскомъ уѣздѣ; но они разошлись, и завязалась между ними тяжба. Въ 40-хъ годахъ онъ было опять завелъ таковую же фабрику на чужое имя, въ Москвѣ, возлѣ Зачатіевскаго дѣвичьяго монастыря, но и это предпріятіе не удалось ему. Въ началѣ 50-хъ годовъ, передъ самою Крымской войною, г. Путо оставилъ Москву, гдѣ сильно нуждался, въ надеждѣ успѣть въ чемъ нибудь на Югѣ Россіи. Изъ Одессы онъ переѣхалъ въ Придунайскія княжества, гдѣ слѣдъ его простылъ, какъ меня о томъ увѣдомилъ Одесскій негоціантъ, съ которымъ онъ былъ въ сношеніяхъ, и вслѣдствіе упорнаго его съ того времени молчанія я полагаю, что онъ давно умеръ.

Въ Петербургской квартирѣ Ф. Ф. Путо̀ я встрѣчалъ иногда въ 1830 году двухъ обрусѣвшихъ Англичанъ, братьевъ Гарботель (Harbottle), Василія и Ивана Егоровичей, принадлежавшихъ, какъ и двѣ ихъ сестры, къ породѣ полу-гигантовъ. Отецъ ихъ прибылъ въ Россію между 1814 и 1820 годами, попалъ случайно на глаза канцлеру

*) Отецъ его былъ Французъ, поселившійся въ Англіи, и потому у сына Французскаго было только фамилія.

графу Н. П. Румянцову и до того поразилъ его своимъ ростомъ, что графъ захотѣлъ поближе познакомиться съ нимъ и сдѣлалъ его управляющимъ извѣстнымъ Бѣлорусскимъ своимъ имѣніемъ Гомелемъ, гдѣ молодые Гарботели и выросли. Одна изъ сестеръ, Анна Егоровна, достойнѣйшая дѣвушка, поступила позднѣе въ гувернантки къ дочерямъ тетки моей, Прасковьи Артемьевны Тимофеевой, сдѣлалась неразлучнымъ другомъ двоюродной моей сестры Надежды Александровны Гавриленко и умерла въ домѣ у нея въ 50-хъ годахъ. Другая изъ сестеръ Гарботель долго находилась также гувернанткою въ домѣ Талызиныхъ въ Москвѣ, вышла замужъ за Швейцарца г. Круазá и съ нимъ переселилась въ Лозанну.

Имена г. г. Девисъ и Путó наводятъ мои воспоминанія на одно мое съ ними посѣщеніе «Павильона Розъ» въ Павловскомъ саду, устроеннаго императрицею Маріею Ѳеодоровной по случаю возвращенія изъ Парижа въ 1814 году императора Александра Павловича. Названіе розъ дано было этому павильону, потому что стѣны, мебель и всѣ прочія орнаментальныя принадлежности носили изображеніе этого растенія. Клумбы, окружающія павильонъ, были обсажены таковыми же кустами, и букеты царицы цвѣтовъ повторялись на мебели павильона, вышитые по канвѣ воспитанницами Екатерининскаго института и Смольнаго монастыря. Все это сохраняется, вѣроятно, и понынѣ, какъ святыня, какъ оно сохранялось въ послѣднее мое посѣщеніе того павильона въ 1845 году (по случаю бала, даннаго по подпискѣ въ немъ въ честь Михаила Павловича лѣтними Павловскими жителями), но въ 1830 году все это уже потускло и полиняло. Въ то время лежала на столѣ одной изъ залъ книга для записи именъ посѣтителей. Перелистывая ее, я встрѣтилъ привѣтливую фразу по-англійски, подписанную «Ксеніею Кокренъ», женщиною, о которой стоитъ сказать нѣсколько словъ. Въ 1824 году или немного ранѣе нѣкій эксцентричный и совершенно слѣпой Англичанинъ Кокренъ предпринялъ пѣшкомъ путешествіе по Сибири, что́ дало поводъ въ Петербургѣ считать его шпіономъ. Онъ вывезъ оттуда съ собою малолѣтнюю дочь какого-то дьячка и, возвратясь въ Англію, помѣстилъ ее въ одно изъ тамошнихъ учебныхъ заведеній, а по ея совершеннолѣтіи женился на ней и укрѣпилъ за нею свое состояніе. О дальнѣйшей ея судьбѣ не имѣю свѣдѣній, но подпись ея руки въ Павловскомъ павильонѣ свидѣтельствуетъ о ея посѣщеніи Россіи по замужествѣ.

Захотѣлось и мнѣ блеснуть Англійскими познаніями и, соображаясь съ мѣстною обстановкою, я написалъ изъ одной оды поэта Мура:

Oh life is a waste of wearisome hours,
Which seldom the rose of enjoyment adorns,
And the heart that is soonest awake to the flowers,
Is always the first to be touched by the thorns.

(Жизнь есть пустыня тягостныхъ часовъ, изрѣдка украшаемая розою наслажденія; и то сердце, которое ранѣе прочихъ пробудится къ ощущенію цвѣтовъ жизни, всегда первое подвергается уязвленію колючками терновника).

Посѣщалъ меня иногда въ Царскомъ Селѣ товарищъ дѣтства и службы моего брата, Осипъ Осиповичъ Рочфортъ, поступившій осенью того года вновь на службу изъ отставки полковникомъ въ главный штабъ. Человѣкъ онъ былъ дѣльный и на хорошемъ счету у начальства; погубила его окончательно склонность къ запою. По вторичномъ своемъ вступленіи на службу онъ командированъ былъ въ Оренбургъ и тамъ умеръ холерою въ 1831 году, оставивъ отъ умершей прежде него жены сына и дочь. Сынъ этотъ служилъ впослѣдствіи на Кавказѣ и получалъ годовой пенсіонъ отъ добрѣйшаго моего брата; онъ застрѣлился, если не ошибаюсь, на Кавказѣ. Дочь воспитывалась и жила у тетки своей Елисаветы Осиповны Леджерсъ, о которой уже говорено было, и была хороша собою, какъ можно было ожидать отъ дочери красавца-отца; вышла ли она замужъ или нѣтъ, не знаю.

Бывалъ также у меня и второй изъ братьевъ Рочфортовъ, Александръ Осиповичъ, служившій во всю почти свою жизнь по Министерству Народнаго Просвѣщенія въ Цензурномъ Комитетѣ иностранныхъ книгъ и журналовъ *).

Былъ со мною одинъ случай, хотя не служебный, но не на шутку меня встревожившій. Прибѣжалъ ко мнѣ однажды мой испуганный Татаринъ-кучеръ съ извѣстіемъ, что когда онъ проходилъ чрезъ дворцо-

*) Онъ уволенъ по прошенію въ 1860 г. съ чиномъ статскаго совѣтника и полнымъ окладомъ пожизненно; и когда я его видѣлъ въ послѣдній разъ въ Петербургѣ въ 1863 г., онъ почти ослѣпъ. Младшій изъ братьевъ Рочфортовъ, Адольфъ Осиповичъ, служилъ въ 1829 и 1830 году въ конныхъ піонерахъ и, кажется, застрѣлился. Мать ихъ воспитывала всѣхъ дочерей графа Павла Александровича Строганова и кончила жизнь въ этомъ домѣ. Упомянутая ея дочь Елисавета („*Henriette*“) Осиповна Леджерсъ содержала въ 1830 г. женскій пансіонъ въ Петербургѣ; но ей не повезло, и она должна была его закрыть, послѣ чего предприняла воспитаніе дочери умершей графини Ольги Павловны Ферзенъ, урожденной графини Строгановой, которая вышла замужъ за г. Плещеева и умерла въ 1862 или 1863 году. Въ 1868 г. г-жа Леджерсъ жила однимъ пенсіономъ, получаемымъ отъ графа Ферзена.

вый садъ съ лягавою моею собакою «Вѣрный» (а зачѣмъ я завелъ ее, не будучи охотникомъ, самъ не знаю), она загрызла одного изъ царскихъ лебедей на прудѣ. Къ счастію, никого изъ постороннихъ тутъ не было, и дѣло осталось покрытымъ мракомъ неизвѣстности.

Съ Петербургскими Англійскими моими знакомыми бывалъ у меня зубной врачъ Французъ Гамъ съ своимъ братомъ псевдо-музыкантомъ, издававшимъ романсы, съ словами и музыкой своего сочиненія, съ иллюминованными площадными виньетками, каковымъ не находилъ вѣроятно, покупателей по ихъ пошлости. Въ заголовкѣ одного изъ таковыхъ было, помню, между прочимъ заявленіе *«fait exprês pour être chanté à une, à deux, ou à 3 voix»*. Бывали также у меня сынъ Кронштадтскаго Англійскаго консула Буккерса [1]), негоціантъ той же націи г. Джонсъ, а также содержатель Англійской кузницы Морисонъ и полу-англичанинъ, полу-русскій нотаріусъ Созоновъ. Весь этотъ разноплеменный сборъ, л.-гусарскіе мои товарищи прозвали «Бутурлиновскимъ звѣринцемъ».

Осенью того года, одновременно съ л.-гусарскимъ полкомъ, въ Царскомъ Селѣ содержалъ караулы (поочередно) 1-й баталіонъ л.-г. Преображенскаго полка [2]). Фланговымъ первой роты былъ великанъ Лучкинъ, подобнаго коему я никогда и впослѣдствіи не видывалъ: онъ замѣнилъ славившагося до его поступленія ростомъ рядоваго Лопатинскаго, казавшагося въ сравненіи съ нимъ человѣкомъ обыкновеннаго роста. Въ Лучкинѣ было, кажется, 3 аршина и 2 вершка; и хотя я не изъ малорослыхъ, но когда сталъ однажды возлѣ него въ полной парадной формѣ, шарообразный помпонъ (двухъ вершковъ или выше) моего кивера только что подходилъ въ уровень съ плечомъ этого гиганта. При такомъ ростѣ онъ не былъ совершенно пропорціонально сложенъ и немного узокъ въ плечахъ; форменное обыкновенное ружье въ его рукахъ казалось какъ бы дѣтскою игрушкою. Онъ былъ, помнится мнѣ, изъ казацкихъ урядниковъ и получалъ увеличенное жалованье.

Осенью, по случаю холеры въ Москвѣ, приближавшейся къ Петербургу, учреждены были карантинные кордоны, для чего я поставленъ былъ съ однимъ взводомъ въ глухую Чухонскую деревню, имя коей я забылъ, недалече отъ Гатчины. Навѣщавшіе тамъ меня Петербургскіе знакомые привезли мнѣ вѣсть, что городъ встревоженъ отъ часто раз-

---

[1]) Около того времени старикъ г. Буккерсъ отпраздновалъ столѣтнюю годовщину пребыванія своей фамиліи въ Кронштадтѣ.

[2]) Командиромъ л.-г. Преображенскаго полка былъ тогда генер.-маіоръ Исленьевъ.

биваемыхъ стеколъ въ окнахъ тамошнихъ домовъ, и что молва указываетъ на короткихъ знакомыхъ моихъ князя Петра Алексѣевича Голицына и неразлучнаго его друга Сергѣя (отечество забылъ) Романова, какъ на зачинщиковъ будто бы этой шалости. Оба они были статскіе, и оба, кажется, служили тогда по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ. Помню, что Петруша (какъ его звали въ обществѣ) Голицынъ говаривалъ, «que servant au ministère des affaires étrangères, il était très étranger aux affaires.» Оба были образованнѣйшіе, остроумные и беззаботные ребята, изящно одѣвались и всегда готовы кутнуть. Я смѣялся надъ этимъ нелѣпымъ, какъ мнѣ казалось, слухомъ; но дѣло не замедлило разыграться не на шутку, какъ для нихъ, такъ и для самого меня. Такъ какъ эта давно забытая исторія надѣлала тогда много шуму, то я ее передамъ безъ всякой утайки [1]).

Послѣ Красносельскихъ маневровъ я сталъ чаще прежняго ѣздить безъ спроса въ Петербургъ и тамъ сблизился съ кн. Голицынымъ и съ Романовымъ; обѣдывали и ужинали вмѣстѣ довольно шумно съ пробками шампанскаго въ потолокъ во Французскихъ ресторанахъ, и въ экзальтированномъ состояніи духа, держа другъ друга подъ руки, шеренгою отправлялись ходить по Невскому проспекту, сшибая прохожихъ, на которыхъ мы натыкались. Впослѣдствіи мнѣ передано было, что кто-то изъ насъ толкнулъ такимъ образомъ шедшаго по тротуару князя Александра Ивановича Чернышова. Этого я не замѣтилъ, но оно правдоподобно. Къ счастію, дѣло прошло безслѣдно, можетъ быть, потому только, что оно случилось при вечерней темнотѣ; ибо иначе легко было бы узнать меня по моей армейской формѣ, тогда какъ товарищи мои были изъ статскихъ. Къ нашему обществу присоединился тогда не служившій еще въ то время Кирѣевъ (женатый впослѣдствіи на красавицѣ Алябьевой) и Юлій Ѳедоровичъ Минквицъ, только что кончившій курсъ въ Дерптскомъ университетѣ и опредѣлившійся въ началѣ Польской войны въ 1831 г. юнкеромъ въ Ольвіопольской гусарскій полкъ. Насчетъ же битья оконъ однажды дѣйствительно кто-то изъ нашей веселой компаніи пробилъ концемъ трости одно подвальное окно на Малой Морской, выходящее въ уровень съ тротуаромъ, кромѣ каковаго случая ни одного окна не было при мнѣ разбито, и потому я ничего не знаю о виновникахъ разбитія стеколъ на Невскомъ проспектѣ (гдѣ между прочимъ дѣйствительно разбито было окно или окна въ домѣ графа Сергѣя Петровича Румянцова [2]), и на другихъ улицахъ.

---

[1]) См. объ этомъ и о самомъ Романовѣ „Русскій Архивъ“ 1896, II, 588 и слѣд.

[2]) Противъ самого Аничкина дворца. По смерти графа Румянцова домомъ этимъ владѣла дочь его княгиня Варвара Сергѣевна Голицына (нынѣ это домъ Глазунова).

Въ одной шалости, но совершенно въ иномъ родѣ, я винюсь; но она сошла съ рукъ безъ огласки. Проходя ночью съ кн. Голицынымъ и Романовымъ по Гороховой мимо аптеки, что̀ возлѣ Краснаго моста, кто-то изъ насъ троихъ придумалъ взобраться на желѣзный навѣсъ надъ крыльцомъ аптечной двери и оторвать скипетръ и шаръ (державу) аптечнаго орла, и съ этими трофеями мы отправились къ Ф. Ф. Путо̀, занимавшему, какъ я уже говорилъ, домъ Манычарова на углу Малой Морской. Мы его разбудили и передали ему эти регаліи. Полусонный и испуганный нашею продѣлкою, джентельменъ вскочилъ съ постели, и когда мы вышли отъ него, принялся уничтожать (вѣроятно преданіемъ огню) эту жгучую добычу, ведшую насъ всѣхъ, если бы дѣло обнаружилось, подъ уголовное обвиненіе въ оскорбленіе величества, по взгляду тогдашней администраціи. Много лѣтъ послѣ г. Путо̀ никогда не могъ вспомнить безъ страха про это ночное наше посѣщеніе.

Черезъ князя П. А. Голицына я, кажется, познакомился съ Владиміромъ Ивановичемъ Аничковымъ, тогда поручикомъ въ Его Величества кирасирскомъ полку, и хотя онъ бывалъ иногда у меня въ Царскомъ Селѣ, но, какъ осторожный человѣкъ, избѣгалъ находиться, когда шумное наше сборище начинало колобродить. Собрались мы однажды, князь Голицынъ, Романовъ и я, обѣдать во Французскомъ ресторанѣ Дюбуа на углу Невскаго и Большой Морской въ домѣ что̀ нынѣ Чаплина. Романовъ явился туда уже немного, какъ говорится, *подъ шофе*, усѣлся на диванъ, за которымъ стоялъ вплоть піедесталъ съ гипсовымъ бюстомъ императора Николая Павловича и, сопровождая оживленную рѣчь жестикуляціею, производилъ сотрясеніе, сообщавшееся бюсту, и потому я сдѣлалъ ему замѣчаніе быть осторожнѣе, чтобы не разбить бюста, чѣмъ увеличился бы нашъ уже накопившійся въ ресторанѣ долгъ. На это онъ со смѣхомъ отвѣчалъ: «Bah! ce n'est qu'une tête de plâtre» (это не болѣе какъ гипсовая голова), и затѣмъ, съ неприличною, конечно, шуткою (по чисто-школьною), началъ подносить нѣсколько ложекъ супа ко рту бюста. Въ этой комнатѣ, кромѣ насъ троихъ, никого не было; но полагать надо, что кто-то все слышалъ и видѣлъ изъ сосѣдней комнаты, потому что все это происшествіе подробно передано было высшему начальству. Во всей этой исторіи не было изъ чего, какъ говорится по-французски «de quoi fouetter un chat»*); но придано было ей широкое весьма значеніе, потому, можетъ быть, что въ ней подозрѣвался отголосокъ недавно совершившихся Французской и Бельгійской революцій и только что

*) Не изъ-за чего постегать кошку.

вспыхнувшаго Польскаго возстанія. Воображаю чтò стало бы со мною, если бы дознано было въ добавокъ, что я носилъ въ ташкѣ и распѣвалъ революціонный гимнъ «la Parisienne», и участвовалъ въ изувѣченіи царской эмблеммы надъ аптекою въ Гороховой улицѣ! Не знаю, были-ли кн. Голицынъ и Романовъ обвиняемы и обличены въ другомъ кромѣ битія стеколъ; но первый изъ нихъ отправленъ былъ въ статскую службу на Кавказъ, а второй въ статскую службу въ Архангельскъ [1]), а меня (послѣ продолжительнаго ареста) выслали обратно въ Павлоградскій полкъ.

Хотя въ обвиненіи сообщничества съ шайкою разбивателей стеколъ я былъ оправданъ, пострадавъ лишь за исторію съ бюстомъ и за нерадѣніе на службѣ, тѣмъ не менѣе великій князь Михаилъ Павловичъ продолжалъ до самой своей кончины называть меня заочно «le briseur de vitres» [2]).

Мой арестъ произошелъ слѣдующимъ образомъ.

Въ одинъ прекрасный день осенней моей стоянки со взводомъ на санитарномъ кордонѣ вышеупомянутой Чухонской деревни я былъ вытребованъ генераломъ Арпсъ-Гофеномъ, который, объявивъ мнѣ, что я обвиняюсь въ проступкахъ, дошедшихъ до свѣдѣнія Государя Императора, засадилъ меня у себя въ кабинетѣ, чтобы я тутъ же изложилъ на бумагѣ о всѣхъ подробностяхъ моего знакомства съ кн. Голицынымъ и Романовымъ и о томъ чтó мнѣ извѣстно было о ихъ дѣйствіяхъ. Изложенное мною должно было быть представлено его высочеству, командиру гвардейскаго корпуса. Работа потребовала нѣсколькихъ часовъ, ибо кромѣ правильнаго изложенія фактовъ и выбора слога, нельзя было не дать писанію калиграфической изящности. По окончаніи записки меня отвели на Царскосельскую дворцовую гауптвахту, гдѣ я просидѣлъ около, кажется, шести недѣль. Во время этого ареста прибылъ однажды вечеромъ на гуаптвахту нашъ полковой

---

[1]) Впослѣдствіи, передъ окончательно полученнымъ прощеніемъ, Романовъ находился на службѣ при К. М. Полторацкомъ, тогдашнемъ Ярославскомъ губернаторѣ.

[2]) Осенью 1845 года, я просилъ изволенія быть въ числѣ участниковъ бала, даннаго великому князю Павловскимъ лѣтнимъ обществомъ (учредителями были Марія Павловна Сумарокова и Андрей Ивановичъ Сабуровъ). Когда я прибылъ въ бальный залъ Павильона Розъ, Великій Князь стоялъ у дверей, разговаривая съ Маріею Павловною, которая кивнула мнѣ головою, а Великій Князь, окинувъ меня мгновеннымъ полусуровымъ взглядомъ, возобновилъ разговоръ съ своею собесѣдницею. Когда удалось мнѣ подойти къ ней, она передала мнѣ, что Великій Князь спросилъ ее, указывая на меня: „C'est Boutourlin, le briseur de vitres?“—„Я ничего о томъ не знаю, отвѣчала добрѣйшая эта женщина; но это точно Михайло Бутурлинъ, мой знакомый: человѣкъ онъ хорошій и отецъ семейства“.

адъютантъ, князь Вяземскій, который, взявъ меня съ собою въ карету, повезъ въ Петербургъ съ коннымъ гусаромъ, да чуть ли еще не съ двумя, у дверецъ кареты; не помню только, былъ-ли конвой съ обнаженными саблями или нѣтъ *). Съ такою церемоніею привезли меня къ начальнику гвардейскаго штаба ген. Нейдгардту, гдѣ уже находился нашъ Арпсъ-Гофенъ. Первый изъ нихъ отобралъ отъ меня словесное показаніе въ подтвержденіе изложеннаго передъ тѣмъ на бумагѣ, а Арпсъ заявилъ въ дополненіе, что я безъ дозволенія отлучаюсь часто въ Петербургъ, послѣ чего меня тѣмъ же порядкомъ отвезли ночью обратно на Царскосельскую гауптвахту, чѣмъ и кончилась оффиціальная часть этого дѣла. Вся обстановка онаго придавала мнѣ видъ государственнаго преступника; а какъ подумаешь—изъ чего? Благодаря снисходительности царствующаго нынѣ Императора трудно почти будетъ нынѣшнему поколѣнію повѣрить моему разсказу. Я забылъ добавить, что при повтореніи изустно о сценѣ съ бюстомъ въ ресторанѣ Дюбуа, Нейдгардтъ замѣтилъ мнѣ, что, нося мундиръ, я не долженъ былъ дозволять въ моемъ присутствіи оскорбленія личности моего Государя, на что, помнится мнѣ, я отвѣчалъ, что я не видѣлъ тутъ ничего относящагося непосредственно къ непочитанію особы Его Величества, ибо дѣло шло о бюстѣ безъ всякой задней мысли.

Наконецъ, въ половинѣ Декабря объявленъ мнѣ былъ приказъ объ освобожденіи изъ подъ ареста и о возвращеніи обратно въ Павлоградскій полкъ. Такъ какъ мнѣ затруднительно было сбыть въ столь короткій срокъ лошадей, экипажи, мебель и все свое хозяйство, то я явился въ Петербургѣ къ дежурному генералу Потапову, коему объяснилъ свое положеніе и просилъ объ отсрочкѣ на нѣсколько дней, въ чемъ онъ мнѣ отказалъ въ грубыхъ довольно выраженіяхъ. Не смотря на это, я не спѣшилъ отъѣздомъ и исподволь началъ продавать упряжныхъ лошадей, одну изъ трехъ верховыхъ и кое-что изъ мебели, а между тѣмъ сшилъ себѣ статскій полный костюмъ и постоянно почти сталъ его носить, что́, какъ запретный плодъ, доставляло мнѣ большое удовольствіе. Я продолжалъ жить, какъ я воображалъ себѣ, инкогнито (въ чемъ горько ошибался) въ Петербургѣ, ѣздилъ однажды въ Кронштадтъ къ моимъ Англійскимъ знакомымъ, ночевалъ у Ф. Ф. Путо̀; но скоро всякое пристанище было мнѣ преграждено появленіемъ полиціи

*) Князь Вяземскій позднѣе командовалъ армейскимъ гусарскимъ полкомъ, былъ произведенъ въ генералы и два раза былъ женатъ. Первою его женою была дочь г-жи Корсаковой, сестры Елены Петровны Толстой (обѣ урожденныя княжны Долгоруковы), а вторая вдова Павла Александровича Олсуфьева, по себѣ баронесса Боде; звали ее Екатериною.

на Петербургской моей квартирѣ и завѣдывавшаго нашими дѣлами В. А. Инсарскаго. Нечего было дѣлать: я поспѣшно собрался въ домѣ послѣдняго, передалъ ему на руки свое Царскосельское хозяйство и лошадей, взялъ по его рекомендаціи въ услуженіе проживавшаго по паспорту въ Петербургѣ одного изъ дворовыхъ нашихъ людей Ѳедора Варенцова, ловкаго весьма малаго [1]), и черезъ два часа уже скакалъ по Московской дорогѣ, заявивъ вымышленную фамилію на заставѣ.

Помнится мнѣ, что для возвращенія къ мѣсту служенія выдано было мнѣ около 1500 р. ассигн. Передъ тѣмъ я далъ отпускную съ денежнымъ награжденіемъ моему вѣрному хохлу Ильѣ, но разстался съ нимъ оттого, что онъ сильно сталъ запивать.

Въ Москвѣ я засталъ однополчанина и друга моего Петра Александровича Хрущова, тогда въ отпуску; съ нимъ я началъ кутить и ѣздить къ Цыганамъ. Примкнулъ къ намъ, не знаю по какому случаю, въ родѣ «pique-assiette» [2]), почтамтскій чиновникъ горбачъ господинъ Коко. Это былъ человѣкъ съ оттѣнкомъ свѣтскаго лоска и хорошо объяснявшійся на Французскомъ діалектѣ. Однажды утромъ, покуда этотъ господинъ сидѣлъ у меня въ нумерѣ гостиницы Шора и принялся было подкрѣплять желудокъ, послѣ нашей общей ночной попойки, сочною котлетою «au naturel» издѣлія г. Малиса (извѣстнѣйшаго по Москвѣ «artiste culinaire»), орошаемую бургонскимъ нектаромъ (все, конечно на мой счетъ), является въ комнату Петръ Александровичъ и, взявъ меня въ сторону, передаетъ мнѣ, что онъ только что узналъ, что господинъ Коко ничто иное какъ правительственный шпіонъ. Это меня взбѣсило и, обращаясь къ этому эзопу, я упрекнулъ его, какъ онъ осмѣлился, занимая такую должность, втереться въ нашу компанію и приказалъ ему немедленно удалиться. Онъ вскочилъ изъ-за стола съ набитымъ ртомъ и, не произнося ни единаго слова, схватилъ шляпу и удралъ во всѣ лопатки, сопровождаемый нашимъ хохотомъ. Не прошло однакоже недѣли, какъ явился въ гостинницу синемундирный блюститель общественнаго благочинія отъ имени генералъ-губернатора (или коменданта, хорошо не помню) для наблюденія за скорѣйшимъ моимъ выѣздомъ изъ бѣлокаменной. Въ Москвѣ я снова столкнулся съ бывшимъ нашимъ маркитантомъ Леономъ Капенштейномъ (онъ прибылъ для уплаты долга братьевъ Хрущовыхъ ихъ родителями). Со дня этой

[1]) Въ сороковыхъ годахъ я встрѣтилъ его капельдинеромъ въ Александринскомъ театрѣ со шрамомъ во всю щеку, слѣдомъ нагайки изъ рукъ одного члена общества театраловъ, преслѣдовавшаго экипажи съ воспитанницами театральнаго училища на обратномъ ихъ пути изъ театра. Ѳедоръ Варенцовъ сопровождалъ ихъ верхомъ и охранялъ.

[2]) Блюдолиза.

моей съ нимъ встрѣчи въ Москвѣ онъ, благодаря моей безпечности, сдѣлался для меня мало по малу человѣкомъ необходимымъ и со временемъ оправдалъ на дѣлѣ данное ему покойною матерью моею прозвище гибельнаго моего генія. Выѣзжая изъ Москвы, я взялъ съ собою нанятаго тамъ (по рекомендаціи пресловутаго Малпса) Французскаго повара господина Де, вовсе некстати въ военное время, и съ нимъ пріѣхалъ въ Бѣлкино, гдѣ съ предыдущаго года управляющимъ былъ, послѣ смерти тески моего Клеова, Одесскій мой знакомый Англичанинъ агрономъ Иванъ Ивановичъ Сонъ. Поступилъ онъ въ Бѣлкино по рекомендаціи г-на Слоана. Тамъ я встрѣтилъ новый 1831 годъ, и туда пріѣхали ко мнѣ Хрущовъ съ Леономъ Капенштейномъ, а изъ Калуги неожиданно появились сослуживцы мои А. С. Раевскій, А. И. Мясоѣдовъ и родственникъ послѣдняго Павелъ Чириковъ, съ которымъ я тутъ впервыя познакомился. Зная, что Павлоградскій полкъ давно выступилъ въ походъ изъ своихъ квартиръ въ Орловской губерніи, я отправилъ туда рапортъ о мнимой своей болѣзни, препятствовавшей мнѣ явиться сейчасъ къ мѣсту служенія, но не представилъ при рапортѣ медицинскаго свидѣтельства о болѣзни, изъ чего вышелъ у меня впослѣдствіи непріятный разговоръ съ полковникомъ Пашковымъ. Не прошло и двухъ недѣль, какъ я долженъ былъ разстаться съ своимъ Французскимъ вателемъ Де, съ коимъ не въ ладахъ былъ мой Ѳедоръ. Изъ Бѣлкина поѣхалъ я къ теткѣ (впослѣдствіи тещѣ) Елисаветѣ Ивановнѣ Нарышкиной въ с. Игнатовское, гдѣ пробылъ болѣе мѣсяца. Дочери ея (нынѣшней моей женѣ) не минуло еще тогда 15 лѣтъ; братъ ея, Алексѣй Ивановичъ, былъ годомъ старше сестры. Въ Игнатовскомъ былъ еще до меня устроенъ въ домѣ маленькій театръ, и я началъ съ молодыми моими родственниками и съ помощію ихъ гувернера Тридона ставить на сцену Французскіе водевили изъ тогдашняго репертуара Скриба, совершенно забывъ, что мнѣ давно пора торопиться въ полкъ [1]). Въ этимъ піесахъ участвовала также молодая подруга и сосѣдка моей кузины, Настасья Алексѣевна Бородуличева, мать коей была по первому браку Васильчикова [2]).

Съ обозомъ непроданной части моей Царскосельской мебели и съ двумя верховыми моими лошадьми прибылъ въ Бѣлкино нанятый мною въ Петербургѣ Сербъ Яни, отставшій отъ пріѣхавшихъ туда двухъ

---

[1]) Мы сыграли „Les premiers amours“, и „Le menteur véridique“.

[2]) Мать Александра и Николая Михайловичей Васильчиковыхъ и Екатерины Мих. Давыдовой. Настасья Алексѣевна Бородуличева вышла впослѣдствіи замужъ за Костромскаго помѣщика Ѳедора Васильевича Маккавеева (братъ служившаго въ нашемъ Павлоградскомъ полку) и умерла весною 1868 года.

Сербскихъ дипломатическихъ агентовъ. Захотѣлось мнѣ имѣть его при себѣ, потому только что онъ ходилъ въ Греко-арнаутскомъ костюмѣ, въ чалмѣ и вооруженный «*jusqu'aux dents*». Онъ былъ лѣнтяй, непозволительно глупъ и ни на что не годился; но меня потѣшало, что эта кукла возбуждала всеобщее любопытство. Во время моего пребыванія въ Игнатовскомъ полу-азіатецъ этотъ, разсердившись (должно быть) на верховую лошадь, данную ему для ѣзды О. А. Тридономъ или, можетъ быть, отъ неосторожнаго обращенія съ ятаганомъ, привелъ домой этого бѣднаго коня съ полу-перерѣзанною ногою, и какъ невозможно было его вылѣчить, то пришлось его убить. Мнѣ до того было совѣстно противъ друга моего Тридона, что я подарилъ ему взамѣнъ своего полу-арабскаго жеребца Заиграя [1]).

Наконецъ, въ Февралѣ тронулся я въ путь, но не спѣша и съ остановкою въ Тулѣ, потому что тамъ жили Дмитрій Ивановичъ Домашневъ съ своею женою Маріею Петровной, урожденною княжною Вадбольской, гостившіе недавно передъ тѣмъ у Е. И. Нарышкиной. На пути до Орла я также сдѣлалъ одну или двѣ дневки; меня провожалъ Тридонъ. Уже во время самой распутицы я догналъ свой полкъ въ Новогрудкѣ. Явившись къ Пашкову, я услышалъ отъ него, что по причинѣ моей запоздалости онъ назначилъ мнѣ оставаться въ резервныхъ кадрахъ. Я свалилъ было мою медленность на счетъ болѣзни; но онъ отвѣчалъ, что за неимѣніемъ медицинскаго свидѣтельства рапортъ мой ничего не значилъ (въ чемъ онъ былъ правъ); что не можетъ онъ отмѣнить состоявшееся уже распоряженіе, но, впрочемъ, если кто-нибудь изъ офицеровъ пожелаетъ оставаться въ кадрахъ, то я въ такомъ случаѣ могу обмѣняться съ нимъ мѣстами. Взволнованный этимъ пріемомъ, я отвѣчалъ, что въ отношеніи формалистики моего рапорта я подъяческихъ формъ не знаю (или что-то въ родѣ этого); что, подвергшись неосторожнымъ моимъ поведеніемъ опалѣ высокихъ моихъ покровителей, мнѣ необходимо было для поправки каріеры участвовать въ предстоящей войнѣ, что онъ самъ можетъ это понять; но чтобы уговорить кого-нибудь изъ моихъ товарищей уступить мнѣ мѣсто на полѣ брани, я такъ высоко ихъ цѣню, что наврядъ-ли отыщется охотникъ на эту обмѣну. Увидя неуспѣшность моей аргументаціи, я обратился къ ходатайству нашего корпуснаго командира графа Павла Петровича Палена 2-го [2]), замѣнившаго своего брата графа Петра Петровича, и

---

[1]) Спустя года два, братъ мой перекупилъ для своего Бутурлиновскаго коннаго завода этого жеребца у Тридона съ придачею лошади изъ того завода, которая служила Тридону болѣе 20 лѣтъ, какъ верховая, на охотѣ и въ упряжи.

[2]) Графъ Павелъ Петровичъ Паленъ былъ женатъ въ первый разъ на графинѣ

о томъ же просилъ нашего бригаднаго генерала князя Ѳедора Ѳедоровича Гагарина, хотя, какъ я узналъ позднѣе, онъ не совсѣмъ ладилъ съ Пашковымъ. Помнится мнѣ, что они оба замолвили словечко обо мнѣ Пашкову, но это ни къ чему не послужило. Я продолжалъ слѣдовать за полкомъ въ своей повозкѣ до Пружанъ безъ всякаго результата. Наконецъ, нашелъ я охотника оставаться за меня въ кадрахъ, имени коего не желаю упомянуть, на условіи предоставить ему (помнится мнѣ) будущее годовое мое жалованье по заграничному окладу, то есть почти двойное противъ обыкновеннаго, каковое условіе я съ радостію принялъ. Полковникъ вызвалъ обоихъ насъ и, удостовѣрившись въ согласіи товарища моего уступить мнѣ свое мѣсто, не могъ скрыть выраженіе нѣкотораго неудовольствія въ лицѣ, но нечего было дѣлать. Я примкнулъ къ полку и поступилъ, какъ и желалъ, въ эскадронъ маіора Михаила Ивановича Вандзена, ветерана войнъ до 1812 года, не дворянскаго, какъ говорили, и даже отчасти загадочнаго, происхожденія *), но храбрѣйшаго и благороднѣйшаго человѣка, хотя немного драчуна съ нижними чинами; таковымъ было въ то время чуть-ли не большинство армейскихъ эскадронныхъ командировъ. Офицерами его эскадрона были: пріятель мой П. А. Хрущовъ, Кашкаровъ, фамилію третьяго я забылъ. Полкъ шелъ на Кобринъ, Брестъ-Литовскъ, Бялу и Мендзержицы по Варшавскому шоссе и своротилъ въ сторону. Въ одной деревнѣ, гдѣ мы остановились на ночлегъ, я и эскадронные мои товарищи задумали сами состряпать себѣ обѣдъ по случаю того, что люди наши съ вьючными лошадьми отстали. На мою долю пришлось готовить какой-то соусъ, и какъ легче всего, я выбралъ картофель въ сметанѣ. Незатѣйливое, кажись, блюдо; однако произведеніе мое до того пропитано было дымомъ, что невозможно было его ѣсть. Впрочемъ, помнится мнѣ, что и товарищи мои выказали себя не болѣе меня искусными поварами.

Въ отличіе нашихъ войскъ отъ Польскихъ втыкалась у насъ въ киверъ вѣтка сосновая или еловая; передней шеренгѣ даны были, какъ

Литтѣ, отъ которой была одна только дочь, графиня Юлія Павловна Самойлова. Отъ втораго его брака съ графинею Орловою-Денисовою, были: сынъ, женатый на баронессѣ Соловьевой и рано умершій, и три дочери. Изъ нихъ одна была замужемъ за княземъ Дадьяномъ Мингрельскимъ, другая за княземъ Грузинскимъ, а меньшая Елена Павловна за Аркадіемъ Африкановичемъ Болдыревымъ, по смерти коего вышла за сына умершаго Платона Ивановича Голубцова.

*) По выговору и манерамъ онъ казался изъ Польской шляхты съ примѣсью Хохлацкаго и немного Еврейскаго элемента. Таковыхъ неопредѣляемыхъ типовъ было немало въ армейской кавалеріи: остатки, можетъ быть, вербованныхъ разночинцевъ въ войнахъ начала столѣтія.

въ Турецкой войнѣ, пики. Примкнула къ нашему 2-му корпусу часть изнуреннаго 6-го (называемаго Литовскаго) корпуса барона Розена, въ составъ коего входила Литовская уланская дивизія. Въ Татарскомъ полку той дивизіи былъ, какъ разсказывали, феноменъ небывалаго у насъ тугаго производства, въ лицѣ субалтернъ-офицера (т. е. не свыше ротмистра) съ Георгіевскимъ крестомъ за безпорочную 25-лѣтнюю службу въ офицерскомъ чинѣ.

Польскій мятежъ вспыхнулъ въ Ноябрѣ 1830 г., во время моего содержанія на Царскосельской гауптвахтѣ. Мнѣ тамъ разсказывали, что когда Государь объявилъ объ этомъ событіи собраннымъ въ маломъ манежѣ гвардейскимъ офицерамъ и о предстоящемъ походѣ гвардейскому корпусу для усмиренія Царства Польскаго, то офицеры подняли Государя на руки и начали качать съ громкимъ «ура». О неудачныхъ результатахъ Гроховскаго сраженія 13 Февраля 1831 г. я узналъ въ Орлѣ, гдѣ навѣстилъ стараго моего знакомаго вице-губернатора Бурнашева. Не мѣсто здѣсь разбирать поводы къ Варшавской революціи и насколько причиною ея могъ быть великій князь Константинъ Павловичъ; упомяну лишь о слышанномъ тогда мнѣніи, что еслибы при самомъ основаніи Александромъ І-мъ Царства Польскаго онъ назначилъ намѣстникомъ своего любимца князя Адама Чарторижскаго (желавшаго будто бы сильно быть таковымъ), вмѣсто престарѣлаго и не аристократическаго происхожденія Зайончека, ничего бы въ Варшавѣ не случилось. Намекъ на то я встрѣтилъ въ характеристикѣ этого честолюбиваго Польскаго магната въ исторіи Польской войны 1831 г. Смита. Какъ бы то ни было, касательно дѣйствія или бездѣйствія Константина Павловича, но одинъ участникъ въ Гроховскаго сраженія разсказывалъ мнѣ, что во время дѣла великій князь, подъѣхавъ къ 1-й гусарской дивизіи (свѣтлѣйшаго князя Павла Петровича Лопухина) во всеуслышаніе сказалъ: «Каково дерутся *мои* Поляки? Каждый солдатъ Дибичъ». Хорошо было слушать такія слова воинамъ, прибывшимъ поправить ошибки старшаго царскаго брата! Были также слухи, что, обходя поле сраженія, онъ будто бы перешагнулъ чрезъ лежавшихъ Русскихъ раненыхъ солдатъ, останавливаясь разговаривать съ Польскими ранеными. За достовѣрность, впрочемъ, этихъ анекдотовъ не ручаюсь.

Извѣстна всѣмъ блистательная атака вечеромъ того дня кирасирскаго принца Альберта полка, произведенная неустрашимымъ его полковымъ командиромъ, барономъ Мейендорфомъ, одинъ взводъ котораго съ поручикомъ своимъ Потуловымъ *) проскакалъ Пражскій мостъ и

*) Фамилію этого храбреца я узналъ отъ самого ген.-адъют. барона Мейендорфа въ 1860 году.

ворвался въ Варшаву, гдѣ былъ изрубленъ. Передано было мнѣ также подполковникомъ Клястицкаго гусарскаго полка, Василіемъ Сергѣевичемъ Толстымъ (сыномъ упомянутой въ 1-й части Елены Петровны, друга моей матери), что и его полкъ доскакалъ также до Пражскаго моста, когда протрубили отбой. Еще одно усиліе въ поддержку кавалеріи, и Варшава пала бы 13 Февраля!

Весьма сожалѣю, что, встрѣчавшись неоднократно въ Петербургѣ въ 1860 г. съ виновникомъ отважной атаки принца Альберта полка, я не воспользовался этими случаями спросить у барона Мейендорфа о справедливости слышаннаго мною одного эпизода той атаки: когда онъ несся вихремъ передъ своимъ полкомъ, Польскій какой-то офицеръ, выждавъ моментъ, когда Русскій полковникъ приблизился къ нему, выстрѣлилъ будто бы въ него два или три раза, но что всякій разъ пистолетъ осѣкался, послѣ чего Полякъ опустилъ пистолетъ и сказалъ: «respect aux braves», на что̀ баронъ Мейендорфъ бросилъ ему въ отвѣтъ: «je mépris le respect d'un rebelle», и изрубилъ Поляка [1]).

Корпусъ нашъ безпрепятственно дошелъ до Сѣдлеца, а на другой или третій день нашей тамъ стоянки, въ 3-мъ или въ 4-мъ часу пополудни, произошло сраженіе при д. Яганѣ на Варшавскомъ шоссе, въ 3 или 4 верстахъ отъ Сѣдлеца. Почти вся Польская армія выходила колоннами изъ лѣсовъ и дефилеевъ съ лѣвой стороны отъ насъ и, поворачивая направо, колонны шли параллельно съ нашимъ фронтомъ и потомъ бросались поочередно на передовые наши отряды, занимавшіе деревню Ягань, чтобы вытѣснить ихъ оттуда и выбраться на шоссе [2]). Наша бригада стояла во второй линіи, на высотѣ лѣвѣе отъ шоссе. Вся мѣстность открыта была какъ на ладони; мы могли подробно слѣдить за всѣми фазисами сраженія, и ясно было видѣть, какъ ядра не-

---

[1]) Т. е. почтеніе храбрецамъ. Я презираю отдающаго мнѣ почтеніе бунтовщика. Нынѣшнею зимою (1871 на 1872 г.) ген.-ад. баронъ Мейендорфъ, спрошенный мною черезъ барона Бюлера о семъ эпизодѣ, обязательно поручилъ ему (барону Бюлеру) передать мнѣ, что разсказъ этотъ онъ не можетъ подтвердить, но что дѣйствительно, врѣзавшись въ Польскіе ряды, онъ собственноручно рубилъ направо и налѣво. Кстати добавлю, что доблестный бывшій вождь принцъ Альбертова полка атлетическаго роста и сложенія.

[2]) Съ особеннымъ удовольствіемъ прочелъ я въ прошломъ году описаніе этого сраженія въ исторіи Польской войны Смита, и тогда только понялъ многое, остававшееся до того времени необъясненнымъ мнѣ какъ субалтернъ-офицеру, находившемуся въ этомъ дѣлѣ. Тамъ говорится между прочимъ, что Поляки приписывали неудачу этого дѣла отсутствію главнокомандующаго Скржинецкаго, прибытія коего тщетно ожидали въ теченіе всего дня, и безпечности его распоряженій, за что Польскіе начальники сильно на него негодовали.

редовыхъ нашихъ батарей, дѣйствуя почти что во флангъ непріятельской кавалеріи, вырывали цѣлые ряды; но она въ мигъ опять смыкалась и стройно продолжала натискъ. Ягань переходилъ по нѣскольку разъ изъ рукъ въ руки, но усиліями 11-го и 12-го егерскихъ полковъ, покрывшихся славою въ предыдущей Турецкой войнѣ, поддерживаемыхъ тремя или четырьмя атаками нашей дивизіи Елисаветградскимъ гусарскимъ полкомъ и подкрѣпленныхъ свѣжею пѣхотою, подоспѣвшею по шоссе, войска наши удержали окончательно Ягань и всю позицію, но съ значительнымъ урономъ людей. Знакомый мнѣ Елисаветградскаго полка поручикъ Гейдекъ раненъ былъ пулею въ грудь напролетъ, но такъ счастливо, что она не задѣла ни одного жизненнаго органа, и четыре или пять недѣль спустя я встрѣтилъ въ Брестъ-Литовскѣ этого офицера, поглощающаго пуншъ, какъ будто бы ничего съ нимъ не случилось.

На разсвѣтѣ слѣдующаго дня, когда мы переходили поле сраженія, сердце содрагалось при видѣ лежавшихъ тяжело раненыхъ и умиравшихъ, которыхъ не успѣли еще прибрать по причинѣ, вѣроятно того, что сраженіе кончилось, когда уже стемнѣло. Меня поразили особенно ихъ восклицанія «батюшка и матушка, помяните меня», чего, не случалось мнѣ до того времени ни видать, ни слыхать. Упомянутый прежде офицеръ конной артиллеріи Александръ Алексѣевичъ Мироновъ, искренній мой другъ, передалъ мнѣ слѣдующій анекдотъ о знакомомъ ему артиллеристѣ, спасшемъ свою жизнь находчивостію. Онъ отстрѣливался до послѣдней крайности, но, наконецъ, Поляки взобрались на его батарею и, взбѣшенные упорнымъ сопротивленіемъ, принялись рубить и колоть безпощадно оставшуюся прислугу. Офицеръ этотъ, видя неминуемую предъ собою смерть, вскочилъ и сѣлъ верхомъ на одно изъ орудій, нахлобучилъ каррикатурно шляпу по формѣ на брови, подбоченился, высунулъ языкъ и скорчилъ такую уродливую гримасу, закричавъ подступавшимъ съ поднятымъ на него оружіемъ Полякамъ: «А за цо, панове?» (За что же, господа?), что тѣ расхохотались и пощадили его.

Послѣ этого сраженія корпусъ нашъ отступилъ, не знаю по какой причинѣ, обратно по шоссе черезъ Сѣдлецъ, Бялу и Мендзержицы; полагаю, что для подкрѣпленія растянутаго и претерпѣвшаго рядъ пораженій 6-го корпуса барона Розена. Причиною этихъ пораженій могли быть отчасти ошибочныя распоряженія барона; но надо, однако взять въ соображеніе и утомленіе этого корпуса, который выдерживалъ одинъ въ зимнее время напоръ непріятельскихъ войскъ съ самаго начала Польскаго возстанія, пока остальные корпуса съ фельдмаршаломъ не подоспѣли.

Стоя на бивуакѣ въ сторонѣ отъ шоссе, мы однажды тронулись во тьмѣ глубокой ночи и на разсвѣтѣ ворвались въ какую-то деревню, названіе коей я забылъ, занятую Поляками, которые, вытѣсненные оттуда, открыли по насъ ружейный огонь, при чемъ одинъ только нашъ юнкеръ Мухортовъ былъ легко раненъ пулею въ руку, за что получилъ солдатскаго Георгія и былъ произведенъ въ офицеры. Подо мною была славная караковая кобыла, не знавшая усталости, по прозвищу «Кокетка», подаренная мнѣ моимъ другомъ П. А. Хрущовымъ: но она въ первый, вѣроятно, разъ была въ огнѣ и при всякомъ залпѣ нашей конной батареи (стоявшей рядомъ съ моимъ эскадрономъ), пугалась и совершала крутой пируэтъ на заднихъ ногахъ, отъ каковой неожиданности трудно было мнѣ усидѣть. Къ счастію, не пришлось мнѣ никогда ходить въ атаку съ нею, а по окончаніи кампаніи я отдалъ ее обратно ея первому хозяину. Послѣ этой незначительной стычки мы возвратились къ прежнимъ бивуакамъ и тамъ простояли нѣсколько дней.

Все это происходило, помнится мнѣ, въ началѣ Апрѣля. Погода стояла сухая и неимовѣрно теплая. Однажды, при возвращеніи съ командою съ фуражировки, кто-то изъ товарищей моихъ закричалъ мнѣ, что полковникъ Пашковъ наказываетъ моего Θедора Варенцова. Я поспѣшилъ къ мѣсту происшествія и дѣйствительно увидалъ полковника, присутствующаго при жестокой экзекуціи моего человѣка. На спросъ мой о причинѣ таковаго его дѣйствія, онъ отвѣчалъ, что Θедоръ нагрубилъ кому-то изъ офицеровъ, кажется, Пруссаку Фюрстенбергу фонъ Пекешу, о которомъ уже было говорено выше. Это могло дѣйствительно быть, ибо Θедоръ былъ иногда дерзокъ даже со мною; но я однакоже заступился зъ него и возразилъ полковнику, что въ такомъ случаѣ ему (полковнику) слѣдовало извѣстить меня первоначально о проступкѣ крѣпостнаго моего человѣка и предоставить мнѣ распорядиться съ нимъ по моему усмотрѣнію, и что самовольно его наказывать полковникъ не имѣлъ никакого права. На это онъ отвѣчалъ, что онъ непосредственный начальникъ всѣхъ лицъ, входящихъ въ составъ его полка. Тогда, принявъ дѣло за личную мнѣ обиду и новое доказательство нерасположенія полковника ко мнѣ, я взбѣсился и наговорилъ ему много колкостей, напомнивъ, между прочимъ, что настанетъ, можетъ быть, время, когда мы оба встрѣтимся внѣ службы, и что тогда будетъ между нами иного рода разговоръ. Послѣ моихъ словъ онъ повернулся ко мнѣ (а до того времени все слѣдилъ за продолжавшейся экзекуціей) и строго произнесъ: «Поручикъ графъ Бутурлинъ, я вамъ приказываю немедленно отправиться къ своему мѣсту; въ противномъ же случаѣ я представлю васъ по командѣ, за ослушаніе». Подобная

угроза была нешуточнымъ дѣломъ въ военное время; а въ продолженіе этой сцены подошелъ ко мнѣ сзади мой эскадронный командиръ маіоръ Вандзенъ и сталъ дергать меня за фалды сюртука, приговаривая шепотомъ: «Бутурлинъ, брось его». Нечего было дѣлать; пришлось уступить силѣ субординаціи; но я понялъ, что послѣ этого происшествія невозможно было мнѣ долѣе оставаться подъ начальствомъ Пашкова, а какъ въ военное время не допускалось перехода изъ одного полка въ другой, то я предпочелъ удалиться на время. Я подалъ рапортъ о болѣзни и хотя слѣдовалъ нѣсколько дней за полкомъ, съ которымъ вторично мы взошли въ Сѣдлецъ, но болѣе не находился во фронтѣ до окончанія войны. Со дня описываемаго происшествія я болѣе не встрѣчался съ Пашковымъ до 1833 года, въ Москвѣ, когда мы оба уже были въ отставкѣ, и обѣщанный въ пылу гнѣва мой съ нимъ разговоръ, конечно, не состоялся. Безспорно, онъ былъ тяжелый по службѣ человѣкъ и педантъ, но я былъ во всемъ виноватъ передъ нимъ. Мое поведеніе въ полку и проступки по службѣ уже не были тѣ бездѣлюшки, которыя навлекли на меня негодованіе въ Одессѣ графа М. С. Воронцова. Дурная репутація, до которой я сознательно добился, неразборчивость общества, въ кругу котораго я иногда находился, не могли выкупаться лестнымъ для полковаго командира обстоятельствомъ имѣть въ своемъ полку офицера изъ первыхъ въ государствѣ фамилій, съ состояніемъ и, можетъ быть, отличавшагося своими верховыми лошадьми. А что Пашковъ не былъ дурнымъ человѣкомъ или предубѣжденнымъ заранѣе противъ меня, стóитъ только вспомнить, въ какихъ близкихъ отношеніяхъ я находился съ нимъ и со всѣмъ его семействомъ въ первое время юнкерской моей службы въ Орлѣ. Егоръ Ивановичъ былъ отличный мужъ и семьянинъ, и какъ юноша влюбленъ въ свою прелестную Ольгу Алексѣевну, поясный портретъ которой неразлучно сопровождалъ его во всѣхъ походахъ и въ лагерныхъ стоянкахъ.

Въ Сѣдлецѣ сборный нашъ пунктъ былъ въ гостиницѣ Флорентинца Леперини, содержавшаго также кафе-ресторанъ въ Варшавѣ. Мой Флорентинскій жаргонъ пригодился мнѣ настолько, что восхищенный старикъ-хозяинъ призналъ меня за своего земляка, открылъ мнѣ кредитъ и даже далъ денегъ въ займы по переводу моему на брата графа Петра Дмитріевича, проживавшаго тогда съ семействомъ въ Берлинѣ, или на мою мать во Флоренціи. Однако я оставилъ у него подъ закладъ свои часы. Къ подобнаго рода займу переводомъ на мое заграничное семейство я уже разъ съ успѣхомъ прибѣгнулъ въ Бухарестѣ осенью 1828 г. у Французскаго торговца винами, знавшаго меня

въ Одессѣ. Эти два образчика моей находчивости на чужой сторонѣ возбуждали удивленіе моихъ товарищей [1]).

Дѣйствительно-ли отъ жестокаго наказанія, или отъ притворства, но Ѳедоръ Варенцовъ объявилъ мнѣ, что слѣдовать за мною съ вьюками онъ не въ состояніи. Онъ ушелъ отъ полка, вскорѣ попался въ плѣнъ Полякамъ и выпущенъ былъ только по взятіи Варшавы. Я остался съ однимъ моимъ живописнымъ дуракомъ въ чалмѣ, Сербомъ Яни, лѣнивымъ до того, что на одно мое ему замѣчаніе, что онъ не чиститъ мои сапоги, онъ отвѣчалъ: «А къ чему чистить? Еслибы ты» (онъ говорилъ всѣмъ *ты*) сидѣлъ дома, то другое дѣло; а то ты опять пойдешь со двора и сапоги загрязнишь». Трудно было мнѣ дѣйствительно оспаривать правильность этой аргументаціи. Каковы были за то мое удивленіе и радость, когда неожиданно явился ко мнѣ въ Сѣдлецѣ прежній мой Илья Бабиченко. Онъ разсказалъ мнѣ, что, оставшись въ Петербургѣ (съ данною мною ему отпускной), онъ узналъ отъ В. А. Инсарскаго о приключеніи съ Ѳедоромъ и просилъ дать ему возможность отправиться ко мнѣ. Съ этого времени онъ оставался при мнѣ до окончанія войны. Такъ какъ не требовали болѣе меня на службу, то я съ своими людьми и лошадьми преспокойно отретировался по вольности дворянства и избралъ Брестъ-Литовскъ своею временною резиденціею, не заботясь о дальнѣйшемъ ходѣ войны. Я составилъ себѣ кружокъ изъ больныхъ офицеровъ и проживавшихъ тамъ по службѣ. Въ числѣ первыхъ былъ поручикъ Ольвіопольскаго гусарскаго полка баронъ Павелъ Александровичъ Вревскій, сдѣлавшійся съ этого времени искреннимъ моимъ другомъ до конца [2]); также юнкеръ того же полка, Юлій Ѳедоровичъ Минквицъ (нынѣ жандармскій генералъ на Кавказѣ), прежній мой знакомый по Петербургу. Къ этой компаніи примкнули два иностранные медика на службѣ при нашихъ полкахъ: Французъ Гумберъ и Кронштадтскій еще мой знакомый, Англичанинъ

[1]) По взятіи Варшавы я встрѣтился съ этимъ Итальянцемъ въ кофейной, содержимой его дочерью красавицею г-жею Констанціею Дорвиль, за которою наша военная молодежь ухаживала. Или я въ то время не совершенно расквитался со старикомъ Леперини, или прибѣгнулъ къ новому займу, но въ бытность мою съ женою во Флоренціи, въ 1838 году, Леперини, покончивши свои дѣла въ Польшѣ, предъявилъ мнѣ какой-то неуплаченный мною счетъ или документъ, который я тутъ же призналъ и выплатилъ; чрезъ нѣсколько дней послѣ того Леперини умеръ.

[2]) Убитый, какъ извѣстно, уже генералъ-адъютантомъ, въ дѣлѣ на Черной рѣчкѣ подъ Севастополемъ въ 1855 г. одновременно съ ген. Реадомъ, который былъ въ описываемое время полковымъ командиромъ. Въ 50-хъ же годахъ убитъ былъ на Кавказѣ братъ его баронъ Иполитъ Александровичъ, даровитый человѣкъ и отважный офицеръ. Было у нихъ двѣ сестры, одна замужемъ за барономъ Шёнигомъ, а другая за г. Трескинымъ.

Митчель, бывшій тогда медикомъ при флотѣ; также Русскій военный медикъ, г. Коршъ, любезнѣйшій и умнѣйшій человѣкъ, вскорѣ послѣ умершій холерою въ Брестъ-Литовскѣ. Завелся у насъ рядъ обѣдовъ съ попойками, у меня на квартирѣ и въ Жидовскихъ погребкахъ (ничего было легче какъ завести себѣ тамъ кредитъ), при хоровомъ пѣніи Беранжеровскихъ пѣсень, обыкновенный репертуаръ тогдашней молодежи, продолжавшей еще отчасти корчить Французовъ. Изумительно было Еврейское чутье распознавать батюшкиныхъ сынковъ. Правда, что за то они и попадались иногда въ просакъ. Забылъ я сказать, что, раставшись съ полкомъ, я первоначально провелъ нѣсколько дней въ дер. Збучинѣ, подъ Сѣдлецомъ, на шоссе, гдѣ находились нашъ вагенбургъ и обозы. Тамъ я встрѣтилъ 15 или 16 лѣтняго мальчика, смѣтливая физіономія котораго мнѣ понравилась; оказалось, что онъ былъ Волынскій Полячекъ изъ г. Любара, гдѣ онъ попалъ въ услуженіе къ маіору Гавришеву, нашего Павлоградскаго полка, эскадронъ коего стоялъ въ этомъ городкѣ по возвращеніи изъ Турціи. Такъ какъ онъ въ Збучинѣ отсталъ отъ прежняго своего хозяина, то охотно присталъ ко мнѣ, и съ того времени, находясь почти неотлучно со мною въ теченіе 30 лѣтъ, оказывалъ мнѣ свою благодарность и преданность. Это Иванъ (но по документамъ Яковъ) Игнатьевичъ Радзиковскій [1]).

Съ больнымъ барономъ П. А. Вревскимъ я сошелся случайно около деревни Збучиной, и оба съ нимъ пріѣхали въ Брестъ-Литовскъ, гдѣ мы стали на одной квартирѣ. Самоучкою поваромъ былъ у насъ упомянутый Яся (какъ мы его звали) Радзиковскій.

Брестъ-Литовское военное начальство косо на меня поглядывало и интересовалось узнать, по какому поводу я такъ долго тамъ живу, однакоже открыто не придиралось ко мнѣ. Извѣстіе объ Остроленскомъ сраженіи было получено. Ольвіопольскіе мои друзья, баронъ Вревскій и Ю. Ѳ. Минквицъ отправились къ своему полку, а я все оставался въ Брестъ-Литовскомъ безъ всякой цѣли. Столкнулся я случайно тамъ съ упомянутымъ уже подполковникомъ Клястицкаго гусарскаго полка Василіемъ Сергѣевичемъ Толстымъ [2]), который уговорилъ

---

[1]) Въ бытность мою съ нимъ въ Кіевѣ, въ 1836 году, онъ выхлопоталъ черезъ меня доказательство на дворянство; но какъ это званіе не обезпечиваетъ жизненныхъ средствъ, то онъ весьма разсудительно записался въ Москвѣ въ купцы и содержитъ нынѣ Варшавскую кондитерскую на Большой Никитской, въ д. Ефремовой.

[2]) Василій Серг. Толстой (братъ графини Александры Серг. Паниной и декабриста Владиміра Сергѣевича) былъ адъютантомъ при Московскомъ генер.-губ. князѣ Дмитріи Владиміровичѣ Голицынѣ въ 20-хъ годахъ и имъ посланъ былъ въ Декабрѣ 1825 года къ императору Николаю Павловичу съ донесеніемъ о присягѣ Москвы, при чемъ Государь расспрашивалъ В. С. Толстаго о впечатлѣніи, произведенномъ въ Москвѣ Петербургскими

меня переѣхать съ нимъ въ Кобринскій уѣздъ, Гродненской губ., гдѣ квартировалъ его эскадронъ [1]), и какъ мнѣ все равно было гдѣ ни проживать, то я принялъ его предложеніе. Бездѣйствіе и монотонія въ глухой деревушкѣ, безъ другаго общества кромѣ мелкаго шляхтича, хозяина нашего дома съ его двумя недурными собою, но не особенно развитыми и сообщительными *панѣнками*, начинало меня тяготить, тѣмъ болѣе, что В. С. Толстой нерѣдко отлучался по дѣламъ службы. Къ счастію моему, онъ познакомилъ меня съ семействомъ сосѣдняго помѣщика отставнаго генерала Суворовскихъ временъ Энгельгардта, командовавшаго въ 1812—1814 годахъ Староингерманландскимъ пѣхотнымъ полкомъ и поселившагося въ маленькомъ своемъ имѣніи съ фольваркомъ, называемомъ Кустовичи. При немъ жила дочь замужемъ за отставнымъ полковникомъ Переяславскаго конно-егерскаго полка, Егоромъ Александровичемъ Дебриньи (у коихъ были двѣ взрослыя дочери, одна малолѣтняя и сынъ Александръ 11 или 12 лѣтъ). У г-жи Дебриньи были еще три сестры: графиня Гудовичъ, нынѣ еще въ живыхъ [2]), княгиня Вадбольская (жена храбраго кавалерійскаго генерала князя Ивана Михайловича, отличавшагося въ 1827 и 1828 гг. въ Азіятской Турціи), и третья за Энгельгардтомъ же. Братъ ихъ былъ убитъ на Варшавскомъ штурмѣ. Меня приняли въ это патріархальное семейство какъ родственника, котораго давно не видали, и пригласили переѣхать къ нимъ на жительство съ моими людьми и лошадьми. Свита моя состояла изъ Полячка Яси, дурака Серба и Малороссіянина Ильи. Сей послѣдній, удивленный нашимъ продолжительнымъ на чужой счетъ жительствомъ, спрашивалъ шутя, уже не стоимъ ли мы на экзекуціи? Я про-

---

декабрьскими событіями. А съ первоначальнымъ донесеніемъ о присягѣ Москвы императору Константину Павловичу отправленъ былъ Петръ Петровичъ Новосильцовъ, также адъютантъ при князѣ Д. В. Голицынѣ. Толстой, хотя самъ безъ всякаго почти состоянія, женился въ тѣхъ же 20-хъ годахъ по любви на институткѣ Ларіоновой, дѣвушкѣ тоже безъ всякаго состоянія, но замѣчательной красоты и ума.

[1]) Клястицкій, Ольвіопольскій, Сумскій и Лубенскій полки составляли 14-ю гусарскую дивизію, подъ командою свѣтлѣйшаго князя Павла Петровича Лопухина. Клястицкимъ полкомъ командовалъ тогда пожилой полковникъ Ильинскій, незаконный сынъ котораго-то изъ гг. Шепелевыхъ. Я познакомился съ двумя офицерами того полка г. Бутеневымъ (братомъ дипломата, посланника тогда въ Константинополѣ) и съ ротм. Постельсомъ. О князѣ Лопухинѣ добавлю, что даже въ это походное время при немъ былъ Французскій поваръ Кулонъ, открывшій впослѣдствіи гостинницу въ Петербургѣ, на Михайловской площади, а позднѣе въ Калугѣ.

[2]) Изъ двухъ дочерей графини Гудовичъ одна вышла замужъ за вдовца и много старше ея графа Гендрикова, а вторая (графиня Алина) за князя Михаила Павловича Голицына, сына княгини Варвары Сергѣевны. Молодой графъ Гудовичъ женился въ концѣ 50-хъ годахъ на княжнѣ Щербатовой, дочери Московскаго гражданскаго губернатора князя Николая Александровича, женатаго на одной изъ дочерей упомянутой княгини В. С. Голицыной.

былъ въ Кустовичахъ все лѣто до глубокой осени. Однажды В. С. Толстой и я сопутствовали семейству Дебриньи на званый вечеръ къ ихъ сосѣду, артиллерійскому генералу Ховену, бывшему тогда на дѣйствительной службѣ и заѣхавшему на нѣсколько дней въ свое имѣніе на походѣ изъ Калуги (гдѣ онъ стоялъ съ своей дивизіею) въ Польшу. Генералъ Ховенъ былъ утонченной учтивости, свѣтскій и любезный человѣкъ, и весьма, какъ полагаю, добрый и непридирчивый начальникъ, но говорилъ отрывистымъ искусственнымъ басомъ (мода которая, завелась у генераловъ Александровской эпохи, корчившихъ Константина Павловича), одѣвался изящно съ стараніемъ скрывать «*l'irréparable outrage des années*» [1]), и была молва, что онъ будто бы даже носилъ корсетъ. О воинскихъ его достоинствахъ ничего мнѣ неизвѣстно.

Вскорѣ по взятіи Варшавы, неожиданно явились ко мнѣ въ Кустовичи мои Ѳедоръ, остававшійся тамъ въ плѣну до конца войны, и дворовый нашъ же человѣкъ Иванъ Бурлуцкій, рисовальщикъ и берейторъ, находившійся при мнѣ въ Орлѣ въ первое время моей службы. Какъ могли они меня отыскать, не понимаю: съ полкомъ я не имѣлъ никакой переписки, и не предполагаю, чтобы тамъ могли знать, гдѣ я проживалъ.

Илью Бабиченка я отпустилъ съ награжденіемъ, подаривъ ему моихъ вьючныхъ лошадей, а Ѳедора вскорѣ отправилъ въ Петербургъ къ В. А. Инсарскому за деньгами, въ которыхъ крайне нуждался, и за запасомъ сигаръ, каковое порученіе онъ исполнилъ и вернулся въ Кустовичи черезъ двѣ недѣли.

Къ немалой моей радости отошелъ также отъ меня дуракъ Сербъ Яни, женившійся, почти что тайкомъ отъ меня, на какой-то шляхтянкѣ и открывшій табачную лавочку гдѣ-то въ тѣхъ же мѣстахъ. Однажды ѣздилъ я въ Кобринъ (въ 15 верстахъ отъ Кустовичей), гдѣ встрѣтилъ возвращавшуюся изъ Флоренціи на жительство въ Бѣлкино съ пансіономъ на всю жизнь горничную моей матери, Анну Степановну Хлыстову (по сіе время въ живыхъ).

Вдругъ, въ одинъ поздній осенній день, подкатила къ крыльцу коляска, и къ крайнему моему изумленію вышелъ изъ нея добрѣйшій мой братъ, бросившій свое семейство въ Берлинѣ [2]) и отправившійся искать по горамъ и доламъ заблудшую и почти безъ вѣсти пропавшую овцу въ лицѣ нѣжно имъ любимаго брата. Поблагодаривъ почтенное семейство генерала Энгельгардта за оказанное мнѣ вниманіе, онъ повезъ

---

[1]) Непоправимая обида годовъ.

[2]) Гдѣ онъ, кажется, тогда служилъ при нашемъ посольствѣ. П. Б.

меня съ собою въ Варшаву, гдѣ, по его связямъ въ высшихъ тамошнихъ сферахъ, дозволено мнѣ было оставаться подъ предлогомъ болѣзни.

По пріѣздѣ въ Варшаву я явился къ фельдмаршалу Паскевичу, вновь пожалованному титуломъ князя Варшавскаго (это было единственный разъ, что̀ я его видѣлъ), а отъ него къ Варшавскому военному генералъ-губернатору графу Витту (знакомому мнѣ по Одессѣ), принявшему меня съ свойственною ему банальною улыбкою *).

Братъ потребовалъ отъ имени нашей матери, чтобы я подалъ въ отставку и поѣхалъ къ ней во Флоренцію; я хотя далъ ему обѣщаніе, но сдержалъ лишь первую часть его просьбы, т. е. подалъ въ отставку.

Поселившись въ отелѣ «Вильнѣ», на Толмацкой улицѣ, я тамъ оставался до выѣзда изъ Варшавы въ Россію осенью 1832 года. Тамъ были у меня открытый столъ и ночлегъ для старыхъ и новыхъ знакомыхъ и для иныхъ, чающихъ движенія воды, разночинцевъ и разнородныхъ личностей. Попадались въ этотъ пріютъ и прогорѣвшіе отъ житейскихъ бурь и невзгодъ. Такая жизнь сто̀ила мнѣ въ теченіе 10 мѣсяцевъ болѣе 50 тысячъ злотыхъ (8 т. р. сер.) наличными, кромѣ оставленныхъ тамъ долговъ: сумма огромная по тогдашней Варшавской дешевизнѣ сравнительно съ обѣими нашими столицами.

Хотя Павлоградскій полкъ для меня какъ будто не существовалъ, но такъ какъ онъ продолжалъ украшать собою составъ Русской арміи, то приходится сказать о немъ нѣсколько словъ. На штурмѣ Варшавы онъ не находился: полковникъ Е. И. Пашковъ, по неуживчивости своего характера, разсорился съ ближайшими своими начальниками, и черезъ это всѣ эскадроны полка поступили порознь по разнымъ командамъ. Одинъ эскадронъ остался охранять г. Ловичъ; а самъ Пашковъ, имѣя при себѣ своего полковаго адъютанта Лауница и другаго еще офицера, съ ними разъѣзжалъ на Варшавскомъ штурмѣ въ свитѣ начальника штаба графа Толя, получилъ чинъ генералъ-маіора и Станислава 1-ой степени, вскорѣ подалъ въ отставку и сдалъ полкъ безъ всякой денежной придачи (обстоятельство въ то время рѣдкое) молодому подполковнику флигель-адъютанту барону Фелькерзаму.

Какъ характеристику Русско-Нѣмецкихъ офицеровъ, приведу на выдержку упомянутаго однополчанина моего г. Лауница, меньшаго

*) Довольно странно, что не удалось мнѣ никогда видѣть вблизи фельдмаршала графа Дибича. По пріѣздѣ его въ Петербургъ въ 1830 г. послѣ Турецкой войны велѣно было всѣмъ гвардейскимъ офицерамъ являться къ нему; я отправился было для этого изъ Царскаго Села, но, по неисправимой моей привычкѣ, опоздалъ.

брата того генерала Лауница, что̀ былъ начальникомъ всей внутренней стражи въ 50-хъ годахъ. Онъ и другой его *ландсманъ*, г. Штемпель, опредѣлились юнкерами въ нашъ полкъ въ Орлѣ, весною 1828 года. Первый изъ нихъ явился неожиданно ко мнѣ на квартиру и, вытянувшись во фронтъ, произнесъ съ сильно преобладающимъ акцентомъ своего фатерланда: господинъ вахмистръ, честь имѣю явиться! Это было по поводу моего тогдашняго вахмистерскаго сана при юнкерской командѣ; такой оффиціальной почести никогда не было мнѣ оказано ни однимъ изъ Русскихъ юнкеровъ. Товарищъ его, Штемпель, весьма порядочно говорилъ по-русски. Оба они не получали, насколько мнѣ извѣстно, ни копѣйки изъ дому; ходили не иначе какъ въ казенномъ толстаго сукна мундирѣ и въ суконномъ галстукѣ (тогда какъ мы, Русскіе юнкера, *напяливали* на себя эту безпокойную форму на большихъ только смотрахъ), ѣздили на казенныхъ лошадяхъ; тѣмъ не менѣе, по производствѣ ихъ въ офицеры (за Кулевчинское дѣло), оба они изъ скуднаго тогдашняго корнетскаго годоваго оклада въ 500 р. ассигн. (и то чуть-ли не по случаю заграничнаго оклада) ухитрились обмундироваться не хуже насъ, батюшкиныхъ и матушкиныхъ сынковъ, и завести по весьма порядочной верховой лошадкѣ. Позднѣе этотъ нашъ Лауницъ переведенъ былъ въ л.-г. Гродненскій гусарскій полкъ и нашелъ, повидимому, средство прилично содержаться въ гвардейскомъ полку безъ вспомогательныхъ домашнихъ пособій, каковыхъ не предполагаю чтобы онъ могъ имѣть и впослѣдствіи. Широкая Русская натура никогда не дойдетъ до таковаго умѣнія превратить копѣйку въ рубль, и не даромъ гласитъ поговорка, что «Нѣмецъ выдумалъ обезьяну». Оба эти мои товарищи, вѣроятно, обѣдали каждодневно у своего эскадроннаго командира; кромѣ чего питались ли они чѣмъ ни будь дома и пили ли по утрамъ чай, мнѣ неизвѣстно. Само собою разумѣется, что они не посѣщали нашей разгульной компаніи, гдѣ пришлось бы имъ поставить свою очередную бутылку Шампанскаго. Это все такъ; но справедливость требуетъ сознаться, что всѣ вообще эти Нѣмцы были исправнѣйшіе служаки во фронтѣ и въ командировкахъ, и нельзя было полковому командиру не дорожить ими.

Вскорѣ по отъѣздѣ брата моего изъ Варшавы я познакомился и съ перваго же дня сошелся на *ты* и на *mon cousin* со Львомъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ, тогда штабсъ-капитаномъ въ драгунскомъ Финляндскомъ (кажется) полку *). Наше сближеніе произошло во Француз-

*) Левъ Сергѣевичъ, какъ и его братъ, были типы бѣлаго Негра съ курчавыми волосами; но по цвѣту волосъ и кожи Левъ Сергѣевичъ былъ совершенный блондинъ, росту немного ниже средняго и съ непропорціонально-большою головою; а когда смѣялся,

скомъ ресторанѣ Пуарье на Медовой улицѣ на данномъ мною ему обѣдѣ. Узнавъ, что его фонды во временно-отрицательномъ положеніи, я пригласилъ его переѣхать жить со мною въ отель-де-Вильна. Обо мнѣ онъ имѣлъ уже предварительное понятіе изъ разсказовъ своего брата Александра Сергѣевича, коему пылкая моя полуитальянская натура, непринужденность маперовъ и семнадцатилѣтняго возраста наивность весьма пришли по душѣ въ Одессѣ. Левъ Сергѣевичъ былъ самаго уживчиваго и всегда веселаго характера, даже хохотунъ, игриваго ума и находчивости въ отвѣтахъ (la repartie très prompte), зналъ наизусть почти всего Беранже и, конечно, знаменитаго своего брата, коего онъ боготворилъ какъ поэта и горячо любилъ. У него, какъ и у его брата, было любимою поговоркою или скороговоркою «очень хорошо», когда кто нибудь выпуститъ при немъ острое словечко. Немудрено, если у иныхъ его современниковъ составилось мнѣніе о крайностяхъ будто бы его разврата, между тѣмъ какъ онъ вовсе не былъ циникомъ. Левъ Сергѣевичъ передалъ мнѣ анекдотъ объ Елисаветѣ Михайловнѣ Хитрово. Однажды лѣтомъ 1830 года Левъ Сергѣевичъ, находившійся въ отпуску, прогуливался съ нею въ коляскѣ по Петербургскимъ островамъ, и когда часовые, мимо которыхъ они проѣзжали, дѣлали на караулъ при видѣ офицера, то она, обращаясь къ нему, сказала: «L'on me prend, à ce qu'il paraît, pour la grande-duchesse» [1]). Забавную эту выходку Левъ Сергѣевичъ не преминулъ разсказать своимъ знакомымъ, въ томъ числѣ князю Петру Андреевичу Вяземскому. Нѣсколько дней спустя, когда Левъ Сергѣевичъ ѣхалъ по городу въ одномъ экипажѣ съ княземъ Вяземскимъ и часовые отдавали ему такую же почесть, князь Петръ Андреевичъ обратился къ нему съ своею серіозною физіономіею и повторилъ слова дочери спасителя Россіи въ 1812 году: «L'on me prend, à ce qu'il paraît, pour une des grandes-duchesses».

Е. М. Хитрово оставила назидательный примѣръ смиренія и христіанской благочестивой кончины. Чувствуя приближеніе роковаго часа, она пригласила къ себѣ митрополита Филарета и, собравъ вокругъ себя родныхъ и прислугу, изъявила желаніе громогласно и при всѣхъ исповѣдать всю свою жизнь [2]).

Левъ Сергѣевичъ ввелъ меня въ общество, собиравшееся у толстаго остряка, полковника Черевина, когда-то извѣстнаго своимъ по-

---

(къ чему былъ весьма склоненъ), то выказывалъ почти, какъ говорится, до ушей, рядъ безукоризненныхъ зубовъ.

[1]) Меня принимаютъ, повидимому, за одну изъ великихъ княгинь.

[2]) Также поступила передъ смертью княгиня Софья Андреевна Трубецкая (мать княгини М. В. Воронцовой). П. Б.

вѣснičествомъ въ лейбъ-гвардіи уланскомъ полку. Вечерняго кружка полковника Черевина посѣтителями были: г. Очкинъ, крупный чиновникъ гражданской канцеляріи фельдмаршала, полковникъ главнаго штаба Голяминъ. Александрійскаго гусарскаго полка поручикъ Вульфъ, сосѣдъ Пушкиныхъ по Псковскому ихъ имѣнію и короткій пріятель поэта Языкова [1]), штатскій чиновникъ канцеляріи графа Витта и не первой уже молодости Паповскій [2]), офицеръ морскаго пѣхотнаго полка Ушаковъ, фельдмаршалскіе адъютанты Мельниковъ и князь Львовъ, и еще другіе, имена которыхъ ускользнули изъ моей памяти. Всѣ они въ совокупности (со включеніемъ Льва Сергѣевича) составляли плеяду остряковъ-бонмотистовъ, во главѣ которыхъ самъ хозяинъ не лазилъ за словомъ въ карманъ. «Что за *обходительный* человѣкъ нашъ фельдмаршалъ», говорилъ Голяминъ: «онъ меня два раза *обошелъ*». Онъ же говорилъ, будто, по взятіи первоначальныхъ Варшавскихъ укрѣпленій подъ Волею, князю Паскевичу пришлось донести Государю: «*Воля* ваша, а Варшавы взять не могу». На замѣчаніе, что въ Варшавѣ опять начались безпрерывные парады и разводы, онъ же подхватилъ: «А какъ же иначе? Городъ женили, такъ теперь и разводъ». Подобныя остроты, разносимыя его друзьями, не могли располагать высшее начальство къ ихъ автору, и потому, вѣроятно, оттягивалось его производство въ генералы. Изъ генералитета онъ кого-то звалъ генераломъ *толстымъ* и генераломъ *тонкимъ*. Послѣднее прозвище дано было имъ генералу Бергу (нынѣ графъ и фельдмаршалъ), тогдашнему генералъ-квартирмейстеру всей арміи. Страсть къ каламбурамъ доходила у Голямина до неудержимой потребности и на каждомъ шагу, не останавливаясь передъ пошлостью. Пріѣхавъ на дачу къ одному своему знакомому, онъ заявилъ, что пріѣхалъ не въ экипажѣ, а на рыбѣ. «Какъ такъ?» — «А потому», объяснилъ Голяминъ, «что коляска *треска*» (т. е. *тряска*). Спеціальностью полковника Черевина были солдатскіе анекдоты.

Отъ кого-то изъ нихъ я, кажется, слышалъ, что мимо в. к. Михаила Павловича, находившагося съ своимъ гвардейскимъ корпусомъ гдѣ-то въ задней линіи на Варшавскомъ штурмѣ, прошелъ въ рядахъ армейскаго пѣхотнаго полка несчастный полуоборванный офицеръ въ желтыхъ нанковыхъ штанахъ, понесшій всю тягость кампаніи съ самаго ея начала; при видѣ его Великій Князь не утерпѣлъ, чтобы не спросить

---

[1]) Вульфъ говорилъ при мнѣ о рукописяхъ Языкова, хранившихся у него.

[2]) Онъ здравствовалъ еще въ 1869 г., и хотя ему было уже много за 70 лѣтъ, талантливо писалъ музыкальный фельетонъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и здорово поглощалъ холодный пуншъ. Онъ умеръ скоропостижно лѣтомъ 1872 года.

его: «Г. офицеръ, что̀ у васъ за штаны?» — «Послѣдніе, ваше высочество», былъ отвѣтъ. Можетъ быть, это вымыселъ; но вѣдь «l'on ne prête qu'aux riches» [1]).

Въ описаніи Варшавскаго штурма у Смита я не нашелъ упоминанія о геройской стойкости и неустрашимости дивизіоннаго ген. Малиновскаго, который, какъ передавалъ мнѣ одинъ участвовавшій въ штурмѣ, повелъ свою колонну на приступъ съ пѣсенниками впереди подъ напѣвъ «ахъ на что было огородъ городить», самъ впереди колонны, приговаривая, «не такъ, не такъ, ребята; надо идти въ ногу», «ахъ на что было огородъ городить—разъ два, разъ два». Остался-ли онъ самъ невредимъ, не помню.

У Н. М. Пановскаго было довольно язвительности въ выходкахъ. По поводу братьевъ Т., слывшихъ шулерами, разсказывали мнѣ, что Пановскій однажды сказалъ одному изъ нихъ при свидѣтеляхъ: «Охота тебѣ пускаться въ такія аферы? (т. е. шулерство). Того гляди, поймаютъ на дѣлѣ да дадутъ плюху; оно, конечно, ничего не значитъ, но все-таки непріятно. Ужъ, по-моему, забраться бы тебѣ въ богатую какую нибудь церковь и содрать ризу съ цѣнной иконы: оно проще и прибыльнѣе». Господинъ» къ которому рѣчь относилась, будто-бы отвѣчалъ: «*Panoffsky a toujours le petit mot pour faire rire*» [2]).

Черевинъ разсказывалъ: старушки нынѣ говорятъ, что въ ихъ время только и толковали что о Вольтерѣ, да о Вольтерѣ, а нынѣшняя молодежь стала уже говорить, что Вольтеръ Скотъ; скотъ-то онъ не скотъ, а каналья-безбожникъ. По словамъ Черевина, нѣкоторые купчики стараго покроя съ бородами говорили, что Французы простираютъ утонченную вѣжливость даже до своихъ винъ, какъ, наприм., бургонь-мусьё (то есть *bourgogne mousseux*, игристое въ большомъ тогда ходу вино).

Однополчане Вульфа, графъ Штейнбокъ-Ферморъ и молоденькій корнетъ Бахтуринъ, горькій пьяница, но не безталантливый поэтъ, нерѣдко бывали въ нашемъ кружкѣ. Черевинъ обходился съ Бахтуринымъ почти какъ съ шутомъ, ставилъ его за ширмы и заставлялъ декламировать оттуда свои стихи [3]). Изъ короткихъ знакомыхъ Льва Сергѣевича былъ адъютантъ фельдмаршалъ князь Андрей Львовъ, молодой чело-

---

[1]) Взаймы даютъ только богатымъ.

[2]) У Пановскаго всегда имѣется словечко для того, чтобы насмѣшить.

[3]) Немного позднѣе, г. Бахтуринъ напечаталъ въ Москвѣ небольшую свою поэму „Возвращеніе на Тверское княжество князя Александра Михайловича“, имѣвшую, кажется, нѣкоторый успѣхъ.

вѣкъ привлекательной наружности и манеръ, скромнаго и тихаго нрава, типъ настоящаго джентельмана. Онъ умеръ вскорѣ послѣ этого времени.

Бывшій адъютантъ графа Дибича, Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ перешелъ тѣмъ же къ князю Паскевичу; но съ нимъ я никогда не встрѣчался, такъ какъ онъ принадлежалъ къ Варшавскому дамскому кружку Русскаго высшаго общества (гдѣ первенствовала, какъ я слышалъ, графиня Наталья Викторовна Строгонова, урожд. гр. Кочубей), которымъ я продолжалъ пренебрегать, какъ дѣлалъ въ Петербургѣ. Къ этой аристократической сферѣ всецѣло принадлежалъ М. М. Магницкій, остававшійся, не знаю, на какомъ основаніи, въ Варшавѣ, тогда какъ его полкъ и весь гвардейскій корпусъ давно возвратились въ Петербургъ. Я долженъ отдать ему дань признательности, что онъ продолжалъ бывать у меня, хотя подвергался опасности скомпрометировать этимъ свою свѣтскую репутацію.

Левъ Сергѣевичъ, вышепомянутый морскаго пѣхотнаго полка Ушаковъ и я каждодневно почти обѣдали втроемъ и долго засиживались во Французской гостинницѣ Шово́, рядомъ съ городскою ратушею, на театральной площади, при въѣздѣ въ Сенаторскую улицу. Этотъ Французъ, ярый Наполеонистъ, былъ когда-то *мэтръ д'отелемъ* при Виченскомъ герцогѣ Коленкурѣ во время посольства его въ Россіи [1]). Забавенъ былъ этотъ г. Шово́. Когда, бывало, завяжется при немъ разговоръ о гастрономическихъ произведеніяхъ Россіи, онъ, съ свойственною своей націи самоувѣренностію въ личномъ своемъ значеніи, воскликнетъ: «Ah, messieurs! C'est un beau pays que le vôtre, sous le rapport des provisions de bouche; mais malheureusement je ne puis m'y établir, attendu que le gouvernement connaît ma façon de penser en matière politique» [2]). Ему никогда, сколько извѣстно мнѣ, не былъ запрещенъ въѣздъ въ Россію. Зная его конёкъ, мы имъ пользовались, когда кредитъ нашъ у него начиналъ упадать. Стоило только завести его какъ машину на любимую имъ тему о первой Француз-

---

[1]) Какъ заносчиво держалъ себя въ Петербургѣ этотъ Наполеоновскій посолъ, можно судить изъ случая, переданнаго мнѣ покойнымъ княземъ Николаемъ Ѳедоровичемъ Голицынымъ (братомъ статсъ-секретаря кн. Александра Ѳедоровича), бывшимъ въ то время офицеромъ въ л. г. Преображенскомъ полку. Стоя однажды въ караулѣ у Петергофской заставы, онъ не успѣлъ выскочить съ карауломъ изъ гауптвахты для отдачи военной почести въѣзжавшему въ Петербургъ изъ Екатерингофа Коленкуру, чѣмъ послѣдній оскорбился и принесъ жалобу на караульнаго офицера.

[2]) Ахъ, господа! Ваша страна прекрасна относительно съѣстныхъ припасовъ; но къ несчастію я не могу въ ней основаться, такъ какъ правительству извѣстенъ политическій образъ моихъ мыслей.

ской имперіи и когда онъ расходится, то попросить его обождать еще уплату стараго долга, не прекращая кредита, и штука эта удавалась. Въ пылу политическихъ преній, любимый его выводъ былъ: «Oui, messieurs, les souverains de l'Europe se sont faits du tort à eux-mêmes, en détrônant Napoleon» *), въ чемъ ему мы не противорѣчили.

Къ этому нашему тріумвирату примкнулъ немного позднѣе Ю. Ѳ. Минквицъ, уже корнетомъ съ переводомъ въ Ахтырскій гусарскій полкъ и прикомандированный къ какому-то генералу въ Варшавѣ. Мимолетомъ показывался между нами Владиміръ Ивановичъ Аничковъ, адъютантъ фельдмаршала или въ его свитѣ, Петербургскій также мой знакомый. Но не очень сближался онъ съ нами и убѣгалъ, когда раскупорка Шампанскаго усиливалась; да и общество было не по немъ: мы были ребята нараспашку, кутилы, не стѣснявшіеся высказывать политическія наши мнѣнія и порицать высшее начальство, и это пугало чопорнаго и пекущагося о своей карьерѣ и великосвѣтскомъ положеніи Аничкова; намъ-же онъ казался безцвѣтнымъ и скучнымъ своею гоньбою за сильными міра сего и чрезчуръ *комъ-иль-фотными* Французскими разговорами, въ которыхъ часто упоминалось о «ma tante la marquise de Villereau» [2]). Сознаюсь, что онъ потѣшалъ насъ своимъ пламеннымъ Русскимъ патріотизмомъ, выражавшимся не иначе какъ на изящномъ Парижскомъ нарѣчіи.

Приходилъ кое-когда ко Льву Сергѣевичу зять его г. Павлищевъ (мужъ Ольги Сергѣевны), служившій, кажется, тогда въ интендантствѣ. Насколько мнѣ казалось, Левъ Сергѣевичъ не былъ расположенъ къ нему; да и самъ г. Павлищевъ былъ молчаливая и довольно скучная особа. Мнѣ сообщили много позднѣе (но только не Левъ Сергѣевичъ), какъ странно выходила замужъ за г. Павлищева Ольга Сергѣевна. Во едину отъ субботъ, не сказавъ ни слова родителямъ, она отправилась рано утромъ въ церковь въ обыкновенномъ своемъ нарядѣ и, обвѣнчавшись, возвратилась домой къ утреннему чаю своей матери, коей и объявила, что она только что изъ подъ вѣнца, послѣ чего пошла въ свою комнату и тамъ принялась за любимое свое занятіе, масляную живопись. Въ продолженіе довольно долгаго времени съ мужемъ она не жила, а онъ приходилъ къ ней каждый день съ визитомъ какъ будто къ одной изъ свѣтскихъ его знакомыхъ.

---

[1]) Да, господа, Европейскіе государи сами себѣ навредили, низведя Наполеона съ престола.

[2]) Маркиза Елисавета Александровна, урожденная гр. Апраксина. Мужъ ея, Французскій эмигрантъ въ нашей службѣ, маркизъ Виллеро, убитъ подъ Аустерлицемъ, но тѣло его никогда не было найдено. Маркиза Виллеро умерла въ глубокой старости.

Такъ какъ въ разгаръ Польской революціи, для вящшаго поддержанія патріотизма, давалась опера Нѣмая изъ Портичи, у насъ извѣстная подъ неправильнымъ названіемъ Фенеллы [1]), то фельдмаршалъ, по взятіи Варшавы, тотчасъ же разрѣшилъ постановку снова этой революціонерной оперы на сцену, желая тѣмъ доказать, что Русское правительство, увѣренное въ самомъ себѣ, не придастъ никакого значенія политическимъ намекамъ оной, впрочемъ, съ пропускомъ сцены, гдѣ воины Анжуйскаго герцога вытѣснены Неаполитанскою чернью. Что́ до ея постановки, то оркестръ, костюмы и декораціи были удовлетворительны, и особенно хорошо изображено было изверженіе Везувія, да и вся опера была для насъ новизною; но артистическое исполненіе было неказисто. Первый теноръ и первый басъ были почти что безголосые, и опера поддерживалась одною примадонною Волковою, воспитанницею мѣстной консерваторіи, управляемой маэстромъ Соливою [2]). Она владѣла блестящимъ и хорошо обработаннымъ голосомъ, при весьма привлекательной наружности. Упомяну кстати о другомъ Варшавскомъ театрѣ, Розмантóсти (Théâtre des variétés), весьма любимомъ публикою; весь составъ его былъ изъ молодыхъ, весьма талантливыхъ артистовъ обоего пола. Комикъ Панчуковскій былъ превосходенъ, а лучшаго jeune premier (это драматическій камень преткновенія), чѣмъ былъ Ясинскій, невозможно желать. Изъ женщинъ удивительно граціозна была дебютантка Жулинская, посѣтившая въ 40-ыхъ годахъ Москву (но уже не артисткою), подъ именемъ графини Гаукъ. Тріумфомъ комика Панчуковскаго была долгая комедія «Глухой или полная гостинница», переведенная съ Французскаго (Пикара).

Одновременно почти со Львомъ Сергѣевичемъ я пригласилъ жить къ себѣ на квартиру пѣхотнаго юнкера барона Меллера-Закомельскаго, хотя я одинъ только разъ встрѣтился съ нимъ въ Петербургѣ. Онъ былъ весьма неглупый человѣкъ, но непріятнаго отчасти характера. Онъ быть выпущенъ изъ Парижскаго корпуса въ армейскую пѣхоту юнкеромъ или чуть-ли ни рядовымъ, за какую-то неизвѣстную мнѣ исторію и, повидимому, былъ безъ всякихъ жизненныхъ средствъ. Ему отчасти покровительствовалъ или, по крайней мѣрѣ, видался съ нимъ полковникъ флигель-адъютантъ графъ Ламсдорфъ, кромѣ котораго я не

[1]) Опера это содѣйствовала также вспыхнувшей въ предыдущемъ 1830 году Бельгійской революціи, послѣ чего попала подъ запретъ всемогущаго князя Меттерниха.

[2]) Г. Солива, композиторъ нѣсколькихъ оперъ, имѣвшихъ нѣкоторый успѣхъ въ Италіи въ 20-хъ годахъ, вскорѣ по занятіи Варшавы перешелъ въ Петербургъ учителемъ пѣнія въ тамошнее Театральное Училище, гдѣ продолжалъ пользоваться заслуженною имъ репутаціею. Онъ однажды аккомпанировалъ мнѣ на фортепіано на вечерѣ у пѣвца Тамбурини въ 1846 году.

видалъ у бар. Меллера-Закомельскаго другихъ знакомыхъ. Онъ, подружившись съ Англійскимъ медикомъ Куёль (d-r Quail), также жившимъ у меня, когда Левъ Сергѣевичъ перешелъ на нанимаемую имъ квартиру, въ одно прекрасное утро удралъ за границу, для чего уговорилъ глупаго этого Англичанина уступить ему свой паспортъ и, кажется даже часть денегъ, выданныхъ правительствомъ этому медику, въ числѣ прочихъ той-же націи, для возвращенія въ ихъ отечество, хотя они служили Польскому революціонному правительству. Баронъ Меллеръ-Закотельскій свободно говорилъ по-англійски, хотя съ иностраннымъ произношеніемъ; но этого было ему достаточно, чтобы на первыхъ порахъ, и особенно въ Германіи, выдавать себя за Англичанина. Онъ добрался до Англіи, гдѣ для меня слѣдъ его простылъ; но какимъ образомъ настоящій владѣтель паспорта выхлопоталъ себѣ другой и, главное, добылъ себѣ средства возвратиться *во-свояси*, я не помню.

Генералъ-квартирмейстеръ Бергъ, женатый на Итальянкѣ, вывезъ съ собою изъ Италіи, или выписалъ, Ломбардскаго уроженца г. Козѐлла, талантливаго весьма батальнаго живописца, съ которымъ я близко сошелся. Ему поручено было написать сюжеты изъ послѣдней Польской войны и портреты любимыхъ лошадей фельдмаршала князя Паскевича. Въ его мастерской я однажды встрѣтилъ генерала Александра Ивановича Мамонова, также артиста-аматёра по этой же отрасли художества, съ которымъ я познакомился еще въ 1825 году въ домѣ тещи его Прасковьи Семеновны Ефимовичевой, Бѣлкинской нашей сосѣдки.

Мѣстомъ сборища штабныхъ и гвардейскихъ офицеровъ, проживавшихъ въ Варшавѣ по службѣ и по болѣзни, была тѣсная весьма кофейня-ресторанъ красавицы г-жи Дорваль, дочери упомянутаго Сѣдлецкаго хозяина гостинницы Леперини, Француженки по матери и по воспитанію; мужъ ея, съ которымъ она разошлась, былъ когда-то Французскимъ актеромъ. Сюда сходилось обыкновенно ужинать все чтò было «de plus huppé [1])» изъ военнаго общества, любезничавшее съ хозяйкою, продолжавшей жить подъ крыломъ матери, и она казалась болѣе львицею моднаго салона, окруженною элегантными поклонниками, чѣмъ содержательницею кофейни. Здѣсь же, по пріѣздѣ моемъ въ Варшаву, я вновь повстрѣчался съ М. М. Магницкимъ и того же л.-гусарскаго полка съ графомъ Константиномъ Дмитріевичемъ Толстымъ [2]). Кстати нѣсколько словъ объ этомъ полку.

---

[1]) Буквально: наиболѣе хохлатый.

[2]) Графъ Константинъ Дмитріевичъ Толстой, братъ г-жъ Голубцовой, Лачиновой, Голынской и проч., страдалъ аневризмомъ и вскорѣ послѣ умеръ.

Во время блистательной, но совершенно безполезной атаки этимъ полкомъ при Варшавскомъ штурмѣ, произведенной старикомъ генераломъ Постицомъ [1]), смертельно раненый сабельными ударами, князь Мурузи обратился къ навѣстившему его въ больницѣ А. О. Понятовскому и сказалъ: «вѣдь я за тебя умираю.» Такъ какъ онъ былъ дѣйствительно немного похожъ издали на Августа Осиповича, то Поляки, какъ разсказано было мнѣ, погнались (по извѣстнымъ вѣроятно имъ примѣтамъ) за несчастнымъ Греческимъ княземъ, принявъ его за того, котораго они считали измѣнникомъ. Въ этой же атакѣ убиты были того же полка Шимановскій и полковникъ Слѣпцовъ, и порваны обѣ ноги у барона Стакельберга, который по ампутаціи обѣихъ ногъ поправился, но весною, кажется, 1832 года умеръ.

Изъ Военнаго кружка посѣтителями кофейни Дорваль были также принца Альберта Кирасирскаго полка молодчикъ полковникъ Сопъ и линейный казачій генералъ Верзилинъ, гигантскаго почти роста, изящно говорившій по французски, что̀ казалось какъ-то страннымъ при его чисто-Черкескомъ костюмѣ и вооруженіи. Его обвиняли Поляки въ жестокостяхъ при занятіи мѣстечка Ошмяны; основательно или нѣтъ, не знаю.

Хаживалъ ко мнѣ корнетъ принца Альберта полка корнетъ Шеміотъ, старика отца коего я знавалъ въ Одессѣ. Шеміоты Поляки. Старшій братъ этого корнета женился въ Москвѣ 1836 году на дальней нашей родственницѣ Аннѣ Дмитріевнѣ Жеребцовой, перешедшей въ вѣроисповѣданіе своей матери. Этотъ Шеміотъ быстро довольно пошелъ по горному вѣдомству Министерства Финансовъ и уже въ началѣ 40-хъ годовъ былъ въ чинѣ превосходительства.

По склонности заводить около себя то, что̀ бывшіе мои гвардейскіе однополчане называли Бутурлиновскимъ звѣринцемъ, я пріютилъ къ себѣ (какъ уже сказано было) Англичанина медика Куёля, безпечнаго до того, что онъ довелъ себя почти до лохмотьевъ. Хотя онъ имѣлъ уголъ и столъ въ моей квартирѣ, но велъ кочующую жизнь, ночуя безъ разбора у знакомыхъ и напиваясь на ихъ счетъ, посѣщалъ и буйствовалъ въ шинкахъ, и чтобы отдѣлаться, прибѣгалъ иногда къ національному своему искусству — боксу. О медицинскихъ по-

---

[1]) Лейбъ-гусарскій полкъ ворвался въ одну заставу Варшавы и, проскакавъ чрезъ весь городъ, вышелъ опять изъ другой заставы, съ страшною потерею и безъ всякаго очевиднаго результата.

знаніяхъ этого чудака судить я не могу. Помню что призванный однажды мною для пособія моему человѣку Ѳедору, казавшемуся мнѣ въ сильной горячкѣ (состояніе это было только вслѣдствіи пьянства) на мой вопросъ, не воспаленіе ли въ мозгу у Ѳедора, Британскій мой эскулапъ, сообразившись немного, отвѣчалъ: «теперь въ точности опредѣлить не могу; но если онъ умретъ, я вскрою его и тогда вамъ скажу, было-ли это мозговое воспаленіе». Помнится мнѣ, что разсказывали, будто онъ отправлялся по ночамъ по городскимъ окрестностямъ и вырывалъ изъ могилъ трупы убитыхъ при штурмѣ для анатомическихъ своихъ наблюденій. Не давалъ ему покоя по цѣлымъ днямъ мой проказникъ Полячекъ Яся (наряженный съ пріѣзда нашего въ Варшаву въ казацкой ливрейной костюмъ съ откидными рукавами, какъ у пѣвчихъ); дѣло доходило между ними почти до драки, и это меня забавляло *). Всѣ мои знакомые, какъ и я, допускали всякаго рода фамиліарности со стороны этого мальчика, потѣшаясь его лукавыми глазами и замашками и безцеремонностію его обращенія.

Эта шумная моя жизнь по ресторанамъ и погребкамъ, сопровождавшаяся хожденіемъ по улицамъ съ сигарою въ зубахъ (вещь строго тогда запрещенная) не могла не обратить на себя вниманія начальства, тѣмъ болѣе, что я продолжалъ числиться больнымъ и не помышлялъ ѣхать въ полкъ, въ г. Калишъ. И вотъ явился ко мнѣ однажды графъ Адамъ Ржевуцкій, тогда адъютантъ при гр. Виттѣ, подъ предлогомъ стараго знакомства, но въ сущности съ дипломатическимъ порученіемъ уговорить меня выѣхать изъ Варшавы. Хотя попытка его не удалась, но никакое дальнѣйшее преслѣдованіе высшихъ властей меня не постигло. По прошенію, поданному задолго передъ тѣмъ, я получилъ увольненіе изъ службы съ повышеніемъ въ чинъ штабъ-ротмистра, но не прежде кажется, какъ въ Маѣ того 1832 года; иначе, не миновать бы, пожалуй, мнѣ выѣхать въ полкъ съ церемоніаломъ военнаго провожатаго.

Рядомъ съ разгульною жизнію и какъ бы протестомъ противъ нея выглядывало изрѣдка затаенное въ уголкѣ души чувство религіозности, вызванное (странно сказать!) видомъ Римско-католическихъ церквей и

*) Когда наконецъ этотъ Англичанинъ выбрался изъ Варшавы, я было взялъ на себя заплатить ему деньги, занятыя у него барономъ Меллеромъ-Закомельскимъ, но не сдержалъ моего обѣщанія. Бѣднякъ этотъ тщетно писалъ ко мнѣ о томъ изъ Англіи, гдѣ нашелъ себѣ доступъ къ графу М. С. Воронцову, отъ котораго я получилъ въ 40-хъ годахъ письмо по сему предмету. На это письмо я не отвѣчалъ и денегъ, къ стыду моему, не выслалъ.

ихъ богослуженія. Не то, чтобы этимъ обозначалось отклоненіе отъ Православной церкви, но потому только (какъ я теперь себѣ объясняю), что Латинская обрядность живо напоминала мнѣ мою мать и всю обстановку семейнаго Флорентинскаго моего быта. Такъ, наприм., по пріѣздѣ съ братомъ моимъ въ Варшаву, въ Декабрѣ, отрадно было мнѣ войти въ Латинскій костелъ во время ночной литургіи подъ праздникъ Рождества Христова (двѣнадцатью днями ранѣе нашего), какъ водится въ Западной церкви, напоминавшей мнѣ мое дѣтство, когда я съ матерью и сестрами присутствовалъ во Флоренціи при этой службѣ. Подобное тому чувство охватило меня, когда я возвращался однажды домой, уже на разсвѣтѣ, при видѣ на Красинской площади отворенной двери костела, гдѣ совершалась уже служба: непреодолимо влекло меня туда войти и, не смотря на порочное для молитвы состояніе, въ которомъ я находился, я палъ на колѣна и крѣпко (помнится мнѣ) помолился за мою мать, за это ангельское существо, которое я сознательно столь глубоко огорчалъ своимъ поведеніемъ и долгимъ, чуть-ли не годовымъ, молчаніемъ, отъ лѣни и безпечности: даже во время Турецкой войны, когда родители мои естественно еще болѣе безпокоились обо мнѣ, я долго никому не писалъ, и братъ мой осенью 1829 года принужденъ былъ справляться въ Инспекторскомъ Департаментѣ, не умеръ ли я. Впослѣдствіи, мать моя, по свойственному родителямъ чувству видѣть болѣе хорошаго чѣмъ дурнаго въ своихъ дѣтищахъ, ставила мнѣ этотъ переданный мною ей случай почти что въ добродѣтель. Я твердо убѣжденъ, что горячимъ и неусыпнымъ ея обо мнѣ молитвамъ я обязанъ возвратомъ моимъ (хотя позднимъ) къ вѣрованію и нравственности. Помню также, что въ Бердичевѣ, гдѣ мы стояли нѣсколько дней на маршѣ въ Турцію въ 1828 г., подобная вышеописанной душевная потребность привела меня въ костелъ, гдѣ, когда я молился о матери моей, мнилось мнѣ, что я къ ней близокъ, и что нахожусь въ одной изъ Флорентинскихъ церквей. Отъ передачи ей въ письмахъ этихъ моихъ ощущеній она склонялась къ утѣшительной для нея мысли, что во мнѣ открывались симптомы къ обращенію въ латинство; но надежды эти были безъ основанія, ибо борьбы въ убѣжденіяхъ о предпочтительности Западной церкви противъ моей не было тутъ никакой, а была только живость воспоминаній и неохладѣлое сыновнее чувство. Это я провѣряю тѣмъ, что, какъ только я получилъ приказъ объ отставкѣ, у меня вырвались слова, «наконецъ-то я скоро увижусь съ матерью», и я побѣжалъ подѣлиться радостнымъ извѣстіемъ о моемъ увольненіи съ другомъ моимъ Ю. Ѳ. Минквицемъ.

Но минуты эти были какъ бы отблесками метеора, не оставлявшими за собою никакихъ исправительныхъ слѣдовъ. Психологическія

эти противорѣчія доказывали, по крайней мѣрѣ, что во мнѣ было сознаніе своей порочности; что сохранилась отчасти стыдливость сердца и души, *la pudeur du coeur*, зародыши будущаго нравственнаго возрожденія, и они-то и спасли меня позднѣе отъ омута, въ которомъ я тонулъ. Самыя даже вѣрованія были потрясены въ то скорбное время. Перемѣна эта произошла въ концѣ 1829 года отъ чтенія Вольтеровскаго «Dictionnaire historique et philosophique», а позднѣе отъ сочиненія «Les ruines» Вольнея (я считаю послѣднюю книгу болѣе опасной по ея аргументаціи, чѣмъ глумленіе надъ святынею Фернейскаго философа). Если не прямо отрицалъ я тогда религіозныя истины, то впалъ въ совершенный индиферентизмъ: болѣе двухъ лѣтъ не входилъ въ церковь и не приступалъ къ обязательнымъ священнымъ тайнствамъ исповѣди и св. причастія съ 1829 по 1833 годъ. Можетъ быть, были тутъ легкомысліе и безпечность, но было также и религіозное сомнѣніе: я въ то время не стѣснялся выраженіями и шутками надъ священными предметами, доходившими до богохульства. Думаю, что, еслибы тогда, въ подкрѣпленіе эфемерныхъ проявленій моей заснувшей религіозности, подвернулась бы какая нибудь дѣвушка, ярая католичка, въ которую я бы влюбился сильнѣе, чѣмъ было полувоображаемое чувство, питаемое къ графинѣ Вѣрѣ или позднѣе къ ***, то нѣтъ, мнѣ кажется сомнѣнія, что по моей впечатлительности и податливости чужому вліянію я совратился бы въ латинство. А какъ того желали и, вѣроятно, горячо о томъ молились добрѣйшія семейныя мои женщины въ Италіи!

Итакъ, въ общемъ итогѣ, имѣю поводъ сказать, что Павлоградскій ментикъ спасъ меня отъ Католицизма.

Какимъ чудомъ я, при усвоенной ежедневной привычкѣ, не впалъ въ запой, удивляетъ меня самого. Физическимъ предохраненіемъ отъ этого послужило мнѣ, какъ полагаю, крѣпкое, хотя на видъ всегда худощавое тѣлосложеніе, требовавшее въ молодости много ѣды. Я не предпринялъ бы никакихъ гигіеническихъ мѣръ, еслибы случайно не познакомился съ нѣкіимъ военнымъ медикомъ г. Порай-Кошицемъ, принявшимъ, не знаю почему, особенное и безкорыстное во мнѣ участіе. Онъ искалъ случая сблизиться со мною, и подъ его безденежнымъ надзоромъ я предпринялъ курсъ Карлсбадскихъ искусственныхъ водъ въ заведеніи Красинскаго публичнаго сада, исполнялъ съ точностію все предписанное курсомъ, и лѣченіе это совершенно освѣжило меня. Къ сожалѣнію, я съ тѣхъ поръ не встрѣчался болѣе съ этимъ моимъ благодѣтелемъ.

Послѣ водъ я снова принялся за прежнюю жизнь. Долги возрастали, и не знаю, какъ бы съумѣлъ я выпутаться изъ Варшавы, еслибы опять не подвернулся мнѣ временный выручитель въ лицѣ моего Мефистофеля, Леона Капенштейна, прибывшаго изъ Калиша, гдѣ квартировалъ Павлоградскій полкъ, при которомъ онъ продолжалъ вертѣться. Онъ отыскалъ какихъ-то полу-банкировъ, своихъ соотечественниковъ Евреевъ, добылъ денегъ подъ мои векселя (подписанные на какія суммы онъ самъ указывалъ) на уплату кредиторамъ, главными изъ которыхъ были г. Обухъ, хозяинъ моего Виленскаго отеля, ресторатoръ Шовò и содержатель виннаго погреба г. Гуть на Медовой улицѣ. Сверхъ сего, снабдилъ онъ меня наличными деньгами и уговорилъ ѣхать съ нимъ въ Калишъ, проститься съ бывшими товарищами. Оборотомъ этимъ долги мои въ сущности увеличивались; но кромѣ добытыхъ чрезъ Леона денегъ я, въ теченіе Варшавскаго моего пребыванія, получалъ деньги изъ Петербургской нашей конторы, на статскую свою экипировку.

Павлоградскимъ полкомъ тогда командовалъ баронъ Фелькерзамъ, видный изъ себя мужчина, добрякъ и любимый подчиненными, но на бѣду свою склонный къ игрѣ и къ широко-разгульной жизни. Чрезъ два-три года онъ попалъ подъ судъ за растрату полковыхъ денегъ и офицерскаго жалованья, хотя, помнится мнѣ, что при спросѣ о послѣднемъ обстоятельствѣ всѣ офицеры показали, изъ привязанности къ нему, что задержки будто бы не было въ ихъ жалованьи. Не взирая на сильную свою протекцію, онъ былъ разжалованъ. Онъ запутался до того, что полкъ его продовольствовался подрядчикомъ Евреемъ, съ коимъ заключенъ былъ контрактъ на этотъ предметъ.

Командиромъ Иркутскаго (вскорѣ послѣ сего уничтоженнаго) полка былъ Никита Ѳедоровичъ Левашевъ, превосходный музыкантъ, умный добрый, любезный человѣкъ и молодецъ собою. Къ несчастію, онъ предался запою и оттого, вѣроятно, умеръ вскорѣ по взятіи Варшавы. Когда онъ впадалъ въ послѣднее время жизни въ это состояніе, онъ запирался на нѣсколько дней въ комнату. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Александрѣ Николаевнѣ Голицыной, вдовѣ князя Григорія Яковлевича Голицына же, урожденной Левашевой, внучатной сестрѣ своей и старше его. Узнавъ въ Москвѣ о болѣзни мужа, кн. Александра Николаевна поскакала къ нему и пріѣхала нѣсколькими часами послѣ преданія землѣ его тѣла *).

*) Отъ перваго мужа было у нея два сына, князь Николай Григорьевичъ Голицынъ, женатый на моей двоюродной сестрѣ Аделаидѣ Александровнѣ Тимофеевой, и князь Яковъ Григорьевичъ, застрѣлившійся, какъ говорятъ, у себя въ деревнѣ, и дочь княжна Наталія Григорьевна, вышедшая замужъ за Петра Алексѣевича Кикина. Отъ втораго мужа былъ одинъ сынъ Ѳедоръ Никитичъ Левашевъ, женатый на дочери Алексѣя Ѳедоровича Рахманова.

Въ Калишѣ я былъ свидѣтелемъ кредитныхъ чудесъ братьевъ Х. Такъ какъ они пріобрѣли безграниченный почти въ кредитъ одномъ винномъ погребѣ, а напитками одними нельзя быть сытымъ и содержать своихъ людей, то они брали оттуда въ долгъ Шампанское (записываемое на книжку не менѣе, вѣроятно, четырехъ рублей сер.) и чрезъ своихъ людей посылали продавать его на рынокъ или по гостинницамъ по одному рублю за бутылку на чистыя деньги, на каковыя и покупалась провизія. Для сбыта вина, взятаго въ долгъ, употреблялся обыкновенно крѣпостной ихъ кучеръ Никишка, набитый дуракъ, но безгранично преданъ своимъ господамъ. Вотъ что разсказывалъ добрѣйшій мой Х. о своемъ Никишкѣ, исполнявшемъ въ походное время должности конюха, камердинера и даже, кажется, кассира. Замѣтивъ, что любимецъ Никишка часто и чрезъ чуръ уже заливалъ за галстукъ, отъ чего страдали кони и не чистились господское платье и сапоги, баринъ заключилъ съ вѣрнымъ слугою условіе слѣдующаго рода: когда, молъ я (то есть баринъ) пьянъ, то ты Никишка не долженъ пить; а когда придетъ твоя очередь загулять, тогда я буду воздерживаться. Казалось ладно; но по прошествіи двухъ-трехъ недѣль приходитъ Никишка къ барину въ слезахъ: «Петръ Александровичъ», говоритъ онъ, «есть-ли у васъ совѣсть? Скоро ли же придетъ моя очередь загулять?»... Когда при началѣ Турецкой войны 1828 г. Х. и я, въ неизвѣстности, что̀ можетъ случиться съ нами, подписали на всякій случай впередъ отпускныя (хотя безъ вѣдома нашихъ родителей) я моему Ильѣ, а онъ своему Никишкѣ, то послѣдній, не понимая въ чемъ было дѣло, отказался взять бумагу и съ упрекомъ отнесся къ барину: «Что̀ я вамъ такого сдѣлалъ, что вы не хотите имѣть меня при себѣ?»

Въ Калишѣ была тогда изрядная весьма Нѣмецкая оперная труппа; особенно былъ хорошъ теноръ г. Шмитгофъ. Х. и я, восхищенные пѣніемъ этого артиста, сблизились съ нимъ и однажды напоили его Шампанскимъ до того, что представленіе, въ которомъ онъ долженъ былъ участвовать въ этотъ вечеръ, было отмѣнено *). Давали тамъ между прочимъ «Фрейшюца», о декоративной поставкѣ коего можно судить потому, что въ извѣстной сценѣ, гдѣ вызываются адскія силы, чудовищные призраки полудемоновъ и полуживотныхъ изображены были на квадратныхъ транспарантахъ, переносимыхъ вереницею и воочію зри-

*) Пѣвецъ Шмитгофъ былъ въ 1847 и 1848 годахъ директоромъ или антрепренеромъ оперной труппы производившей фуроръ въ Калугѣ при губернаторѣ Н. М. Смирновѣ; въ это время. г. Шмитгофъ уже болѣе не пѣвалъ, а вмѣсто него пожинала лавры и букеты его дочь, примадонна труппы, соединявшая, какъ говорили ея поклонники, красоту съ артистическимъ талантомъ.

телей, машинистами и бутафорами съ одного конца волшебной пещеры въ противуположный конецъ.

При мнѣ былъ въ городѣ пожаръ, на которомъ наши гусары (т. е. нижніе чины), усердствовавшіе помогать спасенію движимости въ загорѣвшемъ одномъ домѣ, выкинули на улицу фортепіано изъ третьяго этажа.

Пробывъ въ Калишѣ около трехъ недѣль, я возвратился съ Леономъ Капенштейномъ въ Варшаву. На пути туда я познакомился, не помню по какому случаю, съ стоявшимъ гдѣ-то близь г. Ловича съ своею конно-батареею, полковникомъ Александромъ Павловичемъ Плещеевымъ, пригласившимъ меня отобѣдать у него. Онъ былъ склоненъ побалагурничать, сострить и повѣсничать, не выходя впрочемъ изъ границъ благопристойности. Впослѣдствіи я одинъ только разъ встрѣтился съ нимъ уже въ отставкѣ у Степана Сергѣевича Ланскаго (сына графа Сергѣя Степановича), въ Москвѣ въ началѣ 1849 года, когда Степанъ Сергѣевичъ былъ адъютантомъ у Московскаго генералъ-губернатора графа Закревскаго *).

Вскорѣ по возвращеніи въ Варшаву, я сталъ собираться въ Россію, потому именно, что въ Бѣлкинѣ ожидали меня братъ мой, Иванъ Антоновичъ Кавецкій и уполномоченный отъ матери нашей и меньшой незамужней сестры г. Слоанъ, для совершенія раздѣльнаго акта нашихъ имѣній. Свита моя состояла тогда изъ упомянутаго Леона Капенштейна, молодаго Англичанина Битмида (заброшеннаго судьбою въ Варшаву и взятаго мною тамъ, въ качествѣ компаніона), Полячка моего Яси, Молдаванина-Грека Антонаки и моего камердинера, отошедшаго въ Калишѣ отъ Фелькерзама. Ѳедора Варенцова я прогналъ его за пьянство и за грубость, но съ отпускной на волю.

---

*) С. С. Ланской, у котораго я жилъ въ то время въ недавно отстроенномъ имъ домѣ, въ Грузинахъ, близъ самой Прѣсненской заставы, разсказывалъ мнѣ тогда о продѣлкѣ этого Плещеева. Въ одинъ прекрасный день онъ вздумалъ отправиться въ Страстной монастырь къ незнакомой вовсе ему игуменьѣ и, узнавъ отъ ея послушницы, что „матушка изволитъ теперь опочивать", просилъ разбудить ее, потому что онъ пріѣхалъ къ ней по весьма важному дѣлу. Потревожили матушку-игуменью, и г. Плещеевъ передалъ ей, что онъ посланъ къ ней отъ старой графини Бобринской съ извѣстіемъ, что графиня, узнавши, что предполагается перестроить колокольню обители, жертвуетъ-де на тотъ предметъ нѣсколько тысячъ рублей, и затѣмъ, отвѣсивъ поклонъ, удалился. Игуменья, внѣ себя отъ радости, отправилась вслѣдъ за посланнымъ благодарить мнимую благодѣтельницу, никогда не помышлявшую о подобномъ пожертвованіи. То-то досадовала, вѣроятно, она на анонимнаго шутника, поставившаго ее въ такое противъ игуменьи положеніе, что неловко было сознаться, что у нея никогда на умѣ не было о какомъ-либо пожертвованіи, и въ тоже время сильно не желалось причинить значительный ущербъ своей шкатулкѣ.

Прощанье съ Варшавскими моими друзьями въ Виленскомъ отелѣ, гдѣ я жилъ до отъѣзда, было очень продолжительно, между тѣмъ какъ Вѣнская моя коляска (аферное пріобрѣтеніе Леона) стояла давно запряженною у подъѣзда, и пришлось мнѣ заплатить прогоны до первой станціи въ три или четыре раза, такъ какъ, по городскому положенію, почтарь, послѣ двухъ часоваго ожиданія, отпрягаетъ лошадей и возвращается къ своему мѣсту. «Пане грабе, почтарь не хце вѣнцей чекать», повторялъ съ нахмуренными бровями мой баловень Полячекъ Ядя. «My dear Sir, the post boy is going away with the horses» (любезнѣйшій господинъ, почталіонъ уѣзжаетъ домой съ лошадьми), вторилъ первому мой компаніонъ г. Битмидъ.—«Домнуле, треба мердже» (баринъ, надо ѣхать) бормоталъ въ свою очередь Молдаванинъ Антонаки; а на эти всѣ заявленія хозяинъ отвѣчалъ требованіемъ одной бутылки за другой Шампанскаго, и прощанье съ друзьями, начатое утромъ, затянулось далеко за сумерки.

Съ тѣхъ поръ одинъ только разъ свидѣлся я съ Л. С. Пушкинымъ, и то на полчаса, въ кофейнѣ Малаго театра въ Москвѣ весною 1835 года, вскорѣ послѣ моей женитьбы; но родственнаго его со мною обращенія съ перваго дня нашего знакомства никогда я не забуду. Могу положительно примѣнить къ нему слова Фигаро «il valait mieux que sa réputation» *). Впослѣдствіи онъ женился и служилъ въ Одесской таможнѣ.

Времени окончательнаго перехода брата моего въ Католичество я съ точностію опредѣлить не могу. Уже въ 1825—1827 годахъ, когда онъ записывалъ меня въ службу, я замѣчалъ, что онъ придерживался этого исповѣданія, хотя не совсѣмъ открыто; но въ бытность мою съ нимъ въ Варшавѣ въ концѣ 1831 года, то есть два года послѣ кончины нашего отца, онъ не скрывалъ болѣе своего перехода. Винить его въ этомъ очень трудно. Въ счастливой обстановкѣ супружеской своей жизни могъ ли онъ или кто другой на его мѣстѣ устоять при ежедневномъ зрѣлищѣ душевной муки, терзавшей любимую и примѣрную во всѣхъ отношеніяхъ жену отъ мысли, что ея мужъ, не взирая на всѣ его добродѣтели, не можетъ быть причастенъ тому вѣчному блаженству, къ коему она стремится? Ибо, таково ученіе Римской церкви. Исходя отъ этой точки, Латинская пропаганда дѣлается вещью логичною. Весьма неосновательно выражаются иные ревнители Православія, называя фанатиками чадъ Римской церкви, раздѣляющихъ сказанную религіозную нетерпимость: таковое вѣрованіе обязательно для

*) Онъ былъ лучше, нежели молва о немъ.

нихъ, и отступающіе отъ него, снисходительнѣе смотрящіе на не-Латинянъ, хотя этимъ приближаются къ вѣрованію первобытной христіянской церкви [1]), но уже чрезъ это самое перестають, въ строгомъ смыслѣ слова, быть истинными Римско-католиками.

Кто, спрашиваю, изъ насъ не сдѣлался бы магометаниномъ, если бы религіозныя его размышленія привели его къ искреннему убѣжденію, что онъ иначе не будетъ причастнымъ вѣчному блаженству? Всякая форма христіанскаго вѣрованія понятна и по справедливости имѣетъ быть извинительна въ глазахъ того, кто, хотя смотритъ на таковое вѣрованіе, какъ на заблужденіе, но не видитъ въ немъ безнравственныхъ, противорѣчущихъ евангельскому ученію началъ. Братъ же мой, вѣровалъ (какъ я уже говорилъ), что въ обѣихъ церквахъ (Восточной и Западной) спасеніе доступно и, не имѣя въ виду никакого заявленія религіозной (въ сказанномъ выше смыслѣ) нетерпимости въ догматахъ Восточной церкви, онъ тѣмъ легче могъ, безъ риску для души, перейти въ церковь равноапостольную своей (ибо таковою признается и у насъ Западная церковь), не переставая быть искренне вѣрующимъ человѣкомъ, и тѣмъ успокоить навсегда душевную муку горячо любимой безупречной подруги его жизни и матери его дѣтей. Такъ, по крайней мѣрѣ, объясняю я его переходъ, совершившійся, безъ сомнѣнія, цѣною долгой борьбы, не только отозвавшейся тягостно на остальные его изгнаннические дни, но чуть-ли не ускорившей его кончину [2]).

VII.

1832 — 1834.

Семейный раздѣлъ.—Первая поѣздка и пребываніе въ с. Порзняхъ. — Сватовство и женитьба.

Tis true:—'tis pity and pity, 'tis true. Shakespear [3]).

Выѣхалъ я изъ Варшавы съ своимъ, какъ называли лейбъ-гусарскіе офицеры, звѣринцемъ. Первый этапъ былъ въ Кобринскомъ уѣздѣ, въ семействѣ Дебриньи. Первоначально я намѣревался пробыть тамъ недолго, и потому оставилъ въ Кобринѣ Леона Капенштейна, но

---

[1]) Основной догматъ апостольской первобытной церкви, что „нѣтъ спасенія внѣ христіанской церкви" весьма логиченъ; ибо какъ могутъ быть причастниками обѣщаннаго вѣчнаго блаженства не признающіе распятаго за нихъ Искупителя? Впослѣдствіи Римская церковь присвоила догматъ этотъ исключительно себѣ.

[2]) О щедротѣ сердца незабвеннаго моего брата я уже болѣе раза, кажется, говорилъ, но забылъ упомянуть (о чѣмъ много позднѣе узналъ), что до конца своей праведной жизни онъ не оставлялъ денежными пособіями нашего Ливорнскаго Греческаго священника Іоакима.

[3]) Это правда и это прискорбно; а прискорбно именно потому, что правда.

увлекся и предложилъ молодымъ дочерямъ хозяевъ устроить спектакль. Это была также моя страсть. Онѣ согласились, и я далъ знать Леону, чтобы закупилъ все для этого нужное, изъ чего онъ увидѣлъ, что пребываніе мое въ Кустовичахъ можетъ затянуться на неопредѣленное время, и счелъ лучшимъ самому привезти закупки. У насъ пошли на сцену водевиль Хмѣльницкаго «Суженнаго конемъ не объѣдешь» (въ которомъ я, конечно, предоставилъ себѣ роль любовника, молодаго офицера) и комедія М. Н. Загоскина «Вечеринка ученыхъ»....

Наконецъ я добрался, послѣ почти шестинедѣльнаго странствованія, до Бѣлкина, гдѣ нетерпѣливо ожидалъ меня братъ мой съ И. А. Кавецкимъ и г. Слоаномъ. Это было осенью 1832 года, слѣдовательно я не видался съ бывшимъ моимъ наставникомъ болѣе четырехъ лѣтъ, и онъ, конечно, не могъ не замѣтить, какъ съ того времени я перемѣнился къ худшему. Бѣлкинскій управитель Ив. Ив. Сонъ былъ честенъ и дѣятеленъ, но не принесъ никакой почти пользы матери моей, потому что агрономическія его теоріи не примѣнялись къ Калужской глинистой почвѣ и къ нашему климату; въ добавокъ онъ плохо объяснялся по-русски, и потому, въ началѣ 1833 года, ему было отказано, и имѣніе передано въ арендное содержаніе И. А. Кавецкому за 12 тысячъ рублей и ему же впослѣдствіи (въ 1840 г.) окончательно продано.

Жена сказаннаго г. Сона, суетливая и живая Англичанка, составила себѣ забавное весьма нарѣчіе изъ Англійскихъ словъ съ Русскими; въ Французскомъ она была слаба, но это не мѣшало, при необходимости, ея скороговорной болтовнѣ. Однажды другъ мой О. А. Тридонъ, выслушавъ ея привѣтствіе (по случаю моего съ нимъ пріѣзда въ Бѣлкино) и не понявъ изъ него ни одного слова, отвѣчалъ: Pardon, madame., je ne parle pas l'anglais,» тогда какъ она изъ кожи лѣзла, чтобы объясняться по-французски *).

Раздѣлъ нашъ былъ слѣдующій. Воронежской губерніи, Бобровскаго уѣзда, въ слободѣ Бутурлиновкѣ съ селами, деревнями и хуторами было около 14 тысячъ душъ Малороссіянъ при 40 тысячахъ десятинъ земли; изъ нихъ выдѣлено было около 2000 душъ на седьмую часть нашей матери и около 1000 душъ на четырнадцатую часть (т. е. со всего имѣнія со включеніемъ Костромскаго) незамужней еще мень-

*) (Простите сударыня; я не говорю по англійски). Покойный М. А. Дмитріевъ разсказывалъ намъ, что тоже самое было съ молодымъ Карамзинымъ. Пріѣхавъ изъ Симбирской деревни въ Москву, на пути въ чужіе края, онъ заговорилъ со своимъ пріятелемъ И. И. Дмитріевымъ по-французски, а тотъ съ напускнымъ удивленіемъ спросилъ: „Когда же это успѣлъ ты, Николай Михайловичъ, выучиться по-англійски?“ П. Б.

шой нашей сестрѣ графинѣ Еленѣ Дмитріевнѣ *); затѣмъ остальныя, отъ 11 до 12 тысячъ душъ, достались брату моему. На мою часть пришлось все Костромское имѣніе, Юрьевецповольскаго уѣзда, сёла Малыя Порзни и Макаровское съ слишкомъ тридцатью при нихъ деревнями, всего помнится мнѣ 2841 душа при 12 тысячахъ десятинъ земли. Разность въ количествѣ душъ обѣихъ долей, братниной и моей, основана было на стоимости обоихъ имѣній по получаемымъ съ нихъ доходамъ за уплатою годовыхъ процентовъ въ Опекунскій Совѣтъ, гдѣ они были заложены еще при жизни нашего отца, при чемъ принято было въ разсчетъ, что Воронежское все имѣніе было заложено по 250 р., а Костромское только по 200 р. Возвысить же оброчный окладъ по Воронежскому имѣнію было, какъ говорили, невозможно по причинѣ малоземелья сравнительно съ народонаселеніемъ, что̀ было и дѣйствительно, ибо на тягло выходило чуть-ли не менѣе 3-хъ десятинъ. Взято было также въ соображеніе, что при Воронежскомъ имѣніи состояла колонія дворовыхъ людей, числомъ, съ стариками и малолѣтними, около кажется (страшно выговорить) 700 душъ, на господскомъ содержаніи; за выключеніемъ платежей въ Опекунскій Совѣтъ, содержанія управляющихъ и вотчинныхъ конторъ, какъ съ одного, такъ и съ другого имѣнія очищалось только около 32 и 33 тысячъ рублей., да и при томъ неудобно было для цѣнности имѣній дробить ихъ, хотя впослѣдствіи иные близкіе намъ люди находили, что всего короче и удовлетворительнѣе для обѣихъ сторонъ было бы раздѣлить оба имѣнія на двѣ равныя части съ лежавшими на нихъ обязательствами. Но, впрочемъ, съ моею небрежностію и неразсчетливостію, при совершенной неопытности въ серіозныхъ дѣлахъ и хозяйствѣ, я и тогда одинаково бы запутался и пришелъ бы, вѣроятно, къ совершенному разоренію, какъ и теперь. Съ моего Костромскаго имѣнія воловой оброчный сборъ простирался отъ 72 до 74 тысячъ рубл.; изъ нихъ слѣдовало ежегодно вносить процентовъ въ Московскій Опекунскій Совѣтъ около 32 тысячъ, на жалованіе и содержаніе управляющаго имѣніемъ и вотчинной конторы и прочіе расходы до 10 тысячъ, а затѣмъ очищалось мнѣ до 32 тысячъ рубл. (около 9 тысячъ рубл. сер.) въ годъ. Сумма эта была болѣе чѣмъ достаточна для холостаго и даже женатаго человѣка, особливо въ то время, когда продукты и даже вся обстановка жизни были много дешевлѣ нынѣшняго, и хотя всѣ наши имѣнія перезаложены были въ 1830 г. снова на 25 лѣтъ, но въ настоящемъ 1868 году имѣніе мое давно бы выкупилось изъ залога, и получалось бы съ

*) Впослѣдствіи, въ замѣнъ этихъ 1000 душъ (заложенныхъ въ Опекунскомъ Совѣтѣ) сестрѣ нашей отданъ былъ Флорентинскій нашъ палаццо.

него около 20 тысячъ рублей серебромъ. При совершеніи раздѣльнаго акта вычтено было все перебранное мною противъ прочихъ лицъ моего семейства во время Царскосельскаго моего пребыванія и для уплаты Варшавскихъ моихъ долговъ. Вотъ положеніе моихъ дѣлъ въ 1832 году: я далеко не былъ богачемъ, какъ полагали многіе знавшіе, что у отца моего было до 17 тысячъ душъ; но съ разсчетомъ я могъ бы и съ семействомъ прилично жить.

Братъ мой, чтобы какъ-нибудь направить меня на иной образъ жизни, уговорилъ меня ѣхать одному пожить у Е. И. Нарышкиной въ с. Знаменское; а Леона, Англичанина Битмида и Полячка Радзиковскаго онъ отправилъ въ Москву, учинивъ съ ними окончательный разсчетъ. Вскорѣ послѣ моего переѣзда въ Знаменское, и онъ туда прибылъ съ гг. Кавецкимъ и Слоаномъ, гдѣ погостивъ съ недѣлю они отправились втроемъ въ Москву, откуда г. Слоанъ поѣхалъ въ Петербургъ и, кажется, возвратился во Флоренцію. Вслѣдствіе повторяемыхъ просьбъ матери моей, порѣшено было вторично между мною и братомъ моимъ отправиться мнѣ одному во Флоренцію прямо изъ Знаменскаго, а о моемъ паспортѣ братъ мой взялся хлопотать въ Москвѣ. Еслибы этотъ планъ состоялся, несомнѣнно почти, что съ прекращеніемъ сношеній моихъ съ Леономъ, уцѣлѣло бы мое состояніе; но весьма сомнительно, уцѣлѣлъ-ли бы я въ вѣроисповѣданіи предковъ моихъ и не поддался-ли бы я Латинскому элементу, открыто овладѣвшему моимъ семействомъ по смерти моего отца. Но не по религіознымъ, вѣроятно, соображеніямъ, не улыбалась мнѣ предполагаемая Флорентинская семейная жизнь, а скорѣе потому, что я предвидѣлъ, что пришлось бы мнѣ тамъ отказаться отъ гусарской разгульной жизни; а великосвѣтское общество, да и еще заграничное, членомъ коего надо бы мнѣ сдѣлаться, не имѣло въ то время никакой для меня приманки.

Въ Знаменскомъ, гдѣ я оставался одинъ, сначала я не скучалъ и ревностно помогалъ О. А. Тридону въ изготовленіи фейерверковъ, въ каковыхъ онъ дѣйствительно отличался; они же ничего почти ему не стоили, потому что командиръ пѣшей батареи, стоявшей въ Тарусѣ, полковникъ Петръ Ивановичъ Острецовъ, давалъ даромъ Тридону, сколько онъ хотѣлъ, пороху *). Купилъ я случайно за безцѣнокъ по-

*) Полковникъ Острецовъ былъ отличный человѣкъ и дѣльный штабъ-офицеръ. Къ несчастію, карты его погубили. Немного позднѣе описываемаго мною времени онъ былъ произведенъ въ генералы, и около 15 лѣтъ командовалъ резервными артилерійскими парками въ Калугѣ. Уволенный изъ службы, онъ избранъ былъ во время Крымской войны дружиннымъ начальникомъ Калужскаго ополченія, при расформированіи запутался, кажется, въ денежныхъ отчетахъ и умеръ въ Калугѣ почти что въ нищетѣ.

держанный биліардъ, на которомъ по цѣлымъ днямъ и частью ночамъ всѣ упражнялись, въ томъ числѣ Острецовъ и офицеры его батареи, ежедневно почти гостившіе у г-жи Нарышкиной. Изъ сихъ офицеровъ чаще прочихъ бывали Владиміръ Христіановичъ Миллеръ (женившійся позднѣе на сиротѣ Плещеевой, Тарусскаго уѣзда, съ порядочнымъ весьма состояніемъ) и нѣкій г. Грызловъ, ѣдкій сатирикъ, оба друзья молодаго Алексѣя Ивановича Нарышкина, поступившаго незадолго передъ тѣмъ юнкеромъ на Кавказъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, но остававшагося безсмѣннымъ ординарцемъ при тамошнемъ главнокомандующемъ баронѣ Розенѣ [1]). Г. Тридонъ (р. 1794 † 1858) былъ человѣкъ рѣдкихъ свойствъ, изъ тѣхъ «le moule desquels est rompu»; откровененъ до наивности и вѣрный другъ своимъ друзьямъ, каковыхъ было у него много, не только въ Тарусскомъ уѣздномъ обществѣ, но и въ Московскомъ высшаго круга. Душею преданный семейству г-жи Нарышкиной, онъ ревностно и безвозмездно управлялъ ея Тарусскимъ имѣніемъ въ теченіе многихъ лѣтъ и безпрестанно ссорился съ нею за ея расходы не по состоянію. Тогдашніе урожаи въ Знаменскомъ были отъ сильно удобренныхъ полей удивительны.

Уже нѣсколько лѣтъ какъ доживалъ тогда въ Знаменскомъ Екатерининскаго времени Французъ Петръ Карловичъ Бальтюсъ-де-Варимонъ; его пріютила къ себѣ г-жа Нарышкина изъ жалости. Французскій эмигрантъ при началѣ революціи, онъ поступилъ въ нашу службу при Екатеринѣ II-й въ инженеры, вышелъ въ отставку секундъ-маіоромъ или полковникомъ и хранилъ до конца жизни въ комодѣ свой красный мундиръ съ черными бархатными лацканами камзольнаго покроя, съ вырѣзкою надъ животомъ; потомъ долго жилъ въ семействѣ богатыхъ Пензенскихъ помѣщиковъ братьевъ Ранцовыхъ [2]); позднѣе переѣхалъ въ качествѣ компаніона къ генералу Чесменскому (побочному сыну графа Алексѣя Григорьевича Орлова-Чесменскаго), устроившему чугунно-плавильный заводъ въ с. Мышинскомъ, въ Тарусскомъ уѣздѣ, нынѣ принадлежащій вдовѣ его, княгинѣ Бибарсовой, по второму ея браку. При генералѣ Чесменскомъ жили также Французы, медикъ г. Корсенъ (Corsain), г.г. Мерсье и Робертъ, оба химики, и нѣкій Московскій старожилъ Шевалье д'Изарнъ. Въ сосѣдствѣ Мышинскаго завода [3]), на берегу Оки, было имѣніе генерала Гурки, женатаго

---

[1]) Покойный шуринъ мой А. И. Нарышкинъ родился въ 1815 г. и умеръ въ 1866 г. Жена моя родилась въ 1816 г.

[2]) Отецъ ихъ былъ незаконнорожденный сынъ графа Романа Ларіоновича Воронцова.

[3]) Правильнѣе Мышигскаго, отъ рѣчки Мышиги, на которой стоитъ этотъ заводъ.

на особѣ, мать коей была Француженка. Въ домѣ Гурки содержалъ когда-то публичную аптеку О. А. Тридонъ передъ тѣмъ, что поступилъ въ наставники къ молодому А. И. Нарышкину, на что имѣлъ право, какъ кончившій курсъ фармаціи въ Парижѣ съ званіемъ провизора. По случаю-ли смерти Чесменскаго, или по другой какой причинѣ, не знаю, Петръ Карловичъ Варимонъ переселился въ г. Алексинъ (хотя въ Тульской уже губерніи, но въ двухъ только верстахъ отъ Мышинскаго завода), роздалъ тамъ кое-кому въ долгъ свои деньженки, часть изъ коихъ пропала, сталъ запивать и впалъ въ жалкое положеніе, ради чего сердобольная Е. И. Нарышкина взяла къ себѣ въ домъ этого бѣднаго старика, гдѣ онъ и умеръ осенью 1833 года *). Все сказанное о Французской колоніи Мышинскаго завода и о генералѣ Гуркѣ относится къ періоду между 1817 и 1825 годами. Папа̀ Варимонъ, какъ всѣ звали его въ Знаменскомъ, былъ давно православнымъ, ревностно посѣщалъ церковныя службы, хотя порусски говорилъ не только что плоховато, но съ простонародными выраженіями, какъ будто-бы болѣе вращался въ низшемъ кругу, чѣмъ въ обществѣ высшей сферы, въ противоположность его пріемамъ и манерамъ, отзывавшимся даже иногда утонченностію Французскаго маркиза прошлаго столѣтія, тогда какъ во Французской его рѣчи нерѣдко проглядывали остатки прекраснаго слога и аристократической фразеологіи. Сверхъ того, уже и въ преклонныхъ лѣтахъ, онъ хорошо фехтовалъ. Онъ былъ неопрятный, небритый, ходилъ почти постоянно въ длинномъ балахонѣ суроваго холста и такихъ же штанахъ, съ коротенькою трубкою въ зубахъ и нерѣдко навеселѣ отъ простой сивухи; словомъ, представлялъ изъ себя скорбный образецъ человѣка огрубѣвшаго и обрюзгшаго. Не менѣе куріозенъ былъ хаосъ вещей въ его комнатѣ. Комоды и шкафы наполнены были ящичками и коробочками съ гвоздями, винтами, столярными инструментами и другимъ старымъ хламомъ, всё перемѣшанное съ сажею, табакомъ и завернутое въ бумажкахъ, съ чаемъ и сахаромъ, а на днѣ этихъ коробочекъ спрятаны были иногда деньги. Клалъ онъ также иногда ассигнаціи между листьями книгъ, изъ опасенія вѣроятно воровъ; о существованіи этихъ денегъ онъ могъ забыть и чуть-ли дѣйствительно не забывалъ. Двухъ данныхъ ему послѣдовательно въ услуженіе мальчиковъ одного онъ звалъ Эрнестомъ, а другаго Ипполитомъ; сему послѣднему онъ разсказывалъ исторію о Греческомъ героѣ Ипполитѣ, что «былъ-де когда-то молодой человѣкъ того имени, сынъ госпо-

*) Онъ разсказывалъ намъ, что въ бытность его въ Парижѣ, въ началѣ революціи, онъ хаживалъ обѣдать въ ресторацію, гдѣ часто встрѣчалъ приходившаго для тогоже туда молодого субалтернъ - офицера Наполеона, тогда просто m-r de Bonaparte.

дина Тезея, второю женою коего была госпожа Федра; но она была не то что маменька твоя, а злѣйшая барыня» и тому подобное; при чемъ нелишнее замѣтить, что маменька Знаменскаго Ипполита была и есть по сіе время пьяница, послѣдняя представительница стараго поколѣнія дворовыхъ дармоѣдокъ въ этомъ имѣніи жены моей. Г. Варимонъ назначилъ по духовному завѣщанію своимъ наслѣдникомъ Тридона, что не мѣшало ему въ порывѣ гнѣва грозить, что уничтожитъ свое завѣщаніе, и однажды онъ вызвалъ было на дуэль своего наслѣдника, подписавши этотъ вывозъ: «M-r Baltus de Varimont, né Gaulois, défie m-r Joseph Tridon de Langres». Но немного выручилъ г. Тридонъ изъ этото наслѣдства, состоявшаго большею частію изъ просроченныхъ или не по формѣ писанныхъ денежныхъ документовъ; напримѣръ, на роспискѣ не помню, на какую сумму, должной Алексинскимъ купцомъ Масловымъ [1]), кредиторъ г. Варимонъ собственноручно отмѣтилъ должника мошенникомъ, и потому невозможно было предъявить документъ. Всѣхъ исковъ было чуть ли не на нѣсколько тысячъ, но изъ нихъ Осипъ Августиновичъ получилъ около 500 или 600 р. отъ княгини Бибарсовой и кое-какъ вытянулъ около 100 рублей отъ купца Маслова, не предъявивъ ему конечно росписки съ столь нелестной отмѣткою его личности; сверхъ чего, двое золотыхъ часовъ, одни извѣстнаго въ началѣ столѣтія часовщика Лепина. Потѣшнѣе всего была дружба Петра Карловича и вмѣстѣ съ тѣмъ безпрерывныя его ссоры со священникомъ Знаменской церкви отцемъ Ѳедоромъ Егоровичемъ Брилліантовымъ, его въ добавокъ духовнымъ отцемъ. Когда г. Варимонъ былъ въ ладу съ отцомъ Ѳедоромъ, онъ зазоветъ его, бывало, къ себѣ въ комнату послѣ обѣдни и угоститъ чаемъ амфибическаго описаннаго выше свойства и грибами на сковородѣ своего грязнаго стряпанія; когда же недоволенъ былъ, то скажетъ бывало: «ты, *батушка*, знай церковь». Главнымъ же поводомъ къ разладу было то, что отецъ Ѳедоръ правильно весьма возставалъ противъ принятой Петромъ Карловичемъ привычки входить въ алтарь, въ самое грязное время, въ калошахъ, вмѣсто того, чтобы оставлять ихъ у входа церкви. Мой баловень Яся до того иногда бѣсилъ, бывало, старика, что тотъ гнался по двору за нимъ въ своемъ суровомъ балахонѣ съ кинжаломъ въ рукѣ, къ общему хохоту. Однажды онъ ночью разбудилъ моего Полячка и сказалъ: «Вотъ видишь! Я бы могъ теперь тебя зарѣзать, а вмѣсто того, пойдемъ чай пить ко мнѣ» [2]).

---

[1]) Единственная дочь и наслѣдница этого богатаго купца вышла замужъ за одного изъ Бенардаки.

[2]) Невѣстка Петра Карловича, г-жа Бальтюсъ, безъ прибавленія фамиліи Варимонъ, содержала въ Москвѣ въ 40-ыхъ годахъ женскій пансіонъ.

Соскучившись монотонною Знаменской жизнью, я поѣхалъ съ О. А. Тридономъ въ Москву и поселился въ гостинницѣ Коппа на Тверской площади, что нынѣ Дрезденъ, гдѣ также жилъ братъ мой. Сошелся я опять съ Леономъ, Англичаниномъ Битмидомъ и кое съ кѣмъ изъ прежнихъ гусарскихъ моихъ товарищей и отказался, къ прискорбію брата, посѣщать домà высшаго общества, за исключеніемъ Чертковыхъ, куда я изрѣдка показывался, и то потому, что ни Елисавета Григорьевна, ни Александръ Дмитріевичъ не читали мнѣ, какъ говорится, морали [1]).

Расположившись съ моею компаніею съ 12 часовъ утра въ залѣ общаго стола той гостинницы, начинали мы наши такъ называемые завтраки съ Шампанскимъ и хоровымъ пѣніемъ Беранжера или изъ опернаго репертуара, продолжавшіеся до глубокой ночи, и правильнѣе было бы ихъ назвать des déjeuners soupatoirs; а въ промежуткѣ времени играли на биліардѣ. Частыя шумныя эти оргіи обратили на себя вниманіе главнаго полицейскаго аргуса въ лицѣ ген. Муханова, исправлявшаго должность Московскаго оберъ-полицмейстера, и онъ (какъ передано было мнѣ впослѣдствіи) подходилъ ночью къ окнамъ ресторана (въ первомъ этажѣ дома, тамъ гдѣ нынѣ магазинъ Андреева), удостовѣриться, не скрывается ли тутъ какой нибудь заговоръ. Однакоже добрѣйшій этотъ высшій блюститель городскаго благочинія оставилъ меня въ покоѣ.

Заслужилъ я также негодованіе полиціи тѣмъ, что разъѣзжалъ по городу съ сигарою въ зубахъ, и одинъ изъ младшихъ полицмейстеровъ, полковникъ Никита Ѳедоровичъ Брянчаниновъ грозилъ мнѣ, полушутя, полу-серіозно, что остановитъ меня когда нибудь на улицѣ. Братъ мой приходилъ въ отчаяніе отъ всего этого, тѣмъ болѣе, что я умножалъ свои долги [2]).

Въ Январѣ или Февралѣ 1833 г. братъ отправился въ Таганчу, а оттуда въ Германію, гдѣ находилось его семейство, взявъ съ меня слово уѣхать къ матери нашей въ Италію; но я и это обѣщаніе вторично нарушилъ. Въ бытность еще моего брата въ Москвѣ, пріѣзжалъ

[1]) А. Д. Чертковъ задолго передъ тѣмъ купилъ Салтыковскій домъ на Мясницкой и передѣлалъ его, а въ 1843 или 1844 г. прибавилъ къ нему большой бальный залъ подъ общій фасадъ. Отъ него ничего не осталось въ великолѣпномъ нынѣшнемъ палаццѣ, который выстроенъ заново его сыномъ.

[2]) Табль д'отъ (общій столъ) въ гостинницѣ Коппа былъ тогда весьма бонтоннымъ; братъ мой почти что ежедневно тамъ обѣдалъ и послѣ стола садился въ триктракъ (игра совершенно нынѣ забытая) съ нѣкимъ г. Дрейеромъ, служившимъ въ канцеляріи генералъ-губернатора по иностраннымъ паспортамъ.

туда и остановился въ отелѣ Коппа Николай Адріяновичъ Дивовъ, съ которымъ я не видался со времени единственнаго моего визита ему въ Петербургѣ, лѣтомъ 1830 года, когда онъ вышелъ изъ шталмейстеровъ двора великаго князя Михаила Павловича. Садясь уже въ возокъ, чтобы ѣхать въ Петербургъ, онъ отозвалъ меня въ сторону и, дружески пожавъ мнѣ руку, сказалъ: «Мишель, умоляю тебя, остепенись». Слова эти глубоко тронули меня, но не остановили на скользкомъ пути быстро подготовлявшейся моей погибели. Однажды, по выходѣ изъ за стола, мы отправились во Французскій театръ, гдѣ Тридонъ, чувствуя себя не совсѣмъ въ нормальномъ состояніи, усѣлся въ креслахъ съ опущенною головою и старался быть незамѣченнымъ. На бѣду его, Хрущовъ, всегда весьма болтливый подъ вліяніемъ шипучаго Клико, пустился любезничать съ сидѣвшей въ бенуарѣ красавицею княжною Абамелекъ [1]), съ которою былъ знакомъ и Тридонъ. «Отчего вы такъ красны сегодня, m-r Chroustchoff?» спросила княжна. «Оттого, что мы только что отзавтракали», отвѣчалъ Петруша Х. «А кто этотъ блѣдный господинъ, вашъ сосѣдъ въ креслахъ?» спросила она, указывая на меня. «Это мой пріятель, графъ Бутурлинъ, съ которымъ я завтракалъ», послѣдовалъ отвѣтъ. «А кто этотъ третій господинъ зрѣлыхъ лѣтъ», продолжала насмѣшница, «что также сидитъ возлѣ васъ?»—«Это», отвѣчалъ не запинаясь Петруша, «Французъ Тридонъ, нашъ гуверперъ, который также съ нами завтракалъ». Мнимый гуверперъ слышалъ весь этотъ разговоръ и желалъ, еслибы возможно, провалиться сквозь полъ.

Упомянувъ о Н. А. Дивовѣ, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о знаменитой тогда подмосковской его Зенинской фермѣ, по старой Рязанской дорогѣ близъ с. Касина, на устройство которой онъ не щадилъ сотней тысячъ. Великолѣпный, почти царскій паркъ, въ серединѣ коего находился домъ изъ дикаго камня, и не менѣе знаменитый обширный каменный скотный дворъ, онъ началъ устроивать около 1831 года. Паркъ расположенъ былъ по плану и подъ надзоромъ старика садовника Унгебаура [2]) и самого Дивова, отличавшагося вкусомъ въ таковыхъ посадкахъ. Уходъ за посадками былъ таковъ, что, по прошествіи менѣе 15 лѣтъ, вездѣ была густая тѣнь, и деревья казались почти тридцатилѣтними. Изъ запруженнаго ручейка еле-еле въ аршинъ шириною образовался искусственный широкій прудъ съ островомъ по се-

[1]) Она вышла замужъ за Баратынскаго, бывшаго одно время Казанскимъ губернаторомъ.

[2]) Сынъ этого Унгебаура, носившій званіе придворнаго садовника, имѣлъ свое садовое заведеніе возлѣ Красныхъ воротъ въ началѣ 40-хъ годовъ. Дѣла его дурно пошли, и онъ повѣсился.

рединѣ, отдѣляющій ферму отъ господскихъ строеній. Корпусъ скотнаго двора, съ отдѣленіемъ для подростковъ и съ нѣсколькими комнатами для зимняго пріѣзда хозяина (когда большой домъ не отоплялся) стоилъ, кажется, до 100 тысячъ рубл. сер. Стойла для скотины были дубовые подъ лакъ съ мѣдными, блестящими какъ золото, шарами на столбахъ; проходы между рядами стойлъ и коридоры вымощены были плитами дикаго камня, постоянно выметались дежурными скотниками, и повсюду почти горѣли во всю ночь Англійскіе фонари. Сортъ скота вполнѣ отвѣтствовалъ обстановкѣ и уходу. Николай Адріяновичъ создалъ свою особенную породу онаго, помѣсью выписанныхъ имъ Голландскихъ быковъ съ Холмогорскими и Швейцарскими коровами. Скотъ былъ огромнаго роста и весь одношерстный, черно-пѣгій; кормъ былъ изъ вареннаго картофеля, приготовлявшагося паровою машиною въ особенно устроенной для сего кухнѣ. Коровы давали по 4 пуда масла (сливочнаго) въ годъ, славившагося долго въ Москвѣ подъ фирмою Румянцовскаго, отъ сосѣдства Румянцовскихъ имѣній с. Троицы и Кагула, гдѣ прежде производилось лучшее масло [1]), а потомъ подъ Зенинскою фирмою, и продавалось кажется по 60 к. сер. за фунтъ. Не смотря на эту выручку и на продажу телятъ для заводовъ по неимовѣрно - дорогой цѣнѣ (на каковыхъ записывались заранѣе кандидаты-покупщики), издержки не окупались, по причинѣ роскоши содержанія и утонченности устройства всего заведенія. Надзирательница скотнаго двора получала весьма значительное содержаніе [2]), и при ней былъ цѣлый штатъ дѣвицъ-скотницъ, чопорныхъ какъ Нѣмки, въ ситцевыхъ платьяхъ и фартукахъ. Любители утонченнаго по заграничному образцу скотоводства отдавали въ ученіе своихъ дѣвушекъ на Дивовскую ферму и пріучали ихъ къ опрятности. На лугахъ при фермѣ накашивалось до 12 тысячъ пудовъ сѣна, каковое все съѣдалось на скотномъ дворѣ. Для округленія этого маленькаго сначала имѣнія покупались по баснословнымъ цѣнамъ сосѣдніе клочки земель. Имѣніе принадлежало супругѣ устроителя, Зинаидѣ Сергѣевнѣ Дивовой, дочери и наслѣдницѣ графа С. П. Румянцова, и сила обстоятельствъ заставила ее, къ глубокой ея скорби, продать его [3]).

---

[1]) Въ с. Троицѣ похороненъ графъ Сергѣй Петровичъ Румянцовъ. Оно вмѣстѣ съ деревнями Кагуломъ и Кайнарджи нынѣ принадлежитъ князю Сергѣю Павловичу Голицыну. Въ серединѣ одной изъ двухъ послѣднихъ деревень сооружена графомъ С. П. Румянцовымъ бронзовая статуя во весь ростъ императрицы Екатерины. Жаль, что она находится на столь невысокомъ мѣстѣ.

[2]) Нѣкая Анна Львовна, дочь Рязанскаго богатаго помѣщика, отставнаго генерала Измайлова.

[3]) Прекрасное Зенино принадлежитъ нынѣ П. И. Шаховскому. П. Б.

Въ Мартѣ, великимъ постомъ, Леонъ уговорилъ меня поѣхать показаться моимъ Порзненскимъ крестьянамъ до отъѣзда въ Италію. Итакъ я тронулся изъ Москвы, сопровождаемый Леономъ и снова поступившимъ ко мнѣ въ компаніоны Англичаниномъ Битмидомъ. Всего до с. Порзней было около 350 верстъ, но мы туда попали чуть-ли ни на пятый день, потому что во всю дорогу дѣлали привалы: въ Богородскѣ закусывали и, конечно, сухоядѣніемъ, во Владимирѣ пировали двое сутокъ въ гостинницѣ, бывшей у самыхъ Золотыхъ Воротъ; въ Суздалѣ ночлегъ, а въ Шуѣ опять суточный привалъ. До Шуи былъ почтовый трактъ, но оттуда до меня приходилось ѣхать на вольныхъ черезъ заштатный городъ Лухъ, верстъ 75 проселочною дорогою или, вѣрнѣе сказать, дремучими борами. На всѣхъ тогдашнихъ почтовыхъ станціяхъ, въ числѣ печатныхъ почтовыхъ правилъ, прибитыхъ на стѣнахъ, была одна за подписью управлявшаго почтовымъ департаментомъ въ 1806 или 1808 году князя Алексѣя Борисовича Куракина. Изъ нея сохранились у меня въ памяти два параграфа, отличавшіеся какою-то патріархальною наивностію. Одинъ изъ нихъ гласилъ, что проѣзжающему возбраняется отъѣздъ со станціи, не расплатившись какъ слѣдуетъ за все съѣденное и выпитое имъ въ станціонной гостинницѣ (подобныя гостинницы блистали повсюду своимъ отсутствіемъ, да и невозможно было имъ существовать въ захолустьѣ, а для голоднаго проѣзжаго упоминаніе о буфетѣ было даже ироніею), а вторымъ параграфомъ проѣзжающему запрещалось принуждать почтаря проѣхать двѣ станціи, не перемѣняя лошадей. Неужели общественное или чиновничье самоуправство доходило до того, что нуждалось въ подобномъ правительственномъ распоряженіи?

Приближаясь къ Порзнямъ, Леонъ счелъ, для вящщаго (и конечно, глупѣйшаго) эффекта, что надо было мнѣ остановиться въ Шуѣ, а онъ отправился впередъ осчастливить вѣрноподданныхъ моихъ извѣстіемъ о прибытіи ихъ барина; а когда на слѣдующій день я подъѣхалъ къ Порзнямъ, Леонъ встрѣтилъ меня во главѣ крестьянъ, принявшихъ меня съ хлѣбомъ-солью. Онъ таки любилъ придавать театральный характеръ всякому дѣлу, выходящему изъ разряда обыкновенныхъ, и налегалъ на представительность, особенно когда дѣло шло о томъ, чтобы завести себѣ денежный кредитъ.

Если я неохотно приступалъ къ воспоминаніямъ о Варшавской моей жизни, то теперь приходится мнѣ сдѣлать усиліе надъ собою, чтобы изложить безъ утайки мой образъ жизни въ эту первую мою поѣздку въ Порзни. Отъ Марта до Іюня пребываніе мое тамъ было одно разливное море у себя въ домѣ и у зажиточныхъ крестьянъ, которыхъ

немало въ торговыхъ селахъ сѣверовосточныхъ губерній. Управляющимъ этимъ имѣніемъ я нашелъ отставнаго полковника Ивана Ивановича Грекова, опредѣленнаго туда еще Ѳ. А. Голубцовымъ; человѣкъ онъ былъ хорошій, но подъ конецъ спился, къ чему, можетъ статься, я самъ способствовалъ. Село было торговое съ крестьянскими пятистѣнными домами, съ двумя каменными церквами и съ рядами для лавокъ. Оно состояло изъ 500 душъ, принадлежавшихъ тремъ владѣльцамъ: мнѣ, графинѣ А. А. Орловой-Чесменской и какой-то старухѣ княгинѣ или княжнѣ Вяземской, завѣщавшей впослѣдствіи свою часть имѣнія старику князю Александру Алексѣевичу Черкасскому [1]). Моя часть въ этомъ селѣ была бо́льшею изъ двухъ остальныхъ, и кромѣ какъ въ этомъ центрѣ общаго владѣнія я ни съ кѣмъ не имѣлъ.

Отъ нечего дѣлать я собралъ всѣхъ сельскихъ мальчиковъ трехъ частей и раздѣлилъ эту довольно многочисленную ватагу на двѣ партіи; одну изъ нихъ я взялъ подъ свою команду, а другую передалъ моему компаніону Битмиду; оба отряда были подраздѣлены на взводы съ своими взводными офицерами, и каждый день шла война снѣжными шарами. Войско мое однажды безъ моего вѣдома приступомъ взяло вотчинное правленіе, стоявшее отдѣльнымъ зданіемъ на площади, и не выпустило оттуда занимавшагося дѣлами бурмистра, пока онъ не далъ шалунамъ денегъ на пряники. Приближался праздникъ Пасхи. Я вздумалъ готовить большую иллюминацію посредствомъ выученнаго у г. Тридона способа обмакивать толстыя веревки въ распущенной сѣрѣ и изъ нихъ составлять фестоны и архитектурные рисунки, прикрѣпивъ ихъ къ большому щиту; сѣра какъ-то вспыхнула въ котлѣ, и кухня моя, служившая лабораторіею, загорѣлась. Пожаръ былъ прекращенъ скоро и безъ значительныхъ поврежденій; тѣмъ не менѣе, этотъ казусъ былъ выставленъ впослѣдствіи противъ меня придирчивою мѣстною полиціею.

Тамошнее народонаселеніе привержено весьма къ церкви и печется объ украшеніи храмовъ [2]). Захотѣлось мнѣ отговѣть Великимъ постомъ. Могу сказать, что я чувствовалъ тогда потребность этого таинства,

---

[1]) Графиня А. А. Орлова передала свою часть въ селѣ съ принадлежавшими къ оной деревнями, всего 600 и 700 душъ, при жизни своей, кажется, Михаилу Ѳедоровичу Орлову; а князь А. А. Черкасскій продалъ свою часть съ деревнями, около 700 душъ, д. с. совѣтнику Шульцу, убитому тамъ крестьянами менѣе году послѣ покупки ихъ. И нельзя даже сказать, чтобы г. Шульцъ злоупотреблялъ помѣщичьею властью или былъ черезчуръ строгъ. Имѣніе это было оброчное и распущенное, а новый помѣщикъ завелъ тамъ барщину и сталъ строить домъ; словомъ, подтянулъ имѣніе.

[2]) Доказательствомъ тому служитъ, что въ Порзненской Преображенской церкви, о трехъ придѣлахъ, былъ колоколъ, вѣсившій 600 пудовъ.

къ которому не приступалъ съ Бухареста, т. е. уже четыре года. Но я вздумалъ придать этому дѣйствію эффектъ и нѣкоторую, такъ сказать, торжественную обстановку. А было дѣйствительно, въ чемъ мнѣ каяться!

Крестьяне меня полюбили (какъ меня увѣряли въ томъ мои приближенные и насколько я самъ могъ замѣтить), тогда какъ немного позже, новый мой сосѣдъ г. Шульцъ заплатилъ жизнію за то только, что вводилъ у себя новые порядки, допускаемые закономъ. Вѣрю замѣчанію Н. А. Дивова, что крестьянинъ нашъ, во время крѣпостнаго права, много переносилъ и прощалъ Русскому коренному помѣщику, чего не стерпѣлъ бы отъ Нѣмца-помѣщика. Надо, впрочемъ, и то сказать, что я распустилъ свою вотчину, не только мирволя пьянству, но и прощая оброчныя недоимки, слагая зря платежныя тягла, отсрочивая инымъ срочные платежи, словомъ, завелъ такую кутерьму въ управленіи, что сбилъ съ толку П. И. Грекова.

Но вотъ подошелъ праздникъ Пасхи и, желая ознаменовать всю Святую недѣлю народными увеселеніями въ большихъ размѣрахъ, я выбралъ для того живописную мѣстность въ 2-хъ или 3-хъ верстахъ отъ Порзней, окаймленную сосновымъ боромъ и ручьемъ, по большой Пучежской *) дорогѣ, гдѣ я устроилъ разнаго рода качели, карусели съ деревянными коньками и съ разными играми, при чемъ выкачены были неисчерпаемыя бочки вина и пива для народа. Одновременно съ простонароднымъ праздникомъ для меня и моей компаніи раскинута была, въ память бивачной моей жизни, длиннѣйшая палатка, гдѣ человѣкъ двадцать могли помѣститься за столомъ, куда мы переселились временно на всю Святую недѣлю и гдѣ я принималъ гостей своихъ, сосѣднихъ помѣщиковъ. Походная кухня устроена была возлѣ палатки. Сколько выпито тутъ было Шампанскаго и пылающей жженки, исчислить трудно; кутежъ шелъ денно и нощно при неумолкавшихъ почти двухъ перемѣнныхъ хорахъ пѣсенниковъ. Отъ этой продолжительной оргіи и безсонницы, какъ ни крѣпка была моя натура, я чуть не заболѣлъ. Кто бы ни пріѣзжалъ ко мнѣ по случаю праздника, я не отпускалъ его, пока не напоилъ волею-неволею до растяжки. Пріѣхавшій ко мнѣ въ гости почтмейстеръ сосѣдняго заштатнаго г. Луха удралъ отъ попойки, но въ такомъ состояніи, что не могъ доѣхать до дому (всего 15 верстъ) и переночевалъ въ ржаномъ полѣ. За виномъ посылалось въ два уѣздные города, Юрьевецъ-Повольскъ и Кинешму, кромѣ большаго запаса, привезеннато, недавно передъ тѣмъ, Леономъ изъ Москвы. По всему есть конецъ, даже и сумазбродству. Святая прошла, и я возвратился въ свой Порзненскій домъ, но въ такомъ нервномъ

*) Посадъ Пучежъ Юрьевецъ-Повольскаго уѣзда, на берегу Волги.

разстройствѣ и лихорадочномъ состояніи, что принужденъ былъ ставить себѣ горчишники.

Въ самое Ѳомино Воскресенье, выходя отъ обѣдни, мы услыхали, что бьютъ въ набатъ, и увидѣли, что одинъ домъ на главной улицѣ (всѣхъ же улицъ было три, кромѣ переулковъ) вспыхнулъ отъ неосторожности, какъ оказалось впослѣдствіи, одного изъ моихъ мальчиковъ-офицеровъ, выстрѣлившаго изъ отцовскаго мушкета у себя на дворѣ: пыжъ упалъ на соломенную крышу надворнаго строенія, которая загорѣлась, а мальчикъ съ испугу убѣжалъ и скрылся, чрезъ что упущено было время прекратить пожаръ въ началѣ. День былъ вѣтренный, огонь разыгрался съ неимовѣрною быстротою по всѣмъ концамъ села, и менѣе чѣмъ черезъ три часа вся моя часть онаго превратилась въ груду пепла; уцѣлѣли только мой господскій домъ и два крестьянскихъ, примыкавшихъ почти къ нему съ обѣихъ сторонъ главной той улицы. Домà крестьянскіе были всѣ крыты тесомъ, и многіе изъ нихъ о двухъ этажахъ съ мезонинами. Перекладины на трехъ-ярусной колокольнѣ сгорѣли, колокола упали; но обѣ церкви, стоявшія въ одной оградѣ, остались невредимыми. Чрезъ нѣсколько дней прибылъ земскій судъ въ полномъ составѣ: предстояла ему тутъ пожива отъ богатаго помѣщика. Слѣдуетъ вспомнить, что взяточничество и судебный подкупъ производились въ 30-хъ годахъ гораздо безцеремоннѣе, чѣмъ позднѣе, даже до введенія судебной реформы и облагороженнаго состава нынѣшнихъ полицейскихъ управленій; въ нашей же Костромской губерніи носился слухъ, что тогдашняя губернская власть будто бы открыто регулировала взяточничество, обложивъ исправниковъ годовымъ якобы взносомъ. Явленіе это было тѣмъ прискорбнѣе, что одинъ изъ предмѣстниковъ тогдашняго начальника губерніи былъ безукоризненный Сергѣй Степановичъ Ланской (впослѣдствіи графъ), который, а также и достойнѣйшая его жена Варвара Ивановна (урожденная княжна Одоевская) оставили такую лестную по себѣ память у Костромитянъ, что по прошествіи 15 лѣтъ было еще общепринятымъ мѣстнымъ выраженіемъ «во время Ланскихъ», означавшимъ сколько удовлетворительный административный порядокъ, столько же пріятное время сближенія всѣми чтимаго семейства Ланскихъ съ мѣстнымъ обществомъ. Кстати отмѣчу, что въ числѣ болѣе интимныхъ съ Ланскими было почтенное и образованное семейство Колюпановыхъ, съ которымъ Варвара Ивановна и ея дочери продолжали находиться въ сношеніи многія лѣта по ихъ выѣздѣ изъ Костромы *).

---

*) Настасья Сергѣевна Ланская вышла замужъ за Степана Васильевича Перфильева, тогда жандармскаго штабъ-офицера въ Костромѣ, въ бытность губернаторомъ тамъ ея отца.

Итакъ мои полицейскіе гости не замедлили составить баснословной (какъ разсказывали мнѣ впослѣдстіи) толщины фоліантъ слѣдственнаго дѣла, выставивъ между прочимъ на видъ, что я собиралъ мальчиковъ, обучалъ ихъ военнымъ пріемамъ (какъ бы въ виду какихъ-нибудь замысловъ), что самъ поджегъ свою кухню, и поставляя мнѣ въ вину, что я не заявлялъ своевременно въ полицію объ этомъ происшествіи. Цѣлью всего этого было запугать меня. Я, какъ новичекъ, поддался по неопытности на эту ловушку и радостно согласился на ихъ кондиціи, пожертвовавъ порядочнымъ кушемъ (чуть-ли не свыше 1000 р.), и огромный фоліантъ трудолюбивыхъ сихъ мужей добросовѣстно былъ преданъ ими огню.

Тѣмъ не менѣе услужливый Костромской синемундирный штабсъ-офицеръ донесъ Московскому начальнику жандармскаго округа, генералу Лисовскому *) о сборахъ и военныхъ упражненіяхъ моихъ мальчиковъ; но достойный этотъ человѣкъ понялъ, что серьезнаго тутъ ничего не могло быть, и не далъ хода дѣлу.

Вотъ что творилось въ тридцатыхъ годахъ, когда литература уже громила лихоимство во всѣхъ его видахъ. Можно по этому судить о томъ, что̀ дѣлалось въ болѣе отдаленныхъ, чѣмъ Костромская, губерніяхъ въ первой четверти нынѣшняго столѣтія и во всемъ прошедшемъ. Часто приходитъ мнѣ на умъ поговорка хорошаго моего знакомаго, покойнаго Дмитрія Кесаревича Хвощинскаго (отца Надежды Дмитріевны, писавшей подъ псевдонимомъ Крестовскаго), что если бы поручено было коммиссару кормить казеннаго воробья, онъ состоянія, конечно, не могъ бы нажить, а пролетку съ парою лошадей сумѣлъ бы содержать.

Ближнею моею сосѣдкою, въ 5 верстахъ, была почтенная, хотя еще не старая, Наталья Титовна Кетова (урожденная Языкова), вдова уже нѣсколько лѣтъ. Радушный всегда пріемъ привлекъ меня къ ней, и въ промежуткахъ кутежей я нерѣдко навѣщалъ ее. Старшая ея дочь, Ольга Никаноровна, была очень хороша собою; второй, Екатеринѣ, только что минуло 19 лѣтъ, и она недавно передъ тѣмъ выпущена была изъ Московскаго пансіона г-жи Севенаръ; третья, Марія, еще находилась въ этомъ пансіонѣ. Изъ трехъ ея сыновей старшій, Владиміръ Никаноровичъ, воспитывался тогда въ Ярославскомъ Демидовскомъ лицеѣ; второй, Сергѣй, готовился въ Костромскую гимназію, а меньшой,

*) Генералъ Лисовскій, какъ-то, кажется, съ родни графу Сергѣю Петровичу Румянцову (чуть-ли не съ лѣвой стороны), умеръ вскорѣ послѣ сего происшествія и, какъ я слышалъ, нечѣмъ было его похоронить.

Всеволодъ, жилъ еще дома. Въ сельцѣ Кунинѣ (такъ называлась усадьба Н. Т. Кетовой), въ числѣ дворовыхъ, былъ остатокъ прежняго оркестра, и мы часто плясали тамъ въ двѣ пары, въ каковомъ искусствѣ меня побѣждалъ мой компаніонъ Англичанинъ. Г-жа Кетова была нѣжная, умная и заботливая мать и примѣрная хозяйка. Бережливостію и умѣніемъ удачно прикупать все, чтó было сподручно къ ея небольшому имѣнію, она прилично весьма отдѣлила всѣхъ трехъ дочерей, отнюдь не въ ущербъ сыновьямъ. Я всегда радостно и съ признательностію вспоминаю объ этомъ семействѣ, въ кругу коего я былъ принятъ какъ родной, безъ всякихъ, конечно, видовъ на меня, и съ членами коего я остался въ дружбѣ и по сіе время. Проходили ряды годовъ, чтò мы не видались, а встрѣчаемся всегда какъ родственники. Позднѣе, отношенія эти скрѣпились женитьбою сослуживца моего Александра Александровича Миронова на Екатеринѣ Никаноровнѣ; но при первыхъ поѣздкахъ моихъ въ Порзни, онъ не былъ еще знакóмъ съ семействомъ Кетовыхъ. Я знаю, что, когда слухи о моихъ Порзненскихъ безобразіяхъ доходили до умной и добросердечной Натальи Титовны, она покачаетъ головою и только, бывало, скажетъ: «ахъ, жалко, жалко», но всегда принимала живѣйшее участіе во всемъ до меня касающемся. Старшая Кетова вышла замужъ, много позднѣе Екатерины Никаноровны, за пѣхотнаго офицера безъ всякаго состоянія, Александра Михайловича Цвиленева, отецъ коего былъ нѣкогда городничимъ въ Тарусѣ, гдѣ и умеръ и, кажется, разстроилъ состояніе своей жены. Меньшая, Марія Никаноровна, вышла замужъ около 1840 года за небогатаго сосѣдняго помѣщика г. Грибунина и вскорѣ умерла, оставивъ двухъ сыновей.

Другимъ близкимъ мнѣ сосѣдомъ былъ отставной драгунскій полковникъ Лисевичъ, бездѣтный; онъ побаивался часто бывать у меня, потому что я насильственно заставлялъ его выпивать болѣе, чѣмъ могла его натура.

Съ архитектурною утонченностію нынѣшнихъ вообще построекъ, при новыхъ понятіяхъ о домашнемъ комфортѣ, исчезли повсюду эти неказистые дѣдовскіе помѣщичьи домики, всѣ почти сѣро-пепельнаго цвѣта, тесовая обшивка и тесовыя крыши коихъ никогда не красились. Таковою же была и усадьба Кетовыхъ; таковаго же образца были помѣщичьи дома и во всѣхъ Великороссійскихъ губерніяхъ, и таковымъ я засталъ старый Знаменскій домъ тещи моей Нарышкиной. Въ болѣе замысловатыхъ деревенскихъ постройкахъ приклеивались, такъ сказать, къ этому сѣрому фону стѣнъ четыре колонны съ фронтоннымъ треугольникомъ надъ ними. Колонны эти были у болѣе зажиточныхъ ошту-

катуренныя и вымазанныя известью также, какъ и ихъ капители; у менѣе достаточныхъ помѣщиковъ колонны были изъ тощихъ сосновыхъ бревенъ безъ всякихъ капителей. Входное парадное крыльцо, съ огромнымъ выдающимся впередъ деревяннымъ навѣсомъ и двумя глухими боковыми стѣнами, въ видѣ пространной будки, открытой спереди. Внутреннее устройство было совершенно одинаково вездѣ; оно повторялось безъ всякихъ почти измѣненій въ Костромской, Калужской, Орловской, Рязанской и прочихъ губерніяхъ и было слѣдующее. Въ будкѣ парадпаго крыльца была боковая дверь въ ретирадное мѣсто (всегда конечно холодное), и потому входъ въ домъ не всегда отличался благовоніемъ. Послѣ передней былъ длинный залъ, составлявшій одинъ изъ угловъ дома, съ частыми окнами въ двухъ стѣнахъ, и потому свѣтлый какъ оранжерея. Въ глухой капитальной стѣнѣ зала было двое дверей; первая, всегда низкая, вела въ темный корридоръ, въ концѣ коего была дѣвичья и черный выходъ на дворъ. Вторая дверь зала, большаго размѣра и въ уровень съ верхомъ оконъ, вела въ гостинную; таковаго же размѣра дверь вела изъ гостинной въ кабинетъ или въ хозяйскую спальню, составлявшую другой уголъ дома. Эти двѣ комнаты и поперечная часть зала были обращены къ цвѣтнику, а за неимѣніемъ таковаго къ фруктовому саду; фасадъ же этой части дома состоялъ изъ семи огромныхъ оконъ, два изъ нихъ были въ залѣ, три въ гостинной (среднеее впрочемъ превращалось лѣтомъ въ стеклянную дверь со спускомъ въ садъ), а остальныя два окна въ спальнѣ. Убранство гостинной было также одинаково во всѣхъ домахъ. Въ двухъ простѣнкахъ между окнами висѣли зеркала, а подъ ними тумбочки или ломберные столы. Въ срединѣ противоположной глухой стѣны стоялъ неуклюжій, огромный съ деревянною спинкою и боками диванъ (иногда впрочемъ изъ краснаго дерева); передъ диваномъ овальный большой столъ, а по обѣимъ сторонамъ дивана симетрически выходили два ряда неуклюжихъ креселъ, отъ четырехъ до шести въ каждомъ ряду, выдающихся до середины гостинной какъ бы для засѣданій ареопага или какого нибудь комитета. Вдоль боковыхъ стѣнъ чинно стояли стулья таковаго же издѣлья, какъ диванъ и кресла. Вся эта мебель была набита какъ бы орѣховою шелухою и покрыта бѣлымъ коленкоромъ, какъ бы чехлами для сбереженія подъ нею матеріи, хотя подъ коленкоромъ была нерѣдко одна толстѣйшая пеньковая суровая ткань. Оба внутренніе угла гостиной были перерѣзаны наискосокъ двумя печьми (не всегда изразцовыми, а часто кирпичными); они отапливали задними своими зеркалами залъ и спальню. Мягкой мебели и въ поминѣ тогда не было; но въ кабинетѣ или спальнѣ нерѣдко стояла полумягкая клеенчатая зеленая софа, и тамъ же въ углу этажерка съ лучшимъ хозяйскимъ чай-

нымъ сервизомъ, затѣйливыми дѣдушкиными бокалами, фарфоровыми куколками и съ подобными бездѣлюшками. Обои были тогда еще рѣдко въ ходу; у болѣе зажиточныхъ стѣны окрашены были желтою вохрою, яркою мѣдянкою, лазуревою или малиновою краскою, а потолки расписаны гирляндами цвѣтовъ, плодовъ, перемежающихся съ попугаями, райскими птицами и другими неизвѣстными въ зоологіи животными, клюющими иногда лазуревыя вазы. Впрочемъ, такъ какъ эти предметы были иногда работою доморощеннаго живописца, трудно было опредѣлить, что̀ именно они должны были изображать. Въ усадебныхъ же домахъ съ меньшими претензіями, или съ меньшими житейскими средствами, стѣны и потолки были безразлично вымазаны мѣломъ. Въ темный упомянутый корридоръ выходили двѣ-три комнатки съ окнами на дворъ, для хозяйскихъ дѣтей или для гостей, весьма низенькія, если домъ былъ двухэтажный, или съ мезониномъ, потому что мезонинъ выходилъ окнами также на дворъ, между тѣмъ какъ залъ, гостинная и спальня подходили подъ чердакъ. Въ мезонинъ вела узенькая немного шире аршина лѣстница изъ коридора.

Въ теперешнее время уѣздный общественный бытъ мелкопомѣстныхъ и даже средней руки помѣщиковъ (правильнѣе землевладѣльцевъ) совершенно почти исчезъ, судя по видѣнному мною въ разныхъ мѣстностяхъ; но въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ хозяева описанныхъ сѣренькихъ некрашенныхъ домиковъ безпрестанно разъѣзжали одинъ къ другому, и было уѣздное многочисленное общество, члены коего, если не всѣ, выписывали беллетристическіе журналы, не спорили о правахъ и значеніи женскаго пола въ общественномъ строю, но жили дружно, по ихъ понятіямъ весело и рѣшали удобопримѣняемые на практикѣ хозяйственные вопросы совсѣмъ не по теоріямъ Таера и прочихъ заграничныхъ агрономовъ.

При моемъ имѣніи было достаточно лѣсовъ, но по какому-то искони заведенному феноменальному или патріархальному порядку лѣса эти принадлежали будто-бы крестьянамъ, а господскій лѣсъ былъ только въ отхожихъ пустошахъ. Говорили, что это произошло потому, что лѣса были запущены крестьянами на ихъ тягловыхъ земляхъ; но объ этомъ я не счелъ нужнымъ справляться по стариннымъ планамъ и документамъ, и по моей обычной *обломовщинѣ* предоставилъ крестьянамъ пользоваться этими лѣсами по прежнему.

Распустивъ давно свою малолѣтнюю, оказавшуюся опасною, милицію, я принялся съ подобнымъ же увлеченіемъ составлять пѣвческій

хоръ подъ управленіемъ почтеннѣйшаго протопопа моей церкви о. Ивана Соколова, любителя этого дѣла*). По скудости басо́въ въ хорѣ и по собственному своему дилеттантизму, я взялся за эту партицію и пѣвалъ на клиросѣ съ своимъ хоромъ; однакоже, будучи самъ порядочнымъ опернымъ пѣвцомъ, я не сумѣлъ образовать какъ слѣдовало свой хоръ, оставшійся до конца весьма посредственнымъ, хотя содержаніе его недешево мнѣ обходилось, и хотя, не имѣя самъ постояннаго пребыванія въ Порзняхъ, я нанималъ настоящаго регента. Безполезное существованіе этого хора длилось до 1836 года, когда я съ женою уѣзжалъ изъ Кіева въ Италію на продолжительное, какъ мы предполагали, время.

Буколическая часть деревенской жизни не была забытою, и я отправлялся со своею ватагою на рыболовлю неводомъ въ рѣчкѣ Порзнянкѣ, перерѣзывающей мое имѣніе на двѣ ровныя почти половины.

Въ самомъ началѣ лѣта неожиданно пріѣхали ко мнѣ изъ Москвы гг. Слоанъ и Тридонъ. Второму изъ нихъ я очень обрадовался, но не первому, къ которому я тогда питалъ недружелюбное чувство. Произошла тутъ между нами какая-то непріятная сцена; я наговорилъ ему что-то оскорбительное, непростительное тѣмъ болѣе, что я этимъ нарушалъ долгъ гостепріимства, и мы съ тѣхъ поръ болѣе не встрѣчались до осени 1836 года. Въ этотъ его пріѣздъ въ Порзни онъ попытался, помню, уговорить меня уѣхать къ матери моей въ Италію; но я тогда менѣе, чѣмъ когда нибудь, былъ склоненъ къ этому. Другъ мой Тридонъ увѣрялъ меня, что г. Слоанъ захватилъ его съ собою, потому что боялся будто бы пріѣхать ко мнѣ одинъ. Конечно это шутка; но можетъ статься, что, зная о дружбѣ моей съ Осипомъ Августовичемъ, онъ надѣялся на его содѣйствіе, чтобы уговорить меня ѣхать во Флоренцію.

Между многими моими затѣями я ввелъ, по военному примѣру, ежедневные приказы на имя вотчиннаго правленія, съ замѣчаніями, выговорами, распоряженіями по мнимому хозяйству и управленію, съ моими рѣшеніями по поданнымъ мнѣ прошеніямъ, обыкновенно о сложеніи части оброка и пр. Словомъ, я завелъ такой хаосъ и безтолковщину, что, по отъѣздѣ моемъ, И. И. Грекову весьма сдѣлалось трудно совладать съ крестьянами. Приказы эти оканчивались собственноручною моей подписью и словами «быть по сему», и скрѣплялись гербовою печатью. Раздѣлилъ я также все имѣніе на два административные

---

*) Достойный этотъ священникъ, мнѣ преданный и съ которымъ я нерѣдко бывалъ въ перепискѣ, ослѣпъ и умеръ въ 1868 году.

участка съ двумя центрами въ селахъ Малыхъ Порзняхъ и Макаровскомъ съ причитающимися къ нимъ деревнями, и это безъ всякой хозяйственной потребности. Въ обоихъ участкахъ я назначилъ въ каждомъ особаго бурмистра, съ писаремъ, кассиромъ, вотчинною конторою и съ значительнымъ повышеніемъ противъ прежняго оклада всѣмъ этимъ должностнымъ лицамъ. Бурмистровъ же я нарядилъ въ кафтаны съ широкими галунами и съ серебряными булавами, на набалдашникахъ коихъ вырѣзанъ былъ семейный мой гербъ, а писарей (называемыхъ тамъ земскими) обрилъ, остригъ и облекъ въ форменные съ гербовыми пуговицами сюртуки. Этими учрежденіями я возвысилъ расходъ по вотчинному управленію до 10 тыс. р. Самъ я присутствовалъ въ немъ по утрамъ, творя судъ и расправу, выслушивалъ просьбы, клалъ резолюціи, давалъ волю мірскимъ преніямъ и приговорамъ, нравившимся моему отвлеченному полу-либерализму, по оттѣнку въ нихъ полу-автономіи *), но рядомъ съ этимъ назначалъ, увы! тѣлесныя наказанія провинившимся и по военному обыкновенію находился при ихъ исполненіи. Въ домѣ почевалъ всегда при мнѣ дежурный по очереди мальчуганъ изъ крестьянъ, въ видѣ разсыльнаго, на долю коего выпадало за ту службу какое нибудь лакомство или баловство, и все это юное поколѣніе, если не обольщаю себя, любило меня. Словомъ, хотѣлось мнѣ поиграть въ царьки, и не вѣрится почти теперь, чтобы вся эта дурь происходила въ дѣйствительности. Но о ней довольно.

Вслѣдствіе даннаго Тридону слова пріѣхать въ Знаменское ко дню рожденія (20 Іюня) молодой Нарышкиной, я отправился туда съ Битмидомъ. взявъ съ собою шесть человѣкъ отборныхъ моихъ пѣвчихъ. Уговорилъ я было отца Іоанна сопровождать меня въ Знаменское, но онъ далѣе Шуи не захотѣлъ ѣхать. Боязнь-ли отлучиться безъ спросу отъ своего мѣста, или утомленіе отъ быстрой ѣзды, ему непривычной, но онъ рѣшительно отказался и чуть не заболѣлъ.

Замѣчу кстати, что тогдашняя дорога изъ Москвы чрезъ Богородскъ, Покровъ, Владиміръ, Суздаль, Шую и Лухъ была адская въ лѣтнее время. Никакого шоссе еще не было (оно открылось въ 1840 году); губернская эта дорога шла большею частію по пескамъ, тундрамъ, урёмамъ, а болотистыя нерѣдкія пространства вымощены были бревенчатыми кругляками, отъ коихъ одинаково почти ломались экипажи и людскія кости.

*) Я засталъ тамъ, дѣйствительно, нѣчто въ родѣ общиннаго начала, если не автономію. Для рѣшенія мірскихъ дѣлъ было шесть (кажется) гласныхъ старшинъ по выбору, съ коими совѣщался бурмистръ; казначей назывался мірскимъ старостою, а вотчинное правленіе приказомъ.

Свита моя была почти что прежняя, за исключеніемъ Леона, оставшагося въ Москвѣ по своимъ дѣламъ. Молодая именинница была тогда весьма интересною и быстро распускалась, по выраженію стараго времени поэтовъ, какъ роза, хотя худенькая собою, и начинала уже производить что-то въ родѣ впечатлѣнія на меня. Въ числѣ коротко знакомыхъ Е. И. Нарышкиной была сосѣдка ея княгиня Наталья Ивановна Хилкова, урожденная княжна Вадбольская, давно вдова и у которой было двое дѣтей: дочь, княжна Елисавета Михайловна, прелестное существо, умершая чахоткою въ Москвѣ въ 1835 году, и сынъ, князь Александръ Михайловичъ. Княжна была годами тремя старше молодой Нарышкиной, а князь ровесникъ послѣдней, и съ нею въ дѣтствѣ онъ игрывалъ въ куклы. Въ Знаменскомъ мы затѣяли, какъ и въ началѣ 1831 года, домашній спектакль изъ Французскихъ водевилей, который, благодаря увлекательной игрѣ и граціознѣйшей наружности княжны Хилковой, имѣлъ полный успѣхъ. При раздачѣ ролей я, какъ режиссёръ, передалъ любовниковъ на долю молодого князя Хилкова и не ошибся. Джентельменская (хотѣлось было мнѣ сказать *комильфотная*) его наружность при развитомъ уже въ немъ изящномъ вкусѣ одѣванія [1]), дѣлала изъ него отличнаго *jeune premier*. Амплуа отцевъ (père noble) я передалъ Тридону, оставивъ себѣ драматическія и комическія роли. Молодая Нарышкина не совсѣмъ охотно, не знаю почему, играла, и театръ не особенно ее забавлялъ; но она за то брала личикомъ и идеальною почти своею таліею, не уступавшею журнальной гравюрѣ модъ. Однажды нашъ фортепіанный таперъ-акомпаніатёръ, Полякъ Кунцевичъ [2]) сбился въ одномъ куплетѣ, пѣтомъ Тридономъ, къ большой досадѣ нашего *père noble*, который, прервавъ пѣніе, обратился къ публикѣ съ словами: «Ah, le malheureux! Il m'a fait manquer mon plus beau morceau». Актеры и зрители разразились хохотомъ при этой выходкѣ [3]). Помню однакоже, что чисто-Парижскій его акцентъ, хотя безъ особенно сценическихъ дарованій, давалъ ему немалое надъ нами превосходство, хотя и мы силились произносить какъ Французскіе артисты Московской тогдашней труппы. Извѣстно любому актеру, что репети-

---

[1]) Славившіеся тогда Московскіе иностранные портные были: Сатіасъ, Шиллингъ, и Тепферъ, Матьё, Пиготъ, и второе уже поколѣніе Московскаго старожила Занфтлебена. Я много тратилъ у Матьё, но никогда не дошелъ до искусства хорошо одѣваться.

[2]) Онъ долго жилъ въ Серпуховѣ уроками на фортепіано и тамъ умеръ чахоткою въ 1848 году.

[3]) (Ахъ, злодѣй! Отъ него не удалось мнѣ спѣть самое лучшее). Сыграны были нами водевили „Le suisse de l'hôtel"; и „L'art de payer ses dettes", а въ антрактѣ я пропѣлъ пѣснь разбойника „Что отуманилась зоренька ясная", А. Е. Варламова, въ надлежащимъ полномъ костюмѣ, и также не безъ приключенія. Когда раздался свистъ (принадлежность этой аріи), собачка молодой Нарышкиной прыгнула на сцену и принялась лаять на меня.

ціи бываютъ веселѣе, чѣмъ представленія, когда участвующіе интимны между собою. Шитье нарядовъ и театральныхъ костюмовъ пріятно озабочиваютъ матушекъ, дочерей-актрисъ; мужская-же половина артистовъ превращается въ архитекторовъ, механиковъ и живописцевъ. Къ послѣдней категоріи принадлежали я и Битмидъ, отличный ландшафтный рисовальщикъ. Изъ подъ непривычныхъ нашихъ кистей, при клейвыхъ краскахъ, являлись новыя декораціи и возобновлялись старыя, работы доморощеннаго, но талантливаго артиста изъ дворовыхъ Абакумова. Особенно потѣшало насъ хоровое пѣніе Французскихъ куплетовъ моими Порзненскими пѣвчими съ Русскимъ ихъ акцентомъ.

Одна строфа выходила у нихъ такимъ образомъ:

Ну закуропъ авекъ плезиръ,
Пуръ селебрѐ сетъ алліансъ.
Се ла ботѐ, се ла нессансъ,
Киси ламуръ ва реюниръ.

Публика была довольно многочисленна, пріѣзжали изъ отдаленныхъ даже мѣстъ. Не изъ послѣднихъ въ аплодисментахъ былъ тучный Французъ г. Моро̀, бывшій когда-то гуверперомъ князя Дмитрія Алексѣевича Щербатова и продолжавшій жизнь до конца въ домѣ матери своего воспитанника, княгини Анны Ивановны Щербатовой, пріѣзжавшей каждое лѣто въ свое имѣніе с-це Высокинцы, Тарусскаго уѣзда, и дѣлами ея завѣдывалъ г. Моро̀. Современникъ отца моего, г. Моро̀ помнилъ артистическую его игру на домашнихъ спектакляхъ, «haute comédie», и имѣлъ любезность сказать мнѣ, что драматическій талантъ, повидимому, наслѣдственное дѣло въ нашемъ семействѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ мнѣ о поразительномъ сходствѣ между княжною Хилковою и королевою Гортензіею, дочерью Жозефины и матерью нынѣшняго императора Наполеона, слывшею красавицею.

Изъ ближнихъ сосѣдей Е. И. Нарышкиной и старыхъ ея знакомыхъ было семейство Веселовскихъ, состоявшее изъ стараго холостяка Петра Ильича и трехъ его сестеръ старухъ-барышень, Анны, Авдотьи и Татьяны Ильинишенъ, доживишхъ до 80 и болѣе лѣтъ. Первую изъ этихъ двухъ звали въ семействѣ *«ма сёръ Юдоксъ»*; она управляла всѣмъ домомъ, держала своего *монъ фрера* почти какъ бы подъ опекою, а своихъ сестеръ въ *решпектѣ*. Младшая, Татьяна Ильинишна, переименована была, по провинціальному обычаю, въ Темиру. Отставной капитанъ со временъ Суворовскаго Итальянскаго похода, Петръ Ильичъ Веселовскій былъ человѣкъ добрѣйшей души, любилъ общество и долго былъ Тарусскимъ уѣзднымъ предводителемъ, обстоятельство, составляв-

шее календарную эпоху въ его жизни, нѣчто въ родѣ того, какъ кража окороковъ у Гоголевскаго Плюшкина, и потому для указанія времени какого нибудь случая онъ вставлялъ «въ тѣ поры-съ я былъ предводителемъ». Единственною его прихотью было провести два, много три зимніе мѣсяца въ Москвѣ, поиграть въ вистъ (въ чемъ онъ отличался) въ Англійскомъ клубѣ; но *ма сёръ Юдоксъ* была на этотъ счетъ безжалостна и не каждогодно удовлетворяла его желанію. Въ эти поѣздки она одна сопровождала его; обѣ другія сестры безвыходно жили въ с-цѣ Салтыковѣ, и если вѣрить слуху, то Анна Ильинишна никогда въ жизни не бывала въ Бѣлокаменной, отъ которой Салтыково было не болѣе 115 верстъ, слухъ, который она всегда опровергала съ негодованіемъ. На продовольствіе Московской жизни брата съ сестрою и ихъ прислуги высылался туда обозъ съ мукою, капустою и даже съ солеными огурцами. Оставшимся дома сестрамъ привозилось нерѣдко въ гостинецъ по куску недешевой матеріи на платье, и такіе куски накоплялись и хранились нешитыми въ комодѣ Анны Ильинишны. Говорятъ, что выдавалось остальнымъ двумъ сестрамъ по 300 р. въ годъ на ихъ туалетъ и карманныя деньги. Во всемъ остальномъ онѣ были какъ нѣмыя фигурантки въ балетѣ: безъ спроса сестры-хозяйки не смѣли брать ни одну лошадь съ конюшни, или дать приказаніе буфетчику. Помню, однажды (въ позднѣйшее время) Анна Ильинишна обѣщала женѣ моей пріѣхать въ какой-то назначенный день; но какъ обѣщаніе дано было безъ предварительнаго на то согласія *ма сёръ Юдоксы*, то послѣдняя, узнавъ о томъ, будто-бы нарочно разослала въ тотъ день всѣхъ кучеровъ въ разныя стороны и тѣмъ помѣшала поѣздкѣ своей сестры къ намъ. Состояніе Веселовскихъ было весьма хорошее, около 1000 душъ безъ всякихъ долговъ. Въ Тарусскомъ имѣніи, гдѣ они жили, было около 200 душъ; остальныя, около 800, въ Тульской губерніи, всё въ общемъ владѣніи, безъ раздѣла между ними *).

Салтыковскій садъ былъ регулярный, «*à là francaise*», съ аллеями стриженныхъ стѣнами ёлокъ и торчащими, какъ гречневики, кронами. Передъ домомъ квадратная площадка съ кустами розъ, до коихъ не дозволялось прикасаться. Домашняя обстановка была довольно грязная, хотя рѣдкій день проходилъ безъ гостей, и скупость хозяйки Юдоксы высказывалась во всемъ. Обыденный и праздничный столъ былъ одинаковъ, весь изъ домашней провизіи, съ неизбѣжнымъ *холоднымъ* (т. е. первымъ блюдомъ послѣ супа) изъ ветчины съ сушенымъ горошкомъ;

---

*) Петръ Ильичъ Веселовскій умеръ въ 1854 году. Наслѣдникъ всего родоваго и благопріобрѣтеннаго ихъ имѣнія—молодой Зубовъ, женатый на Кокошкиной.

въ болѣе торжественные дни подавался вмѣсто соуса пудингъ съ сабаіономъ. Пиръ на весь уѣздъ, съ танцами подъ звуки квартета изъ своихъ дворовыхъ, бывалъ разъ въ годъ, въ лѣтнюю Казанскую, праздновавшуюся, не знаю почему, въ Салтыковѣ (гдѣ церкви никакой не было, а приходскою церковью усадьбы была Спасъ-Городище, въ 4-хъ оттуда верстахъ). День этотъ съ нетерпѣніемъ ожидался недоросшими уѣздными барышнями, въ томъ числѣ молодой Нарышкиной и ея подругою Настасьей Алексѣевной Бородулиной. Парадное отдѣленіе дома, съ расписанными стѣнами и плафонами, запертое въ буднее время и не топившееся зимою, отворялось настежъ и освѣщалось. Празднество начиналось обѣдомъ, на которомъ мѣста указывались гостямъ по табели о рангахъ и по общественному положенію всякаго въ уѣздѣ. Какъ ни длинна была столовая, но въ ней всѣ не могли помѣститься, и второразрядный столъ былъ въ сосѣдней комнатѣ. За жаркимъ наливалось почетнѣйшимъ изъ гостей по бокалу Шампанскаго, при чемъ намуштрованный оффиціантъ лилъ *свысока*, чтобы пѣна сильнѣе била и бокалъ казался бы полнымъ. Менѣе почетнымъ наливалось по бокалу Донскаго, а третьему разряду (состоявшему изъ мелкаго люда земскаго и уѣзднаго судовъ, казначейства и дворянской опеки) наливалось бурое Цимлянское, но все таки въ Шампанскихъ бокалахъ. *Ма сёръ* въ эти дни не садилась никогда за столъ, а обходила гостей, разговаривая съ ними, сама же въ промежуткахъ закусывала чѣмъ нибудь въ дальнемъ своемъ кабинетѣ. Прислуга соотвѣтствовала вполнѣ обстановкѣ дома и состояла изъ посѣдѣвшихъ, полуслѣпыхъ и хромыхъ лакеевъ. Для Казанскаго пиршества напяливались на нихъ синіе фраки допотопныхъ временъ, но послѣ разъѣзда гостей фраки тотчасъ отбирались и поступали въ кладовую до слѣдующаго торжественнаго случая. Между лакеями первенствоалъ (и теперь еще, кажется, въ живыхъ) извѣстный всему уѣзду Филатка, музыкантъ, живописецъ и землемѣръ. Его артистическою кистью были украшены стѣны малой гостинной съ узорами подъ обои: работа чрезвычайно копотная, но изрядно весьма удавшаяся. Женская прислуга не имѣла у трехъ сестеръ иной клички, какъ Клашка (Клавдія), Матрешка, Настька; но эти Клашки и Настьки были себѣ на умѣ, и говорятъ, что по смерти своихъ трехъ барышень которая-то изъ нихъ купила себѣ домикъ въ Тулѣ. О лѣтахъ Анны Ильинишны можно было угадывать приблизительно по тому, что она выѣзжала будто бы взрослою барышней въ Смоленскѣ на балы бывшаго тамъ губернаторомъ Степана Степановича Апраксина, то есть, если не ошибаюсь, въ царствованіи Екатерины. Она была столь бодра, что въ 50-хъ годахъ (когда ей было *minimum* 70 лѣтъ) собственноручно выдѣлывала огром-

ный клумбъ въ своемъ цвѣтникѣ и однажды зимою съ 1857 на 1858 г., пріѣхавъ на балъ за 36 верстъ къ уѣздному предводителю Дмитрію Александровичу Черткову, она засидѣлась тамъ до 5 часовъ утра и не ложась уѣхала домой въ возкѣ. Хорошій нашъ знакомый артиллеристъ, нынѣ полковникомъ, г. Зиминскій утверждалъ, что четверо Веселовскихъ до того дожили, что потеряли способность умирать; но время взяло свое: всѣ эти типическія личности переселились помаленьку и поочередно въ тотъ міръ, «идѣже нѣсть болѣзни, печали, ни воздыханія», соблюдъ щедрою рукою Господню заповѣдь «блаженны милостивіи, яко тіи помилованы будутъ», тогда какъ въ свѣтѣ они казались скрягами. Миръ праху ихъ! Авдотья Ильинишна завѣщала, кажется, около 10 т. р. на перестройку приходской ихъ церкви.

Другой сосѣдъ, съ которымъ Е. И. Нарышкина находилась искони въ дружескихъ отношеніяхъ, былъ Ростиславъ Өомичъ Голубицкій, человѣкъ всѣми уважаемый, обремененный многочисленнымъ семействомъ при весьма ограниченныхъ средствахъ къ жизни; у него было всего, если не ошибаюсь, около 40 душъ *). Образованіемъ своимъ, манерами, чистымъ выговоромъ Французскаго языка, которымъ свободно владѣлъ, онъ рѣзко выдавался изъ уровня мелкопомѣстныхъ и даже зажиточныхъ его сосѣдей. Онъ происходилъ изъ хорошаго, дворянскаго, хотя бѣднаго рода (можетъ быть, Польскаго), воспитывался въ домѣ князя Михаила Яковлевича Хилкова и остался *своимъ человѣкомъ* въ этомъ домѣ; а по сосѣдству имѣнія Хилковыхъ, с. Ильинскаго, съ Знаменскимъ Ростиславъ Өомичъ былъ также въ дружественныхъ отношеніяхъ съ тестемъ моимъ, Иваномъ Васильевичемъ Нарышкинымъ, со времени общей ихъ молодости. Этотъ князь Хилковъ былъ музыкантомъ и первою скрипкою въ своемъ оркестрѣ изъ крѣпостныхъ; а такъ какъ и Р. Ө. Голубицкій мароковалъ съ молодости на какомъ-то инструментѣ, то они вдвоемъ отправлялись на бѣговыхъ дрожкахъ съ своими инструментами подъ мышкою изъ Тарусскаго имѣнія въ Москву для участія тамъ въ концертѣ и, выкормивъ тамъ лошадь или переночевавъ, тѣмъ же порядкомъ возвращались домой на слѣдующій день. Вотъ какъ не гнались тогда за комфортомъ въ путешествіяхъ по дорогамъ еще не шоссейнымъ. Г. Голубицкій долго былъ уѣзднымъ судьею на тогдашнемъ окладѣ въ 300 р., и совсѣмъ тѣмъ онъ былъ недоступенъ ни для какого рода взяточничества, въ скорбной тогдашней

*) Дѣти его долго послѣ его смерти, въ 40-ыхъ годахъ, получили изрядное наслѣдство, обще съ ихъ родственниками Мансуровыми и Шатиловыми, и пріобрѣли покупкою двѣ Тарусскія подгородныя деревни Бояково и Сутормино съ водяною мельницею но до того времени они жили въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ.

общей почти атмосферѣ лихоимства. За то и убогое его гнѣздо с-це Почево, съ господскимъ домомъ, крытымъ соломою, до конца жизни владѣльца въ залогѣ въ Опекунскомъ Совѣтѣ, то и дѣло что подвергалось описи и продажѣ, и если бы не выручалъ изъ бѣды родной его братъ, Евграфъ Ѳомичъ, директоръ Московской Сохранной Казны, то пришлось бы семейству Голубицкихъ идти хоть по міру. У Ростислава Ѳомича сохранились также отъ высокаго круга, въ коемъ онъ вращался въ молодости, гастрономическія наклонности, и когда, немного позднѣе, я привезъ съ собою въ Знаменское, гдѣ уже я принятъ былъ женихомъ, отличнаго повара, то Голубицкій, наканунѣ званаго моего обѣда, приготовлялъ свой желудокъ пургаицомъ для лучшей оцѣнки моего вателя и для бо́льшаго, конечно, вмѣщенія въ довольно и безъ того округленное свое брюшко этихъ образцовъ Французскаго повареннаго искусства.

Изъ пяти его дочерей старшая, Клеопатра Ростиславна, вышла за медика Лебедева (сына досточтимаго старца, протоіерея Петропавловской церкви на Басманной, что̀ у Красныхъ воротъ) и вскорѣ овдовѣла; Аріадна Ростиславовна за Тарусскаго помѣщика Петра Марковича Хрущова; Ларисса Ростиславовна осталась незамужнею и сдѣлалась какъ бы членомъ семейства у меня, послѣ моей женитьбы; Прасковья Ростиславна вышла за профессора Петербургскаго университета г. Сомова; Елисавета Ростиславовна за Тарусскаго мелкопомѣстнаго г. Жихарева, а Александра Ростиславовна, присвоившая себѣ монополію семейной красоты, умерла молодою дѣвицею. Изъ двухъ сыновей г. Голубицкаго, Михайло и Евграфъ, оба нынѣ умершіе, первый оставилъ потомство, а второй былъ холостякомъ.

Въ этой части Записокъ я упомяну лишь вскользь о дальней родственницѣ Нарышкиныхъ, Авдотьѣ Ивановнѣ Нарышкиной, безвыѣздно жившей въ своемъ имѣніи Тарусскаго уѣзда, с. Лопатинѣ, о коей придется говорить впослѣдствіи. Забѣгаю впередъ упомянуть только, что въ теченіе тридцати лѣтъ с. Лопатино было источникомъ, изъ коего изливались щедрою рукою пособія по всему уѣзду безъ ограниченія сословій, развѣ только въ томъ отношеніи, что для существенной помощи мелкимъ дворянамъ размѣръ пособія былъ много значительнѣе, чѣмъ для низшихъ сословій. Авдотья Ивановна никогда не была замужемъ, и по смерти ея, въ глубокой старости, въ 1854 году, весь уѣздъ какъ бы осиротѣлъ, и гостепріимный ея домъ остался нынѣ незамѣнимымъ для мѣстнаго общества *). У нея были двѣ сестры: княгиня

*) Носился слухъ, что почтенная А. И. Нарышкина не вышла никогда замужъ потому будто-бы, что не могла быть женою человѣка избраннаго ея сердцемъ. Человѣкъ

Анна Ивановна Щербатова и г-жа Бахметева, мать Николая Ѳедоровича и Анны Ѳедоровны, взятыхъ на воспитаніе Авдотьею Ивановною. Племянницу она выдала замужъ за князя Николая Ѳедоровича Голицына (брата статсъ-секретаря при Комиссіи Прошеній князя Александра Ѳеодоровича), а Николая Ѳедоровича Бахметева (женившагося въ 1835 году на Варварѣ Александровнѣ Лопухиной) она сдѣлала своимъ наслѣдникомъ. Изъ двухъ же дочерей княгини Анны Ивановны Щербатовой одна вышла за Степ. Степ. Мельгунова (домъ коего былъ въ 30-ыхъ годахъ на Петровскомъ бульварѣ), а вторая, княжна Елена Алексѣевна, вышла за г. Толстаго, занимавшаго, если не ошибаюсь, видную должность въ Министерствѣ Удѣловъ.

По старинному Русскому помѣщичьему быту, при с. Знаменскомъ (менѣе 200 крестьянъ) числилось до 60 дворовыхъ душъ. Изъ нихъ годныхъ для прислуги едва ли была половина, а остальные были старики и малолѣтніе. У Елисаветы Ивановны было *вверху* (дворовый терминъ, обозначавшій барскій домъ) до семи, помнится мнѣ, молодыхъ горничныхъ дѣвушекъ и двѣ старухи-ключницы, между тѣмъ какъ собственно за нею и за ея дочерью ходили только двѣ дѣвушки. Насмѣшники утверждали, что у барыни было по одной отдѣльной горничной для всякой части ея туалета, въ томъ числѣ, по одной-де, на каждый ея башмакъ; но въ сущности, барыня готова была бы сбыть съ рукъ большинство своихъ нимфъ, да некуда было ихъ дѣвать. Не препятствовала она никогда имъ выходить замужъ, но на ихъ бѣду жениховъ не было, и потому Елисавета Ивановна обрекла ихъ, поневолѣ, на вышиваніе въ пяльцахъ и плетеніе кружевъ, безъ всякихъ спекулятивныхъ цѣлей сбыта ихъ работы, а для того только, чтобы дѣвки не баловались, тѣмъ болѣе, что изъ нихъ были три совершенныя красавицы. Изъ двухъ лакеевъ одинъ, престарѣлый Иванъ Желыбинъ, служилъ своимъ господамъ до третьяго ихъ поколѣнія, и когда барыня выѣзжала въ гости въ громадной своей шестимѣстной каретѣ, служившей

этотъ былъ Петръ Ивановичъ Юшковъ, извѣстный въ свое время большимъ своимъ состояніемъ и огромнымъ домомъ, что на Мясницкой насупротивъ Московскаго почтамта, и разорившійся до тла. Въ этомъ бѣдственномъ положеніи я однажды встрѣтилъ его уже старикомъ въ Петербургѣ въ 1845 или началѣ 1846 года въ домѣ умершей нынѣ Варвары Александровны Шатиловой. Какія именно были причины, препятствовавшія А. И. Нарышкиной выйти за П. И. Юшкова, еще въ полномъ блескѣ возраста и состоянія, не знаю; но по разсказамъ современниковъ кажется, что онъ былъ однимъ изъ видныхъ охотниковъ до барскихъ затѣй своей эпохи, если судить по тому, что у него были дрессированы по нѣскольку изъ простыхъ его крестьянскихъ дѣвокъ, танцовщицъ Французской кадрили, для чего онѣ являлись на барскій дворъ одѣтыми во Французское платье въ перчаткахъ на рукахъ прямо, такъ сказать, отъ полевыхъ работъ, чтобы быть импровизированными бальными дамами для пріѣзжихъ изъ Москвы великосвѣтскихъ кавалеровъ.

ей чуть ли еще не до Московскаго пожара, Желыбинъ, при спускѣ съ каждой крутой горы, слѣзалъ съ запятокъ кареты (гдѣ онъ по старинному держался стоя на балансѣ) и шелъ рядомъ съ экипажемъ, держась за ручку дверей съ той стороны, гдѣ сидѣла его госпожа, чтобы въ случаѣ-де паденія кареты онъ могъ ее поддержать [1]). Тщетно всѣ мы силились доказывать Елисаветѣ Ивановнѣ, что эта предосторожность ни къ чему не вела, а подвергала посѣдѣвшаго личарду опасности быть раздавленнымъ, въ случаѣ паденія экипажа на его сторону. Въ числѣ дворовыхъ былъ нѣкій Павелъ Николаевичъ (окончаніе отчества на *ичъ*, вмѣсто Николаевъ, уже говоритъ явно, что онъ не стоялъ на ряду съ прочими), бывшій дядька при всѣхъ дѣтяхъ Нарышкиныхъ [2]), и потому оставшійся въ домѣ на болѣе почетной ногѣ. Типъ этихъ стариковъ совершенно нынѣ исчезъ. Пользуясь свободою слова въ гостинной, Павелъ Николаевичъ никогда не забывался; манеры и языкъ его были облагорожены; одѣтъ онъ былъ чище прочихъ; правда, что въ описываемое мною время уже никакой службы отъ него не требовалось, и онъ оставался до конца предметомъ игривыхъ, безвредныхъ шалостей своихъ взрослыхъ уже питомцевъ, коихъ онъ по прежнему сопровождалъ на гуляніе *для близиру* ихъ. Его пугали, дѣлали всѣ возможныя штуки, мучили его, кланяясь ему въ ноги, и испугъ или конфузъ его забавлялъ всѣхъ. Но, пользуясь столь высокимъ положеніемъ при своихъ господахъ, онъ никогда не сплетничалъ и не важничалъ передъ своими собратіями. Была у Павла Николаевича одна неодолимая страсть: воспитывать скворцевъ и учить ихъ говорить и насвистывать пѣсни подъ органчикъ. Выучилъ онъ одного скворца ясно выговаривать: «Хозяинъ, гость пришелъ», и также «Христосъ воскресе»; но ученый пернатый сбился какъ-то съ толку (по наущенію будтобы проказниковъ господскихъ дѣтей) и началъ кричать: «Хозяинъ воскресе, Христосъ, гость пришелъ», или что-то въ этомъ родѣ. «Ахъ, ты окаянная тварь», кричалъ соблазненный набожный старикъ; «постой же, я тебя проучу», и принялся сѣчь скворца прутикомъ, и увѣрялъ впослѣдствіи, что отучилъ птицу отъ подобнаго вранья.

Въ началѣ осени 1833 года, по переданной мнѣ просьбѣ отъ брата моего графа Петра Дмитріевича прибыть къ нему въ Бутурлиновку, куда онъ отправился прямо изъ с. Тепловки, Полтавской губ.,

---

[1]) Должность *ухабничаго* у старыхъ царей. П. Б.

[2]) Онъ былъ еще дядькою при малолѣтней Софьѣ Ивановнѣ и таковымъ удостоился чести быть помѣщеннымъ въ Бѣлкинской карикатурной книгѣ нашего буфетчика Ивана Бѣшенцева.

Пирятинскаго уѣзда, имѣнія жены его *), я поѣхалъ туда съ Битмидомъ и засталъ тамъ, у брата, повѣреннаго по всѣмъ его дѣламъ, И. А. Кавецкаго. Поѣздка ихъ туда мотивирована была непріятнымъ и непредвидѣннымъ случаемъ бунта тамошнихъ крестьянъ-Малороссіянъ, происшедшимъ сколько отъ всеобщаго въ томъ году голода, столько же отъ ненависти къ управлявшему имѣніемъ Нѣмцу Дöрбергу, который завѣдывалъ сначала однимъ тамошнимъ коннымъ заводомъ, но къ которому братъ мой имѣлъ полное довѣріе. Всѣ увѣщеванія возвратиться къ должному повиновенію остались напрасными, и передано было мнѣ впослѣдствіи, будто-бы упорные Хохлы отважились сказать своему помѣщику: «какъ же намъ вѣрить тебѣ, когда ты измѣнилъ закону предковъ твоихъ?» Но я этому не совсѣмъ вѣрю, хотя дѣйствительно, насколько я самъ могъ замѣтить, братъ мой почти уже не скрывалъ перехода своего въ Латинство. Для усмиренія крестьянъ онъ вынужденъ былъ потребовать близъ расположенный кирасирскій эскадронъ. Все это произошло до моего еще туда пріѣзда; при мнѣ же началось разбирательство правыхъ и виноватыхъ безъ содѣйствія ушедшей уже команды. Братъ мой одновременно приступилъ къ рѣшительнымъ мѣрамъ сократить обременительный расходъ на содержаніе колоніи дворовыхъ людей, возросшей до баснословной цифры, кажется, около 700 душъ. Давалъ онъ имъ отпускныя безденежно, но ихъ не охотно брали эти тунеядцы.

На Бутурлиновскомъ конномъ заводѣ я снова свидѣлся съ лейбъ-гусарскимъ моимъ парадиромъ Заиграемъ, уже въ качествѣ производителя, и хотя этотъ *амплуа* дѣлаетъ обыкновенно заводскихъ жеребцовъ чрезвычайно злыми, онъ однакоже дозволилъ мнѣ быть опять своимъ сѣдокомъ по случаю охоты съ борзыми. Братъ мой пріобрѣлъ его у О. А. Тридона (которому конь этотъ былъ мною подаренъ взамѣнъ зарѣзаннаго моимъ Сербомъ) за верховую 4-хъ лѣтнюю лошадь Бутурлиновскаго завода и съ 300 р., кажется, придачи. Не упомянулъ я, что братъ мой, занимавшійся лѣтъ 15 со страстію и съ полнымъ знаніемъ конноваводскимъ дѣломъ, уже въ началѣ 30-ыхъ годовъ убѣдился, что для верховыхъ даже породъ лошадей тонкія ноги (дотолѣ преобладавшія повсюду въ подражаніе Англійскихъ скаковыхъ лошадей) никуда не годятся, и потому началъ вводить у себя ширококостныя ноги, сохраняя при томъ прочія условія кровной породы.

*) Превосходное это имѣніе, кажется, больше 6000 душъ, присуждено было Осипу Игнатьевичу Понятовскому, послѣ долгихъ хлопотъ по тяжебному дѣлу съ графомъ Завадовскимъ. Оно представляло собою бóльшую цѣнность чѣмъ было первоначальное приданое невѣстки моей, но передано оно было ей отцемъ ея на извѣстныхъ условіяхъ, о которыхъ упомянется впослѣдствіи.

Когда порядокъ былъ возстановленъ въ Бутурлиновкѣ, братъ и я поѣхали навѣстить тетку нашу Прасковью Артемьевну Тимофееву въ ея имѣніе с. Воронцово, Тамбовской губерніи и уѣзда, отстоящее около 150 верстъ отъ Бутурлиновки, степями и проселочными дорогами. Тетки тогда тамъ не было: она помѣщала старшаго своего сына Евгенія Александровича (род. въ 1818 г. † 1861 г.) въ Петербургское Артиллерійское Училище. Оставались дома мужъ ея Александръ Ульяновичъ († 1838), малолѣтній второй сынъ Артемій († 1862), прозванный въ семействѣ Артюромъ, и три дочери: Аделаида, Надежда и Елисавета. Старшей изъ нихъ, Аделаидѣ, было тогда около 14 лѣтъ *). При дѣтяхъ Тимофеевыхъ была гувернанткою нѣкая мадамъ Матернъ, особа чрезмѣрно болтливая, но умная, какъ доказывало то, что она властвовала надъ всѣми въ Воронцовѣ, въ томъ числѣ и надъ моею теткою. Въ тамошнемъ домѣ имѣлась и понынѣ имѣется полная фамильная галлерея портретовъ Воронцовыхъ обоего пола, а также мужей графинь изъ этого дома, въ томъ числѣ Василія Сергѣевича Нарышкина, дѣда моей жены, и моихъ родителей, писанныхъ въ ихъ молодости; тутъ и портретъ Артемія Волынскаго, Бироновской жертвы. Я слыхалъ, что другая подобная галлерея Воронцовыхъ имѣется въ с. Андреевскомъ, Владимирской губ. Покровскаго уѣзда, принадлежащемъ князю С. М. Воронцову, гдѣ умеръ въ началѣ столѣтія канцлеръ графъ А. Р. Воронцовъ.

Передамъ слышанный мною анекдотъ о дядюшкѣ Александрѣ Ульяновичѣ. Подверженный разстройству мочеваго пузыря, онъ часто долженъ былъ выходить для естественной нужды. Однажды въ гостяхъ, сидя за карточнымъ столомъ, въ лѣтнее время, онъ часто выходилъ для этого въ садъ; но, желая вѣроятно скрыть это обстоятельство и для придачи себѣ, какъ говорится по французски, *une contenance*, возвращался въ комнату съ цвѣткомъ или обломкомъ вѣтки въ зубахъ, какъ бы выходилъ для того, чтобъ подышать свѣжимъ воздухомъ, при видѣ чего одинъ изъ его партнёровъ сдѣлалъ замѣчаніе, что m-r Timoféeff, какъ Ноева голубица, возвращается въ ковчегъ съ масличною вѣтвію въ клювѣ, предвѣщающей конецъ потопа. Онъ былъ добрѣйшій человѣкъ, старался угождать во всемъ своей женѣ, но находился почти что подъ опекою у своей старухи - матери, дѣловой до конца барыни, пережившей сына. Его отецъ былъ разбогатѣвшій откупщикъ не изъ

*) Она вышла замужъ за князя Николая Григорьевича Голицына, умерла чахоткою въ Пизѣ въ 1847 году и похоронена на Ливорнскомъ Греческомъ кладбищѣ, оставивъ шестимѣсячнаго сына князя Григорья Николаевича Голицына. Тетка моя скончалась въ 1842 году.

дворянъ, и потому въ нашемъ семействѣ смотрѣли (довольно впрочемъ основательно) на бракъ тетки нашей, какъ на *mésalliance*. Бракъ этотъ состоялся, кажется, по случаю разстроенныхъ дѣлъ дѣдушки нашего графа Артемья Ивановича Воронцова, не за долго до его смерти, въ 1812 году или въ началѣ 1813-го, не съ тѣмъ чуть ли условіемъ, чтобы с. Воронцово, очищенное отъ лежавшихъ на немъ долговъ, оставалось собственностію его дочери. У Александра Ульяновича были двѣ сестры за Тамбовскими помѣщиками г.г. Чубаровымъ и Сабуровымъ; сыновьями послѣдняго были Александръ Ивановичъ и Петербургскій недавно умершій богачъ Андрей Ивановичъ. Забѣгая впередъ, упомяну, что меньшая изъ моихъ кузинъ, Елисавета Александровна вышла замужъ въ 1844 за Андрея Евграфовича Кикина, чрезъ годъ съ небольшимъ овдовѣла и въ 1861 году вторично вышла за Константина Аркадьевича Болдырева, хотя онъ моложе ея на десять лѣтъ. Средняя изъ сестеръ, Надежда Александровна, съ которою я нахожусь уже болѣе 20 лѣтъ въ самой тѣсной дружбѣ, вышла замужъ въ 1850-мъ году за морского офицера (нынѣ умершаго) Василія Артамоновича Гавришенко

Общій дѣдъ нашъ графъ А. И. Воронцовъ оставилъ по себѣ образецъ архитектурнаго своего знанія и вкуса постройкою Воронцовской церкви, хотя въ стилѣ ненавистномъ мнѣ, тогдашней эпохи. Зданіе это представляетъ правильный квадратъ, но съ фронтонами, съ колоннами съ трехъ сторонъ и выступомъ безъ колоннъ съ восточной стороны для алтаря, что́ составляетъ равноконечный Греческій крестъ. Внутри ея колонны и пилястры поддерживаютъ съ четырехъ сторонъ сводъ и куполъ, и все вмѣстѣ напоминаетъ немного и въ миніатюрѣ Петербургскій Казанскій соборъ, за исключеніемъ устроенныхъ въ стѣнахъ *нишей* (углубленій), въ которыхъ поставлены гипсовыя статуи далеко не изящной работы, иныхъ святыхъ, въ томъ числѣ св. мученика Артемія и св. мученицы Параскевы. Не говоря уже о томъ, что онѣ стоятъ какъ страшныя привидѣнія, подобная вещь несообразна съ обрядностію нашей церкви, вообще не благопріятствующей скульптурнымъ изображеніемъ святыхъ въ храмахъ, по поводу чего было въ недавнемъ времени, какъ я слышалъ, столкновеніе между нынѣшнею владѣлицею того имѣнія и мѣстнымъ епархіальнымъ начальствомъ, и я нахожу, что требованіе послѣдняго о снятіи этихъ статуй весьма было основательнымъ. Другая особенность этого храма та, что занавѣсь за царскими вратами не задергивается къ боку, какъ обыкновенно, а спускается и подымается на кольцахъ, немного по театральному. Въ самомъ куполѣ (весьма обширномъ) устроены хоры для пѣвчихъ. Мѣстные образа и огромная запрестольная картина Распятія, приписываемые кисти извѣстнаго въ началѣ столѣтія художника Тончи, чуть-ли

не принадлежать въ дѣйствительности профессору-академику Егорову; фигуры въ Распятіи массивны и неуклюжи и, сколько помню, мало вообще святости въ ликахъ Спасителя и Богородицы, даже въ мѣстныхъ иконахъ. Ужъ таковы были эти художники-подражатели Итальянской школы. Кстати скажу, что изъ всего что̀ привелось мнѣ видѣть академической иконописи начала столѣтія, только одинъ даровитый Боровиковскій рѣзко возвышается надъ своими сверстниками, какъ колоритомъ, такъ и естественностію позъ, и притомъ выраженіемъ святости, гдѣ надлежитъ. Иконостасъ Петербургскаго Казанскаго собора всегда останется образцемъ церковной живописи; а о боковой картинѣ въ томъ же соборѣ, Шебуева, изображающей св. митрополита Алексѣя или Филиппа, исцѣляющаго бѣснующаго юношу, скажу, что картина эта, по моему, ничто иное какъ рабское, хотя недурное, подражаніе Рафаэлю. Иконостасъ Воронцовской церкви, съ полуциркульнымъ углубленіемъ, состоитъ изъ ряда огромныхъ черныхъ съ вызолоченными концами копій, на которыхъ прикрѣплены мѣстныя иконы. Какъ бы то ни было, но въ общемъ церковь отзывается роскошью и изящностію, вовсе не сельскими.

Господскій двухъэтажный домъ (разумѣется каменный) съ колонадами по обоимъ бокамъ, соединяющими его съ двумя симетрическими флигелями (гдѣ находятся кухня и много квартиръ для пріѣзжихъ), носитъ старинно-вельможный отпечатокъ (seigneurial) и весь возобновленъ безъ измѣненія стиля въ 60-хъ годахъ. За домомъ садъ, регулярный, съ широкими прямыми и боковыми на крестъ аллеями, изъ вѣковыхъ гигантскихъ липъ (какія я видалъ только въ подмосковномъ Царицынѣ), посаженныхъ въ нѣсколько рядовъ; а передъ центромъ дома спускъ къ обширному пруду, заслуживающему имя озера, но къ сожалѣнію сильно заросшему камышемъ; онъ составленъ теченіемъ рѣчки Киріанъ, на которой стоитъ большая мельница, доходная статья имѣнія, принадлежащаго нынѣ двоюродной моей сестрѣ Елисаветѣ Александровнѣ Болдыревой. Кромѣ упомянутой фамильной галлереи имѣется въ домѣ многочисленная старинная и цѣнная библіотека, собранная нѣсколькими поколѣніями владѣльцевъ, въ которой, между прочимъ, есть рукописи никѣмъ еще не пересмотрѣнныя; также имѣется коллекціи цѣнныхъ гравюръ, преимущественно Англійскихъ, прошлаго столѣтія.

Тетку мою дворовые не иначе звали какъ графинею, и нынѣшнее поколѣніе продолжаетъ звать ее этимъ титуломъ, какъ водится въ Англіи, гдѣ дочь лорда никогда не теряетъ природнаго своего титула, еслибы и вышла за простолюдина, хотя принимаетъ фамилію мужа. Это зо-

вется у нихъ: a lady in her own right. Признаюсь, что я нахожу это весьма справедливымъ, тѣмъ болѣе, что она не передаетъ своего титула дѣтямъ. Тетушка же моя продолжала зваться сіятельствомъ по традиціонной, вѣроятно, привычкѣ дворни, видѣвшей ее коренною помѣщицею Воронцова.

Въ 3-хъ верстахъ отъ Воронцова есть с. Загряжчино, имѣніе графини Местръ, мужъ коей графъ Ксаверій былъ братомъ ультрамонтанскаго писателя графа Іосифа. Огромный, въ видѣ дворца, господскій домъ, свидѣтель, какъ гласитъ преданіе, многихъ роскошныхъ и частыхъ пиршествъ, стоялъ весь въ развалинахъ, напоминавшихъ остатками величія Пальмирскія руины. Графиня Местръ была послѣднею представительницею этой отрасли Загряжскихъ; сказанныя пиршества были при ея отцѣ, а домъ нынѣ возобновленъ и вмѣстѣ со всѣмъ имѣніемъ принадлежитъ графу П. С. Строгонову.

Когда мы оба возвратились въ Бутурлиновку, братъ мой получилъ письмо отъ Елисаветы Ивановны Нарышкиной, въ которомъ она просила его прибыть съ И. А. Кавецкимъ къ ней въ Нарышкинское имѣніе дѣтей ея, с. Егорьевское, Орловской губ., для содѣйствія къ возстановленію тамъ порядка, нарушеннаго частію крестьянъ, вышедшихъ изъ повиновенія, болѣе, кажется, отъ безтолковаго, чѣмъ отъ суроваго съ ними обращенія старика Степана Тихоновича (бывшаго въ дѣтствѣ пажомъ у князя Потемкина), человѣка безобиднаго и кроткаго нрава.

Туда поѣхалъ и я съ Битмидомъ. Дѣло скоро тамъ уладилось, и братъ мой съ г. Кавецкимъ вскорѣ отправились, а мы вдвоемъ остались еще недѣли на двѣ. Мѣстность тамъ полустепная, непривлекательная для постояннаго житья; небольшой, неотдѣланный внутри господскій домъ стоялъ одинокимъ и отдѣльно отъ службъ, безъ сада и безъ палисадничка, и тѣмъ казался еще болѣе неуютнымъ въ позднее осеннее время. Не скучалъ я потому, вѣроятно, что мнилось мнѣ, что я все болѣе и болѣе привязывался къ юной моей родственницѣ. Съ нами выѣхалъ оттуда О. А. Тридонъ; его мы оставили въ Знаменскомъ, лежащемъ почти что у насъ на пути, а Битмидъ и я поѣхали въ Москву по старой Калужской дорогѣ (не помню почему), и я чрезъ то имѣлъ единственный въ жизни случай видѣть знаменитое *ex* - Воронцовское вельможное гнѣздо, село Вороново, чрезъ которое вела дорога и мимо величаваго мраморнаго обелиска, стоявшаго противъ въѣзда на барскій дворъ и чуть-ли не сооруженнаго дѣдомъ матери моей, графомъ Иваномъ Ларіоновичемъ Воронцовымъ, въ память посѣщенія Воронова императрицею Екатериною.

Въ Москвѣ я снова остановился въ гостинницѣ Коппа, и нечего упоминать о томъ, что я принялся тамъ за прежніе кутежные завтраки и обѣды. Пріѣхали тогда въ Москву двое молодыхъ Англичанъ, братья Робертсоны, казавшіеся туристами съ состояніемъ, и они такъ и были первоначально приняты въ гостепріимныхъ Московскихъ салонахъ, не строго разборчивыхъ иногда къ иностранцамъ. Въ обществѣ держали они себя хорошо, одѣвались какъ слѣдуетъ, и дѣло шло какъ по маслу, пока фонды дозволяли имъ разыгрывать великосвѣтскихъ Хлестаковыхъ; но насталъ черный день, или правильнѣе вечеръ съ танцами, когда надо было объявить милѣйшимъ дамамъ, съ коими они доселѣ любезничали, что оба они не что иное, какъ искатели уроковъ Англійскаго языка за плату, или гувернерскихъ мѣстъ, для чего они надѣются на содѣйствіе этихъ вліятельныхъ салонныхъ звѣздъ. Они часто обѣдывали и чокались бокалами со мною и заявили мнѣ заранѣе о приближеніи роковаго для нихъ часа Англійскимъ изреченіемъ: «Today we must let the cat out of bag» (сегодня придется намъ выпустить кошку изъ мѣшка). Младшій изъ нихъ, человѣкъ степенный, попалъ домашнимъ учителемъ Англійскаго языка къ дѣтямъ князя Петра Дмитріевича Черкасскаго, дальняго намъ родственника, гдѣ пробылъ онъ нѣсколько лѣтъ. Старшему не повезло, въ чемъ, думаю, самъ онъ былъ отчасти причиною по склонности къ лишней рюмочкѣ и позднѣе казался мнѣ въ нуждѣ.

Однообразіе жизни у Коппа или въ ресторацій знаменитаго Яра *), съ рѣдкими посѣщеніями театровъ (въ общество я вовсе по прежнему не показывался) наконецъ надоѣло мнѣ, и я въ началѣ Декабря отправился вдвоемъ съ Батмидомъ въ мои Порзни. Мысль жениться на миловидной моей кузинушкѣ сильно овладѣла мною, и я изъ Порзней написалъ матери моей о новомъ сердечномъ моемъ состояніи, прося ея согласія и разрѣшенія сдѣлать предложеніе молодой Нарышкиной, и вмѣстѣ съ тѣмъ отправилъ возмужалаго уже почти Полячка Радзиковскаго къ брату моему въ Тепловку, прося его содѣйствія по сему дѣлу. (Странно мнѣ теперь, почему посылалъ я нарочнаго въ такую даль, тогда какъ простое письмо по почтѣ было бы достаточнымъ)... Мать моя дала свое согласіе на мой бракъ и препроводила ко мнѣ письмо свое къ Елисаветѣ Ивановнѣ Нарышкиной, прося руки ея до-

*) Яръ открылъ свое заведеніе еще въ 20-хъ годахъ на Кузнецкомъ мосту въ одноэтажномъ домѣ, гдѣ нынѣ Англійскій магазинъ Шанкса и Болена; а до него, какъ гласитъ преданіе, славился своими котлетами нѣкій Французъ Пикаръ, между 1813 и 1820 годами, ресторанъ коего былъ на Тверскомъ бульварѣ, гдѣ и понынѣ кафе-ресторанъ. Въ мое время можно было выпить и закусить въ колбасномъ хорошемъ магазинѣ м-мъ Матернъ, насупротивъ Университета.

чери для меня, и я внѣ себя отъ радости поскакалъ немедленно въ Знаменское въ первыхъ числахъ Января 1834 г., а проѣздомъ чрезъ Москву разсчелъ и оставилъ тамъ моего Англійскаго компаніона.

Въ ознаменованіе счастливаго событія помолвки, я испросилъ позволеніе задать въ домѣ Нарышкиной большой по приглашенію обѣдъ уѣзднымъ тузамъ и не тузамъ, да и кстати выказать мастерство привезеннаго со мною изъ Москвы гастрономическаго артиста (хотя изъ Русскихъ), которому я платилъ 50 р. въ мѣсяцъ: цѣна неслыханная почти въ то время. Банкетъ этотъ былъ однимъ изъ тѣхъ случаевъ, для котораго почтенный Ростиславъ Ѳомичъ Голубицкій приготовлялъ заранѣе свой желудокъ.

Положено было первоначально, чтобы свадьба наша состоялась въ Знаменскомъ той весною, и оно лучше бы вышло во многихъ отношеніяхъ, и конечно экономнѣе. Однако рѣшеніе это было отмѣнено по разнымъ причинамъ, главною изъ коихъ было изготовленіе приданаго, для покупки и шитья коего Елисавета Ивановна сочла необходимымъ съѣздить въ Москву; кромѣ того, она желала, чтобы сынъ ея находился при свадьбѣ своей сестры, и дѣло затянулось до глубокой осени. Приданаго, конечно, я никакого не требовалъ, и еще менѣе, когда черезъ это приходилось мнѣ ждать нѣсколько мѣсяцевъ; но нужно было повиноваться. Между тѣмъ, денежныя мои обстоятельства были въ наитѣснѣйшемъ положеніи. Кромѣ Порзненскаго пожара въ предыдущемъ году, заставившаго меня простить годовой оброкъ погорѣвшимъ крестьянамъ, сдѣлался отъ неурожая 1833 года повсемѣстный почти голодъ. Четверть ржи доходила въ Калужской губерніи до 28 р., тогда какъ обыкновенная цѣна стояла чуть ли не ниже 10 р. *). Отъ дороговизны хлѣба сборъ оброка въ Порзняхъ затруднялся и въ тѣхъ моихъ деревняхъ, гдѣ не было пожара. Будущая теща моя заложила въ Московскій Опекунскій Совѣтъ всю свою седьмую (вдовью) часть Нарышкинскаго имѣнія, около 60 душъ, и на эти деньги (около 12 т. р.) накупила въ Москвѣ одного почти тряпья. Для столь важной операціи мы всѣ переселились въ Іюнѣ въ Москву на все лѣто и наняли домъ Половцова, въ лабиринтѣ улицъ и переулковъ между церковью Власія и Спасомъ на Пескахъ. Замѣчу кстати о томъ лабиринтѣ, что хотя я великій пѣшій ходокъ и порядочно знаю топографію матушки бѣлокаменной, какъ жившій въ ней безвыѣздно по нѣскольку лѣтъ, но

*) Въ настоящее неголодное время (1868—1869) хлѣбъ въ Калужской губ. не выходитъ изъ 6 до 7 р., и всѣ привыкли къ таковымъ цѣнамъ, а остальные продукты возвышались почти всѣ въ таковой же пропорціи.

никогда не могъ изучить окончательно эту запутанную ея часть. Хочу выйти подъ Новинское, а попадаю на Арбатскую улицу; хочу изъ Сивцаго Вражка выйти мимо Успенія на Могильцахъ и пробраться къ Зубовскому бульвару, а вмѣсто того являюсь на Пречистенкѣ.

Передъ отъѣздомъ нашимъ изъ Знаменскаго пріѣхалъ туда въ отпускъ Алексѣй Ивановичъ Нарышкинъ офицеромъ и съ солдатскимъ Георгіемъ. Онъ былъ красавецъ, высокаго и стройнаго роста, и полу-черкесская его форма съ патронташами Нижегородскаго драгунскаго полка шла къ нему какъ нельзя болѣе. Онъ переѣхалъ съ нами въ Москву, и тогда же взята была въ домъ, въ родѣ компаніонки для моей невѣсты, Ларисса Ростиславовна Голубицкая. Расходы Московской лѣтней жизни были всѣ мои. Покуда нареченная моя теща возилась съ покупками у Майкова-Доброхотова (на Ильинкѣ), у мадамъ Лебуръ, первенствовавшей въ теченіе 40 лѣтъ въ мірѣ модъ (она составляла какъ бы звено между госпожами Оберъ-Шальме и нынѣшнею Минангуа), покуда, говорю я, Елисавета Ивановна погружена была въ эти занятія и въ совѣщанія съ нѣкоею мадамою Лакомбъ, восходящимъ тогда свѣтиломъ на горизонтѣ Кузнецкаго моста, и съ болтливою супругою куафёра Огюста, я рыскалъ по нѣскольку разъ въ Порзни подъ предлогомъ наблюденія за управленіемъ, вмѣсто чего возился все съ пѣвческимъ своимъ хоромъ или разбивалъ новый Англійскій садъ, но впрочемъ слѣдилъ за значительными новыми пристройками къ моему старому дому для помѣщенія въ немъ всего семейства будущей моей жены, имѣя все въ виду переѣхать туда на жительство. Предназначались даже компаты для Тридона и Ларисы Ростиславовны. Въ одну изъ этихъ моихъ поѣздокъ въ Порзни съ Тридономъ мы, проѣздомъ чрезъ Владиміръ, навѣстили Сергѣя Степановича Ланскаго, тамошняго тогда губернатора.

Замѣчательна была во Владимірѣ редакція надписи, долго существовавшей надъ фронтономъ дома дворянскаго собранія и гласившей, что это «домъ собранія Владимирскаго благороднаго дворянства», допуская, вѣроятно, возможность, что иные дворяне той губерніи могутъ быть и неблагородными личностями и что для таковыхъ двери храмины не отверзаются: предупрежденіе поучительное и нравственное. Не дурно было также и четверостишіе неизвѣстнаго мѣстнаго поэта надъ бесѣдкою въ городскомъ публичномъ саду:

Давъ тѣнь сію тебѣ и въ знойный день прохладу,
Полезнымъ быть всегда я цѣлію имѣлъ;
И счастливъ истинно, коль скажутъ мнѣ въ награду,
Что я любилъ тебя и другомъ быть умѣлъ.

Дозволяю также себѣ включить въ число Владимирскихъ достопримѣчательностей бывшаго тамъ въ 30-хъ или 40-годахъ архіереемъ преосвященнаго Парфенія (кажется, такъ его звали), о которомъ шли разные анекдоты; между прочимъ, на жалобу священника, имъ принужденнаго къ эпитиміи очищать архіерейскій дворъ, что «не подобаетъ-де іерейскому сану исполнять черную работу», владыко положилъ резолюцію: перевести провинившагося священнослужителя на *бѣлую* работу вывозки снѣга съ архіерейскаго двора за ограду, при чемъ онъ долженъ былъ при каждомъ взмахѣ лопатки приговаривать «и паче снѣга убѣлюся».

Лѣто 1834 г. было знойное и сухое; весною, вся почти Казань сгорѣла, а немного позже пожары свирѣпствовали въ Москвѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ. Во Владимирской и Костромской губерніяхъ лѣса горѣли въ такихъ размѣрахъ, что никто уже не помышлялъ тушить ихъ. На пути изъ Владимира въ Шую помнится мнѣ, почти до самаго заштатнаго города Луха, на протяженіи около ста верстъ, дорога шла по грудамъ пепла со сверкавшими по обѣимъ сторонамъ и въ недальнемъ отъ нея разстояніи огоньками, которые ползли по сухой травѣ; въ Москвѣ часть Рогожской и Таганки истреблены были до чиста пожаромъ, продолжавшимся нѣсколько дней сряду.

Сообразно новому моему положенію жениха, я сталъ понемногу остепеняться и не чуждаться прежнихъ своихъ знакомыхъ высшаго общества, въ томъ числѣ графа Александра Никитича Панина, прибывшаго незадолго передъ тѣмъ изъ Харькова, гдѣ онъ тогда былъ помощникомъ попечителя учебнаго округа. Я не прерывалъ совершенно моихъ съ нимъ отношеній и однажды даже отнесся къ нему какъ къ опытному садоводу о высылкѣ мнѣ въ Порзни коллекціи розъ, что́ онъ съ поспѣшностію исполнилъ. Лишь только онъ увидѣлъ меня входящаго въ его уборную, куда меня впустилъ его камердинеръ, онъ бросился ко мнѣ навстрѣчу съ намыленнымъ подбородкомъ и щеками и съ бритвою въ рукѣ и, не сказавъ даже мнѣ «здравствуй» (хотя я слишкомъ три года его не видалъ), закричалъ съ торжествующимъ видомъ: «Mon cher, nous avons à Charkoff *l'agapantus* en pleine terre»: такъ обрадовался онъ встрѣчѣ собрата-цвѣтовода.

Если нареченная теща моя тратилась на наряды дочери, то покрайней мѣрѣ тратила она наличныя свои деньги, да и тѣ до опредѣленной суммы; я же, по недостатку наличныхъ, началъ покупать для моей невѣсты обычные въ семъ случаѣ подарки въ долгъ, при содѣйствіи Леона Копенштейна, съ которымъ не переставалъ нахо-

диться въ сношеніяхъ. Охотно мнѣ довѣряли торговцы, насколько я хотѣлъ, какъ человѣку, за коимъ числялось почти три тысячи душъ, и это было вступительнымъ шагомъ къ запутыванію моихъ дѣлъ. Первымъ приношеніемъ будущей моей женѣ, по традиціонному тогдашнему обычаю, была Турецкая бѣлая шаль, стоившая что-то въ родѣ трехъ тысячъ р., если не болѣе. Это исполнено было мною еще въ Знаменскомъ; шаль же взята была у Персіянина на Лубянкѣ подъ заемное письмо, опять таки чрезъ Леона. Вслѣдъ за тѣмъ пошла *парюра* у ювелира Фульды и тому подобныя вещи, все на тѣхъ же выгодныхъ условіяхъ съ полуторными, по крайней мѣрѣ, цѣнами; но продавцы за то ждали терпѣливо уплаты. Къ довершенію всѣхъ затрудненій вотъ что случилось у меня въ имѣніи. Управляющій Грековъ, чтобы достичь полной оброчной выручки посредствомъ крестьянскихъ заработковъ, заключилъ, по имѣвшейся у него моей довѣренности, условіе съ подрядчикомъ взявшимся прокопать какой-то небольшой каналъ Владимирской губ. Гороховецкаго уѣзда въ с. Холуѣ [1]). Цѣны за работы были довольно выгодны, но отъ осенней сырости и отъ другихъ, можетъ быть, причинъ, открылась между моими крестьянами, коихъ было нѣсколько сотъ, сильная тифозная горячка, перешедшая изъ Холуя въ мои Порзни, и съ осени 1834 по начало лѣта 1835 года вымерло изъ моего имѣнія чуть-ли не до 600 человѣкъ мужскаго пола. Между тѣмъ свадьба наша назначена была въ Ноябрѣ, и деньги все дѣлались мнѣ нужнѣе и нужнѣе. Я хлопоталъ о полученіи изъ Опекунскаго Совѣта надбавочныхъ по 50 р. на душу (сверхъ залога въ 200 р.), но не успѣлъ по малоземельности крестьянъ и, можетъ быть, отчасти по накопившимся процентнымъ недоимкамъ.

Осенью надо было сдать домъ Половцова, и я нанялъ на Пречистенкѣ огромнѣйшій домъ Бибикова [2]) противъ Пожарнаго депô, гдѣ и состоялась наша свадьба. Не помѣстилъ я, гдѣ слѣдовало, что на лѣтнихъ Англійскихъ скачкахъ за Прѣсненскою заставою [3]), куда

---

[1]) Село это, равно какъ и с. Палиха (Шуйскаго уѣзда), замѣчательно тѣмъ, что всѣ тамошніе крестьяне самоучкою занимаются иконописью. Вся эта мѣстность входила когда-то въ составъ Суздальскаго воеводства (а прежде того въ княжества), и потому осталось названіе *Суздальской* живописи за этими произведеніями, тогда какъ въ самомъ городѣ Суздалѣ иконописью вовсе не занимаются исключительно.

[2]) Впослѣдствіи барона Розена, а позднѣе Аладьина. Домъ этотъ замѣчателенъ въ историческомъ отношеніи, какъ уже принадлежавшій Бибиковымъ въ половинѣ 18-го вѣка, и въ немъ останавливался въ концѣ 1773 года извѣстный Александръ Ильичъ Бибиковъ, проѣздомъ чрезъ Москву, когда отправленъ былъ Екатериною для усмиренія Пугачевщины.

[3]) Заводчики скаковыхъ лошадей были гг. Мосоловы, князь Гагаринъ и Петровъ, но болѣе половины призовъ всегда почти доставалось лошадямъ Мосоловыхъ, чему способствовало искусство Англійскаго жокея Дей.

стекалось все Московское фашіонабельное общество, я повстрѣчался въ павиліонѣ ипподрома съ Дивовымъ и его женою, коимъ я представилъ свою невѣсту, бывшую тутъ съ ея матерью, и съ того момента я сблизилси съ ними *).

Но вотъ подошелъ Ноябрь. Я продолжалъ обзаводиться всѣмъ нужнымъ женатому человѣку: купилъ двумѣстную карету (также на вексель) и сшилъ лакейскія ливреи съ позументами и съ семейнымъ нашимъ гербомъ, все по моему рисунку, чтб весьма меня занимало.

Молодая Нарышкина и я были внучатными межъ собою, сирѣчь троюродными кузенами; и хотя, по каноническимъ правиламъ, бракъ въ подобной степени не возбраняется, но допускаютъ его не иначе какъ съ разрѣшенія епархіальной власти, для полученія каковаго Н. А. Дивовъ повезъ меня къ митрополиту Филарету. Я выказалъ ему карандашемъ на бумагѣ степень моего родства съ моею невѣстою, и владыка, давъ свое согласіе, сказалъ, что разрѣшеніе получено будетъ священникомъ приходской нашей церкви Воскресенія чтд на Остоженкѣ, гдѣ предположено было вѣнчаться намъ. Но каково было мое изумленіе, когда, при производившемся обычномъ обыскѣ, дня три до свадьбы, приходскій священникъ, явившись ко мнѣ, спросилъ, когда я именно говѣлъ въ послѣдній разъ, и есть ли у меня въ томъ удостовѣреніе, необходимое, по его словамъ, въ настоящемъ случаѣ! Я отвѣчалъ, что говѣлъ въ своемъ имѣніи Костромской губерніи, великимъ постомъ предыдущаго 1833 года, но удостовѣренія въ томъ отъ своего духовника не имѣю, да и не принято обыкновенно имѣть таковое при себѣ; а что для востребованія его оттуда не достаетъ уже времени, хотя бы и чрезъ нарочно посланнаго, такъ какъ до заговѣнія оставалось всего три-четыре дня; а отложить свадьбу до Января было бы крайне для всѣхъ насъ стѣснительно. Онъ на это сказалъ, что въ экстренномъ случаѣ достаточно будетъ двухъ-трехъ дней для говѣнія и постной ѣды; а я ему замѣтилъ, что хотя я готовъ исполнить этотъ священный долгъ, но что не подготовлялся къ нему какъ слѣдовало, и потому мнѣ казалось, что двудневнаго поста недостаточно. Тогда священникъ заявилъ послѣднимъ условіемъ, *sine que non*, чтобы я непремѣнно отговѣлъ въ эти оставшіеся два дня, а что иначе онъ

*) Дивовы жили тогда лѣтомъ въ вновь роскошно устроивавшемся своемъ Зенинѣ; у нихъ часто тогда гостили Марія Павловна Сумарокова и пансіонская подруга Зинаиды Сергѣевны, нѣкая Анна Александровна Орлова, весьма миловидная барынька. Въ Москвѣ Дивовы тогда жили зимою въ домѣ Крича, въ Средне-кисловскомъ переулкѣ близъ Никитской.

вѣнчать меня не станетъ, и я долженъ былъ повиноваться сему рѣшенію. Позднѣе я узналъ, что таковое требованіе приходскаго священнослужителя было слѣдствіемъ инструкціи епархіальнаго начальства, желавшаго удостовѣриться, не перешелъ ли я въ Латинство съ прочими моими заграничными семейными, о переходѣ коихъ было извѣстно въ обѣихъ столицахъ.

Бракъ нашъ состоялся 12 Ноября 1834 года. Посаженымъ отцомъ у меня былъ Дивовъ, а посаженою матерью Черткова; шаферомъ былъ прежній мой полковой сослуживецъ, Матвѣй Александровичъ Долговъ, тогдашній адъютантъ генерала Каблукова. У невѣсты моей посаженымъ отцемъ былъ бывшій ея опекунъ, князь Александръ Андреевичъ Волконскій [1]), а матерью родная ея тетка Марія Васильевна Олсуфьева; шаферомъ братъ ея А. И. Нарышкинъ. Трогательно было видѣть во время вѣнчанія старую кормилицу моей жены, крестьянку изъ подмосковнаго села Битцы, для коей я заказалъ, по случаю столь торжественнаго дня, полный щегольской національный нарядъ, какъ будто бы для настоящей молодой кормилицы. Пѣвческій хоръ (съ входнымъ, вѣроятно, концертомъ «гряди, невѣста отъ Ливана») былъ отъ Михаила Дмитріевича Засѣцкаго, тогда славившійся по Москвѣ.

Хотя въ столь важную минуту жизни мнѣ не до того, конечно было, чтобы замѣчать посторонніе предметы, но помню, какое на всѣхъ присутствовавшихъ производила впечатлѣніе красивая фигура молодаго офицера Нижегородскаго драгунскаго полка, брата моей жены, въ полной Кавказской формѣ. Изъ постороннихъ въ церкви были княгиня Варвара Сергѣевна Голицына съ незамужними еще тогда княжнами Ольгой и Варварой Павловнами и малолѣтней княжною Маріею Павловною [2]).

Вопреки моей сѣдинѣ, сильно бьется сердце и дрожитъ въ рукѣ перо, при воспоминаніи того дня. Нѣтъ высшаго въ мірѣ блаженства, какъ принять изъ подъ вѣнца въ свои объятія любимую дѣвушку послѣ долгаго томительнаго ожиданія, знать, что мы взяли ее съ бою (*that we won her*), и что она наша навсегда. И не вѣрится въ дѣйствительности этой минуты, которая не повторяется никогда...

---

[1]) Братъ матери Николая Александровича Замятнина, что нынѣ директоромъ земскаго Отдѣла Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

[2]) Княжна Ольга вышла замужъ за Павла Петровича Чичерина, княжна Варвара за Василья Сергѣевича Шереметева, а княжна Марія (въ 1843 году) за Владимира Яковлевича Скарятина. Старшая ихъ сестра, княжна Зинаида, уже была въ 1834 году замужемъ за княземъ Николаемъ Александровичемъ Щербатовымъ.

Не обзавелся еще я въ то время лошадьми, а нанималъ помѣсячно, по весьма дорогой цѣнѣ, четверню съ кучеромъ и форейторомъ, у содержателя ѣзжалыхъ лошадей, Зарайскаго, на Арбатской площади, и укомплектовалъ также обстановку своего дома Негромъ, одѣтымъ въ Азіятскій фантастическій костюмъ съ бѣлой чалмою; но я вскорѣ прогналъ его за пьянство.

*

Осенью того 1834 года окончены были тріумфальные ворота, что́ у Тверской заставы, украшенные статуями и барельефами даровитаго Московскаго ваятеля Ивана Петровича Витали [1]). Приглашенный освятить ворота, митрополитъ Филаретъ отказался исполнить требуемое отъ него на томъ-де основаніи, что пришлось бы освящать миѳологическихъ боговъ, богинь и подобныя эмблемы монумента, въ чемъ онъ былъ совершенно, по моему, правъ. Говоря о тріумфальныхъ аркахъ, отмѣтить слѣдуетъ, что въ настоящее только царствованіе взялись за умъ и возстановили на Красныхъ воротахъ (что́ въ концѣ Мясницкой) первоначальный вензель императрицы Елисаветы Петровны, въ честь которой они были воздвигнуты; а до весьма недавняго времени буквы эти мѣнялись при каждомъ новомъ царствованіи, изъ чего выходилъ абсурдный анахронизмъ въ добавокъ къ неуклюжести и безвкусію зодчества восемнадцатаго вѣка. Въ дѣтствѣ моемъ помню вензель А съ маленькою въ этой буквѣ цифрою I, въ честь Александра Павловича; затѣмъ по весьма плохо выскобленной той буквѣ явился вензель Н.; раболѣпное чувство вѣрноподданства не уживалось, видно, тогда съ археологіею. Не смѣялись-ли бы сами Русскіе, если бы надъ Парижскими тріумфальными вратами, свидѣтельствующими о побѣдахъ Людовика XIV и Наполеона I-го, совершались подобныя превращенія, или надъ Римскими уцѣлѣвшими тріумфальными арками Тита, Септимія Севера и Константина виднѣлись бы вензеля очередныхъ папъ? Если о степени народной образованности судить по развитію въ народѣ эстетическаго вкуса, то Москва находится въ прискорбномъ отчасти положеніи. Не говоря уже о древнихъ церквахъ, сломанныхъ до основанія въ первой половинѣ настоящаго столѣтія, подъ предлогомъ расширенія площадей и проѣздовъ, уже достаточно пространныхъ по сравнительной малолюдности первопрестольнаго града [2]), меня всегда воз-

[1]) Ему же Москва обязана изящными фонтанами на Лубянской и Театральной площадяхъ.

[2]) Подобному приговору къ сломкѣ подверглась въ 30-ыхъ годахъ оригинальнѣйшей архитектуры маленькая церковь, миніатурное почти повтореніе Василія Блаженнаго, на площадкѣ противъ Кремлевскихъ Троицкихъ воротъ, рядомъ съ экзерцигаузомъ; и этому археологическому святотатству дано было варварское названіе *перене-*

мущаютъ подновленія и малярные слои всевозможныхъ радужныхъ цвѣтовъ.

Умолчать не слѣдуетъ также объ одномъ Московскомъ, чуть ли не единственномъ въ своемъ родѣ, куріозѣ, садѣ Осташевскомъ на Тверскомъ бульварѣ, тамъ гдѣ нынѣ дома Полякова. На пространствѣ едва-ли болѣе одной десятины текла рѣчка съ прудомъ и съ мостиками; групировались рощицы, отшельничьи пещеры, капища съ надписями и стихами; были павильоны, Китайскія бесѣдки, качели, карусель и подобныя увеселительныя игры, и ландшафтъ довершался Русскимъ селеніемъ на лугу съ вычурными избами, вокругъ коихъ неподвижно толпились крестьяне обоего пола, а на лугу паслись ихъ стада и лошади. Но весь этотъ столь пестро раскрашенный гипсовый людъ и животныя, всѣ въ настоящій ростъ (творчество лѣпныхъ дѣлъ мастера Севрюгина) не соотвѣтствовалъ размѣрамъ выстроенныхъ для нихъ жилищъ. Такъ наприм., дѣвушка въ традиціонно-театральномъ кокошникѣ и красномъ (или голубомъ) сарафанѣ, возвращающаяся съ рѣки съ коромысломъ на плечѣ, никогда не ухитрилась бы войти въ свою избу, конекъ крыши которой былъ наравнѣ почти съ ея головою. А при въѣздѣ въ селеніе былъ, кажется, столбъ съ сладкозвучнымъ или сентиментальнымъ его прозвищемъ, въ составъ коего входили намеки о радушномъ въ немъ пріютѣ или о добросердечности жильцевъ. Входъ въ садъ былъ ежедневный и безплатный.

Отмѣтить также слѣдуетъ, что лѣтомъ того 1834 года графъ Сергѣй Петровичъ Румянцовъ соорудилъ памятникъ въ с. Тарутинѣ (Калужск. губ. Боровскаго уѣзда), дабы увѣковѣчить славное, происшедшее тамъ дѣло въ 1812 г., увѣнчанное первою нашею побѣдою надъ Французами. Монументъ этотъ сооруженъ былъ на сумму вырученную графомъ Румянцовымъ за освобожденіе имъ своихъ крестьянъ, числомъ отъ 800 до 1000 душъ, того села Тарутина со всею землею того имѣнія, перешедшихъ въ званіе вольно-хлѣбопашцевъ. По невозможности самому виновнику этого патріотическаго дѣла присутствовать при открытіи монумента, распорядителемъ празднества и церковной церемоніи, совершенной Калужскимъ архіереемъ (кажется Никаноромъ), былъ, по просьбѣ графа, братъ мой Н. А Дивовъ *).

сенія въ манежъ той церкви, на томъ основаніи, что въ манежѣ пристроенъ былъ придѣлъ во имя святаго, которому посвящена была уничтоженная церковь. Равнымъ же образомъ на подъемѣ горы между Боровицкими воротами и новымъ Кремлевскимъ дворцемъ стояла церковь на терассѣ, какъ будто бы на блюдѣ; проѣзду она не мѣшала, но все таки сломали ее.

*) Литографія этого торжества весьма искусно выполнена тогда была Московскимъ глухонѣмымъ художникомъ Гампелемъ.

Дополненія.

Графъ Александръ Никитичъ Панинъ былъ чрезмѣрно высокаго роста. Во время занятія Парижа въ 1814 году онъ служилъ въ кавалергардскомъ полку и, сидя однажды въ первыхъ рядахъ партера, заслонялъ собою сидѣвшихъ позади его, которые воображали, что впереди ихъ стоитъ, а не сидитъ зритель, и потому начался крикъ: «assis, m-r l'officier, assis!» (садитесь, г. офицеръ, садитесь!) Тогда графъ Панинъ всталъ на ноги и, обернувшись къ публикѣ, сказалъ во всеуслышаніе: «Messieurs, me voilà debout» (теперь, господа, я стою) и затѣмъ, опустившись на кресло, добавилъ такимъ же громкимъ голосомъ: «et maintenant, messieurs, me voilà assis» (а теперь, господа, я сижу). «Bravo, m-r l'officier», былъ отвѣтъ на эту находчивость. Онъ передалъ мнѣ слѣдующій анекдотъ, характеризующій духъ Наполеоновскихъ воиновъ. Во время кампаніи 1812 г. графъ наткнулся на плѣннаго, весьма молодаго солдата, и какъ онъ казался изъ свѣжихъ рекрутовъ, то графъ спросилъ, давно ли онъ оставилъ отечество. «Il y a quinze jours de cela, mon officier [1]), отвѣчалъ юноша. Графъ, удивленный, что Французъ могъ перепрыгнуть въ столь короткое время изъ Франціи въ глубину Россіи, вторично спросилъ, изъ какого именно мѣста онъ былъ отправленъ. «De Smolensko, mon officier; j'espère bien que Smolensko est en France» [2]). Подобнаго почти рода остроту Французскаго солдата передавалъ мнѣ Н. А. Диковъ. Это было при самомъ началѣ кампаніи 1812 года, когда гвардія была еще на ходу къ театру военныхъ дѣйствій, и орудія и амуниціи содержались въ такой же педантической чистотѣ, какъ будто бы готовились на смотръ на Петербургскій Царицынъ лугъ. Гвардейская пѣшая батарея проходила мимо партіи первыхъ взятыхъ въ плѣнъ Французовъ, и кто-то изъ офицеровъ этой батареи вздумалъ спросить у одного изъ плѣнныхъ Французовъ, въ такомъ-ли видѣ содержатся Французскія пушки, какъ Русскія. «Les nôtres ne sont pas aussi luisants que les vôtres, car ils sont barbouillés de poudre», былъ отвѣтъ. (Наши орудія не такъ лоснятся какъ ваши, потому что они закопчены порохомъ).

*

Когда получена была въ Петербургѣ вѣсть о кончинѣ императора Александра въ Таганрогѣ, великій князь Михаилъ Павловичъ былъ въ Варшавѣ, куда онъ ѣзжалъ на поклоненіе брату своему Константину Павловичу, на подобіе, говорилъ Н. А. Диковъ, какъ мусуль-

---

[1]) Тому недѣли двѣ, г. офицеръ.

[2]) Изъ Смоленска, г. офицеръ; конечно Смоленскъ во Франціи.

мане ходятъ на поклоненіе Магометову гробу въ Мекку. По прошествіи нѣсколькихъ дней по полученіи извѣстія о государевой смерти, Н. А. Дивовъ былъ на выходѣ въ большомъ дворцѣ. Его замѣтилъ Николай Павловичъ и спросилъ, не было-ли какихъ у него извѣстій о Михаилѣ Павловичѣ, и на отрицательный отвѣтъ Дивова сказалъ: «Прошу тебя, какъ только ты что нибудь узнаешь о немъ, увѣдомь меня немедленно». Когда Михаилъ Павловичъ возвратился, Н. А. Дивовъ жившій въ Михайловскомъ дворцѣ, встрѣтилъ его рано утромъ у крыльца и, передавъ ему приказаніе, полученное имъ отъ Николая Павловича, отправился для исполненія онаго въ зимній дворецъ. Тамъ по докладу камердинера онъ былъ тотчасъ принятъ и засталъ великаго князя умывающимся. Узнавъ о пріѣздѣ брата своего, онъ сказалъ Дивову: «спасибо за доброе извѣстіе; а вотъ и другое также хорошее, полученное мною изъ Москвы; князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ прислалъ сказать мнѣ, что Москва присягнула государю императору Константину Павловичу». (Посланный съ извѣстіемъ былъ Петръ Петровичъ Новосильцовъ, адъютантъ князя Д. В. Голицына). Дивовъ возвратился въ Михайловскій дворецъ и оттуда скоро опять отправился въ Зимній съ Михаиломъ Павловичемъ. Оба великіе князья заперлись въ кабинетѣ у Николая Павловича. Вскорѣ потомъ прибылъ во дворецъ Петербургскій генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ и былъ впущенъ въ кабинетъ. Проводивъ обратно Михаила Павловича въ его дворецъ, Н. А. Дивовъ получилъ въ теченіе того утра записку отъ сенатскаго оберъ-прокурора князя Ивана Александровича Лобанова-Ростовскаго, (впослѣдствіи сенатора), въ которой говорилось, что министръ юстиціи князь Лобановъ, зная, что имѣется въ кабинетѣ в. к. Михаила Павловича портретъ цесаревича в. к. Константина Павловича, проситъ-де Дивова передать его просьбу Михаилу Павловичу о дозволеніи снять копію съ того портрета для сенатской притутственной камеры. Дивовъ, улучивъ удобную для того минуту въ теченіи дня, передалъ великому князю просьбу князя Лобанова, но не получилъ отъ него никакого отвѣта. На слѣдующій день Дивовъ повторилъ упомянутую просьбу, но столь же безуспѣшно: великій князь молчалъ *). Между тѣмъ, князь И. А. Лобановъ, не получивъ никакого отвѣта отъ Дивова, вторично написалъ ему записку. Дивовъ извѣстилъ его письменно о неудачѣ его ходатайства, и что онъ болѣе не смѣетъ утруждать великаго князя. Въ этомъ положеніи находились дѣла въ теченіе нѣсколь-

*) Подробности эти важны, указывая, что въ царской семьѣ вопросъ былъ рѣшенъ о вступленіи на престолъ великаго князя Николая Павловича; зачѣмъ о немъ еще умалчивалось, непонятно.

кихъ дней. Въ разговорахъ своихъ съ Михаиломъ Павловичемъ Дивовъ замѣтилъ, что, говоря о братьяхъ своихъ, онъ безразлично называлъ обоихъ «братъ Константинъ, братъ Николай». Дивовъ прибавляетъ, что помнится ему, что и самъ в. к. Николай Павловичъ говорилъ въ то промежуточное время о «своемъ братѣ *великомъ князѣ* Константинѣ Павловичѣ», отъ чего Дивовъ и всѣ придворные стали въ тупикъ, не зная, кто у нихъ императоромъ. Чувствуя, вѣроятно, всю неловкость подобнаго положенія, и чтобы избавиться отъ любопытства окружавшихъ его лицъ, в. к. Михаилъ Павловичъ уѣхалъ внезапно, подъ какимъ-то предлогомъ, въ Нарву и возвратился въ Петербургъ только 13 Декабря, т. е. наканунѣ происшествія 14 числа.

*

Разбитый нынѣ параличемъ и удрученный житейскими невзгодами, Тарусскаго уѣзда дворянинъ и старый артиллеристъ, Григорій Андреевичъ Быховецъ разсказывалъ о случаѣ, касающемся одного его знакомаго, Нижегородскаго помѣщика статскаго совѣтника Попова. Явились пасквильные стихи на имп. Павла, сочиненные будто бы, по сдѣланному о томъ дознанію, въ Арзамасѣ. Государь призываетъ кого-то изъ своихъ приближенныхъ и велитъ ему отправиться туда, гдѣ гуси хороши, отыскать непремѣнно автора пасквиля и представить его въ Петербургъ, грозя въ противномъ случаѣ пораскидать городъ. Объясняться съ императоромъ было невозможно, и потому назначенный имъ на эту экспедицію сановникъ пришелъ въ тупикъ: какой молъ таковъ городъ, гдѣ гуси хороши? Счастливая мысль блеснула ему справиться по календарю или справочному географическому сборнику объ именахъ Россійскихъ городовъ съ обозначеніемъ, чѣмъ они славятся. Онъ прочиталъ тамъ, что Нижегородской губ. городъ Арзамасъ славится гусями. Сердце царедворца объято было радостію неизреченною; онъ отправился туда, собралъ городничаго и именитыхъ гражданъ и передалъ царскій приказъ. Отозвались единогласно, что въ вѣрноподданномъ градѣ Арзамасѣ подобнаго святотатца не имѣется, и грамотными хитростями не слышно было, чтобы кто нибудь занимался, развѣ что нѣкій канцеляристъ или коллежскій регистраторъ Поповъ балуется кое-когда, какъ слышно, виршами. «Подай его сюда!» Спасенные отъ грозившаго имъ разгрома, именитые граждане выдаютъ Попова. «Ты писалъ пасквиль на царя?» — «Помилуйте-съ, ваше превосходительство, какъ бы я осмѣлился».... «Врешь, это ты», и безъ дальнихъ разговоровъ берутъ Попова, сажаютъ въ телѣгу и привозятъ прямо во дворецъ. «Это ты писака, написалъ на меня пасквиль?» молвилъ грозный императоръ. «Занимаюсь дѣйствительно иногда поклоненіемъ Музамъ», отвѣчалъ

мнимый преступникъ, «но не въ оскорбленіе, а напротивъ въ прославленіе вашего императорскаго величества. Вотъ, прикажите мнѣ прочесть оду о благословенномъ нашемъ царѣ».—«Читай!» И смѣтливый Поповъ читаетъ импровизованную имъ дорогою витіеватую оду съ прославленіемъ въ ней Юпитера, Соломона, царя Давида, Ахиллеса и пр. и пр. «Ну хорошо, что не ты авторъ пасквиля», изрекъ умилостившійся Павелъ; «оставайся служить здѣсь въ Петербургѣ, а вотъ тебѣ за оду сто душъ». И до кончины императора Поповъ нашъ владѣлъ уже, кажется, нѣсколькими сотнями душъ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника.

*

Не предвидя встрѣчи въ теченіе Записокъ съ именемъ г. профессора Мухина, память котораго цѣнна Московскому медицинскому факультету, изложу личныя мои о немъ воспоминанія, относящіяся къ жизни его въ купленномъ имъ около 1850 г. имѣніи, с-цѣ Кольцовѣ, Калужской губ., Тарусскаго уѣзда, гдѣ онъ и умеръ, оставивъ отъ втораго брака сына и дочь, обоихъ малолѣтными. Разсказывали, будтобы по найденнымъ въ домѣ его документамъ оказалось, что онъ былъ изъ первыхъ профессоровъ при открытіи во времена императрицы Елисаветы Петровны Московскаго университета, т. е. въ 1756 году. Это невѣроятно: по сему расчету онъ умеръ бы не менѣе 114 лѣтъ отъ роду; но несомнѣнно то, что онъ дожилъ до 85 по крайней мѣрѣ лѣтъ, по слѣдующему соображенію. Однажды были мы, Тарусскаго уѣзда помѣщики и временные жители, на день зимняго Николы 1851 или 1852 года, у тамошняго уѣзда помѣщицы Авдотьи Ивановны Нарышкиной, чтобы поздравить ее съ дорогимъ ей имянинникомъ, племянникомъ и воспитанникомъ Николаемъ Ѳедоровичемъ Бахметевымъ. Когда, послѣ обѣдни, всѣ мы были въ сборѣ въ гостиной, для шоколада и кофе, находившійся тутъ старикъ Мухинъ сказалъ: «Да, этотъ день памятенъ мнѣ; сего 6 Декабря взятъ былъ Очаковъ княземъ Потемкинымъ, *при которомъ я находился врачемъ*». У всѣхъ насъ напряглись уши; но затѣмъ старецъ спохватился и добавилъ: «*впрочемъ, я былъ мальчишкою*». Если онъ даже и былъ, по его словамъ, молодымъ медикомъ въ 1788 г., то менѣе 23 лѣтъ ему не могло тогда быть, слѣдовательно въ 1853 году ему было никакъ не менѣе 88 лѣтъ. У сына его отъ перваго брака, женатаго на сестрѣ Московскаго сорванца Руфина (по отчеству, забылъ) Дорохова, были уже тогда двѣ взрослыя совершенно и прехорошенькія дочки, бывавшія позднѣе въ Тарусскомъ уѣздѣ. Разсказывали, что, лѣтъ за десять до своей смерти, когда Мухинъ задумалъ вступить во второй бракъ, епархіальная власть

не хотѣла давать ему на то разрѣшенія, по причинѣ преклонныхъ его лѣтъ, и онъ будто бы заявилъ митрополиту Филарету, что не угодно-ли запрещающимъ взять грѣхъ блудодѣянія на свою совѣсть, ибо онъ вынужденнымъ будетъ взять наложницу въ случаѣ отказа въ законномъ бракѣ. Разрѣшеніе состоялось, и нѣтъ причинъ подозрѣвать физическую законность рожденія оставшихся малолѣтними по его смерти двухъ дѣтей.

Скупость его была феноменальная. Никто никогда у него не обѣдывалъ, а деревенскіе мальчишки были обязаны носить ему опредѣленное число дикихъ голубей, которыхъ онъ замораживалъ впрокъ на зиму и этимъ питался безъ покупной провизіи. Одинъ мой знакомый, находясь при описи имѣнія по смерти Мухина, самъ видѣлъ на ледникѣ кучу этихъ мерзлыхъ пернатыхъ. Это пожалуй почище Гоголевскаго Плюшкина. Одинъ знакомый мнѣ помѣщикъ, пріѣхавшій къ г. Мухину по какому-то служебному дѣлу, засидѣлся позднѣе обыкновеннаго обѣденнаго въ деревнѣ часа. Вмѣсто того, чтобы пригласить гостя остаться обѣдать, чѣмъ Богъ послалъ, хозяинъ дома сказалъ ему: «Знаете ли что, Петръ Марковичъ? Время уже поздненько, поѣзжайте-ка къ Авдотьѣ Ивановнѣ (Нарышкиной), всего въ 5 верстахъ; она предобрѣйшая, всѣхъ кормитъ».

Гостила нѣсколько дней лѣтомъ у почтеннѣйшей А. И. Нарышкиной Александра Осиповна Смирнова съ малолѣтними своими дочерьми; мужъ ея былъ тогда Калужскимъ губернаторомъ. Г. Мухинъ, въ знакъ любезнаго вниманія, прислалъ молодымъ Смирновымъ пучекъ павлиньихъ перьевъ; но какъ бы вы думали? Одни голые стебли безъ оконечныхъ росписныхъ глазъ, составляющихъ все ихъ украшеніе.

Я недавно слышалъ отъ одного молодого медика, что покойный Александръ Ивановичъ Оверъ имѣлъ похвальную привычку въ ежегодной послѣдней лекціи читаемаго имъ курса посвящать всегда нѣсколько словъ памяти первоначальныхъ его наставниковъ, Мудрова и Мухина.

*

Встрѣтился я однажды въ 50-хъ годахъ въ Рязанской губерніи съ возвращеннымъ декабристомъ Кривцовымъ, который чистосердечно признавался, что каторжная работа у нихъ была фиктивною: выходили всѣ они, въ томъ числѣ Никита и Александръ Михайловичи Муравьевы, графъ Захаръ Григорьевичъ Чернышовъ и многіе прочіе, въ томъ числѣ и самъ онъ, по звонку изъ казармъ на мнимыя земляныя работы, съ лопатками и прочими принадлежностями; а на дѣлѣ работалъ кто хотѣлъ

ради искусства или гимнастическаго упражненія: принужденія не было. Составлялись кружки, толковали о литературѣ и о прочихъ посторонних предметахъ (избѣгая, конечно, политическихъ, хотя о томъ ничего не говорилъ мнѣ г. Кривцовъ), и въ опредѣленный часъ приходили туда къ нимъ ихъ супруги съ приготовленнымъ ихъ руками обѣдомъ.

*

Въ Петербургѣ, до 1812 года, была въ ходу Нѣмецкая фарса «баронъ Рокусъ Пумперникль». Какой-то шутникъ, въѣзжая въ столицу, отозвался этою кличкою у заставы и былъ пропущенъ по незнанію, вѣроятно, караульнымъ офицеромъ о существованіи этой комедіи; тѣмъ не менѣе, когда заставная репортичка его дошла до коменданта, онъ былъ арестованъ. Прошло нѣсколько времени, и при другомъ его караулѣ у заставы проѣхалъ тогдашній государственный контролёръ баронъ Бальтазаръ Бальтазаровичъ Кампенгаузенъ, фамилія также ему неизвѣстная. «Нѣтъ, шалишь», сказалъ офицеръ, «не надуешь на этотъ разъ. Мало ли Нѣмецкихъ вымышленныхъ баронскихъ фамилій станутъ проѣзжать!» Онъ задержалъ сановника и донесъ коменданту, что какой-то господинъ у заставы скрываетъ свою фамилію и упорствуетъ въ показаніи вымышленной барона Бальтазара Бальтазаровича Кампенгаузена. Вмѣсто отвѣта, комендантъ прискакалъ къ заставѣ въ полной формѣ и сталъ извиняться передъ контролёромъ за невѣжливость офицера, котораго опять посадилъ подъ арестъ.

Разсказывали также, что на Петербургской Царскосельской заставѣ нѣкій проѣзжій отозвался однажды фамиліею »Одинко». Ничего тутъ подозрительнаго не было, и его пропустили. За тѣмъ проѣзжалъ какой-то шутникъ подъ фамиліею «Двако», и этого пропустили; но когда на тотъ караулъ проѣзжалъ учитель Французскаго языка при Царскосельскомъ лицеѣ, г. Трикò, его задержали. «Уже это черезчуръ, замѣтилъ офицеръ, одинко, двако, трико; пожалуй эти *ко* дойдутъ до дюжины».

*

Князь Ѳ. Ѳ. Гагаринъ (братъ княгинь Вяземской и Четвертинской) былъ замѣчательною въ свое время личностью, не столько на военномъ поприщѣ, сколько въ Московскомъ обществѣ. Недостатки его заключались въ человѣческой слабости быть вездѣ на первомъ планѣ, въ экцентричныхъ выходкахъ, или въ замашкахъ казаться молодымъ, вопреки своихъ лѣтъ. Онъ долго слылъ повѣсою, дуэлистомъ и игрокомъ. Въ малолѣтнемъ почти возрастѣ поступилъ онъ въ военную службу, и въ его глазахъ, какъ онъ разсказывалъ, былъ умерщвленъ его отецъ въ Варшавѣ во время тогдашняго избіенія Русскихъ. Съ

того времени онъ получилъ, какъ говорилъ, непримиримую, но естественную ненависть къ Полякамъ. Въ какомъ полку и чинѣ онъ служилъ въ 1812 г., я не могъ по сіе время получить никакихъ свѣдѣній; но позднѣе, въ 20-ыхъ годахъ, командовалъ онъ Клястицкимъ гусарскимъ полкомъ. О немъ разсказывали анекдотъ, что, пріѣхавъ однажды на станцію и заказавъ рябчика, онъ вышелъ на дворъ; вслѣдъ за нимъ взошелъ въ станціонную комнату извѣстный Московскій сорванецъ (фамилію коего не желаю выставить), который насильственно посягнулъ на жаркое, хотя ему говорили, что рябчикъ заказанъ другимъ проѣзжимъ. Возвратясь въ комнату и застигнувъ этого господина съ поличнымъ, князь Өедоръ Өедоровичъ преспокойно пожелалъ ему хорошаго апетита и вмѣстѣ съ тѣмъ, выставивъ противъ него дуло заряженнаго пистолета, заставилъ проглотить безъ отдыха еще одиннадцать рябчиковъ, за которые князь заплатилъ. Его и подразумѣвалъ М. Н. Загоскинъ въ своемъ Юріи Милославскомъ, заставившемъ подъ подобною же угрозою Поляка докончить жаренаго гуся.

Во время Польской войны, князь Гагаринъ рисовался въ фуражкѣ безъ козырька (какъ у рядовыхъ) на бекрень и одно время предводительствовалъ, кажется, незначительнымъ авангарднымъ отрядомъ. Адъютантомъ былъ у него Фердинандова полка Григорій Григорьевичъ Ломоносовъ, братъ нашего Александра Григорьевича и извѣстнаго дипломата, бывшаго долго во главѣ одной изъ Американскихъ нашихъ миссій. Года черезъ два по взятіи Варшавы, князь уволенъ былъ безъ прошенія, за то будто бы, что его видѣли на Варшавскихъ публичныхъ гуляньяхъ сопровождаемаго женщинами низшаго разбора: мѣра черезъ чуръ по моему строгая, тогда какъ въ этомъ поступкѣ было только отступленіе отъ общественныхъ приличій, отнюдь не касающееся до службы. Впрочемъ онъ, помнится мнѣ, несовсѣмъ ладилъ съ высшимъ начальствомъ. Какъ начальникъ, онъ пріобрѣлъ искреннюю нашу привязанность, а касательно его обращенія за панибрата съ офицерами его бригады помню между прочимъ слѣдующій случай. Во время Польской войны, въ кружкѣ нашихъ офицеровъ, обще съ конно-артиллеристами нашей же бригады, однажды поздно вечеромъ метали банкъ въ палаткѣ на разосланномъ на землѣ коврѣ. Вдругъ подымается пола палатки, и изъ подъ нея вылѣзаетъ къ общему изумленію чья-то рука съ картою, при словахъ, «господа, атанде; пятерка пикъ идетъ *ва-банкъ*», и вслѣдъ за рукою выглянула оскаливавшаяся черепообразная и полулысая голова князя Өедора Өедоровича, прозваннаго въ Московскомъ обществѣ «la tête de mort».

Онъ остался холостякомъ до конца и былъ безъ всякаго, кажется, состоянія; жилъ постоянно въ Москвѣ однимъ жалованьемъ, обѣдалъ

почти всегда во Французскихъ ресторанахъ и умеръ въ концѣ 40-ыхъ или въ началѣ 50-ыхъ годовъ.

*

Не знаю, отъ чего случилось, что *маршандъ-де-модный* элементъ окончательно вытѣсненъ нынѣ съ Кузнецкаго моста. Въ былое время онъ запруженъ былъ мадамами Лебуръ, Юрсюль, Буасель, Софіею Бабенъ, Лакомбъ, Леклеръ и ихъ менѣе знаменитыми конкурентками; тамъ же начала блистательное свое поприще нынѣшняя мадамъ Минангуа до своего переѣзда въ Газетный переулокъ. Таковыя-же магазинныя превращенія и окончательныя исчезновенія совершились въ послѣднее тридцатилѣтіе на Никольской и Лубянской улицахъ. Первая изъ нихъ исключительно занималась Греками, табачными торговцами Бостанжогло, Кутуки, Дограмли, Тринга, Артó, Казасмази, Буюкли, и позднѣе, Манзовиномъ; изъ всѣхъ нихъ уцѣлѣлъ по сю пору одинъ только, кажется, Бостанжогло, но и тотъ, не прекращая торговли табакомъ en grand, имѣетъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Исчезли также двѣ крупныя довольно Греческія комерческія фирмы г. г. Пачимади и Трандафила Чумаги. Начало же Лубянки до Срѣтенки было унизано вычурными вывѣсками шалей Персидскихъ и Бухарскихъ магазиновъ; какъ обѣ послѣднія національности, такъ и самая эта промышленность, кажется, улетучились или малозамѣтно прозябаютъ, съ вышедшими изъ моды термаламою, канаусомъ и кулиша-мамомъ, и т. п. шелковыми тканями. За то держался въ теченіе пятидесяти лѣтъ до весьма недавняго времени модный магазинъ Сихлеръ, неподвижно на одномъ мѣстѣ, на углу Газетнаго переулка и Большой Дмитровки.

*

Всѣми уважаемый Московскій комендантъ, генералъ баронъ Сталь фонъ Голштейнъ, правившій должность отсутствовавшаго тогда князя Дмитрія Владимировича Голицына, разсказывалъ позднѣе (въ 1844 г.) своему свату Сергѣю Васильевичу Цурукову, передавшему мнѣ его слова на свѣжихъ порахъ, слѣдующій случай, коего генер. Сталь былъ свидѣтелемъ, о пожарѣ въ Рогожской части. Всѣ дома (каменные), окружавшіе церковь св. митроп. Алексѣя въ Рогожской, объяты были пламенемъ. Народъ бросился было выносить изъ храма иконы и все возможное, но священникъ не дозволилъ прикасаться ни къ чему, а самъ въ полномъ облаченіи сталъ передъ престоломъ, отворивъ царскіе врата. Жена и дѣти его прибѣжали къ генералу Сталю, умоляя его уговорить священника выйти изъ церкви и допустить спасать изъ нея чтò было возможно. «Сходи-ка, братъ Никита», сказалъ комен-

дантъ стоявшему тутъ одному изъ младшихъ полицмейстеровъ, полковнику Никитѣ Петровичу Брянчанинову, и уговори этого упрямца быть поблагоразумнѣе». Вскорѣ однакоже возвратился оттуда Брянчаниновъ и отрапортовалъ: «Неугодно ли вашему превосходительству самому попытаться уговорить священника; а я ничего не могъ подѣлать». Отправился туда почтенный комендантъ, особенно отличавшійся сердоболіемъ.—«Чтò это вы, батюшка, дѣлаете?» началъ онъ. «Вѣдь вы себя и храмъ губите навѣрняка».—«Генералъ», отвѣчалъ священнослужитель, «въ несчастную годину 1812 года, когда не такой пожаръ какъ настоящій свирѣпствовалъ, предмѣстникъ мой не дозволилъ ничего выносить изъ сего храма, и самъ облачившись, не вышелъ изъ него. Храмъ остался невредимымъ, и я рѣшился послѣдовать его примѣру».—«Оглянитесь, продолжалъ комендантъ, на несчастное семейство ваше, безполезно вами подвергаемое наигорчайшему сиротству, и покоритесь благоразумію». (Семейные священника, взошедшіе туда вслѣдъ за барономъ Сталемъ, стояли на колѣняхъ и пантомимою упрашивали его продолжать быть ихъ ходатаемъ). «Все знаю, все вижу, но не отступлю ни за что отъ своего намѣренія», былъ отвѣтъ. Тогда добрый комендантъ, погорячившись, знàкомъ подозвалъ къ себѣ жандармовъ (сцена происходила въ алтарѣ) и указалъ имъ схватить священника и вывесть его изъ церкви.—«Генералъ», съ достоинствомъ произнесъ послѣдній, «довольно; хозяиномъ здѣсь я, а не вы; и потому прошу васъ выйдти». Нечего было дѣлать старому воину; онъ пожалъ плечами и вышелъ на улицу. Всѣ дома площадки, въ центрѣ коей стояла церковь, сгорѣли до тла, чему способствовалъ сильный вѣтеръ; а храмъ остался неприкосновеннымъ.

Кстати добавлю, что стремленіе воздуха отъ вихря было столь сильно, что въ одномъ тѣсномъ пространствѣ между двухъ пылавшихъ строеній оно увлекло было въ огненную пучину неустрашимаго и безусталаго въ тѣ дни генерала Сталя, и только подоспѣвшіе вó время пожарные могли его оттащить.

*

Скудные останки Русской старины исчезаютъ одинъ за другимъ. Тогда какъ иностранцы изучаютъ свою исторію по уцѣлѣвшимъ памятникамъ, мы, Русскіе можемъ, по правильному замѣчанію матери моей, изучать свою исторію по однимъ лишь книгамъ. Археологическія общества существуютъ у насъ болѣе полувѣка, но не видать, чтобы они препятствовали дальнѣйшему разрушенію отечественныхъ древностей. Мнѣ разсказывала покойная (мнѣ незабвенная) княгиня Марія Петровна Волконская, урожденная Кикина, великая любительница и

знатокъ старины, что когда въ 40-ыхъ годахъ перестроивали большой Кремлевскій дворецъ, то она заявила директору Московскихъ дворцовъ барону Боде свое сожалѣніе, что не пощадили Краснаго крыльца, современнаго Московскимъ допетровскимъ царямъ. «Мы вамъ лучше его выстроимъ», утѣшительно отвѣчалъ баронъ. «Да не нужно лучше», возразила княгиня, «оно будетъ тогда искаженіемъ средневѣковаго типа». — «Ну такъ мы вамъ его перестроимъ зановo въ томъ же видѣ, каковымъ онъ былъ», сказалъ сановникъ. Но на сколько представлялась необходимымъ ломать эту безцѣнную старину, я не полюбопытствовалъ узнать отъ княгини.

Бродя по окрестностямъ Юрьевецповольска, гдѣ я бывалъ изрѣдка, такъ какъ онъ былъ уѣзднымъ городомъ моего Костромскаго имѣнія, я наткнулся на развалины огромной, повидимому, башни изъ бѣлаго камня, на гористомъ берегу Волги, казавшейся мнѣ по всѣмъ вѣроятностямъ древне-сторожевою башнею, можетъ быть, противъ набѣговъ Татаръ. И что же я узналъ? Что она стояла нетронутою въ началѣ еще нынѣшняго столѣтія, и что начальствомъ дозволено было сломать ее, чтобы употребить камень на постройку въ городѣ виннаго (казеннаго) подвала или какого-то другаго казеннаго строенія. А одинъ мой знакомый говорилъ мнѣ, что при перестройкѣ (въ 20-ыхъ, должно быть, годахъ) собора, что̀ внутри̂ Серпуховскаго уцѣлѣвшаго какимъ-то чудомъ Кремля, онъ (знакомый мой) видѣлъ, какъ облѣпляли кирпичемъ древнюю шатровую колокольню, чтобы превратить ее въ казенную безвкусную Александровскаго времени архитектуру: значитъ, можно бы и теперь сбить съ нея всѣ эти наросты и возстановить первобытный ея видъ.

(*Продолженіе будетъ*).

ПО ПОВОДУ НАЙДЕННАГО ЧЕМОДАНА СЪ ЗОЛОТОЮ МОНЕТОЮ.

Въ четвертой книжкѣ „Русскаго Архива“ за текущій годъ помѣщена статья извѣстнаго дѣятеля и знатока Кавказа А. Л. Зиссермана подъ заглавіемъ: „Дѣла давно минувшихъ дней“. Въ статьѣ разсказано о случаѣ 1844 года съ погибшимъ почтовымъ чемоданомъ. Затѣмъ почтеннѣйшій генералъ говоритъ, что *„въ случайномъ разговорѣ съ пріѣзжимъ съ Кавказа“* онъ узналъ, что въ 1884 году чемоданъ былъ найденъ.

По поводу этого хочу передать вамъ слѣдующее. Хорошо помню, что въ послѣдніе четыре мѣсяца 1884 года, или-же въ первые четыре мѣсяца 1885 года я читалъ въ газетѣ „Новое Время“ приблизительно слѣдующее. Везли почту съ золотомъ, за надлежащимъ конвоемъ, для раздачи жалованья войскамъ. Мостикъ небольшой горной рѣчки оказался снесеннымъ. Рѣшили перенести денежный чемоданъ на рукахъ по уцѣлѣвшимъ остаткамъ моста, но несшій или несшіе уронили его въ воду. Для розыска этого чемодана было вызвано чуть не все окрестное населеніе; въ 1884 году чемоданъ, несмотря на свою тяжесть, будучи отнесенъ сильнымъ теченіемъ воды, былъ найденъ недалеко отъ моста въ ямѣ. По высочайшему повелѣнію, уѣздный начальникъ князь Андронниковъ провелъ девять лѣтъ въ крѣпости, въ одиночномъ заключеніи, гдѣ и окончилъ свою жизнь и, по высочайшему-же повелѣнію *всѣ* искавшіе чемоданъ были сосланы въ Сибирь *на* поселеніе.

Понятно, что если-бы главное Кавказское начальство озаботилось возвратить изъ Сибири *неповинныхъ*, то спустя 40 лѣтъ едва-ли кто изъ таковыхъ нашелся въ живыхъ? Но о такомъ распоряженіи мы, Русскіе люди, не слыхали. И, какъ-же низко, да пониже, до самой земли, не поклониться генералу Зиссерману, который указываетъ, какъ надо поступить Русскому правительству относительно наслѣдниковъ князя Андронникова, Форостовскаго и всѣхъ неповинно-пострадавшихъ жертвъ?! И неужели-же не найдется никого изъ лицъ, близко-стоящихъ къ всемилостивѣйшему Государю, сердца добрѣйшаго, отцу своего милліоннаго народа, чтобы доложить ему объ этомъ?

И да прогремитъ Царево слово, слово добра, милосердія, справедливости, какъ прогремѣло это великое слово всепрощенія ,справедливости и милости въ Сѣверозападномъ и Югозападномъ краяхъ великой Россіи о сложеніи процентнаго сбора!

Н. Браилко

ИЗЪ ПИСЕМЪ А. П. ДУБОВИЦКАГО КЪ Н. И. БУЛИЧУ [1]).

1.

4 Генваря (1840, изъ Казани въ Петербургъ).

Предостерегаю васъ, кромѣ большой благодарности графу Пет. Ив.[2]), ничего не говорить, каковою я дѣйствительно исполненъ за исходатайствованіе ихъ съ Озеровымъ[3]) мнѣ отпуска на Кавказъ, хотя я имѣлъ причину больше ожидать отъ него по обѣщанію его къ выручкѣ моей самымъ простѣйшимъ средствомъ: прямо выпросить меня на свои поруки, чтó онъ и тогда обѣщалъ и теперь проѣзжая, на чтó я и напиралъ въ письмѣ моемъ; а онъ ничего, объ этомъ не отвѣчая мнѣ, какъ бы на васъ слагаетъ оправданіе меня. Какъ ни толковалъ я ему въ этомъ письмѣ моемъ о выгодахъ вѣчныхъ его за меня ручательства, но не понялъ онъ меня: то прошу васъ, друга моего, не забыть хоть къ оправданію моему взять отъ него къ Дубельту просительное письмо, если увидите на это его готовымъ и такъ расположеннымъ, чтобъ могъ отъ искренняго сердца просить его объ оправданіи меня, больше всѣхъ ихъ оправданнаго Богомъ, и о свободѣ, въ Немъ же всѣхъ ихъ свободнѣйшему. Если онъ можетъ просить объ этомъ Дубельта такъ настойчиво и искренно, какъ предъ Богомъ искренно получить истинной себѣ въ Немъ свободы за ходатайствованье мнѣ наружной желаетъ (ибо и стаканъ воды, поданный, разумѣется, съ вѣрою живою, какъ такому человѣку всего себя Богу посвятившему, не потерянъ предъ Богомъ больше всѣхъ наружныхъ поклоненій Ему), если въ такомъ: то вы скажите ему: вѣрить хочетъ и можетъ писать къ Дубельту, то прошу его написать; а если нѣтъ, то и не надо; значитъ, пустое письмо.

---

[1]) Читателямъ, желающимъ ближе познакомиться съ Александромъ Петровичемъ Дубовицкимъ, который въ теченіи 18 лѣтъ (1824 — 1842) подвергался заключенію и полицейскому надзору въ разныхъ мѣстахъ за своеобразные пріемы своего вѣрованія указываемъ на статью о немъ В. Жмакина въ „Русскомъ Архивѣ“ 1894, II, 175—208. Печатаемыя здѣсь письма Дубовицкаго къ Никитѣ Ивановичу Буличу (отцу извѣстнаго профессора) доставлены намъ въ подлинникахъ изъ Казани г. Буличемъ черезъ Дмитрія Ѳеодоровича Бѣляева. П. Б.

[2]) Апраксину, служившему въ III мъ Отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. П. Б.

[3]) Петръ Ивановичъ Озеровъ—тесть Дубовицкаго. П. Б.

2.

Кавказскія воды немалую оказываютъ мнѣ пользу въ болѣзненныхъ моихъ припадкахъ, и я не могу довольно возблагодарить Господа за оказанную мнѣ милость увольненіемъ меня сюда [1]). Если случится вамъ увидѣть графа [2]), то прошу васъ покорно принесть ему отъ меня за содѣйствіе въономъ наичувствительнѣйшую мою благодарность.

Что-же касается до нынѣшняго несчастнаго неурожайнаго года, то мы, проѣзжая по самымъ хлѣбороднымъ губерніямъ, видѣли народъ въ немаломъ отъ того уныніи и тогда, какъ мы ѣхали при началѣ весны, дороговизна хлѣба доходила до самой чрезвычайности, ибо въ Симбирской, Пензенской и Тамбовской губерніяхъ рожь продавалась до 30 р., а овесъ до 12 р. четверть.

Августа 23-го дня 1840 года. г. Пятигорскъ.

P. S. Не могу умолчать, чтобъ не сказать вамъ, какъ искренно любящему меня человѣку, сколько я радъ и благодарю Господа, что Онъ мнѣ далъ въ кустодію такого благороднаго и добрѣйшаго человѣка, какъ Августъ Карловичъ [3]). Хотя я и въ Казани еще таковымъ его замѣтилъ и былъ даже въ этомъ удостовѣренъ (иначе, не смотря на великую царскую милость, отпускомъ сюда мнѣ оказанную, врядъ-ли бы я рѣшился безъ такого удостовѣренія ѣхать съ нимъ), но при всемъ томъ никакъ не ожидалъ, чтобы намъ Богъ далъ такъ съ нимъ сойтиться и чтобы мы другъ другу такъ легки были, и болѣе еще сего. Когда увидите графа Петра Ивановича, то прошу васъ поблагодарить его отъ меня за Августа Карловича. Самъ Богъ его надоумилъ выбрать мнѣ такого.

Въ добавокъ къ нашимъ съ вами бывшимъ бесѣдамъ не могу не напомянуть вамъ отъ искренняго моего къ вамъ сердца расположенія: «преходитъ бо образъ міра сего, какъ дымъ, какъ тѣнь, какъ сонъ, и съ нимъ все, что̀ насъ ни льститъ, а одна истина Господня пребываетъ во вѣки». То пора, пока еще совсѣмъ пора не прошла, не на шутку начать отрѣшать свое сердце отъ перваго и прилѣплять его къ послѣдней. Сего не престанетъ никогда желать вамъ искренно васъ любящій, яко беззаконникъ предъ духомъ и людьми міра сего, но не яко беззаконникъ Христу, Дубовицкій.

---

[1]) Изъ Казани, гдѣ Дубовицкій жилъ подъ надзоромъ тайной полиціи, въ которой служилъ Н. И. Буличъ. П. Б.

[2]) Апраксина или Бенкендорфа? П. Б.

[3]) Жандармскій штабсъ-капитанъ Фойхтъ. П. Б.

3.

Прошу сказать, видѣлись ли вы съ Петромъ Ивановичемъ Озеровымъ, какъ онъ принялъ письмо мое и васъ, и какъ онъ расположенъ и дѣйствуетъ ли чтò на пользу мою? Такъ какъ я, по большей моей напуганности людьми и по свойственной имъ непростотѣ и хитрости, бываю, вопреки моего открытаго простаго нрава, иногда и слишкомъ подозрительнымъ, какъ вы въ послѣднiй разъ нѣсколько это и на себѣ испытали: то не знаю, въ попадъ ли или не въ попадъ будетъ то, чтó я теперь хочу сказать вамъ и на счетъ любезнѣйшаго друга и брата моего [1]), Петра Ивановича Озерова; но хотя бъ это было и не впопадъ, то, говоря между нами, увѣренъ, что это останется въ тайнѣ. Прошу васъ изъ разговоровъ его съ вами, изъ его расположенія на помощь мнѣ замѣтить, какъ ревностно онъ къ этому расположенъ, и еслибъ вы замѣтили, что и не совсѣмъ ревностно, то прошу васъ, и не примѣчая этого, направляйте его на все, какъ ревностнаго защитника, и онъ посовѣстится не быть таковымъ. Если-жъ вы замѣтите въ немъ расположеніе на графа Петра Ивановича Апраксина манеръ, не желаніе оправдать мою невинность, а какъ нибудь устроить переводомъ меня въ Петербургъ и еще хуже въ Новгородъ для сближенія съ дѣтьми [2]): то хотя ужъ это будетъ самая жалкая помощь, но пока и ея не отвергнемъ для того, чтобъ не быть отъ нихъ за 2 т. верстъ. Если онъ на это будетъ цѣлить, то нельзя ли вамъ склонить его дѣйствовать на свободу мою или на оправданіе, какъ уже съ жандармской стороны все къ тому настроено? А если вы увидите, что онъ не подается на это, то ужъ хотя и на переводъ меня, но не въ Новгородъ, а въ Петербургъ, хотя по болѣзни моей въ больницу или въ Сергіеву пустынь за 12 верстъ отъ Петербурга, если туда удобно; потому что тамошній архимандритъ Игнатій Брянчаниновъ, хвалящійся обращеніемъ Платона и отвращеніемъ его отъ меня, не былъ бы по необходимости уже за это прямо противъ меня врагомъ. Это мнѣ такъ кажется, а вамъ въ Петербургѣ это виднѣе. Потомъ, если бъ вы замѣтили, что Петръ Ивановичъ Озеровъ къ оправданію моему на освобожденіе меня и не подавался, и вы бы въ немъ увидѣли даже расположеніе дѣйствовать и вопреки этого, то ужъ лучше вамъ скло-

---

[1]) Т. е. брата по вѣрѣ; Озеровъ былъ Дубовицкому тесть. П. Б.

[2]) У Дубовицкаго были: сынъ (прославившійся впослѣдствіи врачъ и президентъ Медико-хирургической Академіи, потомства не оставившій) и двѣ дочери, изъ которыхъ одной, вышедшей за генерала Мерхелевича, досталось прекрасное имѣніе Дубовицкихъ подъ Рязанью. Другая дочь скончалась престарѣлой дѣвицею. П. Б.

нять на это полковника [1]) и предупредить переводъ свободою, и еслибъ и это казалось совсѣмъ невозможнымъ, то и при переводѣ меня исходатайствовать открыть мнѣ, что̀ мѣшаетъ дать свободу, въ чемъ полагаютъ меня виновнымъ, и дать мнѣ возможность къ оправданію. Да прошу покорнѣйше увѣдомить меня, видѣли ли вы графа Петра Ивановича Апраксина, исходатайствовали ли вы у него помощь мнѣ и какую? Еще прошу васъ сдѣлать милость, попросить полковника, чтобъ онъ вы просилъ себѣ на прочтеніе все обо мнѣ дѣло и списать мнѣ съ него копію со всѣми принадлежащими къ нему бумагами и съ донесеніемъ Лѣсовскаго [2]). Да если можно, пришлите изъ своихъ бумагъ копіи съ архіерейскаго къ вашимъ домашнимъ, а я, переписавши, подлинникъ возвращу имъ.

Генваря 11-го дня 1841 года.

4.

Ужъ удастся ли вамъ тамъ въ Петербургѣ съ полковникомъ что̀ для меня сдѣлать или нѣтъ, какъ Богу угодно! Но по вашему расположенію, въ этомъ послѣднемъ письмѣ выраженному, я никакъ не сомнѣваюсь, чтобы вы упустили употребить съ своей стороны все, что̀ только можете, и увѣренъ, какъ вы сказали, что не по секретарски, а какъ человѣкъ чувствующій и понимающій Божеское и то, что, помогая и защищая все мною ради Бога дѣланное и всю жизнь мою Ему посвященную, безъ всякаго намѣренія вы становитесь прямымъ защитникомъ Духа Христова и исповѣдникомъ Его. А вѣдь это не бездѣлица, а особенно, когда прямо вступаться будете съ таковымъ предъ Богомъ намѣреніемъ. Объ этомъ не будете раскаиваться на смертной постели вашей и за гробомъ порадуетесь, если Господь Іисусъ Христосъ, по непреложному обѣщанію Своему, благоволитъ къ вамъ примѣнить сказанное Имъ: «Всякъ, кто не постыдится Мною исповѣсть Меня въ мірѣ семъ грѣшномъ и прелюбодѣйномъ, то и Азъ исповѣмъ его предъ Отцемъ Небеснымъ и Ангелами Его». Какъ вамъ это кажется? Сколь велика эта награда? Не выше ли она всего земнаго и всѣхъ сокровищъ и наградъ сего міра? Вотъ по любви моей къ вамъ о Господѣ къ чему бы я желалъ склонить васъ и чѣмъ бы я желалъ вамъ отплатить.

Генваря 18-го дня 1841 года.

---

[1]) Кто этотъ жандармскій полковникъ ѣздившій изъ Казани въ Петербургъ, не знаемъ, ниже онъ названъ Петромъ Ѳедоровичемъ. П. Б.

[2]) Лѣсовскій былъ жандармскимъ генераломъ въ Москвѣ. П. Б.

5.

Изъ поступковъ графа Апраксина не очень-то я могу быть увѣренъ въ прямомъ его расположеніи на помощь мнѣ; если вы не могли выработать изъ него не только, чтобъ онъ написалъ прямо обо мнѣ къ Бенкендорфу, но ниже къ Дубельту, да даже не хотѣлъ и прямо попросить Перфильева *) о бумагѣ Лѣсовскаго, а не больше того сдѣлалъ, какъ токмо обратилъ васъ съ просьбою своею о томъ къ секретарю его; изъ всего этого, какъ вамъ кажется, можемъ ли мы ожидать чего нибудь на помощь намъ? И можетъ ли онъ за правду ручаться за меня? Если бъ онъ прямо отъ этого не отрекался (къ чему прежде безъ просьбы моей, по убѣжденію совѣсти своей, расположенъ былъ): то, кажется, не чрезъ Петра Ивановича долженъ бы былъ предлагать объ ономъ, но самъ прямо графу Бенкендорфу или по крайней мѣрѣ чрезъ Дубельта. Что же касается до того, что онъ при прощеніи просилъ полковника, то это даже очень было мнѣ смѣшно. Неужели онъ хочетъ всю свою помощь въ защиту оклеветанной истины ограничить токмо просьбою объ этомъ полковника, да еще васъ, чтобъ по пословицѣ «чужими руками жаръ загребать»? Вотъ, любезнѣйшій другъ, каковы люди! И этотъ чуть живой человѣкъ не помнитъ того, что того и гляди—умреть и на судъ Божій предстанетъ.

Генваря 25-го дня 1841 года.

Копія съ письма Дубовицкаго къ П. И. Озерову отъ 25 Генваря 1841 года.

Прошу тебя сказать бывшему нѣкогда почтеннѣйшему нашему благодѣтелю князю Александру Николаевичу Голицыну мое усерднѣйшее почтеніе и увѣрить его, что сердце мое за все прежнее и теперешнее милостивое его расположеніе къ дѣтямъ моимъ преисполнено къ нему наичувствительнѣйшей благодарности, не смотря на то, что онъ, теперь послѣ тебя всѣхъ болѣе меня знающій и совершенно увѣренный, что хотя я, по любви моей ко всѣмъ ищущимъ Господа, и могъ по отношенію онаго быть въ знакомствѣ съ людьми различнаго рода, но что по дарованному мнѣ Богомъ объему не частныхъ, а всеобщихъ истинъ, никогда не былъ и не могъ быть не токмо отступникомъ, но ниже малѣйше невѣрнымъ духу единой Святой Соборной и Апостольской Церкви; не смотря, говорю, что онъ, знавши все это и не могши не быть увѣреннымъ во всемъ ономъ, не защитилъ меня, какъ бы должно было другу цареву, прямо ему самому или побоч-

*) Степанъ Васильевичъ Перфильевъ, преемникъ умершаго Лѣсовскаго. П. Б.

нымъ образомъ, отъ оклеветанія меня на сей счетъ изъ предпочтенія связи своей съ Филаретомъ. Разсуждай и перетолковывай онъ объ этомъ какъ хочетъ, но самъ увидитъ, что предъ правдою Божіею одно то токмо окажется истинно, на что я по волѣ и во свѣтѣ Божіемъ указываю теперь ему.

Прошу также сказать мое усерднѣйшее почтеніе митрополиту Филарету Московскому и сдѣлай милость, осмѣлься попросить его прямо, чтобъ онъ благоволилъ изложить мнѣ письменно, въ чемъ находитъ онъ меня несобразнымъ съ Православнымъ ученіемъ Церкви, каковымъ я и выданъ теперь чрезъ него? И если онъ со всею своею ученостію не осмѣлится этого сдѣлать, потому что на письмѣ не то, что̀ на словахъ и по заочности утверждать это: то пусть, пока живъ, раскается въ этомъ и поправитъ свою ошибку; также и разувѣрилъ бы почтеннѣйшаго и столь милостиво бывшаго ко мнѣ расположеннымъ старца Серафима*) въ томъ, будто бы я обманывалъ его потому токмо, что не говорилъ съ нимъ объ отвлеченныхъ духовныхъ матеріяхъ. Вѣдь я тогда же ему говорилъ, что не говорю съ нимъ объ этомъ потому, что онъ самъ знаетъ и очень увѣренъ, что старецъ кромѣ простыхъ догматическихъ понятій не занимается никакими, подобно ему Филарету Московскому, духовными тонкостями и отвлеченностями, и что если бъ я сталъ говорить съ нимъ о подобныхъ предметахъ, то могъ бы соблазнить его этимъ, особенно еслибъ не имѣлъ возможности порядочно объяснить ему, какъ я объ нихъ понимаю. Не думаю никогда, чтобъ онъ, Филаретъ, могъ придраться чрезъ это къ поклепу на меня еретичествомъ. Ахъ, въ этомъ не понятіе Филарета виновато, но его сердце: ибо по понятію своему, какъ можно ему соблазниться о чемъ либо духовномъ изъ однихъ разговоровъ моихъ съ нимъ; какъ можно, говорю, соблазниться ему, Филарету Московскому, котораго не могло соблазнить (неужели потому, что тогда духовныя матеріи были при дворѣ въ модѣ!) кровосмѣшеніе съ дочерьми своими Лота? Филаретъ, могшій и самому такому дѣйствію, въ Запискахъ своихъ на Книгу Бытія, изданныхъ въ 1819 году, во 2-й части на страницѣ 227-й, дать оборотъ не токмо несоблазнительный, но даже въ цитатѣ своемъ, имъ на сей счетъ приведенномъ, сказать: «боюсь я, чтобы сіе кровосмѣшеніе не было чище чистоты многихъ».

Почтеннѣйшему и возлюбленному старцу Серафиму прошу сказать мое усерднѣйшее почтеніе и постараться, какъ можно, разувѣрить его въ томъ, что я не боюсь дать предъ Богомъ отвѣть, что никогда ни на волосъ не отступалъ и не отступаю отъ ученія единой Святой

*) Т. е. Петербургскій митрополитъ Серафимъ. П. Б.

Соборной и Апостольской Церкви; никого не отвелъ отъ нея, но, какъ ему самому извѣстно, многихъ привелъ къ ней, и что никогда ни въ чемъ не обманывалъ его, а говорилъ съ нимъ, какъ многоуважаемымъ мною архипастыремъ со всею сыновнею искренностію, не смотря на то, что не говорилъ съ нимъ нѣкоторыхъ матерій, о которыхъ говорилъ съ Московскимъ и къ чему онъ придравшись выдалъ ему меня и за еретика, и за обманывающаго его. Ахъ, возлюбленный мой другъ и братъ! Могли ли бы такъ поступать люди, еслибъ не токмо хоть мало любили Бога, но чувствовали бъ и помнили, что вотъ того и гляди умереть надо и стать на страшный судъ Божій? Оставляю на твою волю, на словахъ-ли разсказать или каждому изъ нихъ прочесть особо мною прописываемое. Пусть другой, какъ кто хочетъ, не помнитъ ни о смерти, ни о судѣ Божіемъ, но въ тебѣ я не сомнѣваюсь, чтобъ ты могъ забыть это и страхъ Божій, будучи на одномъ волоску отъ онаго, и чтобъ могъ дѣйствовать кой-какъ, а не прямо отъ всего сердца въ защиту истины съ сбереженіемъ своихъ возможностей для собственныхъ земныхъ выгодъ.

Генваря 25-го дня 1811 года.

6.

Дастъ ли Господь или не дастъ вамъ привезти мнѣ развязку, но очень радуюсь, что вы имѣете надежду на помѣщеніе сына вашего въ Морской Кадетскій корпусъ; даруй Господи за доброе ваше ко мнѣ расположеніе утѣшить васъ этимъ. Когда ужъ гр. А. Х. *) писалъ объ этомъ, то это можно полагать навѣрное, и я смѣло могу васъ съ этимъ поздравить.

Немудрено вамъ не быть въ театрѣ, будучи такъ обременену многими хлопотами, да и не быть въ немъ—не велика бѣда, потому что никто изъ посѣтителей его, при всей мнимой отъ него пользѣ, не сдѣлался лучше; а кто Бога ради отъ него отрѣкается, какъ отъ мѣста льстящаго токмо чувствамъ и чувственности и единственнаго на землѣ предпочтительно кабаку церковію не освященнаго, тотъ, не ходя въ него, дѣлаетъ еще лучше. Впрочемъ, если и будете въ немъ, то это меня не раздѣлитъ съ вами, развѣ токмо на то время, когда въ немъ будете, потому что, бывши въ немъ, мудрено сохранить страхъ Божій, присутствіе Божіе и память смертную, чего я желаю и вамъ, равно какъ себѣ, при всѣхъ наружныхъ дѣлахъ своихъ не выпускать этого изъ сердца ни на одну минуту, ибо sic transit gloria mundi; одна токмо истина Господня пребываетъ во вѣки.

---

*) Бенкендорфъ. П. Б.

7.

1841 года Февраля 20-го дня.

Сейчасъ былъ у меня любезнѣйшій сынъ вашъ Николай Никитовичъ. Это живое повтореніе васъ самихъ; прямо вамъ скажу, что онъ мнѣ очень полюбился и умомъ, и простотою, и добротою своего сердца, и прямымъ, открытымъ своимъ нравомъ и обращеніемъ. Помоги ему Господи ко всему этому научиться ходить въ присутствіи и страхѣ Божіемъ, и чрезъ то въ награду доброму родителю не токмо возростать въ такого же добраго, какъ и онъ, гражданина земнаго, но и небеснаго, понимающаго угнетенную о Господѣ невинность и умѣющаго и цѣнить ее, и сострадать ей.

Молю Господа, чтобы Онъ благословилъ увѣнчать успѣхомъ всѣ труды ваши обо мнѣ, которыми какъ я доволенъ, то не считаю нужнымъ объяснять вамъ, потому что изъ малыхъ моихъ этихъ словъ сердце ваше объяснитъ больше, чѣмъ я подробно бы выразить могъ. О, когда вы въ этакомъ духѣ и прямо изъ христіанскаго токмо расположенія дѣйствуете, то я никакъ не сомнѣваюсь, чтобы вы до самаго конца могли ослабнуть или перемѣниться или упустить сдѣлать все, чтò только будетъ вамъ возможно. А теперь, если это письмо мое застанетъ васъ въ Петербургѣ и еслибъ по неисповѣдимымъ судьбамъ Господу неугодно было увѣнчать успѣхомъ старанія ваши, то еще прошу васъ попросить отъ меня полковника оказать мнѣ одну и послѣднюю милость, имъ обѣщанную, т. е. собрать обо мнѣ всѣ предубѣжденія и вранье, какое только можно, или еслибы это ему было затруднительно, то что нибудь изъ этого такимъ образомъ, чтобъ онъ, возвратясь сюда по обѣщанію своему и по просьбѣ моей, могъ мнѣ прямо формально сообщить, что вотъ-де васъ для того и не выпускаютъ, что находятъ васъ въ томъ-то и въ томъ-то виновнымъ; а это нужно и необходимо мнѣ для того, чтобъ я чрезъ это могъ имѣть поводъ, отвѣтами моими полковнику, разбить въ пухъ весь этотъ вздоръ и просить его эти мои объясненія представить снова своему начальству и принаровить ихъ представить къ такому времени, когда сынъ мой, возвратясь въ Іюнѣ или Іюлѣ мѣсяцѣ, побывавши здѣсь и явясь къ полковнику, чтобъ дать себя видѣть, чтò онъ за человѣкъ, а главнѣйшимъ образомъ, чтобъ благодарить его за всѣ его къ намъ милости, эти представленія могли бы придти тогда, когда сынъ мой будетъ уже въ Петербургѣ; то можетъ тогда, по пробитой уже вами дорогѣ и еслибъ могъ найти средство, то съ помощію и своего новаго начальства, по поводу этихъ обо мнѣ возобновленныхъ представленій, дать рѣшительный къ лучшему оборотъ этому дѣлу. Вы меня поймете, хотя я и худо выражаюсь, какъ это нужно и какъ это можетъ послужить къ добру въ случаѣ

теперешней бы вашей неудачи и какъ приладить къ этому, чрезъ прочтеніе ли *стараго* обо мнѣ дѣла и выписки изъ него всего чтò только можетъ обвинять меня, или чрезъ другое какое средство, только сдѣлайте милость, постарайтесь это устроить. А теперь хочу вамъ хоть слегка отвѣчать на упомянутые вами обвинительные пункты.

На 1-е. Что я точно отъ роду моего не умѣю рисовать и не рисовалъ и ни съ кого портретовъ не писалъ. И самъ женился и отъ женитьбы никого не отговаривалъ; а врать на мой счетъ никому не запрещено, а тутъ доказаннаго ничего нѣтъ. Еслибъ обо всякомъ всѣ вранья слушать и собирать, то еще больше на меня собрать можно; а жизнь моя, засвидѣтельствованная гражданскимъ и духовнымъ начальствами, показываетъ совсѣмъ тому противное.

На 2-е. Точно, въ бытность мою въ Петербургѣ въ 28-мъ году или около этого, было обо мнѣ по этому самому предубѣжденіе, будто бы я врагъ женатаго состоянія. Исторія на мой счетъ о побѣгѣ купчихи Шрейдерши отъ мужа своего, будто бы я былъ этому причиною, потому токмо, что эта Шрейдерша, по знакомству съ гувернеромъ и гувернанткою, въ домѣ моемъ находившимися, бывала у нихъ, и по заключенію изъ того, что и меня видѣла и будто бы мною побуждена къ оставленію своего мужа, въ чемъ сей послѣдній такъ былъ увѣренъ, что тогда же доводилъ объ этомъ жалобу и до Государя. Государь приказалъ, къ счастію моему, бывшему тогда начальникомъ главнаго штаба покойному графу Дибичу-Забалканскому разсмотрѣть это дѣло. Дибичъ вытребовалъ отъ митрополита подписку мою, при каковой я уволенъ на свободу изъ Кирило-Бѣлозерскаго монастыря, и какъ изъ оной видя мою невинность, такъ и изъ отвѣтовъ отысканной и пойманной жены Шрейдера, показавшей, что я никогда и не думалъ ее склонять къ оставленію мужа своего и что она совсѣмъ по своимъ особеннымъ резонамъ оставила его, уклонилась и найдена была у людей совсѣмъ мнѣ неизвѣстныхъ; то Дибичъ, видя весь этотъ вздоръ и поклепъ на меня, тогда же доложилъ объ этомъ дѣлѣ и Государю, и мнѣ объ этомъ дѣлѣ ниже упоминаемо было. А узналъ я о всемъ этомъ происшествіи тогда же отъ бывшаго хорошо ко мнѣ расположеннымъ С.-Петербургскаго митрополита Серафима, который, пріѣхавши изъ Синода, разсказалъ мнѣ, что онъ во время присутствія спросилъ по поводу требованной отъ него моей подписки бывшаго оберъ-прокурора князя Мещерскаго, почему она обо мнѣ требуется? И когда оберъ-прокуроръ отвѣчалъ ему «я не знаю» и что «самъ хотѣлъ спросить объ этомъ вашего высокопреосвященства», то митрополитъ въ полномъ присутствіи Синода отвѣчалъ ему: «Я осудилъ Дубов. по дошедшимъ ко мнѣ объ немъ бумагамъ, а когда узналъ его теперь лично, то знаю, что онъ есть истинный христіанинъ»; и, обратясь къ нынѣшнему Кіевскому

Филарету (а тогда бывшему Рязанскимъ, гдѣ мы жители), спросилъ его: знаете ли вы г. Дубов. и какъ вы его находите? И когда тотъ отвѣчалъ, что я коротко его знаю и не нахожу въ немъ что либо противнаго истинному христіанству, то тогда митрополитъ, обратясь къ оберъ-прокурору, сказалъ: «я не знаю, почему эта записка требуется о Дубов.; но вотъ какъ мы объ немъ разумѣемъ». Кажется, таковыя обо мнѣ понятія, столь публично въ самомъ священнѣйшемъ мѣстѣ и еще при живыхъ таковыхъ знаменитыхъ духовныхъ теперь лицахъ объявленныя, больше мнѣ дѣлаютъ чести и оправданія, нежели вздорные обо мнѣ слухи, ни на чѣмъ кромѣ основанные, какъ на пустыхъ обвиненіяхъ.

На 3-е. Почему я не женю сына? Не токмо не хочу, чтобъ онъ не женился, но даже очень желалъ бы, чтобъ на достойнѣйшемъ человѣкѣ могъ женатъ быть. Старшая дочь больна, а младшая молода, да и слишкомъ убита горемъ бѣдствія нашего, чтобъ теперь ей думать о замужствѣ [1]). Что же касается до того, что женился (у меня) дворовый человѣкъ, то у меня не одинъ онъ, а почти вся дворня женатыхъ; да и всегда во всѣхъ деревняхъ каждый годъ по приказанію моему дѣлались сотни свадебъ, и всѣхъ мужескаго 18-ти, а женскаго 17-ти лѣтъ заставлялъ всегда жениться; а еслибы былъ противъ этого, то могъ ли бы такъ поступать? На вранье пусть справятся и съ дворнею, и съ крестьянами, то тогда чѣмъ противъ этого возразить могутъ?

На 4-е. Что Аракчеевъ и Филаретъ гонятъ меня, то они точно гонятъ; само дѣло доказываетъ это [2]). А почему они васъ не гонятъ, то на это много есть резоновъ; но чтожъ изъ этого доказываетъ вину мою, что будто потому я и виноватъ, что меня гонятъ, а вы правы, что васъ не гонятъ. Что точно слѣдователемъ найдены у меня скамейки и колокольчики, въ томъ я нимало не запираюсь, что они у меня были, какъ и у всѣхъ водятся въ приличныхъ мѣстахъ, въ дѣвичьей и въ лакейской, изъ гостиной для зву людей или при входахъ въ домъ, да на столѣ; а совсѣмъ не подведены такими машинами, чтобы всякой незнающій входомъ могъ зацѣпиться и произвестъ звонъ. Это смѣху достойный вздоръ и никогда небывалая нелѣпость, которую надобно же было помѣстить слѣдователю, не находя ничего дѣльнаго. А скамейки были въ домѣ, и довольно: и въ дѣвичьей, въ столовой и въ лакейской около столовъ, гдѣ они обѣдаютъ. Вотъ смѣху достойное преступленіе! И какъ серіознымъ людямъ могутъ говорить это? Неужъ-

---

[1]) Обѣихъ дочерей своихъ Дубовицкій училъ повивальному искусству („Р. Архивъ" 1873, стр. 1147). Сынъ его женатъ, кажется, не былъ. П. Б.

[2]) Сказано о прошедшемъ времени: графа Аракчеева уже семь лѣтъ не было въ живыхъ, когда писано это письмо. П. Б.

то я въ томъ только виноватъ, что не было у людей вмѣсто скамеекъ креселъ да стульевъ? Ужели полковникъ безъ смѣху это могъ слушать обо мнѣ обвиненіе? А не правда ли, что я въ показаніяхъ моихъ выписалъ ему самое главное? Ахъ, куда бы я желалъ, чтобы вы порылись въ дѣлѣ и сличили съ моею, поданною Лѣсовскому, запиской, о несправедливости слѣдствія донесеніе его! Почему нашли у меня отставныхъ солдатъ и разныхъ людей, то это показано во всѣхъ моихъ бумагахъ, что было у меня, сверхъ большею частію крѣпостныхъ людей, человѣка четыре солдатъ и нѣсколько вольныхъ, то на это есть особенная поданная мною записка при дѣлѣ, сколько ихъ было, какихъ лѣтъ, какими должностями занимались и съ какихъ лѣтъ въ домѣ.

На 5-е. Почему дѣти уѣхали? Причина явная—для операціи переломленной руки сына и для лѣченія и нахожденія въ лучшемъ климатѣ чуть живой дочери моей; вотъ и все, а другихъ никакихъ нѣтъ. А почему перешелъ изъ К. У.*) въ Мед. Х. Академію? То это по единогласному избранію его всею Академіей въ члены свои, безъ всякаго его исканія и по совершенному моему на это согласію.

Да скажите, пожалуйте, неужто ужъ всякій находящійся не подъ закономъ, а подъ благодатію, долженъ и въ гражданскихъ отношеніяхъ подвергаться въ буквальномъ смыслѣ всякому осужденію безъ всякаго законнаго основанія? То обвиняютъ меня, какъ сказалъ сыну моему гр. А. Х., что я, какъ сумасшедшій, заперся въ домѣ своемъ и никуда не выѣзжаю; то этотъ даже благонамѣренный, упоминаемый вами человѣкъ, въ томъ, что будто я имѣю намѣреніе, напротивъ того, привлекать къ себѣ людей; а дѣло доказываетъ, что ни того, ни другаго не было и нѣтъ. А если они хотятъ знать подлинную причину, почему меня гонятъ, то нѣтъ другой кромѣ объявленной Апостоломъ Павломъ, состоящей въ томъ, что «всѣ хотящіе благочестно жить о Христѣ Іисусѣ гонимы будутъ» и пр. и пр. Да еще сдѣлайте милость, спросите ихъ, неужели я такая тварь, что лишилась всѣхъ правъ законныхъ къ оправданію своему, и могутъ меня обвинять безъ всякаго основанія и закона, какъ хотятъ? Неужели до меня только не касаются сейчасъ выписываемые вамъ попавшіеся мнѣ изъ Французскаго уложенія пункты, которые, будучи основаны вѣрно на всѣхъ правахъ, и у насъ таковы же, вопреки которыхъ болѣе 10-ти лѣтъ гонятъ меня и напротивъ ихъ поступаютъ; а сіи пункты гласятъ слѣдующее:

Уложеніе закона. Статья V. Права человѣка: «Нельзя воспретить того, чтò законы не воспрещаютъ; слѣдовательно только то преступленіе, чтó законы запрещаютъ».

*) Т. е. изъ Казанскаго Университета. Говорится про Петра Александровича Дубовицкаго, впослѣдствіи славнаго медика. П. Б.

Статья VII. Права человѣка: «Никто не можетъ быть обвиненъ, взятъ подъ караулъ или посаженъ въ тюрьму иначе, какъ въ случаяхъ, законами опредѣленныхъ, и по предписанному въ нихъ порядку».

PS. Не можно ли, сдѣлайте милость, если неудобно показать письмо это, то выписать мои отвѣты и показать ихъ полковнику, да хоть бы и самому генералу? Но не знаю ужъ: это вамъ виднѣе, можно ли вамъ это сдѣлать; если нельзя письмомъ показать, то не годится ли на словахъ прояснить это?

1841 года, Февраля 20 дня.

8.

Послѣднее тяжелое письмо ваше отъ 23 Февраля я получилъ 4 Марта, тяжелое не по недостатку вашего дружества или старанія или христіанскаго вашего участія, а по рѣшенію столь жестокому гр. Б., не хотѣвшему ни во что вникнуть; и такъ какъ Озеровъ напередъ уже сказалъ вамъ о чрезвычайномъ его противъ меня предубѣжденіи, а потомъ и молчаніи его на просьбу обо мнѣ Оз., то изъ всего этого можно видѣть, что это не Государь, а его мнѣніе, которое онъ подвелъ только подъ его заключеніе. Ужасно для меня это тяжело было; но чтò дѣлать? Даруй Господи и этому покориться, и не просто, а сколько можно со всею охотностію! Только съ чего взяли переводить меня въ Москву, я не понимаю.

Марта 6-го дня 1841 года.

9.

Извините меня, что на первое письмо ваше отъ 24-го Маія я до сихъ поръ не отвѣчалъ. Если искренна пословица: не будь гостю запасливъ, а будь ему радъ, то сердце, сердцу вѣсть подающее, скажетъ вамъ, что въ послѣднемъ точно не было недостатка. Хотя шербетъ и внезапно раздѣлилъ насъ и не допустилъ меня выпроводить васъ, куда я хотѣлъ; однакожъ, если вспомните, то сознаетесь, что при внезапной разлукѣ сказалъ вамъ, чтобъ вы не шли на мельницу; а такъ какъ вы слишкомъ уже за это довольно наказаны и сознаете въ этомъ вину свою, то повинную голову и мечъ не сѣчетъ, и не смѣю бранить васъ за сіе, но впредъ совѣтую ни на мельницу, ни на Козью слободу ѣздить, а покойной гладкой Московской дорогою, переѣхавши Казанку, за Зиланьтьевымъ повернуть на Клуицы. Хотя версты двѣ и подальше, но за то покойно и гладко; а тамъ никуда годно; даже и третьей дорогою, переѣхавши на Козью слободу, берегомъ, мимо ягоднаго и чугуннаго завода, и тутъ очень же дурно *).

*) Кизическій монастырь, куда въ началѣ 1840 года переведенъ былъ Дубовицкій изъ Седміезерской пустыни подъ Казанью, находится близъ Казани. Оттуда, въ Іюлѣ 1841 года, его перевезли въ Перекомскій монастырь, въ 25 верстахъ отъ Новгорода. П. Б.

Если я хочу васъ еще безпокоить моею покорнѣйшею просьбою, то въ этомъ пеняйте вы сами на себя: вольно вамъ прельстить меня наизустъ говоренными вами стихами Геллерта о вѣчности. Великія въ нихъ истины вамъ пріятны, памятны и чувствительны, но мнѣ совершенно необходимы; ибо онѣ суть главнѣйшая пища моя, и я для нихъ и ими живу токмо, и потому я уже никакъ не отстану отъ васъ, чтобъ не упросить васъ—все, что̀ только припомните вы изъ нихъ, списать мнѣ, а которыя строфы или стихи вы не припомните, тѣ обозначьте точками; да еще упомянуть, въ какомъ году и въ какомъ журналѣ писаны были, и имя переводчика оныхъ Граматина. Но чтобъ поменьше обременить васъ этимъ, то позвольте прислать къ вамъ, назнача день и часъ, моего писаря, дабы вы могли надиктовать ему. Если у васъ есть рѣшеніе Государя о Морходскомъ, то прошу сообщить.

Маія 31-го дня 1841 года.

10.

Не откажите, какъ покойнику отдать послѣдній долгъ преданіемъ его землѣ, такъ и мнѣ оказать, по обѣщанію вашему, послѣднее одолженіе отправить для препровожденія меня отсюда не съ квартальнымъ, а съ жандармомъ. Это я приму за ваше новое особенное меня одолженіе. А такъ какъ для исполненія сего нужно будетъ сношеніе правящаго должность губернатора съ вашимъ полковникомъ, а можетъ быть напередъ и личные переговоры, то прошу васъ покорнѣйше, почтеннѣйшій другъ, обязать меня уладить это, какъ у губернатора, такъ и Петра Ѳедоровича упросить объ этомъ; и сіе тѣмъ удобнѣе вамъ устроить, пока Петръ Ѳедоровичъ еще здѣсь; а можетъ быть пока и военный губернаторъ не пріѣхалъ. Сыну моему непремѣнно должно быть сюда для разсчету съ Университетомъ; то очень бы хорошо для меня было, еслибъ мнѣ позволено было за срокъ, т. е. и въ Іюлѣ мѣсяцѣ, пробыть здѣсь въ ожиданіи его недѣли двѣ-три; но впрочемъ, если это можно и сколько можно, и этимъ бы очень обязали меня; но главнѣйшимъ образомъ прошу васъ о жандармѣ.

1841 года, Іюня 6-го дня.

А стихи о вѣчности?

Кстати сказать: къ чему въ подорожной прописывать всю исторію, а не просто, какъ въ Петербургѣ и Москвѣ писали: по высочайшему повелѣнію такому-то отъ Казани туда-то съ будущими? Нужно упомянуть—съ будущими, потому что̀ при мнѣ будутъ два человѣка.

11.

Отъ всего моего сердца и еще болѣе желаю вамъ всего того же, чего и вы мнѣ желаете. Что же касается до моего освобожденія,

то такъ какъ предубѣжденія людскія уважаются болѣе, нежели нарушеніе какихъ либо законовъ, то сквозь нихъ пробиваться къ свободѣ наружной чуть ли не гораздо труднѣе, чѣмъ пробиваться къ царству небесному и къ свободѣ вѣчной. Ожегшись вашимъ жандармскимъ обо мнѣ ходатайствомъ, за которое, не смотря на сіе, сохраню въ сердцѣ моемъ навсегда полковнику вашему чувствительнѣйшую благодарность, и вамъ за всѣ ваши при томъ хлопоты, однакожъ опять просить скоро о свободѣ и безъ расположенія точнаго тѣхъ, которые рѣшительно испросить ее могутъ, никакъ не рѣшусь; а скорѣе готовъ просить о переводѣ меня для разсмотрѣнія высшаго духовнаго начальства въ Петербургъ, въ Невской, предпочитая это, какъ тамъ предлагали сыну моему взять меня на свое поручительство, изъ страха предъ Богомъ, какъ бы это ни было унизительно, не мнѣ, къ чему пріучилъ меня Господь, но святой истинѣ Его. Что-же касается до здѣшняго житья моего, то, благодареніе Господу, оно не хуже Казанскаго.

Благодарю васъ покорнѣйше за увѣдомленіе меня о Казанскихъ новостяхъ; прошу и впредь при случаѣ не оставить симъ и увѣдомить меня о любезномъ сердцу моему человѣкѣ, Августѣ Карловичѣ, отъ котораго я ничего не получилъ и не знаю, что̀ съ нимъ дѣлается; и сказать ему, что я дружески его цѣлую. Да еще просилъ бы васъ покорнѣйше увѣдомить меня по имени, гдѣ который изъ вашихъ сыновей въ здѣшнемъ краю находится. Я слышалъ, что Зилантьевскій архимандритъ Гавріилъ, по ссорѣ его съ архіереемъ, о которой онъ при отъѣздѣ моемъ намъ разсказывалъ, смѣненъ изъ ректоровъ; то гдѣ онъ теперь, въ Зилантьевѣ ли опять, и живъ ли Поповъ и тамъ ли онъ находится? Поздравляю васъ съ новымъ губернаторомъ Шиповымъ*); вѣрно всѣ, какъ новаго, превозносятъ; а каковъ-то въ самомъ дѣлѣ?

1842 года, Генваря 18-го дня.

12.

1842 года, Марта 12 дня.

Отвѣтъ 24 Апрѣля.

Полно, правда ли, почтеннѣйшій другъ, что одного только вы желаете и просите у Бога—молитвы и слезъ умиленія? Не токмо еслибъ одного этого просили вы токмо у Бога, но еслибъ часто и главнѣйшимъ образомъ этого просили у Него, то вѣрно бы не были по нѣскольку мѣсяцевъ лишены сего; а видно, что житейскія хлопоты и заботы это время должное чувство къ Богу совсѣмъ изгоняли.

---

*) Это былъ Сергѣй Павловичъ, столь извѣстный Москвѣ. П. Б.

Я не понимаю, для чего вы на такую невѣрную должность балотировались; развѣ токмо для того, чтобъ испытать, какъ несправедливы сужденія человѣческія? Благодарю васъ за увѣдомленіе о Казанскихъ новостяхъ. Съ трудомъ въ иныхъ мѣстахъ разбирая вашу руку, я не могъ разобрать фамилію генерала отставнаго, Мепези что ли, или что-то на это похоже; видно, онъ Казанскій помѣщикъ или теперь тамъ житель. Еремѣеву дали обѣдъ, а сами бранятъ въ запуски; каковы же подлецы! Также и тѣ не лучше, которые стараго губернатора, въ которомъ всѣ искали и подтрушивались къ нему и которымъ всѣ почти были довольны, бранятъ; а новаго, неизвѣстнаго, хвалятъ. Такого рода людямъ всегда это свойственно.

Благодарю васъ за передачу моихъ чувствъ почтеннѣйшему Петру Өедоровичу, также и за сообщеніе письма вашего Августу Карловичу; онъ и подозрѣвать никакъ не могъ, что я ему, не давая даже и никакого виду, готовилъ невѣсту, очень добрую и хорошую собой, съ пятью стами душами приданаго, мою родную племянницу, дочь сестры моей, которая такъ мнѣ вѣритъ, что дѣлу бы совсѣмъ быть, еслибъ, до пріѣзда сестры ко мнѣ въ Казань, не поладила бы она съ однимъ дивизіоннымъ генераломъ, въ деревнѣ ея квартировавшимъ; почему, узнавши объ этомъ и какъ генералъ точно хорошъ, я ужъ не хотѣлъ разстраивать; а Августу Карловичу, вѣрно, это и въ мысль не приходило. Не совѣтую ему жениться на какихъ нибудь вертушкахъ Казанскихъ: хоть и съ приданымъ возметъ, да какъ потянутъ его быть рабомъ этого приданаго—столъ дѣлать въ восемь тысячъ, а посему же и прочее разумѣвай; а не такъ, такъ прощай! А совѣтую ему лучше взять хоть бѣдную, да добрую благочестивую религіозную Нѣмку; такихъ найтить можно у Геренгутеровъ, въ Геренгутѣ и въ Ригѣ, въ мызѣ Нейвелка близъ оной, гдѣ подъ ихъ ученіемъ такія воспитываются, гдѣ и Анна Өедоровна училась, такую добрую да хорошую, которой ужъ не онъ будетъ слуга, а она ему все будетъ умѣть для него сшить, состряпать. Да скажите ему, чтобъ какъ можно выбиралъ изъ нихъ такую, какая на свой вкусъ пригодиться можетъ, чтобъ могла и его научить христіанству, въ чемъ онъ долженъ ее слушать и ей повиноваться; чтобы такую изъ бѣдныхъ нашелъ, вотъ хоть подобную Аннѣ Өедоровнѣ, только, разумѣется, молодую; такъ она не только дѣтей, но и его-то воспитаетъ въ христіанствѣ; да найдя такую и взявши матушку свою съ собой, которая ни въ чемъ ему не помѣшаетъ, и уѣхалъ бы съ нимъ жить въ Геренгутѣ, не между простыми колонистами, а между благочестивыми; тамъ жить ему благочестиво удобно, и счастливъ онъ будетъ съ такою и временно, и вѣчно; да съ этакою онъ и службой своей, не другой, а теперешней, прокормиться можетъ, если оставитъ

всѣ прихоти и пустыя знакомства; а въ Геренгутъ уѣхать гораздо лучше. А еще скажите ему, чтобы кромѣ этого другихъ затѣй на женитьбу, на свою пагубу, никакъ не затѣвалъ, ибо нонче ни на какой бракъ не посмотрятъ: все подъ ногу, да и только!

Благодарю васъ за отсылку письмеца моего отцу Гурію; въ немъ только спрашивалъ я его, получилъ ли онъ мое письмо, къ прошедшему Рождеству писанное, съ приложеніемъ копіи письма моего къ Московскому; а такъ какъ я не получилъ отъ него на это отвѣта, то сдѣлайте милость, когда увидите, спросите его и при случаѣ увѣдомьте меня, и о томъ спросите его: почему онъ не отвѣчаетъ мнѣ на исполненное любовію письмо мое. Ободрите его, что писать ко мнѣ можно, чтобъ онъ не пугался, и скажите ему, что я самъ не измѣняюсь въ любви и его полагаю неизмѣняющимся, подобно людямъ вѣка сего: какъ скоро наружное сношеніе кончили и за глаза, то ужъ и забыто.

Очень радъ, что предобрыйч еловѣкъ, архимандритъ Гавріилъ, только этимъ отдѣлался съ Сибирскими кляузами, и тому очень радъ, что онъ опять въ Зилантьевѣ для утѣшенія Попова, ибо онъ очень его почитаетъ, а тотъ его любитъ *).

Вы пишете, что у меня мало надеждъ на свободу. Нѣтъ, ихъ бы очень было бы довольно, ибо Кіевской сыну моему говорилъ, что онъ удивляется, почему вздумали меня въ еретики поставить, прибавляя: вотъ жаль, что старецъ-то Серафимъ боленъ, а то бы ему надо было прямо объяснить Государю; я его очень знаю, какая въ немъ ересь. Тутъ у него былъ и Синодскій членъ оберъ-священникъ, и тотъ подтверждалъ тоже, и одинъ изъ Синодскихъ, дѣлецъ большой, имѣющій большое вліяніе на всѣхъ и на докладчика, подымалъ все дѣло и читалъ, и кромѣ лжи и вздору ничего въ немъ не нашелъ: то кажется, по этой дорогѣ всего бы лучше. А еслибъ духовные сдѣлали запросъ къ жандармскимъ, то сынъ мой познакомился съ этимъ экспедиторомъ (не забылъ ли я фамилію—Гедерштремомъ?), и тотъ ему все обѣщалъ, и съ Дубельтомъ, и тотъ его хорошо принялъ и все ему обѣщалъ же. Но не добьюсь еще толку, отчего Петруша не продолжаетъ дѣйствовать этимъ путемъ, а вдругъ пишетъ ко мнѣ, что его упросилъ, панской просьбой горше приказа, Клейнмихель взять на себя изданіе Академическаго журнала хирургическаго, долженствующаго подлежать чтенію, суду и критикѣ Европы, и что онъ, думая ему угодить этимъ (ибо прежнимъ издателемъ, котораго нарочно для этого выписывали, онъ недоволенъ), заслужитъ отъ него настоящее стараніе и на помощь освобожденія мнѣ. Мнѣ первый ходъ казался гораздо простѣйшимъ и ско-

*) Поповъ, сосланный въ Зилантьевъ монастырь за принадлежность къ Татариновкому кружку, въ этомъ 1842 году скончался. П. Б.

рѣйшимъ, какъ по той части, по которой обвиняютъ меня; а второй очень кажется протяжнымъ и долгимъ. Не знаю, какъ вамъ покажется, а отъ него объ этомъ я еще толку не получилъ. Въ разсужденіи знакомства графа съ Кіевскимъ и въ прочемъ, конечно графъ можетъ пригодиться; но самъ по себѣ недостаточенъ: ибо все, чтó было и есть теперь у васъ тяжеловѣсное въ губерніяхъ, очень, очень въ Петербургѣ всегда легковѣсно.

Объ увѣдомленіи о Степанѣ Никитичѣ вашемъ благодарю васъ. Я всегда представлялъ Новгородской корпусъ въ городѣ, и какъ бы мнѣ удобно было съ нимъ тогда сноситься; пишите ему отъ меня, что я его цѣлую и желаю милости Божіей и успѣха въ ученіи его. Для чего жъ вы меня не увѣдомили и о другихъ вашихъ дѣтяхъ? Можетъ быть, случится быть въ Петербургѣ, то я познакомился бы съ ними. Сколькими шарами черными и бѣлыми выбранъ Булыгинъ и кто подъ нимъ и сколькими шарами перевѣсилъ его Булыгинъ? Мое ли это дѣло? Да ужъ такъ и быть, когда на то пошло!

13.

1842 года Іюня 6-го дня.

Чтò мнѣ сказать вамъ на счетъ молитвы? Молитесь и кайтесь, какъ знаете и какъ сумѣете: все лучше нежели, совсѣмъ оставлять и и то и другое, боясь всегда не излишка, а недостатка въ ономъ. Однакожъ при томъ со всею искренностію скажу вамъ, что и то и другое плохо, очень плохо и здѣсь въ день суда, и къ вѣчному нашему блаженству, помогутъ намъ, если мы не токмо совѣстью нашею, но даже и разумомъ признаваемую ничтожность, лесть, обманъ и суетность вѣка сего предпочтемъ Христу, т. е. любви Его, правиламъ и ученію Его и не будемъ отъ всего сердца, согласно съ первою заповѣдію, отъ всей души и отъ всей силы воли нашей стараться по нихъ, пока есть еще самое коротенькое къ тому время устраивать всю жизнь нашу, хотя и не съ преимущественнымъ, какъ бы должно было, но по крайней мѣрѣ точно съ такимъ же искреннимъ стараніемъ и усердіемъ, съ каковыми безпрестанно заботимся устраивать наружную жизнь нашу.

Право, совѣты мои, писанные мною въ прошломъ письмѣ моемъ къ вамъ и любезнѣйшему другу Августу Карловичу, очень, очень не худы и весьма удобны не токмо къ вышесказанному теперь вамъ, но и къ временному наивозможнѣйшему здѣсь спокойствію и блаженству. Говоря просто про преимущество жениться на Нѣмкѣ, вы, видно, плохо меня поняли, про какого рода Нѣмку говорю я; такая, на каковой писалъ я вамъ, желалъ ему я жениться, есть очень, очень не простая,

а съ именемъ, да еще и съ именемъ-то самымъ величайшимъ, т. е. съ именемъ Іисуса Христа, съ обладаніемъ духа Его, сердце которой, преимущественнѣе всѣхъ богатствъ и знатностей вѣка сего, можетъ осчастливить его, дѣтей его и дальнѣйшее потомство его. А чтобъ дать Августу Карловичу еще яснѣе понятіе, на какого рода человѣка указываю я ему, то пусть онъ вспомнитъ про ту крестьянскую дѣвку, которая во все полугодичное время его со мной житья одна только полюбилась мнѣ и обратила на себя мое вниманіе: какая въ ней простота, доброта и неподдѣльная чувствительность и благородство! Не нравилась ли она также и ему и не была ли она ему любезна таковою же любовію, какъ и мнѣ, и не сознавался ли онъ въ томъ, что еслибъ ей придать токмо воспитаніе и образованіе (каковое благочестивые Геренгуторы придаютъ своимъ), то какъ далеко превзойдетъ она всѣхъ притворно-простыхъ и невинныхъ не токмо въ собраніи Пятигорскомъ нами видѣнныхъ танцовщицъ, которыхъ пусть вспомнитъ, какъ искусно я ему ихъ передразнивалъ, но и на всѣхъ танцботахъ находящихся? Если и Августъ Карловичъ въ этомъ совѣтѣ моемъ ему не больше понялъ меня, какъ тоже токмо жениться на Нѣмкѣ, то мнѣ это очень жаль; ибо я охотно такъ и писалъ, что надѣялся, что онъ, пробывши со мной полгода, добротою сердца своего ознакомился съ этимъ языкомъ моимъ, и очень увѣренъ, что еслибъ онъ на этотъ ладъ, какъ я писалъ, устроилъ себя, то онъ скорѣй бы въ этомъ указываемомъ мною нижнемъ кругу (нижнемъ, но высокомъ по его цѣлямъ и ограниченности всѣхъ прихотей и нуждъ), скорѣй бы гораздо могъ устроить себя и найдти спокойствіе своей жизни, пока еще и годà къ этому не ушли, чѣмъ искавши чего нибудь повыше, да только лживаго и обманчиваго, которое будетъ переводить его, не давая ему успокоиться, изъ одного обмана въ другой; вотъ какъ и теперь съ прискорбіемъ слышу о несостоявшейся надеждѣ его на городничество.

Много и премного благодарю васъ, почтеннѣйшій другъ, за прямые, искренніе ваши совѣты на счетъ моего дѣла. Я сейчасъ, съ должною предосторожностію выписавши все это изъ письма вашего, переслалъ къ сыну. Точно духовнымъ путемъ всего лучше бы было идти къ моему оправданію; ибо Кіев. очень коротко меня знаетъ, также и об. с. Ку. меня знаетъ дѣло и невинность мою и совсѣмъ за меня; но вдругъ въ этой части сдѣлалось землетресеніе, которое, какъ, можетъ быть, вамъ ужъ извѣстно, какъ обыкновенно при землетрясеніи бываетъ, перевернуло все вверхъ дномъ и такъ, какъ бы совсѣмъ ожидать не можно. Скажи, можно ли было думать, какъ по крайней мѣрѣ я навѣрно слышалъ, чтобы и К., и М. отпущены въ безсрочный

отпускъ [1]), и потому возможность идти этимъ ходомъ попортилась. Пет. хочетъ теперь подать просьбу своему начальнику; но онъ такъ занятъ, что нѣсколько недѣль не можетъ добиться его увидѣть; то еще теперь труднѣй найдти свободное время объяснить и попросить его; а чтȯ изъ этого будетъ, не знаю. Теперь вы мнѣ пишете бывшій отвѣтъ Государя другой; а тогда сказывали, что онъ сказалъ: когда былъ два раза, то кто за него поручится, чтобъ не попалъ и въ третій. А такъ какъ меня безъ какого нибудь уязвленія посрамленіемъ не выпустятъ, то я поневолѣ уже соглашаюсь, чтобы Пет. прибавилъ въ просьбѣ по изложеніи въ ней въ короткихъ словахъ или прямѣе намекнувъ о моей невинности, о хорошихъ отзывахъ, вслѣдствіе вышесказаннаго отвѣта, сказавъ, что онъ ручается за меня. Не знаю, ограничатся ли этимъ однимъ ручательствомъ, или бы еще не стѣснили чѣмъ.

Если вашъ новый губернаторъ есть сынъ того Шипова, съ которымъ я хотя одинъ разъ встрѣтился въ домѣ князя Василья Васильевича Долгорукова, но хорошо его узналъ, какого онъ былъ человѣкъ расположенія и чувствъ, по прямой защитѣ его предъ покойнымъ родителемъ моимъ всего хода и всѣхъ расположеній моихъ? Имя и отечества его не помню. А если узнаете, что отецъ его, будучи при старости въ подагрѣ, ходилъ всегда въ плисовыхъ сапогахъ, то это онъ. И хотя дѣти и рѣдко бываютъ похожи на отцовъ, но если онъ такихъ свойствъ, какъ вы пишите, то мнѣ очень пріятно видѣть, что сынъ похожъ на отца своего. Что же касается до помѣшательства на мелочахъ и точностяхъ и отъ сего происходящихъ до крайности излишнихъ бумагомараній, то это, видно, модное помѣшательство; и каковъ человѣкъ ни дѣловой гр. Клейнм., но тѣмъ же самымъ зараженъ.

14.

Отв. 24 Февр.

Въ разсужденіи Петра Ѳеодоровича я очень сожалѣю, что онъ, будучи добрымъ человѣкомъ, оставляетъ такую должность, въ которой можно, если не прямо дѣлать добро или совсѣмъ не вредить, то по крайней мѣрѣ дѣлать его сколько можно менѣе. Онъ уже давно здѣсь [2]), и я былъ у него съ моею благодарностію и со всѣмъ моимъ семействомъ, равно и онъ бываетъ у насъ. Я говорилъ ему прямо, что онъ не хорошо дѣлаетъ, что перемѣняетъ службу, какъ по этимъ причинамъ, такъ и по содержанію и по генеральскому посту, имъ за-

[1]) Который бы нибудь изъ нихъ, это бы немудрено; но что обоихъ, то это очень мудрено. *Примѣчаніе Дубовицкаго.* Говорится о двухъ митрополитахъ Филаретахъ. П. Б.

[2]) Т. е. въ Петербургѣ, куда Дубовицкій прибылъ въ Іюлѣ 1842 г., взятый на поручительство своимъ сыномъ. П. Б.

нимаемому; и по его отвѣтамъ видѣлъ, что онъ оставляетъ ее не почему кромѣ, какъ потому, что не произвели его въ генералы тогда, когда за отличіе другихъ произвели. Но по моему, кажется, нѣтъ резону оставлять службу, ибо за отличіе производство не есть обойти его чиномъ и по старшинству, и по линіи; но онъ такъ въ этомъ заупрямился, что и слышать не хочетъ. Развѣ послѣ не перемѣнитъ ли свои мысли? Стало быть Казань очень недовольна вашимъ новымъ губернаторомъ и видно, каковъ ни былъ Стрекаловъ, но, по добротѣ его сердца, жалѣютъ объ немъ. У г. Попова я еще не былъ, потому что совѣтовали у нихъ же погодить докладывать, чтобъ не получить поспѣшнымъ напоминаніемъ отказа; а еще болѣе потому, что дожидаюсь просить о семъ, оттого что не уладился объ этомъ съ тѣмъ, отъ кого это зависитъ, т. е. того, помните, который испортилъ наше дѣло и кажется мнѣ, что мимо его идти просить Попова не испортить бы дѣла, потому что оно въ рукахъ того; то какъ бы онъ и опять не испортилъ, когда пойдешь мимо его. Когда вамъ случится писать ко мнѣ, скажите, какъ вы думаете объ этомъ? Если захотятъ найдти препятствіе, то мудрено ли имъ найдти къ разрѣшенію сего? Жить же здѣсь, правда ваша, что несравненно покойнѣе не только что противъ какой губерніи, но даже и Москвы. Не только ежели случится услышать, но даже и постараюсь узнать о каковомъ выгодномъ для васъ мѣстечкѣ въ Петербургѣ, и не премину васъ увѣдомить. Впрочемъ скажу вамъ, что должности здѣсь, особенно съ хорошимъ содержаніемъ, очень затруднительны. Одинъ изъ нашихъ родственниковъ хотѣлъ перемѣнить службу; но какъ ни искали онъ и мы ему мѣста, а никакъ найдти не могли, почему и принужденъ оставаться на прежнемъ. Графъ Петръ Ивановичъ предобрый человѣкъ и еще болѣе щедрый на обѣщаніяхъ; но правда ваша, что вѣрить ему ни въ чемъ нельзя.

Генваря 20-го дня 1843 года. (С. П. Б.).

15.

Получ. 30 Декабря. Отв. 3 Генваря (1844).

Много вамъ благодаренъ за сохраняемую вами любовь ко мнѣ и доброе расположеніе. Мнѣ же нельзя къ вамъ перемѣниться, помня, какъ дорогà милостыня во время скудости. А въ разсужденіи неисправности нашихъ другъ другу переписокъ, по которой иногда случается такъ долго не отвѣчать, то мы въ этомъ другъ передъ другомъ квиты, взыскивать другъ на друга вѣрно не будемъ; ибо я въ васъ твердо увѣренъ, и вѣрно вы во мнѣ не усомнитесь, что неисправная наша пере-

писка тогда только бываетъ, когда нѣтъ особенной надобности наскоро отвѣчать. Отцу архимандриту Гавріилу прошу засвидѣтельствовать мое усерднѣйшее почтеніе, поблагодарить его за память обо мнѣ и сказать ему, что я прошу его о неоставленіи меня любовію его и молитвами. Августу Карловичу прошу сказать, что я его дружески объемлю и желаю ему успѣха въ его предпріятіяхъ. Графъ мнѣ сказывалъ, болѣе мѣсяца тому назадъ, объ опредѣленіи его въ городничіи въ городъ Чистополь, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ и собственно имъ выпрошенномъ, чему онъ очень радовался, что ему удалось добро сдѣлать человѣку; но я тогда же, до исполненія, плохо этому вѣрилъ, и также думаю, какъ и вы, что Поль, по старой дружбѣ къ нему, скорѣе можетъ помочь, нежели графъ. Очень много благодаренъ вамъ за то, что познакомили меня съ весьма честнымъ, добрымъ и правдивымъ человѣкомъ, Михаиломъ Михаиловичемъ; только дѣло мое идетъ очень туго, и не изъ кузова и не въ кузовъ. Подалъ я просьбу въ Августѣ, задолго до отъѣзда Государя; долго, много было затрудненія для представленія графу чрезъ Д. *) и рѣшился на это только наканунѣ отъѣзда, отчего представленіе объ этомъ пошло; послано уже было въ Берлинъ и отвѣтомъ было: *переговоримъ*. По возвращеніи же Государя графъ былъ все боленъ и доложилъ по просьбѣ моей токмо 9 Декабря, на чтò вышло неожиданное совсѣмъ рѣшеніе—снестись объ этомъ съ правящимъ теперь должность Моск. воен. ген.-губ. Щербатовымъ и 10 Декабря объ этомъ къ нему послано и отвѣтъ еще не полученъ, и каковъ будетъ, неизвѣстно; если нагородятъ какого-нибудь вздора, все дѣло будетъ испорчено.

Декабря 22-го дня 1843 года.

16.

Марта 25-го дня 1844 года.

Получ. 6 Апрѣля. Отв. 1 Мая.

Дружеское письмо ваше отъ 12-го Февраля я получилъ, еще бывши въ Петербургѣ; а теперь вотъ уже я очутился близъ Рязани у моей матушки провести съ нею великій праздникъ Свѣтлаго Воскресенія Христова, съ которымъ и васъ обще съ милостивою государынею матушкою вашею и дѣтьми вашими усерднѣйше имѣю честь поздравить и желаю вамъ провести оный во всякомъ благополучіи и приношу вамъ мою покорнѣйшую благодарность какъ за дружескую вашу память обо мнѣ, такъ и за посланный вами мнѣ медъ, который до отъѣзда моего изъ Петербурга еще не получилъ, а придетъ, видно,

*) **Дубельта.** Дубовицкій вѣроятно просилъ полной свободы. Съ сыномъ своимъ и дочерьми онъ не уживался. П. Б.

послѣ меня, за который постараюсь также отслужить вамъ какимъ нибудь лакомымъ Петербургскимъ кусочкомъ. Посмотрю, каково-то ваше пчеловодство? Бѣлый это или зеленый медъ? Дѣтей вашихъ точно давно не видалъ въ Петербургѣ у себя, хотя и заѣзжалъ провѣдать вашего горнаго во время его бывшаго нездоровья.

Въ разсужденiи извѣстнаго вамъ моего дѣла скажу вамъ, что оно кончилось совсѣмъ неблагополучно, какъ я долженъ бы былъ ожидать. Не знаю по какимъ точно кознямъ и интригамъ, по отвѣту ли правящаго должность Московскаго военнаго генералъ-губернатора, которому, говорятъ, былъ запросъ по повелѣнiю Государя о мнѣнiи его на разрѣшенiе мнѣ опеки и о снятiи съ сына моего поручительства обо мнѣ, на которое будто онъ отвѣчалъ, что опеку снять и поручительство разрѣшить должно, *но съ наложенiемъ при томъ* (а по какимъ причинамъ онъ находилъ нужнымъ, не сказываютъ объ этомъ мнѣ) *запрещенiя на продажу и закладъ имѣнiя моего*; не знаю, говорю, по тамъ ли сдѣланнымъ какимъ интригамъ, или въ Петербургѣ (ибо мнѣ никакихъ бумагъ, объ этомъ писанныхъ, не показывали; а потому я прямо и знать не могу, какъ и отчего это сдѣлалось), только слѣдствiемъ этого было то, что меня, бывшаго прежде какимъ-то секретнымъ преступникомъ, распубликовали теперь, при запрещенiи имѣнiя, таковымъ на всю Россiю: ибо при томъ упомянуто, «что я придерживался какихъ-то особенныхъ религiозныхъ правилъ, за чтò содержался въ монастыряхъ; но нынѣ, по удостовѣренiю въ перемѣнѣ образа моихъ мыслей, освобождается изъ опеки имѣнiе и снимается попечительство сына обо мнѣ». Я противъ извѣстнаго человѣка вамъ ни въ чемъ не манкировалъ; а почему онъ не охуждаетъ эти мѣры и какъ-то, кажется, холоденъ къ помощи противъ этого, то и объ этомъ я не знаю; и теперь, имѣя на себѣ долги и нужду въ необходимой покупкѣ продаваемой близъ деревень моихъ земли, нахожу себя этимъ очень стѣсненнымъ. Имѣю нужду, какъ для расплаты долгами, такъ и для покупки оной, еще заложить имѣнiе и занять деньги, а разрѣшить имѣнiе изъ этого запрещенiя чуть-ли не будетъ труднѣе и самаго снятiя съ него опеки. Да къ тому же этакое разглашенiе повсюду анаѳемою тоже не очень прiятно. Но ужъ на это намъ не учиться стать; а какъ бы избавиться отъ этого запрещенiя, не знаю я, какъ и придумать; ибо много подозрѣнiй на это наводятъ и домашнiе враги мои по сказанному: враги человѣку домашнiе его. Разлука десятилѣтняя охладила дѣтей моихъ ко мнѣ; а либеральныя мысли чужеземныя еще болѣе ихъ со мною разстроили, то и на нихъ сомнѣваюсь я, какъ въ этомъ, такъ и впередъ въ помѣшательствѣ въ ономъ; ибо къ нимъ присоединяется еще новый помощникъ, избранный безъ меня дочерью

моею въ мужа себѣ, съ одобренія и согласія другихъ дѣтей, командующій теперь гвардейскою артиллеріею генералъ-маіоръ Мерхелевичъ. Вотъ видите, какъ я съ вами искрененъ, что ни дальность разстоянія, ни время въ разлукѣ меня къ вамъ не перемѣняетъ, въ полной увѣренности, что вы, если можете, то скажете мнѣ добрый совѣтъ и поможете мнѣ, а не употребите во зло оной. Я здѣсь пробуду только нѣсколько дней на Святой, и думаю, если Богу угодно, поѣхать отсюда въ Елецкую деревню и, тамъ пробывши нѣсколько, къ Маію или въ первыхъ числахъ Маія возвратиться въ Петербургъ. Писать ко мнѣ можете; чтобъ повѣрнѣе дошло, то адресуйте: на Васильевскомъ острову въ 7-й линіи, въ домѣ Герасимова, квартиру въ немъ *его благородію Ивану Карловичу Черлицкому*. Удивляюсь я болтовнѣ графа; онъ мнѣ говорилъ объ опредѣленіи Августа Карловича въ Чистополь, которому прошу сказать, что я мысленно его цѣлую, какъ о дѣлѣ совершенно имъ конченномъ.

17.

Получ. 10 Іюля. (1844) Отв. 22 Іюля.

Кажется, въ послѣднемъ письмѣ моемъ увѣдомлялъ я васъ объ отъѣздѣ моемъ изъ С.-Петербурга и о нахожденіи моемъ въ Елецкой моей деревнѣ для размежеванія съ сосѣдями, куда я думалъ отлучиться изъ Петербурга на короткое время. Находясь же въ деревнѣ моей, возобновившіеся припадки жестокаго насморка, которые доселѣ съ сороковаго года отъ употребленія Кавказскихъ минеральныхъ водъ оставили меня въ покоѣ, вдругъ заставили меня сверхъ моего чаянія рѣшиться пуститься опять на Кавказъ, чтобы не допустить усилиться какъ симъ припадкамъ, такъ и прочимъ недугамъ моимъ. Тѣмъ болѣе я рѣшился на сіе, что время года для употребленія водъ еще не упущено, и нахожденіе мое въ Ельцѣ ближе отъ Петербурга чѣмъ на половинѣ пути отъ Кавказа; почему я, немедленно собравшись, 5-го сего Іюня очутился здѣсь въ Пятигорскѣ и употребляю здѣшнія животворныя воды, и думаю, если Богу угодно будетъ, пробывши здѣсь мѣсяца два съ чѣмъ нибудь, т. е. не далѣе половины Августа мѣсяца, къ Сентябрю возвратиться въ Елецкую мою деревню и, пробывъ тамъ мѣсяцъ для окончанія межеванія, оттуда отправиться въ Рязань къ родительницѣ моей, и къ 1 Ноября, если Богъ дастъ живъ и здоровъ буду, возвратиться въ С.-Петербургъ. Изъ всего этого вы, почтеннѣйшій другъ, видѣть можете, какъ далеко я разъѣхался съ присланнымъ вами мнѣ гостинцемъ-медомъ и проч., котораго хотя въ глаза и не видалъ еще, но получилъ извѣстіе отъ Екатерины Алексѣевны, что гостинецъ вашъ доставленъ исправно, за который приношу вамъ мою покорнѣйшую благодарность.

PS. Прошу васъ сказать Августу Карловичу, что хотя и всегда я люблю его и никогда не забываю; но, находясь теперь въ Пятигорскѣ, еще болѣе воспоминаю о немъ по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ мы съ нимъ жили и хаживали, по гостинницѣ, которую мы съ нимъ вмѣстѣ посѣщали, а всего болѣе по нѣжнымъ и благороднымъ его поступкамъ со мною, бывшимъ арестантомъ его, а особенно по рапорту его обо мнѣ, и теперь доставляющему мнѣ немалое утѣшеніе тѣмъ, что благородное его сердце умѣло такъ хорошо понять и выразить всѣ мои чувства и расположенія. Кстати объ немъ: неужели онъ и до сихъ поръ не городничій въ Чистополѣ и неужели графъ, увѣрившій меня объ этомъ, какъ о дѣлѣ совсѣмъ уже конченномъ, о чемъ онъ такъ радовался, неужели графъ все это солгалъ? Это такъ мнѣ имъ было выдано за вѣрное, что, при всемъ познаніи графа, вѣрить не могу, чтобы все это было только одинъ обманъ и ничѣмъ бы кончилось.

По написаніи уже письма сего, сейчасъ получилъ дружеское письмо ваше отъ 1-го Маія, пересланное ко мнѣ изъ Петербурга. Чтобы не быть у васъ еще долѣе въ долгу моимъ отвѣтомъ, спѣшу его отправить такъ, какъ оно есть, прибавя въ отвѣтъ на ваше послѣднее въ разсужденіи сказаннаго вами на счетъ гибельныхъ плодовъ духа времени, которые такъ очевидно въ глазахъ нашихъ созрѣваютъ и которому даже никто и ничто никакого оплота положить не можетъ. Подумайте, почтеннѣйшій другъ, куда и къ чему это поведетъ! Ибо это не частное, а общее есть дѣйствіе духа сего вездѣ и во всемъ.

Въ разсужденіи распубликованія обо мнѣ, хотя Господь помогаетъ мнѣ, какъ и все бывшее со мною, сносить не токмо терпѣливо, но и съ такимъ удовольствіемъ и радостію въ духѣ, что содрогнулся бы отъ ужаса пожалѣть когда либо объ этомъ или пожелать промѣнять это на всѣ сокровища и славу міра сего; но при всемъ томъ, говоря по отношеніямъ земнымъ и человѣческимъ, невелико утѣшеніе въ томъ, что изъ секретнаго преступника, каковымъ былъ доселѣ, сдѣлали меня явнымъ, и невеликъ секретъ, когда всѣ палаты и досмотрщики объ этомъ знаютъ, по Польской пословицѣ: то не бенде-секретъ, ни тее мнится кеды бенде везетъ фурманъ и возницы; и по симъ же отношеніямъ всего болѣе отъ кого и чрезъ кого это сдѣлалось!

18.

Вѣдь вамъ хорошо извѣстно, что я хотя и не совсѣмъ безграмотный, но при всемъ томъ, будучи очень плохой грамотѣй, написавши все письмо, не умѣлъ самъ разставить въ немъ точекъ и запятыхъ, и надобно было просить кого нибудь объ этомъ и о томъ, чтобы нѣсколько для облегченія вашего понятія погладить шероховатость слога; а тако-

вое мое невѣжество происходитъ ни отъ чего инаго, какъ отъ худаго воспитанія моего, потому что вмѣсто ученія въ молодости я съ лакеями лазилъ по избамъ голубей ловить и дѣлалъ всякія другія глупости, и за таковое мое воспитаніе, какъ способнѣйшее къ нищетѣ духа, я непрестанно приношу благодареніе Господу и родителямъ моимъ. Вотъ за этими-то точками да запятыми и все дѣло останавливалось въ посылкѣ моего письма къ вамъ. Неужели, опять спросите вы, нельзя мнѣ въ Петербургѣ найти на это способнаго человѣка? Да неужели вы не знаете, что за преизбытокъ беззаконія такъ изсякла теперь любовь, что и на эдакую бездѣлицу не скоро найдешь человѣка, а ужъ сдѣлать что нибудь изъ христіанской любви, и говорить о томъ нечего; развѣ обрѣютъ тебя (помните анекдотъ про цирульника, мною вамъ разсказанный), какъ кошку. Всѣ меня оставили, и безъ особенной Божіей помощи ни на какое дѣло, даже и на такую бездѣлицу, едва найдешь помощника. И при порядочномъ внѣшнемъ состояніи и, какъ вамъ довольно извѣстно, при добромъ, кроткомъ, откровенномъ и во всякомъ человѣкѣ искательномъ нравѣ, не говорю уже при исполненномъ ко всему человѣчеству и къ самымъ непримиримымъ врагамъ моимъ наинѣжнѣйшей Христовою любовію сердцѣ, и при всемъ этомъ, говорю, нахожусь я въ совершенномъ сиротствѣ и оставленіи отъ всѣхъ. На меня всѣ глядятъ... какъ на помѣшаннаго если не совсѣмъ, то нѣсколько и на нѣкоторыхъ пунктахъ, а именно: на любви моей и образѣ служенія моего Господу, какъ на безумнаго фанатика; а если по совѣсти захотятъ признаться, то не рѣдко, какъ на дьявола. Такова участь предрѣчена была униженному Христу во всемъ Ветхомъ Завѣтѣ, а особенно въ 53-й главѣ пророка Исаіи; такова была Ему доля и по пришествіи Его до 1846 года; такова, а не иначе достается и до самаго явнаго славнаго пришествія Его доставаться Ему будетъ въ сокровенномъ пришествіи и непрестанномъ пребываніи Его на землѣ подъ покровомъ слабаго, ничтожнаго, грѣшнаго человѣчества. Какъ тогда Онъ казался, да и не могъ казаться иначе людямъ, а особенно, когда зацѣпитъ ихъ за живое, какъ дьяволомъ, такъ и теперь; и наоборотъ, какъ тогда, такъ и теперь, всѣ невозрожденные въ Богѣ люди не могутъ мнѣ, глядя на нихъ Его глазами, казаться иначе, какъ чадами отца ихъ діавола. Смотря на людей и просто по здравому разсудку, видишь ихъ столь подлыми и низкими во всѣхъ ихъ желаніяхъ, чувствованіяхъ и намѣреніяхъ, что не достаетъ расположенія духа имѣть съ ними общеніе, а я съ моими, Богомъ раскрытыми во мнѣ, свойствами кажусь имъ до нестерпимости скученъ и несносенъ. Вотъ положеніе мое, въ какомъ я нахожусь, оно очень незавидно по наружности. Никого, кажется, не

прельстишь имъ. Но вотъ странность: уловляя васъ изъ всѣхъ силъ и уговаривая на этотъ совсѣмъ невыгодный путь, не должно ли было бы скорѣе скрывать отъ васъ всѣ невыгоды, чѣмъ открывать вамъ ихъ, и не токмо открывать, но и напередъ, когда еще даже вы и не рѣшились вступить на оный путь, завѣрять васъ, что коль скоро искренно вступите на него, то тотчасъ будете дѣлаться болѣе и болѣе участникомъ во всемъ мною о себѣ сказанномъ? Но какъ быть! Таковъ былъ всегда и теперь продолжается способъ уговариванья Христова на послѣдованіе Ему, при которомъ Онъ никогда никому не обѣщалъ и не обѣщаетъ красныхъ дней на землѣ, да и корыстью будущаго вѣка заманиваетъ токмо худо вѣрующихъ Ему. Нѣтъ, на Его пути не заведешь себѣ ни друзей, ни пріятелей; люби, какъ хочешь, людей, да не потворствуй страстямъ ихъ, то никому не полюбишься; сухая ложка, по пословицѣ, ротъ деретъ. Вотъ по всему этому-то и на разставленіе этихъ точекъ и запятыхъ (отчего опоздалъ послать письмо вамъ) не возьмешь же съ улицы кого попало, а все-таки для этого нуженъ человѣкъ съ нѣкоторымъ понятіемъ; насилу поймать и уговорить могъ. Да развѣ нѣтъ у васъ сына, скажете вы, и притомъ ученой персоны и для того именно и ученой и посвященной? Нѣтъ, до того ли ему, попавшемуся въ колесо закруги міра сего!

16-го Марта 1846 года,
С.-Петербургъ.

19.

Послано 16-го Марта 1846 года.

Если сличить это письмо ваше съ прежде писаннымъ вами отъ 13-го Сентября о паденіи вашемъ, то всякая благочестивая душа не можетъ не надивиться, ни довольно возрадоваться такой великой перемѣнѣ въ образѣ вашего понятія, вдругъ и такъ внезапно съ вами случившейся, и не увидѣть въ этомъ ясно перстъ Божій и дѣйствіе въ васъ Духа Святаго. Еслибъ даже и вы сами, по недостаточной вашей въ этомъ опытности и по обычной привычкѣ ложнаго смиренномудрія считать себя сего недостойнымъ, стали отрекаться сего, то никто бы вамъ изъ опытныхъ въ ономъ людей повѣрить не могъ, будучи всякой самъ въ себѣ увѣренъ, что Духъ Святый, по молитвѣ къ нему нашею Церковію возсылаемой, приходитъ и вселяется по призыву души кающейся, не только еще нечистой и неправедной (въ противность тому, какъ то ложно предполагаютъ), но даже самой гнуснѣйшей и наипогибшей, грѣшной, дабы ее чрезъ Свое въ ней раскрытіе спасти и очистить отъ всякой грѣховной скверны, какъ сказано въ оной молитвѣ: пріиди и вселися въ ны, а потомъ уже добавлено: и очисти ны отъ

всякія скверны и спаси, Блаже, души наша. Не худо даже при семъ дать вамъ замѣтить и то, что и самое пришествіе въ насъ Духа Святаго дѣлается и бываетъ гораздо проще, нежели разумъ человѣческій, судя по молитвѣ сей, можетъ представить себѣ; ибо хотя въ буквальныхъ словахъ ея и выражается пришествіе, а потомъ вселеніе въ насъ Духа Святаго, при чемъ понятію человѣческому всегда кажется снисшествіе Его какъ бы съ видимаго неба (ибо истинное небо, адъ, рай и царство Божіе, все извнутри, въ насъ самихъ, по сказанному: «вы есте храмъ Бога живаго и царствіе Божіе внутрь васъ»); но въ самомъ дѣлѣ это совсѣмъ не такъ: ибо Вездѣсущему и вся Исполняющему и внутри насъ Находящемуся не нужно ни сходить, ни приходить, а Онъ всегда тотчасъ готовъ въ насъ раскрыться, коль скоро мы истиннымъ раскаяніемъ и потомъ оставленіемъ грѣховъ дадимъ Ему къ этому въ себѣ возможность. Если вы повѣрите моей въ этомъ опытности, то и сами тотчасъ своимъ опытомъ въ этомъ удостовѣритесь, а потомъ время отъ времени начнете болѣе и болѣе удостовѣряться и воскликнете вмѣстѣ со мною, если и не *прямо: вѣрую*, то хотя такъ, какъ упоминали въ этомъ письмѣ съ прибавленіемъ: *вѣрую, Господи, помози моему невѣрію.* И потому, хотя и совсѣмъ не нужно бы мнѣ приводить вамъ для удостовѣренія въ оном цитаты изъ книгъ, но по новости вашей въ оном приведу вамъ о семъ сказанное Василіемъ Великимъ въ бесѣдахъ его: «въ каждомъ человѣкѣ находится Духъ Божій, и свободнымъ отъ страстей (или могу я къ тому прибавить: дѣйствіемъ Его начавшимъ отъ оныхъ освобождаться) подаетъ Онъ особенную силу, а имѣющимъ же отъ грѣховныхъ нечистотъ смущенную мысль — оныя не удостоиваетъ». Вы не можете не удостовѣриться въ этомъ такъ ясно, какъ въ собственномъ бытіи своемъ, когда приложите къ этому слова Спасителя, что Онъ пришелъ взыскать и спасти погибшаго; а приходилъ и пришелъ на землю не токмо назадъ тому за наступающій 1846 годъ (съ которымъ кстати усердно васъ поздравляю, ибо это писано до новаго года, но за хлопотами не успѣлъ докончить и послать къ вамъ), но и теперь находится въ насъ самихъ по сказанному: Слово плотію сдѣлалось и вселилось въ насъ и Само, вознося́сь, удостовѣрило насъ, что Оно пребудетъ въ насъ и съ нами (разумѣется, въ тѣхъ, которые даютъ Ему въ себѣ мѣсто, слушаются и повинуются гласу Его) во вся дни до скончанія вѣка. Не правда-ли, что таковая близость къ намъ Господа и существенное Его съ нами соединеніе какъ неизрѣченно восхитительно, радостно, такъ страшно и ужасно? Ибо изъ этого само собою видно, какой тяжкій отвѣтъ дадимъ мы Господу, если этому великому таинству и милосердію Его къ намъ предпочтемъ грѣховное, суетное и безумное.

Не могу также не обратить вашего вниманія и на изрѣченную въ этомъ вашемъ письмѣ великую истину, столь мною неожиданную отъ васъ, какъ отъ едва начинающаго и неопытнаго въ путяхъ духовныхъ, опытомъ токмо дознаваемую и неоцѣненную въ глазахъ состарѣвшагося и старѣющагося въ оныхъ путяхъ, а именно: вы молите Господа, чтобы Онъ даровалъ вамъ признавать Его высокую благодать и свое ничтожество, т. е. просите познанія о томъ, что Богъ есть все, а тварь—ничто; а это-то и есть самая коренная истина, такъ сказать, мать всѣхъ истинъ. Кто же вамъ внушилъ хотя и слабое понятіе о ней и о прочемъ изъ ней происходящемъ въ отношеніи опытнаго познанія себя самого и глубины нашей лукавой собственной воли, какъ не духъ Того, про Котораго сказано: «посредѣ васъ стоитъ, Его же вы не вѣстѣ»? Посредѣ не должно разумѣть какъ будто только стоящаго между нами, но какъ о существенно въ насъ находящемся.

Вы не выходите изъ моего сердца, изъ духовной утробы Христовой любви, во мнѣ носящей васъ, мучающейся и желающей васъ породить въ чадо Ему, если токмо вы съ своей стороны вѣрою своею будете не мѣшать, а содѣйствовать къ сему; и это важнѣе всѣхъ моихъ наставленій вамъ и отвѣтовъ на письма ваши: ибо не въ словахъ царствіе Божіе, а въ силѣ, а силу эту вы существенно ощутите въ себѣ, еслибъ на это рѣшились по мѣрѣ покорности воли вашей и вѣры вашей Христу во мнѣ, въ такомъ случаѣ могущему тогда изливаться на васъ и претворять васъ день ото дня въ новаго человѣка. О семъ доздѣ. Довольно и слишкомъ довольно сказано о семъ величайшемъ таинствѣ для имѣющаго ухо слышать, которое и началъ Господь отверзать вамъ, если только не заглушите его суетами, заботами житейскими и безпрестанными сообществами съ людьми Богу мертвыми.

Что же касается до писаннаго вами о молитвѣ, то хотя я и доволенъ, однако не вполнѣ, что сердце ваше дѣлается способнымъ вкушать животворящую силу молитвъ, по внушенію Духа Божьяго Св. Отцами писанныхъ. И точно, справедливо выраженіе въ стихахъ Лермонтова, которые, помните, вы привезли въ мое Седміезерское заточеніе и меня ими утѣшили:

Въ минуту жизни трудную
Когда тѣснится въ сердце грусть,
Тогда молитву чудную
Твержу я наизусть.
Есть сила непонятная
Въ созвучьи словъ живыхъ,
И дышетъ благодатная
Святая сила въ нихъ.
Съ души, какъ бремя, скатится,
Сомнѣнье далеко,
И вѣрится, и плачется,

Вотъ, изъ всего вами объ молитвѣ сказаннаго, я вижу, что вы придерживаетесь не другой, а этой токмо усладительной и корыстной молитвы. Хотя я и не мѣшаю вамъ въ этомъ, но сказать долженъ, что, при всей добротѣ этой молитвы, не совсѣмъ твердое основаніе молиться по книгамъ и по чужимъ молитвамъ Богу. Когда въ сердцѣ вашемъ дѣйствіемъ Св. Духа и непрепятствованіемъ свободной вашей волѣ къ раскрытію въ васъ самихъ Слову, плотію содѣлавшемуся, когда, говорю, въ сердцѣ вашемъ допустите раскрытію искренняго желанія соединиться во Іисусѣ Христѣ и чрезъ Іисуса Христа, въ васъ сущаго, съ Богомъ: то Онъ же Самъ, породя въ васъ различныя нужды въ отношеніи сего, раскроетъ въ васъ и Свои собственныя объ этомъ молитвы къ Отцу Его и по милости Его къ Отцу нашему, къ Богу Его и по милости Его къ Богу нашему, хотя и не въ такихъ складныхъ и ладныхъ словахъ, какъ въ молитвахъ, въ книгахъ писанныхъ. Эти молитвы хотя и прекрасны и по вдохновенію Духа Божьяго писаны, но при всемъ томъ въ сравненіи съ собственною молитвою, отъ собственныхъ нуждъ сердца къ Богу возносимою, не въ витіеватыхъ и не во многихъ словахъ заключающеюся, можно сравнить съ прекрасно-написанною просьбою о чужомъ, инородномъ дѣлѣ, представляемую въ судъ вмѣсто собственной, хотя и неладной, но прямо объясняющей въ чемъ собственно дѣло и нужда состоятъ.

На сказанное вами относительно дѣтей вашихъ, что вы хорошіе успѣхи ихъ въ наукахъ и *пока добрую* (ваши слова) нравственность, согласно со мною, признаете за незаслуженную милость Божію, не знаю, такъ ли вы въ этомъ согласны со мною, какъ я точно это вижу. Всѣ дары природные и къ наукамъ конечно не иное что́, какъ незаслуженная милость Божія; но по понятію изъ опыта я ясно вижу, что эта милость Божія и раскрытіе въ дѣлахъ этихъ даровъ и способностей есть очень опасное дѣло: потому что по злоупотребленію человѣческому, которое для насъ всего ближе и свойственнѣе, они ни къ чему кромѣ послужить не могутъ, какъ къ раскрытію собственности и самодовольствія, т. е. при всей образованности къ превращенію ихъ въ совершенныхъ дьяволовъ. Такъ всегда бываетъ, кромѣ весьма рѣдкихъ исключеній. А путешествіе въ чужіе края, какъ я изъ опыта же вижу, еще болѣе напыщая и надмевая, усовершенствуетъ въ превращеніи въ дьяволовъ, даже при всемъ видимомъ, кажущемся добрѣ. Изъ сказаннаго мною вы можете видѣть, какъ я, смотря на васъ, такъ сказать, сквозь собственный опытъ и видя васъ радующимся успѣху дѣтей вашихъ въ наукахъ, нахожу, васъ, по пристрастію къ нимъ и худому понятію о воспитаніи, весьма ошибающимся, бѣднымъ и жалкимъ человѣкомъ. Очень знаю, что не собственно науки служатъ причиною

превращенія людей, какъ выше сказалъ, въ живыхъ дьяволовъ, а злоупотребленіе ихъ волею человѣческою; но чѣмъ болѣе снабжать ихъ средствами къ тому, тѣмъ для нихъ вреднѣе и опаснѣе, и потому очень, очень жаль тратить деньги и время на таковое ученое образованіе, а еще болѣе на путешествіе, небезопасное и для самой твердой нравственности. А къ чему все это, какъ не къ открытію токмо удобнѣйшаго пути къ чинамъ, почестямъ, превозношенію и славѣ міра сего, слѣдовательно удобнѣйшаго пути и къ большей гибели. И потому, если отецъ знаетъ, въ чемъ состоитъ истинное воспитаніе, то онъ долженъ ихъ какъ можно ближе держать къ себѣ, нисколько не заботясь, что они будутъ незначущи и невелики въ мірѣ семъ. На это можно много сдѣлать возраженій, завести объ этомъ споры и найти столько за и противъ, что совсѣмъ и не выпутался бы изъ этой путальницы, еслибъ единое необманчивое слово Божіе и Св. Писанія не разрѣшало, свидѣтельствуя утвердительно намъ, что тѣлесное обученіе вмалѣ полезно, а благочестіе на все: ибо ему принадлежитъ обѣтованіе настоящей и будущей жизни. Зная и будучи увѣренъ въ этой истинѣ, я никакъ бы не простилъ себѣ, еслибъ все воспитаніе мое дѣтей моихъ не основывалось единственно и совершенно на оной. Но если они, войдя въ совершеннолѣтіе и раздѣлясь со мною, отвергнули ее и вмѣсто того, чтобы идти вмѣстѣ со мною по тѣсному и узкому пути Христову, избрали пространный и общій путь вѣка сего, то не моя уже въ томъ вина, и совѣсть не укоряетъ меня предъ Богомъ: но про васъ смѣло могу сказать, что вы не можете въ этомъ предъ Нимъ быть такъ правы, какъ я, какъ въ намѣреніяхъ воспитанія дѣтей вашихъ, такъ и въ безпристрастіи вашемъ къ нимъ. Къ чему вамъ, такъ сказать, надрывая себя, мучить себя пріобрѣтеніемъ имъ имѣнія? Я совѣтую вамъ нимало не заботиться доставлять имъ болѣе, нежели сколько необходимо нужно и сколько состояніе ваше позволить можетъ. Я это заключаю изъ того, что Петербургскія ваши дѣти, находясь на казенномъ содержаніи, какъ вы говорите, стоятъ вамъ болѣе 1000 рублей въ годъ. Воля ваша, это ужасная роскошь и при богатомъ состояніи. Въ этихъ же корпусахъ я знаю дѣтей, которые не истрачиваютъ даже ста рублей, и на самомъ лучшемъ счету. Если вы, отложа плотскую, чувственную любовь вашу къ дѣтямъ, оставите ихъ проходить великое училище *нужды*, то больше имъ сдѣлаете пользы, нежели доставленіемъ всѣхъ временныхъ пособій. Вы слишкомъ къ нимъ пристрастны и слишкомъ нечистою, грѣшною любовію любите ихъ. Они уже въ совершеннолѣтнемъ возрастѣ; оставьте каждому изъ нихъ идти своимъ путемъ и превосходнымъ училищемъ *нужды*; а вамъ пора приняться хорошенько самого себя воспитать для вѣчности, главнѣйшимъ же образомъ забо-

титься о томъ, какъ бы отрѣшить свое сердце отъ привязанности ко всему земному, страшась и ужасаясь сказаннаго Спасителемъ: «аще кто любитъ жену, отца, дѣтей паче Меня, недостоинъ Меня».

На письмо ваше отъ 23 Ноября скажу вамъ, что если вы сознаёте себя виноватымъ, что давно ко мнѣ не писали, то, судя по наружности, чѣмъ я могу оправдаться предъ вами, что на столько писемъ вашихъ до сихъ поръ молчалъ и вдругъ на всѣ теперь только отвѣчаю вамъ? Не правда-ли, что я совсѣмъ предъ вами виноватъ, и нѣтъ никакихъ словъ къ оправданію, добавя: *судя по наружности*. А судя по всему моему къ вамъ расположенію, выше сего къ вамъ писанному, произведенному письмомъ вашимъ отъ 13-го Октября, и по правдѣ Божіей, которая совсѣмъ несходна съ правдою человѣческою, выходитъ совсѣмъ напротивъ, а именно, что не я, а вы передо мною виноваты: ибо, нося васъ за все, мною тамъ же упомянутое, все это время передъ Богомъ въ сердцѣ моемъ, я былъ болѣе нежели въ частой, почти въ безпрестанной о Господѣ корреспонденціи съ вами; и еслибъ сердце ваше въ Немъ же вѣрою и любовію вашею ко мнѣ обращаемо было, и вы были бы внимательны къ этому роду моей съ вами корреспонденціи (къ чему и прошу васъ впредь быть внимательными), то посредствомъ оной получали бы очень частые и скорѣйшіе всѣхъ экстра-почтъ, мгновенные и иногда внезапные отвѣты и отношенія мои къ вамъ о Господѣ, возбуждающія и научающія васъ всему богоугодному, отвлекающему отъ земнаго и обращающему все сердце ваше къ небесному. Судя по таковой моей съ вами корреспонденціи, хотя бы я на десять писемъ не отвѣчалъ вамъ на бумагѣ, повѣряя себя хорошенько въ страхѣ Божіемъ, вы всегда находили бы не меня, а себя въ отношеніи ко мнѣ въ долгу неотвѣтомъ или несоотвѣтствіемъ. Вотъ и на этотъ разъ, повѣряя себя хорошенько, вы не меня, а себя обвините въ несоотвѣтствіи и молчаніи вашемъ на эту мою съ вами корреспонденцію. Но какъ быть, есть Латинская пословица: погрѣшаючи научаемся; и я охотно прощаю вамъ это, только не иначе, какъ съ тѣмъ, чтобъ впередъ въ этихъ моихъ къ вамъ и вашихъ ко мнѣ сердечныхъ отношеніяхъ о Господѣ были вы бдительны и неопустительны до того, чтобы не только вамъ быть должникомъ моимъ, но и меня, если бы могли, сдѣлать себѣ по любви должникомъ, даже отцемъ о Господѣ, еслибы вы этого хотѣли и еслибы сердце ваше нуждалось въ спасеніи не на шутку и не на словахъ, а точно на дѣлѣ.

20.

Отв. 15 Іюня въ Ефремовъ.

Милостивый государь и почтеннѣйшій другъ Никита Ивановичъ!

Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Петербурга получилъ я послѣднее письмо ваше, на которое и отвѣчаю вамъ съ дороги моей въ Елецкую деревню, поспѣшая васъ увѣдомить о семъ и просить васъ, когда будете писать, адресовать ко мнѣ письма ваши въ г. Ефремовъ на мое имя; а между тѣмъ и отвѣчаю вамъ на счетъ продающейся Рязанской земли, что на нее мало найдется покупщиковъ, потому что въ этомъ краѣ земли совсѣмъ негодныя, развѣ нѣтъ ли тамъ луговъ и лѣса, о чемъ, равно какъ и о цѣнѣ, прошу покорно меня увѣдомить; а съ дороги писать къ вамъ болѣе не имѣю времени. Затѣмъ мысленно васъ обьемля, пребываю преданнымъ и покорнымъ вамъ слугою Александръ Дубовицкій.

Г. Торжокъ, 9 Мая 1843 года.

*

Изъ этого послѣдняго письма, написаннаго Дубовицкимъ уже на полной свободѣ, когда онъ получилъ возможность по прежнему чудить и жить богатымъ помѣщикомъ въ Рязанскихъ, Орловскихъ и Тульскихъ деревняхъ своихъ, видно, что отношенія его къ скромному чиновнику жандармскаго вѣдомства, котораго умѣлъ онъ обратить въ преданнаго себѣ человѣка, охладѣли и измѣнились. Любопытно бы узнать, каковъ былъ этотъ отъ природы умный и отмѣнно даровитый человѣкъ къ своимъ крѣпостнымъ людямъ. Не таковъ-ли же какъ знаменитые Н. И. Новиковъ и О. А. Поздѣевъ? П. Б.

КНЯЖНА ВАРВАРА НИКОЛАЕВНА РЕПНИНА.

„Блаженни милостивые".

Княжна Варвара Николаевна была дочь графини Варвары Алексѣевны Разумовской, родной внучки прадѣда моего графа Петра Борисовича Шереметева: слѣдовательно, она приходилась мнѣ троюродной сестрой. Въ дѣтствѣ моемъ и позднѣе до поѣздки въ Москву, въ 1860 году, я почти ничего объ ней не слыхалъ. Между ея матерью и моимъ отцомъ частыхъ сношеній не было. Въ Москвѣ на Воздвиженкѣ, у бабушки Екатерины Васильевны Шереметевой, нерѣдко бывалъ А. А. Васильчиковъ, начинавшій тогда заниматься Разумовскими, съ которыми былъ въ родствѣ. О княжнѣ Варварѣ Николаевнѣ я узналъ впервыя на Воздвиженкѣ; узналъ, что еще жива ея мать княгиня Варвара Алексѣевна и чрезъ Варвару Владимировну Новосильцову, пріятельницу тетушки Е. С. Дѣлеръ и поклонницу княжны Репниной («la tante Varette», какъ она ее называла), узналъ я о желаніи послѣдней меня принять и представить своей матери, тогда уже древней старушкѣ, дочери графини Варвары Петровны, родной сестры моего дѣда Николая Петровича. Меня уже тогда занимали родственныя сношенія и связи, и мнѣ было особенно пріятно, что представлялась возможность сближенія съ единственнымъ родствомъ отца—съ его двоюродною сестрою, княгиней Варварой Алексѣевной Репниной. Мнѣ передали также о желаніи княгини имѣть копію съ портрета ея матери, молодыхъ лѣтъ, оригиналъ котораго находится въ Кусковѣ. Посѣтившій впервыя Кусково въ 1862 году А. А. Васильчиковъ разсказалъ ей о существованіи этого портрета. Бабушка Екатерина Васильевна очень сочувствовала моимъ стремленіямъ къ сближенію съ Репниными.

Въ назначенный мнѣ день поѣхалъ я къ нимъ на Садовую, гдѣ у Репниныхъ былъ тогда чудный домъ съ обширнымъ садомъ—цѣлая усадьба посреди Москвы *), какъ то бывало нерѣдко въ старое время. Меня очень интересовало предстать въ качествѣ родственника передъ

---

*) Нынѣ графини С. В. Келеръ. II. Б.

древнею старушкой, хозяйкою Яготина и вдовою Дрезденскаго градоправителя, князя Николая Григорьевича.

Меня встрѣтила княжна Варвара Николаевна, сразу принявшая меня (тогда еще очень молодого человѣка) совершенно по родственному. Она повела меня въ садъ, гдѣ. въ отдаленной посреди кустовъ бесѣдкѣ, у стола. сидѣла княгиня Варвара Алексѣевна съ большою тростью въ рукахъ и окруженная приживалками. Сѣдые волосы ея были гладко опущены, на глазахъ надѣтъ былъ зеленый зонтикъ. Видъ у нея былъ строгій и властный. Когда я подходилъ къ ней, она окинула меня быстрымъ взглядомъ съ ногъ до головы и, пристально взглянувъ въ глаза, твердымъ голосомъ произнесла привѣтствіе и сказала, что рада познакомиться съ племянникомъ.

Она задала мнѣ нѣсколько вопросовъ, которыхъ не помню. Я заговорилъ о Кусковѣ и о портретѣ ея матери. Она съ живостью сказала: «Je me rappele très bien de Кусково; j'y ai été chez mon grand'-père le comte Петръ Борисовичъ»*). И слова эти мнѣ показались какъ-то особенно выразительными.

Она держала меня недолго и благосклонно отпустила. Княжна Варвара Николаевна, уже и тогда далеко немолодая, проводила меня до дома и пригласила вновь. Такъ начались наши сношенія.

Впрочемъ у старушки я послѣ того всего былъ одинъ разъ.

Какъ теперь помню, это было зимою: подъѣзжаю я къ Репнинскому дому на Садовой; между нимъ и улицей небольшой палисадникъ. Здѣсь меня остановила фигура, сильно закутанная и въ валенкахъ. Въ рукахъ она держала лопату, которою усердно выгребала передъ домомъ снѣгъ. Я изумился, узнавъ въ ней княжну Варвару Николаевну. «Хотите видѣть мамá?» спросила она быстро и повела меня въ домъ.

На этотъ разъ старая княгиня приняла меня въ большой гостиной. На глазахъ былъ тотъ же зеленый зонтикъ; въ рукахъ все таже большая трость. Почти столѣтняя старуха, она была полна еще жизни и огня. Я любовался ею, какъ старымъ семейнымъ художественнымъ портретомъ.

То была послѣдняя съ нею встрѣча. Она скончалась 9-го Октября 1864 года. Тогда же въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» помѣщенъ былъ

---

*) Я очень помню Кусково; я тамъ была у моего дѣда, графа Петра Борисовича.

А. А. Васильчиковымъ ея краткій некрологъ, написанный съ особымъ чувствомъ.

Въ память ли этихъ двухъ пріемовъ, не знаю, но только княжна Варвара Николаевна стала относиться ко мнѣ все сочувственнѣе и привѣтливѣе. Въ ней много было жизни, и чувства въ ней кипѣли, какъ у молодой. Когда она говорила о своей матери, она казалась совсѣмъ юной, и слово «мама́» звучало у нея какъ-то особенно молодо и тепло. И я чувствовалъ, что привязываюсь къ этой необыкновенной женщинѣ, которую всѣ знавшіе такъ любили и глубоко уважали. Радовались и на Воздвиженкѣ, что завязались у меня такія родственныя сношенія.

Вскорѣ я уже не сталъ пропускать ни одного пріѣзда въ Москву, чтобы не явиться на поклонъ къ княжнѣ Варварѣ Николаевнѣ. Мнѣ было грустно, когда она вынуждена была продать материнскій домъ и переѣхать на новую квартиру. Но гдѣ бы ни жила она, всюду за нею водворялся тотъ особый обаятельный строй, нѣсколько отзывавшійся прошлымъ вѣкомъ и столь знакомый мнѣ и дорогой съ дѣтства. Молодость по большей части склонна къ перемѣнѣ, и старые образцы не всегда на нее дѣйствуютъ. Со мною было наоборотъ. Я дополнялъ воображеніемъ недостающее въ той обстановкѣ, которую засталъ; ранняя привычка прислушиваться къ искреннимъ и теплымъ разсказамъ старушекъ меня издавна привлекала; желаніе ближе и лучше узнать дорогое и невѣдомое прошлое становилось во мнѣ все сильнѣе и сознательнѣе. Вотъ почему меня особенно влекло къ княжнѣ Варварѣ Николаевнѣ, о которой, какъ и о бабушкѣ Екатеринѣ Васильевнѣ Шереметевой, можно было сказать словами Лермонтова:

Порой обманчива бываетъ сѣдина.
Такъ мхомъ покрытая бутылка вѣковая
Хранитъ струю кипучаго вина.

Въ княжнѣ Репниной именно было что-то кипучее, пламенное и отзывчивое на всякое доброе дѣло. Многіе знавшіе ее лучше меня сохранятъ, конечно, въ памяти потомства ея свѣтлый образъ. Потребность не бездѣйствовать и постоянно дѣлать добро, доискиваться до нужды и по-евангельски приходить къ ней на помощь, вотъ отличительная черта княжны Варвары Николаевны....

Посѣщалъ я ее всюду по мѣрѣ ея переѣздовъ съ квартиры на квартиру. Долго жила она на Спиридоновкѣ, недалеко отъ церкви. Здѣсь сошлась она съ приходскимъ священникомъ, отцемъ Николаемъ, человѣкомъ выдающимся и всѣми уважаемымъ за истинно-подвижни-

ческую жизнь. Онъ былъ ея духовникомъ и оказывалъ ей нравственную поддержку среди заботъ и житейскихъ треволненій. Сильная духомъ княжна Варвара Николаевна сама служила нравственной опорой и утѣшеніемъ для многихъ. Ея благотворенія были неисчислимы, и давала она далеко не отъ избытковъ... Она расточала добро въ великомъ смиреніи и въ глубокой сердечной простотѣ.

Позднѣе переѣхала она опять на Садовую, гдѣ поселилась у племянницы своей Орловой. Въ моей памяти особенно сильно запечатлѣлось послѣднее свиданіе съ княжною Варварой Николаевной. Она тогда жила въ одноэтажномъ старомодномъ домѣ, во глубинѣ обширнаго двора, за которымъ сохранился обширный садъ изъ числа еще уцѣлѣвшихъ отъ старой Москвы. Теперь сады эти переводятся, потому что Москва, увы, помолодѣла!

Здѣсь видѣлъ я ее въ послѣдній разъ. Она уже значительно одряхлѣла и жаловалась на свои недуги. Видъ ея былъ болѣзненный и утомленный. Она пережила уже многихъ сердцу дорогихъ и все сильнѣе чувствовала свое одиночество. Съ годами лицо ея становилось все выразительнѣе, и яснѣе обозначались родственныя характерныя черты. Сидѣла она передо мною въ старозавѣтныхъ креслахъ; на головѣ было что-то въ родѣ чепца. Взглядъ ея, привѣтливый и проникающій, былъ полонъ жизни и выраженія; на лицѣ отражались сила воли и твердость духа вмѣстѣ съ смиреніемъ и сердечной добротою. Словно старинный портретъ, она была художественна и выразительна въ своей простотѣ.

Сидѣла она довольно стройно, почти не облокачиваясь на спинку кресла; невольно бросился мнѣ въ глаза висѣвшій надъ ея головою портретъ князя Репнина, въ мундирѣ стараго покроя и при орденахъ: портретъ поясной съ выразительнымъ лицомъ, глаза быстрые, темные, и носъ какъ у грознаго царя. Лицо это показалось мнѣ вдругъ очень знакомо: гляжу на княжну Варвару Николаевну и узнаю тѣже черты, вижу поразительное, необыкновенное сходство. Я не выдержалъ, чтобы не сказать ей, какъ я пораженъ былъ этимъ сходствомъ. Она улыбнулась, горячо заговорила о Репнинѣ, и слушать ее было поучительно и отрадно... Не забыть мнѣ этой послѣдней съ нею встрѣчи...

У нея были крѣпкія и неизмѣнныя привязанности. Такъ съ молодыхъ лѣтъ сблизилась она съ Глафирой Ивановной Дунинъ-Борковской. У нея же находила себѣ сердечный пріютъ Анна Дмитріевна Бантышъ-Каменская, давнія связи которой съ домомъ Репниныхъ поддерживались до конца.

Въ разговорѣ между нами не было другого языка, кромѣ Русскаго, но писала она мнѣ всегда по-французски и подписывалась неизмѣнно: «Votre vieille cousine Varette Repnine...».

Помню, съ какимъ увлеченіемъ она мнѣ разсказывала о Гоголѣ, о Шевченкѣ, съ которыми была въ перепискѣ и въ дружбѣ *). Слушаешь ее, бывало, со вниманіемъ и умиленіемъ и уйдешь отъ нея съ запасомъ свѣжихъ силъ, съ чувствомъ обновленія свѣтлымъ и отраднымъ.

Дай Богъ, чтобы у насъ не забывали, что такими женщинами, какъ княжна Варвара Николаевна, была богата наша старая Русь. Значеніе этихъ женщинъ еще недостаточно оцѣнено высокомѣрною современностью. Но за ними, какъ и за всѣмъ, что жизненно и искренно, не одно только прошлое. Поколѣніе Русскихъ женщинъ подобнаго закала, сильное духомъ, съ здравымъ умомъ и горячимъ сердцемъ, глубоко отражалось въ семьѣ и дѣйствовало на нее. То была нравственная и бытовая сила, животворная и созидательная.

Бережно храню я рядъ ея писемъ, написанныхъ четкимъ и твердымъ почеркомъ. Она слѣдила за всѣми явленіями современности и до старости лѣтъ интересовалась историческимъ прошлымъ Россіи. Сама она помѣщала статьи въ «Русскомъ Архивѣ». Статьи ея до послѣдняго времени отличались живостью и интересомъ. Она была самобытна и своеобразна во всемъ. Такъ особенно характерно ея мнѣніе о Петрѣ Великомъ. Мнѣ же подарила она свою книжку: «Совѣты молодымъ дѣвицамъ», составленную и изданную ею подъ псевдонимомъ «Лизварской». Въ этой книжкѣ много прекрасныхъ и здравыхъ мыслей о воспитаніи женщины.

Княжна Варвара Николаевна скончалась въ Москвѣ 27-го Ноября 1891 года.

Много слезъ было пролито на ея могилѣ, и слезы эти были искреннія.

Она не искала себѣ «сокровища на землѣ». Вѣрная дочь церкви Православной, она искала прежде всего «царствія Божія и правды его». Вѣруемъ, что воздастся ей по вѣрѣ ея, по великому смиренію и по безчисленнымъ ея добрымъ дѣламъ.

Графъ Сергій Шереметевъ.

С.-Петербургъ, 17-го Февраля 1897 г.

*) Кіевская Старина 1897 г., № 2.

ИЗЪ АВТОБІОГРАФИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ КНЯЖНЫ В. Н. РЕПНИНОЙ.

Въ 1880 году, слишкомъ 70 лѣтъ отъ рожденія, княжна В. Н. Репнина начала свои автобіографическія записки. Она писала ихъ для одной изъ внучатныхъ своихъ племянницъ, которой мы обязаны благодарностью за позволеніе познакомить читателей „Русскаго Архива" съ выдержками изъ собственноручной ея тетради (165 страницъ). Подлинникъ писанъ пофранцузски. Къ сожалѣнію, это лишь бѣглый набросокъ. Со временемъ, онъ можетъ пополниться перепискою, которую до конца жизни вела княжна Варвара Николаевна въ Россіи и въ чужихъ краяхъ. Въ скромной долѣ покорной дочери и любящей сестры, эта правнука гетмана Разумовскаго и фельдмаршала князя Репнина, по женскому колѣну происходившая отъ фельдмаршала графа Шереметева, и въ тоже время другъ Шевченки и всяческой бѣдноты, находилась въ сношеніяхъ со множествомъ лицъ: ее знали, любили и почитали отъ Соренто до Петербурга и отъ Парижа до отдаленныхъ угловъ Сибири. Смѣло можно утверждать, что княжна Репнина была лицомъ вполнѣ историческимъ, и ей принадлежитъ почетное мѣсто въ панорамѣ Русскихъ достопамятныхъ людей. Для пишущаго эти строки, имѣвшаго счастіе любоваться прекраснымъ закатомъ этой чудесной жизни, память княжны В. Н. Репниной священна. П. Б.

* *
*

Я родилась въ Москвѣ, въ Лефортовѣ, на дачѣ, которая принадлежала моимъ родителямъ и находилась рядомъ съ прекраснымъ домомъ и садомъ моего дѣда по матери. У насъ въ саду росли также чудесные дубы, выросшіе изъ жолудей, посаженныхъ моимъ отцомъ 20 Іюля 1806 года, въ день рожденія перваго сына его Василья. Родилась я 19 Іюля 1808 года, въ 5 часовъ утра. Отъ этого, полагаю, люблю я лѣтнее время и свѣтъ солнечный. До 6 мѣсяцевъ мать моя кормила меня своею грудью, но заболѣла лихорадкою, и мнѣ взяли козу. Отецъ мой приписывалъ этому мои гибкія движенія; но рогатая кормилица не расположила меня къ молочной пищѣ, и козьяго молока въ особенности я не переношу. Я очень любила Лефортовскій домъ. Позднѣе мать моя подарила его мнѣ. Онъ проданъ за долги. Было два, даже три, дома съ моимъ знаменитымъ именемъ на воротахъ. Они по-

шли также на уплату долговъ. Иной разъ я вспоминаю съ сожалѣніемъ, что теперь могла бы проводить мою старость въ своемъ саду, подъ тѣнью прекрасныхъ деревьевъ; но, подумавши, нахожу, что лучше не имѣть собственности и повторять слова Апостольскія. не имамы пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ.

Мнѣ памятенъ Кассель, гдѣ отецъ мой былъ посланникомъ при братѣ Наполеона Іеронимѣ: тамъ родился мой братъ Алексѣй. Папà разсказывалъ мнѣ, что однажды мамà набрала въ Касселѣ бѣлыхъ грибовъ (Steinpilze) и велѣла ихъ приготовить порусски. Вдругъ является Кассельскій бургомистръ предупредить посланника о томъ, что его супруга принесла въ домъ отравы. Вмѣсто отвѣта папà пригласилъ бургомистра отобѣдать у него на другой день. Видя, что отрава нисколько не дѣйствуетъ, гость согласился попробовать этой снѣди. Другой анекдотъ. У насъ былъ Русскій слуга печникъ Иванъ. Мамà приказала ему сложить Русскія печки въ ея и дѣтской комнатахъ. Кассельцы приходили въ восторгъ отъ этихъ печекъ; но когда мы уѣхали, хозяинъ дома ихъ разломалъ. Такова сила привычки!

Французскимъ министромъ въ Касселѣ былъ отецъ Виктора Гюгò, съ которымъ игрывалъ мой маленькій братъ Василій, но не заимствовалъ у него ничего поэтическаго.

Въ 1811 году мы были въ Парижѣ. Это былъ годъ знаменитой кометы, которая, увѣряютъ, воздѣйствовала на виноградники. Отсюда *вино кометы*, какъ говорили въ моемъ дѣтствѣ *). Кажется, тогда же мои родители были въ Эпернé у одного богатаго владѣльца виноградниковъ, очень гостепріимнаго человѣка; онъ напоилъ Шампанскимъ нашихъ лакеевъ и кучеровъ, а въ экипажи велѣлъ положить бутылокъ съ этимъ виномъ.

Отца моего назначали посланникомъ въ Испанію къ брату Наполеона Іосифу, но Наполеонъ задерживалъ моего отца въ Парижѣ. Помню, что меня водили гулять въ садикъ, сосѣдній съ нашимъ помѣщеніемъ, и г-жа Лафонъ, жившая надъ нами, бросала мнѣ туда конфетъ прямо на голову.

Послѣ всѣхъ воинъ осталось много вдовъ и сиротъ. Мать моя устроила для нихъ дамское общество подъ своимъ предсѣдательствомъ. Пособія разносились по домамъ. Она же создала общественными средствами до сихъ поръ существующій Патріотическій Институтъ; купцы

---

*) „Вина кометы брызнулъ токъ" у Пушкина въ „Онѣгинѣ". П. Б.

безденежно доставляли утварь и ткани, учителя преподавали тоже не получая жалованья, и это въ теченіи года. Помню, что по возвращеніи нашемъ въ Петербургъ, когда мы жили на дачѣ на Аптекарскомъ острову, было у насъ угощеніе для воспитывавшихся въ этомъ Институтѣ, и мама устроила для нихъ лотерею изъ разныхъ заграничныхъ вещицъ, привезенныхъ ею. Много лѣтъ спустя, знала я дамъ изъ этихъ учениць: дѣвицу Херсонскую, что умерла у Троицы Сергія, и Жукову, вышедшую за г. Даніеля, который былъ гувернеромъ двоюроднаго моего брата Алексѣя Уварова.

Отъѣзжая въ чужіе края, мама передала Патріотическій Институтъ сестрѣ своей Уваровой, у которой правой рукою была ея воспитательница мамзель Каламъ. Она навѣщала бѣдныхъ, и они приходили къ ней. Одной женщинѣ, за ея дурное поведеніе, отказала она въ помощи. Та требовала, стала кричать и преслѣдовать. Тогда Каламъ, не зная какъ ей быть, закричала: «Иванъ, Ѳедоръ, Василій, да возмить эта женшинъ, прогонить ей!» Въ 45 лѣтъ, проведенныхъ въ Россіи, мамзель Каламъ не выучилась порусски, не имѣвъ случаевъ говорить на этомъ языкѣ иначе, какъ только съ прислугою.

Въ этомъ 1812 году папа уѣхалъ на войну въ корпусъ Витгенштейна. Насъ было трое: сестра Александра, братъ Василій и я. Мама говорила намъ, чтобъ мы молились Богу за папа, что онъ на войнѣ. Я сказала: какъ будетъ странно, если онъ вернется съ одною рукою! Сестра толкнула меня локтемъ и указала на мама, у которой текли слезы по щекамъ.

Отецъ мой въ 1814 году назначенъ былъ вицекоролемъ въ Саксонію *). Я живо помню Дрезденъ, Брюлевскую терассу, большую лѣстницу, которую тамъ устроилъ папа, возобновившій и мостъ черезъ Эльбу, взорванный Французами. Мы жили въ королевскомъ дворцѣ, и я помню многихъ лицъ, служившихъ подъ начальствомъ моего отца: адъютанта Иларіона Михайловича Бибикова и его брата дежурнаго офицера Владимира, адъютантовъ Бедрягу, Рычкова, Нѣмца-офицера Функе, которому я положила въ карманъ лягушку. Я слышала, что, будучи слабогруденъ, онъ пилъ въ Карлсбадѣ шпрудель, и оттого получилъ чахотку и умеръ. А нашъ Иванъ пилъ туже воду вмѣсто чаю и мокалъ въ нее хлѣбъ. Что Русскому здорово, то Нѣмцу смерть.

---

*) Намъ случалось видѣть бумаги съ подписью князя Николая Григорьевича Репнина: Vice-König von Sachsen. П. Б.

Вспоминаю еще правителя отцовой канцеляріи барона Меріана, Алексѣя Осиповича Имберха, помѣстившаго въ «Русскомъ Архивѣ» весьма любопытныя записки свои, въ которыхъ вѣрно и съ любовью говоритъ онъ о моемъ отцѣ, мелкаго чиновника Гёльбке, который намъ лѣпилъ пѣтуховъ изъ хлѣба, нѣкоего Адабашева и простаго казака Степку. Мы его очень любили, а гувернантка наша Вильдерметъ смѣшивала его имя со словомъ *щепка*, что̀ насъ очень забавляло. Мы жили также въ Пильницѣ, увеселительномъ замкѣ Саксонскаго короля, который за приверженность свою къ Наполеону находился въ заключеніи.

Мама̀ ѣздила изъ Дрездена въ Вѣну къ дядѣ своему князю Андрею Разумовскому. Въ ея отсутствіе мы ходили завтракать къ папа̀, и онъ намъ позволялъ пить кофей, что̀ намъ было очень пріятно, а нашъ обыкновенный утренній мясной бульонъ предоставлялся одной бѣдной женщинѣ, каждое утро за нимъ приходившей. Въ прихожей у папа̀ стояли Саксонскіе солдаты въ красныхъ мундирахъ и въ большихъ мѣховыхъ шапкахъ. Они были очень красивы и очень съ нами ласковы. Недѣли черезъ двѣ пріѣхала мама̀ и привезла намъ изъ Вѣны прекрасныхъ игрушекъ, въ томъ числѣ маленькую пожарную трубу; мы забавлялись, поливая изъ нея зажженную бумагу. Адъютанты папа̀ подарили мнѣ казацкій мундиръ, и я очень любила надѣвать его. Мнѣ и теперь удивительно, что мама̀ не запрещала мнѣ этого; потому что во мнѣ было много мальчишачьяго. Я всегда играла съ братомъ Васильемъ и съ Гойеромъ, сыномъ одного стараго и обремененнаго семействомъ Саксонскаго капитана. Сестра моя Александра не любила играть, особливо въ шумныя игры, до которыхъ я была охотница.

Великая княгиня Екатерина Павловна, сестра Государя, провела три недѣли въ Дрезденѣ. Насъ иногда водили къ ней играть съ ея сыномъ, принцемъ Ольденбургскимъ. Они устроивали съ моей матерью прогулки верхомъ. Обѣ они были искусныя наѣздницы. Великая княгиня садилась на боеваго коня моего отца. Этого коня звали Кумберландъ. Позднѣе его отвезли на покой въ Андреевку, деревню, которую мать моя подарила брату моему Василью, когда онъ женился, а онъ, къ сожалѣнію моему, продалъ ее Василью Аркадіевичу Кочубею.

Не помню, на пути ли въ Саксонію или возвращаясь оттуда, мы проѣзжали Куришгафъ и собирали янтарь, къ великому нашему удовольствію; насъ заставляли вырѣзывать изъ него маленькіе крестики. Однажды мнѣ позволили стрѣлять изъ пистолета въ комнатѣ, и я весьма этимъ гордилась; а когда пришлось вырвать мнѣ первый молочной зубъ, я храбро перенесла боль, помышляя о томъ, сколько солдатъ лишились

на войнѣ рукъ и ногъ. Вотъ еще: однажды послѣ обѣда папа̀ отдыхалъ на диванѣ и, разговаривая съ мама̀, выхвалялъ ей какое-то военное дѣйствіе Наполеона. Я подошла къ нему и, скрестивъ руки, сказала: «Какой-же ты Русскій, коль скоро хвалишь Наполеона!» Въ то время воздухъ напоенъ былъ нашей военной славой, и при всемъ моемъ малолѣтствѣ я ею заразилась.

Я позабыла упомянуть, что изъ Дрездена мы ѣздили въ Веймаръ, гдѣ игрывали съ дочерьми великой герцогини Маріи, сестры Государя, Маріей и Аугустою. Я и моя сестра любили больше старшую принцессу. Младшая, Аугуста, впослѣдствіи сдѣлалась Германскою императрицею.

Мои бродячія воспоминанія переносятъ меня въ Прагу, гдѣ мы жили въ Градчинскомъ замкѣ, на дворъ котораго выводились плѣнные Французы. Мы бросали имъ денегъ изъ окна, и эти бѣдняки кидались подбирать ихъ. Въ Прагѣ жилъ также Жомини, и его дѣти приходили играть съ нами. Однажды пошли мы гулять въ дворцовый садъ. Караульнымъ показалось, что нашъ Иванъ изъ плѣнныхъ Французовъ, и они не пускали его идти за нами. Мамзель Вильдерметъ начала кричать на нихъ по нѣмецки, и они послушались ея. Въ саду былъ бассейнъ съ водою. Я скакала на деревянной лошадкѣ и вздумала помыть ей хвостъ, но оступилась и упала въ воду. Братъ кинулся меня спасать, и я конечно утащила бы его за собою, если бы не задержалъ его Иванъ, вытащившій и меня всю мокрую. Онъ на рукахъ донесъ меня домой. Меня уложили въ постель и поили чаемъ съ краснымъ виномъ. У кроватки моей сѣли двѣ мои тетки Софья и Зинаида Волконскія (мама̀ не было дома) и принялись читать мнѣ наставленія. Это мнѣ надоѣло, и я прикинулась спящею.

Прежде чѣмъ возвращаться въ Петербургъ, мы съѣздили въ Вѣну на конгрессъ, гдѣ мама устроила праздникъ для дяди своего князя Андрея Разумовскаго. Въ молодости своей она любила этого дядю больше, нежели другихъ. У нея были прекрасные зубы, кромѣ одного, который выросъ вкось; въ угоду дядѣ она велѣла его вырвать, хотя онъ былъ совсѣмъ здоровый. Вѣнское помѣщеніе у насъ было тѣсное, но праздникъ удался отлично. Играли между прочимъ шуточную оперу «Чудесную Кошку», въ которой женщина превращалась въ кошку, а кошка въ женщину. Конечно, насъ не пускали на представленіе; но я помню, какъ готовились къ нему. Графъ Станиславъ Потоцкій, высокій и тучный, игралъ роль мышенка, для чего одѣтъ былъ въ сѣрый халатъ. На одномъ маскарадѣ мама̀ появилась въ Русскомъ платьѣ,

какъ потомъ она изображена знаменитымъ Изабе, который написалъ также портретъ отца моего. Мы нѣсколько разъ ѣздили въ Шёнбрунъ и видѣли тамъ маленькаго Римскаго короля, Наполеонова сына, несчастную жертву проклятой политики, которую я ненавижу.

Дядя мой князь Петръ Михаиловичъ Волконскій очень часто обѣдалъ у насъ въ Вѣнѣ. Однажды онъ уговаривалъ мамà поѣхать въ маскарадъ. Мамà не согласилась; но когда онъ уѣхалъ, она послала достать два домино для себя и для мамзель Вильдерметъ, и обѣ онѣ бѣсили князя, разсказывая ему на маскарадѣ такія о немъ подробности, которыя могли быть извѣстны только самымъ близкимъ къ нему людямъ. Помню еще, что однажды, привезенныя во дворецъ къ нашей бабушкѣ княгинѣ Волконской, мы видѣли Австрійскую императрицу. Ее несли по лѣстницѣ: отъ слабости она не могла ходить.

Ну теперь пора въ Петербургъ! Мнѣ было тогда семь съ половиною лѣтъ. Наши родные насъ ближе узнали и находили, что братъ мой хорошъ собою. Вспоминаю про тетокъ моихъ Уварову и Кочубей, (двоюродную сестру моей матери), бабушекъ Загряжскую и графиню Апраксину (мою крестную мать), дѣдушку графа Петра Разумовскаго, который звалъ меня Татаркою. Изъ оконъ его дома смотрѣли мы, какъ проходило Персидское начальство со слонами. Они привыкли къ пескамъ Африки, и плохо имъ приходилось на Петербургской мостовой, въ кожаныхъ большихъ сапогахъ.

По воскресеньямъ родные собирались то у насъ, то у Волконскихъ, и всякій разъ бывали у насъ вафли; но у насъ давали ихъ намъ по одной, а у Волконскихъ по двѣ. Однажды мы играли у нихъ съ дѣтьми папиной сестры, Алиной, Дмитріемъ и Григорьемъ, въ путешествіе по морю. Корабль устроенъ былъ изъ стульевъ. Князь Волконскій пришелъ посмотрѣть на насъ и, узнавъ, что мы на морѣ, велѣлъ принести желѣзныхъ листовъ, которыя клались передъ печкою во время топки; у насъ сдѣлалась буря съ громовыми ударами, и стулья полетѣли врозь, въ знакъ кораблекрушенія. Гувернанткою у нихъ была Цецилія Вильдерметъ, сестра нашей Викторіи Вильдерметъ, вышедшей потомъ замужъ за профессора Раупаха *). Пасху 1816 года мы провели въ Петербургѣ, гдѣ, я помню, мы ходили къ Волконскимъ катать яйца, а Алина и сестра моя Александра давали намъ поиграть въ свои прекрасныя Парижскія куклы, въ которыя сами онѣ не играли и держали

*) Третья изъ этихъ Швейцарокъ, Маргарита Вильдерметъ, была гувернанткою императрицы Александры Ѳеодоровны и пріятельницею Жуковскаго. П. Б.

ихъ на запорѣ. Въ Петербургѣ была тогда мамина пріятельница графиня Марья Артемьевна Воронцова, у которой воспитывалась маленькая родственница ея Анета Станкеръ; мать этой Станкеръ была сродни поэту Пушкину.

У насъ было въ Петербургѣ нѣсколько человѣкъ учителей. Русскій языкъ преподавалъ г-нъ Зубаковичъ. Онъ списалъ для сестры Александры двѣ оды Ломоносова, которыя долго береглись у насъ вмѣстѣ съ переложеніемъ псалма на Французскомъ языкѣ, Помпиньопа. Этотъ псаломъ переписала намъ мамà своимъ прекраснымъ, мелко-круглымъ почеркомъ. Танцамъ училъ Балле, хлыстикомъ изъ кармана ударявшій насъ по голымъ рукамъ; рисованью г-нъ Семирадскій, родственникъ г-жи Брандтъ, которая позже была нянькою при дѣтяхъ тетки моей Уваровой [1]).

Мы ѣздили въ Кронштатъ, гдѣ останавливались у родственниковъ Имберха. Ждали какого-то важнаго Англичанина: императоръ Александръ принималъ его въ Кронштатѣ, ради чего всѣ суда украсились флагами, и матросы размѣстились на палубахъ. Мы были на адмиральскомъ кораблѣ и сидѣли въ большой каютѣ, и когда загремѣли пушки всего флота, сестра моя и дочь адмирала страшно перепугались. Картины попадали со стѣнъ. Этотъ переполохъ мнѣ очень понравился.

Весной 1816 года перебрались мы въ Москву и жили въ Лефортовѣ, откуда по воскресеньямъ ѣздили къ бабушкѣ графинѣ Варварѣ Петровнѣ, въ ея домъ съ крытымъ балкономъ на Моросейкѣ съ церковью и, кажется, съ садомъ. Изъ этого дома въ 1812 году она уѣзжала во Владимиръ, спасаясь отъ Французовъ, а потомъ уже не покидала его до своей кончины въ 1824 году. У нея жило множество народу. Мы у нея танцовали, а когда отправлялись назадъ, то намъ въ карету клали Астраханскихъ арбузовъ, винограду, печенья и пр., и мы говорили, что если бы заблудились во время нашего долгаго переѣзда, то было бы чѣмъ кормиться въ теченіи нѣсколькихъ дней.

12 Сентября 1816 года родилась сестра моя Елисавета [2]). Это было за два дня до нашего возвращенія изъ Новаго Іерусалима, куда мы ѣздили съ мамзель Вильдерметъ и учителемъ моего брата Нѣмцемъ Акерманомъ

---

[1]) Можетъ быть, отъ этого Семирадскаго происходитъ современный живописецъ Семирадскій. Его картину графъ А. С. Уваровъ пріобрѣлъ для Историческаго Музея въ Москвѣ. П. Б.

[2]) Впослѣдствіи супруга Павла Ивановича Кривцова. П. Б.

и гдѣ видѣли большую церковь, статую Спасителя, башню Никона съ его каменною постелью и такимъ же изголовьемъ, его рясу и посохъ. Когда папа̀ сказалъ мнѣ, что Богъ намъ далъ маленькую сестрицу, я спросила его: А мама̀ уже знаетъ объ этомъ? Крестилъ сестру тотъ же священникъ, какъ брата Василья и меня. Досадно, что я позабыла его имя. Онъ тогда служилъ въ Петровскомъ-Разумовскомъ, принадлежавшемъ моему дѣду-дядѣ графу Льву Кириловичу Разумовскому, и отказался повѣнчать его съ княгинею Голицыной, которая развелась съ своимъ мужемъ. Этотъ честный пастырь предпочелъ лишиться выгоднаго мѣста сдѣлкѣ со своею совѣстью. Самъ графъ оплакивалъ свой поступокъ и говорилъ моей матери, что чувствуетъ свой грѣхъ.

Папа̀ назначенъ былъ Малороссійскимъ генералъ-губернаторомъ. Позднею осенью поѣхали мы въ Полтаву. Въ Серпуховѣ задержка была на цѣлую недѣлю. Ока еще не стала, и по ней шли льдины. Чтобы занять насъ, мама̀ приказала, чтобы мы поочередно мели и прибирали комнаты, что̀ меня очень забавляло. Въ Тулѣ Имберхъ повелъ насъ въ желѣзную лавку при гостинницѣ, накупилъ разныхъ стальныхъ вещей и устроилъ изъ нихъ лотерею, къ великой нашей забавѣ. Передъ Лубнами, которые славились своею аптекою, живописнымъ мѣстоположеніемъ и монастыремъ съ мощами св. Аѳанасія, Новиковъ, начальникъ канцеляріи моего отца, ѣхавшій въ однихъ съ нимъ саняхъ, подошелъ къ нашему возку и сказалъ, что сани опрокинулись, папа̀ ушибся и находится на ямскомъ дворѣ. Мама̀ поспѣшила къ нему, и онъ почти не узналъ ея: такъ силенъ былъ толчокъ. По этому случаю мы пробыли нѣсколько времени въ Лубнахъ у аптекаря Деля. На пути въ Полтаву мамзель Вильдерметъ заставляла насъ учить наизусть стихи, сочиненные Акерманомъ къ именинамъ нашей матери.

Генералъ-губернаторскій домъ въ Полтавѣ на площади, окруженной казенными зданіями съ памятникомъ Петру 1 му по серединѣ. По приказанію Государя папа̀ насадилъ деревьевъ вокругъ этого памятника, и они такъ принялись, что выросла цѣлая рощица. Мѣсто, назначенное для дома гражданскому губернатору, еще не было застроено. Поставили тамъ досчатый заборъ и раскрасили его на подобіе до̀ма. Эта декорація простояла нѣсколько лѣтъ, пока, наконецъ, буря не повалила ея. На мѣстѣ ея выстроенъ настоящій домъ для губернатора, г. Тутолмина. Позднѣе на пожаръ этого дома мы смотрѣли изъ нашихъ оконъ.

Когда мы пріѣхали, въ генералъ-губернаторскомъ домѣ почти не было мебели; привезли нашу, а Полтавскіе стулья были такъ высоки

и неуклюжи, что я съ трудомъ на нихъ влѣзала. Съ обозомъ изъ нашего Петербургскаго дома на Мойкѣ (которую позднѣе называла я *неумойкою* по ея загрязненности) пришла и моя кукла; я очень ей обрадовалась и на веревкѣ возила ее по комнатамъ. 4 Декабря, въ имянины мама̀, играли мы на сценѣ, устроенной въ большой залѣ, сочиненіе Аккермана. Братъ былъ геніемъ, сестра и я дочерьми невидимой благотворительницы, Адольфъ Гойеръ—мальчика, говорившаго намъ про добрыя дѣла нашей матери. Геній ударилъ палочкой по стоявшей на возвышеніи вазѣ, и оттуда показалось пламя: налитой въ вазу спиртъ зажженъ былъ спрятавшимся за возвышеніемъ нашимъ слугою Францемъ, который пріѣхалъ съ нами изъ Саксоніи. На Рождество мама̀ устроила намъ прекрасную елку. Францъ и тутъ отличился, и я пришла въ такой восторгъ, что бросилась къ мама̀ на шею. Сестра и братъ остолбенѣли отъ удивленія, а мама̀ сказала: «Всегда узнаешь, какъ скоро Варинька чѣмъ обрадована.» О Францѣ помню еще, что онъ представлялъ Наполеона въ треугольной шляпѣ и съ руками сжатыми крестомъ. Вотъ еще далекое воспоминаніе. Однажды вечеромъ мама̀ пришла въ комнату, гдѣ спали я, сестра моя и мамзель Вильдерметъ. Ей показалось, что въ комнатѣ угарно, и она приказала перенести насъ черезъ нѣсколько комнатъ въ гостиную. Чтобы не будить меня, мама̀ понесла меня на рукахъ, хотя мнѣ было уже девять лѣтъ отъ роду, и пока приготовляли мнѣ постель, держала меня на колѣняхъ. Въ просоньяхъ, наклонила я голову къ ней на грудь, и мнѣ это было такъ отрадно, что долго, долго вспоминала я тогдашнее восхитительное ощущеніе.

Въ 1817 году мы ѣздили въ Почепъ, имѣніе дѣдушки Разумовскаго, на встрѣчу малютки моей сестры Елисаветы, которая изъ опасенія зимняго пути оставлена была у бабушки въ Москвѣ и теперь ѣхала оттуда съ цѣлымъ дворомъ. При ней были: докторъ Пицати, хожалка Марья Антоновна, пользовавшаяся полнымъ довѣріемъ нашей матери, няня, кормилица (крестьянка села Горенокъ) Анна Севастьяновна Шишова, прачка Марина, вышедшая потомъ замужъ за повара Маслова, который сопровождалъ нашего отца во всѣхъ его походахъ, кучера̀ Анисимъ и Егоръ, Маврушка и еще кто-то, не помню.

На пути въ Почепъ мы останавливались въ Батуринѣ, столицѣ послѣдняго Малороссійскаго гетмана, моего прадѣда графа Кирила Григорьевича Разумовскаго, отецъ котораго былъ простой казакъ. Мнѣ очень пріятно, что прадѣдушка на память о томъ держалъ у себя въ кабинетѣ въ шкапу плетку, которою онъ погонялъ воловъ. Мама̀ его знала и любила. Она вѣнчалась у него въ Батуринѣ 12 Ноября, не

знаю какого года [1]). Въ Батуринѣ, принадлежавшемъ тогда графу Андрею Кириловичу, мамзель Вильдерметъ тяжко заболѣла. За нею усердно ходили тамошній управитель г. Либенау и его жена, а вылѣчилъ ее какой-то военный докторъ, которому она потомъ связала крючкомъ шолковый кошелекъ съ золотою пронизью. Когда будешь вязать золотыми нитками, то помни, что мамзель Вильдерметъ клала золотую катушку въ воду, чтобы нитка не осѣкалась.

На лѣто мамá наняла близъ Полтавы хуторъ Яковцы у г-на Исопенко, на рѣкѣ Ворсклѣ; а потомъ купила для лѣтняго житья домъ съ садомъ у г-на Сахновскаго и расширила эту дачу, прикупивъ земли у сосѣдей. Мѣстоположеніе тамъ живописное. На возвышенномъ лугу между двумя садами воздвигся другой, очень просторный домъ съ большимъ дворомъ и съ фруктовымъ садомъ внизу, гдѣ росли превосходныя яблоки и груши. Сколько разъ сбѣгала я туда, по весьма значительной кручи!

Мамá перевезла туда изъ Москвы школу, которая заведена была на ея счетъ и во время нашествія Французовъ перевозилась въ Воронцово[2]), оттуда въ Никольское, Нижегородскую деревню моего отца, потомъ опять въ Москву. Школа была на восемь дѣвочекъ. Тутъ воспитывались сестры доктора Иноземцова, отецъ которыхъ былъ управляющимъ у Бутурлиныхъ, и наша добрая Марѳа Андреевна, скончавшаяся у меня въ Петровскомъ паркѣ, когда я жила тамъ въ убѣжищѣ княгини Черкаской.

Разъ, забѣжавъ одна въ самый конецъ сада, услышала я раздирающій вопль ребенка: его сѣкли за садомъ. Я вскарабкалась на пригорокъ и чтò было моей мочи закричала: «Перестаньте бить, я полицмейстеръ и сейчасъ приду!» Папá ѣздилъ тогда въ Москву, гдѣ родился будущій императоръ Александръ II-й.

Въ 1820 году, по вызову моей матери, основанъ, на средства дворянъ обѣихъ губерній, Полтавскій женскій Институтъ. Купили для того домъ Кочубея съ большимъ садомъ и дворомъ. Передъ домомъ въ концѣ большаго луга находился павильонъ, построенный бывшимъ владѣльцемъ въ память посѣщенія Екатерины II-й. Лугъ этотъ окаймляли съ двухъ сторонъ тѣнистыя аллеи, за которыми росло много орѣшнику и плодовыхъ деревьевъ, а за ними канавы, поросшія дикими цвѣтами. Въ Институтъ привезли изъ каждаго повѣта (уѣзда) по дѣвочкѣ. Вотъ

---

[1]) 1802 года. См. Васильчикова: „Семейство Разумовскихъ", т. II, стр. 141. П. Б.
[2]) Подмосковная, гдѣ скончался фельдмаршалъ князь Н. В. Репнинъ. П. Б.

Полтавскія уроженки: Усовская, Малжосова, Дваздерева, Тухарелова, Ломиковская, Крамаровская, Ващенко, Богдановичъ, Ярошевская, Сѣвоскулова, Мѣшальская *), Проскурнина, Порохова, Науменкова, Вердеревская. Послѣ нихъ поступили платныя ученицы, и даже изъ Одессы, гдѣ тогда еще не было женскаго учебнаго заведенія. Домъ раздѣлялся надвое: въ большей половинѣ помѣщался Институтъ, въ меньшей мы. Въ часы отдохновенія двери растворялись, и мы бѣгали на ту половину играть съ дѣвочками.

Адольфа Гойера послали учиться въ Одессу, въ Ришельевскій лицей, куда поступили за годъ передъ тѣмъ мои двоюродные братья, князья Дмитрій и Григорій Волконскіе съ двумя мальчиками, по фамиліи Баліо. Везла ихъ туда г-жа Жиллѐ, ур. Гольцеръ, воспитанница моей бабушки, княгини Волконской. Старикъ мужъ г-жи Жиллé былъ гуверперомъ графа Петра Бутурлина, и въ 1812 году, когда тотъ поступилъ на службу, не захотѣлъ покинуть его и также пошелъ на войну. Мама̀ благословила молодаго графа образкомъ на шею, который спасъ его отъ смерти: попавшая въ него пуля ударилась въ образокъ и отскочила.

Въ 1819 году мама̀ уѣхала въ Петербургъ съ сестрою и мамзель Вильдерметъ, а при мнѣ осталась Анна Николаевна Каменская. Въ отсутствіе мама̀ меня рано отсылали спать. На меня нападалъ иногда страхъ, особенно въ то время, когда привозили къ папа̀ дѣлателей фальшивыхъ ассигнацій. Императоръ Александръ поручилъ моему отцу отыскивать ихъ повсюду; захваченнаго привозили въ генералъ-губернаторскій домъ, и всякій разъ ночью. Окна комнаты, гдѣ я спала одна, выходили на дворъ и, заслышавъ стукъ почтовой телѣги, которая подъѣзжала къ дверямъ канцеляріи, находившейся надо мною, я тотчасъ вскакивала съ постели, взбиралась на окно, отворяла форточку и глядѣла, какъ сходилъ съ телѣги жандармъ, и потомъ несчастный въ кандалахъ и съ мѣшкомъ на лицѣ. Дрожь пронимала меня. Вслѣдствіе сдѣланныхъ открытій, ассигнаціи выпущены были иного образца. У одной богачки Базилевской хранился въ кладовой цѣлый сундукъ съ ассигнаціями, и когда пришлось мѣнять на новыя, множество ихъ оказалось сгнившими отъ сырости. Послѣ того она хранила ассигнаціи у себя въ спальнѣ подъ постелью.

По возникавшимъ подозрѣніямъ отецъ мой посылалъ на розыски своихъ адъютантовъ или довѣренныхъ чиновниковъ. Однажды такое

*) Достойная всякихъ похвалъ Агафья Васильевна Мѣшальская впослѣдствіи имѣла въ Воронежѣ прекрасное женское учебное заведеніе. П. Б.

неприятное поручение выпало на долю Имберха. Мама отпустила съ нимъ сахару, чаю и печенья, сказавъ, чтобъ онъ не пилъ другой воды, кромѣ принесенной его слугою изъ колодца, и отнюдь ничего не ѣлъ на станціяхъ. Вотъ разгадка этихъ предосторожностей. Передъ тѣмъ посылаемъ былъ адъютантъ моего отца Панинъ, прекрасный человѣкъ; его отравили чаемъ на одной изъ почтовыхъ станцій. Усѣвшись въ телѣгѣ, онъ почувствовалъ себя дурно, и его стало рвать; но онъ сохранилъ довольно присутствія духа и приказалъ слугѣ своему слить вырванное въ бутылку и, запечатавъ вмѣстѣ съ бумагами, ѣхать назадъ въ Полтаву. По разслѣдованіи оказалось, что несчастный Панинъ проглотилъ мышьяку. Кончина его всѣхъ напугала. Папа очень жалѣлъ его, равно какъ и дядя мой князь Сергѣй Григорьевичъ Волконскій, часто пріѣзжавшій въ Полтаву (онъ тогда командовалъ полкомъ въ Сумахъ). Всѣ любили молодаго Панина. Пока мать моя была въ Петербургѣ, къ намъ въ Полтаву пріѣзжала тетушка княгиня Зинаида Волконская съ сыномъ своимъ Александромъ. Ему было 7 лѣтъ, и онъ одѣтъ былъ почеркески.

Уроки наши шли своимъ чередомъ. Г-нъ Гауптманъ училъ насъ музыкѣ; иногда я просила его сократить урокъ, онъ всегда соглашался, и за это я вскакивала къ нему верхомъ на спину. Онъ былъ великій музыкантъ и пользовался извѣстностью въ Германіи, но у насъ въ семьѣ никто не любилъ музыки. Акерманъ, кромѣ Нѣмецкаго языка, училъ брата погречески и полатыни. Для Русскаго языка у насъ былъ Константинъ Ивановичъ Левицкій, служившій у папа въ канцеляріи, весь рябой, и у него на носу отъ оспы образовалось что-то въ родѣ буквы К. Танцамъ и рисованію училъ Дмитрій Александровичъ Шпицмейстеръ. Уроки исторіи, географіи и ариѳметики давала намъ мамзель Вильдерметъ, а Закону Божію учила мама, а потомъ весьма ученый архимандритъ Сильвестръ, преподававшій и въ Полтавскомъ Институтѣ. Онъ жилъ у своего родственника прокурора Горбовскаго, и однажды, когда я его спросила, что такое прокуроръ, онъ положилъ палецъ себѣ на глазъ и отвѣчалъ: око правительства. Мы очень любили этого архимандрита и посылали ему цѣлыя корзины съ овощами и цвѣтами изъ нашихъ собственныхъ посадокъ. Иногда онъ приходилъ гулять къ намъ въ садъ, и мы бывали этому очень рады. При всей моей живости я любила прислушиваться къ рѣчамъ взрослыхъ людей.

Въ самое первое время нашей Полтавской жизни училъ насъ Иванъ Никитичъ Зозулинъ, инспекторъ гимназіи, человѣкъ превосходный, простосердечный и знающій. Мы отъ него занялись всего понемногу: граматикѣ, Русской исторіи, географіи, даже физикѣ и естество-

знанію. Помню, приносилъ онъ намъ иногда въ синемъ клѣтчатомъ платкѣ обращики минераловъ. Онъ благоговѣлъ передъ мірозданіемъ, любилъ въ немъ все, даже насѣкомыхъ. Въ Пизѣ получила я отъ него письмо съ увѣдомленіемъ о кончинѣ послѣдняго его сына. «Молюсь и несу мой крестъ!» писалъ онъ. Иванъ Никитичъ обыкновенно ложился спать въ 9 часовъ вечера и любилъ, чтобы сынъ оправилъ на немъ одѣяло. Сынъ выросъ и всякій день къ 9-ти часамъ непремѣнно возвращался домой и оправлялъ отцу одѣяло. Съ какою любовью говаривалъ онъ о своемъ небольшомъ садикѣ, объ усыпанныхъ пескомъ дорожкахъ, о своихъ посадкахъ! Много лѣтъ спустя была я въ Полтавѣ, и Зозулинъ пришелъ ко мнѣ съ тремя своими дочерьми. Вспоминая про покойнаго моего отца, я прослезилась, а Зозулинъ сталъ перебирать губами (чтó обыкновенно дѣлалъ, будучи чѣмъ-нибудь растроганъ) и все только повторялъ: «Варвара Николаевна! Варвара Николаевна!»

Къ мамà привезли для помѣщенія въ Институтъ дѣвочку Сашу Псбль. Она была круглая сирота. Мать ея скончалась въ родахъ, произведя на свѣтъ дѣвочку Глафиру. Черезъ три мѣсяца скончался и отецъ. Всѣхъ сиротъ осталось семь человѣкъ, четыре дѣвочки и три мальчика. Самую младшую, Глафиру, взяла къ себѣ бабушка ея, жившая въ небольшомъ ихъ имѣніи. Старшая, Дуняша (впослѣдствіи за Лукашевичемъ) была уже въ Институтѣ. Тетка ихъ, Екатерина Михайловна, вмѣстѣ съ Сашею привезла и трехлѣтнюю Глафиру, чтобъ ей не оставаться одной дома. У мамà былъ мигрень, и потому я должна была принять тетку и двухъ ея племянницъ. Пока устроивался пріемъ въ Институтъ старшей, я ласкала младшую и ни къ селу, ни къ городу спросила ее, любитъ ли она меня (она меня видѣла въ первый разъ!) Маленькая Глафира обвила мнѣ шею рученками и поцѣловала меня. Съ этой минуты я до того полюбила ее, что стала просить у мамà позволенія взять къ намъ въ домъ Глафиру. Мамà согласилась, но велѣла спроситься у папà, который тогда былъ въ Петербургѣ. Я тотчасъ написала къ нему, и въ самыхъ горячихъ выраженіяхъ. Потомъ онъ мнѣ говорилъ, что по первымъ строкамъ письмà ему показалось, не влюбилась ли я въ кого и не прошу ли позволенія на бракъ. Чѣмъ изъяснить это, какъ не волею Провидѣнія, которое въ Глафирѣ дало мнѣ сначала милое дитя, потомъ друга, руководительницу и молельщицу?... *)

---

*) Глафира Ивановна, родственница Гоголя, почти всю жизнь провела съ княжною Репниной. Она вышла за мужъ г. Дунина-Барковскаго, который очень скоро умэръ. Княжна В. Н. Репнина пережила Глафиру Ивановну († въ Москвѣ 26 Апрѣля 1856). Обѣ онѣ похоронены рядомъ, на кладбищѣ Московскаго Алексѣевскаго монастыря. П. Б.

СТАРИНА И НОВИЗНА.

Историческій сборникъ, издаваемый при Обществѣ ревнителей историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III-го. Книга первая. Спб. 1897. б. 8-ка, VII, 5, 323 и 6 нен. стр. [1]).

Возникшее въ 1895 году въ Петербургѣ на Фонтанкѣ, въ домѣ 34-мъ, въ этомъ пріютѣ народнаго самосознанія, новое историческое общество, нынѣ считающее уже сотнями своихъ членовъ, издало первую книгу своего сборника. „Русскій Архивъ" считаетъ долгомъ выразить свое радостное привѣтствіе и горячее сочувствіе этому сборнику, посвященному также, какъ и онъ, старинѣ и новизнѣ. Подъ симъ послѣднимъ названіемъ разумѣется время, сравнительно-недавно прошедшее; это своего рода лѣтопись, собирающая и закрѣпляющая печатью болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія о новыхъ событіяхъ для будущей исторіи.

„Старину" живо изображаютъ въ сборникѣ письма братьевъ Орловыхъ къ графу П. А. Румянцову, найденныя покойнымъ графомъ Д. А. Толстымъ въ селѣ Городищѣ, (а не въ Дивовѣ, какъ сказано въ предисловіи къ нимъ [2]). Славный уже смолоду Румянцовъ долго не мирился съ мыслію о томъ, что на престолѣ столь ему близкаго Петра Великаго сидитъ Екатерина II-я. Военный геній Румянцова сослужилъ великую службу Россіи, благодаря умѣнію Екатерины имъ пользоваться. И въ этомъ отношеніи помогли ей братья Орловы, точно также, какъ позднѣе Потемкинъ убѣдилъ для нея графа Панина идти противъ Пугачова. Жаль, что не сохранилось отвѣтныхъ писемъ Румянцова, которыя, конечно, читались Екатериною. Въ особенности любопытны своеобразныя письма князя Григорія Григорьевича. „Собирать лавры и отирать пóта токи, отъ подвиговъ текущіе, не моя судьба. Знатно, я хотя и отираю, да Голандскимъ платочкомъ, чтобъ личикомое не оцарапать. Вмѣсто поля — по паркету, а вмѣсто боя, хотя и въ струнку и въ шеренгѣ, но однакоже въ танцахъ, аль въ шармицелѣ, въ жедепомѣ [3]). Вотъ вашего слуги упражненіе, точащее потъ изъ него". Но ис-

---

[1]) Цѣна 2 рубля, для гг. членовъ общества 1 рубль. Въ Москвѣ можно получать въ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени".

[2]) Городище находится въ нѣсколькихъ верстахъ отъ станціи Дивово, по Московско-Рязанской желѣзной дорогѣ.

[3]) Шармицель, Scharmützel—схватка, жедепомъ (jeu de pomme)—игра въ мячъ. П.Б.

торія цѣнитъ заслуги Григорія Орлова, изъ которыхъ главныя: возведеніе на престолъ Екатерины и труды во время Московской чумы. Москвичи Орловы были люди народные, и отъ девятилѣтняго почти жительства втораго изъ нихъ въ Зимнемъ дворцѣ много пошло добра. Не даромъ строенный для него мраморный дворецъ въ Петербургѣ украшенъ былъ надписью: „Зданіе благодарности". Замѣчательны также письма старшаго Орлова, графа Ивана Григорьевича. Про него было извѣстно, что онъ уклонялся отъ видныхъ должностей и занимался наиболѣе общимъ хозяйствомъ братьевъ. По письмамъ же его къ графу Румянцову видно его умное участіе въ дворскихъ и политическихъ дѣлахъ. Письма снабжены прекрасно составленными предисловіемъ и примѣчаніями А. П. Барсукова.

*

Главное содержаніе „Новизны" составляютъ письма Карамзина и его супруги къ князю П. А. Вяземскому съ предисловіемъ и примѣчаніями Н. П. Барсукова (пріобрѣтшаго почетную извѣстность въ трудахъ такого рода). Безъ этихъ писемъ невозможна біографія достопамятнѣйшаго человѣка, который, въ теченіе семидесяти лѣтъ сряду, былъ плодотворнымъ дѣятелемъ нашего просвѣщенія, непоказнымъ, часто забываемымъ, но не менѣе того существеннымъ. Карамзинъ, женатый на его побочной сестрѣ (отъ графини Сиверсъ, супруги славнаго графа Якова Ефимовича), былъ ему то, что Нѣмцы называютъ ein väterlicher Freund, т. е. другомъ-отцомъ Его наставленія князю Вяземскому, единственному сыну его тестя и друга. дышатъ заботливою и въ тоже время твердою нѣжностью.

Когда молодой князь Вяземскій, по приказанію Государя, переводилъ конституціонную Варшавскую царскую рѣчь, какой никогда дотолѣ не слыхала Россія и которая произнесена была на первомъ Польскомъ сеймѣ, Карамзинъ писалъ ему:

„С.-Петербургъ, 8 Апрѣля 1818.

Мы такъ васъ любимъ, что не завидуемъ вамъ даже и въ великолѣпномъ зрѣлищѣ сейма. Переводъ вашъ, любезнѣйшій князь, читалъ я съ живѣйшимъ участіемъ. Онъ хорошъ; со временемъ будетъ у васъ болѣе легкости въ слогѣ. Libéralité принадлежитъ къ неологизму нашего времени. Я не мастеръ переводить такихъ словъ. Знаю *свободу*; отъ нея можно сдѣлать *свободность*, если угодно. Libéral въ нынѣшнемъ смыслѣ *свободный*; а *законно-свободный* есть прибавокъ. Въ старину говорили, что законъ съ свободою живутъ какъ кошка съ собакою. Всякій законъ (гражданскій) есть неволя. Но это *глубоко* и заведетъ насъ *далеко*. Радуюсь всему хорошему, что быть можетъ, и говорю: дай Богъ! Радуемся тому, что васъ посѣтилъ нашъ добрый Государь; радуемся, что онъ велѣлъ намъ кланяться".

„С.-Петербургъ, 23 Іюня 1818.

Тамошняя скука ваша есть добродѣтель въ моихъ глазахъ: мнѣ бы грустно было, если бы вы веселились съ Поляками, хотя мы и должны любить ихъ по христіанстку и человѣчеству. Тургеневъ говоритъ, что вамъ

слѣдуетъ чинъ надворнаго совѣтника: надобно, чтобы Николай Николаевичъ *) объ этомъ представилъ. Не будьте слишкомъ деликатны: вы же переводите конституцію душеспасительную и читаете г-жу Сталь о конституціи душеспасительной! Я самъ почти обратился въ конституцію. Соглашаюсь съ вами, что m-me Сталь достойна носить штаны на томъ свѣтѣ. Шутки въ сторону: она пишетъ умно, но не всегда основательно".

„Царское Село, 21 Августа 1818.

Дать Россіи конституцію въ модномъ смыслѣ есть нарядить какого-нибудь важнаго человѣка въ гаерское платье, или вашего ученаго Линде учить грамотѣ по ланкастерской методѣ. Россія не Англія, даже и не Царство Польское: имѣетъ свою государственную судьбу, великую, удивительную и скорѣе можетъ упасть, нежели еще болѣе увеличиться. Самодержавіе есть душа, жизнь ея, какъ республиканское правленіе было жизнію Рима. Эксперементы не годятся въ такомъ случаѣ. Впрочемъ, не мѣшаю другимъ мыслить иначе. Одинъ умный человѣкъ сказалъ: „я не люблю молодыхъ людей, которые не любятъ вольности; но не люблю и пожилыхъ людей, которые любятъ вольность". Если онъ сказалъ не безсмыслицу, то вы должны любить меня, а я васъ. Потомство увидитъ, что лучше или чтó было лучше для Россіи. Для меня старика пріятнѣе идти въ комедію, нежели въ залу національнаго собранія или въ камеру депутатовъ, хотя я въ душѣ республиканецъ, и такимъ умру".

Эти строки очень любопытны въ устахъ Карамзина, по свидѣтельству Н. И. Тургенева плакавшаго при извѣстіи о гибели Робеспьера (котораго онъ могъ лично знать во время своей Парижской жизни) и столь же искренно сознававшаго необходимость и благо самодержавія для Россіи.

„Царское Село, 17 Мая 1820.

„Пушкинъ, бывъ нѣсколько дней совсѣмъ не въ піитическомъ страхѣ отъ своихъ стиховъ на Свободу и нѣкоторыхъ эпиграммъ, далъ мнѣ слово уняться и благополучно поѣхалъ въ Крымъ мѣсяцевъ на пять. Ему дали рублей 1000 на дорогу. Онъ былъ, кажется, тронутъ великодушіемъ Государя, дѣйствительно трогательнымъ. Долго описывать подробности; но если Пушкинъ и теперь не исправится, то будетъ чортомъ еще до отбытія своего въ адъ. Увидимъ, какой эпилогъ напишетъ онъ къ своей поэмкѣ!"

Вспомнимъ подобный же отзывъ Карамзина о молодомъ Пушкинѣ въ его письмахъ къ И. И. Дмитріеву (Спб.1866 г., стр. 287 и 290). (И тамъ, и тутъ говорится объ его отправленіи въ Крымъ, а не въ Екатеринославѣ). Покойный графъ Д. Н. Блудовъ передавалъ намъ, что Карамзинъ показывалъ ему мѣсто въ своемъ кабинетѣ облитое слезами Пушкина. Головомойка Карамзина могла быть вызвана и случайностью: преданіе увѣряетъ, что по ошибкѣ разнощика любовная записочка Пушкина къ одной дамѣ съ назначеніемъ свиданія попала къ Екатеринѣ Андреевнѣ Карамзина (ъ то время еще красавицѣ).

*) Новосильцовъ. П. Б.

„Царское Село, 17 Мая 1820.

Любезнѣйшіе друзья! Пишемъ къ вамъ съ пепелища: 12 Мая сгорѣла здѣсь часть дворца, церковь, лицей; три раза загорался и нашъ домикъ; бумаги, книги etc. были уже въ полѣ; но вѣтеръ поворотилъ въ другую сторону, и домикъ нашъ уцѣлѣлъ. Государь съ своими генералъ-адъютантами, и мы съ дѣтьми были на ногахъ отъ двухъ часовъ за полдень до самаго утра. Явилась полиція изъ Петербурга и залила огонь въ самомъ императорскомъ кабинетѣ. Дѣло окончилось убыткомъ миліоновъ до двухъ: мірская шея толста".

„Царское Село, 28 Мая 1822.

Жуковскій сидитъ за Виргиліемъ: переводитъ экзаметрами лучшія мѣста Энеиды и спорить со мною о высокомъ достоинствѣ Шиллеровой Іоанны, которую графъ Кочубей запретилъ играть на здѣшнемъ театрѣ, опасаясь соблазна явленій Богоматери etc".

„Царское Село, 13 Іюня 1822.

Жуковскій сидитъ за Энеидою и бормочетъ экзаметрами. Пушкинъ написалъ Узника *): слогъ живъ, черты рѣзкія, а сочиненіе плохо; какъ въ его душѣ, такъ и въ стихотвореніи нѣтъ порядка".

*

По этимъ выпискамъ читатель можетъ судить объ историко-литературномъ значеніи писемъ Карамзина. Конечно, они не такъ важны какъ его письма къ И. И. Дмитріеву. Не во гнѣвъ будь сказано издателямъ, слѣдовало бы опустить въ печати большинство писемъ и приписокъ Екатерины Андреевны Карамзиной и ея дочерей.

Въ стихотвореніи графа Голенищева-Кутузова на 26 Февраля нынѣшняго года останавливаютъ вниманіе слова:

Мы собрались средь шума и волненья
Воскресшихъ смутъ, вражды и темныхъ дѣлъ (?).

Прекрасно выражено покойнымъ А. Н. Майковымъ значеніе царствованія Александра Александровича:

Воскресла духомъ Русь, сомнѣній мракъ исчезъ,
И то что было въ ней лишь чувствомъ и преданьемъ,
Какъ кованой броней закрѣплено сознаньемъ.

Этого-то сознанія да прибудетъ больше и больше отъ дѣятельности новаго историческаго общества! П. Б.

*) Т. е. Кавказскаго Плѣнника. П. Б.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ.

Его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдера. Съ приложеніями. 4-ка VI+436 стр. Спб. 1397. Изд. А. С. Суворина.

Вслѣдствіе множества новыхъ и важныхъ показаній, обнародованныхъ за послѣднее двадцатипятилѣтіе, я почтенный трудъ Богдановича (Исторія царствованія императора I-го и Россіи его времени. 6 т. Спб. 1869—1871) является уже совершенно устарѣлымъ. Поэтому появленіе въ свѣтъ сочиненія Н. К. Шильдера объ императорѣ Александрѣ Павловичѣ составляетъ радостное событіе въ нашей исторіографіи.

Первый томъ, доведенный до событія 11 Марта 1801 года, посвященъ дѣтству и молодымъ годамъ Александра Павловича. Съ большою подробностью и любовью авторъ излагаетъ нѣжныя попеченія царственной бабки о воспитаніи и образованіи ея любимца-внука; въ этой трогательной заботливости и горячей привязанности къ „господину Александру“ сказывалось не только сердце, но и государственная мысль „Семирамиды Сѣвера“, о которой до сихъ поръ такъ охотно повторяются грязненькіе анекдотцы. Образъ великой женщины рѣзко оттѣненъ фигурою Павла Петровича.

Съ большимъ умѣньемъ подчеркнута у Н. К. Шильдера двойственность въ характерѣ Александра, которая обнаружилась въ немъ съ самаго ранняго возраста, ярко проявилась въ одновременной дружбѣ съ гражданиномъ Лагарпомъ и съ Аракчеевымъ и сдѣлала изъ него „сфинкса неразгаданнаго до гроба“. Въ 1790 году Екатерина, восхищаясь внукомъ, пишетъ: „Если я съ нимъ заговорю о чемъ-нибудь дѣльномъ, онъ весь вниманіе, слушаетъ и отвѣчаетъ съ одинакимъ удовольствіемъ; заставлю я его играть въ жмурки, онъ и на это готовъ“. Но, оказывая нѣжное вниманіе своей бабушкѣ, „цѣлуя ея ручки и ножки и маленькій пальчикъ“, великій князь не любилъ ея и даже впослѣдствіи оказывалъ къ ея памяти нерасположеніе, хотя ей онъ всецѣло обязанъ своимъ образованіемъ и тою очаровательностью, которая дѣйствовала такъ неотразимо на его современниковъ..

Характеристика воспитателей и приближенныхъ отрока и юноши Александра сдѣлана довольно блѣдно, и почти ничего не сказано въ книгѣ о Маріи Θеодоровнѣ, хотя не Павелъ былъ виновникомъ охлажденія внука къ своей бабкѣ. Авторъ напрасно не остановился на своеобразномъ педагогическомъ пріемѣ Лагарпа заставлять своихъ воспитанниковъ писать о себѣ самихъ уничижительныя аттестаціи; Константинъ протестовалъ противъ такого насилія, и когда гуманный Швейцарецъ, котораго онъ даже какъ-то искусалъ, заставилъ его подписаться *Constantin—extrême misère*, прибавилъ: *c'est n'ai pas vrai*, Александръ покорно писалъ подъ диктовку воспитателя, что онъ нерадивъ, неспособенъ, приближается къ нулю и т. д. Удаленный изъ Россіи Екатериною за нежеланіе склонять Александра къ принятію

Русскаго престола мимо своего отца, Лагарпъ далъ Александру Павловичу 6 Апрѣля 1795 года любопытную инструкцію (она помѣщена въ приложеніяхъ). Устраненіе сына отъ престолонаслѣдія все болѣе и болѣе занимало старѣвшую императрицу. Еще 2 Іюля 1796 года, на крестинахъ Николая Павловича, она пыталась убѣдить Марію Θеодоровну склонить Цесаревича къ тому, чтобы онъ самъ отрекся отъ престола. 16 Сентября она вела продолжительную бесѣду съ Александромъ, выясняя ему всю государственную необходимость этого дѣла. Въ письмѣ отъ 24 Сентября онъ выражаетъ ей по этому поводу свое полное одобреніе, а 23 Сентября въ письмѣ къ Аракчееву называетъ отца „его императорское величество. Увѣренная въ согласіи внука, Екатерина готовилась всенародно объявить о своемъ рѣшеніи; предполагалось, что оно послѣдуетъ 24 Ноября, но 6 Ноября „Россійское солнце погасло". Настали „иной вѣкъ, иная жизнь, иное бытіе".

Характеристика Павловскаго правленія очень удалась достопочтенному автору. Съ воцареніемъ Павла вся жизнь Цесаревича поглотилась военной службой. Крайне замѣчательно письмо его къ Лагарпу отъ 27 Сентября 1797 года; въ немъ онъ жалуется, что „выполненіе обязанностей унтеръ-офицера, на которое уходитъ все его время, сдѣлало изъ него самаго несчастнаго человѣка". Но онъ уже не мечтаетъ, какъ прежде, покинуть свою родину и жить частнымъ человѣкомъ гдѣ-нибудь на берегахъ Рейна: несчастное положеніе отечества даетъ его мыслямъ иное направленіе... воцарившись, онъ посвятитъ себя задачѣ даровать странѣ свободу и тѣмъ не допустить ея сдѣлаться въ будущемъ игрушкою какихъ-либо безумцевъ. „Это заставило меня, пишетъ Александръ, передумать о многомъ, и мнѣ кажется, что это было бы лучшимъ образцомъ революціи, такъ какъ она была бы произведена законною властью и перестала бы существовать, какъ только конституція была бы закончена и нація избрала бы своихъ представителей". А между тѣмъ царственный мечтатель и поклонникъ свободной конституціи все болѣе сближался съ Аракчеевымъ, *кусающимъ* солдатъ. Исторія этой странной дружбы изложена у Шильдера съ большимъ умѣньемъ. Однако и въ чувствахъ къ Аракчееву Александръ проявилъ удивительное двоедушіе. Когда 1 Октября 1799 г. Аракчеевъ былъ уволенъ отъ службы за ложное донесеніе, Александръ на плацъ-парадѣ громко называлъ его *мерзавцемъ*, а въ письмѣ отъ 15 Октября завѣрялъ его въ своей непрестанной дружбѣ.

Въ приложеніяхъ помѣщенъ рядъ очень цѣнныхъ бумагъ.

Внѣшность книги прекрасна (хотя есть опечатки); данъ цѣлый рядъ снимковъ съ рѣдчайшихъ гравюръ. Крайне любопытенъ хромолитографированный портретъ Александра, взятый изъ альбома художника Дау; но не можемъ не сказать, что портретъ этотъ, изображающій Государя въ послѣдніе годы его жизни, мало подходитъ къ тексту, гдѣ излагаются его дѣтство и юность. Не понимаемъ, почему не помѣщены портреты князя Адама Чарторыжскаго и М. Н. Муравьева. Ю. Б.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры годовыхъ изданій (1877—1880) **РУССКАГО АРХИВА** можно получать по ПЯТИ р. за годъ (съ пересылкою по ШЕСТИ р.).

КНИГА ПЕРВАЯ 1877. Записки **Г. С. Винскаго.** Біографія канцлера князя Безбородка. Бумаги контръ-адмирала **Истомина.** Взятіе Карса въ 1828 году. Изъ Записокъ **Н. Н. Муравьева-Карскаго.** Записки оберъ-камергера **графа Рибопьера.**

КНИГА ВТОРАЯ 1877. Записки **графа Гордта** о России при Елисаветѣ Петровнѣ и Петрѣ III-мъ. Записки **графа А. И. Рибопьера** (царствованія Александра и Николая Павловичей). Авдотья Петровна Елагина, біографическій очеркъ. Н. И. Второвъ, статья **М. Ѳ Де-Пуле.** Историческіе разсказы, анекдоты и мелочи **Толычовой.**

КНИГА ТРЕТЬЯ 1877. Записки **Людовика XVIII-го** объ его жизни въ Россіи. Записки декабриста **П. Н. Фаленберга.** Депеши князя Алексѣя Борисовича Куракина изъ Парижа въ 1810 году. Записки **М. А. Дмитріева Мамонова.**

КНИГА ПЕРВАЯ 1878. Воспоминанія принца **Евгенія Виртембергскаго** о последнихъ дняхъ Павловскаго царствованія и о событіи четырнадцатаго Декабря 1825 года. Политическія записки и письма **графа Ѳ. В. Ростопчина.** Записки **Марьи Сергѣевны Мухановой** о временахъ Екатерины Второй, Павла, Александра и Николая Павловичей. Записки **Н. В. Баталина,** доктора **К. К. Зейдлица** и **В. А. Еропкина.** Приключенія **Лифляндца** въ Петербургѣ.

КНИГА ВТОРАЯ 1878. Хивинскій и Акъ-Мечетскій походы **графа В. А. Перовскаго,** по его письмамъ. Бумаги **С. П. Шевырева.** Воспоминанія генералъ-адъютанта **С. П Шипова** Приключенія **Лифляндца** въ Петербургѣ. Воспоминанія о князѣ В. А. Черкаскомъ. Письма **А. С. Хомякова** къ Гильфердингу. Похожденія монаха **Палладія Лаврова.**

КНИГА ТРЕТЬЯ 1878. Письма **Екатерины Великой** къ барону Гримму. 1774—1796. Исторія пріобрѣтенія Амура, статья **П. В. Шумахера.** Графъ Моцениго, разсказъ **графа С. Р. Воронцова.** Бумаги **графа П. И. Панина.** Записки **Саввы Текели.**

КНИГА ПЕРВАЯ 1879. Петръ Первый, соч **М. П. Погодина.** Разсказъ **графа Н. И. Панина** объ Екатерининскомъ восшествіи. Біографія гр. С. Р. Воронцова съ его портретомъ. Письма **Хомякова** къ графинѣ Блудовой.

КНИГА ВТОРАЯ 1879. Наши сношенія съ Китаемъ. Біографія Зорича съ его портретомъ. Исторія Яицкаго войска. Письма князя **Вяземскаго** къ Пушкину и Булгакову.

КНИГА ТРЕТЬЯ 1879. Записки Ильинскаго, Андреева и Кольчугина. — Бумаги графа Румянцова-Задунайскаго, князя Потемкина и графа Перовскаго.—Уединенный Пошехонецъ. Воспоминанія графини Блудовой —Письма **Хомякова** къ Кошелеву и Самарину, съ портретомъ Хомякова.

КНИГА ПЕРВАЯ. Путевыя записки Стрюйса. — Павелъ Полуботокъ. — Переписка Екатерины съ Іосифомъ. — Кавказскія воспоминанія Венюкова. — Воспоминанія Московскаго кадета.

КНИГА ВТОРАЯ. Протоіерей Петръ Алексѣевъ.—Записки Эйлера. - Записки и бумаги Пушкина.

КНИГА ТРЕТЬЯ. Дидеротъ и Екатерина. — Исторія крестьянства, статья князя Черкаскаго. — Княгиня Дашкова и ея подлинныя Записки.

Годъ тридцать пятый.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1897

8.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи,

на Страстномъ бульварѣ.

1897.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ ПЕРВЫЙ.

Его жизнь и царствованіе. Н. К. Шильдера. Томъ второй. 4-ка 408 стр. Спб. 1897.

Предполагая въ Сентябрьскомъ выпускѣ „Архива" болѣе подробно разобрать и изложить этотъ томъ, такъ какъ онъ по нашему мнѣнію еще любопытнѣе, чѣмъ предыдущій (см. „Р. А." сего года II, 495), мы здѣсь лишь вкратцѣ коснемся его содержанія.

Въ немъ излагается періодъ отъ 1801 до 1810 года, обыновенно называемый эпохой преобразованія. Почтенный авторъ мѣтко называетъ его *эпохой колебаній*, утверждая, что постоянно за это время происходящія колебанія во внутренней и внѣшней политикѣ, обусловливались исключительно одною личностью Императора Александра, обладавшаго свойствомъ нерѣдко колебаться въ одно и тоже время между двумя совершенно различными настроеніями, безъ всякой послѣдовательности въ избранномъ имъ разъ направленіи.

Восшествіе на престолъ и первое время царствованія, когда Александръ заявлялъ, что „сливая пользы наши съ пользами нашихъ вѣрноподданныхъ и поручая единому дѣйствію закона охраненіе Имени нашего и государственной цѣлости отъ всѣхъ прикосновеній невѣжества и злобы . . . пользъ нашихъ никогда не раздѣляемъ мы отъ ихъ благосостоянія, которое едино составлять всегда будетъ все существо мыслей нашихъ и воли", изложено жизненно и ярко. Указано и на туманность мнѣній Государя касательно исполненія государственнаго преобразованія, главнымъ основаніемъ котораго должно было служить установленіе *правъ гражданина*. Извѣстно, что для обсужденія этихъ мѣръ и для *обузданія деспотизма правительства*, былъ учрежденъ *негласный комитетъ* изъ Государя, графа Кочубея, князя Адама Чарторижскаго (портреты его и М. Н. Муравьева помѣщены въ этомъ томѣ), Новосильцева и графа П. Н. Строганова.

Но несмотря на всю страсть къ проведенію принципа законности, Императоръ каждодневно производилъ вахтъ-парадъ.

Изобразивъ ликованія поклонниковъ Александра, авторъ остонавливается и на мнѣніяхъ противной партіи.

Автору удалось отчасти разъяснить тайну удаленія отъ дѣлъ графа Н. П. Панина; вообще изложеніе постепеннаго развитія самостоятельности юнаго императора сдѣлано мастерски. Обстоятельно изложено Мемельское свиданіе и его роковыя послѣдствія.

Мѣсто не позволяетъ мнѣ коснуться внутреннихъ преобразованій Александра и его войны съ Наполеономъ, составляющими едва ли не лучшую часть книги. Томъ этотъ украшенъ тремя хромолитографіями, многими снимками съ рѣдчайшихъ портретовъ и картинъ, и девятью автографами.

ИЗЪ БУМАГЪ ГРАФА НИКОЛАЯ ПЕТРОВИЧА ШЕРЕМЕТЕВА.

Читатели „Русскаго Архива“ 1896 года уже знакомы съ личностью и дѣятельностью графа Н. П. Шереметева, перваго нѣкогда по богатству Русскаго вельможи, славнаго древняго рода (одного корня съ Романовыми), человѣка европейски образованнаго и въ тоже время вѣрнаго завѣтамъ родной старины, попечительнаго о своихъ крѣпостныхъ людяхъ, безпримѣрнаго общественнаго благотворителя (мы не знаемъ другаго на частныя средства устроеннаго учрежденія, какъ его Страннопріимный домъ въ Москвѣ). Графъ Шереметевъ, другъ Музъ и тихаго житія, человѣкъ некрѣпкаго здоровья, очутился въ вихрѣ случайностей и въ заботѣ ежечасной. Ему было 45 лѣтъ, когда воцарился Павелъ Петровичъ, въ общеніи съ которымъ провелъ онъ годы своего дѣтства и отрочества. Графъ Николай Петровичъ служилъ тогда сенаторомъ и завѣдывалъ однимъ изъ Московскихъ банковъ. Онъ былъ на три года старше Павла Петровича. Государь, немедленно по своемъ вступленіи на престолъ, поручилъ ему управленіе своимъ дворомъ, на мѣсто князя Ѳ. С. Барятинскаго. Извѣстно, какая рѣзкая перемѣна послѣдовала тогда въ пріемахъ правленія. Помѣщаемыя ниже сего бумаги относящіяся къ этой его должности, любопытны въ историческомъ отношеніи, изображая намъ тогдашніе дворскіе порядки. Новый обергофмаршалъ постарался ввести порядокъ въ дворцовое управленіе. За сообщеніе этихъ бумагъ приносимъ благодарность внуку его графу С. Д. Шереметеву. П. Б.

Отмѣтки императора Павла.

1796 года Декабря 22 дня. Придворная Контора слушала предложенный господиномъ обергофмаршаломъ графомъ Николаемъ Петровичемъ и гофмаршалами подносимый ими его императорскому величеству о столахъ реестръ, на которомъ послѣдовали высочайшія, собственною его величества рукою писанныя карандашемъ, отмѣтки такого именно содержанія:

Камеръ-фрейлинѣ Аннѣ Степановнѣ Протасовой давать столъ и прочее содержаніе *).

*) Это исключеніе сдѣлано вѣроятно по ходатайству находившагося тогда въ особой милости у Государя графа Ѳ. В. Ростопчина, который женатъ былъ на племянницѣ и воспитанницѣ А. С. Протасовой, Екатеринѣ Петровнѣ. П. Б.

Фрейлинамъ и гофмейстеринамъ довольствоваться вмѣстѣ съ господами кавалерами за столомъ маршальскимъ.

Фрейлинамъ Дивовой, Валуевымъ быть за тѣмъ же общимъ столомъ.

Дежурнымъ лекарю, аптекарю и пр. быть за столомъ, по штату въ 1786 году назначеннымъ.

Камеръ-юнкерамъ и камермедхенамъ покойной государыни императрицы Екатерины Алексѣевны, равно эрмитажному камерфурьеру Тюльпину и камерфрау Верре, давать столъ и содержаніе.

Тремъ конюшеннымъ офицерамъ имѣть столъ вмѣстѣ съ дежурными офицерами.

Камердинерамъ Званцову, Гемпелю, Бертону быть за столомъ дежурныхъ камердинеровъ.

Господину Каюсу имѣть столъ съ чертежными офицерами.

Гардеробмейстеру Кутайсову, барону Николаусу, библіотекарю Мальтію, камермедхенѣ Марѳѣ Родіоновой, Марьѣ Юрьевой....

(конца не достаетъ).

*

Изъ реестра именнымъ его императорскаго величества указамъ 1797 года.

О произведеніи стола кавалергардамъ противу офицеровъ 2 класса.

О бытіи при дворѣ вмѣсто 12 человѣкъ гусаръ только 8, а остальнымъ гайдуками.

Объ отдачѣ той квартиры барону Аракчееву, кою прежде занималъ генералмаіоръ Сакенъ.

О пожалованіи во фрейлины къ ея величеству дѣвицы Елисаветы Васильчиковой.

О неимѣніи при дворѣ въ первую и страстную недѣлю мяснаго кушанья.

О опредѣленіи Марѳы Соболевой въ прачки.

Объ отведеніи квартиры во дворцѣ г. Аракчееву.

О пожалованіи дѣвицы Каховской первою фрейлиною къ ея высочеству Екатеринѣ Павловнѣ.

Докладъ графа Н. П. Шереметева *).

Имѣя обязанность по всемилостивѣйше возложенному на меня отъ вашего величества званію обергофмаршала пещись о всемъ что̀ принадлежитъ къ должности моей, пріемлю смѣлостьпредставить на высочайшее усмотрѣніе вашего величества въ сихъ краткихъ словахъ нынѣшнее состояніе Придворной Конторы и тѣ затрудненія, въ которыхъ она находится, чтобы управлять съ должнымъ порядкомъ дѣлами, касающимися вообще до всякаго благоустройства двора вашего величества.

Сія Контора, хотя и имѣетъ почти полное число положенныхъ по штату чиновъ, но изъ оныхъ обергофмаршалъ и два гофмаршала обязаны по большей части быть отъ нея отсутственны, ради присмотра за порядкомъ двора, за приготовленіемъ столовъ, церемоніаловъ и тому подобнымъ. Совѣтниковъ же половина такихъ, коихъ усердіе къ службѣ и опытность хотя и нельзя не одобрить, но старость ихъ и истощеніе силъ не позволяютъ требовать отъ нихъ той дѣятельности, какая для службы и скорыхъ исправленіевъ потребна. Впрочемъ по сей Конторѣ мелочныхъ дѣлъ такое бываетъ множество, что ихъ исчислить трудно, и опи составляютъ ежедневное и единое упражненіе членовъ конторскихъ, кои занимаются разборомъ требованій отъ должностей ежечасно бываемыхъ, подписывая ярлыки объ отпускѣ съѣстныхъ припасовъ, питья, свѣчъ и прочаго и пребывая въ безпрестанныхъ спорахъ о излишествѣ требуемаго, такъ что и самъ обергофмаршалъ и гофмаршалы ни за чѣмъ инымъ почти не входятъ въ Контору, чтобъ только разбирать споры и пресѣкать эти излишества. Но чтобъ приблизиться къ прямой цѣли хозяйства, положить твердое основаніе общаго благоустройства и пресѣчь надежными мѣрами всякое хищеніе, о томъ и подумать нѣтъ возможности, тѣмъ особливо, что секретарей и конторщиковъ, служащихъ въ этой Конторѣ, хотя также состоитъ довольно достаточное число, но изъ нихъ большая часть или стары или неспособны, и слѣдственно немногіе только исполняютъ свою должность съ желаемымъ успѣхомъ, упражняясь однакожъ равномѣрно въ дѣлахъ только текущихъ, т. е. въ ежечасномъ письмѣ ярлыковъ, въ еженедѣльномъ сочиненіи вѣдомостей о приходахъ и расходахъ и въ прочихъ тому подобныхъ мелочахъ.

Ради сего не благоугодно ли будетъ в. императорскому величеству высочайше повелѣть, собравъ всѣ нужныя по старымъ дѣламъ Придвор-

*) Съ черноваго подлинника. П. Б.

ной Конторы свѣдѣнія на учрежденіе порядка, на отвращеніе казны отъ ущерба и дабы никакая хищность не имѣла тутъ мѣста, составить особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ обергофмаршала изъ особыхъ и совсѣмъ не принадлежащихъ къ Конторѣ членовъ, но чтобъ одинъ только изъ оныхъ призываемъ былъ тогда, когда востребуется нужда для каковыхъ либо объясненій по новости тѣхъ и по неизвѣстности многихъ вещей для людей постороннихъ. Я уповаю, всемилостивѣйшій государь, что симъ означеннымъ способомъ можно будетъ достигнуть того, чего желать меня обязываетъ усердіе къ службѣ моего монарха. Впрочемъ какъ необходимо потребно и то, чтобы обергофмаршалъ снабженъ былъ полною о своемъ званіи инструкціею, то я, сочинивъ оную, дерзаю поднести на высочайшее благоизволеніе вашего величества.

Надо полагать, что императоръ Павелъ согласился на это предложеніе, вслѣдствіе чего и составлены графомъ Шереметевымъ инструкція (нижеслѣдующая) и такой указъ

Нашему обергофмаршалу.

Избравъ васъ для двора нашего обергофмаршаломъ и вручивъ вамъ всю власть до сего чина касающуюся, признали мы за нужное снабдить васъ инструкціею, дабы не оставить ни въ какомъ случаѣ мѣста сумнѣнію вашему, чтò вы сами собою распоряжать должны и о чемъ докладываться намъ, повелѣваемъ немедленно собравъ инструкціи, данныя отъ государей Всероссійскихъ нашихъ предшественниковъ прежнимъ обергофмаршаламъ и по временамъ выходящіе указы о ихъ обязанности, сочинить сію инструкцію, какъ въ разсужденіи надзиранія за служителями и всякими расходами по двору употребляемыми, также относительно преимущества и власти оберъ-гофмаршальской надъ всѣми ему подчиненными людьми, включа тутъ и правила, коими руководствоваться должна Придворная наша Контора въ рѣшеніи дѣлъ отъ нея зависящихъ на основаніи Генеральнаго Регламента и прочихъ государственныхъ законовъ, представить къ нашему разсмотрѣнію.

Дальнѣйшія бумаги написаны въ исполненіе предъидущаго указа.

*

Докладъ графа Н. П. Шереметева.

Всемилостивѣйшій государь.

Въ 1730 году отъ покойной государыни императрицы Анны Іоанновны даны были инструкціи обергофмаршалу и гофмаршалу; но какъ оныя во многомъ не согласуются ни съ настоящимъ време-

немъ, ни съ нынѣшнимъ положеніемъ высочайшаго двора вашего императорскаго величества, особливо въ разсужденіи вновь изданнаго штата для Придворной Конторы и ей подчиненныхъ служителей; то, дабы не сдѣлать излишней заботы в. и. в-у нынѣ бываемыми представленіями отъ разныхъ лицъ и чтобы каждый изъ гофмаршаловъ зналъ прямую его обязанность, ибо изъ опытовъ вижу я неудобство въ распоряженіи троихъ начальниковъ, почему въ сходствіе сего же самаго штата примѣчанія перваго о должностяхъ главныхъ чиновъ, и осмѣлился, сочиня для обергофмаршала новую инструкцію, представить на высочайшее благоизволеніе в. и. в., всеподданнѣйше при томъ испрашивая о опредѣленіи ко мнѣ секретаря, о коемъ въ ....мъ пунктѣ сей инструкціи упоминается: ибо я, какъ президентъ Конторы, обязанъ буду дѣлать ей иногда свои предложенія, имѣть сношенія съ обергофмейстеромъ весьма нужныя, касающіяся до управленія двора и скораго отправленія, требующія равнымъ образомъ предписывать каждому придворному служителю его должность, и по сему случаю не могу заимствоваться положенными въ конторскомъ штатѣ секретарями.

При семъ нахожу также за нужное представить в. величеству, не благоугодно ли будетъ оставить по прежнему въ конторскомъ штатѣ совѣтника Головцына, котораго по опытности его къ дѣлахъ признаваю я необходимо нужнымъ; онъ же и безъ того получаетъ жалованье всемилостивѣйше пожалованное ему отъ в. и. в-а, оставаясь въ Конторѣ для окончанія счетовъ; также прибавить одного при Конторѣ инспектора, опредѣля ему жалованья по 1200 р. на годъ. Я побуждаюсь къ сему всеподданнѣйшему представленію единственнымъ моимъ усеркъ службѣ в. и. в., дабы при недостаткѣ помощниковъ не упустить чего либо нужнаго при отправленіи возложеннаго на меня дѣла; ибо должность моя и должности гофмаршаловъ необходимо требуютъ всегдашняго отсутствія и присмотра за должностями другихъ придворныхъ служителей; а высочайшее отсутствіе вашего императорскаго величества въ загородные домы и въ другіе отдаленные походы можетъ удалить на нѣкоторое продолженіе время меня и кого либо изъ моихъ товарищей; слѣдственно по сему же случаю или по причинѣ болѣзней нашихъ, такъ какъ въ нынѣшнее время случилось, управлять будетъ одинъ гофмаршалъ, коему не только недостанетъ времени за присмотромъ надъ Конторою въ отправленіи дѣлъ, на меня возложенныхъ, и за денежною казною, которая имѣетъ оставаться на отчетѣ однихъ секретарей и канцелярскихъ служителей, въ сохраненіе которыхъ неприлично бы было ввѣрить столь знатныя суммы, слѣдственно сіи два чиновника и будутъ обязаны отвѣтствовать, какъ за цѣлость казны, такъ

за порядочное теченіе дѣлъ, а притомъ послѣдній изъ нихъ можетъ служить и помощникомъ обергофмаршалу по предметамъ требующимъ скораго исполненія, къ чему употреблять всегда гофмаршаловъ безъ предосужденія ихъ званію я не могу, паче же всего ревизовать камерцалмейстерскую и другія должности. Впрочемъ эта прибавка 1200 р. для инспектора не причинитъ никакой разстройки въ суммахъ для двора по штату назначенныхъ; ибо, я увѣренъ, она вознаградится съ излишествомъ другою экономіею, какъ въ разсужденіи стола вашего императорскаго величества, такъ и отъ другихъ контрактованныхъ столовъ, что́ имѣю уже въ виду, о чемъ равно и о построеніи ливреи камеръпажеской и официантской, которую ваше императорское величество на меня собственно возложить соизволили и которая поспѣетъ гораздо прежде, нежели я ожидалъ, о камеръ-пажахъ и пажахъ именной списокъ при семъ подношу вашему императорскому выличеству и съ глубочайшимъ благоговѣніемъ пребываю, всемилостивѣйшій государь, вашего императорскаго величества вѣрноподданный графъ Николай Шереметевъ.

Генваря 2 дня 1797 года [1]).

Указъ нашей Придворной Конторѣ [2]).

Изъ поданнаго намъ отъ Придворной Конторы доклада усматривая, что, сверхъ опредѣленной въ 1789-мъ году на содержаніе двора нашего суммы, ежегодно по три милліона рублей, учинены тою Конторою долги болѣе двухъ милліоновъ простирающіеся, не можемъ оставить безъ примѣчанія, что таковое накопленіе большихъ долговъ не соотвѣтствуетъ обязанности Придворной Конторы въ наблюденіи и предостереженіи казенной пользы и не сходствуетъ съ данными отъ насъ указами, наипаче же при самомъ помянутомъ ежегодной суммы опредѣленіи: ибо, еслибы по чрезвычайнымъ случаямъ востребовалися какіе либо особые расходы или прибавки, долженствовала та Контора, не отлагая въ даль, но при самомъ настояніи надобности представить намъ докладомъ, дабы мы могли благовременно подать ей нужное пособіе, и тѣмъ, соблюдая надлежащее довѣріе къ казнѣ нашей въ обязательствахъ ея съ частными людьми, предохранить оную отъ напрасныхъ убытковъ, каковы суть неминуемое слѣдствіе, когда невѣрная по кон-

---

[1]) Печатается со списка. П. Б.

[2]) Этотъ указъ Екатерины Великой приведенъ графомъ Шереметевымъ, вѣроятно, для справки, и сохранился въ его бумагахъ въ современномъ спискѣ. П. Б.

трактамъ производится заплата. Для отвращенія впредъ подобныхъ непорядковъ за нужное находимъ:

Первое, предписать Придворной Конторѣ, чтобъ она обстоятельную вѣдомость о долгахъ своихъ по 1-ое Генваря наступающаго 1796 года, препроводила къ нашему дѣйствительному тайному совѣтнику и генералпрокурору графу Самойлову, который снабденъ указомъ нашимъ о платежѣ сихъ долговъ.

Второе, подтвердить симъ наистрожайше и подъ опасеніемъ взысканія неизбѣжнаго, чтобъ Придворная Контора, получая исправно опредѣленную ей сумму, производила вѣрно и точно платежи частнымъ людямъ за поставки и покупки, и отнюдь долговъ накоплять не отваживалася; при чрезвычайныхъ же случаяхъ, большихъ издержекъ требующихъ, завременно намъ докладывала, сколько и на что именно ей потребно денегъ.

Третье, между тѣмъ, дабы могли мы дать лучшее устройство теченію дѣлъ по двору, составить примѣрный штатъ о числѣ вообще всякаго рода чиновъ и служителей по вѣдомству придворному, съ назначеніемъ окладовъ и съ особымъ росписаніемъ ихъ по компатамъ, и представя намъ, ожидать рѣшенія, за которымъ уже отнюдь безъ имянныхъ указовъ нашихъ не дѣлать ни малѣйшихъ перемѣнъ.

Четвертое, учинить росписаніе о всѣхъ столахъ по двору нашему безъ изъятія, какъ на время пребыванія нашего въ столицѣ, такъ и въ отсутствіи двора за городомъ, съ означеніемъ, какіе именно столы, кому, на сколько особъ и въ какомъ количествѣ блюдъ полагаются, и равнымъ же образомъ подать на разсмотрѣніе наше, дабы по утвержденіи нами Контора изъ того не выходила и вслѣдствіе онаго могла дѣлать расходы благовременно для вѣрности, а не для одной формы.

Пятое, подтвердить вновь Придворной Конторѣ, чтобъ въ ней предсѣдающіе и присутствующіе имѣли единодушное попеченіе о сбереженіи пользы казенной, о лучшемъ во всемъ устройствѣ, о пресѣченіи всякихъ хищеній и злоупотребленій, взыскивая на нерадивыхъ, паче же виновныхъ, по строгости законной, наблюдая, чтобъ всему былъ вѣрный отчетъ и подавая намъ предписанныя вѣдомости, хотя и сокращенно, но ясно, не замѣшивая ихъ подробностями, которыя отнимаютъ удобность къ открытію существеннаго дѣла производства и веденія расходовъ по двору.

Шестое, камерцалмейстера съ его должностію отдѣлить въ вѣдомство Кабинета нашего, для чего съ 1-го Генваря 1796 года и суммы, какъ на сію часть, такъ и на Петергофскую гранильную мельницу, подъ управленіемъ Кабинета состоящую, въ расходъ по Придворной Конторѣ выходить не будутъ, но останутся въ ея подкрѣпленіе.

По полученіи нами требуемыхъ выше штата и росписанія, мы предоставляемъ себѣ подробнѣе распорядиться о должности Придворной Конторы и разныхъ чиновъ ея вѣдомства, а между тѣмъ указали мы генералу прокурору опредѣленныя на содержаніе двора суммы отпускать по половинамъ года, и по крайней мѣрѣ въ двухъ первыхъ мѣсяцахъ каждой таковой половины.

Екатерина.

Въ С.-Петербургѣ.
Декабря 22-го дня 1795 года.

Инструкція нашему оберъ-гофмаршалу *).

(1797).

Избравъ васъ при дворѣ нашемъ въ обергофмаршалы и надѣясь, что вы, по всегдашнему своему усердію къ службѣ нашей, не оставите приложить всѣ силы ко исполненію возложеннаго на васъ званія, признали мы за нужное для того начертать вамъ слѣдующія правила.

1. Обергофмаршалу непосредственно подчиняются всѣ высшіе и низшіе придворные служители отъ самаго гофмаршала и до послѣдняго чина, исключая придворныхъ кавалеровъ и тѣхъ, кои по штатамъ имѣютъ своихъ особыхъ начальниковъ; а по сему самому и обязанъ онъ отдавать отчетъ во всѣхъ случаяхъ до порядка, благоустройства и содержанія двора нашего касающихся, и никто другой мимо его ни о чемъ намъ не доноситъ.

2. Во время отсутствія его или болѣзни занимаетъ сіе мѣсто старшій изъ двухъ гофмаршаловъ и поступаетъ съ тою же во всемъ полною властію, какая отъ насъ дана обергофмаршалу, не касаясь однакожъ ни производденія придворныхъ служителей въ другія должности, ни новыхъ какихъ либо по двору распоряженій, такъ какъ и второй, буде перваго гофмаршала не случится, но при обергофмаршалѣ ничего сами собою безъ приказанія его не всчинаютъ, а исполняютъ во всей точности отъ него на нихъ возложенное.

*) Писано графомъ Н. П. Шереметевымъ своеручно. П. Б.

3. Обергофмаршалъ есть президентъ Придворной нашей Конторы, а первый изъ гофмаршаловъ занимаетъ мѣсто вицепрезидента. Почему обергофмаршалъ не только печется, дабы всякій изъ нижнихъ придворныхъ служителей отправлялъ должность свою съ надлежащимъ усердіемъ и вѣрностью, но и самымъ своимъ сочленамъ раздѣляетъ труды, каждому по его способности и силамъ, имѣетъ за ними неусыпное надзираніе по точнымъ словамъ Генеральнаго Регламента 8-й главы и прочихъ изданныхъ на сей случай законовъ; вслѣдствіе же сего всѣ и каждый особенно обязаны ему повиноваться во всемъ томъ, что̀ до пользы службы касается.

4. Наполненіе убылыхъ мѣстъ ливрейными и прочими нижними служителями, кромѣ камерпажей и пажей, коихъ опредѣленіе и произвожденіе предоставляется намъ собственно, зависитъ отъ единственнаго избранія обергофмаршала, и онъ обязанъ опредѣлять таковыхъ, кои бы имѣли о себѣ достаточныя одобренія отъ прежнихъ начальствъ или отъ знатныхъ и довѣріе заслуживающихъ особъ; паче же всего стараться, чтобы прежде помѣщаемы были на случающіяся ваканціи дѣти придворныхъ служителей, а особливо такихъ, которые долговременною и усердною службой явили себя достойными какой-либо награды.

5. Какъ производеніе въ офиціанты и другіе должностные чины зависитъ отъ обергофмаршала, то онъ долженъ всегда наблюдать, дабы въ семъ случаѣ уважаема была долголѣтняя служба, доброе поведеніе и точное исполненіе возложеннаго на нихъ дѣла.

6. Обергофмаршалъ, имѣя всѣ преимущества президента коллегіи, въ необходимыхъ случаяхъ, требующихъ какого либо неотлагательнаго исправленія безпорядковъ, отвращенія излишнихъ по двору расходовъ, или разсмотрѣнія о чрезвычайныхъ и необыкновенныхъ нарядахъ, можетъ отъ имени своего давать предложенія Придворной Конторѣ, а оная по соображенію и уваженію всѣхъ описанныхъ въ нихъ обстоятельствъ дѣлаетъ свои опредѣленія, которыя однакожъ не прежде исполняются какъ по донесеніи намъ и съ нашего соизволенія. Поелику же производство въ Придворной Конторѣ дѣлъ не инако быть долженствуетъ какъ по точной силѣ регламентовъ и прочихъ законовъ, коими управляются всѣ судебныя мѣста, слѣдственно и рѣшеніе оныхъ да будетъ общимъ согласіемъ голосовъ. Но, ежели бы произошло въ какомъ дѣлѣ разногласіе, то какъ дѣла сей Конторы не суть ни судебныя, ни тяжебныя, а касаются до единаго хозяйства по двору нашему и никогда не взносятся на разсмотрѣніе Сената, для сего обергофмаршалъ, прика-

зывая таковыя разногласія записывать въ особый протоколъ, не долженъ почитать большинство голосовъ конечнымъ рѣшеніемъ дѣла, но представляетъ мнѣніе каждаго члена къ нашему усмотрѣнію и ожидаетъ повелѣнія.

7. Всякое смотрѣніе за хозяйствомъ и благоустройствомъ по двору нашему паче всѣхъ другихъ чиновниковъ остается на отчетѣ обергофмаршала, и вслѣдствіе сего обязанъ онъ самъ собою надзирать всѣ столы, должности и службы, ходить сколь возможно чаще по кухнямъ, погребамъ, мундшенкскимъ, кофишенкскимъ и кондитерскимъ. Но поелику обширность его должности и многія заботы съ тѣмъ сопряженныя могутъ иногда удалять его отъ исполненія сего, то онъ приказываетъ одному изъ гофмаршаловъ сей присмотръ, когда заблагоразсудитъ, и въ такомъ случаѣ сей послѣдній долженъ все то, что́ требуется отъ добраго хозяйства и чтобы всякіе безпорядки и хищеніе отвращены были, прилагать крайнее попеченіе, чтобы при покупкахъ припасовъ и вещей, также при отпускахъ оныхъ на ежедневное употребленіе, ничего лишняго и вреднаго интересамъ нашимъ не происходило и обо всемъ, что́ бы по двору ни случилось, доложить немедленно обергофмаршалу и ожидать его приказанія. Впрочемъ обергофмаршалъ росписываетъ каждому изъ подчиненныхъ своихъ должность его и нерадивыхъ во отправленіи оной побуждаетъ и исправляетъ способами отъ его благоизобрѣтенія зависящими, а употребляющихъ во зло довѣренность свою немедленно отсылаетъ къ суду, куда по законамъ слѣдуетъ. Что́ принадлежитъ до новыхъ по двору расходовъ, то ни онъ, ни вообще Придворная Контора оныхъ не дѣлаетъ кромѣ обыкновенныхъ; равнымъ образомъ и никому особенныхъ столовъ или комнатъ безъ нашего соизволенія отнюдь не назначаетъ и старается всевозможнымъ образомъ не выходитъ изъ опредѣленной или впередъ опредѣляемой на ежегодное содержаніе суммы, отрѣшая, колико позволитъ достоинство двора нашего, всякое излишество, такъ чтобы со временемъ можно было имѣть остатки отъ годовыхъ расходовъ и или способствовать въ чрезвычайныхъ случаяхъ издержкамъ казны. Приказываетъ записывать въ особый журналъ всѣ могущія случиться новыя при дворѣ торжественныя празднества и хранить сей журналъ навсегда для будущихъ справокъ, въ какое время и что́ произошло.

8. При сихъ бываемыхъ торжествахъ, какъ то при коронаціи, бракосочетаніяхъ и тому подобныхъ праздникахъ, когда увидитъ обергофмаршалъ, что исправиться штатною суммою денегъ нельзя, доноситъ немедленно намъ и ожидаетъ особливаго пособія и повелѣній; до

полученія же оныхъ ни къ какимъ издержкамъ и распоряженіямъ не приступаетъ.

9. По многимъ опытамъ извѣстно намъ, что подрядчики и поставщики ко двору разныхъ вещей и припасовъ, не будучи въ свое время удовлетворяемы за ихъ поставки деньгами, при новыхъ подрядахъ берутъ за все неумѣренныя цѣны, дабы таковымъ образомъ наградить свои убытки за обращающійся по нѣскольку лѣтъ въ казнѣ капиталъ, во избѣжаніе чего, а паче во отвращеніе возвышенія на съѣстные припасы и прочія жизненныя надобности цѣнъ въ столицахъ нашихъ бываемыхъ (ибо, смотря на сіе, и другіе промышленники имѣютъ поводъ налагать цѣны на свои товары), соизволяемъ, чтобы обергофмаршалъ и его сочлены изыскали возможныя средства покупать всѣ для двора припасы, особенно же Россійскіе, изъ первыхъ рукъ и на готовыя деньги, избѣгая всячески подрядовъ, да и чужестранные доставать покупкою же чрезъ придворнаго маклера или инымъ какимъ либо вѣрнымъ способомъ, не входя отнюдь въ долги, за что болѣе всѣхъ прочихъ обязанъ намъ отвѣтствовать обергофмаршалъ.

10. О всѣхъ по двору приходахъ и расходахъ денегъ, вещей, съѣстныхъ припасовъ, питей и прочаго получаетъ обергофмаршалъ, такъ какъ и Придворная Контора, еженедѣльныя вѣдомости, дабы симъ способомъ онъ могъ видѣть, нѣтъ ли въ употребленіи оныхъ небреженія и самого расхищенія, которое въ первомъ его началѣ пресѣкаетъ, побуждая нерадивыхъ ко исполненію возложеннаго на нихъ увѣщаніями и исправленіями винѣ, ихъ соразмѣрными, а похитителей отрѣшеніемъ отъ должностей и преданіемъ строгости законовъ.

11. Изъ сихъ вѣдомостей приказываетъ сочинять ежемѣсячный отчетъ, который долженъ быть не подробный о всѣхъ вещахъ, но генеральный, самый краткій и ясный, и подноситъ оный къ нашему усмотрѣнію, дабы мы при первомъ на него воззрѣніи могли видѣть, нѣтъ ли чего по расходамъ двора прибавить или убавить и наблюдается ли отъ обергофмаршала и его подчиненныхъ то хозяйство, какого ожидаемъ мы отъ ихъ усердной службы.

12. Отсутствіе наше отъ столицъ въ загородные дома въ лѣтнее время не должно полагаемо быть въ число чрезвычайныхъ расходовъ, какъ въ разсужденіи переѣзда служителей, такъ подвоза съѣстныхъ припасовъ и прочаго; а потому и долженъ обергофмаршалъ обще съ Придворною Конторою при сихъ случаяхъ принимать заблаговре-

менно свои мѣры, дабы дворъ снабженъ былъ всѣмъ нужнымъ безъ недостатка и безъ излишняго убытка.

13. Ежели разсудимъ мы за благо, въ отсутствіе наше въ загородные дома или въ иныя какія дальнія по Имперіи путешествія, взять съ собою одного гофмаршала, то онъ, исполняя все здѣсь предписанное, посылаетъ еженедѣльно какъ объ обыкновенныхъ употребленіяхъ по двору, такъ и о особыхъ расходахъ, какіе по повелѣніямъ нашимъ случатся, къ обергофмаршалу меморіи, дабы сей послѣдній, имѣя полное обо всемъ свѣдѣніе, могъ поправить властію своею всякую неисправность и предупредить недостатки, какіе бы встрѣтиться могли.

14. Въ случаѣ торжественныхъ нашихъ выходовъ какимъ образомъ учреждать столы и церемоніалы, снесясь съ оберцеремоніймейстеромъ, докладывать намъ и ожидать повелѣнія *).

15. Тѣмъ особамъ, коимъ по соизволенію нашему опредѣлены или впредь опредѣляемы будутъ во дворцахъ нашихъ комнаты и столы, дать табели, чтѣ имъ отпускается ежедневно на столъ съѣстныхъ припасовъ и питей, дабы имѣли они полное о томъ свѣдѣніе и

---

*) Въ подлинной черновой рукописи зачеркнуто еще слѣдующее:

„Обергофмаршалъ шествуетъ всегда передъ нами со своимъ жезломъ, имѣя предъ собою двухъ гофмаршаловъ съ ихъ жезлами же, и за публичными, во время праздниковъ, столами служитъ всегда съ своимъ жезломъ такимъ образомъ. Когда кушанье на столъ поставлено будетъ, то онъ, не оставляя жезла, подходитъ и доноситъ о томъ намъ, идетъ прямо передъ нами къ столу, гдѣ отдаетъ жезлъ свой одному изъ придворныхъ кавалеровъ и, подвигая для насъ стулъ, паки принимаетъ жезлъ и не отдаетъ онаго уже никому, доколѣ столъ не кончится; а тогда, отнимая стулъ, предшествуетъ предъ нами прежнимъ порядкомъ. Во время стола приказываетъ играть музыкѣ и при питіи за здоровье бить въ литавры. Смотритъ за придворными кавалерами, камерпажами и пажами, также за всѣми служителями, коимъ при столѣ быть должно, чтобъ они служили со всякою исправностью. Усаживаетъ по мѣстамъ всѣхъ чужестранныхъ министровъ и Россійскихъ знатныхъ особъ по ихъ чинамъ, а въ случаѣ какого-либо о мѣстахъ спора и сомнѣнія, особливо же между чужестранными, доноситъ намъ и ожидаетъ повелѣнія. Наконецъ, наиприлежнѣйше наблюдаетъ, чтобы всѣ угощаемые за нашимъ столомъ были удовольствованы и услужены всевозможно, какъ того требуетъ достоинство двора нашего. Въ каковыхъ церемоніалахъ необходимо долженъ онъ сноситься съ оберцеремоніймейстеромъ и, учредя все для торжества нужное, докладывать намъ письменно или словесно, какъ того потребуютъ обстоятельства“.

не могли приносить на каковой либо недостатокъ жалобъ, а между тѣмъ смотрѣть накрѣпко за служителями въ ихъ комнаты опредѣляемыми, чтобъ они употребляли все то, что̀ назначено отпускать на столъ особамъ, пользующимся таковою милостію нашею, и сіе все касается большею частію до присмотра гофмаршаловъ, которые обязаны обергофмаршалу отвѣтствовать за всякую неисправность.

16. За ливрейными и прочими служителями смотрѣть, чтобъ они были возможно опрятны и сохраняли вѣжливость и благопристойность не только съ чужестранными министрами и Россійскими знатными особами, но и со всѣми пріѣзжающими и приходящими во дворецъ штабъ и оберъ-офицерами и не дѣлали никому не малѣйшей грубости, въ каковомъ случаѣ подавать долженъ обергофмаршалъ своимъ подчиненнымъ примѣръ самимъ собою, и за тѣмъ буде услышитъ или увидитъ противное сему, тотчасъ виноватаго наказывать; но сіе наказаніе да не будетъ тѣлесное, а содержаніе подъ карауломъ на хлѣбѣ и водѣ. Ежели же и за симъ кто либо отъ упрямства или грубости не исправится, таковыхъ, смотря по винѣ, отсылать въ Военную Коллегію для опредѣленія въ солдаты или удалить отъ двора, давая имъ такое содержаніе, какое они своимъ дурнымъ поведеніемъ заслужили. Впрочемъ долженъ обергофмаршалъ оказывать всякое снисхожденіе и ласку къ своимъ подчиненнымъ и стараться, чтобъ нижніе служители непремѣнно получали въ свое время жалованье и опредѣленные нѣкоторыхъ изъ нихъ пенсіоны и порціи подъ опасеніемъ за неисполненіе сего гнѣва нашего.

17. Если обергофмаршалъ увидитъ, что нужно сдѣлать на служителей новую ливрею будничную или парадную, въ такомъ случаѣ докладываетъ намъ, и по полученіи повелѣнія и образца оной, предлагаетъ о томъ Придворной Конторѣ, которая вмѣстѣ съ нимъ приступаетъ къ ея построенію, стараясь всячески покупкою, а не подрядомъ то исполнить.

18. Всѣ вещи, ежедневно употребляемыя по двору, какъ-то серебро, фарфоръ, хрустальную посуду, столовое бѣлье, комнатныя украшенія и прочее, свидѣтельствуетъ оберъ-гофмаршалъ, если ему время достало, обще съ гофмаршалами каждую треть года, а иначе оба гофмаршала, и буде найдутъ что либо требующее починки или перемѣны вновь, то сіе послѣдніе донести обергофмаршалу, а онъ предлагаетъ Придворной Конторѣ, дабы она приняла въ томъ надлежащія мѣры

и вовсе негодное къ употребленію исключила изъ прихода, а требующее починки исправила.

19. Позволяемъ обергофмаршалу сверхъ всѣхъ сихъ предписаній, если чтó онъ усмотритъ полезное и нужное ко благоустройству двора нашего; представлять намъ и ожидать повелѣнія, но гофмаршалы сего ни въ какомъ случаѣ безъ его позволенія не дѣлаютъ.

20. Впрочемъ, какъ должность обергофмаршала весьма обширна и по многоразличнымъ предметамъ требуетъ неусыпнаго бдѣнія, то дабы облегчить, по возможности, труды его, соизволяемъ, чтобы онъ сверхъ опредѣленнаго при немъ для производства письменныхъ дѣлъ секретаря избралъ въ помощь свою изъ совѣтниковъ Придворной Конторы, который и будетъ повиненъ исполнять всѣ его приказанія, въ самой точности, не ведя уже между своими сотоварищами очереднаго дежурства, для бываемыхъ по двору нарядовъ и другихъ скорыхъ исправленій, а единственно присутствуя въ Придворной Конторѣ, какъ ея членъ для рѣшенія дѣлъ по установленному порядку.

*

Всепресвѣтлѣйшему державнѣйшему великому государю императору и самодержцу всероссійскому. Отъ обергофмаршала графа Шереметева всеподданнѣйшій рапортъ.

По вступленіи моемъ обергофмаршаломъ, значилось на Придворной Конторѣ разныхъ долговъ за 1796-й годъ 527,165 рублей 12¼ копѣекъ; къ тому, по состоянію штатнаго положенія за 1797 годъ, недоставало по текущимъ расходамъ 203,608 рублей 49½ копѣекъ. Всего долговъ было 730,773 рубля 61¾ копѣйка. На оплату оныхъ хотя и слѣдовалобъ быть отпущена особая сумма, о чемъ вашему императорскому величеству моимъ всеподданнѣйшимъ докладомъ было представлено; но какъ всевысочайше ваше императорское величество повелѣть соизволили уплачивать оные изъ остатковъ, то, руководствуясь онымъ повелѣніемъ, всѣ тѣ долги разными способами и оборотами по нынѣ уплочены, такъ что и наималѣйшего долгу на Придворной Конторѣ не имѣется, какъ въ приложенной у сего запискѣ значитъ, о чемъ вашему императорскому величеству всеподданнѣйше репортую.

(Съ черновой бумаги, правленной графомъ Н. П. Шереметевымъ).

Указъ императора Павла графу Шереметеву.

Графъ Николай Петровичъ!

Для удобнѣйшаго управленія по должности камерцалмейстерской, въ вѣдѣніе наше поступившей, прибавя нѣкоторыхъ нужныхъ для нея людей и сочиня онымъ штатъ, при семъ препровождаемъ его для пріобщенія къ общему двора нашего штату, и при томъ повелѣваемъ:

1-е. Всѣ хранящіеся нынѣ въ казенныхъ по камерцалмейстерской должности кладовыхъ гардеробы государей императоровъ и другихъ особъ, также серебро и разныя рѣдкости, разобравъ по сортамъ, представить намъ, дабы можно было отдать оныя подъ сохраненіе въ тѣ мѣста, для которыхъ они принадлежатъ.

2-е. Исправленіе мебелей и храненіе оныхъ по дворамъ любезныхъ нашихъ дѣтей великихъ князей Александра Павловича и Константина Павловича предоставить на попеченіе ихъ гофмаршаловъ и изъ тѣхъ самыхъ суммъ, которыя опредѣлено отпускать для содержанія оныхъ дворовъ, не заимствуя болѣе суммы, въ вѣдѣніе ваше отпускаемой.

3-е. Вся мебели и вещи, по загороднымъ дворцамъ находящіяся, отдать подъ присмотръ капитановъ зàмковъ, и ихъ болѣе камерцалмейстерской должности подъ своимъ присмотромъ не имѣть.

Павелъ.

С.-Петербургъ
Февраля 20-го дня 1797 года [1]).

Статьи требующія разрѣшенія и утвержденія при подачѣ доклада и отчета за 1797 годъ [2]).

1. Утвердить навсегда данный обергофмаршалу указъ Іюля 2-го числа 1797 года относительно выполненія во всякихъ необходимыхъ надобностяхъ изъ остающихся суммъ, зависящихъ единственно отъ его распоряженія. И сію довѣренность отнести къ одному его лицу,

---

[1]) Печается со списка. П. Б.

[2]) Напечатанное мельче и означенное звѣздочкою писано собственноручно Д. П. Трощинскимъ, къ которому обращался графъ Н. П. Шереметевъ за совѣтомъ и который вѣроятно былъ членомъ упомянутаго на стр. 500-й комитета; все остальное писано рукою писца. П. Б.

дабы мимо его никто уже не имѣлъ права вмѣшиваться въ таковое распоряженіе.

* Указъ на указъ испрашивать не должно.

2. По части камерцалмейстерской положенную по штату сумму 60000 рублей предоставить единственно для всякихъ случающихся починокъ и поправокъ старыхъ уборовъ и мебелей, какъ прежде бывало. Новые же уборы дворцовъ и комнатъ по смѣтамъ или описямъ не включать въ ту сумму, а опредѣлять при всякомъ таковомъ случаѣ особенныя на то суммы по всевысочайшей волѣ, съ означеніемъ и мѣста откуда получать оныя.

* Само собою разумѣется. Примѣръ тому Михайловскій дворецъ, на убранство коего ассигнованы уже особыя суммы.

3. По части сервизной, покупка новыхъ сервизовъ, приборовъ и позолота оныхъ большимъ количествомъ, требуютъ немалыхъ суммъ. Почему и предоставить выполненіе онаго на часть придворной канцеляріи.

* Кому приказано будетъ, а деньги все равно государевы.

4. Равнымъ образомъ покупку столоваго бѣлья, фарфора, хрусталя, стекла и дѣланіе съ полудою мѣдною посуды по отношеніямъ обергофмаршала исправлять отъ придворной канцеляріи.

* Тоже.

5. Недопущённые отъ придворной канцеляріи по штату великихъ княженъ 5000 рублей возвратить въ Придворную Контору, на дополненіе по той части необходимыхъ надобностей.

* Придворная канцелярія того, что́ по штату положено, и удержать не смѣетъ.

6. Издержанные на счетъ конюшенной конторы на наемъ извощиковъ за недачею отъ нея лошадей деньги 15565 рублей возвратить въ Придворную Контору на уплату по камерцалмейстерской долгу.

* Въ общій долговой счетъ.

7. Равнымъ образомъ издержанные на платья придворнымъ пѣвчимъ и псаломщикамъ изъ камерцалмейстерской суммы 8984 рубля 25 коп. возвратить и впредь на оное шитье платья сумму причислить къ ливреи отъ придворной канцеляріи.

* Ливрейная сумма опредѣлена.

8. Тоже издержанные по части гофъ-интендантской на постройку кухонь и прочаго 4428 руб. 73½ коп. возвратить на счетъ гофъ-ин-

тенданстскій изъ придворной канцеляріи. А впредъ таковыя надобности по отношенію обергофмаршала исправлять гофъ-интендантской безъ задержанія во всѣхъ загородныхъ мѣстахъ, какъ то и прежде бывало.

* О семъ есть генеральное предписаніе.

9. Какъ здѣсь прилагается записка о дополненіи сервизныхъ служителей и на нихъ въ годъ сумма 2230 руб., то бъ оную сумму, какъ равно и самое число служителей и положеніе имъ окладовъ въ прибавкѣ и убавкѣ, какъ равно и въ перемѣнѣ людей, кто изъ нихъ усмотрится недостойнымъ, предоставить въ полную волю обергофмаршала.

* Прибавка сверхштатныхъ служителей зависитъ отъ его величества, а выборъ и опредѣленіе оныхъ конечно отъ обергофмаршала, о чемъ и спрашивать не для чего.

10. Придворной Конторы канцелярскимъ служителямъ, по усмотрѣнію моему, но однакожъ умѣренному числу, кои мною будутъ избраны для успѣшнѣйшаго отправленія дѣлъ, и дабы не могли отзываться дальними отъ ихъ команды квартирами и чрезъ то медлить ввѣренными имъ дѣлами, давать изъ экономической суммы порціонныя деньги.

* Это награжденіе, которое зависитъ отъ монаршей милости.

11. Есть-ли все поднесенное получитъ всевысочайшее благоволеніе, то испросить секретарямъ и другимъ трудящимся чинамъ пристойное награжденіе по усмотрѣнію оберъ-гофмаршала, также и четыремъ лейбгвардіи унтеръ-офицерамъ, что̀ нынѣ называются смотрителями при кухнѣ, которыхъ усердію и исправности я самовидецъ, и могу увѣрить, что заслуживаютъ высочайшую милость, а сумму на оное я имѣю и имѣть буду отъ небольшой экономіи оставшую.

* Теперь не время.

12. Какъ всѣхъ гоффурьеровъ въ комплектѣ по половинѣ его величества состоитъ восемь человѣкъ, а въ дежурствѣ бываетъ по четыре, но изъ нихъ одинъ занимается журналомъ, другой же находится при постройкѣ либереи, храненіи матеріаловъ къ оной принадлежащихъ и при Зимнемъ дворцѣ безотлучно, почему не благоугодно ли будетъ повелѣть опредѣлить одного сверхъ положеннаго числа изъ способныхъ и извѣстныхъ дворскихъ нижнихъ чиновъ, которому быть при мнѣ и доставлять мнѣ о всемъ нужныя свѣдѣнія?

* Вообще представить должно о недостаткѣ придворныхъ служителей.

13. Позволить мнѣ имѣть въ лѣтнее время для нужнѣйшихъ посылокъ и разныхъ исполненій находящагося при мнѣ по примѣру преж-

няго ѣздового лакея, верхомъ при каретѣ, по удобности сего средства, для нерѣдко случающихся наскоро посылокъ.

* Не смѣю ничего сказать.

Указъ императора Павла графу Н. П. Шереметеву.

Господинъ обергофмаршалъ графъ Шереметевъ.

Разсмотрѣвъ представленный мнѣ при докладѣ вашемъ отчетъ за минувшій 1797 годъ о приходахъ и расходахъ по Придворной Конторѣ, не могу не отдать вамъ должной справедливости за ревностное стараніе и попеченіе ваше о сохраненіи по всѣмъ частямъ владѣнья вашего экономіи и сбереженіи казны, за что и изъявляю вамъ особливое мое благоволеніе и благодарность. Впрочемъ чтó касается до недостающихъ на расплату долговъ по камерцалмейстерской должности 57,654 р. и 52¼ к., надѣюсь, чтó при употребленіи таковаго же добраго во всемъ хозяйства, вы найдетесь въ состояніи тѣ долги остатками отъ расходовъ въ теченіе нынѣшняго года заплатить безъ ассигнованія особой на то суммы.

Пребываю всегда вамъ благосклонный Павелъ.

Спб. Марта 3-го 1798 г.

Подносимые доклады [1]).

1. О производженіи камердинеру Званцову [2]) противъ сверстниковъ его жалованья.

* Представленіе сіе излишнее, ибо Государь указомъ своимъ предписалъ ему производить жалованье и прочее содержаніе противу другихъ.

2. О увольненіи находящихся при Михайловскомъ дворцѣ служителей съ пенсіономъ и объ опредѣленіи на мѣсто ихъ другихъ.

* Увольненіе съ пенсіономъ неоспоримо принадлежитъ къ монаршей милости; но опредѣленіе другихъ зависитъ отъ обермаршала.

3. По отношенію г. Ливенши о служителяхъ.

* Тоже.

4. О Каменно-островскихъ служителяхъ.

* Надобно въ запискѣ прибавить, чтó они теперь получаютъ и чтó въ сравненіи съ другими имъ слѣдуетъ.

---

[1]) Означенное звѣздочками принадлежитъ Д. П. Трощинскому, и вся бумага писана его рукою. П. Б.

[2]) Предку нынѣшнихъ Нижегородскихъ помѣщиковъ. П. Б.

5. О камерлакеѣ Миллерѣ.

* Указъ, послѣдовавшій Февраля 14-го 1797 г. о Гатчинскихъ служителяхъ, весьма ясенъ и рѣшителенъ, послѣ коего не остается ничего больше какъ привести въ дѣйствительное исполненіе.

6. О столовыхъ деньгахъ графу Вельгорскому *).

* Развѣ приказано сей докладъ подать? А безъ того не вижу ни права, ни причины.

7. О бывшихъ у принца Конде придворныхъ служителяхъ.

* Когда военный губернаторъ сообщилъ высочайшее повелѣніе объ отсылкѣ ихъ къ суду, тутъ испрашивать уже не о чемъ, а остается только исполнить.

8. О кондиторѣ Мишелѣ.

* Разрѣшеніе конечно нужно не чрезъ самого его.

9. О служителяхъ при сервизной.

* О старыхъ служителяхъ дѣлается теперь разсмотрѣніе, и они при своемъ увольненіи получатъ все имъ слѣдующее. А о нуждѣ имѣть ихъ сверхъ положенныхъ въ штатѣ по вѣдѣнію придворной канцеляріи можно учинить представленіе.

10. О платьѣ для пѣвчихъ.

* Нужно доложить.

11. О Зельцерской водѣ.

* Тоже нужно; но по моему мнѣнію должно бы сказать, сколько вышло на сію статью въ прошедшемъ году.

12. О траурномъ платьѣ для пѣвчихъ.

* Доложиться нужно; но также надобно сказать и число суммы.

13. О походномъ сервизѣ.

* Доложить можно; но о заблаговременномъ отправленіи не совѣтую.

14. О тафельдекаряхъ, представляемыхъ въ отставку съ пенсіономъ.

* Надобно сказать, какое они получаютъ жалованье.

15. О гоффурьерѣ Неустроевѣ.

* Докладываться совсѣмъ не о чемъ.

---

*) Графу Юрію Михайловичу, послѣднему Польскому посланнику при дворѣ Екатерины Великой сдѣлавшемуся гофмаршаломъ при Павлѣ Петровичѣ. П. Б

16. О вещахъ и услугѣ у принца Конде.

* Какъ принцъ Конде на сихъ дняхъ отъѣзжаетъ, то и докладъ не нуженъ.

17. О помѣщеніи сверхштатныхъ на ваканціи.

* Совсѣмъ излишній, поелику неспособныхъ опредѣлять никто и не приказываетъ.

18. Повелѣніе камерфурьерамъ.

* Невозможно въ самомъ дѣлѣ, чтобы не было требованій такихъ, кои должно исполнять и безъ письменнаго предписанія обермаршала. Въ противномъ же случаѣ онъ бы не только часа, ниже минуты свободной не имѣлъ.

Примѣчанія Д. П. Трощинскаго на доклады графа Н. П. Шереметева *).

1. Съ представленіемъ годоваго отчета.

Излишне пространный безъ всякой нужды. А его можно заключить въ нѣсколькихъ строкахъ, сказавъ, что по одной части сколько въ остаткѣ, а по камерцалмейстерской сколько недостаетъ. Непонятно также, на что требуется повелѣніе объ отпускѣ всѣхъ прежденоложенныхъ по штату и по указамъ суммъ, когда что̀ одинъ разъ отпускать приказано, того никто удержать не можетъ.

2. При семъ докладѣ замѣчанія.

Оныя для императора не нужны; да и объ инструкціи можно доложить при другомъ удобнѣйшемъ случаѣ, къ которому и разсмотрѣніе проэкта оной оставляется.

3. Статьи, требующія разрѣшенія.

На нихъ я положилъ мои примѣчанія.

4. Записка о строптивыхъ метръ д'отеляхъ и непослушныхъ комиссарахъ.

Я и словесно изъяснялъ уже мнѣніе мое, что тутъ не нужно государево никакое повелѣніе. Власть одна обермаршала въ состояніи держать каждаго въ должныхъ границахъ; выкинуть одного или двухъ изъ службы безъ абшиту будетъ примѣръ страха всѣмъ другимъ.

5. Краткую вѣдомость о расходахъ по камерцалмейстерской.

Можно приложить къ годовому отчету.

---

*) Примѣчанія эти писаны собственноручно Д. П. Трощинскимъ. П. Б.

6. Вѣдомость о битьѣ и пропажѣ посуды и бѣлья.

Она показываетъ вообще лучшій присмотръ прошлаго года противъ прежнихъ. Но столоваго бѣлья все много еще пропадаетъ.

7. Особая записка касательная г. н. [1]).

Тутъ нечего сказать. Государь властенъ приказывать кому изволитъ. Но что касается до ста театральныхъ билетовъ, кои будто бы подносятся Александромъ Львовичемъ [2]), сіе не вѣрно; а подноситъ ихъ камердинеръ.

Доклады графа Н. П. Шереметева.

При высочайшемъ вашего императорскаго величества дворѣ, а особливо во время загороднаго пребыванія, остается по вѣдѣнію моему одинъ гофмаршалъ графъ Віельгорскій, который, не получая кромѣ жалованья никакого содержанія, людей и экипажъ имѣетъ на собственномъ своемъ коштѣ. По какому случаю и осмѣливаюсь всеподданнѣйше представить вашему императорскому величеству, не благоугодно ли будетъ повелѣть опредѣлить ему на столъ изъ остающейся отъ нѣкоторыхъ столовъ суммы по 3000 р. въ годъ, что̀ и предаю въ высочайшее вашего величества благоволеніе.

*

Двора вашего императорскаго величества придворные пѣвчіе и псаломщики, а равно и состоящіе при церквахъ во дворцахъ Таврическомъ, Мраморномъ и Царскосельскомъ псаломщики жъ, на основаніи прежнихъ именныхъ всевысочайшихъ указовъ, получаютъ къ празднику Святыя Пасхи каждогодно новое цвѣтное платье; а по временамъ дѣлано имъ и траурное. Сумма на сію постройку употребляема изъ общей по двору прежней трехмилліонной, а шитье происходило отъ камерцалмейстерской должности.

По состоявшемуся вновь штату, платья тѣмъ пѣвчимъ и псаломщикамъ не положено, а въ прошломъ году сдѣлано было одно цвѣтное, по скорости отсутствія въ Москву, изъ камерцалмейстерской суммы, и вышло на оное 8984 рубля 25 коп., траурное жъ дѣлано отъ печальной комиссіи. Нынѣ духовникъ вашего императорскаго величества протоіерей Исидоръ Петровичъ требуетъ о сдѣланіи имъ праздничнаго; а господинъ статскій совѣтникъ Бортнянскій объявляетъ волю вашего величества о сдѣланіи имъ и траурнаго платья, на которое по счисленію тоже потребно суммы до 4000 рублей.

---

[1]) Т. е. государя наслѣдника? П. Б.

[2]) Нарышкинымъ. П. Б.

А какъ по штату суммы на сіе не положено, то и осмѣливаюсь всеподданнѣйше представить о семъ на всевысочайшее вашего императорскаго величества благоволеніе, и изъ какой суммы оное платье дѣлать, испрашиваю высочайшаго указа.

*

Всемилостивѣйшій государь!

Когда благоугодно было вашему императорскому величеству пожаловать мнѣ должность и чинъ обергофмаршала, не представлялъ я себѣ, чтобы силы мои въ отправленіи сей многотрудной должности не соотвѣтствовали тому рвенію, какимъ я исполненъ и по безконечной моей благодарности къ высочайшимъ милостямъ вашего величества, кои явить на мнѣ благоизволили въ первыхъ дняхъ милосерднаго своего царствованія, и по особенной преданности къ особѣ вашего императорскаго величества. Я привыкъ питать въ себѣ сіе сладкое къ вамъ чувствованіе съ самаго моего младенчества, и потому никогда бы не дерзнулъ ни отрещися отъ милостей вашихъ, ни изрещи того, что безсиленъ исполнять возлагаемое на меня служеніе, ежели бы и жизни моей стоило; но болѣзни мои, часъ отъ часу усиливающіяся, воспящаютъ меня отъ точнаго исполненія воли вашего императорскаго величества и угрожаютъ каковымъ либо упущеніемъ подвергнуться гнѣву вашему. Примите, всемилостивѣйшій государь, сіе признаніе въ число прочихъ искреннихъ моихъ представленій и удостойте поручить мнѣ такую должность, къ какой найдусь я способенъ. Мнѣ все равно, гдѣ бы я ни употребленъ былъ, лишь бы только могъ сохранить къ себѣ благоволеніе вашего величества, почитая лишеніе онаго паче всякаго наказанія.

Указъ государственному казначею Васильеву.

Алексѣй Ивановичъ! Получавшимъ до состоянія штата нашей Придворною Конторы дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникамъ и камергерамъ Черткову и Нелединскому-Мелецкому пансіонъ повелѣваемъ производить имъ оный же каждому по двѣ тысячи рублей въ годъ изъ остаточнаго казначейства.

Павелъ.

Въ Санктпетербургѣ.
Февраля 17 дня 1797 года.

Указъ нашей придворной конторѣ.

Во время пребыванія нашего въ загородныхъ дворцахъ повелѣваемъ вѣдомства придворной нашей конюшни офицерамъ и служителямъ производить порціонныя деньги по примѣру прочихъ двора нашего служителей, а именно: унтершталмейстерамъ по четыре рубли, оберъ-офицерамъ по три рубли, берейторамъ по два рубли, берейторскимъ ученикамъ, лейбъ-кучерамъ и лейбфорейтарамъ по рублю, нижнимъ служителямъ по пятидесяти копѣекъ на день каждому, выдавая сіи деньги помѣсячно на число наличныхъ людей по билетамъ шталмейстеровъ изъ экономической суммы, отъ расходовъ вообще по придворной конторѣ остающейся.

Павелъ.

Въ Павловскомъ.
Августа 11-го 1797 года.

Указъ нашей конюшенной конторѣ.

Находя выгодными для казны нашей цѣны просимыя Санктпетербургскимъ купцомъ Росменцовымъ съ товарищи за содержаніе въ четырехъ годичное время потребнаго числа лошадей вмѣсто наряда обывательскихъ для загородныхъ переѣздовъ нашихъ и для всякой по двору надобностей, повелѣваемъ съ помянутымъ подрядчикомъ заключить о томъ контрактъ; на уплату же слѣдующихъ ему денегъ указали мы тайному совѣтнику и государственному казначею барону Васильеву отпускать въ придворную конюшенную контору въ теченіе четырехъ лѣтъ въ каждый годъ по 183677 рублей и въ число той суммы на выдачу впередъ подрядчику доставить нынѣ 15000 р.

Павелъ.

Въ Павловскомъ.
Августа 16 дня 1797 года.

Указъ графу Вьельгорскому.

Господинъ гофмаршалъ и кавалеръ графъ Вильгорскій.

Все то, чтò по штату двора нашего и по особо даннымъ отъ насъ указамъ предписано въ должность обергофмаршалу, по случаю болѣзни нынѣшняго обергофмаршала графа Шереметева и въ отсутствіе его, предоставляемъ исполнять вамъ. Надѣюсь, что вы во всемъ томъ, а наипаче въ сбереженія казны нашей должное радѣніе и попеченіе имѣть не упустите. Пребывая впрочемъ вамъ благосклонный

Павелъ.

Гатчино.
Октября 4 дня 1797 года.

ИНСТРУКЦІЯ

Смотрителямъ собственной его императорскаго величества кухни лейбгвардіи унтеръ-офицерамъ.

1-е. Имѣть всегда неусыпное паблюденіе во время пріуготовленія кушанья за огнемъ на поварняхъ: 1-й) его императорскаго величества; 2-й) Французской и 3-й) ихъ императорскихъ высочествъ великихъ княженъ, также и въ кондитерскихъ обѣихъ половинъ, и накрѣпко смотрѣть, чтобы никакого шуму или неблагопристойности быть не могло, а паче чтобъ всѣ повара при своихъ должностяхъ въ трезвомъ умѣ находились; есть ли жь который окажется хоть мало въ безпорядкѣ, тотчасъ рапортовать обергофмаршала, а въ небытность его гофмаршала.

2. Когда огонь горитъ, быть попеременно одному или двумъ изъ работниковъ на чердакахъ, и примѣчать, нѣтъ ли гдѣ трещинъ въ трубахъ, и сколь скоро усмотрится какая и малѣйшая опасность тотчасъ рапортовать обергофмаршала, а въ небытность его гофмаршаловъ и камеръ-фурьеровъ.

3. Имѣть безпрерывно на чердакахъ и на крышкѣ подлѣ трубъ кадки съ водою, швабрами и запасными ведрами.

4. Смотрѣть, чтобъ всѣ трубы были вычищены и сажа отнюдь загорѣться не могла.

5. Въ ночное время наипаче внимательно примѣчать, дабы нигдѣ огня не было, что́ самое попеременно осматривать и ночью, и гдѣ только огонь усмотрится, тотчасъ его гасить.

6. Всякую нечистоту изъ кухонь велѣть тотчасъ выносить, чтобъ не могло быть никакого дурного запаху и наблюдать опрятность.

7. Постороннимъ людямъ не позволять ни подъ какимъ видомъ входить въ кухни, какъ и прежде о томъ приказано было, и естьли кто изъ таковыхъ случится, тотчасъ спрашивать; когда настоящей причины не скажетъ, таковыхъ задержавъ, представлять прямо къ оберъ-гофмаршалу.

8. Въ назначенное время къ обѣденному и вечернему столамъ, дежурному гофъ-фурьеру и одному камерлакею съ потребнымъ чи-

сломъ ливрейныхъ служителей собираться для прiему блюдъ съ кушаньемъ не прямо въ кухню, но въ особенную при ней комнату, а гоффурьеръ долженъ тогда войти въ кухню и при своемъ надзиранiи и метрдотелей приказать поварамъ кушанье все снести въ ту комнату, изъ которой уже ливрейные, принявъ въ надлежащемъ порядкѣ и чистотѣ, безъ шуму, подъ надзиранiемъ гоффурьера, должны нести кушанье къ высочайшему столу, въ кухню же, кромѣ гоффурьера, ливрейнымъ входу не имѣть.

9. Постороннимъ людямъ, приходящимъ за кушаньемъ, отнюдь не допущать по кухнямъ ходить и въ передней комнатѣ принимать отъ коховъ нужное имъ кушанье.

10. О благосостоянiи и порядкѣ рапортовать каждой день по утрамъ обергофмаршала или гофмаршала.

11. Всякое же наималѣйшее по сей инструкцiи со стороны кого-либо неисполненiе взыщется въ первый разъ вычетомъ третнаго жалованья и лишенiемъ навсегда порцiонныхъ порцiонныхъ денегъ, кому оные есть; а во второй разъ выключенъ будетъ за негодностiю изъ службы съ дачею атестата, чтобъ нигдѣ его не опредѣлять и никакой довѣренности не удостоивать.

На подлинномъ подписано: графъ Николай Шереметевъ.

Августа 9-го дня 1798-го года.
въ Павловскомъ.

Письмо Д. Н. Неплюева къ князю Н. Б. Юсупову.

Милостивый государь мой князь Николай Борисовичъ! Государь императоръ высочайше указать соизволилъ, чтобъ комедiя, сочиненная г. Капнистомъ подъ названiемъ Ябеда, на театрѣ представляема не была. Есмь въ протчемъ съ истиннымъ почтенiемъ Д. Неплюевъ.

Октября 23-го дня 1798 года.

ЖАЛОВАННАЯ ГРАМОТА О ПОЖАЛОВАНІИ ВОТЧИНЪ СТОЛЬНИКУ ИВАНУ АКИНФІЕВИЧУ БУТУРЛИНУ.

(1688.)

Бога въ трехъ присносіятельныхъ иностасѣхъ единороднаго, безначальнаго, всѣхъ благъ виновнаго, свѣтодавца, Имже вся быша, человѣческому роду миръ дарующаго милостію, и сіе благодѣяніе повсюду извѣствующе мы, пресвѣтлѣйшіе, державнѣйшіе, великіе государи цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ, Петръ Алексѣевичъ и великая государыня благовѣрная царевна Софія Алексѣевна всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцы, Московскіе, Кіевскіе, Владимирскіе, Новогородскіе, цари Казанскіе, цари Астраханскіе, цари Сибирскіе, государи Псковскіе и великіе князи Смоленскіе, Тверскіе, Югорскіе, Пермскіе, Вятскіе, Болгарскіе и иныхъ государи и великіе князи Нова города низовскія земли, Черниговскіе, Рязанскіе, Ростовскіе, Ярославскіе, Бѣлозерскіе, Удорскіе, Обдорскіе, Кондійскіе и всея Сѣверныя страны повелители, и государи Иверскія земли, Карталинскихъ и Грузинскихъ царей и Кабардинскія земли Черкаскихъ и Горскихъ князей; иныхъ многихъ государствъ и земель восточныхъ и западныхъ и сѣверныхъ отчичи и дѣдичи и наслѣдники и государи и обладатели, по своему царскому милосердому призрѣнію и осмотрѣнію.

Пожаловали стольника нашего Ивана Акинфіевича Бутурлина для нынѣшняго вѣчнаго учиненнаго мирного съ братомъ нашимъ съ великимъ государемъ съ его королевскимъ величествомъ Польскимъ при дворѣ нашего царскаго величества постановленія и за службы предковъ и отца его и его, которыя службы и ратоборство и храбрость и мужественное ополченіе и крови и смерти предки и отецъ его и онъ показали въ прошедшую войну въ корунѣ Польской и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ до перемирнаго учиненнаго въ Андрусовѣ постановленія сто семьдесятъ пятаго году отъ начала нарушенія прежнихъ Поляновскихъ договоровъ, которые во многихъ разрушительныхъ письмахъ тогда вѣчному миру съ стороны королевскаго величества

противенствомъ учинены, за которыя досадительства при помощи Божіей и надежды христіянскія пресвятыя Богородицы молитвою, взявъ непобѣдимое оружіе, святыя и животворящіи крестъ Господень, отецъ нашъ государевъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти государь царь и великій князь Алексѣй Михаиловичъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ своею государевою особою съ подданными царевичи и бояры и воеводы и со многочисленными своими ратьми ходилъ на Польское и Литовское королевство и отмщеніе учинилъ, и Смоленскъ и Кіевъ и всю Малую Россію и иные многіе городы и мѣста войною поймалъ.

А когда въ прошломъ во сто семьдесятъ пятомъ году у отца нашего государева блаженныя памяти у великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михаиловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца учинено было съ Польскимъ Яномъ Казимиромъ королемъ перемиріе на тринадцать лѣтъ и на шесть мѣсяцевъ, а потомъ у брата нашего государева же блаженныя памяти у великаго государя царя и великаго князя Ѳеодора Алексѣевича всея великія, малыя и бѣлыя Россіи самодержца чинено было съ Польскимъ Яномъ Третьимъ королемъ перемиріе же на другія на тринадцать лѣтъ и на шесть мѣсяцевъ, и въ тѣ перемирныя лѣта постановлено при помощи Божіей намъ великимъ государямъ нашему царскому величеству съ королевскимъ величествомъ Польскимъ искать вѣчнаго мира, и въ надежду того перемирія отецъ нашъ государевъ блаженныя памяти великій государь его царское величество во всякой государственной помощи противъ бусурмановъ съ королевскимъ величествомъ изволилъ чинить тогда союзъ, и на тѣ перемирныя лѣта уступлены съ нашей великихъ государей нашего царскаго величества стороны королю Польскому рѣчи посполитой городы Полоцкъ, Витебскъ, Динаборокъ, Лютинъ, Резица, Марнаузъ со всѣми Лифляндами полуденными, Велижъ, Невль, Себежъ со всѣми уѣздами и землями, а Смоленскъ съ пригороды и Черкаскіе городы оставлены были въ сторонѣ нашего царскаго величества только на тѣ перемирныя лѣта до выхожденія ихъ, также городъ Кіевъ по первому перемирію удержанъ былъ въ державѣ нашего царскаго величества только на два года, а по выхожденіи двухъ лѣтъ договорено свято отдать королю Польскому и рѣчи посполитой, на чемъ и обѣщаніе передъ святымъ евангеліемъ было учинено.

А что въ тоё прошедшую войну съ королемъ Польскимъ и княжествомъ Литовскимъ нашего царскаго величества будучи въ Польшѣ и Литвѣ разные люди поймали въ полонъ и вывезли въ Россійскія

наши государства Польскаго и Литовскаго народа мужеска и женска пола шляхетскаго и служилаго чина и пашенныхъ крестьянъ многіе миліоны, также и постельпыхъ всякихъ утвари и украшеній и колоколовъ и изъ городовъ и на бояхъ пушекъ и всякихъ воинскихъ припасовъ въ тѣ времена взяли же, и то все по тѣмъ вышепомянутымъ перемирнымъ договоромъ оставлено было въ сторонѣ пашего царскаго величества только на тѣ перемирныя лѣта.

И прошлаго седмь тысячъ сто девяноста четвертаго года къ намъ великимъ государямъ царемъ и великимъ княземъ Іоанну Алексѣевичу Петру Алексѣевичу всея великія малыя и бѣлыя Россіи самодержцамъ прислалъ королевское величество Польской великихъ и полномочныхъ пословъ своихъ Криштофа Еримультовскаго, воеводу Познаньскаго, да князя Марціона Огинскаго, канцлера великаго княжества съ товарищи для постановленія между нами великими государи нашимъ царскимъ величествомъ и его королевскимъ величествомъ вѣчнаго мира и противъ общаго всѣхъ христіанъ непріятеля для договору о союзѣ. И по пашему великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великія государыни благовѣрныя царевны и великія княжны Софіи Алексѣевны всея великія малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ указу съ тѣми королевскаго величества великими полномочными послы, будучи во многихъ отвѣтѣхъ, нашего царскаго величества ближніе бояре и думные люди ближней бояринъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ, царственныя нашей большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегатель и намѣстникъ Новгородскій; ближній бояринъ и намѣстникъ Вятской, Борисъ Петровичъ Шереметевъ, ближній бояринъ и намѣстникъ Суздальской Иванъ Васильевичъ Бутурлинъ, ближній окольничей и намѣстникъ Плоцкой Петръ Дмитріевичъ Скуратовъ, ближній окольничій и намѣстникъ Муромской Иванъ Ивановичъ Чудаевъ, думной дьякъ Емельянъ Игнатьевичъ Украинцовъ и Государственного Посольского Приказу дьяки имѣли разговоры о постановленіи того вѣчнаго мира, пространно, желая того, чтобъ тѣ королевскаго величества великіе и полномочные послы, по данной себѣ полной мочи, о вѣчномъ мирѣ и особое постановленіе учинили совершенное.

И въ томъ у нихъ ближнихъ нашихъ бояръ съ товарищи заходили великія трудности и многіе споры, и по многихъ разговорахъ милостію и благословеніемъ всемогущаго въ Троицѣ святѣй славимаго Бога и предстательствомъ надежды нашея христіанскія пресвятыя Богородицы и силою честнаго и животворящаго креста Господня и мо-

литвами Московскихъ и Кіевопечерскихъ чудотворцевъ и всѣхъ святыхъ; а нашимъ великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича и великія государыни благовѣрныя царевны и великія княжны Софіи Алексѣевны всея великія малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ и всего нашего государскаго дому счастіемъ, онъ ближній нашъ бояринъ князь Василій Васильевичъ съ товарищи съ тѣми его королевскаго величества великими и полномочными послы между нами великими государи нашимъ царскимъ величествомъ и обоими нашими отъ Господа Бога доставленными намъ государствы учинилъ вѣчной миръ и христіанской покой и противъ общаго всѣхъ христіанъ непріятеля союзъ, которымъ вѣчнымъ миромъ его ближняго боярина нашего князя Василія Васильевича съ товарищи вѣрною и радѣтельною службою учинено нашего царскаго величества преславному имени многое повышеніе, а государствамъ нашего царскаго величества расширеніе и пространство, учиня такой вѣчной миръ Россійскому нашему царствію прибыльной и хвальной, какова напредъ сего при предкахъ нашихъ государскихъ не бывало, и во всѣмъ учинено нашей великихъ государей нашего царскаго величества преименитой державѣ Россійскому нашему царствію великая прибыль и по всему свѣту вѣчная слава и хвала, а именно: тѣ Польскіе послы по договору съ ближнимъ нашимъ бояриномъ съ товарищи именемъ королевскаго величества и всея рѣчи посполитой обоего народу, коруны Польскія и великаго княжества Литовскаго, уступили и въ договорныхъ вѣчнаго мира записяхъ написали и вѣрою утвердили намъ великимъ государемъ нашему царскому величеству многія прибыли, у всѣхъ христіанскихъ государей славная на свѣтѣ титла, то есть писати насъ великихъ государей пресвѣтлѣйшими и державнѣйшими и Кіевскими и Черниговскими и Смоленскими великими государи вѣчно; а королевскому величеству Кіевскихъ, Черниговскихъ и Смоленскихъ и иныхъ городовъ титлами, которыхъ намъ великимъ государемъ нашему царскому величеству по тому мирному договору княжества и городы отданы, не писатися вѣчно же и на маестатовыхъ печатѣхъ какъ на корунной, такъ и на Литовской тѣхъ титлъ не изображати, и въ канцеляріяхъ въ корунной и въ Литовской тѣ титла отставить вовсе. И благочестивой нашей христіанской Греческаго закона вѣрѣ, которая обрѣтается у Русскихъ народовъ въ державѣ его королевскаго величества въ корунѣ Польской и въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, быти во всякой вольности безъ всякаго утѣсненія, и духовнымъ Грекороссійской вѣры приходити къ благословенію и посвященію въ нашу царскаго величества отчину въ богоспасаемый градъ Кіевъ къ преосвященному митрополиту Кіевскому и Галицкому. Да королевское жъ величество Польское и вся рѣчь поспо-

литая отдали тѣмъ вѣчнымъ миромъ въ сторону нашего царскаго величества къ Россійскому нашему царствію вѣчно городы, которые оставлены были въ нашей царскаго величества сторонѣ только на перемирныя лѣта, то есть Смоленскъ, Доргобужъ, Бѣлая, Рославль съ уѣздами и со всѣми къ тѣмъ городамъ принадлежащими землями и угодьи, какъ въ прошедшія перемирныя лѣта тѣ городы и земли въ коронѣ нашего царскаго величества во владѣніи и державѣ обрѣталися, также и другія стороны въ нашу царскаго величества сторону къ Россійскому нашему царствію отдалъ королевское величество рѣчь и посполитая городы жъ вѣчно же: Черниговъ, Стародубъ, Почепъ, Новгородокъ Сѣверскій, Глуховъ, Батуринъ, Нѣжинъ, Переяславль, Гадячъ, Полтаву и всѣ Черкаскія сея стороны Днѣпра городы и мѣста, которые какъ имена и прозванія себѣ имѣютъ и всю Малую Россію съ войскомъ Запорожскимъ и со всѣмъ служилымъ и купецкимъ и пашеннымъ народомъ, а на той сторонѣ рѣки Днѣпра богоспасаемый градъ Кіевъ съ городами, станками, Трепольемъ, съ Васильковомъ, съ Вышгородомъ и съ мѣстечкомъ Демидовкою и съ служилыми и всякаго чина людьми и со всѣми къ намъ принадлежащими землями и угодьи также и въ нихъ рѣкою Днѣпромъ отъ Кіева до Кайдака, и тотъ городъ Кайдакъ и Запорожской кошъ городъ съ сѣчью и живущіе въ нихъ козаки служилые и всякаго чина жители и даже до чернаго лѣса со всѣми землями, рѣками и рѣчками и со всякими принадлежащими угодьи, чѣмъ владѣли изстари Запорожцы, которые все тѣ вышеписанные городы и земли и войско Запорожское и весь Малороссійскій народъ въ нашей царскаго величества преславное и преименитой державѣ вѣчно оставаться и быти имѣютъ неподвижно.

Что въ прошедшую войну нашего царскаго величества всякихъ чиновъ разные люди Польскаго и Литовскаго народа шляхты и войсковыхъ всякаго чина людей и пашенныхъ крестьянъ плѣномъ поймали и въ Россійскія наши государства вывезли и костельныхъ утварей и украшеній и колоколовъ и пушекъ и всякихъ воинскихъ припасовъ взяли, и тому всему вышеписанному полону мужеска и женска пола шляхтѣ и мѣщаномъ и пашеннымъ крестьяномъ, которые нынѣ у бояръ нашихъ и у окольничихъ и думныхъ и у ближнихъ людей и у всякихъ чиновъ людей въ помѣстьяхъ и вотчинахъ поселены во крестьяне и въ задворные люди и въ дворѣхъ въ холопствѣ, симъ вѣчнымъ мирнымъ договоромъ постановлено и укрѣплено остатися въ нашихъ царскаго величества государствахъ при тѣхъ помянутыхъ чинѣхъ вѣчно же, и впредь тому всему быти забвенну и непамятну.

И тѣми договорными записьми они нашего царскаго величества ближніе бояре и думные люди съ тѣми королевскаго величества и рѣчи посполитой великими и полномочными послы размѣнялися и вѣрою утвердили. Мы великіе государи цари и великіе князи Іоаннъ Алексѣевичъ Петръ Алексѣевичъ и великая государыня благовѣрная царевна великая княжна Софія Алексѣевна всея великія малыя и бѣлыя Россіи самодержцы для того вѣчнаго мира и святаго покоя пожаловали его Ивана Бутурлина за службы предковъ и отца его и за его которыя службы ратоборство и храбрость и мужественное ополченіе и крови и смерти предки и отцы его и сродники и онъ показалъ въ прошедшую войну въ корунѣ Польской и въ княжествѣ Литовскомъ, похваляя милостиво тоё ихъ службу и промыслы и храбрость въ роды и роды съ помѣстнаго его окладу съ тысячи четвертей, со сто четвертей по двадцати четвертей и того двѣстѣ четвертей и съ его помѣстья въ вотчину въ Суздальскомъ уѣздѣ въ Быковской волости въ деревнѣ Борщевкѣ пол-пустоши Лапина, пол-пустоши Филина Ухоребрица тожъ, пол-пустоши Горяшина, пол-пустоши Прутикова, пол-пустоши Коняшина, четверть пустоши Пашкова; да въ Арзамаскомъ уѣздѣ въ Теійскомъ стану въ селѣ Измайловѣ да въ Залѣсномъ стану за Матковскими вороты въ селѣ Покровскомъ, а по дачѣ сто девяностаго году въ той его Суздальской вотчинѣ въ деревнѣ Борщевкѣ съ пустошми написано пашни сто четырнатцать четвертей, а въ Арзамаской его вотчинѣ по книгамъ Арзамаскаго уѣзду письма и мѣры Тимофея Измайлова съ товарищи сто двадцать девятаго, сто тридесятаго и сто тридцать перваго и по дачѣ сто девятаго году написано пашни въ селѣ Измайловѣ восемдесять четвертей, въ селѣ Покровскомъ пятдесятъ четвертей; всего въ Суздальской и Арзамаской его вотчинѣ пашни двѣстѣ сорокъ четыре четверти въ полѣ, а въ дву потому жъ со крестьяны и со всѣми угодьи. И перешло ему Ивану сверхъ помѣстнаго его окладу въ селѣ Покровскомъ сорокъ четвертей, и тѣми перехожими четвертьми владѣть ему Ивану въ помѣстье опричь того что дано ему въ вотчину. А на ту вотчину повелѣли мы великіе государи дать ему сію нашу царскаго величества милостивую свидѣтельствованную жалованную грамоту за нашею царскою печатью.

И по нашему великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Аеексѣевича, Петра Алексѣевича и великія государыни благовѣрныя царевны Софіи Алексѣевны всея великія малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ царскому жалованью та вотчина ему Ивану Бутурлину и его дѣтямъ и внучатамъ и правнучатамъ въ роды ихъ неподвижно, чтобъ наше царское жалованье и ихъ вышепомянутая служба и храбрость и

мужественное ополченіе за благочестивую нашу христіанскую вѣру по насъ великихъ государей и за свое отечество послѣднимъ родомъ было на памяти, и на ихъ бы службы дѣти его и внучата и правнучата и кто по немъ рода его будетъ взираяще, также за вѣру христіанскую и за счастія Божія церкви по насъ великихъ государей и за свое отетество тщалися стоять мужественно со усердіемъ.

А въ той вотчинѣ онъ Иванъ Бутурлинъ и дѣти его и внучата и правнучата, по нашему царскому жалованью, по сей нашей царской милостивой жалованной грамотѣ вольны ее продать, заложить и въ приданое дать; а въ монастыри тоѐ вотчины не отдать; а буде продастъ въ чужой родъ и кто будетъ рода его похочетъ ту вотчину выкупить по уложенью, а буде у него рода не останется, и та вотчина останется не продана, не заложена, и въ приданое не отдана, и ту вотчину взять и приписать къ нашимъ великихъ государей волостямъ.

Дана печатная сія наша царская милостивая жалованная грамота нашего государства въ царствующемъ велицѣмъ градѣ Москвѣ лѣта созданія міра седмь тысячъ сто девяноста шестаго, а отъ воплощенія Сына Слова Божія тысяча шесть сотъ восемдесятъ осмаго году мѣсяца Февраля двадцать осьмаго дня, государствованія нашего шестаго году.

Взять восемь алтынъ и въ книгу записать.

Взято и въ книгу записано.

По указу великихъ государей царей и великихъ князей Іоанна Алексѣевича Петра Алексѣевича и великія государыни благовѣрныя царевны и великія княжны Софіи Алексѣевны всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ на подлинной грамотѣ подписалъ дьякъ Василій Манутовъ. Справилъ Ивашка Андреевъ.

*

1785-го году Марта 22-го дня сія грамота въ Харьковской полковой канцеляріи съ подлинною грамотою для представленія къ межевымъ дѣламъ свидѣтельствована. Майоръ Николай Выродовъ. Читалъ канцеляристъ Акимъ Дибловскій.

Съ рукописи, хранящейся въ церковномъ Древнехранилищѣ при Нижегородской Семинаріи

Сообщилъ Ѳ. Кудринскій.

ЗАПИСКИ ГРАФА М. Д. БУТУРЛИНА [1]).

VIII.

1834—1836.

Первое время моей супружеской жизни въ Москвѣ.—Пріѣздъ матери моей въ Россію.—Поѣздка въ Тепловку.—Зима и лѣто въ Кіевѣ.—Отъѣздъ за границу.

Въ обстоятельствахъ, изложенныхъ въ предыдущей главѣ, какъ непосредственно до меня относящихся, упомянуто лишь вскользь о моихъ родныхъ въ Италіи, между тѣмъ какъ и тамъ произошло важное семейное событіе. Въ началѣ 1834 г. меньшая сестра моя Елена Дмитріевна вышла замужъ за князя Видоніа-Соредзіана. Партія эта могла считаться блистательною: князь Видоніа былъ представителемъ одной изъ первыхъ фамилій въ Римской области и въ Ломбардо-венеціанскомъ королевствѣ, въ родствѣ по матери съ Австрійскими графами Кевенгюллерами, съ большимъ, повидимому, состояніемъ (хотя по смерти его имѣніе оказалось обремененнымъ долгами), съ надеждами на наслѣдство впереди отъ своего брата-холостяка и дяди-кардинала; сверхъ того онъ былъ, какъ увѣряли, человѣкъ образованный и начитанный (чѣмъ неособенно отличалась тогда Итальянская аристократія) и много путешествовалъ. Но не совсѣмъ онъ былъ подъ пару сестрѣ моей, коей шелъ 21 годъ, а ему между 40 и 50. По семейной сдѣлкѣ, вмѣсто 1000 заложенныхъ душъ Воронежскаго имѣнія, приходившихся на часть сестры по раздѣльному акту, она получила въ приданое Флорентинскій нашъ домъ, перекупленный впослѣдствіи у нея братомъ нашимъ. Чрезъ два года сестра овдовѣла [2]).

Я купилъ подъ заемное письмо, и опять таки чрезъ Леона Копенштейна, богатую четверню кровныхъ лошадей, двухъ вороныхъ и

---

[1]) См. выше, стр. 337.

[2]) По странному стеченію обстоятельствъ, я не находился ни при одномъ изъ важныхъ событій моего семейства, ни при кончинѣ моихъ родителей, ни моего брата, ни при свадьбѣ трехъ моихъ сестеръ и моего брата и никто изъ семейныхъ моихъ не былъ при моей женитьбѣ.

двухъ сѣрыхъ, на перекоски, и подобралъ самъ другую четверню разгонныхъ, а предыдущимъ еще лѣтомъ заказалъ коляску на лежачихъ рессорахъ, извѣстныхъ тогда только по заграничнымъ рисункамъ. Оба лакея были въ ливреяхъ гороховаго цвѣта и того же колера камзолахъ, штанахъ и щиблетахъ съ красными аксельбантами и гербовыми позументами на серебряномъ полѣ. Въ таковой же ливреѣ былъ мой *грумъ*, сидѣвшій рядомъ со мною по Англійской модѣ, въ тильбюри (двуколесный кабріолетъ), которымъ я самъ правилъ въ одну куцую англизированную лошадь. Дворецкій и оффиціанты не иначе служили какъ въ черныхъ фракахъ и въ бѣлыхъ галстукахъ. Домашнюю прислугу довершали вышеописанный Негръ въ бѣлой чалмѣ и мои камердинеръ Радзиковскій и мальчикъ подъ-камердинеръ. Блеснулъ я мгновенно вельможною обстановкою, никогда болѣе въ жизни не повторившеюся. Но все это было поверхностный лишь пуфъ: долги уже грызли меня, и съ той поры пошли все *кресчендо* до окончательной, хотя тогда еще отдаленной, катастрофы.

Пришла мнѣ также фантазія пріобрѣсти обезьяну, продававшуюся случайно довольно дешево; она потѣшна была между прочимъ тѣмъ, что мастерски откупоривала бутылки и напивалась до пьяна. Другая ея странность была та, что она благоволила къ молодымъ горничнымъ моей жены (каковыхъ, кажется, было у ней три), а бросалась кусать за ноги пожилую экономку Марію Васильевну. Общій нашъ другъ Тридонъ, пріѣхавшій однажды къ намъ изъ Знаменскаго (гдѣ онъ продолжалъ жить одинъ), увидѣвъ черную голову Негра, просунувшуюся чрезъ столовую дверь, спросилъ, съ необдуманною живостію Француза, у моей жены, былъ-ли то мой Негръ или моя обезьяна. По свойственной ему душевной прямотѣ, онъ не одобрялъ нашей Московской жизни; но гласъ его вопіялъ въ пустынѣ: никто его не слушался.

Не сказалъ я, что ради соблюденія стародавняго, глупѣйшаго Московскаго этикета, коего придерживалась моя теща, на слѣдующій же день нашей женитьбы посадили насъ молодыхъ въ карету, въ которой мы цѣлые три дня объѣзжали съ визитами всѣхъ возможныхъ и невозможныхъ тетушекъ, дядюшекъ, кузеновъ и кузинъ до теряющейся въ генеалогическихъ архивахъ степени родства, а затѣмъ всѣхъ знакомыхъ съ обѣихъ (т. е. супружескихъ) сторонъ. Изъ этого одного понятно, почему нынѣшняя молодежь выбираетъ себѣ въ подруги жизни, безъ великосвѣтскихъ связей, воспитанницъ Театральнаго Училища. О какъ я проклиналъ этотъ варварскій обычай и какъ завидовалъ Англичанамъ, у которыхъ новобрачная чета, по выходѣ изъ церкви, уѣз-

жать вдвоемъ куда нибудь на нѣсколько дней и сразу взаимно свыкается!

Въ числѣ родственниковъ, къ коимъ изъ первыхъ надлежало намъ ѣхать съ визитомъ, были князь Александръ Михайловичъ Урусовъ и жена его княгиня Екатерина Павловна, родная сестра Дмитрія Павловича Татищева. Князь А. М. Урусовъ былъ въ то время начальникомъ Московской Придворной Конторы и директоромъ всѣхъ тамошнихъ дворцовъ, а самъ жилъ въ большомъ своемъ домѣ на Тверской. Изъ трехъ его дочерей, старшая, княжна Марія, давно уже была замужемъ за графомъ Иваномъ Алексѣевичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ; вторая, княжна Софія, извѣстная по рѣдкой своей красотѣ, вышла за князя Льва Радзивила; а третья, княжна Наталія, вышла въ одно почти время какъ я женился, за графа Ипполита Кутайсова. Ѣздили мы также съ визитомъ къ графу Сергѣю Петровичу Румянцову, считавшемуся въ какомъ-то тоже дальнемъ родствѣ съ нами, Бутурлиными. Старикъ казался весьма доволенъ этимъ нашимъ вниманіемъ и съ любезностію Екатерининскаго вельможи и съ живостію не по лѣтамъ передалъ женѣ моей нѣкоторыя подробности о дѣдѣ ея Василіи Сергѣевичѣ Нарышкинѣ, его современникѣ. Онъ жилъ въ наслѣдственномъ своемъ домѣ на Маросейкѣ, носившемъ еще въ то время отпечатокъ эпохи его отца-фельдмаршала по лѣпнымъ барельефамъ военныхъ сюжетовъ, украшавшимъ наружныя стѣны. По смерти его домъ перешелъ къ Дивовой, но она вскорѣ продала его купцу Усачеву который весь домъ передѣлалъ зáново и также продалъ его другому купцу. Это было единственный разъ, чтó я видѣлъ графа Сергѣя Петровича *). Слышно было, что онъ и тогда еще проигрывалъ большія суммы въ карты, чѣмъ, однакоже, не разстроилъ нимало огромнаго свои состоянія. Въ началѣ столѣтія, будучи членомъ Государственнаго Совѣта, онъ подалъ первый примѣръ освобожденія крестьянъ въ большихъ размѣрахъ, по состоявшемуся тогда новому положенію о «вольныхъ хлѣбопашцахъ». Эта либеральная мѣра, если не была имъ задуманною, то осуществилась, помнится мнѣ, благодаря его вліятельному настаиванію. На служебномъ поприщѣ онъ не достигъ извѣстности подобной брату своему канцлеру, но обладалъ многостороннею ученостію; воспитателемъ его былъ Гриммъ.

*) Меня удивляло, почему титулъ Задунайскаго не перешелъ къ сыновьямъ фельдмаршала. На вопросъ мой Дивову, не извѣстна ли ему причина этой странности, онъ сообщилъ мнѣ, со словъ графа Сергѣя Петровича, что это случилось по желанію самаго фельдмаршала, не считавшаго нужнымъ, чтобы отличительный титулъ Задунайскаго вошелъ прибавкою къ его фамиліи въ будущихъ поколѣніяхъ.

Въ 1833 или началѣ 1834 года графъ Сергѣй Петровичъ продалъ фельдмаршалу князю Паскевичу Могилевскій городъ Гомель, кажется, за милліонъ рублей. Не смотря на всѣ эти уменьшенія родоваго состоянія, дочери его, княгиня Варвара Сергѣевна Голицына и и сестра ея Зинаида Сергѣева Дивова [1]) получили богатое приданое, а сыновья княгини Голицыной огромное наслѣдство, часть коего досталась также покойному Петру Ивановичу Апраксину; кромѣ того, графъ Румянцовъ при жизни своей далъ по имѣнію каждой изъ четырехъ дочерей княгини В. С. Голицыной. Когда же сама Варвара Сергѣевна выходила за князя Павла Алексѣевича Голицына, то графъ вельможно-щедрою рукою далъ ему на собственное его имя дарственную въ 700, кажется, душъ, чтобы, на всякій случай, князь Голицынъ не могъ находиться въ зависимости отъ жены. Говорили, что онъ склонялся къ волтеріянизму; это немудрено, таковъ былъ его вѣкъ; но знаю навѣрное, что онъ умеръ, напутствуемый молитвами Церкви.

Однакоже я заболтался о семъ визитѣ и забылъ, что жена и съ нею читатели ждутъ меня въ каретѣ.

Свадебные обѣды въ честь насъ молодыхъ были у Дивовыхъ, у Чертковыхъ и у Олсуфьевыхъ [2]), какъ у наиближайшихъ родственниковъ. Были мы также съ визитами у княгини Анны Ивановны Щербатовой и у дочери ея Мельгуновой.

Ежедневнымъ почти нашимъ посѣтителемъ былъ старикъ князь Баратаевъ, нѣкогда другъ и товарищъ шаловливой молодости тестя моего Нарышкина, впавшій въ крайне-бѣдное положеніе. Былъ онъ также своимъ человѣкомъ въ домѣ родителей моихъ до 1812 года и такимъ же почти у Чернышовыхъ, и какъ одинъ изъ близкихъ нашему семейному обществу попалъ въ упомянутую не разъ семейную карикатурную колекцію Ивана Бѣшенцова. Въ семействѣ моемъ отзывались о князѣ Баратаевѣ, какъ о вѣтреникѣ, мало способномъ къ серіознымъ занятіямъ и усвоившемъ себѣ привычку вѣчно шутить. Разсказывали, что, дабы отдѣлаться отъ докучливыхъ его и И. В. Нарышкина кредиторовъ, князь Баратаевъ придумалъ поставить гробъ въ срединѣ комнаты, и самъ, въ траурномъ платьѣ и съ приложен-

---

[1]) Была еще третья сестра, княгиня Мещерская, первая жена князя Петра Ивановича (женившагося потомъ на Карамзиной), умершая молодою и бездѣтною.

[2]) Александръ Дмитріевичъ Олсуфьевъ (не получившій еще тогда богатаго своего наслѣдства отъ Голицыныхъ и Долгоруковыхъ, въ числѣ перваго изъ коихъ былъ домъ на Дѣвичьемъ полѣ) жилъ тогда съ семействомъ въ Чернышовскомъ переулкѣ, въ домѣ князя П. А. Вяземскаго, противъ Англійской кирки.

нымъ къ глазамъ платкомъ, встрѣчалъ кредиторовъ съ скорбнымъ извѣстіемъ о внезапной будто бы кончинѣ своего друга, каковою продѣлкою оба они отдѣлывались нѣкоторое время отъ преслѣдованій за долги (не могу не выразить мимоходомъ мое удивленіе наивности тогдашнихъ кредиторовъ). Помнится мнѣ, говорили, что когда у обоихъ друзей кошелекъ оказывался сухимъ, то они будто бы отправлялись къ незнакомымъ, выдавая себя за пріѣзжихъ виртуозовъ (выраженіе артистовъ не примѣнялось еще тогда къ музыкантамъ), каковое самозванство Иванъ Васильевичъ успѣшно могъ поддерживать замѣчательною своею игрою на фортепіанахъ, а князь Баратаевъ пописквалъ кое-какъ на скрипкѣ. Подобныя школьничества были еще тогда въ ходу, какъ остатки поколѣнія, корчившаго Французскихъ étourdis et roués de la régence [1]). Въ такомъ почти духѣ задумалъ однажды графъ Чернышовъ, въ первые года своей женитьбы, притвориться больнымъ подагрою и имѣлъ терпѣніе высидѣть въ креслахъ цѣлую недѣлю съ вытянутою на стулѣ ногою; а когда жена его вмѣстѣ съ моею матерью отправились въ маскарадъ, онъ встрепенулся, отправился замаскированный туда же и весь вечеръ интриговалъ обѣихъ дамъ подробными разсказами объ интимномъ семейномъ ихъ бытѣ.

Когда я впервыя познакомился съ княземъ Баратаевымъ, въ началѣ 1827 года, онъ уже былъ не тѣмъ, чѣмъ изображали его семейные наши разсказы: старость и нужда загрызли и сдѣлали его весьма жалкимъ, конечно, но скучнымъ довольно господиномъ. Онъ былъ когда-то женатъ на сестрѣ Александра Александровича Волкова, бывшаго въ концѣ 20-хъ годовъ Московскимъ жандармскимъ окружнымъ начальникомъ [2]). Княгиня Баратаева (звали ее, кажется, Елисаветою Александровною) принесла въ приданое мужу изрядное состояніе въ Тульской губерніи, родила дочь и вскорѣ померла. Вдовый ея мужъ лишился этого имѣнія отъ безпечности и неразсчета въ домашнихъ своихъ издержкахъ; бѣдная дочь его, княжна Марія Егоровна, тихое и интересное вполнѣ существо, къ счастію своему, весьма талантливая, поддерживала себя изданіями своихъ сочиненій для фортепіанъ. По смерти ея отца въ ней приняла живое участіе княгиня Вѣра Дмитріевна Голи-

---

[1]) Шалуновъ и распутниковъ временъ регентства.

[2]) А. А. Волковъ, умершій въ сумасшествіи, былъ женатъ на одной изъ дочерей Московской извѣстной хлѣбосолки Маріи Ивановны Корсаковой. Дочь его, Вѣра Александровна, вышла замужъ въ началѣ 30-хъ годовъ за Московскаго младшаго полицмейстера Никиту Петровича Брянчанинова. Изъ разсказовъ покойной тещи моей, подтвержденныхъ Записками А. Я. Булгакова въ „Русскомъ Архивѣ за 1886 годъ, И. В. Нарышкинъ, А. Я. Булгаковъ и А. А. Волковъ составляли въ молодости дружный, неразлучный тріумвиратъ.

цына (падшая позднѣе подъ ножемъ изверга Зыкова) и взяла къ себѣ въ домъ *).

Когда кончились оффиціальные наши визиты, мы пустились въ Московскій *бо-мондъ*, тогда многолюдный. Не помню, чтобы во всю зиму вплоть до весны мы просидѣли дома хоть одинъ вечеръ, развѣ что по болѣзни. Когда въ городѣ не было ни баловъ, ни вечеровъ, мы отправлялись во Французскій спектакль въ Маломъ театрѣ, въ оперу или балетъ въ Большомъ театрѣ, такъ какъ тогда абонированная на весь сезонъ ложа давала права входа въ оба театра.

Ѣзжали мы также иногда на вечеринки къ княгинѣ В. С. Голицыной, даваемые для второй ея дочери, княжны Ольги Павловны, начинавшей выѣзжать въ свѣтъ. Третья дочь, княжна Варвара, въ то время почти еще ребенокъ, была уже плѣнительною. Младшая, княжна Марія, была совершенно малолѣтнею. Княгиня Варвара Сергѣевна занимала тогда домъ Рябининыхъ, въ Леонтьевскомъ переулкѣ, и у нея я однажды встрѣтилъ Англичанина-туриста, ей рекомендованнаго; онъ только что прибылъ изъ Италіи и сообщилъ мнѣ кое-что новое о моихъ Флорентинскихъ семейныхъ. Глядя на его нанковые желтые панталоны, въ коихъ онъ явился на вечеръ въ Январѣ, я невольно подумалъ, что онъ не успѣлъ, вѣроятно, переодѣться съ послѣдняго Флорентинскаго бала.

У Пашковыхъ, продолжавшихъ патріархально жить въ своемъ домѣ на Чистыхъ Прудахъ, были часто довольно балы, коихъ мы не пропускали. Тамъ я снова повстрѣчался съ Егоромъ Ивановичемъ, уже въ отставкѣ, но и помину не было между нами о Павлоградскихъ событіяхъ. Дѣла эти казались какъ бы уже «не отъ міра сего»; да и дѣйствительно, полкъ есть особый самостоятельный міръ. Пока входишь въ его составъ, живется его автономіею; подчиняешься его условленному кодексу, раздѣляешь его страсти, его радости и скорби при служебныхъ невзгодахъ. Міръ этотъ огражденъ отъ всякаго внѣшняго вліянія и какъ бы безъ связей или рамификацій съ остальными частями вселенной. Но за то, когда выходишь изъ заколдованнаго его круга, этотъ прежній, столь любимый міръ, гдѣ прошло много, много счастливыхъ дней и было много живыхъ ощущеній, міръ этотъ исчезаетъ сразу изъ нашихъ глазъ, какъ бы призракъ и постепенно обращается какъ бы въ фикцію. Все забыто, все сглаживается въ неблагодарной

*) Княжна Баратаева вышла замужъ за нѣкоего Падыжинскаго и вскорѣ послѣ первыхъ родовъ умерла.

нашей памяти при вступленіи въ другой отдѣльный и отдаленный отъ прежняго міръ, въ которомъ не всегда насъ ожидаетъ то беззаботное о будущемъ днѣ спокойствіе, тѣ радости, коими довольствовалась прежде наша коллегіально-полковая невзыскательная жизнь. Мы покончили навсегда съ тѣмъ прежнимъ міромъ и ничего не вынесли изъ него, что́ могло бы служить звеномъ между прожитымъ и предстоящимъ. Нечаянная встрѣча съ бывшимъ сослуживцемъ вызываетъ, конечно, минутное трепетаніе сердца (да и то, если встрѣча пришлась впопадъ); но это уже не то, что́ въ былое время, когда мы оба носили одинаковый мундиръ. А бываетъ такъ, что мы и отворачиваемся отъ прежняго сослуживца и говоримъ «фи», если онъ кажется чудакомъ нашему новому великосвѣтскому обществу. Еслибъ что-нибудь возможно было въ родѣ Фурріеристскаго фаланстеріума, то ближайшимъ ему образцомъ служилъ бы кавалерійскій армейскій (но отнюдь не гвардейскій) полкъ, въ мое время *). Графъ Л. Н. Толстой намекаетъ на тотъ особенный міръ въ своемъ романѣ «Война и миръ», указывая именно на Павлоградскій полкъ, въ которомъ пришлось мнѣ служить. Разница между полковыми и свѣтскими обыкновенными отношеніями такъ рѣзка, что я, напримѣръ, будучи фрачнымъ, готовъ отвернуться отъ фрачнаго же, носившаго незадолго передъ тѣмъ одинаковый со мною мундиръ, тогда какъ во время моего съ нимъ однополченства я вступился бы горою за него, будь онъ оскорбленъ и вызвалъ бы, пожалуй, на дуэль дерзкаго оскорбителя, если бы онъ былъ не изъ нашего полка. По причинѣ также одинаковаго мундира товарищъ изъ бѣдняковъ (каковыхъ немало въ армейскомъ полку), не равный мнѣ ни по рожденію, ни по воспитанію, былъ бы со мною *на ты*, и я съ радостію готовъ былъ бы помочь ему деньгами (когда даже самъ въ нихъ нуждался), зная впередъ, что наврядъ ли получу ихъ обратно. Но по силѣ кодекса того же полковаго міра, свѣтское положеніе каждаго никогда въ разсчетъ не входило. За то, какъ и дружественныя прежнія связи забываются фрачными, одинаково также забываются непріязнь и вражда при встрѣчѣ ихъ послѣ долговременной разлуки. Такъ и случилось со мною относительно Е. И. Пашкова.

Старикъ Иванъ Александровичъ Пашковъ умеръ еще въ 1828 г.; но вдова его Авдотья Семеновна жила въ одномъ домѣ съ нераздѣлившимися сыновьями и съ ихъ семействами, исключая Андрея Ивановича, поселившагося въ Петербургѣ. Мнѣ особенно радостно было повстрѣ-

*) Помнится, разсказывали мнѣ гвардейскіе офицеры, что великій князь Михаилъ Павловичъ рѣзко выражался насчетъ этого дружнаго армейскаго товарищества и что онъ его уничтожалъ въ гвардіи.

чаться опять съ добрѣйшею нашею Ольгою Алексѣевною; меня весьма тронуло, что она продолжала обращаться со мною съ прежнею фамильярностію, называя меня просто по фамиліи, безъ прибавленія графскаго титула.

Даровитая и очень тогда хорошенькая племянница Пашковыхъ, Додо (какъ звали ее въ домѣ) Сушкова, незадолго передъ тѣмъ вышла замужъ за графа Андрея Ѳедоровича Растопчина, и молодые жили во вновь реставрированномъ семейномъ Растопчинскомъ домѣ на Лубянкѣ (нынѣ Шипова), скорбно историческомъ по дѣлу объ умерщвленіи въ 1812 году на дворѣ этого дома несчастнаго Верещагина.

Украшеніями Московскихъ баловъ были тогда красавицы: графиня Екатерина Александровна Зубова и сестра ея г-жа Евреинова, дочери князя Александра Петровича Оболенскаго; новозамужняя г-жа Киреева, рожденная Алябьева, Екатерина Александровна Соломирская (дочь Александра Яковлевича Булгакова), графиня Кутайсова (дочь Дмитрія Дмитріевича Шепелева), графиня Пушкина, рожденная Шернваль и незамужняя сестра ея Аврора, интересная уже своимъ романомъ внезапной смерти жениха Александра Алексѣевича Муханова, къ которому успѣла она сильно (какъ говорили) привязаться. Въ честь ея вышелъ тогда романсъ-мазурка, слова князя П. А. Вяземскаго и музыка графа М. Ю. Віельгорскаго:

Намъ сіяетъ Аврора,
Въ солнцѣ нужды намъ нѣтъ:
Для души и для взора
Есть и пламень и свѣтъ.
Небо спорило съ Фебомъ
Безъ златаго вѣнца;
Такъ любуйтесь вы небомъ
Молодаго лица.

* * *

Нѣтъ ни тучъ, ни ненастья,
Въ этомъ небѣ живомъ;
Заглядишься до счастья,
Позабывъ о другомъ.
Какъ прекрасно и пышно
Это небо цвѣтетъ!
Какъ предъ нимъ сердцу слышно,
Что въ немъ ангелъ живетъ!

* * *

Какъ румяно и ярко,
Улыбаясь, горитъ,
И сквозь звѣзды, какъ жарко
Прямо въ душу глядитъ!
Всѣ мечты и всѣ взоры
Къ небу этому льнутъ,
И улыбки Авроры
Упоенные ждутъ.

Счастіе отворачивалось отъ этой прекрасной женщины. По смерти перваго мужа П. Н. Демидова она, наконецъ, вышла по влеченію сердца за Карамзина, изрубленнаго въ куски въ Придунайской войнѣ 1854 г. Позднѣе, въ 1860 году, едва не лишилась она единственнаго сына, тяжело раненаго на дуэли еще студентомъ; и когда онъ женился, только что привязалась было къ своей снохѣ, какъ молодая эта женщина умерла въ прошломъ 1868 году.

Изъ дѣвицъ-красавицъ той эпохи были: княжна Абамелекъ (позднѣе Баратынская), Абаза, вышедшая за Алексѣя Ѳедоровича Львова, композитора и директора придворной пѣвческой капеллы, Высоцкая, замѣчательно пригожая (за кого вышла, не помню), нѣкая Арсеньева, наконецъ, двѣ сестры Скрипицины, настоящія «boutons de rose», не окончательно еще выѣзжавшія въ свѣтъ, сироты послѣ матери, урожденной Алмазовой; онѣ бывали съ отцемъ на концертахъ и на маленькихъ вечеринкахъ. Особенно одна изъ нихъ имѣла въ себѣ что-то до того привлекательное въ дѣтскомъ еще своемъ выраженіи, при гибкой, стройной таліи, что не хотѣлось сводить съ нея глазъ. Если не къ числу настоящихъ красавицъ, но къ весьма интереснымъ и граціознымъ можно было причислить Надежду Сергѣевну Пашкову, жену Сергѣя Ивановича, урожденную княжну Долгорукову, и не дурна была Ольга Ѳедоровна Кошелева, урожденная Петрово-Соловово, свадьба коей съ богатымъ А. И. Кошелевымъ состоялась одновременно почти съ моей. Не знаю почему, иные считали какъ бы красавицею княгиню Ольгу Александровну Булгакову, вторую дочь А. Я. Булгакова; таковою она никогда не была въ моихъ глазахъ, чему особенно мѣшалъ ей кверху вздернутый, красный ея носикъ; но во всемъ прочемъ, какъ-то въ нѣгѣ движеній, стройности, любезности и игривомъ умѣ можно было отдавать ей первенствующее мѣсто въ тогдашнемъ обществѣ. Назову еще Софію Николаевну Львову (ур. Наумову), мужъ которой состоялъ полковникомъ при особѣ Московскаго военнаго генералъ-губернатора и былъ до того дуренъ собою, что, по тогдашнимъ разсказамъ, когда она бывала на балахъ, то запрещено будто бы ей было

акуперкою смотрѣть на него изъ предосторожности выкидыша или произведенія на свѣтъ невзрачнаго ребенка.

Было нѣсколько большихъ баловъ и маскарадовъ у князя Дмитрія Владиміровича Голицына, которыхъ мы не пропускали. Адъютантами при немъ были: Петръ Петровичъ Новосильцовъ, князь Николай Александровичъ Щербатовъ и князь Друцкой, коему дано было прозвище пустаго возка съ фонарями, по причинѣ большихъ навыкатъ его глазъ. При немъ же состояли для особыхъ порученій ротмистръ князь Вяземскій и вышепомянутый полковникъ Львовъ, иронически прозванный *le beau Lvoff*, о которомъ ходилъ такой анекдотъ. П. П. Новосильцевъ, спрошенный однажды полицмейстеромъ Өедоромъ Ивановичемъ Миллеромъ о состояніи дороги изъ Петербурга, откуда онъ только что возвратился въ осеннее дождливое время, отозвался, что хуже быть не можетъ, и когда Миллеръ выразилъ свое удивленіе, потому что Львовъ, также недавно передъ тѣмъ возвратившій оттуда, не отзывался такъ плохо о дорогѣ, П. П. Новосильцовъ сдѣлалъ замѣчаніе: «Lvoff voit tout en beau, à commencer par sa propre personne.» (Львовъ видитъ все въ прекрасномъ видѣ, начиная съ собственной своей особы). Однажды, также на вечерѣ у князя Д. В. Голицына, Львовъ замѣтилъ князю: *Nous avons ici la crême de la société.* — Je ne le sais, сказалъ ему князь, mais jusqu'à présent je ne vois que le petit lait: каламбуръ непереводимый по русски [1]).

Правителемъ княжеской канцеляріи былъ Павелъ Өедоровичъ Степановъ, а директоромъ военнаго отдѣленія той канцеляріи генералъ-маіоръ Барышниковъ. Свиты Его Величества генералъ маіоръ Левъ Михайловичъ Цынскій поступилъ Московскимъ оберъ-полицмейстеромъ въ началѣ, кажется, 1834 года; ему сильно покровительствовалъ, какъ носился слухъ, графъ (еще тогда не князь) Алексѣй Өедоровичъ Орловъ, потому что Цынскій былъ нѣкогда хорошимъ ремонтёромъ въ конно-гвардейскомъ полку, когда имъ командовалъ графъ Орловъ. Полицмейстерами были полковники: Никита Петровичъ Брянчаниновъ, Өедоръ Ивановичъ Виллеръ, Верещагинъ [2]) и засѣдавшій въ Управѣ

---

[1]) На балахъ у князя Голицына я раза два видѣлъ И. И. Дмитріева, величавая и стройная фигура коего, не согбенная годами, не могла не броситься въ глаза каждому, такъ какъ онъ превышалъ ростомъ почти всѣхъ прочихъ въ залѣ; но имя его напоминало мнѣ однѣ лишь его басни знакомыя по урокамъ ранняго моего дѣтства, а о служебной его какъ министра юстиціи карьерѣ и о прочихъ литературныхъ его заслугахъ я ничего не зналъ. Вотъ до какой степени простиралось мое невѣдѣніе современной намъ исторіи.

[2]) Вдовецъ Верещагинъ былъ весьма хорошій и смирный даже человѣкъ; тѣмъ не менѣе, его постигло въ началѣ 40-ыхъ годовъ несчастіе. Проѣзжая гдѣ-то по проселоч-

Благочинія полковникъ Мельгуновъ. Комендантомъ былъ достопочтенный ген.-маіоръ баронъ Сталь-фонъ-Гольштейнъ, замѣнившій ген.-маіора Веревкина и отличившійся дѣятельностію и гражданской неустрашимостію во время Московской холеры 1830 и 1831 года, когда, въ доказательство неприлипчивости этой эпидеміи, онъ, какъ говорятъ, ѣлъ изъ одной тарелки съ зараженными. Плацъ-маіоромъ былъ полковникъ Кузминъ, а плацъ-адъютантами Сергѣй Александровичъ Волконской (незаконный сынъ генерала А. А. Волкова, женатый уже тогда на Машковой, мать коей была урожденная Пестель); Иванъ Ивановичъ Давыдовъ, уже женатый на Екатеринѣ Михайловнѣ Васильчиковой; Александръ Ивановичъ Малышевъ (красавецъ собою, женившійся позднѣе на богатой наслѣдницѣ, незаконнорожденной дочери Рязанскаго помѣщика Измайлова *), и нѣкій г. Карауловъ.

Директоромъ Московскихъ театровъ былъ Загоскинъ, замѣнившій престарѣлаго Кокошкина. Помощникомъ его былъ національный нашъ композиторъ Верстовскій, женатый уже на даровитой артисткѣ, фавориткѣ публики, Надеждѣ Рѣпиной, продолжавшей однакоже сценическое свое поприще подъ дѣвичьемъ именемъ до 1836 года. Она дѣйствительно была единственнымъ облагороженнымъ Русскимъ типомъ *jeune première* или *première amoureuse* той эпохи. Львова-Синецкая была отвратительна (по моему) своею аффектаціею.

Остановлюсь еще ненадолго надъ отрадной и свѣтлой личностью коменданта барона Карла Густавовича Сталя-фонъ-Гольштейна.

ной дорогѣ, онъ, выведенный изъ терпѣнія нахальнымъ прижимательствомъ или грубостію свойственными прежнимъ ямщикамъ, неосторожно ударилъ одного изъ нихъ въ високъ, не будучи вовсе изъ драчуновъ, отчего ямщикъ померъ, а Верещагинъ былъ преданъ суду; но за долговременную безпорочную его службу дѣло это, помнится мнѣ, кончилось однимъ арестомъ. Единственная его дочь была одна изъ хорошенькихъ дѣвицъ въ Московскомъ обществѣ 1844 года.

*) Екатерина Львовна Малышева (нынѣ въ живыхъ), хотя и получила въ приданое хорошее весьма состояніе, но огромнымъ состояніемъ Измайлова наслѣдовалъ дальній его родственникъ, графъ Николай Дмитріевичъ Толстой, братъ Екатерины Дмитріевны Голубцовой. Генералъ Измайловъ прославился въ Рязанской губерніи своимъ дикимъ самоуправствомъ, за что̀ былъ отданъ, по высочайшему повелѣнію, подъ опеку. Были у него еще дочь, Анна Львовна, и сынъ Дмитрій Львовичъ, оба также незаконнорожденные. Дочь эту онъ за что-то не возлюбилъ и пустилъ нищею, и она позднѣе была надзирательницею надъ Диковскимъ скотнымъ дворомъ въ Зенинской фермѣ, гдѣ ее очень любили; она и теперь жива. Дмитрій Львовичъ, не получившій никакого воспитанія и не записанный нигдѣ на службѣ, числился мѣщаниномъ и по завѣщанію отца получилъ что-то въ родѣ 100 тысячъ р., моталъ, пустился позднѣе въ ненадежныя аферы, разорился и теперь, какъ слышно, живетъ въ избѣ у одного крестьянина въ Зарайскомъ уѣздѣ.

Когда я числился въ 40-ыхъ годахъ въ канцеляріи князя Д. В. Голицына, сидя однажды въ пріемной передъ кабинетомъ князя, въ числѣ прочихъ лицъ, ожидавшихъ его выхода, кто-то, разговаривая съ барономъ Сталемъ, замѣтилъ, что князь Голицынъ долго что-то занялся въ кабинетѣ съ оберъ-полицмейстеромъ Цынскимъ. «Да, сказалъ баронъ Сталь, Цынскій передаетъ князю, вѣроятно, всѣ городскія, какъ я ихъ зову, сплетни (cancans). Онъ тоже самое дѣлалъ со мною, когда въ отсутствіи князя я правилъ его должность. Начнетъ бывало съ того, что такой-то господинъ N. выигралъ вчера въ карты такой-то огромный кушъ денегъ; а я, бывало, ему въ отвѣтъ, что я весьма этому радъ, потому что счастливый господинъ N. хорошій человѣкъ и пріятель мнѣ.»

Покойный графъ Петръ Ивановичъ Апраксинъ, за обѣдомъ однажды въ Петербургскомъ Англійскомъ клубѣ, разсказалъ мнѣ, что въ пріѣздъ свой въ Москву, посѣтивъ барона Сталя, онъ спросилъ его, не боленъ ли онъ, что сидитъ дома и безъ дѣла, и не воспользуется ли онъ прекрасной погодою прогуляться по Кремлевскому саду, въ двухъ шагахъ отъ него. «Не боленъ, а гулять нельзя», отвѣчалъ баронъ Сталь.—«Отъ чего же?» спросилъ графъ. «А потому, чтобы не встрѣчаться съ офицерами одѣтыми, какъ я уже знаю, не по формѣ, и коихъ пришлось бы мнѣ тогда сажать подъ арестъ», объяснилъ добродушный старикъ.

—«Отлично, сказалъ графъ, «то есть, чтобы не сажать другихъ подъ арестъ, ты самъ добровольно сидишь за нихъ подъ арестомъ? Похвальное самоотверженіе».

Не мѣшаетъ добавить, что хотя графъ Апраксинъ подсмѣивался надъ старымъ своимъ сослуживцемъ, но самъ былъ способенъ на такой же подвигъ или, по крайней мѣрѣ, вмѣсто того чтобы арестовать кого за отступленіе отъ военной формы, окончательно бы заговорилъ его, что́ составляло его слабость.

Не знаю, за кого вышли замужъ три или четыре дочери барона Сталя, кромѣ одной, Шарлоты Карловны, вышедшей до Орловскаго помѣщика Александра Сергѣевича Цурикова; это было достойная вполнѣ дочь такого отца.

Гражданскимъ губернаторомъ былъ тогда вдовецъ А. Н. Небольсинъ, женившійся вторично въ 40-ыхъ годахъ. Съ нимъ жила тетка его Авдотья Селиверстовна, нѣчто въ родѣ авторитета въ тогдашнемъ Московскомъ обществѣ, давшемъ ей названіе «Galante de la larme à

Foei!», по болѣзненной ли влажности глазъ, или по ея чувствительности, не знаю.

Изъ Русскихъ оперъ давались только, кажется, двѣ, и обѣ Верстовскаго: неудачная и вскорѣ канувшая въ Лету «Тоска по родинѣ» и «Аскольдова Могила (съ 1835 на 1836 годъ), производившая неописываемый фуроръ, отчасти, конечно, заслуженный. На Россиніевскія или другія Итальянскія оперы не покушались. Изрѣдка давался «Волшебный Стрѣлокъ Вебера», довольно незавидно исполняемый и, кажется, болѣе ничего. О Вадимѣ, съ его двѣнадцатью спящими на воздухѣ дѣвицами, было уже забыто. Примадонною была нѣкая Петрова, голосомъ и игрою посредственная совершенно артистка, но благоразумная настолько, что умѣла избѣгать всякихъ руладъ и трудностей. Теноръ Булаховъ давно уже передъ тѣмъ померъ; говорятъ, что онъ былъ не безъ таланта какъ пѣвецъ и какъ композиторъ романсовъ. Преемникъ его Бантышевъ (до поступленія на сцену армейскій офицеръ изъ дворянъ и дилеттантъ) бралъ лишь своимъ чисто-груднымъ безъ фистулы и звучнымъ теноровымъ голосомъ, но пѣлъ безъ всякаго метода, монотонно, никогда почти не одушевлялся, а игрою былъ истуканъ. Единственнымъ его тріумфомъ, были, насколько помню, народныя аріи въ Аскольдовой могилѣ: «Близко города Славянска» и «Ужъ какъ вѣетъ вѣтерокъ», нарочно для него написанныя Верстовскимъ. Кстати замѣчу, что этой оперою такъ часто стали подчивать публику, что про нее говорили «оскомину набила». Лавровъ, басъ-баритонъ, по голосу и по изрядной изученности въ игрѣ, могъ быть названъ артистомъ; при музыкальномъ образованіи и слушаніи заграничныхъ знаменитыхъ пѣвцовъ, изъ него могъ бы выйти хорошій вполнѣ оперный артистъ; но какъ таковыхъ случаевъ ему не представлялось, то онъ заглохъ на Московской сценѣ, оставшись до конца карьеры своей (онъ умеръ не въ старыхъ еще годахъ), чѣмъ онъ былъ при дебютѣ. Разсказывали, что онъ эффектно весьма пѣвалъ и въ надлежащемъ восточномъ костюмѣ, въ 20-ыхъ годахъ, романсъ «Черная шаль» Пушкина съ музыкою графа Михаила Юрьевича Віельгорскаго. Второй будто бы теноръ Щепинъ былъ, какъ я уже указывалъ, рѣшительно безголосый; но дебютировалъ около того времени молодой теноръ Стрѣльскій, изъ котораго я, какъ самъ пѣвецъ, ожидалъ, что выдетъ что нибудь порядочное; но и онъ никогда не усовершенствовался по тѣмъ же, можетъ быть, причинамъ, какъ и Лавровъ *). Второю прима-

*) Однажды, въ 1842 или 1843 году, пришлось мнѣ пѣть съ г. Стрѣльскимъ за оркестрированной обѣдней во Французской Римско-католической церкви на Лубянкѣ, по просьбѣ сочинителя ея Итальянца г. Лора, въ коей участвовали сестра сочинителя

донною была нѣкая Куликова, молодая воспитанница Театральнаго Училища, преграціозная, но съ ограниченнымъ весьма голосомъ, и она умно сдѣлала, что перешла на драму, настоящее свое призваніе, гдѣ и отличилась, и вышла за мужъ за комика Орлова, артиста, который хотя утрировалъ нерѣдко свои роли, дѣлалъ насмѣшливыя гримасы и былъ карикатуренъ, но не безъ таланта, отлично игрывалъ полковника Скалозуба въ «Горе отъ ума», гдѣ былъ въ своей, такъ сказать, тарелкѣ, потому что самъ былъ изъ армейскихъ пѣхотныхъ офицеровъ, и поступилъ на сцену по влеченію. Эпоха эта была апогеемъ славы въ драмѣ и трагедіи П. С. Мочалова, этого соперника Петербургскаго Каратыгина; въ борьбѣ ихъ ни тотъ, ни другой не вышелъ окончательно ни побѣдителемъ, ни побѣжденнымъ. Въ Московскомъ трагикѣ иные (конечно преимущественно Москвичи) находили болѣе искры вдохновенія, болѣе натуральной страсти, чѣмъ у изученнаго и заранѣе обдуманнаго во всѣхъ своихъ интонаціяхъ, жестахъ и позахъ Петербургскаго трагика. Борьба же эта усложнялась и не благопріятствовала Московскому любимцу, потому что онъ имѣлъ дѣло съ своей низкою неуклюжею фигурою и не съ весьма сильнымъ органомъ, тогда какъ Петербургскій артистъ годился бы во фланговые Преображенскаго полка и въ протодіяконы [1]). Я передаю все это болѣе по наслышкѣ, чѣмъ по моимъ наблюденіямъ, такъ какъ я, къ сожалѣнію, рѣдко бывалъ въ Русскомъ театрѣ. Кромѣ того, Мочалову случалось являться на сцену еле - еле державшимся на ногахъ и не помнившимъ ни слова изъ своей роли; но публика прощала ему все это и на слѣдующій разъ встрѣчала его появленіе на сцену громкими рукоплесканіями. Свидѣтель разсказывалъ мнѣ, какъ однажды авторъ какой-то драмы (не изъ извѣстныхъ, имя коего я забылъ), добившись, наконецъ, разрѣшенія поставить на сцену свое произведеніе, приходилъ въ отчаяніе, когда на утренней генеральной репетиціи онъ не могъ оттащить Мочалова отъ театральнаго буфета, гдѣ трагикъ поглощалъ рюмку за рюмкой мадеры. «Павелъ Степановичъ», умолялъ несчастный авторъ, «пожалуста пойдемте; вы выпьете послѣ репетиціи».—«И теперь выпью и послѣ выпью», былъ отвѣтъ [2]). Мочаловъ пользовался уже нѣкото-

---

артистка г-жа Финкъ-Лоръ, и басъ Михайло Аполлоновичъ Волковъ. Въ этой обѣднѣ г. Стрѣльскій весьма удовлетворительно исполнилъ свою партицію.

[1]) Разсказывали, помнится мнѣ, что однажды на домогательство его быть уволеннымъ преждевременно изъ дирекціи императорскихъ театровъ, государь Николай Павловичъ будто-бы приказалъ сказать ему, что онъ не иначе можетъ быть уволеннымъ какъ съ переходомъ въ Преображенскій полкъ.

[2]) Это относится къ началу уже 40-ыхъ годовъ. Я слыхалъ также, что въ драмѣ „Бахчисарайскій Фонтанъ“ относящейся къ репертуару 1825 или 1826 года, Мочаловъ производилъ громъ рукоплесканій, когда прикрикивалъ: чтобы не было пожара, иначе погибнутъ всѣ Татары.

рою извѣстностію еще въ 1826 году. Въ описываемое мною время Щепкинъ былъ уже давно замѣчательнымъ артистомъ. Въ 1826 или 1827 году онъ вызывалъ аплодисменты въ передѣланномъ съ Французскаго водевилѣ «Секретарь и поваръ». (Своего Русскаго было весьма мало въ репертуарѣ, а почти одни переводы и передѣлки). Въ Фамусовѣ былъ онъ такъ хорошъ, что я теперь, какъ будто бы вижу его. Живокини уже тогда начиналъ нравиться публикѣ; но онъ, по моему мнѣнію, былъ чрезчуръ буфоненъ и подходилъ къ площадному. Дмитрій Ленскій тщательно исполнялъ амплуа любовниковъ и молодыхъ офицеровъ, хотя полукалмыцкія его черты лица плохо въ томъ ему содѣйствовали; сверхъ того, слишкомъ уже раболѣпно копировалъ онъ Французскихъ «jeune premier»; своего собственнаго, было, повидимому мало запасено. Я былъ знакомъ съ нимъ, и онъ удивлялъ меня прекрасными своими манерами и свободнымъ Французскимъ разговоромъ, и вообще былъ тихаго и скромнаго нрава и горячимъ обожателемъ таланта Французскаго комика Гервѐ, съ коимъ находился въ дружбѣ. Онъ, кажется, воспитанъ былъ въ какомъ-то барскомъ домѣ, откуда вѣроятно вынесъ то, что̀ по-французки зовется «comme il faut» и по-русски непереводимо. Славился до меня Сабуровъ въ роляхъ любовника; но онъ, надо полагать, умеръ въ цвѣтущихъ еще годахъ. Въ балетномъ мірѣ отличались Француженка Гиленъ-Соръ (Hilain-Sor) и Русская Воронина; но обѣ онѣ никуда бы теперь не годились для публики, избалованной Лебедевой, Гранцовою и Собещанскою. Изъ мужчинъ отличался Ришаръ; но замѣтить слѣдуетъ, что балеты того времени не производили вообще того фурора, какъ нынѣ.

Случилось мнѣ однажды присутствовать при одномъ представленіи весьма любопытномъ по своей археологической драматичности. Княгиня Екатерина Семеновна Гагарина, нѣкогда знаменитая Семенова 1-ая, давала нѣсколько отрывковъ изъ трагедій Озерова въ своемъ домѣ въ Старой Конюшенной, по пригласительнымъ билетамъ. Я съ женою попали на отрывокъ изъ Ифигеніи. Клитемнестру играла княгиня, Ифигенію одна изъ двухъ ея дочерей, коей было тогда не болѣе 13 или 14 лѣтъ *), а неумолимаго Агамемнона представлялъ дряхлый и беззубый Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ. Такъ какъ я не принадлежалъ эпохѣ театральнаго классицизма, когда восторгались Расиновскими подражаніями, божественная нѣкогда Семенова казалась мнѣ чрезвычайно аффектированною и въ декламаціи, и въ жестикуляціи; но интонація голоса и дикція

*) Одна изъ нихъ вышла замужъ за Зарайскаго помѣщика Николая Михайловича Лихарева, недавно умершаго, и говорятъ, что она владѣла удивительнымъ голосомъ; вторая княжна Гагарина вышла, кажется, за одного изъ братьевъ Ломоносовыхъ.

были, дѣйствительно, ясны и звучны, и были еще вспышки, подходившія къ вдохновенію. Но если на сценѣ казался смѣшнымъ беззубый, плѣшивый и сморчкообразный Греческій вождь съ его вдобавокъ пришепетываніемъ вмѣсто декламировки, то комизмъ удвоился для меня, когда я увидѣлъ по окончаніи спектакля, какъ два лакея въ ливреѣ вели подъ мышки съ лѣстницы въ карету драпированнаго въ красную мантію съ полуголыми ногами въ Греческихъ сандаліяхъ этого дряхлаго Агамемнона. Тутъ и тѣни не было трагедіи, а одно шутовство [1]).

Какъ этнографъ и бытописецъ, не могу не посвятить нѣсколькихъ словъ тогдашнимъ женскимъ модамъ. Вмѣсто непоявившихся еще тогда кринолиновъ были *турнюры*, сирѣчь одно или два полотенца, которыя впихивались подъ платье, но только сзади, на той части тѣла, чтὸ изъ вѣжливости мы назовемъ *сидѣніемъ*, и отъ чего оно оттопыривалось, какъ по рисункамъ оно бываетъ у Готентотокъ (въ натуральномъ, конечно, видѣ) или у Ордынскихъ барановъ съ курдюками. Эта процедура впихиванія полотенца и прикалываніе его, чтобы оно не спадало очень меня забавляли, когда жена моя одѣвалась на балъ. Таліи были очень длинныя (т. е. низкія), а платья короткія. Для головной уборки существовалъ еще съ 20-хъ годовъ Аполлоновъ узелъ (noeud d'Apollon). Это было дѣйствительно узелъ или широкій бантъ изъ поддѣльныхъ волосъ, вышиною не менѣе, конечно, четверти аршина; онъ втыкался вмѣстѣ (кажется) съ гребнемъ на самой срединѣ макушки головы; отъ висковъ же къ глазамъ закручивались и приклеивались къ лицу гуміарабикомъ тоненькіе крючечки изъ собственныхъ волосъ, называемые *акрошкёрами* (acroche-coeur). Не смотря на все это искаженіе, красота брала свое, и вовсе не къ лицу причесанная головка кружила множество головъ.

Мы однажды какъ-то попали на балъ къ князю Сергѣю Ивановичу Гагарину [2]), хотя не были съ нимъ знакомы, въ его собственномъ домѣ на Знаменкѣ, тамъ, гдѣ скончаласьвъ 1828 году графиня Елисавета Петровна Чернышова. Это было въ первый разъ послѣ сего печальнаго событія, чтὸ я очутился въ этомъ домѣ; и какъ перемѣнилась съ тѣхъ поръ судьба всей моей жизни! Не могъ я равно-

---

[1]) Куда желалъ бы я видѣть, хоть разъ, для куріоза полную Озеровскую трагедію, хоть бы „Эдипа въ Аѳинахъ" съ извѣстнымъ наизусть нашимъ отцамъ монологомъ

„Постой, дочь нѣжная преступнаго отца!"

съ традиціонною декламаціею, жестами и позами временъ Дмитревскихъ и Яковлевыхъ. Да нѣтъ: невозможно было бы выдержать цѣлый вечеръ этого паѳоса.

[2]) Отецъ нынѣшняго іезуита.

душно видѣть себя въ этихъ стѣнахъ, убранныхъ нынѣ для празднества, и никто изъ участвовавшихъ въ немъ не могъ бы разгадать, что происходило во мнѣ и чего я не могъ бы передать никому, даже молодой моей женѣ.

Упомянувъ о Знаменкѣ, отмѣчу, что въ 20-хъ годахъ Апраксинскій домъ, гдѣ была тогда Итальянская опера, купленъ казною, а въ 1834 или 1835 году обращенъ въ училище сиротъ послѣ умершихъ отъ первой холеры съ 1830 на 1831 годъ.

Бывали мы нѣсколько разъ на домашнихъ спектакляхъ у Вадковскихъ. Мать Ивана Ѳедоровича Вадковскаго была сестра графа Григорья Ивановича Чернышова, а самъ онъ женатъ былъ на Молчановой и чуть-ли не былъ декабристомъ, но уже прощеннымъ въ описываемое время. Тамъ игрались однѣ Французскія піесы, и Иванъ Ѳедоровичъ подражалъ, какъ говорятъ, весьма удачно извѣстному въ 1814 и 1815 г. Парижскому комику Потье, коего онъ имѣлъ часто случай видать, какъ гвардейскій офицеръ, во время занятія Парижа нашими войсками. Онъ особливо былъ хорошъ въ фарсѣ «Le ci-devant jeune homme». Вадковскіе нанимали обширный домъ графа Бобринскаго, выходившій угломъ противъ Страстнаго монастыря и на Малую Дмитровку. Сестра жены Вадковскаго была за Кашкаревымъ, однимъ изъ жертвъ исторіи стараго Семеновскаго полка, гдѣ онъ служилъ.

Вскорѣ послѣ моей женитьбы, неожиданно посѣтилъ меня Егоръ Александровичъ Дебриньи для полученія денегъ, занятыхъ мною у него подъ вексель во время вторичнаго моего пребыванія въ Кустовичахъ. Нападаютъ на меня, какъ я уже говорилъ, минуты трусости, особенно когда совѣсть нечиста, и потому появленіе этого почтеннаго человѣка бросило меня въ лихорадочную дрожь, и я боялся, что онъ потребуетъ отъ меня объясненій. Но ничего подобнаго не было; онъ поздравилъ даже меня съ новымъ въ жизни моей событіемъ и наговорилъ мнѣ много любезнаго на счетъ моей жены, которую онъ видѣлъ мелькомъ. Я расчелся и съ тѣхъ поръ болѣе никогда съ нимъ не встрѣчался.

Изъ молодежи, посѣщавшей шурина моего Алексѣя Ивановича на его половинѣ (упомянуто уже, что онъ продолжалъ жить въ одномъ съ нами домѣ) были Корпуса путей сообщенія поручикъ баронъ Дельвигъ, тотъ самый что нынѣ одинъ изъ Петербургскихъ тузовъ въ Главномъ Обществѣ Русскихъ желѣзныхъ дорогъ *), Руфинъ Ивановичъ

*) Баронъ Дельвигъ былъ племянникъ князя Александра Андреевича Волконскаго (бывшаго опекуна жены моей и ея брата), и потому въ родствѣ и съ Николаемъ Алек-

Дороховъ, извѣстный своими дуэлями и разнаго рода приключеніями. два раза разжалованный въ рядовые, левъ тогдашней молодежи, но фанфаронъ и хвастунъ, почему шуринъ мой, раскусивъ чѣмъ онъ былъ, отшатнулся отъ него [1]). Хаживалъ также къ шурину моему Матвѣй Павловичъ Бибиковъ, блистательно незадолго передъ тѣмъ кончившій университетскій курсъ, даровитый, какъ отзывались о немъ тогда, поэтъ и рисовальщикъ, и преждевременно умершій. Его рисунки помѣщены были въ выходившемъ въ 1856 г. иллюстрированномъ изданіи по случаю празднествъ и торжествъ коронаціи нынѣшняго Государя. Онъ былъ Рязанскій помѣщикъ. Другой путей сообщенія офицеръ баронъ Фиркс, знакомый съ шуриномъ моимъ, сдѣлался и у насъ частымъ посѣтителемъ. Онъ и есть тотъ самый (какъ передано было мнѣ) что̀ пріобрѣлъ въ послѣднее десятилѣтіе полуизвѣстность, какъ публицистъ и полонофилъ, подъ псевдонимомъ Шедо-Ферроти, что̀ весьма меня удивляетъ; ибо въ тогдашнемъ нашемъ кружкѣ онъ слылъ пустымъ болтуномъ, да и въ сущности былъ таковымъ [2]). Но болѣе чѣмъ съ кѣмъ другимъ шуринъ мой сблизился съ будущимъ своимъ, но тогда еще не помышляемымъ, шуриномъ Александромъ Сергѣевичемъ Цуриковымъ. Одною изъ отличительныхъ чертъ Цурикова была феноменальная память въ родѣ той, какая была у моего отца. Стоило ему разъ прочесть книгу, и онъ могъ, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, изложить всю ея сущность съ выводами автора; онъ могъ также, когда угодно и безъ справокъ, излагать главнѣйшія событія древней, средневѣковой и чуть-ли не новѣйшей Европейской исторіи съ обозначеніемъ годовъ, когда они совершились; передавалъ онъ не запинаясь вереницу всѣхъ именъ Европейскихъ династій, прежнихъ и

сандровичемъ Замятинымъ, нынѣ директоромъ земскаго отдѣла въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ.

[1]) Дороховъ этотъ изображенъ въ „Войнѣ и мирѣ“ графа Л. Н. Толстаго подъ именемъ Долохова, съ анахроническою, впрочемъ, перестановкою. Дороховъ былъ женатъ на Плещеевой, мать коей была одна изъ двухъ сестеръ графа Г. И. Чернышова (другая его сестра была Вадковская): отъ дурнаго обращенія мужа съ нею, она вынуждена была убѣжать изъ дома съ малолѣтнею своею дочерью (какъ помнится мнѣ) и получила мѣсто директрисы женскаго учебнаго заведенія въ дальней Сибири. Р. И. Дороховъ очень долго, чуть ли не до конца жизни, все молодился, и когда стукнуло ему уже сорокъ лѣтъ, польнкировалъ какъ бы студентъ. Когда я съ женою жилъ заграницей (1836—1839), мнѣ разсказывали, что Дороховъ въ пылу бѣшеннаго гнѣва зарѣзалъ будто бы кинжаломъ въ комнатѣ одного изъ своихъ знакомыхъ, за что поступилъ солдатомъ на Кавказъ. При всемъ томъ онъ былъ весьма пріятный въ обществѣ господинъ и съ хорошими манерами.

[2]) Непонятно, просто, какъ могъ баронъ Фирксъ плѣнить сердце столь умной и образованной особы, каковою была Е. А. С.......ва; по неполученію родительскаго согласія на свой бракъ съ нимъ, она, къ счастію своему, осталась дѣвицею. Бываютъ же у женщинъ странные вкусы!

настоящихъ, всѣ имена королей и прочихъ державныхъ лицъ отъ отдаленныхъ временъ; словомъ, познанія его по всѣмъ научнымъ отраслямъ казались обыкновенному профану, какъ я, универсальными, потому что дойти обыкновеннымъ учебнымъ порядкомъ до подобной степени есть дѣло долговременной жизни, тогда какъ Александру Сергѣевичу было всего тогда двадцать съ небольшимъ лѣтъ. Положимъ, что онъ иногда (не въ обиду будь это сказано) и пускалъ пыль въ глаза; но чтобы пускать удачно эту многостороннюю пыль, надо было на то имѣть громадный запасъ свѣдѣній въ головѣ. Владѣлъ онъ даромъ слова по-русски и по французски, а на послѣднемъ нарѣчіи съ нѣкоторою аффектаціею корчить природнаго Француза; былъ юмористическій разсказчикъ и бонъ-мотистъ, какихъ я рѣдко встрѣчалъ. Онъ между прочимъ заклеймилъ, помнится мнѣ четырехъ, Москвичей братьевъ N......., словами, что когда всѣ четверо сходятся, они составляютъ le vinaigre des quatre voleurs [1]). Вмѣстѣ съ этою научностію онъ былъ глубоко вѣрующимъ христіаниномъ, и мало того, ревностнымъ къ Православію даже въ обрядовомъ отношеніи. Разсказывали мнѣ впослѣдствіи, что, поселившись у себя въ деревнѣ, гдѣ онъ безвыѣздно почти жилъ, онъ окончательно принялъ на себя должность чтеца въ своей церкви, въ с. Лебедкѣ, такъ что самому дьячку оставалось только пѣніе. Я уже говорилъ, что онъ женился въ началѣ 40-ыхъ годахъ на одной изъ дочерей Московскаго коменданта барона Сталя [2]).

На публичныхъ гуляньяхъ часто можно было встрѣчать ходившаго всегда пѣшкомъ и въ штатскомъ уже платьѣ бывшаго нашего бригаднаго, князя Ѳедора Ѳедоровича Гагарина; онъ у многихъ сохранялъ свое прозвище Ѳединьки, хотя ему было уже за 50 лѣтъ. Смотря на него сзади, можно было еще принять его за молодого человѣка по стройности его таліи.

Продолжая хлѣбосольныя традиціи умершей уже тогда Маріи Ивановны Корсаковой, жила въ описываемое время въ Москвѣ веселая и богатая барыня, нѣкая княгиня Друцкая-Соколинская-Гурко-Ромейко [3]),

---

[1]) Извѣстный тогда у парфюмеровъ косметическій для туалета уксусъ. Примѣненіе, впрочемъ, не А. С. Цуриковымъ придумано: вспоминаю, что въ Варшавѣ Пановскій тоже самое говорилъ про извѣстныхъ намъ лицъ.

[2]) Настоящій текстъ писанъ былъ въ 1868, когда еще былъ въ живыхъ этотъ достойнѣйшій человѣкъ, оставившій по себѣ большое семейство.

[3]) Это сочетаніе четырехъ фамилій въ одномъ лицѣ напоминаетъ мнѣ, что въ 50-ыхъ годахъ квартировалъ въ Калугѣ артиллерійскій генералъ Гагеманъ, жена коего, если вѣрить тогдашнимъ слухамъ, была рожденною княжною Кастріотъ-Скандербергъ-Грегойловичъ-Барбаросса. Кстати замѣчу ту особенность, что всѣ Друцкіе или помѣщики или уроженцы Смоленской губерніи, точно такъ какъ Кротковы Симбирской, князья Кра-

великая устроительница пикниковъ и зимнихъ катаній въ саняхъ-омнибусъ Левіаѳанскихъ размѣровъ; но мы какъ-то съ нею не были знакомы. Надо предполагать, что появленіе ея было эфемернымъ; ибо, когда я снова переѣхалъ на жительство въ Москву въ 1840 году, воспоминаніе о ней кануло въ забвеніе.

Выходя однажды съ женою съ бала изъ благороднаго собранія, пока мы ждали, чтобы подали нашу карету меня интерпеллировала незнакомая мнѣ дама. Это была бывшая графиня Филиппи, племянница графа Кастель-Альфіери, Сардинскаго министра при Тосканскомъ дворѣ въ 1823—1826 годахъ. Теперь она уже была замужемъ за графомъ Сергѣемъ Ѳедоровичемъ Растопчинымъ, въ котораго влюбилась, когда онъ путешествовалъ по Италіи, и послѣдовала за нимъ въ Россію. Она пристально вглядывалась въ меня и казалась немного взволнованною, вспоминая, вѣроятно, что она видала меня еще юношею 14 или 15 лѣтъ во Флоренціи, гдѣ съ сестрою своею, графинею Казановою, приходила иногда къ намъ къ утреннему чаю. Не знаю почему, мнѣ было какъ бы неловко за нее, и я повелъ съ нею разговоръ о самыхъ банальныхъ современныхъ предметахъ.

Въ началѣ того года посѣтилъ Москву редакторъ Французскаго «Journal de Francfort, нѣкій г. Дюранъ и получилъ дозволеніе дать нѣсколько лекцій по подпискѣ въ одной изъ университетскихъ аудиторій о Французской тогдашней романтической литературѣ. Учившаяся университетская молодежь, сильно сочувствовавшая новой школѣ Виктора Гюго, недовѣрчиво (вѣроятно) смотрѣла на этого господина, какъ на редактора заграничной газеты, считавшейся органомъ (сирѣчь угодническимъ) Русскаго правительства, и предупрежденіе это не могло уменьшиться, конечно, отъ заносчиваго заявленія Француза, что цѣль его лекцій исправить ошибочный въ Россіи взглядъ на Французскую литтературу; начались лекціи, и не замедлилъ послѣдовать скандалъ. Студенты начали высовывать языки г. Дюрану, который, не стерпѣвъ подобнаго афронта, пріостановился и, обращаясь къ публикѣ, сказалъ, что предметъ занимавшій его требуетъ-де ораторскаго вдохновенія невозможнаго, когда онъ встрѣчаетъ въ слушателяхъ неодобрительныя гримасы». Что̀ далѣе вышло изъ этого, и поплатились ли виновники скандала, не помню.

Въ Февралѣ или Мартѣ были частые довольно концерты у Соймоновыхъ, въ коихъ участвовалъ и я. Пѣвицами - примадоннами были:

поткины Рязанской, Вердеревскіе также Рязанской, а Араповы Тамбовской и Пензенской губерній. Въ Сапожковскомъ уѣздѣ есть цѣлая слобода князей Крапоткиныхъ, и княжны этой фамиліи сами доятъ коровъ и ходятъ по воду.

хозяйская дочь Екатерина Александровна (учившаяся пѣнію во Флоренціи у моего же учителя старика Маніелли) и Елисавета Алексѣевна Окулова (впослѣдствіи вышедшая за Дьякова); тенорами были Николай Ивановичъ Пашковъ (Московскій Рубини) и Михаилъ Дмитріевичъ Засѣцкій, а басомъ-баритономъ я. Дирижеромъ и акомпаніаторомъ былъ учитель пѣнія, маестро Ерколани. Н. И. Пашковъ свободно бралъ высокія весьма ноты фистулой и, удачно довольно подражая иногда Рубини, часто имъ слышанному въ Италіи, съ легкостію дѣлалъ рулады; грудныя ноты были неясны и немного даже сиповаты (voix voilée); но за всѣмъ тѣмъ методъ и манера у него были, и онъ близко подходилъ къ Итальянскимъ опернымъ пѣвцамъ, второго только разряда. Онъ провелъ въ Италіи нѣсколько лѣтъ, между 1828 и 1834 годами *). У Елисаветы Алексѣевны Окуловой не было никогда настоящаго учителя: талантъ ея сформировался щедростію природы, инстинктомъ эстетическимъ и временными совѣтами (какъ было уже сказано), графини Риччи, а, можетъ быть, и княгини Зинаиды Александровны Волконской, бывшихъ въ Москвѣ между 1824 и 1827 годами. Е. А. Окулова пѣвала съ большимъ чувствомъ, съ огнемъ, какъ говорятъ Итальянцы (чего недоставало въ изящномъ, но немного холодноватомъ пѣніи Ек. Ал. Соймоновой) и доходила иногда до лирическаго драматизма; она, конечно, могла бы стать на ряду съ лучшими пѣвицами-дилеттантками, не только въ Россіи, но и повсюду. У славившейся тогда Бартеневой (взятой около того времени изъ Москвы ко двору) голосъ былъ пространнѣе, можетъ быть, серебристо-звучнѣе; но въ пѣніи ея не было увлекательности и выраженія страсти, чѣмъ вдохновлялись природный голосъ и методъ Е. А. Окуловой. М. Д. Засѣцкій былъ фанатикъ вокальной музыки, слѣдилъ въ Парижѣ за Итальянской оперою съ знаменитостями, Гризи, Рубини, Ивановымъ и Лаблашемъ, но теноровый его голосъ былъ не изъ сильныхъ и не изъ весьма звучныхъ. Хоръ въ этихъ Соймоновскихъ концертахъ составляли дѣвицы тогдашняго высшаго общества; изъ нихъ отличались красотою двѣ вышеупомянутыя сестры Скрипицыны, Александра Дмитріевна Давыдова (вышедшая замужъ позднѣе за Ѳеофила Матвѣевича Толстаго) и нѣкая Арсеньева, уже сговоренная, но съ кѣмъ, не помню. Княжна Софія Александровна Черкасская, только что начинавшая выѣзжать въ свѣтъ и въ близкихъ отношеніяхъ съ обѣими сестрами Соймоновыми, не была еще концертною

---

*) Когда я былъ послѣ него въ Италіи, Флорентинскій хорошій весьма дилеттантъ сообщилъ мнѣ, что Н. И. Пашковъ (котораго онъ, повидимому, тамъ знавалъ) пѣвалъ аріи, писанныя для Рубини, цѣлымъ тономъ ниже противъ оригинальной партиціи.

солисткою, но въ замѣнъ того съ успѣхомъ занималась живописью [1]. Участвовали также въ хорѣ княжны Марія и Анастасія Николаевны Щербатовы, отецъ коихъ, князь Николай Григорьевичъ (братъ генералъ-адъютанта князя Алексѣя Григорьевича, слывшій въ обществѣ подъ прозвищемъ «le brocanteur»), былъ въ молодости своей извѣстенъ убійствомъ на дуэли иностранца нѣкоего Шевалье-де-Сакса, игравшаго нѣкогда роль въ Петербургскомъ обществѣ [2]. Прозвище «brocanteur» онъ получилъ, вѣроятно, потому что занимался торговыми мѣнильными операціями. Онъ былъ женатъ на Полькѣ, незнатнаго, какъ слышно было, происхожденія. Изъ трехъ его дочерей старшая, княжна Марія, артистически игравшая на фортепіано, вышла въ 40-хъ годахъ за князя Алексѣя Черкасскаго [3]; вторая княжна Анастасія, хороша собою, но весьма малаго роста, вышла за безногаго Ермолова, по смерти коего за какого-то Француза, поселилась окончательно въ Парижѣ и перешла тамъ въ католичество; третья, весьма недурна собою, вышла также въ 40-хъ годахъ за нѣкоего Джоржа Норда, служившаго первоначально въ лейбъ-гусарахъ, сына Англійскаго короля Георгія IV отъ связи, во время еще регентства, съ одною Русскою дамою.

Говоря о Соймоновыхъ, не досказалъ я, что Сусанна Александровна (вышедшая за Николая Дмитріевича Мертваго) дошла до рѣдкаго совершенства въ портретной живописи масляными красками [4].

Весною, по случаю пріѣзда двора въ Москву, устроился большой концертъ изъ нашей аматёрской трупны въ залѣ генералъ-губернаторскаго дома. Я, какъ рисовальщикъ и каллиграфъ, взялся написать програмную афишку печатными буквами, но принялся за эту работу слишкомъ поздно и явился въ концертный залъ съ своимъ изящнымъ произведеніемъ, не только когда исполнители и все общество были давно въ сборѣ, но прибыла уже на мѣсто императорская чета съ Госуда-

---

[1]) Отецъ ея, князь Александръ Александровичъ Черкасскій (умершій въ 1841 году) былъ въ тѣсной дружбѣ съ давнихъ лѣтъ съ Александромъ Николаевичемъ Соймоновымъ и самъ когда-то былъ настолько виртуозомъ на скрипкѣ, что могъ разыгрывать сонаты Джіотто, считавшіяся изъ самыхъ затруднительныхъ въ началѣ сего столѣтія.

[2]) Поводъ къ дуэли былъ, какъ разсказывали мнѣ, самый ничтожный. Они встрѣтились оба верхомъ, на гуляньѣ; князь Щербатовъ закричалъ этому господину: Comment vous portez-vous? А тотъ будто-бы отвѣчалъ ему: Sur mes deux pieds, за что князь обидѣлся и вызвалъ его на дуэль, каковая состоялась за границею, много позднѣе. Впрочемъ я гдѣ-то читалъ совершенно другой разсказъ объ этомъ происшествіи.

[3]) Кажется, Алексѣя Борисовича, брата тому, жена коего, княгиня Викторина, славилась въ 40-хъ годахъ красотою.

[4]) Лишившись состоянія отъ неудачныхъ мужниныхъ комерческихъ предпріятій и овдовѣвъ, С. А. Мертваго нынѣ директрисою Казанскаго института благородныхъ дѣвицъ.

ремъ Наслѣдникомъ, и меня, однако, ожидали, чтобы начать концертъ. Уже какой за то нагоняй я получилъ отъ хозяйки дома, добрѣйшей княгини Татьяны Васильевны! Послѣ концерта, Императоръ и Императрица соблаговолили сказать нѣсколько привѣтливыхъ словъ главнымъ исполнителямъ, Е. А. Соймоновой и Н. И. Пашкову; я былъ обойденъ. Думается мнѣ, что столь обидное для меня исключеніе было мотивировано царскимъ воспоминаніемъ о приписанной мнѣ роли въ исторіи битія стеколъ въ Петербургѣ.

На этомъ концертѣ Московская публика впервыя, кажется, услыхала окончательный финалъ втораго дѣйствія Нормы; она исполнена была нами весьма, помнится мнѣ, удовлетворительно. Кромѣ этого финала исполнены были Е. А. Соймоновою арія изъ Пирата (Беллини), а Н. И. Пашковымъ каватина изъ Анны Болены «Da quel dè, che lei perdutta», что́ было его «cheval de bataille». Неясно помню, участвовала ли въ этомъ концертѣ Е. А. Окулова; если же участвовала, то, вѣроятно, въ дуэтѣ съ Е. А. Соймоновою изъ Монтекки и Капулетти «Se fuggiamo», ими уже превосходно исполненномъ на одномъ изъ прежнихъ концертовъ. По много прежде (помнится мнѣ) этого концерта, а именно въ началѣ кончившагося зимняго сезона, устроена была сцена въ томъ же генералъ-губернаторскомъ домѣ и даны двѣ отрывочныя сцены въ костюмахъ и съ оркестромъ: первая, изъ Севильскаго Цирульника Бартеневою и графомъ В. А. Сологубомъ (басъ въ ролѣ Фигаро). а вторая, финальный дуэтъ изъ Отелло, тою же Бартеневою и Н. И. Пашковымъ. съ вымазаннымъ сажею лицомъ, какъ слѣдуетъ въ роли звѣрскаго Мавра.

Упомяну вскользь, что былъ тогда въ ходу романсъ «Талисманъ» слова Пушкина (но чья была музыка, не помню) который я пѣвалъ не безъ шика, варьируя произвольно каждый почти изъ его куплетовъ безконечными руладами и фіоритурами, на каковое безвкусіе я конечно теперь бы не отважился, будь я даже при прежнемъ своемъ голосѣ; но то была эпоха руладъ и голосовой гибкости (agilité).

Лѣтомъ, кажется, 1834 года пожаловали въ Россію нѣкоторые изъ Французскихъ легитимистовъ, извѣстныхъ болѣе или менѣе фамилій, чаявшихъ движенія воды и искавшихъ свѣтскаго положенія. Изъ таковыхъ были виконтъ де-Жюльвекуръ, полу-литераторъ, и г. Жуберъ. Послѣдній ничѣмъ, кажется, не отличался, кромѣ своею рыжею бородою (запретный тогда для насъ Русскихъ плодъ), повертѣлся, повертѣлся, да возвратился во свояси. Не такъ поступилъ его товарищъ виконтъ: онъ вскорѣ женился на вдовѣ Кожиной (Лидіи Николаевнѣ), ро-

жденной Всеволожской и поселился въ Москвѣ [1]). Изъ такихъ же выходцевъ были въ Петербургѣ г. Дантесъ и маркизъ Пина̀, изъ коихъ первый былъ принятъ въ гвардію и пріобрѣлъ роковую знаменитость убійствомъ Пушкина, а второй, бывшій пажомъ Карла X, поступилъ офицеромъ въ какой-то армейскій пѣхотный полкъ. Я часто его встрѣчалъ въ 1835 году въ ресторанѣ Коппа, куда онъ однажды, пригласивъ позавтракать (какъ разсказывали мнѣ) аббата Французской церкви Шибо́, самъ исчезъ, и приглашенному пришлось заплатить за свое угощеніе. Этотъ аббатъ былъ молодчина, кровь съ молокомъ, съ военными почти ухватками; впослѣдствіи онъ былъ во Флоренціи при мнѣ и бывалъ у насъ въ домѣ. Помню, что онъ высказывался о притѣсненіяхъ, коимъ подвергнуто будто бы Латинское духовенство въ Россіи; но пѣсня эта вѣдь не новая, и спасибо правительству, что господамъ этимъ пропагандировать нынѣ не даютъ, какъ въ бывалое блаженное для нихъ время. Онъ послѣ того получилъ, кажется, назначеніе на одинъ изъ принадлежащихъ Франціи Американскихъ островов, гдѣ заразился, какъ слышно было, желтою горячкою и умеръ.

Во время сказаннаго весенняго пріѣзда двора въ Москву, Государь, замѣтивъ на балѣ въ Благородномъ Собраніи двухъ молодыхъ людей въ застегнутыхъ доверху черныхъ фракахъ, выразился «qu'ils avaient des tournures distinguées» и на слѣдующій день назначилъ обоихъ въ свою канцелярію и чуть-ли не пожаловалъ ихъ въ камеръ-юнкеры. Эти молодые люди были Владимиръ Яковлевичъ Скарятинъ (нынѣ гофмаршалъ двора Наслѣдника Цесаревича) и Петръ Александровичъ Валуевъ, недавно бывшій министромъ внутреннихъ дѣлъ. Интимность извѣстная между этими двумя нынѣшними сановниками началась, можетъ быть, по сказанному случаю. Внезапное это повышеніе молодыхъ людей, числившихся дотолѣ въ одной изъ Московскихъ канцелярій, весьма всѣхъ удивило.

Вслѣдствіе стремленія къ національности, проявившагося въ Русскомъ обществѣ съ воцареніемъ Николая Павловича, молодежь лучшихъ фамилій охотно поступала въ университетъ, что́ было весьма рѣдко въ Александровское время. Въ Московскомъ обществѣ 1834—1835 годовъ бальными танцорами были студенты князь Борисъ Дмитріевичъ Голицынъ, князь Константинъ Александровичъ Черкасскій (сынъ вышепомянутаго князя Александра Александровича [2]), двое

[1]) Графъ Жюльвекуръ, человѣкъ весьма пріятный въ обществѣ, умеръ между 1843 и 1846 годами, оставивъ одну дочь, умершую въ 1851 году семнадцати лѣтъ отъ роду.

[2]) Князь К. А. Черкасскій лишился впослѣдствіи всего своего состоянія по милости Московскихъ игроковъ и кончилъ загадочною весьма смертію въ 50-ыхъ годахъ.

братьевъ Тепловыхъ (сыновья Елены Гавриловны, урожденной Круглиловой, дочь коей вышла впослѣдствіи за прощеннаго Декабриста графа Захара Григорьевича Чернышова), и Генрихъ Лангъ, сынъ медика полу-Англичанина и полу-Француза, бывшаго домашнимъ человѣкомъ у Дивовыхъ.

На вечеринкахъ у Дивовыхъ я часто видалъ молодую графиню Любовь Петровну Апраксину, не выѣзжавшую еще въ свѣтъ, но поражавшую уже всѣхъ блескомъ необычайной своей красоты*). Братъ ея, графъ Николай (кажется) Петровичъ Апраксинъ былъ красивымъ также вновь произведеннымъ корнетомъ Кіевскаго гусарскаго полка (переименованнаго въ 1839 г. въ полкъ герцога Максимиліана Лейхтенбергскаго). У Дивовыхъ же ежедневно почти бывали двѣ дочери вышепомянутаго г. Ланга. О прелестныхъ, какъ физически, такъ и по воспитанію и свѣтскимъ манерамъ, Еленѣ и Розаліи Иполитовнахъ умолчать было бы преступно: будь онѣ высшаго аристократическаго круга, мѣсто имъ было бы во главѣ легіона тогдашнихъ Московскихъ очаровательницъ. Старшая, Елена, вышла позднѣе за сына Московскаго извѣстнаго медика Гильдебранда, продолжавшаго профессію своего отца; а вторая, Розалія Иполитовна, первоначально за нѣкоего князя Петра Николаевича Максютова, человѣка безъ всякаго почти состоянія, по смерти коего поступила ко двору великаго князя Константина Николаевича надзирательницею при великокняжескихъ дѣтяхъ, познакомилась тамъ съ контръ-адмираломъ Посіетомъ и вышла за него замужъ. Утверждаютъ, что она и доселѣ сохранила необыкновенные слѣды прежней красоты.

Въ началѣ этого 1835 года вышла замужъ за г. Виговскаго старшая дочь Антона Антоновича Кавецкаго, Анна Антоновна, родившаяся въ Бѣлкинѣ, когда отецъ ея былъ Боровскимъ городничимъ. Въ описываемое мною время онъ былъ уже управляющимъ Московской Удѣльной Конторы и жилъ по своей давней привычкѣ не стѣсняясь; правда, что было у него многочисленное семейство, и онъ далъ дѣтямъ своимъ отличное образованіе, что̀ немалаго стоило. Я говорилъ, кажется, что онъ былъ веселый юмористическій господинъ и острякъ; но не упомянулъ, что, при строгомъ исполненіи служебныхъ обязанностей, дѣло у него не обходилось безъ буффонства. Такъ однажды при мнѣ онъ на распѣвъ отдавалъ приказанія волостному головѣ. Этою же весною Со-

---

Одни говорили, что онъ умеръ отъ злокачественнаго прыща на подбородкѣ, а другіе, что хватилъ себя по горлу бритвою.

*) Весною послѣ сего она вышла замужъ за весьма еще тогда молодаго князя Сергѣя Павловича Голицына.

фія Филиповна Жеребцова, которую мы давно потеряли изъ виду, выдала свою дочь, Анну Дмитріевну, за Поляка г. Шеміота, служившаго тогда въ Петербургѣ съ хорошею поддержкою и связями въ Горномъ Департаментѣ. Обѣ эти молодыя женщины были названы Аннами въ честь моей матери. Весною, чуть-ли не въ Маѣ и вопреки общей почти боязни Майскихъ браковъ, была свадьба Николая Өедоровича Бахметева съ Варварою Александровною Лопухиной, въ домѣ Лопухиныхъ на Молчановкѣ. Хотя между ними было почти 20 лѣтъ разницы (Николаю Өедоровичу было уже тогда не менѣе 40 лѣтъ отъ роду), супружеское ихъ согласіе прекратилось лишь смертію Варвары Александровны въ 1851 году.

Въ Апрѣлѣ, кажется, того-же 1835 года умерла въ Москвѣ тещина сосѣдка по имѣнію княгиня Наталья Ивановна Хилкова, а спустя недѣль пять кончила чахоткою кратковременную свою жизнь милѣйшая дочь ея, княжна Елисавета Михайловна, съ которою жена моя была съ малолѣтства въ тѣсной дружбѣ. Говорятъ, что княжна искусственно развила въ себѣ чахотку чрезмѣрнымъ употребленіемъ уксуса или подобныхъ остротъ, чтобы не толстѣть и не быть слишкомъ румяною. Въ Хилковскомъ семействѣ не было ея портрета, и хотя я рисовывалъ преимущественно пейзажи, а не фигуры, но въ угодность брату покойной взялся снять портретъ акварелью съ лежавшей въ гробу. Не надѣясь однакоже много на свое искусство, чтобы придать жизнь моему произведенію, я пригласилъ въ помощь себѣ знакомаго Русскаго, хотя и не изящнаго, портретиста. Онъ принялся было за работу, но подъ предлогомъ чего-то недостававшаго ему улепетнулъ домой, устрашенный, какъ я послѣ узналъ, сближеніемъ съ трупомъ, вслѣдствіе чего пришлось мнѣ одному продолжать неудовлетворительную свою работу, ограничиваясь рабскимъ копированіемъ съ безжизненной натуры съ гробовыми ея атрибутами и обстановкою *). Сидя надъ умершей почти три дня, я былъ пораженъ отсутствіемъ всякаго запаха и симптомовъ разложенія до такой необычайной степени, что суставы пальцевъ сохраняли прежнюю гибкость; родилось у меня сомнѣніе о дѣйствительности смерти княжны, и въ день ея похоронъ я долгомъ счелъ обратить на это вниманіе собранныхъ ближайшихъ родственниковъ; въ томъ числѣ отнесся я къ г.-адъютанту князю Степану Александровичу Хилкову, вслѣдствіе чего призванъ былъ медикъ, который, освидѣтельствовавъ тѣло, рѣшилъ, что сохранившуюся дотолѣ теплоту въ одномъ мѣстѣ спины онъ приписывалъ (кажется) дѣйствію гангрены (антонову огню), да и эта самая часть, помнится мнѣ, почернѣла, и что гибкость

*) Рисунокъ этотъ акварелью хранится по сю пору у князя А. М. Хилкова.

въ составахъ встрѣчается у умершихъ чахоткою, и потому удостовѣрилъ, что признаковъ жизни болѣе не было. Мать и дочь преданы землѣ въ фамильномъ склепѣ подъ церковью Тарусскаго уѣзда, въ селѣ Ильинскомъ.

Тою-же весною умерла въ Москвѣ почти столѣтняя слѣпая бабка (grande - tante) жены моей, не бывшая замужемъ никогда, Настасія Сергѣевна Нарышкина, сестра Василія Сергѣевича, отца тестя моего Ивана Васильевича. Она дожила до того, что, если вѣрить разсказамъ, прислуга обирала и чуть-ли не колотила ее. Шуринъ мой Алексѣй Ивановичъ наслѣдовалъ отъ нея незначительное Вологодское имѣніе.

Въ Іюнѣ жена моя съ матерью уѣхали въ Знаменское однѣ; я остался въ Москвѣ для сдачи Бибиковскаго дома и окончанія кой-какихъ дѣлъ, главнѣйшимъ изъ коихъ было добываніе денегъ, опять таки черезъ Леона, для поѣздки моей съ женою въ Тепловку, куда имѣла прибыть мать моя изъ Флоренціи. Начались снова хожденія и засиживанія въ ресторанахъ съ прежними моими знакомыми не бо-мондными, и разумѣется, дѣло не обходилось безъ попоекъ. Два слова о Ярѣ. Онъ открылъ незадолго передъ тѣмъ второй ресторанъ на дачѣ сенатора Башилова въ Петровскомъ паркѣ, и къ нашей «*bande joyeuse*» компаніи у него и у Копна примкнулъ нѣкто баронъ Шрекенфельдъ, *жуиръ* въ полномъ вмыслѣ слова, но личность немного загадочная. Онъ выдавалъ себя за Прусскаго двора камергера, но какъ это обстоятельство мало насъ интересовало, то никто не имѣлъ любопытства взглянуть на его дипломъ: не взирая однако на свое придворное званіе, баронъ нашъ состоялъ на Русской службѣ, въ штатѣ Московской полиціи, скромнымъ медикомъ при Тверской части: обстоятельство весьма странное по степени его образованія и знанію трехъ языковъ, и не иначе объясняемое какъ эксцентричествомъ или любовью къ искусству. Частной практики онъ, помнится мнѣ, не домогался, а въ паю съ молодежью готовъ былъ всегда поставить свою очередную бутылку Шампанскаго, доказывавшую, что онъ жилъ процентами своего капитала, а не грошевымъ окладомъ полицейскаго медика *). Онъ былъ одно время друженъ и почти неразлученъ съ нѣкіимъ красавцемъ Толбузинымъ, начавшимъ въ 1835 году проматывать первое изъ двухъ огромныхъ полученныхъ имъ наслѣдствъ, которыя скоро спустилъ одно за другимъ. Личнаго знакомства съ г. Толбузиномъ я не имѣлъ, хотя

*) Передано было мнѣ впослѣдствіи, что баронъ Шрекенфельдъ былъ незаконнорожденный сынъ какого-то г. Боборыкина, оставившаго, вѣроятно, ему денежный капиталъ; по нарѣчію и манерамъ, онъ былъ чистый Нѣмецъ.

изрѣдка встрѣчался съ нимъ. Впослѣдствіи онъ сидѣлъ въ острогѣ за долги въ Петербургѣ, и за противозаконныя буйныя дѣйствія, вторично въ Калугѣ, и сдѣлался нищимъ; но въ блестящее время его сопровождалъ за границу сказанный медикъ-камергеръ. Баронъ этотъ сбивался немного на pique-assiette (блюдолиза), но былъ общимъ у всѣхъ кутилъ фаворитомъ.

И такъ я оставался одинъ въ Москвѣ. Для устройства дѣлъ моихъ Леонъ уговорилъ меня дать ему довѣренность на управленіе моимъ имѣніемъ и разрѣшить кредитоваться на мое имя, въ случаѣ нужды, до опредѣленной суммы для его оборотовъ, имѣвшихъ цѣлью погашеніе всѣхъ моихъ долговъ, простиравшихся тогда не болѣе, какъ предполагаю, ста-двадцати или ста-тридцати тысячъ рублей асс. Въ этой первоначальной моей съ нимъ сдѣлкѣ я ограничилъ, помнится, сумму кредита на мое имя до 60 т. рублей асс., по уплатѣ коковыхъ разрѣшалось ему вновь продолжать въ такомъ же размѣрѣ. Чрезъ Леона я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ однимъ изъ Московскихъ ростовщиковъ, коими тогдашняя бѣлокаменная изобиловала. Въ утѣшительной надеждѣ, что эта раса перешла нынѣ въ археологическую лѣтопись, опишу вкратцѣ, какова была ея дѣятельность. Не примѣняется къ ней, по несчастію, Латинская поговорка «de mortis nihil, nisi bene», потому что дѣйствія ея способствовали разоренію не одного современнаго мнѣ вѣтреника, хотя самъ я не поплатился въ значительныхъ размѣрахъ. Экземпляръ, о которомъ идетъ рѣчь, недавно весьма умеръ, 90 по крайней мѣрѣ лѣтъ, по соображенію моему. Графъ А. А. Закревскій въ началѣ своего управленія Москвою очистилъ было ее отъ этихъ господъ и тѣмъ немалую оказалъ услугу обществу. Жертвами эксплуатаціи этой расы были преимущественно батюшкины сынки, на подобіе друга моего Петруши Хрущова, бравшіе ремонты для своихъ полковъ или командировку для принятія вещей изъ Московской Комисаріатской Комиссіи и подъ этими предлогами проживавшіе по цѣлому почти году въ Москвѣ. Большею частію кутилы или игроки, они запутывались и для выручки изъ бѣды прибѣгали къ пособію готовыхъ всегда въ такихъ случаяхъ аферистовъ-ростовщиковъ. Этимъ легкимъ промысломъ, подъ сѣнью крючкотворнаго ускользновенія отъ буквы закона, занимались не одни Русскіе; помню между ними одного Француза и извѣстнаго старожила изъ Грековъ. Это вотъ какъ обыкновенно дѣлалось. Сводчикъ, подобный моему Леону, привозилъ господина, алчущаго во что бы ни стало денегъ, къ ростовщику и оставлялъ его кончить съ благодѣтелемъ по взаимному соглашенію. Скажемъ, напримѣръ, что занимающему нужно было 3000 р.; ему объявляютъ, что наличныхъ денегъ на всю эту сумму

не имѣется, а предлагаютъ ему 1 тысячу наличными, а на остальныя 2 тысячи вещей, заключающихся обыкновенно въ золотыхъ табакеркахъ, часахъ, женскихъ серьгахъ и браслетахъ, заложенныхъ и просроченныхъ (вѣроятно) у заимодавца. (Случилось мнѣ, при подобной незначительной, впрочемъ, операціи, въ Варшавѣ получить вино, оказавшееся негоднымъ, и дамскія бальныя перчатки). Принималась подобная дребедень по оцѣнкѣ, конечно, хозяина, и со всей первоначальной 3000 суммы вычитались заранѣе годичные проценты, не менѣе, помнится мнѣ, какъ по 12 на сто, а затѣмъ господинъ получалъ наличными 1640 рубл. только. Но дѣло тѣмъ не кончалось. Куда же занимающему дѣвать эти вещи? Не открывать же ему магазина галантерейныхъ товаровъ? Услужливый кредиторъ вызывался ему помочь, предлагая взять вещи обратно, можетъ быть, за полцѣны, но уже наличными деньгами. Итогъ операціи слѣдующій: дается заемное письмо «за указные проценты», срокомъ на одинъ годъ въ 3000 р.; получается наличными 1640 рублей, сверхъ чего, изъ предосторожности противъ неисправнаго въ срокъ платежа документа и для покрытія судебнаго за нимъ хожденія и издержекъ, занимающее лицо выдавало еще *дубликатъ*, то есть другое заемное письмо въ одной съ первымъ суммѣ и на тотъ же срокъ, а бывали иногда выдаваемы чуть-ли не трипликаты, сирѣчь, третье подобное заемное письмо. Къ чести этихъ ростовщиковъ будь сказано, что если должникъ платилъ въ срокъ 3000 р., то дубликаты и трипликаты возвращались ему къ уничтоженію вмѣстѣ съ настоящимъ; но много ли было такихъ исправныхъ заемщиковъ? Ростовщикъ зналъ, конечно, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, и приходилось долгонько иногда ему ждать, пока должникъ вступитъ въ родовое наслѣдство; да и тогда, пожалуй, предстояло хожденіе по судамъ. Но за то, выигравъ дѣло, онъ получалъ по шести законныхъ процентовъ въ годъ, что̀ отъ трипликатовъ составляло по 18 процентовъ, да еще допущенные закономъ единовременные три процента въ видѣ неустойки, не отъ трехъ, а отъ девяти тысячъ, т. е. 270 р. Итого, если милѣйшій этотъ господинъ ждалъ, напримѣръ, 10 лѣтъ, то получалъ:

Капиталъ по тремъ заемнымъ письмамъ, каждое въ 3000 р.	9000 р.
По 6 процентовъ отъ всего капитала, въ теченіе 19 лѣтъ.	5400 »
Единовременные 3 процента	270 »
Итого . .	14670 р.

Должникъ получилъ всего, какъ уже сказано, 1640 р.; но если даже кредиторъ издерживалъ половину всей вырученной суммы на хожденіе и подмазки по судамъ, то и тогда получалъ вчетверо болѣе

противъ выданныхъ имъ денегъ; а браслеты, фермуары и проч. галантерейныя вещи возвращались во-свояси въ ожиданіи новаго кліента.

И вотъ какимъ приблизительно операціямъ подвергались Петръ и Николай Александровичи Хрущовы, нѣкто молодой князь Козловскій и конно-артиллеристъ Олоцкинъ, люди всѣ знакомые мнѣ: правда, что нѣкоторыхъ изъ нихъ доконали карты, но не Петрушу Хрущова. Онъ и братъ его Николай отдѣлены были отцомъ при его еще жизни съ изрядными весьма имѣніями, сдѣлались несостоятельными, и отецъ по духовному завѣщанію далъ другому ихъ брату Александру, сверхъ приходившей ему части, значительное весьма имѣніе съ тѣмъ, чтобы доходы отъ него шли въ пользу Петра и Николая Александровичей. Первый изъ сихъ двухъ былъ умный и благороднѣйшій малый, и я не разъ уже говорилъ, что тѣсная, братская почти дружба насъ соединяла. Онъ давно уже умеръ *). Старшій изъ всѣхъ братьевъ, Николай Александровичъ, живетъ по сю пору въ Моршанскомъ уѣздѣ, у сестры своей Агаѳьи Александровны Козловой и, какъ слышно, остался такимъ же веселымъ и безпечнымъ, каковымъ былъ въ молодости.

Упомянутый ростовщикъ жилъ тогда въ большомъ своемъ домѣ въ глухомъ переулкѣ за Землянымъ валомъ; за домомъ тянулся пространный садъ вѣковыхъ липъ, а на дворѣ были отдѣльныя строенія для службъ, какъ въ деревенскихъ усадьбахъ.

Въ этомъ уединеніи амфитріонъ нашъ принималъ и угощалъ заемщиковъ по-своему; безъ обѣда не отпускалъ ихъ, и на тощій желудокъ подавалась стаканами одна мадера, съ запрещеніемъ прислугѣ подавать воды, такъ что добиться ея было невозможно, между тѣмъ какъ хозяинъ усердно потчивалъ своею мадерою. Съ какою цѣлью дѣлалось это, объяснить трудно; но помнится мнѣ, что обѣдъ предшествовалъ разговору о займѣ. Тутъ же присутствовала, въ видѣ хозяйки, толстая и уже немолодая Цыганка, сожительница, вѣроятно, амфитріона, чары коей никого не могли прельщать.

То было время обильной жатвы не однимъ ростовщикамъ, а также и наводнявшимъ Москву шулерамъ: и тѣ, и другіе поживились, кажется.

*) Петръ Александровичъ былъ любимецъ бабки своей г-жи Улыбышевой, матери Агаѳіи Ивановны Хрущовой. Потѣшенъ бывалъ, когда онъ пріѣзжалъ въ отпускъ или по командировкѣ въ Москву, торгъ между нимъ и бабкою о суммѣ, за которую онъ соглашался отговѣть (у г-жи Улыбышевой были значительные весьма капиталы), и сумма эта была, помнится мнѣ, не менѣе 1000 р.; но уже за то, по заключеніи условія, Петръ Александровичъ принимался за дѣло добросовѣстно: уединялся въ своемъ флигелѣ (черезъ улицу въ томъ же Хрущовскомъ переулкѣ отъ Пречистенки), не нарушалъ постной пищи и исполнялъ, какъ слѣдуетъ, установленныя для говѣнія правила.

порядкомъ отъ упомянутаго конно-артиллериста Ивана Петровича Олонкина, богатаго Смоленскаго помѣщика, да и не въ ихъ ли руки попалъ отчасти и упомянутый выше г. Толбузинъ? Съ Олонкинымъ, недальняго ума человѣкомъ, они мало церемонились, если вѣрить переданнымъ мнѣ слѣдующимъ разсказамъ. Однажды его взяли съ гауптвахты, гдѣ онъ сидѣлъ по какому-то дѣлу, и привезли въ притонъ шулеровъ, гдѣ, съ пистолетнымъ дуломъ будто бы къ груди, заставили подписать заемныя письма на большую сумму, и онъ настолько былъ простъ или трусоватъ, что опасался заявить въ законный срокъ (что было бы возможно) о таковомъ насиліи, чтобы не отвѣтствовать ему за самовольную отлучку съ гауптвахты. А въ другой разъ тайный агентъ этой компаніи, сблизившійся съ нимъ по-пріятельски, повелъ его къ Краснохолмскому мосту, гдѣ указалъ на нѣсколько барокъ, нагруженныхъ товаромъ, принадлежавшихъ будто бы простофилѣ-купчику, отъ котораго легко-де можно поживиться, заманивъ его на карточную игру, для чего мнимый пріятель взялся привести купчика на вечеръ къ довѣрчивому Олонкину. Роль наивнаго купчика отлично выполнена была однимъ членомъ этой честной ассоціаціи; сначала онъ проигрывалъ, пошла попойка въ усиленныхъ размѣрахъ, въ коей хозяинъ дома не обносилъ себя; къ концу вечера купчику все болѣе и болѣе повезло, и когда всѣ гости разъѣхались, купчикъ уже имѣлъ при себѣ подписанные Олонкинымъ документы на нѣсколько тысячъ. Сбытъ подобныхъ документовъ былъ ассюрированъ: ростовщики, глядя по субъекту, давали по нимъ иногда по 50 коп. за рубль, а Олонкинъ имѣлъ тогда въ виду полученіе огромнаго наслѣдства отъ бабки, каковое впослѣдствіи и получилъ. Онъ умеръ много позднѣе отъ рукъ, какъ я слышалъ, своей прислуги, за дурное, вѣроятно, съ людьми обращеніе.

Говоря о преслѣдованіи въ концѣ 40-ыхъ годовъ графомъ А. А. Закревскимъ всѣхъ подобныхъ темныхъ Московскихъ личностей, съ ихъ подпольною, прикрытою законными формальностями, работою, вспоминаю, что пострадалъ между прочими купецъ Эйхель, хозяинъ богатаго магазина Англійскихъ шалей и заграничныхъ дорогихъ ковровъ на Лубянской площади. Но этотъ Еврей-негоціантъ былъ почти что новичекъ и агнецъ въ ростовщичьихъ аферахъ сравнительно съ артистами, по стезямъ коихъ онъ на бѣду свою вздумалъ пуститься.

Такъ какъ Леонъ Капенштейнъ имѣетъ вскорѣ выступить въ сихъ запискахъ на болѣе обширную сцену дѣйствій, то не мѣшаетъ здѣсь описать куріозную эту личность. Онъ былъ скорѣе мономанъ-аферистъ, чѣмъ обдуманный мошенникъ. Любилъ онъ дѣятельность этого рода ради ея процедуры, а не только какъ цѣль нажить похожее что нибудь

на состояніе; и это доказывается тѣмъ, что онъ никогда не нажилъ ни одного мѣднаго гроша, тогда какъ были случаи, когда онъ ворочалъ сотнями тысячъ, съ которыми могъ бы скрыться; а между тѣмъ, когда онъ сосланъ былъ впослѣдствіи, яко бы за бродяжничество, въ арестантскія роты, жена медика Петербургскаго ордонансъ-гауза, гдѣ онъ содержался подъ военнымъ судомъ, изъ жалости къ бѣдственному его положенію, тайкомъ зашила ему въ сапогъ 25 р. *). Ему все грезился миражъ милліона въ туманѣ, для достиженія коего онъ безразсчетно растрачивалъ страшныя, подъ конецъ своего поприща, деньги, не свои, а занимаемыя за неимовѣрные проценты: а такъ какъ этого рессурса не доставало, то онъ хватался за всякаго рода подряды по комиссаріатскому департаменту (гдѣ достигъ поддержки начальствующихъ лицъ), отъ коихъ денежные и болѣе его разсчетливые подрядчики отказывались. А какъ только утвердятъ за нимъ какой нибудь подрядъ или поставку, то онъ немедленно выхлопочетъ разрѣшеніе о выдачѣ ему задаточныхъ денегъ (на это онъ былъ великій мастеръ), чтобы пустить будто бы въ ходъ подрядъ, но вмѣсто того деньги эти попадали къ алчнымъ и стерегущимъ кредиторамъ по другимъ совершенно дѣламъ. Изъ этихъ же денегъ возьму, бывало, и я частицу въ компаніи окружавшаго его Жидовскаго кагала приказчиковъ и агентовъ; изъ нихъ же часть шла на угощеніе новыхъ знакомыхъ, у которыхъ предполагалось взять залоги (движимые и недвижимые) для предстоявшихъ подрядныхъ аферъ; а исполненіе взятаго подряда шло, конечно, въ убытокъ и кончалось иногда тѣмъ, что казна брала въ свои руки окончаніе подряда на счетъ залогодателей. Когда же, въ рѣдкихъ случаяхъ, удавалось ему взять какой нибудь выгодный подрядъ, то, за неимѣніемъ собственныхъ денегъ, чтобы вести его какъ слѣдовало, подрядъ брался (оффиціально) на имя какого нибудь денежнаго, дѣйствительно, лица, а онъ самъ

*) Обвиненіе Леона въ бродяжничествѣ основано было на слѣдующемъ. Когда онъ присталъ къ нашему Павлоградскому полку подъ Бухарестомъ въ началѣ Турецкой войны 1829 года, у него былъ видъ Австрійскаго подданнаго, и потому по окончаніи войны выдано было ему изъ полка свидѣтельство, съ коимъ онъ поселился въ Москвѣ, гдѣ въ теченіи болѣе 10 лѣтъ ему давали на прожитіе виды, какъ Австрійскому подданному, изъ канцеляріи оберъ-полицмейстера; когда же онъ попалъ подъ судъ, какъ прикосновенный къ дѣлу о составленіи подложнаго духовнаго завѣщанія (хотя по этому обвиненію и былъ оправданъ), пошли справки о немъ въ Австрію. Оказалось, что тамъ никакого подданнаго этой фамиліи и примѣтъ не было, и потому онъ былъ осужденъ за бродяжничество въ арестантскія роты, въ 1848 году, первоначально въ Нарву, потомъ въ Смоленскъ; тамъ по снисхожденію начальства онъ ходилъ почти что на волѣ, уговорилъ коменданта взойти въ подряды, которыми онъ дирижировалъ, и завести на хуторѣ какую-то химическую фабрику, коею Леонъ управлялъ. Продѣлки эти огласились, и комендантъ былъ отрѣшенъ отъ мѣста съ отдачею подъ судъ, а Леонъ сосланъ на жительство въ Тобольскъ, гдѣ, какъ слышно, онъ по сю пору продолжаетъ входить въ кое-какія аферишки по перевозкѣ или поставкѣ вещей.

снисходилъ на степень повѣреннаго, и хозяинъ отстранялъ иногда Леона, бралъ въ руки дѣло и порядочно отъ него наживался. Надо было быть столь неразсудительнымъ и легкомысленнымъ, какъ я, чтобы ввѣриться такому человѣку. Онъ былъ причиною моего разоренія; но я не могу назвать его умышленнымъ мошенникомъ противъ меня. Хотя многія его дѣйствія были, сознаюсь, предосудительны противъ другихъ лицъ, вовлеченныхъ имъ въ погибель, я продолжаю вѣрить, что онъ чистосердечно надѣялся поправить мое дѣло. Пожалуй, что, увлекая постороннихъ въ запутанныя и рискованныя предпріятія (были лица, довѣрявшія ему послѣднее свое состояніе), онъ несознательно или непреднамѣренно ихъ губилъ, а все льстился, что дойдетъ, наконецъ, до такой спекуляціи, которая погаситъ всѣ его долги. Но какъ попасть на подобное выгодное дѣло? Да и если бы онъ и наткнулся на такое, онъ никогда бы не сумѣлъ свести концы съ концами, потому что всегда пренебрегалъ *мелочами* и тратилъ деньги зря. Коммерческимъ человѣкомъ онъ никогда не могъ быть. Находясь постоянно подъ обаяніемъ сотень тысячъ, которыя вотъ, вотъ, да схватитъ, онъ все болѣе и болѣе запутывался. Рядомъ съ этимъ, онъ былъ чрезмѣрно, можно сказать, сострадателенъ и сердоболенъ къ нуждающемуся, готовъ отдать послѣдній залежавшійся въ его бумажникѣ рубль, чтобы помочь ему и при всѣхъ своихъ огромныхъ оборотахъ всегда почти былъ самъ въ нуждѣ, веселаго и уживчиваго характера, охотникъ до анекдотовъ и остротъ и большой хохотунъ; словомъ, было въ немъ столько противорѣчій, что онъ ускользалъ отъ анализа и стоилъ психическаго и физіологическаго изученія. Жилъ онъ грязно, нуждался нерѣдко, чѣмъ заплатить своему сапожнику, но до того былъ безпеченъ, что, ложась спать, не зналъ, сколько именно денегъ въ его бумажникѣ, который онъ оставлялъ на ночномъ столикѣ иногда полнымъ; и случалось, что Порзненскій мой мальчикъ, находившійся при немъ въ услуженіи, воровалъ изъ бумажника, сколько хотѣлъ, а Леонъ, вставъ утромъ, ни о чемъ не догадывался. Держась фальшивой аксіомы, что для пріобрѣтенія кредита нужно пускать пыль въ глаза, онъ, бывало, дастъ пиръ на весь міръ, и Шампанское польется рѣкою. Незнавшимъ его коротко онъ могъ казаться дѣятельнымъ и даже дѣльнымъ, потому только, что не спалъ болѣе 3 или 4 часовъ въ сутки, при чемъ велъ кочующую нѣкотораго рода жизнь, часто ночуя, гдѣ ни попало и не раздѣваясь; за то имѣлъ способность среди бѣлаго дня вдругъ засыпать и храпѣть на стулѣ въ гостяхъ, во время разговора, казавшагося оживленнымъ, или въ своей пролеткѣ, въ коей онъ бывало мчался, день и часть ночи, съ одного конца города на другой. У него была тройка чугунныхъ, можно сказать, вятокъ: единственно чѣмъ онъ дорожилъ. Изъ себя

былъ долговязый, неуклюжій, худощавый, съ густыми черными бакенбардами; прищуривалъ отъ близорукости небольшіе и безъ того глаза и былъ съ пороховыми подпалинами по всему лицу: слѣды, какъ онъ увѣрялъ, прежнихъ фейерверочныхъ занятій въ молодости. Въ описываемое время ему могло быть подъ сорокъ лѣтъ.

Смѣшно даже, какъ вспомнишь, какимъ образомъ утверждались за нимъ иныя подрядныя операціи. Однажды онъ поздравилъ меня съ очень будто-бы выгодною поставкою солдатскаго или госпитальнаго холста въ какую-то дальнюю комиссаріатскую коммисію или больницу, и на мой естественный вопросъ, по чемъ онъ взялъ за аршинъ, отвѣчалъ, что не знаетъ самъ, но что на торгахъ подалъ запечатанный конвертъ съ заявленіемъ, что какая бы крайняя цѣна ни состоялась отъ бывшихъ на торгу лицъ, онъ заранѣе сбавляетъ по 1 или по 2 копѣйки съ аршина.

«Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно». Любимою поговоркою Леона было: надо, чтобы колесо, хоть какъ бы нибудь, да вертѣлось; и вотъ подъ конецъ на колесо и на ось навертѣлось столько сору и грязи, что колесо остановилось, и вся скрипучая машина рухнула. Не послѣдовалъ онъ, правда, примѣру своего соотчича Еврея, получившаго незавидную знаменитость тѣмъ, что, забравъ по откупной операціи чуть ли не болѣе милліона рублей задаточныхъ денегъ, онъ удралъ за границу. Но аферная дѣятельность Леона погубила не одну жертву. Почтеннѣйшій Иванъ Антоновичъ Кавецкій и съ нимъ уважаемые Московскіе торговые дома гг. Ценкера и Колли, Катуара, Мальша и иные менѣе крупные понесли отъ него значительныя потери. Къ тому же, окружавшіе его Евреи и иные православные, ни чуть не лучше Израильскаго племени, обирали его, и этихъ своихъ приказчиковъ, комиссіонеровъ и агентовъ онъ не имѣлъ привычки повѣрять. Стекались къ нему отовсюду, изъ Кіева, Одессы и другихъ мѣстъ, голодающіе сыны Израильскіе, и всѣмъ онъ доставлялъ занятія. Изъ числа таковыхъ былъ Рубинштейнъ, отецъ знаменитыхъ двухъ братьевъ-музыкантовъ, но о немъ, какъ исключеніи, ничего дурного нельзя сказать. Леонъ, кидаясь на всякое предпріятіе, завелъ было на Ордынкѣ карандашную фабрику на мое имя, переданную имъ впослѣдствіи этому Рубинштейну на правахъ хозяина, и этотъ трудолюбивый человѣкъ, исключительно занявшись своимъ дѣломъ, потихоньку сталъ жить и могъ дать музыкальное образованіе своимъ сыновьямъ *).

*) Первоначальные музыкальные уроки, малолѣтніе Рубинштейны получили отъ своей матери, послѣ чего старшимъ изъ нихъ Антономъ сталъ заниматься фортепіанный

Мѣшало также много Леону въ дѣлахъ то, что онъ былъ неграмотенъ не только по-русски, но чуть-ли и по еврейско-нѣмецки, т. е. на жаргонѣ, употребляемомъ, какъ извѣстно, въ разговорѣ и въ письмѣ Жидами нашихъ окраинъ. Онъ самоучкою читалъ по складамъ по-русски, а корреспонденцію свою велъ и сочинялъ приказы по управленію моимъ имѣніемъ, чертя карандашомъ на писчей бумагѣ каракули, которыя трудно весьма было разобрать переписчику. Отъ него нажились также многіе адвокаты и ходатаи по дѣламъ. Когда онъ не пріобрѣлъ еще самостоятельности, то есть между 1832 и 1835 годами, онъ жилъ безплатно у Долговыхъ, на Большой Ордынкѣ, насупротивъ церкви Всѣхъ Скорбящихъ, и старики хозяева очень любили его за услужливость и веселый всегда характеръ; да и подлинно, внѣ аферной сферы, онъ былъ «un bon enfant» вполнѣ. Павлоградскій мой сослуживецъ, Матвей Александровичъ Долговъ, былъ разсчетливый малый и ни въ какія аферныя дѣла съ нимъ не входилъ, но по старой полковой привычкѣ любилъ его.

Я сказалъ уже, кажется, о расположеніи къ нему иныхъ изъ высокопоставленныхъ чиновныхъ лицъ по комиссаріатскому департаменту. Это, къ несчастію, стоило ему недешево; за то и эти господа дѣйствовали очертя голову въ угодность ему; такъ, наприм., изъ трехъ домовъ, взятыхъ въ обезпеченіе (или залогъ) по одному его дѣлу одинъ былъ освобожденъ прежде окончанія подряда. За то и пострадала, чуть-ли не по его милости вся Московская комиссаріатская комиссія, предсѣдатель коей, заслуженный генералъ, умеръ, кажется, подъ судомъ. Тоже самое творилось имъ и въ Опекунскомъ Совѣтѣ по заложенному въономъ моему имѣнію. Деньгами и другими видами подкупа онъ до такой степени задобривалъ тамошнихъ чиновниковъ, что они допустили 7 или 8 лѣтній неплатежъ процентовъ, и чрезъ то имѣніе мое впослѣдствіе лопнуло, при чемъ слѣдуетъ признаться, что, по уничтоженіи мною въ 1840 г. довѣренности Леону, я самъ продолжалъ эту пагубную систему. Ко всему этому была у него удивлявшая всѣхъ способность въ умѣніи выманивать деньги на свои спекуляціи у скупыхъ даже, иногда, людей, хотя самъ онъ не только что не красно говорилъ, но и усвоить себѣ смыслъ его словъ было подъ часъ трудно....

Покончивъ съ Леономъ, приходится упомянуть объ управлявшемъ моимъ имѣніемъ, Ив. Ив. Грековѣ, при окончательномъ разсчетѣ коего, весною 1835 года, было то, что́ по сю пору лежитъ тяжелымъ кам-

---

учитель Виллуанъ, братъ хозяина большаго извѣстнаго въ Москвѣ мѣняльнаго и старинныхъ художественныхъ вещей магазина. Первое свое путешествіе за границу молодой Рубинштейнъ предпринялъ, кажется, въ 1846 г. съ Виллуаномъ.

немъ у меня на сердцѣ. Оброкъ, дѣйствительно, затягивался въ то время, частію, можетъ быть, отъ повальной горячки, причинившей, какъ я уже говорилъ, смертную убыль въ числѣ нѣсколькихъ сотъ крестьянъ, а частію, можетъ быть, отъ запутанности въ управленіи. Были дѣйствительно жалобы отъ нѣкоторыхъ крестьянъ на г. Грекова (но не за жестокое, однакоже, обращеніе съ ними); но на какого управляющаго не готовы были жаловаться крестьяне во время крѣпостнаго права? Говорили посторонніе, что онъ сталъ сильно запивать, связался съ крѣпостной дѣвкой своей жены и послѣднюю будто-бы выгналъ изъ дома на другую квартиру въ селѣ. Отчасти все это могло быть справедливо, но до дѣлъ моихъ съ нимъ не касалось, а одною изъ причинъ путаницы въ управленіи могли скорѣе быть безсмысленныя мои нововведенія въ предыдущихъ годахъ. Какъ бы то ни было, но люди весьма, конечно, благонамѣренные и близкіе семейству моей жены начали мнѣ твердить, что И. И. Грековъ обманываетъ меня, и настаивали, чтобы я вызвалъ его въ Москву вмѣстѣ съ выборными изъ крестьянъ, и подвергъ бы его строгому отчету съ того времени, какъ я вступилъ во владѣніе имѣніемъ; а какъ я самъ столько же былъ способенъ къ таковому разбору, къ стыду моему будь сказано, сколько могъ быть новорожденный младенецъ, то лица эти (именъ коихъ не желаю высказывать, потому что намѣренія ихъ были чисты) сами взялись учесть И. И. Грекова. Выведенъ былъ по ихъ повѣркѣ начетъ не весьма значительный, но какъ по силѣ моей ему довѣренности онъ могъ кредитоваться (т. е. занимать) у моихъ сосѣдей деньгами до наступленія оброчнаго времени, то я не принялъ на мой счетъ одного подобнаго займа, и по уничтоженіи моей довѣренности заемъ этотъ палъ на него. Мало того: рекомендованный (или, точнѣе сказать, навязанный) мнѣ чиновникъ, слывшій докою, отправленъ былъ мною въ Порзни для повѣрки на мѣстѣ всѣхъ дѣйствій И. И. Грекова, и онъ по возвращеніи оттуда уговорилъ меня опубликовать несчастнаго моего бывшаго управляющаго въ газетахъ, какъ самаго неблагонадежнаго повѣреннаго, и ошельмовать безвозвратно, можетъ быть, человѣка, въ виновности коего я самъ не былъ вполнѣ убѣжденъ! Писалъ онъ ко мнѣ, самъ пріѣзжалъ; но я не отвѣчалъ на его письма и его не допускалъ къ себѣ. Это лежитъ по сю пору упрекомъ на моей совѣсти, потому что, какъ я сей часъ сказалъ, я не былъ тогда убѣжденъ, а нынѣ весьма даже сомнѣваюсь въ неправотѣ бѣднаго этого отца семейства. И все это случилось отъ моей слабости характера, и недаромъ говаривала графиня Вѣра Григ. Чернышова одной изъ своихъ сестеръ, въ то время какъ я вздыхалъ по ней, что она боится этого отсутствія характера во мнѣ. Не будучи злымъ по природѣ, я

далъ однакоже себя уговорить на дурной поступокъ. Удивляюсь лишь, что бѣднякъ этотъ не вызывалъ меня къ отвѣтственности передъ судомъ. Да и то надо принять въ соображеніе, что я былъ человѣкъ со средствами и со связями, и по прекрасному тогдашнему судопроизводству, безгласному и неимущему трудно было тягаться съ аристократами или съ богачами. Въ дѣлѣ съ И. И. Грековымъ я сомнѣвался, виноватъ ли онъ или нѣтъ, слѣдовательно долженъ былъ держаться Латинской пословицы «in dubio abstines» (воздерживайся, если имѣешь сомнѣніе) и не задерживать его деньги, а еще менѣе подвергать его позору.

Сдѣлавши сію позднюю исповѣдь, мнѣ какъ будто бы легче на сердцѣ, и затѣмъ возвращаюсь къ нити прерваннаго разсказа, обѣщая избѣгать, елико возможно, подобныхъ длинныхъ отступленій.

Бѣдная мать моя, узнавъ о связи моей съ Леономъ, и что я все болѣе и болѣе запутывался въ своихъ дѣлахъ, рѣшилась, не смотря на свои года, предпринять томительное путешествіе въ Россію и подвергнуться суровости климата, отъ котораго давно отвыкла, чтобы помочь мнѣ своими оставшимися средствами и затѣмъ уговорить меня ѣхать съ женою и съ нею во Флоренцію. Она выѣхала въ коляскѣ, безъ горничной, сопровождаемая вѣрною до смерти компаньонкою Екатериною Ивановною Леруа и своимъ лакеемъ Джіованни Консиліо, находившимся при ней съ первыхъ годовъ семейнаго нашего переселенія во Флоренцію. Ея ждали въ Тепловку около середины лѣта, и къ тому времени я долженъ былъ прибыть туда съ женою. Къ несчастію, самоотверженіе неоцѣненной матери моей и большія принесенныя ею денежныя пожертвованія на поправку моихъ дѣлъ не принесли никакой пользы.

Мать моя уже нѣсколько времени какъ ждала меня въ Тепловкѣ*), но я долго не могъ отправиться туда. По сдачѣ Бибиковскаго дома, я переѣхалъ одинъ на маленькую временную квартиру въ переулкѣ, ведущемъ отъ Остоженки къ Москвѣ - рѣкѣ, возлѣ самой церкви св. пророка Ильи. (Жена моя поѣхала съ матерью въ Знаменское). Какъ я ни порывался въ Тепловку, но Леонъ задерживалъ меня по причинѣ безденежья, и не прежде какъ въ концѣ Іюля я, сопровождаемый однимъ Радзиковскимъ, могъ вырваться изъ Москвы въ Знаменское, чтобы оттуда ѣхать съ женою въ Тепловку.

*) Ни брата моего, ни его семейства не было тогда въ Тепловкѣ. Они провели лѣто около Праги, а зиму во Львовѣ, откуда братъ мой пріѣзжалъ на короткое время къ матери нашей въ Кіевъ, зимою съ 1835 на 1836 годъ.

Всю прислугу я распустилъ еще при сдачѣ Бибиковскаго дома, лошадей и обозъ съ вещами отправилъ въ Порзни, но въ Знаменскомъ взялъ въ услуженіе изъ дворовыхъ вольноотпущенныхъ княгини Наталіи Ивановны Хилковой (тогда умершей) нѣкоего Александра Романова Ташкина [1]), а жену его Авдотью, искусную портниху въ горничныя къ женѣ. Теща проводила насъ до Орла, откуда поѣхала къ сыну своему въ его имѣніе с. Егорьевскъ, Орловскаго же уѣзда. Первое разставаніе съ дочерью сильно ее разстроило; но я, признаюсь, радовался этимъ починомъ моей самостоятельности.

Легко или, точнѣе сказать, нелегко представить себѣ радость бѣдной моей матери, когда она заключила меня въ свои объятія послѣ девятилѣтней разлуки и всего ею пережитаго во время двухъ кампаній, въ коихъ я подвергался столь многимъ опасностямъ. Прошло уже тому болѣе 30 лѣтъ, но я какъ будто бы теперь вижу ея волненіе и дрожь, ея глаза съ ручьями слезъ, когда я выпрыгнулъ изъ кареты къ ней на шею; и какъ послѣ сего она вглядывалась пристально въ мое лицо, чтобы подмѣтить, послѣдовала ли въ немъ перемѣна. Я самъ дрожалъ и плакалъ. Повторяю, я горячо любилъ свою мать, хотя омрачалъ всю почти ея долговременную жизнь сознательно, а впослѣдствіи противъ своей воли, отъ разстройства моихъ дѣлъ. Послѣ матери на шею бросилась мнѣ Катинька (какъ мы съ дѣтства ее звали) Леруа, съ нею-же связаны были раннія мои дѣтскія воспоминанія; за нею пришла очередь вѣрнаго слуги Джіованни Консиліо. Кстати скажу, что привязчивость къ своимъ господамъ, а отъ нихъ ко всѣмъ прочимъ членамъ ихъ семейства, составляетъ отличительную черту всѣхъ вообще Итальянскихъ, но въ особенности Флорентинскихъ слугъ [2]).

Матери моей было тогда 59 лѣтъ; но умственными способностями, впечатлительностію, характеромъ и игривостію воображеніи она была тою же самою замѣчательною женщиною, «une femme hors ligne» какою за тридцать лѣтъ передъ тѣмъ. Подобнаго таланта въ эпистолярномъ слогѣ (style épistolaire), какимъ владѣла она, я едва ли когда

---

[1]) Нынѣ Московскій 2-й гильдіи купецъ съ медалью на шеѣ и большимъ капиталомъ. Онъ нажилъ состояніе антрепренёрствомъ свадебныхъ и торжественныхъ столовъ, и особенно повезло ему въ 1856 г. во время коронаціи нынѣшняго государя. Дочерей онъ выдалъ за дворянъ.

[2]) Этотъ Консиліо, типъ старыхъ семейныхъ слугъ бывалыхъ временъ, живъ по сю пору, на пенсіи по духовному завѣщанію матери моей. Онъ до того былъ еще бодръ во время послѣдней моей поѣздки въ Италію, зимою съ 1862 на 1863 годъ, что въ мѣсячное мое пребываніе въ Ниццѣ онъ былъ у меня камердинеромъ. Понятно, что я обращался съ нимъ болѣе какъ съ старымъ компаніономъ, чѣмъ съ слугою, и сажалъ его рядомъ съ собою.

нибудь встрѣчалъ. Она съ молодости любила и упражнялась по этой части, усвоивъ себѣ образцовый стиль писемъ г-жи де Севиньи, которыя знавала почти что наизусть, и безъ утомленія могла въ одинъ присѣстъ написать до 10 страницъ мелкаго почерка и при прочтеніи писаннаго рѣдко кое-что поправляла. Обширную свою кореспонденцію она вела по-французски, ежедневно послѣ утренняго чая, по какъ большинство Русскихъ дамъ того поколѣнія, съ нѣкоторымъ затрудненіемъ писала по-русски.

Послѣ первыхъ радостныхъ минутъ встрѣчи или на слѣдующій день, кто-то изъ находившихся въ Тепловкѣ отнесся очень лестно о красотѣ молодой моей жены, и я долженъ сознаться, что самолюбіе мое было немало затронуто, когда мать моя въ отвѣтъ на это замѣчаніе сказала холоднымъ отчасти тономъ «дѣйствительно, она недурна», (или, «*oui, elle est jolie*»), но какъ будто-бы, какъ казалось мнѣ, съ пренебреженіемъ. Не понялъ я въ то время, захотѣла ли она этимъ высказать, что не придаетъ особой значительности женской красотѣ, или, дѣйствительно, жена моя не оправдывала въ глазахъ матери моей молву о своей красотѣ, или, наконецъ, мать моя боялась, чтобы жена моя не составила себѣ слишкаго высокаго понятія о своемъ природномъ преимуществѣ; но слова ея глубоко и почти оскорбительно врѣзались въ мою душу. Одною изъ погрѣшностей моихъ была жажда произвести на публику эффектъ во всемъ, что́ прямо или косвенно до меня касалось, какая бы то публика ни была; и такое же чувство овладѣвало мною; когда, позднѣе, я служилъ судебнымъ слѣдователемъ, предъ толпою ожидавшихъ меня крестьянъ или въ канцеляріяхъ уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ. Безотчетность моихъ дѣйствій и самостоятельность личности моей немало льстили меня и были главными, можетъ быть, пружинами того, что я предавался съ увлеченіемъ (con amore) утомительной часто этого рода дѣятельности. Любилъ я слѣдственную часть какъ художество, потому-то она замѣнила мнѣ предыдущую страсть къ акварельной живописи ландшафтовъ, которая, въ свою очередь, заняла мѣсто опернаго и концертнаго пѣнія, коими я передъ тѣмъ бредилъ, и въ новомъ моемъ увлеченіи я терялъ совершенно изъ виду настоящую цѣль слѣдственно-судебной части, состоящую въ служеніи обществу. Не хочу однакоже этимъ сказать, что я дѣлалъ какія либо упущенія или сознательно причинялъ вредъ обществу, коему я служилъ; не думаю, по крайней мѣрѣ, чтобы таковымъ могъ былъ исходъ моей театральной, такъ сказать, тенденціи въ дѣлѣ службы, потому что это самое чувство самолюбія подстрекало мою дѣятельность, которую можетъ засвидѣтельствовать весь Таруській уѣздъ.

Я болѣе чѣмъ кто нибудь понимаю, что аплодисменты могутъ вскружить голову артисту: будь я въ этой сферѣ, я могъ бы, кажется, довольствоваться одними почестями электризованной мною публики и забыть матерьяльную сторону искусства, то-есть, денежныя гонораріи за артистическій трудъ; а родись я женщиною, я былъ бы большою кокеткою.

Еще одна исповѣдь, и возвращаюсь къ разсказу. Въ службѣ, нѣсколько предшествовавшей моей дѣятельности въ званіи судебнаго слѣдователя, при трехъ губернаторахъ (одномъ Рязанскомъ, двоихъ Калужскихъ), расположеніемъ и довѣріемъ коихъ я пользовался, я чувствовалъ себя какъ бы на ходуляхъ при трепетѣ, производимомъ мною на чиновный людъ средней руки, когда я, по порученію начальства, а иногда по собственному своему усмотрѣнію (или вслѣдствіе извѣщенія посторонняго лица) запускалъ носъ въ дѣла администраціи, и по моему указанію случалось, что ненадежныя служащія личности бывали удалены отъ своихъ мѣстъ.

Тепловскій господскій домъ былъ каменный трехъ-этажный, квадратный и неоштукатуренный, безъ ненавистныхъ мнѣ колоннъ: зданіе довольно грандіозное и строгой безъ орнаментовъ архитектуры, нѣчто въ родѣ заграничныхъ зáмковъ, внутри несовершенно доконченный. Онъ буквально утопалъ въ зелени окружавшаго его со всѣхъ сторонъ довольно пространнаго парка и въ цѣломъ напоминалъ Англійскія вельможныя усадьбы *). Ближнія къ дому насажденія были изъ массивныхъ уже полу-южныхъ Грецкихъ орѣховыхъ и шелковичныхъ деревьевъ (послѣднія безъ всякой на зиму покрышки). За домомъ, въ одномъ концѣ парка, былъ обширный прудъ, почти что маленькое озеро, съ островкомъ въ серединѣ, гдѣ водилась стая лебедей, которые, по наступленіи ночи, подымали дружное гармоническое гоготанье. Если сама усадьба поражала чѣмъ-то великолѣпнымъ, за то по выходѣ изъ ея предѣловъ разстилалась передъ глазами одна голая, плоская и необозримая степь, безъ всякихъ признаковъ растительности, кромѣ желтыхъ нивъ и залежныхъ полей. Покойный братъ мой особенно любилъ зрѣлище безконечной степи, находя, что она тоже что безпредѣльный океанъ; но я никогда не раздѣлялъ его вкуса и ненавижу (прости меня, великій Гоголь) эту наводящую скуку, однообразную плоскость. Величественнаго наравнѣ съ моремъ я въ ней ничего не вижу, тогда какъ на палубѣ парохода окружающая васъ стихія порождаетъ въ

---

*) Сужу по гравюрамъ и описаніямъ; самъ же я никогда не бывалъ въ Англіи.

душѣ что-то таинственно-страшное, неощущенное дотолѣ и восхитительное, и задаешь себѣ вопросъ: кѣмъ и когда сотворена эта могучая стихія? Степь же на меня наводитъ грусть и тоску по чему-то непонятному для меня самого.

Комнаты наши были въ третьемъ этажѣ; къ нимъ надо было проходить чрезъ одинъ небольшой залъ втораго этажа, изъ открытаго окна коего луна, въ 11 часовъ ночи, оживляла освѣщеніемъ, почти что «a giorno,» нахмуренную съ обнаженною полною грудью императрицу Анну Іоанновну, висѣвшую на противуположной къ окну стѣнѣ. Эта императрица наводила такой страхъ на мою милую женушку, что она ни за что не рѣшалась проходить одна подъ взглядомъ покровительницы Бирона.

Имѣніе это, состоявшее, кажется, изъ 2000 душъ, принадлежало первоначально Тепловымъ, отъ нихъ перешло къ графу Завадовскому, который задолжалъ большую сумму старику Осипу Игнатьевичу Понятовскому, вслѣдствіе чего завязалась многолѣтняя тяжба, по ходатайству моего брата въ Петербургѣ кончившаяся въ пользу его тестя, коему присуждено было это имѣніе. Но какъ цѣнность его превышала приданое невѣстки моей, графини Авроры Осиповны, то отецъ ея при передачѣ ей Тепловки обязалъ ее выплачивать ежегодно опредѣленную сумму старшей сестрѣ Матильдѣ Осиповнѣ Шимановской [1]), сверхъ того выдать извѣстную сумму на употребленіе, какое будетъ назначено въ духовномъ завѣщаніи ея отца. Въ семействѣ говорили, однакоже, что намѣреніемъ О. И. Понятовскаго было вовсе не взыскивать съ дочери этой уплаты. Братъ мой принялся было ревностно за это имѣніе, но вскорѣ по стеченію обстоятельствъ онъ съ семействомъ переселился въ чужіе края, а имѣніе перешло по купчей крѣпости къ Августу Осиповичу Понятовскому, который продалъ его въ 1844 году князю Долгорукову, женатому на Вишневской [2]). Въ непродолжительное владѣніе моимъ братомъ Тепловкою, онъ засѣялъ нѣсколько десятинъ желудями, и нынѣшній помѣщикъ пользуется по его милости тридцатилѣтними дубовыми рощами.

Меня съ женою предупредили пріѣздомъ туда Н. А. Дивовъ съ женою, также и тетка моя Прасковья Артемьевна Тимофеева со всѣми

[1]) Мужъ г-жи Шимановской, участвовавшій въ Польскомъ возстаніи 1831 года, эмигрировалъ съ семействомъ въ Швейцарію. Сынъ его Освальдъ и племянникъ мой графъ Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ суть единственные нынѣ наслѣдники всѣхъ пяти дядей своихъ Понятовскихъ.

[2]) Этотъ князь Долгоруковъ имѣлъ въ 40 годахъ роскошную дачу въ подмосковномъ Петровскомъ паркѣ, а жена его была тогда извѣстна подъ прозвищемъ „la princesse homme d'affaires.“ Другихъ о нихъ примѣтъ не могу дать.

дѣтьми, кромѣ Евгенія Александровича, находившагося въ Артиллерійскомъ училищѣ. Былъ также уже тамъ Иванъ Антоновичъ Кавецкій, много распрашивавшій меня о кончинѣ брата своего Антона Антоновича (управлявшаго Московскою удѣльной конторою), которая послѣдовала передъ моимъ отъѣздомъ изъ Москвы [1]).

Зинаида Сергѣевна Дивова и моя жена, какъ молодыя модницы, носили по утрамъ высокіе конусообразные чепцы, теперь бы показавшіеся уродливыми колпаками, но тогда, подъ санкціею моды, именовавшіеся «bonnets à la cauchaise.» Съ Дивовыми пріѣхала проживавшая тогда у нихъ перезрѣлая дѣвица Надежда Михайловна Юрьева, считавшаяся какъ-то въ дальнемъ съ нами родствѣ и возившаяся съ собачкою на рукахъ, барыня неглупая [2]).

Старшій изъ братьевъ Понятовскихъ, Евгеній Осиповичъ, находился также въ Тепловкѣ, куда онъ переѣхалъ изъ сосѣдняго своего имѣнія, верстъ за 50 на берегу Днѣпра, чтобы принять мою мать. Усадьба его была вся въ живописныхъ холмахъ и долинахъ, въ которыхъ онъ завелъ виноградныя и табачныя плантаціи, но ни тотъ, ни другой продуктъ не вызрѣвали: виноградъ былъ, по опредѣленію матери моей, ничто иное, какъ «du vinaigre en pillulles,» а выдѣланныя изъ его посѣвовъ Гаванскихъ сортовъ сигары, коими онъ меня потчивалъ, сбивались на капустные высушенные листы. Но онъ особенно любилъ садоводство, и была у него прекрасная теплица для экзотическихъ и тропическихъ растеній съ высокими экземплярами, и Англійскій садъ, въ родѣ небольшаго парка былъ разбитъ и посаженъ имъ съ отмѣннымъ вкусомъ. Имѣніе это звалось Пшенишники, и потому Тепловское временное общество прозвало владѣтеля онаго «Monsieur de Fromenville» [3]).

---

[1]) Изъ четырехъ дочерей А. А. Кавецкаго одна замужемъ за г. Виговскимъ, а другая за Рязанскимъ помѣщикомъ Венедиктомъ Павловичемъ Воскобойниковымъ, и разъѣхалась съ мужемъ, непонятно почему, чрезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы; она была очень хороша собою. Двѣ другія дочери Кавецкаго не вышли замужъ. Было у него также двое сыновей. Одна изъ сестеръ матери ихъ Надежды Андреевны, урожденной Гольцъ, была замужемъ, какъ прежде упомянуто, за Петромъ Ивановичемъ Жиллè; другая за Одесскимъ негоціянтомъ и овцеводомъ Французомъ Мари, пожилымъ уже человѣкомъ, оставившимъ женѣ значительное весьма состояніе. По смерти мужа она переселилась куда-то въ Южную Францію. Двѣ другія сестры Гольцъ остались старыми дѣвицами.

[2]) Мать ея была урожденная графиня Головкина. Она поселилась впослѣдствіи въ незначительномъ своемъ имѣніи Костромской губерніи и прекратила дальнѣйшія сношенія съ Дивовыми.

[3]) Въ Пшенишниковскомъ своемъ домѣ онъ устроилъ кабинетъ съ окномъ, во весь размѣръ коего вставлены были вмѣсто стеколъ полупрозрачныя *литофаніи* съ пейзажами и сюжетами извѣстныхъ Европейскихъ различныхъ галлерей, тогда какъ обыкновенно изъ этихъ литофаній дѣлались одни только транспаранты для свѣчей.

Изъ Тепловскаго брака знаменитаго нѣкогда при графѣ Завадовскомъ коннаго завода купилъ я за ничтожную цѣну четырехъ кобылъ, чтобы случать ихъ съ Англійскими, выписанными правительствомъ кровными жеребцами, на что я имѣлъ право, какъ записавшійся въ члены Московскаго скаковаго общества [1]). Изъ приплода отъ нихъ я имѣлъ впослѣдствіи двухъ хорошихъ упряжныхъ коней и верховую кобылу «Барщину,» подъ конецъ ослѣпшую, но по дружескому ко мнѣ расположенію покойнаго генералъ-маіора Аркадія Африкановича Болдырева (Рязанскаго коннозаводчика и обязательнѣйшаго изъ людей) кобыла эта взята была имъ на свой заводъ и на его иждивеніе для случекъ въ мою пользу, и послѣдніе отъ нея приплоды онъ же купилъ у меня за 350 или 400 рублей, сверхъ чего нашелъ мнѣ незадолго передъ тѣмъ покупателя на 5 лѣтнюю отъ этой кобылы дочь, за 500, кажется, рублей [2]). Всего же, изъ четырехъ старыхъ первоначальныхъ кобылъ, считая двухъ, служившихъ мнѣ, коренниковъ и верховой кобылы «Паризины», на которой я парадировалъ въ Москвѣ три года (и которая однажды разбила мнѣ голову въ кровь, но за то, усталости не знала), я выручилъ до 1500 рублей.

Недѣли черезъ двѣ всѣ семейные гости разъѣхались. Я съ моей матерью вскорѣ послѣ отправился также, первоначально въ Кіевъ, а оттуда въ Таганчу, къ старику Понятовскому. Въ Кіевѣ мы пробыли съ недѣлю и обѣдали разъ у тамошняго генералъ-губернатора тяжелослогаго графа Александра Дмитріевича Гурьева, уже знакомаго мнѣ по Одессѣ. Не помню, находилась-ли тогда въ городѣ эксцентричная его супруга графиня Авдотья Петровна (дочь графа Петра Александровича Толстаго), но слѣдующую зиму она провела съ мужемъ въ Кіевѣ. Въ числѣ немалыхъ разглашаемыхъ о ней странностей было то, что она

---

[1]) Какъ ярый англоманъ, я въ 1834 и 1835 г. усердно слѣдилъ за Московскими скачками. Чаще всѣхъ брали призы лошади завода г. Мосолова, отчасти искусствомъ его жокея Англичанина Дей, затѣмъ лошади какого-то кн. Гагарина (изъ нихъ отличилась въ 1834 г. кобыла „Матильда“) и лошади г. Панова. Являлись также на гиподромъ лошади г. Петровскаго, но не имѣли, помнится мнѣ, успѣха. Секретаремъ скаковаго общества былъ г. Мясновъ.

[2]) Заводъ А. А. Болдырева былъ Михайловскаго уѣзда въ с. Лѣсищѣ. Имѣніе это нынѣ принадлежитъ графу Дмитрію Андреевичу Толстому. Болдыревъ былъ женатъ вторымъ бракомъ на графинѣ Еленѣ Павловнѣ Паленъ, мать коей была рожденная графиня Орлова-Денисова, по отцу родная сестра графини Юльи Павловны Самойловой. По смерти Аркадія Африкановича (въ 1858, кажется, году) она вышла за одного изъ сыновей Екатерины Дмитріевны Голубцовой. Отъ втораго брака, графа Павла Петровича Палена былъ сынъ, женатый на баронессѣ Соловьевой, и еще двѣ дочери; изъ нихъ одна была за княземъ Дадьяномъ Мингрельскимъ, а другая за княземъ Грузинскимъ. Всѣхъ ихъ, также и молодаго графа Палена и его жены, уже нѣтъ въ живыхъ, кромѣ поселившейся въ Кіевѣ Елены Павловны Голубцовой.

не спала будто бы въ своей спальнѣ и даже на кровати, и что каждый вечеръ, когда всѣ расходились на ночь, клали для нея матрасы и подушки на обѣденномъ столѣ въ столовой. Была она оригинальнаго и игриваго ума и не стѣснялась высказывать во всеуслышаніе что̀ приходило ей въ голову. Въ то время былъ однинъ изъ постоянныхъ ея партнёровъ въ карты, Кіевскій вице-губернаторъ нѣкій г. Н. . . нъ, котораго она безуспѣшно тщилась произвести въ гражданскіе губернаторы, и разсказывала матери моей, что, въ видѣ утѣшенія этого господина за таковую неудачу, она предоставляла ему сводить всѣ счеты по окончаніи вечерней ея игры. Однажды она лихо огорошила нѣкую посѣтительницу изъ некоротко ей знакомыхъ дамъ, которая, воображая сказать любезность, замѣтила, что молодыя графини ея дочери удивительно какъ похожи на ихъ отца. «Вы ничего не могли мнѣ сказать болѣе непріятнаго,» замѣтила она на это. А на замѣчаніе одного изъ служившихъ при графѣ лицъ (это былъ, кажется, полковникъ Звѣгинцевъ), провожавшаго ее при отъѣздѣ ея изъ Кіева, «что, графъ скучать-де будетъ безъ нея,» она ему спѣла: «Да, мой милый, это такъ; вмѣстѣ тѣсно, а порознь тошно». Братъ мой, гдѣ-то за границею, пошелъ къ ней съ визитомъ, и при докладѣ о немъ она до того обрадовалась этой неожиданности, что приказала немедленно впустить его въ ея уборную, и тамъ безцеремонно приняла его въ корсетѣ и въ одной юбкѣ. Передано было мнѣ много позднѣе, что, проѣзжая однажды чрезъ Москву съ дочерью своей княгинею Куракиною, сочла она себя въ правѣ, по фамиліи зятя своего, остановиться въ страннопріимномъ домѣ князей Куракиныхъ что̀ у Красныхъ воротъ.

Сентябрь 1835. Н. Н. Муравьевъ жилъ тогда съ женою въ Кіевѣ, гдѣ находился штабъ командуемаго имъ корпуса. Для матери моей эта встрѣча съ дочерью интимнаго бывшаго ея друга (графини Елисаветы Петровны Чернышевой) была радостнымъ событіемъ; да и сама Наталья Григорьевна и всѣ ея примѣрныя сестры, глубоко почитавшія память матери своей, перенесли свои дочернія нѣжныя чувства на свою тетку. Н. Н. Муравьевъ воспользовался правомъ новыхъ родственныхъ его съ нами связей, чтобы попытаться путемъ религіозной полемики, при помощи Кіевскаго викарнаго архіерея Владимира (о коемъ будетъ впослѣдствіи рѣчь) привлечь мать мою обратно на нашу сторону, отъ каковой полемики она, какъ многоначитанная, не отказывалась. Много позднѣе, въ Москвѣ, Н. Н. Муравьевъ увѣрялъ меня, что мать моя будто бы уже начинала поддаваться, что еще бы немного, и онъ успѣлъ бы въ своемъ намѣреніи; но кажется мнѣ, что онъ льстилъ только себя несбыточною надеждою. Латиняне стоятъ на своемъ, что Константино-

польская каѳедра была нѣкогда подчинена Римской, и потому отступниками мы, а не они. Уладься только этотъ чисто-историческій вопросъ, о догматахъ и обрядахъ они бы не спорили. Я же готовъ имъ твердить, что, допуская даже эту историческую невѣрность, для восточной церкви было бы долгомъ отторгнуться съ нарушеніемъ даже подчиненности отъ Западной, когда послѣдняя начала вводить догматическія нововведенія, не слыханныя дотолѣ; и наврядъ ли кто нибудь изъ Римскихъ первосвященниковъ расширилъ раздѣлявшую обѣ церкви пропасть, какъ нынѣшній папа Пій IX, двумя новыми своими догматами о непорочномъ зачатіи Пресвятой Дѣвы и о личной непогрѣшимости Римскихъ первосвященниковъ въ качествѣ вселенскихъ учителей церкви [1]). Кстати поговоримъ здѣсь о Николаѣ Николаевичѣ Муравьевѣ, мнѣнія о коемъ расходятся даже въ военныхъ кружкахъ. Ведя обширную переписку по своимъ собственнымъ внѣ службы дѣламъ и съ своими друзьями, онъ имѣлъ привычку, по полученіи какого-либо письма, немедленно отмѣчать на немъ нумеръ и число дня полученія, и по порядку этой нумераціи отвѣчалъ на каждое, не перебивая очереди. Случилось однажды, въ бытность его главнокомандующимъ на Кавказѣ, что онъ получилъ письмо отъ какой-то фрейлины двора, написанное ею по порученію императрицы Александры Ѳеодоровны, но по какому дѣлу, не знаю. Прошло довольно уже времени, когда Наталья Григорьевна, случайно спросивъ его, отвѣчалъ-ли онъ на это письмо, узнала, что онъ еще не отвѣчалъ, «потому-де, что очередь не дошла до него» [2]). Вотъ каковъ былъ царедворецъ! Не дурна была также и слышанная мною царедворческая его выходка во время Красносельскихъ маневровъ, когда государь Николай Павловичъ, желая, какъ тогда разсказывали, испытать стратегическое искуство Н. Н. Муравьева, раздѣлилъ войска на двѣ половины, изъ которыхъ поручилъ одну Николаю Николаевичу, а самъ сталъ въ главѣ другой, и маневры кончились тѣмъ, что первый изъ нихъ окружилъ государеву армію и чуть ли не загналъ ее въ болото. Говорятъ, будто бы Государь долго питалъ скрытную злобу къ нему за это дѣло; если такъ, то жаль, что подобнаго рода мелочи могли помрачать душу этого царя. Защитникъ Карса, Англійскій генералъ Вилліамсъ, проѣзжая чрезъ Рязань, гдѣ я тогда служилъ по заключеніи мира въ 1856 году, говорилъ

[1]) Впрочемъ, новый этотъ догматъ ничто иное, надо сознаться, какъ логичный исходъ того, что папа выше всякаго вселенскаго собора и ему неподчиненъ, такъ какъ мы признаемъ непогрѣшимость семи вселенскихъ соборовъ. Многіе изъ Русской публики этого не понимаютъ и съ ироніею твердятъ, что папа воображаетъ свою особу непогрѣшимою. Это вовсе не вѣрно.

[2]) Передано мнѣ самой Натальею Григорьевною.

мнѣ, что, будучи лично знакомъ тридцать (кажется) лѣтъ съ Н. Н. Муравьевымъ, онъ знаетъ его за добрѣйшей души человѣка, но что онъ усиливается казаться злымъ для своихъ подчиненныхъ *).

Осенью того 1835 года корпусъ Н. Н. Муравьева перешелъ на другую стоянку, и его замѣнилъ въ Кіевѣ Паисій Сергѣевичъ Кайсаровъ.

Въ этотъ пріѣздъ мы пробыли въ Кіевѣ не болѣе двухъ недѣль и въ двухъ экипажахъ поѣхали сквернѣйшими проселками въ Таганчу на Еврейскихъ фурманскихъ лошадяхъ. Кучеръ-Еврей кареты, гдѣ я сидѣлъ съ женою, проѣзжая чрезъ лѣсъ, зацѣпилъ за сучекъ дерева, который, ударивши со всего размаху по поднятому стеклу окна со стороны моей жены, разбилъ въ дребезги толстое Бемское стекло, осколокъ котораго врѣзался подъ самый ея лѣвый глазъ; еще на нѣсколько линій выше, и она бы окривѣла. Въ порывѣ бѣшенства при видѣ окровавленнаго лица любимой женщины, я выскочилъ изъ кареты и, взобравшись на козлы, началъ тузить виновника бѣды. Мать моя, слѣдуя за нами въ своей коляскѣ и не зная ничего о случившемся, была изумлена Русскимъ моимъ судомъ и расправою, возможность каковаго она уже забыла послѣ 18 лѣтняго своего пребыванія въ Италіи. Вскорѣ все объяснилось. Она вынула осколокъ изъ щеки жены, промыла рану и приложила на нее Англійскаго пластыря, находившагося, къ счастію, при ней. Недѣли чрезъ три рана зажила, но шрамъ остался навсегда, и я долго не могъ успокоиться отъ мысли, что жена такъ близко подвергалась потерѣ своей красоты, каковымъ даромъ я, какъ уже сказалъ прежде, весьма дорожилъ.

Ѳ. И. Понятовскій, тогда за 70 лѣтъ, былъ еще столь же бодръ и дѣятеленъ какъ я его оставилъ въ 1826 году: ѣздилъ верхомъ каждый день по своимъ хуторамъ и овчарнямъ, или на охоту съ борзыми и гончими до самого обѣда, который былъ въ 5 часовъ, вставалъ въ 5 часовъ утра и ложился въ 9 вечера.

Во время нашего пребыванія въ Таганчѣ мать моя ѣздила однажды со мною и съ моей женою, а въ другой разъ жена и я, вдвоемъ, въ гости къ свѣтлѣйшему князю Павлу Петровичу Лопухину въ его великолѣпный замокъ Корсунь, стоящій на гористомъ мѣстѣ и окру-

*) Первое знакомство генерала Вилліамса съ Н. Н. Муравьевымъ относится, если не ошибаюсь, къ эпохѣ, когда послѣдній былъ посылаемъ правительствомъ для какихъ-то переговоровъ къ Бухарскому хану, а генералъ Вилліамсъ служилъ офицеромъ въ Остъ-индскомъ Англійскомъ войскѣ.

женный высокими, обрывистыми скалами, выходящими изъ рѣчки, которая кольцеобразно обвиваетъ всю усадьбу, кажущуюся скорѣе перенесенною изъ Альпійскихъ странъ, нежели Русскою. Мѣстечко Корсунь было почти въ трехъ часовомъ разстояніи отъ Таганчи. Бездѣтный князь П. П. Лопухинъ и его жена (вдова Берлинскаго нашего посланника графа Алопеуса) жили въ вельможной обстановкѣ. Князь, будучи меломаномъ, составилъ пѣвческую капеллу, коею самъ не только что дирижировалъ, но сочинялъ музыку, не стѣсняясь иногда вставлять въ нее взятые изъ Итальянскихъ оперъ мотивы. Жена и я были у обѣдни въ его церкви, и онъ, радуясь случаю имѣть постороннихъ слушателей, угостилъ насъ своими пѣвчими у себя въ домѣ; хоръ былъ дѣйствительно, на сколько помнится мнѣ, весьма изрядный. Князь и княгиня Лопухины составляли красивую еще, хотя пожилую, чету; глядя на княгиню (извѣстную нѣкогда своею красотою), трудно было повѣрить, что пять лѣтъ передъ тѣмъ, на Царскосельскихъ маневрахъ 1830 года, я видалъ ея сына молодаго графа Алопеуса уже кирасирскимъ офицеромъ. Была у нея также дочь, недавно передъ тѣмъ, кажется, овдовѣвшая отъ Француза Виконта де-ла-Ферронѐ. Съ привлекательной наружностію, княгиня Лопухина соединяла таковыя же нравственныя и душевныя качества, была натуральна въ своемъ обращеніи, плавна и элегантна, такъ сказать, въ своихъ движеніяхъ; кротость и доброта, написанныя на ея лицѣ, дѣлали ее крайне симпатичною съ перваго на нее взляда; подобныхъ ей женщинъ зовутъ по англійски; «so lady-like.» Она уже тогда страдала глазами и подъ конецъ совершенно, какъ я слышалъ, ослѣпла. Въ Корсуньскомъ домѣ замѣчателенъ огромный залъ въ самой его серединѣ, безъ наружныхъ оконъ и со статуями, какъ бы въ музеѣ или въ академіи художествъ, освѣщенный только длинными продольными, но низкими окнами съ двухъ сторонъ, примыкающими почти что къ потолку, такъ что свѣтъ падаетъ сверху. Залъ равнялся вышиною двумъ этажамъ; вся же нижняя часть его стѣнъ была глухая. Изъ за верхнихъ поперечныхъ оконъ виднѣлась зелень тропическихъ и другихъ оранжерейныхъ растеній, чрезъ кои только и проникалъ свѣтъ, такъ что внизу въ залѣ было отчасти темно. Столъ и сервировка соотвѣтствовали вполнѣ обстановкѣ дома, и видно было сразу, что все это было не экстренное что нибудь, а ежедневный образъ жизни хозяевъ, и что для гостей ничего лишняго не дѣлалось; пріемъ же самихъ гостей былъ также радушенъ и простъ, какъ бы у степнаго помѣщика стараго Русскаго закала.

Въ Таганчѣ гостили тогда сестра г. Понятовскаго, г-жа Сѣраковская съ мужемъ и болѣзненнымъ сыномъ. Сѣраковскій былъ веселый,

пріятный и открытаго характера человѣкъ, красавецъ въ сѣдинахъ и съ сохранившимся еще у него пріятнымъ весьма голоскомъ. У сына его нервная система была до такой степени разслаблена, что голова не иначе могла поддерживаться на шеѣ какъ при помощи аппарата изъ металическаго обруча, обвивавшаго голову и прикрѣпленнаго пружиною къ спинѣ. Кромѣ семейства Сѣраковскихъ общество въ Таганчѣ состояло изъ Нѣмца-медика и чтицы (lectrice) г. Понятовскаго, немолодой Швейцарской дѣвицы Гросмееръ.

Послѣ болѣе мѣсячнаго, скучнаго таки, пребыванія, безъ всякихъ развлеченій кромѣ охоты, я, подъ предлогомъ дѣлъ въ Москвѣ и въ Порзняхъ, отправился съ моимъ Радзиковскимъ 21 Октября на колесахъ. Но въ теченіе этого и слѣдующаго дня, въ праздникъ Казанской Божіей Матери, снѣгъ началъ валить хлопьями съ сильной стужею ночью, и на 23 число, Днѣпръ, чрезъ который надо было переправляться, остановился: явленіе небывалое почти въ томъ краю. Я провелъ весь день въ Пшеничникахъ (хозяинъ коего Евгеній Осиповичъ Понятовскій гостилъ, кажется, въ Таганчѣ), плотно тамъ пообѣдалъ и не поцеремонился съ Шампанскимъ отсутствовавшаго хозяина. Переправа на паромѣ была прекращена, а ледъ былъ на столько еще тонокъ, что никто не брался меня доставить на другую сторону рѣки, и я не знаю, сколько пришлось бы мнѣ еще тутъ жить, если бы безстрашный священникъ сосѣдней церкви не взялся насъ перевести. Онъ шелъ впереди, постукивая передъ собою объ ледъ толстой палкою, а я и Радзиковскій шли за нимъ; лошадей отпрягли и повели въ рукахъ по одиночкѣ; оставили ли сани на этомъ берегу, или перетащили ихъ на другой, не помню. Нынѣ, при одной мысли объ опасности, которой подвергался я безъ всякой необходимости, деретъ меня морозъ по кожѣ; но молодость смѣла, и ей ничего почти невозможнымъ не кажется.

Поѣхали мы на перекладныхъ саняхъ до Чернигова, гдѣ для бо́льшаго комфорта я купилъ кибитку, но долженъ былъ отдать ее почти что за ничто въ Могилевѣ, потому что тамъ никакого еще саннаго пути не было. Не доѣзжая Могилева, я остановился погостить у графини Софьи Григорьевны Чернышовой-Кругликовой въ ея маіоратномъ имѣніи Чечерскѣ*), гдѣ она провела зиму съ мужемъ Иваномъ Гавриловичемъ и съ незамужнею еще своей сестрою графинею Надеждою Гри-

*) Чернышовскій маіоратъ былъ основанъ, какъ извѣстно, фельдмаршаломъ графомъ Захаромъ Григорьевичемъ Чернышовымъ; ему же принадлежалъ нынѣшній домъ Московскихъ генералъ-губернаторовъ, отъ чего произошло названіе Чернышовскаго переулка. Старуха-фельдмаршальша умерла только въ 1836 году.

горьевной. Существовало еще тогда въ Чечерскѣ, хотя покачнувшееся отъ времени, деревянное двухэтажное строеніе, когда-то дворецъ, наскоро построенный фельдмаршаломъ графомъ З. Г. Чернышовымъ для пріема Екатерины II-й во время ея путешествія по Россіи. И. Г. Кругликовъ повелъ меня съ большею осторожностію по всѣмъ нѣкогда аванзаламъ и заламъ этого эфемернаго дворца съ провалившимся мѣстами поломъ. Лохмотья обоевъ, фольги, золотой и серебряной бумаги висѣли по стѣнамъ и на обнаженныхъ колоннахъ, колыхаясь отъ вѣтра или отъ трясенія оставшихся половицъ, но вмѣстѣ давали отчетливое довольно понятіе о прежнемъ декоративномъ эффектѣ всего зданія. Кругликовы ѣздили на короткое время въ Кіевъ повидаться съ моей матерью, которая вскорѣ по моемъ отъѣздѣ изъ Таганчи переѣхала туда на зиму съ моей женою.

Въ Могилевѣ меня обступили сыновья Израилевы съ предложеніемъ пріобрѣсти по дешевой цѣнѣ контрабандное Голандское полотно. Я прогналъ было ихъ, но мой Радзиковскій польстился перспективою выгодно перепродать таковое полотно въ Москвѣ, и на эту спекуляцію упросилъ меня дать ему денегъ въ счетъ будущаго жалованья; и вотъ Жиды, оглядываясь и подъ секретомъ, повели его въ отдѣльную пустую комнату и, тамъ поторговавшись съ ними, онъ вышелъ съ своею покупкою, тщательно обернутою въ бумагѣ и съ ярлыкомъ, какъ слѣдовало быть заграничному холсту. Полячокъ мой уже мѣтилъ на шурина моего Алексѣя Ивановича Нарышкина, какъ на готоваго покупателя, зная его наклонность франтить туалетными принадлежностями *); но каково было въ Москвѣ его разочарованіе, когда знатоки этого товара нашли, что контрабандный холстъ былъ православнаго Ярославскаго издѣлія, какое можно было купить въ Москвѣ дешевлѣ, чѣмъ слупили съ Радзиковскаго Могилевскіе Евреи. Въ Могилевѣ я опять попалъ на санный путь и поѣхалъ на Оршу, Красный и Смоленскъ. По дорогѣ я заѣхалъ немного въ сторону къ Николаю Ѳеодоровичу Гурьеву, женатому на Ваксель, знакомому мнѣ по Москвѣ, хотя я не собственно ихъ хотѣлъ видѣть, а проживавшую у брата своего Екатерину Ѳеодоровну Гурьеву, съ которою жена моя была весьма дружна съ того времени, когда она съ замужнею своею сестою Спичинской гостила въ Тарускомъ уѣздѣ у одной ихъ родственницы. Е. Ѳ. Гурьева была умнѣйшая и пріятнѣйшая дѣвушка, но собою не особенно хо-

*) Шуринъ мой до конца жизни одѣвался изящно. Въ описываемую мною эпоху, на него шилъ Сатіасъ, первая тогдашняя Московская знаменитость. Затѣмъ, модными портными (статскаго платья) были Шелингъ и Тепферъ (на Тверской), Занфтлебенъ, Англичанинъ Пиготъ и Французъ Матьё; у послѣдняго я тратилъ много, но безъ толку.

роша; говорятъ, что она глубоко, но безнадежно полюбила шурина моего А. И. Нарышкина, будучи однакоже немного старше его, и въ угодность ли ея семейнымъ, или чтобы не остаться безъ поддержки въ жизни, вышла за г. Ѳаворскаго, къ коему была совершенно равнодушна. Этого господина я никогда не видалъ и ничего не знаю о его свойствахъ; но, судя по его левито-звучащей фамиліи, не думаю, чтобы онъ могъ быть достойною партіею для столь интересной особы, имѣвшей въ добавокъ свое независимое состояніе.

Эта была третья моя поѣздка по Бѣлорусскому тракту, и я уже прежде удивлялся, по какому случаю нѣкій старый Итальянецъ содержалъ гостиницу со сноснымъ весьма столомъ въ глуши на почтовой станціи, до или послѣ Краснаго. Дѣло это было разъяснено мнѣ въ 40-ыхъ годахъ хозяиномъ гастрономическаго магазина на Софійской улицѣ, Петромъ Петровичемъ Пикколи, нынѣ умершимъ, человѣкомъ всѣми почитаемымъ въ Москвѣ, съ которымъ я случайно разговорился о загадочномъ его соотечественникѣ. Этотъ человѣкъ былъ солдатомъ въ Наполеоновскихъ войскахъ и возилъ полковой ящикъ во время бѣдственнаго отступленія Французской арміи въ 1812 году; улучивъ удобную минуту зарыть въ землю деньги что̀ были въ ящикѣ (чтобы не достались нашимъ войскамъ, шедшимъ по пятамъ), онъ такъ отчетливо запомнилъ то мѣсто, что когда по заключеніи мира пріѣхалъ опять въ Россію, то отыскалъ это мѣсто, выкопалъ свой кладъ и открылъ потихоньку тамъ же гостинницу.

Въ Москвѣ я остановился у бывшаго моего однополчанина М. А. Долгова, на Ордынкѣ, гдѣ жилъ Леонъ съ перваго времени своего пребыванія въ Москвѣ; во флигелѣ того дома онъ уже успѣлъ открыть главную домовую мою контору съ бухгалтерною обстановкою, свойственною торговому дому, вообразивъ себѣ, что этимъ пусканіемъ пыли въ глаза можетъ много выиграть въ кредитномъ отношеніи, тогда какъ нерѣдко случалось, что въ кассѣ блестящей моей конторы не было и 25 рублей.

Около перваго дня новаго 1836 года я отправился съ Леономъ въ свои Порзни чрезъ Владимиръ, Суздаль и Шую при стужѣ, каковой я не помню: термометры замерзали, птицы падали окоченѣвшими, и морозъ доходилъ, какъ говорили, до 38 и 40 градусовъ. Невозможно было выдержать переѣзда отъ станціи до станціи, не заходя по нѣскольку разъ въ крестьянскую какую нибудь избу отогрѣться; дыханіе становилось тяжелымъ. Мы ѣхали въ закрытой повозкѣ. Каково было ямщику? Въ средней полосѣ Россіи вымерзло той зимою мно-

жество фруктовыхъ садовъ, въ томъ числѣ у тещи моей въ Знаменскомъ, гдѣ уцѣлѣло только два-три десятка деревъ стараго пространнаго фруктоваго сада [1]).

Прежній мой сослуживецъ А. А. Мироновъ, узнавъ о моемъ прибытіи въ Порзни, не замедлилъ меня навѣстить; онъ не былъ исправникомъ въ Юрьевецпольскомъ уѣздѣ, а жилъ у тещи своей, Натальи Титовны Кетовой, моей сосѣдки. Когда мы разстались во время войны 1829 года, въ голову намъ не входило, что суждено будетъ намъ встрѣчаться въ Костромской губерніи сосѣдями. Въ Порзняхъ я вовсе не занимался ревизіею своей вотчинной конторы, а только возился съ пѣвческимъ хоромъ. Уже съ годъ какъ жилъ у меня въ имѣніи медикъ-Полякъ г. Торчинскій, отличный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ, рекомендованный мнѣ Леономъ; ему препорученъ былъ въ то же время поверхностный надзоръ за имѣніемъ [2]), по полнымъ управляющимъ онаго былъ любимецъ мой старикъ-бурмистръ Макаръ Ивановъ, изъ тѣхъ даровитыхъ встрѣчающихся иногда Русскихъ крестьянъ, что, родись они въ иномъ сословіи, могли бы быть министрами. Я, какъ говорится, души въ немъ не чаялъ, и ради этой безграничной почти моей привязанности къ этому человѣку, Леонъ не посмѣлъ смѣнить его изъ бурмистровъ во время моего трехлѣтняго отсутствія за границей, хотя, помнится мнѣ, ему хотѣлось было это сдѣлать; потому что умный этотъ крестьянинъ не всегда безусловно принималъ его приказы изъ Москвы и иногда былъ зубъ за зубъ съ нимъ. За то и былъ мой Макаръ авторитетомъ и почетною личностію во всей округѣ; даже сосѣдніе дворяне и уѣздныя власти сажали его рядомъ съ собою, звали его Макаромъ Ивановичемъ, а не Ивановымъ, и говорили ему *вы*. Нелады между нимъ и Леономъ, мнѣ извѣстные, нравились мнѣ, потому что казались какъ бы контролемъ одного надъ другимъ; смѣтливый старикъ, зная мое къ нему расположеніе, дѣйствовалъ поэтому иногда

[1]) Въ 1846 и послѣдующихъ годахъ я принялся съ ревностью возобновлять этотъ фруктовый садъ, выгодный въ денежномъ отношеніи. Садъ былъ у меня почти на 3-хъ сороковыхъ десятинахъ, и всѣхъ корней со старыми въ началѣ 60-ыхъ годовъ до тысячи. Подобная почти описываемой зима съ 1867 на 1868 годъ уничтожила мои 20 лѣтніе труды и пощадила не болѣе какъ одну сотню корней, да и изъ нихъ многіе въ страдальческомъ положеніи по сію пору; я отказался отъ дальнѣйшей борьбы съ нашимъ суровымъ климатомъ и болѣе не намѣренъ заниматься плантаціями фруктовыхъ деревьевъ.

[2]) Докторъ Торчинскій, отошедшій отъ меня, въ концѣ 1839 года былъ взятъ Дивовымъ, въ подмосковное его имѣніе Зенино, но не остался долго тамъ, а въ 1846 или 1847 году поступилъ на коронную службу и былъ командированъ въ одну изъ дальнихъ губерній по случаю открывшейся тамъ сильной холеры, но едва пріѣхалъ онъ туда, какъ самъ на второй или третій день заразился ею и умеръ. Въ Порзняхъ его весьма любили какъ сосѣдніе, такъ и мѣстные крестьяне.

совершенно самостоятельно. Говорили мнѣ впослѣдствіи, что онъ не былъ будто чуждъ отъ принятія крестьянскихъ приношеній; но если это и было въ дѣйствительности, то мнѣ не удалось въ этомъ его уличить.

Доживалъ у меня въ Порзняхъ вѣкъ свой любимый отца моего камердинеръ Андрей Антоновичъ Кашинцовъ, возвратившійся изъ Флоренціи въ Россію въ 1822 году. Хотя я конечно никакой службы отъ него не требовалъ, но старикъ, по старой привычкѣ, считалъ долгомъ являться ко мнѣ и прислуживать во время моего стола, не иначе какъ въ бѣломъ галстухѣ и сорочкѣ тонкаго холста съ жабо. Онъ умеръ въ началѣ сороковыхъ годовъ. Кромѣ него жилъ еще тогда въ одной изъ дальнихъ моихъ деревень, у родственниковъ своихъ, другой старый дворовый нашъ человѣкъ, по имени Василій Шенюховъ. О лѣтахъ его можно было приблизительно догадываться изъ того, что когда, бывало, начнетъ онъ разсказывать, что былъ-де тамъ и тамъ со старымъ графомъ, а я ему замѣчу, что отецъ мой никогда, на сколько извѣстно мнѣ, въ этихъ мѣстахъ не бывалъ, онъ скажетъ мнѣ: «Да развѣ я тебѣ говорю о твоемъ родителѣ? Я вѣдь говорю о старомъ графѣ», то есть о дѣдѣ моемъ графѣ Петрѣ (иначе Іонѣ) Александровичѣ, умершемъ въ малолѣтство моего отца. Бесѣды мои съ нимъ повторялись по воскреснымъ только днямъ, когда онъ пріѣзжалъ къ обѣднѣ въ Порзни. По выходѣ отъ меня онъ отправлялся на базаръ и ко своимъ знакомымъ; тамъ, бывало, онъ налижется до положенія ризъ, и его отвезутъ за мертво въ деревню, гдѣ онъ и остается до слѣдующаго воскреснаго дня.

Въ Кинешемскомъ уѣздѣ, смежномъ съ Юрьевецпольскимъ, Леонъ купилъ для меня отъ 700 до 800 десятинъ лѣсу и луговъ, по 4 рубля (кажется) за десятину. Онъ сдѣлалъ это, чтобы, причисливъ эту пустошь, называемую Подрамки, къ Порзненской и получить изъ Опекунскаго Совѣта добавочные по 50 р. на душу, какихъ не выдавали по малоземелью въ Порзненскомъ имѣніи. Но изворотъ этотъ ему не удался по причинѣ, если не ошибаюсь, того, что земля эта была въ общемъ моемъ съ двумя другими лицами владѣніи и осталась чуть-ли не до конца моего помѣщичьяго быта неразмежеванною. Была тамъ, какъ я слышалъ, какая-то рѣченка по имени Мерь; по ней во время весенняго разлива можно будто бы было сплавлять лѣсъ, коего было тамъ немало; Леонъ отправилъ туда рекомендованнаго ему одного господина, чисто изъ Русскихъ, снабдивъ его довѣренностію для этой операціи. Господинъ этотъ, пріѣхавъ первоначально въ Порзни, взялъ денегъ изъ вотчиннаго правленія для расхода по этому дѣлу и, кажется, нуж-

ное ему число крестьянъ, чтобы рубить лѣсъ; весною онъ благополучно сплавилъ заготовленный имъ зимою матерьялъ, но затѣмъ, самъ пропалъ безъ вѣсти, не отдавъ никакого отчета въ своихъ дѣйствіяхъ, и куда дѣвался сплавленный лѣсъ, осталось покрыто мракомъ дальнѣйшей неизвѣстности. И не одинъ таковъ случай былъ у дѣльнаго моего Еврейскаго повѣреннаго.

Обратно въ Москву мы (т. е. Леонъ и я) поѣхали необыкновеннымъ путемъ чрезъ Кинешму, Кострому, Ярославль и Ростовъ. Стужа почти что не уменьшалась во все это время, и по моему (надо правду сказать) постоянно болѣе, чѣмъ по желанію моего спутника, мы останавливались подогрѣвать желудокъ спиртуозностями. Только между Переславлемъ-Залѣскимъ и Троицкимъ Посадомъ холода спустились до 16 градусовъ, и я помню, что это пониженіе температуры показалось мнѣ какъ будто термометръ стоялъ только на точкѣ замерзанія. Переночевавъ въ Троицкомъ посадѣ, я на разсвѣтѣ отправился съ Радзиковскимъ въ Лавру отслужить молебенъ, по окончаніи коего и покуда я шарилъ въ своемъ кошелькѣ что̀ заплатить іеромонаху за службу, онъ подошелъ къ одной мѣстной иконѣ, спустилъ висѣвшую на блокѣ лампадку, почерпнулъ ложкою лежавшею тамъ наготовѣ цѣлую ложку деревяннаго масла и къ ужасу моему проглотилъ ее. Говорю къ ужасу моему, потому что у меня такое враждебное отвращеніе ко всѣмъ возможнымъ масламъ изъ растительныхъ веществъ, даже къ прованскому маслу, что въ постное время для меня все готовятъ почти на водѣ или на миндальномъ молокѣ, а прибавляютъ подсолнечное или горчичное масло въ такомъ маломъ размѣрѣ, чтобы не было отъ него запаха. Я переглянулся съ Радзиковскимъ, знавшимъ мою антипатію къ жидкостямъ, въ недоумѣніи что̀ мнѣ дѣлать, если монахъ пригласитъ меня послѣдовать его примѣру; ибо я предполагалъ, что таковое его дѣйствіе было обрядовымъ признакомъ набожности: по отказу моему монахъ могъ бы меня причесть къ числу ненабожныхъ; а проглотить, да и на тощакъ, цѣлую ложку деревяннаго, сирѣчь фонарнаго, масла... Къ счастію, онъ не сдѣлалъ мнѣ этого предложенія.

Въ Москвѣ, по приглашенію искреннихъ моихъ друзей А. Д. Черткова и его жены, я остановился у нихъ на Мясницкой, гдѣ пробылъ недѣль около двухъ. Будущій фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій (не болѣе, кажется, тогда, какъ армейскій поручикъ), лѣчившійся въ Москвѣ отъ жестокой, полученной на Кавказѣ, раны, былъ почти ежедневнымъ тамъ гостемъ. Елисавета Григорьевна сохраняла еще

тогда всю полноту своего обширнаго и звучнаго голоса; но не знаю, изъ какого каприза, не иначе пѣвала, какъ въ полголоса, даже при близкихъ ей людяхъ, и это приводило меня въ отчаяніе. Досадно было также мнѣ видѣть, что она начинала усвоивать наклонности, привычки и отчасти туалеты почти что старушечьи, тогда какъ старшей ея дочери Елисаветѣ Александровнѣ (нынѣ княгинѣ Голицыной) было едва семь лѣтъ. Меньшая ея дочь, Александра Александровна (впослѣдствіи Винтулова) была уже тогда тщедушная, блѣдненькая и какъ бы предвѣщала что ей не долго быть жилицею сего міра. Григорій Александровичъ, коему было тогда 3 или 4 года, хотя заимствовалъ прекрасныя глаза своей матери, но не ея взглядъ; онъ смотрѣлъ исподлобья и дичился общества.

Я засталъ еще въ живыхъ, но тяжко уже больною, тетку мою графиню Екатерину Артемьевну Воронцову. Она умерла мѣсяца два спустя, твердою въ православіи; слѣдовательно не всегда воспитаніе на иностранный ладъ бывало причиною совращенія въ католичество нашихъ Русскихъ дамъ въ первыхъ двухъ десятилѣтіяхъ нынѣшняго вѣка, и я не ошибаюсь, предполагая, что отпаденію другой моей тетки, графини Маріи Артемьевны, способствовало ея сближеніе съ принцессою Тарантъ, съ тогдашнимъ Петербургскимъ оракуломъ графомъ Іосифомъ де Местромъ, и, можетъ быть, съ Софіею Петровною Свѣчиною. Графиня Екатерина Артемьевна жила тогда въ домѣ князя С. М. Голицына на Пречистенкѣ, съ сестрою коего, княжною Еленою Михайловною, добрѣйшимъ въ мірѣ существомъ, она давно была въ тѣсной дружбѣ и чуть ли не съ нею путешествовала за границей въ послѣднее время. Когда я навѣстилъ тетку, она подергала меня за ухо, въ шутку, за то-молъ, что я женился; этого я точно заслуживалъ, хотя не за выборъ спутницы моей жизни, а за то, что таковому вѣтреннику, каковымъ я былъ, не взирая на мои 29 лѣтъ, не слѣдовало жениться. Въ одно изъ моихъ посѣщеній къ ней взошелъ хозяинъ дома князь Сергѣй Михайловичъ Голицынъ, а вслѣдъ за нимъ князь Дмитрій Владимировичъ Голицынъ, и между ними завязался разговоръ о быломъ времени; князь Сергѣй Михайловичъ началъ подшучивать надъ княземъ Дмитріемъ Владимировичемъ, напоминая ему о его ссылкѣ изъ Петербурга въ Москву императоромъ Павломъ Петровичемъ за то, что, будучи тогда еще молодымъ офицеромъ, онъ не приложился съ подобающею любовію къ царской рукѣ на одномъ куртагѣ, въ которомъ церемоніялъ этотъ былъ установленъ.

Княгиня Татьяна Васильевна (жена князя Дмитрія Владимировича), которую я долгомъ счелъ навѣстить, устроивала тогда въ домѣ у себя

оперу Севильскаго Цирульника Московскими дилеттантами. Роль Розины исполняла хорошенькая собою и талантливая по голосу Александра Дмитріевна Давыдова [1]); Альмавивою былъ мѣстный Рубини, Н. И. Пашковъ; докторомъ Бартоло былъ Александръ Яковлевичъ Скарятинъ [2]), а меня княгиня просила взять на себя роль Фигаро. Надо сказать, что сыграть эту роль на сценѣ было давнишнею моею мечтою, къ тому же я почти всю ее зналъ наизусть; но я извинился передъ княгинею и отказался отъ принятія участія въ ея спектаклѣ, потому что торопился къ женѣ и матери въ Кіевъ. Когда по прибытіи туда я разсказалъ о томъ матери, она, дорожившая всякимъ моимъ успѣхомъ въ хорошемъ обществѣ, сказала, что я напрасно не принялъ предложенія княгини Голицыной. Мѣсто мое занялъ тамъ Ѳеофилъ Матвѣевичъ Толстой (братъ бывшаго послѣ и недавно умершаго министромъ почтъ графа Ивана Матвѣевича), и сценическое это сближеніе съ привлекательною Розиной-Давыдовой не замедлило кончиться ихъ бракомъ.

На обратномъ пути въ Кіевъ я заѣхалъ въ Знаменское взять съ собою, по желанію жены, молодую дворовую дѣвушку, ея крестницу, по имени Настиньку, а также уговорилъ ѣхать со мною къ женѣ Ларису Ростиславовну Голубицкую, отецъ коей незадолго передъ тѣмъ умеръ. Ни тещи моей, ни О. А. Тридона не было тогда въ Знаменскомъ: они были у шурина моего Нарышкина въ его Орловскомъ имѣніи по случаю его женитьбы (ему было всего 20 лѣтъ отъ роду) на Марьѣ Сергѣевнѣ Цуриковой, нѣсколькими годами старше его.

Изъ Знаменскаго я тронулся съ своими сопутницами въ двухъ кибиткахъ и остановился на три, на четыре дня погостить у новобрачныхъ Нарышкиныхъ. Новый тесть шурина моего, Сергѣй Васильевичъ Цуриковъ, давнишній мой знакомый (со времени юнкерства моего въ Орлѣ), принялъ меня дружески и родственно, и въ мою честь далъ обѣдъ у себя въ с. Лебедкѣ, смежномъ почти съ имѣніемъ А. И. Нарышкина. Онъ славился въ околоткѣ образцовымъ сельскимъ хозяйствомъ.

Въ Кіевѣ, между тѣмъ, жена моя успѣла, подъ попечительнымъ крыломъ моей матери, познакомиться съ лучшимъ обществомъ. Естественно, что графиня Анна Артемьевна Бутурлина, не взирая на двад-

---

[1]) Одна изъ сестеръ Давыдовыхъ, также хороша собою, вышла замужъ много позднѣе за князя Долгорукова, извѣстнаго сочинителя Родословной Русскихъ дворянскихъ фамилій.

[2]) Нынѣ генеральнымъ консуломъ въ Неаполѣ.

цатилѣтнее почти отчужденіе свое изъ Россіи, заняла сразу въ Кіевѣ, то почетное мѣсто, какое ей слѣдовало, хотя она рѣдко выѣзжала въ гости. И какъ бы ни глумилась демократія (глумленіе отчасти лисицы надъ виноградомъ) надъ сословіемъ, выше ея по рожденію поставленнымъ, есть какой-то неизгладимый отпечатокъ на людяхъ обоего пола той касты, узнаваемый всѣми ея сочленами безъ различія національностей при первой встрѣчѣ.

Склонная къ наблюдательности, мать моя слѣдила за измѣненіями, происшедшими въ Русскомъ обществѣ (судя по небольшому Кіевскому образчику) съ тѣхъ поръ, какъ она вышла изъ него, и весьма мѣтко нашла, что въ дѣлѣ воспитанія юношества религіозное ученіе высказывалось преимущественно въ знаніи обрядовой болѣе, чѣмъ нравственной стороны. Къ столь вѣрному ея замѣчанію прибавлю отъ себя, что и въ догматическомъ отношеніи (не говоря уже объ исторіи церкви, столь немногимъ извѣстной) усматривается нерѣдко у насъ таже упущенность. Встрѣчалъ я дамъ весьма набожныхъ, озадаченныхъ неожиданнымъ моимъ вопросомъ, на каковомъ основаніи церковь наша молится за усопшихъ, если она не признаетъ существованія чистилища, какъ Западная церковь? Вѣдь понятно, что изъ ада нѣтъ выхода. Да и многіе ли, пожалуй, укажутъ на тотъ моментъ въ литургіи, когда пресуществляются Святые Дары *) и даже могутъ не запинаясь отвѣчать, сколько въ церкви нашей таинствъ съ наименованіемъ каждаго изъ нихъ; или истолковать точный смыслъ столь часто слышанныхъ ими словъ на эктеніи «Елицы оглашенніи изыдите,» или болѣе для мірянъ затруднительныхъ, «ангельскими невидимо дориносима чинми.» Я даже слышалъ отъ одной дамы, будто бы требуется не менѣе шестинедѣльнаго промежутка между однимъ и другимъ причащеніемъ Святыхъ Таинъ, когда никакого для этого срока не положено церковію. Подобное невѣдѣніе своего вѣроисповѣданія прискорбно рознится съ знаніемъ катихизиса и основныхъ правилъ Западной церкви во всѣхъ сословіяхъ съ ранняго возраста ея чадъ.

Кіевское общество было немалочисленное. При генералъ-губернаторѣ графѣ Гурьевѣ состоялъ полковникъ Платонъ Ивановичъ Голубцовъ, женатый на графинѣ Екатеринѣ Дмитріевнѣ Толстой (нынѣ вдова и начальница Кіевскаго женскаго института) и полковникъ Звягин-

*) Не мнѣ впрочемъ это говорить, ибо я къ стыду своему не болѣе какъ два-три года назадъ узналъ, что пресуществленіе Св. Даровъ совершается во время пѣнія на клиросѣ „Тебе поемъ, Тебе благословимъ“, когда священникъ говоритъ „и сотвори убо хлѣбъ сей,“ и проч.

цевъ, мужъ одной изъ тамошнихъ красавицъ (дѣвичьяго ея имени не помню). Жили довольно открыто Трощинскіе. Онъ былъ племянникъ извѣстнаго дѣятеля этой фамиліи; а она, урожденная Кудрявцова, добрѣйшее созданіе, хотя собою нехороша, но имѣла неудачное поползновеніе быть пѣвицею Итальянскихъ арій, каковыя, не смотря на мои артистическіе совѣты и указанія, выходили у ней очень дурно, и не потому только, что голосъ ея былъ самъ по себѣ незавидный и что она не имѣла случая слышать хорошихъ оперныхъ пѣвцевъ, но она составила себѣ идею, что слова въ операхъ вещь совершенно второстепенная, не имѣющая важнаго значенія, и потому вмѣсто напечатанныхъ словъ партиціи, она импровизировала какія-то сочетанія буквъ и слоговъ, столь же похожихъ на Итальянскія слова, какъ на Китайскія. Другой гостепріимный домъ былъ князя Кудашева, женатаго на графини Шуазёль-Гуфье; она была сестра того графа Эдуарда Шуазёля подполковника въ Фердинандовомъ (Изюмскомъ) гусарскомъ полку, о которомъ уже прежде говорено. Общество собиралось также у графа и у графини Бержинскихъ. Онъ былъ Полякъ и меломанъ на скрыпкѣ, а она рожденная княжна Долгорукова. Черты лица были у нея правильны и пріятны при высокомъ ростѣ, но чрезмѣрная ея тучность портило все это [1]). Дочь ея, Марія, тогда еще ребенокъ 6 или 7 лѣтъ, была уже типъ Итальянской или Греческой красоты [2]). Гражданскимъ губернаторомъ былъ только что назначенный тогда нѣкто г. Переверзевъ, вопреки ходатайству графини Евдокіи Петровны Гурьевой доставить это мѣсто ея обычному партнёру въ картахъ вице-губернатору г. П. . . ну. Польскій элементъ игралъ немаловажную роль въ Кіевскомъ высшемъ обществѣ. Губернскимъ предводителемъ былъ камергеръ графъ Тышкевичъ, человѣкъ съ средствами, у коего бывали вечера (помнится мнѣ, разъ въ недѣлю), съ роскошно сервированнымъ ужиномъ и съ Итальянскимъ мэтръ д'отелемъ. Уѣзднымъ предводителемъ былъ Ламбертъ (правильнѣе Маврикій) Осиповичъ Понятовскій. Тамъ же я опять повстрѣчался съ Одесскимъ моимъ знакомымъ графомъ Густавомъ Олизаромъ. Онъ былъ крайне забавенъ въ обществѣ, смѣшилъ своими анекдотами и, сверхъ всего, владѣлъ небывалымъ искусствомъ рвать пальцами бумагу безъ пособія ножницъ, изъ коей удивительно хорошо у него выходили всякія фигуры, животныя и деревья. Жена его была пресимпатичная барыня, съ которою пріятно бывало мнѣ пѣть, такъ

[1]) Графиня Екатерина Андреева Бержинская была родная сестра нынѣшняго (въ 1869 г.) Московскаго военнаго генералъ-губернатора.

[2]) Она вышла въ концѣ 40-хъ или въ началѣ 50-хъ годовъ за нѣкоего (кажется) г. Склингера.

какъ она усовершенствовала свой талантъ въ Италіи [1]). Но звѣздою Польскаго и всего вообще Кіевскаго общества была прелестная графиня Евелина Ханская, рожденная графиня Ржевуцкая, сестра графини Каролины Собаньской и генералъ-адъютанта графа Адама Ржевуцкаго. Въ бытность ея передъ тѣмъ въ Парижѣ она произвела глубокое впечатлѣніе на знаменитаго литератора Бальзака, и онъ изобразилъ ее, какъ говорятъ, въ своей повѣсти «Le lys de la vallée.» Она вела съ нимъ переписку и по смерти своего старика мужа вышла замужъ въ въ 40-хъ годахъ за знаменитаго этого Француза. Излишняя полнота тѣлосложенія вредила отчасти ея красотѣ; но бархатный взглядъ (regard velouté) имѣлъ что-то идеальное, не описанное, также какъ и ея улыбка, выражающая спокойствіе сердца, привѣтливость къ каждому и какую-то дѣтскую веселость. Она шапронировала двухъ мужниныхъ племянницъ, сестеръ Вележинскихъ, очень милыхъ дѣвушекъ, но не отличавшихся красотою. Старшій всѣхъ изъ Ржевускихъ былъ графъ Генрихъ, извѣстный Польскій писатель и оригинальнаго ума человѣкъ. Я познакомился съ нимъ не ранѣе 1845 года въ Петербургѣ, гдѣ онъ проживалъ въ стѣсненномъ, повидимому, положеніи по какому-то, помнится мнѣ, тяжебному дѣлу, и гдѣ онъ бывалъ ежедневнымъ почти гостемъ у дальняго моего родственника князя Петра Дмитріевича Черкаскаго [2]). Разговоръ его былъ игривый и сатирическій; жилъ онъ на скромной квартирѣ, на Васильевскомъ острову, и увѣрялъ, что когда ему случалось заболѣвать, то онъ просилъ хозяйку свою призвать къ нему доктора изъ самыхъ неизвѣстныхъ и почти что негодныхъ, на томъ-де основаніи, что мало мальски извѣстный медикъ захотѣлъ бы, пожалуй, дѣлать надъ нимъ, никому неизвѣстнымъ субъектомъ, какой-нибудь опытъ новаго способа лѣченія, дабы, если оно удастся, примѣнить этотъ способъ въ случаѣ болѣзни графа Петра Андреевича Клейнмихеля или кого другого изъ Петербургскихъ тузовъ; тогда какъ прозябающій въ своемъ темномъ уголкѣ эскулапъ уже по своему общественному положенію, не могъ бы позволить себѣ таковыхъ честолюбивыхъ замысловъ. Изъ Кіева онъ писалъ князю П. Д. Черкаскому, что городъ и весь юго-западный край въ большемъ недоумѣніи по причинѣ смѣщенія г. П—ва (правителя канцеляріи генералъ-губернатора Д. Г. Бибикова), потому что во время могущества этого госпо-

---

[1]) Слышно было что графъ Олизаръ когда-то былъ влюбленъ въ одну изъ дочерей генерала Раевскаго и за нее сватался; почему ему было отказано, не знаю. Братъ графа Олизара участвовалъ въ Польскомъ возстаніи 1831—1832 г. и эмигрировалъ за границу.

[2]) Князь П. Д. Черкаскій былъ въ началѣ 50-хъ годовъ Симбирскимъ губернаторомъ и умеръ холерою въ Петербургѣ, осенью 1852 года. Жена его, княгиня Марія Семеновна, была рожденная Аладьина.

дина извѣстно было, по крайней мѣрѣ, кому нужно было давать, а теперь неизвѣстно кому. (Само собою разумѣется, что Д. Г. Бибиковъ не могъ быть причастенъ взяточничеству правителя своей канцеляріи, который хотя и назначенъ былъ куда-то губернаторомъ, но карьера его скоро оборвалась какимъ-то служебнымъ скандаломъ).

Меньшой изъ графовъ Ржевуцкихъ, недавно передъ тѣмъ вышедшій въ отставку изъ кирасирскаго принца Альберта полка, женился немного позже на нѣкоей Ивановской, родной сестрѣ жены Даріуса Осиповича Понятовскаго *). Была еще другая той фамиліи Ивановская, богатая наслѣдница, но родня ли двумъ вышесказаннымъ, не знаю, вышедшая замужъ, около этого же времени за одного изъ тогда молодыхъ князей Витгенштейновъ. Мать ея была подвержена какой-то спячкѣ, находившей на нее внезапно и продолжавшейся чуть ли не по цѣлымъ суткамъ; о ней разсказывали что, отправившись съ дочерью-невѣстою къ мѣсту, назначенному для свадьбы послѣдней, она заснула на одномъ переѣздѣ, о чемъ дали знать жениху, и пришлось отложить бракъ на нѣсколько дней, пока она проснулась и можно было ей продолжать путь.

Пріѣзжалъ тогда также въ Кіевъ на короткое время родственникъ Понятовскихъ, помѣщикъ того края, красавецъ Дзіяконскій, съ женою старше его, и не подъ пару своему мужу, урожденною Пшездзецкою. Онъ подверженъ былъ хандрѣ и лѣчился, не знаю отъ какой болѣзни, у одной извѣстной тогда ясновидящей, предписавшей ему между прочимъ вскарабкаться на площадку, нарочно для того устроенную на столбу и тамъ сидѣть опредѣленное время, сверхъ чего глотать въ извѣстныхъ пріемахъ крупный рѣчной песокъ (gravier), и онъ слѣпо исполнялъ это. Жену его я помнилъ въ моемъ отрочествѣ въ Италіи, еще незамужнею; о ней разсказывали, что, полюбопытствовавъ посѣтить какую-то мужскую обитель въ южной Италіи или Сициліи, куда входъ женщинамъ былъ запрещенъ, она переодѣлась въ мужское платье, но рость и корпуленція выказали настоящій ея полъ, и она была выпровождена со скандаломъ.

Мы нанимали домъ въ концѣ улицы (кажется, Липки) противъ графа Януша Ильинскаго (впослѣдствіи сенатора). По наслышкѣ я

---

*) Даріусъ Осиповичъ и его жена Діонизія, когда-то красавица, по совершенному разстройству здоровья обоихъ провели послѣдніе года жизни за границей: онъ умеръ въ 1867 г., а жена скоро послѣдовала за нимъ. Дѣтей у нихъ никогда не было. Болѣзнь этой женщины была странная: мнѣ разсказывали, что во Флоренціи, въ знойный Іюльскій день, она зябла и не покидала почти никогда мѣховаго верхняго платья.

зналъ, что онъ былъ ярый меломанъ, воображалъ себя композиторомъ и будто бы посвятилъ папѣ одну свою оркестрированную мессу, но не добился знаменитости; въ нашемъ обществѣ онъ не показывался, у себя весьма немногихъ принималъ. Онъ былъ владѣльцемъ извѣстнаго въ юго-западномъ околоткѣ помѣстья Романова, то есть Рома-нова (Roma nuova), иначе Новый Римъ; названіе это придумано было еще его отцемъ, начавшимъ строить тамъ костелъ, имѣвшій будто бы соперничать съ церковью Св. Петра въ Римѣ. Насколько было выполнено столь гигантское предпріятіе, мнѣ неизвѣстно; но я слышалъ, что, въ бытность замысловатаго строителя въ Италіи, онъ добился разрѣшенія у Римской куріи пріобрѣсти и вывезть для своего храма мощи какихъ-то святыхъ, раки коихъ были нагружены на корабль; но во время плаванія сдѣлалась сильная буря, и изувѣрные матросы, приписывавшіе взолнованіе стихіи присутствію мощей, хотѣли было выкинуть ихъ въ море. Было ли это ими совершено или нѣтъ, не знаю.

Показывался также временно въ Кіевѣ, но не жилъ тамъ постоянно, молодой князь Любомирскій, помолвленный на красавицѣ Зинаидѣ Голынской, мать коей была рожденная графиня Толстая, сестра Екатерины Дмитріевны Голубцовой; условіемъ его женитьбы (состоявшейся въ теченіе лѣта 1836 г.) было, чтобы молодая Голынская перешла въ Римскую церковь, что̀ и сбылось *).

Паисій Сергѣевичъ Кайсаровъ жилъ тогда въ Кіевѣ по случаю пребыванія тамъ штаба 4-го корпуса. Мать моя была коротко знакома съ женою и дочерью Кайсарова, проживавшими по причинѣ здоровья въ Италіи, вслѣдствіи чего онъ сдѣлался частымъ у насъ посѣтителемъ. Онъ былъ добрѣйшій и обязательнѣйшій человѣкъ, по службѣ, кажись, не педантъ и, помнится мнѣ, любимъ подчиненными; словомъ, не подходилъ къ картоннымъ генераламъ Николаевскаго времени.

Въ одномъ изъ пѣхотныхъ полковъ корпуса П. С. Кайсарова служилъ офицеромъ умершій нынѣ Евграфъ Ростиславовичъ Голубицкій, братъ привезенной мною въ Кіевъ Ларисы Ростиславовны. Лишь только она намекнула при Паисіи Сергѣевичѣ, что нѣсколько уже лѣтъ какъ она не видалась съ братомъ, онъ немедленно сдѣлалъ распоряженіе вытребовать въ корпусную квартиру этого офицера, и тѣмъ привелъ въ крайнее изумленіе его самого и весь полкъ, въ которомъ онъ

*) Причиною таковаго условія могъ быть законъ о смѣшанныхъ бракахъ, по которому если одна изъ брачущихся сторонъ принадлежала православному исповѣданію, то всѣ дѣти имѣли быть того же исповѣданія, чего, вѣроятно, не допускала Польская аристократія.

служилъ, такъ какъ о причинѣ вызова не было объяснено. Когда г. Голубицкій явился въ Кіевѣ къ своему генералу, послѣдній разъяснилъ ему, въ чемъ дѣло, прибавивъ, что онъ можетъ оставаться въ Кіевѣ сколько ему будетъ угодно, и просилъ приходить обѣдать у него безъ церемоніи, когда заблагоразсудится. Жена и я часто хаживали въ походную церковь Кайсарова, гдѣ четверо изъ нижнихъ чиновъ удивительно какъ стройно пѣвали, подъ управленіемъ одного изъ нихъ, замѣчательнаго тенора, изъ тѣхъ теноровыхъ голосовъ, что̀ потрясаютъ всю внутренность души; онъ былъ когда-то пѣвчимъ въ придворной капеллѣ и за какую-то провинность попалъ въ рядовые. Узнавъ о частомъ нашемъ посѣщеніи походной церкви, Паисій Сергѣевичъ распорядился, чтобы тѣ пѣвчіе всегда пѣвали при тамошнихъ службахъ и позволялъ имъ приходить къ намъ въ домъ; помнится мнѣ, что мать моя была взволнована этимъ пѣніемъ, столь много вѣроятно ей напоминавшимъ. Повторяю сказанное прежде: не ускользнуло отъ моихъ наблюденій, что семейныя наши прозелитки не могли и не могутъ заглушить окончательно въ себѣ взрывовъ національной религіозности, притаившейся до поры до времени *).

Жена моя имѣла полный успѣхъ въ Кіевѣ, чѣмъ я былъ совершенно счастливъ. Она была лелѣяннымъ ребенкомъ въ этомъ обществѣ, не говорю львицею, потому что была слишкомъ молода и неопытна для такой ея роли. Она въ то время видимо похорошѣла, и признаки первой беременности, оказавшіеся въ серединѣ лѣта, дѣлали ее еще интереснѣе. Мнѣ кажется, что я именно тогда болѣе влюбился въ нее, чѣмъ будучи женихомъ. Къ тому же, неискушаемый примапкою разгула съ невзрачными моими Московскими знакомыми, я чувствовалъ, что добрые инстинкты натуры брали свое, да и присутствіе матери моей поставило меня сразу, такъ сказать, въ колею прежней моей семейной жизни, и однимъ изъ благотворныхъ слѣдствій того было, что я весь предался молодой моей женѣ. Она подружилась съ ровесницею ей по годамъ Елисаветою Матвѣевной Могилянскою. Это была милая, натуральная до наивности, хотя не глупая, дѣвушка. Родители ея, мѣстные старо-

*) Въ послѣднюю бытность мою въ Италіи въ 1862—1863 году, сестра моя Марія Дмитріевна Дини съ радостію приняла отъ меня изданіе Новаго Завѣта порусски (1859 г.) только спросила, не изданіе ли это Библейскаго Общества, въ чемъ я ее успокоилъ; при чемъ надо пояснить, что изданія библейскія у Латинянъ не допускаются, какъ произведенія протестантизма. Она заявила также мнѣ желаніе имѣть книгу описанія всѣхъ чудотворныхъ иконъ Пресвятыя Богородицы, признаваемыхъ нашею церковью. Подобныя проявленія противорѣчатъ нетерпимости Римской церкви ко всему *схизматическому*, доходящей до того, что Латиняне (покрайней мѣрѣ въ Италіи) не допускаютъ нашихъ иконъ въ свои образные кивоты.

жилы, никуда не выѣзжали, по причинѣ своихъ лѣтъ и, думаю, невеликихъ своихъ житейскихъ средствъ, и потому дочь ихъ появлялась въ свѣтѣ подъ эгидою Е. Д. Голубцовой и достойнѣйшей ея сестры, незамужней и не первой уже молодости, графини Анны Дмитріевны Толстой *). У Могилянскихъ была своя загородная небольшая дача, куда Елисавета Матвѣевна обѣщалась насъ свозить полюбоваться роскошными посадками розъ, но ошиблась временемъ ихъ цвѣтенія и привезла насъ въ свой садъ, когда уже рабатки были осыпаны лепестками отцвѣтшихъ розъ, при видѣ чего она бѣдняжка до того сконфузилась, что почти со слезами просила нашего прощенія не за свою ошибку, а за невѣжливость, такъ сказать, царицы цвѣтовъ. Это была натура тихая, робкая, какъ бы недовѣрчивая къ самой себѣ, привлекательная не столько складомъ лица, какъ своею женственностію, залогомъ супружескаго счастія человѣка, коему она имѣла вручить навсегда свою судьбу, и каковой залогъ оправдался вѣроятно на дѣлѣ, когда эта милая дѣвушка вскорѣ послѣ нашего отъѣзда изъ Кіева вышла замужъ. Она, бывало, на балахъ какъ бы пугалась приглашенія кавалера изъ холостыхъ мало ей знакомаго, и радостно принимала мое приглашеніе, какъ мужа своего друга. Въ числѣ бальныхъ посѣтительницъ заведенія минеральныхъ водъ (гдѣ нынѣ отстроенъ дворецъ), не входившихъ, не знаю почему, въ составъ нашего общества, были сестры Бѣлокопытовы и ихъ родственницы Вишневскія; одна изъ послѣднихъ вышла позднѣе за князя Долгорукова. Рядомъ почти съ нами жила молодая чета какихъ-то Лопухиныхъ, никуда не выѣзжавшая изъ боязни церковнаго преслѣдованія по поводу того, что двѣ родныя сестры, дѣвичьей фамиліи коихъ не помню, вышли замужъ за двухъ родныхъ братьевъ, вещь недопускаемая, какъ извѣстно, каноническими правилами. Чѣмъ дѣло ихъ кончилось, не знаю; но обѣимъ четамъ сочувствовала публика. Сосѣдка наша, которую я видалъ мелькомъ сидящею съ работою у своего окна, показалась мнѣ дивно хорошенькою; мужъ ея былъ адъютантомъ у какого-то генерала. Не договорилъ я, что Польскій элементъ уживался, какъ рѣдкое исключеніе, съ Русскимъ въ Кіевскомъ высшемъ обществѣ.

Мать моя отыскала прежнюю свою Московскую до 1812 года знакомую старушку г-жу Хвостову, когда-то проживавшую тамъ при

*) Графиня А. Д. Толстая была болѣзненнаго сложенія и давно умерла. Напоминаю, что сестрами ея были графиня Влодекъ (мать красавицы графини Заводовской) и г-жи Лачинова и Голынская. Изъ братьевъ, коихъ было нѣсколько, я знавалъ только графа Николая Дмитріевича, получившаго огромное наслѣдство отъ дяди своего Рязанскаго помѣщика генерала Измайлова, и графа Константина Дмитріевича поручика л.-гусарскаго полка въ 1830 г., умершаго въ молодости отъ аневризма.

роскошной обстановкѣ, а въ Кіевѣ прозябавшую въ нуждающемся почти положеніи на скромной весьма квартиркѣ. Житейскія свои невзгоды она переносила съ истиннымъ христіанскимъ смиреніемъ и предалась религіозному подвижничеству, сохранивъ въ преклонныхъ лѣтахъ всѣ умственныя способности и даже веселость характера. Жена и я навѣстили ее однажды; меня поразила непринужденная назидательность ея бесѣды, чуждая сухости и религіознаго мистицизма. Весьма теперь сожалѣю, что по тогдашнему моему легкомыслію я не позаботился получить отъ матери моей болѣе подробныхъ біографическихъ свѣдѣній объ этой личности, а нынѣ не къ кому для этого прибѣгнуть. Какъ религіозное направленіе, такъ и моральный взглядъ на жизнь были одинаковыми у обѣихъ этихъ женщинъ, лѣта и таже свѣтское отчасти положеніе почти что тѣже, и потому общія имъ воспоминанія молодости и житейской измѣненной на столько обстановки должны бы были, кажется, сблизить обѣихъ при этой неожиданной встрѣчѣ, между тѣмъ онѣ обѣ остались въ этомъ случаѣ на ногѣ свѣтскихъ только учтивостей. Отъ чего же это случилось, если не отъ различія религіозныхъ убѣжденій, коимъ обѣ всецѣло предались?

Изъ студентовъ Кіевскаго университета [1]) кавалерами были на балахъ меньшой братъ выше упомянутаго князя Любомирскаго, нѣкто г. Бутовичъ изъ богатыхъ Малороссійскихъ помѣщиковъ того края, и Дмитрій Алексѣевичъ Сверчковъ, сынъ бывшаго нашего повѣреннаго во Флоренціи, родной племянникъ генералъ-губернатору графу Гурьеву. Этотъ молодой человѣкъ былъ вѣтренникъ и попадался въ студенческія исторіи, кромѣ чего проглядывались уже тогда въ его разговорахъ какія-то странности, кончившіяся много позднѣе тѣмъ, что онъ, уже женатый, впалъ въ умопомѣшательство, въ каковомъ онъ по позднѣйшимъ моимъ о немъ свѣдѣніямъ находится и по сіе время [2]). Болѣе интимными кавалерами нашего кружка были нѣкто Николай Петровичъ Бибиковъ, тогда адъютантъ при графѣ А. Д. Гурьевѣ (а позднѣе Симбирскій губернаторъ) и молодой Лифляндецъ или Курляндецъ г. Эвенсъ, чиновникъ генералъ-губернаторской канцеляріи. Изъ бальныхъ кавалеровъ былъ нѣкто Иванъ Ивановичъ Роде, служившій тогда гдѣ-то въ Кіевѣ.

---

[1]) Попечителемъ Кіевскаго учебнаго округа былъ г. Фонъ-Брадке.

[2]) Сестра его, какъ и онъ самъ, родилась при мнѣ во Флоренціи, была одна изъ Петербургскихъ красавицъ начала 40-хъ годовъ, вышла тамъ замужъ за иностранца Гуерреро, разъѣхавшись съ нимъ вышла, помнится мнѣ, при жизни еще мужа за г. Зиновьева и жила съ нимъ въ Ярославлѣ.

Имѣлась тогда въ Польскомъ театрѣ порядочная весьма, хотя малолюдная, Французская водевильная труппа, содержавшаяся по подпискѣ: обстоятельство, доказывающее цивилизованный уровень мѣстнаго общества и денежные его рессурсы. Когда въ городѣ не было ни баловъ, ни вечеринокъ, сборнымъ мѣстомъ для всѣхъ былъ театръ. Намъ обоимъ такъ весело жилось въ Кіевѣ, что не хотѣлось ѣхать съ матерью моею въ Италію, и особенно женѣ, тѣмъ болѣе, что въ началѣ лѣта теща моя не утерпѣла и пріѣхала къ дочери въ Кіевъ, гдѣ и оставалась до отъѣзда нашего въ Августѣ за границу....

Покойница крѣпко любила меня, горячо заступалась за меня и не разъ поддерживала мое мнѣніе въ противность мнѣнію своей дочери.

Возвращаюсь къ Кіевскимъ событіямъ.

Митрополитомъ давно уже былъ мастистый Евгеній Болховитиновъ, извѣстный археологъ. Про его отношенія въ молодости къ моему семейству я уже говорилъ подробно въ первой части сихъ записокъ. Викарнымъ архіеремъ, съ титломъ епископа Чигиринскаго, былъ не старый еще, и съ привлекательною наружностью, преосв. Владиміръ, уроженецъ Владимирской епархіи, а имя его въ мірѣ было Василій Ѳедоровичъ Алавдинъ. Онъ былъ между прочимъ замѣчателенъ блистательнымъ даромъ слова и заготовленныя свои проповѣди говорилъ наизусть яснымъ и звонкимъ голосомъ. Слогъ его былъ не дюжинной семинарской рутины, а смѣлъ мыслію; слышалось живое слово, и нравоученіе прямо обращалось на пороки встрѣчающіеся въ наклонностяхъ и ежедневныхъ привычкахъ разносословныхъ его слушателей. Монаху строгой жизни, ему пріятно было видѣть Кіевскихъ дамъ у себя за чаемъ, послѣ литургіи по воскресеніямъ въ Михайло-Архангельской златоглавной своей обители, и дамы усердно посѣщали архіерейскую его службу. Замѣтивъ однажды, что жена моя не была у него у всенощной наканунѣ какого-то большого праздника, онъ спросилъ у нея, когда на слѣдующій день мы оба посѣтили его послѣ обѣдни, о причинѣ ея отсутствія, и она съ дѣтскою наивностію отвѣчала, что не была въ церкви, потому, что захотѣлось ей быть въ тотъ вечеръ въ театрѣ. Іерархъ этотъ, казавшійся предназначеннымъ занять видное мѣсто въ ряду архипастырей нашей церкви, по стеченію непріязненныхъ и по мнѣнію моему незаслуженныхъ имъ обстоятельствъ, сошелъ преждевременно съ церковнаго поприща и умеръ въ силѣ лѣтъ въ 1843 или 1844 году въ почетной ссылкѣ епископомъ одной изъ Сибирскихъ епархій, куда его упекли, вѣроятно, по недоброжелательству

изъ Костромы. Я имѣлъ счастіе сблизиться съ нимъ и пользовался дружественнымъ, смѣю сказать, его расположеніемъ. Начатое мое съ нимъ знакомство въ Кіевѣ продолжалось въ Костромѣ, гдѣ случалось мнѣ, какъ помѣщику той губерніи, навѣщать его. Будучи за границей съ женою, я переписывался съ нимъ. Его обвиняли въ кругу высшей церковной администраціи за крутость будто бы характера и излишне-строгую взыскательность съ подчиненнаго ему духовенства; другихъ упрековъ я противъ него не слыхалъ, между тѣмъ какъ самъ А. Н. Муравьевъ, служившій тогда въ Сунодѣ и коего я просилъ ходатайствовать за преосвящен. Владимира, сказалъ мнѣ что имъ были не довольны въ Петербургѣ [1]). Тщетно силился я убѣдить его, что іерархъ этотъ оклеветанъ: слабая моя адвокатура, неподкрѣпленная никакими доказательными фактами, была гласомъ въ пустынѣ. При первомъ моемъ свиданіи съ преосв. Владимиромъ, послѣ этого моего разговора съ А. Н. Муравьевымъ, я передалъ ему въ точности его слова и совѣтовалъ принять мѣры къ оправданію, на что онъ отвѣчалъ, что готовъ встрѣтить все худшее и, кажется, добавилъ, что ему не остается ничего болѣе дѣлать. А тутъ, какъ вѣнецъ всего, было несчастное слѣдующее приключеніе отъ его неосторожности. Онъ взялъ на себя постройку хозяйско-экономическимъ способомъ, помимо подрядовъ, новаго храма въ Ипатьевскомъ монастырѣ [2]), и только что довершался куполъ, какъ онъ и часть строенія обрушились, что̀ и вызвало форменное о томъ слѣдствіе. Касательно упрека его въ чрезмѣрной строгости я освѣдомился отъ Костромскихъ жителей, что однажды въ первый день Пасхи онъ отправился будто бы во время вечерень обозрѣвать нѣсколько церквей въ самой Костромѣ, чтобы удостовѣриться лично въ степени трезвости ихъ причтовъ. Спрашиваю: развѣ это можетъ служить къ его обвиненію? По разсказамъ очевидцевъ, онъ былъ отваженъ до неустрашимости, углубляясь во время своихъ ревизій по епархіи въ сплошныя селенія самыхъ закоснѣлыхъ раскольниковъ, каковыхъ чуть-ли не большинство въ иныхъ изъ-заволжскихъ уѣздовъ,

[1]) Кстати о Муравьевѣ передамъ слышанное отъ него самаго, что, чувствуя сильное влеченіе поступить въ духовный санъ (вѣроятно въ черноризничество), онъ говорилъ о томъ съ графомъ Протасовымъ, который ему объявилъ рѣшительно, что пока онъ (гр. Протасовъ) останется оберъ-прокуроромъ Св. Сунода, онъ никогда не допуститъ Андрея Николаевича поступить въ духовный санъ, по какой причинѣ, не знаю. А между тѣмъ какъ плодотворно было бы для Русскаго высшаго общества, еслибы Муравьевъ посвященъ былъ во епископы!

[2]) Обитель эта, подгородное пребываніе Костромскихъ архіереевъ, знаменита въ исторіи по укрывательству въ ея стѣнахъ Михаила Θеодоровича Романова. Комнаты, имъ занимаемыя въ той обители, въ родѣ терема, были реставрированы въ 1839 году и изданы въ литографіи братьями Чернецовыми, уроженцами Костромскаго города Луха.

съ цѣлію увѣщеванія сихъ заблудшихъ, въ чемъ не имѣлъ, помнится мнѣ, никогда поддержки со стороны мѣстной высшей губернской администраціи, склонной почти что мирволить раскольникамъ. Изъ этого выходило, что архіерей былъ поставленъ между двухъ огней, ибо въ то Николаевское время изъ Петербурга предписывались строгія противъ сектантовъ мѣры. Сопровождавшій его въ одной изъ таковыхъ поѣздокъ исправникъ разсказывалъ послѣ, что онъ самъ не на шутку струсилъ при видѣ недружелюбныхъ физіономій увѣщеваемой публики; а какъ время подходило къ ночи, да и въ глуши, безъ всякой надежды внѣшней помощи въ случаѣ открытыхъ враждебныхъ дѣйствій крестьянъ-сектантовъ, то онъ наотрѣзъ объявилъ преосвященному, что если не поспѣшитъ немедленно удалиться, то онъ (исправникъ) не ручается за послѣдствія. Передано было также мнѣ изъ вѣрнаго источника, что, посѣтивъ однажды Тихоновскую-Луховскую обитель, онъ говорилъ монахамъ, что они-де «не монахи, а пивные котлы». Скажутъ, быть можетъ иные, такъ почему же онъ терпѣлъ подобное зло? А какъ бы, спрашиваю, могъ онъ одинъ искоренить его? Дѣло заглазное и укрѣпившееся молчаливою санкціею нѣсколькихъ, можетъ быть, поколѣній; а онъ управлялъ епархіею всего пять - шесть лѣтъ: «Одинъ въ полѣ не воинъ». Помню особенно въ общихъ чертахъ одну его проповѣдь противъ пьянства въ рабочьемъ людѣ и запоя, сказанную въ уровень съ ихъ понятіемъ и развитостью, съ употребленіемъ даже ихъ слога, безъ всякихъ метафоръ и риторическихъ украшеній *). И вотъ этого-то человѣка Н. Н. Муравьевъ выбралъ было себѣ въ помощники, въ бытность нашу предыдущей осенью въ Кіевѣ, чтобы фактами доказать моей матери объ отступничествѣ Римской церкви отъ апостольскаго православія. Мать моя не избѣгала этихъ преній и даже по отбытіи изъ Кіева Муравьева посѣтила (можетъ быть, даже болѣе раза) преосв. Владимира; но ничего изъ сего не произошло.

Всѣ мои біографическія свѣдѣнія о достойномъ этомъ іерархѣ, заслуживавшимъ лучшей участи, ограничиваются тѣмъ, что онъ былъ (какъ я уже сказалъ) уроженецъ Владимирской губерніи; свѣтское его имя было Василій Ѳеодоровичъ Алавдинъ, въ родствѣ съ знаменитымъ М. М. Сперанскимъ; въ 1830 году онъ былъ ректоромъ Калужской духовной семинаріи, когда архіереемъ былъ тамъ, если не ошибаюсь, Гавріилъ, впослѣдствіи Рязанскій архіепископъ.

---

*) Проповѣди и рѣчи преосв. Владимира были напечатаны въ 2-хъ томахъ около 1840 года, но, конечно, онѣ много теряютъ при чтеніи. Не помню, чтобы я когда нибудь слыхалъ подобную его дикцію.

Счастливымъ себя считаю, принося эту лепту памяти непреклоннаго въ правдѣ и недоступнаго страху владыки, каковыхъ желательно бы чаще встрѣчать въ рядахъ нашей іерархіи *).

Кіевъ представлялъ ученому митрополиту Евгенію обширное поле любимымъ его археологическимъ изслѣдованіямъ, и онъ не преминулъ тѣмъ воспользоваться. Ему обязаны открытіемъ памятниковъ Владимирвой и Ярославовой старины, Золотыхъ Воротъ, безслѣдно зарытыхъ до того времени въ валу окружавшемъ первобытный княжескій городъ. Кстати упомяну, что вандализмомъ графа Левашева, предмѣстника графа А. Д. Гурьева, срыта была до основанія часть вала стараго Кіева, и тотъ же администраторъ срубилъ пирамидальные тополи, окаймлявшіе по обѣимъ сторонамъ нѣкоторыя улицы. Во фронтовомъ своемъ рвеніи соблюдать, елико возможно, прямую линію, онъ выровнялъ бугроватыя откосы одной изъ гористыхъ улицъ, и работа эта исполнена была столь поспѣшно и повидимому неожиданно, что въ одномъ мѣстѣ, какъ передано было мнѣ, одинъ несчастный аптекарь лишился будто бы всякаго приступу къ своему дому, потому что обрывъ горы подходилъ къ самому его крыльцу.

Подъ надлюденіемъ митрополита Евгенія раскопаны былъ также фундаментъ и все нижнее основаніе стѣнъ церкви св. мученицы Ирины, отъ которой не было въ виду никакихъ слѣдовъ и о которой жители не имѣли даже понятія; а по отрытымъ останкамъ можно было ясно усмотрѣть все внутреннее расположеніе храма. Имъ же отысканы основанія Ярославовой знаменитой Десятинной церкви; къ сожалѣнію, выстроена вмѣсто нея вновь церковь того же имени, но воздвигнута не на прежнемъ своемъ фундаментѣ и не въ прежнихъ размѣрахъ, по экономическимъ, вѣроятно, разсчетамъ, и древній ея фундаментъ снова зарытъ въ землю. Не договорилъ я, что часть древняго вала, окружавшая Софійскій соборъ и Злато-Верхо-Михайловскій монастырь, была срыта, подъ предлогомъ, что она стѣсняла проѣздъ, какъ будто полупустынная эта часть древняго Кіева кипѣла экипажами и пѣшеходами, какъ Ильинка

*) Слыхалъ я отъ современниковъ о другомъ, несклонномъ къ лести іерархѣ Пензенскомъ Амвросіи, которому также якобы не посчастливилось по той же самой причинѣ. Разсказывали, что во время царскаго (при Александрѣ 1-мъ) смотра подъ Пензою 2-го пѣхотнаго корпуса, въ 1823 или 1824 году, когда Государь долженъ былъ возвратиться въ городъ, этотъ архіерей готовился встрѣчать его съ крестомъ и со смѣло-поучительною рѣчью; но такъ какъ эти торжественныя часто повторяющіяся встрѣчи надоѣли наконецъ Царю, то преосв. Амвросій былъ отозванъ отъ своей епархіи; дальнѣйшая его участь мнѣ неизвѣстна. Я глубоко сочувствую всякимъ личностямъ, а наипаче церковнымъ, которые неустрашимы предъ сильными сего міра.

въ Москвѣ. Часть того же вала, выходившая на Крещатикъ, съ крѣпостными воротами, также срытыми, была будто бы не древняя, а воздвигнута фельдмаршаломъ графомъ Минихомъ, и потому не стоила сожалѣнія; какъ будто бы и Елисаветинская эпоха не составляетъ уже для насъ старины? Въ описываемое время отъ Елисаветинскаго же дворца, сооруженнаго архитекторомъ Растрелли, оставался одинъ нижній каменный этажъ, обращенный въ заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ, съ залами, гдѣ разъ въ недѣлю бывали танцовальные вечера; верхній же деревянный этажъ дворца сгорѣлъ еще въ 20-ыхъ годахъ. Я однакоже помню его мелькомъ во время семейнаго нашего проѣзда чрезъ Кіевъ въ Италію въ 1817 году, и кажется мнѣ, что тогда жилъ въ немъ съ своимъ семействомъ одинъ изъ героевъ отечественной войны двѣнадцатаго года, генералъ Раевскій, командиръ корпуса, штабъ коего былъ тогда въ Кіевѣ. Въ одномъ изъ уцѣлѣвшихъ двухъ каменныхъ флигелей дворца была гостинница, гдѣ мы съ матерью приставали на пути въ Таганчу осенью 1835 года.

Слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о наружности митрополита Евгенія, которая, впрочемъ, была отнюдь не изъ таковыхъ, чтобы на его челѣ, чертахъ лица и въ небольшихъ синихъ (помнится мнѣ) его глазахъ выражалось присутствіе особеннаго ума; или, точнѣе сказать, никакого особеннаго выраженія онъ не имѣлъ. Тѣлосложенія былъ онъ тучнаго, хотя минуло ему за семьдесятъ лѣтъ, лице совершенно круглое; на одной щекѣ, около носа, была большая бородавка и весь черепъ лысый.

Ректоромъ Духовной Академіи (въ Братскомъ монастырѣ на Подолѣ) былъ архимандритъ Иннокентій, обѣщавшій уже тогда стать на ту точку церковнаго краснорѣчія, которая впослѣдствіи пріобрѣла ему имя современнаго Златоуста. Даръ этотъ онъ выказалъ въ надгробномъ словѣ, экспромптомъ, весною 1836 года, при похоронахъ артиллерійскаго генерала князя Яшвиля. Свидѣтели разсказывали мнѣ, что онъ весьма эффектно сдѣлалъ паузу въ своей рѣчи, во время которой послѣдовалъ залпъ изъ орудій, и затѣмъ онъ продолжалъ, указавъ на эту почесть какъ на послѣднюю житейскую дань военнымъ заслугамъ покойника отечеству.

Престарѣлый, но еще бодрый фельдмаршалъ князь Сакенъ не выѣзжалъ почти никуда, и мнѣ не случилось видѣть его. Когда мать моя первоначально проѣзжала одна чрезъ Кіевъ изъ Флоренціи въ Тепловку, то онъ счелъ однакоже долгомъ навѣстить ее, что̀ самое сдѣлалъ

тогда и графъ А. Д. Гурьевъ, къ немалому удивленію хозяйки постоялаго двора, гдѣ мать моя изъ экономическаго разсчета остановилась. «И кто бы подумалъ», говорила ей хозяйка, «что къ такой скромницѣ, какъ ты, ѣздятъ такіе тузы!»

Между фельдмаршаломъ кн. Сакеномъ и княземъ Яшвилемъ шла, какъ утверждали, куріознѣйшая городская переписка, дружеская и вмѣстѣ съ тѣмъ переполненная, ради силы слога, болѣе чѣмъ площадными бранными словами, въ видѣ любезностей. При князѣ Сакенѣ состоялъ молодой еще генералъ Густовцовъ или Густомиловъ, незаконнорожденный будто бы его сынъ, жена коего была одна изъ первыхъ Кіевскихъ красавицъ, но какъ-то мало выѣзжала въ свѣтъ.

У графа Гурьева былъ столовымъ дворецкимъ, иначе метръ д'отелемъ, Итальянецъ, нѣкто Лоренцо Джіорданенго, котораго я позднѣе видѣлъ во Флоренціи аматёромъ-артистомъ на публичномъ театрѣ Альфіери, въ главной роли какой-то трагедіи, въ коей онъ весьма плохо себя выказалъ. Я уже говорилъ, что у губернскаго предводителя графа Тышкевича былъ также метръ д'отель изъ Итальянцевъ *), и потому немалою было находкою для нашего Итальянца Консиліо (вѣрнаго слуги матери моей), не знавшаго ни слова порусски, встрѣтить въ Кіевѣ двухъ своихъ соотечественниковъ. Проживалъ въ Кіевѣ еще третій Итальянецъ изъ Милана, по фамиліи Верга, заброшенный туда кѣмъ-то случайно и выдававшій себя за портретнаго артиста и за пѣвца. Познакомившись съ нимъ въ кондитерской Финка, я пригласилъ его къ себѣ и попросилъ его спѣть со мною изъ Беллиневой оперы «Страніеры», дуэтъ «Sulla salma del fratello», принявъ на себя теноровую партію, хотя слишкомъ для меня высокую. Должно быть, въ Италіи онъ пѣвалъ только въ оперныхъ хорахъ, потому что басовый оглушительный его ревъ, при весьма непріятной интонаціи голоса, потрясъ нервы матери моей до такой степени, что я съ тѣхъ поръ уже болѣе не приглашалъ его пѣвать у насъ. Вскорѣ потомъ онъ отправился въ Москву, гдѣ кое-какъ перебивался профессіею по портретной живописи, а въ 1840 году я уже встрѣтилъ его въ Петербургѣ попавшимъ, не знаю по чьей протекціи, въ число реставраторовъ картинъ въ Императорскомъ Эрмитажѣ, въ каковой должности онъ и оставался до своей

*) Было одно время какъ бы въ модѣ въ иныхъ аристократическихъ домахъ имѣть при себѣ Итальянцевъ. При покойникѣ графѣ Иванѣ Ларіоновичѣ Воронцовѣ долго былъ старшимъ камердинеромъ нѣкто Тампорили, а у княгини Кочубей (вдовы Бѣлосельской), со времени коронаціи нынѣшняго Государя въ 1856 году до 1862 года, былъ метръ д'отелемъ тотъ самый Паоли, который въ концѣ 20-ыхъ годовъ служилъ камердинеромъ при покойномъ моемъ братѣ, а съ 1837 по 1843 годъ при мнѣ.

смерти. Мнѣ сказывали, что послѣ него найденъ былъ въ его гардеробѣ полный женскій костюмъ, для какой цѣли, неизвѣстно: ему онъ могъ идти какъ коровѣ сѣдло, потому что онъ не только былъ весьма неказистъ и уже немолодъ, но съ огромными усами.

Жили мы въ Кіевѣ, какъ я уже говорилъ, въ постоянномъ вихрѣ общественныхъ удовольствій и выѣздовъ. Въ продолженіе весны и лѣта, когда удушливо было собираться въ городскихъ бальныхъ залахъ, устроивались загородные пикники по подпискѣ въ живописныхъ мѣстностяхъ, Вышгородѣ близъ Выдубицкаго монастыря и въ Китаевской пустынѣ. Танцоманія дошла до того, что, перепробовавъ почти всѣ способныя къ тому мѣстности, избрали наконецъ зданіе въ Броварахъ за Днѣпромъ, гдѣ помѣщался грязный трактиришка, одною степенью выше кабака, во второмъ этажѣ, и гдѣ половицы гнулись подъ нашими плясками. Запѣвалою и распорядителемъ этихъ сборищъ былъ иногда Ламбертъ Осиповичъ Понятовскій, тогда Кіевскій уѣздный, какъ я уже говорилъ, предводитель. Въ него втюрилась нѣжносердечная компаньонка жены моей Л. Р. Въ этихъ загородныхъ прогулкахъ она собирала букеты полевыхъ цвѣтовъ; замѣтивъ, что Ламбертъ Осиповичъ, какъ вѣжливый кавалеръ, помогалъ ей въ этой работѣ, она сушила и прятала полученные изъ рукъ его цвѣты и злаки, и по отъѣздѣ ея изъ Кіева съ тещей моей обратно въ Тарусу, найдена была подъ ея тюфякомъ, къ удивленію всѣхъ непосвященныхъ въ сердечныя ея тайны, цѣлая охапка изсохшаго сѣна.

Братъ мой пріѣзжалъ на короткое время изъ за границы въ Кіевъ одинъ. Это было послѣднее мое пребываніе съ нимъ на отечественной почвѣ. Въ Кіевѣ я ни въ какія распоряженія по домашнему хозяйству не вмѣшивался; ими мать моя вполнѣ завѣдывала, возложивъ покупку провизіи на камердинера моего Александра Пашкина, сдѣлавшагося потому столовымъ дворецкимъ, а мое лишь дѣло было въ уплатѣ матери причитавшейся на меня и мою жену части расходовъ за столъ, квартиру и содержаніе людей, изъ денегъ, отъ времени до времени высылаемыхъ мнѣ Леономъ изъ Москвы. У жены были теперь двѣ горничныя; старшая изъ нихъ, жена Александра Пашкина, была столь искусною портнихою, что всѣ бальныя женины платья были ея работы, и въ магазины ничего для этого не отдавалось. Мой Радзиковскій, коему тогда уже минуло 20 лѣтъ, ростомъ и шаловливыми привычками казался совершенно еще мальчикомъ, и мое баловство, ему по старой привычкѣ оказываемое, непріятно удивляло мою мать, непривыкшую къ таковымъ, напримѣръ, его выходкамъ, какъ дразнить до нельзя ея Итальянца Консиліо, бросая въ него землею и грязью,

когда онъ садился за каретой моей матери. Однажды въ театральномъ буфетѣ Радзиковскій началъ какую-то исторію, чуть ли не драку, за что его повели въ полицейскій домъ, и не будь короткія матери моей отношенія къ генералъ-губернатору, дѣло бы не совсѣмъ пріятно могло кончиться для него; между тѣмъ я смотрѣлъ на все это какъ на ребяческія проказы.

Мать моя назначила нашъ отъѣздъ за границу во второй половинѣ Августа, и извѣщенный мною о томъ Леонъ не замедлилъ явиться въ Кіевъ, чтобы насъ проводить. Я уже говорилъ, что, снабдивъ его полною по моимъ дѣламъ довѣренностію, я тѣмъ не менѣе ограничилъ его право кредитоваться цифрою 60 тысячъ р. асс., каковая гарантія казалась вполнѣ для меня успокоительною, и вмѣстѣ съ тѣмъ достаточною для его оборотовъ и кредитныхъ фокусовъ. Послѣдствія не оправдали этой мнимой моей осторожности. Положимъ, что я былъ вѣтренникъ и мотъ, но остается непонятнымъ, какими способностями владѣлъ этотъ сумасбродный аферистъ, чтобы впослѣдствіи окончательно отуманить человѣка, столь трезваго сужденія, какимъ былъ И. А. Кавецкій, который почти успокоилъ мою мать, заранѣе и не безъ основанія предубѣжденную противъ Леона. Не поддался ему одинъ мой Радзиковскій, который во все время дѣятельности Леона, съ самаго начала до его паденія, не переставалъ громогласно честить его мошенникомъ; вмѣсто опытности было у него чутье, основанное на безпредѣльной преданности моимъ интересамъ.

Прибылъ Леонъ въ Кіевъ не одинъ, а въ сопровожденіи, весьма неумѣстномъ, Московской мѣщанки, нѣкой Александры Михайловны, составлявшей предметъ насмѣшекъ въ его Русско-еврейскомъ кружкѣ; потому что эта толстая и нерѣдко пьяная баба колотила его иногда не на шутку, бранила Жидомъ, а за нетрезвость и неприличное поведеніе на публичныхъ гуляньяхъ сиживала въ сибиркѣ на съѣзжей. Отъ пріѣзда въ Кіевъ этой интересной особы Леонъ естественно еще болѣе упалъ въ мнѣніи о немъ моей матери.

Я разсчелъ и отпустилъ Александра Пашкина и его жену. Радзиковскаго я было первоначально задумалъ взять съ собою за границу, но впослѣдствіи раздумалъ; онъ вмѣстѣ съ Леономъ проводилъ насъ до Бердичева или немного далѣе и, разставаясь съ этимъ вѣрнымъ слугою, почти что моимъ воспитанникомъ, я въ награжденіе далъ ему переводъ на домашнюю мою контору въ 1000 рублей асс. Ничтожный этотъ знакъ моей признательности и ходатайство мое о немъ предъ вліятельными Кіевскими лицами отыскать въ мѣстномъ депутатскомъ со-

браніи [1]) документы на его дворянское званіе, въ чемъ я и успѣлъ: вотъ все то немногое, сдѣланное мною въ его пользу, и за что онъ во сто кратъ отплатилъ мнѣ въ послѣдующія болѣе двадцать лѣтъ. Молодая горничная жены моей Настинька и Лариса Ростиславовна Голубицкая отправились назадъ, вмѣстѣ съ тещею моею, за нѣсколько дней до нашего отъѣзда изъ Кіева, а для сопровожденія жены за границу я заблаговременно выписалъ изъ Порзней Знаменскую дворовую дѣвушку Елену Шумаеву, болѣе степенныхъ лѣтъ, уже находившуюся при моей женѣ со времени ея дѣтства и остающуюся по сю пору неразлучною при ней. Когда я покончилъ съ Московскимъ Бибиковскимъ домомъ, эта дѣвушка, вмѣстѣ съ пожилою женщиною изъ Знаменской дворни, Маріею Васильевною, отправлена была мною съ обозомъ въ Порзни, гдѣ и оставалась. Эта Елена Андреевна вынянчила обоихъ моихъ дѣтей, и нынѣ, въ старости, представляетъ рѣдкій сохранившійся типъ прислуги стараго закала, сроднившейся съ радостями и печалями своихъ господъ какъ бы съ собственными. Когда передъ отъѣздомъ изъ Кіева я ходилъ для полученія напутственнаго благословенія преосвященнаго Владиміра, то онъ мнѣ сказалъ: «Берегитесь, не заражайтесь въ Италіи Латинскимъ ученіемъ».—«Будьте покойны, владыко», отвѣчалъ я, «не заразился я въ дѣтствѣ и въ юношествѣ и съ Божіею помощію не заражусь и впередъ; теперь же это труднѣе, чѣмъ прежде было. А Италія манитъ меня въ художественномъ только отношеніи.»

Тронулись мы изъ Кіева въ концѣ Августа чрезъ Бердичевъ, гдѣ смѣтливый Леонъ сразу снюхался съ тамошнимъ одноплеменнымъ ему банкиромъ Гальпериномъ, сохранившимъ всецѣло свой Польско-еврейскій костюмъ, съ пейсиками и въ ермолкѣ, при всемъ томъ что велъ обширныя банкирскія дѣла по всей Европѣ [2]). У него я взялъ чрезъ Леона переводъ на заграничную банкирскую контору, въ значительной довольно суммѣ. Ѣхали мы въ двухъ экипажахъ, какъ въ предыду-

[1]) Онъ уроженецъ мѣстечка Любаря, Кіевской или Житомирской губерніи. Въ то время производилась строгая по документамъ повѣрка по Югозападному краю всѣхъ называемыхъ себя шляхтичами, изъ коихъ не доказавшіе своего дворянскаго происхожденія перечислены въ однодворцы.

[2]) Старикъ Понятовскій, а впослѣдствіи его сыновья искони вели большія дѣла съ этимъ Гальпериномъ. Въ началѣ 60-ыхъ годовъ, обороты сего банкира какъ-то запутались, чѣмъ воспользовались, какъ передано было мнѣ, завистники его той же коммерческой части, и по условной между ними стачкѣ они предъявили къ платежу въ его контору векселя, на сумму много значительнѣе, чѣмъ онъ былъ въ силѣ удовлетворить. Тогда онъ обратился къ помощи Августа Осиповича, который возможнымъ счелъ, вслѣдствіе собственныхъ своихъ съ нимъ разсчетовъ, поддержать его и открыть ему кредитъ много болѣе, помнится мнѣ, ста тысячъ р. сер.; но этимъ онъ не отстоялъ своего кліента, сдѣлавшагося несостоятельнымъ, а самъ лишился этихъ денегъ.

щемъ году изъ Тепловки въ Таганчу: мать моя съ Е. И. Леруа въ ея коляскѣ, а я съ женою въ нашей каретѣ, съ тою лишь разницею, что я переселился на задніе козлы, такъ какъ въ интересномъ положеніи жены моей ей сподручнѣе было имѣть при себѣ свою горничную, а мнѣ свободнѣе было курить тамъ, чѣмъ сидя въ каретѣ. Этотъ порядокъ не измѣнялся во весь путь до Флоренціи.

Границу мы переѣхали не въ Радзивиловѣ, какъ водилось обыкновенно, а южнѣе, въ Волочискѣ, потому, помнится мнѣ, что увѣрили мою мать, что тамъ гг. таможенные чиновники были будто бы снисходительнѣе. Мы заѣхали по пути дня на два къ Кесарю Осиповичу Понятовскому, имѣніе коего было близъ самой границы, и черезъ Галицкій городъ Тарнополь направились на Львовъ, гдѣ провели нѣсколько дней. Отъ Бердичева, гдѣ я разстался съ Радзиковскимъ, мужской прислуги при насъ не было до Львова, гдѣ я нанялъ въ камердинеры Поляка, знавшаго порусски, который сопутствовалъ намъ до самой Флоренціи; онъ тѣмъ болѣе былъ намъ необходимъ, что говорилъ свободно понѣмецки, на языкѣ, которымъ ни жена моя, ни я не владѣли.

Кончаю настоящую главу дополненіемъ нѣсколькихъ, опущенныхъ мною подробностей, относящихся къ нашей Кіевской жизни. Я тамъ принялся было опять за пѣніе при Полякѣ-акомпаніаторѣ, и также написалъ музыку на прекрасныя строфы Баратынскаго.

„Не искушай меня безъ нужды,
Возвратомъ нѣжности твоей“, и проч.

и тамъ же напечаталъ этотъ романсъ. Хотя, сколько помнится мнѣ, въ снисходительныхъ глазахъ нѣкоторыхъ близкихъ мнѣ особъ романсъ мой встрѣченъ былъ полу-успѣхомъ; но, разбирая его впослѣдствіи, когда утихъ композиторскій мой пылъ, я убѣдился, что онъ никуда не годился, да и самое эффектное въ немъ мѣсто (allegro-agitato) было безъ зазрѣнія совѣсти цѣликомъ взято изъ нѣкой старинной и забытой Итальянской оперы.

Въ то время впервыя явилось во Французскихъ газетахъ описаніе удачныхъ опытовъ Дагера въ свѣтописаніи; но тогда содѣйствіе солнечныхъ лучей казалось условіемъ необходимымъ. Какъ почти единовременно съ этимъ, появилась въ той же печати статья, описывавшая какой-то вновь изобрѣтенный телескопъ такой силы, что ясно усматривались на лунѣ дикіе, обросшіе волосами люди: то мы всѣ съ гр. Олизаромъ, привезшимъ намъ эту газету, единогласно рѣшили, что все это журнальная утка.

(*Продолженіе будетъ.*)

КАРГАЛА ИЛИ СЕИТОВСКІЙ ПОСАДЪ.

(Изъ дѣлъ Оренбургскаго Центральнаго архива).

Читатели, знакомые съ исторіей Пугачовскаго бунта, помнятъ про эту Каргалу, прозванную Пугачевымъ и его сообщниками Петербургомъ [1]). Пародія эта, конечно, придумана въ шутку, и бунтовщики не придавали ей существеннаго значенія; но если присмотрѣться къ этому поселенію и особенно теперь, то, пожалуй, придешь къ мысли, что оно для окружныхъ туземцевъ, Чувашъ, Татаръ и Башкиръ, представляетъ дѣйствительно какъ бы столицу, нѣчто подобное Меккѣ, для всѣхъ послѣдователей Магомета, или хоть Самарканду для Средне-Азіятскихъ народовъ. Въ свое время Каргала давала наставленія и предписанія своимъ „приверженцамъ", исполняемыя точнѣе, нежели насылаемыя изъ дѣйствительнаго Петербурга. Башкиры и другіе инородцы, исповѣдующіе Магометову вѣру, почитаютъ Каргалу болѣе, нежели свой старинный городъ Уфу или „муй баринъ" (Казань).

Можно догадываться, что такая симпатія къ Каргалѣ произошла отъ того, что большинство этихъ туземцевъ никогда не видѣли Казани, которая, за отдаленностью ея и еще благодаря уже болѣе полуторовѣковому [2]) неподчиненію ихъ ей, не представляетъ теперь той притягательной силы, той „поэтической заманчивости", сосредоточенія всей Магометанской учености или, наконецъ, хоть бы такого единственнаго мѣста обмѣна купли и продажи, гдѣ бы Башкиру можно было найти все, что́ пожелаетъ его душа, нѣчто въ родѣ того какъ Чувашину „Чистополь—всѣмъ городамъ городъ" (а въ сущности замѣчательный только своими лаптями). Уфа же, не смотря на центральное положеніе среди инородческихъ поселеній Башкиріи и другихъ Магометанскихъ нарѣчій Оренбургскаго края, никоимъ образомъ, какъ предназначенная съ самаго начала своего возникновенія (1574) служить опорой Русской власти, не могла быть для Магометанъ тѣмъ удобнымъ мѣстомъ торжища и различныхъ сборищъ, тѣмъ „священнымъ городомъ", или, скорѣе, той сокровищницей, откуда можно было бы позаимство-

---

[1]) Пушкинъ, "Истор. Пугач. бунта." VI, пр. 15 къ гл. III. — Сообщники Пугачева называли еще Бердскую казачью слободу—Москвой, Сакмарскій городокъ—Кіевомъ.

[2]) До 1728 года Башкирія (съ 1556 г.) была въ вѣдомствѣ Казанскаго воеводы, когда указомъ отъ 27 Іюля этого года подчинена непосредственно Сенату, а потомъ въ 1741 году включена въ составъ вновь организованной Оренбургской комиссіи (т. е. губерніи).

вать какія либо высшія идеи, найти источникъ „воды живой“ или разрѣшить встрѣчающіеся въ житейской суетѣ вопросы, хотя въ ней и существовалъ съ давняго времени глава Заволжскихъ Магометанъ—муфтій съ духовнымъ Магометанскимъ собраніемъ [1]). Въ Уфѣ преобладало Русское населеніе, а за Магометанскимъ былъ нѣкоторый надзоръ въ лицѣ Русской духовной власти и губернской администраціи [2]).

Каргала, хотя гораздо меньше по объему Казани и Уфы, но въ данномъ случаѣ, какъ мѣсто сосредоточенія Магометанской мудрости и предпріимчивости, могла имѣть первенствующее значеніе во всемъ обширномъ Оренбургскомъ краѣ, такъ какъ она была населена исключительно мусульманами (и Русскимъ въ него могъ быть развѣ одинъ письмоводитель въ посадскомъ управленіи). По типу построекъ, по процвѣтанію торговли, по значительности Магометанскихъ молитвенныхъ домовъ и медрессе и отчасти по управленію своему, она представляла и представляетъ по настоящее время совсѣмъ обособленный Азіатскій городокъ, какихъ врядъ ли еще можно встрѣтить въ другихъ мѣстностяхъ Европейской Россіи. Если же къ этому прибавить, что Каргала со дня своего существованія была предназначена для развитія мѣстной торговли (а съ ней вмѣстѣ, слѣдовательно, и производительности) и для укрѣпленія основъ Магометанскаго вѣроученія въ новомъ краю среди подвластныхъ и неподвластныхъ намъ инородческихъ племенъ (еще до сей поры слабыхъ въ Магометовой вѣрѣ): то всякому будетъ понятно, почему туземцы тяготѣютъ болѣе къ ней, нежели къ другимъ городамъ этого края.

Почтенный авторъ труда „Неплюевъ и Оренбургскій край“ г. Витевскій, имѣвшій полную возможность по архивнымъ источникамъ [3]) охарактеризовать роль Каргалы въ составѣ прежней Оренбургской губерніи, не хотѣлъ почему-то сказать намъ этого, хотя, при описаніи дѣятельности перваго Оренбургскаго губернатора, трудно было забыть о Каргалѣ, возникшей по его почину, съ цѣлью умножить значеніе вновь торжественно заложеннаго 19-го Апрѣля 1743 года, на р. Уралѣ при сліяніи съ р. Сакмарой, города Оренбурга [4]) среди туземныхъ племенъ не только Башкиріи, но и Киргизской степи и прочихъ Азіатскихъ владѣній, чтобы пріохотить ихъ къ мирнымъ занятіямъ и, посредствомъ торговли, увеличить ихъ производительность. Для этого Неплюевъ признавалъ даже полезнымъ имѣть въ новомъ

---

[1]) Оренбургское Магометанское собраніе для Приволжскихъ и Зауральскихъ Мусульманъ учреждено высочайшимъ указомъ 22 Сентября 1788 года.

[2]) Съ 1784 года въ Уфѣ сосредоточено было все гражданское управленіе края, а въ 1799 г. открыта архіерейская каѳедра.

[3]) Судя по предисловію къ IV выпуску монографіи его (стр. XV), онъ пользовался документами архивовъ Государственнаго, Сенатскаго, Тургайскаго и другихъ.

[4]) Дѣло Тургайскаго Областнаго архива № 20,605, листъ 1.

краю такихъ купцовъ или такихъ торговыхъ людей, которые бы, понимая выгоды, взгляды и вкусы Азіатцевъ, могли въ тоже время свободно владѣть туземнымъ языкомъ. Вѣковой же опытъ доказалъ, что въ Россіи соотвѣтствующимъ торговымъ людомъ, ближайшимъ къ Оренбургу, были Казанскіе и Вятскіе Татары. На нихъ-то Неплюевъ и обратилъ свое вниманіе и въ томъ же году ходатайствовалъ у императрицы Елисаветы о переводѣ нѣсколькихъ семей изъ нихъ въ Оренбургскій край.

Согласно этого его представленія „о способахъ устройства Оренбургской торговли на лучшихъ основаніяхъ", 13-го Марта 1744 года послѣдовалъ Сенатскій указъ, коимъ разрѣшалось Неплюеву вызвать изъ Казанской губерніи „торговыхъ зажиточныхъ Татаръ съ ихъ семьями и работниками въ числѣ 200 семей". По первому же зову явился торговый Татаринъ „Сеитъ Хаялинъ съ товарищами", которому по высочайше дарованной Елисаветой Петровной привилегіи отъ 8-го Августа 1745 года за № 5439 дано было въ пользованіе 64 тысячи десятинъ земли вверхъ по р. Сакмарѣ до крѣп. Пречистенской [1]) съ правомъ по „силѣ указа 1739 года договариваться еще о землѣ добровольно съ Башкирами и владѣльцами другихъ дачъ" [2]), а для поселенія отведено мѣсто въ 18-ти верстахъ [3]) отъ нынѣшняго Оренбурга по пути въ Башкирію, на устьѣ р. Верхней Каргалки, впавшей въ р. Сакмару, гдѣ они основали особую слободу, наименовавъ ее по имени своего представителя Сеитовскою, хотя въ простонародьѣ она болѣе извѣстна подъ именемъ Каргалы, происшедшей отъ названія той рѣки, на которой Татары эти поселились.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, очевидно благодаря своему обособленному положенію по части торговли на границѣ степей, а также обширности земельныхъ угодій, дававшей возможность въ широкихъ размѣрахъ заниматься хлѣбопашествомъ и сѣнокошеніемъ (въ чемъ, на первыхъ порахъ съ устройствомъ Оренбурга и окрестныхъ крѣпостей, ощущался сильный недостатокъ) Каргала развилась, разрослась и увеличилась и отъ естественнаго прироста населенія, и отъ стекавшихся сюда ради скорой наживы другихъ поселенцевъ [4]), такъ что въ 1784 году признано было ее переименовать въ посадъ

---

[1]) Нынѣ станица Пречистенская, Оренбургскаго казачьяго войска.

[2]) Впослѣдствіи, пользуясь этимъ правомъ, какъ видно, изъ двухъ крѣпостныхъ записей Уфимской провинціальной канцеляріи 19-го Іюля 1749 и 22 Февраля 1751 г., Татары эти пріобрѣли покупкой у Башкиръ еще нѣсколько сотъ десятинъ.

[3]) Въ спискѣ населенныхъ мѣстъ Оренбург. губ. 1892, стр. LXII почему-то показано разстояніе ея отъ Оренбурга 22 версты.

[4]) Кромѣ 200 вышепоказанныхъ семействъ сюда переселялись еще выходцы изъ Казанской и Вятской губерній. Впослѣдствіи Екатерина II, рескриптами на имя барона Игельстрома (1 Сентября и 27 Ноября 1785 г. и 3-го Іюня 1786 г.), обязывала вызывать въ Оренбургскій край еще Казанскихъ или другихъ „вѣрныхъ" (?) Татаръ для „снабдѣнія Киргизскихъ родовъ муллами" и строить для нихъ караванъ-сараи (или гостиные дворы) и мечети.

съ придачей ей особаго, приравненнаго къ городскому благоустройству, управленія, чѣмъ она, подъ именемъ „Сеитовскаго посада", остается и по настоящее время.

Но принесло ли какую либо существенную пользу для Оренбургскаго края это поселеніе въ торговомъ отношеніи, архивныя данныя говорятъ очень мало. Въ дѣлѣ же распространенія религіозныхъ убѣжденій среди мѣстныхъ инородцевъ Татары сдѣлали большой шагъ впередъ. Вмѣсто ожидаемаго „укрѣпленія Киргизцевъ въ вѣрности и удержанія ихъ отъ набѣговъ и хищничества въ границахъ нашихъ", Каргала чуть не первая начала распространять ненависть къ Россіи, въ ущербъ развитію православія, которое легко могло привиться къ плохо-укрѣпленнымъ въ Магометовой вѣрѣ инородцамъ, если бы правительство Русское обращало на это побольше вниманія. Достаточно указать на то, что даже теперь изъ числа всѣхъ инородцевъ въ Оренбургскомъ краѣ [1]) исповѣдуютъ православную вѣру только 144,915 челов., остальные же Магометане (1,354,663 чел.) или язычники. Ясно, что послѣдователи Магомета и въ настоящее время имѣютъ еще большой перевѣсъ въ своей численности [2]). Но что же было, когда Оренбургскій край только что заводился, а для Магометанскихъ муллъ было открыто широкое поле дѣятельности?

Неплюевъ въ этомъ случаѣ первый [3]) сдѣлалъ ошибку предоставленіемъ права переселяться сюда другимъ инородцамъ, когда въ этомъ краю и своихъ-то хоть отбавляй, и къ тому же такихъ поселенцевъ, которые враждебно относились къ Россіи, ко всему Русскому вообще и къ христіанству въ особенности; ибо, намъ кажется, никто не отвергнетъ, что магометанство идетъ въ разрѣзъ съ основой Евангельскаго ученія, преслѣдующаго конечную цѣль—„возлюби ближняго, какъ самого себя", чего нѣтъ въ Алькоранѣ, научающемъ своихъ послѣдователей: „око-за-око, зубъ-за-зубъ".

Слѣдуя этому завѣту, Казанскіе, или Вятскіе, или какіе либо другіе Татары, какъ бы они ни были обласканы Россіей, и какъ бы ни были стѣснены въ строгихъ рамкахъ подчиненія, никакимъ образомъ и никогда не могутъ забыть того благодатнаго времени, когда ихъ предки владѣли чуть не всей вселенной и когда слава о ихъ величіи гремѣла отъ одного конца свѣта до другаго. Вѣдь и у нихъ есть своя исторія, хотя подъ часъ съ вы-

---

[1]) По отчетамъ за 1892 г. Уфимск. миссіонер. Общества и Михайло-архангельск. братства (въ г. Оренбургѣ) насчитывается всего 1,599,014 д. туземнаго населенія: Башкировъ Татаръ, Чувашей, Мордвы, Черемисъ, Вотяковъ, Мещеряковъ (кромѣ Киргизъ Тургайской и Уральской областей).

[2]) Всего населенія въ двухъ губерніяхъ, Уфимской и Оренбургской, считается 3,335,731 человѣкъ.

[3]) До него переселеніе Магометанъ не допускалось.

мышленными эпизодами, но за то съ картинными описаніями героизма ихъ богатырей, ихъ былой силы и мощи. Погромъ Казани, разгромъ Астрахани, потомъ окончательное уничтоженіе Яицкими казаками Золотой Орды еще живутъ въ ихъ сердцахъ мечтою снова когда нибудь возстановить прежнее величіе Татарскаго царства, къ чему со стороны инородцевъ не разъ были попытки даже въ позднѣйшія времена. Стоитъ вспомнить мятежи Башкировъ 1645 г., 1662 г, 1676 г., 1704 г., 1735 г., 1740 г., 1755 г. и наконецъ 1773 и 1774 годовъ и волненія Киргизовъ, не перемежающіяся почти со дня присоединенія ихъ въ 1734 г. къ Россіи до покоренія ханствъ Коканскаго и Бухарскаго, когда такимъ образомъ широкая Зауральская степь была обведена новыми Русскими владѣніями. И во всѣхъ этихъ волненіяхъ главными руководителями и подстрекателями непремѣнно такъ или иначе замѣшивались Татары и Магометанскіе муллы (т. е. священники).

Однако, не смотря на это зло, правительство Русское, видимо, не сознавало его и при дальнѣйшихъ нововведеніяхъ на этой окрайнѣ руководилось также Неплюевской „мудрой" политикой. И хотя потомъ, указомъ императрицы Екатерины II на имя Уфимскаго губернатора, генералъ-поручика Пеутлинга отъ 15-го Іюня 1792 г., изъ числа Сеитовскихъ жителей „не состоятельныхъ (?) къ узаконенному платежу сбора" и было причислено къ Уфимскимъ нерегулярнымъ войскамъ 686 душъ крестьянъ, 168 мѣщанъ и 1820 купцовъ „для употребленія въ свойственную ихъ званію службу", почему „рекрутовъ съ нихъ не брать, но при томъ не препятствовать, буде кто изъ нихъ пожелаетъ записаться въ купечество или мѣщанство"; но этой мѣрой перечисленія Каргалинцевъ въ казаки для усиленія вновь организуемаго Оренбургскаго казачьяго войска врядъ ли достиглась какая либо существенная польза въ смыслѣ воспрепятствованія вліянію Сеитовскаго посада на остальныхъ туземцевъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи.

Слова нѣтъ, усиленіе служилаго элемента въ Оренбургскомъ, какъ пограничномъ съ Киргизской степью и Средней Азіей краѣ, было крайне необходимо, и сами мѣстные туземцы не отказывались нести всѣ тягости безпокойной сторожевой службы и даже охотно, какъ это видно изъ того, что, когда высочайшимъ указомъ Правительствующему Сенату отъ 5-го Января 1819 года повелѣно было „изъ казачьяго званія" 4-го кантона Оренбургскаго войска *Каргалинской* станицы исключить 467 человѣкъ съ обращеніемъ въ податное сословіе „въ такой родъ жизни какой сами они изберутъ", то они не захотѣли снова быть „мужиками" и вновь зачислились въ Башкирско-мещерякское конное войско; но это еще далеко не доказываетъ въ нихъ особеннаго усердія къ Россіи. Зарубежные поселенцы Киргизы были ближе имъ по духу, племени, вѣрѣ и обычіямъ... А старинная Русская пословица говоритъ: „свой своему по неволи братъ". И усиленіе такимъ образомъ войсковыхъ частей тѣмъ населеніемъ, которое само нуждалось въ правительственномъ надзорѣ и которое при первой возможности,

не задумываясь, готово встать на сторону противника, было страшною аномаліей....

По высочайше утвержденному 3-го Іюля 1836 года мнѣнію Государственнаго Совѣта, землемѣромъ Монахтинымъ произведено было генеральное обмежеваніе Сеитовскихъ дачъ, и изъ числа ихъ (по судебному рѣшенію) было выдѣлено 32 тыс. десятинъ въ собственность владѣльцевъ мѣдиплавильныхъ и желѣзодѣлательныхъ заводовъ гг. Пашковыхъ, а у Сеитовцевъ осталось лишь 32,294 дес. 331 саж. во владѣніи [1]), при чемъ 363 челов. Башкиръ оказались безземельными [2]). Каргала была поставлена въ самыя благопріятныя рамки безъ посредничества постороннихъ вести сношенія не только съ Казанью и другими мѣстностями Россіи, но и съ Хивой, Бухарой и Коканомъ. Для торговли въ ней былъ свой особый гостиный дворъ (караванъ-сарай), сохранившійся по сію пору, съ 260-ю лавками, изъ которыхъ 15-ть даже каменныя. Въ нихъ можно было найти все, что нужно туземцу, которому поэтому не было никакой надобности тащиться еще за 18-ть верстъ въ Оренбургъ или на Мѣновой дворъ за Ураломъ, такъ какъ въ Каргалѣ къ тому-же былъ каждодневный базаръ. Выгода въ торговлѣ на сторонѣ ея была еще та, что на Оренбургскомъ мѣновомъ дворѣ за привозимые изъ Киргизской степи и Средне-Азіатскихъ ханствъ товары платилась таможенная пошлина, между тѣмъ какъ въ Каргалѣ публично и частенько сбывалась контрабанда. Въ числѣ Сеитовскихъ купцовъ значились такіе тузы, которые ворочали миліонными оборотами, получали товары изъ первыхъ рукъ, прямо изъ Москвы или съ Нижегородской ярмарки, и сами отправляли въ Азіятскія страны торговые караваны.

Расположившись очень удобно, какъ разъ на трактѣ изъ Уфы въ Оренбургъ, бокъ-о-бокъ съ Пріуральской Башкиріей и всего въ 20-ти верстахъ

[1]) Изъ числа этихъ оставшихся угодій 32 т. были пожалованныя по привилегіи Елисаветы Петровны въ числѣ 64 тыс. дес., а остальныя пріобрѣтены, какъ сказано выше, покупкою у Башкиръ.

[2]) Впослѣдствіи эти Башкиры ходатайствовали о надѣленіи ихъ землей особо отъ прочихъ; но управляющій 10 кантономъ въ донесеніи своемъ 5-го Іюня 1849 г. № 2494 на имя управляющаго Башкирскимъ войскомъ пояснялъ, „что всѣ жители Сеитовскаго посада, какъ то купцы, мѣщане, государственные крестьяне и Башкирцы, на состоящія при посадѣ земельныя угодья имѣютъ одинаковыя права; потому что всѣ жители этихъ 4-хъ сословій происходятъ отъ тѣхъ же 200 семействъ, которыя, по указу императрицы Елисаветы Петровны въ 1745 году, были вызваны сюда изъ Казанской и Вятской губерній, поселены въ этой мѣстности для распространенія торговли и надѣлены тогда землею, которая и понынѣ состоитъ въ общемъ всѣхъ посадскихъ жителей владѣніи: поэтому, въ случаѣ перечисленія проживающихъ въ посадѣ государственныхъ крестьянъ въ Башкиро-Мещерякское войско, никакого затрудненія въ пользованіи ими земли встрѣтиться не должно: они должны остаться при тѣхъ же самыхъ участкахъ, какими пользуются нынѣ, на равнѣ съ находящимися“. Руководствуясь, видимо, этимъ, Оренбургское губернское по крестьян. дѣламъ присутствіе постановленіемъ 10-го Ноября 1883 г. на просьбу Сеитовскаго Башкира Хасянова опредѣлило: „сдѣлать распоряженіе о надѣленіи просителя съ прочими (363-мя) безземельными Башкирами установленнымъ количествомъ земли“.

отъ Киргизской степи, Каргала вела непрерывныя сношенія съ туземцами, которые никоимъ образомъ, ѣдучи по какимъ либо надобностямъ въ г. Оренбургъ (столицу своего края), не могли миновать ее. Нескончаемые обозы Башкиръ и Чувашей съ лыкомъ, мочаломъ, углями и дровами тянулись сюда изъ Башкиріи, а отсюда туда съ товарами или изъ Илецкой Защиты съ солью. Киргизы также не забывали ея и пріѣзжали сюда не только для сбыта своихъ произведеній, но и воздать должное Высшему Существу Худаю[1]): потому что въ Оренбургѣ раньше не было ни одной Магометанской мечети[2]); въ Каргалѣ же, со дня перваго ея основанія, какъ говоритъ Рычковъ, „о срединѣ жила на каменномъ фундаментѣ сдѣлана такая *мечеть*, которой больше и лучше, какъ сказываютъ, во всей *Казанской* губерніи нынѣ нѣтъ“ [3]).

Обширный кругъ покупателей, значительные торговые обороты, конечно, способствовали быстрому росту населенія, съ возведеніемъ лучшихъ построекъ для домовъ молитвы. Къ сожалѣнію, о численности жителей Сеитовскаго посада, домовъ и прочихъ сооруженій въ архивахъ мѣстныхъ не имѣется точныхъ свѣдѣній; только въ Топографіи Рычкова (стр. 255) показано, что при первомъ поселеніи Каргалы жителей насчитывалось 1158 душъ муж. п., изъ которыхъ 998 д. платили подушныя деньги въ Оренбургскую губернскую канцелярію, „а за 160 душъ до будущей ревизіи отсылаются на прежнія ихъ жилища“. „Двороваго числа въ оной слободѣ имѣется до трехъ сотъ дворовъ“.

Въ настоящее время, по переписи спеціально произведенной особой комиссіей отъ мѣстнаго статистическаго комитета, въ 1889 году[4]), въ Каргалѣ насчитывается жителей всего 7625 д. об. п., изъ нихъ 3828 муж. и 3797 жен., раздѣляющихся по сословіямъ на мѣщанъ—3590 чел., купцовъ—171, почетн. гражданъ 34, казаковъ—4, Башкировъ 3709 и непоказавшихъ сословія (такъ называемыхъ разночинцевъ) 117 человѣкъ. Домовъ—1203, которые по матеріалу постройки распредѣляются такъ: каменныхъ—259, деревянныхъ—467, смѣшанныхъ—268, мазанковыхъ—73 и плетневыхъ 136. Не смотря на такую сравнительную малочисленность жителей, въ посадѣ, кромѣ гостинаго двора съ 260 лавками для богомоленія и проповѣдыванія Магометанскаго ученія имѣется *девять* мечетей, изъ коихъ три

---

[1]) Киргизы называютъ Бога—Худай.

[2]) Первая мечеть въ Оренбургѣ построена въ 1785 г. См. высочайшій рескриптъ на имя Симбирско-Уфимскаго генералъ губернатора барона Игельстрома отъ 4 Сентября 1785 года.

[3]) Топографія Оренбур. губ. по изд. 1887, стр. 256. Свѣдѣнія, собранныя Рычковымъ объ этомъ въ 1748 г., напечатаны въ первый разъ въ 1762 г. въ ежемѣсячномъ изданіи Миллера „Сочиненія и переводы, къ пользѣ и увеселенію служащіе“.

[4]) См. отчетъ Оренбур. губ. стат. комит. за 1889 г. стр. 33—37.

каменныя [1]) съ такимъ же количествомъ (т. е. девять же) медресе при нихъ. И еще 5 каменныхъ и 2 деревянныхъ мукомольныхъ мельницъ, водяныхъ и вѣтряныхъ, куда для помола наѣзжаютъ окрестные жители за пятьдесятъ и больше верстъ.

Такимъ образомъ, только вслѣдствіе этого обилія мечетей и школъ Татарскихъ (а Русскихъ школъ ни одной, чего нѣтъ въ другихъ ближайшихъ инородческихъ поселеніяхъ), Каргала имѣетъ полную возможность привлекать къ себѣ окрестныхъ инородцевъ, помимо торговли, своей „ученостью" и какъ бы „святостью" своего поселенія: ибо въ школахъ ея преподаются грамота и вѣроученіе чисто—Татарскія, что̀ бодѣе всего по душѣ туземцамъ - Мусульманамъ. Достаточно указать на то, что изъ числа 905 душъ об. пола грамотныхъ [2]), только 38 человѣкъ обучены порусски и потатарски, а остальные 867 д. нѐ знаютъ другой грамоты, кромѣ Татарской. Если же къ этому добавить, что въ этихъ школахъ обучается ежегодно около 500 мальчиковъ отъ 10 до 14 лѣтъ, т. е. почти всѣ мальчики школьнаго возраста [3]), то будетъ понятно, что уже съ молодыхъ лѣтъ Каргалинцы идутъ по стезямъ отцовъ и научаются различнымъ, надо думать, премудростямъ въ Магометанскомъ духѣ. Никому неизвѣстно, что̀ тамъ преподается и какое муллы-учителя даютъ подростающему поколѣнію направленіе... Но трудно повѣрить, чтобы тамъ, въ ущербъ завѣтамъ Магомета, проповѣдывалась любовь къ ближнимъ, любовь или хоть уваженіе къ остальнымъ народамъ, не исповѣдующимъ Магометову религію.. [4]) И можно-ли, послѣ этого, встрѣтить въ нихъ истинныхъ друзей христіанства, православія и Россіи?... А сколько-же такихъ грамотѣевъ распространилось по лицу земли родной со дня существованія Каргалы по сію пору?.. Увы!, о томъ молчитъ исторія...

Корнетъ Степановъ.

---

[1]) По отчету 1891 г. число каменныхъ мечетей показано шесть.

[2]) По переписи 1889 года, стр. 86.

[3]) По переписи 1889 г., мальчиковъ отъ 10 до 15 лѣтъ въ Каргалѣ насчитано только 364 чел.; остальные же, недостающіе до нормы 136 человѣкъ, видимо, изъ другихъ Магометанскихъ деревень.

[4]) Вспомнимъ, что самымъ тяжелымъ преступленіемъ передъ Аллахомъ является посягательство на его единство, и поэтому ученіе о Св. Троицѣ ненавистно магометанину; для него *мюшрикъ*-презрѣннѣйшее существо; вся вселенная раздѣлена на міръ ислама (Даръ-уль-Исламъ) и міръ войны (Даръ-уль-Харабъ) и *газоватъ* или *джагадъ* (священная война) является для него первою обязанностью. Замѣчательно слѣдующее мѣсто изъ завѣщанія Омара: „мы и наши потомки должны поѣдать христіанъ до тѣхъ поръ пока существуетъ исламъ". Ю. Б.

НОВЫЯ СООРУЖЕНІЯ ВЪ ТРОИЦЕ-СЕРГІЕВОЙ ЛАВРѢ.

Непщую, яко во днѣхъ княженія князя великаго Ивана, сына Ивана, тогда начаша приходити христіане и обходити сквозѣ вся лѣсы оны, сотвориша себѣ различные многіе починцы и преждереченную *исказиша пустыню, и не пощадиша*, и составиша села и дворы многи. (Епифаній Премудрый, Житіе преподобнаго Сергія).

Въ послѣдніе годы, около Троице-Сергіевой Лавры производятся громадныя постройки, заслуживающія особаго вниманія со стороны всѣхъ, кому дороги славная обитель преподобнаго Сергія и ея древности. Этотъ знаменитый монастырь, столь близкій Русскому сердцу, окруженный ореоломъ святости, замѣчателенъ также и своими историческими памятниками, цѣнными какъ для образованнаго любителя древности, такъ и для простеца-богомольца. Нѣтъ сомнѣнія, что древности эти надлежитъ тщательно сохранять и, если возможно, то и возстанавлять въ прежнемъ видѣ.

Богомольцы, посѣщающіе Троице-Сергіеву Лавру, могутъ и не замѣтить тѣхъ громадныхъ зданій, которыя воздвигнуты за послѣднія 4—5 лѣтъ за Лаврой и примыкаютъ къ ея западной стѣнѣ. Извѣстія объ этихъ постройкахъ почти не появлялись въ печати *). Западная стѣна Лавры проходитъ по берегу неглубокаго оврага, по которому протекаетъ рѣчка Кончура; за оврагомъ расположена такъ называемая Ильинская слобода (Въ старое время мѣстность эта называлась Красной горою; она памятна по осадѣ Лавры Поляками, 1608—1610 гг.: здѣсь стояли укрѣпленія непріятелей и отсюда они обстрѣливали монастырь). По другую сторону оврага нынѣ сооружено громадное 3-хъ этажное зданіе (со стороны оврага оно даже въ 4 этажа), увѣнчанное куполами, потому что въ немъ находятся двѣ церкви, изъ которыхъ одна—въ нижнемъ этажѣ, а другая—въ 3 этажѣ, въ два свѣта. Зданіе это имѣетъ до 36 саж. въ длину и 15 въ ширину. Когда подъѣзжаешь къ Лаврѣ по желѣзной дорогѣ, лишь одни купола виднѣются изъ-за деревьевъ Пафнутьева сада, прилегающаго къ Лаврѣ съ южной стороны. Въ это зданіе переведены изъ Лавры больница и богадѣльня для иноковъ и монастырскихъ „трудниковъ“ (слугъ), помѣщенія которыхъ въ самой Лаврѣ были слишкомъ

---

*) Лишь „Церковныя Вѣдомости“ сообщили не такъ давно свѣдѣнія объ этихъ постройкахъ по поводу освященія церкви въ главномъ зданіи.

тѣсны и неудобны. Одна изъ церквей, верхняя, во имя св. Іоанна, Списателя Лѣствицы, была освящена 10 Ноября прошлаго (1896) года. Зданіе это соединяется съ древними стѣнами Лавры другимъ длиннымъ и узкимъ, которое переброшена черезъ оврагъ и поднимается у самой ограды въ видѣ башни надъ воротами, чрезъ которые могутъ проходить крестные ходы, совершаемые вокругъ Лавры. Въ верхнемъ этажѣ этой башни помѣщены библіотека покойнаго о. намѣстника Лавры архимандрита Леонида (Кавелина) и библіотека редакціи „Троицкихъ Листковъ". Въ этомъ двухъ этажномъ зданіи находятся разныя мастерскія, типографія для печатанія „Троицкихъ Листковъ", переплетная, столярная, малярная и другія, а верхній этажъ занятъ разными кладовыми. Къ Сѣверу отъ этихъ зданій большое пространство по оврагу и его склонамъ обнесено высокой каменной оградой съ чугунной рѣшеткой, близъ которой выстроенъ особый домъ для заразныхъ больныхъ. Ограда эта примыкаетъ къ сѣверо-западному углу Лавры. Здѣсь, а равно и между новыми зданіями и Пафнутьевымъ садомъ, предполагается также развести садъ.

Такимъ образомъ, за Лаврой возникаетъ какъ-бы другой монастырь.

Всѣ эти грандіозныя постройки произведены быстро, благодаря неутомимой энергіи настоящаго о. намѣстника Лавры, архимандрита Павла. Говорятъ, что стоимость ихъ простирается до 300.000 р., не считая работъ, произведенныхъ хозяйственнымъ способомъ.

Безъ сомнѣнія, всѣмъ этимъ учрежденіямъ, вынесеннымъ нынѣ изъ древнихъ стѣнъ обители преподобнаго Сергія, было тѣсно въ Лаврѣ; въ новыхъ зданіяхъ они размѣстятся гораздо удобнѣе; съ открытіемъ собственной типографіи дѣло изданія „Троицкихъ Листковъ" должно еще расшириться (типографію ранѣе было негдѣ помѣстить въ стѣнахъ Лавры, а открыть ее въ посадѣ не разрѣшало высшее духовное начальство). Какъ извѣстно, Троице-Сергіева Лавра занимаетъ сравнительно небольшую площадь (длина монастырской ограды 642 саж.); въ Лаврѣ находится Московская Духовная Академія, занимающая весь сѣверовосточный уголъ монастыря; тѣснота и невозможность капитально перестроить лаврскія зданія, при расширившемся хозяйствѣ обители, давно уже озабочивали монастырскія власти. Говорятъ, будто одно время возникло предположеніе о переводѣ Академіи изъ Лавры на другое мѣсто (напр. въ зданіе новой Лаврской гостинницы или въ г. Москву). Поэтому нельзя не отнестись весьма сочувственно къ энергіи лицъ, разрѣшившихъ эти затрудненія и сумѣвшихъ изыскать средства для сооруженія такихъ грандіозныхъ зданій.

Тѣмъ не менѣе, любителю старины какъ-то грустно смотрѣть на всѣ эти новыя постройки, примкнувшія къ древнимъ стѣнамъ Лавры, какъ бы красивы, внушительны и полезны онѣ ни были; потому что нынѣ нарушена съ Запада цѣлость древней обители, освященная вѣками, измѣнился видъ ея, столь дорогой и знакомый Русскому сердцу. Какія вспоминанія соединяются

съ этимъ видомъ, именно здѣсь! Отсюда, съ Запада, благодаря оврагу, монастырь всего болѣе представлялся „городомъ", крѣпостью, каковою онъ нѣкогда и былъ (XVI—XVII вв.). Съ этой стороной, по преимуществу, связаны воспоминанія о славной осадѣ Лавры, спасшей Россію. Нынѣ же величественный видъ обители искажаютъ новыя постройки, пристроенныя къ ея древнимъ стѣнамъ.

Намъ скажутъ—и въ древности стѣны Лаврскія были окружены пристройками; здѣсь, на Западѣ подъ стѣною монастыря находились напримѣръ два двора, бочаренный и солодовенный, называемые Авраміемъ Палицынымъ въ его описаніи осады Троице-Сергіева монастыря Пивнымъ дворомъ. Сюда вели изъ Лавры черезъ Пивную башню ворота. Пивной дворъ былъ уничтоженъ въ концѣ прошлаго или началѣ нынѣшняго столѣтія; тогда же, вѣроятно, были закрыты и ворота. Но мы замѣтимъ, что Пивной дворъ, а затѣмъ баня, находившаяся на его мѣстѣ, не стѣсняли монастырскихъ стѣнъ, такъ какъ находились на днѣ оврага и не могли быть высоки. При обозрѣніи этихъ новыхъ зданій мы невольно вспомнили слова жизнеописателя пр. Сергія, Епифанія Премудраго, жаловавшагося на заселеніе мѣстности около монастыря вскорѣ послѣ его основанія: *„исказиша пустыню и не пощадѣша"*. И нынѣ исказили и не пощадили вѣковую древность! Мы далеки отъ того, чтобы осуждать полезную хозяйственную дѣятельность лаврскаго начальства и не желаемъ сказать строителямъ новыхъ зданій около Лавры слово укора, но не можемъ скрыть своего впечатлѣнія при видѣ ихъ, потому что нельзя не сознаться, что,при сооруженіи этихъ новыхъ построекъ, очевидно, не была принята во вниманіе та сѣдая старина, которая придавала особое значеніе и особенную прелесть обители препод. Сергія, что́ чувствуютъ даже иностранцы!... Съ историческими воспоминаніями нельзя не считаться, памятники древности должно тщательно хранить и оберегать во всей ихъ неприкосновенности, а тѣмъ болѣе памятники церковные. Западныя стѣны Лавры подвергались особенно жестокому натиску враговъ во время осады. Батареи, поставленныя на верху Красной горы, осыпали стѣны обители ядрами. Сильнѣйшіе приступы Поляковъ были обращены на западную стѣну, и отсюда осажденные дѣлами вылазки; тщетно пытались враги овладѣть Пивнымъ дворомъ. Можемъ ли мы живо представить себѣ эти картины, глядя нынѣ на Лавру съ Запада? Намъ кажется, что если необходимость заставила вывести изъ Лавры нѣкоторыя учрежденія и помѣстить ихъ близъ монастыря, то отчего бы не построить зданія для нихъ къ Югу отъ обители, въ Пафнутьевомъ саду, или къ Сѣверу-Западу, на мѣстѣ коннаго двора, не пристраивая ихъ къ старинной монастырской оградѣ, сооруженной еще при Грозномъ? Замѣтимъ кстати, что эти мѣста болѣе сухія, чѣмъ оврагъ, затопляемый весною р. Кончурой, протекающей подъ однимъ изъ недавно сооруженныхъ зданій.

Обратимъ вниманіе также на страннопріимный домъ для мужчинъ-богомольцевъ. Это громадное трехъ этажное зданіе сооружено близъ южной

стѣны Лавры, противъ Пятницкой церкви*), въ 1892 году, къ 500-лѣтію со дня кончины препод. Сергія. Въ такомъ страннопріимномъ домѣ давно чувствовалась настоятельная необходимость. Въ то время, какъ для приходящихъ къ Троице-Сергію богомолокъ давно уже была устроена на Виѳанской улицѣ довольно помѣстительная страннопріимная при Домѣ Призрѣнія, гдѣ имъ предлагается удобный пріютъ, для ночлега богомольцевъ до недавняго времени существовалъ лишь небольшой домъ на Воскресенской площади, близъ станціи желѣзной дороги, пожертвованный обывателемъ Сергіевскаго посада Румянцовымъ. Домъ этотъ былъ весьма невеликъ, тѣсенъ и неудобенъ и находился притомъ въ отдаленіи отъ Лавры. Потому сооруженіе столь прекраснаго новаго страннопріимнаго дома для богомольцевъ составляетъ большую заслугу его строителей; но, къ сожалѣнію, нельзя опять таки не замѣтить, что это зданіе нѣсколько загораживаетъ самый красивый видъ на Лавру съ юго-восточной стороны, открывающійся, когда ѣдешь напр. въ Лавру съ вокзала желѣзной дороги; оно закрываетъ большую часть трапезной и древнія стѣны Лавры, чего не было бы, еслибы домъ этотъ былъ поставленъ южнѣе, въ Пафнутьевскомъ саду. (Замѣтимъ, что мѣсто, на которомъ стоитъ это зданіе, неудобно: оно сыро, потому, вѣроятно, что нѣкогда здѣсь, около Пятницкой церкви, были пруды, впослѣдствіи засыпанные, и страннопріимный домъ до сихъ поръ отличается сыростью). Скажутъ, стоитъ ли говорить о такихъ пустякахъ, о какомъ-то видѣ на монастырь? Нѣтъ, это далеко не пустяки, когда столько вѣковъ Русскіе люди съ умиленіемъ взирали на этотъ видъ, привыкли имъ любоваться. Видъ этотъ знакомъ по фотографіямъ и литографіямъ многимъ и не бывавшимъ въ Лаврѣ, а нынѣ онъ уже не тотъ... Кто можетъ поручиться, что подобнымъ же образомъ Лавру не застроятъ и съ другихъ сторонъ?!

Впрочемъ всѣ эти зданія выстроены внѣ Лавры. Но и въ самой Лаврѣ сооружено недавно зданіе, поставленное совершенно не на мѣстѣ. Мы разумѣемъ здѣсь лавку для продажи изданій „Троицкихъ Листковъ“, иконъ, картинъ, крестиковъ и т. п. Это довольно большое каменное зданіе пристроено слѣва къ св. воротамъ, надъ которыми находится церковь св. Іоанна Предтечи. Конечно, для торговли мѣсто это очень удобно; но нельзя не пожалѣть о томъ, что это зданіе пристроено къ древнимъ св. воротамъ и является совершенно неумѣстнымъ придаткомъ къ нимъ, потому что нисколько не гармонируетъ ни съ ними, ни съ надворотной церковью, которая устроена 200 лѣтъ тому назадъ. Эта лавка значительно выступаетъ во дворъ и загораживаетъ видъ, который открывается на монастырскій дворъ, храмы и зданія лаврскія, когда вы проходите святые ворота; часть большой липовой аллеи, посаженной еще по повелѣнію императрицы Елисаветы Петровны, была, конечно, безъ пощады вырублена. Самая торговля, столь широко рас-

*) Церковь эта, бывшая до недавняго времени приходскою, передана нынѣ въ вѣдѣніе Лавры и къ ней приписана въ прошломъ году. На этомъ мѣстѣ находился Пятницкій или Подольный (женскій) монастырь, принадлежавшій нѣкогда Лаврѣ. А. Н. О. Въ немъ доживала злочастный вѣкъ свой царевна Ксенія Борисовна, дочь Годунова. Н. Б.

кинувшаяся здѣсь, на святомъ мѣстѣ, по нашему мнѣнію, совершенно неумѣстна; ее слѣдовало бы отнести куда-нибудь подальше, на другое мѣсто.

Замѣтимъ кстати, что мы были удивлены, когда, посѣтивъ недавно Лавру, увидѣли, что всѣ старинныя надгробія и обветшалые кресты на могилахъ около церкви Сошествія Св. Духа и Трапезной нынѣ уничтожены, и остались лишь болѣе цѣнные памятники; около Трапезной разбитъ на ихъ мѣстѣ цвѣтникъ. Спору нѣтъ, эти мѣста стали красивы; но врядъ ли справедливо подобное отношеніе къ умершимъ, за могилы которыхъ въ свое время были заплачены деньги, тѣмъ болѣе, что надгробныя плиты потомъ валялись на берегу рѣчки, недалеко отъ колодезя преп. Сергія (иныя впрочемъ были сложены во впадинахъ надъ трапезной).

Намъ кажется, что обители преп. Сергія не слѣдовало бы руководствоваться подобными торговыми взглядами, строить и ломать лишь соотвѣтственно съ выгодой и удобствомъ, но что ей необходимо считаться и съ требованіями художественнаго вкуса и съ уваженіемъ къ старинѣ. Мало того, намъ кажется, что такой монастырь, какъ наша знаменитая святая Лавра Сергіева, и своими рамами, и зданіями, и стѣнами съ башнями, должна представлять своего рода церковно-археологическій музей, священный для Русскихъ людей, которые дорожатъ своимъ прошлымъ, и цѣнный для археологической науки.

А. Н. О.

ИЗЪ ПИСЕМЪ АЛЕКСАНДРЫ ОСИПОВНЫ СМИРНОВОЙ

(ур. Россетъ)

1855-й годъ.

Новое царствованіе.

Нижеслѣдующія выдержки изъ писемъ, въ которыхъ А. О. Смирнова передавала одному Московскому пріятелю своему новости политическія и дворскія, сообщены въ „Русскій Архивъ“ ея дочерью Надеждою Николаевной Сорѐнъ,нашедшею ихъ въ бумагахъ, унаслѣдованныхъ ею отъ сестры ея Ольги Николаевны Смирновой (наслѣдники того лица, къ которому письма эти писаны, возвратили ихъ А. О. Смирновой). Подлинники писаны большею частью пофранцузски, иногда понѣмецки и порусски. П. Б.

I.

8 Марта (1855, С.-Петербургъ).

Мы съ вами еще не сказали другъ другу слова со времени великаго событія, которымъ пораженъ весь міръ. Въ жизни народовъ словно произошла минутная задержка, и они какъ будто задаютъ себѣ вопросъ, какъ имъ быть теперь. Таково, на самомъ дѣлѣ, впечатлѣніе, произведенное этою великою вѣстью, которая, благодаря телеграфу, облетѣла, какъ молнія, весь образованный свѣтъ. Не стало того, на кого были устремлены съ тревогой взоры всего міра, того, кто при своемъ послѣднемъ вздохѣ сдѣлался столь великой исторической фигурой. Смерть его меня несказанно поразила христіанской простотой всѣхъ его послѣднихъ словъ, всей его обстановки. Подробности вамъ извѣстны; я узнала ихъ отъ Мандта, отъ Гримма, его стараго камердинера, и наконецъ отъ Государыни и Великой Княгини Маріи. Мандтъ сообщалъ мнѣ о теченіи болѣзни (у меня самой былъ въ это время гриппъ, и я лежала въ постели). Я пошла посмотрѣть эту комнату, скорѣе келью, куда, въ отдаленный уголъ своего огромнаго дворца, онъ удалился, чтобы выстрадать всѣ мученія униженной гордости своего сердца, уязвляемаго всякою раною каждаго солдата, чтобы умереть на жесткой и узкой походной кровати, стоящей между печкой и единственнымъ окномъ въ этой скромной комнатѣ. Я видѣла потертый ко-

верчикъ, на которомъ онъ клалъ земные поклоны утромъ и вечеромъ передъ образомъ въ очень простой серебряной ризѣ. Откуда этотъ образъ, никому неизвѣстно. Въ гробъ ему положили икону Божіей Матери Одигитріи, благословеніе Екатерины при его рожденіи. Сильно подержанное Французское Евангеліе, подарокъ Александра Павловича (его онъ, какъ самъ мнѣ говорилъ, читалъ каждый день, съ тѣхъ поръ какъ получилъ его въ Москвѣ послѣ бесѣды съ братомъ Александромъ у Храма Спасителя); экземпляръ Ѳомы Кемпійскаго, котораго онъ сталъ читать послѣ смерти дочери [1]), нѣсколько семейныхъ портретовъ, нѣсколько батальныхъ картинъ по стѣнамъ (онъ ихъ собственноручно повѣсилъ), туалетный столъ безъ всякаго серебра, письменный столъ, на немъ прессъ-папье, деревянный разрѣзательный ножъ и Одесская бомба: вотъ его комната. Онъ покинулъ свои прекрасные апартаменты для этого неудобнаго угла, затеряннаго среди тѣсныхъ коридоровъ, какъ бы съ тѣмъ, чтобы приготовить себя для еще болѣе тѣснаго жилища. Эта комната находится подъ воздушнымъ телеграфомъ. Гриммъ, служившій при немъ съ ранней молодости, заливаясь слезами, говорилъ мнѣ, что онъ послѣ Альмы долго не спалъ, а только два часа подъ рядъ проводилъ въ сонномъ забытьи. Онъ ходилъ, вздыхалъ и молился даже громко среди молчанія почи [2]). Мнѣ кажется, что онъ въ это время именно раскрылся какъ человѣкъ вполнѣ Русскій.

Гизо разсуждая какъ-то о его дѣйствіяхъ во время войны: сказалъ про него чрезвычайно замѣчательную вещь, [3]): «онъ никогда не умѣлъ быть ни вполнѣ Русскимъ, ни вполнѣ Западнымъ человѣкомъ». Это совершенно вѣрно; но понялъ ли Гизо, что въ продолженіе тридцати лѣтъ никто не задавался вопросомъ, Западнымъ или Русскимъ человѣкомъ былъ Императоръ Россіи. Было ясно, что властитель цивилизованъ, а страна варварская и что властитель велъ ее къ цивилизаціи. Въ настоящее время это варварство преодолѣло самаго абсолютнаго государя въ свѣтѣ, и двойственность, столь раздирающая страну, обнаружилась въ усиленной степени въ фигурѣ властителя этой необъятной страны, на глазахъ изумленной и испуганной Европы. Это

---

[1]) Александры Николаевны. род. 12 Іюля 1825, 16 Янв. 1844 вступила въ бракъ съ принцемъ Фридрихомъ Гессенскимъ, ск. 29 Іюля того же 1844 года.

[2]) Анна Ѳедоровна Аксакова передавала намъ, какъ позднею осенью 1854 года, въ Гатчинѣ, засидѣвшись вечеромъ позже обыкновеннаго и заглянувъ въ окно, выходившее на тамошнюю дворцовую площадь (гдѣ памятникъ императору Павлу), она увидала чью-то долгую тѣнь. Это былъ Николай Павловичъ: онъ ходилъ по площади и, останавливаясь передъ церковью, клалъ земные поклоны. П. Б.

[3]) 1828—1829 годовъ.

напоминаетъ мнѣ слова Гоголя (да будутъ они пророческими!): другія государства почтительно сторонятся, чтобъ дать Россіи надлежащую дорогу.

Конечно главнымъ образомъ пьедесталъ, на который Богъ помѣстилъ Николая, содѣлывалъ его фигуру столь величественною, и смерть Александра, какова бы ни была его личность, также взволнуетъ Европу, и это волненіе не прекратится до тѣхъ поръ, пока *великій вопросъ* не будетъ порѣшенъ. Когда Европа пойметъ, что съ вопросомъ кончено, что громкія фразы о прогрессѣ, гуманности и цивилизаціи не касаются болѣе насъ въ нашемъ отдѣленіи отъ другихъ, она мало по малу перестанетъ обращать на насъ исключительное вниманіе. Интересно узнать, когда мы поймемъ этотъ вопросъ. И если императоръ Николай подчинялся временному вліянію, то въ какой степени другіе вынуждены будутъ подчиниться совершившейся правственной революціи въ Россіи? Ясно, что они погибнутъ, если ей не подчинятся. Мнѣ кажется, что жизнь бьется во всѣхъ порахъ Россіи и что послѣднія пятнадцать лѣтъ подавленія произвели дѣйствіе какъ разъ обратное тому, чего желали и что̀ дѣлали, слѣдуя инстинктивно внушеніямъ въ высшей степени абсолютной натурѣ. Именно тамъ, гдѣ предполагали полную смерть, чувствуется возрожденіе.

Перейдемъ теперь къ юному императору, къ его столь трудному положенію и будемъ терпѣливы, чтобы не нарушить справедливости. Онъ несетъ бремя часто тягостное, но оно—бремя его отца, и онъ долженъ его чтить. Эти человѣческія отношенія первѣйшій долгъ, какъ вы сами знаете. Не будемъ удивляться, если протекутъ даже года, прежде чѣмъ изгладится привычка къ прошлому, которое уважаютъ по принципу и по убѣжденію.

Но вѣдь мы не привыкли идти по стезѣ благоразумія и даже не знаемъ, какъ поступать съ тѣнью того, что̀ называется свободою. И такъ не будемъ осуждать первыхъ шаговъ.

II.

1855 г. (конецъ Марта, послѣ Пасхи).

Я видѣла жениха-Милютина [1]); онъ сжегъ ваше письмо и благодаритъ васъ за копію, которую вы ему дали снять. Мнѣ говорили,

---

[1]) Говорится про Н. А. Милютина: онъ женился на Маріи Агѣевнѣ Абазѣ (нынѣ за Англичаниномъ Стилемъ) въ Апрѣлѣ 1855 года.

что Бибиковъ [1]) будетъ всегда имѣть въ виду раскольниковъ, и вотъ почему. Закревскій [2]), пріѣхалъ отсюда въ Москву и, увѣренный изъ разговора съ Орловымъ [3]), что дѣло [4]) всецѣло кануло въ воду, приказалъ разыскать Гучкова [5]) и сказалъ ему: «Вотъ видишь, дуракъ. Я тебѣ говорилъ не спѣшить, теперь и раскаеваешься! На старости лѣтъ вздумалъ вѣру мѣнять изъ угодности министру, а теперь вотъ увидишь, какая будетъ жизнь расколу.» Гучковъ ему отвѣчалъ, что перешелъ въ церковь по убѣжденію и, такъ какъ Закревскій его бранилъ и заставлялъ распространять среди купцовъ слухи объ измѣненіи въ мысляхъ правительства, то Гучковъ, вернувшись домой, написалъ ему письмо, гдѣ, изложивъ основанія, побудившія его оставить безпоповщину, въ заключеніе сказалъ: «я счастливъ, что принадлежу къ церкви Царя, которому служу и присягалъ на вѣрность.» Копію съ этого письма Гучковъ отправилъ Д. Г. Бибикову, а тотъ конечно, отослалъ къ Государю. Это чрезвычайно поразило высшія сферы. У заболѣвшаго Орлова занимались этимъ; на дняхъ соберется комитетъ подъ предсѣдательствомъ самого Государя. Милютинъ мнѣ передавалъ, что на адресѣ Остзейскихъ дворянъ Государь написалъ: поблагодарить ихъ, но зачѣмъ не по-русски? Надо надѣяться, что онъ это сдѣлалъ въ назиданіе Балтійцамъ. Въ городѣ говорятъ, что В. Д. Олсуфьевъ внушилъ ему это *по-русски*; не думаю [6]).

Вообще же ничего выдающагося не было ни сказано, ни сдѣлано. Замѣтили, что, обращаясь къ войскамъ, онъ сказалъ *вы* и *я*. Такъ какъ

[1]) Дмитрій Гавриловичъ Бибиковъ, род. 1792 г., герой Турецкой и Отечественной войнъ, подъ Бородинымъ потерялъ руку. Съ 1825 по 1835 директоръ департамента внѣшней торговли, съ 1837 Кіевскій, Волынскій и Подольскій генералъ-губернаторъ. Имъ введены такъ называемые инвентари. Съ 1852 по 30 Августа 1855 г. министръ внутреннихъ дѣлъ. Сконч. 22 Февраля 1870 г. Ю. Б.

[2]) Графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій; Московскій генералъ-губернаторъ въ 1848 по 1859 годъ, издавна благоволилъ къ старообрядцамъ. Ю. Б.

[3]) Т. е. съ графомъ А. Ѳ. Орловымъ, начальникомъ Третьяго Отдѣленія Государевой канцеляріи, гдѣ вѣдались главнѣйшія дѣла внутренняго управленія. П. Б.

[4]) Т. е. дѣло о преслѣдованіи старообрядцевъ. Въ виду Крымскихъ неудачъ и въ предупрежденіе разныхъ возможностей, почитались необходимыми всякія стѣснительныя мѣры. На Рогожскомъ и Преображенскомъ кладбищахъ чиновникъ Мозжаковъ дошелъ до того, что запрещалъ пѣніе и молитвы вслухъ. Въ ночь съ 18 на 19 Февраля 1885 года, новый государь телеграфировалъ въ Москву объ отмѣнѣ этого запрещенія. Объ этомъ сказывалъ мнѣ М. Н. Лонгиновъ, который служилъ тогда при графѣ Закревскомъ. Вскорѣ въ завѣдываніе Лонгинова поступило Рогожское кладбище, и тамошніе прихожане долго не могли надивиться его обращенію съ ними, имъ еще казалось, что это подвохъ. П. Б.

[5]) Ивана или Ефима? Они оба приняли единовѣріе; отецъ ихъ Ѳедоръ Гучковъ нѣкогда главное лицо на Преображенскомъ кладбищѣ, сосланный въ Петрозаводскъ, умеръ тамъ въ 1857 году. Ю. Б.

[6]) В. Д. Олсуфьевъ, женатый на Спиридовой (мать которой была урожденная Швебсъ) причисленъ съ потомствомъ къ Эстляндскому рыцарству, и гербъ его красуется въ Ревельской дворянской залѣ на Вышгородѣ. Это не мѣшало ему и не мѣшаетъ его дѣтямъ оставаться вполнѣ Русскими людьми. Ю. Б.

я состою въ числѣ ужасныхъ женщинъ, то на вопросъ, *почему* мой мужъ вернулся тотчасъ послѣ кончины Государя, я сказала правду: такъ какъ онъ хотѣлъ еще разъ его увидѣть, да къ тому же ему нечего было больше дѣлать въ Москвѣ по раскольничьимъ дѣламъ. Онъ былъ посланъ для нихъ самимъ Императоромъ, на что Закревскій негодовалъ и спросилъ его: «каковы ваши инструкціи?» На это мой мужъ отвѣчалъ: «я долженъ дать отчетъ лишь тому, кто меня послалъ» [1]).

А каковъ мой пріятель Гучковъ? Семь лѣтъ тому назадъ [2]) онъ мнѣ предлагалъ взятку, а теперь какія письма пишетъ! Онъ даже извинялся передъ моимъ мужемъ, «что онъ его и меня обидѣлъ.» Затѣмъ онъ сказалъ ему: «Александра Осиповна меня обругала подлецомъ даже за то, что я имъ деньги предлагалъ; я Александру Осиповну и васъ очень уважаю». Этимъ подробностямъ очень удивлялись *тамъ*, гдѣ не знаютъ многихъ любопытныхъ вещей.

Во дворцѣ нѣтъ болѣе чего-то такого, что́ придавало церемоніямъ важность и величіе. Какъ эти люди плохо воспитаны! Громко болтаютъ, смѣются, толкаются! Какъ страшно будетъ, когда спадетъ эта внѣшность, какая ужасная пустота обнаружится передъ всѣми!

Даже Віельгорскіе недовольны повидимому своимъ настоящимъ положеніемъ, но они найдутся, будьте увѣрены. Мишель (отецъ) говорилъ мнѣ: «я больше ничего не знаю; я потерялъ руководящую нить новостей; при этомъ дворѣ все дѣлается таинственно и втихомолку.»

III.

Апрѣль 1855 г.

Повидимому всѣ были очень удивлены, что я провела два часа съ государыней Маріей Александровной, конечно въ качествѣ ужасной женщины. Ну а вы, какъ находите мои царедворческія придворныя способности? Что́ уже продралась! Прошу вспомнить, что эта симпатія уже давно существуетъ, почти съ моего возвращенія изъ Парижа въ 1844 году; я часто говорила о ней вамъ и Гоголю.

Графъ Блудовъ печаленъ. Онъ вчера мнѣ признавался: каждодневно молюсь я Богу, чтобы онъ простилъ мнѣ то чувство презрѣнія, кото-

---

[1]) Къ сожалѣнію мы ничего болѣе не знаемъ объ этомъ порученіи, которое Николай Павловичъ далъ Н. М. Смирнову, состоявшему тогда причисленнымъ къ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ послѣ губернаторства въ Калугѣ. П. Б.

[2]) Т. е. въ 1848 году, когда Н. М. Смирновъ управлялъ Калужскою губерніею, въ Боровскомъ уѣздѣ которой такъ много старообрядцевъ. П. Б.

рое я испытываю противъ всѣхъ людей въ настоящее время. Въ пасхальную ночь Киселевъ сказалъ ему съ явнымъ намѣреніемъ его уколоть: «вотъ два вымирающіе Русскіе варварскіе обычаи, пасхальныя лобзанія и кареты въ четыре лошади.» (Блудовъ еще ѣздитъ четверикомъ).

Я урывками опорожнила передъ вами мой коробъ новостей, такъ какъ ко мнѣ приходитъ много народу.

Мой будущій зять [1]) поступилъ въ ополченіе, и мои дочери разучили егерскіе боевые сигналы, а вашъ другъ Надежда Николаевна ихъ насвистываетъ, что̀ для барышни не совсѣмъ элегантно; но вы знаете что въ ней всегда сидитъ какое-то мальчишество. Конторщикъ Николая Михайловича передастъ вамъ это письмо; во всякомъ случаѣ пишите часто *съ оказіей*. Мнѣ сообщаютъ изъ Москвы, что тамъ разсказываютъ мою сцену съ Ф. Ф. Вигелемъ [2]) съ прикрасами; объ этомъ Соболевскій писалъ Н. М. [3]) Ей нѣтъ никакой надобности въ прикрасахъ, она и безъ того была довольно хороша; а такъ какъ Петербургъ самый маленькій городъ въ свѣтѣ, то исторія на слѣдующій день прошлась по набережнымъ, по Морской и Невскому; объ ней говорили на Сергіевской, на Литейной и даже на Васильевскомъ острову, такъ какъ М. Голицынъ пріѣхалъ поговорить со мною объ ней. Лишь Пески и Охта ея игнорировали. Тютчевъ, А. Поповъ, Шеншинъ, Константиновъ, Григорій Щербатовъ и другіе присутствовали при *исполненіи*; но однако я не бросала лампы въ Вигеля и даже не напоминала про стихи Соболевскаго [4]).

Что̀ дѣлаете вы въ Москвѣ? Стыдно сидѣть дома! Отправляйтесь на Дунай, лѣнтяй, присоединитесь къ Ковалевскому.

---

[1]) Князь Андрей Васильевичъ Трубецкой, вскорѣ за тѣмъ женившійся на (старшей изъ трехъ дочерей), Софьѣ Николаевнѣ Смирновой. П. Б.

[2]) Ф. Ф. Вигель, выразившій неприличную радость при извѣстіи о смерти Николая Павловича, сталъ бранить покойнаго въ гостинной Александры Осиповны; та заявила, что она сама не разъ говорила Государю горькую правду *въ глаза*, но поносить умершаго не позволитъ и велѣла Вигелю выйти вонъ. Блудовы также отказали ему отъ дому. Вотъ что писалъ К. Н. Лебедевъ: „Неблагодаренъ и не стоитъ довѣрія вѣкъ нашъ. Едва похоронили Государя, какъ начались толки, пересуды и порицанія открытыя и притомъ лицами мелкими, личностями, которыя пресмыкались и не смѣли дозволить себѣ рта разинуть... Память Николая, если найдетъ оправданіе, то у историковъ за его стремленіе къ единству; *современники были стѣснены этимъ стремленіемъ*." Ю. Б.

[3]) Т. е. Николаю Михаиловичу, мужу А. О. Смирновой. Ю. Б.

[4]) О Филипъ Филипичъ Вигель, тяжела судьба твоя и пр. П. А. Плетневъ писалъ Я. К. Гроту про Вигеля, 31 Января 1845 г. Извѣстенъ особенно эпиграммою Соболевскаго, гдѣ ему рифмуетъ портной Бригель, будто бы шьющій для него нижнее платье"...

IV.

Апрѣль 1855 г.

Знаете, что я снова губернаторша, въ этотъ разъ безъ затруднительнаго положенія въ провинціальномъ городѣ. Въ одинъ прекрасный день мой мужъ, только что пріѣхавъ, былъ назначенъ въ Черниговъ. Онъ изложилъ министру, что не можетъ уѣхать изъ Петербурга по семейнымъ дѣламъ. Государь написалъ на бумагѣ: «Анненкова вмѣсто Смирнова». Два дня спустя Императрица Марія Александровна потребовала меня къ себѣ. Я пробыла у нея уже около часа; мы говорили о брошюрѣ [1]) Хомякова и о письмѣ Гакстгаузена къ королевѣ Ольгѣ (Базаровъ отвѣчалъ Гакстгаузену, я вамъ дамъ съ письма копію). Взошелъ Государь. Разговаривая со мною очень милостиво, онъ сказалъ между прочимъ: «Вы знаете, что вы не будете въ Черниговѣ?» Когда я хотѣла объяснить ему причины, побудившія Николая Михайловича отказаться, онъ мнѣ отвѣчалъ: «это очень просто, я ихъ понимаю». Онъ говорилъ со мною о многихъ вещахъ долгое время и сказалъ: до свиданія! Ему представили списокъ для Петербурга, онъ написалъ сверху *Смирнова*, а тамъ не было имени Н. М. Я ничего не дѣлала для такаго рѣшенія, такъ какъ мнѣ больше хотѣлось, чтобы мой мужъ, ради его дѣлъ и имѣній, сдѣлался предводителемъ дворянства въ Москвѣ или даже въ Петербургѣ. Ему придется здѣсь чрезвычайно много работать, даже для ополченія: больницы, тюрьмы, все это Авгіевы конюшни, которыя онъ хочетъ очистить. Но вообще онъ доволенъ. Я полагаю, что Бибиковъ также стоялъ за него при этомъ назначеніи, чтобы сыграть шутку съ Закревскимъ.

V.

Апрѣль 1855 г.

Мнѣ хочется сообщить вамъ кое-что о физіономіи Петербурга за послѣднія двѣ недѣли, послѣ того какъ я вамъ послала книгу о Севастополѣ, о Вѣнской конференціи и [3]) о всемъ томъ, что́ Александръ Трубецкой разсказывалъ послѣ своего возвращенія изъ Вѣны. Но прежде всего,

---

[1]) Вторая изъ трехъ богословскихъ, за границею изданныхъ книжекъ А. С. Хомякова, великое значеніе которыхъ было цѣнимо покойной государыней. П. Б.

[2]) Созванная въ Вѣнѣ конференція подъ предсѣдательствомъ Австрійскаго министра графа Буоля выставила слѣдующія условія мира: 1) замѣна совокупнымъ ручательствомъ державъ Русскаго протектората надъ Молдавіей, Валахіей и Сербіей; 2) свобода плаванія по Дунаю; 3) закрытіе проливовъ съ цѣлью обезпечить независимость Оттоманской имперіи и положить конецъ преобладанію Россіи на Черномъ морѣ, 4) отказъ Россіи отъ права покровительства христіанамъ, подданнымъ Султана. Русскими уполномоченными на конференціи были князь А. М. Горчаковъ и В. П. Титовъ. Ю. Б.

представьте себѣ, что Петербургъ меня считаетъ въ большомъ фаворѣ при всѣхъ дворахъ; говорятъ, что я интриговала и добилась всего черезъ бѣдную Анну Тютчеву, состоящую при молодой Императрицѣ. На Аннѣ сосредоточена ненависть всѣхъ партій враждебныхъ старику Блудову. Этотъ бѣдный старикъ слыветъ за подстрекателя. За «войну во что бы то ни стало», такъ какъ онъ присоединился къ мнѣнію великаго князя Константина, и они вдвоемъ утверждали, что невозможно сдѣлать дальнѣйшія уступки; что лишь только мы уступимъ по первому пункту, Наполеонъ найдетъ способъ опять повести войну, такъ какъ война есть sine qua non его дальнѣйшаго существованія во Франціи. Мнѣ даже дѣлали съ горечью упреки за мою любовь къ Константину. Мнѣ сообщили то, что̀ произошло въ Совѣтѣ, и прибавили: вашъ дорогой любимецъ Константинъ поддержалъ Блудова. Я отвѣчала: Я въ восторгѣ отъ этого и, когда я его увижу, я его поздравлю. А вотъ танцмейстеръ [1]) меня ненавидитъ, Богъ знаетъ за что, можетъ быть потому, что его посредственность стоила намъ пораженій, и я никогда не увлекалась (geschwärmt) имъ. Опять Блудовъ же будетъ отстаивать въ Совѣтѣ инвентари [2]). Въ первое засѣданіе толковали о томъ, благопріятно ли настоящее время; рѣшили, что неблагопріятно, но тѣмъ не менѣе рѣшили, что надлежитъ съ видоизмѣненіями слѣдовать системѣ и подготовлять инвентари. Нашъ другъ Скалонъ не чуждъ всему этому и говорилъ объ этомъ Блудову и даже самому Государю во время представленія.

Три дня спустя я отправилась въ Аничковъ, чтобы увидать Императрицу (А. Ѳ.), которая меня позвала. У нея я встрѣтила Константина Николаевича; онъ говорилъ о назначеніяхъ моего мужа, о Бибиковѣ, Блудовѣ и сказалъ: «вѣдь они за инвентари и, кажется, вашъ супругъ на этотъ счетъ мнѣнія Бибикова и Блудова?» Я отвѣчала: «Да и вы также, ваше высочество»». Онъ продолжалъ: «Вѣдь это подготовитъ волю; вѣдь вы знаете, что на смертномъ одрѣ Государь взялъ слово съ брата. Дай Богъ кончить войну, а потомъ начнемъ другое дѣло. Я знаю, что вы за это стоите.» Государыня одѣвалась. Я осталась одна съ нимъ. Онъ съ большимъ воодушевленіемъ разсказывалъ

---

[1]) Военный министръ, такъ прозвалъ его артиллерійскій генералъ Константиновъ, сынъ князя Голицына, Jean de Paris. П. Б.

[2]) Инвентари введены были Д. Г. Бибиковымъ въ Юго-западнемъ краѣ. Императоръ Николай желалъ ввести ихъ и въ шести губерніяхъ Сѣверозападнаго края; но Польскіе помѣщики еще при его жизни прислали въ Петербургъ депутацію, которая была поддержана Александромъ Николаевичемъ, и положеніе тамошнихъ крестьянъ сдѣлалось еще тяжелѣе. Ю. Б.

мнѣ о засѣданіи, гдѣ онъ поддерживалъ Блудова противъ третьяго пункта предложенія, устроеннаго, какъ говорятъ, въ Вѣнѣ[1]) Игнатьевъ[2]) также находитъ инвентари необходимыми; думаю, что и Петербургъ подходитъ также подъ категорію *Западныя губерніи*. Полагаютъ, что Кіевское дѣло не только не остановило Государя, но склонило его измѣнить свое мнѣніе объ инвентаряхъ.

Можетъ быть, это и правда, судя по намеку, сдѣланному моимъ любимцемъ Константиномъ Николаевичемъ по поводу 8 студентовъ-Поляковъ, схваченныхъ за то, что они старались поднять крестьянъ противъ помѣщиковъ, на что они отвѣчали: «Мы не на царя, а мы противъ помѣщиковъ; мы вольные и хотимъ всѣ въ ополченіе». Когда постарались смирить ихъ воинскій пылъ, началось возстаніе. Было призвано войско, стрѣляли, было убито и ранено 30 человѣкъ. Многіе изъ здѣшнихъ воспользовались, чтобы направить все это противъ Бибикова въ надеждѣ окончательно его сокрушить; но онъ только что восторжествовалъ въ комитетѣ о раскольникахъ. Мой мужъ обѣдалъ у него сегодня, и онъ ему разсказалъ всѣ подробности. Государь предсѣдательствуетъ въ комитетѣ; вообще министръ выигралъ, но въ частности они проиграли. Войцеховичъ[3]) принесенъ въ жертву; онъ будетъ удаленъ и уже поговариваетъ объ отъѣздѣ въ свои имѣнія или о годовомъ путешествіи. Кажется, Сѵнодъ написалъ Государю благодарственное письмо за то, что онъ принялъ во вниманіе Филаретово письмо. Копіи съ него я еще не имѣю, министръ отправилъ его, не снимая копіи, а Государь держитъ его до сихъ поръ у себя.

Надо вамъ сказать, что при нашемъ дворѣ все совершается таинственно, и общество жалуется на полное незнаніе.

При покойномъ Государѣ знали все или почти все, что̀ имѣло часто также свои неудобства.

19-е число (Апрѣля) породило много недовольныхъ. Парадъ былъ очень дурно веденъ; послѣ парада Государь призвалъ Арбузова и Воронцова[4]) и задалъ имъ такую ужасную головомойку, какой не запом-

---

[1]) См. пред. стр.

[2]) Графъ Павелъ Николаевичъ (род. 1797 ум. 1879). Будучи генералъ-губернаторомъ Витебской, Могилевской и Смоленской губерній, онъ подавалъ всеподданнѣйшую записку объ ужасномъ положеніи тамошнихъ помѣщичьихъ крестьянъ. Ю. Б.

[3]) Алексѣй Ивановичъ, чиновникъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Святѣйшемъ Сѵнодѣ, впослѣдствіи членъ Государственнаго Совѣта. † 1881 г. Ю. Б

[4]) Князя Семена Михайловича, который командовалъ тогда первымъ баталіономъ

нятъ даже при покойномъ Государѣ. Такъ какъ онъ не жестокъ, то слишкомъ горячится, когда сердится, и выходитъ изъ себя. На пасхальной заутренѣ слишкомъ переговаривались, даже читали приказъ въ самой церкви; онъ обернулся и произнесъ ужасное: «шш, потише». Всѣ такъ и ахнули. Въ прежнее время не смѣли особенно болтать въ церкви; вообразили, что съ нимъ можно больше себѣ позволять. «О Господѣ же Богѣ думаютъ немного, находясь въ святой землѣ». Прошу вѣрить, что это сочинила моя дочь Ольга послѣ одной обѣдни въ Зимнемъ дворцѣ. Теперь, когда я ѣду во дворецъ, она говоритъ мнѣ: вы ѣдете сегодня вечеромъ въ святую землю.

Моя невѣста представлялась на Пасхѣ. Она еще очень молода, чтобы выходить замужъ; но развѣ извѣстно когда либо, въ какомъ возрастѣ вы способны начать жизнь, а между 17 и 18 годами *такъ мало* разницы; размысливъ такимъ образомъ, я уступила.

Мой мужъ представлялся вчера. Вамъ извѣстно, что покойный Государь обыкновенно не принималъ губернаторовъ; желала бы думать, что это предсказываетъ перемѣну, что ихъ будутъ принимать передъ отправленіемъ на новый постъ [1]).

Государь сказалъ мужу: «Надѣюсь, что ты будешь также хорошъ, какъ въ Калугѣ. Здѣсь ты найдешь много дрязгъ въ управленіи, дѣлаются ужасныя гадости, тебѣ надобно объѣхать губернію, чтобы распорядиться на счетъ дизлокаціи войскъ». Результатомъ этого была покупка прочной коляски и засѣданіе въ тотъ же вечеръ комитета, гдѣ рѣшили отъ города поставить въ лѣтнія палаты больницъ 500 кроватей для раненыхъ и размѣстить въ частныхъ домахъ отъ трехъ до четырехъ тысячъ кроватей. Подводы, пріѣхавшія изъ внутреннихъ губерній, превосходны; это вторая присылка. Тысяча этихъ повозокъ ѣдетъ въ Ямбургъ, а тысяча остается въ городѣ; ихъ послали также въ Финляндію.

Вчера получена депеша изъ Вѣны: «Гессъ [2]) еще не уѣхалъ и трактатъ еще не подписанъ. Это комично, но оно однако будетъ. И

Преображенскаго полка (въ Архивѣ котораго найдены имъ секретные бумаги по дѣлу царевича Алексѣя Петровича). П. Б.

[1]) Предсказаніе исполнилось: многіе годы сряду императоръ Александръ Николаевичъ не только принималъ губернаторовъ, но и вновь назначаемыхъ и пріѣзжавшихъ въ Петербургъ, и по долгу съ ними бесѣдовалъ. П. Б.

[2]) Баронъ Генрихъ фонъ-Гессъ, род. 1788, ум. 1863 г. Онъ въ 1854 году заключилъ договоръ съ Пруссіей по поводу Восточной войны и командовалъ отрядомъ, наблюдавшимъ въ Галиціи и Трансильваніи за военными дѣйствіями; онъ понудилъ насъ освободить устья Дуная. Ю. Б.

тогда вотъ война съ Австріей. Къ чему привело насъ наше великодушіе? Трудно предполагать, чтобы сѣверный нейтралитетъ могъ продолжаться; лишь бы намъ протянуть осень, а зима всегда была нашей союзницей.

Государь похудѣлъ; на парадѣ всѣ были поражены его усталымъ видомъ. Ополченцы идутъ въ Нарву (Иванъ городъ), и моя дочь также будетъ сопровождать туда своего мужа. Къ счастью тамъ будетъ нѣсколько знакомыхъ мнѣ дамъ: Софья Бобринская, очаровательная особа, ея мужъ, двоюродный братъ моего будущаго зятя, Софья Шувалова, рожденная Нарышкина, ея мать, жена Владимира Карамзина [1]); всѣ онѣ много старше моей дочери. Вмѣсто того чтобы ѣхать въ Спасское, я провожу лѣто въ Царскомъ Селѣ; за то я буду тамъ при источникѣ новостей. Мужъ мой будетъ въ городѣ и будетъ пріѣзжать на ночь въ Царское. Всего хорошаго Аксакову. Его *Свободное слово* очень хорошо. Блудовъ читаетъ его наизусть. Норовъ послѣ своего доклада прочелъ мнѣ его [2]).

---

[1]) Рожд. баронесса Александра Ильинична Дука. Ю. Б.

[2]) Вотъ это стихотвореніе, имѣющееся у насъ въ своеручномъ, подаренномъ мнѣ подлинникѣ К. С. Аксакова. Оно написано имъ на почтовомъ листкѣ, въ верху коврѣзанъ видъ Московскаго кремля. Помню живо, какъ однажды, когда мы уходили изъ засѣданія Общества Любителей Россійской Словесности, Константинъ Сергѣевичъ многократно съ необыкновеннымъ одушевленіемъ читалъ намъ наизусть эти стихи, которые какъ будто написаны на текстъ апостола Павла: „Слово Божіе не вяжется" (2-е посланіе къ Тимоѳею, II, 9). П. Б.

Ты чудо изъ Божьихъ чудесъ,
Ты мысли свѣтильникъ и пламя,
Ты лучъ намъ на землю съ небесъ,
Ты намъ человѣчества знамя.
Ты гонишь невѣжества ложь,
Ты вѣчною жизнію ново,
Ты къ правдѣ, ты къ благу ведешь,
Свободное слово!

Лишь духу власть духа дана,
Въ животной же силѣ нѣтъ прока:
Для истины гибель она,
Спасенье для лжи и порока.
Враждуетъ ли съ лестью, равно
Живитъ ее жизнію новой.
Неправдѣ опасно одно
Свободное слово.

Въ разгаръ бомбардировки Сакенъ сказалъ Нахимову, что тотъ слишкомъ открывается, особенно будучи верхомъ. «Эхъ, ваше превосходительство, это не бѣда, если васъ со мною убьютъ; а вотъ бѣда, если бы Тотлебена или князя Васильчикова». Говорятъ, что Викторъ Васильчиковъ неутомимъ; послѣ бомбардировки онъ проводитъ время съ солдатами на бастіонахъ или въ госпиталяхъ. Онъ внушаетъ безпокойство, такъ какъ замѣтно похудѣлъ. Севастополь совершенно переполненъ, и Нелидовъ (Іосафъ) пишетъ брату*), что онъ живетъ въ коляскѣ позади Инкермана, туда онъ ходитъ обѣдать и спать на нѣсколько часовъ. Говорятъ, что ждутъ приступа съ нетерпѣніемъ, и солдаты великолѣпны своимъ хладнокровіемъ и храбростью. Сегодня говорятъ, что Россія заключитъ отдѣльный договоръ съ Турціей, на этотъ разъ по соглашенію съ Пруссіей, которая будетъ гарантировать.

Союзники бомбардировали пасхальный крестный ходъ. Ихъ извѣстили, что это наше празднованіе Пасхи, полагая, что они прекратятъ огонь на нѣсколько часовъ; они же, напротивъ, стали бомбардировать съ яростью. Одна изъ сестеръ милосердія была ранена. Серафима Ушакова, та самая, что̀ говорила «я только бомбы боюсь», пріѣхавъ въ Севастополь, возымѣла необычайную храбрость: она ходитъ на четвертый бастіонъ, знаменитый бастіонъ смерти, подымаетъ раненыхъ и поитъ солдатъ чаемъ. Явилась такая отвага. Она легко ранена осколкомъ гранаты, убившей нѣсколько человѣкъ рядомъ съ нею. Всѣ очень до-

---

Зачѣмъ огражденья всегда
Власть ищетъ лишь въ рабствѣ народа?
Гдѣ рабство—тамъ бунтъ и бѣда,
Защита отъ бунта—свобода.
Рабъ въ бунта—ужаснѣй звѣрей;
На ножъ онъ мѣняетъ оковы.
Оружье свободныхъ людей—
Свободное слово.

О слово, даръ Бога святой!
Кто слово, даръ Божескій, свяжетъ,
Тотъ путь человѣку иной,
Путь рабства кровавый укажетъ.
На козни, на вредную рѣчь
Въ тебѣ исцѣленье готово,
О, духа единственный мечъ,
Свободное слово!

*) Т. е. брату Смирновой, Аркадію Осиповичу Россету. Ю. Б

вольны сестрами. Мой мужъ отправилъ 12 фельдшеровъ къ Пирогову. Онъ всѣхъ очаровываетъ, повидимому не знаетъ усталости, раненые его любятъ, и онъ ихъ вылѣчиваетъ. Старшая сестра изъ тѣхъ, которыя посланы великою княгиней Еленой, ведетъ для нея журналъ. Она говоритъ, что бомбардировка усилилась на Страстной недѣлѣ, особенно въ Великую Пятницу и на зарѣ Свѣтлаго Воскресенья. Въ крестный ходъ на Южной и Корабельной бомбы падали каждыя пять минутъ, много было убитыхъ (и раненыхъ); они умирали при пѣніи Христосъ Воскресе! Англичане, годъ тому назадъ, бомбардировали пасхальный крестный ходъ въ Одессѣ, когда городъ былъ не защищенъ. Вотъ цивилизація во всей ея прелести!

VI.

Апрѣль 1855 года.

Вѣнскія конференціи прерваны, вотъ извѣстіе отъ 12 числа. Друенъ-де-Люисъ осмѣлился предложить, чтобы Россія, Турція, Франція и Англія имѣли по четыре корабля въ Черномъ морѣ, но чтобы Турція имѣла право держать неограниченное количество кораблей на Босфорѣ, иначе говоря, чтобы Франція и Англія имѣла бы тамъ свой флотъ. Эта послѣдняя наглость произвела разрывъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Австрія въ одинъ прекрасный день рѣшится на коварство противъ насъ. Но Брей, Баварскій министръ, говорилъ вчера Тютчеву, что Пруссія en revanche рѣшится идти съ нами. Онъ сказалъ, что имѣетъ о томъ положительныя извѣстія, что она увлечетъ маленькія государства Германія, и католическая Баварія, полу-Австрійская, вообще заклятая соперница Пруссіи, въ послѣднее время обнаруживаетъ явное стремленіе идти объ руку съ Пруссіей; полагаютъ, что она склонена къ этому Саксоніей.

Въ такомъ случаѣ, Пруссія будетъ за насъ, король очень хорошо подготовилъ общественное мнѣніе, и весь протестантскій Сѣверъ будетъ за насъ, а Швеція и Данія сохранятъ нейтралитетъ. Эти замѣчанія Брея совпадаютъ со словами Вертерна (1-го секретаря Прусскаго посольства), которыя я слышала отъ него дней 8 тому назадъ. Я его спросила: «Война у насъ или миръ?» Онъ мнѣ отвѣчалъ: «если вы можете дать намъ 150.000 солдатъ, но не на бумагѣ, а на дѣлѣ, то у насъ будетъ миръ.» Повидимому, Пруссія сдѣлала въ этомъ смыслѣ нѣкоторыя начинанія. Ей надо достать и обезпечить 200.000 солдатъ для Рейнскихъ провинцій. Англія принуждена въ настоящее время идти на сворѣ у этого презрѣннаго человѣка, и онъ угрожаетъ Австріи Италіей.

Прочтите брошюру Блудова*) и обратите вниманіе на завѣщаніе покойнаго императора. Ни слова о политикѣ. Оно прекрасно, особенно прибавка послѣ смерти великой княжны Александры (ск. въ 1844 г.). Она издано въ числѣ 200.000 экземпляровъ въ пользу раненныхъ и вчера въ одно утро раскуплено было 1500 штукъ.

Начальница сестеръ милосердія, Стаховичъ, ведетъ журналы для великой княгини Елены. Она пишетъ, что празднованіе нашей Пасхи совпало съ непріятельской; не предполагали, что они будутъ поддерживать огонь, но они поставили на свои баттареи Турокъ. Въ Великую Пятницу всѣ, кто были только въ состояніи присоединились къ ходу съ плащаницей со свѣчами въ рукахъ и съ пѣніемъ обошли кругомъ всѣхъ бастіоновъ; при обходѣ четвертаго бомба ранила Серафиму Ушакову.

Игнатьевъ съ большимъ удовольствіемъ бесѣдовалъ объ инвентаряхъ съ Ник. Ал. Скалономъ, который жалѣетъ, что у нихъ взяли Игнатьева. Игнатьевъ самъ мнѣ говорилъ, что край его очень заинтересовалъ.

Въ Красномъ Селѣ принято 4000 подводъ ополченцамъ, не могущимъ нахвалиться ими: лошади, телѣги, люди, все отборное. Отсюда выходитъ дивизія очень скоро въ Эстляндію. У Балтійскаго порта ходятъ уже Англичане (15 Апрѣля), опять начнутъ грабить. Полагаютъ, что они рѣшатся бомбардировать Свеаборгъ. Десанта съ ними нѣтъ. Изъ Франціи пишутъ, что красные такъ зашевелились въ нѣкоторыхъ департаментамъ, что изъ Nièvre нѣкоторые помѣщики даже выѣхали.

---

*) Послѣдніе часы жизни императора Николая Перваго. 8-ка, 39 стр. Спб. 1855. Читатели „Русскаго Архива" не посѣтуютъ, если мы приведемъ нѣкоторыя мѣста изъ завѣщанія Николая Павловича. Онъ заклинаетъ своихъ дѣтей и внуковъ „Любить и чтить своего государя отъ всей души, служить ему вѣрно, неутомимо, безропотно, до послѣдней капли крови, до послѣдняго издыханія, и помнить, что имъ надлежитъ примѣромъ быть другимъ, какъ служить должно вѣрноподданнымъ, изъ которыхъ они первые. Благодарю, говоритъ Государь (ст. 31), всѣхъ меня любившихъ, всѣхъ мнѣ служившихъ. Прощаю всѣхъ меня ненавидѣвшихъ. Прошу всѣхъ кого могъ неумышленно огорчить меня простить. Я былъ человѣкъ со всѣми слабостями, коимъ люди подвержены; старался исправиться въ томъ, что̀ за собой худаго зналъ. Въ иномъ успѣвалъ, въ другомъ нѣтъ, прошу искренно меня простить. Я умираю съ благодарнымъ сердцемъ за все благо, которымъ Богу угодно было на семъ преходящемъ мірѣ меня наградить, *съ пламенною любовію къ нашей славной Россіи*, которой служилъ по крайнему моему разумѣнію вѣрой и правдой; жалѣю, что не могъ произвести того добра, котораго столь искренно желалъ. Сынъ мой меня замѣнитъ. Буду молить Бога, да благословитъ его на тяжкое поприще, на которое вступаетъ, и сподобитъ его утвердить Россію на твердомъ основаніи страха Божія, давъ ей довершить внутреннее ея устройство и отдаля всякую опасность изъ внѣ. *На Тя Господи уповахомъ; да не постыдимся во вѣки!*"

Plon-Plon называють Craint-Plomb; говорять, что онъ просто струсилъ, а потомъ все свалилъ на свое désapprobation de l'expédition.

Севастополь насъ всѣхъ губитъ. Я больна отъ него, бюллетень отъ 7-го немного насъ оживилъ.

VII.

Гессъ, тотъ самый Австрійскій генералъ, что̀ былъ въ Венгріи въ 1849 году и разстрѣливалъ всѣхъ безъ разбору. Про него разсказываютъ, будто онъ сказалъ: «если бы я захватилъ Кошута, я бы его повѣсилъ вверхъ ногами», на что ему отвѣчали: «попадитесь вы къ нему, онъ вамъ оказалъ бы туже любезность». Si non e vero...

Племянникъ моего мужа, П. Голицынъ *), оставивъ камеръ-пажество, ѣдетъ въ Севастополь; его старшій братъ былъ убитъ на Дунаѣ годъ тому назадъ вмѣстѣ съ Андреемъ Карамзинымъ. Ему было 22 года, а этому 19½. Бѣдная мать въ отчаяніи, у нея изъ сыновей остался лишь онъ одинъ. Признаюсь въ своемъ малодушіи: я въ восторгѣ, что мой сынъ еще ходитъ въ красной рубашкѣ и играетъ въ лошадки. Вашъ дорогой другъ Надежда Николаевна очень воинственна, но ея полъ не позволяетъ ей совершать подвиговъ; она мнѣ принесла «Знаменитыхъ дѣтей», гдѣ она нашла, что маленькій Буфлеръ былъ раненъ, находясь передъ непріятелемъ, двѣнадцати лѣтъ отъ роду. Ея будущій зять внушаетъ ей много больше почтенія съ тѣхъ поръ, какъ сталъ ополченцемъ; у нея военная струнка разыгралась. Мои старшія щипятъ корпію, невѣста очень гордится, что она будущая ополченка; вы знаете, что она чрезвычайно патріотична.

Ольга на меня дуется. Она хотѣла ѣхать въ Севастополь; когда мы ей объявили, что она слишкомъ молода, она была въ ярости, теперь молчитъ съ достоинствомъ, но очень надулась. Она даже сказала мнѣ: «Вы позволяете Сонѣ выйти замужъ, а мнѣ не хотите позволить быть полезною». Отецъ сказалъ ей, что можно быть полезной, не уѣзжая, что здѣсь есть также больные. Услыхавъ о томъ, что Серафима Ушакова ранена, она сказала мнѣ съ торжествующимъ видомъ: «ну вотъ она не убита!» Онѣ были у знаменитой обѣдни сестеръ милосердія въ Смольномъ, вернулись очень взволнованными, и съ тѣхъ поръ

*) Петръ Николаевичъ, прапорщикъ Волынскаго полка, убитъ въ отрядѣ Хрулева 19 Апрѣля 1855 года. Его братъ Александръ, юнкеръ кирасирскаго полка, убитъ подъ Силистріей. Мать ихъ урожденная Воейкова. Ю. Б.

Ольга забила себѣ въ голову стать сестрою милосердія. Наконецъ мужъ объявилъ: «рѣшительно не позволяю». Были пролиты слезы, а затѣмъ она покорилась и теперь дѣлаетъ до изнеможенія корпію и повязки.

Признаюсь, что положеніе родителей часто бываетъ труднымъ: однѣ хотятъ выходить замужъ, другія идти въ Севастополь; надо рѣшать, и ужасно на душѣ скверно, такъ какъ, собственно говоря, не знаешь, въ правѣ ли запретить или позволить какой нибудь поступокъ. Вы знаете, что мои милые нервы примѣшиваются ко всему: смерть Государя, война, свадьба дочери, эти обстоятельства перевернули во мнѣ все вверхъ дномъ.

(*Продолженіе будетъ.*)

Ф. Ф. ВИГЕЛЬ и А. О. СМИРНОВА.

Считаемъ не лишнимъ сообщить (по записи Ольги Николаевны Смирновой) подробности о столкновеніи А. О. Смирновой съ Ф. Ф. Вигелемъ, о которомъ упоминала она выше въ письмѣ своемъ (стр. 620); онѣ характерны и для „на все озлобленнаго Мордвина“ и для благороднаго друга Пушкина, Гоголя и Аксаковыхъ. Ю. Б.

Вечеромъ 18 Февраля послѣ кончины Николая Павловича, у А. О. Смирновой были нѣкоторые друзья, цѣлый день пріѣзжали къ ней съ визитами и всѣ говорили только о кончинѣ государя.

Въ 10 часовъ вечера доложили о Ф. Ф. Вигелѣ, его приняли и онъ тотчасъ же началъ говорить государѣ въ самыхъ неприличныхъ выраженіяхъ.

Первое его слово было: «Eh bien, Nabuchodonossor n'a maleureusement pas assez, brouté, c'est la seule chose que j'ai regretté ce matin en apprenant qu'il est parti. La statue est tombé et les morceaux n'en sont même plus bons, Европа насъ бьетъ по щекамъ, on crache sur nous».

А. О. встала и сказала ему: «Je vous ferai abserver, Monsieur Wiegel, que d'abord j'aimais beaucoup l'Empereur si même je n'approuvais pas tout ce qui fesait et je me suis souvent permis de le lui dire en face. J'ai l'habitude de ne pas me géner en général pour dire non seulement la vérité, mais même des verités. Il n'y a que les laquais qui débinent leurs maitres derrière leur dos et les flattent en face; il y en a beaucoup dans toutes les coeurs et dans tous les salons. Mais si même j'avais haï l'Empereur, j'aurais eu le bon goût de me taire devant son cerceuil et si j'avais blamé le rêgne je n'aurais pas insulté la mémoire d'un homme, qui est mort le coeur brisé, dans une, heure aussi tragique pour ma patrie».

Вигель язвительно улыбнулся, и сказалъ что-то очень неприличное о покойникѣ.

А. О. встала, показала на дверь и сказала: «Sortez, Monsieur, vous me manquez de respect, car vous parlez devant moi comme un gougat. Oui, l'Empereur a fait des erreurs, tout le monde peut se tromper; il avait un caractère absolu, mais chevaleresque, et il avait du coeur, de la générosité, il a été trés mal servi aussi et il a payé pour tout le monde; il a beaucoup plus souffert que ceux qui sont coupables de nos désastres, il ne faut pas jetter toute la respansibilité sur un suverain dont l'histoire dira les qualités tôt ou tard; quand au système

il l'a trouvé, et il a pleuré des nous par la bassese des courtisans, et de ceux qui péchent en eau troublée. Vous oubliez aussi, Monsieur, que si Nabuchodonossor est brisé, que la statue est en ce moment la Russie, et que sa chûte nous a meurtris. Allez! Vous êtes un médiocre patriote et un piètre libéral, vous êtes de ceux que la peine du 3-e отдѣленіе faisait taire il y a 15 jours encore. Ce sont les coups de pied de l'âne et les aboiements des roquets devant le lion mort. Des gens civilisés se découvrent devant les morts et attendent du moin leurs funérailles pour insulter leur mémoire; si toutefois, c'est faire de l'histoire que de baver des injures! Sortez, et que votre pied ne dépasse plus jamais ma porte! Si mon mari avait été ici, il vous aurait fait jeter dehors par ses laquais».

Вигель такъ оторопѣлъ, что не нашелся, поклонился и вышелъ наконецъ.

Переводъ.

Замѣтьте, милостивый государь, что прежде всего я очень любила императора и если даже я не одобряла того, что при немъ дѣлалось, то я часто позволяла себѣ говорить ему объ этомъ въ лицо. Я привыкла вообще не стѣсняться и говорю не только правду, но и правдивыя вещи. Только лакеи ругаютъ своихъ господъ за спиною и льстятъ имъ въ лицо; такого лакейства много во всѣхъ сердцахъ и во всѣхъ гостинныхъ. Но, еслибы я и ненавидѣла государя, у меня бы хватило порядочности, чтобы молчать передъ его гробомъ; еслибы я порицала царствованіе, я не стала бы поносить память человѣка, умершаго съ разбитымъ сердцемъ, во время столь трагическое для моей родины.

Ступайте вонъ, м. г., вы оказываете мнѣ неуваженіе, такъ какъ говорите въ моемъ присутствіи какъ извощикъ. Да, государь дѣлалъ ошибки, всѣ могутъ ошибаться; у него былъ характеръ абсолютный, но рыцарскій, и у него было сердце, было благородство; у него были также дурные слуги и онъ расплатился за всѣхъ; онъ много больше пострадалъ, чѣмъ виновники нашихъ пораженій; не слѣдуетъ взваливать всю отвѣтственность на властителя, о прекрасныхъ свойствахъ котораго исторія скажетъ рано или поздно.

Что касается системы, то онъ ее нашелъ, и онъ плакалъ отъ насъ благодаря низости куртизановъ и людей, ловящихъ рыбу въ мутной водѣ. Вы забываете также, м. г., что если Навуходоносоръ разбитъ, то статуя въ настоящее время есть Россія и что ея паденіе насъ пришибло. Вы посредственный патріотъ и жалкій либералъ, вы изъ тѣхъ, кого наказаніе третьяго отдѣленія недѣли двѣ тому назадъ заставило бы молчать. Это ослиныя ляганья и лай моськи надъ мертвымъ львомъ. Цивилизованные люди закрываются передъ покойниками и дожидаются по меньшей мѣрѣ ихъ похоронъ, прежде чѣмъ оскорблять ихъ память; да, наконецъ, развѣ это историческая оцѣнка брызгать ругательствами! Ступайте и чтобы ваша нога не переступала моего порога. Будь здѣсь мой мужъ, онъ велѣлъ бы лакеямъ вытолкать васъ вонъ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ СЕНАТОРА К. Н. ЛЕБЕДЕВА.

1859-й годъ *).

Рядомъ съ важными преобразованіями, если не предпринятыми, то предпочитаемыми по всѣмъ частямъ, отдается, откликается и старый порядокъ, старая привычка. Литература, какъ раззадорившійся конь или боецъ, безпрестанно слышитъ голосъ — «сдерживайся». Управленіе болѣе обѣщаетъ, нежели слѣдуетъ гласности, и въ этомъ довольно тѣсномъ кругѣ, храбро защищается щитомъ съ девизомъ: нетрогай. Свободныя отношенія весьма нерѣдко вызываютъ внушенія, исходящія—увы!—отъ послѣдней инстанціи, ослабѣвающей какъ и ея вспомогательныя. Генералъ Ростовцевъ дозволилъ себѣ во дворцѣ, видя молодыхъ офицеровъ въ непринужденныхъ позиціяхъ при кн. Орловѣ, прочесть наставленія объ уваженіи и даже перебрать молодыхъ нарушителей, кто, гдѣ, и когда изъ нихъ воспитывался. Ему сдѣлали сцену, довольно неприличную для дворца и дерзкую для временщика. На обѣдѣ, въ пажескомъ корпусѣ, мщеніе молодежи выразилось еще сильнѣе: предложенный юбиляромъ, генер.-майоромъ Жирардо — тостъ въ честь Іакова Ивановича ошиканъ, освистанъ. Крики: «не нужно, не надобно Іакова... Якова» заставили предложить тостъ въ честь «начальника главнаго штаба», но и это неостановило шиканья. Собравъ генераловъ государь выразивъ сильное неудовольствіе: «Офицеры забываются, дисциплина ослабла; между ними являются писатели и сатиристы; я этого не потерплю. Примите мѣры ваши, а съ вами и Его высочество Ник. Ник, (новый корпусный генералъ), вы мнѣ отвѣчаете за это вашими головами». *) Надобно ожидать, что Ростовцевъ за это поплатится.

Министръ Ковалевскій, въ предупрежденіе столкновеній студентовъ съ полиціей, представлялъ объ отмѣнѣ форменной одежды и подчине-

---

*) См. Русск. Арх. 1893, I, 337.

*) Государь при этомъ упомянулъ о дуэляхъ, которыхъ въ послѣднее время было четыре: 1, кн. Долгорукова съ студентомъ Дерпт. Ун. Гр. Оппермановъ, послѣ канкана, въ танцъ-классѣ Марцинкевича. Безъ послѣдствій, кн. Долгор. оробѣлъ. 2. гр Коновицына съ Васей Шереметевымъ (Мартыновымъ) послѣ катанья на саняхъ въ Екатерингофѣ, безъ послѣдствій, пуля найдена у Васи Шерем. въ калошѣ. 3. Гусара Нечаева съ бар. Розеномъ изъ обиды, высказанной Нечаевымъ, когда онъ сидѣлъ подъ арестомъ, и баронъ Розенъ не могъ допустить къ нему посѣтителей. Нечаевъ смертельно раненъ.

ніи ихъ общей полиціи. Подчиненіе утверждено (какъ будто его небыло прежде) и при этомъ прибавлено, что начальствомъ предписано обязать полиціи обращаться съ студентами (съ ними только) съ надлежащею учтивостію.

Генералъ Игнатьевъ оскорбилъ одного гласнаго думы, цеховаго Малкова, посадивъ его подъ арестъ по праву «61 ст. XVIII» (генералъ приводитъ статью). По жалобѣ Малкова Сенатъ приказываетъ произвести изслѣдованіе. Дѣло тянется другой годъ. Министръ юстиціи, по безуспѣшности двумысленнаго предложенія его оберъ-прокурора Любощинскаго, протянулъ дѣло это до времени, когда онъ можетъ застращать старикамъ отказомъ въ вакантѣ, (которымъ праздные эти старики дорожатъ какъ школьники), и сего дня былъ лично въ общемъ собраніи, что бы заставить принять общее собраніе предложеніе въ защиту Игнатьева. Старики не согласились, кромѣ двухъ Генер.-Лейт. Маслова и Д. Т. С. Лубяновскаго и дѣло пойдетъ въ государственный Совѣтъ, гдѣ разумѣется примутъ мнѣніе Сената изъ опасенія нареканій. Кромѣ общихъ условій, при которыхъ водворяются въ странѣ преобразованія,—условій, чисто историческихъ, поборающихъ самыя геніальныя усилія,—у насъ недостаетъ для прочности нововведеній двухъ существенныхъ основаній: терпимости и постоянства начинаній, возникающихъ большею частію что бы польстить Европѣ, литературѣ, демократіи, и правильнаго пути совершенія ихъ начинаній, поручаемаго обыкновенно лицамъ, коммисіямъ и комитетамъ, которыя дѣйствуя въ новомъ дѣлѣ, безъ усвоенной обрядности, дѣйствуютъ нерѣшительно и отлагаютъ рѣшенія къ концу, при которомъ такимъ образомъ является начало.

Это послѣдствіе того господствующаго въ Европѣ порядка доктринъ, на основаніи которыхъ опытный, историческій путь развитія замѣняется систематическимъ и въ положительныхъ учрежденіяхъ явилась неопредѣленность и шаткость теорій.

Читаю я протоколъ коммисіи Ростовцова. Онѣ бродятъ возлѣ вопроса, сводятъ губернскія положенія и ищутъ пункта опора. Выкупъ ихъ путаетъ, безъ выкупа кружитъ голову страхъ бродячей свободы. Я остаюсь при томъ мнѣніи, что слѣдовало начать организаціей помѣщичьей власти. Теперь это невозможно. Надобно организовать общину и опредѣлить maximum оцѣнки личности, предостава пріобрѣтеніе собственности обоюдному согласію. Всякая другая собственность не принесетъ пользы. Надобно опасаться за ослабленіе сельскаго населенія. Земляная работа въ Россіи весьма невыгодна и могла окупаться только при обязательномъ трудѣ. Партія Панина-Орлова не согласится

на выкупъ земель. Медленность въ этомъ дѣлѣ, уничтоженіе ссудъ и возрастающая дороговизна грозятъ потрясеніемъ экономическаго быта.

Я думаю, что здѣсь правительство болѣе нежели въ другой мѣрѣ ограничено и вмѣшательство его, давъ ложную увѣренность, не поможетъ дѣлу. Я думаю что сословія владѣльцевъ и поселенцевъ должны или устроить сами, а именно: учрежденіемъ дворянскихъ и сельскихъ банковъ, занявъ первые фонды отъ правительства по 3% съ погашеніемъ и выдавая ссуды по 5%. Но для этого, кромѣ единицы личности, необходима и единица дѣлимости при двухъ главныхъ началахъ: выкупъ для помѣщика обязателенъ; въ сдѣлкахъ крестьянъ посредствуетъ правительство.

И главное начать мѣстную организацію, въ трехъ инстанціяхъ: приходъ, волость и городъ. Безъ мѣстнаго управленія не можетъ быть успѣха въ начинаніяхъ. Владѣльцы опасаются односторонности вліянія Ростовцова и къ двумъ непріятностямъ его (см. выше) хотятъ прибавить третье. Говорятъ что члены-эксперты гр. Шуваловъ и кн. Паскевичъ хотятъ оставить коммисію. Но едва ли это хорошо расчитано. Не Ростовцовъ, такъ другой долженъ будетъ взяться за дѣло, а всякому другому оно будетъ тяжелѣе и потому уже, что Ростовцеву легче говорить съ государемъ. Правда, важность дѣла и несостоятельность лицъ ведутъ къ тому, что личныя отношенія здѣсь скоро уступятъ требованіямъ существеннымъ, но уловки, всякія уловки удаются рѣдко и не надолго. Уже лучше говорить и дѣйствовать какъ губернаторъ Муравьевъ и предводитель Болтинъ, въ Нижнемъ, о земскихъ расходахъ... Мы старались, говоритъ предводитель, выставлять на видъ губернскому начальству о всѣхъ злоупотребленіяхъ по расходованію общественными суммами земства и всякій разъ не встрѣчали къ нимъ никакого участія къ положенію губерніи, никакой заботы. Объ общественномъ благѣ, не видали никакихъ мѣръ, которыя принимали бы они къ огражденію отъ недавныхъ злоупотребленій на будущее время. Грустныя послѣдствія такого порядка дѣлъ прошлаго времени теперь передъ глазами нашими. Но безсильное негодованіе наше на расточителей суммъ земства и постоянный неуспѣхъ нашъ оградить интересы общественные отъ злоупотребленій, не могли не отразиться на нихъ самихъ; въ насъ невольно родилось горькое убѣжденіе въ томъ, что не пришло еще то славное время, когда правда и истина, а не произволъ и сила, должны будутъ управлять вѣсами правосудія. Такое убѣжденіе повергло насъ въ какую-то апатію, и мы невольно уже стали привыкать хладнокровнѣе смотрѣть на то, какъ трудовыя копѣйки наши, собранныя на общественныя потребности, расточались почти на воздухъ. Теперь мы проснулись и этимъ пробужденіемъ обязаны В-му

П-ву нынѣ,—продолжаетъ предводитель губернатору—«первоначальныя смѣты понижены на значительную цифру»... теперь мы будемъ уже не безмолвными свидѣтелями того, что безъ пользы, по одному только произволу растрачивались суммы земства. И, вѣроятно, высшее начальство право наблюденія, просимое нами и частно В. П-вомъ въ настоящее время намъ предоставленное, по представленіи вашему за нами укрѣпитъ положительнымъ закономъ. Этого требуетъ общественная польза «и проч.».

Да, но не мѣшаетъ потребовать этого наблюденія по всѣмъ предметамъ, въ главѣ и членахъ. Оно потребуется. Оно предоставится. А будетъ-ли польза?

Сегодня, по своему губернскому обычаю, генералъ Муравьевъ принималъ насъ въ мундирахъ — неиначе, чтобы проститься передъ отъѣздомъ за границу. Его душитъ водяная и онъ отправляется по дѣламъ службы въ Ковно, Гродно и Вильно и потомъ въ Эмсъ или Баденъ. Министръ благодарилъ всѣхъ и каждаго и изъявлялъ надежду возвратясь заняться преобразованіями,—которыя мы видимъ только въ перемѣнахъ лицъ и въ обѣщаніяхъ государю увеличить доходы. Дѣло все о доходахъ. Человѣкъ этотъ изворачиваетъ систему гр. Киселева и у него одна мысль—получить побольше денегъ.

Итальянскіе бюллетени гремятъ о побѣдахъ. Два императора съ 500-ами штабами стоятъ другъ противъ друга. Трактаты европейскаго права гнутся и надламываются. Бѣдная страна обливается кровію. А чертъ народной партіи ухмыляется, потирая руки, готовый обнять и праваго и лѣваго. По всемірному свойству народнаго начала и счастіе и несчастіе итальянской кампаніи грозитъ разлитіемъ и потопленіемъ династическихъ основаній. Надобно, чтобы дипломатія согласилась на измѣненія трактатовъ. Она располосовала Европу въ неправильныя территоріи и подчинила своимъ видамъ, вліяніямъ личнымъ и случайностямъ самые существенные интересы, умственные, административные и торговые. Опасаться нужно одного: за раціонализмомъ идетъ безвѣріе и соціализмъ съ ихъ матеріальнымъ насиліемъ.

У французскаго выходца кружится голова, иначе онъ не рѣшился бы на войну, которой не оправдываетъ ни одно государство, и для которой онъ не нашелъ никакихъ гласныхъ побужденій. А закружилась голова у него отъ подобострастія лакейской его администраціи, включая сюда и законодательный корпусъ и Сенатъ, отъ подобострастія европейскихъ династовъ, и отъ сочуствія всей разнузданной французской націи всѣмъ необузданнымъ его предпріятіямъ. Повѣривъ ему три займа, нація, на новый (четвертый) въ 500 мил. подписали сумму въ 2,509,559,776 франк. на 690,190 подписчиковъ (245,025, въ Парижѣ

на 1,547,637,636 франк.—445,165 въ департаментахъ на 961,922,140 франковъ); и тутъ же внесли золотомъ 250,955,977 франковъ. Эти участники въ успѣхѣ итальянской кампаніи. При такихъ цифрахъ человѣкъ можетъ подумать: «пусть молчатъ и журналы и литература и самое общественное мнѣніе». Но торжество для людей безъ началъ и вѣроломцевъ есть ихъ гибель. Начало, осуществляемое Наполеономъ, велико и живуще, но для чистаго примѣненія его еще не пришло время и наслѣдственность слишкомъ глубоко пустила корни и утверждается даже на временныхъ успѣхахъ, сопровождавшихся бѣдствіями, чтобы легко уступить мѣсто началу избирательному, которое, будучи умно организовано, сочетовается съ династическимъ и благородно и прочно въ управленіи парламентскомъ.

Былъ я на выставкѣ въ академіи художествъ. Она замѣчательна по разнообразію сюжетовъ и новымъ дѣятелямъ. Лучше другихъ картины изъ простаго быта и портреты. Недостаетъ идеальности, историческаго изученія и технической оконченности. Вредятъ выставки стѣны академіи, покрытыя превосходными копіями великихъ мастеровъ и—картина Иванова, явленіе Мессіи. Изъ простонароднаго быта хороши—отдыхъ на жатвѣ и харчевня, изъ историческихъ—Екатерина 2, принимающая Запорожцевъ (потому только что она лучше Куликовской битвы и Петра въ Нарвѣ) и портреты г-жъ Олсуфьевой, Романовской и Замятиныхъ. Картину Иванова я вижу не въ первый разъ. Можно быть недовольну ея слишкомъ мѣстнымъ колоритомъ, не совсѣмъ счастливымъ расположеніемъ группъ и недостаткомъ единства, но правильность рисунка, оконченность всей живописи, лица и листка, складки и волоски изумительны на первомъ и на дальнихъ планахъ. Картина вообще мало нравится потому, что объ ней уже много писали и говорили до прибытія Иванова и потому, что въ ней мало драматизма, а главныя фигуры Мессія и Предтеча—первая мала и не выражаетъ Бога, какимъ мы ожидали его и представляемъ себѣ, а вторая представлена слишкомъ размашисто и не соотвѣтствуетъ святости лица и величію смиренія.

Члены эксперты гр. Петръ Шуваловъ и кн. Паскевичъ вышли изъ коммиссіи Ростовцева. Здѣсь нѣтъ системы, но есть духъ партіи дворянской, аристократической или вѣрнѣе—охлократической*). Поводомъ было требованіе ихъ, что особыя мнѣнія печатались въ журналахъ коммиссіи, которые выражаютъ собственно ходъ занятій ихъ, довольно

*) Два члена, независимо отъ доклада государю Ростовцова, подали отъ себя записку о разногласіяхъ и по его повелѣнію дѣло это разсматривалось въ особомъ засѣданіи подъ предсѣдательствомъ ст. секр. Булгакова, 15 Іюля—за полночь—и имъ доказали: 1) что они согласны съ коммисіей и 2) что въ запискѣ ихъ обстоятельства представлены не такъ.

медленный, и общія основанія механизма работъ, установляемыя предсѣдателемъ, довольно зыбкія. Коммиссіи не работаютъ окончательно, а приготовляютъ работы для главнаго комитета. Требованіе Шувалова неосновательно, хотя слѣдовало бы предоставить ему подписывать журналы съ приписью: «при особомъ мнѣніи». Но въ чемъ же заключаются эти мнѣнія? Гр. Шуваловъ имѣлъ случай выразить ихъ, предсѣдательствуя въ Петербургскомъ комитетѣ.

Коммиссія Ростовцова составлена дурно. Для работъ въ существѣ она слишкомъ мелка, ибо надъ нею еще двѣ инстанціи и третья—государь; для одной редакціи (въ родѣ редакціонныхъ коммиссій губернскихъ комитетовъ), она слишкомъ велика и значительна. Ни Ростовцевъ, ни прочіе члены (кромѣ министерскихъ) не согласятся быть исполнителями канцелярской работы сводовъ. И самые существенные труды, изысканіе началъ, представляются работою неблагодарною. Одинъ голосъ какого нибудь гр. Панина или Муравьева, извернувъ общее начало, упразднитъ или устранитъ всѣ умныя или хитросплетенныя положенія коммиссіи. Для самой редакціи окончательной нѣтъ точныхъ основаній, ибо главный комитетъ ихъ не разрѣшилъ.

Генералу Ростовцову слѣдовало ограничиться во всей строгости сводомъ мѣстныхъ положеній. Иначе онъ запутается и дастъ пищу гг. Шуваловымъ и подобнымъ порицать его работу и подмывать его вліяніе. Тогда, при этомъ сводѣ, есть основаніе, которое не трудно сдѣлать полуобязательнымъ и—въ согласныхъ пунктахъ—законно обязательнымъ.

Тщетно борюсь я съ моими племянниками, несмотря на авторитетъ и возрастъ мой, пріучившіе ихъ къ давнему уваженію и повиновенію. Не нравится мнѣ въ нихъ, въ этихъ будущихъ людяхъ, привязанность, почти исключительное стремленіе къ матеріальнымъ, звонкимъ выгодамъ. Въ смѣлости и дерзости порицанія они намъ, бывшей молодежи, не уступаютъ; но мы брали верхъ творчествомъ, или, по крайней мѣрѣ, стремленіемъ къ созданію, воспроизведенію и заимствованіямъ. Нынѣ видна одна отрицательная сторона хулы съ холодною улыбкою, съ молчаніемъ неудостоенія или съ остротою невниманія. Отдѣленіе отъ семейной жизни, энциклопедическое образованіе и участіе въ дѣйствительной жизни—вотъ причины отличія новаго молодаго поколѣнія отъ прежняго. Гдѣ искать теперь нашихъ задушевныхъ мечтаній, идеальныхъ возвышеній и плутарховскихъ увлеченій? Объ идеологіи они едва ли не одного мнѣнія, съ наполеонами, о любви они говорятъ, разсѣиваясь въ садахъ камелій на театрѣ и въ литературѣ, о великихъ образцахъ они не думаютъ, разочарованные напоромъ событій массами и частыми перемѣнами личностей. Обвиняю я и легкость

достиженій нашего времени желѣзныхъ дорогъ, паровиковъ и справочныхъ сборниковъ. Старшій изъ племянниковъ, Александръ учился, по моему, недостаточно, а вышелъ кандидатомъ, написалъ разсужденіе о жалованныхъ грамотахъ, доказывающее болѣе средствъ (моей и публичной библіотеки) подъ руками, нежели изученіе предмета, и не только получилъ медаль, но удостоился самаго льстиваго печатнаго отзыва (проф. Андріевскаго) и теперь его, этого незрѣлаго юношу, берутъ нарасхватъ и въ редакціи и въ искатели каѳедръ. Успѣхи эти таковы, что мой авторитетъ и настойчивость, если не отвергаются, то и выслушиваются съ большимъ равнодушіемъ. О племянникѣ С. Б. артиллеристѣ я ничего не говорю. Онъ испорченъ съ дѣтства, не зналъ ни отца, ни матери, а когда началъ узнавать свою матушку, то долженъ былъ принять несвойственную юношѣ скрытность, притворство, которымъ помогали и ничтожное образованіе нашихъ военныхъ училищъ. О Петрушѣ я тоже ничего не говорю. Онъ не испорченъ, кротокъ, нѣженъ и добръ, но готовится къ порчѣ. Болѣе мнѣ нравится Леонидъ по солидности ума и чувствъ, но я боюсь работать надъ нимъ при настоящемъ слабомъ его здоровьѣ.

Посмотрю, какъ развернутся далѣе мои племянники. Если я буду ими недоволенъ, то немалая вина въ томъ ляжетъ на меня.

Читаю я бывшаго Дерптскаго профессора Блума «Русскій министръ; записки I. А. графа Сиверса». Замѣчательная книга (4 части) и еще была бы замѣчательны, если бы этотъ г. Блумъ не перемѣшалъ современныя сказанія и воззрѣнія съ собственными воззрѣніями и объясненіями. Гр. Сиверсъ получилъ хорошее воспитаніе и послѣ сѣвернаго путешествія (пребываніе въ Лондонѣ) и военной службы въ 7-лѣтней войнѣ, довольно долго путешествовалъ на Югѣ и въ Апрѣлѣ 1764 г. назначенъ Новогородскимъ губернаторомъ, принимая участіе въ самыхъ высшихъ учрежденіяхъ великой учредительницы, бывшей съ нимъ въ искренней перепискѣ по всѣмъ важнѣйшимъ предметамъ законодательства и управленія, особенно при начертаніи и введеніи учрежденій о губерніяхъ. Лифляндія отразилась на Твери, и нельзя не пожалѣть благороднаго остзейца, принявшагося съ энтузіазмомъ за устройство края и разочаровавшагося совершенно, когда онъ увидѣлъ, что элементовъ нѣтъ для стройнаго управленія, и къ этому недостатку присоединяются еще *московскіе порицатели* и *петербургскіе дѣятели*. Этотъ періодъ представляетъ самую поучительную—какъ дѣйствія въ Варшавѣ и Гродно,—при рѣшеніи окончательнаго раздѣла Польши — занимательную часть записокъ намѣстника, и я съ нетерпѣніемъ ожидаю обнародованія матеріаловъ, изъ которыхъ профессоръ выбралъ эти записки. Лифляндская преданность выражается (II стр. 500 и IV стр. 556) въ самые важные минуты не совсѣмъ безкорыстно.

Князь Меттернихъ, великій канцлеръ и министръ Австрійскій, скончался, посвятивъ имперіи, Европѣ, всему міру 87 лѣтъ жизни. Надобно было особенное умѣнье, чтобъ прожить такъ долго, дѣлая и сдѣлавъ такъ много. Это былъ первый и самый хитрый противникъ современнаго направленія самостоятельности народной, порожденнаго Французскою революціей, когда онъ началъ свою дѣятельность, движеніе, которое завершается теперь въ насильной, Итальянской войнѣ, подъ громами которой окончилась жизнь знаменитаго дипломата.

Породнившись съ кн. Кауницемъ, крайнимъ представителемъ династическаго начала и его политики, Меттернихъ преобразовалъ его въ начало государственное и дипломатическаго секретаря возвелъ въ публицисты. Онъ связалъ дѣйствія внутреннія съ внѣшними и, выразивъ начало солидарности государствъ, состава и правъ историческихъ, примѣнилъ его къ Европѣ въ священномъ союзѣ, къ Австріи въ общей имперской канцеляріи, и къ Италіи въ частныхъ трактатахъ, которыми онъ привязалъ ихъ къ видамъ имперіи. Охраняя вездѣ statu quo, на основаніи трактатовъ, онъ не дозволялъ себѣ никакой положительной инициативы и естественно сталкивался безпрестанно то съ народностію во Франціи, то съ раціонализмомъ въ Пруссіи, то съ царскимъ произволеніемъ въ Россіи, ища и всегда находя поддержку въ опасеніяхъ династическихъ, еще сильныхъ во всѣхъ кабинетахъ до событій 1830 годовъ, когда эти династическія обузданія, въ отчаяніи дѣла, пришли къ конвульсіямъ слѣдственныхъ розысковъ, военныхъ судовъ и казней, приведшихъ, по закону воздѣйствія, къ низверженію династическихъ основаній народными и учеными возстаніями 1848 года.

Здѣсь голосъ великаго канцлера замолкъ, но отголоски его слышались до самой кончины, и едва-ли еще не въ минувшемъ Маѣ молодой императоръ слушалъ совѣты умирающаго Нестора. Какъ Австріецъ, Меттернихъ не могъ понять, что такое народная партія, національность, и потому не могъ сблизиться и съ Штейновыми планами, принятыми Пруссіей. Онъ не былъ врагомъ просвѣщенія и улучшеній, но открыто отвергалъ всякую самостоятельность авторитета кромѣ власти и всякое движеніе внѣ трактатовъ и законовъ. «Бывали времена—говорилъ онъ, бѣглецъ, другому бѣглецу (Гизо) въ 1848 г. въ Лондонѣ—когда я управлялъ Европою, Австріею—никогда». Это несправедливо. Онъ полновластвовалъ въ Австріи чрезъ Европу и нигдѣ это сплетеніе не было такъ нужно и важно, какъ въ государственномъ союзѣ десяти австрійскихъ народностей. Народности эти его не любили, но за то любило государство и между высшими чинами его Меттернихъ первенствовалъ и считался и долго будетъ считаться великимъ строителемъ.

Никогда однако не должно забывать, что Меттернихъ министръ Австрійскій и Нѣмецъ и, что самые недостатки его искусственной системы говорятъ о величіи его ума торжествомъ ея въ теченіе полъвѣка почти во всѣхъ государствахъ.

Миръ праху твоему великій грѣшникъ. Ты ошибался въ томъ, что и допуская возможность развитія, не принималъ въ должное соображеніе солидарности его, и не поспѣвалъ за желѣзными и паровыми путями, на которыхъ катилась жизнь, двинутая при меньшихъ и не столь быстрыхъ способахъ твоего аристократическаго времени.

Еще и теперь сильно ученіе Меттерниха въ Германіи и Европѣ и, конечно, ему слѣдуетъ приписать не только политическую ничтожность Германіи съ такъ называемымъ сеймомъ и нѣмецкую градацію медленной нерѣшительности, когда глава союза бьется отъ удушья заклятаго врага, но и неприличный тонъ и содержаніе ноты нашего иностраннаго князя Горчакова, поучающаго Германію дипломатическими сентенціями о томъ что союзъ есть защита, а души, самостоятельной жизни, иниціативы въ немъ нѣтъ и не было. Что скажетъ на это Германія?

Князь Барятинскій, намѣстникъ Кавказскій, съ полномочіями царскими, другъ государя, пріѣхалъ въ Царское Село и принятъ съ большимъ отличіемъ. Онъ преобразовываетъ Кавказъ, составляя свое министерство и увеличивая военную смѣту въ мирное время на 14 м. р. Онъ взялъ Веденъ (э-ую резиденцію Шамиля) и заселяетъ линейными станицами правую и лѣвую сторону изъ женатыхъ солдатъ поселенцевъ. Какъ въ Россіи, такъ и на Кавказѣ, я не думаю, чтобы новые штаты улучшили управленіе. Тамъ болѣе нежели въ Имперіи гнѣздятся воровство, произволъ и недобросовѣстность. Не знаю будетъ ли Кавказъ лучше, но несомнѣнно онъ будетъ стоить дороже. Внутренней организаціи въ немъ еще нѣтъ и къ безпорядкамъ собственнымъ привиты герольдейскіе, помѣщичьи и административные Русскіе. Взятіе Ведена, есть повтореніе Ахулго и Дарго. Шаги нерѣшительные. Но какъ объяснить вынужденныя поселенія, когда старорусскія и южныя военныя каторги уничтожены и обѣщанъ порядокъ вольности для крѣпостныхъ и кантонистовъ? Понимаетъ ли князь намѣстникъ, что̀ значитъ выслать къ выбраннымъ имъ въ поселенные казаки 1100 семействъ казенныхъ и помѣщичьихъ,—да еще въ возможной скорости—изъ Вятской, Виленской, Московской и др. губерній съ женами, сыновьями и дочерями, теперь въ лѣтнюю рабочую пору, гнать ихъ почти черезъ всю Россію, съ горемъ и скарбомъ, безъ приготовленія, безъ пособія, безъ увѣренія въ устройствѣ будущаго? Скоро-ли правительство оставитъ эти татарскія мѣры? Если оно не стыдится публиковать (Жур. Мин.

Гос. Им. Іюль), что для ознакомленія Киргизовъ внѣшней и внутренней орды оно пригонитъ нѣсколько почетнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ представителей зауральской и внутренней орды, чтобы распространить въ Киргизскомъ народѣ, по разсказамъ очевидцевъ, понятія о величіи Россіи, то неужели прочно величіе, устрояемое такими насильственными казачьими переселеніями? Привлеките поселенцевъ льготами, преміями, судебною ссылкою, пріобщите къ образованію, хотя внѣшнему, дѣтей киргизскихъ,—я въ этомъ усумнюсь, но пойму, а гнать людей къ величію, и тащить семью въ казаки и публиковать объ этомъ въ газетахъ—я не понимаю.

Вотъ она, свобода-то! Освободитесь прежде сами отъ татарской системы управленія.

Богъ мой, люди!

Но не пора-ли и кончить? Ой, пора!

Откупная система умираетъ въ корчахъ. Ей и умереть не дадутъ. Вѣ Пензѣ, Тамбовѣ и Москвѣ крестьяне—еще одни государственные—размечутъ шинки, прибьютъ продавцевъ и готовы добраться до откупщиковъ. Учрежденіе обществъ воздержанія и эти самоуправства составляютъ замѣчательныя явленія. Можетъ быть предписанія генерала Муравьева (немножко нетерпѣливаго, заняться и финансами, и крестьянскими дѣлами), и даны для этого, я не побожусь, но я не могу не замѣтить величайшей несообразности правительства въ этомъ важномъ дѣлѣ, какъ во всѣхъ важнѣйшихъ дѣлахъ и современнаго головокруженія.

Правительство давно знало вопіющія злоупотребленія откупа и въ 1853 г. придумало систему свободнаго соревнованія. Оно получало отъ откуповъ 70 м., расходовало ихъ и не знало чѣмъ замѣнить эту первую статью смѣты доходовъ.

Опасеніе большаго пьянства измѣнило это предположеніе. Откупа на два года оставлены на волю министра Брока и доставили ему, Барщевскому и откупщикамъ такіе милліоны, которые соблазнятъ и не такихъ падкихъ стяжателей.

Вольная или такъ называемая вольная продажа не принята, Брокъ вышелъ изъ Министерства, гр. Орловъ рекомендовалъ своего дѣльца, Княжевича, въ Апрѣлѣ 1858 г. и все давало надежду, что къ Январю 1859 г. можно придумать будетъ другую систему,—тѣмъ болѣе что въ литературѣ появились проэкты, откупъ былъ осмѣянъ, стоптанъ, смятъ не только смѣлыми бойцами новой фаланги, но особенно самими откупщиками и особенно главою винныхъ дѣльцовъ Кокоревымъ.

Общій голосъ раздался противъ откупа. Откупщиковъ ругали,—только не били. Княжевичъ возстановилъ прежнюю систему (съ под-

раздѣленіемъ на округа) и на торгахъ въ Іюнѣ и Іюлѣ къ огромной суммѣ прибавилось еще 30 м.

На эту сумму начались расходы по улучшенію управленія. Новые штаты. Народъ сперва взялся за воздержаніе. Теперь онъ разбиваетъ кабаки.

Все меня удивляетъ въ этомъ дѣлѣ: и оставленіе и возстановленіе системы, которая всѣми отвергается, уже осмѣяна и изувѣрна. И соединеніе гласности съ порядкомъ, который признанъ болѣе нежели недостаточнымъ, вреднымъ и преступнымъ. И согласіи на наддачу въ торговлѣ, нравственно опороченной. И расходы на счетъ этой наддачи, поступленіе которой болѣе нежели загадочно. И взаимныя уловленія министровъ, изъ которыхъ ни одинъ, и достигнувъ поста соперника, не въ состояніи выбраться на чистую воду. И самъ я, который всему этому удивляется.

Да, но для меня и была и есть задача, дѣйствія правительства. Дозволяя осмѣивать и даже чернить, и безъ того очень сѣренькій современный порядокъ въ книгахъ, журналахъ и даже въ народныхъ листахъ, правительство какъ будто не понимаетъ, что убѣжденія эти проникаютъ въ жизнь. И вдругъ встрепенется сила въ Пензѣ, Саратовѣ, ватага крестьянъ начнетъ разбивать кабаки, давнымъ давно разбитые въ грамотномъ народѣ...

Министръ финансовъ Княжевичъ шатается. Откупа гнутъ его. Общее мнѣніе назначаетъ Позена и Валуева.

Я не пожалѣю Княжевича. Одно согласіе его на доклады министра Муравьева объ увеличеніи податей (указъ 23 Февр.) показываетъ, что онъ не имѣетъ никакого понятія о системѣ налоговъ.

Графы Васильевъ и Гурьевъ облагали и управляли по конторскому порядку, считая себя прикащиками отъ хозяина или вотчинника. Знатокъ конторскаго дѣла, приказчикъ капиталиста Перца, гр. Канкринъ ввелъ бухгалтерію. Министры гр. Вронченко, извѣстный наглымъ волокитствомъ, и Брокъ, прикосновенный къ отчаянному взяточничеству, не сдѣлали и этого. Наводнили государство бумажками, возвысили непомѣрно цѣны, уронили курсы и передали все Княжевичу, рекомендованному кн. Орловымъ, которому онъ служилъ акціями и облигаціями.

Что это за налоги?

Въ 1842 г. гр. Киселевъ ввелъ опытъ таксаціи, кадастра, изчисленія доходности, по примѣру удѣла. Въ 1851 г. это пытались примѣнить къ земскимъ повинностямъ. Умный и честный человѣкъ выработалъ бы изъ этого истину, если не вполнѣ удовлетворительную, то раціональную, способную усовершаться. Нечестный льстецъ «будто

бы по указаніямъ государя», а дѣйствительно по смѣлому обѣщанію, за которое дало министерство, приступилъ къ возвышенію податей и десять разъ, не тяготясь повтореніями, докладывалъ о томъ государю, и все лично, иногда въ Совѣтѣ министровъ, никогда черезъ совѣтъ государственный.

Воображаю я, что говоритъ онъ о своихъ предмѣстникахъ, когда онъ пишетъ вотъ что: я возвышаю доходъ на $4^1/_2$ милліона, возстановляя только ошибки. Это возстановленіе теперь такъ перепутываетъ и систему и счеты, что надобно желать для его наказанія, чтобы онъ подолѣе остался на мѣстѣ.

1. «Количество оброчной подати оставлено неподвижнымъ со времени введенія кадастра». Ложь. Кадастръ повторяется періодически. Заслуга уже и въ томъ, что нераціональная подушная система примѣнена къ доходу.

2. «И при томъ разлагалась на все количество земель, между тѣмъ какъ при многихъ селеніяхъ есть излишнія». Разумѣется, потому что количество не было извѣстно, да и теперь едва ли извѣстно. При томъ же земли безъ цѣны—даже обмежеванныя и недоимки огромныя даже при малыхъ податныхъ размѣрахъ.

3. «Лѣсной налогъ, вопреки повелѣнію 1847 г. обращенъ на покрытіе части податныхъ сборовъ, а не въ государственный налогъ». До 1847 г. никакого налога (да это и не налогъ) лѣса *крестьянскіе* принадлежали крестьянамъ на правѣ указа 1832 г. съ устройствомъ лѣснаго управленія и увеличеніемъ общественнаго сбора, при переложеніи податей: Инструкція, 1848 г. ст. 265, 1851 г. ст. 268, половина лѣснаго дохода обращена на покрытіе общественнаго сбора (это—нѣсколько копѣекъ). Да и прежде за валежникъ и буреломъ брали половину, какъ тоже и въ западныхъ губерніяхъ за отводимые селеніямъ лѣса. Уже и мѣра 1847 г. была нарушеніе, а вы что дѣлаете?

4. «Кадастръ произведенъ неудовлетворительно». Разумѣется. Устрой лучше.

Вотъ что обѣщаетъ генералъ Муравьевъ и что подписалъ д. т. с. Княжевичъ:

а) Отъ увеличенія подушной подати по 10 ревизіи.. 562,834 р.

Это не заслуга. Народъ умножился.

б) Отъ увеличенія оброчной подати:

1. Въ неокадастрованныхъ губерніяхъ, отъ прибыли душъ.............................. 649,003 р.

Тоже не заслуга; вопросъ: какъ вынесутъ?

2. Въ окадастрованныхъ: отъ возвышенія оброка по числу душъ 10 ревизіи.......... 1.197,723 р.

Есть-ли тутъ какой-нибудь смыслъ: кадастровый оброкъ по числу душъ? Кадастръ начался при 8 ревизіи, а вы разлагаете по 10-й? Да кто же мѣшаетъ вамъ повторить оцѣнку, въ Петербургск., Воронеж., Пензенск., гдѣ и сроки наступили? Зачѣмъ вы искажаете систему?

Отъ сбора за лѣсъ................	297,148 р.
Отъ сбора излишнія за земли.......	82,076 р.

Посмотримъ, какъ это окупится. Противъ основаній этого послѣдняго сбора при кадастрѣ спорить неумѣстно. Но не обезпокоится-ли владѣніе и исполнить-ли отдѣлъ земель?

в) Отъ возвышенія оброчной подати по 19 губерніямъ 577,648 р.

Если нужны деньги и благосостояніе крестьянъ вамъ извѣстно, то возвышайте налогъ. Но почему же съ одного сельскаго сословія?

г) Отъ общественнаго сбора:

Остатковъ........................	227,000 р.
Расходовъ казначейства, на него принимаемыхъ..................	275,000 р.

Что это за различіе бухгалтера: остатки и расходы на общественный сборъ принимаемые? Говорите яснѣе: *излишки* общественнаго сбора. Но кто же беретъ *слишкомъ*?

д) Увеличеніе дохода за право питей въ запад. губ.	279,323 р.
е) Отъ другихъ возвышеній (это на случай дефицита)	77,807 р.
Итого. . . .	4,225,562 р.

Я ропщу не на возвышеніе, но на недобросовѣстность такихъ докладовъ и на личныя распоряженія въ дѣлѣ, вездѣ составляющемъ предметъ первой важности.

О возвышеніи окладовъ по губерніямъ неокадастрованнымъ послѣдовалъ указъ, а о безсмысленномъ смѣшеніи кадастра и ревизіи нѣтъ указа. Оно совершится по «высочайшимъ указаніямъ».

Вотъ открытъ и памятникъ Николаю I. Конь поставленъ смѣло, матеріалы богаты, но памятникъ пестръ, слишкомъ высокъ, слишкомъ военный, и вообще нравится весьма немногимъ, если только кому-нибудь нравится, кромѣ казначейства и строителей, принявшихъ на себя трудъ почтить, вмѣсто общества и потомства, память государя, доселѣ

памятнаго своею нетерпимостію, самоувѣренностію и наружнымъ блескомъ.

Торжество было большое, стеченіе народа, публики и войска, служеніе у портала собора, громъ артиллеріи на Невѣ и на площади, шествіе двора (небольшаго, хотя на этакихъ площадяхъ все будетъ мало, и болѣе нежели небольшаго, по отсутствію вдовы, старшей и всѣхъ дочерей покойнаго и его ближайшихъ служителей, Клейнмихеля, на памятникъ которому объявленъ сборъ въ газетахъ, даже малѣйшихъ нѣмецкихъ принцевъ) прекрасный день (25 Іюня) представляли, если не праздникъ, то необыкновенный парадъ.

Желательно, чтобы этимъ актомъ государь, по крайней мѣрѣ, покончилъ свои восхваленія о «незабвенномъ», о «благодѣтелѣ», которыя только раздражаютъ противное мнѣніе.

Франція и Австрія, послѣ Сольферино, 26 Іюня, заключили перемиріе на 5 недѣль. Это трудно понять. Заговорила Европа (т. е. Англія), заворошилась Германія (т. е. Пруссія), и Французскій диктаторъ написалъ письмо Францу Іосифу. Для перемирія такой срокъ слишкомъ дологъ. Это миръ. Но нарушеніе европейскаго права развѣ отъ этого перестанетъ быть нарушеніемъ? Суетная Франція, пожертвовавъ такъ много, развѣ удовольствуется побѣдами Мадженты и Каверіано? Возстаніе Италіи развѣ этимъ успокоится? Не будутъ-ли всѣ еще болѣе въ ложномъ положеніи, открывая болѣе и болѣе правъ и свободы демократіи, унижая Итальянцевъ, ожидавшихъ полнаго успѣха, возбуждая Австрійцевъ, уже и независимо отъ безуспѣшности очень недовольныхъ внутреннимъ управленіемъ, обманывая Нѣмцевъ, вѣроятно, приписывающихъ эту перемѣну своимъ воинственнымъ возгласамъ? Даже Англія и особенно Россія не сведутъ своихъ счетовъ.

Архи-революціонеръ, Наполеонъ III сближается съ новымъ порядкомъ, который болѣе чуствуется нежели осязается, и сблизясь кидается на сторону закона и преданія. Новый порядокъ — это избирательная монархія и республика союзовъ національностей. Онъ не примиримъ и не согласимъ съ существующимъ. Наполеонъ хочетъ его организовать,—но для этого нужно болѣе собственной внутренней силы и поменѣе династическихъ стремленій. Нерѣшительность подмываетъ личности и дѣлаетъ недовольными какъ терпящихъ, такъ и ожидающихъ.

Читаю я «объяснительную записку» и 1 часть «проекта военно-уголовнаго устава о наказаніяхъ»—трудъ бывшаго сановника при гр. Сперанскомъ, потомъ оберъ-прокурора и теперь сенатора Ив. Христіан. Капгера (зятя бывшаго статсъ-секретаря при Сперанскомъ, профессора Билугьянскаго). Трудъ плодовитый какъ всѣ, совершаемые подъ вліяніемъ гр. Блудова, — трудъ канцелярскій, какъ иначе и быть не

можетъ при такъ называемомъ «систематическомъ пересмотрѣ законовъ», выдуманномъ учеными реформаторами и принятомъ у насъ съ 1833 г. когда по окончаніи Свода, Сперанскому нечего было дѣлать.

Работа Капгера разослана ко всѣмъ (по примѣру морскаго устава) до полковаго командира и мнѣ приказано сообразить его по отношенію къ корпусу (военнаго устройства) лѣсничихъ. Я не имѣю никакихъ матеріаловъ. Я могъ бы разобрать это сліяніе устава съ уложеніемъ 1845 г. и измѣненія (иногда основательныя, но чаще дѣлаемыя по неточному разумѣнію и неудовлетворительности наказательныхъ учрежденій), допускаемыя редакторами. Я болѣе другихъ имѣю на это правъ и личныхъ способовъ. Но предѣлы моей задачи меня стѣсняютъ; меня стѣсняетъ и опасеніе задѣть въ порицаніи желаніи болѣе охулить, нежели принести существенную пользу. Тѣмъ не менѣе я займусь и постараюсь выразить мои понятія и опытъ для дальнѣйшаго усовершенія этого важнаго дѣла. Оно важно въ высшей степени. Военное наше правительство не знаетъ, что дѣлать съ войскомъ. Войско рвется и мечется, — куда? На каторгу, въ рудники, лишь бы избавиться отъ своего положенія. Каторга есть его нормальное состояніе. Всѣ намѣренія недѣйствительны. Начальство тщетно придумываетъ новые, болѣе широкіе виды, отступаетъ отъ закона, искажаетъ учрежденія, низводитъ судъ—высшій судъ генералъ-аудиторіата—до самаго пошлаго произвола и все не помогаетъ. Надобно пересмотрѣть уставъ систематически.

Кромѣ пополненія устава изъ уложенія и кромѣ соглашенія противорѣчій и несообразностей въ дѣйствующемъ законѣ, — все это полезно и необходимо—редакторы признали нужнымъ *систематически исправить* весь уставъ, *исключить* съ него всѣ *общія преступленія* (исключая мелкихъ, подвергающихся денежнымъ штрафамъ) и, *измѣнивъ виды* наказаній, *сообразно* требованію военнаго состоянія, преимущественно что бы предупредить *уклоненія* отъ *военной службы*, и требованія *военной дисциплины*.

1. Я уже неоднократно говорилъ, что систематическое исправленіе есть законодательство идеальное, a priori, часто мечтательное и почти всегда гадательное. Это вина науки, ея торжество, правда, но и ея злоупотребленіе. Какой нибудь г. Капгеръ или г. Лебедевъ, вооружившись—и замѣтьте, весьма слабо—какими нибудь теоріями, руководствами какого нибудь кригсрата или аудитора Демьянига или Бергмаера, начнутъ измѣнять систему, дѣлать выводы и отвергать то и другое по требованіямъ этихъ теорій и заранѣе придуманной цѣли.

Редакторы порицаютъ уставъ за то, что въ немъ нѣтъ разграниченія наказаній,—что въ немъ не опредѣлены особыя наказанія для

всѣхъ разрядовъ служащихъ, и именно: обязанныхъ срочною рекрутскою повинностію (все въ виду—уклоненіе отъ службы!),—что нѣтъ постепенности, безъ которой уголовныя наказанія строже исправительныхъ (крѣпостныя роты),—что будто бы не объяснено въ чемъ состоитъ лишеніе правъ (какъ будто это не общій законъ), — что наказанія не подраздѣлены на степени;—что нѣтъ замѣна наказаній и др. (Зап. стр. 109—114).

Но что скажутъ редакторы если имъ отвѣтять: да, но первое сдѣлано практикою, если не раціонально, то удобно; второе—важно какъ начало уравнительное, для сословія, въ которомъ основаніе честь, а не повинности; третій, — что практика установила постепенности, и если крѣпостныя работы строже рудниковъ, то это вина исполненія, а не закона и т. п.

Редакторы имѣютъ въ виду примѣръ неудовлетворительной систематики, — это соглашеніе устава, въ 1846 г. съ уложеніемъ 1845 г. тутъ вышли несообразности, потому какъ замѣчаютъ редакторы (стр. 178), при этомъ соглашеніи постановленіе уложенія (о каторгѣ и временной ссылкѣ) не были соображены и общею системою военныхъ наказаній «въ особенности съ крѣпостными ротами».

Повѣрьте, вы дѣлаете тоже. Ошибочно понимая, что переходъ съ каторги на поселеніе (176, 177 стр. и др) или выбывая изъ арестанскихъ ротъ (стр. 173), наказанный будто бы возвращается «въ первобытное состояніе», редакторы путаютъ болѣе нежели генералы-аудиторіатъ въ 1846 г.

Не систематика, а опытъ, повседневный, продолжительный опытъ долженъ служить основаніемъ постепеннаго исправленія.

II. Введеніе общихъ видовъ преступленій въ военный уставъ—не только не нужно, но и едвали возможно. Совершенной полноты отъ этой перепечатки не будетъ, ибо не важныя нарушенія вы сюда не включаете. Общіе законы измѣняются и совершаются своимъ порядкомъ и военный сводъ долженъ будетъ или слѣдить въ своихъ изданіяхъ, за этими измѣненіями или допустить различные законы на одни и тѣ же случаи. Здѣсь остается: указать на эти общія постановленія и означить измѣненія въ примѣненіи ихъ къ военнымъ подсудимымъ. Постарайтесь исправить законъ о военной подсудности, непомѣрно у насъ распространенной, и если нельзя обратиться къ Уложенію 1649 г. то конечно очень можно сократить 45 пунктовъ 761 ст. XV т.

III. При признаніи видовъ наказаній цѣль редакторовъ, какъ сказано выше, предупредить уклоненія отъ военной службы. Это болячка, постоянно дымящаяся рана, для излѣченія которой, кажется имъ, нѣтъ средствъ и для которой они готовы на всякіе изощрительныя истяза-

нія. Соображая объясненія редакторовъ по этому предмету (Запис. стр. 104, 110, 148, 154, 172, 183 passim и мн. др.) нельзя не сказать, что здѣсь уголовный судъ уже истощилъ всѣ способы, ибо не только назначалъ высшія мѣры наказаній, установлялъ новые виды: особое отдѣленіе баталіона № 4 въ Омскѣ (стр. 148), особый порядокъ содержанія, искажалъ законъ произвольными приговорами (стр. 155 и слѣдующ.), и что здѣсь остается обратиться къ тому, съ чего слѣдовало бы начать, т. е. къ облегченію тягости военной службы и къ распространенію въ войскѣ понятій образованности, огражденія и чести.

Уклоненіе отъ военной службы можетъ быть принято обстоятельствомъ увеличивающимъ вину и то только при неважныхъ преступленіяхъ, но дѣлать изъ этого обстоятельства главное основаніе всей системы наказаній едва ли не рубить сукъ, на которомъ сидишь. Это усилитъ отвращеніе, а съ нимъ усилитъ и преступность.

Для достиженія этой цѣли редакторы изъ 3 видовъ каторги принимаютъ только два, и распространяя видъ крѣпостныхъ работъ вынуждены, для предупрежденія накопленія, «чрезмѣрнаго» (стр. 134) замѣняютъ крѣпости рудниками, съ уменьшеніемъ сроковъ, какъ будто срочность здѣсь существенное отличіе и смѣшеніе разнородныхъ преступленій можетъ быть оправдано какимъ нибудь юридическимъ доводомъ. По свѣдѣніямъ 1853 г. въ крѣпостяхъ состояло: каторжныхъ 833; всегдашнихъ арестантовъ 1349, срочныхъ 7700 (въ томъ числѣ 2 т. бродягъ), всего 9882 человѣка. При такомъ накопленіи и смѣшеніи каторжныхъ съ арестантами дисциплинарными и даже простыми бродягами конечно придемъ и къ замѣнѣ низшаго наказанія высшимъ. Во время революціи накопленіе привело даже къ смертной казни.

Вмѣсто всѣхъ изощреній (стр. 179 и слѣд.) отдѣлить неравительныхъ арестантовъ и бродягъ, хотя въ особыхъ неотдаленныхъ крѣпостяхъ поименовавъ ихъ въ законы, и не предоставляя военному Министерству, подраздѣлить виды крѣпостныхъ работъ по порочности и строгости на степени не удержать всѣ виды каторги—думаю я—будетъ ближе къ дѣлу.

Размѣры наказаній, понижаемые до $^1/_3$ и даже до $^1/_2$ весьма широки и въ рукахъ хорошихъ судей это много будетъ способствовать соотвѣтствію взысканій. О раздѣленіи наказаній и о тѣлесномъ въ особенности я поговорю по подробнѣе,

Вотъ первое впечатлѣніе произведенное на меня чтеніемъ записки г. Капгера.

Послѣ побѣдъ при Монтебелло, Маджентѣ и Сольферино и послѣ свиданія въ Вилло-Франкѣ, постановленъ миръ въ Ванеджіо. Подъ пред-

сѣдательствомъ Папы учреждается союзъ Итальянскій. Ломбардія отходитъ передается изъ рукъ въ руки Сардиніи, Венеція входитъ въ союзъ. Итальянская кампанія кончилась,—нѣтъ, она только начинается. Озлобленный противъ всѣхъ, Францъ-Іосифъ уступилъ Ломбардію завоевателю, сила ломитъ и завоеватель учреждаетъ свои порядки. Гдѣ же тутъ европейское право, гдѣ народное? Наполеонъ перепугался и Нѣмецкой коалиціи и революціонныхъ надеждъ и собственнаго отсутствія изъ Франціи. Австрія поступила ловко: удержать Ломбардію она не могла и едва ли хотѣла. Она ее бросила, и сблизясь съ сильнымъ поставила въ ложное положеніе и Россію и Пруссію и даже Англію. Теперь Наполеонъ, если внутри не будетъ связанъ, начнетъ помышлять объ отмщеніи Пруссіи. Памятны ему и возгласы лордыхъ. Да, но стоила-ли игра свѣчь? Какія страшныя пожертвованія людьми и деньгами, настоящимъ и будущимъ? Что это за союзъ съ Папою и Императоромъ, съ Сардиніей, втрое ихъ сильнѣйшей, и со всѣми этими мелкими эрцъ-герцогствами, протестующими противъ самовольныхъ распорядковъ? Согласится ли Австрія на Конгрессъ, что́ будетъ дѣлать этотъ конгрессъ съ дѣломъ рѣшенымъ безъ Европы и безъ Италіи? Промолчать-ли великія державы, согласясь на измѣненія территорій? Гдѣ свобода «до Адріатики»? Вы, г. Кавуръ, вы, принцъ Наполеонъ, найдете-ли ваши счеты?

Я вижу тутъ; паденіе, паденіе и паденіе. Уменьшается Австрія, дѣлается зависима Сардинія, упадаетъ Франція.

Подозрительный народной партіи и монархіямъ, ненавистный высшимъ представителямъ въ самой Франціи, Наполеонъ теряется, безпрестанно вскакиваетъ, безпрестанно опускается, играетъ могуществомъ и покоемъ Европы и измѣняетъ надеждамъ и обѣщаніямъ. Ни чести, ни достоинства, ни даже постоянства въ предательствѣ. Зачѣмъ разбудилъ онъ этихъ Коссутовъ, Мадзини, Клапка, Гарибальди, къ чему это неблаговидное сближеніе съ Россіей и война противъ Австріи?

Грустно смотрѣть. Монархіи отживаютъ. Право готово преобразоваться.

Дорого достается свобода и при самыхъ искреннихъ европейскихъ пожеланіяхъ, и трудно достигаются цѣли при самыхъ благопріятныхъ побужденіяхъ, если нѣтъ или еще нѣтъ необходимыхъ для этого элементовъ, если мнимое назовутъ дѣйствительнымъ. Я говорю не о крѣпостномъ вопросѣ, который поглащаетъ все наше вниманіе; я говорю о вольныхъ людяхъ, изданныхъ учрежденіемъ гр. Киселева. Тяжело читать разсматриваемое мною дѣло объ отдачѣ въ работы крестьянъ неплательщиковъ. Татарское это правило существовало давно, но оно развито и возведено изъ фискальной въ хозяйственную мѣру съ того

времени какъ, подъ вліяніемъ понятій объ общинѣ, ограждаемой попечительствомъ, у насъ узаконенъ и распространенъ порядокъ поземельныхъ надѣловъ и общинной, круговой отвѣтственности, непрепятствуя впрочемъ ни накопленію огромныхъ недоимокъ, ни произвольному обложенію общественныхъ и мірскихъ сборовъ, ни отобранію земель, которыми владѣло общество, волость или такъ называемая община. Дѣло идетъ о западныхъ Губерніяхъ, гдѣ съ уничтоженіемъ аренды и самыхъ фермъ люстрація взялась опредѣлить доходность земель и умѣренный податной процентъ. Кромѣ общихъ правилъ о назначеніи въ работы по уставу о податяхъ (т. V ст, 619 и др.) Министерство съ 1841 г. преподавало наставленіе и формы къ устраненію злоупотребленій и огражденію крестьянъ, но злоупотребленія продолжались и повременныя ревизіи обнаруживаютъ и обнаруживали вопіющіе безпорядки. Въ Маѣ 1857 г. при командированіи ревизоровъ новаго Министра (см. выше), одному изъ нихъ, Плансону, я особенно говорилъ о кабалѣ работъ, и представленныя свѣдѣнія, подтвердили основательность заботливаго описанія Министерства. Въ губерніяхъ Виленской, Гродненской и Минской несчастные крестьяне терпѣли не менѣе негровъ плантаторовъ. Подъ предлогомъ недоимокъ ихъ тысячами гоняли на работы и циркуляры Министерства 19 Декабря 1841 г. 16 Октября 1842, 17 Декабр. 1844 и проч. и нормальные контракты не только не предупредили стѣсненій, но даже утвердили ихъ, такъ что попечительство обратилось въ эксплуатацію, а безъ попечителей жиды и спекуляторы привели къ кабалѣ. Изъ Виленскаго и Свенцанскаго округовъ выслано было, въ теченіе 10 лѣтъ, болѣе 11 т. рабочихъ въ отдаленныя мѣста, и изъ нихъ 2,805 умерло на работахъ, 546 въ годъ возвращенія; 25 человѣкъ или цѣлый годъ въ городнищинскій сахарный заводъ и заработали 56 р. 22 к. Изъ 42 умерло 12, бѣжало 14, пришло домой 16. На бѣду крестьянъ въ западномъ краѣ производились и производятся обширныя работы. Вліяніе попечительства приводитъ и къ такимъ послѣдствіямъ: по Ковенской губерніи палата нашла цѣны на дорожные работы низкими и въ 1846 г. запретило заключать контракты; томимые голодомъ, по случаю неурожая въ Поневежескомъ уѣздѣ, 586 крестьяне вышли на работы, съ подложными паспортами, подъ именемъ крѣпостныхъ помѣщика Войтвиллы, началось дѣло и въ 1857 г. по указу Сената приказано крестьянъ наказать розгами, а Войтвиллу лишить правъ и сослать въ Сибирь. Здѣсь попечительство пошло далѣе нужнаго, а гдѣ оно нужно, при огражденіи крестьянъ въ слѣдующей уплатѣ, тамъ, изъ вѣдомостей палаты видно, что крестьяне ищутъ и уже въ общихъ судахъ.

По губерніямъ:

Гродненской	9918 р.	начиная	съ	1841	г.
Волынской	7362 »	»	»	1847	»
Виленской	5872 »	»	»	1845	»
Минской	5661 »	»	»	1841	»
Могилевской	5166 »	»	»	1842	»
Витебской	9011 »	»	»	1823	»

Мрутъ какъ мухи, удовлетвореніе получаютъ ничтожное или ищутъ его съ 1823 г. Любознательность будущаго изслѣдователя найдетъ много пищи въ нашемъ управленіи, но если оскорбится человѣческое его чувство, да не подумаетъ онъ, что мы были равнодушны къ этому состоянію несчастныхъ крестьянъ. И при своемысліи генерала Муравьева, исключительно занятаго бездоимочной податью, возвышенной имъ на 5 м. р., мы мы не остановились въ выраженіи порицательнаго мнѣнія нашего вообще объ этой мѣрѣ, доводящей до послѣдствій возмущающихъ душу.

Статсъ-секретарь Валуевъ въ прошедшемъ Январѣ представлялъ министру: отмѣнить (т. 2, ст. 5081 и соотвѣт.) право обществъ отдавать въ работы, предоставивъ его, по просьбѣ обществъ, въ необходимыхъ случаяхъ, чинамъ управленія подъ личною ихъ отвѣтственностію.

Я съ этимъ согласиться не могу. Это еще болѣе развяжетъ руки управителямъ, которые нынѣ, по крайней мѣрѣ, прикрываются хотя мнимыми, но подлежащими учету и обличающими дѣйствіе приговорами. Держась общаго правила улучшать, а не отмѣнять законъ, я думаю развить то предположеніе, которое изложено въ донесеніи моемъ 18 Октября 1857 г. о мѣрахъ взысканія, и допуская отдачу въ работы, обставить это *крайнее* средство законными условіями, при которыхъ оно не имѣло бы нынѣ замѣчаемыхъ недостатковъ, и исчисливъ преподанныя для понужденія плательщиковъ мѣры, развить правило, выраженное въ §§ 323 и 324 Инструкціи о переложеніи податей, т. е. отбирать земли и общинное управленіе замѣнять хозяйственнымъ, и сверхъ того назначать въ работы, съ дозволенія палаты, такихъ злостныхъ неплательщиковъ, о которыхъ общество разсуждало и постановило приговоры за 6 мѣсяцевъ до послѣдняго срока.

Окруживъ этими формальностями, я надѣюсь сократить дѣйствіе закона и устранить произволъ управителей, входящихъ въ сдѣлки съ жидами и жидовствующими.

Я не знаю какъ смотрятъ на Божій свѣтъ кн. Орловъ, гр. Панинъ и tutti quanti, читая: 1) обличительную литературу, 2) поло-

женіе дворянскихъ комитетовъ и собраній и 3) мнѣніе губернаторовъ о преобразованіи управленія (уѣздные начальники, мировые судьи и проч.). Точно прорвалась плотина и вода хлынула и топитъ все, безъ разбора, безъ приготовленій, безъ толку. Честь и слава правителямъ, доведшимъ и писателей, и сословія, и самое управленіе до такого положенія. Грустно, тяжко и досадно. Но не менѣе грустно и то что въ этихъ самихъ проявленіяхъ, дерзкихъ до цинизма, столько незрѣлаго, произвольнаго и русско-татарскаго, прикрывающагося европейскимъ навыкомъ, что исполненіе всѣхъ желаній и проектовъ развѣ увеличитъ безпорядокъ, а не устранитъ злоупотребленія существующаго.

Обличительная литература, родившаяся отъ натуральной школы, началась преимущественно съ «Очерковъ» Салтыкова-Щедрина, и дошедшая до идеаловъ «тысячи душъ» Писемскаго и «Обломова» Гончарова, начинаетъ умолкать. Она пошла далѣе сатиры и, послѣ пасквилей пришла къ явнымъ извѣтамъ и клеветѣ, указывающихъ на необходимость вмѣшательства полицейской защиты. Достаточно указать на дѣла Иллюстраціи—о жидахъ, Нефедовскаго—о Кокоревѣ, Хрущова—о поборахъ. Были грубыя попытки торговать гласностію, безкорыстно—въ Русс. Днев. о столоначальникѣ управы, и корыстно — Любимова и Нефедова о Кокоревѣ. И многое другое. Литература кончила свое дѣло. Она совершила его усердно, но безуспѣшно «котъ Васька—воръ» мало обращалъ вниманія на слова. Она была неопытна и не умѣла и не могла отличить зла, которое для нея недоступно по тайнѣ, глубинѣ или высотѣ.

Дворянскіе комитеты составлены изъ лучшихъ представителей дворянства, хотя имена многихъ изъ нихъ звучатъ докторами, аптекарями и управителями. Всѣ губерніи (кромѣ Московской, желавшей, въ адресѣ, улучшить быть согласно съ мѣстными условіями) получили благоволительные рескрипты. Ни въ одной не было ни желанія, ни искренней готовности не только вызваться, но даже согласиться на вынужденную мѣру. Въ положеніяхъ комитетовъ, большею частію несистематическихъ, хотя писанныхъ по данной программѣ, часто малограмотныхъ, (напр. Пензенскаго) и даже въ лучшихъ, принадлежащихъ меньшинству, выражается одно изъ двухъ: или восхваляется жертва, самопожертвованіе или необходимость. Почти всѣ ссылаются на недостатокъ свѣдѣній и на краткость срока. Почти всѣ обошли многіе существенные вопросы. Ни одинъ не согласился съ литературою въ хозяйственной пользѣ реформы. Разсужденія собраній отличались эксцентричностію, даже дикостію. Но на серьезный протестъ не рѣшился никто; въ губерніи, въ имперіи и слѣда нѣтъ духа корпораціи. Въ массѣ, въ большинствѣ мѣстностей никто не вѣритъ дѣйствительной исполни-

мости мѣры. Никто не далъ себѣ отчетливаго о сознанія въ важности послѣдствій ея; всѣ, и правительство, и владѣльцы руководимы страхомъ, недовѣріемъ, личными взглядами. Многіе, разорившись, ожидаютъ поправленія своихъ дѣлъ. Немногіе надѣятся получить значеніе англійской аристократіи.

Главный недостатокъ комитетовъ — отсутствіе представителей крестьянъ. Потомъ разорительность реформы для мелкопомѣстныхъ и непримѣнимость ея къ дворовымъ людямъ. Безсрочность великой мѣры есть великій порокъ оной.

Комитеты правительственные многочисленны. Одинъ подъ предсѣдательствомъ гр. Адлерберга—объ уравненіи крестьянъ. Онъ сдѣлалъ кой-что, уравнявъ удѣльныхъ съ казенными, но очень боится дать имъ въ собственность земли. Удѣлъ сольется съ казною. Другой, въ министерствѣ имуществъ, еще ни чѣмъ не разрѣшился. Многоразличные виды крестьянъ остаются тѣже. О земляхъ поминаютъ, но съ сохраненіемъ прогрессивнаго оброка. Третій, и это теперь важнѣйшій, при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ—административный, подъ предсѣдательствомъ Левшина, и потомъ Милютина. Этотъ комитетъ начерталъ общія черты, по совѣтамъ Ростовцева и Муравьева и по мыслямъ Левшина, общія начала полицейскаго управленія и мироваго разбирательства. Основанія сіи были сообщены губернаторамъ и представленныя ими свѣдѣнія разобраны и соображены чиновниками: Милютинымъ, Жеппэлемъ, Лоде, Калмыковымъ, Соловьевымъ, Шульцомъ, Колошинымъ и др. и выводы ихъ внесены въ коммиссію, и затѣмъ кн. Орловъ, согласно съ этими соображеніями, объявилъ 25 Марта высочайшую программу новаго управленія. Она заключается въ слѣдующемъ:

1. Городская и земская полиція соединяются въ полицейское управленіе подъ начальствомъ уѣзднаго исправника (VII кл. 1500 р. содерж.) съ помощникомъ (VIII кл. 1000 р.) и становыми приставами (которыхъ въ 45 губерніяхъ, въ 465 уѣздахъ,—всего 1257, и изъ нихъ круглымъ числомъ на станъ приходится народу въ Архангельск.—7165 человѣкъ, Олонецк. — 8377, Витебск. — 9180, а въ Воронеж.—28603; Симбирск.—30982, Саратов.—36797).

2. Слѣдственная часть отдѣляется отъ исполнительной и поручается слѣдственнымъ приставамъ.

3. Опредѣленіе и увольненіе всѣхъ предоставляется начальнику губерніи.

4. При введеніи крестьянскаго положенія и вообще опредѣлить случаи, когда начальники губерній могутъ дѣйствовать именемъ государя.

5. Для разбора недоумѣній и споровъ между помѣщиками и крестьянами, учреждаются *мировые* судьи и уѣздныя *расправы*. Мировые судьи

избираются крестьянами изъ кандидатовъ по составленному дворянствомъ и утвержденному губернаторомъ списку и утверждаются губернаторами. Они получаютъ отъ 500 до 1000 р. Должность не имѣетъ класса. Изъ нихъ губернаторъ избираетъ въ предсѣдатели уѣздной расправы, гдѣ присутствуютъ и засѣдатели, избранные выборщиками изъ крестьянъ. Всѣ выбираются на 3 года.

6. И проч. предположеніе объ инструкціяхъ и разграниченіяхъ.

Все это хорошо. Теперь собраны дѣльные люди и заняты составленіемъ положеній,—но 1) развѣ это улучшитъ чиновниковъ, увелича неномѣрно число ихъ? Нѣтъ. Дайте служебный уставъ. Безъ него ни конституція, ни гласность не помогутъ произволу; но 2) вся рѣчь о дворянствѣ и его предводителяхъ, а гдѣ это дворянство? Оно праздно любиво, мало образовано, бѣдно, любитъ нажитки, потеряло крѣпостное право и живетъ на огромныхъ пространствахъ, гдѣ спорящихъ мирить и виновныхъ судить надо вдругъ въ 10 мѣстахъ; но 3) выборы, выбираютъ—да развѣ вамъ неизвѣстно, что такое выборы?

Очевидно, что писали чиновники и при томъ удаленные отъ дѣйствительныхъ нуждъ краевъ.

МОЛИТВА ГОГОЛЯ.

Къ тебѣ, о Матерь Пресвятая,
Дерзаю вознести мой гласъ,
Лице слезами омывая:
Услышь меня въ сей скорбный часъ,
Пріими теплѣйшія моленья,
Мой духъ отъ золъ и бѣдъ избавь,
Пролей мнѣ въ сердце умиленье,
На пути спасенія наставь;
Да буду чуждъ своей я волѣ,
Готовъ для Бога все терпѣть;
Будь мнѣ покровомъ въ горькой долѣ;
Не дай въ печали умереть.
Ты всѣмъ прибѣжище несчастнымъ,
За всѣхъ молитвенница насъ,
О защити, когда ужасный
Услышимъ судный Божій гласъ,
Когда раскроютъ вѣчность, время,
Гласъ трубный мертвыхъ воскреситъ
И книга совѣсти все бремя
Грѣховъ моихъ изобличитъ.
Стѣна Ты вѣрныхъ и ограда,
Къ Тебѣ молюся всей душой,
Спаси меня, моя отрада,
Умилосердись надо мной!

Сообщено мнѣ Іеромонахомъ Гефсиманскаго Скита, о. Исидоромъ (Грузинскимъ), родомъ изъ с. Лыскова, братъ котораго былъ камердинеромъ въ домѣ гр. А. П. и А. Г. Толстыхъ, (на Никитскомъ бульварѣ), гдѣ умеръ Гоголь.

А. А. Третьяковъ.

ОПРОВЕРЖЕНІЕ Г. УСТИМОВИЧА.

Милостивый Государь!

Въ № 6 за сей 1897 годъ Вашего историческаго журнала напечатанъ Николаемъ Браилко воспоминаніе относительно моей личности и Особы Императора Николая I о такомъ фактѣ, котораго вовсе не существовало.

Г. Браилко повѣствуетъ, что именно 1855 г. (когда уже Государя Николая I въ живыхъ не было) *) ему Браилко помнится такое событіе за бытность мою въ училищѣ Правовѣдѣнія. Когда мнѣ было 13—14 лѣтъ и воспитанниковъ училища распустили какъ-то послѣ обѣдни, *я направился чрезъ Прачешный мостъ по дворцовой набережной, гдѣ* я съ *Государемъ встрѣтился.* При отдачѣ мною чести Его Величеству, когда я (по выраженію г. Браилко) *вытянулся во всю свою длину* (словно я змѣемъ былъ какимъ-то) Государь спросилъ меня: „*правовѣдъ*"? а я „*протянулъ*": точно такъ Ваше Величество! Затѣмъ Государь спросилъ меня: „хочешь въ военную службу"? По словамъ г. Браилко я отвѣтилъ *медленно и вяло*: „*нѣтъ не хочу Ваше Величество*", на что будто Государь „*добавилъ*": *ну такъ поди и скажи своему директору, что ты дуракъ*", а я на это отвѣтилъ: „*слушаю*" и *медленнымъ шагомъ* отправился въ училищѣ. Тамъ по словамъ того же г. Браилко „*я былъ надолго лишенъ отпуска*" ибо *Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій долженъ былъ за меня извиняться передъ Государемъ* и пр. Долгомъ считаю заявить Вамъ, Милостивый Государь, что все Николаемъ Браилко изложенное, вымышленно, кѣмъ я не знаю,—но вотъ что было на самомъ дѣлѣ.

Въ 1854 году по случаю войны Россіи съ Турціею, какъ извѣстно, Петербургская молодежь чрезвычайно увлекалась патріотическимъ стремленіемъ драться и проливать кровь за Вѣру, Царя и Отечество. Число подававшихъ Государю даже на улицѣ прошенія о принятіи въ военную службу до того, какъ видно, увеличивалось, что вышло распоряженіе по высочайшему повѣленію объявленное, не утруждать Государя подобными прошеніями на улицѣ и обращаться съ таковыми по начальству. Я также зналъ это распоряженіе.

Однажды, насколько помню, на Страстной недѣлѣ, проходя мимо Зимняго дворца, увидѣлъ я у собственнаго подъѣзда Его Величества стоитъ царская коляска, при которой кажется никого не было, кромѣ замѣченныхъ мною, какого-то полицейскаго и конюха. Тогда я, желая имѣть счастье ви-

---

*) Николай Павловичъ скончался 18 Февраля 1855 года. Ред.

дѣть поближе Его Величество, сталъ возлѣ коляски, какъ разъ противъ двери, изъ которой долженъ былъ выйти Государь. Я былъ конечно въ форменной одеждѣ: въ шинели и треуголкѣ, и въ лѣвой рукѣ у меня была книга. Первымъ вошелъ въ коляску Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ, а потомъ Государь въ металлической, кажется, конногвардейской каскѣ. Я стоялъ не отнимая правой руки отъ шляпы по положенію и пристально смотрѣлъ на Государя. Вдругъ Государь произнесъ строгимъ голосомъ, обращаясь видимо ко мнѣ: *„ужъ не на службу ли проситься?“* Я отвѣтилъ: *„Нѣтъ Ваше Императорское Величество.“* Я хотѣлъ было прибавить почему я такъ близко подошелъ, но я нѣсколько смутился, а Государь милостиво и словно улыбаясь поклонился, приложивъ руку къ каскѣ,— и коляска отъѣхала. Прошло послѣ этого нѣсколько дней, и когда я явился къ заутренней на Пасху въ училищѣ Правовѣдѣнія (это было обязательно для всѣхъ), то только тогда я доложилъ директору училища А. П. Языкову о сдѣланномъ мнѣ Его Величествомъ вопросѣ и моемъ отвѣтѣ. Не смотря на всю строгость Директора, я не слышалъ отъ него при этомъ ни слова хотя бы какого-либо упрека. Напротивъ, отвѣтъ мой считался нормальнымъ и другого отвѣта послѣ объявленнаго воспрещенія проситься у Государя на службу на улицѣ я и дать не могъ, еслибъ я даже, въ возрастѣ 13—14 лѣтъ и желалъ высказать несообразную просьбу о поступленіи въ военную службу въ то время, когда надо было учиться и учиться.

Прокопій Устимовичъ.

29 Іюня 1897 г.
Пески Полтавской губ.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОЙ КНИГИ

«РУССКАГО АРХИВА»

1897 года

(выпуски 5, 6, 7 и 8).